

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1910.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ЮНЬ.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.

1910.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

АПРѢЛЬ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Два года,—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ. Николая Полевого.	3—25	XII. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. (Великій князь Николай Михайловичъ. „Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I.“ т. III. Сиб. 1909). В. В. Тимощукъ.	159—176
II. Бой на Кушитѣ 18 марта 1885 г. и территориальныя приобрѣтенія въ царствованіе Императора Александра III.	26—44	XIII. М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. А. Е. К.	177—184
III. По поводу статьи „По Вальтеръ - Скотту. А. Жаркевича.“	45—47	XIV. Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года. (Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845). Сообщилъ В. М. Колубакинъ.	185—201
IV. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г. Е. А. Рагозиной.	49—65	XV. Изъ давно прошедшаго. (1876—1879). Л. Богаевского.	202—208
V. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.). Ивана Янжула.	67—101	XVI. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера.	209—243
VI. Киньжоускій бой. А. В. Фока.	102—110	XVII. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
VII. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М.	111—126	а) Всеподданнѣйшее прошеніе потомковъ Дмитревскаго. Сообщ. В. А. Алексѣевъ.	48
VIII. Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. П. Бахтинну. Сообщ. А. Чебышевъ.	127—137	б) Баталіонная дѣвка въ походъ. Сообщ. Мих. Соколовскій.	66
IX. По поводу статьи А. Н. Витмера „К. В. Левицкій“. М. Газенкамфа.	138—140	XVIII. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
X. Наброски изъ моей жизни. С. П. Зыкова.	141—154	XIX. Книжки, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 ноября по 3 декабря 1909 г. (на оберткѣ).	
XI. В. О. Ключевскій. (Къ тридцатилѣтію его научно-преподавательской дѣятельности). И. Бороздина.	155—158		

Приложенія: 1) Портретъ Павла Яковлевича Дашкова; 2) карта боя 18 марта 1885 года у моста Ташъ-Кепри; 3) карта пограничной съ Авангпстаномъ части Закаспійской области; 4) планъ боя подъ Цашъычюу.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1910 года.

Библиографическій листокъ.

Н. Побѣдоносцевъ. Доблесть русскаго воина.

Подвиги мужества, проявленные во время минувшей войны. Петербургъ 1910 г.

Въ то самое время, когда въ теченіе японской войны нашъ главнокомандующій, подчиняясь инициативѣ своего противника, все отступалъ и отступалъ, въ это самое время наши офицеры и солдаты, теряя по 75—80% своего состава, творили великіе подвиги. Поэтому намъ кажется, что обязанность каждаго русскаго историка этой злосчастной войны заключается въ надлежащемъ подборѣ и выясненіи, въ числѣ другихъ данныхъ, и этихъ геройскихъ дѣяній.

Въ этомъ отношеніи особенно выдается книжка г. Побѣдоносцева „Доблесть русскаго воина“, рельефно излагающая подвиги нижнихъ чиновъ 145-го пѣх. Новочеркасскаго Императора Александра III полка, а также—и другихъ полковъ въ японскую войну.

Е. В. Коршъ. Двадцать лѣтъ на желѣзныхъ дорогахъ 1889—1909 г.г.

Въ настоящей книгѣ прекрасно излагаются современная организація желѣзнодорожныхъ управленій, служба на желѣзныхъ дорогахъ, рисуются какъ живые различные желѣзнодорожные дѣятели и совершенно отчетливо намѣчается неотложный рядъ реформъ, которымъ должна подвергнуться организація управленія желѣзныхъ дорогъ. Книга написана прекраснымъ языкомъ и съ большимъ интересомъ прочтется во всѣхъ кругахъ.

1-й Армейскій корпусъ въ войну съ японіей 1904—1905 г. Первый выпускъ.

Въ этой книгѣ изложены событія похода по интереснымъ дневникамъ, запискамъ и письмамъ участниковъ съ прекрасно выполненными фотографическими снимками.

В. Яковлевъ. Оборона современныхъ долговременныхъ фортвъ въ періодъ ближней атаки. С.-Петербургъ 1910 г.

Авторомъ прекрасно и поучительно изложена оборона фортвъ на основаніи опыта Портъ-Артура. Изданіе снабжено отчетливо исполненными планами и фотографіями.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы

съ 12 ноября по 3 декабря 1909 г.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ. Собраніе сочиненій. Т. IV вып. I. Италия и возрожденіе т. II вып. I (1871—1905). Спб. 1909. Изд. Отд. Рус. яз. и словесности И. Ак. Наукъ. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., № 12). 8° (17×24). VII+604 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 11 л. 512 экз.

Журналъ военныхъ дѣйствій 5 пѣхотнаго Сибирскаго Иркутскаго полка въ войну съ Японіей. Съ 29 янв. 1904 по 31 дек. 1905 г. Спб. 1909. Тип. Артели печати. производства (Калашниковскій пр., 7). 8° (18×27). 267 стр. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 200 экз.

Золотухинъ, И. П. Завоеваніе Русскими Забайкалья. Владивостокъ. 1909. Тип. Приморскаго Обл. Правл. 16° (12×17). 26 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянко-Куликовскаго. Томъ I. Вып. 1 и 2. М. 1909. Изд. т-ва Миръ (Знаменка, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (18×27). 160 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 ф. 9 л. по 2.000 экз.

Краткій указатель музея Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса. 1909. Изд. 2-е Тип. Христоделоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (14×20). 132 стр. Вѣсъ 11 л. 1.500 экз.

Николай Михайловичъ В. Кн. Русскіе портреты XVIII и XIX стол. Т. V. Вып. 3. Спб. 1909. Изд. В. К. Николая Михайловича. Тип. Экспедиціи Загот. Госуд. Бумагъ. 4° (35×28). 132 стр.+25 л. портр. Ц. 12 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 18 л. 700 экз.

Павель Яковлевич
Дашковъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Коки** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга** — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Поездка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечнинова**. **П. М. Ковалевскаго**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. **Д. А. Скалоу** — „Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. „Воспоминанія **И. И. Янжула**“. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Вѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Вунге, Деянова, Боголюбова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ф. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика **В. П. Безобразова**“. **Барона А. Э. Штромберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ біографіи **Л. А. Мея**“. — „Письма **П. И. Чайковскаго** къ **И. А. Мельникову**“. **А. А. Чебышева** — „Письма **П. А. Катенина** и **А. Бахтину**“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа **Канкринна**“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Миуской губерніи. **Е. А. Рагозиной** — „Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 гг.“. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ **М. Н. Муравьева** по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ** — „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа **Бенкендорфа**“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. **Ланжерона** 1812 г.“. Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генералъ Морозъ въ русскихъ войскахъ“. „Воспоминанія **Д. Санглена**, Веселовскаго, Леваковскаго, Семенова и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

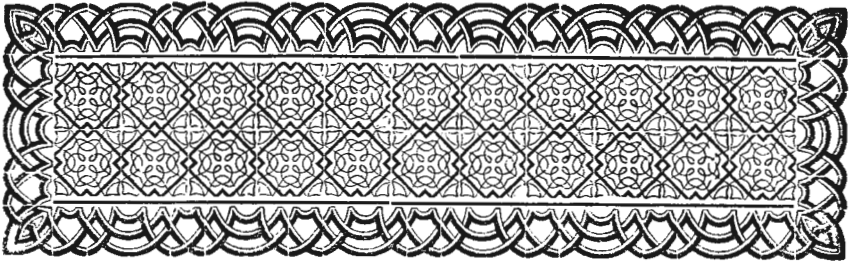
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамилии которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Два года,—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ.

(Окончаніе).

III¹⁾.

Вторая Бобруйская повѣрочная комиссія.

Князь Дивѣвъ очень скоро пріѣхалъ. Я объѣхалъ съ нимъ волости III участка; водворилъ его и отправился въ Минскъ получить тамъ инструкцію для новой дѣятельности моей. Я засталъ въ Минскѣ полный переворотъ въ составѣ администраціи. Губернаторъ Кожевниковъ уѣхалъ; мѣсто его занималъ полковникъ Павелъ Николаевичъ Шелгуновъ. Я явился ему, убѣдился, что это очень любезный молодой гвардеецъ; но указаній онъ и не пытался давать мнѣ, какъ человѣкъ совершенно не знакомый съ крестьянскимъ дѣломъ; а о повѣрочныхъ комиссіяхъ онъ зналъ только по наслышкѣ. Онъ направилъ меня за указаніями къ членамъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ этомъ присутствіи былъ полный переворотъ. Оба безцвѣтные члена губернскаго присутствія получили другія назначенія; а на мѣсто ихъ были назначены Божовскій, бывший предсѣдатель Борисовской повѣрочной комиссіи, и Михаилъ Борисовичъ Тургеневъ, бывший членъ Самарскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, тоже очень симпатичный человѣкъ и уже опытный дѣятель по крестьянскому дѣлу. Готовцевъ, управляющій палаты государственныхъ имуществъ, уже уѣхалъ въ Варшаву, по вызову Н. А. Милютина. Перемѣны были большія, вѣянія новыя.

Божовскій порадовался моему новому назначенію, но отказался давать мнѣ какія-либо указанія, ссылаясь на новизну своего поло-

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

женія въ губернскомъ присутствіи. Онъ напомнилъ мнѣ наши зимніе разговоры и споры, и выразилъ мнѣніе, что доводы, высказанные тогда членами повѣрочныхъ комиссій, на общемъ съѣздѣ, очевидно, признаны въ Вильнѣ правильными. По его словамъ, губернатору Шелгунову поручено: представить объ измѣненіяхъ, оказавшихся необходимыми, въ инструкціи повѣрочнымъ комиссіямъ, и надо полагать, инструкція эта въ очень скоромъ времени будетъ значительно измѣнена.

Въ Минскѣ я встрѣтился съ помощникомъ моимъ, Федоромъ Васильевичемъ Вахрамѣевымъ. Это былъ типичный петербургскій чиновникъ. Онъ кончилъ курсъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, служилъ въ Петербургѣ, кажется, въ казенной палатѣ. Это былъ безусловно честный, порядочный, скромный, добрый и трудолюбивый человѣкъ. Еще въ пути отъ Минска до Бобруйска, мы сошлись съ нимъ настолько, что я предложилъ ему поселиться на моей просторной квартирѣ. Онъ охотно принялъ мое предложеніе, и мы тутъ дружно, мирно прожили съ нимъ два года, вплоть до моего выѣзда изъ Бобруйска. Никогда не было между нами никакихъ споровъ, ссоръ; онъ всегда былъ вѣрнымъ помощникомъ мнѣ, искреннимъ товарищемъ.

Для начала дѣятельности 2-й повѣрочной комиссіи, я выбралъ нѣсколько небольшихъ имѣній, съ обстоятельствами которыхъ я ознакомился, еще будучи мировымъ посредникомъ, разбирая тамъ нѣсколько незначительныхъ жалобъ крестьянъ. Провѣрка уставныхъ грамотъ и составленіе выкупныхъ актовъ прошли спокойно; не было никакихъ значительныхъ возраженій.

Дѣйствія повѣрочныхъ комиссій происходили такъ: комиссія въ назначенный день пріѣзжала въ деревню, гдѣ ее ожидалъ уже собранный сельскій сходъ крестьянъ. Комиссія состояла изъ председателя, его товарища и изъ мѣстнаго мирового посредника. Къ присутствованію при дѣйствіяхъ повѣрочной комиссіи обязательно вызывался помѣщикъ этого имѣнія, или его повѣренный. Прочитывалась уставная грамота; провѣрялось, всѣ ли домохозяева записаны въ ней, правильно ли означены размѣры ихъ участковъ, такъ какъ землевладѣніе въ Минской губерніи было подворное, и не были ли, до составленія уставной грамоты, или послѣ нея, отобраны у крестьянъ какіе-либо участки земли; отобранныя земли надо было возвратить крестьянамъ и включить въ выкупной актъ. Для опредѣленія выкупной цѣны земли крестьянъ, производилась оцѣнка ея, правила которой были указаны въ инструкціи повѣрочнымъ комиссіямъ. Для оцѣнки земли, надо было сдѣлать подробный осмотръ всѣхъ участковъ выкупной земли. Этотъ осмотръ занималъ много

времени и бывалъ очень утомителенъ, если участки земли были раскиданы. Осмотръ земли надо было производить очень внимательно и съ знаніемъ дѣла, потому что цѣна земли опредѣлялась ея качествомъ. Суглинистая пахотная земля цѣнилась дорого, супесчаная дешевле, а совсѣмъ песчаная очень дешево. Сѣнокосы точно также цѣнились очень разнообразно, по качеству травы, растущей на нихъ. Неудобныя земли, то есть топкія болота, сыпучіе пески, исключались изъ оцѣнки и поступали къ крестьянамъ бесплатно, если находились среди ихъ надѣловъ. Въ Великороссіи и Малороссіи мы привыкли, что однообразная почва—суглиномъ, черноземъ, песокъ—тянется на сотни верстъ. При такихъ условіяхъ, оцѣнка много облегчается. Въ Минской губерніи, да и вообще въ Сѣверо-Западномъ краѣ, условія почвы совершенно иныя. Тамъ, на разстояніи одной квадратной версты, можно найдти два, три, рѣзко отличающіеся сорта земли, отъ тяжелой глины до сыпучаго песку. Вслѣдствіе этого, осмотръ надо производить очень подробно, точно. Всѣ эти разнообразные почвы надо опредѣлить, надо каждому клочку назначить свою цѣну. При томъ, земельные надѣлы крестьянъ Минской губерніи рѣдко составляютъ одну сплошную площадь, на цѣлую деревню, какъ у насъ въ Великороссіи, а большею частью раскиданы клочками по разнымъ мѣстамъ. Это еще болѣе усложняетъ осмотръ земель и оцѣнку ихъ. Производя повѣрки этихъ уставныхъ грамотъ, я вполне оцѣнилъ ясность, простоту отношеній крестьянъ къ помѣщику въ нашихъ русскихъ губерніяхъ. Проверку уставныхъ грамотъ Минской губерніи окончательнo затрудняли, дѣлали непріятной враждебныя отношенія, озлобленіе крестьянъ-бѣлоруссовъ къ помѣщикамъ-полякамъ. Это озлобленіе проявилось особенно рѣзко въ двухъ имѣніяхъ: у Ратынскаго, бобруйскаго уѣзнаго предводителя дворянства, и у вдовы помѣщицы, фамилію которой не помню.

Послѣ работъ въ нѣсколькихъ спокойныхъ имѣніяхъ, о которыхъ я упоминалъ выше, я назначилъ повѣрку уставныхъ грамотъ въ имѣніи Ратынскаго. Я полагалъ, что у такого богатаго и высокопоставленнаго лица не встрѣтятся важныя недоразумѣнія. При томъ я желалъ выказать ему уваженіе, почетъ, производя у него повѣрку раньше, чѣмъ у другихъ помѣщиковъ. Оказалось, что всѣ мои расчеты были ошибочны. Изъ того же желанія быть очень вѣжливымъ, я не послалъ ему повѣстки черезъ полицію, а передалъ ихъ ему лично, на его квартирѣ въ Бобруйскѣ. Я объяснилъ ему также, что, будучи мировымъ посредникомъ, никогда не заѣзжалъ къ помѣщикамъ и полагаю дѣйствовать также, какъ председатель повѣрочной комиссіи; но у него лично прошу госте-

примства, какъ у человѣка, котораго положеніе выдающееся. Когда я говорилъ это, на лицѣ Ратынскаго выражалось озлобленіе; ротъ перекосился; но онъ овладѣлъ собою и съ обычною своею приторною любезностью просилъ: непременно остановиться у него, оказать ему эту честь. Поляки вообще люди вѣжливые, потому я никакъ не могъ ожидать, чтобы Ратынскій не разыгралъ съ нами комедію любезности въ своемъ домѣ, какъ и я, конечно не искренно, но по общественнымъ отношеніямъ, ѣхалъ въ его домъ. Къ сожалѣнію, Ратынскій былъ такъ малодушень, что сдѣлалъ повѣрочной комиссіи рядъ невѣжливостей, даже дерзостей, въ отвѣтъ на наше безупречно вѣжливое, почтительное поведеніе.

Прежде всего, когда повѣрочная комиссія пріѣхала въ его имѣніе, онъ не явился на повѣрку уставной грамоты, чѣмъ очень затруднилъ работу повѣрочной комиссіи, такъ какъ крестьяне заявили, что у нихъ отобранъ значительный участокъ сѣнокосовъ. Когда вечеромъ, окончивъ работу, мы заѣхали къ Ратынскому, онъ отвелъ намъ нетопленную комнату, не далъ пообѣдать; постели намъ дали только по настойчивому моему требованію, точно также, какъ чай и нѣсколько ветчины съ хлѣбомъ. Мы такъ оскорбились этимъ издѣвательствомъ, что утромъ, не цивши чаю, уѣхали изъ его дома; но передъ отъѣздомъ, я высказалъ ему: какъ недостойно онъ поступилъ и какое презрѣніе возбудилъ въ насъ. Я разъяснилъ ему, что онъ могъ еще въ Бобруйскѣ сказать мнѣ, что не можетъ или не желаетъ принять насъ; но не имѣетъ права оскорблять насъ, когда мы являемся къ нему, какъ чиновники правительства. Я упомянулъ, что если бъ мы довели до свѣдѣнія М. Н. Муравьева о его поступкѣ, онъ не оставилъ бы его безнаказаннымъ; но мы настолько порядочные люди, что не донесемъ, и ограничимся удаленіемъ изъ негостепріимнаго, неблаговоспитаннаго дома. Ратынскій не ожидалъ такой рѣшительности съ нашей стороны, завилалъ, сталъ увѣрять, что все это произошло по недоразумѣнію, и такъ далѣе.

Мы еще нѣсколько дней провели въ его имѣніи; жили въ избѣ, добыли самоваръ у жида-шинкаря, а обѣдъ намъ готовила какая-то баба; мы были сыты, намъ было тепло, и мы смѣялись, вспоминая, какъ Ратынскій холодомъ и голодомъ изгналъ насъ, простодушныхъ руссаковъ. Происшествіе это не обошлось однако даромъ Ратынскому. Прежде всего, его осудили поляки. Между ними конечно нашлись порядочные люди, которымъ не по сердцу было неблаговоспитанное поведеніе маршалка ихъ; затѣмъ крестьяне озлобились на него и съ остервенѣніемъ рассказывали всѣ его притѣсненія и несправедливости. Повѣрочная комиссія возвратила имъ много земель. Наконецъ, слухъ объ скандалѣ дошелъ до власть имущихъ, и Ратынскому

посовѣтовали удалиться. Это былъ первый и послѣдній мой опытъ сблизиться съ поляками-помѣщиками. Я завелъ себѣ тарантасъ, тройку лошадей, повара, и мы компаніей останавливались въ крестьянскихъ избахъ, волостныхъ правленіяхъ, училищахъ, готовили себѣ постоянно теплую пищу; запасы возили всѣ съ собою.

Другой случай шумной повѣрки уставной грамоты былъ у вдовы-помѣщицы; она явилась въ сопровожденіи ксендза, который заявилъ комиссіи, что владѣлица имѣнія не говоритъ и не понимаетъ по-русски и поручила ему объясняться за нее. Я записалъ заявленіе это въ протоколъ, помѣщица подписала его (по-польски). Начался разборъ уставной грамоты. Крестьяне заявили о рядѣ злоупотребленій помѣщицы: отобраны усадебныя мѣста, луга, пастбище. Когда помѣщица услышала эти заявленія крестьянъ, она набросилась на нихъ, чуть не съ сжатыми кулаками; ругала ихъ неопозволительно. Я пытался остановить ее; она не обращала на меня ни малѣйшаго вниманія. Я попросилъ ксендза унять ее. Онъ съ улыбкой заявилъ, что надо дать высказаться обѣимъ сторонамъ, разъяснить дѣло. Я возразилъ ему, что слышу не разъясненія, а ругань, которую не могу допустить. Ксендзъ съ тою же улыбкою сказалъ, что женщины всегда увлекаются, надо быть снисходительнымъ къ нимъ. Я настойчиво требовалъ, чтобы помѣщица замолчала, такъ какъ она довѣрила свое дѣло повѣренному. Тутъ злая барыня обратила весь свой гнѣвъ на меня, стала укорять меня, что я варваръ, достойный посланецъ изверга Муравьева, и такъ далѣе.

Я приостановилъ разбирательство, послалъ за становымъ приставомъ, благо онъ жилъ не далеко, въ мѣстечкѣ Глужскѣ. Явился становой приставъ, составилъ актъ; я потребовалъ удаленія помѣщицы, такъ какъ она форменно заявила, что довѣряетъ давать объясненія комиссіи ксендзу. Ксендзъ отказывался давать объясненія безъ помѣщицы. На усиленные просьбы его и ручательство, что помѣщица не будетъ болѣе нарушать порядка, я согласился оставить ее; но все-таки пришлось нѣсколько разъ еще, чуть не силою, унимать ее. Жалобы крестьянъ оказались справедливыми; комиссія постановила: возвратить крестьянамъ отобранныя земли. Выслушавъ постановленіе комиссіи, помѣщица опять разразилась руганью, а ксендзъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: что Богъ не прощаетъ жестокосердіе, и что онъ будетъ въ молитвахъ своихъ, передъ алтаремъ, просить Бога защитить обиженную вдовицу. Господь услышитъ его молитвы и обрушитъ свой гнѣвъ на угнетателей слабыхъ.—Плохо ли онъ молился, или правда была на нашей сторонѣ, но рѣшеніе комиссіи, несмотря на обжалованіе, было утверждено; а ксендзъ пострадалъ; объ этомъ скажу далѣе.

Гораздо позже я узналъ, что Ратынскій былъ убѣжденъ, что слухъ объ уходѣ Муравьева справедливъ; а поляки были увѣрены, что съ уходомъ Муравьева вся его система будетъ отброшена, и дѣйствія повѣрочныхъ комиссій будутъ сведены на нѣтъ; ихъ сдѣлаютъ безвредными. Онъ надѣялся оттянуть повѣрку уставныхъ грамотъ у себя въ имѣннн до этихъ блаженныхъ часовъ, а я разрушилъ его надежды. Онъ не явился на повѣрку уставныхъ грамотъ въ убѣжденн, что безъ него нельзя производить повѣрку, и авось она отложится. Что касается негостепрнмства его, то оно произошло отъ упорства жены его, ненавидящей москалей и сознательно устроившей этотъ скандалъ. Увѣряли, что подговорилъ ее къ тому тотъ самый ксендзъ, который такъ неуспѣшно защищалъ сирую вдовицу; онъ былъ въ этотъ день у Ратынскаго и руководилъ гостепрнмствомъ.

Что касается ксендза, то онъ такъ зарвался, что въ слѣдующее воскресенье, послѣ защиты сирой вдовицы, онъ въ костелѣ, въ проповѣди своей, обратился къ присутствовавшимъ крестьянамъ съ выговоромъ за ихъ жалобы на отборъ земель; призывалъ на нихъ кары небесныя за ихъ нехристіанскія чувства къ угнетеннымъ въ эту минуту панамъ и даже будто бы призывалъ всѣ кары небесныя на головы злодѣевъ, которые поддерживаютъ крестьянъ. На другой день балашевичскій волостной старшина явился ко мнѣ, рассказалъ все это и сказалъ, что крестьяне требуютъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Бобруйскъ и донесъ объ этихъ проклятіяхъ военному начальнику. Онъ поѣхалъ, донесъ Полѣнову, и дѣйствительно ксендзъ былъ куда-то высланъ вскорѣ.

Эти два случая столкновенія съ польскими помѣщиками были единственными въ теченіе двухъ лѣтъ службы моей мировымъ посредникомъ и предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи въ Минской губерніи. Оба столкновенія были возбуждены и устроены ксендзомъ, который старался всячески возбудить поляковъ противъ русскаго правительства и запугать русскіхъ чиновниковъ противодѣйствіемъ. Оба случая произошли въ началѣ дѣятельности 2-ой повѣрочной комиссіи, пока поляки не убѣдились, что скандалы эти не испугали комиссію, что она ни въ чемъ не измѣнитъ своего образа дѣйствій, и они этимъ ничего не достигнутъ, а напротивъ, отвѣчать за скандалы приходится имъ же. Узнавши ближе меня лично, поляки поняли, что меня нельзя запугать, я не оробѣю и всегда доведу до конца разбирательство.

Послѣ этихъ двухъ столкновеній, повѣрка уставныхъ грамотъ и составленіе выкупныхъ актовъ шло очень спокойно. Въ нѣсколькихъ имѣніяхъ были также открыты отборы земель у крестьянъ,

но помѣщики сознавали неизбежность возвращенія этихъ земель крестьянамъ и молча подчинялись необходимости. Они, разумѣется, обжаловали всѣ наши рѣшенія въ губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ и даже въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но скандаловъ не устраивали болѣе.

Упомянувъ о стремленіи запугать меня скандалами, расскажу продолженіе попытокъ революціоннаго комитета запугать меня приговорами къ смерти. Первый смертный приговоръ мой былъ врученъ мнѣ на маскарадѣ въ Вильнѣ, когда я любовался мазуркою. Когда я пріѣхалъ въ Бобруйскъ и вступилъ въ должность мирового посредника, я получилъ по почтѣ второе предостереженіе и приказъ революціоннаго комитета: немедленно удалиться обратно въ Россію, подъ угрозой смерти. Къ этому документу была приложена печать, изображавшая топоръ. Я показалъ этотъ документъ военному начальнику Полѣнову; тотъ объяснилъ мнѣ, что печать съ топоромъ принадлежитъ главѣ Минскаго польскаго революціоннаго комитета, бывшему полковнику генеральнаго штаба (кажется) Свенторжецкому; что такое предостереженіе получилъ и онъ, съ мѣсяцъ назадъ, но слава Богу живъ и здоровъ; а черезъ нѣсколько дней, онъ съ сіяющимъ лицомъ объявилъ мнѣ, что угрожавшій намъ топоръ (революціонная кличка Свенторжецкаго) самъ попалъ въ руки русскаго правительства и, вѣроятно, будетъ на-дняхъ разстрѣлянъ. Когда я, по назначеніи меня предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи, возвратился изъ Минска, я нашель на столѣ у себя въ Бобруйскѣ конвертъ, принесенный въ мое отсутствіе какимъ-то неизвестнымъ евреемъ. Въ конвертѣ былъ третій смертный приговоръ, такого же содержанія, какъ первые, съ обозначеніемъ даже дня моей казни. Этотъ приговоръ я уже не предъявлялъ никому, а для памяти хранилъ много лѣтъ. Прошло сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, и я живъ.

Вторая Бобруйская повѣрочная комиссія работала въ 1864 году до поздней осени, пока снѣгъ покрылъ землю и сдѣлалъ невозможнымъ осмотръ угодій. На зиму мы возвратились въ Бобруйскъ, занялись приведеніемъ въ порядокъ сдѣланныхъ нами выкупныхъ актовъ, для сдачи ихъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Приведя въ порядокъ сдѣланныя нами работы, я повезъ выкупные акты въ Минскъ, желая присутствовать при ихъ разсмотрѣніи въ губернскомъ присутствіи и выслушать всѣ новыя вѣянія, тѣ измѣненія въ инструкціи, которыя обѣщаль совѣщательный комитетъ при генералъ-губернаторѣ.

По личному своему составу и по направленію, Минское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе измѣнилось корен-

нымъ образомъ. Божовскій освоился уже въ новой своей должности; Тургеневъ, образованный и опытный дѣятель крестьянскаго дѣла, шель съ нимъ рука въ руку. Предсѣдатель присутствія, губернаторъ Шелгуновъ, не въ силахъ былъ оспаривать что-либо, имъ сдѣланное по незнакомству съ дѣломъ; а губернской предводитель дворянства, Крушинскій, опротестовывала все и тѣмъ окончательно ослабилъ значеніе своего протеста; дѣятельность его была теперь безуспѣшна. Привезенные мною выкупные акты прошли черезъ губернское присутствіе спокойно; всѣ были утверждены. Но новыхъ вѣяній я не нашель; никакихъ исправленій и дополненій инструкции повѣрочнымъ комиссіямъ совѣщательный комитетъ не выработалъ, и дѣло оставалось все при томъ же неопредѣленномъ положеніи, какъ годъ назадъ, послѣ общихъ совѣщаній повѣрочныхъ комиссій при Кожевниковѣ. Повидавшись со всѣми своими знакомыми, потолкавшись въ губернскомъ присутствіи, я возвратился въ Бобруйскъ.

Въ теченіе зимы, мировой посредникъ Васьковъ оставилъ должность свою; на его мѣсто былъ присланъ въ Бобруйскъ Николай Павловичъ Яковлевъ, молодой человекъ, бывшій чиновникъ особыхъ порученій московскаго генераль-губернатора Тучкова. Неопытный по крестьянскому дѣлу юноша этотъ скоро освоился съ крестьянскимъ міромъ и былъ очень полезный мировой посредникъ. Н. П. Яковлевъ былъ человекъ очень общительный, дружески сошелся съ нами; у насъ образовался свой искренній кружокъ — Вахрамѣевъ, князь Дивѣевъ и я. Легче стало жить, незамѣтнѣе прошла зима. Съ первой повѣрочной комиссіей мы мало сходились; да члены ея мало и жили зимою въ Бобруйскѣ; они уѣхали въ Минскъ.

Прошла зима; въ концѣ марта мѣсяца снѣгъ стаялъ настолько, что въ первыхъ числахъ апрѣля 2-ая повѣрочная комиссія приступила опять къ повѣркѣ уставныхъ грамотъ и составленію выкупныхъ актовъ. Это лѣто работали почти исключительно въ имѣніяхъ князя Витгенштейна. Обширныя владѣнія князя Витгенштейна занимали всю западную часть Бобруйскаго уѣзда, къ границѣ Слуцкаго уѣзда; четыре волости: Новодорожская, Осовецкая, Заболотская и Горковская были заняты исключительно имѣніями князя Витгенштейна. Эта вотчина перешла въ родъ князя Витгенштейна отъ польскаго магната Радзивила, дочь котораго вышла замужъ за фельд-маршала князя Витгенштейна. Владѣнія Радзивила находились въ нѣсколькихъ уѣздахъ Минской губерніи, Виленской, Ковенской. У него были сверхъ того драгоцѣнныя вотчины въ Волини, Киевской и Подольской губерніяхъ. Все это несмѣтное богатство оставалось до 1865 года въ томъ же состояніи, какъ оно перешло отъ

Радзивила. Князь Витгенштейнъ не измѣнилъ тамъ ничего; оставилъ прежнюю администрацію, всѣ старинные порядки, всѣ имѣнія и фольварки, сданные въ аренду еще при Радзивилѣ (пане коханку!), такъ и оставались въ арендѣ у тѣхъ же лицъ, переходя по наследству отъ отца къ сыну, внуку; арендная плата оставлялась также до настоящихъ дней та самая, какая была при Радзивилѣ.

Тогдашній владѣлецъ этого богатства былъ молодой, гвардейскій кавалерійскій офицеръ; я сталкивался съ нимъ въ обществѣ, въ Петербургѣ, не одинъ разъ. Безпечный, веселый свѣтскій человѣкъ, онъ не входилъ вовсе въ управленіе своими имѣніями; поручилъ заботу эту своему главному управляющему и требовалъ только, чтобы на всякое его требованіе денегъ ему подавали, сколько ему нужно было въ эту минуту, и чтобы въ лѣсахъ его всегда былъ готовъ тотъ звѣрь и та дичь, на которую онъ выѣзжалъ со своими друзьями.

Для присутствованія при провѣркѣ уставныхъ грамотъ, администрація имѣній князя Витгенштейна командировала въ повѣрочную комиссію двухъ повѣренныхъ, очень приличныхъ и порядочныхъ. Поляки, они объяснялись по-русски настолько, что мы понимали другъ друга. Крупныхъ злоупотребленій въ имѣніяхъ князя Витгенштейна не было; но встрѣчались мелкія, въ которыхъ главная администрація была неповинна, и которыя происходили отъ жадности арендаторовъ и мелкихъ служащихъ. Повѣренные Витгенштейна никогда не оспаривали эти злоупотребленія, но за то они никогда и не помогали намъ разслѣдовать и разъяснять ихъ. Они спорили только противъ оцѣнокъ земли, дѣлаемыхъ повѣрочной комиссіей; но дѣлали это прилично, при подписываніи протоколовъ оцѣнки, и въ протестахъ, подаваемыхъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Переѣзжая изъ деревни въ деревню, мы провели большую часть лѣта въ имѣніи князя Витгенштейна. Если опросы и разбирательства были тамъ просты, то осмотры земель были очень утомительны и занимали много времени. Вся западная часть Бобруйскаго уѣзда, составлявшая имѣніе князя Витгенштейна, была сплошь покрыта лѣсомъ. Да какимъ лѣсомъ! Вѣковымъ, почти не тронутымъ топоромъ! Среди этихъ лѣсовъ были раскиданы деревни. Почва на всемъ пространствѣ была песчаная, а потому пахатныя поля крестьянъ были переложныя, то есть требовавшія послѣ одного урожая отдыха на нѣсколько лѣтъ. Крестьяне разыскивали въ лѣсахъ болѣе удобныя для посѣва ржи земли, снимали съ нея урожай, затѣмъ переходили на другой участокъ, а прежнему давали отдыхать два, три года. Отъ этого пахатныя земли крестьянъ были разбросаны по всему

лѣсу мелкими полянами. Сѣнокосовъ около деревни было мало; они расположены были также по лѣсамъ, гдѣ удобнѣе было. Всѣ эти участки надо было объѣхать, осмотрѣть. Добраться до нихъ въ экипажѣ было трудно; приходилось ѣздить верхомъ, а часто даже пѣшкомъ, утопая по колѣно въ болотахъ.

Одно утѣшеніе, при этихъ утомительныхъ объѣздахъ и обходахъ, было—любоваться дѣвственной, роскошной растительностью лѣсовъ. Тутъ были сотни десятинъ мачтоваго, сосноваго лѣса, дубы въ три объвата, клены, ясени. Звѣрья всякаго въ лѣсахъ этихъ было множество, невѣроятное количество. Охота въ лѣсахъ была строго запрещена, и запрещеніе это, повидимому, соблюдалось; иначе не могло бы расплодиться такое обиліе всякихъ звѣрей. Встрѣтить тамъ медвѣдя было дѣло заурядное. Я видѣлъ даже, какъ медвѣдь, не обращая на меня никакого вниманія, разорялъ площадку на высокой соснѣ, гдѣ стояли помѣщенные туда крестьянскіе ульи съ пчелами; я видѣлъ цѣлое бобровое селеніе, состоявшее изъ ихъ оригинальныхъ построекъ. О дикихъ козахъ, кабанахъ, лисицахъ говорить нечего! они ходили стаями. Птицы: глухари, рябчики не очень пугались при видѣ людей, а при объѣздахъ сѣнокосовъ утки и всякая болотная дичь вылетали безпрестанно изъ-подъ ногъ лошади; охота была богатѣйшая. Къ сожалѣнію, изъ насъ не было ни одного охотника; у насъ не было даже хоть плохенькаго ружья. Мы провели въ этихъ лѣсахъ все лѣто, пріѣзжая въ Бобруйскъ на нѣсколько дней получить жалованье и запастись съѣстными припасами. За то работа шла у насъ быстро, и къ концу осени почти во всѣхъ селеніяхъ Бобруйскаго 3-го участка выкупные акты были составлены, а работы по имѣнію князя Витгенштейна совершенно окончены. Прощаясь съ нами, повѣренные князя любезно предупредили насъ, что, по принципу и по распоряженію своего начальства, они обжаловали всѣ составленные нами выкупные акты; но, говоря по душѣ, они признаютъ наши оцѣнки умѣренными и съ уваженіемъ относятся къ нашимъ дѣйствіямъ.

Въ Бобруйскѣ мы услышали крупныя новости: генераль-губернаторъ М. Н. Муравьевъ былъ замѣненъ генераломъ Кауфманомъ. Рассказывали, что новый генераль-губернаторъ громко провозглашаетъ, что онъ будетъ идти по слѣдамъ М. Н. Муравьева, продолжить образъ дѣйствій его. Однако, никто не вѣрилъ этому. Всѣ сознавали, что Муравьевъ отозванъ въ Петербургъ, чтобы имѣть возможность, по удаленіи его, измѣнить систему управленія краемъ, и ожидали съ часу на часъ крупной ломки всего устроеннаго Муравьевымъ. Такихъ быстрыхъ перемѣнъ, какъ ожидали поляки, не было, однако, и осенніе мѣсяцы прошли тихо.

Въ ноябрѣ и декабрѣ, вторая повѣрочная коммиссія приводила въ порядокъ свои лѣтнія работы, и въ концѣ декабря я отвезъ въ Минскъ составленные коммиссiею выкупные акты. Тутъ я услышалъ очень много печальнаго. Разсказывали, что въ Вильнѣ составъ служащихъ сильно измѣненъ. Зубковъ, Синявскiй оставили службу въ совѣщательной коммиссiи; Синявскiй уже получилъ назначенiе въ царствѣ Польскомъ председателемъ коммиссiи по крестьянскимъ дѣламъ въ Бѣлѣ. Выработанная ими новая инструкцiя повѣрочнымъ коммиссiямъ не утверждена, вслѣдствiе множества жалобъ поляковъ-помѣщиковъ Минской губернiи, члену совѣщательной коммиссiи Хоментовскому поручено пересмотрѣть всѣ минскiе выкупные акты, созвать въ январѣ мѣсяцѣ членовъ минскихъ повѣрочныхъ коммиссiй и дать имъ указанiя, для болѣе правильныхъ и систематичныхъ дѣйствiй въ слѣдующее лѣто. Для усиленiя въ Минскѣ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствiи благоразумнаго направленiя, туда былъ назначенъ третiй членъ присутствiя полковникъ Кавелинъ, человѣкъ совершенно иныхъ убѣжденiй, чѣмъ Тургеневъ и Божовскiй; это былъ типичный крѣпостникъ, и онъ съ первыхъ же засѣданiй сталъ поддерживать поляка, губернскаго предводителя дворянства Прушинскаго.

Вскорѣ мы дѣйствительно получили приглашенiе собраться въ Минскъ, для полученiя указанiй отъ полковника Хоментовскаго, насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствiй повѣрочныхъ коммиссiй и обсужденiя нѣкоторыхъ вопросовъ. Число членовъ повѣрочныхъ коммиссiй, собравшихся теперь въ Минскъ, было много больше, чѣмъ въ 1864 г., потому что во всѣхъ уѣздахъ были образованы вторыя повѣрочныя коммиссiи. Члены повѣрочныхъ коммиссiй, участвовавшiе въ первомъ общемъ сѣздѣ коммиссiй, два года назадъ, явились теперь совершенно иными. Проработавъ три года, они хорошо знали свое дѣло, говорили твердо, самоувѣренно. Изъ числа новыхъ членовъ повѣрочныхъ коммиссiй было нѣсколько очень дѣльныхъ, разумныхъ. Общее настроенiе духа было очень приподнятое; высказывалось намѣренiе твердо отстаивать свои работы.

Членъ совѣщательной коммиссiи Хоментовскiй, которому мы, по требованiю губернатора, сдѣлали визитъ, показался мнѣ очень не симпатичнымъ; сухой, безстрастный на видъ, неразговорчивый человѣкъ. Онъ говорилъ со всѣми, какъ будто дѣлалъ докладъ въ какомъ-нибудь засѣданiи: правильно, осторожно, не возвышая голоса, размѣряя слова; не высказывалъ никакихъ мнѣнiй, обходилъ все насъ занимавшее, ограничиваясь общими словами о необходимости соблюдать законы, преданности отечеству и тому подобное.

Наступилъ день перваго засѣданiя. На предварительномъ совѣ-

щани нашемъ было рѣшено: просить Хоментовскаго занять мѣсто предсѣдателя и руководить засѣданіемъ. Онъ скромно отказался, сказавъ, что ему надо выслушивать наши мнѣнія, и занялъ мѣсто въ послѣднихъ рядахъ стульевъ. Засѣданіе происходило въ одной изъ комнатъ Дворянскаго собранія. Предсѣдателемъ былъ избранъ Божовскій. Затѣмъ былъ составленъ комитетъ изъ двухъ членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и нѣсколькихъ членовъ повѣрочныхъ комиссій, которому было поручено вести журналъ засѣданій и составлять постановленія совѣщанія. Въ комитетъ этотъ попалъ и я.

Засѣданія продолжались недѣли двѣ. Рѣзко обозначились двѣ партіи: русская партія и партія полякующихъ. Божовскій былъ главою и душою русской партіи. Главою партіи полякующихъ былъ Климовъ, предсѣдатель новгородской повѣрочной комиссіи; человекъ очень не глупый, смѣлый, самоувѣренный, офицеръ гвардейскаго уланскаго полка. Онъ работалъ въ повѣрочной комиссіи три года, зналъ дѣло прекрасно, но у него не было твердыхъ нравственныхъ убѣжденій. Развѣзжая по богатому Новгородскому уѣзду, онъ оставался у помѣщиковъ-поляковъ и безсознательно попалъ подъ ихъ вліяніе. Въ партію полякующихъ поступили всѣ тѣ люди, которые высказали свою слабость, неспособность и безхарактерность еще въ 1864 году, на засѣданіяхъ общаго съѣзда повѣрочныхъ комиссій. Теперь они явно пошли на сторону поляковъ, узнавъ, что въ Вильнѣ Муравьевское направленіе не въ авантажѣ. Сильныхъ, дѣловыхъ людей тамъ было двое—Климовъ и Кавелинъ; остальные были толпа мелкая.

Русская партія была гораздо многочисленнѣе, составляла почти двѣ трети присутствующихъ, и главное, была много умнѣе, дѣловитѣе, энергичнѣе. Въ этой партіи выдавались: Божовскій, Тургеневъ, Семевскій, предсѣдатель Пинской повѣрочной комиссіи; Аполевъ, предсѣдатель Мозырской повѣрочной комиссіи; Карповъ, предсѣдатель Рѣчицкой повѣрочной комиссіи, Мѣльницкій, предсѣдатель Слуцкой повѣрочной комиссіи.

Засѣданія продолжались двѣ недѣли; шли безконечные споры, но результатовъ не было никакихъ. Въ сущности обѣ спорившія стороны были правы. Споры вертѣлись на правильности оцѣнокъ земель по выкупнымъ актамъ; какъ можно было рѣшить, не видѣвши оцѣненныхъ угодій, правильна ли оцѣнка? Аполевъ нашелъ въ Мозырскомъ уѣздѣ сѣнокосы, которые описывалъ такъ: великолѣпный заливной лугъ на рѣкѣ Припяти; называлъ рядъ лучшихъ кормовыхъ травъ, растущихъ на этомъ лугу; опредѣлялъ крупной цифрой сборъ сѣна на десятинѣ такого луга, исчислилъ, на осно-

ваніи этихъ данныхъ, дорогую цѣну за десятину луга, но сбавилъ съ цѣны этой двѣ трети, такъ какъ лугъ этотъ изъ 10 лѣтъ, систематически, бываетъ 6 лѣтъ и болѣе залитъ водою въ сѣнокосное время, отъ лѣтняго разлитія Припяти, вслѣдствіе дождей. Въ эти годы сбора сѣна съ этихъ луговъ не бываетъ никакого. Семевскій, работавшій рядомъ съ Аполевымъ, на той же Припяти въ Пинскомъ уѣздѣ, поддерживалъ Аполева, говорилъ, что въ Пинскомъ уѣздѣ часто встрѣчаются луга, съ которыхъ можно убрать сѣно не болѣе одного раза въ три, четыре года. Климовъ, работавшій въ лучшемъ, плодороднѣйшемъ изъ всѣхъ уѣздовъ Минской губерніи, Новогрудскомъ, гдѣ почва суглинистая, почти нѣтъ болотъ, хохоталъ, слушая докладъ Аполева, высмѣивалъ его и говорилъ, что Аполеву нашелъ переложные сѣнокосы.

А мы не вѣрили оцѣнкамъ Климова, который опредѣлялъ урожай пшеницы въ самъ десять, когда крестьяне, обжаловывая его оцѣнку, утверждали, что у нихъ и рожь родится не болѣе, какъ самъ-четверть, а пшеницу сѣютъ на панскихъ поляхъ, а на отведенныхъ имъ земляхъ нельзя сѣять ее.

Слушая эти доклады, я думалъ: кто ихъ разберетъ! Вѣрно Аполеву правду говорить, когда его поддерживаетъ Семевскій; условия природы, почвы одни въ ихъ мѣстахъ. А можетъ быть и Климовъ правъ! Почва въ Новогрудскомъ уѣздѣ хорошая, суглинистая. Словесными преніями нельзя было тутъ ничего доказать. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе сдѣлало крупную ошибку, что, получивъ такія жалобы, описывающія исключительныя, маловероятныя обстоятельства, не послало одного изъ своихъ членовъ провѣрить эти жалобы на мѣстѣ. Я позволилъ себѣ высказать это громко, къ немалому удивленію многихъ, признавшихъ это заявленіе правильнымъ, но смѣлымъ, выходкой противъ начальства. Споры разгорячались, перешли наконецъ въ личности; стали укорять другъ друга не въ ошибкахъ по оцѣнкѣ, а насъ, русскихъ, въ пристрастіи къ крестьянамъ; мы же, русскіе, упрекали полякующихъ въ угодничество полякамъ-помѣщикамъ.

Хоментовскій не вмѣшивался въ споры, а только слушалъ ихъ, и даже не высказывалъ никакого мнѣнія о происходящемъ. Однажды утромъ, онъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, онъ рѣзко приступилъ къ дѣлу. Однообразнымъ, безстрастнымъ своимъ голосомъ, онъ высказалъ, что разсматривалъ обжалованія, поданныя повѣреннымъ князя Витгенштейна на выкупные акты, составленные второю Бобруйскою повѣрочною комиссіею. Онъ призналъ оцѣнку земель, сдѣланную комиссіею, правильною, благоразумною, и всѣ дѣйствія комиссіи строго законными;

онъ относится съ полнымъ уваженіемъ къ моей дѣятельности, какъ предсѣдателя комиссіи, хотя, по его убѣжденію, цѣну за земли можно было назначить дороже. Тѣмъ болѣе поражаетъ его мой образъ дѣйствій на засѣданіяхъ общихъ совѣщаній комиссій, гдѣ я защищаю самыя крайнія, вредныя мнѣнія и дѣйствія. На удивленный вопросъ мой: „въ чемъ же именно и когда проявилъ я такую вредную дѣятельность?“ онъ перешелъ къ спорамъ на засѣданіяхъ, осуждалъ увлеченія обѣихъ сторонъ и упрекнулъ меня, что я поддерживаю такъ стойко партію русскую, которую онъ назвалъ партією Боновскаго. „Какъ можно вамъ, сказалъ онъ, коренному помѣщику, идти съ людьми, не признающими собственности, потому что у нихъ никогда не было и не будетъ никакого имущества? Вы, какъ помѣщикъ, вѣроятно, много потеряли, надѣляя своихъ крестьянъ землю, при правильномъ, спокойномъ ходѣ дѣлъ въ русскихъ губерніяхъ; войдите же въ положеніе помѣщиковъ этого края, которые однажды потеряли уже много, какъ вы, при составленіи уставныхъ грамотъ, и которыхъ теперь, раздувая національную вражду, разоряютъ вторично, окончательно! Правительство не сочувствуетъ такому образу дѣйствій крестьянскихъ учреждений; оно желаетъ правильнаго, безпристрастнаго образа дѣйствій“.

Я возразилъ на это, что онъ справедливо напомнилъ мнѣ, что я помѣщикъ, самъ пострадалъ отъ уничтоженія крѣпостнаго права; но именно это сознаніе дозволяетъ мнѣ дѣйствовать такъ, какъ я поступаю здѣсь, оберегая интересы крестьянъ. Я помню, какъ мои родители, мои сосѣди, смоленскіе дворяне помѣщики, исполнили свой долгъ, надѣляя крестьянъ.

Я три года повѣрялъ уставныя грамоты въ Вяземскомъ уѣздѣ и не знаю ни одного случая такого безстыднаго, безсердечнаго отбора земель при составленіи уставныхъ грамотъ, какіе я встрѣтилъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ, о какихъ слышу теперь на сѣздѣ. Видя ихъ и слыша объ этихъ злоупотребленіяхъ, я возмущаюсь и не знаю, ради чего я сталъ бы скрывать это негодованіе. Я дѣйствую такъ не какъ русскій человѣкъ, врагъ поляковъ, а какъ человѣкъ, принявшій на себя обязанность оберегать крестьянъ. Грабятъ, обижаютъ крестьянъ помѣщики-поляки, я останавливаю ихъ, парализую ихъ дѣйствія. Будь на мѣстѣ поляковъ русскіе помѣщики, я поступалъ бы съ ними точно также, если бы они отобрали землю у крестьянъ своихъ. Доказательствомъ тому служатъ дѣйствія второй Бобруйской повѣрочной комиссіи въ имѣніи князя Витгенштейна. Я знаю лично князя; онъ самъ всегда провозглашаетъ себя русскимъ человѣкомъ, и всѣ въ Петербургѣ признаютъ его такимъ. Я никогда не слышалъ, чтобы онъ произнесъ въ обществѣ хоть

одно польское слово; но какъ предсѣдатель повѣрочной комиссіи, я не стѣсняясь раскрывалъ злоупотребленія его управляющихъ и причинялъ тѣмъ убытки князю, русскому человѣку.

Хоментовскій сдѣлалъ какія-то очень сомнительныя возраженія и кончилъ бесѣду такъ: „я говорю съ вами по полномочію генераль-губернатора Кауфмана. Онъ желаетъ поставить во главѣ крестьянскаго дѣла людей сдержанныхъ, благомыслящихъ. Онъ твердо рѣшилъ прекратить тѣ притѣсненія, скажу даже: издѣвательства надъ поляками-помѣщиками, цѣлаго ряда которыхъ мы были свидѣтелями даже здѣсь, на засѣданіяхъ. Я предлагаю вамъ мѣсто члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, здѣсь въ Минскѣ, если вы дадите мнѣ слово отнынѣ открыто поддерживать меня, когда я буду указывать въ засѣданіи тѣ основанія крестьянскаго дѣла, которыя правительство признаетъ правильными. Оно требуетъ благо-разумныхъ оцѣнокъ, прекращенія травли поляковъ. Я убѣдился, что вы пользуетесь уваженіемъ своихъ сослуживцевъ, имѣете вліяніе на нихъ и можете быть полезнымъ мнѣ. Вы знаете, что теперь распределяютъ между русскими дѣятелями конфискованныя имѣнія. Если вы примете мое предложеніе, я именовъ генерала Кауфмана общаю вамъ передачу имѣнія Кіевичи и Филипповичи Слуцкаго уѣзда. Это имѣніе оцѣнивается въ 100.000 рублей; оно будетъ вамъ уступлено за 10.000 руб., съ уплатою ихъ въ разсрочку, въ теченіе десяти лѣтъ. Обдумайте мое предложеніе; приходите ко мнѣ завтра въ 10 час. утра“.

Предложеніе Хоментовскаго ошеломило меня и глубоко оскорбило; я былъ имъ озадаченъ и не могъ дать себѣ отчета: чѣмъ подаль я Хоментовскому поводъ предположить, что я способенъ, изъ за предложенныхъ имъ выгодъ, измѣнить свои убѣжденія, что я человѣкъ продажный? Неужели мое поведеніе здѣсь было такъ двулично, такъ подозрительно, что люди могли составить себѣ обо мнѣ такое мнѣніе? Чтобы одуматься, чтобы не выдать своего волненія, а главное, чтобы при встрѣчѣ съ Хоментовскимъ, публично не выразить ему своего негодованія, я не пошелъ въ засѣданіе, сославшись на головную боль, и вечеромъ не видѣлся со своими сослуживцами, а провелъ вечеръ у барона Штакельберга, моего товарища по гвардіи.

У меня не было ни одной минуты сомнѣнія на счетъ того, что принять предложеніе Хоментовскаго я не могу. Это рѣшеніе было твердо и ясно въ умѣ моемъ; я колебался только насчетъ того: разказать ли сослуживцамъ моимъ о предложеніи Хоментовскаго? Послѣ бессонной ночи, я рѣшилъ: ничего не говорить, а на дѣлѣ доказать, что я себя и свои убѣжденія не продаю. Я твердо рѣ-

*

шилъ: удалиться изъ Сѣверо-Западнаго края и возвратиться въ свою батарею, въ гвардію; но сдѣлать это тихо, прилично.

На другой день я не пошелъ къ Хоментовскому, а когда онъ пришелъ въ засѣданіе, подошелъ къ нему и вполголоса, не протягивая ему руки, официально, сказалъ: „г. полковникъ, вчерашнее предложеніе ваше я принять не могу. Въ виду оскорбительности его для меня, прошу васъ сохранить разговоръ этотъ въ тайнѣ; я поступлю также!“ поклонился и ушелъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Черезъ нѣсколько дней кончились, совершенно безрезультатно, засѣданія повѣрочныхъ комиссій, и я уѣхалъ въ Бобруйскъ, гдѣ ждала меня новая, очень интересовавшая меня работа.

По случаю повстанія и обременительныхъ трудовъ, понесенныхъ крестьянами при усмиреніи мятежа, крестьяне сѣверо-западныхъ губерній, въ тѣ годы, освобождены были отъ рекрутской повинности. Въ 1866 году назначенъ былъ рекрутскій наборъ, въ которомъ должны были участвовать и губерніи Сѣверо-Западнаго края. Проверка рекрутскихъ списковъ была поручена мировымъ посредникамъ, а для разсмотрѣнія обжалованій на неправильности и назначенія рекрутъ былъ возстановленъ уѣздный съѣздъ мировыхъ посредниковъ, распущенный во время повстанія. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, послѣ ухода Ратынскаго, не было предводителя дворянства, который по закону предсѣдательствуетъ на этомъ съѣздѣ. Генералъ-губернаторъ Кауфманъ назначилъ меня предсѣдателемъ Бобруйскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ, оставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи. Я участвовалъ въ производствѣ наборовъ по Вяземскому уѣзду и потому хорошо зналъ это дѣло, и съ охотою взялся за него въ Бобруйскомъ уѣздѣ. Не мало польстило моему самолюбію и назначеніе меня предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ, хотя эта должность была безденежна, не оплачивалась. Незадолго передъ тѣмъ, Воронцовъ оставилъ должность мирового посредника и былъ замѣненъ молодымъ пѣхотнымъ офицеромъ Федоромъ Михайловичемъ Березинымъ, симпатичнымъ, честнымъ, который всею душою отдался новой своей должности.

Мировые посредники Яковлевъ, князь Дивѣвъ и Березинъ, всѣ въ первый разъ знакомились съ дѣлопроизводствомъ и практикой рекрутскаго набора, и мнѣ пришлось не руководить, а прямо обучать ихъ всему. Мы внимательно проверили всѣ списки и очереди рекрутскіе, представленныя волостными правленіями, разсмотрѣли всѣ обжалованія, заявленныя крестьянами. Засѣданія съѣзда производились открыто и повидимому пришлось по душѣ крестьянамъ; они говорили, что при панахъ никогда не бывало такъ честно, хорошо. Наборъ сошелъ спокойно, гладко, безъ недоимокъ.

Окончивъ эту работу, я испросилъ мѣсячный отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ устраивать свои личныя дѣла, то есть переговорить съ своими товарищами и начальствомъ по гвардейской конной артиллеріи о возвращеніи въ мою батарею, гдѣ моя вакансія не была занята и числилась за мною. Проѣзжая черезъ Минскъ, я остановился тамъ. Божовскій встрѣтилъ меня извѣстіемъ, что онъ уже не членъ Минскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и уѣзжаетъ на-дняхъ въ Варшаву. Онъ давно уже потерялъ довѣріе къ успѣшному ходу русскаго дѣла въ Минской губерніи и вообще въ этомъ краѣ. Назначеніе Кавелина членомъ Минскаго губернскаго присутствія, первые самоувѣренные шаги его въ этомъ присутствіи, открытая проповѣдь его о черезъ мѣру усиленной охранѣ крестьянскими учрежденіями крестьянъ и систематическомъ будто бы угнетеніи польскихъ помѣщиковъ; затѣмъ поведеніе Хоментовскаго и бесѣда съ нимъ, передъ его отъѣздомъ изъ Минска, окончательно открыли глаза Божовскому. Онъ тотчасъ послалъ въ Варшаву, въ учредительный комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, прошеніе о предоставленіи ему въ Царствѣ Польскомъ должности, соответствующей его теперешнему положенію. На-дняхъ онъ получилъ форменное извѣщеніе о зачисленіи его въ составъ учредительнаго комитета и предложеніе немедленно явиться въ Варшаву. Онъ надѣялся получить тамъ должность предсѣдателя комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, какъ Сиявскій.

Я признался Божовскому, что также твердо рѣшилъ покинуть Минскую губернію и ѣду теперь въ Петербургъ, съ цѣлью возвратиться въ батарею; но я все-таки не упомянулъ ни словомъ о попыткѣ подкупить меня, сдѣланной Хоментовскимъ. Божовскій призналъ основательнымъ мое желаніе оставить Минскую губернію, но уговаривалъ меня не покидать крестьянское дѣло, въ которомъ я приобрѣлъ теперь такой опытъ и такія познанія; совѣтовалъ обратиться также въ учредительный комитетъ; обѣщалъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, собрать свѣдѣнія, могу ли я получить тамъ хорошее назначеніе.

Въ Вильнѣ я тоже остановился; мнѣ хотѣлось основательно вникнуть въ положеніе дѣла и убѣдиться, есть ли надежда на успѣшный ходъ русскаго дѣла въ этомъ краѣ. Я явился къ Левшину, руководителю крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Я теперь только познакомился съ Левшинымъ; его не было въ Вильнѣ, когда я пріѣзжалъ туда въ 1864 году. Я пришелъ въ негодованіе отъ этого знакомства. Какъ могъ разумный, проникательный М. Н. Муравьевъ поручить такое важное дѣло Левшину? Это былъ типичный бюрократъ: самоувѣренный, самодовольный и невѣжда въ своемъ

дѣлѣ. Крестьянское дѣло онъ изучилъ на бумагахъ, изъ Положенія 19 февраля 1861 г., множества министерскихъ циркуляровъ и распоряженій, которые онъ зналъ наизусть и на которые ссылался, какъ на евангельскіе тексты; но, повидимому, не былъ никогда ни мировымъ посредникомъ, ни какимъ-либо дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу; не зналъ, не понималъ крестьянина, деревни. Онъ принялъ меня вѣжливо, наговорилъ много фразъ и заявилъ, что невозможно проѣхать черезъ Вильну и не представиться генераль-губернатору; что онъ черезъ полчаса идетъ съ докладомъ къ нему доложить ему о моемъ желаніи представиться ему. Часа черезъ два я получилъ повѣстку: начальникъ края предлагаетъ мнѣ явиться къ нему въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера. Пораженный быстротою распоряженія, я конечно въ 8 часовъ былъ въ пріемной генераль-губернатора, показалъ дежурному чиновнику полученную мною повѣстку. Онъ взялъ ее, пошелъ докладывать кому-то и возвратился съ извѣстіемъ: приказано обождать! Ждать пришлось недолго; какой-то адъютантъ провелъ меня черезъ нѣсколько комнатъ въ кабинетъ Кауфмана.

Я никогда не видалъ до тѣхъ поръ Кауфмана, имѣлъ очень поверхностное понятіе о ходѣ его прошлой службы и еще болѣе смутное понятіе о его намѣреніяхъ по дѣятельности въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Кауфманъ встрѣтилъ меня привѣтливо; сказалъ, что пригласилъ меня сегодня, чтобы не задерживать моего отпуска, что онъ желалъ познакомиться со мною, такъ какъ полковникъ Хоментовскій, по возвращеніи изъ Минска, указалъ ему на меня, какъ на одного изъ выдающихся дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ Минскѣ. Докладъ Хоментовскаго о положеніи крестьянскаго дѣла въ этой губерніи оставилъ въ немъ, Кауфманѣ, очень печальное впечатлѣніе; онъ доложилъ ему, что двухдѣльное совѣщаніе повѣрочныхъ комиссій было совершенно безплодно; ничего не выработало, не разъяснило и даже еще болѣе запутало, затемнило дѣло. Между тѣмъ, тотъ же Хоментовскій увѣряетъ, что составъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ Минской губерніи хорошъ; есть даже выдающіеся люди. Что могло быть причиною ихъ вредной дѣятельности?

Вся внѣшность генерала Кауфмана, его спокойная манера говорить, мягкій голосъ, ясный, откровенный вопросъ расположили меня въ его пользу, возбудили мое довѣріе. Я спросилъ его: дозволить ли онъ откровенно высказать ему мое убѣжденіе? Онъ отвѣтилъ, что именно для этого пригласилъ меня, и что ему дорого узнать истину, разъяснить себѣ положеніе дѣла.

Я высказалъ Кауфману то, что давно было у меня на душѣ. Я сказалъ: вся бѣда въ Минской губерніи та, что тамъ некому руко-

водить прекраснымъ составомъ мировыхъ посредниковъ и повѣрочныхъ комиссій, которыя любятъ свое дѣло, честно относятся къ нему. Я описалъ первый сѣздъ ихъ при Кожевниковѣ, высказалъ мое уваженіе къ Кожевникову, соединенное съ сознаниемъ, что онъ не умѣлъ соединить, обработать все высказанное на сѣздѣ. Онъ не устранилъ тѣхъ затрудненій, на которыя жаловались члены повѣрочныхъ комиссій, и отправилъ ихъ работать второе лѣто въ тѣхъ потемкахъ, ощупью, какъ прошлое лѣто. То же самое повторилось на второмъ, только-что окончившемся сѣздѣ. Губернаторъ Шелгуновъ не знаетъ крестьянскаго дѣла и не дѣлалъ даже попытокъ руководить сѣздомъ. Спорить о правильности оцѣнокъ въ засѣданіи бесполезно. Губернскому присутствію надо было предварительно повѣрить ихъ на мѣстѣ. Хоментовскій сдѣлалъ ошибку, что не принялъ предсѣдательство на сѣздѣ, не овладѣлъ умами и волею этихъ людей, желавшихъ добиться истины. Онъ себя поставилъ на ногу слѣдователя, а не руководителя, и своимъ образомъ дѣйствій возбудилъ общее недовѣріе къ себѣ. Не ненависть къ полякамъ заставляетъ мировыхъ посредниковъ и повѣрочныя комиссіи разыскивать отобранныя у крестьянъ земли, а сознание своего долга, бѣдственное положеніе обнищавшихъ крестьянъ. Поляки же, чтобы закрыть правду, стараются простому, юридическому дѣлу о розыскахъ отобранной земли придать оттѣнокъ политическаго преслѣдованія. Я точно такъ же въ Смоленской губерніи повѣрялъ уставныя грамоты, исправлялъ неправильно составленныя, въ самый дружественной и милой мнѣ средѣ, и не возбудилъ къ себѣ никакой ненависти, заслужилъ добрую память.

Кауфманъ спокойно слушалъ меня; выраженіе лица его оставалось пріятное, благорасположенное. По временамъ онъ дѣлалъ мнѣ вопросы и говорилъ: „продолжайте пожалуйста!“ Наконецъ, онъ всталъ; мы разговаривали, сидя за письменнымъ столомъ его, и сказалъ: „благодарю васъ за вашъ откровенный рассказъ. Горячность вашей рѣчи показываетъ, что вы любите свое дѣло, и возбудили мое довѣріе. Я вѣрю тому, что вы мнѣ передали. На обратномъ пути изъ Петербурга непременно явитесь ко мнѣ“.

Когда я вышелъ изъ кабинета, взглянулъ на часы, висѣвшіе на стѣнѣ, я увидѣлъ, что разговоръ мой съ Кауфманомъ продолжался часъ. Въ увлеченіи, я не замѣтилъ этого.

Въ Петербургѣ меня встрѣтили извѣстіемъ, что состоялось распоряженіе о призывѣ къ мѣстамъ служенія офицеровъ, откомандированныхъ въ Западный край для службы по крестьянскимъ учрежденіямъ. Начальство объявило мнѣ, что я долженъ немедленно возвратиться въ батарею, или перейти въ гражданскую службу, если

желаю оставаться предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи. Я разска- залъ и начальству и товарищамъ, что именно для того, чтобы по- ступить опять въ батарею свою, я явился въ Петербургъ. Въ Пе- тербургѣ меня ожидалъ отецъ мой, котораго я просилъ пріѣхать туда. Долго разсказывалъ я ему все пережитое мною за эти годы; долго думали мы: какъ направить мнѣ дальнѣйшую жизнь мою, и отецъ мой высказалъ мнѣніе, совершенно неожиданное мною. Онъ повторилъ мнѣ совѣтъ, данный Божовскимъ: продолжать службу по крестьянскому дѣлу, но не въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а по учре- дительному комитету въ Царствѣ Польскомъ. Онъ высказалъ, что военная служба сдѣлала свое дѣло: пріучила меня къ дисциплинѣ, развила предприимчивость, смѣлость. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ за- нятій такимъ серьезнымъ дѣломъ, какъ крестьянское дѣло, военная служба уже не удовлетворитъ меня. Жаль, при томъ, бросить тѣ знанія и опытъ, которые я выработалъ себѣ трудами по крестьян- скому дѣлу! Это дѣло живое и съ будущимъ; оно только начинается; будущее его широко, безконечно. Онъ не совѣтовалъ мнѣ оставаться въ Западномъ краѣ. По его мнѣнію, съ уходомъ Муравьева, въ Западномъ краѣ остановилась правильная дѣятельность. Кауфманъ человѣкъ расположенный ко всему хорошему; но ему не подъ силу одолѣть то, что одолѣвалъ Муравьевъ; при томъ онъ совершенно одинокъ. Помощникъ его, Потаповъ, человѣкъ двуличный и съ на- правленіемъ, радикально противоположнымъ тому, что желаетъ про- вести Кауфманъ. Потаповъ посланъ въ Вильну именно съ цѣлью парализовать русское направленіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Рабо- тать для водворенія тамъ такого направленія русскому нельзя. На- конецъ, не слѣдуетъ молодому, полному силъ человѣку, зарываться на вѣки въ такой глуши, какъ Бобруйскъ. То, что мнѣ сулятъ въ Минской губерніи, я могу сейчасъ получить у себя, въ Вязьмѣ. На- дняхъ будутъ дворянскіе выборы, и дворяне поручили отцу моему узнать: соглашусь ли я баллотироваться на должность уѣздного пред- водителя дворянства. Все, что говорилъ отецъ мой, давно тайлось въ душѣ моей, и онъ только съ обычной своей прозорливостью и глубокимъ значіемъ моихъ стремленій и чувствъ выдвинулъ это на явь. Я любилъ свою гвардейскую конную батарею; мнѣ жаль было покинуть ее; но я полюбилъ и крестьянское дѣло, я уже созрѣлъ для серьезнаго умственнаго труда. Совѣщанія наши кончи- лись на такомъ рѣшеніи: пользуясь знакомствомъ съ Н. А. Милюти- нымъ, отецъ мой поѣдетъ къ нему и спроситъ его: можетъ ли онъ дать мнѣ въ Царствѣ Польскомъ должность по крестьянскому дѣлу? Отецъ обратилъ мое вниманіе на Царство Польское, такъ какъ въ составъ учредительнаго комитета вошелъ цвѣтъ русской интелли-

генци: Н. А. Милютинъ, князь Черкасскій, Самаринъ, Кошелевъ, Я. А. Соловьевъ. Работать подь руководствомъ ихъ не то, что выслушивать указанія Потапова, Левшина и Хоментовскаго.

Отецъ разсказалъ Милютину мои занятія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, выяснилъ, почему я не желаю продолжать службу тамъ; разсказалъ даже предложеніе Хоментовскаго. Милютинъ выразилъ желаніе переговорить со мною. Явился къ нему и сразу былъ очарованъ имъ, его мыслями, всѣмъ, что онъ высказалъ, какъ программу дѣйствій учредительнаго комитета. Онъ подробно разспросилъ меня о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи, и я былъ удивленъ, что онъ знаетъ о немъ очень многое. Въ концѣ разговора нашего онъ сказалъ мнѣ, что я могу быть полезенъ въ учредительномъ комитетѣ; но онъ уже снялъ съ себя заботу о личномъ составѣ служащихъ въ комитетѣ. Теперь эта обязанность возложена на завѣдывающаго дѣлами учредительнаго комитета Я. А. Соловьева; я долженъ обратиться къ нему съ просьбою о принятіи меня на службу въ учредительный комитетъ. Онъ общалъ, со своей стороны, написать обо мнѣ Я. А. Соловьеву и рекомендовать ему меня съ хорошей стороны.

Я на другой же день послалъ прошеніе на имя Я. А. Соловьева о предоставленіи мнѣ должности въ учредительномъ комитетѣ и упомянулъ, что о причинахъ моего нежеланія продолжать службу въ Сѣверо-Западномъ краѣ ему могутъ дать точныя свѣдѣнія Божовскій и Синявскій. Божовскаго я просилъ повидаться съ Соловьевымъ и извѣстить меня въ Петербургѣ: могу ли я рассчитывать на скорый переводъ въ вѣдомство учредительнаго комитета. Не прошло двухъ недѣль, какъ я получилъ отъ Божовскаго извѣстіе, что Соловьевъ уже сдѣлалъ распоряженіе зачислить меня въ вѣдомство учредительнаго комитета, и на-дняхъ состоится о томъ приказъ. Дѣйствительно, я еще въ Петербургѣ получилъ приглашеніе Соловьева прибыть въ Варшаву, такъ какъ я причисленъ къ центральной по крестьянскимъ дѣламъ комиссіи, съ содержаніемъ въ 2.500 руб., то есть тѣмъ самымъ, что я получалъ въ Бобруйскѣ. Гвардейскому своему начальству и товарищамъ я откровенно разсказалъ свои новыя предположенія о службѣ и просилъ дать мнѣ оторочку на нѣсколько времени, относительно отчисленія отъ гвардіи, чтобы я могъ убѣдиться: могу ли я сдѣлать такой рѣшительный шагъ, какъ уходить изъ гвардіи навсегда; по сердцу ли придется мнѣ дѣло въ Варшавѣ. Начальство согласилось на это.

Въ Вильнѣ Левшинъ съ оскорбленнымъ видомъ выслушалъ, что я покидаю службу въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и доказывалъ мнѣ, что я дѣлаю неблагоразумный шагъ. Генералъ-губернаторъ Кауфманъ,

предупрежденный Левшинымъ о моемъ уходѣ, ласково простился со мною на официальномъ приѣмѣ. Минскій губернаторъ высказалъ нѣсколько любезныхъ сожалѣній. Тургенева уже не было въ Минскѣ; онъ уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ получилъ хорошее назначеніе.

Съ Бобруйскомъ я разстался спокойно. Я работалъ тамъ два года, услышалъ отъ крестьянъ и сослуживцевъ мировыхъ посредниковъ искреннія, неподдѣльныя сожалѣнія, что я покидаю ихъ. Друзья мои, баронъ Штейнгель и генералъ Пистолькорсъ, еще раньше меня уѣхали изъ Бобруйска. Баронъ Штейнгель былъ переведенъ на ту же должность въ Минскъ, а генералъ Пистолькорсъ получилъ прекрасное, спокойное мѣсто въ Петербургѣ, кажется, въ Военномъ Совѣтѣ. Образованнымъ, развитымъ людямъ тяжело было жить въ Бобруйской глуши, и мы все покинули ее.

Очень скоро изъ Минской губерніи уѣхали Аполевъ и еще нѣсколько мировыхъ посредниковъ и членовъ повѣрочныхъ комиссій. Все они, какъ и мы, ранѣе ушедшіе, сознавали, что при новомъ направленіи, водворившемся въ Минской губерніи, надо измѣнить русскому дѣлу, предать крестьянъ-бѣлоруссовъ въ руки поляковъ-помѣщиковъ. Таковъ былъ блестящій результатъ командировки полковника Хоментовскаго въ Минскъ, для успокоенія и приданія правильного направленія крестьянскому дѣлу. Онъ изгналъ изъ Минска именно тѣхъ лицъ, которыхъ, въ отчетѣ генералъ-губернатору Кауфману, самъ же назвалъ выдающимися дѣятелями; онъ не сумѣлъ заставить ихъ уважать его и принять его коварные совѣты измѣны. Достойный подвигъ Хоментовскаго былъ награжденъ: онъ получилъ конфискованное великолѣпное имѣніе Изяславль, въ 24 верстахъ отъ Минска, на желѣзной дорогѣ, у самой станціи того же названія. Климовъ получилъ имѣніе Кіевичи и Филипповичи, которое предлагалъ мнѣ Хоментовскій.

Мудрый управитель М. Н. Муравьевъ сдѣлалъ непростительную историческую ошибку. Онъ ввѣрилъ веденіе крестьянскаго дѣла неспособному лицу, слишкомъ мало занимался имъ. Не помогъ дѣлу и устроенный имъ совѣщательный комитетъ; дѣловыхъ, знающихъ людей скоро выжили оттуда, замѣнили ихъ людьми однородными съ главою—Левшинымъ. Крестьянское дѣло такъ и шло: шаталось вправо и влѣво, не выработало, что требовалось для благоденствія края.

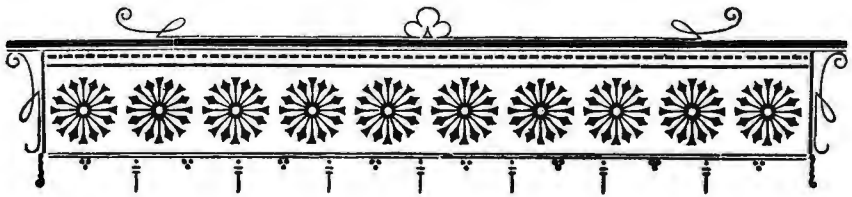
Что именно и какъ нужно было сдѣлать для правильного хода крестьянскаго дѣла, я увидѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ для этого была образована центральная комиссія по крестьянскимъ дѣламъ. Членами этой комиссіи были князь Черкасскій, Самаринъ, Кошелевъ, а руководителемъ опытный крестьянскій дѣтель Я. А. Соловьевъ,

бывшій начальникъ земскаго отдѣла при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Бдучи въ повозкѣ, а затѣмъ въ вагонѣ желѣзной дороги, я перебиралъ все пережитое, прочувствованное мною въ этомъ краѣ. Припомнилось мнѣ тяжелое впечатлѣніе перваго посѣщенія Вильны, мое недоумѣніе: не лучше ли оборотить оглобли, тотчасъ уѣхать изъ этой несимпатичной обстановки? Я говорилъ себѣ теперь: ты не могъ уѣхать, ты долженъ былъ остаться, работать тутъ; этого требовали долгъ гражданина, долгъ русскаго человѣка. Но первое твое впечатлѣніе, неблагоприятное, брезгливое, было вѣрно, и я уѣзжалъ съ твердымъ убѣжденіемъ: не можетъ идти дѣло здѣсь хорошо. Тутъ не было и нѣтъ правды; царствуютъ ложь, лицемеріе.

Николай Полевой.

Бой на Кушкѣ 18 марта 1885 г. и территориальныя приобрѣтенія въ царствованіе Императора Александра III ¹⁾.

(Окончаніе).

Въ отвѣтъ на высылку отряда капитана Прасолова на правый берегъ Мургаба, авганцы выслали въ подкрѣпленіе находившемуся тамъ ихъ посту, въ составѣ до 50 человекъ, еще двѣ роты пѣхоты, къ которымъ присоединились переправленные изъ лагеря двѣ сотни кавалеріи съ двумя орудіями. Къ нимъ подъѣхалъ и командующій авганскими войсками Наибъ-Саларъ. Этотъ отрядъ, подойдя къ нашему шаговъ на 800, потребовалъ у Прасолова немедленнаго его удаленія за Мургабъ, при чемъ, въ случаѣ если это требованіе не будетъ исполнено, угрожалъ прибѣгнуть къ силѣ. Капитанъ Прасоловъ, имѣя строгое приказаніе Комарова не вызывать столкновенія, вынужденъ былъ, не исполнивъ порученія, возвратиться въ свой лагерь. Авганцы же, захвативъ урядника, ѣхавшаго съ Прасоловымъ въ качествѣ переводчика, продержали его у себя болѣе часа, стараясь допытаться о намѣреніяхъ русскихъ войскъ, угрожали ему смертью и только присутствіе Наибъ-Салара помѣшало исполненію этой угрозы. Нанеся оскорбленія, авганцы отпустили урядника съ требованіемъ передать русскимъ, что они, авганцы, всегда готовы встрѣтить своихъ враговъ съ оружіемъ въ рукахъ.

По донесенію о ходѣ дѣлъ на правомъ берегу Мургаба 14 марта, Комаровъ отослалъ Прасолову двѣ записки, съ категорическими приказаніями въ обѣихъ немедленно возвратиться въ лагерь. Въ первой запискѣ Комаровымъ было еще добавлено, что онъ не желаетъ выставлять никакихъ постовъ на правомъ берегу Мургаба. Записка эта была перехвачена авганцами, а джигитъ, везшій ее, на цѣлую ночь былъ задержанъ въ ихъ лагерѣ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1910 г.

Положеніе натягивалось все болѣе и болѣе. Однако Комаровъ, желая до послѣдней минуты избѣгать столкновенія, приказалъ своимъ войскамъ не отвѣчать безъ его приказанія, если бы даже непріятель открылъ огонь.

Въ догонку сотнѣ Мервской милиціи, высланной на рекогносцировку расположенія лѣваго крыла авганскаго лагеря, выѣхалъ съ нѣсколькими сотнями кавалеріи авганскій джарнейль (перековерканное англійское слово general) Гось-Эддинъ-Ханъ. Встрѣча эта прошла однако благополучно. Подполковникъ Алихановъ вступилъ съ джарнейлемъ въ дружественный разговоръ и вмѣстѣ съ нимъ доѣхалъ почти до самаго моста Ташъ-Кенри. Здѣсь, однако, Гось-Эддинъ-Ханъ попросилъ Алиханова удалиться, иначе высказывалъ необходимость прибѣгнуть къ оружію.

Затруднительнѣе всего несомнѣнно было положеніе мелкихъ постовъ: авганцы, пользуясь многочисленностью своей кавалеріи, не скупились наряжать на передовые посты большое число людей. Такимъ образомъ къ 16 марта не только линія нашихъ передовыхъ постовъ, но и самый бивуакъ оказались охваченными непріятельскими постами. Дерзость и нахальство авганцевъ все возрастали: какъ только они могли съ кѣмъ-нибудь передать, не упускали случая высказывать: „здѣсь вамъ не мервцы, здѣсь не туркмены, здѣсь все авганцы, убирайтесь отсюда, иначе и васъ побьемъ, какъ не разъ бивали англичанъ“.

Нахальство ихъ дошло до того, что 16-го марта одинъ изъ авганскихъ разъѣздовъ, убѣдясь въ полной безнаказанности, подѣхалъ на нѣсколько шаговъ къ самому бивуаку и остановился у самой переправы черезъ Мургабъ, которая, по приказанію Комарова, была устроена въ видѣ ничтожнаго парома на баклагахъ.

На вопросъ, что имъ нужно и на предложеніе немедленно удалиться, отвѣчали, что они желаютъ посмотреть, на чемъ русскіе переправляются, и только послѣ неоднократныхъ напоминаній отѣхали на нѣсколько сотъ шаговъ. Лишь черезъ нѣсколько часовъ они удалились совсѣмъ.

Къ вечеру этого дня отъ капитана Іэта былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ на письмо Закржевскаго:

„Пенджаде, суббота 28-го (16-го) марта 1885 г.

Г. Полковнику Закржевскому.

Г. Полковникъ.

Я долженъ поблагодарить Васъ за сегодняшнее любезное письмо и спѣшу отвѣтить на него, поблагодаривъ Васъ за то, что Вы ока-

зали мнѣ честь сообщить Его Превосходительству г. генералу Комарову о результатахъ нашего свиданія.

Я успѣшилъ сообщить начальнику авганскихъ войскъ, что Вы упрекаете его въ ненадлежащихъ поступкахъ непригодныхъ для того, чтобы предотвратить столкновение. Онъ отвѣчалъ мнѣ упоминаніемъ объ экскурсіи г. полковника Алиханова, которую онъ находитъ довольно странною, и утвержденіемъ, что движеніе двухъ ротъ Вашихъ войскъ вдоль праваго берега Мургаба сдѣлало необходимымъ, съ военной точки зрѣнія, постановку на этомъ берегу наблюдательнаго поста.

Взвѣсивъ все надлежащимъ образомъ, я думаю, г. полковникъ, что было бы гораздо легче обсудить словесно дѣла, о которыхъ говорится въ Вашемъ письмѣ, и мнѣ кажется, что новое свиданіе было бы лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы придти къ удовлетворительному результату. Поэтому я надѣюсь, что Вы сдѣлаете мнѣ честь, примете небольшой завтракъ, который доставитъ намъ удовольствіе вновь повидаться съ Вами и съ нѣкоторыми изъ тѣхъ господъ, съ которыми мы имѣли удовольствіе недавно познакомиться.

Завтра, въ воскресенье въ 3 часа по полудни, я буду нѣсколько впереди Пули-Хисти (Ташъ-Кепри); но если этотъ часъ и это мѣсто для Васъ неудобны, прошу Васъ назначить мнѣ день, часъ и мѣсто по Вашему выбору. Я буду безусловно къ Вашимъ услугамъ, и, вмѣстѣ съ моими сотоварищами, надѣюсь, что Вы найдете возможнымъ доставить намъ удовольствіе новаго свиданія.

Имѣю честь просить васъ, г. полковникъ, принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи

Ч. Э. Іэтъ, политическій агентъ,
капитанъ Ея Британскаго Величества“.

„Отрядъ нашъ,—пишетъ въ газ. „Кавказъ“ Е. В. Семевскій, одинъ изъ участниковъ описываемыхъ событій,—былъ крайне возмущенъ нахальствомъ авганцевъ. Въ разговорѣ между собою офицеры выражали неудовольствіе, видя спокойное и хладнокровное отношеніе командующаго войсками къ этимъ выходкамъ. Только безграничное довѣріе и уваженіе къ генералу Комарову всѣхъ офицеровъ отряда могли сдерживать порывы негодованія, вызываемые оскорбительными для достоинства русскихъ войскъ дерзкими наступательными движеніями авганцевъ. Еще съ 14-го марта, т. е. на другой же день по прибытіи отряда, авганцы, видя, что мы стоимъ далеко отъ берега Кушка, переправили на нашу сторону значительныя силы и укрѣпились на возвышенностяхъ, господствовавшихъ надъ мостомъ, поставивъ на нихъ батарею изъ 4 орудій“.

Не съ такимъ довѣріемъ къ нашему бездѣйствію относились представители туркменскаго населенія. Не имѣя представленія о политическихъ соображеніяхъ, они не знали, чѣмъ объяснить ту осторожность, которая руководила образомъ дѣйствій Комарова. Косые взгляды, разговоры вполголоса между ханами о храбрости авганцевъ и силѣ англичанъ и о малочисленности нашихъ войскъ еще болѣе разжигали чувство оскорбленнаго самолюбія, таившагося въ сердцѣ каждаго солдата.

Всѣ чувствовали какое-то томленіе, неловкость. Офицеры, сидѣвшіе въ своихъ палаткахъ, каждый дѣлалъ видъ, что чѣмъ-то занятъ, но одна и та же гнетущая, тяжелая дума неотвязно занимала всѣ умы, вызывая временами слезу досады и негодованія.

Единственный человѣкъ въ отрядѣ, сохранившій по крайней мѣрѣ наружное спокойствіе, былъ генераль Комаровъ. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и легкой усмѣшкой смотрѣлъ онъ на надвигающіеся авганскіе посты и на окружающія его мрачныя лица.

„Не могъ же онъ не чувствовать того, что и всѣ мы“, говорили болѣе благоразумные, утѣшая себя мыслью, что подобная выдержка необходима для того, чтобы дать во всей силѣ выразиться безтактности и дерзости авганскихъ военнопольныхъ и тѣмъ снять съ отряда всякую отвѣтственность за могущее произойти столкновеніе“.

Видя, что дерзость авганцевъ, оставаясь ненаказанной, все возрастаетъ и что, если такъ будетъ продолжаться, то черезъ нѣсколько дней придется самому быть атакованнымъ,—предположеніе, которому впослѣдствіи явились подтверждающія данныя ¹⁾, замѣчая возбужденное состояніе всего отряда и, наконецъ, броженіе и даже умаленіе русскаго обаянія между туркменскими почетными людьми и ханами, Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ нашелъ, что тянуть далѣе такое положеніе невозможно, и потому рѣшилъ предпринять крайнія мѣры.

Желая же исчерпать, все-таки, всѣ мѣры къ мирному разрѣшенію вопроса, Комаровъ приказалъ подполковнику Закржевскому написать слѣдующій отвѣтъ на послѣднее письмо капитана Іэта:

17-го (29-го) марта 1885 г.

„Г. Капитанъ.

Въ отвѣтъ на Ваше любезное письмо, спѣшу увѣдомить Васъ, милостивый государь, что я готовъ прибыть на указанное Вами мѣсто въ указанный часъ. Мнѣ кажется, было бы лучше пригласить

¹⁾ Донесеніе русскаго дипломатическаго агента Таирова въ Бунджуръ и Кочанъ.

къ участію въ нашихъ переговорахъ кого-нибудь изъ начальниковъ авганскихъ войскъ.

Прошу Васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи

Н. Закржевскій, подполковникъ“.

Самъ же Комаровъ въ тотъ же день послалъ съ разѣздомъ, подъ командою сотника Копцева, слѣдующее письмо начальнику авганскихъ войскъ Наибъ-Салару-Темуршахъ-Хану:

„Командующему авганскими войсками:

Требую, чтобы сегодня, до вечера, всѣ подчиненные Вамъ военные чины до едина возвратились въ прежнія стоянки свои на правый берегъ рѣки Моръ (Кушкѣ), чтобы посты ваши на правомъ берегу Мургаба не спускались ниже соединенія рѣкъ. Переговоры и объясненій по этому вопросу не будетъ. Вы, обладатель ума и проицательности, вѣроятно, не допустите, чтобы я свое требованіе привелъ въ исполненіе самъ.

17-го марта 1885 года, Ташъ-Кепри.

Командующій войсками Закаспійской Области
генераль-лейтенантъ Комаровъ“.

Въ назначенное время, подполковникъ Закржевскій явился на свиданіе съ англичанами. Закржевскій спросилъ, передавалъ ли Наибъ-Саларъ содержаніе письма Комарова и, получивъ утвердительный отвѣтъ, освѣдомился, передавали ли его просьбу пригласить на свиданіе кого-нибудь изъ авганскихъ начальствующихъ лицъ. На это капитанъ Іэтъ отвѣчалъ, что онъ съ полной готовностью исполнить это желаніе Закржевскаго, говорилъ о немъ Наибъ-Салару, но тотъ отвѣтилъ, что въ настоящій день онъ считаетъ необходимымъ, чтобы всѣ авганскіе начальники не отлучались отъ своихъ людей. Затѣмъ на упоминаніе о назойливомъ выдвигеніи авганцами постовъ, вслѣдствіе котораго положеніе русскихъ войскъ сдѣлалось невыносимымъ, капитанъ Іэтъ отвѣчалъ, что расположеніе нѣкоторыхъ авганскихъ аванпостовъ измѣнить можно, но совершенное удаленіе ихъ за Кушкѣ будетъ равносильно оставленію позицій, которыя авганцы, на основаніи соглашенія между заинтересованными кабинетами, въ правѣ занимать безпрепятственно, при этомъ просилъ самого подполковника Закржевскаго отвѣтить, гдѣ именно находились авганскіе посты въ день соглашенія 5/17 марта.

На это Закржевскій отвѣтилъ, что онъ признаетъ, что дѣйстви-тельно авганскіе посты въ указанный день находились на лѣвомъ берегу Кушка, но эти посты были составлены всего изъ нѣсколькихъ человѣкъ, что русскіе разъѣзды тоже доходили до Кушки и моста Ташъ-Кепри, а теперь, разъ русскія войска подошли къ р. Кушкѣ, лѣваго его берега они не покинуть и занимать его считаютъ себя въ правѣ, на основаніи того же соглашенія, о которомъ говорится въ телеграммѣ лорда Гранвилля, копія съ которой ему прислана. Наступательныя же дѣйствія авганскихъ постовъ идутъ совершенно въ разрѣзъ съ условіями, поставленными въ той же телеграммѣ.

Въ отвѣтъ на это капитанъ Іэтъ со своими спутниками просили указать, до какого именно пункта русскіе претендуютъ на лѣвый берегъ рѣки Кушки. На это Закржевскій отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ никакихъ полномочій для отвѣта на этотъ вопросъ, генералъ же Комаровъ требуетъ очищенія авганскими постами мѣстности на лѣвомъ берегу р. Кушки собственно противъ русскихъ постовъ, только у Ташъ-Кепри, именно съ цѣлью избѣжанія столкновенія, поставивъ между аванпостами обѣихъ сторонъ естественную преграду; но даже и этими требованіями не желаетъ предрѣшать могущихъ состояться впоследствии рѣшеній смѣшанной пограничной комиссіи.

Послѣ этого послѣдовали долгія пренія на англійскомъ языкѣ между капитаномъ Іэтомъ и его товарищами относительно того, слѣдуетъ ли имъ уступить требованіямъ русскихъ или нѣтъ.

Состоявшій при отрядѣ, чиновникъ особыхъ порученій при главнокомандующемъ войсками кавказскаго военнаго округа Семевскій, знавшій англійскій языкъ, былъ очень удивленъ, когда, придя между собою къ рѣшенію не дѣлать уступокъ, переводчикъ передалъ подполковнику Закржевскому на французскомъ языкѣ, что капитанъ Іэтъ, не имѣя никакой власти надъ авганскими военнначальниками, сдѣлаетъ однако все, что будетъ въ его силахъ, чтобы убѣдить ихъ исполнить то, что требуетъ генералъ Комаровъ.

На этомъ свиданіе закончилось.

Во время переговоровъ конвой англійскихъ офицеровъ, состоявшій изъ индійскихъ всадниковъ, слился съ казаками, сопровождавшими Закржевскаго, и всѣ были поражены, когда при разставаніи они самымъ дружескимъ образомъ пожали другъ другу руки. Это обстоятельство обратило на себя особое вниманіе капитана Іэта, который и высказалъ своимъ товарищамъ недоумѣніе, какимъ образомъ, не понимая другъ друга, индійцы могли въ такое короткое время сойтись съ казаками.

Выслушавъ подробный докладъ Закржевскаго о результатахъ переговоровъ и видя, что ни они, ни категорическія требованія не приведутъ ни къ чему, такъ какъ авганцы на нихъ пока отвѣтили лишь усиленными работами по возведенію укрѣпленій на нашемъ берегу Кушка, Комаровъ рѣшилъ, что необходимо привести въ исполненіе поставленныя авганцамъ требованія немедленно.

Съ этой цѣлью въ тотъ же день къ 8 часамъ вечера Александръ Виссаріоновичъ созвалъ начальниковъ частей Мургабскаго отряда, изложилъ передъ ними сущность положенія и отдалъ приказанія, съ утра 18-го марта, начать наступленіе и атаковать авганцевъ.

Лишь только къ 10 часамъ вечера Наибъ-Саларъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

„Его Превосходительству храброму и отважному генералу-богатырю. Да увеличится его любезность.

Сегодняшнее письмо Ваше относительно отступленія и движенія баталіоновъ, караульныхъ и проч. получилъ.

Такъ какъ я получилъ отъ Его Превосходительства господина Гератскаго Наиба-Уль-Гукуме инструкцію, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ совѣтываться съ господиномъ богатыремъ - капитаномъ Іэтомъ, назначеннымъ сюда со стороны Его Превосходительства господина богатыря-генерала сэръ Петръ Лемедена, комиссіонера пограничной комиссіи, то, согласно этому приказанію Гератскаго Правителя Наиба-Уль-Гукуме, письмо Ваше показавъ господину богатырю-капитану Іэту. Господинъ капитанъ, послѣ разсмотрѣнія письма Вашего, имѣлъ свиданіе съ господиномъ полковникомъ Закржевскимъ и происходившіе между г. капитаномъ и г. полковникомъ переговоры г. капитанъ въ подробности объяснилъ мнѣ.

Да будетъ извѣстно Его Превосходительству, что для меня обязательно необходимо душою и сердцемъ исполнять послѣдовавшее отъ Его Свѣтлости Господина Эмира приказаніе, и я ни за что не могу противодѣйствовать приказанію своего Царя.

Само собою въ нѣкоторыхъ маловажныхъ дѣйствіяхъ, а именно движеніи и измѣненіи отдѣльныхъ передовыхъ разъѣздовъ и караульныхъ, состоящихъ передъ фронтомъ баталіоновъ (войскъ) обоихъ Государствъ—я согласенъ сходитья съ Его Превосходительствомъ генераломъ Комаровымъ, господиномъ старшимъ офицеромъ Русскаго Государства, дабы изъ-за такихъ маловажныхъ дѣлъ не происходило злодѣяній и раздоровъ.

12 Джемадисани 1302 г. Гиджры, согласно 29 марта 1885 года Темуршахъ - ханъ, Наибъ - Саларъ Гератскихъ и Пенджденскихъ войскъ“.

Это письмо вполне подтвердило мнѣніе Комарова и его распоряженія о наступленіи и атакѣ остались неизмѣненными. Однако, желая еще разъ сдѣлать шагъ къ мирному разрѣшенію спорнаго дѣла, А. В. Комаровъ послалъ слѣдующее дружеское, полуоффиціальное письмо Наибъ-Салару:

„Конфиденціально.“

Наибъ-Салару. (Переводъ съ персидскаго языка, послѣ обычнаго титула: „уважаемому, отважному и благородному“). Отвѣтъ Вашъ получилъ. Въ видахъ сохраненія дружественно-сосѣдскихъ отношеній, считаю необходимымъ объяснить, что маловажныя измѣненія передовыхъ постовъ и разѣздовъ я, въ силу данной мнѣ своимъ Правительствомъ задачи, могу допустить только въ видѣ исполненія сегодняшняго письма моего, въ коемъ объяснены мои предложенія. Хотя совѣтники Ваши, о которыхъ Вы пишете, видимо, стараются разорвать дружественныя наши отношенія, но все-таки повторяю, что неснятіе вновь созданныхъ постовъ Вашихъ и карауловъ на ту сторону рѣки Кушка не влечетъ за собою хорошихъ послѣдствій, въ чемъ, послѣ сего вторичнаго письма своего, я слагаю съ себя всякую отвѣтственность, ибо честь и высокое положеніе Россіи не могутъ допускать, чтобы не враждебно-расположенный лагерь войскъ ея былъ охваченъ дерзко-враждебными постами и разѣздами.

Да поможетъ Вамъ Господь въ разрѣшеніи этого дѣла и установленіи, вмѣсто вражды, дружественно-сосѣдскихъ отношеній, дабы впослѣдствіи не каяться въ послушаніи чужихъ бесполезныхъ совѣтовъ. Выборъ дружбы и вражды будетъ зависѣть отъ Васъ.

Командующій войсками

Генераль-Лейтенантъ Комаровъ“.

Лишь только распоряженіе о наступленіи стало извѣстно въ отрядѣ, какъ все сразу оживилось. „Куда дѣвались,—пишетъ участникъ,—прежнія угрюмыя лица, повсюду слышались радостныя восклицанія: „Наконецъ-то!“ „Слава Богу, силъ не было больше терпѣть“.

На другой день, 18-го марта, Мургабскій отрядъ, оставивъ на бивуакѣ лишь караульныхъ да часть нестроевыхъ, всего около 50 человекъ, согласно отданной ему наканунѣ диспозиціи, повелъ наступленіе тремя колоннами.

Первая колонна, въ составѣ 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и полубатарей 6-й горной батареи 21-й артиллерійской Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Феодоровны

*

бригады (4 роты, 4 орудія), подъ общимъ начальствомъ командира названнаго баталіона полковника Казанцева, пошла согласно диспозиціи песчаными буграми для того, чтобы сразу войти во флангъ и тылъ передовому участку непріятельской позиціи.

Вторая кавалерійская колонна, въ составѣ 1, 2 и 3-й сотенъ 1 Кавказскаго коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска и сотни временной Мервской Туркестанской милиціи, съ присоединенными къ ней Туркестанскими ханами, почетными старшинами съ ихъ свитою и 7 всадниками Ахаль-Текинской милиціи, составлявшихъ личный конвой А. В. Комарова, подъ общимъ начальствомъ начальника Мервскаго округа подполковника Алиханова, пошла нѣсколько лѣвѣе, чѣмъ слѣдовало бы по диспозиціи, вслѣдствіе чего очутилась къ началу боя въ центрѣ позиціи. Положеніе это Комаровъ однако не счелъ нужнымъ измѣнить и впослѣдствіи, во время самаго боя, такъ какъ оно, по ходу сраженія, оказалось выгоднымъ.

Третья, лѣвая, колонна въ составѣ 2-й и 3-й ротъ 3-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона и двухъ ротъ, тѣхъ же нумеровъ, 1-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, подъ общимъ начальствомъ полковника Семеновичъ-Никшича выступила, какъ и всѣ другія колонны, въ 4 часа утра и приостановилась согласно диспозиціи за бугромъ Кизиль-ле-Тепе.

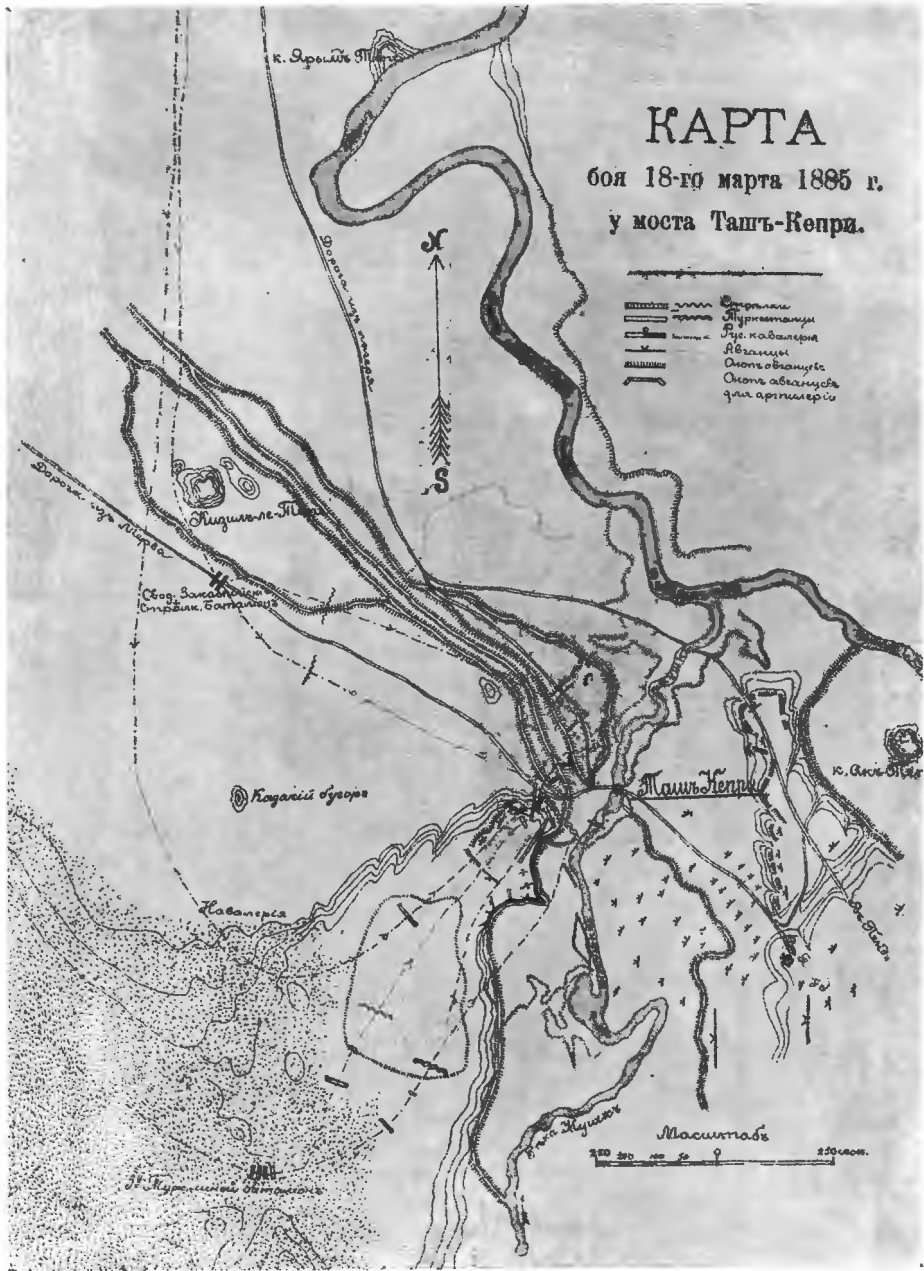
Авганскія войска были расположены такъ: такъ называемый военный Ташъ-Кепринскій бугоръ на лѣвомъ берегу Кушка составлялъ передовой пунктъ ихъ общей позиціи.

На этомъ бугрѣ авганцы ожидали насъ въ полной готовности. Авганская кавалерія въ составѣ приблизительно около 1.200 коней имѣла на флангахъ около роты пѣхоты, въ окопахъ находилось четыре орудія, а правѣе и нѣсколько отступя назадъ, но на лѣвомъ же берегу Кушка, было выстроено нѣсколько ротъ регулярной пѣхоты и 3 орудія, всѣ прикрытыя окопами съ бойницами для стрѣлковъ и амбразурами для пушекъ.

Остальныя авганскія войска были выстроены впереди своего лагеря на правомъ берегу Кушка. Около 200 человекъ во все время боя оставалось на правомъ берегу Мургаба.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ впослѣдствіи, оказалось, что противъ отряда Комарова было выдвинуто около 4.000 человекъ при восьми орудіяхъ. Кромѣ того часть кавалеріи подъ начальствомъ Джемшидскаго Еланташъ-Хана охраняла авганскій лагерь отъ предполагаемаго нападенія сарыковъ.

Наша кавалерія, пошедшая болѣе прямой дорогой, чѣмъ ей было опредѣлено диспозиціей, опередила туркестанцевъ и въ началѣ 6-го часа утра поднялась на Ташъ-Кепринскій бугоръ и, подойдя шаговъ

на 500 къ фронту авганской кавалеріи, остановилась и, выстроившись, стала поджидать подхода туркестанцевъ, находившихся приблизительно въ верстѣ разстоянія.

Къ кавалеріи Комаровъ приказалъ пристроиться горной полубатареѣ, а сводному Закаспійскому баталіону, стоявшему у Кизильле-Тепе, подвинуться, для поддержанія кавалеріи, впередъ.

Командующій баталіономъ самъ предупредилъ приказаніе и въ строю по-ротно подошелъ къ назначенному ему мѣсту.

До сихъ поръ ни съ той, ни съ другой стороны еще не раздалось ни одного выстрѣла.

Съ развѣтомъ аванпосты обѣихъ сторонъ были уже сняты и отошли къ своимъ частямъ.

Для наблюденія за флангами авганскихъ войскъ Комаровъ выслалъ: въ пески (на правый флангъ) развѣздъ изъ джигитовъ, а за лѣвымъ флангомъ выставилъ постъ изъ трехъ казаковъ на Ярымъ-Тепе.

Около 6 часовъ утра на позицію подошли туркестанцы; къ нимъ была направлена горная полубатарея.

Въ это время къ авганской кавалеріи подѣхалъ Наибъ-Саларъ и привѣтствовалъ свои войска словами: „Подвизайтесь во славу Божию“. На это авганцы, призывая Аллаха, отвѣчали троекратнымъ крикомъ, что они будутъ сражаться во имя Господне.

Подполковникъ Алихановъ, предполагая, что за этими криками немедленно послѣдуетъ атака, спѣшилъ своихъ казаковъ и джигитовъ, у которыхъ были ружья, а въ сомкнутомъ конномъ строю оставилъ только вооруженныхъ саблями.

Ожидаемой атаки немедленно, однако, не послѣдовало, такъ какъ авганцы видимо не могли сразу рѣшиться. Русскія же войска получили отъ А. В. Комарова приказаніе отвѣчать лишь только тогда, когда они къ этому будутъ вынуждены авганскимъ огнемъ.

Спустя нѣсколько минутъ по отвѣздѣ Наибъ-Салара, со стороны непріятели слышались первые выстрѣлы по нашей кавалеріи.

Когда Алиханову есауломъ Фальчиковымъ было сообщено, что у одного казака ранена лошадь, онъ приказалъ своимъ спѣшившимся казакамъ и джигитамъ дать залпъ и затѣмъ открылъ огонь опредѣленнымъ числомъ патроновъ по времени. На это авганцы отвѣчали сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ по всей своей линіи.

Русскіе выстрѣлы заставили ихъ спрятать свою пѣхоту въ окопы. Нашъ огонь оказался настолько сильнымъ, что на первыхъ же порахъ авганская кавалерія поколебалась, и лишь спустя нѣкоторое

время, оправившись, снова начала, повидимому, готовиться къ атакѣ. Часть ея, силою до 300 коней, имѣя цѣлью зайти въ тылъ нашей кавалеріи, спустилась съ бугра.

Противъ второго непріятельскаго отряда Алихановымъ была направлена сотня Мервскихъ милиціонеровъ, поддерживаемая огнемъ съ коня коноводами. Полковникъ Никшичъ, оставивъ на нѣкоторое время безъ вниманія направленный на его колонну огонь, сдѣлалъ три залпа по надвигавшейся авганской кавалеріи, а туркестанцы, по приказанію Комарова, перевели на нее свой огонь.

Такой убійственной встрѣчи авганцы не выдержали и безпорядочной массою стали отступать къ рѣкѣ Кушкѣ, бросались съ кручъ внизъ и, толпясь густыми массами, стали переправляться на правый берегъ рѣки. При этомъ ими были понесены весьма крупныя потери отъ мѣткихъ пуль туркестанцевъ, провожавшихъ ихъ съ близкаго разстоянія.

Пущенные Алихановымъ милиціонеры для атаки заскакавшихъ въ тылъ нашей кавалеріи авганцевъ смѣшались, и только нѣсколько храбрецовъ во главѣ съ командовавшимъ этою сотнею, прапорщикомъ Баба-Ханомъ, сразу же врубились въ ряды авганцевъ. Замѣтивъ замѣшательство, подполковникъ Алихановъ подскакалъ къ джигитамъ и крикнулъ имъ: „умрите тутъ всѣ или истребите ихъ“. Такого напоминанія оказалось достаточно, и сотня дружно бросилась въ сабли.

Туркестанцы, для лучшаго поддержанія нашей кавалеріи, нѣсколько растянули свой флангъ, и ихъ огонь оказался настолько дѣйствительнымъ, что и послѣдніе остатки авганцевъ, не выдержавъ его, кинулись съ Ташъ-Кепринскаго бугра за Кушкѣ, оставивъ на нашихъ рукахъ четыре орудія и взятое съ боя урядникомъ Туркменской милиціи Аманъ-Клычемъ знамя.

Между тѣмъ полковникъ Никшичъ повелъ свою колонну въ атаку на траншею лѣваго участка передовой авганской линіи.

Авганцы не выдержали удара въ штыки и бросились бѣжать на ту сторону Кушка, снова оставивъ на нашихъ рукахъ еще три орудія и знамя, взятое унтеръ-офицеромъ 6-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона Кобылкинымъ. При бѣгствѣ они оставили на своихъ траншеяхъ, по всей ихъ длинѣ, сплошной рядъ труповъ.

Поддерживая артиллерійскій огонь съ Акъ-Тене, авганцы, желая попытаться еще разъ помѣриться съ нашимъ отрядомъ своими силами, начали было выстраиваться отчасти впереди, а большею частью правѣе (западнѣе) своего главнаго лагеря на правомъ берегу Мургаба и силились поддержать свой ружейный огонь.

Однако, губительный огонь туркестанцевъ и быстрое, по приказанію Комарова, наступленіе всѣхъ частей русскихъ войскъ не дали имъ возможности снова собраться съ силами, и авганцы, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, бросились въ полномъ разстройствѣ бѣжать.

Преслѣдовать авганцевъ Комаровъ не приказалъ, желая доказать, что единственною его цѣлью было приведеніе въ исполненіе требованія объ очищеніи лѣваго берега Кушки. Съ этою же цѣлью Комаровъ не только остановилъ движеніе своего отряда въ Пендѣ, но даже не остался почевать въ авганскомъ лагерѣ, и спустя нѣсколько часовъ послѣ боя перевелъ обратно свои войска на лѣвый берегъ Кушка, гдѣ и расположился бивуакомъ. На Акъ-Тепе по его распоряженію былъ выставленъ наблюдательный постъ изъ нѣсколькихъ человекъ, дабы обезопасить бивуакъ отъ возможныхъ случайностей. Мѣра эта была необходима, такъ какъ часть авганцевъ, въ то время, когда занимали ихъ лагерь, попрятались въ палаткахъ, ямахъ и подъ арками моста и оттуда стрѣляли по нашимъ войскамъ.

Несмотря на то, что преслѣдованія бѣжавшихъ авганцевъ не было, пораженіе ихъ оказалось полнымъ. Вся мѣстность, занимаемая ихъ лагеремъ и позиціями, была сплошь усыяна трупами, большое число которыхъ было унесено быстрымъ теченіемъ Кушка.

Какъ передавали впослѣдствіи развѣдчики, самъ Джарнейль считалъ, что имъ потеряно до 1.000 человекъ убитыми, а изъ числа бѣжавшихъ болѣе половины приходилось на раненыхъ.

Кромѣ того, авганцы потеряли убитыми одного корнейля, двухъ капитановъ, начальника Герзаринской кавалеріи Ширъ-Хана, а самъ Наибъ-Саларъ былъ раненъ, какъ передавали, двумя пулями. Въ русскихъ рукахъ авганцы оставили всю свою артиллерію въ 8 орудій съ зарядными ящиками и артиллерійскими запасами, два знамени пѣхотныхъ баталіоновъ, огромный бунчукъ Джарнейля, барабаны, трубы и продовольственные и боевые запасы, а также и весь верблюжій транспортъ, въ количествѣ до 70 головъ¹⁾.

¹⁾ Въ шатрѣ авганскаго генерала были найдены, между прочимъ, его расшитый парадный мундиръ, щегольская каска, кальянь, сабля, двухстволка, панталоны съ золотымъ лампасомъ и новые лакированные ботфорты съ клеймомъ «Лондонъ». Полагая, что ботфорты эти принадлежали одному изъ англійскихъ офицеровъ, мы передали ихъ джигиту, съ приказаніемъ догнать бѣглецовъ и вручить ихъ хозяину. Джигитъ исполнилъ приказаніе. Но англичане сапогъ не пріяли, говоря, что ихъ хозяинъ—Наибъ-Саларъ... (Записки Алиханова-Аварскаго).

Отбитыя пушки въ послѣдствіи были отправлены, до полученія приказаній, въ Асхабадъ, а знамена съ подполковникомъ Закржевскимъ, вмѣстѣ съ донесеніями, къ князю Дондукову-Корсакову. Всѣ продовольственные запасы, по приведеніи количества ихъ въ извѣстность, Комаровъ приказалъ обратить въ собственность казны, пороховъ же и свинець были затоплены.

Такъ какъ преслѣдованія бѣжавшихъ авганъ не было, то въ плѣнъ попали лишь только тѣ, которые сами пожелали сдаться; такихъ оказалось лишь 24 человѣка, изъ которыхъ 17 раненыхъ.

Плѣнные сообщили свѣдѣнія о своихъ начальствующихъ лицахъ, о времени начатія постройки укрѣпленій, о роли англичанъ и о томъ, что отъ сарыковъ было потребовано подкрѣпленіе въ 1.000 стрѣлковъ и что день боя былъ назначенъ по полученіи отъ нихъ окончательнаго отвѣта.

Впослѣдствіи А. В. Комаровъ доносилъ:

„Такую полную побѣду я могу приписать доблестному поведенію всѣхъ чиновъ отряда. Начальники колоннъ выказали въ превосходной степени духъ почина, предупреждая приказанія, когда нужно было одной части поддержать другую, для достиженія общей поставленной цѣли; всѣ г.г. офицеры служили прекраснымъ примѣромъ беззапятной храбрости и исполнительности для нижнихъ чиновъ. Нижніе чины исполняли каждую команду безъ замедленія такъ дружно и стройно, какъ не всегда на ученіи. Во время боя ни одинъ человѣкъ не ступилъ ни шагу назадъ. Джигиты употребляли всѣ усилія стать достойными Государевыми слугами и своею кровью заслужили право на братское товарищество съ регулярными войсками“.

Боемъ руководилъ подъ непріятельскимъ огнемъ самъ Комаровъ.

„Самъ былъ въ огнѣ, но Господь сохранилъ меня въ невредимости“, писалъ онъ своей семьѣ.

Несомнѣнно громадное значеніе въ исходѣ боя имѣло то, что Комаровъ лично отдавалъ приказанія, несмотря на грозившую ему опасность, а также вѣра, любовь и уваженіе, которыми онъ пользовался въ средѣ какъ офицерскаго состава, такъ и нижнихъ чиновъ отряда, вслѣдствіе чего всѣ приказанія его исполнялись немедленно и точно. Прекрасно составленная диспозиція имѣла весьма важное значеніе, особенно при наличности только что указанныхъ условій.

Во время Кушкинскаго боя Мургабскій отрядъ потерялъ убитыми: одного оберъ-офицера, прапорщика милиціи Сеидъ-Назара-Юзбаши, пользовавшагося любовью всего отряда, за добрый характеръ и

выдающійся умъ, семь человекъ нижнихъ чиновъ своднаго Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона и одного джигита Мервской милиціи; ранены два оберъ-офицера—командиръ 1-й сотни 1-го Кавказскаго казачьяго полка сотникъ Кобцовъ и подпоручикъ 6-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона Хабаловъ и нижнихъ чиновъ: своднаго Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона—11, 3-го Туркестанскаго—2, казакъ—1 и туркменъ милиціонеровъ—4. Контужены: командиръ 3-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона полковникъ Никшичъ, того же баталіона подпоручикъ Косминъ и 6-го Закаспійскаго баталіона капитанъ Курочкинъ. Нижнихъ чиновъ контужено: своднаго баталіона—15, туркменцевъ 1 и двое казаковъ.

По окончаніи боя капитаномъ Іэтомъ, на имя подполковника Закржевскаго, были присланы два письма. Въ первомъ капитанъ передаетъ, что если намъ нужно, то докторъ Оуэнъ предлагаетъ свои услуги; второе же письмо, какъ заключительный аккордъ дѣятельности англичанъ, заслуживаетъ быть приведено полностью:

„Пендѣде 30 (18) марта 1885 г.

Г. Полковникъ.

Позвольте мнѣ просить свиданія съ Вами и сказать Вамъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ мы не находимся въ безопасности и просимъ у Васъ покровительства и конвоя.

Имѣю честь просить Васъ, г. полковникъ, принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи

Ч. Э. Іэтъ, капитанъ дипломатическій агентъ“.

На первое письмо Комаровъ приказалъ не отвѣчать, а что касается до второго, то онъ поручилъ Закржевскому въ сопровожденіи трехъ офицеровъ и джигитовъ отправиться въ Пендѣ къ капитану Іэту и предложить ему, отъ имени командующаго русскими войсками, просимый конвой и покровительство.

Однако оказать этой услуги англичанамъ Закржевскій не былъ въ состояніи, такъ какъ, когда онъ пріѣхалъ въ аулъ, въ которомъ жилъ капитанъ Іэтъ со своими товарищами, они уже уѣхали, а посланнымъ въ догонку за ними джигитамъ англичане ничего не отвѣтили.

Послѣ боя Комаровымъ были высланы развѣдчики, которые по возвращеніи донесли, что авганцы главною массою побѣжали по направленію на Бала-Мургабъ, а остальная меньшая часть по направленію на Кала-и-Моръ, что бѣгутъ они безъ оглядки, минуя сарыкскіе аулы, и впервые на ночлегъ остановились лишь только

въ Бала-Мургабѣ, откуда однако продолжали немедленно свое бѣгство изъ-за недостатка въ указанномъ пунктѣ продовольственныхъ припасовъ, по направленію на Кале-и-Ноу къ Герату.

Развѣдчики узнали, что джарнейль Госъ-Эдинъ-Ханъ во время бѣгства получилъ отъ Гератскаго Наибъ-Уль-Гукуме предложеніе держаться противъ русскихъ дальше и сообщеніе о высылкѣ подкрѣпленія. Передавали, что джарнейль, прочтя письмо, выразивъ негодованіе и досаду, воскликнулъ: „Теперь уже ничего не надо, потому что все пропало“.

Засимъ развѣдчики сообщили, что негодованіе противъ англичанъ развилось не только въ сарыкахъ, но и въ самихъ авганцахъ. Авганцы сожгли англійскій лагерь, а сарыки, нанявшіеся перевозить багажъ англичанъ, вмѣсто того, чтобы доставить его по назначенію, присвоили себѣ и увезли въ свои аулы.

Генералъ Лемденъ, по этимъ свѣдѣніямъ, ушелъ изъ Гюрнеме въ Кюсанъ, куда перебрались и всѣ члены комиссіи.

Высланные на рекогносцировки: 21 марта въ Кала-и-Моръ капитанъ Прасоловъ и 22 подполковникъ Алихановъ на Меручакъ по возвращеніи подтвердили свѣдѣнія, добытыя развѣдчиками, и сообщили, что авганцевъ на далекое разстояніе нѣтъ нигдѣ, и что, слѣдуя по пути ихъ отступленія, они видѣли массу свѣжихъ могилъ, обозначающихъ дорогу, по которой бѣжали авганцы.

Громадное число бѣжавшихъ погибло отъ холода, голода, напряженія силъ и другихъ лишеній. Положеніе авганцевъ дѣйствительно должно было быть отчаяннымъ, въ виду стоявшихъ морозовъ, отсутствія продовольственныхъ припасовъ и теплой одежды, оставленной въ лагерьѣ на берегу Кушка.

Оставшіеся на полѣ битвы авганцы были по приказанію Комарова похоронены сарыками, изъ ближайшихъ ауловъ. Заявивъ свои симпатіи русскимъ, сарыки исполнили это требованіе Комарова съ охотою.

Спустя нѣсколько дней послѣ боя, 26 марта Комаровъ отправилъ Наибъ-Салару слѣдующее письмо:

„Высокостепенному, славному и благородному.

Послѣ добрыхъ пожеланій, считаю долгомъ увѣдомить Васъ, что попавшія изъ состава вѣранныхъ Вамъ войскъ, въ качествѣ плѣнныхъ, лица, снабженные продовольствіемъ и деньгами на дорожные расходы, освобождены и отправились на мѣсто своего жительства, что семнадцать человекъ раненыхъ приняты въ госпиталь на лѣченіе и, по мѣрѣ выздоровленія, будутъ освобождены и отправятся къ Вамъ, и что убитые всѣ, съ помощью мусульманъ, похоронены согласно

правиламъ шаріата, въ чемъ можете быть спокойнымъ, ибо я, съ самаго начала, вовсе не имѣлъ намѣренія сталкиваться и воевать, кромѣ лишь исполненія справедливаго требованія своего и въ результатѣ, въ предѣлахъ того же требованія, расположилъ лагерь на этомъ берегу рѣки, оставаясь съ подданными и войсками Авганистана всегда въ добрыхъ и дружественныхъ отношеніяхъ, безъ всякихъ враждебныхъ цѣлей.

25 марта 1885 г. Ташъ-Кепри.

Командующій войсками

Генераль-Лейтенантъ Комаровъ“.

Послѣ боя на Кушкѣ, разбившаго авганцевъ и нанесшаго тяжелое моральное пораженіе Британской политикѣ въ Средней Азіи, вопросъ о возникновеніи войны казался неизбѣжнымъ. Возбужденное англійское общественное мнѣніе, винившее въ столкновеніи генерала Комарова, требовало преданія его суду и грозило войною. Неполученіе нѣкоторое время подробныхъ донесеній отъ Комарова лишало возможности русское правительство объяснить его образъ дѣйствій. Запросы одинъ за другимъ посылались изъ Петербурга.

Военное министерство, учитывая настроеніе въ Англии, начало также готовиться къ могущей возникнуть съ ней или Авганистаномъ войнѣ.

Такъ тревожно обстояли дѣла до полученія донесеній отъ А. В. Комарова. Въ серединѣ апрѣля въ Петербургъ прибылъ съ ними подполковникъ Закржевскій. Онъ былъ принятъ Государемъ и удостоился милостиваго одобренія и разговора съ Ихъ Императорскими Величествами.

Съ полученіемъ донесеній Комарова положеніе измѣнилось. Дѣйствія англичанъ получили свое освѣщеніе, ихъ роль обиженныхъ съ требованіемъ удовлетворенія была окончена.

Дѣйствія Комарова были оправданы общественнымъ мнѣніемъ и удостоились лестной оцѣнки съ Высоты Престола.

Военный министръ телеграфировалъ Александру Виссаріоновичу Комарову:

„Государь Императоръ, по прочтеніи Вашихъ донесеній, изволилъ убѣдиться, что Вы распорядились правильно, разумно и энергично, и что дѣйствія Ваши дали благопріятное для насъ направленіе спорному вопросу.

Спѣшу сообщить Вамъ заслуженную и лестную оцѣнку Государемъ Вашихъ распоряженій.

Генераль-Адъютантъ Ванновскій“.

Вопросъ о преданіи суду Комарова совершенно отпадалъ.

Князь Дондуковъ-Корсаковъ по этому поводу доносилъ въ Петербургъ военному министру:

„Считаю нужнымъ сообщить Вамъ мой взглядъ на распоряженія по дѣлу 18 марта. Надо знать Востока и впечатлительность азіатскихъ племенъ, чтобы понять, насколько рѣшительность Комарова, послѣ всѣхъ употребленныхъ имъ средствъ для миролюбиваго исхода дѣла, явилась необходимостью для поддержанія нашего обаянія въ краѣ.

Дальнѣйшая безнаказанность вызывающихъ дѣйствій авганцевъ, несомнѣнно; повлекла бы за собою присоединеніе къ непріятелю всѣхъ сарыковъ Пендэ, а можетъ быть и непріязненные дѣйствія уже подвластныхъ намъ туркменъ. Къ тому же изъ Герата, черезъ нѣсколько дней, могли подойти подкрѣпленія авганцамъ, что по видимому входило въ расчетъ англичанъ, и передъ превосходствомъ силъ непріятеля отступленіе или неудача нашихъ войскъ имѣла бы самыя непредвидѣнныя и пагубныя для насъ послѣдствія.

Изъ частнаго ко мнѣ письма Комарова, переданнаго Закржевскимъ, я вижу, насколько, при несомнѣнно миролюбивомъ его настроеніи, онъ озабоченъ и удрученъ послѣдствіями, которыя могутъ быть вызваны дѣломъ 18 марта, гдѣ рѣшительными своими дѣйствіями, пожертвовавъ личными своими соображеніями, онъ поддержалъ и честь русскаго оружія и достоинство Великой нашей Державы. Я не сомнѣваюсь, что какъ Государь, охранитель чести русскаго, такъ Вы и всѣ истинные русскіе, оправдаютъ Комарова, оказавшаго въ этомъ случаѣ не только присущую военному доблесть, но и къ сожалѣнію столь рѣдкое у насъ, гражданское мужество.

Комарова могутъ обвинять или люди совершенно незнающіе Востока или салонные патріоты, опасующіеся паденія курса за капиталы свои, помѣщенные за границей“.

То удрученное настроеніе Комарова, о которомъ пишетъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, было вызвано сомнѣніями о томъ, оправдаютъ ли его дѣйствія въ Петербургѣ, а цѣлый рядъ запросовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, — способствовали поддержанію такого настроенія.

Но Государь Александръ III угадывалъ это и, чтобы успокоить Комарова, писалъ:

„Я боюсь, чтобы изъ-за всѣхъ этихъ запросовъ изъ Петербурга, Комаровъ не подумалъ бы, что его дѣйствіями были недовольны.— Телеграфируйте ему, что Я вполне оцѣниваю его дѣйствія и распоряженія и совершенно одобряю ихъ“.

Заслуги Комарова были оцѣнены Государемъ, и за дѣло при Кушкѣ онъ былъ награжденъ золотымъ, усыпаннымъ брилліантами, оружіемъ съ надписью „за храбрость“ и получавшаяся имъ аренда въ 1.500 р. была увеличена на 1.000 рублей. Полковнику Закржевскому также было пожаловано золотое оружіе, а офицерскій составъ и нижніе чины Мургабскаго отряда не остались безъ Высочайшихъ наградъ.

Въ распоряженіе Комарова было отпущено 50 знаковъ отличія военнаго ордена.

„Мургабскій отрядъ счастливъ милостями Государя Императора“ доносилъ Комаровъ.

Послѣ такой оцѣнки описанныхъ выше событій со стороны Императора Александра III, англичане принуждены были поуѣмривъ свой пылъ. Когда же подробности боя стали извѣстны, то сами англичане въ Парламентѣ и своей прессѣ рѣзко нападали на Сень-Джемскій кабинетъ, лорда Грапвилля и генерала Лемсдена.

Некорректность роли послѣдняго была настолько очевидна, что англичане сочли необходимымъ отозвать свою комиссію. Генераль Лемсденъ возвратился въ Лондонъ.

Виновность Англій въ избіеніи ни въ чемъ, собственно говоря, неповинныхъ авганцевъ на долгое время подорвала престижъ Британіи въ Средней Азіи, и вопросъ о войнѣ совершенно затихъ, тѣмъ болѣе, что самъ Авганистанъ ея не желалъ, а наоборотъ отозвалъ свои войска съ пограничной черты, какъ на примѣръ отъ Зюльфагара, что видно изъ донесеній полковника Флейшера, занимавшаго этотъ важный стратегическій пунктъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ дѣла на Кушкѣ было присоединеніе Пендинскаго оазиса, заселеннаго богатыми овцеводами-туркменами, племени сарыкъ и значительнаго участка удобныхъ пастбищъ въ предгорьяхъ Парапамиза. Авганцы противъ этого присоединенія нѣсколько не протестовали, такъ какъ сами не могли справиться съ враждебно настроеннымъ противъ нихъ населеніемъ оазиса.

Всѣ расходы по дѣлу при Кушкѣ и занятію Пендинскаго оазиса выразились въ сверхсѣтныхъ ассигнованіяхъ 961.849 рублей, изъ которыхъ израсходовано было всего 890.957 рублей.

Разграниченіе съ Персіей, на основаніи секретной конвенціи, заключенной по окончаніи Ахаль-Текинской экспедиціи, начатое въ 1883 году, было успѣшно закончено въ 1886 году.

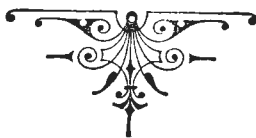
Въ 1886 году было приступлено къ разграниченію съ Авганистаномъ и послѣ маловажныхъ для насъ уступокъ (Зюльфагаръ) доведено до благополучнаго конца въ 1887 году.

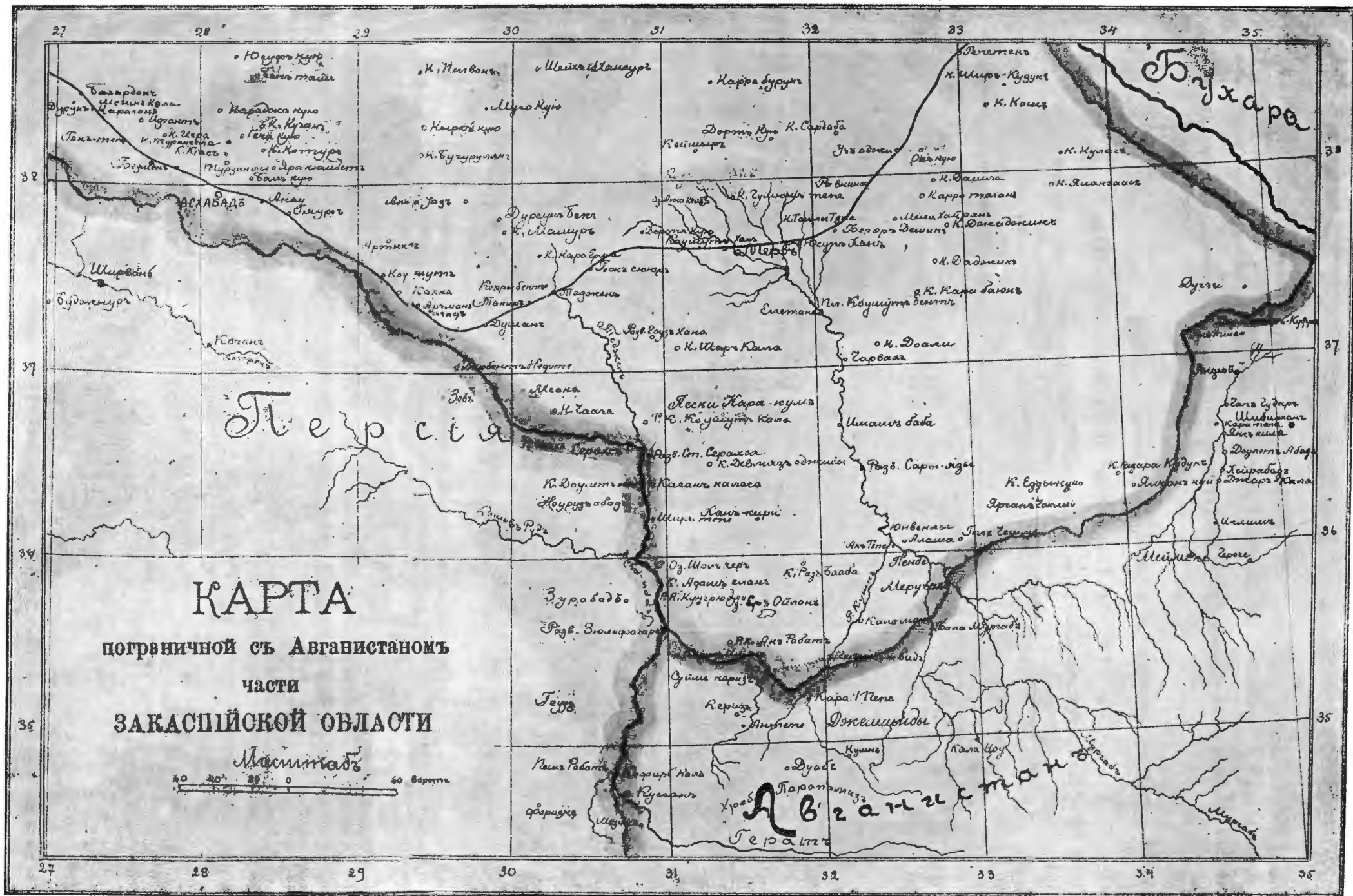
Уступленный Персіей по секретной конвенціи 1881 года Атекъ (11 селеній) фактически былъ присоединенъ къ имперіи въ 1886 году и вошелъ въ составъ Ахаль-Текинскаго уѣзда.

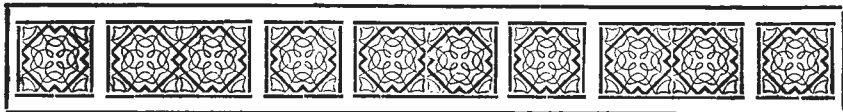
Присоединеніемъ Атека закончились увеличенія области. За весь описанный здѣсь періодъ времени къ имперіи присоединилось пространство въ 196.327 кв. верстъ или 4.056 кв. миль, большая часть котораго должна въ будущемъ, при правильно поставленной ирригаціи, возвратиться къ своему прежнему богатѣйшему развитію.

Всѣ эти присоединенія, въ нѣсколько разъ большія по размѣрамъ и выгодныя по качеству, нежели присоединенія Ахаль-Текинской экспедиціи, обошедшейся въ десятки милліоновъ, были сдѣланы почти безъ всякихъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій.

Кромѣ цѣнности, самихъ по себѣ, приобрѣтеній Комарова, они имѣютъ еще весьма важное политическое значеніе, такъ какъ наша граница на всемъ протяженіи пришла въ соприкосновеніе съ Авганистаномъ, а слѣдовательно и съ Англійей. Русское обаяніе въ Средней Азіи поднялось на высоту, достойную великой державы. Населеніе края, ранѣе существовавшее разбоями и грабежами, вернулось къ мирному развитію, и въ скоромъ времени несомнѣнно Закаспійская область, по своимъ природнымъ богатствамъ и необычайному плодородію, займетъ подобающее мѣсто во владѣніяхъ русской короны.

По поводу статьи „По Вальтеръ-Скотту“¹⁾.

По поводу статьи моей, помѣщенной въ январьской книжкѣ „Русской Старины“ за текущій годъ „По Вальтеръ-Скотту“, отставной генераль-отъ-инфантеріи военно-судебнаго вѣдомства А. С. Адамовичъ, живущій въ Одессѣ, прислалъ мнѣ письмо (отъ 19 января с. г.), имѣющее, на мой взглядъ, несомнѣнно общественное значеніе. Выдержку изъ этого письма, съ согласія автора послѣдняго, представляю на Ваше благоусмотрѣніе.

Генераль Адамовичъ, между прочимъ, пишетъ:

„Прочитавъ въ „Русской Старинѣ“ Вашу статью „По Вальтеръ-Скотту“, могу Вамъ сообщить нѣкоторыя данныя для провѣрки заявленія Вальтеръ-Скотта. Это—мой любимый авторъ, и настолько обстоятельный и правдивый, что я считаю нужнымъ поддержать его въ томъ, что *приказъ Наполеона—бросить въ озеро крестъ съ Ивана Великаго—дѣйствительно состоялся, но былъ приведенъ въ исполненіе не въ Смоленской губерніи, а въ предѣлахъ Могилевской или Минской губерній, на протяженіи почтовой дороги отъ г. Орши до г. Борисова.*

Вотъ мое свидѣтельское показаніе:

Въ 1862 году, проѣзжая по этой дорогѣ, я видѣлъ какія-то гидравлическія сооруженія для спуска воды изъ озеръ, которыя встрѣчались по дорогѣ; при чемъ иль изъ этихъ озеръ вывозили на поля. Не знаю, была ли цѣль спуска воды покрыта таинственностью, но изъ лицъ, къ которымъ я обращался за разъясненіемъ, никто не могъ мнѣ дать удовлетворительнаго отвѣта.

Въ томъ же, 1862 году, я былъ по дѣлу на бумажной фабрикѣ въ им. „Крынкахъ“ (Могилевской губ.) помѣщика Гурко (имени не

¹⁾ Эта статья препротождена при письмѣ на имя редактора.

помню, но по отчеству, кажется, „Леонтьевич“, сына генерала, двоюроднаго брата фельдмаршала Гурки). У него я провелъ одинъ день, и когда, случайно, вопросъ коснулся загадочнаго для меня спуска воды изъ озеръ, то г. Гурко разъяснилъ мнѣ причину этихъ работъ. По его словамъ, проживая нѣкоторое время въ Парижѣ (кажется, во время выставки), г. Гурко встрѣчался въ обществѣ съ однимъ бывшимъ министромъ Гино (Гюно, или что-то въ этомъ родѣ). Когда этотъ б. министръ узналъ, что Гурко—изъ той мѣстности, по которой отступали французы, то спросилъ его: „найденъ ли крестъ съ Ивана Великаго?“ При этомъ онъ очень удивился, что никто его не разыскиваетъ. По словамъ француза, въ 1812 году онъ былъ поручикомъ. При отступленіи французской арміи, *на первомъ или второмъ переходѣ отъ г. Орши, но не дальше Борисова*, онъ, вечеромъ, получилъ приказаніе — взять два взвода пѣхоты и потопить крестъ *въ озерѣ, которое* ему указали, на сколько онъ помнитъ, *вправо отъ дороги*, что онъ исполнилъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а утромъ прослѣдовалъ дальше вмѣстѣ съ другими войсками.

Помѣщикъ Гурко былъ женатъ на урожденной Лярской. Когда родной ся дядя, тоже Лярскій, услышалъ этотъ рассказъ, то, убѣдившись раньше въ томъ, что Гурко не думаетъ искать креста, заявилъ, что онъ займется этимъ дѣломъ. Лярскій (кажется, Смоленскій) былъ человекъ умный, предприимчивый, и въ то время имѣлъ большой оборотный капиталъ, какъ строитель шоссеиныхъ дорогъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ владѣльцами озеръ (по дорогѣ изъ г. Орши въ г. Борисовъ) и много истратилъ денегъ на спускъ воды изъ этихъ озеръ. Но всѣ поиски оказались безуспѣшными, потому что дно озеръ представляетъ изъ себя торфяную трясику: очевидно, въ теченіе 50-ти лѣтъ крестъ, по своей тяжести, ушелъ на недосыгаемую глубину.

Не помню, гдѣ я читалъ о томъ, что при выступленіи французовъ изъ Москвы, въ сани, на которыхъ былъ уложенъ крестъ съ Ивана Великаго, „запрягалось шесть троекъ“.

Къ этому письму генерала Адамовича могу добавить, что недавно, живя нѣсколько лѣтъ въ Смоленскѣ, я два лѣта подъ рядъ провелъ на дачѣ въ чудномъ, старинномъ, хотя и запущенномъ, имѣннѣ „Вонлярово“, находящемся верстахъ въ 20-ти отъ Смоленска, недалеко отъ полу-станка желѣзной дороги „Вонлярово“. Имѣніе это и теперь принадлежитъ роду Вонлярлярскихъ (Лярскихъ), находящихся въ родствѣ съ Гурками (Гурками-Ромейками). Недалеко отъ имѣнья „Вонлярово“ есть имѣнье „Нивищи“, принадлежавшее прежде, въ семидесятыхъ годахъ, родному дядѣ моего отца Ф. Н. Гольцову,

бывшему въ дружбѣ съ Вонлярлярскими. Теперь это имѣніе, перейдя послѣ смерти Гольцова къ моимъ родственникамъ—Измайловымъ, давно уже находится въ третьихъ рукахъ. Но около 1862 г. оно принадлежало еще Гольцову.

Мой покойный отецъ, часто бывавшій у Гольцова въ его имѣніи, мнѣ рассказывалъ о томъ, что Гольцовъ (самъ все отцу моему передававшій) принималъ дѣятельное участіе въ розыскѣ Вонлярлярскимъ (вѣроятно дѣдомъ нынѣшнихъ владѣльцевъ „Вонляррово“—г-жи Вонлярлярской и Игельстромовъ) сокровищъ московскихъ, брошенныхъ французами при отступленіи ихъ изъ Москвы въ одно изъ озеръ, находившихся на пути отступленія французской арміи; что и у Гольцова, и у Вонлярлярскаго, будто-бы имѣлись какіе-то документы, гдѣ содержались разнаго рода указанія по данному вопросу; что, наконецъ, Вонлярлярскій истратилъ безплодно огромныя суммы на поиски историческаго клада. Передавалъ мнѣ отецъ и о томъ, что поиски послѣдняго производились частнымъ образомъ, въ тайнѣ, безъ привлеченія специалистовъ, которые могли бы дать полезныя указанія при сложныхъ работахъ, вообще на-скоро... Мнѣ извѣстно, что въ „Вонлярровѣ“ сохранился фамилный архивъ. По слухамъ, тамъ имѣются какіе-то документы и о „кладѣ“.—Быть можетъ, въ „Вонлярровѣ“ и въ имѣніи „Крынкахъ“ лежатъ безъ пользы бумаги, могущія пролить свѣтъ на эту интересную страницу Отечественной войны...

Если принять во вниманіе, что работы по розыску московскаго клада производились частными лицами, безъ участія компетентныхъ людей, что въ 1862 году не имѣлось приборовъ (нынѣ, насколько знаю, имѣющихся), которые показываютъ на значительной глубинѣ присутствіе массы металла (а такую массу представлялъ изъ себя крестъ съ колокольни Ивана Великаго),—то невольно хочется думать, что новые поиски, въ виду „свидѣтельскаго показанія“ ген. Адамовича, обставленные иначе, могли бы привести и къ инымъ результатамъ.

Въ виду надвигающагося на насъ славнаго юбилея 1812-го года, вотъ—благородная задача для Смоленскаго отдѣла Русскаго Импер. Военно-Истор. Общества и для возникающихъ, по слухамъ, въ Вильнѣ отдѣловъ того же Военно-Историческаго Общества и Московскаго Комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года..... Эти учрежденія я и имѣю въ виду, составляя настоящую статью.

А. Жиркевичъ.

Всеподданнѣйшее прошеніе потомковъ Дмитревскаго.

Августѣйшій Монархъ

Всемиловѣйшій Государь!

Покойный дѣдъ нашъ, членъ Россійской Академіи, основатель русскаго театра съ Волковымъ, первый трагическій актеръ и инспекторъ театровъ въ С.-Петербургѣ, Дмитревскій, имѣлъ счастье служить всѣмъ предкамъ Вашего Императорскаго Величества, со временъ Государыни Императрицы Елисаветы Петровны.

Долговременное поприще его жизни оживляемо было благотворительностію пяти монарховъ, удостоивавшихъ его лично знаками особаго Высочайшаго вниманія.

Отецъ нашъ и дядя, коллежскій и титулярный совѣтники, прослужа каждый болѣе тридцати пяти лѣтъ въ с.-петербургскомъ почтамтѣ, умерли въ 1833 году, не оставивъ намъ ничего, кромѣ пенсіона, получаемаго нами изъ Главнаго Казначейства, въ память службы покойнаго дѣда нашего, постоянное же болѣзненное наше положеніе, при старости лѣтъ, совершенно лишаящее возможности снискивать себѣ прожитіе трудами, заставляетъ насъ большую часть пенсіона употреблять на леченіе, а потому, повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества сіе всеподданнѣйшее прошеніе, мы осмѣливаемся испрашивать себѣ Всемиловѣйшаго отъ щедротъ Вашихъ пособія, въ память службы отца, дяди и покойнаго нашего дѣда, удостоившагося быть, при сооруженіи памятника Тысячелѣтія Россіи, въ Новгородѣ, изображеннымъ въ барельефѣ въ числѣ лицъ, ознаменовавшихъ себя заслугами на поприщѣ народнаго образованія.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанныя

Наталья Дмитревская

Елизавета Дмитревская,

дочери титулярнаго совѣтника¹⁾.

6 марта 1862 года.

Жительство имѣемъ:

4 части 3-го квартала близъ

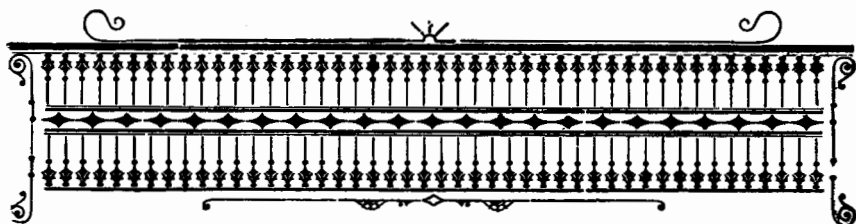
Калинкина моста, въ домѣ

купца Иванова, № 105, квартира № 6.

Сообщ. В. А. Алексѣевъ.

¹⁾ На лѣвомъ полѣ первой страницы: Мидацынская свѣдѣтельница получила обратна Елизавета Дмитревская 24 Апреля 1862.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XV¹⁾.

Было уже начало сентября и наступило самое душливое, знойное время года: лѣтніе мѣсяцы въ Хіосѣ чрезвычайно пріятны и прохладны благодаря освѣжающимъ вѣтрамъ съ сѣвера; но въ дни равнодѣйствій съ африканскихъ и аравійскихъ степей начинается дуть жаркій, сухой самумъ. Море реветъ, какъ звѣрь, и бросаетъ громадныя волны на берегъ, такъ что ни купаться, ни гулять нѣтъ никакой возможности. Окна моей спальни, выходящія на бухту, не открываются совсѣмъ и наглухо заколочены ставнями, такъ какъ вѣтеръ можетъ сорвать рамы, а фонтаны брызгъ обдають стѣны дома до самой крыши.

Было ужасно скучно. Красиваго адъютанта уже давно, почти два мѣсяца, мнѣ не приходилось встрѣчать, и я успѣла достаточно охладѣть къ нему. Появлялись изрѣдка въ нашей пріемной греки и гречанки; но мнѣ хотѣлось чего-нибудь болѣе интереснаго, чѣмъ общество невѣжественныхъ торгашей. Картины природы также при-смотрѣлись, и я затосковала на классическомъ островѣ.

Ничего другого не оставалось, какъ пользоваться единственнымъ развлеченіемъ: сидѣть на балконѣ въ затишѣ, читать и наблюдать рѣдкихъ прохожихъ въ эту бурную погоду.

И вдругъ въ одинъ изъ такихъ томительныхъ дней я увидѣла на поворотѣ изъ города на бульваръ знакомую группу: турецкаго солдата, а за нимъ въ черномъ плащѣ, запахиваясь отъ вѣтра, шелъ самъ губернаторъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1910 г.

Обрадованная, я поспѣшила къ нему навстрѣчу и на площадкѣ лѣстницы шумно привѣтствовала его:

„Ваше превосходительство, когда же, наконецъ, приѣдетъ ваша дочь? я умираю отъ скуки здѣсь! вотъ и лѣто прошло, а Элиме все нѣтъ и нѣтъ!“

Деликатный, всегда застѣнчивый Кіамиль-паша какъ будто смутился отъ столь развязнаго обращенія съ нимъ, совсѣмъ непривычнаго для уха истаго, степеннаго мусульманина, хотя бы самаго образованнаго и прогрессивнаго: ихъ женщины даже у себя дома не смѣютъ первыми обращаться съ разговорами къ отцу или мужу отвѣчаютъ только на вопросы, скромно опустивъ глаза...

Но слишкомъ хорошо воспитанный, онъ мгновенно оправился отъ удивленія и, пожимая мнѣ руку, съ любезной улыбкой отвѣтилъ:

„Mademoiselle, я счастливъ, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ, да благословить васъ Аллахъ, а за симъ имѣю честь передать вамъ привѣтъ вернувшейся семьи и просить вашего разрѣшенія для моихъ дамъ посѣтить васъ завтра же?“

Въ этотъ моментъ подошли и родные.

Послѣ рукопожатій и взаимныхъ пожеланій съ призываніемъ имени Аллаха,—какъ полагается по турецкому этикету,—Кіамиль-паша, слѣлавъ жестъ въ мою сторону, серьезно и сердечно проговорилъ:

„Однако, какъ ваша племянница располнѣла и въ тѣлѣ и въ лицѣ—прямо удивительно! Съ Божьей помощью, надѣюсь, что такъ будетъ продолжаться до безконечности! Иншаллахъ! Иншаллахъ“—т. е. дай Богъ!

Ну, ужъ этого я никакъ не ожидала и совершенно растерялась.

А виновникъ моей тревоги, ничего не подозрѣвая, повернулся къ дядѣ и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ упрашивалъ послѣдняго пожаловать на слѣдующій день къ нему въ конакъ для интимной бесѣды и остаться съ нимъ до возвращенія гарема домой—„чтобы,—прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія,—и намъ съ вами не скучать“.

Любезное приглашеніе это въ тайномъ переводѣ имѣло такой смыслъ: „и для меня такъ покойнѣй будетъ, и тебѣ меньше искушенія: двери здѣсь все стеклянныя, а франки народъ ненадежный“...

Когда ушелъ губернаторъ, я тотчасъ же ушла къ себѣ, чтобы удостовѣриться въ постигшемъ меня несчастіи и, стоя передъ зеркаломъ, съ ужасомъ спрашивала себя: неужели правда? лучше умереть въ такомъ случаѣ; но прежде надо провѣрить...

— Дядя,—захныкала я,—развѣ я пополнѣла?

— Какъ будто немного поправилась,—отвѣтилъ онъ разсѣянно и ушелъ по дѣламъ службы.

— Сказалъ „немного“, славу Богу,—утѣшилась я,—надо поху-дѣть: буду мало ѣсть и меньше спать...

Но... забѣгу впередъ и, курьеза ради, расскажу теперь же, какое смѣшное недоразумѣніе вышло изъ всего этого. При послѣдующихъ, довольно частыхъ посѣщеніяхъ мною семьи хіосскаго губернатора, я неизмѣнно слышала отъ него одно и то же: „Благодареніе Аллаху, mademoiselle все полнѣетъ и полнѣетъ!“.

На мои жалобы и тревожные разспросы Marie съ раздраженіемъ всегда отвѣчала:

— Какія глупости лѣзутъ тебѣ въ голову—займись лучше дѣломъ. Мало ли что говорятъ изъ любезности.

— Хороша любезность, думала я въ отчаяніи.

Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда подобныхъ зловѣщихъ для меня восклицаній я рѣшилась сдѣлать дипломатическій шагъ.

— Милая тетя,—съ мольбой обратилась я къ Marie,—пожалуйте меня, укажите средство отъ чрезмѣрной толщины, а то очень скоро мнѣ не пролѣзть ни въ одну дверь.

Удивленная тетка спросила, откуда явилась у меня такая дикая фантазія?

Тогда я объяснила, въ чемъ дѣло, горько сѣтуя на Кіамиль-пашу.

Вошедшій дядя присоединился къ хохоту жены, и оба, наконецъ, разъяснили мнѣ, что это нечто иное, какъ турецкій комплиментъ, равносильный нашему: „ахъ, какъ вы похорошѣли!“ такъ какъ восточные люди не любятъ худыхъ красавицъ.

Итакъ, сомнѣнія мои разсѣялись, и я успокоилась.

А воспитанный и вѣжливый паша такъ же, какъ и прежде, при встрѣчахъ со мной, не измѣняя даже тона, повторялъ: „Благодареніе Аллаху, mademoiselle полнѣетъ и полнѣетъ!“

Г л а в а XVI.

На слѣдующій день мы стали готовиться къ приему знатныхъ турчанокъ. По столамъ разставлены были кувшины съ шербетомъ, варенье и разныя сласти, до которыхъ онѣ страстныя охотницы.

Прежде чѣмъ продолжать этотъ рассказъ, я должна предпослать ему слѣдующее объясненіе, чтобы было понятно положеніе дѣйствующихъ лицъ въ настоящей главѣ.

Единственная законная жена Кіамиль-паши, ханумъ Ашима, какъ уже извѣстно читателю, была сирійская арабка.

Дочь и невольницы губернатора также усвоили родное нарѣчіе хозяйки дома и въ сношеніяхъ между собой пользовались имъ чаще, чѣмъ турецкимъ.

Передъ назначеніемъ своимъ въ Хіосъ вице-консуломъ и агентомъ русскаго пароходства дядя мой прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ той же должности на Сирійскомъ побережьи, исключительно заселенномъ бѣлыми арабами, языкъ которыхъ такъ же популяренъ тамъ, какъ галика въ Малой Азии и на архипелагахъ.

За это время и Marie прекрасно научилась понимать сирійскій говоръ; но избѣгала объясняться на немъ вслѣдствіе его слишкомъ гортаннаго произношенія съ необыкновенно твердыми удареніями. Когда на островъ былъ переведенъ Кіамиль-паша, и дамы гарема его обмѣнялись съ ней визитами, то она скрыла отъ послѣднихъ свое знаніе арабскаго языка просто изъ нежеланія смѣшнить ихъ неправильностью произношенія и разговаривала съ ними по-турецки.

Во всѣ эти подробности я вхожу сейчасъ только для того, чтобы было понятно, какимъ путемъ удалось мнѣ получить дословный переводъ интимнѣйшихъ сужденій турчанокъ о моей личности при первомъ нашемъ знакомствѣ.

Итакъ, мы ждали столь необыкновенныхъ для меня гостей, и я горѣла нетерпѣніемъ поскорѣ увидѣть безъ покрываль этихъ загадочныхъ по европейскимъ понятіямъ созданій.

На мои разспросы, правда ли, что дочь губернатора, какъ говорятъ, очень образованная особа, такъ какъ училась въ школѣ при какой-то французской общинѣ въ Іерусалимѣ и о чемъ удобнѣе вести съ ней бесѣды, Marie дала мнѣ слѣдующее разъясненіе.

„О степени учености магометанской дѣвицы,—улыбнулась она,—предоставляю тебѣ судить самой при дальнѣйшемъ съ нею знакомствѣ, а сейчасъ и прежде всего рекомендую тебѣ чрезвычайную осторожность въ выраженіяхъ, т. е. другими словами: не критиковать ничего турецкаго, а главное избѣгать религіозныхъ темъ: малѣйшее опрометчивое слово о пророкѣ, а также о личности падишаха смертельно оскорбитъ ее, и вмѣсто друга ты найдешь въ ней непримиримаго врага. Мусульманскія женщины,—продолжала она,—фанатичнѣ мужчинъ, увѣряю тебя, и странно было бы мнѣ, здѣшней уроженкѣ, послѣ долгаго сожителства съ этимъ народомъ не знать его!

Въ этотъ моментъ вошелъ дядя и предупредилъ жену, что отправляется въ Кокакъ.

— Женья,—позвалъ онъ меня,—вчера Кіамиль-паша говорилъ мнѣ, что дамы его ждутъ, не дождутся спросить тебя, хорошо ли ты разсмотрѣла султана на Селямликѣ, и каковъ онъ изъ себя? Сами онѣ никогда не были въ Константинополь, а потому съ инте-

ресомъ будутъ слушать твой разсказъ: хвали все — красокъ не жалѣй: чѣмъ ярче, тѣмъ лучше. О падишахѣ можешь даже сказать, что онъ показался тебѣ красавцемъ,—расхохотался дядя,—этимъ дѣла не испортишь, а напротивъ доставишь имъ большое удовольствіе.

— Какъ!—воскликнула я,—называть красавцемъ стараго толстяка? едва-ли онѣ повѣрятъ и, пожалуй, обидятся?

— Повѣрятъ, будь покойна! но во всякомъ случаѣ упомяни, что ты собственными глазами видѣла тѣнъ Аллаха на его челѣ,—смѣясь, договорилъ онъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Однако, не трудно понравиться турчанкамъ,—думалось мнѣ,—скажу, что Абдуль-Азисъ очарователенъ, и что Магометъ—великій пророкъ. А въ остальномъ мы сойдемся: все-таки Элиме вѣроятно умнѣ глухихъ гречанокъ, съ которыми, кромѣ какъ о сплетняхъ и нарядахъ, не о чемъ и поговорить. Она будетъ хорошей подругой, я научусь у нея по-турецки и не буду такъ одинока, какъ сейчасъ,—мечтала я. Отсутствіе сверстницы тяжело переносилось мной.

Мы вышли на балконъ и, въ ожиданіи появленія гостей, Магіе снова принялась учить и наставлять меня, какъ и въ какомъ тоиѣ удобнѣе всего вести бесѣды съ затворницами гаремовъ.

Г л а в а XVII.

Наконецъ мы увидѣли оригинальное зрѣлище.

На сажень впередъ шли два запліе, расчищая дорогу отъ прохожихъ. За ними тихимъ шагомъ и сидя верхомъ по-мужски на мулахъ, подъѣзжали къ нашему дому четыре всадницы. Видъ послѣднихъ менѣе всего напоминалъ амазонокъ: скорѣй всего ихъ можно было принять за разноцвѣтные мѣшки, навьюченные на спины животныхъ. Закутанныя въ широчайшія хламиды, изъ-подъ которыхъ уморительно торчали ноги въ обѣ стороны, въ бѣлыхъ ясмакахъ съ узкимъ отверстіемъ для глазъ и неуклюже покачиваясь въ сѣдлахъ, онѣ производили комичное впечатлѣніе на непривычнаго зрителя.

Остановивъ муловъ у подъѣзда, гаремныя дамы стали сваливаться съ нихъ и утиной походкой, свойственной всѣмъ турчанкамъ, вошли въ парадный ходъ. Мы встрѣтили ихъ въ корридорѣ и пригласили въ пріемную. Но прежде чѣмъ войти туда, губернаторша остановилась на порогѣ и стала пристально всматриваться

въ противоположную стеклянную дверь, задернутую изнутри портьерой.

Элиме перехватила ея взглядъ и, указывая мнѣ на подозрительное мѣсто, спросила по-французски:

„Тамъ есть кто-нибудь?“

„Кто-нибудь“ надо было понимать „мужчина“.

Я успокоила ея, и тогда всѣ четверо, шумно переключаясь между собой по-арабски, вошли въ залъ.

Здѣсь передъ зеркаломъ былъ поставленъ для нихъ столикъ съ туалетными принадлежностями, и мы попросили ихъ раздѣться. А это оказалось очень сложной работой. Прежде всего имъ пришлось вытаскивать массы булавокъ, которыми были укрѣплены на головахъ ясаки. Послѣдніе состоятъ изъ двухъ половинокъ: верхняя накидывается отъ затылка и, прикрывая темя, спускается на лобъ до самыхъ глазъ; вторая—надѣвается на нижнюю часть лица, а концы, захватывая уши, укрѣпляются сзади. Снявъ ясаки, обѣ благородныя дамы оказались въ хорошенькихъ модныхъ шляпкахъ съ перьями и цвѣтами. Спрашивается: для чего онѣ имъ, когда придется обвертывать ихъ складками плотной кисеи? На рабыняхъ красовались ярко-желтыя повязки съ блестками. Всѣ онѣ показались мнѣ толстыми, неповоротливыми, пока оставались въ своихъ фередже, покрой котораго напоминаетъ мѣшокъ съ прорѣзанными отверстиями для рукъ и скрываетъ въ своихъ обширныхъ полотнищахъ всю человѣческую фигуру.

Когда же губернаторша и ея падчерица сняли эти безобразныя балахоны, то явились намъ худощавыми стройными франтихами въ прекрасно сшитыхъ шелковыхъ платьяхъ по послѣднему слову парижской картинки.

Красота ханумъ Ашимы поразила меня: необыкновенно бѣлый цвѣтъ лица, нѣжный румянецъ, большіе каріе глаза, прекрасный профиль—она была очаровательна, эта сирійская арабка.

Элиме выглядывала значительно старше своей мачехи, имѣла типичныя черты восточной уроженки: ястребиный носикъ, чувственный ротъ и черные безъ блеска жесткіе волосы, заплетенные въ мельчайшія косички, какъ полагается турецкимъ дѣвушкамъ. Обѣ невольницы, рыхлыя молодыя черкешенки, были въ полосатыхъ юбкахъ и красныхъ кофтахъ. Такимъ образомъ я убѣдилась самолично, что турчанки одѣваются такъ же, какъ и мы, и что некрасивый нарядъ, въ которомъ видятъ ихъ всѣ на улицѣ, скрываетъ въ своихъ складкахъ современное европейское платье.

Г л а в а XVIII.

Гости наши распаковывались и охорашивались передъ зеркалами очень долго, въ особенности откалываніе шлейфовъ заняло много времени.

Положеніе было прекомичное: не подозревая, что Marie хорошо понимаетъ по-арабски, гости наши безъ стѣсненія громко обмѣнивались впечатлѣніями на счетъ моей особы.

Я всегда была близорука и носила пенсену—вещь запрещенная, по ихъ понятіямъ, для женщины.

„Новая франка ¹⁾ слѣпая“,—рѣшила безапелляціонно губернаторша. — Вѣроятно много грѣшила, и Аллахъ наказалъ ее,—добавила Элиме,—только интересно знать,—продолжала турчанка,—разсмотрѣла ли она въ четыре глаза нашего падишаха?

— А ты спроси ее, непременно спроси!—вмѣшалась толстая наложница.

— Ну, отозвалась другая рабыня,—не знаешь развѣ франковъ? если и не видѣла, то совреть.

Всѣ эти лестные отзывы Marie тотчасъ же перевела мнѣ по-русски.

Наконецъ, онѣ закончили свой туалетъ и повернулись къ намъ съ привѣтливими улыбками. Мы попросили ихъ слѣдовать въ гостиную.

Здѣсь обѣ благородныя дамы, не дожидаясь приглашенія хозяйки, усѣлись вмѣстѣ съ рабынями на диванъ и соображая начали перелистывать альбомы.

Между нами было условлено, что я займусь только дочерью губернатора, такъ какъ она одна изъ всей компаніи говорила по-французски, а тетюшка моя генеральшей и ея подругами.

Но онѣ, не замѣчая насъ, продолжали болтать между собой, и вдругъ принялись съ ожесточеніемъ тормошить младшую черкешенку, указывая ей на фотографическую карточку молодого человѣка изъ нашихъ знакомыхъ. Сконфуженная и вся красная отъ волненія дѣвушка отбивалась отъ нихъ, стыдливо закрывая лицо широкимъ рукавомъ кофточки.

На вопросъ нашъ о причинѣ столь веселаго настроенія Элиме отвѣтила, что господинъ на портретѣ имѣетъ удивительное сходство съ братомъ невольницы.

¹⁾ Франками турки называютъ всѣхъ безъ исключенія европейцевъ.

Давая такое объясненіе, турчанка воображала, что мы навивѣ ея... Подали на подносахъ шерботы, кофе и сласти.

Дамы оставили въ покоѣ альбомы и расположились иначе: генеральша сѣла возлѣ Marie, а я съ Элиме на другомъ концѣ комнаты. Рабыни помѣстились въ креслахъ недалеко отъ насъ.

Съ турчанками, какъ я убѣдилась въ послѣдствіи по опыту, говорить очень трудно. Онѣ не признаютъ обыденной разговорной рѣчи и, чтобы онѣ васъ понимали, надо усвоить ихъ манеру выражаться, даже о пустякахъ, цвѣтисто и образно. Выборъ темъ для подобныхъ бесѣдъ довольно затруднителенъ, такъ какъ ихъ понятія о вещахъ совершенно другія, чѣмъ у насъ.

Итакъ, вспоминая на этотъ разъ уже данные мнѣ свѣты, я повела рѣчь осторожно, придерживаясь высокопарнаго тона въ восточномъ вкусѣ.

Прежде всего я сообщила Элиме, что удостоилась счастья видѣть Абдуль-Азиса на церемоніи Селямлика. Она слушала меня съ напряженнымъ вниманіемъ и съ затаеннымъ вздохомъ повторяла:

„Счастливая! счастливая! вамъ удалось лицезрѣть свѣтлый ликъ нашего мудраго падишаха!“—и глаза ея съ восхищеніемъ останавливались на мнѣ.

— Но, — продолжала моя собесѣдница, — былъ слухъ, что великій султанъ не совсѣмъ здоровъ? еще говорятъ, — прибавила она таинственно, — что его сглазили дипломаты, и повелитель правотѣрныхъ даже похудѣлъ? Правда ли это?

Я поспѣшила увѣрить ее, что Абдуль-Азисъ показался мнѣ очень толстымъ и цвѣтушимъ.

Благодарный взглядъ былъ мнѣ наградой.

— Я еще ни разу не была въ Истамбулѣ¹⁾, — сказала съ оттѣнкомъ грусти она — а потому не имѣла счастья любоваться блистательной персоной намѣстника пророка на землѣ... — Зера-ханумъ, жена коменданта нашей цитадели — она была второй кадиной Его Величества — утверждаетъ, что обликъ падишаха прекрасенъ? А вы согласны съ этимъ, mademoiselle?

— О! всѣ въ восторгѣ отъ его красоты, и хотя онъ уже старъ, — думала сказать я; но, спохватившись въ-время, договорила такъ: „хотя онъ не молодъ, но зато великая мудрость освѣщаетъ его лицо, и видъ у него величественный“.

И мы продолжали бесѣдовать о необыкновенныхъ достоинствахъ

¹⁾ Турки вообще избѣгаютъ называть свою столицу „Константинополемъ“, предпочитая ему свое „Истамбулъ“.

главы мусульманъ, о завидной долѣ его гарема и великолѣпнѣ церемоніи Селямлика.

Итакъ, до сихъ поръ все шло благополучно: повидимому, фанатичная въ обожаніи султана, Элиме была довольна мной. Она одобрительно кивала головой, пока я расписывала ей красоту Абдуль-Азиса и, окинувъ меня доброжелательнымъ взглядомъ, повзвала мачиху:

— Ханумъ! франка съ четырьмя глазами не вретъ, все такъ хорошо рассказываетъ—и увѣряетъ, что на лицѣ падишаха написана мудрость пророка.

— Значитъ, она добрая дѣвушка,—отозвалась Ашима,—нашъ паша будетъ очень доволенъ: пригласи ее бывать у насъ какъ можно чаще.

Г л а в а XIX.

Наконецъ мнѣ ужасно надоѣло лицемѣрно восхищаться толстымъ султаномъ, какимъ я видѣла Абдуль-Азиса въ дѣйствительности, и захотѣлось поговорить съ турчанкой о чемъ-нибудь другомъ.

Тутъ кстати вспомнила я, что на будущей недѣлѣ ожидается лунное затменіе. Мнѣ рассказывали, что въ такихъ случаяхъ въ турецкихъ кварталахъ всегда поднимается невообразимая кутерьма подъ вліяніемъ паническаго страха за участь любимаго свѣтила Магомета.

Желая узнать мнѣніе просвѣщенной мусульманки по этому предмету, я спросила ее, извѣстно ли ей, что такого-то числа будетъ полное затменіе луны?

Затронувъ подобную тему, я основательно предполагала, что особа, кончившая курсъ въ европейской общинѣ, не раздѣляетъ суевѣрныхъ понятій невѣжественныхъ массъ; но... къ сожалѣнію, мнѣ еще неизвѣстно было, что такое собственно „образованная турчанка“, и чему учать ее въ миссіонерскихъ школахъ?

Эффектъ отъ сказаннаго мной получился самый неожиданный. Элиме широко раскрыла глаза съ выраженіемъ сильнѣйшаго изумленія и любопытства. Голосъ ея звучалъ неподдѣльной ироніей, когда заговорила она своимъ вычурнымъ языкомъ, важно и снисходительно оглядывая меня: „Откуда“ дано вамъ знать „о приближеніи злого духа къ свѣтлому лику луны—развѣ вы святая?“

Задѣтая ея тономъ, я отвѣтила ей также насмѣшливо: „изъ календаря, mademoiselle, для этого не надо быть святой, не хотите ли сами заглянуть въ него, и вы убѣдитесь“...

— Нѣтъ, не безпокойтесь,—перебила она,—воля Аллаха извѣстна только избранному пророку, а не вашимъ календарямъ.

— Въ такомъ случаѣ разъясните мнѣ по-вашему о причинѣ появленія тѣни на дискѣ луны?—попросила я, стараясь быть серьезной.

— Съ удовольствіемъ,—согласилась она,—развѣ васъ не учили, какъ злой драконъ поклялся однажды дьяволу погасить небесную лампаду за то, что она освѣщала путь рессуль ¹⁾—Магомету, когда, гонимый врагами истины, онъ бѣжалъ изъ Мекки въ пустыню. Тамъ въ сіяніи лучей полумѣсяца и звѣздъ созрѣла наша великая религія! Съ тѣхъ поръ чудовище каждый годъ покушается овладѣть прекраснымъ свѣтиломъ; но до сихъ поръ правовѣрные разрушаютъ его замыслы.

— Объясните мнѣ, Элиме,—обратилась я къ ней, еле удерживаясь отъ смѣха,—для какой собственно цѣли у васъ во время затменія колотятъ въ тазы и стрѣляютъ въ небеса? Вѣдь вся эта воздушная драма происходитъ на недосыгаемой высотѣ.

— Ахъ, нѣтъ! Совсѣмъ не такъ высоко, какъ вамъ кажется,—убѣжденно возразила она,—днемъ луна отдыхаетъ вонъ тамъ за горкой,—указала образованная дѣвица на западъ,—а ночью она виситъ совсѣмъ близко къ землѣ, такъ что испугать дракона совсѣмъ не трудно: при всемъ своемъ нахальствѣ онъ еще и трусливъ.

Мнѣ очень нравились ея поэтичныя выраженія о нашей спутницѣ; но тѣмъ не менѣе я рѣшилась просвѣтить ее по-своему и вмѣстѣ съ тѣмъ разыграть передъ ней роль ученой—институтскіе уроки космографіи такъ свѣжи еще были въ памяти,—а потому и обратилась къ ней съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— Теперь позвольте и мнѣ въ свою очередь объяснить вамъ, что говоритъ наука объ этомъ небесномъ явленіи.

— Пожалуйста, снисходительно разрѣшила она,—интересно послушать.

Тогда, предвкушая заранѣе сладость триумфа, я начала такъ:

— Какъ вамъ извѣстно, планета наша имѣетъ форму шара, о чемъ прежде люди не подозрѣвали...

Но мнѣ не дали продолжать: собесѣдница моя громко фыркнула и воскликнула:

— Какой абсурдъ! васъ обманули, молодая особа: въ такомъ случаѣ почему мы ходимъ прямо и не катимся внизъ?

Тогда я обстоятельно разъяснила ей, почему это такъ, а не иначе, подѣлилась съ ней познаніями о законѣ притяженія и тутъ же

¹⁾ Рессуль по-турецки пророкъ.

разсказала исторію Христофора Колумба, который, молъ, первый и поднялъ вопросъ о шаровидности земли.

— Такъ вотъ кто наговорилъ вамъ столько вздора!—догадалась она,—ну, можно ли вѣрить всякому шарлатану!

Растолковавъ ей, почему мнѣ не приходилось бесѣдовать съ знаменитымъ мореплавателемъ, я для большей наглядности, взяла съ вазы апельсинъ и, указывая на него, продолжала развивать ту же мысль, ссылаясь на примѣры кругосвѣтныхъ путешествій.

Это еще болѣе насмѣшило питомицу французской школы „Сестерь Сіона“.

— Вотъ въ этомъ мѣстѣ,—провела она пальцемъ по апельсину,—люди должны висѣть внизъ головами—Аллахъ вѣдаетъ, что за ужасы разсказываете вы!—съ упрекомъ проговорила умная особа и пожала плечами.

Скептицизмъ турчанки еще болѣе усилилъ во мнѣ стремленіе непремѣнно и сейчасъ же разсвѣять заблужденія ея. Завладѣвъ снова апельсиномъ и поворачивая его вокругъ оси, я продолжала въ такомъ духѣ:

— Увѣрю васъ, Элиме, что земля вращается вотъ такъ, съ запада на востокъ, а намъ кажется

И опять мнѣ не удалась лекція по космографіи: при послѣднихъ словахъ Элиме дико взвизгнула и повалилась на подушки дивана.

— Аллахъ! Аллахъ!—вопила она, задыхаясь отъ хохота,—чего только не выдумаютъ франки! Мы вертимся, какъ колесо экипажа, и не замѣчаемъ того!

Ханумъ и рабыни съ испуганными лицами бросились къ ней, подозрительно оглядывая меня. Вскорѣ дѣвушка оправилась и, утирая градомъ катящіяся слезы, заговорила съ мачихой.

Вдругъ, какъ по командѣ всѣ четверо наклонили головы и съ напряженнымъ вниманіемъ принялись разсматривать коверъ, на которомъ стояли. Затѣмъ, страстно жестивулируя, онѣ начали о чемъ-то горячо спорить.

Арабскій языкъ имѣетъ характерную особенность: когда на немъ разговариваютъ, хотя бы въ самомъ миролюбивомъ и дружественномъ тонѣ, то постороннему слушателю кажется, что собесѣдники ужасно ругаются и вотъ-вотъ подерутся. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, и я именно этого ожидала; но все окончилось благополучно.

Послѣ ухода турчанокъ Marie дословно перевела мнѣ всѣ ихъ сужденія и пересуды, а я немедленно записала инцидентъ этотъ также слово въ слово на страницахъ моего дневника.

Теперь я стану продолжать разсказъ уже съ готовымъ переводомъ интимнѣйшихъ переговоровъ нашихъ посѣтительницъ.

Г л а в а XX.

Вотъ что говорили между собой дамы гарема.

— Что наврала тебѣ христіанка?—съ тревогой въ голосѣ спрашивала Ашима падчерицу.

Элиме боязливо покосилась въ мою сторону и отвѣтила:

— Ужь не порченная ли она? недаромъ у нея четыре глаза—какъ бы не случилось бѣды! Вообрази, ханумъ, эта безумная увѣряетъ, что во вторникъ ночью драконъ подойдетъ къ лику луны и даже сказала, въ которомъ часу появится тѣнь его на небесахъ.

— Какая же она глупая! Ну, подумай сама, кто кромѣ Аллаха и пророка можетъ знать о намѣреніяхъ злого духа?—укоризненно покачавъ головкой, возразила губернаторша.

— Да ты послушай дальше,—поспѣшно перебила ее та,—она клянется, что земля, по которой мы ходимъ прямо, такая же круглая, какъ апельсинъ, и вертится, какъ колесо, а потому и бываетъ затменіе.

— Какъ! значитъ, мы двигаемся сейчасъ?—испугалась Ашима,—нѣтъ! не можетъ быть—вѣрно ей приснилось? Впрочемъ, мы сейчасъ узнаемъ, такъ ли это?—рѣшила она, склоняясь къ полу и пристально разсматривая его. Глаза остальныхъ также впились въ рисунки ковра.

— Нѣтъ, не вертится! наврала франка,—облегченно вздохнувъ, прошептала застѣнчивая Лазя, младшая рабыня.

— Ну, конечно, нѣтъ!—авторитетно подтвердила ханумъ.

— Можетъ быть она колдуетъ—я боюсь ее,—пробасила другая невольница, толстая База.

— Едва-ли! просто она дура,—заступилась за меня добрая генеральша,—узнай, пожалуйста, кто выучилъ ее такъ безсовѣстно врать?

— Я уже спрашивала,—отвѣтила падчерица,—она увѣряетъ, что все это написано въ календаряхъ, и что одинъ изъ ея знакомыхъ въ Россіи ѣздилъ по круглой землѣ и не свалился внизъ,—вспомнила турчанка о Колумбѣ.

— А! вотъ оно что: Россія круглая!—догадалась Ашима,—интересно знать, какъ тамъ живутъ люди?—спросила она.

— Этого франка не говорила,—возразила Элиме,—по ея словамъ Турція—шаръ.

— Ахъ, какая лгунья!—возмутилась губернаторша, наша земля ровная, какъ скатерть—такъ и скажи ей, Эле.

— Въ сущности она не виновата,—отвѣтила послѣдняя въ при-

мирительномъ тонѣ,—отъ ученыхъ понаслушалась вздору, ну, и повторяетъ по глупости своей.

— А! теперь понятно почему дѣвчонка совсѣмъ ошалѣла: наговорила съ ними и сама стала такая же. Недаромъ паша нашъ считаетъ господъ этихъ мошенниками: они и въ Бога не вѣрятъ, совѣсть потеряли, а живутъ однимъ обманомъ и морочатъ честныхъ людей—тѣмъ и свѣтъ покорили.

Такъ ораторствовала красавица-арабка, ссылаясь на мнѣніе просвѣщеннаго супруга своего о насъ, европейцахъ.

— Жаль бѣдную дѣвушку—снова постаралась въ мою пользу дочь Кіамиль-паши,—такъ разумно говорила о падишахѣ и вдругъ... прямо съ ума сошла!

— Разспроси ты ее хорошенько,—обратилась къ ней База,—кто же будетъ во вторникъ ползать вокругъ лампы пророка?

— Да! да! непременно,—обрадовалась Ашима, предвкушая новую потѣху,—только наберись терпѣнія и не мѣшай ей—пусть мелеть, а мы посмѣемся!...

Я сидѣла недалеко отъ нихъ сконфуженная, обозленная и хотя не понимала ихъ языка, но чувствовала, что невѣжественныя созданія издѣваются надо мной.

Элиме снова приблизилась ко мнѣ и заговорила вкрадчиво, стараясь быть серьезной.

— Извините меня, милая Eugénie, я перебила васъ на самомъ интересномъ мѣстѣ и, такимъ образомъ, не узнала главнаго: кто же, по-вашему, старается во время затменія овладѣть свѣтиломъ Ислама?

— Никто!—съ досадой отвѣтила я,—это тѣнь земного шара—вотъ и все! Впрочемъ, если хотите, то можно и наглядно представить вамъ картину луннаго затменія?

Турчанка сначала поперхнулась, видимо дѣлая усилія заглушить приступы смѣха, но тотчасъ же оправилась и чрезвычайно вѣжливо попросила не отказать ей въ дальнѣйшихъ подробностяхъ.

Тогда, подкупленная ея смиреннымъ видомъ, я взяла изъ вазы апельсинъ съ двумя мандаринами, расположила ихъ на столѣ въ примѣрномъ порядкѣ солнечной системы и обратилась къ ней съ такою рѣчью:

— Вообразите себѣ, что апельсинъ—солнце; одинъ мандаринъ мы назовемъ нашей планетой, а другой, который поменьше—луной...

Объ невольницы подошли поближе и, съ выраженіемъ суевѣрнаго страха въ глазахъ, слѣдили за движеніями моихъ рукъ. Элиме, кусая губы, дѣлала видъ, что прекрасно все понимаетъ; но не утерпѣла и кольнула меня насмѣшливымъ замѣчаніемъ:

— Странно что-то,—указывая на апельсинъ, улыбнулась она,— прежде онъ былъ земля, а теперь солнце? Я объяснила, что такъ надо сейчасъ для болѣе удобнаго сравненія величинъ, и слова мои: „такъ какъ солнце во много разъ больше земли и луны вмѣстѣ взятыхъ“—прямо ошеломили ее!

Она отвернулась въ сторону и, схвативъ носовой платокъ, засунула его въ ротъ, чтобы предупредить взрывъ бѣшенаго хохота.

— Аллахъ! что еще наврала ей эта четырехглазая франка?— вопили женщины.

— Она уморить тебя, и ты умрешь!—вскрикивала испуганная Ашима, наклоняясь къ падчерицѣ.

И дѣйствительно, было отъ чего прійти въ ужасъ: вся пунцовая, обливаясь слезами, дочь губернатора задыхалась въ припадкѣ истерики, беспомощно лова воздухъ руками.

Общими усилиями мы привели ее въ чувство и когда, наконецъ, она успокоилась я, по совѣту Marie, измѣнила тему разговора и принялась еще въ болѣе яркихъ краскахъ, дополняя кое-что собственной фантазійей, изображать блескъ и роскошь Селямлика въ „Истамбулѣ“.

Желая нѣсколько смягчить дикое впечатлѣнiе отъ моихъ стремительныхъ лекцій по космографіи, тетка моя взялась объяснить недоумѣвающей Ашимѣ то же самое; но въ болѣе понятной формѣ и на турецкомъ языкѣ. Тогда между ними начался другой водевиль.

Ханумъ слушала сперва серьезно и одобрительно кивала головой; но когда дошло дѣло до вращенія земли, то не утерпѣла и, обращаясь къ Элиме, перебила наше мирное собесѣдованіе восклицаніемъ по-арабски:

— И эта старая дура туда же, куда и молодая! должно быть обѣ онѣ припадочныя!

Слово „припадочная“ означаетъ у затворницъ гаремовъ послѣднюю степень „глупости“ и даже идиотизма.

Сдѣлавъ столь лестную оцѣнку стараніямъ Marie, генеральша подала знакъ собираться, да и пора было: визитъ ихъ по турецкому обычаю продолжился болѣе шести часовъ, и мы чувствовали себя крайне утомленными.

На прощаніе образованная дѣвица прочитала мнѣ наставленіе:

— Отъ всей души совѣтую вамъ, милая моя, не вѣрить календарямъ и ученымъ, а иначе Аллахъ накажетъ васъ—лучше всего читайте Коранъ—я пришлю его вамъ во французскомъ переводѣ: тамъ вы найдете то, что необходимо знать каждой женщинѣ.

Началось еще болѣе сложное одѣваніе, чѣмъ раздѣваніе: прика-

лываніе ясаковъ, фередже, шлейфовъ—булавокъ потребовалось на это нѣсколько сотенъ.

Наговоривъ намъ, по требованіямъ гаремнаго этикета, множество вычурныхъ комплиментовъ, онъ стали спускаться по лѣстницѣ внизъ, шумно переговариваясь и повторяя на всѣ лады:

„Ну, и потѣшимъ мы пашу, нашего милостиваго господина! То-то посмѣется онъ на доброе здоровье, Машалла“¹⁾!

Г л а в а XXI.

— Возможно ли что-нибудь подобное? — скажетъ удивленный читатель,—авторъ самъ себѣ противорѣчить — тогда не для чего было и упоминать, что дочь Кіамиль-паши кончила курсъ въ европейской общинѣ. Неужели миссіонерами ѣдутъ туда совершенно невѣжественные люди, которые не въ состояніи даже передать своимъ питомцамъ хотя бы самыхъ элементарнѣйшихъ понятій о мірозданіи и, вообще, о томъ немногомъ, что пріобрѣтается даже нашими ребятишками въ сельскихъ школахъ. Такъ спроситъ всякій, кто не провелъ часть своей жизни въ странѣ полумѣсяца, а слѣдовательно и не можетъ имѣть понятія о степени развитія турецкой женщины. Кромѣ того, не каждому, даже мѣстному уроженцу доступна для изученія замкнутая магометанская семья.

Мнѣ выпала счастливая доля хорошо познакомиться съ интимной стороной гаремнаго быта—только благодаря моимъ роднымъ, которые, проживъ всю свою жизнь среди мусульманъ Оттоманской Имперіи, успѣли заслужить рѣдкое для иностранцевъ довѣріе и особенное, исключительное ихъ къ себѣ расположеніе. Но прежде чѣмъ отвѣтить на справедливое недоумѣніе по поводу бесѣды моей съ „образованной турчанкой“, я должна сказать нѣсколько словъ о томъ, чему учатъ затворницъ гаремовъ въ христіанскихъ школахъ, и какія обязательства принимаютъ на себя послѣднія, какъ передъ правительствомъ, такъ и родителями ученицъ.

Извѣстно, что на востокѣ существуютъ очень много разныхъ монашествующихъ орденовъ, братствъ, общинъ католическаго, лютеранскаго и другихъ исповѣдованій. Всѣ эти духовныя учрежденія занимаютъ тамъ больше политическими интригами, чѣмъ распространеніемъ евангелія. При нѣкоторыхъ общинахъ, а также и при женскихъ греческихъ школахъ содержатся особыя отдѣленія для

¹⁾ Да благословитъ Богъ!

мусульманскихъ дѣвочекъ, гдѣ обучаютъ ихъ премудрости нѣсколько иначе, чѣмъ христіанокъ.

Курсовая программа не сложна. Главныхъ предметовъ три: рукодѣліе съ вышиваніемъ, чтеніе изреченій изъ Корана и турецкій этикетъ. Для преподаванія послѣдняго приглашаются нерѣдко отставныя наложницы сановниковъ. Онѣ учатъ дѣвицъ изысканнымъ селямамъ, цвѣтистымъ комплиментамъ, вычурнымъ оборотамъ рѣчи, правиламъ гостепріимства, манерамъ, вѣжливости и восточнымъ танцамъ.

За симъ предметы второстепенной важности: французскій или англійскій языкъ, смотря по миссіи, немного ариѳметики для домашняго обихода, игра на піанино или мандолинѣ и... кажется, все!

Что же касается хотя бы самыхъ смутныхъ понятій о географіи, исторіи и др., то все это строго воспрещено закономъ для магометанокъ.

Турчанкѣ разрѣшается посѣщать школу только до 14 лѣтняго возраста, т. е. до того знаменательнаго для нея дня, когда она должна, какъ установлено Кораномъ, надѣть ясмакъ, чтобы навсегда скрыть лицо свое отъ взоровъ посторонняго мужчины.

Съ этого момента образованіе ея считается законченнымъ: читать что-либо другое, кромѣ священной книги Ислама, ей дома не позволять, а знаніе иностраннаго языка имѣетъ уже практическое примѣненіе при посѣщеніяхъ магазиновъ и лавокъ гауровъ. Замкнутость турецкой женщины вовсе не такъ безусловна, какъ намъ кажется. Обыкновенно мы представляемъ ее себѣ заключенною, подобно плѣнницѣ, въ гаремѣ подъ присмотромъ свирѣпыхъ евнуховъ.

Такъ оно, пожалуй, и было прежде; но со времени царствованія Абдуль-Меджида социальное положеніе ея значительно улучшилось. Этотъ просвѣщенный и гуманный султанъ даровалъ затворницамъ нѣкоторую свободу, не нарушивъ въ то же время по существу стародавнихъ обычаевъ и религіозныхъ уставовъ Корана.

Благодаря ему, всѣ обитательницы гаремовъ получили разрѣшеніе показываться на улицахъ, базарахъ, ѣздить въ магазины, на прогулки; но подъ условіемъ соблюденія извѣстныхъ правилъ, которыя обязываютъ ихъ, напримѣръ, не выходить изъ дома иначе, какъ подъ вуалю изъ кисеи и въ сопровожденіи слугъ или рабынь.

Подобная роскошь доступна, конечно, состоятельнымъ людямъ, а женщины бѣдной части населенія ходятъ, повидимому, безъ всякаго надзора; но это только кажется такъ: всякій, даже случайно проходящій мусульманинъ, имѣетъ право сдѣлать слоняющейся турчанкѣ внушительное замѣчаніе, если замѣтитъ что-нибудь предосудительное въ ея поведеніи.

Зато ничего нѣтъ комичнѣе, какъ набѣги турчанокъ на европейскіе магазины, чему я множество разъ была зрительницей.

Для такихъ экскурсій онѣ собираются обыкновенно большими группами. Съ шумомъ и гамомъ врывается компанія въ торговое помѣщеніе и начинаетъ форменный разгромъ сложенныхъ товаровъ. Перерывъ рѣшительно все, что видятъ ихъ глаза сверху и до низу, онѣ при этомъ отчаянно торгуются, предлагая невозможно низкія цѣны.

Приказчики, хорошо знакомые съ подобными приѣмами этихъ милыхъ дамъ, злобно огрызаясь, запрашиваютъ въ отместку такъ неизмовѣрно дорого, что напуганныя покупательницы обращаются въ бѣгство.

Однако, я уклонилась совершенно въ сторону и не познакомила читателя, какъ общала, со взглядами мусульманъ на просвѣщеніе ихъ женщинъ по западному образцу.

Но лучше всего за меня это сдѣлаетъ самый передовой и либеральный турокъ того времени, а именно Мидхатъ-паша, другъ Англіи, врагъ Россіи и славянъ.

Я передамъ буквально сужденія этого европейца въ фескѣ на тему о женской эмансипаціи.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БАТАЛІОННАЯ ДѢВКА ВЪ ПОХОДѢ.

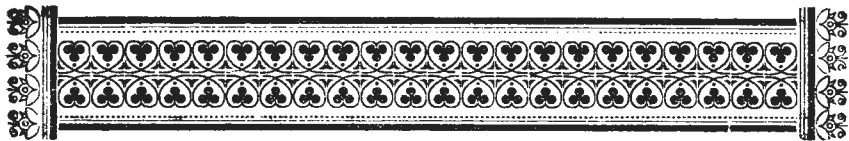
Въ 1812 г. Петербургскій внутренній губернскій баталіонъ, отъ котораго ведетъ свое начало 198 пѣх. рез. Александро-Невскій полкъ, былъ обращенъ на усиленіе Петербургскаго ополченія и съ нимъ вмѣстѣ участвовалъ въ корпусѣ Витгенштейна въ октябрьскихъ бояхъ подъ Полоцкомъ, а затѣмъ входилъ въ составъ блокадныхъ войскъ при осадѣ Данцига.

Нижеприводимый документъ относится къ этому заграничному походу и заимствованъ изъ журнала исходящихъ бумагъ названнаго выше баталіона. Оказывается, что съ баталіономъ возвратилась въ Россію дѣвка Авдотья Степанова, уроженка Витебской губ., побывавшая въ Германіи, куда она прибыла съ обозомъ Могилевскаго полка, и гдѣ ее подобралъ обозъ второй дружины Петербургскаго ополченія. По прибытіи въ Петербургъ, Степанова оказалась не у дѣлъ, и о ней командиръ баталіона написалъ отношеніе въ Петербургское губернское правленіе. М. С.

Отношеніе командира Петербургскаго внутренняго губернскаго баталіона въ С.-Петербургское губернское правленіе, 9 іюля 1814 г., № 1332.

Ввѣреннаго мнѣ баталіона капитанъ Петровскій, по возвращеніи изъ похода, находившійся съ народнымъ ополченіемъ С.-Петербургской губерніи представилъ ко мнѣ, при рапортѣ, Витебской губерніи, Динабургскаго уѣзда, деревни Галечва непомнящую родства дѣвку Авдотью Степанову, въ коемъ прописываетъ, что во время нашествія въ предѣлы Россійскіе непріятеля она, Степанова, просила проходившаго тогда съ обозомъ мимо той деревни Могилевскаго пѣхотнаго полка поручика Кобылинскаго, чтобъ взять ее съ собой единственно для того, дабы не попасться непріятелямъ, который согласился, взялъ съ собою, донесъ за Берлинъ до города Швейца, гдѣ по обстоятельствамъ ее оставилъ. А во время прохода мимо онаго города С.-Петербургскаго ополченія 2-й дружины обоза, при коемъ находился ввѣреннаго мнѣ баталіона рядовой Кондратій Исаевъ, узнала она, Степанова, что обозъ сей слѣдуетъ; посему просила его, Исаева, чтобъ взяли её съ собой, на что оный рядовой и согласился, взялъ съ собою. По прибытіи сюда, въ С.-Петербургъ, и при доставленіи въ баталіонъ всѣхъ находящихся чиновъ, оный Исаевъ представилъ означенную дѣвку Степанову ротному своему командиру капитану Петровскому, а оный, какъ выше прописано, представилъ ко мнѣ, почему какъ она, Степанова, не имѣетъ при себѣ никакого письменнаго вида, въ оное губернское правленіе препровождается.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А V¹⁾.

Русская учебная колонія въ Лондонѣ зимой 1880—81 г. г.—Какъ мы труса праздновали. — Приключенія одного молодого россиянина въ посольской церкви. — Ужасная катастрофа 1 марта въ Петербургѣ, и какъ она была встрѣчена въ Лондонѣ. — Окончаніе 6-ти лѣтняго труда надъ 2-мъ выпускомъ „Англійской Свободной Торговли“.—Значеніе личнаго и моральнаго фактора въ исторіи экономическихъ идей.—Примѣненіе къ практикѣ моихъ научныхъ силъ и способностей. — Моя фабрично-инспекторская служба. — Очеркъ ея исторіи: Главнѣйшія условія и основные пункты моей инспекторской дѣятельности. — Невозможность и бесполезность дальнѣйшей службы.—Отставка.—Общіе выводы и заключенія.

Работа надъ солянымъ налогомъ отвлекла меня отъ изложенія моихъ личныхъ впечатлѣній и приключеній въ это время моего пребыванія въ Лондонѣ, зимой 1880—81 г. г., когда я такъ усердно, но не совсѣмъ благодарно, работалъ надъ солянымъ налогомъ, а далѣе собиралъ факты по „Свободной Торговлѣ“, безъ возможности довести ее до желаемаго окончанія. Эта зима мнѣ очень памятна по тому оживленію, съ которымъ она прошла, незаурядъ всѣмъ многочисленнымъ мною сдѣланнымъ раньше посѣщеніямъ Англій и жизни тамъ. Во-первыхъ, ни разу больше мнѣ не пришлось работать въ Англій при такомъ большомъ и интересномъ русскомъ обществѣ, главнымъ образомъ изъ числа нашихъ экономистовъ. Въ эту зиму 1880—81 г., русская колонія въ Лондонѣ, работавшая въ Британскомъ музеѣ, состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Н. А. Каблуковъ, нынѣ профессоръ Московскаго университета, В. Г. Яроцкій, Н. И. Зиберъ, умершій экономистъ, мой старый пріятель (и еще болѣе А. И. Чупрова), Н. А. Русановъ, В. Т. Судейкинъ, впоследствии магистръ политической экономіи, писатель-экономистъ, Даневскій, профессоръ международ-

1) См. „Русскую Старину“ мартъ 1910.

наго и уголовного права въ Харьковѣ (умершій) и т. д., не говоря о лицахъ, появившихся, такъ сказать, на нашемъ горизонтѣ въ Лондонѣ пролетомъ, на короткое время. Большинство экономистовъ были люди молодые, во всякомъ случаѣ моложе меня, а потому, само собой, занятія ихъ устроились какъ бы рядомъ со мной и отчасти съ помощью моей. Работали мы дружно, весело, помогая другъ другу и совѣтами и указаніями и въ то же время, посвящая много времени на дѣло, не забывали и удовольствія, хотя въ большинствѣ самыя невинныя, вродѣ прогулокъ и поѣздокъ по окрестностямъ Лондона и походовъ по разнымъ учрежденіямъ. Почти ежедневно мы сходились къ вечеру за чаемъ, или у меня чаще всего, или въ какомъ-нибудь пунктѣ, назначенномъ заранѣе для экскурсіи.

Не говоря о чисто личныхъ приключеніяхъ за эту зиму, вродѣ болѣзни, могу рассказать о двухъ заслуживающихъ вниманія событіяхъ. Въ домѣ, гдѣ я жилъ, у одной довольно милой, но нѣсколько странной хозяйки, мало, видимо, занимавшейся своимъ хозяйствомъ, произошло весьма неприятное событіе: мнѣ и Зиберу, жившему также въ это время въ одномъ со мной домѣ, пришлось быть его свидѣтелями. По англійскому закону, частный домъ, собственный или квартира, въ истинномъ смыслѣ представляется замкомъ: „My house is my castle“, и кредиторъ не можетъ проникнуть въ домъ своего должника раньше судебного рѣшенія и постановленія, законнымъ образомъ вошедшаго въ силу, безъ чего, разумѣется, должникъ можетъ десять разъ обезпеченіе, въ формѣ, положимъ, мебели, или другого движимаго имущества, спустить съ рукъ, или скрыть. Для этого необходимость заставила англичанъ придумать слѣдующій обходъ закона: кредиторъ, въ случаѣ неисправности должника, и имѣя въ виду наложить свои руки на его имущество, нанимаетъ такъ называемаго broker'a, т. е. „маклера“ или „маклака“, обыкновенно изъ очень низкихъ и низменныхъ слоевъ народа, забулдыгу, который, за небольшое вознагражденіе, готовъ исполнить все, что ему прикажутъ. Broker, подъ какимъ-нибудь ложнымъ предлогомъ, напимѣръ найма квартиры, проникаетъ въ намѣченное помѣщеніе, и тамъ уже предъявивши хозяйкѣ письменное удостовѣреніе, что онъ такой-то и нанятъ такимъ-то кредиторомъ этой хозяйки, остается, какъ у себя въ домѣ. Всѣ комнаты должны быть для него открыты, онъ безвыходно пребываетъ въ домѣ день и ночь, слѣдя за тѣмъ, чтобы хозяйка не стащила какую-нибудь часть имущества вонъ изъ дома, и полиція совершенно бессильна и не имѣетъ никакого права въ это мѣшаться. Broker, или маклакъ въполнѣ такимъ образомъ замѣняетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ

хозяйку. Начинается какъ бы междуцарствіе: въ одной и той же квартирѣ два хозяина; broker, который занимаетъ любую комнату, и можетъ, какъ мы видѣли, валяться въ грязныхъ сапогахъ на шелковомъ диванѣ и пить цѣлый день водку и осматривать чуть не съ ногъ до головы всѣхъ уходящихъ изъ квартиры, не уносятъ ли они съ собой часть имущества.

Какъ разъ въ такую неприятную минуту попали мы съ женой въ нашу квартиру, и безсильная хозяйка, будучи не въ состояніи уплатить долга и прогнать, слѣдовательно, маклака, подчинилась его строгому, назойливому, нахальному надзору. Расположившись произвольно въ одной изъ лучшихъ комнатъ, маклакъ пилъ съ утра до вечера, большею частью съ нашей кухаркой, пьяницей-ирландкой, приносившей ему водку и пищу, иначе онъ умеръ бы съ голоду, ибо не могъ выходить. Хозяйка же, несчастная, сидѣла въ своей комнатѣ и съ утра до вечера плакала, пыталась нѣсколько разъ переселиться, увозя необходимѣйшее, но встрѣчала усиленный протестъ со стороны broker'a съ пьяной кухаркой, перешедшей совершенно на его сторону, и мы, связанные срокомъ найма, должны были оставаться въ этомъ домѣ очень долго, несмотря на все безобразіе, потому уже, что никто не могъ и не хотѣлъ принять отъ насъ денегъ; хозяйка возражала справедливо, что квартира уже больше не ея, broker, что онъ не хозяинъ, что хозяинъ живетъ гдѣ-то далеко и сносится съ нимъ письменно!!!

Въ это время съ нами произошелъ очень смѣшной случай, который, однако, насъ очень напугалъ, но къ счастью и заставилъ избавиться скорѣй отъ пьяной компаніи и перейти на другую квартиру. Поздно ночью, когда мы уже спали, мы услышали сначала грубые мужскіе голоса, внизу въ кухнѣ, затѣмъ раздался стукъ въ нашу дверь и голосъ Н. И. Зибера, который энергично стучалъ, вызывая къ намъ. Мы пробудились и встали, впустили его въ комнату и спросили, что все это значить?! Оказывается, онъ изъ своей комнаты, ближе лежащей къ кухнѣ подвального этажа, услышалъ шумъ, нѣсколько разъ окликался: кто кричитъ, шумитъ? чего мы сонные не слышали, и затѣмъ отправился будить насъ, увѣряя, что какіе-то, вѣроятно мошенники, или разбойники забрались въ нашъ подвальный этажъ. Я забылъ упомянуть, что кромѣ насъ всѣ остальные жильцы успѣли уже сбѣжать съ квартиры, и вотъ подъ влияніемъ энергическаго заявленія Зибера, съ нами съ женой произошла настоящая паника: мы дѣйствительно увѣрились, что тамъ внизу ходятъ какіе-то злые люди, угрожающіе намъ опасностью, и вооружившись, кто чѣмъ могъ, преимущественно каминными принадлежностями, гуськомъ, осторожно со свѣчами въ

рукахъ спустились внизъ въ кухню, держась другъ за друга. Оказалось внизу нѣтъ ни души, но дѣйствительно всѣ двери наружу открыты. Въ такъ называемомъ Parlour, гостиной, которую самовольно занялъ broker, слышался его пьяный храпъ на диванѣ. Маргарита, ирландская кухарка, исчезла. Мы составили тогда военный совѣтъ — что же дѣлать? Такъ домъ оставить нельзя, съ открытой дверью. Маргариты нѣтъ. Наконецъ, что сдѣлаетъ этотъ владѣлецъ, безсловесный broker? Вотъ, мы въ рѣшительный моментъ вспомнили о единственной надеждѣ и упованіи всякаго иностранца, какъ и мѣстнаго жителя Англїи, о полисменѣ.

Кое-какъ наскоро одѣлись, и оставивши въ запертой комнатѣ Екатерину Николаевну, отправились вдвоемъ съ Зиберомъ отыскивать полисмена. Не безъ труда мы нашли такового, объяснили въ чемъ дѣло, но лишь съ большой неохотой, отговариваясь неимѣніемъ права безъ особенныхъ обстоятельствъ входить въ частное жилище, полисменъ рѣшился войти къ намъ въ домъ, въ переднюю комнату. Тамъ онъ убѣдился въ полной безпомощности пьянаго broker'a, котораго не могъ даже дотолкаться и разбудить, по отсутствію кого-либо изъ людей въ квартирѣ, кромѣ насъ, и предложилъ квартиру запереть, увѣряя, что при малѣйшей тревогѣ, онъ немедленно появится, такъ какъ у него есть ключъ отъ всѣхъ наружныхъ дверей околотка, и что мы не должны беспокоиться о кухаркѣ, какъ она войдетъ, она сама должна объ этомъ позаботиться, если уходить, и имѣть ключъ. Въ этотъ самый моментъ появилась пьяная Маргарита съ двумя бутылками водки и грозно запротестовала противъ вторженія полисмена въ квартиру, ссылаясь на то, что мы, какъ иностранцы, не знаемъ обычаевъ, а онъ не долженъ никого слушать, кромѣ ея и broker'a. Полисменъ раскланялся съ нами, развелъ руками и ушелъ изъ квартиры, оставивши насъ въ прїятной компаніи пьяныхъ людей.

Разумѣется, на другой же день мы, наконецъ, принялись за розыски хозяевъ, сдѣлали соотвѣтственное недѣльное заявленіе (notice) и черезъ недѣлю переѣхали въ болѣе приличное мѣсто обитанія.

Хотя во второй половинѣ 1881 года русская колонія понемногу начала рѣдѣть — сначала уѣхалъ Каблуковъ, за нимъ Даневскій, — но все-таки оставалась довольно многочисленной, ибо появлялись вновь-прїѣзжіе, менѣе усидчивые россияне, которые, пробывши недѣлю, другую, въ туманномъ Альбїонѣ, начинали скучать о Парижскихъ бульварахъ и о нѣмецкихъ Кнеір'ахъ и покидали Лондонъ, съ тѣмъ, чтобы дать мѣсто другимъ новопрїѣзжимъ, и т. д. Въ это время произошло одно нѣсколько странное и на этотъ разъ

болѣе серьезное приключеніе съ однимъ изъ молодыхъ россіянь, имя котораго я не хочу называть. Приключеніе это серьезно взбудоражило насъ, ибо наводило невольно на очень грустныя мысли о томъ, что никто изъ насъ, ищущихъ свѣта, знаній и науки за границей, не гарантированъ отъ подобнаго приключенія и возможности крупнаго несчастья.

Одинъ молодой человѣкъ, N., занимавшійся также въ Британскомъ музеѣ, соскучился, не видѣвши русскихъ, кромѣ нашего ограниченнаго кружка, и не слышавши долго русской церковной службы, къ аккуратному посѣщенію которой привыкъ съ дѣтства, отправился въ русскую церковь. Онъ родился въ очень благочестивой дворянской семьѣ, воспитанъ былъ въ Москвѣ въ Лицеѣ Цесаревича Николая, и привыкъ, поэтому, съ аккуратностью и исправностью посѣщать въ положенное время церковь, чего былъ давно уже лишень во время своихъ странствованій по нѣмецкимъ университетамъ и проживанія въ Лондонѣ. Когда N. вернулся изъ русской церкви и былъ вечеромъ у насъ, пилъ чай, то, на разпросы наши, какъ ему понравилась русская посольская церковь, и какія онъ вынесъ впечатлѣнія изъ перваго посѣщенія, отвѣтилъ намъ, что ничего особеннаго, церковь была пуста, и что онъ попалъ въ церковь слишкомъ рано. Была какая-то знатная, расфранченная дама, сидѣвшая въ корридорѣ, около церкви, мимо которой онъ прошелъ, которая почему-то на него подозрительно посмотрѣла, и около нея нѣсколько человѣкъ, вѣроятно ея свиты, больше никого въ церкви не было.

Прошло недѣли двѣ времени, въ одно прекрасное утро N. прибѣгаетъ къ намъ блѣдный съ вытянутымъ лицомъ и стучитъ въ дверь, такъ какъ мы чуть успѣли съ женой встать. На разпросы: „Что съ вами? Что такое случилось?“ онъ сильно взволнованный, прерывающимся голосомъ, рассказалъ намъ слѣдующее, что онъ изъ дома своего дяди, заступающаго ему мѣсто отца, только что получилъ крайне тревожащее его письмо, чрезвычайнаго содержанія. Любящій и милый дядя, во-первыхъ, бранить его, во-вторыхъ, сообщаетъ, что у нихъ, или у близкихъ родственниковъ былъ обыскъ, вызванный будто бы его гнуснымъ поведеніемъ за границей, что онъ пренебрегъ всѣми наставленіями и примѣромъ всей семьи, нарушая ея добрыя традиціи и вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ за границей, учиться, очевидно началъ заниматься политикой, ибо благодаря его дурному поведенію въ этомъ случаѣ былъ обыскъ, какъ по объясненію полиціи, прямо вызванный сообщеніемъ изъ-за границы о немъ, о его будто-бы неблагонадежности. Письмо наполнено выраженіями самаго глубокаго отчаянія и сожалѣнія о всемъ

случившемся, шлетъ упреки и укоризны на голову юноши, закликаетъ его всѣми святыми не скрывать своихъ грѣховъ, буде таковыя есть, немедленно возвращаться въ Москву, какъ дядя уже общалъ полиціи, что онъ явится на отвѣтъ лично и смѣло, какъ подобаеть порядочному человѣку, сознается, что онъ такое надѣлалъ за границей и чѣмъ вызвалъ такой гнѣвъ и такія мѣры противъ себя государственной власти и полиціи, въ чемъ же заключаются его проступки и не можетъ ли, не въ состояніи ли онъ загладить ихъ искреннимъ раскаяніемъ?!

Бѣдный юноша, мирно занимавшійся въ Британскомъ музеѣ, отчасти подъ моимъ руководствомъ, изученіемъ разныхъ кредитныхъ формъ и банковъ, очень далекій отъ какихъ-либо помысленій о политикѣ и тѣмъ болѣе отъ сношенія съ людьми неблагонажными, подозрительными или опасными, былъ, разумѣется, крайне пораженъ и огорченъ. Всѣ, мы—небольшая кучка оставшихся русскихъ, посѣщавшихъ Британскій музей, приняли въ его горѣ самое близкое участіе и выражали ему свое горячее сочувствіе, не жалѣя разныхъ добрыхъ совѣтовъ и пожеланій. N. имѣлъ въ Лондонѣ только одинъ бросающійся въ глаза недостатокъ, возбуждающій преслѣдованіе его на улицѣ со стороны уличныхъ мальчишекъ: противно всякому англійскому приличію и понятію о джентльменствѣ, онъ носилъ огромную войлочную шляпу въ родѣ того фасона, который приписывается, по слуху, калабрійскимъ разбойникамъ, съ широкими полями. Шляпа эта у чопорныхъ англичанъ вызвала улыбки и перемигиванія,—чего, вѣроятно, онъ самъ не замѣчалъ. Мальчишки бѣжали за нимъ иногда на улицѣ, показывали языкъ и кричали: „sleeguman!“ и болѣе ничего. Мы, конечно, подшучивали надъ нимъ и всячески убѣждали его завести цилиндръ, но онъ былъ упрямъ и насъ не слушался. Наконецъ, въ своихъ манерахъ N., какъ истинный россиянинъ, изъ хорошей дворянской семьи, отличался большою развязностью и не всегда сдержанностью,—вотъ все, что можно было сказать противъ него.

Общее недоумѣніе, такимъ образомъ, относительно возможной или вѣроятной причины его бѣды, сводилось, однако, къ общимъ совѣтамъ: немедленно возвращаться въ Россію и объясниться, постараться выслушать, въ чемъ же его обвиняютъ? Нѣтъ ли тутъ просто ошибки въ имени, что иногда въ жизни бываетъ. Разстроенные, съ горячими объятіями, мы проводили его на вокзалъ, въ дорогу, въ нашу далекую, не всегда любезную, какъ изъ этого примѣра видно, къ своимъ сынамъ, родину. Прошло недѣли три безъ всякихъ извѣстій, какъ вдругъ, въ одно утро, или вечеръ, не помню хорошо, N., веселый, смѣющійся, развязный, въ томъ же самомъ не-

возможномъ калабрійскомъ шлыкѣ, появляется опять у насъ въ комнатѣ, какъ разъ въ присутствіи еще нѣсколькихъ россіянь-сотоварищей. Естественно, съ нашей стороны посыпались градомъ вопросы: „Что? Какимъ образомъ? Почему? Зачѣмъ васъ вызывали? Что такое случилось?!!!“

Оказалось, произошла слѣдующая, можно было бы сказать—комическая, исторія, если бы она не заключала въ себѣ зерно большого трагизма. Причина заключалась въ томъ самомъ вышеупомянутомъ неудачномъ, оказывается, посѣщеніи русской церкви, когда сердце молодого человѣка стосковалось по родинѣ и родной православной службѣ; какъ уже онъ рассказывалъ выше, въ церкви была при немъ какая-то очень знатная особа, герцогиня со свитой и болѣе никого, онъ прошелъ мимо нея по узкому корридору, въ своемъ невозможномъ калабрійскомъ колпакѣ, надвинутомъ низко на лобъ, съ весьма дерзкой, отважной манерой, и въ томъ широкомъ, безъ рукавовъ плащѣ англійскаго образца (Haveloc), который у насъ въ Россіи получилъ характерное названіе „размахайки“, при чемъ, благодаря широкимъ размѣрамъ этого костюма задѣлъ, можетъ быть, нѣсколько неосторожно, самъ того не зная, въ узкомъ проходѣ сидящую даму. Когда онъ прошелъ въ церковь, то немедленно завязался разговоръ о немъ: „Кто этотъ нигилистъ, невѣжа, не раскланиваясь, въ такой ужасной шляпѣ, прошелъ мимо?“ Услужливые люди немедленно добились точныхъ свѣдѣній, узнали черезъ священника, который видѣлъ его раньше, его имя, при чемъ ему было приписано, якобы, очевидное намѣреніе чуть ли не нанести оскорбленіе дѣйствіемъ высокой особы, здѣсь присутствующей, своимъ неприличнымъ поведеніемъ. И вотъ немедленно, въ Петербургъ, куда слѣдуетъ, полетѣло, безъ дальнѣйшаго разбора дѣла, извѣщеніе о дерзкой, якобы, выходкѣ, этого, невиннаго по своему поведенію, младенца и, что называется по-русски, сыръ боръ загорѣлся!!!“

Когда N. вернулся въ Москву, то онъ узналъ тотчасъ же, что обыскъ и запросъ о немъ сдѣланы вслѣдствіе телеграфнаго требованія изъ Петербурга, куда онъ и долженъ направиться, чтобы съ этимъ дѣломъ познакомиться поближе. И вотъ, собравши всѣ необходимыя данныя о высокой доброкачественности и благонадежности, какъ своей лично, такъ и всей его семьи, пользующейся всеобщимъ уваженіемъ и далекой отъ какихъ-либо превратныхъ мыслей, въ томъ числѣ и захвативши аттестатъ отъ Катковскаго Лицея, N. немедленно отправился въ Канцелярію всемогущаго тогда министра Лорисъ-Меликова, гдѣ все дѣло очень быстро объяснилось послѣшнымъ и неprovѣреннымъ сообщеніемъ изъ Лондона. Юноша, который уже приготовился ѣхать въ мѣста не столь отдаленныя и, какъ онъ намъ

разсказываль, уже боялся за свой арестъ на самой границѣ, былъ, наконецъ, совершенно обѣленный, мирно отпущенъ на всѣ четыре стороны, съ совѣтомъ, впрочемъ, быть осторожнѣе въ будущемъ. Насколько вся эта печальная и смѣшная тревога, грозившая, въ случаѣ меньшей энергіи и настойчивости, самыми серьезными послѣдствіями, была напрасна, можно судить уже потому, что этотъ претерпѣвшій юноша въ настоящее время, черезъ 28 лѣтъ, занимаетъ высокій постъ сенатора, чѣмъ наглядно доказываетъ, какая великая осторожность требуется при обвиненіи человѣка и осужденіи его въ проступкахъ, которые онъ и не думалъ совершать!?! Во истину „всѣ мы подъ Богомъ ходимъ“, какъ говоритъ русская народная поговорка!!!

Кромѣ этого непріятнаго происшествія, нарушившаго нашъ душевный миръ и спокойствіе, маленькая кучка русскихъ, занятая всецѣло книгами и диссертаціями, жила весьма мирно, каждый занятый своимъ дѣломъ. Какъ извѣстно, 1-го марта 1881 года, къ истинному горю всего мыслящаго человѣчества и вѣрныхъ подданныхъ Русскаго Государя, совершилась ужасная катастрофа цареубійства. Одинъ изъ великихъ Императоровъ Россіи, Царь-Освободитель, погибъ отъ руки кучки фанатиковъ. Мы какъ разъ въ это время проживали въ Лондонѣ. Интересно, можетъ быть, будетъ знать, что и какъ по этому поводу намъ сдѣлалось извѣстно о страшномъ событіи? Жена моя отъ 14 марта, 1881 года, пишетъ, напримѣръ, своимъ родителямъ слѣдующее: „Мамаша проситъ написать, когда мы узнали о страшной катастрофѣ и смерти Государя. Мы узнали это“, отвѣчаетъ она, „на другой день, такъ какъ, наканунѣ, въ день убійства было воскресенье и газетъ не выходило, утромъ въ понедѣльникъ, въ половинѣ девятаго, какъ только встали, узнали одновременно изъ англійской газеты „Daily News“, гдѣ уже появилась обширная телеграмма о печальномъ событіи, и изъ циркулярнаго письма здѣшняго русскаго священника, приглашавшаго насъ на панихиду. Мы отправились въ церковь, гдѣ отслужено было краткое и печальное молебствіе, на которомъ присутствовала масса знатнаго народа; полный комплектъ, конечно, русскаго посольства, а также и представители иностранныхъ державъ, включая турецкую, китайскую и японскую миссіи и т. д., кромѣ того многіе члены англійской королевской фамиліи, принцъ Уэльскій и принцесса Уэльская (настоящій король Эдуардъ съ супругой), которая очень похожа на свою сестру, нашу нынѣшнюю Императрицу“, пишетъ жена, „и также пользуется здѣсь большой любовью народа. О подробностяхъ этого страшнаго дѣла мы здѣсь изъ англійскихъ газетъ узнали гораздо больше, чѣмъ Вы въ Россіи; черезъ нѣсколько

дней, впрочемъ, мы имѣли также возможность получить весь русскій матеріалъ, потому что выписываемъ массу газетъ изъ Россіи. Англичане очень сочувственно отнеслись къ нашему національному несчастью, и первые дни послѣ происшествія, пресса почти единственно толковала здѣсь о немъ. До сихъ поръ, собственно, публика сильно интересуется подробностями дѣла и его послѣдствіями...“

Впрочемъ, я долженъ пополнить письмо жены одной, нѣсколько курьезной подробностью, смутившей нашъ духъ наканунѣ этого событія. Перваго марта, по русскому исчисленію, въ воскресенье, знаменитый англійскій проповѣдникъ лордъ Редстокъ говорилъ публичную проповѣдь. Входъ былъ свободенъ, и мы съ женой захотѣли какъ разъ послушать, что такое за Редстокъ и что онъ говоритъ? Проповѣдь назначена была и началась ровно въ четыре часа по полудни. Къ общему удивленію, Редстокъ началъ проповѣдь съ какихъ-то таинственныхъ и странныхъ намековъ на какое-то печальное событіе въ родѣ слѣдующихъ: „Завтра, христіане, вы встанете утромъ и узнаете, можетъ быть, какую-нибудь страшную новость о внезапной насильственной смерти какого-нибудь монарха могущественнаго государства, но это событіе отнюдь не должно смущать вашу совѣсть: будьте увѣрены, что какъ бы печаленъ этотъ фактъ ни былъ, но Богу было такъ угодно. Мы должны смириться передъ Его волей и молить Его, чтобы такихъ несчастій было на свѣтѣ поменьше“ и т. д. въ этомъ родѣ.... Мы были, разумѣется, удивлены, но пропустили сказанное мимо ушей. На другой же день все сдѣлалось ясно изъ чтенія газетъ: наканунѣ, въ два часа съ тѣмъ-то, герцогъ Эдинбургскій съ супругой Маріей Александровной получали извѣстіе о смерти покойнаго Александра II, немедленно заказали экстренный поѣздъ въ Дувръ и въ три часа съ минутами уѣхали на континентъ по дорогѣ въ Россію. Очевидно, въ придворныхъ кругахъ былъ извѣстенъ фактъ катастрофы, еще, въ воскресенье днемъ, но Редстокъ не хотѣлъ нарушать святости воскресенія и смущать совѣсть слушателей этимъ извѣстіемъ и въ то же время не утерпѣлъ, чтобы на него не намекнуть и тѣмъ привлечь наше вниманіе, изобразить мысленно знаки вопроса, кто и что такое? Предсказаніе вышло не мудреное!

Тяжело было весной, послѣ довольно продолжительной холодной зимы этого года, оставаться въ городѣ. Весь, повидимому, или большая часть матеріала, необходимаго для второго желаннаго, тома моей „Англійской Свободной Торговли“, былъ уже собранъ и мы смѣло могли на этотъ разъ, послѣ продолжительнаго сожительства съ Британскимъ музеемъ, покинуть Лондонъ и переселиться въ

другое, болѣе веселое, если не поучительное мѣстопробываніе. Такъ мы и сдѣлали. Въ началѣ мая весь нашъ довольно не малый, благодаря росту книгъ, багажъ, послали впередъ, въ Гейдельбергъ, а вслѣдъ затѣмъ переселились въ этотъ прелестный, тогда еще покойный и мало обангличаненный, „nicht verengländert“, городокъ Германіи. Я имѣлъ пріятелей между профессорами и при томъ одного владѣльца богатой экономической библіотеки, профессора Эмануила Лезера, такъ что могъ смѣло рассчитывать на возможную помощь въ смыслѣ снабженія книгами. Мы поселились очень уютно и комфортабельно, въ хорошемъ не дорогомъ пансіонѣ Ланга, распредѣлили правильно свой день занятій и незамѣтно, одновременно пріятно и полезно, за писаніемъ сочиненія и прогулками, по составленной заранѣе программѣ, проводили свое время. Сначала насъ смутило одно непріятное приключеніе: сундуки и чемоданы, посланные нами впередъ, съ нашими вещами и книгами, долго не приходили въ Гейдельбергъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца по пріѣздѣ, живя при томъ около самой станціи желѣзной дороги, я непрестанно наводилъ справки, но все было тщетно; нашихъ вещей нѣтъ какъ нѣтъ! По совѣту нашего хозяина, черезъ мѣсяць мы уже поставили крестъ на наши вещи и хотѣли рекламировать, т. е. требовать отъ желѣзной дороги, или отъ правительства, то жалкое вознагражденіе, которое приходится отправителю за пропавшую кладь, какъ вдругъ нашъ багажъ нашелся на станціи и, оказалось, мы столько разъ получали отрицательный отвѣтъ, благодаря необычайной несообразительности нѣмецкаго конторщика на желѣзной дорогѣ.

Жена моя по этому поводу писала матери изъ Гейдельберга, отъ 24—12 іюня 1881 года: „Я вамъ могу сообщить наконецъ веселое извѣстіе: мы добились своихъ вещей. Скучно и досадно рассказывать всѣ наши хлопоты о нихъ и странный пассажъ съ ними. Пока мы посылали запросы, даже телеграфные, въ разныя мѣста пути слѣдованія багажа, начиная съ Лондона, онъ преспокойно лежалъ около насъ здѣсь и былъ налицо... Совершенно случайно мы до него добрались... Во всякомъ случаѣ день, когда мы получили вещи, былъ для насъ праздникомъ, мы точно получили подарокъ. Еще раньше мы начали заниматься по книгамъ, которыя сейчасъ нашлись или въ университетской библіотекѣ или у профессора Лезера и въ другихъ книжныхъ учрежденіяхъ города. Книгописаніе наше идетъ очень успѣшно, у насъ уже написано свыше ста страницъ“ (жена ошиблась, въ дѣйствительности было гораздо больше). „Матеріалы такъ разрослись, что книга грозитъ выйти больше, чѣмъ слѣдовало. Работать здѣсь очень хорошо; день правильно

расположень; заботь, напрімѣръ, о ѣдѣ, ни малѣйшихъ, какъ въ Лондонѣ. Недавно, впрочемъ, простояло нѣсколько дней такихъ жаркихъ, что нападала на насъ нѣкоторая вялость, работа шла какъ бы хуже. Теперь же чудная, не слишкомъ жаркая погода, и я съ утра сѣла вамъ писать въ нашемъ саду, гдѣ въ другое время бываетъ невыносимо жарко. Мы купаемся въ Неккарѣ и чувствуемъ себя совсѣмъ хорошо. Жизнь привольная, заниматься удобно, погулять есть гдѣ...

„Письмо это“, говорится далѣе, „продолжаю вечеромъ. И. И. пошелъ съ нѣсколькими русскими гулять въ довольно отдаленный пунктъ, а я нынче отказалась отъ прогулки, потому что во время купанья передъ ужиномъ много плавала и устала. Да и рано здѣсь хочется спать, потому что сравнительно рано встаемъ, мужъ въ половинѣ восьмого, и даже въ семь, я полчаса поздне; до часу такимъ образомъ, до времени нашего ранняго обѣда, у насъ много часовъ для занятій, и мы, если диктовка мужа идетъ гладко, успѣваемъ написать довольно много. Послѣ обѣда мы занимаемся какимъ-нибудь легкимъ чтеніемъ и не спимъ ни тотъ, ни другой, потому что часа въ четыре пьемъ кофе уже не дома, а въ кондитерской, а послѣдніе жаркіе дни передъ этимъ обязательно купаемся въ прохладномъ Неккарѣ. Отъ 5—7 часовъ, большею частью, мы онятъ усердно пишемъ, въ восьмомъ часу получаемъ ужинъ и чай и затѣмъ вновь отправляемся въ вечернюю прогулку, которая единственно возможна при такой жарѣ, которая здѣсь наступила лѣтомъ. Каждый вечеръ, почти регулярно, заходитъ за нами кто-нибудь изъ здѣшнихъ русскихъ... Я умышленно привелъ это безыскусственное письмо, чтобы точнѣе представить иделическую картину нашей новой жизни, столь не схожей съ лондонской, надъ той же работой, усердно подвигавшейся впередъ. Наконецъ послѣ всѣхъ шестилѣтнихъ стараній, передѣлокъ, перемѣнъ и измѣненій плана, совсѣмъ не похожаго на первый, моя работа надъ „Свободной Торговлей“, или, точнѣе, „Развитіемъ идей свободной торговли“, видимо, приближалась къ благополучному окончанію. Въ началѣ августа работа настолько подошла къ концу, что мы рѣшили сдѣлать себѣ нѣкоторый отдыхъ и удовольствіе мѣсячной поѣздкой въ Швейцарію, и я взялъ круговой билетъ III-го класса на это время. (Большой роскоши я себѣ тогда еще не могъ позволять).

У насъ сохранилось одно интересное письмо жены объ этомъ важномъ для насъ событіи долго желаннаго окончанія второго тома. Жена моя пишетъ объ этомъ изъерна своей матушкѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Имѣю сообщить новость, мы вчера кончили послѣднюю главу книги; теперь И. И. хочетъ только дополнить нѣсколько

ту главу, которая уже давно написана, и для этого мы остались въ Бернѣ собственно на нѣсколько дней. Кстати погода дождливая и все равно нигдѣ въ Швейцаріи гулять еще нельзя. Даже по слухамъ рѣки разлились отъ дождей. По случаю нашей общей радости, окончанія работы, я получила отъ мужа сюрпризъ, о которомъ вамъ теперь не скажу, чтобы лучше поразить при свиданіи. Чѣмъ ближе придвигается время отъѣзда, тѣмъ невольно чаще вспоминается, какъ будетъ пріятно обнять васъ, послѣ долгаго скитанія по бѣлому свѣту... Намъ только хочется воспользоваться своимъ круговымъ билетомъ, насмотрѣться напоследяхъ чудесами природы, которая потомъ надолго оставитъ наслажденіе своими воспоминаніями, а затѣмъ уже восвоится, опять за трудовую жизнь въ Россіи. Веселья тамъ теперь ждать нельзя, все кругомъ очень грустно. Одно утѣшеніе—дѣлать, по возможности, свое дѣло. Миѣ по пріѣздѣ надо будетъ, кромѣ устройства квартиры, за полтора года отсутствія, измарать порядочно много бумаги, продолжая переписку, и книга дастъ намъ обоемъ еще достаточно работы въ Москвѣ: миѣ переписки, а И. И. просмотра сначала, а потомъ корректуры при печатаніи. За то какое блаженное чувство мы ощущаемъ при окончаніи этой работы, которая тяжелымъ бременемъ лежала на нашей совѣсти и сначала давалась очень трудно, вслѣдствіе измѣненій нѣкоторыхъ возрѣній и расширенія матеріала со времени писанія перваго выпуска?!! Мораль, которую И. И. вынесъ отсюда: въ умственныхъ работахъ никогда не связывать себя и не гадать за будущее. „Все хорошо, что кончается хорошо“, говоритъ пословица, поэтому теперь нечего ворчать на судьбу, но было тяжелое время, когда И. И. долго не могъ приняться въ Британскомъ музеѣ за эту обязательную работу, которая, напоминая о себѣ постоянно, не давала намъ свободы вполне предаться тѣмъ занятіямъ, которыя болѣе привлекали въ данное время его интересы, какъ, напримѣръ, фабричное законодательство. Теперь мужъ росписался, и книга, кажется, выйдетъ недурная, но она далась труднѣе всѣхъ прежнихъ его сочиненій. Но, однако, довольно объ этомъ“...

Къ осени мы благополучно вернулись изъ продолжительнаго полуторогодового отсутствія изъ Россіи, на этотъ разъ съ новой и давно желанной книгой, вторымъ выпускомъ „Свободной Торговли“, съ новымъ большимъ трудомъ, готовымъ для печати. Немедленно она отдана была въ типографію, въ томъ же домѣ, гдѣ я прежде проживалъ съ Ковалевскимъ (Миллера): теперь я уже поселился въ другой части города Москвы, на Арбатѣ, гдѣ и оставался до окончательной ликвидаціи моей московской жизни.

Такъ какъ второй томъ или выпускъ этого сочиненія, обнимаю-

цій періодъ свободной торговли, представляеть для того времени главную мою работу, потребовавшюю большихъ усилій, то я считаю долгомъ нѣсколько долѣе на ней остановиться. Сначала я хотѣлъ во второмъ выпускѣ этой книги ограничиться лишь выясненіемъ торжества принциповъ свободной торговли, но, продолжая работать, я не могъ не замѣтить сильной перемѣны въ воззрѣніяхъ англійскаго общества на политическую экономію и упадка стараго престижа самой экономической науки. Вѣра во многіе наиболѣе существенные положенія и принципы политической экономіи, какъ они были установлены въ XVIII и XIX вѣкахъ ея первыми основателями, вѣра эта явилась уже давно, въ значительной степени подорванной и поколебленной, и въ то же время новые законы, новые принципы, которые могли бы замѣнить собой старые, потерявшіе довѣріе, еще не созданы и составляютъ лишь *pium desiderium*.

Это послѣднее обстоятельство заставило меня всмотрѣться ближе въ данное явленіе и подвергнуть его спеціальному изслѣдованію. Чѣмъ же объясняется эта громадная перемѣна относительно значенія и важности политической экономіи? Какъ, какимъ образомъ, подъ какимъ вліяніемъ и благодаря какой обстановкѣ дѣйствительной жизни могло образоваться и развиваться это столь распространенное нынѣ недоувѣріе къ вѣрности, правильности, къ цѣлесообразности выработанныхъ политической экономіей началъ, а также убѣжденіе въ практической непригодности болѣею частью ихъ законодательнаго примѣненія къ жизни?!

Прослѣживая, шагъ за шагомъ, съ конца 20-хъ годовъ прошлаго вѣка англійскую экономическую литературу, я пришелъ къ заключенію, что главное вліяніе на измѣненіе общественнаго мнѣнія въ отношеніи къ этой наукѣ оказали слѣдующіе четыре фактора: 1) альтруизмъ, 2) социализмъ, 3) индуктивизмъ, 4) протекціонизмъ. Въ этомъ построеніи, которое я дальше вкратцѣ изложу, я ставлю себя въ заслугу, что до сихъ поръ привыкли въ наукѣ бороться лишь логическими способами, путемъ доводовъ, добываемыхъ разсужденіемъ и фактами, а я постарался показать въ своемъ изслѣдованіи, что помимо логическихъ доводовъ, въ построеніяхъ разныхъ экономическихъ воззрѣній и прямо въ воздѣйствіи ихъ на законодательство и государственную жизнь имѣють мѣсто, помимо доказательствъ разсудка, *доводы простого чувства* и экономическая наука развивалась, видоизмѣнялась и распространялась въ такой же мѣрѣ, благодаря аргументамъ холоднаго разсудка, сколько и горячаго, можетъ быть, *чувства* человѣческой симпатіи къ несчастнымъ и обездоленнымъ въ жизни; поэтому-то я на первомъ мѣстѣ и поставилъ альтруизмъ и его значеніе и воздѣйствіе на науку.

Это положеніе я старался доказать на основаніи, болѣе всего, біографіи Джона Стюарта Милля, а также, впрочемъ, и другихъ многихъ писателей (Коббетъ, Уэкфильда, Джона Рэ, Самуила Ленга и мн. др.). Каждый, кто, напримѣръ, читалъ автобіографію Джона Стюарта Милля, навѣрное припомнитъ прекрасныя страницы, которыя онъ посвящаетъ описанію того медленнаго, но сильнаго вліянія, которое оказала на укладъ его всѣхъ убѣжденій м-ръс Тейлоръ, сдѣлавшаяся впоследствии его женой. Вліяніе это, судя по всему, имѣло характеръ гуманизирующій и выразилось въ томъ, что Милль началъ больше обращать вниманія на положеніе рабочихъ классовъ, на вопросы, съ ними связанные, и уже отсюда во многомъ измѣнилъ свои экономическія убѣжденія на этотъ предметъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться, если даже сопоставить его раннія экономическія произведенія съ позднѣйшими, не говоря о личномъ сознаніи автора. Достаточно было этой причины, т. е. возбужденія большого сочувствія Милля къ положенію бѣдныхъ массъ народа, большого развитія чувства альтруизма, чтобы это личное обстоятельство постепенно, но прочно, выразилось въ несогласіи, съ его стороны, съ нѣкоторыми положеніями господствовавшей школы политической экономіи и стремленія построить науку (напримѣръ, ученіе о распредѣленіи, ассоціаціи и др.) на иныхъ новыхъ началахъ, нежели дѣлали предшественники, болѣе независимо широко. Такимъ образомъ, повторяю, не одни лишь голые аргументы логики воздѣйствовали на экономическія убѣжденія Милля, но и *доводы чувства*, предрасполагавшаго его къ оппозиціи противъ нѣкоторыхъ положеній суровой абстрактной науки и толкавшаго его къ изслѣдованію иныхъ возможныхъ формъ человѣческаго существованія и иного разрѣшенія насущныхъ вопросовъ.

Къ альтруизму примыкаетъ непосредственно другой факторъ означенной оппозиціи,—соціализмъ, дальнѣйшее развитіе и возведеніе перваго въ нѣкоторую систему. Значеніе его въ этомъ случаѣ, если признать существованіе перваго фактора—альтруизма, въ томъ смыслѣ, какъ я его выставилъ, доказаннымъ, становится понятнымъ само собой и не требуетъ особеннаго объясненія.

Ученіе протекціонизма, хотя исходитъ, обратно съ предыдущимъ факторомъ, изъ своекорыстныхъ началъ и побужденій, тѣмъ не менѣе также сыграло роль въ исторіи экономическихъ идей: хотя протекціонисты еще чаще, чѣмъ фридредеры, являются защитниками не принципа собственно, а лишь интереса извѣстной категоріи лицъ и класса, тѣмъ не менѣе, защищая вмѣшательство правительства относительно ввозной торговли, протекціонисты, уже въ силу логики, должны были допускать и даже защищать и права государ-

ственного вмѣшательства, вообще, въ экономическую жизнь, гдѣ это требуется общимъ благомъ, подкапывалась, такимъ образомъ, подъ тотъ же самый фундаментальный принципъ политической экономіи—свободу конкуренціи.

Наконецъ, индуктивная провѣрка или наблюденіе хозяйственной жизни другихъ странъ и народовъ также не осталась безъ вліянія на измѣненіе многихъ воззрѣній на солидность и пригодность иныхъ выводовъ экономической науки. Однимъ словомъ, индуктивизмъ привелъ къ заключенію, что большая часть принциповъ политической экономіи имѣетъ лишь условное, относительное значеніе, а отнюдь не общее и абсолютное, какъ толковали тогда многіе изъ экономистовъ въ Англіи. Сверхъ того, моя книга, кромѣ указанной, имѣла еще другую цѣль: выяснить причины, по которымъ Англія приняла въ своей политикѣ систему именно свободной торговли. Изслѣдованіе показало въ этомъ случаѣ, что Англія должна была принять эту систему по особеннымъ условіямъ своего экономического быта, что она являлась для нея тогда наиболѣе выгодной и безопасной. Въ заключеніе я выражаю, что новая перестройка политической экономіи должна покоиться по преимуществу на индуктивномъ методѣ, съ наибольшими шансами на ея продолжительное существованіе, что въ этомъ смыслѣ политическая экономія является болѣе наукою будущаго, нежели настоящаго, и что эта перестройка не кончится на многіе годы.

Таковы вкратцѣ главнѣйшіе выводы изъ 2-го выпуска моего труда по исторіи идеи англійской свободной торговли, поглотившей столько лѣтъ моей жизни и столько времени разнообразныхъ занятій въ стѣнахъ Британскаго музея и внѣ его. Интересъ для экономической науки этой книги, по моему мнѣнію, заключается прежде всего въ томъ, какъ упомянуто уже, что я обратилъ вниманіе въ исторіи доктринъ на личные факторы, т. е. условія жизни и дѣятельности даннаго писателя: обыкновенно предполагается, что сила аргументаціи тѣхъ или иныхъ положеній опредѣляетъ принятіе или отрицаніе тѣмъ или другимъ лицомъ; между тѣмъ въ дѣйствительности любовь, напримѣръ, Джона Стюарта Милля къ м-рсу Тейлоръ и дружба съ нѣкоторыми представителями „христіанскаго социализма“ непосредственно отразились на его воззрѣніяхъ и способствовали ихъ перемѣнѣ. Точно также у цѣлаго ряда писателей, мною приводимыхъ въ сочиненіи, горячее сочувствіе бѣднымъ классамъ народа, при самой различной степени умственного здоровья и интеллекта, немедленно и одинаково у всѣхъ экономистовъ отражалось въ формѣ оппозиціи тѣмъ или инымъ принципамъ классической экономіи, а главнѣе всего противъ невмѣшательства государ-

*

ственной власти. Въ фактическомъ отношеніи значеніе моей книги заключалось въ томъ, также, что я первый изъ европейскихъ экономистовъ объяснилъ и сдѣлалъ очеркъ ученія „англійскихъ христіанскихъ социалистовъ“. Нѣмцы, профессора Нейманъ и Гельдъ выступили лишь вскорѣ послѣ меня и, благодаря рецензій Альфонса Туна (въ Тюбингенскомъ журналѣ), они уже знали о моемъ сочиненіи, а Нейманъ даже со мной списывался по этому поводу...

Тотъ же самый 1882 годъ, въ которомъ появился на свѣтъ второй выпускъ моей „Свободной Торговли“, завершившій большую работу, ознаменовался для меня, собственно, другимъ великимъ событіемъ, первой пробой моихъ силъ на практическомъ поприщѣ, попыткой приложенія моихъ книжныхъ теоретическихъ свѣдѣній къ дѣйствительной жизни. Я разумѣю мою фабрично-инспекторскую дѣятельность, продолжавшуюся цѣлыхъ 5 лѣтъ, съ перваго дня созданія этого новаго института въ Россіи для регулированія взаимныхъ отношеній хозяевъ и рабочихъ въ промышленномъ производствѣ. Вслѣдъ за этой пробой практики имѣли мѣсто въ моей профессорской жизни и еще нѣсколько весьма важныхъ, хотя и кратковременныхъ изслѣдованій по порученію правительства въ разныхъ отрасляхъ государственной жизни. Въ настоящее время я по-стараяюсь ихъ лишь кратко намѣтить и перечислить.

Моя научная, теоретическая дѣятельность нашла себѣ практической исходъ и примѣненіе:

1) Фабрично-инспекторская служба (1882 — 1887). (Фабричные законы 1882 года, введеніе инспекціи, краткая исторія инспекціи и законовъ).

2) Изслѣдованіе фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ.

3) Промысловые синдикаты, преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

4) Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ.

5) Отчетъ о практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ восьми русскихъ университетовъ.

Начну съ краткаго изложенія воспоминаній о моей фабрично-инспекторской дѣятельности.

Лѣто 1882 года я проводилъ на дачѣ въ Соколовѣ близъ станціи Химки по Николаевской желѣзной дорогѣ, мѣстечко, извѣстное своей живописностью и нѣкогда принадлежавшее генералу Дивову, а теперь купеческой семьѣ Мазуриныхъ. П. Д. Боборыкинъ удачно назвалъ когда-то Соколово маленькимъ Московскимъ Шварцвальдомъ. По преданію въ немъ нѣкогда проживали лѣтомъ Бѣлинскій,

Грановскій и Герцентъ; послѣдній даже не разъ упоминаетъ о немъ въ своихъ произведеніяхъ.

25 іюня 1882 года, проживая мирно въ Соколовѣ, я получилъ письмо отъ извѣстнаго профессора технологіи и дѣятеля по кустарному образованію, Евгенія Николаевича Андреева, котораго я встрѣтилъ раньше лишь однажды; онъ просилъ меня, для переговоровъ по одному дѣлу, если я въ прищипѣ ничего не имѣю противъ, — явиться къ нему въ гостиницу, или на промышленную выставку, тогда происходившую въ Москвѣ, гдѣ могу найти его всегда въ извѣстные часы, на извѣстномъ мѣстѣ.

Послѣ краткаго размысленія, я поѣхалъ въ назначенное время въ Москву, встрѣтился съ Андреевымъ на выставкѣ и бесѣдовалъ болѣе двухъ часовъ. Отъ него я узналъ, что законъ о малолѣтнихъ находится уже въ Государственномъ Совѣтѣ, что самъ Андреевъ ждетъ со дня на день утвержденія себя въ должности главнаго лица по этому закону. Меня же съ полнаго согласія министра онъ желаетъ притянуть къ новымъ обязанностямъ въ роли инспектора Московскаго округа, которому будутъ подлежать шесть центральныхъ губерній. Я принялъ предложеніе Андреева и по совѣту его поѣхалъ въ Петербургъ представляться моимъ будущимъ властямъ. Представленіе началось съ министра, почтеннѣйшаго Н. Х. Бунге, покровительство и симпатіи котораго я очень скоро и прочно завоевалъ. Онъ принялъ меня крайне любезно и не какъ министръ, а какъ профессоръ профессора, какъ старшій товарищъ младшаго: мило, добро и участливо разспрашивалъ меня о послѣдней моей работѣ по финансамъ и о будущихъ предположеніяхъ въ смыслѣ научныхъ занятій. Затѣмъ перешелъ къ рабочему вопросу и благодарилъ меня за то, что я рѣшилъ принять на себя создаваемое мѣсто фабричнаго инспектора. „Рабочій вопросъ“, говорилъ Н. Х., — „важный государственннй вопросъ, правильная постановка котораго необходима. Поэтому особенно дорого привлеченіе къ дѣлу столь свѣдущихъ людей, какъ вы... Мнѣ хорошо извѣстны всѣ ваши труды по рабочему вопросу; мы должны просить вашего извиненія, что“, какъ онъ выразился, „мы васъ нѣсколько обобрали по этому предмету“. Въ этомъ шутливомъ замѣчаніи Н. Х. Бунге, очевидно, разумѣлъ представленіе въ Государственный Совѣтъ и мотивы къ новому фабричному закону, для которыхъ пользовался матеріаломъ изъ моихъ сочиненій по фабричнымъ вопросамъ нерѣдко ссылаясь на нихъ... „Само собою разумѣется“, продолжалъ министръ, „мы не можемъ сдѣлать сразу много для рабочихъ, надо дѣйствовать осторожно, чтобы не раздражать заинтересованные предубѣжденные круги,—но я убѣжденъ, что постепенно возможно будетъ ввести

надлежащій порядокъ въ этотъ вопросъ и сдѣлать все, что можно, для его измѣненія къ лучшему“. Счастливый и довольный имѣть такого главнаго начальника, я оставилъ министра, полагая, что я его больше этотъ разъ не увижу, но уже въ тотъ же день получилъ съ курьеромъ маленькую записку, радушно приглашавшую съ нимъ запросто отобѣдать, что мнѣ дало немедленно возможность еще болѣе сблизиться и обмѣняться мыслями съ этимъ замѣчательно благороднымъ русскимъ дѣятелемъ, собственно мало оцѣненнымъ своими современниками.

Другое впечатлѣніе впервые произвелъ на меня директоръ Департамента Торговли и Мануфактуръ въ то время, Н. А. Ермаковъ. Онъ не имѣлъ большого образованія и даже не скрывалъ этого (кажется, не пошелъ дальше духовнаго училища), но это не помѣшало ему быть очень умнымъ и практически хорошо свѣдущимъ человѣкомъ во всѣхъ чиновничьихъ путяхъ и дорогахъ. Мнѣ заранѣе о немъ много рассказывалъ А. И. Чупровъ, когда-то его хорошо знавшій. Между прочимъ А. И. говорилъ, что Ермаковъ ему энергически нѣсколько разъ рекомендовалъ, какъ лучший способъ имѣть въ жизни успѣхъ, принять за правило всѣмъ нравиться и со всѣми быть въ мирѣ. „Пчела“, иллюстрировалъ онъ свою „Молчалинскую“ философію, „одинаково собираетъ свой медъ со всѣхъ цвѣтовъ“!!!...

Ермаковъ принималъ меня отечески ласково, говоря, что „они“, т. е. Министерство Финансовъ, „задумали новое дѣло, заняться судьбой рабочихъ, начиная съ малаго возраста. А для новаго дѣла“, добавилъ онъ, „нужны и новые ученые люди“, и онъ очень-де радъ видѣть такихъ у себя на службѣ, „тѣмъ болѣе, что министръ-то у насъ ученый“. Поэтому онъ только просить объ одномъ, заботиться о рабочихъ, но быть осторожнѣе, осторожнѣе. „Разумѣется“, добавилъ онъ, смѣясь, „вы имъ социализмъ проповѣдывать не будете?“ Тамъ же у Ермакова я познакомился съ моимъ будущимъ ближайшимъ начальникомъ (Промышленнаго Отдѣленія) А. Г. Небольнымъ, моимъ дорогимъ до настоящаго времени другомъ.

30 августа 1882 года всѣ длинныя формальности у меня были окончены, и я былъ утвержденъ въ должности, какъ тогда наименовали ее, „Московского инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ“. Я получилъ затѣмъ, вскорѣ же, самыя общія указанія отъ Андреева на свои обязанности и предложеніе возможно усерднѣе посѣщать фабрики для ознакомленія съ ними и собиранія разнообразныхъ свѣдѣній по всѣмъ родамъ производства о положеніи рабочихъ, о числѣ малолѣтнихъ, ихъ возрастѣ, школахъ, гигиеническихъ условіяхъ, занятіяхъ и т. д. и наконецъ о школьномъ обу-

ченіи. Вскорѣ затѣмъ былъ выданъ мнѣ открытый листъ, дающій право входа во всѣ промышленныя учрежденія. Я получилъ такимъ путемъ широкой просторъ для удовлетворенія своей любознательности, для знакомства, одинаково, какъ съ фабричнымъ бытомъ, такъ и съ условіями, необходимыми для подготовки меня къ новымъ обязанностямъ, когда законъ вступить въ силу. Предварительно же законъ о работѣ малолѣтнихъ былъ уже изданъ 1-го юня 1882 года, въ то же время законъ этотъ оставался совершенно бумажнымъ и въ началѣ же было объявлено, что онъ не вступить въ силу до 1 мая 1883 года, данныхъ намъ, инспекторамъ, такъ сказать, для подготовки. Позднѣе, однако, вслѣдствіе извѣстной медленности нашей государственной колесницы, вступленіе закона въ силу было отсрочено еще на годъ, т. е. до 1-го мая 1884 года.

Итакъ, я имѣлъ цѣлыхъ два законныхъ года въ своемъ распоряженіи для практическаго знакомства съ фабриками и промышленностью. Само собой разумѣется, что и раньше московскія фабрики не были для меня совершенно terra incognita: я перечиталъ большую часть того, что о нихъ существовало тогда въ литературѣ. Мнѣ были хорошо извѣстны прекрасныя изслѣдованія московскихъ земскихъ врачей, и, наконецъ, я былъ освѣдомленъ относительно фабрикъ изъ личныхъ разсказовъ какъ этихъ врачей, такъ и земскихъ статистиковъ, изъ которыхъ съ В. И. Орловымъ я былъ особенно хорошо знакомъ. Тѣмъ не менѣе первые шаги сдѣлали для меня очевиднымъ такіе факты изъ фабричной жизни, которые по чужимъ сообщеніямъ не производятъ никакого дѣйствія и не оставляютъ глубокаго слѣда. Меня больше всего поражало у большинства посѣщаемыхъ фабрикъ, очень долгое время, крайнее невѣжество и незнаніе тамъ о намѣреніяхъ правительства относительно предполагаемаго вмѣшательства въ фабричную жизнь и объ изданныхъ фабричныхъ законахъ. Много мѣсяцевъ спустя въ Москвѣ и нѣсколько лѣтъ спусти въ провинціи, на мои вопросы фабрикантамъ или управляющимъ и довѣреннымъ, слыхали ли они что-либо о намѣреніяхъ правительства установить новыя правила и ограничить работу малолѣтнихъ, обычно я получалъ отвѣтъ: „Нѣтъ, ничего не слыхали“. И говорилось это искренно: нѣкоторые, видимо, даже посмѣивались надо мной, не довѣряя этому факту, и я долженъ былъ вынимать изъ кармана печатный текстъ закона; тогда только начинали слушать внимательно. Большинство привыкло даже относиться ко всякимъ толкамъ о законѣ какъ къ самой пустой вещи, не стоющей вниманія.

Я помню, напримѣръ, какъ одинъ изъ крупныхъ московскихъ

фабрикантовъ, въ первый разъ, по его словамъ, услыхавшій отъ меня о новомъ законѣ о малолѣтнихъ, повидимому для него крайне важномъ, въ самомъ же началѣ объясненія прервалъ меня словами: „Вы меня извините, господинъ, мнѣ пора въ городъ, въ амбаръ ѣхать (какъ будто я къ нему пришелъ съ пустяками!). Вы расскажите лучше свое какому-нибудь молодцу въ конторѣ, они мнѣ потомъ все передадутъ, будьте спокойны“... Другой фабрикантъ былъ еще наивнѣе и, не ссылаясь даже на дѣловой предлогъ, при первомъ объясненіи твердилъ, чтобы, молъ, такъ и такъ, „пріѣхали бы въ другое время, что ему-де пора червячка заморить, жена, знаете, ждетъ къ обѣду, чтобы лучше объ этомъ я зашелъ въ другое время потолковать, коль охота“.

Самыя смѣшныя предположенія и толкованія возникали обыкновенно, когда я заявлялъ, по пріѣздѣ на фабрику, о своемъ новомъ званіи и, даже, когда вынималъ и предъявлялъ открытый листъ. Въ большинствѣ случаевъ (за исключеніемъ, нужно сознаться, иностранцевъ) никто изъ русскихъ фабрикантовъ открытаго листа обыкновенно не читалъ, какъ бы считая это неприличнымъ, и немедленно возвращалъ мнѣ его назадъ, но, принимая меня при этомъ, какъ къ моему негодованію оказывалось, совсѣмъ не за того, кто я былъ и т. д.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживалась и другая, еще болѣе неприятная сторона русской чиновничьей дѣятельности и приходилось считаться со зломъ нашего подмазыванія. Всякій старался всучить взятку и очень, видимо, удивлялся, иногда наивно это выражая, отказу. Даже запросто спрашивали, не мало ли? Словомъ, въ такой откровенной формѣ взятка предлагалась неизвѣстно за что, потому что и законъ-то не дѣйствовалъ. Очень трудно было убѣдить, что я не беру, и что это совсѣмъ не хорошо; сердиться было прямо смѣшно, такъ какъ видимо было обычно. Одинъ разъ, на примѣръ, помнится, на Московскомъ Даниловскомъ сахарномъ заводѣ, я нашель, садясь, по окончаніи осмотра фабрики, на своего извозчика, что-то въ ногахъ санокъ твердое; къ моему удивленію, я нацупалъ цѣлую голову сахара. Тогда я вызвалъ вновь, черезъ кого-то изъ служителей, управляющаго фабрикою изъ конторы, указалъ на эту сахарную голову и попросилъ ее убрать и никогда впредь этого не дѣлать. Онъ рѣшительно мнѣ отвѣчалъ: „Я не понимаю, почему Вы, милостивый государь, отказываетесь,— это просто обычай, и тутъ дурного нѣтъ ничего, всѣ и вездѣ такъ дѣлаютъ, и намъ это ничего не стоитъ“. Чтобы избѣжать бесполезнаго спора, и для интересовъ будущаго, я ему объявилъ: „Я сейчасъ записывалъ у васъ въ конторѣ размѣръ заработной платы,

и записалъ, что вы получаете жалованія пять тысячъ рублей, вѣрно это, или нѣтъ?“— „Конечно, вѣрно, если я вамъ показалъ это“.— „А я получаю шесть тысячъ рублей, — какъ же вы хотите, чтобы я бралъ взятки, за которыя меня могутъ завтра же прогнать со службы?!“ Такой аргументъ его, видимо, удивилъ и подѣйствовалъ. Онъ отвѣтилъ: „Ну, если бы всѣ такъ хорошо оплачивались, какъ вы, ваше превосходительство, тогда бы мы головъ въ экипажъ не клали“ (я считалъ свое инспекторское жалованіе, плюсъ профессорское).

Еще противнѣе было мое положеніе, когда фабрика отличалась, видимо, какими-нибудь большими недочетами, напимѣръ, дурнымъ санитарнымъ положеніемъ, массою больныхъ лицъ, съ печатью вреднаго вліянія производства на нихъ, какъ, напимѣръ, на спичечныхъ фабрикахъ, гдѣ макальщики фосфора, иногда молодые здоровые люди, — безъ признаковъ зубовъ, и т. п. Въ этихъ случаяхъ подмазываніе совершалось особенно часто и назойливо и практиковались самыя разные способы. Напимѣръ, я имѣлъ съ собою нѣсколько экземпляровъ новыхъ законовъ, и нѣкоторые промышленники или ихъ довѣренные просили, послѣ моихъ объясненій, посмотреть законы, пока я остаюсь на фабрикѣ; къ моему негодованію, нѣсколько разъ, когда возвращали мнѣ книжку, изъ нихъ выпадали или я находилъ страницы переложенныя бумажками, такъ что я принялъ за правило въ началѣ тщательно осматривать каждую возвращаемую мнѣ книжку. Иные безцеремонно разспрашивали моего извозчика (къ счастью, кромѣ наемныхъ лошадей, я другихъ не имѣлъ), не знаютъ ли онъ, какъ къ барину лучше подѣхать? Скоро, впрочемъ, разнеслось по губерніи, что на новой должности не берутъ, и мало-помалу оставили меня въ покоѣ и, позднѣе, случаевъ даянія я уже припоминаю сравнительно мало и рѣдко. Но волей неволей, при огромныхъ разстояніяхъ отдаленныхъ фабрикъ, и это надо принять и нынѣ для соображенія высшаго начальства, приходится приѣзжимъ инспекторамъ пользоваться для ночлега фабричнымъ помѣщеніемъ и фабричнымъ продовольствіемъ, что можетъ легко, разумѣется, переходить, да такъ и дѣлается, въ прямой подкупъ.

Вслѣдъ за описанными послѣдствіями нашихъ дурныхъ чиновничьихъ нравовъ, тормозомъ къ спокойному исполненію фабрично-инспекторскихъ обязанностей, даже раньше вступленія закона въ силу, явилось тоже наше полное невѣжество и незнаніе о самыхъ важныхъ фактахъ существованія фабрикъ. Обладая самой широкой возможностью, какъ профессоръ университета и лицо видное и извѣстное въ Москвѣ, сравнительно съ обыкновеннымъ чиновникомъ, получить должныя свѣдѣнія, и имѣя довольно широкое довѣріе всѣхъ,

для данной цѣли, ученыхъ учреждений, я не могъ, однако, и не въ состояніи былъ иногда добиться точнаго списка фабрикъ, даже въ предѣлахъ города Москвы. Почти въ каждую мою поѣздку по губерніи, или пѣшее хожденіе въ городѣ, я открывалъ новыя Америки. То на дворѣ большой фабрики ютится какая-нибудь маленькая, которая совсѣмъ другого рода, и которая ни въ какіе списки не занесена, то сзади извѣстной крупной фабрики лежитъ другая тоже изрядныхъ размѣровъ, которая по небрежности числится за тѣмъ же владѣльцемъ, ибо выстроена на арендованной землѣ, но больше ничего общаго съ первой фабрикой не имѣетъ, и т. д. Пропуски фабрикъ повторялись постоянно, что же послѣ этого говорить о числѣ рабочихъ, о двигателяхъ и другихъ свѣдѣніяхъ? Всѣ эти данныя въ мое время, на фабрикахъ, кромѣ нѣкоторыхъ образцовыхъ заведеній, рѣшительно никуда не годились.

Я помню, нѣсколько разъ въ теченіе своей дѣятельности я встрѣчалъ такой удивительный фактъ, который заявлялся мнѣ даже не безъ гордости,—когда я высказывалъ сомнѣніе по поводу того или иного статистическаго свѣдѣнія, сообщаемаго мнѣ администраціею фабрики: „Помилюйте, да у насъ всѣ эти свѣдѣнія, напримѣръ, о двигателяхъ, о числѣ рабочихъ, о распредѣленіи по родамъ труда, о заработной платѣ, даже на печатныхъ листкахъ рассылаются по начальству, когда требуется, какія же тутъ могутъ быть ошибки!“ т. е. это означало, что измѣняющіяся очень быстро свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, послѣднія, печатались разъ на нѣсколько лѣтъ и затѣмъ рассылались и предъявлялись разнымъ чинамъ и вѣдомствамъ; какъ будто бы въ это время все замерзало, рабочіе не принимались и не отпускались, заработная плата не измѣнялась и т. п., что, разумѣется, чистый вздоръ, и такимъ образомъ свѣдѣнія съ подобныхъ фабрикъ сообщались не о дѣйствительномъ положеніи дѣла, а совершенно ложныя и случайныя?!?

Еще большей помѣхой и препятствіемъ, очень долго, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ вступленія нашего въ должность къ надлежащему исполненію закона служило отсутствіе такъ называемыхъ „Правилъ исполненія законовъ для фабрикантовъ“ и „Инструкцій чинамъ инспекціи по надзору за занятіями малолѣтнихъ“. Безъ этихъ двухъ важныхъ документовъ и при самыхъ общихъ выраженіяхъ статей закона, мы не знали, какъ намъ дѣйствовать, какъ поступать въ самыхъ мало-мальски затруднительныхъ случаяхъ, а фабриканты—какъ относиться къ предписаніямъ закона и какъ его примѣнять? Десятки писемъ и официальныхъ представленій писались инспекторами по этому поводу, но впередъ однако дѣло не двигалось. По этой причинѣ законъ съ 1 мая 1883 года былъ отложенъ соб-

ственно на годъ, но и съ 1884 года примѣненіе закона не могло имѣть мѣста, потому что оба документа еще не вышли въ свѣтъ, и всѣ наши мольбы и настоянія игнорировались какъ министерствомъ, такъ и главнымъ инспекторомъ.

Всякаго рода тренія и несогласія между главнымъ инспекторомъ и Департаментомъ усилились въ это время настолько, что Андреева попросили выйти въ отставку въ концѣ 1884 года. Назначенный на его мѣсто другой главный инспекторъ былъ на этотъ разъ уже не техникъ, а даже преподаватель въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Я. Т. Михайловскій, человѣкъ очень почтенный, добрый и любезный, но къ фабричному дѣлу, конечно, не имѣвшій никакого отношенія и начавшій только ему учиться. Новый инспекторъ во многихъ отношеніяхъ былъ покладистѣе и сговорчивѣе, нежели Андреевъ, и обладалъ многими благими намѣреніями. Напримѣръ, онъ, обратно съ Андреевымъ, охотно и быстро отвѣчалъ на всякій письменный запросъ, но не иначе, какъ въ формѣ частныхъ писемъ и очень часто весьма уклончиво; очевидно, что всѣ его настоянія и просьбы на первомъ же шагу разбивались о бюрократическія препоны, и благія намѣренія не приводили ни къ чему положительному.

Благодаря отсутствію „Правилъ для фабрикантовъ“ и „Инструкцій для инспекторовъ“, инспекторъ являлся на фабрикѣ, при маломальски умномъ хозяинѣ или его довѣренномъ, истиннымъ мученикомъ, который на многіе естественные и вполне умѣстные вопросы ихъ вынужденъ былъ отвѣчать лишь междометіями или ничего не значащими фразами!!!

Въ январѣ 1884 года появился мой первый инспекторскій отчетъ о свѣдѣніяхъ, собранныхъ мной, не по исполненію, разумѣется, закона, который не дѣйствовалъ, а по описанію фабричнаго быта. Отчетъ этотъ представляетъ собой довольно полную картину описанія положенія рабочихъ центрального района съ разныхъ сторонъ и большое количество фактовъ, относящихся какъ специально къ малолѣтнимъ рабочимъ, такъ и вообще къ рабочимъ всякаго возраста. Онъ рисовалъ вообще всю картину фабричнаго быта въ довольно черныхъ краскахъ, такъ что, если въ нѣкоторыхъ кругахъ даже фабриканты дѣлали мнѣ комплименты за безпристрастіе и точность сообщаемыхъ свѣдѣній, то другіе подъ шумокъ дѣлали намеки, что описательная часть моего отчета страдаетъ преувеличеніями, что содержаніе его пахнетъ-де „соціализмомъ“, и что „автора его слѣдовало бы сократить!!!“...

Какъ бы то ни было, отчетомъ въ большинствѣ были довольны, и картина печальнаго быта русскихъ рабочихъ, нарисованная мной, вѣроятно въ первый разъ получила оффиціальное одобреніе со сто-

роны начальства, начиная съ министра и кончая особенно Михайловскимъ, который въ своемъ отвѣтѣ назвалъ его образцовымъ и по содержанію и по изложенію. Н. Х. Бунге, въ разговорѣ съ однимъ лицомъ, выразился такъ: что такой отчетъ, конечно, не могъ бы быть написанъ чиновникомъ(!?). Черезъ годъ, совершенно неожиданно для себя, вовсе не представляя своей книги для конкуренціи, я получилъ отъ Географическаго Общества золотую медаль за свой трудъ. Въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ появлялось множество лестныхъ разборовъ и рецензій. Въ англійскихъ „Синихъ книгахъ“ было сдѣлано извлеченіе изъ моего отчета *in extenso*. Все это вмѣстѣ, разумѣется, давало мнѣ силу и бодрость съ надеждой смотрѣть на будущее и стоять такъ же твердо при исполненіи фабричныхъ законовъ, какъ и до тѣхъ поръ, при ознакомленіи съ фабричною жизнью и бытомъ рабочихъ¹⁾.

Наконецъ, въ концѣ декабря 1884 года появились давно желанныя „Правила“ и „Инструкціи“, которыя сдѣлали наконецъ возможнымъ приступить менѣе ощупью и рѣшительнѣе къ осмотру фабрикъ и заводовъ и обратить болѣе вниманія на замѣчаемыя злоупотребленія; но и тутъ явилось одно крупное неудобство: „Инструкціи“ и „Правила“ не были разосланы по фабрикамъ, а потому дѣлались крайне медленно извѣстными заинтересованнымъ лицамъ; кромѣ того огромныя разногласія, неясность и неопредѣленность существовали въ толкованіяхъ отдѣльныхъ положеній. Каждый молодецъ толковалъ на свой образецъ, главнымъ образомъ на словахъ, и Департаментъ дѣлалъ къ сожалѣнію очень мало или почти ничего для объединенія толкованій. Я безпрестанно обращался по этому поводу къ г. Михайловскому, но онъ относился отрицательно къ моему предложенію сдѣлать запросъ и попытаться установить нѣкоторое единство въ этомъ случаѣ. Очевидно, онъ не желалъ взять на себя отвѣтственности, а потому такіе крупные факты, какъ различеніе фабрикъ отъ ремесленныхъ и домашнихъ заведеній, предоставлялось на произволь заинтересованныхъ лицъ и толковалось разное, въ различныхъ мѣстностяхъ, иногда даже въ одной. Все это вело къ чрезвычайной путаницѣ, неравенству и несправедливости, бросающимся въ глаза. Очевидно, сверху недоставало ни рѣшимости вести дѣло, какъ слѣдуетъ, ни желанія, или мѣшала та же вѣчная боязнь кого-либо раздражить, или кому-нибудь не понравиться!!!

¹⁾ Фабричный бытъ Московской губерніи. Отчетъ за 1882—83 гг. фабричнаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ Московскаго округа. *И. И. Янжуль*. С.-Петербургъ. 1884.

Оба вышеупомянутые важные государственные документы, — „Инструкция чинамъ фабричной инспекціи“ и „Правила для фабрикантовъ“ были обнародованы 26 февраля 1885 года и, слѣдовательно, въ концѣ февраля инспекція могла бы покинуть свою пассивную роль изслѣдователя фабричной жизни и перейти къ активной и отвѣтственной дѣятельности въ качествѣ блюстителя законовъ и распоряженій, изданныхъ съ цѣлью регулировать занятія и обученіе малолѣтнихъ. Къ моему глубокому, однако, сожалѣнію, я именно лично былъ лишень возможности дѣйствовать, когда эта возможность наконецъ настала. Какъ разъ одновременно съ выходомъ двухъ желанныхъ законовъ, изъ Петербурга пришла телеграмма отъ директора департамента, съ вызовомъ къ участію въ занятіяхъ Высочайше утвержденной комиссіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора Плеве, для пересмотра отношеній хозяевъ къ рабочимъ. Комиссія эта, выработавшая первые важные законы, внесшіе нѣкоторый распорядокъ въ фабричный бытъ (опубликованные впоследствии въ 1886 году 3 іюля), установила въ первый разъ человѣческія права *русскихъ рабочихъ на ихъ заработокъ*. Выработка этихъ законовъ, повторяю, для меня лично послужила новымъ поводомъ къ перерыву или откладыванію моей инспекторской дѣятельности.

Изъ постороннихъ въ комиссіи участвовали: П. Н. Дурново, Н. А. Ермаковъ, Н. С. Таганцевъ и нѣсколько другихъ человѣкъ. Въ основу работы были положены сначала московскія правила для хозяевъ и рабочихъ, выработанныя тамъ когда-то при моемъ участіи, а потому мнѣ близко знакомыя. Въ обѣихъ комиссіяхъ, естественно, благодаря этому обстоятельству, я оказался въ курсѣ дѣла и въ состояніи былъ давать объясненія и мотивировки къ каждой статьѣ и параграфу правилъ. Плеве былъ вполне доволенъ этимъ обстоятельствомъ и просилъ меня приходить къ нему каждый вечеръ, послѣ засѣданія комиссіи, бывшей наканунѣ, для совмѣстной работы. Мы просматривали сдѣланное утромъ и приводили все въ порядокъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ я прямо по его порученію составлялъ нѣкоторыя важныя статьи и въ заключеніе, при сводкѣ проекта, Плеве поручилъ мнѣ проредактировать окончательно все сдѣланное и представить ему проектъ такъ же, какъ и прочее, *внѣ комиссіи*. Особенно много возложилъ онъ въ этомъ случаѣ на меня обязанностей при пріѣздѣ фабрикантовъ и выработкѣ вопросныхъ пунктовъ, которые были представлены на ихъ усмотрѣніе.

Засѣданія комиссіи съ фабрикантами происходили нѣсколько вечеровъ и вызывали иногда довольно горячія пренія. Со стороны правительственной говорилъ преимущественно я, какъ болѣе свѣ-

дуцій въ фабричномъ дѣлѣ человекъ, изъ фабрикантовъ Найденовъ,—по теперешнему языку можно было бы его назвать крайне правымъ—извѣстные молодые тогда фабриканты, Четвериковъ и Алексѣевъ, московскій городской голова, болѣе лѣвый, т. е. не забывавшій объ интересахъ рабочихъ, помимо своихъ личныхъ фабрикантскихъ выгодъ. Странно въ настоящее время даже вспомнить, что особенно настойчиво держались фабриканты, хотя не всѣ, вычетовъ изъ содержанія на фабрикахъ, неограниченныхъ штрафовъ на рабочихъ. Столь справедливое желаніе со стороны правительства внести нѣкоторый порядокъ въ это дѣло наказанія рублемъ вызвало наиболѣе протестовъ. Самое удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ извѣстному ученому Н. С. Таганцеву, а затѣмъ фабриканту, московскому городскому головѣ Н. А. Алексѣеву. Почтенный ученый Н. С. выражалъ главнымъ образомъ общія сужденія по поводу юридической несостоятельности и произвола фабричныхъ штрафовъ, но встрѣтилъ рѣзкую оппозицію со стороны Найденова, котораго поддерживали нѣсколько человекъ фабрикантовъ, защищавшихъ штрафы, какъ вознагражденіе хозяевъ будто бы за разные ущербы отъ дурныхъ рабочихъ и средство удержанія должной дисциплины на фабрикахъ.

Вотъ тогда-то Н. А. Алексѣевъ обратился къ предсѣдателю и, вставши во весь свой огромный ростъ, произнесъ блестящую рѣчь, которая рѣшила судьбу штрафовъ въ русскомъ фабричномъ законодательствѣ. Указывая рукой на потолокъ, Алексѣевъ, послѣ всѣхъ іереміадъ Найденова въ пользу штрафовъ, началъ ихъ опровергать съ такого рода напоминанія: „Здѣсь, въ этомъ самомъ зданіи, наверху, подъ предсѣдательствомъ также Вашего Превосходительства (т. е. Плеве) происходили засѣданія комиссіи по инициативѣ военнаго вѣдомства о замѣтномъ физическомъ вырожденіи и ухудшеніи силъ и здоровья населенія нашихъ промышленныхъ губерній. Какъ ростъ, такъ и объемъ груди рекрутовъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ замѣтно и быстро уменьшается, населеніе, видимо, хирѣетъ и даетъ все большій и большій 0/0 забракованныхъ для военной службы; очевидно, патріархальныя, якобы, условія нашего фабричнаго труда не такъ безвредны, какъ ихъ пытался защищать г-нъ предсѣдатель биржевого комитета, Найденовъ“. Въ заключеніе г-нъ Алексѣевъ, указывая на себя, какъ на представителя нѣсколькихъ отраслей промышленности и лично съ ними знакомый, рѣшительно высказывался за сильное ограниченіе штрафовъ на фабрикахъ и необходимость вообще упорядоченія и оздоровленія фабричной жизни и быта.

Какъ извѣстно, въ результатѣ работъ этой комиссіи получился

проектъ совершенно новаго фабричнаго закона, Высочайше утвержденнаго 3 іюня 1886 года. Онъ представляетъ собой первый важнѣйшій памятникъ нашего рабочаго законодательства, ибо въ первый разъ установилъ и упорядочилъ важнѣйшія стороны взаимныхъ договорныхъ отношеній рабочихъ съ ихъ нанимателями или хозяевами. Такъ, законъ 3 іюня опредѣлилъ: 1) срокъ расплаты, котораго не существовало раньше; 2) право рабочаго на цѣлый его заработокъ и ограничилъ штрафованіе и другіе вычеты, чего опять-таки раньше не было, и рабочіе очень часто прежде, уходя съ фабрикъ, благодаря вычетамъ, не только не получали ничего, но иногда оставались даже должны фабрикантамъ. Наконецъ, 3) законъ 3 іюня 1886 года переименовалъ насъ, „инспекторовъ по надзору за занятіями малолѣтнихъ рабочихъ“, просто въ фабричныхъ инспекторовъ и возложилъ на насъ обязанность наблюдать за исполненіемъ новаго закона, изслѣдуя возникающія между сторонами неудовольствія и наказывая виновныхъ судомъ: такимъ образомъ, онъ стремился создать порядокъ и контроль, гдѣ его прежде не было.

Послѣ поѣздки въ Петербургъ для участія въ комиссіи Плеве, я возвратился въ Москву съ тѣмъ, чтобы дѣятельнымъ образомъ заняться объѣздами фабрикъ и примѣненіемъ закона, для чего уже существовала возможность съ созданиемъ „Инструкцій инспекторамъ“ и „Правилъ для фабрикантовъ“, но, увы, тутъ я обнаружилъ многія препятствія другого рода. Оказалось, что эти „правила“ на огромномъ большинствѣ фабрикъ совершенно неизвѣстны, такъ какъ ихъ въ свое время не разсылали и не распространяли и пришлось опять повторять ту же вѣчную при нашихъ начинаніяхъ сказку о бѣломъ бычкѣ. „Слыхали вы о такомъ законѣ? Знаете ли о такомъ распоряженіи?“ сыпались вопросы по адресу фабрикантовъ. „Нѣтъ, мы не слыхали о такомъ законѣ; нѣтъ, мы не знаемъ его“!!.

Кромѣ того оказалось, что законъ понимается и толкуется самими представителями его, инспекторами, помимо фабрикантовъ, въ разныхъ частяхъ Россіи и часто въ одномъ округѣ, весьма различно. Главный инспекторъ ничего не дѣлалъ для объединенія закона. Я много разъ приставалъ къ нему съ своими письмами, потому что отъ официальныхъ отношеній этого рода онъ уклонялся, но тщетно; по всей вѣроятности, онъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности. Тогда я обращался самъ къ начальнику отдѣленія Неболсину, съ убѣдительною просьбой оказывать, какъ выражался я „напоръ на Я. Т.“, т. е. главнаго инспектора, но и отсюда не выходило ничего: законъ вездѣ примѣнялся очень плохо, или совсѣмъ не примѣнялся.

Наконецъ началась и наша, такъ сказать, кульминаціонная

дѣятельность инспекціи. Стали привлекать единицы изъ тысячъ вишневыхъ фабрикантовъ къ суду, при чемъ встрѣчали новыя препятствія къ улучшенію дѣла и исполненію закона. Такъ, на примѣръ, первая фабрика, на которой я составилъ законный протоколъ и привлекъ фабриканта къ судебной отвѣтственности, была спичечная фабрика Захарова въ Клинскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Я въ ней нашелъ, помимо полного и совершеннаго неисполненія всѣхъ фабричныхъ законовъ, массу малолѣтокъ, работавшихъ одинаково со взрослыми въ самыхъ опасныхъ частяхъ производства, и видѣлъ молодыхъ рабочихъ съ совершенно провалившимися челюстями и безъ зубовъ, и вообще фабрику въ страшно дурныхъ санитарныхъ условіяхъ. Въ результатъ съ этой первой попытки моей творить судъ и правду въ фабричномъ дѣлѣ вышелъ совершенный курьезъ: Захаровъ волею Божіею, до дня судебного разбирательства и даже до врученія ему повѣстки, скончался, и я отъ мирового судьи Клинскаго уѣзда получилъ извѣщеніе, что, по случаю смерти отвѣтчика, дѣло прекращено!!!

Другое дѣло, которое я началъ, кончилось иначе и не менѣе печально,—большимъ скандаломъ. Оно едва не породило даже новаго дѣла о клеветѣ и диффамациі. Второй протоколъ, мое судебное дѣло по обвиненію о нарушеніи закона о малолѣтнихъ имѣло мѣсто въ громкомъ процессѣ Н. П. Ланина, фабриканта минеральныхъ водъ и русскаго шампанскаго и издателя газеты „Русскій Курьеръ“ въ Москвѣ. Это дѣло прошло всѣ инстанціи, вплоть до Сената, попало въ Сборникъ Кассационныхъ Рѣшеній и испортило мнѣ не мало крови безъ всякой моей вины. Сущность его слѣдующая: всѣмъ извѣстна въ Москвѣ эта фабрика минеральныхъ водъ Ланина, либеральнаго въ то время издателя либеральной же газеты „Русскій Курьеръ“. Разумѣется, мы давно знали другъ друга, я даже помѣстилъ нѣсколько статей въ его газетѣ. Я нѣсколько разъ предварительно посѣтилъ его заводъ, хорошо ознакомился съ положеніемъ у него рабочихъ, а между ними много было малолѣтнихъ, и предупреждалъ его и управляющаго о необходимости позаботиться о будущемъ. Наконецъ, 2 сентября 1885 года я пріѣхалъ къ нему въ четвертый разъ и всѣ замѣченные мною недостатки и невыполненія закона нашелъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ нетронутыми, и не было ничего сдѣлано для того, чтобы исполнить законъ. Мнѣ было въ высшей степени непріятно предавать это дѣло огласкѣ и приступать къ составленію протокола, именно о лицѣ, какъ Ланинъ, который относительно пользовался уваженіемъ, какъ издатель довольно хорошей газеты. Поэтому прежде составленія протокола, я явился къ нему на квартиру и, выставляя на видъ все неудобство

для него составленія протокола въ собственной его типографіи, по нарушенію гуманнаго закона, у редактора-издателя гуманной же газеты, я убѣдительно просилъ его исправить указанные недостатки и отступленія отъ закона, обѣщая оставить безъ всякаго взысканія. Въмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу моему предложенію, Ланинъ вспылить, наговорилъ мнѣ грубостей и даже намековъ самаго неприличнаго свойства, будто бы я хочу съ него стянуть!? Всякая снисходительность даѣе становилась преступной, и я отправился въ участокъ за полиціей и понятыми. Былъ составленъ протоколъ, подписать который Ланинъ отказался, чисто изъ самодурства, но это было засвидѣтельствовано, и протоколъ врученъ мировому судѣ, который приговорилъ Ланина къ вышему наказанію, къ сожалѣнію лишь денежному, 100 рублямъ штрафу и, несмотря на хлопоты Ланина, то же наказаніе было утверждено Мировымъ Съѣздомъ, и Сенатъ, отвергнувши просьбу о кассаци, подтвердилъ лишь первоначальный приговоръ.

Болѣ никакихъ судебныхъ преслѣдованій я не вель, и всѣ мои усилія въ инспекторской дѣятельности, помимо писанія двухъ отчетовъ, были сосредоточены въ двухъ присутствіяхъ—губернскомъ и столичномъ, гдѣ мнѣ приходилось вести упорную борьбу въ защиту рабочихъ отъ фабрикантовъ, тамъ сидѣвшихъ. Многочисленные мои жалобы на фабрикантовъ и указанные закономъ случаи по неисполненію оныхъ правилъ закона 3 іюня были обжалованы въ Петербургъ и лежали тамъ подъ сукномъ, не двигаясь и только три раза,—два по моей личной инициативѣ, какъ указано, и одинъ моего помощника, были оштрафованы фабриканты по 100 рублей. Поэтому для меня въ настоящее время является трудно-объяснимой загадкой, какимъ образомъ, по какому поводу и вслѣдствіе чего именно сложилась обо мнѣ легенда въ Москвѣ, какъ о неумолимо строгомъ исполнителѣ закона и фабричномъ инспекторѣ, который чуть не съ пристрастіемъ притѣснялъ бѣдныхъ промышленниковъ, и они много разъ приносили на меня спеціальныя коллективныя жалобы и убѣдительныя просьбы къ правительству объ обузданіи инспекціи?! Побуждаемое ими министерство начало вызывать меня безпрестанно въ Петербургъ подъ пустыми предлогами, выказывая видимое неудовольствіе моей фиктивной строгостью.

Я могу лишь предположить слѣдующее объясненіе этой, ничѣмъ не вызванной, репутаціи своей фабрично-инспекторской строгости. Наши промышленники искони привыкли къ неисполненію всякихъ законовъ, регулирующихъ ихъ дѣйствія. Всякое выполненіе новаго закона для нихъ всегда имѣло лишь одно значеніе: надо ли платить и сколько?! Въ лицѣ же фабричнаго инспектора вдругъ поя-

вился передъ очами промышленниковъ совсѣмъ особенный начальникъ, не похожій ни на полицію, ни на губернскихъ техниковъ: денегъ ни подъ какимъ предлогомъ не беретъ, угощеній не принимаетъ, вина не пьетъ и т. д. и т. д., мало того, даже Н. А. Найденову визитовъ не дѣлаетъ!! И вотъ отсюда вытекла необходимость такихъ инспекторовъ сплавить съ рукъ долой. На собраніи фабрикантовъ серьезно, говорятъ, обсуждался этотъ вопросъ. На помощь былъ приглашенъ извѣстный борзописецъ Сергѣй Шараровъ, который за умѣренную плату, цифру которой онъ иногда самъ выставлялъ, взялся помогать фабрикантамъ это дѣло исполнить наилучшимъ образомъ въ своей газетѣ, которая кстати называлась „Русское дѣло“. И вотъ въ „Русскомъ дѣлѣ“ начинается форменная атака на инспекцію вообще и на меня въ особенности. Не проходитъ номера газеты, чтобы не было какой-нибудь клеветы или выдумки самаго невѣроятнаго сорта. Такъ въ нѣкоторыхъ номерахъ г-нъ Шараровъ прибѣгалъ прямо къ доносу, доказывая, напимѣръ, по поводу права инспекторовъ утверждать харчевыя расписки припасовъ, продаваемыхъ въ фабричныхъ лавкахъ, что г-нъ Янжулъ, какъ инспекторъ, старательно на фабрикахъ въ Великій постъ разрѣшаетъ все скоромное и по возможности запрещаетъ все постное!!!

Въ то же самое время, помимо постоянного нервнаго напряженія, со всѣхъ сторонъ, даже отъ нѣкоторыхъ близкихъ лицъ, я встрѣчалъ сомнѣнія и неожиданныя препятствія къ выполненію гуманитарныхъ предначертаній правительства въ фабричномъ дѣлѣ и въ самомъ введеніи закона и его распоряженій. Законы издавались, а дополненій необходимыхъ и существенныхъ—нѣтъ! Правила появлялись на свѣтъ, а толкованій ихъ—нѣтъ, и сумбуръ этотъ часто вносился на мѣсто какой-нибудь разумной и твердой постановки вопроса! Всѣ мои отчеты переполнены жалобами и настояніями о необходимости тѣхъ или иныхъ мѣръ, которыя не приводились никогда въ исполненіе, а многія и до сихъ поръ не осуществлены.

Лишь въ 1886 году появился первый мой отчетъ послѣ вступленія закона въ силу, имѣвшій характеръ уже не статистическаго упражненія, какъ прежній такъ называемый отчетъ, подъ именемъ „Фабричный бытъ Московской губерніи за 1882 годъ“: онъ весь, кратко сказать, заключалъ въ себѣ описанія тѣхъ многочисленныхъ препоновъ и препятствій, которыя я встрѣчалъ, испытывалъ и ежеминутно чувствовалъ при выполненіи новаго закона съ самымъ чистосердечнымъ желаніемъ видѣть его исполненнымъ ¹⁾.

¹⁾ VII. Московскій Фабричный Округъ. Отчетъ за 1885 годъ фабричнаго инспектора профессора И. И. Янжула, СПб. 1886 г.

Положеніе мое, какъ фабричнаго инспектора, въ виду всѣхъ, объясненныхъ выше причинъ, становилось нестерпимымъ, а дѣятельность между тѣмъ, обратно съ моими мечтами объ общемъ благѣ и улучшеніи быта рабочихъ, видимо, улетала въ трубу, и я оказался безсильнымъ. Естественно, все это способствовало тому, что я постепенно болѣе и болѣе, скрѣпя сердце, примирялся съ мыслью о необходимости покинуть любимое начатое дѣло и уйти отъ инспекціи, но происходило и многое иное, что переполнило чашу моего терпѣнія и вызвало необходимость такого рѣшенія. Такъ, опишу одну сцену и разговоръ. Замѣчу при этомъ, что 1-го января 1887 года Н. Х. Бунге вышелъ въ отставку, и его мѣсто занялъ извѣстный „дѣлецъ“ И. А. Вишнеградскій.

12 января 1887 года происходилъ обычный торжественный актъ въ Московскомъ университетѣ. Множество народу едва помѣщалось въ огромной круглой залѣ университета... Еще во время чтенія я замѣтилъ запоздавшую и прошедшую въ первые ряды грузную фигуру почтеннѣйшаго городского головы, Н. А. Алексѣева, съ которымъ я былъ всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ, какъ съ наиболѣе корректнымъ, по своимъ образцовымъ отношеніямъ къ рабочимъ, изъ фабрикантовъ Московской губерніи. Когда рѣчь кончилась, Алексѣевъ, подойдя ко мнѣ, поздравилъ, по обычаю, съ праздникомъ (Татьянинъ день) и шепнулъ, чтобы я не торопился уходить, что ему надо со мной поговорить.

„Мнѣ очень Васъ прискорбно огорчать въ день Вашего праздника и послѣ торжества Вашей рѣчи“, сказалъ Алексѣевъ, когда мы съ нимъ отошли въ сторону, „но я считаю долгомъ Васъ предупредить, чтобы Вы приняли это къ свѣдѣнію: новый Министръ Финансовъ сильно предубѣжденъ противъ фабрично-инспекторской дѣятельности вообще, и противъ Васъ въ особенности. Онъ мнѣ прямо и откровенно заявилъ при недавнемъ свиданіи: „Я постараюсь передать инспекцію въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, пусть изъ инспекторовъ сдѣлаютъ станovýchъ приставовъ“... „И такъ, вотъ что вамъ предстоитъ“, закончилъ свое сообщеніе Алексѣевъ...

Никакого сомнѣнія въ искренности и правдивости Алексѣева не могло быть, и послѣ такого рѣшительнаго заявленія новаго министра о судьбѣ инспекціи не было дальше смысла оставаться на службѣ бесполезному и неприятному дѣлу, какимъ сдѣлалось отправленіе обязанностей инспектора, но я не могъ уйти немедленно, потому что министерство предшествовавшимъ лѣтомъ, какъ это будетъ дальше изложено, еще при Н. Х. Бунге, дало мнѣ специальное порученіе объ осмотрѣ польскихъ фабрикъ, и я долженъ былъ представить отчетъ, который еще не былъ готовъ. Всю весну 1887 года

*

я усиленно работалъ именно надъ своимъ польскимъ отчетомъ, ускоренія котораго потребовалъ новый министръ Вышнеградскій, вѣроятно, въ свою очередь понукаемый изъ Варшавы. Время, между тѣмъ, усиленнымъ темпомъ приближалось къ кризису. Всѣ извѣстія изъ Петербурга подтверждали первоначальный планъ Вышнеградскаго передать инспекцію въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, но тутъ, къ его удивленію, онъ встрѣтилъ внезапно нѣкоторое противодействие въ самихъ фабричныхъ кругахъ, ибо фабриканты вполне здраво разсуждали, что отъ хорошаго лучшаго не ищутъ, и предпочитали поэтому оставаться за Министерствомъ Финансовъ, имъ угодливымъ, нежели рисковать получить какого-нибудь самостоятельнаго министра вроде Плеве, который вѣдь при случаѣ могъ ихъ „согнуть въ бараній рогъ“...

Между тѣмъ время въ фабричномъ мірѣ было очень смутное, происходили забастовки, сопровождаемыя, такъ называемыми, безпорядками, т. е. разграбленіями и драками, то въ той, то въ другой фабрикѣ. Меня очень часто будили по ночамъ звонки телеграфистовъ, надо было ѣхать немедленно самому, или кому-нибудь изъ помощниковъ на фабрику, гдѣ происходили волненія ¹⁾. Вообще положеніе инспектора становилось все болѣе и болѣе нестерпимымъ,

¹⁾ Какъ разъ, въ это серьезное время, произошелъ слѣдующій смѣшной случай, вызванный всеми этими тревогами и спѣхомъ: въ одну прекрасную ночь мѣстный военный начальникъ въ Москвѣ дѣлалъ распоряженіе, запоздавшее по какой-то причинѣ, о порядкѣ чествованія на слѣдующій день юбилея короля Дани, Христиана, родителя нашей Государыни Императрицы Маріи Феодоровны; онъ состоялъ, если не ошибаюсь, въ Перновскомъ полку шефомъ, и на другой день представители всѣхъ, стоявшихъ въ Москвѣ, полковъ и всѣ наличные офицеры Перновскаго полка должны были явиться на другой день утромъ къ генеральному консулу Дани, съ поздравленіемъ по случаю юбилея Августѣйшаго родителя Государыни. Когда уже весь предварительный распорядокъ былъ конченъ, вспомнили о томъ, какъ точно фамилія консула и гдѣ онъ живетъ? Немедленно по телефону, ночью, обратились въ адресный столъ, откуда потомъ мнѣ сообщили этотъ курьезный случай, а тамъ впопыхахъ сонные чиновники на этотъ вопросъ канцеляріи командующаго войсками, отвѣчали: „фамилія Янжулъ, живетъ—Арбатъ, домъ Рахманова“ (вмѣсто фамиліи консула Лангъ и адресъ тотъ же Арбатъ). И вотъ немедленно ночью же было гектографировано распоряженіе по войскамъ, чтобы на другой день утромъ, въ 12 часовъ, такъ и такъ, явились къ Датскому консулу Янжулу съ поздравленіемъ! Къ счастью, нашелся одинъ адъютантъ въ полку по фамиліи Соколовъ, меня знавшій лично и встрѣчавшій, который объяснилъ, что это какая-то странная, очевидно, ошибка, такъ какъ его дядя вмѣстѣ съ Янжуломъ въ университетѣ, и онъ навѣрно знаетъ, что онъ русскій и никакого отношенія къ Дани не имѣетъ! Произошла провѣрка, показанія оказались справедливы, и я такимъ образомъ остался безъ поздравленія!!!!...

и я выхлопоталъ себѣ мѣсячный отпускъ за границу, а затѣмъ на лѣто, гдѣ написалъ польскій отчетъ, сдалъ его съ рукъ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, наконецъ, покинулъ тяжкую, но бесполезную обязанность инспектора, говоря проще, вышелъ въ отставку, или, какъ злорадный Шаратовъ объявилъ въ своей газетѣ: „Янжулъ возвратился въ первобытное состояніе“, т. е. опять сдѣлался только профессоромъ!..

Подводя итоги моимъ фабрично-инспекторскимъ воспоминаніямъ, въ сжатомъ и краткомъ видѣ переданнымъ выше, болѣе подробно съ ними можно познакомиться въ полной книгѣ: „И. И. Янжулъ. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Матеріалы для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства. С.-Петербургъ, 1907 г.“, я перехожу къ слѣдующимъ заключеніямъ, которыя считаю долгомъ здѣсь передать:

1) Своевременная, хорошо задуманная и хорошо проведенная государственная и общественная реформа фабричнаго быта и рабочаго вопроса въ Россіи, о которой толкуется тщетно до сихъ поръ, я не сомнѣваюсь, ослабила бы зло настоящей продолжительной смуты и революціоннаго періода нашей русской жизни. Если бы еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія были удовлетворительно разрѣшены вопросы объ упорядоченіи вообще фабричнаго быта, о чемъ такъ мечталъ когда-то Бунге при первомъ моемъ представленіи ему, о дѣтской и женской работѣ и продолжительности работъ, о правѣ собраній и т. д., и т. д., несомнѣнно, мы имѣли бы теперь въ Россіи рабочихъ во всѣхъ отношеніяхъ разумнѣе и умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ, умѣющихъ не только управлять собой, но и уважать чужія права, отъ чего они такъ далеки. Рабочіе, подготовленные нѣкоторымъ самоуправленіемъ и уваженіемъ къ своимъ правамъ, не составляли бы такую невѣжественную и необузданную толпу, которую легко направить на самое сильное нарушеніе собственныхъ интересовъ (какъ недавняя выборка изъ сберегательныхъ кассъ собственныхъ денегъ). Крайностями и эксцессами всегда и вездѣ отличаются люди, которые не имѣютъ законнаго и естественнаго выхода своимъ желаніямъ.

2) Другое заключеніе, которое неизбежно вытекаетъ изъ моихъ настоящихъ воспоминаній, состоитъ въ томъ несомнѣнномъ вредѣ, который эта, дурно проведенная, незаконченною брошенная реформа фабричнаго законодательства принесла дѣлу русскаго народнаго просвѣщенія. Она не только не способствовала распространенію грамотности и образованія между рабочими (какъ это было напр. въ Англіи), но привела къ противоположному результату, т. е., нѣтъ сомнѣнія, уменьшила число обучающихся въ промышленныхъ

заведеніяхъ, а не увеличила ихъ и способствовала, слѣдовательно, совершенно противному положенію.

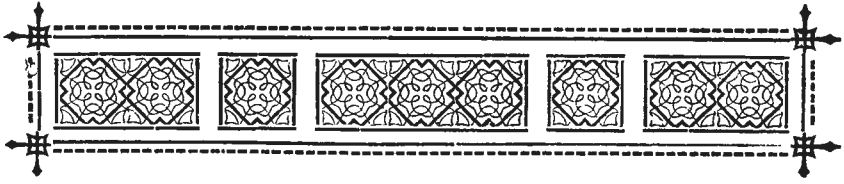
3) Наконецъ, важное заключеніе, которое можно сдѣлать на основаніи моихъ воспоминаній, состоитъ въ томъ, что у насъ, русскихъ, въ противоположность старымъ европейскимъ странамъ, какъ Англія и Франція, всегда отсутствуетъ *чувство меры*. Мы, русскіе, представляемъ, вѣроятно, большею частью чрезвычайно экспансивныя, увлекающіяся натуры и разъ пришли къ необходимости совершенія извѣстной реформы, перемѣна слѣдуетъ быстрымъ шагомъ одна за другой. Законы растутъ у насъ, какъ грибы, часто безъ всякой нужды мѣняются и гораздо раньше, чѣмъ старый законъ сѣмѣлъ пустить корни и привиться къ русской почвѣ. Особенно это прилагается къ фабрично-заводскому, именно, законодательству.

Любопытно сюда добавить, что у насъ, въ Россіи, самыя лучшія дѣйствія и побужденія, сознанныя лучшими людьми, имѣютъ всегда тенденцію перетолковываться почему-то въ другую сторону и авторамъ приписывается желаніе демонстрировать, сдѣлать протестъ, или, выражаясь просто по-русски, показать кому-нибудь кукишь, чаще всего правительству. Такъ, на примѣръ, произошло и съ моею вынужденной отставкой изъ фабричныхъ инспекторовъ и возвращеніемъ исключительно къ профессурѣ и писательству. Какъ я нѣсколько разъ объяснялъ выше, причина моего поступка очень проста и не заслуживаетъ, кажется, рѣшительно никакого упрека. Во-первыхъ, я убѣдился, что никакой пользы дѣлу принести не могу, оставаясь инспекторомъ, ибо это дѣло ведется и совершается не такъ, какъ по моему доброму разумѣнію, *bona fide*, должно совершаться, во-вторыхъ, потому что самое занятіе, служба сдѣлалась нестерпимо тяжела и непріятна. Я началъ серьезно страдать, будучи отъ природы очень здоровымъ человѣкомъ, въ первый разъ разными болями и хворостами, узналъ, что такое нервы, и, на примѣръ, смѣшно даже вспомнить, вынужденъ былъ въ первый разъ въ жизни завести даже револьверъ и носить его постоянно въ карманѣ. Такъ ставится ближайшій поводъ къ моей отставкѣ и уходу отъ инспекціи. Между тѣмъ такой добрѣйшій и любившій меня человѣкъ, какъ, на примѣръ, бывший мой министръ Н. Х. Бунге, какъ я достовѣрно знаю, былъ въ высшей степени удивленъ и раздраженъ моею отставкой, черезъ полгода послѣ его собственной. Онъ приписывалъ какъ бы желанію съ моей стороны этимъ именно моимъ поступкомъ демонстрировать, служа лишь съ нимъ, „а другого министра знатъ-де не хочу!“ и въ этомъ видѣ онъ, довольно рѣзко для такого добряка, обвинялъ меня за скорую отставку... Понадобилось убѣдительное,

горячее слово моего милѣйшаго друга А. И. Чупрова, который съ нимъ объ этомъ спеціально объяснялся, по моей просьбѣ, чтобы растолковать ему и, кажется, убѣдить, судя по послѣдующему его ко мнѣ доброму опять отношенію, что никакой демонстраціи съ моей стороны не было, а просто я не могъ оставаться дольше на этой обязанности по физическимъ и по нравственнымъ основаніямъ, иначе быстро, безъ пользы дѣлу, свелъ бы себя въ могилу!!!

Иванъ Янжуль.

Киньчжоускій бой ¹⁾.

(Окончаніе).

еперь посмотримъ, что дѣлалъ полковникъ Третьяковъ, когда узналъ, что противникъ ворвался на позицію.

Я много слышалъ объ этомъ, но говорить воздержусь, мало-ли что говорятъ. На судѣ вскользь коснулись этого вопроса, а потому сказано было мало,

но то малое было очень горько для полковника Третьякова.

Здѣсь я познакомлю только съ тѣмъ, что полковникъ Третьяковъ самъ о себѣ говоритъ въ своей статьѣ „5-й В.-С. стр. полкъ“—(смотри В.-С. № 2 за 1909 г. стр. 84 и 85). Для непосвященнаго трудно разобраться въ томъ, что пишетъ полковникъ Третьяковъ.

Мѣсто дѣйствія,—багарея-редуть № 13, послѣднее слово науки: въ горжевой сторонѣ небольшой, но совершенно свободный проходъ. Редуть расположенъ на высшей точкѣ позиціи или горы Наншана. Отъ этой точки идетъ пологій скатъ на сѣверъ къ городу, что даетъ возможность разомъ обнять позицію и видѣть каждую ея точку. Отсюда начинается главный оврагъ. Такое положеніе редута давало ему значеніе ключа позиціи, почему и было выбрано мѣсто-пробываніемъ коменданта; тамъ для него былъ выстроень хорошій блиндажъ, совершенно безопасный отъ огня полевой артиллеріи. Большое преимущество этого редута составляло то, что онъ былъ расположенъ на краю крутого южнаго ската, что давало возможность собирать и располагать резервы въ безопасномъ мѣстѣ, конечно, относительно, и въ то же время можно было видѣть, что дѣлается въ тылу и въ обоихъ заливахъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1910 г.

„Около 6-ти часовъ“, пишетъ Третьяковъ, „ранили полкового горниста; я самъ повелъ его въ блиндажъ для перевязки. Съ лѣваго фланга люди въ желтыхъ курткахъ шли уже группами, не прошло и пяти минутъ, какъ вошелъ въ блиндажъ подпоручикъ Садыковъ и доложилъ, что лѣвый флангъ отступаетъ. Я выбѣжалъ изъ блиндажа и увидаль, что желтыя куртки отступаютъ массами, а надъ 5-й и 7-й ротами рвалась шрапнель. Японскія цѣпи лежали на своихъ мѣстахъ, и ничто не показывало признаковъ ихъ скорого наступленія. Понявъ, что это отступаютъ всѣ охотники, а за ними могутъ пойти и всѣ остальные, я сбѣжалъ внизъ къ резерву и приказаль присланнымъ генераломъ Фокомъ частямъ (1½ роты 14-го полка) двинуться противъ показавшихся уже на № 10 японцевъ. „Атаковать“,—сказаль я, указывая рукою, кого атаковать и гдѣ. Послѣ этого я вскочилъ на лошадь и поскакаль къ отступающимъ, а не вскочилъ въ окно, какъ утверждалъ командиръ 2-й роты 14-го полка капитанъ Ратайскій“.

Изъ этого признанія видно, что полковникъ Третьяковъ не придаль никакого значенія первымъ группамъ отходившихъ охотниковъ и продолжалъ оказывать санитарную помощь своему горнисту, пока поручикъ Садыковъ не обратилъ на это его вниманія.—Онъ выбѣгаетъ изъ блиндажа, видитъ, что полкъ еще стоитъ, японская цѣпь и не думаетъ двигаться, отходятъ одни охотники. „Я рѣшилъ“, говоритъ онъ, „остановить ихъ, чтобы двинуть въ атаку за резервомъ противъ появившихся на батар. № 10 японцевъ“.

Повидимому, полковникъ Третьяковъ противорѣчитъ себѣ: онъ говоритъ, что цѣпь не думаетъ двигаться, и въ то же время она появилась на бат. № 10; а эта батарея была не ближе версты отъ цѣпи. Но это такъ и было.

Когда онъ выбѣжалъ и взглянулъ въ даль, онъ дѣйствительно могъ видѣть спокойно лежавшую цѣпь, но, когда опустилъ глаза, онъ могъ видѣть японцевъ на бат. № 10-й, такъ какъ оврагъ подходилъ къ самой батарее, а японцы уже давно въ немъ сидѣли и ждали только приказанія.

Поручикъ Садыковъ на судѣ показаль, что въ блиндажѣ всѣ занимались уходомъ за раненымъ, онъ случайно вышелъ и видѣль, что кругомъ ходять одиночныя японцы.—Онъ вбѣжалъ въ блиндажъ и крикнуль: „японцы“. Всѣ выбѣжали изъ блиндажа и затѣмъ бросились внизъ къ баракамъ, къ резерву. Полковникъ Третьяковъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что, когда онъ бѣжалъ изъ редута № 13, за нимъ гнались японцы.

Въ настоящей статьѣ онъ избѣгаетъ говорить объ этомъ случаѣ,

а только мимоходомъ сказалъ, что въ окно вскочилъ не онъ, а японецъ.

Изъ всего этого одно несомнѣнно, что когда выбѣжалъ изъ блиндажа полковникъ Третьяковъ, то японцы уже занимали бат. № 10, а одиночные люди находились уже въ тылу батарей 12-й и 13-й.

Когда Третьяковъ сбѣжалъ къ баракамъ, онъ приказалъ начальнику резерва атаковать японцевъ на бат. № 10 и въ то же время жестомъ указалъ эту батарею.

Этимъ приказаніемъ онъ озадачилъ начальника резерва, такъ какъ тотъ никогда не былъ на позиціи и батарей не видалъ; жестъ ему также не указывалъ батареи № 10, а только небо. И не могъ указать батареи, такъ какъ они оба стояли внизу, у подошвы крутого, южнаго ската, высотой сажень въ 30,—а бат. № 10 была въ верстѣ на противоположномъ сѣверномъ скатѣ.

Отдавъ такое странное приказаніе, онъ сѣлъ на лошадь и поспекалъ за отступающими. Теперь вопросъ: кого онъ могъ остановить, за кѣмъ онъ могъ погнаться? По его же словамъ, весь полкъ былъ на своемъ мѣстѣ; резервъ, мы видѣли, былъ также на своемъ мѣстѣ, 2-я рота 13-го полка Ратайскаго была тутъ же, часть охотниковъ сбѣжала съ горы съ нимъ вмѣстѣ, слѣдовательно, онъ гнался за охотниками, что онъ и самъ утверждаетъ, но охотниковъ было всего не болѣе 200 чел. На судѣ выяснилось, что охотники отступили нослѣдними; но допустимъ, что было такъ, какъ утверждаетъ полковникъ Третьяковъ, то стоило ли изъ-за этихъ 200 чел. коменданту позиціи бросить свой постъ редуть № 13, ключъ позиціи, отказаться отъ имѣвшагося у него подъ рукою резерва, который численностью превосходилъ охотниковъ? Сверхъ того около этого резерва стали собираться люди, тутъ же была и вся 2-я рота. 4-я рота находилась у бат. № 15 тутъ же внизу. Надо имѣть еще въ виду, что люди, которые оставляли свои окопы, не рѣшались уйти съ позиціи, а ютились въ заднихъ окопахъ, которые были около самыхъ бараконъ. Люди даже 5-й роты, которые еще утромъ оставили свои окопы, какъ было доказано на судѣ, и тѣ ютились тутъ.

Вотъ полковнику Третьякову тутъ и слѣдовало искать людей и вести ихъ въ бой, а не въ чистомъ полѣ. Вотъ этотъ весь народъ, когда увидалъ, что командиръ полка бросилъ ихъ, и бросился вслѣдъ за нимъ. До этой минуты ни одинъ стрѣлокъ не оставлялъ позиціи, а только мѣняли окопы,—изъ разбитыхъ уходили въ цѣлыя.

Далѣе онъ пишетъ: „я надорвалъ себѣ горло, крича имъ: „стой, стой, братцы“. Но они въ свою очередь кричали мнѣ: „ваше высокоблагородіе, приказано отступать“. Кто приказалъ отступать, я не ра-

зобралъ. Остановить отступающихъ удалось мнѣ только на тыльной позиціи, заранѣе нами выбранной въ верстѣ за Кинъчжоускими высотами“.

Этотъ разсказъ полк. Третьякова представляется совершенно невѣроятнымъ. Съ позиціи никто не убѣгалъ, а оставляли окопы незамѣтно и затѣмъ, крадучись, уходили по оврагамъ, чтобъ свои не замѣтили, и пули не зацѣпила бы, да и въ оврагахъ не набѣгаешься. А тѣмъ болѣе тому, кому удалось миновать бараки и спуститься въ глубокую долину, бѣжать уже совсѣмъ не приходилось, а по словамъ полк. Третьякова они бѣжали еще цѣлую версту и диспутировали съ нимъ. Онъ судить по своей мѣркѣ: онъ былъ на конѣ, и конь за день могъ застояться. Но увѣреніе полк. Третьякова, что онъ собралъ охотниковъ на заранѣе выбранной нами позиціи, объяснимо.

Это онъ говоритъ сознательно, ему надо объяснить, почему онъ, когда собралъ охотниковъ, не повелъ ихъ впередъ, чтобы поддержать атаку резерва, какъ намѣревался.

Онъ говоритъ: „на заранѣе выбранной нами позиціи“. Кѣмъ это: нами? Кромѣ меня никто не могъ выбирать, а я не выбиралъ. Я выбиралъ позицію на Тафашинскихъ высотахъ для 13 и 14-го полка и батарей вмѣстѣ съ батал. и батарейн. коман., т. е., за стан. Тафашинъ, отъ горы Известковой чрезъ высоты 44 и 40 къ заливу Кинъчжоускому.

Это видно изъ шифрованной моей телеграммы генералу Стесселю отъ 6 мая:

„Тафашинъ не оставляю. Лично выбралъ мѣста для батарей съ бат. и батар. командирами“.

Въ верстѣ отъ Кинъчжоускихъ высотъ позиціи нѣтъ, такъ какъ это низкое мѣсто, гдѣ могли укрываться резервы: около высоты 31-й, которая имѣла видъ бугра на скатѣ, и гдѣ укрывались вызванные моимъ именовемъ капитаномъ Одинцовымъ два бат. 14-го полка и конные охотники 5-го полка. Окоповъ тамъ никакихъ не было.

Собрать бѣгущихъ людей безъ офицеровъ въ оврагѣ нѣтъ возможности, да еще такихъ людей, которые говорятъ: отступить приказано. Будь поперекъ дороги окопы, другое дѣло, въ нихъ забрались бы люди и безъ приказанія.

25-я див. Паскевича, впослѣдствіи князя Варшавскаго, была смѣнена во время Бородинскаго боя. Когда вздумали опять вести ее, то собрать ее не могли,—а она не бѣжала! Полковнику Третьякову съ вышки было видно, гдѣ лежитъ 14-й полкъ и конные охотники 5-го полка, вотъ онъ къ нимъ и поскакалъ; людямъ они не были видны, да и что имъ въ нихъ. Они шли къ своимъ бивакамъ, пол-

ковникъ Третьяковъ оставаться на своемъ бивакѣ не рѣшался, такъ ему оставалось одно: глядѣть на него издали, что онъ и сдѣлалъ.

Онъ продолжаетъ. „Когда люди остановились, я посмотрѣлъ назадъ на высоту: оттуда двумя группами спускались наши стрѣлки, вѣроятно 5-я и 7-я роты. № 13 былъ занятъ японцами. Притянулъ бат. 14 полка, и подошли мои конные охотники со знаменемъ. Мы спокойно ожидали наступленія непріятеля. На правомъ флангѣ слышалась сильная пальба. Атаковать насъ японцы что-то не рѣшались“.

Заслуживаетъ вниманіе, что онъ, окруживъ себя конниками, спокойно ожидаетъ атаки и такъ же спокойно слушаетъ сильную пальбу, свидѣтельствующую, какъ избиваютъ покинутыхъ имъ людей.

Итакъ, когда стало извѣстно полковнику Третьякову, что японцы обнаружались на позиціи главнымъ образомъ у бат. № 10,—онъ оставилъ редутъ-батарею № 13, сбѣжалъ къ баракамъ, приказалъ резерву сбить японцевъ съ бат. № 10, а самъ вскочилъ на лошадь, проѣхалъ задніе окопы, составлявшіе границу позиціи, и поскакалъ по полю, до расположенія бат. 14-го полка, гдѣ притянулъ къ себѣ конныхъ охотниковъ и сталъ наблюдать за ходомъ битвы.

Теперь я, по праву начальника, позволю себѣ указать генералу Третьякову на тѣ ошибки, которыя при этомъ были имъ сдѣланы, тѣмъ болѣе, что по тону этого разсказа не видно, чтобы онъ сознавалъ ихъ.

Мнѣ казалось, что генералу Третьякову не слѣдовало кидать редутъ № 13, не только оттого, что японцы показались на бат. № 10, но если бы показались даже и одиночные люди у бат. № 13. Это вѣдь ключъ позиціи. Надо было тотчасъ притянуть весь резервъ, на что требовалось всего пять минутъ, и расположить его на чудной площадкѣ, уперевъ правый флангъ въ редутъ № 13—лѣвый въ бат. № 12. Тутъ были прекрасные окопы, въ которыхъ сидѣть во время бомбардировки было трудно, но когда шла атака, огонь прекратился, онъ былъ перенесенъ въ тылъ; 11-ую роту и часть 12-й также притянуть къ бат. № 2. Ротамъ и командамъ, между которыми были и саперы, расположеннымъ около бат. № 15, приказать перейти въ наступленіе. Ротѣ Ратайскаго тоже приказать поддерживать резервъ, тогда и тѣ роты, которыя генералъ Третьяковъ видѣлъ, окруженный конниками, спускающимися съ горы, приняли бы участіе въ боѣ. Но достаточно было примкнуть только резервъ и открыть имъ хоть самый безпорядочный огонь, чтобы поставить японцевъ въ ужасное положеніе: они вѣдь набили собою всѣ овраги и, какъ саранча, выползали оттуда; они были совершенно беззащитны, а мы могли выбрасывать въ каждую минуту до 4.000 пуль. Чѣмъ бы кончился

бой, не знаю, но во всякомъ случаѣ роты подполковника Бѣлозера не погибли бы такъ ужасно.

Все это, хотя и грустно, но понятно: неожиданный крикъ: „японцы“, затѣмъ какимъ-то образомъ Третьяковъ и японецъ добѣгаютъ до барака, гдѣ послѣдній и исчезаетъ. Но разъ полк. Третьяковъ освободился отъ японца, ему надо было прійти въ себя, овладѣть собою, и если не встать во главѣ своего резерва, то по крайней мѣрѣ не переступать рубежъ своего поста, а по мѣрѣ силъ и способности руководить боемъ, и, если понадобилось бы, то не задуматься погибнуть, не только защищая себя, а какъ благородные Бѣлозеръ и Шастинъ, выручая своихъ товарищей. Комендантъ и въ мирное время не можетъ переступить за черту своего района, и за этимъ строго наблюдается, потому что въ этомъ видятъ залогъ того, что комендантъ и въ роковую минуту не покинетъ своего поста.

„Уже была ночь, когда“, говоритъ Третьяковъ, „получилось приказаніе 14-му и 15-му полкамъ отступить, и я, оставивъ конные дозоры для наблюденія за непріятелемъ, съ конною командой пошелъ въ Нангалинь. Двигаясь по дорогѣ отъ дер. Мойдзы къ Нангалину, я встрѣтилъ нашу 7-ю роту и въ обширной долинкѣ увидѣлъ всю 4-ю дивизию. Тутъ же я нашель отступившія роты 5-го полка и приказалъ выяснитъ убыль“.

Казалось бы, слѣдовало всю охотничью команду оставить для наблюденія за непріятелемъ, а себѣ оставить одинъ дозоръ, а не наоборотъ. Всѣ прочіе полки такъ и сдѣлали.

Теперь спрашивается: кого онъ собралъ на „нами“ выбранной позиціи? 7 роту онъ, какъ конникъ, догналъ на дорогѣ, а на общемъ bivакѣ дивизіи нашель и остальные роты.

Итакъ, 5-й полкъ бился безъ командира полка и на bivуакѣ пришелъ безъ него же, такъ зачѣмъ же былъ онъ!?!

Въ бытность мою на службѣ, со мною былъ слѣдующій случай. Я командовалъ 17 стрѣл. полкомъ, который стоялъ въ Маріамполѣ, Сувалской губ., тамъ же стоялъ Елисаветградскій гусарскій полкъ. Командиръ полка полковникъ Нордъ умеръ. Я, какъ комендантъ, сдѣлалъ нарядъ на погребеніе, но день похоронъ совпалъ со днемъ выступленія полка на весенній сборъ, о чемъ мнѣ доложилъ командовавшій полкомъ. Я приказалъ выступитъ послѣ похоронъ. Начальникъ дивизіи и командиръ корпуса не считали себя въ правѣ отступить отъ утвержденного распisanія и требовали, чтобъ я отпустилъ полкъ. Я имъ обоимъ отказалъ, мотивируя тѣмъ, что въ еврейскомъ городѣ я неторжественныхъ похоронъ не могу допустить, командиръ полка въ такихъ городахъ большая персона, вообще, а полковникъ Нордъ умѣлъ особенно себя держать. Случись это въ

православномъ городѣ, я, можетъ быть, и не настаивалъ бы. Мое рѣшеніе было обжаловано командующему войсками генералу Николаю Степановичу Ганецкому. Тотъ телеграфировалъ мнѣ: „поступить по закону“. Тотчасъ полкъ выступилъ, оставя нарядъ.

На похороны пріѣхали начальникъ дивизіи, командиры полковъ и другіе. Я явился начальнику дивизіи, но объ этомъ недоразумѣніи у насъ разговора не было. Выносъ тѣла изъ квартиры въ церковь былъ очень скромный, тутъ мнѣ показалось, что у начальника дивизіи пробудилась совѣсть. Но полкъ у меня былъ готовъ: занятія были отмѣнены, и люди были во вторыхъ мундирахъ, въ караульной аммуниціи.

Когда процессія вошла въ церковь, я приказалъ полку выйти и поставилъ его шпалерами отъ церкви до кладбища.—Какъ только показался гробъ, музыка заиграла „Коль-славень“.—Эффектъ былъ полный, этого гости никакъ не ожидали.

Объ этомъ случаѣ узналъ генералъ Драгомировъ, и отъ него я получилъ слѣдующее письмо:

„Въ одномъ изъ сраженій французскій кавалерійскій полкъ потерялъ командира полка. Наполеонъ I спрашиваетъ: гдѣ вашъ командиръ полка? Убить, отвѣчаютъ ему. Онъ повторяетъ свой вопросъ и вторично получаетъ такой же отвѣтъ. Наполеонъ въ третій разъ задаетъ тотъ же вопросъ, но на этотъ разъ командующій полкомъ, вмѣсто отвѣта, ведетъ полкъ въ атаку и привозитъ трупъ командира полка“.

Генералъ Ганецкій пригласилъ меня на большіе кавалерійскіе маневры, приказалъ дать мнѣ лошадь; первыя его слова, когда я ему являлся, были: „благодарю васъ за похороны полковника Норда“.

Вотъ какъ было въ старину, и чего теперь у насъ нѣтъ.

Полкъ не можетъ остаться ни одной минуты безъ командира полка, и командиръ полка ни одной минуты—безъ полка. Полкъ дерется, и командиръ посреди его, полкъ бѣжитъ, и командиръ бѣжитъ впереди его.

По прибытіи дивизіи въ Артуръ я приказалъ удалить капитана Фофанова отъ роты и предать суду.—Отъ роты онъ немедленно былъ удаленъ, но полковникъ Третьяковъ сталъ просить меня не предавать его суду, я не соглашался. Тогда онъ обратился къ начальнику штаба дивизіи и просилъ его заступничества; онъ между прочимъ писалъ ему.

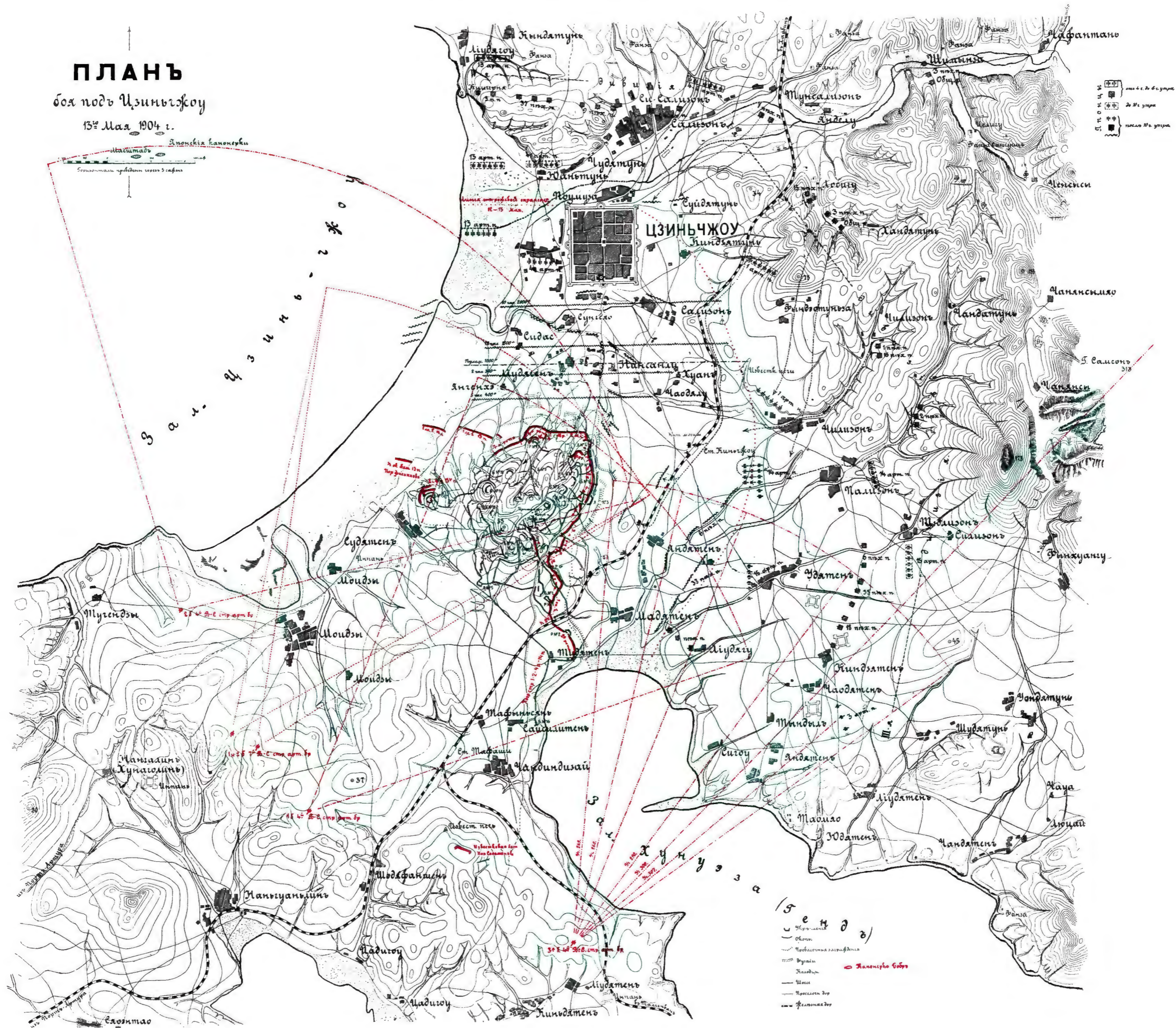
Записка полковника Третьякова начальнику штаба 4-й дивизіи отъ 27 мая, 4 ч. 10 м. утра.

. . . . „Пожалуйста похлопочите, чтобы генералъ Фокъ не

ПЛАНЪ

боя подъ Цзиньчжоу

13го Мая 1904 г.

былъ жестоко съ нашимъ достойнымъ капитаномъ. Простоять 15 час. подъ убійственнымъ огнемъ, разрушавшимъ окопы роты, что-нибудь да стоитъ. Отступленіе 5-й и 7-й ротъ имѣло, правда, рѣшающее значеніе, но обстоятельства были таковы, что оправдывали отступление. Я не помню примѣра, чтобъ офицера судили за отступление передъ въ десятеро сильнѣйшимъ непріателемъ“.

А вотъ рапортъ полк. Третьякова—мнѣ.

„25 мая 1904 г.

Ком. 4-й Вост.-Сиб. стр. дивизіи.

Р А П О Р Т Ъ.

По разспросу раненныхъ и своему личному наблюденію я точно знаю, что отступление начали охотники командъ 13-го и 14-го полковъ, которые говорятъ, что отступить было приказано чрезъ охотника; они отступали впереди 5-й роты, которая, когда были срыты ея укрѣпленія, долго стояла въ оврагѣ за своими траншеями и потеряла около половины своего состава; наличный составъ 164 ч., убыло 67. Поэтому убѣдительно прошу Ваше Пр-ство, если найдете возможнымъ, не отрѣшать капитана Фофанова отъ командованія ротой. Капитанъ Фофановъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный офицеръ, я глубоко убѣжденъ, что военный прокуроръ въ поступкѣ капитана Фофанова не найдетъ состава преступленія.

Полковникъ Третьяковъ.

Адъютантъ поручикъ Глѣбъ-Кожанскій“.

Этотъ рапортъ не могъ убѣдить меня, что охотники оставили окопы раньше 5-й роты. 5-я рота оставила окопы, когда они были снесены. О томъ, что окопы были снесены, полковникъ Третьяковъ узналъ въ 11 ч. утра отъ уходившихъ стрѣлковъ 5-й роты, которые говорили ему: „нашей ротѣ досталось плохо, она ушла въ оврагъ“. Охотники же оставили окопы въ седьмомъ часу вечера.—Вотъ почему я не повѣрилъ собственнымъ глазамъ полковника Третьякова.

Въ то же время до меня дошло, что капитанъ Фофановъ донесъ полковнику Третьякову, что рота укрывается въ оврагахъ. Слѣдовательно, если это было такъ, то вина капитана Фофанова больше, такъ сказать, противъ тактики, а скрылъ отъ меня отступление роты не онъ, а полковникъ Третьяковъ, а потому мнѣ хотѣлось тѣмъ болѣе выяснитъ это обстоятельство судомъ.

А потому являюсь къ генералу Стесселю и говорю: „вы донесли, что мы отступили по вашему приказанію?“—Да. „Но мы убѣждали раньше. Вы послали приказаніе въ 7 ч. 10 м.; а я получилъ его на посту „Перелетномъ“, въ часу девятомъ; мы же начали отступать—не было еще и 7 часовъ“.—Генералъ Стессель отвѣтилъ: „я по-

сдаль приказаніе объ отступленіи, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, получили ли вы его или нѣтъ: разъ я приказаль отступать, я такъ и долженъ былъ донести“.

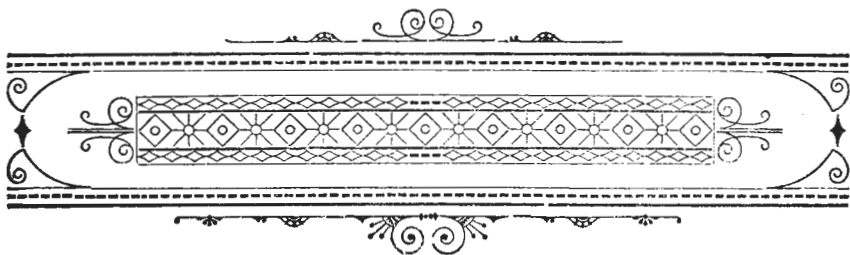
Далѣе онъ продолжалъ:—„Если бы я даже и не приказываль отступать, я все-таки донесъ бы, что отступили по моему приказанію; первое наше дѣло, и я донесу, что полкъ отступилъ безъ приказанія. Да какъ онъ могъ стоять противъ 400 орудій и 4-хъ дивизій“. Затѣмъ помолчалъ и сказалъ: „а вы до сихъ поръ не представили полковника Третьякова къ награждѣ“.—„Нѣтъ, не представилъ, и не могу его представить; а Фофанова согласенъ не предавать суду, но роту ему не дамъ“.—Тѣмъ дѣло и кончилось.

Третьякову только того и надо было. Будь тогда судъ, то толковъ такихъ, которые еще идутъ до сихъ поръ, не было бы. Самое большее, что полковникъ Третьяковъ былъ бы теперь подъ судомъ, какъ былъ недавно подполковникъ Киленинъ по дѣлу объ отступленіи роты Лопатина съ Куиняна; капитанъ Лопатинъ былъ преданъ мною суду еще въ Артурѣ.

Какъ видите, я сплеховаль, и за то полковникъ Третьяковъ посадилъ меня на скамью подсудимыхъ по 251 ст.

А. В. Фокъ.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА III¹⁾.

Сильное волненіе.

зрывъ народнаго чувства, произведенный страшнымъ описаніемъ Макъ-Гаана (Mac-Gahan) звѣрствъ, совершенныхъ турками въ Болгаріи, остался памятнымъ во многихъ отношеніяхъ.

Въ первый разъ англійская демократія рѣшилась труднымъ, но дѣйствительнымъ путемъ народныхъ митинговъ и представительныхъ корпорацій наложить veto на правительственную политику.

Въ прежнія времена народные митинги часто служили предохранительнымъ клапаномъ для возбужденныхъ британцевъ. Но за исключеніемъ такихъ, которые открыто или тайно согласовались съ желаніемъ правительства, эти митинги бывали рѣдко достаточно представительны, чтобы выражать національное чувство и пользоваться довѣріемъ королевы и обѣихъ палатъ.

Волненіе по поводу Болгарскихъ жестокостей, первое въ длинныхъ лѣтописяхъ Англій, заставило демократію встрепенуться подѣ влияніемъ минутнаго импульса, не ожидая руководства своихъ лидеровъ. Пришлось новую иностранную политику ввести на мѣсто старой. Если когда-нибудь оправдалось старое изреченіе vox populi—vox Dei, такъ это въ этомъ случаѣ. Инстинктъ британской

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1910 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1910 г., т. СХЛІІ. АПРѢЛЬ.

демократіи янѣ видѣлъ, въ чемъ обязанность и настоящая польза Англіи, чѣмъ государственные люди въ Доунингъ-Стритъ (Downing Street).

Первое время справедливость этой политики горячо оспаривалась меньшинствомъ публики. Но всякая борьба прекратилась, когда лордъ Сальзбери, облеченный званіемъ короннаго премьера и главы консервативной партіи, объявилъ, что становясь въ оппозицію съ требованіемъ народа, мы сдѣлали ошибку.

Вердиктъ исторіи поддержалъ распространителей извѣстій о жестокостяхъ 1876 года и рѣзая въ Батакѣ, чтобъ замѣнить союзъ съ жестокой Турціей новымъ соглашеніемъ съ христіанской Россіей.

Это была по-истинѣ трудная минута, какъ замѣтилъ генераль Кирѣевъ лорду Августу Лофтусу, который въ депешѣ изъ Ливадіи сообщилъ, что рѣшеніе, принятое въ то время могло тѣсно соединить или неизмѣнно возстановить другъ противъ друга двѣ имперіи. Онъ выразилъ желаніе, чтобъ Англія содѣйствовала Россіи. Соображенія политическія и другія должны бы заставить Англію въ ея собственныхъ интересахъ и въ интересахъ Европы поступить такъ. Англія вмѣстѣ съ Россіей заслужила бы благодарность восточныхъ племенъ и приобрѣла бы надъ ними влияніе. Это былъ случай, который могъ не повториться. Кромѣ того онъ выражалъ большую заботу о томъ, чтобы настоящій случай былъ использованъ для утвержденія добросердечныхъ отношеній между англійскимъ народомъ и русскимъ. Это было бы средствомъ разсѣять недовѣріе, которое такъ долго нарушало дружескія чувства между двумя государствами, во вредъ имъ обоимъ. Онъ боялся, что, если Англія будетъ продолжать антагонистическую политику къ Россіи, она возбудитъ въ этой странѣ такую ненависть къ англичанамъ, которая далеко превзойдетъ то, что было до сихъ поръ извѣстно подъ именемъ англофобіи.

Картины, описанныя г. Макъ-Гааномъ о гекатомбахъ череповъ, объ оскорбленныхъ и убитыхъ женщинахъ, о варварскомъ избіеніи младенцевъ въ Батакѣ, предстали въ яркихъ краскахъ журналистики передъ глазами англичанъ. Парламентъ не засѣдалъ. Лидеры народа были разбросаны по горамъ и доламъ, но тамъ и сямъ, а въ особенности на сѣверѣ находились люди, которые давно протестовали противъ турецкаго соглашенія и стояли за дружбу съ Россіей. Кобденъ это проповѣдовалъ до Крымской войны, Джонъ Брайтъ всегда былъ противъ Турціи и за Россію. Этой либеральной партіи было трудно (въ особенности Гладстону) высказываться за Россію, т. е. именно Гладстонъ былъ министромъ во время премьерства

Пальмерстона и воевалъ въ Крыму (въ 1854—55) противъ Россіи за турокъ. Г-нъ Фриманъ былъ извѣстенъ между литераторами, которыхъ пылъ доходилъ до избіенія оттоманскихъ ордъ. Послѣдователи этихъ людей существовали по всей Великобританіи и, когда появилось письмо Макъ-Гаана, они увидѣли, что время ихъ настало. Эти храбрецы уже не были гласомъ вопіющихъ въ пустынь, они готовы были мгновенно доказать на дѣлѣ „то, что проповѣдовали“.

Сначала было поползновеніе спросить, кто сочинилъ рассказъ корреспондента (Daily News), но Вальтеръ Берингъ, посланный англійскимъ посольствомъ изслѣдовать дѣло на мѣстѣ, болѣе чѣмъ подтвердилъ письмо Макъ-Гаана. Описавъ церковь, въ которой тысяча христіанъ была сожжена живыми, улицы, въ которыхъ на каждомъ шагу валялись человѣческіе трупы, разлагаясь отъ лѣтняго воздуха, и гдѣ онъ на маленькомъ пространствѣ насчиталъ шестьдесятъ головъ, изъ которыхъ всѣ отсѣчены отъ тѣлъ топоромъ или ятаганомъ, Берингъ говоритъ:

„Ахмету-Ага и его людямъ принадлежитъ честь совершить самое гнусное преступленіе, запятнавшее исторію этого столѣтія, соперникомъ ему развѣ могъ быть Нана-Сагибъ. За эту доблесть Ахметъ-Ага получилъ орденъ Меджидіе“.

И эти люди были нашими союзниками, мы поддерживали башибузуковъ. Въ то время, какъ Ахметъ-Ага жегъ, насиловалъ, убивалъ, Британскій флотъ былъ посланъ въ Бискайскую бухту, какъ знаменательный намекъ всему свѣту, что Англія не допуститъ никакого вмѣшательства въ неприкосновенность и независимость Оттоманской имперіи.

Неприкосновенность Содома, независимость ада, ради Бога и человечества прекратимъ этотъ союзъ на всегда. Это былъ крикъ сердца, когда нація доходитъ до такого подъема духа, что онъ превышаетъ туманъ предразсудковъ и препятствія столкновения интересовъ. Будь, что будетъ, народъ не хочетъ, не смѣетъ долѣе идти рука объ руку съ Ахметомъ-Ага и его господиномъ. Это былъ великій нравственный взрывъ, тѣмъ болѣе важный, что лордъ Биконсфильдъ съ такимъ цинизмомъ ставилъ интересы Англіи выше всякихъ другихъ соображеній.

О чувствѣ въ Россіи по поводу поддержки лорда Биконсфильда турецкому правительству можно судить по нижеприведеннымъ стихамъ Тургенева, который далекъ былъ отъ увлеченія народными волненіями. Они были написаны за три мѣсяца до появленія брошюры Гладстона.

*

Крoкетъ въ Виндзорѣ.

Сидитъ королева въ Винзорскомъ бору...
 Придворныя дамы играютъ
 Въ вошедшую въ моду недавно игру;
 Ту крокетъ игру называютъ,
 Катаютъ шары и въ отмѣченный кругъ
 Ихъ гонять такъ ловко и смѣло...
 Глядитъ королева, смѣется... и вдругъ
 Умолкла... лицо поблѣднѣло.
 Ей чудится вмѣсто точеныхъ шаровъ,
 Гонимыхъ лопаткой проворной—
 Катаются цѣлыя сотни головъ,
 Обрызганныхъ кровію черной...
 То головы женщинъ, дѣвицъ и дѣтей...
 На лицахъ слѣды истязаній,
 И звѣрскихъ обидъ и звѣриныхъ когтей
 Весь ужасъ предсмертныхъ страданій.
 И вотъ королевина младшая дочь—
 Прелестная дѣва—катаетъ
 Одну изъ головъ—и все далѣе: прочь
 И къ царскимъ ногамъ подгоняетъ,
 Головка ребенка въ пушистыхъ кудряхъ—
 И ротикъ лепечетъ укору...
 И вскрикнула тутъ королева—и страхъ
 Безумный застлалъ ея взоры.
 „Мой докторъ, на помощь, скорѣй“. И ему
 Она довѣряетъ видѣнье,
 Но онъ ей въ отвѣтъ: „Не дивлюсь ничему,
 Газетъ Васъ разстроило чтенье.
 Толкуетъ намъ „Times“, какъ болгарскій народъ
 Сталъ жертвой турецкаго гнѣва...
 Вотъ капли... примите... все это пройдетъ“,
 И въ замокъ идетъ королева.
 Вернулась домой и въ раздумѣ стоитъ...
 Склонились тяжелыя вѣжды...
 О ужасъ, кровавой струею залить
 Весь край королевской одежды.
 „Велю это смыть. Я хочу позабыть.
 На помощь британскія рѣки“.
 — Нѣтъ, Ваше Величество, Вамъ ужъ не смыть
 Той крови невинной во-вѣки.

Тургеневъ.

Первый городской митингъ въ Англии послѣ писемъ Макъ-Гаана собрался въ Дарлингтонъ. Онъ былъ многолюдный, негодующій и единодушный. Такіе же митинги послѣдовали за этимъ въ Дургамъ и Йоркширъ. Донося о характерѣ перваго изъ этихъ митинговъ, я умолялъ Гладстона стать во главѣ движенія, которое обѣщало стремиться къ освобожденію Болгаріи. Большинство сѣверныхъ городскихъ митинговъ отвергали турецкій союзъ до появленія брошюры Гладстона „О болгарскихъ ужасахъ“. Это было, по его собственнымъ словамъ, какъ Инкерманъ,—солдатская битва. Сраженіе началось побѣдой прежде, чѣмъ генераль явился на полъ. Народная молва, что не существовало анти-турецкаго направленія до появленія брошюры Гладстона, была очень оспариваема Фриманомъ и другими. Фриманъ въ письмѣ отъ 21-го апрѣля 1878 г. говорить:

„Это можетъ быть личное мое чувство, но мнѣ досадно, когда утверждаютъ, что всѣ наши единомышленники въ этомъ вопросѣ послѣдователи Гладстона. Посмотрите на два или три письма съ подписью John Ookley въ Д. К. Не говоря о членахъ парламента Брайтъ, Кобденъ, лордъ Грей и другихъ виѣ парламента я, сэръ Г. Коксъ, сэръ А. Ельтонъ, бывшій членъ парламента, говорили въ 1854 г. совершенно то же, что мы говоримъ теперь, только никто не хотѣлъ насъ слушать. Такъ я и другіе говорили о Критѣ въ 1863 г. Въ настоящую войну я работалъ прежде, чѣмъ Гладстонъ, также поступалъ Сайдвигъ и другіе. Мы, конечно, рады такому помощнику, какъ Гладстонъ, и въ извѣстномъ смыслѣ его можно назвать дѣйствительнымъ лидеромъ, но не въ томъ смыслѣ, что онъ намъ внушилъ взгляды, которые мы имѣли раньше его“.

Удивительно, какъ исчезаютъ брошюры. Знаменитая брошюра Гладстона о болгарскихъ ужасахъ, проданная въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, можетъ быть прочитана въ Британскомъ музеѣ, но достать ее нигдѣ нельзя. Поэтому я воспроизвожу здѣсь заключительную страницу этого страстнаго воззванія одного изъ величайшихъ государственныхъ людей Англии, воззванія, на которое послѣдовалъ настоятельный и памятный откликъ. Перечисливъ факты, на которыхъ онъ основываетъ свое воззваніе, Гладстонъ кончаетъ свои доводы слѣдующимъ потрясающимъ заключеніемъ:

„Но я возвращаюсь къ тому и кончаю тѣмъ, что служить альфой и омегой въ этомъ важномъ и весьма печальномъ случаѣ. Старый слуга королевы и государства, я умоляю моихъ соотечественниковъ, отъ которыхъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ какого-либо народа въ Европѣ, зависитъ требовать и настоять, чтобы наше правительство, шедшее въ одномъ направленіи, пошло бы въ другомъ и употребило бы всѣ усилія для того, чтобы содѣйствовать другимъ

Европейскимъ государствамъ въ уничтоженіи турецкой исполнительной власти въ Болгаріи. Ихъ софты и мудирь, бимбаши и юзбаши, ихъ каймаканы и ихъ наши должны, я надѣюсь, убраться со всёмъ своимъ скарбомъ изъ страны, которую они опустошили и осквернили. Такое полное избавленіе, такое блаженное освобожденіе, единственное вознагражденіе, которое мы можемъ сдѣлать памяти этихъ грудъ мертвыхъ тѣлъ, этой оскорбленной чистотѣ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, цивилизаціи, которой нанесена обида и посрамленіе, законамъ Бога или, если хотите, Аллаха, нравственному чувству человѣчества вообще. Нѣтъ преступника въ европейской тюрьмѣ, нѣтъ каннибала на южныхъ островахъ, котораго гнѣвъ не вспыхнулъ бы и не закипѣлъ при разказахъ о томъ, что творилось, что поздно было усмотрѣно и до сихъ поръ не отмщено, что оставили по себѣ всё грубыя, свирѣпыя страсти, производившія это, и что можетъ вновь обратиться въ кровавую жатву на землѣ, пропитанной кровью, и въ воздухъ, зараженномъ всёми, какія можно только вообразить, преступными и позорными дѣлами. Что такія дѣянія одинъ разъ совершились, есть уже заслуживающій проклятія позоръ для тѣхъ изъ нашего племени, кто ихъ творилъ; но, чтобъ оставалась открытая дверь для возможнаго ихъ повторенія, было бы посрамленіемъ всему человѣчеству.

„Мы можемъ рыться въ лѣтописяхъ всего міра, но не знаю, нашли ли бы мы такой чудовищный примѣръ сатанинскаго злоупотребленія власти, данной Богомъ въ наказаніе злодѣямъ и въ поощреніе добра. Ни одно правительство такъ не грѣшило, ни одно не доказало свою несправимость въ грѣхѣ или что одно и то же, свое безсиліе въ исправленіи. Если допустить, чтобы турецкая исполнительная власть возобновила, съ разрѣшенія Европы, право своего существованія въ Болгаріи, то нѣтъ документа, отъ начала существованія политическаго общества, которымъ выражался бы протестъ противъ невыносимаго правленія или наносился бы ударъ ненавистой тиранніи, который съ этого времени не должны бы клеймить названіемъ преступленія. Но мы еще такъ низко не пали; надо съ радостью надѣяться, что не позже, какъ черезъ нѣсколько недѣль, мудрыя и энергичныя совѣщанія государствъ вновь соединенныя могутъ принести облегченіе тяжелой тревогѣ содрогающагося міра“.

Послѣ появленія Гладстоновской брошюры и еще болѣе послѣ его рѣчи въ Блэкѣтѣ (Blackheath), 9-го сентября, потокъ народнаго негодованія наводнилъ всю страну. Но даже въ этомъ замѣчательномъ антитурецкомъ энтузіазмѣ внимательный наблюдатель могъ замѣтить два теченія, временно соединенныя, но которыя рано или

поздно должны разъединиться. Сильнѣйшіе, самые логичные и самые горячіе преслѣдователи жестокостей не довольствовались требованіемъ о прекращеніи союза съ Турціей, они также горячо настаивали на обязанности соединиться съ Россіей съ тѣмъ, чтобъ заставить турка освободить славянъ. Вторая группа, больше численностью, состояла изъ тѣхъ, которымъ достаточно было просить, чтобы правительство отказалось отъ союза съ Турціей, не требуя никакого содѣйствія Англіи въ походъ противъ султана. Къ этой послѣдней секціи присоединились съ характернымъ безразсудствомъ поборники мира, хотя очевидно было и для скуднаго пониманія, что безъ соединеннаго вмѣшательства миръ былъ невозможенъ. На это болѣе умѣренные отвѣчали, что они не хотятъ впутываться въ дѣло, каковы бы ни были послѣдствія для другихъ. Несчастному раздѣленію агитаторовъ на два лагеря суждено было ускорить войну, которую избѣжать можно было. Передъ Англіей, собственно говоря, было три политики: лорда Биконсфильда—турецкая политика. Гладстона—русская политика и Брайта—воздерживающаяся политика, Первые двѣ могли не возбудить войны, послѣдняя дѣлала ее неизбѣжной.

Слабость агитаціи заключалась въ томъ, что массы сопротивлялись признать свою виновность въ судьбѣ христіанскихъ племенъ и считали свой разрывъ съ Турціей достаточной мѣрой. Насколько мнѣ извѣстно, второй городской митингъ въ Дарлингтонѣ, въ концѣ сентября, былъ единственнымъ, постановившимъ рѣшеніе обратиться къ правительству съ требованіемъ послать Британскій флотъ въ Константинополь съ тѣмъ, чтобы онъ содѣйствовалъ русской арміи привести султана въ повиновеніе. Генераль Сумароковъ привезъ такое предложеніе царя. Дарлингтонскій митингъ совѣтовалъ его принять. Другихъ отвѣтовъ не было.

Въ отвѣтъ на мое сообщеніе, что другая серія митинговъ собирается на сѣверѣ въ пользу освобожденія славянъ, Гладстонъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо.

Замокъ Фордъ-Корнвэгель.

Нортумберландъ.

30 сентября 1876 г.

Милостивый государь!

„Я не удивляюсь, что энергичные люди сѣвера берутъ на себя вести дополнительное движеніе, какъ они это дѣлали и раньше.

„Прежде, чѣмъ обвинять сербовъ въ отказѣ продолжать quasi-перемиріе, мы должны помнить, что когда они просили о перерывѣ, турки откладывали отвѣтъ двѣ недѣли (кажется) и только тогда согласились, когда, повидимому, потеряли всякую надежду на успѣхъ въ войнѣ.

„Независимость Сербіи—такой вопросъ, который я взять на себя не могу, но публичный митингъ свободнѣ меня. Повидимому, правительство теперь упорно вырабатываетъ политику, по которой лордъ Биконсфильдъ заявилъ въ Ельзбери, что они не имѣютъ поддержки англійскаго народа, и о которой лордъ Дерби признался, что они ее окончатъ ранѣе созыва парламента.

„Я дѣлаю эти замѣчанія, о которыхъ лучше не упоминать, такъ какъ мое имя слишкомъ часто является передъ публикой; но прощательная разборчивость, съ которой пишутся Ваши статьи, не требуетъ моей помощи. Вашъ покорный слуга.

Гладстонъ“.

Когда г-жа Новикова пріѣхала въ Лондонъ, осенью 1876 года, вокругъ нея собралась группа симпатизирующихъ друзей, глубоко потрясенныхъ ужасами, происходившими въ Болгаріи. Антитурецкая агитація выражалась разными путями. Миссъ Эрби и ея другъ усердно собирали деньги для бѣглецовъ и сиротъ Босніи и Герцеговины. Нѣкоторые сочувствовали черногорцамъ, другіе жертвовали на раненыхъ въ Сербіи. Большинство склонялось въ пользу Болгаріи. Нѣкоторые смѣлые умы ратовали за Россію. Либеральная партія была въ смятеніи. Нѣсколько старыхъ виговъ и антирусскихъ радикаловъ примкнули къ предводительству лорда Гардингтона, но другая партія съ г-номъ Чемберленомъ, ревностнымъ ея поборникомъ во главѣ, была всецѣло противъ турокъ. Таково же было духовенство англиканской церкви и что еще замѣчательнѣе вся корпорація протестантскихъ раскольниковъ (Non conformisto).

Потокъ народныхъ страстей вызвалъ, какъ всегда случается, и противоположное теченіе: за турокъ. Оно выразилось главнымъ образомъ въ лондонской печати и въ лондонскомъ обществѣ. Центръ его былъ въ Стаффордъ Хаусе, гдѣ туркофилы собирали фондъ для больныхъ и раненыхъ турецкихъ солдатъ. Правительство, испуганное взрывомъ, повидимому, преклонилось передъ бурей. 21-го сентября лордъ Дерби послалъ депешу сэру Генри Елліотъ, нашему посланнику въ Константинополь, совѣтуя ему изложить въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ порицанія султану за результатъ слѣдствія, произведеннаго г-мъ Берингомъ о турецкихъ жестокостяхъ въ Болгаріи, и требовать наказанія виновныхъ. Еще важнѣе то, что сэру Генри было поручено предложить, какъ умиротворяющую мѣру, переговоры между Турціей, Сербіей и Черногоріей объ уступкѣ административной автономіи Герцеговины и Босніи и о гарантіи противъ злоупотребленій въ Болгаріи.

Это привѣтствовалось нѣкоторыми лицами, какъ удовлетворительное доказательство перемѣны фронта. Но не таково было мнѣ-

віе Гладстона. 13-го октября, по возвращеніи своемъ съ сѣвера Англіи, онъ говоритъ: „я никогда не видѣлъ такого остраго выраженія народнаго чувства, распространяющагося, кажется, на всѣ классы и на всѣ мѣста“. Онъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ о захватывающемъ вниманіи всѣхъ къ злобамъ дня. Сперва онъ сочувственно коснулся смерти ея брата. „Это—тяжелая утрата“, пишетъ онъ, „но она окружена великой славой и христіанскими утѣшеніями“. Потомъ онъ разсуждаетъ съ ней о томъ, что слѣдовало бы сдѣлать на востоѣ. Она въ письмѣ къ нему выразила надежду, что гнусные преступники, которыхъ султанъ наградила за ихъ участіе въ болгарской рѣзнѣ, будутъ приговорены къ заслуженному наказанію. Онъ писалъ:

„Выраженные Вами чувства, относительно опредѣленія мести виновникамъ болгарскихъ жестокостей тѣ же самыя, которыя питаю я, и которыя я старался выразить въ письмѣ, написанномъ послѣ первыхъ рѣчей лорда Дерби въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ“.

Общая ей копію второй своей брошюры по болгарскому вопросу, онъ продолжаетъ:

„Вы, вѣроятно, не читали вторую мою брошюру, въ которой перепечатана одна изъ моихъ рѣчей и нѣсколько писемъ. Черезъ день или два я получу копіи и пришлю одну изъ нихъ Вамъ:

„Я съ грустью убѣждаюсь, что британское правительство пользуется именемъ и вліяніемъ нашей страны въ европейскихъ совѣщаніяхъ для того, чтобы противодѣйствовать желанію нашего народа существеннаго избавленія угнетенныхъ.“

„Я радъ буду узнать, какъ долго Вы пробудете въ городѣ. Мы были тамъ въ сентябрѣ, но не знаемъ еще, когда возвратимся“.

Онъ спрашивалъ, когда онъ увидитъ ее въ Лондонѣ. По полученіи ея отвѣта, онъ пишетъ 17-го октября:

„Хотя я надѣюсь скоро Васъ увидѣть въ Лондонѣ, я долженъ безотлагательно писать.“

1. „Въ общественномъ мнѣніи обозначилось несомнѣнное и рѣзкое теченіе въ пользу Турціи, судя по столичной печати. Оно касается большинства представителей идей и мнѣній, такъ называемыхъ, „высшихъ десяти тысячъ“ общества. Изъ этой корпораціи, насколько мнѣ помнится, ни по какому случаю не исходило движеній, побуждавшихъ и окончательно закрѣпившихъ какую бы то ни было изъ полезныхъ мѣръ, которыя въ послѣднюю половину вѣка такъ содѣйствовали славѣ и благоденствію Англіи.“

Они не производили реформъ въ парламентѣ, не освобождали отъ рабства негровъ, не уничтожали хлѣбнаго закона, не снимали пошлинъ съ печати, не радовались дѣлу освобожденія и переустройства Италіи. Однако, все это было сдѣлано другими, не ихъ посред-

никами, и несмотря на ихъ оппозицію. Когда я говорю о нихъ, я, конечно, говорю о большинствѣ между ними.

2. „Къ несчастью, о странѣ судятъ за границей, большей частью по столичной печати, а она гораздо понятнѣе въ провинціальной, и не думаю, чтобы вы нашли въ ней ту же туркофильскую реакцію, что въ Лондонской.

„Тѣмъ не менѣе, „эти десять тысячъ“—большая сила и по всей странѣ партія торіевъ соединяется съ ними. Я не могу сказать съ увѣренностью, какая партія возьметъ теперь верхъ. Это отчасти покажутъ, но не скоро, мѣстные выборы на вакантные мѣста. Можетъ пройти шесть мѣсяцевъ, или около того, прежде, чѣмъ изъ этого источника извлечется достаточно свѣта“.

Такъ какъ заключительные параграфы этого письма касаются новаго предмета, мы ихъ отнесемъ къ слѣдующей главѣ.

Переписка Ольги Алексѣвны не была въ то время такою обширною, какою она сдѣлалась черезъ годъ, тѣмъ не менѣе у нея и тогда было много вѣрныхъ друзей. Одинъ изъ нихъ, Фриманъ, историкъ, написавшій Норманское завоеваніе, отличался самой пылкой ненавистью къ турецкому угнетенію и его друзьямъ въ Доунингъ-Стритѣ. Одно изъ первыхъ писемъ къ ней г-на Фримана, отъ 20-го октября 1876 г.—это характерная исповѣдь убѣжденія, котораго въ теченіе всѣхъ этихъ тяжелыхъ лѣтъ г-нъ Фриманъ былъ самымъ вѣрнымъ представителемъ. Онъ писалъ:

„Чувства мои противъ войны Англій съ Россіей такъ сильны, какъ только могутъ они быть у человѣка. И противъ недовѣрія или недружелюбія къ Россіи я двадцать лѣтъ протестовалъ. Надѣюсь черезъ день или два еще разъ это засвидѣтельствовать.

„Въ письмѣ своемъ въ Daily News (письмо отъ 24-го октября 1876 г.) г-нъ Фриманъ напоминаетъ англійской публикѣ, что война съ Россіей, если бы она когда-нибудь возникла, не была бы уже войной противъ честолюбиваго деспота, а войной противъ тѣхъ, которые вооружились за правое дѣло. Интересы Англій въ дѣйствительности не смѣшиваются съ поддержкой турецкой тиранніи, но если бы они и были затронуты этой поддержкой, то выгода должна уступить долгу. Мы не желаемъ видѣть расширенія Россіи, но если по винѣ нашего правительства мы не имѣемъ выбора между увеличеніемъ Россіи и рабствомъ Болгаріи и другихъ возставшихъ странъ, мы должны избрать увеличеніе Россіи“.

3-го ноября онъ пишетъ г-жѣ Новиковой:

„Если бъ нашихъ министровъ можно было убѣдить честно соединиться съ Вашими въ улаживаніи дѣла, миръ могъ бы быть обезпеченъ, но именно теперь мы, имѣющіе парламентъ, такъ же без-

помощи, какъ Вы, у которыхъ его нѣтъ. Я свое маленькое слово сказала, чтобъ убѣдить людей, что Россія теперь нація, съ которой ссориться за правое дѣло было бы сумасшествіемъ. Глушцы у меня спрашиваютъ, слышалъ ли я когда-нибудь о Польшѣ,—тори всѣ противъ Польши,—я отвѣчалъ: мы не противились Россіи, когда она поступала неправильно, неужели мы станемъ противъ нея, когда она права“.

„Я счастливъ, что очень мало знакомъ съ высшимъ лондонскимъ обществомъ и съ тѣмъ, что оно называетъ хорошимъ вкусомъ. Если великосвѣтское общество любить турокъ, они заслуживаютъ того, чтобы турокъ у нихъ расквартировали“.

27-го ноября Фриманъ писалъ о сердечномъ приѣмѣ, оказанномъ ему его аудиторіей въ Эгзетеръ и Манчестрѣ, когда онъ говорилъ о Восточной Европѣ. Онъ пишетъ:

„Въ этомъ и другомъ мѣстѣ мои слушатели дали сердечный отвѣтъ на все, что я говорилъ о вредѣ войны съ Россіей, что теперь имъ пришлось бы воевать не съ честолюбивымъ деспотомъ, но съ народомъ, дѣйствующимъ за правое дѣло. Большинство ли мы, я сказать не могу, но я увѣренъ, что мы составляемъ достаточно большую часть англійскаго народа, чтобы заставить даже еврея въ его самоувѣренности задуматься прежде, чѣмъ начать войну. Вы бы должны сдѣлать все возможное, чтобъ дать понять англійскому народу, что въ настоящее время Россія—нація, сердце которой предано добру“.

Еще болѣе сердечно было письмо сэра Джорджа Коксъ о пораженіи сербовъ, которое Фриманъ прислалъ г-жѣ Новиковой.

2 ноября.

„Не знаю, что сказать объ этихъ ужасныхъ извѣстіяхъ. Вся эта рѣзня касается насъ; единственное оправданіе для нашихъ правителей, которые въ вакантное время дѣлаются настоящими деспотами, то, что они сами въ заблужденіи, что они вѣрятъ лжи, что турокъ можетъ измѣниться. Странно думать, что они этому вѣрятъ, и что непогочисленные, такъ называемые, мятежники оставлены для того, чтобы мириады враговъ ихъ погубили только потому, что противъ предполагаемыхъ интересовъ Англій, чтобъ русскій завладѣлъ Стамбуломъ. Я самъ, конечно, этого не желаю и, если бъ мы поступали такъ, какъ мы хотѣли лѣтъ десять тому назадъ, конфедерация отъ Адриатики до Евксинскаго сдѣлала бы это невозможнымъ. Но зло произошло тогда, когда Наваринская битва была названа досаднымъ событіемъ. И съ того дня и до этой минуты всѣ наши дѣйствія на востокъ просто постыдны. Насколько я могу судить, мы опозорены въ глазахъ Европы, а это неприятно, хотя

это мало значить въ сравненіи съ побѣдой правды. Неужели ничего нельзя сдѣлать, чтобъ помѣшать дѣламъ стать еще хуже. Несомнѣнно, что нашу исполнительную власть слѣдуетъ укоротить и рѣшенія мира и войны должны у нея быть отняты. Это была бы смерть дипломатіи, а день, въ который это бы произошло, былъ бы дѣйствительно свѣтлымъ днемъ.

Вырѣзки письма Сандвита получены. То, что онъ говоритъ, ни на юту больше того, что я предполагалъ. Невольно поднимаются руки и восклицаешь: „доколѣ, о Господи, доколѣ“. Но мы должны что-нибудь дѣлать. Если результатомъ всѣхъ этихъ ужасовъ будетъ усмиреніе торіевъ и дипломатіи, свѣтъ будетъ имѣть причину порадоваться. Сандвигъ можетъ рассказывать, что добросовѣстность и независимость Оттоманской имперіи—проклятыя слова. Они сдѣлали столько же вреда, какъ вѣра въ колдовство“.

Война въ Сербіи продолжалась до 1-го ноября, когда, подъ давленіемъ русскаго ультиматума, султанъ согласился на восьмине-дѣльное перемиріе. На слѣдующій день лордъ Августъ Лофтусъ, нашъ посланникъ въ Россіи, послалъ длинное донесеніе, сообщающее о самомъ благопріятномъ разговорѣ, которымъ удостоилъ его Государь, въ которомъ Его Величество отрицалъ всякое желаніе брать Константинополь и излагалъ русскую политику въ такихъ выраженіяхъ, которыя, по заявленію лорда Дерби, были приняты съ большимъ удовлетвореніемъ британскимъ правительствомъ.

Императоръ настоятельно просилъ посла сдѣлать все отъ него зависящее, чтобъ разсѣять подозрительность и недобвіріе къ Россіи, существующее въ Англіи. Денеша эта была получена въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ седьмого или восьмого ноября ¹⁾. Въ этотъ день лордъ Дерби, отъ имени правительства, выразилъ большое удовольствіе, съ которымъ оно приняло увѣренія Царя, а на слѣдующій день лордъ Биконсфилдъ, въ отвѣтъ на отзывъ Импе-

¹⁾ По поводу этой депеши лордъ Непиръ-Этрикъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ: „съ тѣхъ поръ, какъ я Вамъ писалъ, мы получили депеши изъ Крыма. Съ точки зрѣнія Англіи въ нихъ много обезпеченія и удовлетворенія. Когда я переносусь на точку зрѣнія Россіи, т. е. если бъ я былъ русскимъ, я думаю, что я считалъ бы, что Государь слишкомъ щедро давалъ увѣренія и засвидѣтельствованія иностранному дипломату, и я бы сожалѣлъ о томъ, что Его Величество сказалъ, что онъ разрѣшилъ отъѣздъ добровольцевъ pour jeter de l'eau froide, потому, что этимъ Государь уменьшаетъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ національный порывъ, имѣющій свою естественную и достойную сторону, хотя англичанинъ долженъ объ этомъ сожалѣть. Вообще, такъ какъ я всегда вѣрилъ въ челоуколюбіе и благо-родство души Императора, я думаю, что онъ желаетъ мира, и я надѣюсь, что конференція найдетъ способы его обезпечить“.

ратора, употребилъ всѣ усилія, чтобъ возбудить горячку войны противъ Россіи рѣчью въ Гильдъ-Холѣ. Онъ объявилъ, въ выраженіяхъ, всѣмъ понятныхъ, хотя онъ ни разу не коснулся именъ Турціи и Россіи, что „Англія не такая страна, которая должна спрашивать позволенія, можно ли ей вступитъ во второй или третій походъ“.

„Въ справедливомъ дѣлѣ Англія будетъ сражаться до тѣхъ поръ, пока справедливость восторжествуетъ“. Рѣчь эта была принята въ Англіи и за границей, какъ прямая угроза Россіи. На другой день Государь въ отвѣтъ депутаціи, ожидавшей его въ Москвѣ, объявилъ, что онъ твердо рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, если онъ не получитъ необходимаго ручательства въ исполненіи того, что онъ имѣетъ право требовать отъ Порты. Только двѣнадцать дней послѣ того, какъ рѣчь лорда Виконсфильда пропитала общественные умы, его правительство согласилось опубликовать депешу лорда Лофтуса, съ трогательнымъ призывомъ довѣрія со стороны Царя, которому лордъ Виконсфильдъ сдѣлалъ такой грубый приемъ. За недѣлю до этого, Государь повелѣлъ мобилизовать часть арміи, и войска начали сосредоточиваться въ Кишиневѣ. Можно думать, что англійскіе министры были порядочно напуганы выходкой своего главы. Во все это тяжелое время ихъ взаимныя отношенія были таковы, что лордъ Виконсфильдъ можетъ говорить, что хочетъ, но контроль и иностранная политика партій должна быть въ рукахъ лорда Дерби, лорда Сальзбери и лорда Карнарвонъ. Поэтому, чѣмъ миролюбивѣе были рѣшенія кабинета, тѣмъ воинственнѣе были рѣчи лорда Виконсфильда. 8-го лордъ Дерби выразилъ удовольствіе правительства удостовѣреніями Царя и, повидимому, тотъ же кабинетъ рѣшилъ послать лорда Сальзбери представителемъ Англіи на конференцію, собиравшуюся въ Константинополь, для рѣшенія восточнаго вопроса. Лордъ Сальзбери всегда былъ антипатиченъ лорду Виконсфильду. Назначеніе его было всего болѣе по сердцу Гладстону, какъ доказательство, что кабинетъ, наконецъ, дѣйствительно намѣренъ вести болѣе разумную и человѣколюбивую политику на востокъ, нежели та, которая велась до сихъ поръ.

Встревоженная этими признаками приближающейся войны, Ольга Алексѣевна писала съ горечью Гладстону, называя его своимъ другомъ.

14-го ноября Гладстонъ отвѣчалъ:

„Дорогая г-жа Новикова. Я очень цѣню названіе, которое Вы такъ добры, что дали мнѣ, но не смѣю принять его, пока это дѣло не разъяснилось, Вы можетъ быть захотите отказаться отъ него. Испытайте меня немного дольше, я хочу Вамъ сказать слѣдующее:

„Исторія народовъ печальна, т. е. исторія ихъ правительствъ.

Я прихожу къ грустному убѣжденію, что хотя добродѣтель высшаго свойства существуетъ въ высшихъ сферахъ индивидуально, но ее можно главнымъ образомъ найти въ массахъ, а исторія правительствъ—самая безнравственная часть исторіи человѣчества. Мнѣ часто приходится злословить на моихъ соотечественниковъ, или ихъ правителей. Не долженъ ли я имѣть эту свободу и относительно другихъ? Присмотритесь ко мнѣ больше прежде, чѣмъ Вы рѣшите, безпристрастенъ ли я и заслуживаю ли я чести быть Вашимъ другомъ.

„Не очень пугайтесь рѣчи лорда Биконсфильда.

„Я имѣю надежды на миръ. Я слышалъ, что стрѣлявшіе въ спины русскихъ офицеровъ были валахи, которыхъ очень много въ сербской арміи, а не сербы.

„Я смотрю на Вашего Государя, какъ на самого совершеннаго джентльмена, и, въ общемъ, я не огорчаюсь тѣми затрудненіями, которыя турокъ внесъ въ конференцію. Я думаю, Вы можете быть увѣрены, что Сальзбери не таковъ, какъ нѣкоторые въ правительствѣ, онъ не рабъ Дизраэли“.

За четыре дня до этого, Гладстонъ прислалъ ей отчетъ о митингѣ, который доказывалъ, что мнѣнія высшихъ и парламентскихъ классовъ были очень разнорѣчивы. Онъ говоритъ:

„Ни одна изъ великихъ и полезныхъ мѣръ, съ которыми связано имя націи, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, не была, какъ я уже говорилъ, проведена большинствомъ этого класса, а только меньшинствомъ. Лордъ Гарлингтонъ долженъ считаться съ этимъ. Я, слава Богу, свободнѣе“. Хотя онъ былъ доволенъ назначеніемъ лорда Сальзбери представителемъ Англiи на Константинопольской конференціи, однако, онъ ей напоминаетъ:

„Помните, я не могу ручаться, что лордъ Сальзбери не сдѣлаетъ ошибокъ и даже важныхъ. Все же я надѣюсь, что отвѣтственность и опытность въ дѣлахъ дадутъ ему требуемую твердость сужденій.

„Есть Англiя, желающая получить Критъ, но также, я надѣюсь, есть болѣе сильная и разумная Англiя, которая не желаетъ этого“.

22-го ноября онъ говоритъ ей, что онъ всецѣло поглотенъ своей статьей объ эллинскомъ факторѣ въ Восточномъ вопросѣ. Услышавъ, что генералъ Игнатъевъ неодобрительно отнесся къ греческимъ притязаніямъ, онъ продолжаетъ:

„Мы получили сегодня депешу Лофтуса отъ 2-го ноября съ полнымъ отчетомъ миролюбивой и христіанской рѣчи Императора въ этотъ день. Лордъ Дерби, какъ причестствуетъ, призналъ ее таковой 3-го. Суть ея была телеграфирована такъ, что Дерби уже ее зналъ, когда говорилъ свою рѣчь 9-го. Мы также въ первый разъ узнаемъ настоящія условія основанія конференціи, составленныя лордомъ

Дерби. Долженъ сказать: я нахожу, что Россія дошла до крайнихъ предѣловъ умѣренности, согласившись на нихъ. Россію всегда обвиняли въ томъ, что она поощряетъ на столько реформы въ Оттоманской имперіи, чтобы возбуждать хроническое раздраженіе, и дѣлаетъ это для того, чтобы имѣть предлогъ вмѣшаться въ дѣла, когда ей вздумается.

„Всѣ ничтожные планы и такіе, какъ планъ лорда Дерби, въ своемъ естественномъ толкованіи только способствуютъ такой политикѣ. Что касается независимости славянъ, это превратилось въ фарсъ. Неужели это было принято какъ основаніе для конференціи? Вы, вѣроятно, замѣчаете отзывы и поведеніе турецкой прессы о торійской прессѣ въ Англии. Удивляюсь, почему Россія не пользуется тоже прессой здѣсь“¹⁾.

„Изъ сегодняшнихъ депешъ вижу, что лордъ Сальзбери предложитъ Портѣ двѣнадцать мѣсяцевъ для реформъ, въ случаѣ неудачи предстоить вмѣшательство иностранныхъ державъ. По моему мнѣнію, это насмѣшка“.

„Князь Горчаковъ говоритъ о предубѣжденіяхъ Англии; но то, о чемъ онъ судить, не есть настоящая Англія. Я говорилъ Вамъ, что, по моему мнѣнію, народъ не измѣнился. Нѣтъ лучшаго образца народа, какъ зрители въ театрѣ“.

„Случай произошелъ въ Ливерпулѣ, очень торійскомъ городѣ. Диссиденты, самые сильные противники турокъ, не часто ходятъ въ театры. Пршлую пятницу я былъ тамъ, и никогда не былъ такъ восторженно принятъ. Будьте увѣрены: такія демонстраціи составляютъ настоящій критеріумъ народа, хотя требуется множество такихъ опытовъ, чтобы сдѣлаться доказательствомъ“.

Ольга Алексѣевна жаловалась на безсердечіе лорда Гартингтона и спрашивала у Гладстона его мнѣніе о назначеніи Сальзбери. Онъ отвѣчалъ:

„Очень благодарю Васъ за милое письмо. Относительно лорда Гартингтона я бы сказалъ, надо помнить, что, какъ лидеръ, онъ обязанъ придерживаться болѣе или менѣе мнѣній оттѣнка Fitzwilliam'a, чтобы не порвать отношеній съ ними. Мнѣ бы не слѣдовало однако писать Вамъ объ этомъ; но я считаю правильнымъ высказать Вамъ мое мнѣніе о лордѣ Сальзбери, котораго я довольно хорошо знаю въ частности. Онъ мало знакомъ съ иностранными государствами и съ Востокомъ, и имѣетъ мало сноровки. Онъ рѣзокъ въ словахъ, но настоящій джентльменъ въ обществѣ. Онъ замѣчательно уменъ,

¹⁾ Гладстонъ намекалъ о подкупѣ англійской торійской прессы турецкими агентами, въ чемъ, конечно, трудно заподозрить русскую дипломатію.

не увѣренъ въ сужденіяхъ, но выше всего мелочного, не имѣетъ Дизраэльскихъ предубѣжденій, добросовѣстенъ и обладаетъ большимъ мужествомъ и характеромъ. Однимъ словомъ, назначеніе Сальзбери лучшее, что правительство до сихъ поръ сдѣлало въ Восточномъ вопросѣ“.

„Онъ человѣкъ, довѣріе котораго стоитъ приобрести“, заключаетъ Гладстонъ.

И въ то время издавалъ „Сѣверное эхо“ въ Дарлингтонѣ вблизи Гладстона. Вотъ его короткое, рѣзкое, повелительное слово, присланное мнѣ наканунѣ народнаго митинга, созваннаго для протеста противъ угрожающей рѣчи лорда Виконсфильда въ Гильдхолѣ.

Гоурденъ 19 ноября 1876.

„Я смотрю“ пишетъ Гладстонъ „на миссію лорда Сальзбери, какъ на противорѣчіе заявленія рѣчи премьеръ-министра въ Гильдхолѣ, и если Вы встрѣтитесь снова, на что я надѣюсь, то, говоря ясно объ имѣющихся въ виду предположеніяхъ, отнесетесь благонамѣренно къ этой миссіи“.

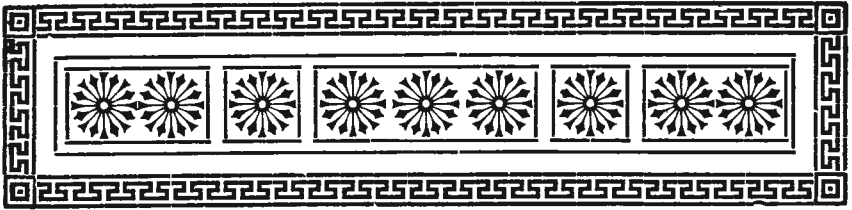
Митингъ состоялся, и резолюціи представлены Гладстону. Онъ отвѣчалъ:

„Я вижу съ величайшимъ удовольствіемъ силу убѣжденія и характера, заставляющую жителей Дарлингтона слѣдить съ неутомимой блительностью за ходомъ Восточнаго вопроса и тѣмъ избличать въ неправдѣ имѣющихъ претензію на такое дурное мнѣніе о жителяхъ этой мѣстности, чтобы хладнокровно утверждать, будто бы въ промежутокъ между сентябремъ и ноябремъ они перемѣняли мнѣніе“.

Потому именно, что вся министерская печать такъ настойчиво утверждала, что народъ измѣнилъ мнѣніе, и состоялась конференція въ Сентъ-Джемсъ-Холѣ.

Сообщено Е. С. М.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. ¹⁾

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

1.

4-го апрѣля 1821 г. Шаево ²⁾.

Андрей Андреевичъ Жандръ ³⁾ пишетъ ко мнѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что Вы по дружбѣ вступились за меня противъ неизвѣстнаго критика ⁴⁾. Хотя не знаю, чѣмъ заслуженная мною ненависть Сыновъ Отечества ⁵⁾, и не допустила отвѣта вашего къ напечатанію, я не менѣе того полагаю себя вамъ обязаннымъ; и еслибъ все дѣло состояло только въ моей чести, я право бы не почелъ ее нисколько оскорбленною, слыша что дураки меня бранятъ, а умные люди защищаютъ; но дѣло въ томъ, что поступокъ Сыновъ Отечества самъ по себѣ никуда не годится, либо не надо во все писать о сочинителѣхъ, либо надо равно помѣщать статьи противъ него и за него.

Папская канцелярія въ Римѣ присвоила себѣ право прятать подъ сукно и не выпускать книгъ, которыя несходны съ ея обра-

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1909 г.

²⁾ Усадьба Шаево—Кологривскаго уѣзда, Костромской губ.

³⁾ Андрей Андреевичъ Жандръ р. 1789 г. ум. 19 янв. 1873 г. въ чинъ дѣйств. тайн. совѣт., пріятель Грибоѣдова и Катенина, авторъ и переводчикъ театральныхъ пьесъ.

⁴⁾ Рѣчь идетъ о статьѣ Н. И. Бахтина, появившейся въ „Сынъ Отечества“ (1821 г. ч. 68 № 12 стр. 218—227, за подписью G.) и написанной по поводу „Замѣчаній г. Z. на комедію Катенина „Сплетни“ (С. О. 1821 г. ч. 67 № 5 стр. 225—229) см. вводную статью.

⁵⁾ „Сынъ Отечества“ въ 1821 г. издавался Н. И. Гречемъ и А. Ѳ. Воейковымъ.

зомъ мыслей, но *мы не должны быть паписты, что Сумароковъ превосходно доказываетъ именемъ Пармена ¹⁾). Подумавъ хорошенько обо всемъ этомъ, рѣшилъ я написать письмо къ Никитѣ Муравьеву ²⁾, гдѣ я его прошу разтолковать сынамъ, Гречу ³⁾ и Воейкову ⁴⁾, что ихъ дѣло не дѣло, авось они внушатъ голосъ здраваго разсудка. Постарайтесь со своей стороны восторжествовать надъ невѣжествомъ: можно же въ большомъ городѣ, каковъ Петербургъ, найти средство оборониться; а буде не лъзя, дайте мнѣ знать, останусь въ лѣсахъ Кологривскихъ. Я еще не такъ давно въ нихъ заѣхалъ, долго загостился у Скуратова ⁵⁾ и у Голицына ⁶⁾, весело было, а гдѣ весело, тамъ и сидится. Здѣсь не такъ-то пріятно, но дѣлать нѣчего, по неволѣ сидишь, когда не лъзя подняться. Дѣла мои нашель въ порядкѣ, получилъ вдругъ около двадцати тысячъ денегъ, но уплата долговъ и закупка хлѣба все разхватили; лѣтомъ хочу я заняться отдѣлкою своего дома, въ который не разъ придется воротиться; а въ концѣ Августа думаю пуститься въ Петербургъ, хоть на легкѣ безъ денегъ. Зимнія путешествія мнѣ нынѣшній разъ слишкомъ надоѣли, а молодому моему спутнику еще болѣе; въ самомъ дѣлѣ какъ нарочно погода насъ во все время преслѣдовала. Стиховъ дѣлать здѣсь не въ состояніи, ничто въ голову нейдетъ, и желудокъ совсѣмъ разстроены, даже вино безъ вкуса пьется, пить не съ кѣмъ. Читаю много, смѣшить меня иногда Вольтеръ забавнымъ враньемъ, а еще болѣе Мосгеймъ ⁷⁾, ученый церковный историкъ, своимъ серіознымъ враньемъ: онъ очень похожъ простодушіемъ на

1) См. 1 явл. I д. Сумароковской трагедіи „Димитрій Самозванецъ“.

2) Никита Михайловичъ Муравьевъ, декабристъ, род. 1797 ум. 1843 г.

3) Николай Ивановичъ Гречъ род. 1787 г. ум. 1867 г., журналистъ, авторъ „Опыта краткой исторіи русской литературы“ (1822 г.) и „Пространной“ и „Практической русской грамматики“ (1827 г.).

4) Александръ Федоровичъ Воейковъ р. 1778 г. ум. 1839 г., авторъ извѣстнаго стихотворенія „Домъ Сумасшедшихъ“.

5) Павелъ Петровичъ Скуратовъ, другъ и однополчанинъ Катенина, уволенный въ 1813 г. въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана и поселившійся въ своемъ имѣніи, Катенинъ посвятилъ ему свою трагедію „Андромаха“ (1827 г.).

6) Князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ, другъ Катенина, отставной поручикъ р. 1796 г. ум. 26 марта 1833 г. Во II томѣ „Сочиненій и Переводовъ“ Катенина помѣщены два стихотворенія кн. Голицына. Кромѣ того ему принадлежитъ переводъ на франц. языкъ стихотворенія Катенина „Пѣвецъ Усладь“ (Le Troubadour), напечат. въ *Mercure du XIX siècle* (1824 г.) t. VI, въ статьѣ Бахтина (см. вводную ст.) и въ I т. сочиненій Катенина.

7) J. L. v. Mosheim род. 1674 г. ум. 1755 г., нѣмецкій проповѣдникъ, авторъ многочисленныхъ трудовъ по церковной исторіи (число ихъ достигаетъ до 160), изъ которыхъ важнѣйшіе написаны на латинскомъ языкѣ.

Мюнixa ¹⁾ автора записокъ про Анну Ивановну, что ни вздумаетъ разхвалить, руками сдаетъ на посмѣяніе. Поклонитесь отъ меня Петру Николаевичу ²⁾, я часто объ немъ вспоминаю. До свиданія, почтеннѣйшій; я надѣюсь что въ отвѣтъ на моихъ четыре страницы деревенскихъ вы по справедливости заплатите вдвое, въ такой пріятной надеждѣ остаюсь на всегда душевно почитающій слуга

Павель Катенинъ.

2.

15-го мая 1821 г. Шаево.

Хорошее извѣстіе отъ всякаго пріятно получить; письмо отъ пріятелиа дорого само собою: слѣдственно (ergo) мнѣ двойное было удовольствіе когда прочелъ я ваше, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, письмо отъ 3-го мая. И такъ мнѣ въ отсутствіи болѣе удастся, а можетъ быть еслибъ я вздумалъ умерѣть, меня бы и Воейковъ съ компанією принялись хвалить; но я твердо намѣренъ обойтись безъ ихъ похвалы пока могу. Жаль что не въ нашей волѣ исполненіе нашихъ намѣреній, и я точно третьяго дня чуть чуть не умеръ: со мной сдѣлалось тоже что уже было однажды въ Москвѣ, я закашлялся и мокроты остановаюсь въ горлѣ пресѣкли совершенно дыханье, ни говорить ни кричать не лзя, никто не знаетъ чѣмъ помочь, я выбѣжалъ на воздухъ, и тѣмъ только спасся, ибо дыханіе возобновилось. Я полагаю что смерть утопшихъ точно такова, и два раза испытавъ ея приближеніе, могу увѣрить что она мучительна и несносна. Напрасно вы вообще завидуете здѣшнему моему житью: конечно Зябловской ³⁾ скученъ, но думаете ли вы чтобъ Кологривскій городничій, исправникъ и т. д. были забавны, а я съ ними обязанъ также проводить время какъ вы съ вашими профес-

¹⁾ Сынъ фельдмаршала, графъ Эрнстъ Минихъ, род. 1708 г. ум. 1788 г., написалъ Записки для своихъ дѣтей въ ссылкѣ (въ Вологдѣ) въ 1758 г. на нѣмецк. языкѣ. Катенинъ познакомился съ ними въ русскомъ переводѣ 1817 г. Записки гр. Миниха были переизданы вмѣстѣ съ его замѣчаніями на Мемуары Манштейна редакціею „Русской Старины“ въ 1891 г. (Россия и русскій дворъ въ половинѣ XVIII ст.). Нѣмецкій подлинникъ былъ обнаругованъ въ 1896 г. (Die Memoiren des Graven Ernst von Munnich hrsgb sowie mit Einleitung und Biographie des Verfassers versehen von Arwed Jurgensohn. Stuttgart 1896).

²⁾ Петръ Николаевичъ Чебышевъ.

³⁾ Евдокимъ Филипповичъ Зябловскій р. 1763 г. ум. 1846 г., заслуженный профессоръ Спб. университета, авторъ „Статистическаго описанія Россійской Имперіи въ нынѣшнемъ состояніи“. 5 ч. Спб. 1808 г.

сорами ¹⁾; вы можете временемъ и забыть скуку, а мнѣ здѣсь съ каждымъ днемъ новая родится. Сверхъ того хлопотъ хозяйственныхъ такая бездна, что я не знаю какъ меня достаетъ и право боюсь съ ума сойти, если это продлится; лучшей мой день въ недѣлѣ четвергъ, мнѣ приносятъ письма съ почты, и я хоть на нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ любезныхъ людей забываю мое одиночество, дѣла и заботы. Что же вамъ непріятнаго въ томъ что узнаютъ кто отвѣчалъ на критику въ журналѣ? Признаюсь вамъ, Николай Ивановичъ, что я совсѣмъ другаго мнѣнія, и еще въ Петербургѣ вамъ это говорилъ: зачѣмъ скрываться? Пишите и смѣло подписывайте ²⁾. Скрытое или вымышленное имя означаетъ какую-то робость, какъ будто чего нибудь стыдятся люди правые, и эта неосновательная боязнь много помогаетъ наглости Бестужевыхъ ³⁾ и прочихъ; они говорятъ громко, а большая часть людей всегда скорѣе разслушаетъ и повѣритъ тому кто громче и смѣлѣе утверждаетъ свою мысль. Жалѣю что журналъ Олина ⁴⁾ плохъ, онъ видно бѣдной одинъ работаетъ и не знаетъ чѣмъ набить, не смотря на это подпишитесь за меня на полгода съ пересылкою въ Кологривъ, Андрей Андреевичъ выдастъ вамъ деньги; посмотримъ. Сына Отечества я не беру въ желтомъ его мундирѣ Арзамасскаго полка, читалъ случайно критику Z въ слѣдъ за похвалою Хмельницкому ⁵⁾, это работа Соца ⁶⁾, по слогу и приѣмамъ судя; на Шаховскаго ⁷⁾ же поклепъ напрасенъ; отвѣтъ

1) Н. И. Бахтинъ въ этомъ году посѣщалъ лекціи Спб. университета. См. вводную статью.

2) Бахтинъ подписалъ, какъ мы уже знаемъ, свою статью буквою G.

3) Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій) р. 1797 г. ум. 1837, относился крайне отрицательно къ литературной дѣятельности Катенина.

4) Валеріанъ Николаевичъ Олинъ р. прибол. въ 1788 г. ум. послѣ 1839 г., весьма плодовитый писатель-переводчикъ. Въ 1818 и 1819 г.г. издавалъ „Журналъ древней и новой словесности“, а въ 1821 г. газету „Рецензентъ“.

5) Николай Ивановичъ Хмельницкій р. 1791 г. ум. 1845 г., драматическій писатель. Г. Z въ своей статьѣ отозвался съ похвалою о переводѣ Хмельницкаго Мольеровой комедіи „Школа Женщинъ“.

6) Василій Ивановичъ Соцъ ум. 1841 г. цензоръ, драматическій писатель, помѣщалъ критическія статьи въ „Благонамѣренномъ“ и „Сынѣ Отечества“.

7) Кн. Александръ Александровичъ Шаховской род. 1777 г. ум. 1846 г., извѣстный драматургъ и видный театральныи дѣятель. Непріязненныя отношенія между нимъ и Катенинымъ возникли въ 20-хъ годахъ 19-го вѣка на почвѣ театральныи интригъ, изъ-за „измѣны“ В. А. Каратыгина и А. М. Колосовой, начавшихъ театральное образованіе подъ руководствомъ князя, а затѣмъ перешедшихъ къ Катенину, который былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ чтецовъ и знатоковъ сценическаго искусства.

былъ бы для меня гораздо любопытнѣе по всему, но его то я не видалъ; не лѣзя ли какъ-нибудь мнѣ доставить? Что Левекъ¹⁾ умнѣе Карамзина безспорно; но куды суха и его исторія! Компилація безъ всякой жизни. Сдѣлайте одолженіе, не забывайте меня, умнѣйшій Николай Ивановичъ, и когда вамъ отъ должности и отъ премудраго указа останется совершенно досужный часокъ, пожалуйте о невинномъ сосланномъ судьбою не далеко отъ Сибири, онъ право стоитъ этаго какъ доброй человѣкъ и истинно почитающій васъ

Павель Катенинъ.

P. S. Пришлите мнѣ вашъ адресъ въ Петербургъ.

3.

11-го іюля 1821 г. Шаево.

Наконецъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, дождался я вашего отвѣта на мое письмо, но къ сожалѣнію моему я все еще не вижу вашей антикритики на счетъ моихъ сплетней²⁾; всѣ ваши причины не ставить имени своего я сколько могъ обдумалъ, и (простите моему упрямству) остаюсь при своемъ мнѣніи; сравненіе съ Бестужевымъ либо чрезмѣрная скромность, либо (что болѣе похоже на правду) шутка, вамъ никогда не лѣзя сравниться или уподобиться сему великому человѣку. О критикѣ, на которую Вы отвѣчали, увѣренъ я что она произведеніе Соца, а не князя Шаховскаго по многимъ причинамъ: вотъ вамъ нѣкоторыя изъ нихъ. Во первыхъ Шаховской не сталъ бы сожалѣть о томъ, что въ Грессетовой³⁾ комедіи передѣлано, о разговорѣ поучительномъ Ариста съ Валеромъ, о покаяніи Флоризы въ концѣ комедіи и пр. все это не въ его вкусъ, онъ самъ весьма хвалилъ сдѣланныя мною въ планѣ перемѣны и слогъ моихъ стиховъ; а только намѣкалъ что не смотря на все это, пѣса покажется холодною на театрѣ, что можетъ быть онъ говорилъ и актерамъ, которые всячески старались оправдать его

¹⁾ Pierre Charles Levesque р. 1736 г. ум. 1812 г., авторъ Histoire de Russie. Iverdun 1782—1783. 8 vol. in. 12.

²⁾ „Сплетни“, комедія въ 3-хъ дѣйств. Павла Катенина, подражаніе Грессетовой комедіи: „Le méchant“. СПБ. 1821, представлена была въ первый разъ въ СПБ. 31 дек. 1820 г.

³⁾ Jean-Baptiste — Louis Gresset род. 1709, ум. 1777, авторъ шуточныхъ поэмъ „Vert-Vert“, „le Lutrin“, трагедіи „Edouard III“ (1740 г.), комедій „Sidney“ (1745), передѣланной Фонвизинымъ въ „Коріона“ и „Le Méchant“ (1747). Послѣдняя пѣса была уже переведена на русскій яз. Н. П. Свѣчинымъ въ 1817 г. подъ названіемъ „Злой“.

слова, а послѣ представленія вѣроятно проповѣдывалъ это молодымъ людямъ, которые посѣщаютъ его по вечерамъ, но въ печатной критикѣ объ холодности нѣтъ ни слова, а рецензентъ нападаетъ на планъ и стихотворство; притомъ замѣтите хорошенько слога, и вы узнаете Ювенала; мнѣ кажется что въ немъ также трудно ошибиться какъ и въ Марлинскомъ. Сожалѣю весьма объ глубокомъ униженіи Олина въ его журналѣ, и если такъ, онъ мнѣ не нуженъ: а вмѣсто журнала буду просить Васъ, умница Николай Ивановичъ, извѣщать меня о новостяхъ по словесности, но Вы (не въ гнѣвъ буди сказано) немножко черезъ чуръ лѣнны отъ природы. Благодарю васъ за отвѣтъ на мой вопросъ по ученой части, я увѣренъ что онъ справедливъ, но тѣмъ лишь болѣе подкрѣпляетъ меня въ томъ мнѣніи что наши физики наврали; ибо положимъ что они бы жили на такъ называемомъ южномъ полушаріи земли, имъ бы не пришлось сказать, что зимой земля ближе къ солнцу, ибо тамъ она дальше; а чтобъ продлить разговоръ, еще вопросъ: лучи солнечные равно падаютъ въ продолженіи сутокъ на весь шаръ, отъ чего же на мысъ доброй Надѣжды холодно, когда они падаютъ прямо, а тепло, когда вкось? Теперь мнѣ въ деревнѣ не скучно: вотъ около мѣсяца какъ у меня гоститъ прелюбезный человекъ, князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ; но онъ вскорѣ собирается домой, а я опять останусь почти одинъ. Страхъ хочется возвратиться въ Петербургъ, но прежде заключенія винныхъ контрактовъ мнѣ не лзя въ путь пуститься, а когда они будутъ вѣсть богъ и Вицъ-губернаторъ. Мой усердный поклонъ Петру Николаевичу, я часто вспоминаю его день суботный. Андрей Андреевичъ меня кажется забылъ: напомните ему обо мнѣ. Прощайте, любезнѣйшій, до свиданія, или лучше сказать до перваго вашего письма, я тогда съ вами хоть мысленно увижусь. Напишите отъ скуки словечко о театрѣ, буде вы его посѣщаете, и о моемъ ex-ученикѣ ¹⁾).

Искренно почитающій Васъ

Павель Катенинъ.

4.

30 іюля 1821 г. Шаево.

Требованіе ваше, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, чтобы я сдѣлалъ и сообщилъ вамъ замѣчанія на антикритику противъ *Г-на Z*, показалось мнѣ съ начала и теперь еще кажется затруднительнымъ. Мое дѣло настоящее благодарить Васъ, а не пересуживать, а сверхъ

¹⁾ Василий Андреевичъ Каратыгинъ, знаменитый трагикъ р., 1802 г. ум. въ 1853 г.

того въ собственномъ дѣлѣ мнѣ легче другаго ошибиться. Не смотря на всѣ эти препятствія, а имѣя болѣе въ виду сдѣлать вамъ угодное, увѣренъ будучи притомъ что пріятель меня наскоро не осудитъ, я рѣшилъ васъ удовлетворить, и съ нѣмецкою точностью скажу вамъ все что я могъ замѣтить. Я начну съ разбора самой комедіи, какъ съ вѣщи маловажной, а тамъ и далѣе доберемся. Жаль точно что вы не имѣли Сплетней передъ глазами: вы бы тогда сильнѣе могли доказать Z какъ велики перемѣны сдѣланныя мною противъ Грессета: вы упоминаете объ одномъ явленіи новомъ въ началѣ 2-го дѣйствія, но ихъ гораздо болѣе. Ссора и мировая любовниковъ въ присутствіи Игорева и служанки, входъ матери въ самую рѣшительную минуту, общій испугъ, допросъ служанки, на которомъ основана развязка, все это принадлежитъ мнѣ. Правда, что у Грессета совѣтуетъ Лизета барынѣ подслушать, но посмотрите какъ оно тамъ неискусно, ни съ чего взялось и ни къ чему не ведетъ. Перемѣна еще гораздо важнѣйшая въ свойствахъ и характерахъ лицъ. Варягинъ имѣетъ рѣзкую фізіономію, Жеронтъ вялъ и даже сбить; Крашнева вовсе не похожа на дуру Флоризу; Лидинъ молодъ и вѣтренъ, но не такъ пустъ, какъ Валеръ, которому по перемѣнамъ Клеонъ и Аристъ читають длинныя поученія, а онъ съ благоговѣніемъ слушаетъ; Настенька выиграла больше всѣхъ: въ ней виденъ и умъ и чувство и самолюбіе и нѣкоторое кокетство безъ котораго врядъ ли живутъ хорошенькія дѣвушки, Хлоя же просто кукла подобная Олинкѣ Липецкихъ Водъ, ¹⁾ и какъ бы оправдываетъ злую насмѣшку Клеона *la faute en est aux dieux qui la firent si bête* ²⁾; а это по моему большой недостатокъ. Клеонъ долженъ быть лжець и клеветникъ, а не правдивый человѣкъ, и можно ли участвовать въ замужествѣ дурочки? Объ Игоревѣ вы сами замѣтили очень справедливо, объ Аннушкѣ также. Крашнева и въ умѣ не имѣла сочинять комедію, а ей вздумалось *отъ скуки всѣхъ на смѣхъ описать*, тоестъ сдѣлать родъ пасквиля. Эта мысль пришла мнѣ отъ того что при Екатеринѣ одна женщина живущая въ большомъ свѣтѣ, кажется, Турчанинова, съ помощью князя Егора Голицина, точно сочинила нѣчто такое на всѣхъ придворныхъ, и была даже за это правительствомъ выслана изъ города ³⁾; моя Крашнева имѣетъ *страсть*

¹⁾ „Урокъ кокеткамъ или Липецкія Воды“ комедія въ 5 дѣйств. кн. А. А. Шаховскаго, предоставл. въ 1-й разъ на Петерб. Мал. театрѣ 23-го сент. 1815 г. и надѣлавшая въ свое время много шума, благодаря насмѣшкамъ надъ Жуковскимъ въ лицѣ Фіалкина.

²⁾ „Вина въ томъ боговъ, которые ее сотворили столь глупою“.

³⁾ „Сплетни“ I д. явл. 4. О случаѣ съ Турчаниновой упоминается въ примѣчаніяхъ къ статьѣ кн. Н. Голицына „Современныя извѣстія о Радищевѣ“

чѣмъ то въ свѣтъ бытъ, претензіи на умъ, на знанье, смѣется надъ женщинами которыя не могутъ написать безъ ошибокъ двухъ строкъ, стало нѣтъ ничего мудренаго, что она затѣваетъ этотъ вздоръ (какъ говоритъ Зельскій), но не умѣя писать стиховъ хочетъ попросить кого-нибудь изъ молодыхъ. Анекдотъ объ тузѣ съѣденномъ ¹⁾ вѣщъ извѣстная: это было во дворцѣ въ присутствіи Елизаветы Петровны, и съ тѣхъ поръ запретили при дворѣ играть въ кензъ, квиндичъ ²⁾ или пятнадцать. О французскомъ языкѣ нѣтъ ни слова въ обыкновенномъ тонѣ нашихъ комедій. Замѣьте что Крашнева осуждаетъ: французское, и то плохое лепетанье; она смѣется что говоря безпрестанно этимъ языкомъ, говорятъ дурно, а доселѣ всѣ жаловались, что говорятъ слишкомъ хорошо. Стихъ же Аннушки: *Да по французски съ ней случается сму часъ битый говорить* ³⁾, вовсе не критика и не острота, а просто отговорка служанки, что она не могла понять всего, когда барыня требуетъ отъ нее ясныхъ доказательствъ. *Наливка* ⁴⁾ есть черта характера Варягина, онъ усердный хозяинъ, хвастаетъ всѣми своими трудами, домомъ, селомъ, заводами и наливкой при случаѣ. *Il ne vous fera pas grace d'une laitue* ⁵⁾. За *пару внучатъ* ⁶⁾ я стою горою и противъ Г-на Z и

въ „Библиографическихъ Запискахъ“ 1858 г. № 23 стр. 734—735: „въ 80-ыхъ годахъ (18 в.), когда стали появляться при дворѣ каррикатуры и памфлеты на разныя лица, Пешковский былъ назначенъ слѣдователемъ; особенно пострадали при этомъ Елизавета Петровна Дивова и Анна Алексѣевна Турчанинова, извѣстная своимъ остроуміемъ и любезностью (рожд. граф. Эльмптъ, дочь фельдмаршала); она писала много на русскомъ и французскомъ языкахъ (между прочимъ Mémoires de M-me Tourtschaninoff, née comtesse d'Elmpt. Berlin 1816 in 4°) „Тутъ произошло смѣшеніе двухъ Турчаниновыхъ; одна изъ нихъ Софья Ивановна, дочь гр. Ив. Кар. Эльмптъ, и Анна Александр. (дѣвица) авторъ многочисленныхъ произведеній. Л. Н. Энгельгардтъ въ своихъ „Запискахъ“ (1766—1836 г.). М. изд. Русскаго Архива 1867 г. стр. 58, рассказывая о томъ же случаѣ, называетъ въ числѣ авторовъ „пасквиля“ фрейлину Эльмптъ, которую, по его словамъ, „выскли розгами“ и отправили затѣмъ къ отцу въ Лифляндію.

¹⁾ „Сплетни“ д. II явл. 1. М. И. Пыляевъ (Старое жительство, Очерки и Рассказы. Спб. 1897, стр. 29) относитъ этотъ анекдотъ къ Екатерининскому времени. Одинъ изъ вельможъ, рассказываетъ онъ, „играя въ присутствіи самой Екатерины и почти всего двора, чуть ли не съ Прусскимъ Королемъ, и видя неминуемую гибель всего своего огромнаго состоянія, принужденъ былъ съѣсть пиковаго короля, чтобы только игра эта считалась неправильной“.

²⁾ Т. е. квинтичъ, который по словамъ г. Пыляева, входитъ въ моду уже въ царствованіи Анны Иоанновны.

³⁾ „Сплетни“ д. III явл. 3.

⁴⁾ Д. I явл. 10.

⁵⁾ Онъ ничего не пропуститъ.

⁶⁾ „Сплетни“ посл. явл.

даже противъ васъ, почтенный Николай Ивановичъ. Рукоплесканія публики, которая часто радуется глупостямъ, особенно жирнымъ, предубѣдила васъ; но я увѣренъ что всякій старикъ *бездѣтной, холостой*, который только и трудился что о свадьбѣ своей любимой племянницы, достигнувъ своей цѣли, обрадованъ щастливымъ окончаніемъ, пожелаетъ этаго и даже скажетъ: мнѣ кажется, это сама натура, или какъ говорятъ французы: *c'est une naiveté de vieillard* ¹⁾. Дополнивъ, такимъ образомъ своими извиненіями все сказанное вами въ защиту моей комедіи, скажу вамъ теперь свою мысль о тонѣ вашей антикритики вообще. Онъ очень хорошъ въ сужденіи Хмѣльницкаго, журналистовъ *и проч.* Все дѣльно, умно, твердо и хорошо сказано. Не стоитъ замѣчанія мѣлочная ошибка въ имени Дюсисовой трагедіи, которая называется не *Oedipe à Colonne*, но *Oedipe chez Admète* ²⁾, ибо Дюсисъ изъ Аѳинъ или Колонны перенесъ мѣсто дѣйствія въ Тессалію и смѣшалъ въ одно исторіи Эдипа и Альцеста; въ другомъ мѣстѣ ошибкою же вмѣсто Клеона поставленъ Аристъ: я вамъ говорю объ этихъ бездѣлицахъ единственно для того чтобы предувѣдомить васъ, буде какой Марлинскій вздумаетъ за это придратъся.

Но теперь я придерусь, и скажу вамъ откровенно что меня даже нѣсколько огорчаетъ: та же робость, которая не позволила вамъ подписать своего имени подъ сужденіемъ, которое вамъ ничего кромѣ чести принести не можетъ связала васъ нѣсколько даже въ изложеніи вашихъ мыслей. Зачѣмъ не вступиться сильнѣе? не доказать (что было легко) странность и неблагопристойность нападеній на меня, и *на меня одного изъ всѣхъ*? не сказать рѣшительно своего мнѣнія о достоинствѣ комедіи, если вы его находите? не подкрѣпить этого мнѣнія разборомъ ея плана и характеровъ? не выписать ни одного стиха къ доказательству, что есть хорошее? не обличить вполнѣ ненависти людей, которые то бранятъ безъ толку, то съ намѣреніемъ молчатъ? (объ Есѳири ³⁾ С. О. полгода не извѣщалъ даже публики въ библиографіи, потомъ выдумалъ *грозное письмо* ⁴⁾ обѣщалъ разборъ и не сдержалъ слова, а черезъ три года

1) „Это наивность старика“.

2) Трагедія Дюсиса (Jean François Ducis р. 1733 ум. 1816) „Oedipe chez Admète“ была представлена въ 1-й разъ въ Théâtre Français 4-го декабря 1778 г. Впослѣдствіи Дюсисъ написалъ еще трехактную трагедію „Oedipe à Colonne“, представ. въ 1797 г.

3) „Эсѳиръ“ трагедія, изъ Священнаго Писанія, соч. Расина, пер. съ франц. Павелъ Катенинъ, СПб. 1816 г., предст. въ 1-й разъ 3-го мая 1816 г.

4) Въ „Сынѣ Отечества“ 1816 г. ч. 33-я № 52 стр. 278, въ отдѣлѣ „Современная Библиографія“ было напечатано: „издатель отлагалъ до сего вре-

напечаталъ Бестужева; въ перечени стихотворцевъ въ нынѣшнемъ году всѣ сочтены отъ Кедръ до Исопа, а меня нѣтъ въ живыхъ¹⁾. Наконецъ, зачѣмъ кончить какъ бы ретирадой, что ваше намѣреніе было *единственно* отвѣчать *Г-ну Z*, и потому вы не имѣете нужды далѣе говорить о комедіи Сплетни? Однимъ словомъ, зачѣмъ и сочиненію и сочинителю не отдать нѣсколько справедливости? Чего бояться? Что скажутъ: пріятель писалъ? то же скажутъ и теперь: у насъ вообще слишкомъ мало людей въ состояніи писать порядочно, чтобъ не догадаться. И какая же бѣда? развѣ стыдно быть пріателемъ честнаго человѣка? или защищать его въ правомъ дѣлѣ? тѣмъ выигрываетъ Арзамасъ? тѣмъ, что они смѣло стоятъ другъ за друга. Если мы хотимъ, чтобъ наше мнѣніе имѣло вѣсъ, мы должны говорить его прямо и твердо; пусть знаютъ, что *есть* люди умные, которые не хотятъ въ словесности принимать законовъ отъ шайки глупой; что они молчатъ не отъ робости, а отъ скромности, но что когда имъ вздумается слово молвить, то оно будетъ твердо и справедливо. Вотъ, почтенный Николай Ивановичъ, все, что я имѣлъ вамъ сказать; если ко всему этому я прибавлю, что изъ нашихъ рецензій я ничего давно не видѣлъ, чтобы къ сравненію годилось, это вамъ мало польститъ; но я вамъ скажу болѣе, и тоже не новость, вы имѣете несомнѣнный талантъ критика, здравый умъ, примѣрный

мнѣ сужденіе свое о семъ переводѣ, полагая, что о немъ не можно говорить *наскоро*, но на слухъ дняхъ получилъ *грозное письмо*, въ которомъ жалуются на его медленность и требуютъ, чтобы онъ помѣстилъ разсмотрѣніе перевода „Эсеири“. Сіе будетъ исполнено въ первыхъ книжкахъ будущаго года“.

Приведенныя строки вызвали заявленіе Катенина, появившееся въ 12 № „Сына Отечества“ 1817 (ч. 35) и въ которомъ послѣдній просилъ Н. И. Греча объяснить, кто именно писалъ ему по поводу „Эсеири“, ибо замѣчалъ онъ „изъ двухсмысленныхъ словъ вашего объявленія многіе могутъ подумать, что я самъ тотъ грозный писатель“. Въ отвѣтъ на это заявленіе издатель напечаталъ въ той же книжкѣ журнала „грозное письмо“, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что „ознакомленіе съ этимъ посланіемъ“, которое „приличнѣе было бы назвать смѣшнымъ, лучше всего докажетъ читателямъ, что оно написано не самимъ г. переводчикомъ „Эсеири“.

Рѣзкая и полная ѣдкой ироніи критическая статья А. Бестужева о переводѣ Катенина появилась въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г. ч. 51 № 5 стр. 107—123.

³⁾ Катенинъ имѣетъ въ виду статью В. С. о Россійскомъ театрѣ (№№ 41, 42 С. О. 1820), а также „Историческое и критическое обозрѣніе Россійскихъ журналовъ, выходившихъ въ свѣтъ въ 1820 г.“ (С. О. 1821 ч. 67 № 1, 2, 3, 4, и ч. 68 № 12), въ которыхъ дѣйствительно перечислены всѣ болѣе или менѣе извѣстные драматическіе писатели и стихотворцы, за исключеніемъ Катенина.

порядокъ въ ходѣ мыслей, ясность и чистоту слога большую: прикиньте болѣе увѣренности въ самомъ себѣ, и вы точно сдѣлаетесь нашимъ Ginguéné¹⁾; вы же безпрестанно увеличиваете свои познанія ученіемъ, не ужели захотите, чтобъ оно послужило въ пользу вамъ однимъ? Не подумайте, чтобъ я медомъ привѣтствій хотѣлъ усладить мои укоризны, нѣтъ, я и тамъ и здѣсь говорю правду, какъ пріятели другъ другу обязаны говорить. Впрочемъ, я надѣюсь первый шагъ ступленъ, лишняя скромность пройдетъ, и вы, наконецъ, осмѣлитесь стать на свое мѣсто. Разстройство дѣлъ и отъѣздъ Петра Николаевича меня очень огорчаетъ, тѣмъ болѣе, что я самъ вскорѣ собираюсь въ Петербургъ; отъ всего сердца желаю ему скораго переворота и успѣха. Сдѣлайте одолженіе, милый Николай Ивановичъ, простите, если я что сказалъ не такъ, разтолкуйте мнѣ въ чемъ я обманулся (жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта) и будьте увѣрены, что я во-первыхъ вамъ отмѣнно благодаренъ, а во-вторыхъ, вполне знаю вамъ цѣну.

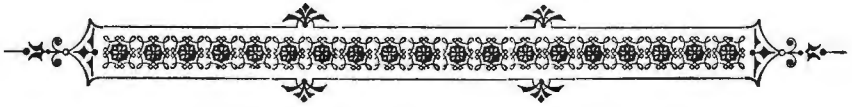
Остаюсь искренно приверженный къ вамъ слуга

Павель Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

¹⁾ Pierre-Louis Ginguéné p. 1748 ум. 1816 г., известный франц. критикъ, авторъ труда „l'Histoire littéraire d'Italie“. Paris 1811—1824 (9 voi in 8).

По поводу статьи А. Н. Витмера „К. В. Левицкий“¹⁾.

А. Н. Витмеръ въ своихъ воспоминаніяхъ о К. В. Левицкомъ (февральскій №, стр. 360—362) говоритъ, что Гурко былъ обязанъ ему своимъ возвышеніемъ: что „благодаря Левицкому“, онъ „получилъ начальство надъ нашимъ рейдомъ за Балканы, а вскорѣ надъ гвардейскимъ корпусомъ и кончилъ кампанію, какъ командующій арміей“.

Я считаю долгомъ рѣшительно опровергнуть это. Гурко настолько выдѣлялся изъ ряда, какъ командиръ л.-гв. конно-гренадерскаго полка, что покойный Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій выдвинулъ его прямо въ начальники 2-й Гвард. кав. дивизіи. Это было по крайней мѣрѣ за годъ до объявленія мобилизаціи, т. е. за два года до начала войны.

Левицкий отъ него же принялъ л.-гв. конно-гренадерскій полкъ, но ненадолго, ибо весной 1876 г. былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба войскъ гвардіи и Пет. в. о., а осенью того же года—помощникомъ начальника штаба дѣйствующей арміи.

Великій Князь Николай Николаевичъ, задумавъ первый забалканскій походъ, избралъ Гурко начальникомъ передового отряда самъ и лично испросилъ Высочайшее соизволеніе на вызовъ его въ армію. Великій Князь слишкомъ высоко цѣнилъ Гурко, чтобъ нуждаться въ подсказкѣ Левицкаго.

¹⁾ Эта статья препровождена при письмѣ на имя редактора.

Ред.

Своимъ дальнѣйшимъ возвышеніемъ Гурко обязанъ исключительно самому себѣ: такъ блистательно онъ заявилъ себя въ первомъ забалканскомъ походѣ.

А. Н. Витмеръ ошибается также, говоря, что „выдвигая Гурко (?), Левицкій совсѣмъ оставлялъ въ тѣни Скобелева“.

Левицкій тутъ совершенно ни при чемъ. Скобелевъ былъ въ опалѣ у Государя (за что — не знаю) и только этимъ и объясняется, что ему до переправы не давали никакого назначенія. Какъ свиты Его Величества генералъ, онъ долженъ былъ бы находиться въ составѣ Императорской Главной квартиры, но графъ Адлербергъ не счелъ возможнымъ испросить на это Высочайшее соизволеніе, хотя самъ очень къ нему благоволилъ и состоялъ съ нимъ въ близкомъ родствѣ ¹⁾.

Великій Князь главнокомандующій, въ виду отсутствія генеральскихъ вакансій въ арміи, взялъ Скобелева въ свое распоряженіе и назначилъ состоять при Кавказской казачьей бригадѣ, которою командовалъ его отецъ. Начальникомъ штаба Скобелевъ официально не былъ, да по своему чину и не могъ быть. Передъ Систовскою переправою онъ отпросился у отца въ распоряженіе начальника 14-й пѣх. дивизіи Драгомирова, въ „ординарцы“ къ нему, какъ онъ шутя говорилъ самъ.

Послѣ удачной переправы Драгомировъ усиленно подчеркнул боевыя заслуги Скобелева какъ въ реляціи, такъ и въ устныхъ докладахъ Великому Князю и Государю. Это я слышалъ собственными ушами.

Благодаря этому, Государь положилъ гнѣвъ на милость: опала съ Скобелева была снята, путь къ заслуженному возвышенію открытъ.

Не могу также оставить безъ опроверженія слѣдующее мѣсто воспоминаній А. Н. Витмера:

„Скобелевъ, однако, какъ человекъ умный и ловкій, успѣлъ завоевать и Казиміра: когда Государь, послѣ сдачи Плевны, пожаловалъ Левицкому георгіевскій крестъ, Скобелевъ снялъ свой, обмѣнялся крестами съ недавнимъ врагомъ и вскорѣ они перешли на ты“.

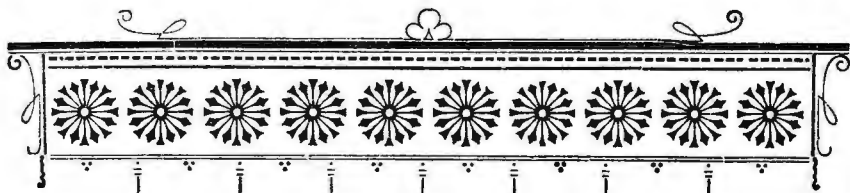
Я, прожившій съ Левицкимъ въ одной палаткѣ всю кампанію, положительно удостовѣряю, что между нимъ и Скобелевымъ не только не было никакой вражды, но существовали самыя дружес-

¹⁾ Графиня Адлербергъ и мать Скобелева—были родныя сестры.

любныя отношенія. За все время Плевненскаго сидѣнья, Скобелевъ, въ каждый свой прїѣздъ въ главную квартиру, всегда заходилъ къ намъ и подолгу у насъ сидѣлъ. Обмѣнъ крестами былъ со стороны Скобелева тонкимъ знакомъ сочувствія и дорогого для Левицкаго вниманія. Скобелевъ въ Левицкомъ не нуждался: вліяніе послѣдняго на дѣла, послѣ августовскихъ Плевненскихъ дней, свелось почти къ нулю.

М. Газенкампфъ.

Наброски изъ моей жизни¹⁾.

окончивъ съ Академіею и оставшись на службѣ при главномъ штабѣ, приходилось позаботиться о своемъ матеріальномъ положеніи, ибо для жизни въ Петербургѣ одного казеннаго содержанія не хватало. Первая услуга въ этомъ отношеніи мнѣ оказана была моимъ двоюроднымъ братомъ П. А. Фроловымъ, бывшимъ сотрудникомъ „С.-Пб. Вѣдомостей“, издававшихся въ то время при Академіи Наукъ Ампліемъ Николаевичемъ Откинымъ. Введенный въ домъ этого почтеннаго и весьма образованнаго семейства, въ которомъ я нашелъ самый радушный пріемъ, я въ первый разъ въ жизни прикоснулся къ журнальному дѣлу, доставляя въ редакцію кое-какія мелочи. Но здѣсь меня не столько привлекала работа, сколько желаніе пользоваться гостепріимствомъ хозяевъ и бесѣдою съ ними и ихъ гостями, среди которыхъ я многое могъ узнать и услышать весьма полезнаго для моего знанія и опыта.

Вслѣдъ за тѣмъ тотъ же П. А. Фроловъ, бывшій также сотрудникомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ А. А. Краевскаго, уѣзжая по временамъ изъ Петербурга, рекомендовалъ меня Краевскому и Дудышкину какъ своего замѣстителя по отдѣлу „Современная Хроника Россіи“. Но въ одинъ прекрасный день Краевскій заявилъ, что онъ приобрѣлъ тогдашнюю знаменитость. Знаменитость эта проявилась въ лицѣ жандармскаго штабъ-офицера, корреспондента А. И. Герцена и вѣроятно и разныхъ другихъ корреспондентовъ. Впослѣд-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1910 г.

ствіи этотъ новый сотрудникъ былъ губернаторомъ въ одной изъ привислянскихъ губерній.

Въ 1867 году гвардейское начальство, по примѣру существовавшего въ то время „Морского Сборника“, вздумало издавать для сухопутной арміи „Военный Сборникъ“. Редакторомъ этого журнала выбрали двухъ военныхъ и одного штатскаго; военные были: Обручевъ и Аничковъ, а штатскій—Чернышевскій. „Морской Сборникъ“, вдохновляемый своимъ генераль-адмираломъ, тотчасъ же выступилъ со статьями, которыя шли въ разрѣзъ съ существовавшими въ то время цензурными условіями.

Статьи Пирогова о воспитаніи, и другія о службѣ вообще, о порядкахъ, существовавшихъ въ то время въ отношеніяхъ между служащими, и другія, по языку, формамъ изложенія и по содержанію были совершенно новы. Все, что дала въ результатъ плачевнаго крымская кампанія, осуждалось безусловно. Словомъ, можно сказать, что нынѣшнее поколѣніе послѣ японской войны переживаетъ то же, что переживали въ свое время и мы; тѣ же сотни всякихъ комитетовъ, тѣ же массы сочиненій и брошюръ по всѣмъ возможнымъ вопросамъ, тѣ же интриги и въ результатъ ничего. Вся разница въ періодъ времени отъ крымской кампаніи до японской войны, въ періодъ отъ 1853 до 1902 г., т. е. въ теченіе почти полувѣка состояла въ томъ, что въ первую кампанію мы дрались палками, а во вторую ружьями, во всемъ прочемъ мы остались тѣми же, чѣмъ были и прежде.

Сколько ни говорилось въ то время о необходимости гуманнаго обращенія съ подчиненными; сколько ни писалось статей съ прозрачными намеками на то или другое лицо, безцеремонно обращающееся съ подчиненными, все это не имѣло никакого вліянія на начальствующихъ. Они и послѣ японской войны, чѣмъ выше стоятъ, тѣмъ чувствительнѣе стараются задѣть самолюбіе своего подчиненнаго, разнося его при нижнихъ чинахъ, внушая черезъ то послѣднимъ все ничтожество самыхъ близкихъ къ нижнимъ чинамъ начальниковъ. Странно, что люди эти воображаютъ, что этимъ дикимъ способомъ они поддерживаютъ дисциплину, не подозрѣвая, что подрываютъ ее, унижая въ то же время свое личное достоинство.

Послѣ японской войны всѣ озабочены некомплектомъ офицеровъ, и, стараясь отыскать причину ихъ, находятъ нѣсколько, но неужели никому не приходитъ въ голову, что дурное, а иногда и дерзкое, обращеніе начальства не играетъ здѣсь извѣстной роли. Человѣкъ со средствами и самолюбіемъ конечно не захочетъ выслушивать

неприличныя колкости и уйдетъ въ отставку, а человѣкъ безъ собственныхъ средствъ будетъ искать ихъ на сторонѣ.

Отчасти обличительную роль принялъ на себя и новорожденный „Военный Сборникъ“. Но это ему не удалось. Начальству тотчасъ же не понравилась принятая на себя „Военнымъ Сборникомъ“ обличительная роль, и оно надулось. Хотя статьи журнала, въ которомъ участіе, какъ свой человѣкъ, принималъ и я, были невиннымъ лепетомъ младенца въ сравненіи съ нынѣшними статьями, тѣмъ не менѣе однако онѣ вооружили противъ себя большое число недовольныхъ. Къ числу ихъ прежде все должно отнести гвардейское начальство, которое увидѣло, что оно само создало себѣ не союзника, а врага; вести же полемику по разнымъ вопросамъ обличительнаго характера было бы и опасно и не достойно. Поэтому нужно было выдумать какое-нибудь средство и прискаты ловкаго союзника.

На помощь гвардейскому начальству явилось вдругъ два союзника, изъ которыхъ одинъ былъ военный цензоръ полковникъ Штюрмеръ, а другой генеральнаго штаба генераль-маіоръ Меньковъ. И вотъ эти два союзника немедленно открыли походъ на „Военный Сборникъ“, лучше сказать на его редакцію.

Полковникъ Штюрмеръ окончилъ, какъ значилось въ его формулярѣ, Анликаціонную Школу въ Польшѣ, а затѣмъ послѣ 1831 года какимъ-то образомъ попалъ въ генеральный штабъ. Надо замѣтить, что это былъ беспощадный и ядовитый цензоръ. Его принципы въ цензурномъ отношеніи доходили до нелѣпости; иногда отъ его замѣчаній и поправокъ приходилось злиться, а иногда просто смѣяться. Онъ былъ очень не глупый человѣкъ и при замѣчаніяхъ своихъ всегда умѣлъ освѣтить авторскую мысль съ своей такъ сказать ехидной точки зрѣнія, иногда даже умышленно искажая смыслъ.

Мнѣ пришлось очень долго быть въ его тискахъ. Принявъ отъ Погосскаго журналъ для нижнихъ чиновъ „Досугъ и Дѣло“, я для собственной безопасности не хлопоталъ объ изъятіи меня изъ подъ цензуры и терпѣлъ все время до самой его смерти. Даже въ то время, когда я уже былъ редакторомъ „Русскаго Инвалида“, и когда моимъ единственнымъ цензоромъ былъ военный министръ, Штюрмеръ не переставалъ свои записочки передавать Дмитрію Алексѣевичу, указывая въ нихъ на тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, были не допустимы въ газетѣ. Интереснѣе всего было то, что иногда Штюрмеръ, не зная, что статья предварительно была представлена Министромъ Государю и для напечатанія разрѣшена имъ, находилъ ее неудобною для газеты. Такія записки Штюрмера

Дмитрій Алексѣвичъ передавалъ мнѣ съ улыбкою, не говоря ни слова.

Какъ ни горько, какъ ни оскорбительно было имѣть дѣло съ Штурмеромъ, но я долженъ сказать, что съ умнымъ человѣкомъ все-таки легче сговориться, нежели съ невмѣняемымъ. Послѣдующій цензоръ довель меня до того, что я рѣшительно потребовалъ освобожденія отъ цензуры и получилъ требуемое.

Третьимъ союзникомъ гвардейскаго начальства былъ генералъ Меньковъ. Это былъ человѣкъ, котораго многіе считали очень умнымъ; въ дѣйствительности же это былъ не глупый, но очень практической человѣкъ. Во время крымской кампаніи онъ былъ въ штабѣ князя Горчакова и велъ журналъ военныхъ дѣйствій; попутно онъ написалъ ѣдкую сатиру на нѣмцевъ подъ заглавіемъ „Нѣмцы на Дунаѣ“. Эта брошюра, изданная сначала за границею, затѣмъ, какъ запретный плодъ явившаяся въ Россіи, и создала славу Петра Кононовича Менькова. Замѣчательно, что онъ былъ со всѣми дѣйствительными аристократами и такъ называемыми, на ты, начиная съ графа Григорія Строганова. Исключеніе, какъ говорили, составлялъ графъ Шуваловъ. Однако злые языки увѣряли, что въ этомъ дружескомъ ты ничего не было истинно-дружескаго, а все было просто результатомъ ловкости Петра Кононовича и совершалось довольно искусно придуманнымъ способомъ. Говорили, что, познакомившись съ кѣмъ-либо изъ знатныхъ людей, онъ на первыхъ порахъ придумывалъ какой-нибудь предлогъ для маленькой ссоры болѣе или менѣе безобидной. Тогда въ это недоразумѣніе, по обыкновенію, вмѣшивались третьи лица, мирили противниковъ, и всѣ вмѣстѣ пили шампанское на брудершафтъ. Вѣрно это или нѣтъ, сказать не могу, но знаю хорошо, что не было человѣка, съ которымъ бы онъ не былъ въ показной дружбѣ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось быть въ Виленскомъ военномъ округѣ подъ начальствомъ генерала Апполона Эрнестовича Циммермана, который приводилъ множество о немъ анекдотовъ, нѣкоторые изъ нихъ отличались необыкновенною рѣзкостью. Говоря однажды объ участіи Менькова въ сраженіи, Циммерманъ прервалъ меня словами:

— О какомъ сраженіи вы говорите. Ни въ какомъ сраженіи Меньковъ никогда не былъ.

— Однако онъ былъ контуженъ.

— Это было не въ сраженіи.

— А гдѣ же?

— Его ошпарилъ кипяткомъ поваръ на кухнѣ князя Горчакова. Послѣ того я счелъ излишнимъ вести разговоръ о Меньковѣ.

И вотъ три союзника пошли въ походъ на „Военный Сборникъ“, издаваемый по Высочайшему повелѣнію. Статьи въ „Русскомъ Инвалидѣ“, подписанныя инициалами П. К., а въ публикѣ именованшіяся Покой Како, начали громить Сборникъ за либерализмъ, а Штурмеръ въ цензурномъ комитетѣ сообщалъ, что это вредный органъ и при томъ опасный. Конечно, цѣль была достигнута, ибо чрезъ годъ или чрезъ два редакція была удалена, а редакторомъ былъ сдѣланъ тотъ же Петръ Кононовичъ Меньковъ ¹⁾).

Потерявъ этотъ журнальный рынокъ, мнѣ пришлось искать заработка въ другихъ журналахъ, какъ „Русское Слово“ и нѣкоторыхъ другихъ. Будучи въ это время въ Азіатскомъ отдѣленіи Главнаго Штаба и имѣя подъ рукою богатый матеріалъ, я помѣщалъ статьи въ журналахъ и издавалъ отдѣльными брошюрами, какъ-то: „Походъ Перовскаго въ Хиву“, „Наши сосѣди въ Средней Азій“, „Осада Акъ-Мечети“ и пр.

Все это до нѣкоторой степени увеличивало мои доходы, но въ то же время все это было довольно неопредѣленно, ибо зависѣло отъ свободнаго времени, количества и качества труда и журнальнаго требованія. Это заставило меня подумать о такомъ трудѣ, который былъ бы постояннымъ и опредѣленнымъ. Къ счастью въ это время оказалась свободною кафедра тактики и военной исторіи сначала въ Дворянскомъ полку, а впослѣдствіи въ Пажескомъ корпусѣ.

Съ 60-хъ годовъ начались студенческіе беспорядки, а вмѣстѣ съ тѣмъ появились прокламаціи съ самыми разнообразными программами и заглавіями: тутъ были и „Черный Передѣлъ“, и „Земля и Воля“, и тысячи другихъ. Распространялись онѣ весьма разнообразно: иногда такое воззваніе доставлялось по городской почтѣ, другой разъ просто неизвѣстный звонилъ и чрезъ отворенную дверь передавалъ конвертъ съ прокламаціею, а чаще всего въ публичныхъ мѣстахъ вкладывались въ карманы верхняго платья. Я очень сожалью, что не сохранилъ ихъ для курьеза, ибо очень часто и на службѣ и въ частныхъ домахъ я въ карманахъ шинели находилъ иногда по нѣсколько экземпляровъ.

Всѣ эти прокламаціи были довольно однообразны. Въ нихъ говорилось, что крестьянская реформа не принесла никакой пользы крестьянамъ, что правительство ничего не понимаетъ, что оно глухо къ страданіямъ народа, что за дѣло должны приняты образованные люди, а если этого не случится, то дѣло это сдѣлаетъ самъ народъ. Въ одной изъ такихъ прокламацій было письмо къ Госу-

¹⁾ Впослѣдствіи тотъ же Меньковъ получилъ и „Русскій Инвалидъ“.

дарю, въ которомъ требовалась конституція съ угрозою, что если желаніе это не будетъ исполнено, то не далѣе какъ въ 1863 г. поднимется самъ народъ.

Въ то же время изъ-за границы появился въ большомъ числѣ „Колоколь“ и прокламація къ Молодому поколѣнію, гдѣ молодежь вызывалась на пропаганду и революціонное выступленіе. Замѣчательно, что дѣятели почти всѣхъ революціонныхъ кружковъ были раскрыты, а инициаторъ кружка и листка „Великороссъ“ остается неизвѣстнымъ, а заплатился почти невинно В. А. Обручевъ, человекъ очень даровитый, окончившій военную академію и предназначавшійся для блестящей карьеры.

Г. Глинскій говоритъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, что прокламаціи печатались въ типографіи академіи генеральнаго штаба. Но это совершенно невѣрно, ибо при академіи генеральнаго штаба типографіи не существовало. Это такъ же невѣрно, какъ и портретъ Лаврова въ мундирѣ генеральнаго штаба, приложенный къ статьѣ того же г. Глинскаго.

Говоря объ участникахъ въ процессѣ Чернышевскаго, г. Глинскій говоритъ, что къ нимъ примыкали и нѣкоторые офицеры, вышедшіе въ періодъ времени съ 1857 по 1862 годъ изъ двухъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній—академіи генеральнаго штаба и артиллерійской академіи и позже погибшіе, преимущественно въ Царствѣ Польскомъ до и послѣ возстанія за сочувствіе къ польскому движенію.

Я ничего не могу сказать объ артиллерійскихъ офицерахъ, тѣмъ болѣе, что я никогда не видѣлъ ихъ въ домѣ Чернышевскихъ. Но что касается до офицеровъ генеральнаго штаба, то я могу съ точностью утверждать, что изъ нихъ только двое заплатились жизнью, изъ которыхъ одинъ былъ Жвирждовскій (Топоръ), а другой—Сѣраковскій (Доленго). Первый никогда не бывалъ у Чернышевскихъ, а Сѣраковскій бывалъ почти еженедѣльно.

Кромѣ меня бывали почти еженедѣльно у Чернышевскаго изъ офицеровъ генеральнаго штаба Н. Н. Обручевъ, впослѣдствіи начальникъ главнаго штаба и членъ Государственнаго Совѣта, В. М. Аничковъ, А. И. Беренсъ, С. С. Рехневскій и Сѣраковскій; изъ лицъ не военныхъ бывали А. Д. Галаховъ и Добролюбовъ. На этихъ вечерахъ не было ничего сколько-нибудь похожего на политическій кружокъ. Болѣе всего насъ привлекала прекрасная хозяйка, Ольга Сократовна, всегда веселая, гостепріимная и радушная. Конечно, были разговоры на злобы дня и конечно, не обходилось безъ того, чтобы не осуждали тогдашнія дѣйствія правительства. Но все это было далеко отъ того, чтобы обсуждать какіе-нибудь революціон-

ные планы. За отсутствіемъ карточной игры время проводилось въ разговорахъ, въ которыхъ Добролюбовъ блисталъ своимъ остроуміемъ, находчивостью и необыкновенною солью своихъ приговоровъ надъ дѣйствіями правительства. Самъ же Чернышевскій недолго оставался среди гостей; большую часть вечера онъ просиживалъ въ кабинетѣ за своею срочною работою въ „Современникѣ“.

Вообще можно сказать, что между шестидесятыми и семидесятыми годами въ Россіи былъ полный сумбуръ. Волновались не только студенты, но даже цѣлыя сословія такъ или иначе выражали свое неудовольствіе. Первымъ выступило на сцену Тверское дворянство, обратившееся къ Государю съ прошеніемъ, въ которомъ прямо просило о созваніи Земскаго сбора, гласнаго и независимаго отъ администраціи суда; словомъ, оно прямо выражало желаніе получить конституцію.

Результатомъ этого былъ арестъ въ Петропавловской крѣпости и судъ надъ подписавшими адресъ.

Но помимо тверского адреса были подобныя же заявленія и изъ другихъ губерній.

Петербургское земство для расширенія правъ земства проекторвало въ своемъ собраніи созывъ центрального со всей Россіи земскаго собранія. Проектъ этотъ возбудилъ противъ себя Валугева.

Земство на протестъ его отвѣчало жалобою въ Сенатъ. Тогда Валугевъ испросилъ Высочайшее повелѣніе пріостановить дѣйствія собранія и распустить его, графа Андрея Шувалова выслать за границу, а предсѣдателя губернской управы Крузе выслать изъ Петербурга въ Оренбургъ.

Собраніе это было довольно бурное, и на немъ говорилось свободно, при чемъ многіе изъ сановниковъ выражали свои идеи далеко не въ валугевскомъ духѣ.

Дѣйствія Валугева и графа Шувалова возмущали самыхъ мирныхъ людей и уже тогда слышались слова „такъ жить нельзя“.

Въ этотъ періодъ времени заплатились Чернышевскій, Михайловъ, Шелгуновъ, Лавровъ и нѣкоторые другіе, и были закрыты „Современникъ“, „Отечественныя Записки“, „Русское Слово“ и пр.

Одновременно былъ изъятъ изъ административной іерархіи даровитый и талантливый человекъ Н. А. Милютинъ, занимавшій постъ товарища министра, а на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Тимашевъ, все достоинство котораго состояло въ томъ, что онъ не дурно рисовалъ каррикатуры, удачно лѣплялъ

статуэтки и былъ эlegantенъ въ своемъ генераль-адъютантскомъ мундирѣ.

Смѣло можно сказать, что графъ Шуваловъ, Валуевъ и Тимашевъ совокупно съ ихъ наслѣдникомъ Потаповымъ употребили всѣ усилія, чтобы подорвать здоровыя силы Россіи и создать тѣ грустныя явленія, которыя переживаетъ настоящее поколѣніе.

Во время этого всеобщаго сумбура, когда съ одной стороны сыпались всякаго рода революціонныя прокламаціи, происходили судебныя процессы, не всегда справедливыя приговоры, какъ напримѣръ надъ Чернышевскимъ, а съ другой стороны шли разговоры о конституціи, о дворянскихъ и остзейскихъ притязаніяхъ на олигархическій ладъ, и появились на сценѣ видный и представительный Валуевъ, графъ Шуваловъ, князь Долгоруковъ и князь Суворовъ. Эти лица были тѣми дѣятелями интриги, которая свалила Муравьева; трубою же, повсюду разносившею всякія небылицы о Муравьевѣ, былъ добрѣйшій, но совершенно неспособный князь Суворовъ, любимецъ Александра II. Всѣ они не то полукатолики, не то полуправославные, но во всякомъ случаѣ не русскіе и при дворѣ и на всѣхъ перекресткахъ позорили Муравьева. Сами они, не получившіе русскаго воспитанія и образованія, дѣлали чуть не преступленія противъ Россіи, поощряя польскіе и остзейскіе замыслы и преслѣдуя малѣйшее проявленіе свободы.

Что же касается князя Суворова относительно его характера и поступковъ, никто не далъ ему столь рѣзкаго и справедливаго приговора, какъ князь Мещерскій въ своихъ воспоминаніяхъ, описывая недостойное поведеніе его послѣ покушенія въ апрѣлѣ 1866 года.

Что касается Муравьева, то въ числѣ его доброжелателей были князь Горчаковъ, Д. А. Милютинъ и Зеленый, бывший министромъ государственныхъ имуществъ.

Но кромѣ того, противъ Муравьева гремѣла иностранная пресса и заграничный герценовскій „Колоколь“.

Дѣятельность Муравьева, однако, еще не кончилась. Въ 1866 году послѣдовалъ роковой караковскій выстрѣлъ, и Муравьевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи.

Въ одно время съ прокламаціями начались студенческіе беспорядки. Сначала студенты довольствовались требованіемъ устройства своихъ собственныхъ дѣлъ. Все это началось внутри университетскихъ стѣнъ, а съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія Путьатина университетъ вышло на улицу, очутившись лицомъ къ лицу съ полиціей и жандармами. Собравшись предварительно на сходку въ университетъ, студенты рѣшили, вопреки новыхъ правилъ, денегъ не платить, матриккулъ не брать и пр.

Тогда правительство рѣшило закрыть университетъ; а это, въ свою очередь, взволновало студентовъ, и они рѣшили толпою отправиться къ попечителю.

Можно себѣ представить, что изъ этого вышло; Петербургъ увидѣлъ невиданное дотолѣ зрѣлище. Надо замѣтить, что попечитель Филипсонъ жилъ на противоположномъ отъ университета концѣ города. И вотъ отъ Васильевского острова двинулась огромная толпа студентовъ, къ которой тотчасъ же начали присоединяться любопытные, постепенно увеличивавшіе ее. По мѣрѣ движенія шествія отъ университета чрезъ Васильевскій островъ, Дворцовую площадь, Морскую и Невскій проспектъ до Колокольной улицы толпа такъ увеличилась, что запрудила и прилегающія къ дому Путятина улицы. Но такъ какъ полиція уже знала о предстоящей демонстраціи, то вслѣдъ за толпою чинно слѣдовали подъ начальствомъ оберъ-полицеймейстера и генераль-губернатора конная и пѣшая полиція. Можно было подумать, что жизни Филипсона угрожаетъ смертельная опасность, ибо тутъ же были и какія-то войска. Филипсонъ вышелъ, успѣлъ успокоить студентовъ и уговорилъ ихъ вернуться въ университетъ, и толпа студентовъ отправилась назадъ тѣмъ же путемъ. Хотя имъ обѣщана была безнаказанность, однако, нѣкоторые были арестованы, а потомъ и судимы.

Я коснулся этой исторіи только потому, что имя мое едва не было замѣшано въ нее. На другой или третій день я получилъ отъ своего начальника генераль-квартирмейстера записку съ приглашеніемъ, слѣдующаго содержания: „Генераль-Квартирмейстеръ предлагаетъ вашему высокоблагородію прибыть къ нему завтра въ 11 часовъ.

Баронъ Ливень“.

Какъ ни проста и обыкновенна по своему содержанію была эта записка, однако, она меня очень обезпокоила, ибо всякое приглашеніе начальства, кромѣ приглашенія на чашку чая или на обѣдъ, на маленькаго подчиненнаго дѣйствуетъ очень не успокоительно. Зачѣмъ, думалъ я, я вдругъ понадобился такъ экстренно барону Ливену; вѣдь, завтра онъ и такъ бы меня увидѣлъ. Недоумѣніе мое и безпокойство мѣшало мнѣ спать, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ одиннадцати часовъ. Остзейскій баронъ Ливень былъ благороднѣйшій и добрѣйшей души человекъ, къ тому же онъ былъ самымъ ближайшимъ человекомъ къ Государю и, какъ говорили, дѣлалъ очень много добра.

— Любезный другъ, началъ баронъ. Онъ иначе никого не на-

зывать.—Любезный другъ, я васъ позвалъ по очень важному дѣлу.

При этихъ словахъ меня бросило въ холодный потъ. Время было страшное тогда; изъ каждаго пустяка при желаніи можно было создать уголовное дѣло; никто не могъ ручаться за себя. Неосторожное слово, мимолетная острота, далекій намекъ, часто влекли за собою непріятныя послѣдствія.

— Итакъ, мой другъ, продолжалъ баронъ Ливенъ, я требую, чтобы вы, какъ честный человѣкъ, отвѣчали мнѣ.

— Ваше Высокопревосходительство, даю честное слово.

Я стоялъ въ недоумѣніи.

— Это не вы вчера вели студентовъ къ Филиппону?

Гора свалилась съ моихъ плечъ. Только теперъ я понялъ, въ чемъ дѣло, и отъ удовольствія готовъ былъ облобызать добрѣйшаго барона Ливена.

— Я, Ваше Высокопревосходительство, не только не велъ студентовъ, но вчера даже изъ дому не выходилъ. Да къ тому же, будучи военнымъ, какъ бы могъ я принимать участіе въ подобномъ дѣлѣ.

— Ну, я очень радъ, что это не вы.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Впослѣдствіи говорили, что видѣли Бибикова, нынѣ умершаго. Но можно смѣло сказать, что если Биби-ковъ и былъ, то конечно въ толпѣ безучастнымъ зрителемъ оригинальнаго зрѣлища, а уже никакъ не предводителемъ. Подозрѣніе же на меня совершенно исчезло вслѣдствіе совершенно случайнаго обстоятельства. Это я узналъ отъ помощника барона Ливена—генерала А. А. Скалона. Баронъ Ливенъ занималъ квартиру въ двухъ этажахъ и, когда онъ бывалъ въ нижнемъ этажѣ, то хорошо видѣлъ проходящихъ мимо его оконъ, а въ томъ числѣ конечно и меня, почти ежедневно бывающаго въ штабѣ. Когда между нимъ и Скалономъ шелъ разговоръ по поводу полученнаго изъ III-го отдѣленія свѣдѣнія объ офицерѣ генеральнаго штаба, бывшемъ въ толпѣ, и когда указанъ былъ блондинъ и не высокаго роста, одѣтымъ въ пальто, то подозрѣніе со стороны Скалона пало на меня.

— Нѣтъ, это не онъ, у него нѣтъ пальто, — возразилъ Ливенъ.

И дѣйствительно, въ то время у меня еще не было пальто, и я ходилъ въ шинели.

Тѣмъ и кончилась моя исторія.

Немедленно по окончаніи войны въ 1856 году, по Высочайшему повелѣнію, генераль Тютлебенъ приступилъ къ составленію описанія

обороны Севастополя. Онъ прежде всего поручилъ инженеръ-подполковнику Хлѣбникову составить журналъ обороны, который былъ оконченъ въ 1856 году. Но слѣдующіе два года Тотлебенъ по болѣзни пробылъ за границею, чрезъ что составленіе описанія замедлилось. По возвращеніи изъ-за границы онъ нашелъ весьма основательно, что однихъ инженерныхъ работъ недостаточно, а необходимо описать всю оборону, которую вынесли на себѣ не одни инженерныя войска. Онъ находилъ, что такъ какъ въ оборонѣ Севастополя участвовали войска всѣхъ родовъ оружія, то необходимо болѣе или менѣе полное описаніе обороны. Поэтому въ 1859 году была составлена коммиссія, на которую и была возложена эта работа.

Приглашеніе меня въ Тотлебенскую коммиссію было для меня совершенно неожиданнымъ. Я въ это время былъ въ Азіатскомъ отдѣленіи Главнаго Штаба, а начальникомъ былъ полковникъ Романовскій. Хорошо знакомый съ моими работами, какъ служебными, такъ и частными, онъ предложилъ мнѣ принять участіе въ этой работѣ. Однако, я согласился не съ разу. Съ одной стороны принимать живое участіе въ капитальной работѣ знаменитаго Тотлебена льстило моему самолюбію, а съ другой было опасеніе работать подъ руководствомъ и указаніемъ совершенно не знакомаго мнѣ по характеру человѣка. Въ концѣ концовъ я согласился и по приглашенію Тотлебена отправился къ нему на Васильевскій островъ, гдѣ онъ въ то время жилъ.

Встрѣтилъ меня Эдуардъ Ивановичъ весьма привѣтливо, бесѣдовалъ около часа, рассказывалъ нѣкоторые эпизоды изъ обороны Севастополя и въ концѣ концовъ рассказалъ весьма интересный анекдотъ, бывший съ нимъ въ Петербургѣ. Въ Инженерномъ Управленіи была модель Севастополя, которая составляла секретъ.

Хотя модель эта въ то время уже вовсе не походила на современный Севастополь, однако, когда Тотлебенъ захотѣлъ посмотреть модель, то долженъ былъ откуда-то получить разрѣшеніе.

Вообще Тотлебенъ произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе, и я былъ очень доволенъ, что согласился участвовать въ коммиссіи, въ составъ которой вошли, кромѣ меня, слѣдующія лица: артиллеріи полковникъ К. Н. Шварцъ, инженеръ-подполковникъ М. М. Фроловъ, инженеръ-полковникъ Хлѣбниковъ и капитанъ А. П. Орда. Временами принимали участіе и нѣкоторые другіе въ томъ числѣ генеральнаго штаба А. И. Лаврентьевъ.

Но если я былъ доволенъ своимъ вступленіемъ въ коммиссію, то, въ продолженіе двухлѣтней работы въ ней, я неоднократно готовъ былъ отказаться отъ нея и при томъ не потому, чтобы былъ

недоволенъ самимъ Тотлебенемъ, а самымъ такъ сказать механизмомъ его работы. Будучи рѣшительнымъ героемъ въ дѣлѣ активной обороны Севастополя, онъ былъ самымъ нерѣшительнымъ въ работѣ: онъ твердо зналъ все, что только происходило по инженерной части, ибо въ этомъ дѣлѣ онъ былъ инициаторомъ и руководителемъ всей обороны. Но какъ только выходило дѣло изъ инженерной сферы, онъ дѣлался весьма нерѣшительнымъ; изъ желанія быть добросовѣстнымъ въ справедливомъ изображеніи того или другого факта, онъ безпрестанно, можно сказать, мучился сомнѣніями. Черезъ эту работа съ нимъ была для меня весьма тяжела, тѣмъ болѣе, что изъ 25 главъ перваго тома 12 выпало на мою долю.

Дѣло обыкновенно происходило такимъ образомъ. По прочтеніи какой-нибудь главы Тотлебенъ былъ почти всегда доволенъ.—„Да, это очень хорошо“—говорилъ онъ и нѣсколько времени молчалъ. Затѣмъ, подумавъ немного, онъ начиналъ снова.

— Мнѣ помнится, говорилъ онъ, указывая на какой-нибудь фактъ, что это было не такъ; это послѣ сраженія мнѣ рассказывалъ самъ Даненбергъ.

— Но, Эдуардъ Ивановичъ, этимъ рассказомъ самъ Даненбергъ себѣ противорѣчить, какъ видно изъ его же донесенія.

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста обратите на это вниманіе, постарайтесь разъяснить это недоразумѣніе.

И вотъ цѣлую недѣлю употребляешь на провѣрку источниковъ, сводишь показанія разныхъ лицъ, передѣлываешь какія-нибудь мелкія подробности, не измѣняя сущности дѣла, и вновь со стороны Тотлебена возникаютъ какія-нибудь новыя недоразумѣнія. И такъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Это впрочемъ понятно, онъ вынесъ на своихъ плечахъ всю оборону Севастополя, онъ всецѣло отдался инженерному искусству, и ему не было времени столь же зорко слѣдить за полевыми дѣйствіями войскъ, какъ за саперными работами. Если къ этому прибавить, что чуть не на другой день по окончаніи войны появились, какъ у насъ, такъ и за границую разныя сочиненія и брошюры объ этой войнѣ, то сомнѣнія Тотлебена и его нерѣшительность придти къ окончательному выводу объясняются легко. Въ заключеніе надо прибавить неполноту и беспорядочность нашихъ официальныхъ свѣдѣній.

Вынося на своихъ плечахъ половину этой тяжелой работы, я долженъ добавить нѣсколько словъ о самомъ Тотлебенѣ.

О немъ говорили, что онъ въ душѣ нѣмецъ, протезируетъ только лицъ этого происхожденія и будто не благоволитъ русскимъ.

Но это очень несправедливо. Что онъ былъ нѣмецъ по происхожденію, конечно это было вѣрно, но чтобы онъ не благоволилъ

къ русскимъ и изъ своихъ подчиненныхъ выводилъ только нѣмцевъ, это не вѣрно. Въ теченіе трехлѣтняго короткаго съ нимъ знакомства я могъ вполне убѣдиться, что въ душѣ онъ былъ вполне русскимъ, искренно преданнымъ Государю и Россіи и никогда не думалъ, что можно служить Государю, но не Россіи; онъ никогда не раздѣлялъ убѣжденія одного, бывшаго русскимъ министромъ, который говорилъ, не стѣсняясь, что онъ служитъ великому князю Финляндіи, а отнюдь не Россіи.

Разсказывая различные эпизоды изъ обороны, онъ съ жаромъ приводилъ примѣры доблести нижнихъ чиновъ и самоотверженія офицеровъ, отдавая должную справедливость каждому, не взирая на національность. Словомъ, это былъ вполне русскій человекъ. И если онъ носилъ нѣмецкую фамилію, то вѣроятно принадлежалъ къ тому роду Тотлебеновыхъ, одинъ изъ которыхъ также проливалъ за Россію кровь во время семилѣтней войны и былъ комендантомъ Берлина.

Если за трехлѣтній тяжелый мой трудъ я не былъ вознагражденъ ничѣмъ вещественнымъ, то за то я глубоко былъ признателенъ Тотлебену за то вниманіе и за тѣ хлопоты, которыя онъ оказалъ мнѣ. По окончаніи моего труда, онъ съ ходатайствомъ о награжденіи меня обратился разомъ въ два мѣста, изъ которыхъ одно адресовано было даже не по мѣсту моего служенія. Одно было адресовано на имя дежурнаго генерала главнаго штаба графа Ѳ. Л. Гейдена, а другое на имя моего непосредственнаго начальства—генераль-квартирмейстера А. И. Веригина.

Письмо на имя Веригина было слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь,

Александръ Ивановичъ!

Находящійся въ моемъ распоряженіи для занятій по составленію описанія обороны Севастополя капитанъ генеральнаго штаба Зыковъ принимаетъ живѣйшее участіе въ этомъ огромномъ трудѣ, а обширныя познанія и рѣдкія способности этого офицера приносятъ дѣлу существенную пользу.

Свидѣтельствуя предъ Вашимъ Превосходительствомъ о неутомимо полезной дѣятельности капитана Зыкова, я долгомъ считаю покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, не оставить Вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ ходатайствомъ о производствѣ этого отличнѣйшаго офицера ко дню Св. Пасхи въ слѣдующій чинъ.

Къ сему обязываюсь присовокупить, что такъ какъ офицеръ этотъ по своимъ способностямъ незамѣнимъ при исполняемыхъ имъ нынѣ независимо отъ прямой своей обязанности, весьма многослож-

ныхъ, занятіяхъ, и какъ труды его рѣзко выходятъ изъ ряда обыкновенной служебной дѣятельности, то испрашиваемое ему повышение будетъ только справедливымъ вознагражденіемъ, и я вполне убѣжденъ, что принесетъ особенную пользу для службы. Въ случаѣ, если по непредвидѣннымъ мною причинамъ Вы изволите признать невозможнымъ, то я убѣдительно прошу Ваше Превосходительство не назначать г. Зыкову другой награды, чтобы этимъ не лишить его права воспользоваться чиномъ въ будущемъ году.

Въ ожиданіи обязательнаго отвѣта покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ истинномъ къ Вамъ почтеніи и совершенной преданности, съ коимъ имѣю честь быть.

Вашего Превосходительства

Всепокорнѣйшій слуга,

Э. Тотлебенъ.

№ 1336.

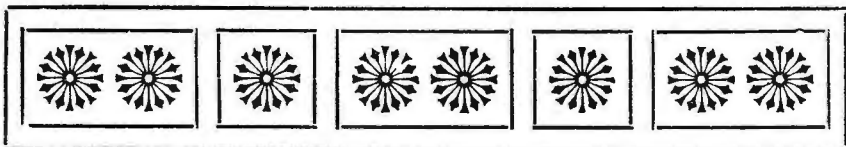
20 марта 1862 года.

Точно того же содержанія письмо за № 1335 было адресовано и графу Гейдену ¹⁾.

С. П. Зыковъ.

¹⁾ Оба письма по полученіи ихъ были переданы мнѣ Г. В. Мещериновымъ по приказанію А. И. Веригина. Оба они находятся у меня и нынѣ.

В. О. Ключевскій.

(Къ тридцатилѣтїю его научно-преподавательской дѣятельности).

5 декабря минувшаго года Московскій университетъ и московское культурное общество праздновали тридцатилѣтїе научно-преподавательской дѣятельности Василя Осиповича Ключевского. Но имя это близко и дорого не одной только Москвѣ, вся грамотная и мыслящая Россія хорошо знаетъ и высоко чтитъ замѣчательнаго русскаго историка. Весьма трудно здѣсь, въ немногихъ строкахъ охарактеризовать значеніе научной дѣятельности и ученыхъ трудовъ Ключевского, тѣмъ болѣе это трудно, что приходится говорить о великомъ мастерѣ характеристикъ.

Глубокій ученый и тонкій аналитикъ, проникающій своимъ критическимъ скальпелемъ въ нѣдра первоисточника, Ключевскій является въ то же время блестящимъ синтетикомъ, увѣренно возводящимъ широкія и образныя построенія. Испытываешь глубочайшее наслажденіе, читая и перечитывая его труды въ такой яркой, изящной и доступной формѣ, но все время чувствуешь, что за великолѣпной внѣшней отдѣлкой таится глубокая внутренняя работа, непосредственное обследованіе матеріала и скрупулезнѣйшія операціи надъ нимъ. И тѣмъ цѣннѣе построеніе, тѣмъ болѣе обвѣяно оно историческою атмосферой; на солидномъ и прочномъ фундаментѣ возводитъ Ключевскій свои блестящія, изобилующія архитектурными тонкостями и замысловатыми узорами, научныя зданія. Ученый изслѣдователь въ то же время мастеръ тончайшей, инкрустаціонной работы, гдѣ строгая пропорціональность формъ соотвѣтствуетъ красотѣ всего замысла. Уже въ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ проявляются эти отличительныя черты творчества Ключевского. И магистерская диссертация о житіяхъ святыхъ, какъ историческомъ источникѣ и особенно докторская диссертация, классическій, выдержавшій нѣсколько

изданій трудъ о боярской думѣ поражаютъ глубиной изслѣдовательскаго анализа и широтой эрудиціи, давая въ то же время прекрасное и ясное изложеніе. Книга о боярской думѣ является образцомъ изслѣдованія исторіи учрежденія на широкомъ соціально-историческомъ фонѣ; вся конкретная жизненная обстановка принята во вниманіе и основные этапы историческаго развитія боярской думы нарисованы яркими и сочными мазками. Тѣмъ же характеромъ отличаются и извѣстныя статьи Ключевскаго о земскихъ соборахъ и о происхожденіи крѣпостнаго права, печатавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ „Русской Мысли“. Здѣсь опять оригинальное рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ, глубокія спеціальныя штудіи представлены были въ яркой конкретной формѣ. Особенно сказывается художественный талантъ Ключевскаго въ его рѣчахъ и этюдахъ историко-литературнаго характера; не даромъ его, академика по разряду *наукъ историко-филологическихъ*, Академія Наукъ почтила также избраніемъ въ почетные академики по разряду *изящной словесности*. Какъ живо и красочно представленъ культурной обиходъ Екатерининской Россіи съ ея поверхностнымъ, внѣшнимъ европеизмомъ и съ крупными непорядками у себя, на дому въ статьяхъ о „Недорослѣ“ Фонвизина и о „Капитанской дочкѣ“ Пушкина. Блестяще и тонко намѣчены историко-психологическія основы появленія героевъ типа Евгенія Онѣгина, установленъ ихъ генезисъ и рассмотрѣна родословная въ замѣчательной статьѣ „Евгеній Онѣгинъ и его предки“. Къ сожалѣнію, осталась не напечатанной, но всѣ слышавшіе хорошо ее помятъ, рѣчь Ключевскаго на Пушкинскихъ празднествахъ 1899 года на тему Пушкинъ и „Мѣдный Всадникъ“. Наивысшаго развитія всѣ отличительныя стороны научной работы и литературнаго таланта Ключевскаго достигаютъ въ его, ставшемъ уже классическимъ, курсѣ русской исторіи. Давно уже, сначала въ плохихъ и неточныхъ литографированныхъ изданіяхъ, чаще всего безъ всякой редакціи автора, эти лекціи распространялись по всей Россіи и, несмотря на техническіе недостатки изданій, дѣлали свое великое дѣло, уча и воспитывая. Лишь совсѣмъ недавно самъ авторъ рѣшилъ выйти изъ узкой сферы своей университетской аудиторіи и дать читающей Россіи своей печатный курсъ. Теперь вышло уже четыре ¹⁾ обширныхъ тома, подводящіе событія ко времени Екатерины II.

Одинаково цѣнны въ этомъ замѣчательномъ курсѣ какъ главы,

¹⁾ Четвертый томъ курса, посвященный всесторонней характеристикѣ времени Петра Великаго и эпохи дворцовыхъ переворотовъ, вышелъ въ свѣтъ послѣ написанія настоящей замѣтки, сильно запоздавшей напечатаніемъ.

трактующія о сложныхъ и спорныхъ проблемахъ соціальной исторіи и экономической эволюціи русскаго государства, такъ и образцовыя главы, посвященныя общимъ характеристикамъ эпохъ и историческихъ дѣятелей и вопросамъ духовно-культурнаго развитія общества. Говорить ли профессоръ о началѣ русскаго государства или о заселеніи Суздальщины, мастерски воспроизведя бытъ русскихъ поселенцевъ по пословицамъ, повѣствуетъ ли о грозныхъ временахъ опричнины, разбирается ли въ бурныхъ событіяхъ смутнаго времени или слѣдитъ за внутренней и внѣшней дѣятельностью первыхъ Романовыхъ—одинаково вездѣ силенъ авторъ и опредѣленно запоминаются, ярко предстоятъ выведенныя имъ положенія и построенія.

Разобравшись въ одной главѣ въ противорѣчивыхъ контрроверзахъ какого-нибудь вопроса соціально-экономической исторіи, на слѣдующихъ страницахъ Ключевскій реконструируетъ картину культурнаго бытія былыхъ временъ. И подъ искуснымъ перомъ историка встаетъ сѣдая старина, облекается въ плоть и кровь, спадаютъ семь печатей и раскрываются заповѣдныя тайны и думы... Замыкаетъ третій томъ курса портретная галерея дѣятелей XVII в., и каждый портретъ отличается яркостью красокъ и тонкой филигранной отдѣлкой. Проходитъ передъ нами и своеобразный вольнодумецъ кн. И. А. Хворостининъ, который „въ вѣрѣ пошатался и православную вѣру хулилъ, про святыхъ угодниковъ Божьихъ говорилъ хульные слова“, и привлекательный образъ „тишайшаго“ Царя Алексѣя Михайловича, ставшаго на перепутьи отъ вѣковѣчныхъ устоевъ старины къ западнымъ реформамъ и фигура московскаго дипломата XVII вѣка, талантливаго министра иностранныхъ дѣлъ А. Л. Ордина-Нащокина. А какъ вся цѣликомъ вырастаетъ царевна Софья въ этой краткой, но мѣткой характеристикѣ:

„Эта тучная и некрасивая полудѣвица съ большой неуклюжей головой, съ грубымъ лицомъ, широкой и короткой таліей, въ 25 лѣтъ казавшаяся 40-лѣтней, властолюбію пожертвовала совѣстью, а темпераменту стыдомъ“. И много, много такихъ счастливыхъ и навсегда запоминающихся образныхъ выраженій и характеристикъ можно найти на протяженіи курса; но всѣхъ его достоинствъ не перечестъ, всякому надо самому убѣдиться, самому ознакомиться.

Въ заключеніе нашей бѣглой замѣтки скажемъ о громадной научной и культурной роли Ключевскаго, какъ профессора Московскаго университета ¹⁾. Глубокая ученость преподавателя привлекала

¹⁾ Въ ознаменованіе тридцатилѣтія научно-преподавательской дѣятельности В. О. Ключевскаго его учениками и почитателями выпущенъ обширный томъ статей въ честь его; статьи посвящены различнымъ вопросамъ всеобщей и русской исторіи и исторіи права.

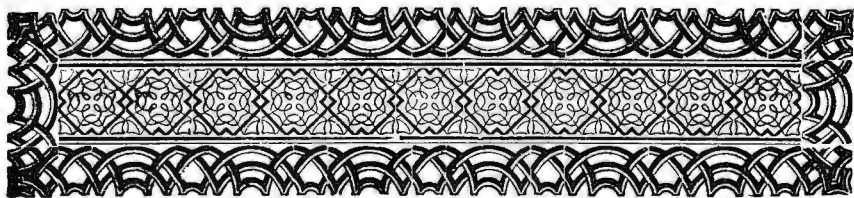
къ нему обширные кадры учениковъ, которые подъ его руководствомъ получали первое научное крещеніе, а затѣмъ уже разрабатывали очередные вопросы русской исторіи. Можно сказать, что Ключевскій создалъ цѣлую „Московскую“ школу историковъ, насчитывающую уже не мало крупныхъ именъ; великой заслугой главы школы является направленіе интересовъ въ дѣло изученія проблемъ соціальной и хозяйственной исторіи XVI—XVIII вв. Но если много даетъ Ключевскій для специалистовъ, то не менѣе даютъ его лекціи и для общаго развитія. Студенты всѣхъ курсовъ, всѣхъ факультетовъ, различныхъ возрастовъ (а за послѣднее время и обоого пола) стекались въ большую словесную или въ богословскую аудиторіи перестроеннаго новаго зданія, чтобы послушать любимаго профессора. И жадно внимаетъ отзывчивая аудиторія мастерскому изложенію лектора, первокласснаго историка-художника.

Въ текущемъ академическомъ году тяжелое семейное горе и недугъ заставили Василя Осиповича оставить чтеніе лекцій въ университетѣ, но надо думать, что разлука эта будетъ непродолжительной, и что долго еще знаменитый историкъ будетъ служить гордостью и украшеніемъ родного университета.

Москва.

И. Бороздинъ.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I¹⁾.

(Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. III. Спб. 1909).

30 ноября 1815 года, Императрица Елисавета возвратилась, послѣ двухъ-лѣтняго отсутствія, въ Петербургъ, куда она, во время своего пребыванія въ Баденѣ, неустанно стремилась душою, сознавая, что тутъ было ея настоящее мѣсто.

Подъѣзжая къ столицѣ, ее волновали самыя разнообразныя чувства.

„Россія и Петербургъ двѣ вещи разныя“, писала она маркграфинѣ, дѣлясь съ нею своими чувствами, „сердце мое затрепетало при перѣздѣ границу, но, подъѣзжая къ Зимнему дворцу, оно замерло. Въ жизни все требуетъ компенсаціи: я была такъ счастлива послѣднее время, и это должно быть искуплено“.

Первый моментъ по возвращеніи былъ пріятенъ, но очень скоро Государынѣ стало недоставать той „тихой, спокойной жизни, съ которой она свыклась за два года отсутствія изъ Петербурга“ и хотя жизнь вошла въ прежнюю колею, но отпечатокъ грусти, навѣянный на нее разлукою съ близкими, не покидалъ ее всю зиму. Между тѣмъ зимній сезонъ былъ богатъ развлеченіями и празднествами, по случаю совершившихся въ январѣ и февралѣ 1816 г. бракосочетаній Великихъ Княгинь Екатерины Павловны и Анны Павловны.

Эти празднества совершенно не гармонировали съ настроеніемъ Государыни, и графиня Строганова, которой было извѣстно ея душевное состояніе, называетъ ихъ по отношенію къ ней „des fleurs au pied de la croix“.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1910 г.

Въ то время Елисавету Алексѣвну тревожилъ переломъ, совершавшійся въ душевномъ состояніи ея супруга.

„Перемѣна, происшедшая въ Александрѣ I по возвращеніи изъ похода, была подмѣчена всѣми приближенными и даже иностранцами. Въ его характерѣ появились новыя, дотолѣ неизвѣстныя черты: явилась самоувѣренность, самонадѣянность, нелюбовь къ противорѣчіямъ и какая-то особая подозрительность ко всѣмъ и каждому, съ оттѣнкомъ презрѣнія къ человѣчеству вообще“.

Сложный душевный процессъ, явившійся послѣдствіемъ успѣховъ и побѣдъ, одержанныхъ Александромъ, и той роли, которую ему пришлось играть въ Европѣ, долженъ быть, въ значительной степени, приписанъ влиянію знаменитой г-жи Крюднеръ, съ которой Императоръ познакомился въ Гейдельбергѣ. Елисавета Алексѣвна не сочувствовала взглядамъ и теоріямъ, возымѣвшимъ такое рѣшающее влияніе на Императора, но, по своему обыкновенію, не пыталась вступить съ нимъ въ борьбу, а пассивно выжидала событій; между тѣмъ это мѣшало ея душевному спокойствію, и въ ея душѣ зрѣлъ планъ удалиться куда-нибудь отъ жизни, которая ничѣмъ не прельщала ее, въ которой она не была въ состояніи завоевать себѣ подобающее мѣсто и не могла отвоевать свою долю счастья.

„Впадая порою въ отчаяніе, она помышляла чуть ли не о разводѣ и находила утѣшеніе только въ мысляхъ о смерти; ко всему этому маленькая Лиза Голицына, дочь Натальи Ѳедоровны, стала хворать и въ декабрѣ 1816 г. умерла отъ дѣтской болѣзни. Этотъ ребенокъ, со смерти матери, въ теченіе девяти лѣтъ находился неотлучно при Государынѣ, которая оказывала ей особое вниманіе и всякія заботы, а во время болѣзни ухаживала за ней какъ самая заботливая мать и не оставляла ее до послѣдней минуты. „Это новое горе и ожившія воспоминанія о своей собственной „Лизинкѣ“ растравили старыя наболѣвшія раны, и все вмѣстѣ взятое вылилось въ новыхъ сѣтованіяхъ на свою несчастную судьбу и склоняло государыню къ новымъ безотраднымъ рѣшеніямъ.“

„Надо отдать полную справедливость маркграфинѣ матери“, говоритъ августѣйшій біографъ Елисаветы Алексѣвны, „что она съумѣла, съ присущимъ ей здравымъ смысломъ, вернуть свою дочь на путь истины и вселить въ нее духъ бодрости, подобавшій ея положенію“.

„Не думаю, писала маркграфиня своей дочери, чтобы девизъ *терпѣніе и упованіе на Бога* остался навсегда твоимъ девизомъ. Я увѣрена, что все измѣнится. Но ради Бога, не дѣлай необдуманнаго шага (*coup de tête*), ибо, повѣрь мнѣ, вся вина падетъ на тебя“.

Мать не одобряла и стремленія Императрицы постоянно стусеваться, быть незамѣтной и писала, что „это можетъ дать людямъ, которые захотѣли бы этимъ воспользоваться, случай быть болѣе на виду. Этого повода имъ давать отнюдь не слѣдуетъ“. Отвѣчая на жалобы своей дочери, что ей не даютъ иногда подобающаго ей мѣста, маркграфиня говоритъ: „я бы отстаивала свои права, хотя бы это повело къ непріятнымъ объясненіямъ съ тѣмъ, кто первый долженъ былъ бы за этимъ слѣдить, если не изъ любви, то по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ той, которая носитъ его имя. Прости мнѣ одно замѣчаніе, но я подмѣтила въ тебѣ какую-то ложную стыдливость, какое-то желаніе стусеваться. Мнѣ извѣстно, что подобное же наблюденіе было сдѣлано въ Вѣнѣ. Этимъ могутъ воспользоваться тѣ, кои желаютъ играть первую роль“.

Благодаря вліянію матери, Елисаветѣ Алексѣевнѣ удалось подавить въ себѣ чувства, доводившія ее до отчаянія, но по самому свойству своей натуры, она была не въ силахъ вступить въ энергичную борьбу съ внѣшними обстоятельствами, отравлявшими ей жизнь. Она окончателно избрала себѣ съ тѣхъ поръ девизомъ полную покорность завѣтамъ Провидѣнія: „une résignation complète“,— „souffrir en silence“.

„Несмотря на нравственныя волненія и заботы, Императрица неустанно продолжала заниматься дѣлами благотворительности, но она работала келейно, скромно и мало замѣтно для современниковъ“.

Каждая изъ дамъ патриотическаго общества, въ главѣ котораго стояла Императрица, приняла на свое попеченіе особую часть города и, заботясь о нуждахъ бѣдныхъ жителей, доводила о нихъ до свѣдѣнія правленія общества, которое и принимало мѣры къ облегченію ихъ положенія. Для успѣшнаго наблюденія за бѣдными каждый членъ имѣлъ одну помощницу и сверхъ того одну собирательную подаяній.

Общество считало долгомъ заботиться преимущественно о дѣвочкахъ бѣднѣйшаго состоянія, оказывать имъ призрѣніе, доставлять пропитаніе, обучать всему необходимому въ житейскомъ быту, внушать имъ добрую нравственность и т. д.

Каждая изъ дамъ, завѣдуя особою частью города, старалась присесть, для извѣстныхъ по бѣдности сиротъ, наставницу въ рукодѣліяхъ изъ бѣдныхъ же благонадежныхъ женщинъ, которымъ потомъ назначалось содержаніе по числу дѣвицъ, порученныхъ ихъ надзору. Наставница была обязана учить ихъ шитью, вязанью и располагать часы занятій такимъ образомъ, чтобы дѣти успѣвали ходить и въ школу.

*

Многія изъ дѣтей, какъ круглыя сироты, не имѣли пристанища, и необходимо было заботиться о призрѣніи ихъ и полномъ обезпеченіи.

Это послужило поводомъ къ учрежденію заведеній, извѣстныхъ подъ названіемъ „Частныхъ патріотическихъ школъ“.

Когда, такимъ образомъ, кругъ дѣйствій общества, постоянно измѣняясь, расширился, то настала нужда въ установленіи для него новыхъ, болѣе точныхъ и соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ правилъ. Эти правила, подъ названіемъ „Уставъ С.-Петербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества“, были Высочайше утверждены въ 1817 г.

24 августа 1818 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя Императрицы Елисаветы Алексѣвны о покупкѣ дома для Сиротскаго училища, находившагося до тѣхъ поръ въ наемномъ помѣщеніи. На покупку этого дома, сверхъ крупнаго пожертвованія Государыни, было употреблено 50 тыс. рублей, оставшихся отъ пожертвованій въ пользу разоренныхъ войною 1812 г.

Первый выпускъ воспитанницъ Сиротскаго училища состоялся 1 января 1812 г.

9 сентября 1820 г. Императрица почтила патріотическихъ дамъ рескриптомъ, въ которомъ она выразила свои взгляды на задачи патріотическаго общества: „Воспитаніе бѣдныхъ дѣтей есть одно изъ величайшихъ благодѣяній, какое можно оказать нуждающемуся состоянію“, говорилось въ рескриптѣ, „а потому частныя школы всегда обращали мое особенное вниманіе. Наставленіе въ правилахъ вѣры и нравственности, столь необходимое, дабы удалить отъ порока дѣтей, въ оныя принятыхъ, и средства, коими они впоследствии могли бы себѣ снискивать честное пропитаніе, было цѣлью сихъ заведеній. Чѣмъ къ болѣе низшему и безъизвѣстному состоянію принадлежатъ дѣти, тѣмъ больше мы обязаны отвѣтственностью, буде образованіе ихъ не такое, каковымъ оно быть должно, ибо тайное зло распространяется тѣмъ съ большей опасностью, чѣмъ оно сокровеннѣе, а въ высшихъ сословіяхъ сіе не можетъ случиться. Посему-то я и желаю, чтобы одинъ избранный изъ среды духовенства производилъ испытаніе въ извѣстное время и по очереди въ этихъ частныхъ школахъ, какъ для удостовѣренія, что учащіеся въ оныхъ дѣйствительно научаются истиннымъ правиламъ нашего закона, такъ и для донесенія мнѣ, что сія важнѣйшая часть воспитанія не остается въ небрежности. Всѣмъ еще памятны прежніе примѣры, что дѣти иногда, по нерадѣнію надзирательницы школы или по недостатку, приходскаго священника, вовсе не получали нужнѣйшаго наставленія, что и побудило меня ввести нынѣ новый порядокъ, въ надеждѣ

облегчить патриотическимъ дамамъ надзоръ за такими школами и возбудить ревность въ приходскихъ священникахъ къ наставленію вѣреннаго имъ юношества“.

„Женское патриотическое общество уже имѣло въ 1821 г. въ своемъ вѣдѣніи, независимо отъ Сиротскаго училища, шесть школъ въ частяхъ столицы: Выборгской, Васильевской, Литейной, 2, 3 и 4 Адмиралтейскихъ. Въ слѣдующемъ году, Ея Величество изволила принять въ свое непосредственное вѣдѣніе дѣла Сиротскаго училища и Дома Трудолюбія по частямъ учебной и хозяйственной. Первое изъ этихъ заведеній получило названіе „Патриотическаго института“. Въ особомъ рескриптѣ отъ 9 мая 1822 г. Государыня подтвердила, что отношенія общества къ этимъ заведеніямъ остаются прежнія и права патриотическихъ дамъ не измѣняются“.

Въ бумагахъ С. С. Уварова сохранилось письмо къ нему Императрицы Елисаветы, свидѣтельствующее о ея серьезномъ, вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу благотворительности; въ немъ Государыня обращается къ Уварову съ просьбою разыскать для нея уставъ какого-нибудь нѣмецкаго благотворительнаго общества, католическаго или протестантскаго, который могъ бы послужить образцомъ при выработкѣ устава для возникшаго у насъ патриотическаго общества.

Московский старожилъ Г. В. Грудевъ, служившій при С. С. Уваровѣ, ближайшемъ сотрудникѣ Императрицы по дѣламъ патриотическаго общества, набросалъ, незадолго до своей смерти, интересныя воспоминанія, въ которыхъ онъ касается благотворительной дѣятельности Государыни.

„Въ 1817 году я служилъ при попечителѣ С.-Петербургскаго округа, Сергѣѣ Семеновичѣ Уваровѣ“, пишетъ Грудевъ. „Въ это время всѣ были подъ обаяніемъ патриотическихъ чувствъ послѣ окончанія отечественной войны“.

Императрица Елисавета Алексѣвна, для оказанія помощи осиротѣлымъ семьямъ, образовала патриотическое общество и училище съ Домомъ Трудолюбія, названнымъ послѣ ея кончины Елисаветинскимъ институтомъ.

Императрица избрала себѣ помощницей княгиню Варвару Алексѣвну Репнину, рожденную графиню Разумовскую. Когда супругъ княгини Репниной былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Полтаву, и княгиня уѣхала изъ Петербурга, то ее замѣстила родная сестра ея, Екатерина Алексѣвна Уварова, супруга С. С. Уварова.

Начальницей Дома Трудолюбія была баронесса Ховень, а правителемъ письменныхъ дѣлъ—Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Для помѣщенія воспитанницъ былъ нанятъ домъ на Васильевскомъ островѣ, принадлежавшій генералу Яхонтову; домъ посѣщали при-

способить, переправить и занять безъ надлежащей описи. Это повело въ послѣдствіи, когда оставили этотъ домъ, къ тяжбѣ и ко взысканію съ начальства Дома Трудолюбія за поврежденія и убытки. Сумма простиралась до 10 т. руб. ассигнаціями, или болѣе.

Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ мнѣ поручено было разобрать всѣ бумаги, присланныя отъ А. И. Тургенева: контрактъ по найму дома и бумаги по начавшемуся дѣлу въ судѣ. Судъ, по освидѣтельствованіи неисправностей дома генерала Яхонтова, нашель требованіе вознагражденія убытковъ правильнымъ. Рѣшеніе пришло въ законную силу, такъ какъ всѣ сроки объ объявленіи рѣшеній оставались безъ отвѣта, т. е. были пропущены.

Вотъ поводъ, по которому въ одинъ прекрасный день я былъ призванъ въ кабинетъ Екатерины Алексѣвны Уваровой, гдѣ находилась Императрица Елисавета Алексѣвна. Она сидѣла въ глубинѣ комнаты, и, какъ мнѣ помнится, съ опущеннымъ вуалемъ. Я доложилъ, что безъ особаго Высочайшаго повелѣнія нельзя опровергнуть иска. Вскорѣ послѣ этого взыскиваемая деньги были присланы Императрицей черезъ ея довѣреннаго камердинера Крылова.

По службѣ моей бывая ежедневно въ домѣ С. С. Уварова, мнѣ случалось видать Императрицу Елисавету Алексѣвну при прїѣздахъ ея къ Е. А. Уваровой, какъ въ петербургскій домъ, такъ и на дачу, на Петербургской сторонѣ, на рѣчкѣ Карповкѣ.

Помню особенно одинъ случай, когда карета Ея Величества завязла въ одномъ изъ немощныхъ проѣздовъ съ Каменноостровскаго шоссе, о чемъ узнали на дачѣ Уваровыхъ и послали легкій экипажъ, въ которомъ Императрица и прїѣхала съ дамой, ее сопровождавшей. Императрица была съ опущеннымъ вуалемъ. Ни одного слова гнѣва или неудовольствія не слышали отъ нея, и менѣе всѣхъ взволнованной была она и просила Уваровыхъ никому не говорить о случившемся“.

Изъ воспоминаній приближенной къ Императрицѣ фрейлины Саблуковой, которыя были помѣщены въ „Русской Старинѣ“ (1884 г.), мы знаемъ, что Императрица Елисавета Алексѣвна тратила на дѣла благотворительности большую часть своихъ личныхъ средствъ. „Она постоянно отказывалась брать милліонъ дохода, который получаютъ Императрицы, довольствуясь для своихъ личныхъ надобностей 200 т. руб., которые ассигнуются Великимъ Княгинямъ, и все остальное издерживала исключительно на дѣла благотворительности.

„Словомъ, показанія современниковъ сходятся въ томъ, что Императрица Елисавета Алексѣвна умѣла дѣлать и дѣлала много добра. Но, со свойственной ей скромностью, она старалась скрывать отъ взоровъ толпы то, что подсказывало ей добрѣйшее ея сердце. Благо-

дѣянiя творились какъ бы тайкомъ, избѣгалась всякая попытка къ церемонiямъ или наружному блеску, работало нѣсколько лицъ, подъ наблюдениемъ Государыни, ея избранныхъ, которымъ она вполне довѣряла, и весьма мало людей были посвящены въ это при жизни Государыни. Послѣ ея кончины многое стало извѣстно благодаря тѣмъ сотрудникамъ, которые помогали ей при жизни.

С. С. Уваровъ съ супругой, княгиня Мещерская, Н. М. Лонгиновъ, секретарь Елисаветы Алексѣвны, графиня С. В. Строганова— вотъ тѣ немногiя лица и были ежедневными свидѣтелями дѣятельности Е. А. на этомъ поприщѣ“.

„Всю осень и зиму 1817/18 г. и весну 1818 г. Елисавета Алексѣвна провела въ Москвѣ, это пребыванiе произвело особенно прiятное впечатлѣнiе на Императрицу, не бывшую въ Москвѣ со времени своего коронаванiя. Государыня много выѣзжала, посѣщала монастыри и церкви, бывала на вечерахъ у разныхъ именитыхъ москвичей, словомъ, вела не обычный ей замкнутый образъ жизни. Новая атмосфера московской жизни благотворно повлiяла на настроенiе и душу Императрицы. Даже звонъ колоколовъ, который прежде наводилъ на нее унынiе, теперь особенно прiятно привлекалъ ея вниманiе, и она наслаждалась этимъ звономъ, которымъ такъ славится Москва“.

Во время пребыванiя царской фимилiи въ Москвѣ, въ июль мѣсяцѣ 1817 г., состоялось бракосочетанiе Великаго Князя Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой Прусской.

Сохранилась характерная выписка изъ письма Великаго Князя къ своей невѣстѣ, отъ 3/15 мая 1817 г., изъ которой можно составить себѣ понятiе о томъ, какъ юный Великiй Князь относился къ Императрицѣ Елисаветѣ. Напутствуя свою невѣсту передъ ея прiѣздомъ въ Россiю своими совѣтами, онъ писалъ: „матушка дасть вамъ тысячу полезныхъ совѣтовъ, которыхъ я, при самомъ добромъ желанiи, не состоянiи дать вамъ. Что касается Императрицы Елисаветы, оказывайте ей всевозможное вниманiе, вѣжливость и уваженiе, но не допускайте ни малѣйшей откровенности, ни въ какомъ случаѣ; къ Императору относитесь съ полнымъ уваженiемъ и довѣрiемъ и какъ нельзя болѣе дружественно“.

Будущая Великая Княгиня вполне подчинилась совѣтамъ своего жениха: будучи всегда любезной и прiвѣтливой, она не искала никакой интимности съ Елисаветой Алексѣвной.

Изъ дневника Великой Княгини Александры Феодоровны за тотъ же 1817 г. мы имѣемъ интересныя данныя объ отношенiяхъ, существовавшихъ въ то время между обѣими Императрицами.

„.....Мы подѣхали къ Павловску, который произвелъ на меня

самое благоприятное впечатлѣніе. Моя карета остановилась у собственнаго садика вдовствующей Императрицы, которая прижала меня къ сердцу. Императоръ Александръ поцѣловалъ меня; я узнала тетку Антуанету Виртембергскую, ея дочь Марію, какъ вдругъ нѣжный голосъ произнесъ: „подарите меня хоть однимъ взглядомъ“, и я кинулась на шею къ Императрицѣ Елисаветѣ, которая тронула меня своимъ благосклоннымъ простымъ пріемомъ, безъ всякихъ напыщенныхъ чувствъ...

„.....За празднествами слѣдовали меневры; они происходили между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. На нихъ присутствовали иногда Императрицы, обѣ принцессы Виртембергскія, но такъ какъ я сидѣла между Ихъ Величествами, то это зрѣлище, которое при иныхъ обстоятельствахъ доставило бы мнѣ большое удовольствіе, не доставило мнѣ ни малѣйшаго развлеченія. Князь Меншиковъ, сопровождавшій карету Ихъ Величествъ, повезъ насъ нѣсколько плохой дорогой, лошади запугались, и карета неожиданно откатилась назадъ. Матап крикнула, чтобы отворили дверцы, и поспѣшно вышла изъ экипажа; Императрица Елисавета и мы послѣдовали за ней. Выйдя изъ экипажа, матап подошла къ Императрицѣ Елисаветѣ, взяла ее за руку и съ величайшимъ участіемъ сказала: „Дитя мое, вы испугались! какъ вы себя чувствуете?“ а Императрица отвѣчала ей, что она ни чуть не испугалась, „напротивъ, вы испугались“, и все это было сказано съ кислой миной. Матап еще разъ повторила свой вопросъ, Императрица снова отнѣкивалась. Я не знала что дѣлать. Когда мы снова усѣлись, Императрицѣ Елисаветѣ видимо было неловко, что я была свидѣтельницей этой сцены. Когда мы остались однѣ, она, какъ бы извиняясь, сказала мнѣ, что вдовствующая Императрица часто обвиняетъ ее въ томъ, въ чемъ она въ сущности сама бываетъ виновата, и что она этого не выносить. Я ничего не отвѣтила, но, обдумавъ этотъ случай, я рѣшила, что если матап имѣла эту маленькую слабость, все же Императрица Елисавета была болѣе виновата, такъ какъ она своимъ кислымъ, недовольнымъ тономъ затянула сцену, которая могла бы пройти незамѣченной, если бы она отнеслась къ ней иначе; какъ бы то ни было, это послужить мнѣ урокомъ впредь“.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ Императоръ Александръ часто уѣзжалъ: то въ Варшаву, на открытіе польскаго сейма, то въ военныя поселенія, то въ Одессу, Крымъ, Новочеркасскъ, Воронежъ, Рязань.

1 іюня 1818 г. онъ вернулся изъ своего продолжительнаго путешествія на югъ въ Москву, гдѣ ожидался пріѣздъ короля Фридриха Вильгельма III съ наслѣднымъ принцемъ. Когда закончились

торжества, вызванныя ихъ прїѣздомъ, дворъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ празднества, парады, смотры и всевозможныя увеселенія продолжались еще нѣсколько недѣль.

Эти празднества страшно утомили Императрицу Елисавету, и она, въ своихъ письмахъ къ матери, часто сѣтуетъ на жизнь, которую ей приходилось вести и которая не доставляла ей удовольствія.

Не успѣла Императрица отдохнуть отъ испытаннаго утомленія, какъ ей пришлось отправиться въ заграничное путешествіе. 27 августа Александръ I отбылъ на Ахенскій конгрессъ, а два дня спустя, Елисавета Алексѣвна выѣхала въ Баденъ, на свиданіе съ родными. Какъ была настроена этотъ разъ Императрица, уѣзжая на родину? На это даютъ отвѣтъ ея письма къ графинѣ Софіи Владиміровнѣ Строгановой, съ которой она была вполне откровенна.

„Я уже знаю объ этомъ (о предполагаемой поѣздкѣ) недѣли двѣ, писала она 25 іюля 1818 г., но мнѣ не хотѣлось говорить объ этомъ, мнѣ казалось, что пока я не написала Вамъ объ этомъ, все еще могло измѣниться.... и такъ, я ѣду въ Германію. Я не знаю еще точно, когда именно я уѣду; мнѣ скажутъ: „поѣзжай!“ и я поѣду; но не успѣютъ сказать мнѣ: „возвращайся“, какъ я уже буду въ дорогѣ. Вы знаете, какъ я люблю свою семью, но съ другой стороны вы слишкомъ хорошо меня знаете, чтобы мнѣ нужно было объяснять то, что происходитъ во мнѣ“.

Нѣсколько дней спустя, она писала: „ясно и несомнѣнно, что я предпринимаю это путешествіе, чтобы успокоить вдовствующую Императрицу, которая не можетъ помириться съ мыслию оставить меня здѣсь одну¹⁾. Императоръ сказалъ мнѣ это безъ обиняковъ и этимъ пресѣкъ всѣ возраженія, которыя готовы были сорваться у меня съ языка. „Vous ferez beaucoup mieux de partir“; эти слова, сказанныя два-три раза самымъ рѣшительнымъ тономъ, показали мнѣ, что и онъ хотѣлъ, чтобы я уѣхала. Я видѣла ясно, что настаивать значило бы вызвать неудовольствіе и быть можетъ ссору. Я рѣшила покориться волѣ Божіей, какъ неизбѣжному. Ставъ на эту точку зрѣнія, я могу примириться съ ней и исполнить мой долгъ handsomely. Но, смотря на дѣло съ чисто человѣческой точки зрѣнія, я огорчаюсь и возмущаюсь этой поѣздкой: особенно возмущаетъ меня поводъ, какимъ она вызвана. Я не предводитель мятежниковъ и не жертва; только въ этомъ случаѣ имѣли бы право удалить меня изъ дома, вопреки моему желанію, вопреки желанію моей матери, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Меня удаляютъ отъ тѣхъ, кто хочетъ быть со мною, меня посылаютъ

¹⁾ Императрица Марія Феодоровна также уѣзжала за границу.

туда, гдѣ боятся моего приѣзда; никто не задается вопросомъ, будетъ ли эта поѣздка въ зимнее время года полезна для меня или вредна. И ради чего это дѣлается? Я не берусь судить о мотивахъ, руководящихъ Императоромъ. Что касается мотивовъ его матери, то они должны быть лестны для меня; значить, она считаетъ меня очень неотразимой, если она такъ боится оставить меня здѣсь на четыре мѣсяца. Когда вопросъ о моей поѣздкѣ былъ окончательно рѣшенъ, она сказала мнѣ, что до нея дошелъ слухъ, будто я ѣду неохотно, противъ воли: я этого не отрицала. Тогда она разыграла комедію и предложила попросить Императора, чтобы онъ позволилъ мнѣ не ѣхать. Я сказала ей, что въ этомъ нѣтъ надобности, что я представила Императору всѣ свои возраженія, и что я рѣшила ѣхать потому, что онъ этого желаетъ.

Я ѣду черезъ Пруссію, но не буду въ Берлинѣ: я стараюсь, насколько возможно, избѣгать большихъ дворовъ: они стали мнѣ ненавистны“.

Въ это второе путешествіе Императрицу сопровождали фрейлины: княжна В. М. Волконская, Валугева и Саблукова, г-жа Питъ, К. А. Нарышкинъ, Посниковъ и секретарь государыни, Н. М. Лонгиновъ.

Ни Нарышкинъ, ни Валугева не были для нея пріятными собеседниками; между тѣмъ она оставалась цѣлый день съ глазу на глазъ съ Валугевой, съ которой она ѣхала въ одномъ экипажѣ, чувствуя себя „въ этой ненавистой каретѣ, какъ птичка въ клѣткѣ“.

Въ письмѣ съ дороги, изъ Мемеля, Елисавета Алексѣевна говоритъ о „тягостномъ чувствѣ“, которое она испытывала, готовая каждую минуту разрыдаться.

„Переѣзжая нашу границу, пишетъ она,—я простилась съ маркиромъ Паулуччи, который сталъ для меня въ эту минуту близокъ, какъ самый преданный другъ, такъ какъ онъ оставался въ странѣ, съ которой моя душа такъ тѣсно сроднилась“.

Уѣхавъ изъ Россіи крайне неохотно, только подчинившись настояніямъ Александра и то не безропотно, Императрица прибыла въ Брукзалъ послѣ шестимѣсячнаго отсутствія, очень дурно настроеная; тутъ она застала своего единственнаго брата, великаго герцога Карла при смерти.

„Елисавета Алексѣевна никогда не была особенно близка къ брату, сравнительно мало его знала, уѣхавъ въ Россію, когда онъ еще былъ малолѣтнимъ и, какъ мы видѣли, она не могла простить ему его брака съ Стефаніей Богарнэ, въ слѣдствіе чего ихъ отношенія не были дружественными; тѣмъ не менѣе болѣзнь брата и его

кончина очень опечалили Императрицу, и впечатлѣніе отъ этой второй поѣздки въ Баденъ осталось самое тяжелое“.

Фрейлина маркграфини Баденской, г-жа Фрейштедтъ, въ своихъ мемуарахъ, рассказываетъ о пребываніи Императрицы въ Баденѣ зимою 1818 года слѣдующія подробности:

„Въ началѣ октября маркграфиня отправилась въ Брукзалъ, чтобы принять тамъ еще разъ Императрицу Елисавету. Это свиданіе состоялось совершенно неожиданно, во время пребыванія Императора на конгрессѣ въ Ахенѣ.

Во Франкфуртѣ она узнала объ опасномъ положеніи своего брата и немедленно написала Императору и просила его принять участіе въ положеніи ея родины и не допустить ея расчлененія. Ея заступничеству и твердости ея брата, умирающаго гротгерцога, Баденъ обязанъ тому, что его владѣнія остались неприкосновенны, ибо министры не могли склонить его къ уступкѣ, хотя бы одной деревни для того, чтобы спасти страну...

Въ виду поздняго времени года, врачи настояли на томъ, чтобы семья гротгерцога переѣхала изъ сырого Фаворита въ болѣе сухой Раштадтскій замокъ.

Маркграфиня провела съ Императрицей нѣкоторое время въ Баденѣ, чтобы быть ближе къ больному, а затѣмъ переѣхала въ Карлсруэ, куда ей посылался ежедневно съ эстафетой бюллетень о положеніи ея сына. Такъ прошелъ ноябрь, въ теченіе котораго Императоръ Александръ пріѣзжалъ на короткое время въ Раштадтъ, откуда онъ прибылъ въ Карлсруэ, глубоко тронутый состояніемъ больного. Умирающій герцогъ собрался съ послѣдними силами, чтобы принять Императора сидя въ креслѣ и попросить его взять его страну подъ свое покровительство. Чувствительное сердце Александра поняло чувства убитыхъ горемъ матери, супруги и сестеръ, и онъ принялъ геройское рѣшеніе поддержать желаніе доблестнаго герцога и спасти страну отъ раздѣла.

Императоръ переночевалъ въ Карлсруэ, въ маленькомъ домикѣ маркграфини и за недостаткомъ мѣста спалъ въ единственной свободной ея ванной комнатѣ. Императрица помѣщалась въ томъ же домѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ четырехъ небольшихъ комнатахъ. Пребываніе Государя вызвало много суеты и самыхъ разнорѣчивыхъ чувствъ. Городъ въ честь высокаго гостя былъ иллюминированъ; всѣ думали съ тревогой и ожиданіемъ о томъ, какъ сложатся дальнѣйшія обстоятельства. Отъѣздъ Императрицы Елисаветы откладывался со дня на день; наконецъ, было рѣшено, что она уѣдетъ 9-го декабря.

7 декабря Императрица пожелала проститься съ братомъ и по-

ѣхала съ этой цѣлью въ сопровожденіи матери, наслѣдной гротгерцогини Гессенской и принцессы Амаліи въ Раштадтъ. Туда же пріѣхала и королева шведская.

Хотя сестры гротгерцога послѣднее время очень сошлись съ его супругой, однако, онѣ не оставили своего любимаго брата на ея попеченіе. Онѣ находили, что присущая ей живость характера не подходит для ухода за больными, и что она при всей своей разумности слишкомъ стремительна и не достаточно нѣжна для того, чтобы ухаживать за дорогимъ для нихъ больнымъ. Принцессы застали брата безъ памяти; онъ скончался на другой день утромъ.

Насколько Императрица была раньше несправедлива по отношенію къ гротгерцогинѣ Стефаніи, настолько она отнеслась къ ней теперь сочувственно; она какъ будто перенесла всю свою любовь къ брату на его вдову. Она выпросила у новаго гротгерцога для своей невѣстки Мангеймскій замокъ, а для лѣтней резиденціи Баденскій замокъ“.

Изъ писемъ Елисаветы Алексѣвны, писанныхъ гр. Строгановой изъ Бадена, мы видимъ, что Императрица тамъ томилаь и всѣми помыслами рвалась въ Россію.

Тотчасъ послѣ кончины брата, Императрица писала графинѣ:

„Еще немного страданій, и я буду въ Россіи!..

Если здоровье мамы позволить, мое возвращеніе въ Петербургъ замедлится, надѣюсь, всего на нѣсколько недѣль. Если бы не это, я бы сейчасъ ѣхала изъ этихъ мѣстъ, гдѣ все причиняетъ мнѣ теперь страданія, гдѣ я встрѣчаю лишь воспоминанія разрушеннаго счастья, разбитыхъ надежд“.

Другой разъ она пишетъ: „Будущее такъ же непроницаемо, какъ тотъ туманъ, который охватываетъ въ данную минуту окрестныя горы; я не позволяю себѣ ничего желать, но мнѣ *кажется*, что я буду счастлива, когда я буду опять вмѣстѣ съ вами въ Петербургѣ“.

Странно читать эти строки послѣ тѣхъ безчисленныхъ писемъ, въ которыхъ Елисавета Алексѣвна въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ вспоминала съ такой нѣжной, искренней любовью о своей родинѣ, мечтала о свиданіи съ матерью и съ родными, вздыхала о Баденѣ. Это невольно вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе, и въ этомъ ея августѣйшій біографъ видитъ самую загадочную черту характера Елисаветы Алексѣвны.

Въ самомъ дѣлѣ, Императрица, какъ можно судить по ея письмамъ, жила болѣе воспоминаніями и мечтами, нежели дѣйствительностью; но какъ только мечты становились дѣйствительностью, онѣ сразу утрачивали ту прелесть, которую рисовало пылкое воображеніе, и

теряли для нея всякую цѣну; эта вѣчная неудовлетворенность и недовольство причиняли Государынѣ нескончаемыя нравственныя страданія. Она не умѣла пользоваться настоящимъ, а жила либо въ прошломъ, либо въ будущемъ. Въ Баденѣ она скучала по Россіи; вернувшись въ Россію, стремилась мысленно къ роднымъ и съ любовью вспоминала о Баденѣ.

Во вторую поѣздку это настроеніе сказалось еще сильнѣе и даже радость свиданія съ нѣжно любимой ею матерью не могла изгладить того тягостнаго чувства, съ какимъ она уѣхала изъ Петербурга; ее тянуло обратно въ Россію.

Несмотря на зимнюю пору, на кончину брата, на необходимость, казалось бы, не покидать мать въ тяжелыя минуты, Елисавета Алексѣвна спѣшила уѣхать изъ Бадена.

9 января 1819 года она простилась съ матерью и съ родными навсегда. „Передъ ея отѣздомъ все родные собрались въ салонѣ маркиграфини. Облокотившись на мраморный столикъ, она долго бесѣдовала съ маркиграфомъ Вильгельмомъ, который пользовался ея особымъ довѣріемъ.

Между прочимъ она высказала ему желаніе, чтобы его старшій братъ Леопольдъ, предполагаемый наслѣдникъ гросгерцога Людовика, женился на шведской принцессѣ Софіи, старшей дочери ея сестры, королевы Фридерики.

На обратномъ пути въ Россію, Государыня, проѣздомъ черезъ Штутгартъ, хотѣла навѣстить Великую Княгиню Екатерину Павловну, королеву Вюртембергскую, но передъ самымъ ея пріѣздомъ въ Штутгартъ было получено извѣстіе о внезапной кончигѣ королевы, и ей не удалось увидѣть Екатерину Павловну. Врачи не допустили, чтобы Императрица присутствовала на ея похоронахъ и, по ихъ настоянію, король послалъ встрѣтить ее и просилъ не заѣзжать въ Штутгартъ. Елисавета Алексѣвна не знала печальной причины, вызвавшей эту просьбу, и думала, что въ Штутгартѣ вспыхнула революція, которую хотѣли скрыть отъ нея“.

Утомленная путешествіемъ и перенесенными испытаніями, вернулась Императрица въ Петербургъ 26 января 1819 г. Государь возвратился въ столицу мѣсяцемъ раньше съ Ахенскаго конгресса, и жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Елисавета Алексѣвна стала вести еще болѣе замкнутую жизнь, чѣмъ прежде, рѣдко появлялась на церемоніяхъ и ограничивалась необходимыми поѣздками по загороднымъ дворцамъ для посѣщенія вдовствующей Императрицы. Изъ лѣтнихъ резиденцій Елисавета предпочитала въ то время Царское Село, гдѣ она могла совершать длинныя прогулки въ обширномъ паркѣ пѣшкомъ или верхомъ, но особенно нравился ей отдаленный

Ораніенбаумъ; тамъ она чувствовала себя привольно, гуляя въ простенькомъ платьѣ и большой соломенной шляпѣ на взморьѣ. Но въ Ораніенбаумѣ ей удавалось пожить только урывками и очень непродолжительное время. Часть лѣта дворъ всегда проводилъ на Каменномъ островѣ, но это излюбленное мѣсто Государыни съ годами потеряло для нея прежнюю прелесть, и она тяготилась, живя тамъ, прошлыми воспоминаніями.

Вообще, съ годами Елисавету Алексѣвну стали утомлять эти нескончаемые переѣзды изъ одного загороднаго мѣста въ другое; особенно уставала она отъ поѣздокъ въ Гатчину или Петергофъ на лошадахъ въ экипажѣ, отъ постоянныхъ переездовъ для обѣдовъ или выходовъ. Прежде она переносила все это легко и не жаловалась на усталость, хотя никогда не любила этихъ частыхъ передвиженій. Начиная съ 1818 года, Императрица особенно цѣнила время, которое она могла проводить съ супругомъ, но на ея бѣду Государю приходилось постоянно уѣзжать, то на конгрессы за границу, то на разныя инспекціи по Россіи.

Волей неволей приходилось часами проводить время одной и занимать чтеніемъ, корреспонденціей или писаніемъ своихъ воспоминаній. Корреспонденціи она посвящала обыкновенно конецъ дня и любила „заключить день“, бесѣдуя съ матерью.

„Въ 1817 г. Государыня познакомилась съ Н. М. Карамзинымъ, который вскорѣ сдѣлался ея обычнымъ посѣтителемъ и лекторомъ.

Отношенія между Елисаветой Алексѣвной и знаменитымъ историкомъ заслуживаютъ вниманія, потому что они сразу приняли интимный характеръ взаимнаго довѣрія. Карамзинъ сумѣлъ заинтересовать Государыню своими бесѣдами и чтеніемъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Частенько для практики въ русскомъ языкѣ Императрица сама читала вслухъ произведенія историка, и при этомъ происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей. Иногда Карамзинъ утомлялъ Государыню, засиживаясь слишкомъ долго, но никогда она не выражала ему неудовольствія и только сѣтовала матери въ письмахъ на это обстоятельство, или на то, что исторіографъ посѣщалъ ее въ неудобные часы. За послѣдующіе годы довѣріе Елисаветы къ Карамзину настолько окрѣпло, что она начала ему читать свои дневники за все время пребыванія ея въ Россіи.

Карамзина это чтеніе живо интересовало; бывали моменты, когда Императрица не рѣшалась читать вслухъ нѣкоторые отрывки слишкомъ интимнаго свойства, тогда она передавала тетрадь Николаю Михайловичу, и онъ молча прочитывалъ означенныя строки. Родственники Государыни узнали объ этомъ обстоятельствѣ только послѣ кончины Государыни. Имъ сообщилъ эти подробности князь

Александръ Николаевичъ Голицынъ, которому Карамзинъ на смертномъ одрѣ передалъ ихъ по секрету.

„Дневникъ свой Императрица хотѣла завѣщать Карамзину, скончавшемуся двѣ недѣли послѣ нея, но желаніе Государыни не было исполнено. Императоръ Николай I нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ предать все забвенію и лично сжегъ эти дневники, по соглашенію съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Остается только пожалѣть объ исчезновеніи драгоцѣннаго историческаго матеріала.

„Насколько исторіографъ цѣнилъ отношенія къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, явствуетъ изъ его переписки съ И. И. Дмитриевымъ. 30 сентября 1821 г. Карамзинъ писалъ ему изъ Царскаго Села: „Судьба страннымъ образомъ приблизила меня въ лѣтахъ преклонныхъ ко двору необыкновенному и дала мнѣ искреннюю привязанность къ тѣмъ, чьей милости всѣ ищутъ, но кого рѣдко любятъ. Ты не менѣ моего знаешь двухъ ¹⁾, но третью я узналъ короче: Императрицу Елисавету, женщину рѣдкую. Съ прошедшей осени я имѣлъ счастье бесѣдовать съ ней еженедѣльно, иногда часа по два и больше, съ глазу на глазъ; иногда мы читали вмѣстѣ, иногда даже спорили, и всегда я выходилъ изъ ея кабинета съ пріятнымъ чувствомъ. Государь сказалъ мнѣ, что и она скучала въ его отсутствіе бесѣдами съ исторіографомъ. Къ ней написалъ я, можетъ быть, послѣдніе стихи въ моей жизни, въ которыхъ сказалъ:

„Здѣсь все мечта и сонъ, не будетъ пробужденья!
Тебя узналъ я здѣсь, въ прелестномъ сновидѣннѣ:
Узнаю наяву!“

Къ тому же времени относятся воспоминанія товарища президента Императорской академіи художествъ, графа Ѳедора Петровича Толстого; приводимъ изъ нихъ одно мѣсто, въ которомъ онъ говоритъ объ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

„Въ 1820 году я жилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ съ женою и дѣтьми. Вскорѣ по приѣздѣ двора въ Царское Село, по желанію нашего ангела Императрицы Елисаветы Алексѣевны, я имѣлъ счастье первый разъ представиться Ея Величеству. Введенный Николаемъ Михайловичемъ Лонгиновымъ въ кабинетъ Государыни (гдѣ уже находилась Ея Величество), я былъ пораженъ какъ простотою ея туалета, такъ и обстановкою кабинета. На Елисаветѣ Алексѣевнѣ было простенькое, безъ всякаго украшенія платье, обыкновенной лѣтней матеріи, съ накинутою на шею и плечи бѣлою батистовою косынкою,

¹⁾ Императора Александра I и Императрицу Марію Ѳеодоровну.

заколотою простою булавкою. Кабинетъ Императрицы былъ безъ всякихъ излишнихъ украшеній и роскоши, устроенный не для показа, а для настоящихъ занятій. Когда я подошелъ къ Императрицѣ, чтобы поцѣловать ея руку, она приняла меня съ такимъ простосердечіемъ и ласкою, что я не могъ удержать слезъ отъ умиленія. Императрица долго говорила со мною, разспрашивала о моихъ родителяхъ, о моемъ дѣтствѣ и очень подробно о томъ, какъ я сдѣлался художникомъ. Въ то самое лѣто я имѣлъ счастье довольно часто бывать у Ея Величества, такъ какъ ей угодно было знать обо всемъ, что я буду производить по художеству.

Дня черезъ три или четыре послѣ моего перваго представленія Ея Величеству, Государыня получила небольшую коллекцію цвѣтовъ, писанныхъ гуашью однимъ замѣчательнымъ въ Парижѣ по этой части художникомъ. Лонгиновъ сказалъ мнѣ, что Императрицѣ угодно, чтобы я разсмотрѣлъ эту коллекцію цвѣтовъ. Въ назначенный день я явился въ кабинетъ Императрицы, гдѣ она съ тою же ласкою, какъ и въ первый разъ, изволила меня принять и показала полученную коллекцію цвѣтовъ; они ей очень нравились. Эта коллекція состояла изъ восемнадцати разныхъ цвѣтковъ, писанныхъ гуашовыми красками. На грунтовой зеленовато-сѣрой бумагѣ цвѣты были красиво расположены и исполнены съ французскимъ шикомъ. Осматривая коллекцію и отдавая полную справедливость искусству парижскаго художника владѣть гуашовыми красками, я сказалъ: „Мнѣ кажется, что въ принятой этимъ артистомъ манерѣ рисовать цвѣты видно болѣе желанья блеснуть эффектомъ и выставить свой вкусъ, нежели съ строгою отчетливостью передать съ натуры на бумагу копируемый цвѣтокъ, такъ, какъ онъ есть, со всѣми малѣйшими подробностями, принадлежащими этому цвѣтку, отчего въ этихъ столь различныхъ между собою цвѣтахъ съ перваго рисунка показывается какое-то сходство между собою, несмотря на ихъ различные формы и цвѣта!“

На это Императрица сказала мнѣ: „Попробуйте нарисовать мнѣ какой-нибудь цвѣтокъ и покажите мнѣ“.

Не рисуявъ никогда цвѣтовъ, я, однако, принялъ это предложеніе. Вернувшись домой, я нашелъ въ маленькомъ садикѣ кустъ довольно красивыхъ свѣтло-лиловыхъ цвѣтковъ о шести листочкахъ. Сорвавъ небольшую вѣтку съ двумя цвѣтками и съ зеленью, тотчасъ же принялся рисовать его, но не акварелью и не гуашью, и не на грунтовой бумагѣ, а просто на цвѣтной англійской, и водяными красками, которыя я употреблялъ для моихъ рисунковъ, и которыя почти всѣ состоятъ изъ чистыхъ природныхъ корпусныхъ и минеральныхъ красокъ; употреблялъ я ихъ по принятому мною

способу. Этотъ способъ оказался особенно удобенъ для рисованія цвѣтовъ и фруктовъ.

На другой день рисунокъ былъ готовъ. Я отнесъ его Императрицѣ, которая, увидѣвъ его, очень хвалила и сказала мнѣ, что она находитъ въ моемъ цвѣткѣ болѣе жизни и натуры, нежели въ коллекціи присланныхъ ей цвѣтовъ. Такое заключеніе Ея Величества о моемъ, въ первый разъ мною написанномъ, цвѣткѣ несказанно меня обрадовало. Съ тѣхъ поръ я сталъ, въ свободное отъ серьезныхъ занятій время, рисовать цвѣты, фрукты и ягоды, то по одиночкѣ, то группами; также бразильскихъ бабочекъ, жучковъ, стрекозъ, разныхъ формъ и цвѣтовъ, со всевозможными узорами и съ металлическими отблесками; также рисовалъ маленькихъ птичекъ изъ породы колибри, коихъ перышки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блестятъ металломъ. Впослѣдствіи я сдѣлалъ очень много рисунковъ во всѣхъ этихъ родахъ для Императрицы Елисаветы Алексѣвны и представилъ ей, между прочимъ, нѣсколько большихъ рисунковъ, на которыхъ были сгруппированы вмѣстѣ цвѣты, фрукты, птички, бабочки, стрекозы и жучки“.

Несмотря на то, что дѣла благотворительности отнимали у Императрицы не мало времени и доставляли ей нравственное удовлетвореніе въ отрадномъ сознаніи приносимой ею пользы, несмотря на то, что отношенія ея къ любимому супругу въ описываемое время улучшились, и они сблизились болѣе чѣмъ прежде, настроеніе Елисаветы Алексѣвны продолжало, въ общемъ, быть грустнымъ; на это не мало повліяло конечно то обстоятельство, что ей пришлось перенести въ это время рядъ тяжелыхъ утратъ

Въ 1821 г. скончалась въ Парижѣ ея давнишняя пріятельница, графиня Варвара Головина; два года спустя, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1823 года, послѣ продолжительной болѣзни скончалась въ Баденѣ старшая сестра Государыни, принцесса Амалія, столько лѣтъ прожившая съ ней въ Россіи. Смерть сестры повергла Императрицу въ глубокую скорбь.

„Императрица Елисавета отъ горести похудѣла и не перестаетъ плакать о сестрѣ“, писалъ Карамзинъ Дмитріеву 27 ноября 1823 г., сама же Императрица писала маркграфинѣ 26 декабря 1823 г.:

„Я чувствую, что многое, весьма многое безвозвратно кончилось для меня на семъ свѣтѣ, въ особенности въ настоящее время. Бываютъ моменты, когда это кажется мнѣ жестоко, но стоитъ только вспомнить, что жизнь дана мнѣ не для здѣшняго міра, и тогда это кажется вполнѣ естественно и даже благодно со стороны Господа, Который не даетъ мнѣ привязаться къ міру, для котораго я пред-

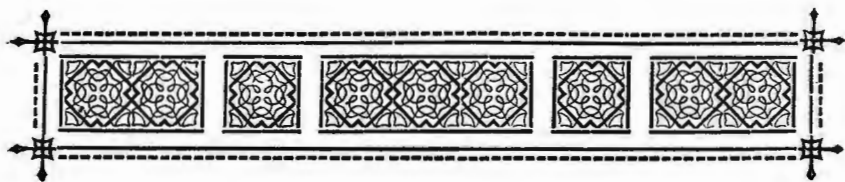
назначена судьбою. Конечно, для меня это легче, нежели для другой, такъ какъ у меня нѣтъ дѣтей“.

„Къ печалямъ и горестямъ скоро прибавились признаки серьезнаго физическаго недомоганія. Появились сердечные припадки и общее разслабленіе всего организма. Прогулки пѣшкомъ стали утомлять Государыню, а ея любимое развлеченіе—ѣзда верхомъ не одобрялась врачами. Императрица лично была мало озабочена плохимъ состояніемъ своего здоровья и, не довѣряя лѣкарствамъ, не обращала вниманія на предупрежденія докторовъ“.

Такъ прошелъ 1823 годъ.

В. В. Тимошукъ.

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны.

В запискахъ, которыя велись мною въ теченіе многихъ лѣтъ, находится немало такого, что было занесено со словъ М. И. Драгомирова по поводу Австро-Прусской войны.

Извлекая изъ тѣхъ записокъ кое-что для „Русской Старины“, нахожу долгомъ оговориться, что въ извлеченіи этомъ нѣтъ ничего цѣлаго; предлагаемая замѣтка не претендуетъ на представленіе полнаго отчета ни объ участіи М. И. Драгомирова въ кампаніи 1866 года, ни о пребываніи его въ полевомъ штабѣ прусской арміи; изъ всего, что объ этомъ было случайно, урывками занесено,—набираются теперь въ рассказъ воспоминанія совершенно отрывочнаго характера.

Когда настанетъ время общей сводки всего характеризующаго такого большого и, во всякомъ случаѣ, крайне сложнаго чело-вѣка,—какимъ является М. И. Драгомировъ, тогда, несомнѣнно, и эти „штрихи“ пригодятся для того, чтобы ими въ томъ или другомъ отношеніи вѣрнѣе отгнѣнить обликъ этого мыслителя и учителя.

Память о подобныхъ М. И. Драгомирову людяхъ хранится; съ ихъ смертію не прекращаются тѣ особенности, которыя они лично своимъ умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ вносили въ жизнь; разнообразное вліяніе, вносившееся ими, продолжается и послѣ исчезновенія ихъ съ лица земли. Важнымъ представляется сохранить въ вѣрномъ рисункѣ до мелочей все то, что ихъ касается, и что съ теченіемъ времени можетъ исказиться лишь въ зависимости отъ убыли лицъ, близко къ нимъ стоявшихъ.

Мих. Ив. Драгомировъ, не говоря объ его дѣятельности,—массой оставленныхъ имъ и въ печати, и въ рукописи сочиненій, самъ очертилъ себя всесторонне; довольно прочесть его разборъ Іоанны д'Аркъ,

*

взгляды на Льва Толстого, военныя замѣтки, замѣтки армейскія, безчисленныя рецензіи, а также его приказы, являющіеся драгоцѣннымъ вкладомъ въ „сочиненія“ о военномъ дѣлѣ (какъ выразился одинъ изъ нѣмецкихъ военныхъ авторитетовъ), — во всемъ этомъ Мих. Ив. представляется во весь свой ростъ; и все же изъ такихъ клочковъ, какими являются частицы предлагаемыхъ записей, истина о Мих. Ивановичѣ еще больше выплываетъ; но клочки подобные такимъ очень дороги тогда, когда въ нихъ на первомъ планѣ съ простотой соединено полное безпристрастіе.

* * *

Въ 1866 году полковникъ М. И. Драгомировъ, преподававшій тактику и стратегію, между прочимъ, въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, проектировалъ ввести въ видѣ лѣтнихъ практическихъ занятій юнкеровъ старшаго класса того училища, для дополненія ихъ военнаго образованія, — рѣшеніе тактическихъ задачъ въ полѣ. Начальникъ училища генераль-маіоръ Александръ Степановичъ Платовъ представилъ этотъ проектъ, со своимъ ходатайствомъ объ его утвержденіи, на имя товарища генераль-фельдцейхмейстера генераль-адъютанта Александра Алексѣевича Баранцова; проектъ былъ принятъ и утвержденъ, а непременнымъ условіемъ разрѣшенія этого нововведенія было поставлено принятіе полковникомъ Драгомировымъ руководства новыми занятіями на себя.

Юнкера, уже въ сущности, окончившіе курсъ наукъ и получившіе по экзамену право на производство въ офицеры, очень обрадовались случаю присоединить къ лагернымъ красносельскимъ строевымъ ученьямъ и къ артиллерійской стрѣльбѣ новыя занятія, ожидая отъ нихъ во 1-хъ нѣкотораго разнообразія, а во 2-хъ удовольствія поучиться у Драгомирова, котораго молодежь вообще уже тогда цѣнила, какъ профессора и руководителя.

Въ то время, когда занятія, — введеніе коихъ задержалось на нѣкоторое время практической стрѣльбой, — должны были начаться, и юнкерамъ оставалось лишь ознакомиться съ подробностями постановки ихъ, получено было въ училищѣ извѣстіе о томъ, что полковникъ Драгомировъ, по Высочайшему повелѣнію, избранъ для командированія въ штабъ прусской арміи на все время внезапно возникшей тогда австро-прусской войны.

— „Вышло это для меня совершенно неожиданно“, рассказывалъ впоследствии Михаилъ Ивановичъ, „поэтому и собираться пришлось наскоро, кое-какъ. — Нелегкое было это дѣло, а между тѣмъ оно могло бы облегчиться, если бы главный штабъ не изобрѣталъ попусту секретовъ; оказалось, что, по представленію военнаго мини-

стра, я былъ назначенъ къ отправленію въ Пруссію на осенніе маневры; если бы я зналъ объ этомъ, то понемногу, исподволь подготовился бы къ поѣздкѣ,—правда, не къ военно-временной, все же къ заграничной и главное къ дѣловой;—при этомъ разумѣю подготовку въ широкомъ смыслѣ слова, а не только вещевые, цейхаузные сборы; между прочимъ надо было заняться и возобновленіемъ въ памяти нѣкоторыхъ знаній. Но сообщеніе намъ о предстоявшей поѣздкѣ на маневры совершенно бессмысленно затормозилось въ виду обозначившихся въ ту пору между Австріей и Пруссіей переговоровъ остраго характера; когда эти переговоры были прерваны—тогда главному штабу пришлось подумать и заговорить о необходимости командированія кого-либо уже не на маневры, а на войну.

По словамъ Дмитрія Алексѣевича Милютина, Государь, при докладѣ объ этомъ, сказалъ: „Драгомировъ долженъ былъ ѣхать на маневры въ Пруссію, пусть ѣдетъ туда для присутствованія при военныхъ дѣйствіяхъ“.

„На сборы“, рассказывалъ Мих. Ив., „остались даже не дни, а только часы; если же взять во вниманіе то обстоятельство, что къ сборамъ надо было присоединить представленія по начальству—можно понять, какими лихорадочно поспѣшными и безтолковыми дѣлались эти сборы“.

* * *

Во время лѣтнихъ въ 1900 году прогулокъ, которыя мнѣ довелось продѣлывать съ М. И. Драгомировымъ ежедневно по утрамъ въ Наугеймѣ и о которыхъ я упоминалъ въ своихъ замѣткахъ, помѣщенныхъ на страницахъ „Русской Старины“ 1908 года,—случилось такъ, что Наугеймъ былъ наводненъ войсками. На нѣсколько дней городокъ, въ которомъ обычно ихъ нѣтъ, оживился: черезъ него проходила пѣхота, двигалась легкая и тяжелая артиллерія, пролетала кавалерія; мобилизованный на нѣсколько недѣль Нассаускій корпусъ упражнялся въ маневрахъ и въ совмѣстныхъ движеніяхъ всѣхъ родовъ оружія;—движенія эти начинались по утрамъ очень рано, войска сновали больше всего именно въ ту пору, когда намъ доводилось съ Мих. Ивановичемъ сходить и направиться за городъ по тѣнистому Фридбергскому шоссе,—сдѣлавшемуся обычнымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ ¹⁾.

¹⁾ Фридбергъ — городокъ, отстоящій отъ Наугейма въ разстояніи трехъ верстъ; это красивое мѣстечко—б. резиденція герцоговъ Гессенъ Дармштадтскихъ, съ удовольствіемъ посѣщается и осматривается всѣми, кому случается проводить время въ Наугеймѣ, въ особенности русскими: здѣсь родились и выросли Государыни Императрицы Марія Александровна и Александра Θεодоровна; покои Фридбергскаго замка, дорогого по воспоминаніямъ дѣтства Государынь, а также Великой Княгини Елисаветы Θεодо-

Мих. Ив. съ видимымъ интересомъ останавливался, смотрѣлъ, какъ двигались цѣпи въ боевой линіи, какъ они примѣнялись къ мѣстности, дѣлалъ свои замѣчанія, оставаясь въ общемъ удовлетвореннымъ; все видѣнное имъ онъ разбиралъ съ одобреніемъ и съ удовольствіемъ.

— „Вы знаете, какъ я не люблю нѣмцевъ, но въ дѣлахъ спеціально военныхъ нельзя не преклоняться передъ ними, а въ особенности передъ нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ и „другомъ“; посмотрите на этотъ Нассаускій корпусъ, какъ онъ впиталъ въ свою кровь и въ плоть всю прусскую выправку и подтяжку; мало того, довольно взглянуть на эти ряды нѣмецкаго строя, чтобы понять, какъ они до мелочей проникнуты бранденбургскимъ чисто военнымъ духомъ; какъ въ нихъ, въ этихъ равнодушныхъ по характеру людяхъ, кипитъ то „прусское озорство“, на которомъ въ Берлинѣ все построено.

„Почти тридцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я, день за днемъ, разглядывалъ въ подробностяхъ прусскіе корпуса, надѣлавшіе въ Европѣ столько переполоху въ 66-мъ году и подарившіе фатерландъ славными, чудесными побѣдами на богемскихъ поляхъ; если бы я не зналъ, что здѣсь передо мной теперь стоятъ и двигаются наассаусцы, я сказалъ бы, что какой-нибудь корпусъ изъ тогдашней арміи Фридриха Карла или наслѣднаго принца Фридриха, — блаженной памяти Фрица, — приведенъ сюда; я никогда не повѣрилъ бы, что это представители Нассаускаго герцогства, которое въ 1866 году не захотѣло шевельнуться для того, чтобы, отколовшись отъ Германско-австрійскаго союза, пойти воевать въ союзѣ съ Пруссіей, рядомъ съ пруссакомъ; не захотѣло оно не только изъ политическихъ видовъ, но и изъ-за своей органической ненависти къ пруссаку; правда, его въ этомъ поддерживало и полное отсутствіе воинственности въ его народѣ и полная, абсолютная неподготовленность къ принятію какого бы то ни было участія въ войнѣ; ему, — этому маленькому герцогству, хотѣлось остаться полунейтральнымъ. Безъ сомнѣнія, за тридцать пять лѣтъ можно преобразиться; но чтобы до такой степени маленькія войсковыя части вида нестроевыхъ командъ могли обратиться въ типичнаго воинственнаго пруссака, — нужно себѣ представить, на сколько для этого должна была воздѣйствовать чудодѣйственная могучая сила живучихъ сыновъ Помераніи и Бранденбурга“.

Мих. Ив. съ какою-то любовью предавался воспоминаніямъ о 66 годѣ; конечно, не прусская армія и не прусская военная закъваска

ровны, украшены картинами, воспроизводящими эпизоды времени пребыванія въ нихъ и обрученія Наслѣдника Цесаревича Алексавдра Николаевича (1840 г.). Красивый и уютный замокъ съ прекраснымъ садомъ представляетъ собою мѣсто лѣтняго пребыванія герцогской семьи.

придала чуткость этимъ воспоминаніямъ; съ одной стороны ему рѣзче представилась его молодость; военная обстановка живо напоминала ему тотъ годъ, когда онъ впервые сталъ близко къ боевой сферѣ, для которой былъ рожденъ; тогда эта обстановка сопровождалась массою такого, къ чему можно было пріурочить свои громадные, теоретическія знанія, на чемъ можно было сдѣлать капитальную провѣрку ихъ и чѣмъ можно было еще болѣе расширить, пополнить тѣ знанія, поучаясь около военныхъ геніевъ. Мих. Ив. вспоминалъ и рассказывалъ много мелочей и, видимо, увлекался ими, какъ чѣмъ-то дорогимъ, затронувшимъ его сердце.

Кто хоть немного зналъ Мих. Ив-ча, тотъ твердо усвоилъ себѣ, что экспансивность и его нравъ—два совершенно противоположные полюсы; далѣе, каждый, знавшій Мих. Ив-ча, зналъ и то, что это былъ человѣкъ, умѣвшій, безъ всякаго съ своей стороны старанія, увлекать своимъ разговоромъ и всегда увлекавшій; разнообразіе предметовъ, занимавшихъ его и вливавшихся въ его бесѣду, способность обнять все съ безконечно разнообразныхъ сторонъ,—все это дѣлало его бесѣду чрезвычайно интересною и на рѣдкость поучительною; онъ не останавливался долго на одномъ предметѣ и еще меньше возвращался къ повторенію одного и того же.

Встрѣчи Мих. Ив-ча съ нѣмецкими войсками въ Наугеймѣ наложили на него какую-то особую печать, и это отразилось на всѣхъ его разговорахъ; въ теченіе нѣсколькихъ дней, при каждой новой встрѣчѣ, онъ какъ-будто бы спѣшилъ продолжать собесѣдованія о видѣнныхъ имъ дѣйствіяхъ „нассаусцевъ“, передѣланныхъ въ пруссаковъ, и по поводу этого какъ бы всѣми своими мыслями вѣзжалъ въ ту среду, въ которой когда-то пережилъ нѣсколько недѣль въ минуты безумнаго успѣха, выпавшаго на долю представителей той среды—счастливецъ, коимъ тогда довелось, въ какихъ-нибудь шесть-семь недѣль времени, капитально передѣлать карту центральной Европы.

—„Для нашей арміи, рассказывалъ Мих. Ив., нѣтъ надобности желать всего того, что представляетъ собою армія прусская,—при всемъ завидномъ состояніи ея; картонныя фігуры офицеровъ, манекены-солдаты непріятно поражаютъ зрѣніе и вселяютъ отвращеніе къ себѣ. Но надо было прожить среди пруссаковъ такъ, какъ прожилъ я во время нахождения своего при главномъ штабѣ прусской арміи въ 66-мъ году, надо было сжиться съ частями арміи и съ ея представителями для того, чтобы отдѣлаться отъ этого отвращенія и вселить въ себѣ непреодолимое, горячее желаніе—многое цѣликомъ пересадить къ себѣ, позаимствовать отъ нихъ;—сжиться пришлось мнѣ съ ними въ ту пору и при такихъ обстоятельствахъ, когда они, эти напыщенные, надутые пруссаки были за-

няты серьезно и исключительно дѣломъ своего побѣдоноснаго шествія, и въ ихъ обиходѣ не оставалось ничего, что могло бы дать возможность заниматься дѣланностью, „представленіемъ себя не собою“; то были минуты, часы, дни и недѣли ихъ упоенія и увлеченія счастьемъ побѣды; все обыденное, напускное, въ чемъ нельзя уловить самой сути пруссака, было тогда отброшено, для наблюдателя оставался лишь пруссакъ-человѣкъ;—получался совсѣмъ иной обликъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прорывалась даже симпатія къ пруссаку, но она являлась мимолетною и навсегда не оставалась, потому что разъ прошли минуты торжества, снявшего маску, пруссакъ опять обратился въ нарцисса, сжался тисками своей чопорности, сопровождающейся отталкивающимъ любованіемъ самимъ собою.—Тѣмъ пріятнѣе вспомнить тѣ исключенія, на которыя случилось мнѣ тогда обратить вниманіе.

Многое изъ того, что у пруссаковъ насаждено, насаждается старательно и у насъ; они завидуютъ многому такому, что у насъ имѣется по врожденности, но суть въ томъ, что у нихъ все, и свое и чужое прививается толково, крѣпко и разъ привитое не отламывается такъ легко, какъ у насъ,—при малѣйшемъ подходящемъ къ тому случаѣ; тамъ все полезное, основное, коренное, засѣвши разъ, сидитъ прочно, видряется навсегда и остается нестираемымъ. Со всѣхъ сторонъ твердятся прописи,—намъ надо учиться у нихъ; и учимся и заимствуемся, да все норовимъ взять верхи, хотимъ научиться легковѣсно. Не тотъ характеръ лежитъ въ глубинѣ нашихъ національныхъ способностей, не то наше основаніе и не на тѣхъ дрожжахъ всходятъ наши знанія“.

* * *

Пріѣхавъ въ лѣтній, сумрачный, на подобіе петербургскаго, день въ Берлинъ, Мих. Ив. засталъ улицы его въ томъ веселомъ настроеніи, которое для всякаго посторонняго должно было свидѣтельствовать о большомъ торжествѣ. Но въ тѣ самыя минуты, когда не оставалось мѣста никакому сомнѣнію въ оцѣнкѣ характера и смысла ликованья, пришлось узнать, что лишь нѣкоторая часть населенія была весела и казалась ликующею; на самомъ дѣлѣ то, что можно было принять за причину веселья, торжества и ликованья—именно то вызывало уныніе въ мыслящей части общества: только что объявленная крупному сосѣду война была далеко непопулярна; во всемъ этомъ крылось что-то зловѣщее и надо было находиться близко къ центру Пруссіи Берлину для того, чтобы понять весь трагизмъ тогдашняго положенія державы, отважившейся на безконечно важный шагъ, какимъ является рѣшеніе вступить въ борьбу, помѣрять свои

силы въ такую минуту, когда внутри государства не было ничего ободрявшаго къ тому.

Вездѣ, на каждомъ шагѣ можно было слышать и читать о томъ, будто народъ не хочетъ войны, будто народные представители не даютъ и не дадутъ кредита на нее. Въ высшихъ сферахъ все, казалось, потеряли почву подъ собой, растерялись.

Въ тѣ времена къ королю Вильгельму не относились съ тѣмъ уваженіемъ, которое проявлялось къ нему впоследствии. Выигранною за два года передъ тѣмъ войной, въ которой Пруссія вмѣстѣ съ Австріей нанесла пораженіе всему строю маленькой Даніи и отрѣзала чуть ли не половину этого королевства,—улучшились отношенія народа къ Вильгельму; но это улучшеніе не пошло далѣе того, что къ бывшему „Принцу Прусскому“, игравшему, по убѣжденію народа, двусмысленную роль въ періодъ хода разыгравшихся въ Берлинѣ событій революціи 48 года—ненависть только замѣнилась чувствомъ равнодушія ¹⁾).

Въ то время, когда въ народѣ и наверху все приуныло,—въ арміи обычное „бряцанье“ стало раздаваться еще громче; горделивая увѣренность въ своихъ силахъ не покидала войска; а это являлось залогомъ того, что всякое, даже минутное, отчаяніе въ успѣхѣ начатаго дѣла должно было считаться преступнымъ. Не таковъ былъ весь строй государственной жизни Пруссіи, чтобы неуѣренность въ исходѣ предстоявшей кампаніи могла долго властвовать надъ умами хотя-бы части націи; въ Пруссіи, со временъ тяжелыхъ испытаній, принесенныхъ ей празднествами наполеоновскаго режима,—съ начала XIX столѣтія, народъ и армія представляли одно и то же; этимъ обезпечивалась недолговѣчность и мимолетность такой неуѣренности;—скоро самоуѣренное бряцанье заразило всю націю отъ мала до велика, и Пруссія двинулась громадами своихъ армій на поля Богеміи уже съ поднятою головой.

Къ тому же все, что дышало и думало въ этомъ, преданномъ только самому себѣ, государствѣ, чувствовало высоко взвившагося орла—перваго министра, Бисмарка Шенгаузеня.

Нельзя внести въ эту замѣтку всю массу тѣхъ эпизодовъ, кото-

¹⁾ Известно, что въ 1840 году, по вступленіи на прусскій престолъ Фридриха Вильгельма IV—братъ его Вильгельмъ, какъ предположенный наследникъ престола, получилъ титулъ „Принца Прусскаго“; черезъ восемь лѣтъ, требуя энергичнаго примѣненія реакціонныхъ мѣръ въ то время, когда революціонное движеніе мечтало имѣть въ немъ опору, онъ возбудилъ въ представителяхъ смуты и въ народѣ такую ненависть къ себѣ, что долженъ былъ удалиться въ Англію, гдѣ и прожилъ около полугода, пока не улеглось чувство возмущенія его дѣйствіями.

рыми были полны рассказы и воспоминанія Мих. Ив. о первыхъ дняхъ пребыванія его въ Прусской столицѣ.—Въ этихъ рассказахъ переплеталось серьезное, стойвшее вниманія какъ исторически-вѣрное съ шутиливымъ, вводившимся, по словамъ Мих. Ив., какъ анекдотическое, но дававшее яркую характеристику преобладавшаго настроенія и всего знаменательнаго историческаго момента. Съ большимъ юморомъ и съ неменьшимъ неуваженіемъ къ особѣ короля, молва и печать рассказывали о томъ, какъ Бисмаркъ сначала уговаривалъ Вильгельма рѣшиться на отважный шагъ, потомъ усовѣщивалъ, а впоследствии успокаивалъ, приводя ему для всего этого въ видѣ главнаго довода то, что проявляемая имъ нерѣшимость какъ бы граничитъ съ трусостью, совершенно несоотвѣтствующею характеру и праву бранденбургскому и недостойною представителя Гогенцоллернскаго дома.

— Теперь, когда уже шагъ сдѣланъ, разсужденіямъ нѣтъ мѣста, они порождаются малодушіемъ, говорилъ будто бы Бисмаркъ, съ жестокою, дьявольскою вкрадчивостью въ отвѣтъ на доводы Вильгельма, который пересыпалъ ихъ воспоминаніями о прошломъ Пруссіи и о великомъ прадѣдѣ своемъ; я, на мѣстѣ Вашего Величества, думалъ бы вовсе не объ этомъ, а, вспоминая Фридриха Великаго, приготовлялся бы имѣть честь и счастье умереть на полѣ брани...

Среди всего того, что, съ злорадствомъ, изо дня въ день, передавалось въ Берлинѣ въ видѣ новинки, насталъ день и моментъ представленія М. И. Драгомирова.

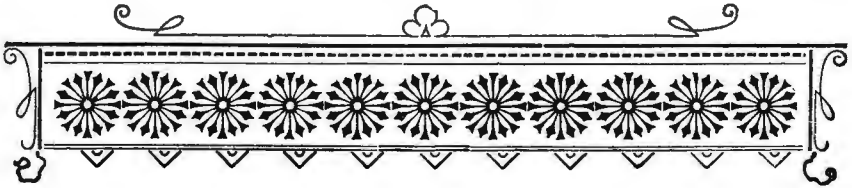
— Я мало видѣлъ короля прежде, говорилъ Мих. Ив.; поэтому, въ минуту представленія, не могъ судить о томъ, въ какомъ, сравнительно, видѣ и въ какомъ настроеніи онъ былъ; отдавая же себѣ отчетъ объ этомъ по сравненію съ тѣмъ, что пришлось мнѣ видѣть впоследствии, въ теченіе всей войны, могу заключить, что настроеніе короля, при всей величественности его фигуры, оказалось полавленнымъ, смущеннымъ, самъ онъ казался лишеннымъ полного самообладанія.

— Поздоровавшись привѣтливо, король спросилъ о здоровьи „лучшаго его друга и племянника—Императора Александра“, задалъ два-три частныхъ вопроса, лично обо мнѣ, а затѣмъ, сказавъ обычное „soyez le bienvenu“, какъ бы усилился прибавить по-нѣмецки: въ трудную минуту вы видите и меня и правительство мое; но во всѣхъ насъ твердо залегла увѣренность, которую мы черпаемъ въ надеждѣ на Бога,—на милосердіе Его къ народу, къ арміи...

„Настроеніе Мольтке и Бисмарка было иное“....

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Настоящія воспоминанія заключаютъ въ себѣ личныя впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ участія его въ экспедиціи 1845 года графа Воронцова въ Андю и Ичкерію, экспедиціи—особо и исключительно интересной, одинъ изъ отдѣльныхъ кровавыхъ эпизодовъ которой носитъ названіе „Сухарной оказіи“ или „Сухарницы“.

Съ увольненіемъ изъ Кавказа А. П. Ермолова, съ 1826 года покореніе Кавказа пошло по ложному пути вплоть до конца пятидесятихъ годовъ, когда, наконецъ, мы взялись за умъ и при извѣстномъ напряженіи силъ и цѣлесообразныхъ мѣропріятіяхъ кончили эту продолжительную и дорого стоющую государству войну.

Особо напряженный и роковой для насъ характеръ приняла борьба въ періодъ съ 1839 по 1846 годы. Наши неудачи съ 1840 по 42 годы кончились катастрофой 1843 года въ Дагестанѣ. Въ 1844 году войска на Кавказѣ были значительно усилены, но это мало помогло дѣлу, ибо планъ дѣйствій—„кончить съ Шамилемъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ, въ условіяхъ нанесенія его въ центрѣ могущества Шамиля, гдѣ и утвердиться, т. е. въ *Дарго*“,—совершенно не отвѣчалъ обстоятельствамъ, и честный Нейдгардъ отказался отъ исполненія этого плана, составленнаго въ Петербургѣ и предложеннаго къ неперемѣнному исполненію. Нейдгардъ былъ смѣненъ, а исполненіе плана было отложено на 1845 годъ и возложено на графа Воронцова. Опытный когда-то военачальникъ и тонкій дипломатъ, графъ Воронцовъ къ этому времени представлялъ просвѣщеннаго вельможу, скорѣе политика и администратора, но

уже нѣсколько отставшаго отъ военнаго дѣла и совершенно незнакомаго съ особенными условіями веденія войны на Кавказѣ.

Еще съ 1844 года войска на Кавказѣ были усилены 5-мъ пѣх. корпусомъ, но командиръ его генералъ *Лидерсъ*, равно какъ и его штабъ и сами войска корпуса не были знакомы съ особенностями веденія здѣсь войны, а опытные и знающіе кавказскіе генералы не только не были спрошены, но бѣльшей частью устранены отъ участія въ главной экспедиціи (кн. Аргутинскій, Фрейтагъ и др.).

Изъ опытныхъ кавказцевъ назначены въ экспедицію кн. *Бебутовъ*, *Клюки фонъ-Клюгенау*, *Пассекъ* и *Лабынцевъ*, но первому въ началъ похода было поручено управленіе тыломъ и снабженіе отряда, а малораспорядительный, хотя и храбрый, какъ шпага, *Клюгенау* и блестящій *Пассекъ*,—молодой талантливый, честолюбивый и пылкій, а равно какъ и опытный и мастеръ своего дѣла *Лабынцевъ*—не могли возмѣстить недостатка въ знающихъ свое дѣло частныхъ начальникахъ, тѣмъ болѣе, что ихъ держали во второстепенныхъ роляхъ.

Графъ Воронцовъ, сохранивъ штабъ и свиту Нейдгарта, привезъ еще свой штабъ и исключительно многочисленную свиту, что, въ соединеніи со штабомъ Лидерса и группой именной военной молодежи, направленной за лаврами изъ Петербурга, составило весьма значительную, небывалую для Кавказа по размѣрамъ группу лицъ свиты и штабовъ, что непомѣрно увеличивало вьючный обозъ, въ ущербъ подвижности и боеспособности отряда. Вообще на отрядъ силой около дивизіи было слишкомъ много начальства, свиты и штабовъ.

Въ составъ войскъ „Главнаго“ отряда вошли по два и по три баталіона отъ Кавказскихъ войскъ и отъ 5-го корпуса и части различныхъ казачьихъ частей и разнаго вида милицій, что сообщило отряду столь вредную разнородность состава, а многочисленность свиты, штабовъ и обозовъ придавала отряду невиданный на Кавказѣ характеръ, осужденный опытными и старыми кавказцами.

Опытные кавказскіе военачальники предсказывали полную неудачу (Фрейтагъ, кн. Аргутинскій, Лабынцевъ и др.), и самъ Воронцовъ началъ терять вѣру въ успѣхъ похода, изготовленнаго цѣлкомъ въ Петербургѣ, безъ всякаго соображенія мѣстныхъ условій, но выполненіе похода было условіемъ его назначенія, и тонкій дипломатъ Воронцовъ пишетъ графу Чернышову наканунѣ выступленія: „*Если бы даже полученное мною приказаніе дѣйствовать въ этомъ году наступательно, прежде, чѣмъ вновь приняться за устройство передовой Чеченской линіи, было противно моему мнѣнію, какъ несогласны съ нимъ все здѣшніе генералы, то я все же исполнилъ бы его съ тѣмъ же рвеніемъ, но я откровенно говорю здѣсь всегдѣ,*

что это также и мое мнѣніе (т. е. я согласенъ съ „пославшими мя“), что неблагоразумно избѣгать встрѣчи съ Шамилемъ и возможности нанести ему вредъ, что устроитъ наши дѣла лучше всего. Если Богу не угодно будетъ благословить насъ успѣхомъ, мы все-таки сдѣлаемъ нашъ долгъ, не будемъ виноваты (умываемъ руки!) и обратимся къ методической системѣ“¹⁾).

Послѣ этого дипломатическаго обращенія къ военному министру, въ которомъ графъ Воронцовъ, видимо не вѣря въ успѣхъ, все-таки ведетъ отрядъ въ экспедицію и заранѣе умываетъ себѣ руки, прикрываясь исполнительностью, онъ дней пять спустя вновь обращается къ графу Чернышеву: „Повергните меня къ стопамъ Его Величества, я не смѣю и надѣяться на большой успѣхъ нашего предпріятія, но сдѣлаю, разумѣется, все, что будетъ отъ меня зависеть, чтобы выполнить Его желаніе и оправдать Его довѣренность“²⁾).

Въ походѣ приняли участіе значительное число извѣстныхъ тогда и впоследствии лицъ, изъ коихъ многіе остались здѣсь на мѣстѣ или были ранены даже нѣсколько разъ, нѣкоторые сложили свои головы на Кавказѣ позднѣе, нѣкоторые прославились потомъ на Кавказѣ или въ Имперіи, а потому, полагаемъ, есть извѣстный интересъ перечислить ихъ, указавъ убитыхъ и раненыхъ въ этомъ походѣ. При графѣ Воронцовѣ, въ свитѣ состояли: принцъ Александръ Гессенскій (братъ Цесаревны Маріи Александровны), при немъ полковникъ Самсоновъ, князь *Θ. И. Паскевичъ* (сынъ фельд-маршала), при немъ капитанъ *Беклемишевъ* (здѣсь раненъ); сынъ графа Воронцова *Семень*, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, князь Александръ Голицынъ, князь Эмилій Витгенштейнъ, князь Ираклій Грузинскій, баронъ Александръ Павловичъ Николаи (впоследствии завѣдывающій гражд. частью управл. намѣстника и министръ народнаго просвѣщенія), князь Ал. Из. Гагаринъ (убитъ въ Кутаисѣ, будучи воен. губернаторомъ), генералы—*Викторовъ* и *Фокъ* (оба здѣсь убиты), *Минквицъ*, *Мих. Павл. Щербининъ*, поручикъ *Иедлинскій* (тогда еще австрійской службы, здѣсь раненъ, извѣстный впоследствии на Кавказѣ острякъ и каламбуристъ), флигель-адъютантъ *Сколковъ*; адъютанты графа Воронцова и офицеры для порученій: поручики—*Лонгиновъ* (здѣсь убитъ), *Глѣбовъ* (раненъ, а въ 1847 г. убитъ подъ Салтами), князь Сергѣй Илларионовичъ *Василь-*

¹⁾ Письмо Воронцова графу Чернышеву, отъ 25 мая 1845 г., изъ Внезапной (Кавк. Сборн. томъ VI, стр. 281).

²⁾ Письмо графа Воронцова графу Чернышеву, отъ 30 мая, изъ Внезапной. (Тамъ же, стр. 288).

чиковъ (раненъ), князь *М. А. Дундуковъ-Корсаковъ* (раненъ), баронъ *Шептингъ* (раненъ, а потомъ убитъ), *Альбрантъ* (раненъ), *Дружининъ*, юнкеръ *графъ Чапскій*, юнкеръ князь *Янвилъ* (впослѣдствіи командиръ л.-гв. Гусарскаго полка), баронъ *Врангель*, князь *Михаилъ Лобановъ-Ростовскій*, князь *Трубецкой*, *Веревкинъ*, князь *Ревасъ Андронниковъ*, подполк. *Качени* (ран.), ротм. *Лазбниковъ* (ран.), шт.-кап. *Фонъ-Кауфманъ* (ран.).

Изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, помимо Начальника Штаба отряда Владимира Юсифовича *Гурко* (отецъ фельдмаршала), отмѣтимъ: полковника *Милюковскаго*, барона *Ипполита Вревскаго*, (убитъ въ 1858 г.), *Ковалевскаго* (убитъ при штурмѣ Карса въ 1854 г.), подп. *Левиссона* (убитъ здѣсь), *Корсакова* (убитъ здѣсь), *Козлянинова* (раненъ), барона *Дельвига* (раненъ), *графа Гейдена* (раненъ), впослѣдствіи нач. Глав. Штаба, *Леонтьева* (раненъ), *Артура Адамовича Непокойчицкаго* (впослѣдствіи Нач. Шт. дѣйствующей въ 1877 г. на Дунаѣ арміи), *Мих. Иван. Дараганъ* и капитана *Прушановскаго* (тяжело здѣсь раненаго).

Изъ строевыхъ офицеровъ, помимо генераловъ-героевъ этого похода—*Пассека* (здѣсь убитаго) и *Лабынцева*, отмѣтимъ генераловъ *Козлянинова* (нач. артиллеріи), *Везобразова* и *Бьялевскаго* (раненаго) и блестящихъ штабъ-офицеровъ: *Познанскаго*, *Ранжевскаго*, *Завалиевскаго* и командира Навагинцевъ *Бибикова* (всѣ четверо здѣсь убиты), капитана Николая Петровича *Колубакина* (раненаго, впослѣдствіи кутаисскаго губернатора), князя *Александра Ивановича Барятинскаго* (раненаго, будущій фельдмаршалъ), юнкера Кабардинскаго полка, здѣсь произведеннаго въ прапорщики, князя *Димитрія Святополкъ-Мирскаго*, командира Кабардинскаго полка, известнаго героя Викентія Михайловича *Козловскаго* (раненаго), полковника *Сервиорога* (убитаго здѣсь), *графа Стейнбока* (тяжело раненъ и умеръ въ концѣ похода, старый доблестный кавказецъ), *Корнилова* (двоюродный братъ Севастопольскаго героя, тяжело раненъ и тутъ же умеръ), Любл. полка подп. *Кривошеева* (убитъ), маіора *Ритца* (убитъ), подполк. *Авдѣва* (ран.), полк. *Витовскаго* (ран.), подп. *Левашева* (ран.), подп. *Синюхаева* (ран.), полк. *Меллера-Закомельскаго* (ран.), маіора *Семенова* и полк. *Степанова* (оба ранены), поручика *Лапы* (ран.) и мн. др.

Во главѣ милиціи мы видимъ здѣсь героевъ: князя *Илью Димитріевича Орбелиани* (убитаго въ 1854 г. во главѣ командуемаго имъ Грузинскаго Гренад. полка), князя *Левана Меликова* (впослѣдствіи помощникъ Намѣстника) и князя *Александра Эрстова* (раненаго здѣсь одновременно съ авторомъ воспоминаній), *Захарія Эрстова* и др.

Изъ адъютантовъ и ординарцевъ Лидерса назовемъ: ротмистра *графа де-Бальмена* (извѣстнаго художника, скорѣе превосходнаго рисовальщика), юнкера *Башилова* (оба здѣсь убиты въ одинъ день) и юнкера *Амосова* (раненъ въ щеку), гвард. пор. *Гербеля* (ран.), ротм. *Кованько* (убить), капитана *Ключарева* (адъют. Клюгенау—убить), шт.-кап. *Савича* (убить), поручика *фонъ-Блюма* (ран.); затѣмъ адъютанта Пассека ротм. кирас. Ея Велич. полка *Ольховскаго* (также здѣсь убитаго); такимъ образомъ только изъ послѣднихъ названныхъ здѣсь лицъ шестеро убиты, а остальные всѣ переранены.

Авторъ воспоминаній происходилъ изъ древней лифляндской рыцарской фамиліи. Отецъ его — Константинъ Христофоровичъ ¹⁾ былъ извѣстный боевой дѣятель эпохи 1812—1815 гг. и, служа все это время въ летучихъ и партизанскихъ отрядахъ, прошелъ отличную боевую школу, командуя въ 1813 и 14 гг. самостоятельно отдѣльными летучими отрядами ²⁾. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ былъ посланникомъ въ Штутгартъ, но въ предвидѣніи войны съ Персіею въ 1825 г., онъ, страстно любя военное дѣло, снова надѣлъ мундиръ, поѣхалъ на Кавказъ и принялъ живое участіе въ персидской кампаніи 1826—27 гг., съ выдающимся отличіемъ командуя у Паскевича авангардомъ, получивъ здѣсь, въ числѣ прочихъ награды, званіе генераль-адъютанта.

Соединяя съ боевыми заслугами прекрасное образованіе, Константинъ Христофоровичъ былъ извѣстенъ въ литературѣ рядомъ трудовъ, такъ, въ „Сѣверной Пчелѣ“ печатались „Письма изъ Персіи“, заключающія въ себѣ извлеченія изъ его весьма интересныхъ писемъ съ театра войны („Пребываніе Аббасса мирзы въ русскомъ лагерѣ“ и др. очерки); также извѣстенъ его трудъ—„О казакахъ и службѣ вообще легкихъ войскъ“, изданный на французскомъ языкѣ. По окончаніи войны К. Х. Бенкендорфъ сдѣлался жертвой нездороваго климата театра войны и, больной, покинулъ Кавказъ, оставивъ по себѣ память „рыцаря безъ страха и упрека“. Съ началомъ турецкой войны, 1828—29 г., еще не оправившись отъ болѣзни, онъ поѣхалъ вновь въ армію, на Дунай и въ Болгарію, и здѣсь, командуя летучимъ отрядомъ, проникъ на Балканы, въ тылъ турецкой арміи, и 7-го іюня занялъ Праводы, захвативъ богатую добычу, но это былъ уже послѣдній его подвигъ, и въ августѣ болѣзнь свела его въ могилу на 44-мъ году всего жизни.

¹⁾ Родной братъ извѣстнаго шефа жандарм. Александра Христофоровича.

²⁾ Въ 1813 г., при преслѣдованіи французовъ послѣ Лейпцига, Бенкендорфъ первымъ занялъ своимъ отрядомъ г. Амстердамъ и возстановилъ династію Оранскаго дома.

Въ 1832-мъ году братъ покойнаго Александръ (шефъ жандармовъ) былъ возведенъ въ графское достоинство, но, по неимѣнію имъ дѣтей мужского поколѣнія, достоинство это Высочайше повелѣнію перенести на сына его умершаго брата Константина, т. е. на автора настоящихъ воспоминаній.

Авторъ воспоминаній Константинъ Константиновичъ, окончивъ Пажескій корпусъ, вышелъ въ л.-гв. конный полкъ, былъ затѣмъ адъютантомъ военнаго министра, но, несмотря на блестящее положеніе въ обществѣ и связи, обезпечивавшія ему военно-придворную карьеру, на жизнь въ столицѣ и на глазахъ у Государя, предпочелъ, подобно своему отцу, лишенія и опасности „погибельнаго Кавказа“. Добившись назначенія въ кавказскій корпусъ, Константинъ Константиновичъ прошелъ здѣсь отличную боевую школу подъ руководствомъ такихъ выдающихся боевыхъ дѣятелей, какъ незабвенный *Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ* и доблестный *Робертъ Карловичъ Фрейтагъ* и руководство подобныхъ знатоковъ военнаго дѣла оставило въ немъ неизгладимые слѣды истиннаго его пониманія.

Всей душой Бенкендорфъ пристрастился къ славнымъ кавказскимъ войскамъ и къ кавказской боевой и походной службѣ и жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, этого, по истинѣ „героическаго періода войны“, жизни, полной лишеній, трудовъ, опасностей и своеобразной поэзіи. Въ этихъ непрестанныхъ походахъ, то на Кубани, то въ Черкессіи, то въ Чечнѣ или Дагестанѣ, Бенкендорфъ, воинъ по крови и по призванію, оцѣнилъ кавказскія войска и всѣмъ сердцемъ привязался къ кавказскому солдату, къ которому до послѣднихъ дней своей жизни сохранилъ особое глубокое поклоненіе, обожаніе и сердечную привязанность. „Чудныя войска, которыми, кажется, никогда достаточно не нахвалишься“, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ 1839-мъ году онъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ, но, побывавъ въ Петербургѣ, продолжалъ свою боевую службу на Кавказѣ, участвуя въ экспедиціяхъ вплоть до рокового для него Даргинскаго похода 1845-го года, вынудившаго его, за потерей здоровья отъ неслыханныхъ лишеній и за тяжкими многими ранами, полученными въ этой экспедиціи, и сохранивъ жизнь только какимъ-то чудомъ, прежде всего заняться основательнымъ леченіемъ, а затѣмъ навсегда оставить боевую службу въ строю. Страданія отъ тяжкихъ ранъ не оставили его до конца жизни. Не владѣя свободно лѣвой рукой и особенно страдая отъ шашечныхъ ранъ, Бенкендорфъ продолжалъ службу по военно-дипломатической части, былъ нѣкоторое время нашимъ военнымъ агентомъ въ Берлинѣ, затѣмъ женился и въ тѣхъ же военно-дипломатическихъ обязанностяхъ участвовалъ въ венгерской кампаніи 1849 г. и

восточной 1853—55 гт., состоя при арміи Въ 1855. г. Бенкендорфъ получаетъ званіе генераль-адъютанта, а три года спустя въ 1858 г.—тѣ же раны свели его въ могилу.

Настоящіе мемуары были изданы въ Парижѣ княземъ Григоріемъ Гагаринымъ на французскомъ языкѣ, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, и составляютъ библиографическую рѣдкость; по свойственной ему скромности, покойный не предназначалъ ихъ большой публикѣ, а только кружку близкихъ, но, полагаемъ, что 70 лѣтъ спустя грѣшно держать ихъ подъ спудомъ, такъ какъ они имѣютъ историческое значеніе.

Среди своихъ начальниковъ и подчиненныхъ, равно среди начальниковъ, друзей и пріятелей, графъ К. К. Бенкендорфъ оставилъ, подобно своему отцу, память человѣка „безъ страха и упрека“ и, одновременно, человѣка мыслящаго и чрезвычайно скромнаго.

Князь Александръ Михайловичъ Дундуковъ-Корсаковъ, участникъ той же экспедиціи, часто въ теченіе ея встрѣчаясь съ Бенкендорфомъ, много разъ вспоминаетъ его въ своихъ запискахъ и, мало кого щадя въ нихъ, отзывается о немъ всегда съ особымъ уваженіемъ и теплотой.

„Графъ Бенкендорфъ рыцарски благородная личность, столь цѣнная Воронцовымъ, которую никто изъ знавшихъ его близко никогда не забудетъ“, говоритъ о немъ Дундуковъ, рассказывая случай, когда Бенкендорфъ велъ въ атаку отрядъ при движеніи къ Герзель-аулу, гдѣ онъ и былъ тяжело раненъ ¹⁾.

Обладая большой наблюдательностью и сосредоточивая свои наблюденія на существенныхъ сторонахъ войны, нашего положенія въ краѣ, отношенія къ туземцамъ, особенностяхъ веденія здѣсь войны и особенно бытовой стороны арміи и на качествахъ русскаго солдата на Кавказѣ, Бенкендорфъ даетъ превосходную всему этому характеристику, а равно и весьма цѣнный очеркъ этой бѣдственной и безцѣльной экспедиціи и мѣткую и правдивую оцѣнку событій и лицъ, много посвятивъ характеристикѣ нашего несравненнаго кавказскаго солдата того времени.

Справедливо воздавъ должное огромному значенію А. А. Вельяминова, какъ, по истинѣ, творца системы, пріемовъ и способовъ веденія здѣсь войны, Бенкендорфъ превосходно обрисовываетъ и самую личность этого первокласснаго кавказскаго военнаго дѣятеля, котораго онъ ставитъ выше Алексѣя Петровича Ермолова.

¹⁾ Старина и Новизна. Т. VI. Воспом. кн. Дундукова-Корсакова, стр. 137-ая.

Интересной вереницей проходят здѣсь передъ нами характеристики участниковъ экспедиціи и прежде всего величественная фигура *графа Воронцова*, точнаго исполнителя навязаннаго ему изъ Петербурга плана экспедиціи и очутившагося съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности на Кавказѣ въ рѣдко трудномъ положеніи даже для полной всякихъ кризисовъ и ужасовъ кавказской войны и, тѣмъ не менѣе, внушившаго войскамъ своимъ олимпійскимъ величіемъ, выдержкой, неизмѣннымъ спокойствіемъ и рѣдкимъ холоднымъ мужествомъ въ минуты кризисовъ экспедиціи,—довѣріе и глубокое уваженіе.

Очень интересна также характеристика героя многихъ славныхъ дѣлъ и, особенно, всѣхъ арріергардныхъ дѣлъ этой экспедиціи (труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ на Кавказѣ), большого мастера руководить труднымъ дѣломъ отступленія арріергарда, типичнаго боевого служаки и стараго ворчуна, когда-то командира Кабардинскаго полка, генерала *Ивана Михайловича Лабунцева*, этого „Нея Кавказской арміи“, по словамъ Бенкендорфа, затѣмъ богато во всѣхъ отношеніяхъ одареннаго, пламеннаго, отважнаго и непомѣрно честолюбиваго *Пассека*, знающаго, храбраго, но „страшнаго“, по словамъ Бенкендорфа, „фрондера“ *Ковалевскаго* и многихъ другихъ интересныхъ боевыхъ дѣятелей того времени, блиставшихъ геройствомъ, яркими талантами и представлявшихъ интересные типы, которые вырабатывала эта продолжительная, своеобразная война, полная тяжелыхъ лишеній, вѣчной опасности, сильныхъ ощущеній, и одновременно своеобразной прелести походной жизни на лонѣ дикой и величественной природы.

Изъ описанія эпизодовъ экспедиціи превосходно изложено у Бенкендорфа пребываніе отряда Пассека на „Холодной горѣ“ и положеніе вообще раненыхъ на послѣднемъ до освобожденія Фрейтагомъ бивакѣ отряда у Шаухаль-Верды ¹⁾.

При правильномъ отношеніи къ событіямъ и правдивости изложенія записки графа Бенкендорфа, наравнѣ съ воспоминаніями князя *Дундукова-Корсакова*, барона *Николаи*, *Геймана*, барона *Дельвига*, *Нечаева* и *Горчакова*, имѣютъ большую цѣнность для изслѣдованія этой высоко-интересной, полной драматическихъ эпизодовъ и безпримѣрной по стойкости и благородному мужеству кавказскихъ войскъ—экспедиціи въ Дарго въ 1845-мъ году.

Б. Колюбакинъ.

1) До чего были велики потери отряда въ офицерахъ, свидѣтельствуя цифры; всего вышло изъ строя за три недѣли экспедиціи 189 шт.-и оберъ-офицеровъ, изъ коихъ убито 37, а изъ числа 119 раненыхъ большинство тяжело и по нѣсколько разъ, и уже конечно остались калѣками на весь остатокъ своей жизни.

Предисловіе парижскаго издателя (1858 г.).

(Составлено княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ, извѣстнымъ художникомъ, впоследствии вице-президентомъ академіи художествъ, бывшимъ личнымъ другомъ автора воспоминаній).

Лѣтомъ 1845-го года графъ Бенкендорфъ, весь покрытый тяжелыми ранами, пріѣхалъ въ Парижъ лѣчиться и для необходимаго отдыха. Во время своего выздоровленія, на досугъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій, онъ принялся писать свои воспоминанія о походѣ, изъ котораго онъ спасся какимъ-то чудомъ.

Какъ человѣку высоко-порядочному и военному до мозга костей, болѣе всего претило ему говорить о себѣ самомъ, а тѣмъ болѣе рассказывать о своихъ подвигахъ. Набрасывая эти замѣтки, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія сдѣлать ихъ достояніемъ печати; еще едва оправившись отъ ранъ, онъ назначилъ себѣ извѣстный срокъ, чтобы дать время остыть свѣжимъ впечатлѣніямъ, которыя не могли бы не потускнѣть передъ новѣйшими событіями.

Воспоминанія эти онъ писалъ исключительно для себя и для своихъ, а если и давалъ ихъ читать кому-либо изъ близкихъ друзей, то дѣлалъ это крайне рѣдко и съ большимъ разборомъ. Теперь, когда жестокая и преждевременная смерть отняла его у насъ и когда главныя дѣйствующія лица этой Кавказской драмы вычеркнуты изъ списка живыхъ, мы считаемъ своимъ долгомъ воздать дань уваженія его свѣтлой памяти, ознакомивъ общество съ этой благородной личностью во всей простотѣ его открытаго и прямого характера.

Мы постараемся сохранить доказательства глубокой любви покойнаго къ родинѣ, къ Кавказу и къ военной службѣ. Въ этихъ воспоминаніяхъ мы увидимъ, съ какимъ безпристрастіемъ и добротой онъ относился къ людямъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и какъ чувство долга всегда одерживало въ немъ верхъ надъ всѣми остальными чувствами, нерѣдко подвигая его на крайніе подвиги.

Личныя воспоминанія графа К. К. Бенкендорфа о кавказскомъ походѣ въ лѣто 1845-го года.

Я вовсе не намѣренъ писать исторію военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ лѣто 1845-го года. Я просто хочу возстановить въ памяти самому себѣ и моимъ друзьямъ мое скромное участіе въ походѣ въ качествѣ командира баталіона. Въ этихъ воспоминаніяхъ я отдохну душой, они перенесутъ меня въ эпоху моей жизни, полную молодости и силъ, они напомнятъ мнѣ любимый край, воскресятъ былые сны и наиболѣе мнѣ дорогія симпатіи. Тѣмъ не менѣе,

*

я не могу начать свое повѣствованіе, не сказавъ о времени, къ которому оно относится, и о тѣхъ причинахъ высшаго порядка, которыя породили главнѣйшія событія.

Могущество Шамиля страннымъ образомъ возросло со времени взятія Ахульго—кровавой катастрофы, которая только очень ненадолго задержала развитіе этого могущества ¹⁾).

Возстаніе въ Чечнѣ, неудачныя экспедиціи генерала Граббе въ 1842-мъ году, смерть Ахметъ-хана Мехтулинскаго, послѣдняго опаснаго (для Шамиля и его ученія) представителя монархическихъ началъ въ Дагестанѣ, паденіе въ 1843-мъ году нашихъ фортовъ въ Аваріи, возстаніе въ Аваріи и въ Акушѣ, завоеваніе шамхальства, бездѣйствіе нашихъ войскъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, отложеніе Даниэльбека султана Елисуйскаго, единственнаго туземнаго вождя, имѣвшаго какое-либо личное значеніе, который до этого времени оставался намъ вѣрнѣй, нелѣпая военная прогулка 1844-го года ²⁾),— всѣ эти событія въ глазахъ туземцевъ, равно, какъ и въ нашихъ, являлись побѣдами Шамиля.

Наше дѣло было проиграно и мы стыдились своего безсилія. Всѣ желали, надѣялись и съ нетерпѣніемъ ожидали событія, которое измѣнило бы это печальное настроеніе умовъ.

Эти надежды и желанія были, наконецъ, удовлетворены извѣстіемъ о назначеніи графа Михаила Семеновича Воронцова главнокомандующимъ Кавказской арміею. Это назначеніе было встрѣчено съ единодушнымъ восторгомъ не только на Кавказѣ, гдѣ уже давно ждали своего освободителя, но и во всѣхъ остальныхъ частяхъ обширной имперіи, гдѣ имя графа Воронцова стояло очень высоко въ общественномъ мнѣніи. Имя, связанное со славной и блестящей эпохой войнъ 1812—1815 годовъ, было всегда дорого Россіи.

Обладая въ высшей степени всѣми качествами, всѣми данными для того, чтобы покорять сердца или просто нравиться, перечислить

¹⁾ Остается неяснымъ, въ какомъ смыслѣ и для кого событіе 1839-го г. признается авторомъ катастрофой. Для насъ это все же была побѣда, хотя и безплодная и стоившая намъ много крови и громаднхъ лишеній, т. е. побѣда кровавая, но которой мы не умѣли воспользоваться. *Б. К.*

²⁾ Графъ Бенкендорфъ, видимо, повторяетъ здѣсь оцѣнку похода 1844 г., сдѣланную въ Петербургѣ, такъ какъ эта „нелѣпая прогулка“ составляла уклоненіе отъ указація изъ Петербурга о способѣ дѣйствій. А между тѣмъ виновникъ „прогулки“ ген.-адъют. Нейдгартъ поступилъ прямодушнѣе графа Воронцова въ 1845 г., не предпринявъ этого бездѣльнаго и погубительнаго Даргинскаго похода, за исполненіе котораго, даже не вѣря въ его успѣхъ, взялся графъ Воронцовъ. Нынѣ, владѣя официальными первоисточниками и при богатствѣ мемуаровъ, всѣ эти затѣи 1845 и 1844 годовъ получаютъ, наконецъ, правильное освѣщеніе. *Б. К—з.*

которыя отняло бы у насъ много времени и которыя къ тому же всѣмъ хорошо извѣстны, графъ Михаилъ Семеновичъ соединялъ съ ними еще и тѣ, которыя въ Россіи подкупаютъ всѣ симпатіи и всегда плѣняютъ — я хочу сказать о внѣшности графа. Красавецъ въ свои 65 лѣтъ, высокаго роста, съ прекрасными и изысканными манерами, графъ прежде всего былъ большой баринъ, качество тѣмъ болѣе почтенное, что оно со дня на день становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ. Это качество свойственно старому поколѣнію, которое и унесетъ его съ собой въ могилу. Сыновья, люди съ громкими именами, подчасъ и съ большимъ состояніемъ, но это не бары.

Графъ Михаилъ Семеновичъ кромѣ того владѣлъ большимъ состояніемъ и всегда былъ очень щедръ по отношенію своихъ окружающихъ. Человѣкъ совершенно независимаго характера и, какъ ходили слухи, графъ былъ въ большихъ контрахъ съ правительствомъ — обстоятельство, достаточное у насъ въ Россіи для пріобрѣтенія популярности. Говорять, что Государь въ этомъ отношеніи подчинился обстоятельствамъ; интересно было бы знать, какихъ усилій стоило ему сложить съ себя часть власти, чтобы облечь ею своего подданнаго, къ которому, какъ указывала молва, онъ далеко не былъ расположенъ.

Это послѣднее обстоятельство, мнѣ кажется, много способствовало тѣмъ оваціямъ, какими встрѣтили графа Михаила Семеновича Москва и Петербургъ. Правда, эти оваціи были заслужены: онъ относился къ той великой жертвѣ, которую графъ Михаилъ Семеновичъ принесъ, поступившись своимъ славнымъ отдыхомъ тогда, когда, казалось, онъ достигъ вѣнца своей карьеры, столь богатой великими событіями и ознаменованной добрыми дѣлами.

Въ самомъ дѣлѣ, по первому призыву своего Государя, онъ все бросаетъ для новыхъ трудовъ, чуждый всякой задней мысли, единственно повинувшись чувству долга и своей совѣсти, которыя повелѣваютъ ему поработать еще для общаго блага и славы русскаго оружія. Это былъ призывъ къ чувству чести дворянина, и графъ Воронцовъ не задумался откликнуться на него.

Государь собственноручнымъ письмомъ предложилъ ему принять званіе главнокомандующаго Кавказской арміею и намѣстника, но предложеніе это оставалось для всѣхъ тайной. Курьеръ, съ которымъ оно было послано, пріѣхалъ въ Алупкинскій дворецъ ночью; графа разбудили, и онъ немедленно продиктовалъ свой отвѣтъ, а часъ спустя курьеръ уже мчался обратно въ Петербургъ.

На Кавказѣ, какъ мною уже упомянуто, извѣстіе объ этомъ назначеніи произвело огромное впечатлѣніе; войска съ восторгомъ привѣтствовали героя Краона и участника многихъ сраженій; старые

грузины—того, кто еще молодымъ офицеромъ сражался въ ихъ рядахъ въ славныя побѣдныя времена князя Циціанова.

Для торговли и промышленности, казалось, наступила новая эра при тѣхъ новыхъ условіяхъ, которыя должны были вскорѣ водвориться въ Новороссіи и Закавказскихъ губерніяхъ. Русскіе кавказцы рассчитывали освободиться отъ непосредственной зависимости отъ Петербурга, служившей для нихъ предметомъ постоянныхъ жалобъ и создававшей имъ положеніе, которое такъ мало согласовалось съ ихъ фрондерскимъ складомъ ума, съ ихъ либеральными идеями, съ ихъ стремленіями къ самостоятельности и оппозиціоннымъ отношеніемъ ко всему тому, что не исходило отъ нихъ самихъ¹⁾.

Такой складъ ума (духъ) особенно сильно обозначается въ этомъ краѣ, и мнѣ кажется, что его порождаетъ сама природа; онъ впитывается вмѣстѣ съ воздухомъ этой дикой и величественной природы.

Мусульманскія народности Кавказа не могли не знать, что графъ Воронцовъ неоднократно выступалъ защитникомъ и покровителемъ ихъ братьевъ—Крымскихъ татаръ.

Извѣстіе о назначеніи графа Воронцова привело противника въ смущеніе, и онъ съ любопытствомъ ожидалъ появленія новаго начальника, которымъ только и были заняты всегда освѣдомленные новостями базарные слухи городовъ, ауловъ и станицъ. Наконецъ, всё, а въ особенности низшіе классы населенія, привѣтствовали въ Воронцовѣ идола азіатскихъ народовъ и человѣка, соединявшаго съ громаднымъ богатствомъ еще и всемогущество.

Я хочу еще остановиться на той рѣзкой разницѣ, которая существовала между впечатлѣніемъ, произведеннымъ назначеніемъ графа Воронцова на умы населенія Россіи и Кавказа, и на различіи тѣхъ чувствъ, съ которымъ это назначеніе было встрѣчено въ обѣихъ странахъ. Въ Россіи на назначеніе графа смотрѣли какъ на окончаніе этой непопулярной войны, дабы обновить (regenerer) край, отъ котораго уже съ давнихъ поръ требовали вознагражденія за принесенныя для него жертвы. Въ Азіи же, за небольшимъ лишь исключеніемъ, русскіе кавказцы, равно богатые и бѣдные, видѣли въ Воронцовѣ освободителя.

Одинъ надѣялся при его помощи составить себѣ состояніе, другой—карьеру, третій заручиться извѣстнымъ вліяніемъ въ

¹⁾ Если рѣчь идетъ по вопросу скорѣйшаго покоренія Кавказа и установленія правильныхъ отношеній къ мирнымъ и немирнымъ туземцамъ, то русскіе кавказцы были совершенно правы, ибо всё петербургскія указанія и планы совершенно не отвѣчали свойствамъ Кавказа и его обитателей и къ этой независимости стремились рѣшительно всё намѣстники, начиная съ Ермолова.

дѣлахъ, или, по крайней мѣрѣ, хотя бы намекомъ на подобное вліяніе, что служило бы ему средствомъ для достиженія первыхъ двухъ благъ.

Понятія объ общественномъ благосостояніи и общественной пользѣ, даже въ самомъ узкомъ значеніи слова, еще не перешли ни за Терекъ, ни за Кубань, и было бы совершенно напрасно искать равнозначущаго выраженія на татарскомъ, грузинскомъ и даже армянскомъ языкахъ.

Отъѣздъ графа Воронцова изъ Одессы былъ триумфомъ для его прошлаго, его пріѣздъ на Кавказъ и въ особенности въ Тифлисъ— триумфомъ настоящаго и надеждой на триумфъ будущаго.

Графъ проѣхалъ по всему восточному побережью Чернаго моря, осмотрѣвъ нѣсколько главныхъ приморскихъ пунктовъ, проѣхалъ черезъ Мингрелію и Имеретію и 22-го марта прибылъ въ свою новую столицу. Я имѣлъ честь сопутствовать графу въ эти края, которые я уже зналъ и которые я съ удовольствіемъ видѣлъ вновь, такъ какъ ихъ созерцаніе было мнѣ первымъ отвлеченіемъ отъ впечатлѣній тягостной потери, которой Господу Богу угодно было меня испытать. Не буду останавливаться на этихъ подробностяхъ, чтобы скорѣе перейти къ началу кампаніи.

Энтузіазмъ къ новому начальнику былъ безграничный: никогда еще населеніе Тифлиса не видѣло въ представителѣ всемогущаго сардаря, болѣе ласковаго пріема, ни большей доброты и мягкости въ соединеніи съ такимъ величіемъ. Таково было впечатлѣніе на массы. У лицъ же, окружающихъ графа, къ этому общему впечатлѣнію присоединилось еще и удивленіе и нѣкоторое смущеніе, такъ какъ новый начальникъ не походилъ ни на одного изъ своихъ предшественниковъ. Строились всевозможныя догадки, старались его поймать на чемъ-нибудь, испытывали, но онъ не поддавался никакому объясненію и оставался неуязвимъ. Своей непроницаемостью, въ этой странѣ интригъ, графъ Воронцовъ приводилъ въ отчаяніе самыхъ бывалыхъ и продувныхъ. Отъ Воронцова уходили съ убѣжденіемъ, что онъ остается загадкой, тайной; „онъ насъ всѣхъ проведетъ“, передавали другъ другу на ухо. Блистательное доказательство превосходства ума графа! Воображеніе азіатовъ было поражено и всѣми овладѣло чувство страха. Вообще страхъ являлся здѣсь чѣмъ-то новымъ, такъ какъ на Кавказѣ, уже съ давнихъ поръ, не боялись ничего и никого, такъ слабо было здѣсь правительство¹⁾.

¹⁾ То есть послѣ Ермолова, бывшаго грозою всѣмъ непокорнымъ, непослушнымъ и лѣнливымъ, и удаленіе Ермолова изъ Кавказа нанесло громадный ущербъ утвержденію нашей здѣсь государственности и успѣху покоренія Кавказа, и много еще прошло времени, пока, наконецъ, мы взялись за умъ.

Въ этотъ первый свой прїѣздъ графъ Воронцовъ оставался въ Тифлисъ всего мѣсяць. Время открытія кампаніи приближалось и для Петербурга въ Кавказскомъ вопросѣ военныя дѣйствія представляли главный интересъ. Вслѣдствіе этого въ возможной степени были собраны войска и произведены гигантскія приготовленія, долготѣ неизвѣстныя.

Никогда еще не находилось въ сборѣ такого числа отдѣльных отрядовъ для одновременнаго дѣйствія на самыхъ противоположныхъ пунктахъ обширной операціонной базы и на этотъ послѣдній планъ дѣйствій кавказскіе стратеги возлагали самыя блестящія надежды (!?) ¹⁾. Никогда еще отряды эти не имѣли такой численности, особенно же главный отрядъ, при которомъ долженъ былъ находиться самъ главнокомандующій—это была цѣлая армія ²⁾.

Эти обширные замыслы созрѣли въ Петербургѣ; тамъ зародилась идея этого похода (кончить все однимъ рѣшительнымъ ударомъ), порученнаго графу Воронцову и предназначеннаго служить дополненіемъ (развитіемъ) похода, не состоявшагося въ прошломъ 1844-мъ г. На Кавказѣ, противно петербургскимъ воззрѣніямъ, не видѣли надобность этого похода и не вѣрили въ блестящее его окончаніе.

Если въ столицѣ находили, что нужно было энергично вести войну и все кончить силой оружія ³⁾, то на Кавказѣ, наоборотъ, съ этимъ не соглашались и не строили себѣ никакихъ иллюзій въ успѣхѣ похода. Впрочемъ, всѣ были того мнѣнія, что нужно было поднять славу нашего оружія и предпринять что-либо значительное;

¹⁾ Это не вполне справедливо. И здѣсь, какъ увидимъ сейчасъ же далѣе, Бенкендорфъ себѣ въ нѣкоторой степени противорѣчитъ: это петербургскіе стратеги возлагали блестящія надежды, но не кавказскіе, которые, какъ это теперь доподлинно извѣстно, подвергли проекты похода 44 и 45-го годовъ большой критикѣ, а наиболѣе авторитетные подавали записки (кн. Аргутинскій) и откровенно высказывались Воронцову (Фрейтагъ), или просто фрондировали (Лабынцевъ, Ковалевскій и др.).

²⁾ По свидѣтельству другого участника, князя Дундукова-Корсакова, называвшаго главный отрядъ армію Ксеркса, организація, составъ и численность главнаго отряда подверглись на Кавказѣ большому осужденію, особенно свита графа Воронцова и штабы его и Лидерса, что вѣдомѣрно увеличило вьючный обозъ, составлявшій всегда слабую сторону горныхъ экспедицій. Во всемъ остальномъ Бенкендорфъ правъ, такъ что его слѣдуетъ причислить къ кавказцамъ, здраво смотрѣвшимъ на дѣло, и онъ только, по свойственной ему скромности, мало подчеркиваетъ свое пониманіе условий успѣха войны и экспедиціи 1845-го года.

³⁾ Главное—однимъ ударомъ, въ одинъ походъ, что и составляло главную ошибку этого плана, ибо Кавказская война требовала системы и основательной и продолжительной подготовки, равно и наступленія со стороны Чечни и нѣкимъ образомъ не со стороны Дагестана. *Б. К.*

полагали, что взятіе Тилитля, центра непріятельскаго господства на югѣ, и занятіе Анди, страны до сихъ поръ для насъ неизвѣстной, о которой рассказывались чудеса, дасть намъ огромныя преимущества. Было извѣстно, что Анди недовольна режимомъ Шамиля, что жители желали нашего прихода, даже требовали его; мы же ласкали себя надеждой, что отложеніе андійцевъ повлечетъ за собой отложеніе отъ Шамиля и другихъ народовъ Дагестана, привыкшихъ всегда слѣдовать примѣру Анди. Это предположеніе казалось тѣмъ болѣе обоснованнымъ, что всѣ народности Чечни и Дагестана одинаково испытывали тягость владычества Шамиля и что давно уже ничто это владычество не одушевляло. Начать съ того, что религіозный фанатизмъ привелъ въ Дагестанѣ все къ одному и тому же уровню, замѣняя собой власть, какъ монархическую, такъ и демократическую, бывшую доселѣ исключительно въ рукахъ духовенства; воплотившись въ Шамилѣ, отъ котораго исходило все могущество, фанатизмъ этотъ, породившій священную войну, давнымъ давно погасъ, остановленный въ своемъ порывѣ съкирой этого человѣка, сдѣлавшагося представителемъ державы скорѣе политической, чѣмъ религіозной.

Съ потерей Дагестана Шамиль терялъ половину своего могущества и у него оставалась только Чечня. Принимая въ соображеніе, что при помощи горцевъ онъ держалъ въ страхѣ жителей равнинъ и лѣсовъ и, наоборотъ, легко оцѣнить все значеніе удара, который мы собирались ему нанести ¹⁾.

Въ то время между нами не было пророковъ, и никто изъ насъ не предугадалъ той степени силы, которую проявилъ Шамиль ²⁾.

Когда Шамиль лишился Андіи, по невозможности ея обороны, то онъ сдѣлалъ то самое, что сдѣлала наша первопрестольная столица, воодушевленная благороднымъ патріотизмомъ. По его приказанію, прежде, чѣмъ ее покинуть, мюриды сожгли и опустошили всю долину и силой угнали жителей, которые, изнемогая подъ тяжестью и бѣдствій и лишеній, уже не могли распорядиться своей судьбой, несмотря на присутствіе нѣсколькихъ тысячъ русскихъ штыковъ, пришедшихъ на ихъ освобожденіе. Но такъ какъ мы не

¹⁾ Бѣдный средствами для жизни Дагестанъ имѣлъ меньшее значеніе, чѣмъ Чечня, служившая ему источникомъ средствъ, т. е. базой для веденія войны, и 14 лѣтъ спустя только занятіе нами Чечни рѣшило судьбу кампаніи. Б. К.

²⁾ Т. е. изъ лицъ, окружавшихъ графа Воронцова, но внѣ этого круга пророковъ было много, начиная съ генераловъ—*Фрейтага, князя Аргутинскаго, Бебутова, Лабунцева, Ковалевскаго* и кончая другими, игравшими скромную сравнительно роль. Б. К.

предусматривали подобной системы обороны, то успѣхъ похода казался возможнымъ и даже вѣроятнымъ ¹⁾. Старые кавказцы вообще безмолвствовали, удерживаясь отъ критики предстоящаго, но вторую половину похода, долженствовавшую разыгратъ на театрѣ Ичкеріи (т. е. уже въ Чечнѣ), они даже одобряли ²⁾; тѣ же, кто предчувствовалъ неудачи, таили эти предчувствія про себя, не высказывались и подчинялись общему увлеченію, и всѣ вообще только и думали о томъ, какъ бы только сражаться подъ знаменами графа Воронцова.

Я имѣлъ честь сопровождать главнокомандующаго въ его поѣздѣ отъ Тифлиса до Владикавказа, вдоль рѣки Сунжи и частью по линіи Терека до Кизляра и въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Эта поѣздка заканчивалась укрѣпленіемъ *Ташъ-Кичу*—предварительнымъ сборнымъ пунктомъ для чиновъ главной квартиры графа Воронцова. Эти восемь дней пребыванія въ Ташъ-Кичу я провелъ въ кружкѣ жуировъ. Я помѣщался въ татарскомъ аулѣ.

Миша Лобановъ и я помѣстились въ саклѣ нашего кунака, нѣкоего Нуцала, молочнаго брата князя Хасаева ³⁾. Я не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій у графа Воронцова и былъ бы крайне недоволенъ имѣть таковыя, что включило бы меня въ составъ штаба на всю кампанію. Въ походѣ я всегда избѣгалъ большихъ и малыхъ штабовъ, и мнѣ всегда удавалось остаться въ строю, а чаще всего получать командованіе отдѣльной частью.

Свою службу на Кавказѣ я началъ въ 10-ой ротѣ Кабардинскаго Егерскаго полка, въ томъ самомъ полку, въ которомъ, въ Грузіи, на берегахъ Алазани, въ 1804-мъ году началъ свою военную службу покойный дядя мой, графъ Александръ Бенкендорфъ. Продолжалъ я свою службу въ Черноморскомъ казачьемъ полку. Въ 1836-мъ году покойный генералъ Вельяминовъ, по рекомендаціи адъютанта военнаго министра барона Павла Вревскаго, поручилъ мнѣ командованіе казачьей полусотней отборной конницы, которая составляла резервъ горскаго (изъ черкесъ) эскадрона, принявшаго дѣятельное участіе въ осенней экспедиціи въ окрестностяхъ Анапы.

Въ 1842-мъ году военный министръ графъ Чернышевъ, котораго я имѣлъ честь сопровождать въ его интересной поѣздкѣ по

¹⁾ Едва-ли даже при этихъ условіяхъ и не придаетъ ли Бенкендорфъ слишкомъ большое значеніе покоренію Андій, вѣдь вопросъ въ томъ, могли ли бы мы потомъ удержаться въ Андій. Б. К.

²⁾ Бенкендорфъ ихъ не называетъ. Б. К.

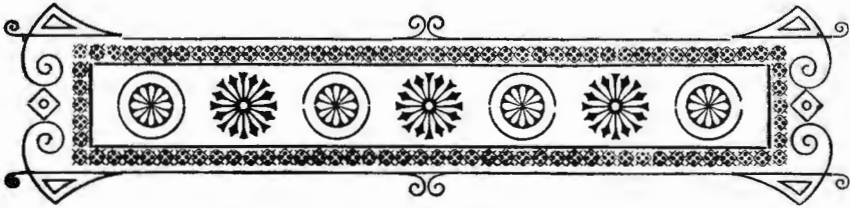
³⁾ Кумыкскаго князя, равно какъ и аулъ Ташъ-Кичу Кумыкскій; кумыки, которыхъ, по мѣстнымъ условіямъ, мы могли прикрывать, крѣпко насъ держались.

Кавказу, прежде, чѣмъ вернуться въ Петербургъ, предоставилъ меня въ распоряженіе полковника *Фрейтага*. Этому выдающемуся офицеру, нынѣ (въ 1856 г.) генераль-лейтенанту, было поручено занять расположеніе бывшего аула *Ойсунгуръ*, возвести здѣсь укрѣпленіе и оборонять такъ называемую *Кумыкскую плоскость*. Онъ предоставилъ мнѣ командованіе кавалеріею своего отряда въ составѣ Донского казачьяго полка и сотни линейцевъ; это было блистательно для начала.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ давно прошедшаго¹⁾. (1876—1879).

27 декабря 1877 г.

насъ сегодня большой скандалъ.

Какъ я уже писалъ, бури съ начала декабря прервали сообщеніе черезъ Дунай и доставать фуражъ было очень трудно, лошади стали падать (пало уже 30 лошадей!); командиръ бросался изъ стороны въ сторону—ничего не выходило... Объ этомъ пошли слухи...

Недавно приѣзжалъ начальникъ артиллеріи корпуса генералъ Н[†] смотрѣть лошадей. Стыдно было показывать; вслѣдъ за нимъ приѣхалъ генералъ Б*, тоже смотрѣлъ... Сегодня приѣхалъ начальникъ дивизіи баронъ Дризень, смотрѣлъ лошадей и объявилъ при всей батарее, что онъ, собственной властью, отставляетъ бар. М* отъ командованія батареей, и затѣмъ, вызвавъ Л*, приказалъ ему принять на себя командованіе впредь до прибытія новаго командира.

5 января 1878 г.

Наканунъ новаго года меня съ командой людей послали въ Бѣлу за 30 верстъ за фуражемъ, гдѣ находились интендантскіе склады. Прежде чѣмъ получить фуражъ, мнѣ пришлось повозиться съ интендантами. Только на другой день по приѣздѣ удостоился быть принятымъ интендантомъ! (Шар—совъ—потомъ, по окончаніи кампаніи, былъ отданъ подъ судъ). Боже мой—какой видъ! Потомъ пришлось возиться со смотрителемъ склада—маленькимъ старичкомъ изъ грековъ съ плутоватыми глазами. Какъ имъ далеки дѣйствительныя нужды арміи. Было прямо омерзительно...

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1910 г.

Вернувшись на бивуакъ, узналъ, что завтра переходимъ въ деревню Карахаджили, гдѣ станемъ по домамъ. Теперь уже укладываемся и прощаемся съ нашими землянками.

Карахаджили. 10 января 1878 г.

Эти дни мы переходили съ бивуака въ деревню, что было не такъ-то просто: много лошадей пало, а остальные были, какъ тѣни. „Русская конная артиллерія—это центавръ!“ говорилъ почтенный Л. Л. Кирпичевъ на своихъ лекціяхъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Вотъ тебѣ и „центавръ!“ Въ деревнѣ устроились отлично: чистыя комнаты, отличныя конюшни. Послѣ 7 мѣс. бивуачной жизни—поразительно хорошо.

24 января 1878 г.

Эти вѣсколко ночей я положительно не могу спать: голова въ огнѣ отъ разныхъ думъ и мыслей. 21 января мы получили бумагу, изъ которой видно, что „предварительныя условія мира уже подписаны, демаркаціонныя линіи опредѣлены. Рушукъ очистится и мы его займемъ“. Неужели мои мечты близки къ осуществленію? Хочется плакать, но слезъ въ моей суровой обстановкѣ мнѣ не даетъ судьба. Еще ничего неизвѣстно—ни когда пойдемъ въ Россію, ни какія части останутся на оккупацію.

25 января 1878 г.

Къ намъ пріѣхалъ вновь назначенный командиръ князь Р*.— На всѣхъ онъ произвелъ наилучшее впечатлѣніе. Говорятъ, что это человѣкъ съ традиціями „старой конной артиллеріи“.

1 февраля 1878 г.

На-дняхъ мы заходили въ церковь посмотрѣть болгарскую свадьбу. Невѣста, вся закрытая, подѣхала къ церкви въ „каруцѣ“, запряженной парой буйволовъ. Невѣста и въ церкви оставалась съ лицомъ, закрытымъ толстымъ платкомъ, надѣтымъ на голову, поверхъ котораго былъ надѣтъ кружокъ съ монетами.

Женихъ представлялъ изъ себя какую-то жалкую фигуру. Пѣніе невыносимое. Вдругъ по церкви страшный хохотъ: священникъ что-то давалъ дружку (деверю)—здоровенному мужику Панасу, а Панасъ захотѣлъ напугать „пѣпу“ и укусилъ его за палецъ!

А на улицѣ шелъ „джогъ“: кругъ изъ дѣвушекъ и парней, взявшись за руки, подъ монотонные звуки волюнки двигался то влѣво, то вправо, притоптывая ногами. Внутри этого круга медленно двигался музыкантъ съ удивительно безстрастнымъ лицомъ, выво- дившій свои унылыя звуки.

Вечеромъ слышны были свадебные выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ.

8 февраля 1878 г.

Какая-то неопредѣленность положенія. Ходятъ слухи о возможности войны съ Австріей.

12 февраля 1878 г.

8 февраля наши войска заняли Рушукъ.

Сегодня утромъ я, Ш—нъ и Х—ко верхами съ рейткнехтами, и повозкой, запряженной четверкой, отправились въ Рушукъ для попопокъ.

Пришлось ѣхать по мѣстности, полной для насъ воспоминаній: тутъ были 5 ноября, здѣсь стояли подъ пулями 7 ноября, тамъ носились по полю 14-го, а вотъ по этой тропинкѣ я съ четырьмя драгунами ѣздилъ еще въ июлѣ далеко впереди нашихъ войскъ къ Пиргосу.

Какое-то особенное, приятное ощущеніе ѣхать по этимъ мѣстамъ.

Скоро мы доѣхали до границы, за которой раньше все время были турки; вотъ и укрѣпленія ихъ, лагеря, землянки.

Чудный солнечный день. По дорогѣ встрѣчались повозки то съ болгарами, то съ турками, возвращающимися въ свои села. Заговаривали съ болгарами,—изъ какого села?—Кочнево, Чифликъ, Пиргось.

— Э, братушки,—отвѣчаемъ: нѣтъ уже ихъ...

Встрѣчаемъ веселыя группы молодыхъ болгаръ: ѣдутъ верхомъ и на лошадахъ и на ослахъ. А кругомъ куда ни взглянешь—чудные виды.

Рушукъ—городъ чисто-азиатскій: кривыя узенькія, страшно грязныя улицы, массы лавокъ, похожихъ болѣе на чуланы, и вездѣ, куда ни помотришь—чалмы, куртки, шаровары, фески, трубки, халаты.

Молодые турки смотрять съ любопытствомъ, старые дѣлають видъ, что они васъ не замѣчаютъ; женщины въ покрывалахъ и широкихъ шальварахъ, попадались и турецкіе солдаты, и странно было видѣть, какъ они отдавали намъ честь.

Болгаре встрѣчаютъ съ сияющими лицами.

Много зданій разбитыхъ, брошенныхъ, запертыхъ.

Въ Рушукѣ мы заѣхали только въ турецкую баню, а потомъ отправились черезъ Журжево въ Бухарестъ.

21 февраля 1878 г.

Вчера вечеромъ князь Р* вернулся изъ Рушука и сообщилъ, что 19 февраля подписанъ миръ!

24 февраля мы выступаемъ изъ Карахаджили, идемъ въ село Камарлы, расположенное внутри четырехугольника крѣпостей (между

Рущукомъ, Силистріей, Варной и Шумлой), пробудемъ въ походѣ 5 дней.

Ходятъ слухи о скоромъ прекращеніи переправы у Петропанъ, фуражъ подходитъ къ концу; въ деревняхъ, по эту сторону Рущука, уже достать ничего нельзя, и перемѣна стоянки прямо необходима.

24 февраля 1878 г.

Уже высланы впередъ квартирьеры, фуражиръ и кухня, но мы сами выступаемъ завтра, такъ какъ начальникъ дивизіи—генераль Винбергъ, по просьбѣ князя Р*, разрѣшилъ намъ соединить два перехода въ одинъ.

Гагале 28 февраля 1878 г.

По новому приказу, мы 26 февраля взамѣнъ Камарлы перешли въ село Гагале въ 12 верстахъ отъ Рущука, по дорогѣ къ Силистріи.

Богатѣйшая деревня, прекрасныя квартиры и конюшни; масса фуража и болгаре сами приходятъ съ предложеніемъ продавать не только ячмень, но и сѣно; лучшей стоянки для поправленія лошадей нельзя не желать. Болгаре какіе-то хорошіе, радушные,—не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ Карахаджали.

1 марта 1878 г.

Значительная часть выгодъ теперешней стоянки ухнула: полученъ приказъ отъ Дундукова — брать фуражъ отъ интендантскихъ складовъ въ Рущукѣ и для этого придется гонять лошадей. Какъ жаль, что этихъ складовъ не было тогда, когда именно въ нихъ была необходимость; когда за фуражемъ приходилось въ непогоду посылать несчастныхъ лошадей за 25—30 верстъ.

Сегодня утромъ комичная сцена: Джурбаджа (староста или старшина) принесъ командиру въ подарокъ 50 яицъ, какъ сборъ съ деревни.

9 марта 1878 г.

Мы стоимъ, точно и не знаемъ ничего—что съ нами будетъ и когда и куда пойдёмъ. Одно изъ моихъ опасеній разсѣялось: нашъ корпусъ (12-й) не останется на оккупацию.

Отпуски въ Россію еще не разрѣшены.

Сегодня утромъ вдругъ, послѣ восхитительной погоды, выпалъ снѣгъ. А между тѣмъ въ концѣ февраля были фіалки.

2 апрѣля 1878 г.

За послѣднее время мы получили недостающихъ лошадей, поправили аммуницію, обмундировку—вообще готовимся къ походу.

Но будь, что будетъ, но лишь бы только скорѣе опредѣлилось, что именно—война или миръ!?

10 апрѣля 1878 г.

Бываетъ такое время, когда братья за перо тяжело и теперь именно такое время—полная неизвѣстность—ничего не знаешь и не видишь на два шага.

25 апрѣля 1878 г.

Вотъ и праздники кончились, а мы все еще въ Гагалѣ; на дняхъ пршелъ слухъ, что насъ двинуть къ Яссамъ, кажется, для занятія какихъ-то проходовъ. По газетамъ такая путаница, что рѣшительно ничего не понимаешь, но кажется, скорѣе война, чѣмъ миръ.

Гагалѣ 25 мая 1878 г.,

Все уже уложено. Завтра выступаемъ къ Силистріи, откуда къ югу въ Деліарманскій лѣсъ.

Завтра утромъ въ 8 часовъ трубачъ заиграетъ:

„Всадники други, сѣдлайте коней,
съ бодрымъ духомъ въ походъ собирайтесь“.

26 мая 1878 г.

Въ 7 часовъ утра былъ уже на ногахъ; на дворѣ сѣдлали лошадей, денщики собирали вещи, и комната скоро приняла совершенно нежилой видъ.

Вчера, сегодня и завтра у болгаръ большой праздникъ, въ село пришли дѣвушки и парни со всѣхъ окрестныхъ деревень и сегодня собирается большой джогъ. „Чего вамъ сегодня уходить? Уходите въ недѣлю!“ пренаивно убѣждаютъ хозяева; они всѣ дома и собираются насъ провожать. Денщикъ пришелъ меня звать въ другую комнату, занимаемую Рогожинымъ и Леоновымъ, тамъ я засталъ на большомъ блюдѣ зажареннаго барана, три курицы и вино—все это было принесено намъ хозяиномъ.

Во флигелѣ на балконѣ были всѣ болгаре, я высматривалъ Тривану, ее тамъ не было, я нашелъ ее въ сосѣднемъ сарайчикѣ; она молча стояла, при видѣ меня она противъ обыкновенія не убѣжала, не убѣжала и тогда, когда я подошелъ и тихонько обнялъ ея стройную гибкую талію...

Пріѣхалъ фургонъ за вещами, торопились укладывать, болгаре помогали денщикамъ таскать чемоданы, нужно было спѣшить.

Трубачъ играетъ уже сборъ.

Я, Р* и Л* стояли на улицѣ около фургона; изъ сосѣдняго дома вышелъ болгаринъ безъ шапки, въ рукахъ у него была бутылка водки и три маленькихъ пучка цвѣтовъ; мы взяли цвѣты.

— Мнѣ жаль оставлять Ваше село: привыкъ къ Вамъ, ска-
заль я.

— И намъ жаль: Вы много добрые люди, отвѣчаетъ мнѣ.

Облобызались съ нимъ, облобызались съ хозяевами и сѣли
на коней.

Батарея проходила черезъ, село, впереди ѣхали пѣсельники, за-
пѣвало тонкимъ теноромъ выводиль:

„Разсказать ли вамъ, ребята,
Про солдатское житье.

.

Три полушки въ день—
Куда хочешь, туда и дѣнь!“

.

По пути высыпала масса болгаръ съ обнаженными головами, массы
дѣвушекъ, парней въ ихъ пестрыхъ костюмахъ, все это составляло
красивую картину; вотъ мы уже прошли и площадь—обычное мѣсто
праздничныхъ танцевъ (джогъ), большая толпа болгаръ безъ ша-
покъ провожала насъ за село, со всѣхъ сторонъ слышны были
разныя пожеланія. Князь Р. ѣхаль впереди батареи и ему поднесли
большой букетъ, а еще раньше къ нему являлась депутація отбла-
годарить за хорошее отношеніе солдатъ къ жителямъ. Мы были
первые рускіе, которые стояли въ Гагале и простояли мы здѣсь
три мѣсяца.

Гагале осталось на вѣки позади насъ, а впереди вилась дорога
и на насъ надвигались новыя впечатлѣнія и новыя событія.

Слѣпово 27 мая 1878 г.

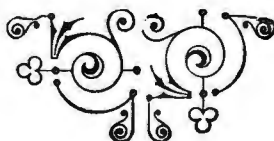
Нашъ теперешній походъ просто пріятная прогулка: люди и
лошади отдохнули, настроеніе духа бодрое, погода чудная, мѣст-
ность живописная, дороги прекрасныя, на половинѣ перехода оста-
новка минутъ на двадцать, князь угощаетъ насъ легкимъ завтра-
комъ и прекраснѣйшимъ виномъ. Нашъ милѣйшій докторъ
Кондраккій—образованнѣйшій человѣкъ не только спеціально, но и
литературно, говоритъ, что послѣ стакана хорошаго лафита горя-
зонтъ расширяется и все получаетъ розовую окраску.

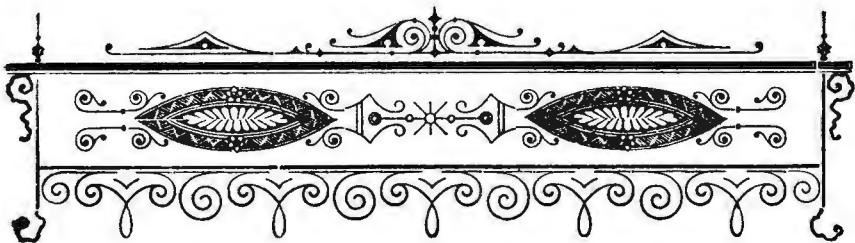
Сегодня были въ Слѣповѣ. Какой контрастъ, Гагале и Слѣ-
пово!

То было красивое, чистое богатое болгарское село, а это бѣдное,
грязное неустроенное татарское. Здѣшніе татары переселенцы изъ

Крыма время Севастопольской кампаніи. Мой хозяинъ, добродушный татаринъ, весь день просидѣлъ на порогѣ своего гарема, т. е. женской половины дома, весь день не выпускалъ трубки изо рта. Въ Слѣповѣ я видѣлъ только одну женщину безъ покрывала и то старуху; она была по истинѣ ужасна: волосы, заплетенные въ нѣсколько косичекъ, выкрашены въ ярко оранжевый цвѣтъ, часть пальцевъ и ногти въ желтый.

Л. Богаевскій.

Воспоминанія жизни О. Г. Фернера¹⁾.

Какъ старые товарищи, мы возобновили знакомство, и Филипеусъ пригласилъ меня посѣщать его и часто бывалъ у меня. Онъ былъ женатъ на молодой и очень милой особѣ и занималъ помѣщеніе въ такъ называемомъ Брюлевскомъ дворцѣ,—я нерѣдко проводилъ у него пріятные вечера въ обществѣ его и жены, за рюмкой венгерскаго вина, слушая его интересные рассказы. Онъ находился въ Варшавѣ почти съ самаго начала возстанія и потому былъ свидѣтелемъ всего, что тамъ происходило въ этотъ столь возбужденный періодъ времени. Оживленный рассказъ его, какъ человѣка умнаго и наблюдательнаго, о всѣхъ главнѣйшихъ эпизодахъ возстанія, о выдававшихся въ то время дѣятеляхъ, о судѣ надъ ними и происходившихъ казняхъ—былъ не лишень интереса. Между прочимъ онъ мнѣ рассказывалъ о Сѣраковскомъ и о томъ, какъ онъ держалъ себя на судѣ и при самой казни, а это меня особенно интересовало потому, что я зналъ Сѣраковскаго. Это былъ очень способный офицеръ генеральнаго штаба, много занимавшійся статистическими работами и потому обращавшійся также и въ Географическомъ обществѣ. За нѣсколько недѣль до его бѣгства въ Польшу онъ былъ у меня, собирая матеріалы по какой-то статистической работѣ; мы долго и оживленно съ нимъ бесѣдовали о разныхъ научныхъ вопросахъ, и я никакъ не предполагалъ тогда, что я вижу его въ послѣдній разъ и что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ такъ печально окончитъ свою жизнь. Въ самый день его

¹⁾ См. «Русская Старина» февраль 1910 г.

отъѣзда изъ Петербурга онъ, идучи по Невскому, встрѣтился съ секретаремъ англійскаго посольства, Митчелемъ, который тогда много обращался въ нашихъ экономическихъ кружкахъ,—и гуляя съ нимъ, при прощаніи подавая ему руку, прибавилъ, что они вѣроятно уже не скоро увидятся;—на вопросъ Митчеля о причинѣ, онъ подъ секретомъ сообщилъ ему, что онъ въ тотъ же день уѣзжаетъ въ повстаніе. Какъ человѣкъ очень способный и какъ офицеръ—онъ сразу занялъ выдающееся мѣсто между повстанцами, сдѣлался начальникомъ банды, подъ вымышленнымъ именемъ, не помню какимъ, чуть ли не Боссакъ, и заставилъ нѣсколько мѣсяцевъ много о себѣ говорить, затѣмъ все же былъ взятъ въ плѣнъ и искупилъ на висѣлицѣ свое неразумное патріотическое увлеченіе, приведшее къ измѣнѣ офицера русской службы. Филипеусъ вообще сообщилъ мнѣ столько интересныхъ подробностей, которыя теперь уже вышли изъ памяти, что я не могу не сожалѣть, что тогда же не записалъ всего слышаннаго отъ него.

Послѣ Варшавы я потерялъ Филипеуса совершенно изъ вида и только впослѣдствіи мнѣ пришлось еще разъ въ жизни встрѣтиться съ нимъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Я тогда управлялъ таможеннымъ департаментомъ въ отсутствіи князя Оболенскаго. Мнѣ докладываютъ, что нѣкто Филипеусъ желаетъ меня видѣть. Войдя ко мнѣ въ кабинетъ, онъ сообщилъ мнѣ, что служить въ III-мъ отдѣленіи (это было время самаго сильнаго разгара у насъ революціонныхъ страстей), что ему удалось узнать о предполагаемомъ проѣздѣ въ тотъ же вечеръ чрезъ Вержболово одного изъ главныхъ коноводовъ революціи подъ вымышленною фамиліею и что онъ проситъ меня по телеграфу предписать вержболовской таможнѣ задержать при проѣздѣ это лицо и передать его жандармамъ. Это требованіе поставило меня въ крайне щекотливое положеніе. Давно не встрѣчавшись съ Филипеусомъ, я даже не зналъ, что онъ служить въ тайной полиціи, и хотя я и не имѣлъ повода сомнѣваться въ его словахъ, но игнорируя даже, какое онъ тамъ занимаетъ положеніе—я не рѣшался по одному его словесному заявленію сдѣлать столь деликатное распоряженіе. Я объяснилъ ему, что министерство финансовъ по собственному почину не вмѣшивается въ политическія дѣла и никого не можетъ арестовать иначе, какъ по формальному требованію соотвѣтственныхъ властей и что потому я затрудняюсь по словесному его требованію сдѣлать столь важное распоряженіе, что при этомъ можетъ оказаться ошибка въ подозрѣніи, что можетъ быть задержано ни въ чемъ не повинное лицо и что тогда вся отвѣтственность падетъ на меня. Филипеусъ былъ вѣнъ себя отъ моего отказа, онъ объяснилъ мнѣ, что его непосред-

ственный начальникъ, такъ какъ это была суббота, находится на дачѣ и что пока онъ поѣдетъ къ нему, удобное время будетъ упущено и это можетъ имѣть очень опасныя послѣдствія. Несмотря на то, я рѣшительно отказался посылать такую телеграмму по словесному его заявленію, но я прибавилъ, что единственное, что я могу сдѣлать, это пробыть въ департаментѣ до 6-ти часовъ, хотя я и собирался уже тоже уѣхать на дачу, чтобы дать ему время заручиться письменнымъ сообщеніемъ. Филипеусъ ушелъ совершенно разстроенный, но черезъ два часа возвратился съ официальной бумагой подписанной кѣмъ-то изъ служащихъ въ III-мъ отдѣленіи лицъ. Тогда я послалъ телеграмму, и лицо, о которомъ шла рѣчь, было вечеромъ задержано въ Вержболовѣ. Это оказался дѣйствительно одинъ изъ выдающихся коноводовъ революціи; я впрочемъ не поинтересовался узнать въ послѣдствіи его настоящаго имени.

Въ 1865 году я былъ командированъ въ Парижъ для изученія вопроса о способѣ оцѣнки привозимыхъ изъ-за границы товаровъ. Вопросъ этотъ имѣетъ большое значеніе для установленія правильныхъ данныхъ по статистикѣ вѣншей торговли. Въ видахъ торговли привозъ и вывозъ товаровъ показывается у насъ въ цѣнахъ. Между тѣмъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно трудно достигнуть удовлетворительной точности показанія. Въ каждую отдѣльную статью тарифа входятъ большею частью товары различной цѣнности, а потому установить среднюю цѣнность для нихъ очень трудно, такъ какъ количество привезеннаго различнаго рода товара входящаго въ данную статью постоянно измѣняется и вслѣдствіе того принимаемая средняя цѣна нерѣдко значительно расходится съ дѣйствительностью.

Для изученія вопроса, какъ эта цѣнность опредѣляется во французской статистикѣ, я и былъ посланъ въ Парижъ, гдѣ я провелъ очень пріятно нѣсколько недѣль,

По возвращеніи изъ Парижа я получилъ приглашеніе черезъ графа Перовскаго давать уроки статистики и полит. экономіи Наслѣднику Цесаревичу, въ послѣдствіи Императору Александру III-му. Приглашеніе это я долженъ былъ отчасти приписать тому, что я въ то время уже пользовался нѣкоторымъ именемъ въ экономической литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, тому обстоятельству, что я нѣсколько лѣтъ давалъ уроки политической экономіи герцогу Николаю Максимиліановичу Лейхтенбергскому;— поэтому предварительно коснусь нѣсколько моихъ занятій съ послѣднимъ.

При герцогѣ Николаѣ Максимиліановичѣ состоялъ воспитателемъ генералъ Ребиндеръ, который очень былъ ему преданъ и посвящалъ себя всецѣло старанію дать Николаю Максимиліановичу отличное

воспитаніе. Черезъ него я и получилъ приглашеніе заниматься съ герцогомъ. Николай Максимиліановичъ отличался живымъ умомъ и большимъ интересомъ къ наукѣ, при чемъ, традиціонно слѣдую склонности отца, особенно интересовался геологіей и дѣлами горнаго департамента. Несомнѣнно, если бы его жизнь протекла въ Россіи, то онъ много пользы принесъ бы своему отечеству. Къ сожалѣнію, обстоятельства сложились иначе.

Съ самаго начала моихъ занятій съ Николаемъ Максимиліановичемъ между нами установились очень пріятныя, можно сказать даже почти интимныя отношенія. Они не ограничивались однимъ преподаваніемъ, — я часто бывалъ у него по приглашенію къ завтраку и обѣду, а иногда проводилъ съ нимъ вмѣстѣ вечера за чтеніемъ разныхъ экономическихъ сочиненій и за бесѣдами по этому поводу.

На первой моей лекціи присутствовала Великая Княгиня Марія Николаевна, желая вѣроятно лично ознакомиться со мною и моимъ способомъ преподаванія. Повидимому, она осталась довольною первымъ впечатлѣніемъ и впослѣдствіи уже на моихъ лекціяхъ не появлялась. Близкій другъ въ то время еще Николая Максимиліановича, князь Константинъ Александровичъ Горчаковъ, а также и князь Мещерскій, впослѣдствіи извѣстный издатель „Гражданина“ просили моего разрѣшенія присутствовать при моихъ занятіяхъ съ Николаемъ Максимиліановичемъ. Мещерскій, сблизившійся впослѣдствіи съ Государемъ Наслѣдникомъ, пересталъ со временемъ посѣщать мои лекціи, но Горчаковъ оставался до конца такъ, что мы постоянно занимались троимъ.

Николай Максимиліановичъ жилъ тогда въ Маріинскомъ дворцѣ, гдѣ теперь помѣщается Государственный Совѣтъ. Назначенный много лѣтъ спустя, уже послѣ смерти Николая Максимиліановича, членомъ Государственнаго Совѣта—я увидѣлъ опять тѣ же комнаты, въ которыхъ я проводилъ съ нимъ столько пріятныхъ часовъ,—и съ грустью вспомнилъ объ этомъ счастливомъ времени нашей молодости.

Приступивъ къ занятіямъ, я колебался, какую политическую экономію взять при этомъ за руководство, такъ какъ для данной цѣли ни одно сочиненіе по этой части не удовлетворяло меня вполне. Наконецъ я остановился на трехъ сочиненіяхъ: Рикардо, Рошера и Милля—съ тѣмъ, чтобы изъ cadaго брать только отдѣльныя наиболѣе хорошо развитыя положенія.

На лекціи я излагалъ одно экономическое положеніе за другимъ по избранной мною системѣ и указывалъ, на какихъ страницахъ того или другаго изъ вышеуказанныхъ трехъ авторовъ слѣдуетъ

прочитать изложеніе развитой мною мысли. Составленное мною краткое руководство въ видѣ политико-экономическихъ афоризмовъ, изложенныхъ по опредѣленной системѣ, съ указаніемъ подъ каждымъ изъ нихъ страницъ соотвѣтствующаго изложенія у Рикардо, Рошера и Милля,—было напечатано и поступило въ продажу. Я до сихъ поръ полагаю, что руководство, составленное по подобной системѣ, имѣетъ несомнѣнное преимущество особенно для университетскаго преподаванія, побуждая студентовъ самостоятельно знакомиться съ различными авторами, облегчая имъ ихъ изученіе, указаніемъ существующей между ними связи.

Въ девяностыхъ годахъ, бывшій тогда товарищемъ министра финансовъ, профессоръ Антоновичъ говорилъ мнѣ съ большою похвалою о моемъ руководствѣ пол. экон., которымъ онъ даже, кажется, самъ пользовался при преподаваніи въ Харьковскомъ университетѣ. Сознаю, что такой совершенно неожиданный отзывъ доставилъ мнѣ нѣкоторое удовольствіе.

Кромѣ самой системы моего руководства, я провелъ въ ней, какъ мнѣ кажется, нѣсколько новый взглядъ на теорію ренты, расширивъ и обобщивъ ея значеніе.

Теорія идеальной ренты была установлена, какъ извѣстно, экономистомъ Рикардо. Онъ развилъ мысль, что земля при различныхъ обстоятельствахъ даетъ не только вознагражденіе за трудъ и за потраченныя на ея воздѣлку средства, но еще и даровочное, такъ сказать даровое вознагражденіе, которое онъ назвалъ рентой. По его объясненію, когда извѣстная мѣстность заселяется, то прежде всего обращаются къ воздѣлкѣ самой плодородной и самой удобной земли. Со временемъ приходится обращаться уже къ воздѣлкѣ менѣе плодородной земли. Тогда отдѣльному земледѣльцу можетъ представиться выгоднымъ, вмѣсто обработки земли менѣе плодородной, нанимать за плату землю первоначальнаго захвата. Если земля первой категоріи даетъ 100, а земля послѣдующей категоріи даетъ только 60, то послѣ пришедшему даже выгодноѣ снимать землю первой категоріи за 30 руб., потому что при этомъ на его долю все еще придется 70—т. е. на 10 больше, чѣмъ при воздѣлкѣ земли второй категоріи. Вотъ эти 30, а можетъ быть даже и 40 р., когда вся земля уже занята, и составляютъ ренту, т. е. даровое вознагражденіе владѣльцу земли первой категоріи. Такимъ образомъ поземельная рента является даровымъ вознагражденіемъ за естественныя преимущества земли, дарованныя природою, т. е. доходъ не зависитъ ни отъ труда, ни отъ капитала, влагаемаго въ землю. Вдумываясь въ этотъ вопросъ, я пришелъ къ заключенію, что законъ о поземельной рентѣ есть только часть общаго закона, рента

не составляет особенность земли, она есть вообще даровой доходъ, получаемый отъ всякаго естественнаго преимущества, независимо отъ дохода, который составляетъ вознагражденіе за труды и за капиталъ. Знаменитый пѣвецъ, обладающій чуднымъ голосомъ, будетъ получать громадное вознагражденіе, между тѣмъ какъ пѣвецъ съ обыкновеннымъ голосомъ, при той же затратѣ средствъ на обученіе пѣнію и того же труда при исполненіи своей роли, будетъ получать несравненно меньшую плату, эта разница въ вознагражденіи несомнѣнно составляетъ ренту для перваго пѣвца, а вся разница отъ поземельной ренты въ томъ только, что она остается для него неотчуждаемой. Точно также всякій работникъ болѣе сильный и болѣе смышленный будетъ получать большое вознагражденіе въ сравненіи съ другимъ работникомъ, благодаря высшему дарованію, полученному отъ природы и не составляющему ему заслуги.

Такимъ образомъ рента, какъ вознагражденіе за естественныя преимущества, дарованныя природой, проявляется не только при воздѣлкѣ земли, но и во всѣхъ отрасляхъ производства.

Около этого времени молодой еще тогда ученый Янсонъ, составившій себѣ впоследствии громкое имя статистическими работами по городскому хозяйству и народонаселенію, защищалъ публично въ университетѣ свою диссертацию о рентѣ. Его трудъ былъ очень хорошо составленъ, но ограничивался однимъ вопросомъ о поземельной рентѣ. Получивъ приглашеніе на диспутъ, я пріѣхалъ въ университетъ и, когда дебаты приходили уже къ окончанію, обратился къ магистранту съ вопросомъ—не слѣдуетъ ли считать ренту общимъ явленіемъ, проявляющимся при всякомъ производствѣ въ формѣ даровой прибыли за естественныя преимущества. Янсонъ уже былъ очевидно утомленъ продолжительнымъ диспутомъ и потому не постарался вникнуть въ мою мысль, отвѣтилъ мнѣ кратко и отрицательно. Нѣсколько дней спустя я встрѣтился съ профессоромъ политической экономіи Вреденомъ, который также былъ на диспутѣ, и онъ сказалъ мнѣ: „Янсонъ совсѣмъ не понялъ вашего замѣчанія“. Затѣмъ я узналъ впоследствии, что послѣ моего участія на диспутѣ Янсона, профессоръ политической экономіи Горловъ съ похвалою обо мнѣ отзывался въ аудиторіи передъ студентами, указывая, что я былъ у него слушателемъ. Въѣтъ съ тѣмъ профессоръ Горловъ прислалъ мнѣ свой курсъ Политической Экономіи.

Мои занятія съ герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ продолжались около трехъ лѣтъ. При его замѣчательныхъ способностяхъ я полагаю, что они остались не безъ пользы для его развитія.

Теперь обращаюсь къ моимъ занятіямъ съ Государемъ Наслѣдникомъ.

Послѣ смерти бывшаго Наслѣдникомъ Цесаревича Николая Александровича, Наслѣдникомъ сдѣлался Великій Князь Александръ Александровичъ и ему пришлось подготавливаться къ трудному званію будущаго Государя. Ему предстояло пройти курсъ нѣсколькихъ наукъ, и мнѣ было предложено давать ему уроки политической экономіи и статистики. Для этого мнѣ было предоставлено по четыре урока въ недѣлю. Наши занятія продолжались въ теченіе всей зимы 1865—66 г.; послѣдніе уроки происходили еще не за долго до отъѣзда Его Высочества за границу, въ Данію, весною въ Царскомъ Селѣ.

Я тогда не предвидѣлъ, что много лѣтъ спустя мнѣ самому придется въ теченіе почти полугода докладывать Ему по разнымъ финансовымъ дѣламъ, во время моего управленія министерствомъ финансовъ, за болѣзнь Вышнеградскаго.

Я могъ замѣтить во время моихъ занятій съ Его Высочествомъ, что уже и въ эти молодые годы въ немъ проявлялись тѣ черты характера, которыя впоследствии выступили у него еще съ большею ясностью. Чрезвычайно скромный и даже недовѣрчивый къ себѣ Государь Наслѣдникъ проявлялъ, несмотря на то, замѣчательную твердость въ отстаиваніи разъ сложившихся у него убѣжденій и мнѣній. Онъ всегда спокойно выслушивалъ всѣ объясненія, не вдаваясь въ подробное возраженіе противъ тѣхъ данныхъ, съ которыми онъ не соглашался, но подъ конецъ просто и довольно категорически высказывалъ свое мнѣніе. Такъ, напр., по вопросу о таможенной охранѣ, когда я объяснялъ ему вредныя послѣдствія чрезмѣрнаго таможеннаго покровительства, Его Высочество, внимательно выслушавъ всѣ мои объясненія, подъ конецъ высказалъ мнѣ откровенно, что по его мнѣнію русская промышленность все же нуждается въ значительной охранѣ. Это, впрочемъ, былъ единственный пунктъ, въ которомъ онъ высказалъ мнѣ свое опредѣленное мнѣніе, не вполне согласное съ тѣмъ взглядомъ, который я развивалъ на данный предметъ.

Не менѣе опредѣлительно у него уже тогда слагались понятія о лицахъ. Припоминаю одинъ разговоръ, который происходилъ у насъ по поводу эпизода съ Огрызко. Огрызко, состоявшій тогда вице-директоромъ акцізнаго департамента, оказался запутаннымъ въ политическомъ дѣлѣ, по польскому вопросу. По этому поводу Великій Князь замѣтилъ, согласно ходившему тогда въ нѣкоторыхъ ультра-консервативныхъ кружкахъ мнѣнію, что вообще личный составъ министерства финансовъ, по своему крайнему либерализму, не вселяетъ къ себѣ особеннаго довѣрія благо-

надежности. Въ продолжившемся между нами разговорѣ я старался разубѣдить его въ этомъ. Особенно относительно К. К. Грота, который тогда былъ директоромъ акцизнаго департамента, я объяснялъ ему, какъ легко ошибиться, приблизивъ къ себѣ человѣка, необыкновенно способнаго и умѣющаго до времени скрывать свои потаенные убѣжденія и планы, такъ какъ подобная ошибка можетъ случиться со всякимъ, даже самымъ благомыслящимъ человѣкомъ. На это Его Высочество мнѣ ничего не возражалъ, но, повидимому, остался при своемъ мнѣніи. Впослѣдствіи впрочемъ, когда онъ могъ ближе оцѣнить личность Грота, недоувѣріе къ нему совершенно устранилось. Константинъ Карловичъ занялъ въ его царствованіе высокое положеніе. Но общее недоувѣріе къ крайнему либерализму чиновниковъ министерства финансовъ у него оставалось до конца и только по своему расположенію къ Н. Х. Бунге онъ не настаивалъ на измѣненіи состава его вѣдства. Когда же былъ назначенъ министромъ финансовъ Вышнеградскій, Государь прямо ему высказалъ свое опасеніе, что составъ министерства финансовъ не вполне благонадеженъ, прибавивъ, что въ министерствѣ финансовъ есть и очень благородныя личности, какъ Тернеръ.

Лѣто 1866 г. мы провели съ семействомъ по обыкновенію въ Новой Деревнѣ на одной изъ Шишмаревскихъ дачъ. Такъ какъ наша дача лежала на самомъ берегу Невы, то я нанялъ на все лѣто лодку, устроилъ самъ на ней парусъ и почти каждый день катался на ней то одинъ, то съ сестрами. Нева съ различными ея рукавами и красивые каналы, которыми прорѣзанъ весь Каменный островъ, представляетъ самыя разнообразныя пути для такихъ поѣздокъ; иногда мы брали съ собою холодную закуску и, уѣзжая далѣе, напр., на конецъ Крестовскаго острова, тамъ выходили на берегъ и завтракали въ тѣни дерева. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ съ нами чуть не случилось несчастіе. У моста, который соединяетъ Крестовскій островъ съ Елагинымъ, теченіе очень сильное; мы шли подъ парусомъ вдоль теченія, и я, соображаясь съ высотой пролета, рассчитывалъ, что лодка свободно пройдетъ подъ мостомъ, но я не обратилъ вниманія на то, что мостъ поставленъ вкось по теченію вслѣдствіе того нашу лодку отнесло теченіемъ нѣсколько въ сторону и мачта паруса стала задѣвать за боковыя стропила моста, при сильномъ теченіи лодку значительно накренило, и я сталъ опасаться, какъ бы ее не опрокинуло; къ счастью хотя и задѣвая за всѣ стропила, она все же благополучно прошла подъ мостомъ и опасность миновала, но сознаюсь, что я провелъ очень непріятное мгновеніе.

Разъ къ намъ пріѣхалъ на дачу какой-то незнакомый монахъ и

представился, какъ нашъ родственникъ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что это былъ братъ моей покойной бабушки, первой жены пастора Фольборта, дочери священника Курганскаго. Монархъ Курганскій оказался такимъ образомъ нашимъ двоюроднымъ дѣдомъ. Онъ сообщилъ намъ, что, послѣ продолжительнаго пребыванія въ монастырѣ, онъ рѣшился принять схиму и передъ тѣмъ, что совершенно разстаться съ міромъ, захотѣлъ повидаться и распрощаться еще съ могущими быть у него родственниками. Разузнавъ о нашемъ существованіи, онъ потому и зашелъ къ намъ. До тѣхъ поръ никто изъ нашего семейства съ нимъ не встрѣчался и мы ничего о немъ не знали. Только матушка помнила, что у ея покойной матери былъ братъ, который, кажется, когда-то служилъ въ военной службѣ и котораго она однако потеряла изъ виду. Несмотря на то, что монахъ Курганскій былъ такимъ образомъ для насъ совершенно чужимъ, хотя и родственникъ, и что вся жизнь его протекла въ совершенно другой сферѣ, мы съ нимъ сошлись очень хорошо и между нами установились совершенно естественныя и симпатичныя отношенія,—какъ бы съ давнишнимъ знакомымъ. Послѣ того онъ еще посѣтилъ насъ раза три въ лѣто, обѣдалъ у насъ—при чемъ мы каждый разъ много съ нимъ бесѣдовали о его и нашей жизни, онъ рассказывалъ намъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ монастырѣ и т. п. Когда онъ пріѣхалъ къ намъ въ послѣдній разъ, чтобы окончательно проститься, возвращаясь въ монастырь для принятія схимы, намъ было грустно разстаться съ нимъ навсегда, до такой степени мы съ нимъ сердечно сблизились. Онъ оставилъ послѣ себя самое пріятное впечатлѣніе и добрую память. Мы впоследствии еще не разъ вспоминали въ разговорѣ между собою о дѣдушкѣ-схимникѣ, но съ тѣхъ поръ мы уже болѣе о немъ ничего не слышали; съ того времени прошло болѣе тридцати лѣтъ, и вѣроятно нынѣ онъ уже давно не находится въ живыхъ—царство ему небесное—можетъ быть, онъ на томъ свѣтѣ нынѣ за насъ возноситъ Богу молитву и можетъ быть ему открыто, что я въ настоящую минуту любовно о немъ вспоминаю.

Въ теченіе этого же года разразилась Прусско-Австрійская война. Такъ какъ у насъ все еще съ злобою вспоминали о роли Австріи во время нашей восточной войны, когда, несмотря на то, что мы Австрію спасли во время Венгерскаго возстанія, она не только насъ не поддержала, но почти открыто перешла на сторону Франціи,—извѣстныя слова кн. Шварценберга „l'Autriche étonnera le monde par son ingratitude“—повторяю, такъ какъ у насъ все это еще живо сохранилось въ памяти, то все съ злорадствомъ слѣдили за успѣхами Пруссіи и за униженіемъ Австріи.

По окончаніи Австрійской войны въ 1867 году состоялась всемірная выставка въ Парижѣ и международный статистическій конгрессъ во Флоренціи,—на который я получилъ командировку. Я отправился черезъ Берлинъ, гдѣ я провелъ въ обществѣ прежнихъ знакомыхъ очень пріятно нѣсколько дней. Оттуда я поѣхалъ въ Штетинъ посѣтить моего двоюроднаго брата А. Фольборта, который тогда былъ консуломъ въ Штетинѣ и проводилъ лѣто въ близъ лежащемъ морскомъ купаньѣ Герингсдорфѣ. Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ, и несмотря на то, вдругъ погода послѣ теплыхъ дней перемѣнилась и сдѣлался такой холодъ, какъ у насъ въ сентябрѣ. Такъ какъ со мною былъ только лѣтній костюмъ, то я просто страдалъ отъ холода, что значительно нарушило пріятность пребывания на берегу моря. Послѣ нѣсколькихъ дней пребывания въ Герингсдорфѣ я поѣхалъ на островъ Рюгенъ, гдѣ я долженъ былъ встрѣтиться съ матушкой и сестрами, которыя между тѣмъ туда прибыли. Въ Рюгенѣ я провелъ съ моимъ семействомъ чрезвычайно пріятно нѣсколько недѣль, наслаждаясь живописной природой этого красиваго острова. Рюгенъ небольшой островъ, покрытый чудными буковыми лѣсами, въ которыхъ можно было предпринимать ежедневно самыя разнообразныя прогулки. Берега острова мѣловой формации, мѣстами отвѣсно спускаются къ морю, и изобилуютъ въ высшей степени живописными видами. Въ праздничные дни по этимъ отвѣснымъ скаламъ устраивалось гулянье, на которомъ участвовали почти всѣ Рюгенскіе дачники и мѣстное населеніе; къ вечеру на скалахъ зажигались громадныя костры, которые потомъ горячіе сбрасывались со скалъ въ море, изображая собою грандіозный естественный фейерверкъ. Все это вмѣстѣ взятое, красивая природа, масса расположенныхъ вдоль утесовъ гуляющихъ и т. п. представляло чрезвычайно эффектную картину.

Мѣстечко, въ которомъ мы поселились въ Рюгенѣ, называлось Засницъ, это въ сущности только деревня рыбаковъ, въ простыхъ хижинахъ которыхъ размѣщались пріѣзжіе. Все было чрезвычайно чисто и до крайности просто. Кромѣ того въ Засницѣ была большая гостиница, въ которой жила, однако, небольшая часть посѣтителей острова, но въ которую сходились обѣдать почти всѣ пріѣзжіе, которые такимъ образомъ знакомились между собою. Засницъ замѣчателенъ не только красивыми окрестностями, но и воспоминаніями глубокой древности и сохранившимися съ того времени легендами, связанными то съ тѣмъ, то съ другимъ пунктомъ окружающей Засницъ мѣстности. Такъ одна изъ прогулокъ вела къ небольшому тихому и чрезвычайно поэтическому озеру, лежащему въ углубленіи среди лѣса и пребывающему къ тому постоянно въ таинственномъ

подумракѣ; про это озеро сохранилась легенда, что въ этомъ озерѣ сокрылась колесница съ мѣстной богиней, вѣроятно, послѣ уничтоженія языческаго культа на островѣ. Недалеко отъ этого озера на камняхъ начертаны, глубоко врѣзанными, древніе письмена—руны (Runenschriften). Все это придавало данной мѣстности крайне поэтичeskій и интересный характеръ.

Часа полтора пути отъ Засница находится дворецъ съ великолѣпнымъ паркомъ мѣстнаго владѣльца—князя Путбуса. Въ этотъ паркъ мы тоже отиравались гулять, несмотря на довольно далекое разстояніе отъ Засница. Но такъ какъ дорога чрезвычайно красива и живописна, то гуляющіе не ощущали никакой усталости. На границѣ парка, который былъ открытъ для публики, находилась небольшая, но очень хорошая гостиница, въ которой послѣ продолжительнаго пути приходилось завтракать всегда съ большимъ аппетитомъ. Между прочими достопримѣчательностями парка наше вниманіе обращалъ на себя небольшой фонтанъ, помѣщенный на зеленой лужайкѣ передъ фасадомъ дворца. Этотъ фонтанъ былъ на маленькой возвышенности, окруженной бассейномъ; на этой возвышенности были разведены зеленыя лягушки, которыя стремились перескакивать черезъ бассейнъ на противоположный берегъ; это пространство однако было рассчитано такъ, что лягушки, какъ разъ не достигая своей цѣли, падали въ воду. Курьезно было наблюдать за комическими движеніями этихъ маленькихъ красивыхъ животныхъ, которыя постоянно старались выскочить за предѣлы своего заточенія, но послѣ каждаго неудачнаго прыжка, возвращались на возвышенность для новыхъ опытовъ.

Послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Засницѣ я не безъ сожалѣнія оставилъ это красивое, живописное и вмѣстѣ съ тѣмъ уютное мѣстечко, чтобы отправиться на морскія купанья въ Остенде, оттуда въ Парижъ на выставку и наконецъ во Флоренцію, на статистическій конгрессъ; на пути я долженъ былъ, между прочимъ, съѣхаться опять съ моимъ семействомъ.

Въ Остенде я встрѣтилъ Гафты, съ которымъ я познакомился въ Варшавѣ во время его управленія русскою частію Варшаво-Бромбергской ж. дороги и очень пріятно проводилъ вмѣстѣ съ нимъ время на этомъ очаровательномъ морскомъ берегу. Моднымъ морскимъ купаньемъ уже въ то время былъ Біарицъ,—я въ Біарицѣ не бывалъ, но все же полагаю, что Остенде можетъ вполне выдержать съ нимъ сравненіе.

Вся прелесть Остенде—чудный морской берегъ, покрытый мелкимъ бархатнымъ пескомъ *la plage*, и набѣгающія на берегъ волны Атлантическаго океана. Растительности въ окрестности никакой

нѣтъ, такъ что вся прогулка на берегу моря. Кромѣ того для публики, разумѣется, устроены разныя роскошныя кофейни и казино, въ которыхъ публика собирается слушать музыку, а по вечерамъ иногда потанцовать.

Такъ какъ берега Остенде омываются частью Атлантическаго океана (называемою Сѣвернымъ Моремъ), то по нимъ происходятъ ежедневно приливъ и отливъ.купаются, обыкновенно, утромъ во время отлива, когда значительная часть берега обнажена. Для въѣзда въ море, чтобы не идти далеко по мелкой водѣ, устроены небольшія будочки на колесикахъ. Каждый купальщикъ занимаетъ такую будочку, раздѣвается въ ней, и его будочку лошадей ввозятъ на извѣстное разстояніе отъ берега, гдѣ онъ и выходитъ въ воду. Каждая изъ этихъ будочекъ снабжена отдѣльнымъ номеромъ, который необходимо запомнить, чтобы не попасть въ чужую будку. Разъ, купаясь, я забылъ свой номеръ и былъ въ крайнемъ затрудненіи, пока не узналъ своей будки. Такъ какъ всѣ купаются въ костюмахъ, то женское купанье не отдѣлено отъ мужского, всѣ купаются вмѣстѣ, но принято, чтобы при этомъ мужчины съ дамами не заговаривали. На берегъ въ волнистую погоду постоянно набѣгаетъ океанская волна, которая достигаетъ трехъ и даже четырехъ сажень высоты, но такъ какъ она катится по плоскому берегу нѣкоторое время, то она теряетъ силу удара, и потому совершенно безопасно можно выдержать набѣгъ подобной волны, обратившись къ ней спиною, она переливается черезъ васъ, почти не отбрасывая васъ въ сторону.

Нѣсколько лѣтъ спустя я купался въ морѣ около Генуи въ Пегли. Въ этомъ мѣстѣ плоское береговое пространство совершенно незначительно, такъ что волна набѣгаетъ съ полною силою. Я не обратилъ на это вниманія и, помни отношеніе къ волнамъ въ Остенде, думалъ, что и здѣсь можно будетъ спокойно выждать набѣгъ волны, обратившись къ ней спиною, но волна меня схватила съ такою силою, что отбросила бы меня на далекое разстояніе, если бы мнѣ не удалось удержаться за барьеръ, проходившій отъ берега въ море.

Изъ Остенде я отправился прямо въ Парижъ на всемірную выставку. Это была первая выставка такого рода, которую мнѣ пришлось видѣть. Она поражала, какъ красотою устройства, такъ и громаднымъ изобиліемъ выставленныхъ издѣлій, такъ что всего разсмотрѣть было просто невозможно. Около главныхъ зданій со всѣхъ сторонъ были разбросаны разныя павильоны и менѣе значительныя постройки разныхъ стилей, принадлежавшихъ разнымъ національностямъ; все это было окружено чрезвычайно изящно украшенными садовыми устройствами, поражавшими изобиліемъ и разнообразіемъ

цвѣтовъ. Я встрѣтилъ на выставкѣ Григоровича, и мнѣ было очень интересно разсматривать выставку съ нимъ вмѣстѣ. На этой выставкѣ, кажется въ первый разъ, появились разныя промышленно-художественныя издѣлія и имитаціи разныхъ древнихъ маіоликъ, стекла, бронзы, т.-е. цѣлая группа художественно-ремесленныхъ производствъ, которыя только что возникали и которыя съ тѣхъ поръ получили такое обширное примѣненіе. Григоровичъ обратилъ мое вниманіе на удивительно удачныя воспроизведенія маіоликъ Бернадэнь-де-Палисси, французскаго художника, жившаго, кажется, въ XV вѣкѣ. Какъ извѣстно, въ прежнія времена, особенно же около пятнадцатаго столѣтія, всѣ извѣстные скульпторы были вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленниками. Бенвенуто Челлини и другіе извѣстные художники всѣ занимались выдѣлкою серебряныхъ издѣлій, сервизовъ, литьемъ и чеканкой бронзовыхъ издѣлій и т. д. и каждому такому издѣлію придавали въ высшей степени артистическую форму.

Особенно замѣчательны, какъ извѣстно, въ художественномъ отношеніи разныя военныя доспѣхи, мечи, кинжалы, латы и т. п. Въ Венеціи даже артиллерію заказывали у мѣстныхъ ваятелей. Тамъ существовалъ такой обычай, что на поставку пушекъ, мортиръ и т. п. артиллерійскихъ предметовъ выписывался конкурсъ. Мѣстные художники, желавшіе принять заказъ, выдѣлывали небольшія, чрезвычайно изящныя модели заказываемыхъ предметовъ, и по нимъ уже дѣлался выборъ. Эти модели поступали въ собственность царствовавшего во время заказа дожа, на нихъ вырѣзывался гербъ его семейства, въ которомъ они и хранились, какъ семейное достояніе. Впослѣдствіи, когда нѣкоторыя изъ такихъ семействъ обѣднѣли, подобныя модели стали поступать въ продажу вмѣстѣ съ прочими остатками прежней роскоши обѣднѣвшихъ семействъ. Мнѣ самому удалось пріобрѣсти въ Венеціи одну такую необыкновенно изящную модель мортиры, на которой семейный гербъ былъ вытравленъ. Это послѣднее обстоятельство, по объясненію одного мѣстнаго антиквара, служило доказательствомъ того, что данная вещь настоящая, а не поддѣльная модель. Лица, принужденныя продавать разныя драгоценныя семейныя вещи, именно уничтожали на нихъ свой гербъ, чтобы скрыть происхожденіе продаваемыхъ предметовъ, которые иначе обличали бы ихъ разореніе. Напротивъ того, на поддѣльныхъ вещахъ обыкновенно выставялся какой-нибудь гербъ, чтобы сдѣлать ихъ вполне схожими съ оригиналомъ.

Въ послѣдующія столѣтія искусство и ремесло совершенно разошлись. Художники стали считать ниже своего достоинства занятіе производствомъ предметовъ ежедневнаго хозяйственнаго обихода, производство коихъ сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ ремесла,

а затѣмъ мануфактуръ и фабрикъ—художники же занялись исключительно ваяніемъ статуй и производствомъ разныхъ предметовъ украшенія.

Только во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія стали возникать, прежде всего во Франціи, попытки какъ имитаціи подобныхъ ремесленно-художественныхъ издѣлій прошлыхъ временъ, такъ и примѣненія вообще художественной отдѣлки къ разнымъ предметамъ потребленія—*application de l'art à l'industrie*,—и выставка 1867 г. въ первый разъ показала, какихъ богатыхъ результатовъ Франція достигла въ этомъ отношеніи, въ небольшое число лѣтъ. Маіолики жанра Бернара Палисси, бронзы Лероля и т. п. издѣлія обращали на себя всеобщее вниманіе на Парижской выставкѣ 1867 года—это было какъ бы новое откровеніе для промышленности. Съ тѣхъ поръ художественное стремленіе промышленности получило обширное примѣненіе въ Англіи, Италіи, Германіи, Америкѣ и нынѣ каждый *intérieur* сколько-нибудь состоятельнаго человѣка обставленъ мебелью и издѣліями, имѣющими болѣе или менѣе художественную форму и нѣкоторый стиль.

Одну изъ замѣчательныхъ подробностей выставки представляли витрины съ коллекціею подарковъ, полученныхъ принцемъ Уэльскимъ, во время его поѣздки въ Индію, отъ разныхъ мѣстныхъ владѣльцевъ и раджъ. Ящички, сервизы, ожерелья, кинжалы и разныя другія подобныя издѣлія изъ золота и серебра, украшенныя драгоценными камнями самой удивительной художественной работы, поражали зрителей своимъ изяществомъ и богатствомъ.—Замѣчательны были также выставки японской бронзы съ серебряною инкрустаціею необыкновенно тонкой и художественной отдѣлки. Въ Англійскомъ отдѣлѣ обращала на себя вниманіе группа мебели. Эти издѣлія, предназначенныя для загородныхъ дворцовъ богатыхъ лордовъ, представляли по своей величинѣ нѣчто среднее между мебелью и архитектурными произведеніями,—напр. бібліотеки, раздѣлявшія цѣлую залу, состоявшія изъ цѣлаго ряда шкафовъ, и помѣщенными между ними дверями и промежуточными арками, съ разными консолями, по которымъ былъ разставленъ изящный фарфоръ и т. п.

Кромѣ Григоровича я встрѣтилъ въ Парижѣ герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, генерала Ребиндера и кн. Горчакова. Николай Максимиліановичъ тогда еще не былъ женатъ. Бѣдный Ребиндеръ, кажется, надѣялся, что пребываніе въ Парижѣ и общество красивыхъ парижанокъ отвлечетъ Николая Максимиліановича отъ его пагубной страсти, къ сожалѣнію, это не сбылось, онъ остался вѣренъ своей несчастной любви. Я видѣлся довольно часто съ Николаемъ Максимиліановичемъ и обѣдалъ у него. Съ Горчаковымъ онъ

уже болѣе не встрѣчался, такъ какъ размолвка между ними тогда уже совершилась. Горчаковъ жаловался мнѣ, какъ онъ груститъ о томъ, что его многолѣтняя тѣсная дружба съ Николаемъ Максиміановичемъ такъ разстроилась.

Изъ Парижа я отправился на статистическій конгрессъ во Флоренцію. На пути туда я съѣхался съ моимъ семействомъ, и мы направились вмѣстѣ прежде всего на Комское озеро и въ этой очаровательной мѣстности провели нѣсколько дней. Тамъ мы встрѣтились съ братьями Семеновыми, которые жили въ той же гостиницѣ, въ которой и мы остановились. Я уже былъ съ ними знакомъ, но тутъ мы познакомились семействами и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени находимся съ ними въ самыхъ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Петръ Петровичъ Семеновъ, въ настоящее время членъ Государственнаго Совѣта и вице-предсѣдатель Географическаго общества, составилъ себѣ громкую извѣстность какъ ученый географъ и статистикъ. Получивъ воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ, Петръ Петровичъ по окончаніи курса отправился въ Берлинъ, гдѣ онъ слушалъ лекціи въ университетѣ и между прочимъ занимался у извѣстнаго географа Риттера. Пристрастившись къ географіи и путешествіямъ, онъ еще совершенно молодымъ человѣкомъ отправился по порученію Географическаго общества въ Среднюю Азію для изслѣдованія средне-азиатской горной системы и между прочимъ первый изъ европейцевъ посѣтилъ Тянь-Шанскій хребетъ. По возвращеніи въ Россію онъ занялся переводомъ на русскій языкъ географическаго сочиненія Риттера, дополнилъ его свѣдѣніями, собранными во время собственнаго путешествія по Средней Азіи. Впослѣдствіи Петръ Петровичъ былъ сдѣланъ предсѣдателемъ статистическаго совѣта М. В. Д. и въ этомъ качествѣ состоялъ представителемъ Россіи на всѣхъ международныхъ статистическихъ конгрессахъ—и въ этомъ же качествѣ въ настоящее время находился тоже на пути во Флоренцію. Братъ его, Николай Петровичъ, нынѣ сенаторъ, человѣкъ замѣчательно остроумный, но крайне непрактичный и увлекающійся, склонный доводить свои мнѣнія до крайнихъ предѣловъ, отчего они нерѣдко получали парадоксальный характеръ. Вотъ почему его воззрѣнія, въ своемъ основаніи обыкновенно совершенно вѣрныя и всегда оригинальныя, становились большею частью совершенно непримѣнимыми на практикѣ. Обладавшій въ высшей степени даромъ слова въ частномъ разговорѣ (онъ могъ говорить иногда безъ усталы цѣлый вечеръ, развивая свои мысли, перекидывая ихъ разными анекдотами и переходя, безъ прямой связи, отъ одного предмета къ другому), онъ почти никогда

не рѣшался говорить публично; въ засѣданіяхъ Сената напримѣръ я его никогда не слышалъ говорящимъ, хотя онъ живо интересовался дѣломъ и виѣ засѣданій много о нихъ рассуждалъ, но онъ, кажется, самъ сознавалъ, что недостаточная логичная послѣдовательность его рѣчи, допустимая въ интимномъ разговорѣ,—не можетъ имѣть мѣста въ публичномъ собраніи, гдѣ требуется строго логическая послѣдовательность въ сужденіяхъ, къ которой онъ, увлекаемый своею живою фантазією, никакъ не могъ принудить себя.

Н. П. обладалъ замѣчательно поэтическимъ талантомъ; небольшія стихотворенія, которыя онъ писалъ на разные случаи, были исполнены высокаго поэтическаго вдохновенія. Между прочимъ онъ перевелъ въ стихахъ на русскій языкъ Крымскіе Сонеты — поэму Валенродъ Мицкевича, которые были напечатаны. Придерживаясь почти буквально выраженій автора, ему несмотря на это удалось передать стихи Мицкевича прекрасными русскими стихами, такъ что его переводъ представляетъ нѣкоторымъ образомъ *chef d'oeuvre* и по точности передачи, и по красотѣ и поэтичности русскаго слога. Николай Петровичъ также превосходно читалъ стихи. Когда онъ приходилъ иногда къ намъ вечеромъ и читалъ намъ или какое-нибудь собственное стихотвореніе или какое-нибудь только что вышедшее чужое стихотвореніе—это всегда доставляло намъ высокое эстетическое наслажденіе, такъ что мы съ увлеченіемъ внимали его словамъ.

При самыхъ лучшихъ и близкихъ между собою родственныхъ отношеніяхъ, оба брата обыкновенно расходились въ мнѣніи, когда дѣло касалось какого-либо государственнаго вопроса. Петръ Петровичъ держался во всемъ либеральнаго направленія, а Николай Петровичъ былъ строгій консерваторъ и потому совершенно не увлекался реформами пятидесятихъ годовъ. Онъ не былъ противникомъ реформъ, но онъ отстаивалъ преобразованія въ народномъ духѣ и на исторической почвѣ, возражая противъ механическаго копированія иностранныхъ образцовъ. Такъ, напримѣръ, онъ порицалъ судебную реформу въ томъ видѣ, какъ она у насъ была введена съ ея формальнымъ кассационнымъ порядкомъ, представляя сколокъ съ французской системы. Онъ утверждалъ, что необходимо введеніе и гласности и публичности въ судѣ, но что это можно было сдѣлать, примѣняясь къ издревле существовавшему у насъ судебнымъ порядкомъ, вмѣсто механическаго подражанія западно-европейскимъ образцамъ, и въ этомъ отношеніи былъ отчасти правъ. И такъ какъ онъ нисколько не скрывалъ своего мнѣнія, но высказывалъ его неоднократно въ печати, то понятно, что при тогдашнемъ направленіи его считали реакціонеромъ и онъ не могъ пользоваться популяренностью.

Семеновы были родственники Ростовцева, и потому, когда учреждались редакціонныя комиссіи, Ростовцевъ, близко знакомый съ ихъ выдающимися способностями, назначилъ обоихъ братьевъ членами этихъ комиссій. Петръ Петровичъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ управляющимъ дѣлами комиссій. Противоположность въ воззрѣніяхъ братьевъ высказывалась и въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Между тѣмъ, какъ Петръ Петровичъ былъ горячимъ поклонникомъ Н. А. Милютина и его кружка, Николай Петровичъ не сочувствовалъ Милютину, котораго онъ упрекалъ въ бюрократизмъ, и держался болѣе дворянской партіи. Нѣсколько лѣтъ спустя по освобожденіи крестьянъ, Николай Петровичъ посвятилъ свое время составленію хроники всего происходившаго въ средѣ редакціонныхъ комиссій. Его сочиненіе о крестьянскомъ вопросѣ въ 3 большихъ томахъ представляетъ вполне классическій историческій трудъ, по полнотѣ и строгой точности передачи всего, даже до малѣйшихъ подробностей, происходившаго въ средѣ редакціонныхъ комиссій. Какъ членъ ихъ, онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что говорилось и дѣлалось въ комиссіяхъ, и затѣмъ немедленно для памяти все записывалъ; такимъ образомъ у него получился драгоценный матеріалъ, которымъ онъ и воспользовался для своей хроники. По поводу представленія этого труда Государю Александру III-му, онъ имѣлъ съ нимъ продолжительные разговоры о дворянскомъ и крестьянскомъ вопросѣ и по порученію Государя составилъ даже нѣсколько брошюръ по означенному предмету. Но эти брошюры, какъ всѣ его дѣловыя сочиненія, обилуя оригинальными и часто глубоко справедливыми мыслями, не могли получить пракческаго примѣненія по исключительности его взглядовъ—не допускавшихъ никакихъ компромиссовъ.

Во Флоренціи мы остановились въ небольшой гостиницѣ, родъ *hotel garni*, на площади *S-ta Maria Novella* по рекомендаціи Бедекера. Впослѣдствіи намъ передавали, что въ этой же гостиницѣ останавливался Гарибальди во время своего пребыванія во Флоренціи.

Въ первомъ же засѣданіи приступили къ составленію отдѣловъ, образованію бюро и выбору секретарей. Въ числѣ послѣднихъ избраніе пало и на меня. Это было очень почетное для меня отличіе, но съ другой стороны исполненіе обязанностей этой должности, поглощая почти все свободное время между засѣданіями, такъ какъ на секретаряхъ лежало составленіе протоколовъ по каждому засѣданію,—препятствовало мнѣ вполне наслаждаться всѣми тѣми прелестями, которыми такъ богата Флоренція въ области природы и искусства. Жутко было сидѣть за письменнымъ столомъ, редактируя протоколы и размышляя о томъ, какъ бы пріятно это время могло

*

быть употреблено на наслажденіе чудесами Флоренціи. Канцелярія для секретарей была устроена въ одномъ изъ помѣщеній сената. Въ этомъ же самомъ помѣщеніи, какъ намъ рассказывали, сидѣлъ подъ арестомъ генералъ Ламармора во время суда, который происходилъ надъ нимъ послѣ неудачной для Италіи австрійской войны, послѣдствіемъ которой было однако все же присоединеніе Венеціи къ Итальянскому королевству.

Между засѣданіями для членовъ конгресса устраивались разныя празднества—большой раутъ, по приглашенію города, въ городской ратушѣ, обѣдъ у короля Виктора Эммануила, балъ и театр-гала.

На раутъ въ городской ратушѣ, въ которой членовъ конгресса принимали представители города и министры съ ихъ семействами, находилась между прочимъ извѣстная м-мъ Ratazzi. Присутствующія иностранныя дамы представлялись ей какъ супругѣ перваго министра, но при этомъ ихъ обыкновенно предупредительно спрашивали—желаютъ ли онѣ ей представиться, такъ какъ м-мъ Ratazzi пользовалась очень дурною репутаціею въ свѣтѣ до своего брака съ Ratazzi. Рассказывали, что когда Ратацци сообщилъ королю о предстоящемъ своемъ бракѣ, Викторъ Эммануиль, который очень его любилъ, всячески старался отговорить Ратацци отъ предполагаемой женитьбы, въ виду той репутаціи, которою пользовалась его будущая жена. Всѣ убѣжденія его однако оставались безъ вліянія, тогда король рѣшился даже сказать—„что онъ самъ имѣлъ ее“—но и это не подѣйствовало на влюбленнаго министра, онъ все же женился.

Къ обѣду у короля были приглашены только главные члены конгресса и между прочимъ все бюро. Этотъ обѣдъ отличался полною безцеремонностью и отсутствіемъ всякаго этикета, посѣтители были даже приглашены пріѣхать на обѣдъ въ скюрткахъ. Король былъ очень любезенъ, разговаривалъ со всѣми приглашенными, такъ что обѣдъ прошелъ очень пріятно и интересно. Викторъ Эммануиль, по своей внѣшности, имѣлъ крайне угрюмый видъ, его сравнивали съ медвѣдемъ или кабаномъ, но это не мѣшало ему быть крайне любезнымъ и разговорчивымъ хозяиномъ.

На представленіи въ театрѣ, которое давалось въ честь членовъ конгресса, произошла политическая демонстрація, которая произвела на меня большой эффектъ, потому что въ Петербургѣ мы не привыкли къ подобнымъ шумнымъ проявленіямъ общественнаго мнѣнія. Во время представленія въ одну изъ ложъ вошелъ сынъ Гарибальди, тогда весь театръ всталъ и сталъ кричать: *evivo Garibaldi, Roma, Roma*. Въ Италіи привыкли къ подобнымъ сценамъ и потому это не удивляло итальянцевъ, и вслѣдъ затѣмъ пред-

ставленіе продолжалось безъ всякаго перерыва. Это вообще было время крайняго возбужденія общественнаго мнѣнія въ Италіи. Извѣстно, что Наполеонъ въ своей юности принадлежалъ къ обществу карбонаріевъ. Вслѣдствіе того итальянцы полагали, что онъ обязанъ содѣйствовать освобожденію Италіи. Покушеніе на его жизнь, сдѣланное Орсини, имѣло именно характеръ возмездія за то, что онъ не исполняетъ данныхъ нѣкогда Италіи обѣщаній. Это на него такъ подѣйствовало, что, опасаясь дальнѣйшихъ покушеній на свою жизнь, Наполеонъ рѣшился объявить войну Австріи, но, не считая возможнымъ идти далѣе того, что было достигнуто, и желая покончить разъ навсегда съ римскимъ вопросомъ, онъ побудилъ Виктора Эммануила послѣ заключеннаго мира перевести резиденцію Италіи изъ Турина во Флоренцію. Но этимъ итальянскіе патріоты не довольствовались, они смотрѣли на перенесеніе столицы во Флоренцію только какъ на переходный шагъ къ тому, чтобы окончательно водрузить знамя Итальянскаго королевства въ самомъ Римѣ. Подобная же манифестація повторилась и въ послѣднемъ засѣданіи конгресса, когда рѣчь зашла о томъ, въ какомъ городѣ быть слѣдующему конгрессу—тогда многіе голоса стали кричать: Roma, Roma—желая тѣмъ выразить чаяніе, что къ тому времени столицею Италіи будетъ Римъ.

Мѣстопробываніемъ слѣдующаго конгресса былъ избранъ Петербургъ.

Изъ русскихъ на флорентинскомъ конгрессѣ кромѣ Семеновыхъ были: фонъ-Бушель, профессора Вреденъ, И. И. Вильсонъ и ст. секр. Госуд. Сов. Зарудный, другъ Н. П. Семенова. Вильсонъ, впоследствии статсъ-секретарь Государ. Сов. и сенаторъ, уже въ то время составилъ себѣ имя разными статистическими работами. Онъ былъ во Флоренціи вмѣстѣ съ своею молодою женою-красавицею и очень милою женщиной. Мы съ ними хорошо познакомились и потому очень сожалѣли, когда короткое время послѣ возвращенія въ Петербургъ милая жена Вильсона скончалась въ родахъ. Это несчастіе на всю жизнь Вильсона наложило какъ бы печать печали; онъ уже не вступилъ во второй бракъ.

Зарудный былъ изъ числа группы Константиновцевъ. Онъ былъ хорошій юристъ, издавалъ сочиненіе объ итальянскихъ законахъ и принималъ дѣятельное участіе въ составленіи нашихъ новѣйшихъ судебныхъ уставовъ. Въ началѣ его службы много говорили о его блестящей карьерѣ и даже былъ сдѣланъ каламбуръ по поводу его фамиліи—„это не руда, а золото“, впоследствии онъ однако какъ-то отстранился отъ дѣлъ, былъ сдѣланъ сенаторомъ, но выдающейся роли уже не игралъ.

Наконецъ упомяну еще о встрѣчѣ съ Н. И. Киселевымъ, котораго я не видалъ послѣ Дрездена, и который въ то время былъ нашимъ посломъ въ Италіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ, уже не молодымъ человѣкомъ, женился на знатной итальянкѣ, очень красивой женщинѣ, фамиліи которой не припомню. Я обѣдалъ у нихъ вмѣстѣ съ Семеновымъ и познакомился съ его женою.

Весь слѣдующій годъ прошелъ въ общихъ занятіяхъ по Таможенному департаменту.

Въ 1869 году состоялось открытіе Суэцкаго канала. Я былъ командированъ на это торжество въ качествѣ делегата министерства финансовъ. Я отправился въ Египетъ черезъ Италію, гдѣ предварительно провелъ нѣсколько недѣль съ семействомъ въ Неаполѣ. Мы ежедневно почти ѣздили въ восхитительныя окрестности этого райскаго уголка земли: Позиліно, Капри, Каstellамаре, Сорренто и др., осматривали интересныя раскопки Помпеи. Останки этого города, которые возстаютъ передъ нами послѣ почти двухтысячелѣтняго сокрытія подъ землею, раскрывая тогдашнюю жизнь, представляютъ поразительный интересъ. Особенное впечатлѣніе производятъ разныя подробности и мелочи, заставляющія думать, что какъ будто жизнь здѣсь происходила еще недавно. Слянки съ сохранившимися виномъ, туалетныя принадлежности и тому подобныя мелочи вызываютъ мысль, какъ будто промежуточныхъ двухъ тысячъ лѣтъ не существовало, какъ будто время воображаемое только понятіе—до того живо представляется намъ связь между нами и поколѣніями, обитавшими здѣсь двадцать вѣковъ тому назадъ. Помню, что меня особенно поразили двѣ борозды въ каменной мостовой, происшедшія отъ колесъ катившимися по ней экипажами — все это точно было вчера...

Изъ Неаполя я отправился въ Александрію на пароходѣ „Сицилія“ Генуэзской Компаніи Рубатино, содержащей линію между Генуей и Александріей, съ заходомъ въ Ливорно, Неаполь и Мессину.

Въ понедѣльникъ 8-го ноября, около полудня, я отправился изъ гостиницы на пароходѣ „Сицилія“, пришедшемъ только что ночью и ожидавшемъ въ портѣ пассажировъ, съ которыми черезъ нѣсколько часовъ онъ долженъ былъ отплыть въ Египетъ.

День былъ ясный, и яркіе лучи солнца обдавали окружающую насъ мѣстность. Передъ нами лежалъ Неаполь, раскинутый по берегу залива; красивыя каменныя постройки поднимались амфитеатромъ надъ портомъ; на самомъ верху и какъ бы господствуя надъ всею окружающею мѣстностію покоились два массивныя зданія: упраздненный нынѣ монастырь Санъ Мартино и фортъ Сантъ-Ельмо. Съ правой стороны величественно возвышался Везувій; около подошвы горы живописно разстилались города и селенія, ко-

торыми унизанъ весь Неаполитанскій заливъ: Портичи, Резина, Торре дель Греко, Торе дель Анунціата, Кастеламаре—слѣдуютъ одинъ за другимъ, почти безъ промежутковъ, такъ что трудно замѣтить, гдѣ конецъ одного и гдѣ начало другого селенія. Необыкновенная прозрачность и чистота воздуха позволяютъ обнимать взоромъ весьма далекое пространство. Первый планъ картины былъ ярко освѣщенъ солнцемъ; далѣе, горы были въ туманѣ, который придавалъ особенную мягкость всѣмъ контурамъ и линіямъ, покрывая далъ сѣрваго-голубымъ колоритомъ, составляющимъ особенную прелесть южно-итальянскихъ видовъ. Съ противоположной стороны въ дали, подъ солнцемъ, виднѣлся также въ туманѣ островъ Капри, омываемый бирюзово-голубыми волнами Неаполитанскаго залива.

Въ ожиданіи отъѣзда, палуба парохода „Сицилія“ все болѣе и болѣе оживлялась. Прислуга суетилась, размѣщая багажъ подѣзжавшихъ пассажировъ; матросы чистили пароходъ, готовили снасти, растягивали для защиты отъ лучей солнца парусный тентъ надъ палубой и погружали въ трюмы товарныя мѣста, подвозимыя на самыхъ разнообразныхъ лодкахъ къ передовой части парохода. Кромѣ постоянныхъ пассажировъ, на пароходъ нахлынула цѣлая стая временныхъ посѣтителей въ лицѣ продавцовъ всѣхъ возможныхъ товаровъ, явившихся предлагать отъѣзжающимъ свои произведенія. Продавцы коралловыхъ издѣлій, камней, фотографическихъ видовъ, стереоскоповъ, лорнетокъ, тросточекъ и разныхъ съѣстныхъ припасовъ—превратили палубу корабля въ совершенный рынокъ, явился и продавецъ умственной пищи, приглашавшій пассажировъ записаться книгами на дорогу, — но вся его библіотека состояла исключительно изъ книжонокъ легкаго эротическаго содержанія, начиная съ итальянскаго перевода „Фоблаза“ до новѣйшихъ произведеній итальянской литературы подобнаго же рода.

Раздались звуки гитары и для дополненія картины рынка на передовой части парохода появился слѣпой гитаристъ съ женщиной, которыхъ обступила группа солдатъ, переѣзжавшихъ вмѣстѣ съ нами въ Мессину.

Женщина пѣла подъ аккомпаниментъ гитары разныя народныя пѣсни, постоянно напѣваемая по всѣмъ улицамъ Неаполя. Живые блестящіе глаза слушателей, слѣдившіе за каждымъ движеніемъ пѣвицы,—ясно выражали удовольствіе, доставляемое имъ незатѣйливыми артистами, и долго послѣ ухода ихъ въ публикѣ слышались напѣвы мотивовъ, особенно любимыхъ неаполитанцами народныхъ пѣсенъ „Santa Lucia“ и „Marianina“.

Покончивъ концертъ на передовой части парохода, слѣпой артистъ и его спутница перешли на корму, чтобы не лишиться эсте-

тическаго наслажденія и первоклассныхъ пассажировъ; но, вѣроятно, не рассчитывая произвести большого эффекта на образованную часть публики простонародными мелодіями, они замѣнили, къ немалому нашему удивленію, „Маріанину“ аріей изъ „Belle Helène“, за которою послѣдовали разныя другія Оффенбаховскія мелодіи.

Уже начинало темнѣть, когда пароходъ снялся съ якоря. Ошибка въ объявленіи побудила его простоять лишнихъ пять часовъ въ портѣ. Когда мы проходили мимо Капри, взошла луна; островъ казался освѣщеннымъ какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ; вдали горѣлъ маякъ и виднѣлись огоньки въ домахъ Неаполя, представляя естественную береговую иллюминацію. На слѣдующее утро мы поровнялись съ Липарскими островами; вулканъ Стромболи выдавался конусообразно изъ воды, походя правильностью формы на гигантскую сахарную голову. Вскорѣ послѣ Липарскихъ острововъ, показался берегъ Сициліи, мы вошли въ проливъ, называемый нынѣ Стретта ди-Мессина, а въ древности носившій названіе Сциллы и Харибды. До сихъ поръ Мессинскій проливъ считается весьма безпокойнымъ, потому что въ этой мѣстности постоянно господствуютъ противоположныя теченія и сильныя вѣтры.

Намъ однако какъ-то посчастливилось: легкая зыбь едва рябила воду, и мы совершенно спокойно приближались къ Мессинѣ. Видъ обоихъ береговъ пролива чрезвычайно живописенъ, но представляетъ рѣзкую противоположность съ Неаполитанскимъ заливомъ. Все здѣсь дышетъ какою-то дикою грандіозностью. Съ правой стороны, высокія скалистыя горы Калабріи подходятъ къ самому морю, мѣстами изрѣдка желтовато-сѣрый цвѣтъ каменныхъ уступовъ оживленъ зеленью,—на высотахъ горъ виднѣются развалины древнихъ замковъ и какія-то уединенныя четырехугольныя башни; на берегу моря разбросано нѣсколько селеній. Дома построены изъ того же сѣраго камня, который представляетъ здѣсь господствующую породу, и потому весьма мало отдѣляются отъ лежащихъ за ними горъ. Въ ущельяхъ и долинахъ извиваются зигзагами широкіе сѣрые потоки, но въ которыхъ, однако, совершенно не было воды. Рѣшительно нельзя было понять, что это такое, пока намъ не объяснили, что это русла высохшихъ горныхъ потоковъ. Эти потоки наполняются водою только на нѣсколько недѣль, весною послѣ таянія снѣговъ въ горахъ, но тогда сила и стремительность ихъ дотога значительны, что они заносятъ довольно широкую полосу земли, представляющую временно ихъ русло, иломъ и пескомъ въ такой мѣрѣ, что въ теченіе года на этомъ пространствѣ не успѣваетъ развиваться никакая растительность, несмотря даже на благодатный итальянскій климатъ. Эти изсохшіе потоки, по срединѣ которыхъ мѣстами

разбросаны острова, покрытые богатою растительностью, а мѣстами перекинуты мосты съ одного берега на другой, представляютъ весьма оригинальное явленіе, котораго до сихъ поръ мнѣ не удавалось видѣть ни въ Швейцаріи, ни въ другихъ горныхъ мѣстностяхъ Европы.

Берегъ Сициліи начинается песчаною низменностью, которая, возвышаясь все болѣе и болѣе, переходитъ также въ высокую гористую мѣстность, у подошвы которой лежитъ Мессина. Горная стѣна, къ которой она прислонилась, покрыта богатою растительностью; сады расположены террасами и нѣсколько напоминаютъ издали виды виноградниковъ на берегу Рейна. Пароходъ прошелъ мимо маяка, построеннаго изъ бѣлаго камня, обошелъ Мессинскую крѣпость — Санъ-Сальваторе, и въ полдень бросилъ якорь въ Мессинскомъ заливѣ. Такъ какъ нашъ пароходъ долженъ былъ оставаться здѣсь часа два для пріемки товаровъ и новыхъ пассажировъ, то я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть городъ. Лодочникъ, перевозившій меня съ парохода на берегъ, сталъ мнѣ объяснять окрестности. Указавъ на крѣпость Санъ-Сальваторе, защищающую входъ въ портъ, онъ замѣтилъ, подмигнувъ какъ-то особенно лукаво, что она не помѣшала Гарибальди пристать къ Сицилійскому берегу. Затѣмъ онъ сталъ рассказывать, какъ около этого мѣста крейсировалъ до послѣдней минуты французскій флотъ, подъ видомъ защиты береговъ, какъ онъ ночью, когда должна была послѣдовать высадка, удалился на нѣсколько миль отъ берега, и какъ Гарибальди воспользовался этимъ временемъ, чтобы пристать къ берегу со своей дружиной. При этомъ рассказѣ вся его фізіономія необыкновенно оживилась, видно было, что это происшествіе составляло для него одно изъ самыхъ цѣнныхъ воспоминаній жизни. Память о подвигахъ Гарибальди сохранилась въ южной Италіи особенно живо. Имя Гарибальди здѣсь было постоянно въ устахъ народа; это былъ въ то время единственный ихъ политическій идеалъ, получившій даже значеніе легенды, ибо почти весь народъ въ южной Италіи былъ убѣжденъ, что Гарибальди умеръ въ крѣпости Александріи, куда онъ будто бы временно былъ заключенъ послѣ сраженія при Варезе.

Мессина значительный торговый городъ, имѣвшій тогда 75.000 жителей. Онъ расположенъ вдоль порта, прислонясь стѣною къ горамъ, подобно Неаполю, но только строенія, лежація у южной подошвы горы, поднимаются не такъ высоко въ гору. Вдоль порта тянется широкая набережная „*Marina*“, обстроенная каменными домами, украшенная колоннадами; за набережной расположены неизбежныя въ каждомъ итальянскомъ городѣ улицы: *Corso* и *Strada*

Garibaldi. Дома большею частью двухъ-этажные, не высокіе: этотъ образъ постройки обусловленъ часто бывающими здѣсь землетрясеніями. Едва-ли найдется въ Европѣ другой городъ, который больше выстрадалъ отъ болѣзней, землетрясеній и войнъ, какъ Мессина.

Въ XVII-мъ столѣтіи Мессина сдѣлалась, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, театромъ войны между французской арміей Людовика XIV и испано-голландскими войсками; рядомъ осадъ и сраженій городъ былъ доведенъ до такого изнуренія, что народонаселеніе города съ 120.000 человекъ уменьшилось до 20.000. Въ 1740 г. въ Мессинѣ свирѣпствовала чума, отъ которой погибло до 40.000 человекъ. Въ 1783 г. ужасное землетрясеніе разрушило почти весь городъ. Въ 1848 году послѣ революціи, Мессина опять была почти совсѣмъ разрушена бомбардированіемъ; наконецъ въ 1854 г. погибло отъ холеры 16.000 человекъ. Несмотря на всѣ эти несчастія, Мессина уже къ тому времени стала быстро развиваться, количество груза приходящихъ судовъ уже тогда превышало 1.000.000 тоннъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что вся интеллигенція, промышленность и торговля Сициліи сосредоточивались въ немногихъ береговыхъ пунктахъ, главные изъ коихъ были Мессина и Палермо. Вся внутренность Сициліи осталась и, кажется, остается до настоящаго времени въ полудикомъ состояніи, причиняя не мало заботъ итальянскому правительству. Разбойничество въ странѣ было развито до крайнихъ предѣловъ, преслѣдованіе разбойниковъ затруднялось тѣмъ, что почти всѣ жители страны служили имъ укрывателями, частію отъ страха передъ ними, частію даже по сочувствію. Разсказывали, будто дѣло доходило до того, что полиція, отчаяваясь схватить разбойниковъ на мѣстѣ и добыть противъ нихъ необходимыя улики, которыя дозволили бы передать ихъ правильному суду, нѣсколько разъ распорядилась — людей, завѣдомо извѣстныхъ за разбойниковъ, просто убивать на дорогѣ. Ихъ подстрѣливали какъ дикихъ звѣрей, не находя другихъ средствъ, чтобы отъ нихъ отдѣлаться. Со всего острова, кромѣ прибрежныхъ городовъ, правительство не получало въ то время еще никакого дохода. При Бурбонахъ въ Сициліи существовали налоги на соль и муку. Когда Гарибальди высадился въ Сициліи, первымъ его дѣломъ было уничтоженіе этихъ налоговъ, ненавистныхъ народу, но которые по старой привычкѣ вносились довольно аккуратно. По смыслу его прокламаціи, уничтоженные подати должны были быть замѣнены вслѣдствіи подоходнымъ и поземельнымъ налогами. Но вводить новые налоги въ странѣ полудикой, необразованной, почти безъ всякихъ средствъ сообщенія—оказалось дѣломъ не легкимъ; старые налоги были отмѣнены, новыхъ же до того времени еще не удалось

вести, такъ что Сицилія не давала ровно никакихъ доходовъ, представляя въ то время одну изъ существенныхъ причинъ постоянныхъ дефицитовъ итальянскаго бюджета.

Побывавъ въ соборѣ и осмотрѣвъ нѣкоторыя достопримѣчательности города, я возвратился на пароходъ, который около трехъ часовъ по полудни снялся съ якоря и отправился въ дальнѣйшій путь. За Мессинной горы начинаютъ быстро возвышаться, показываются вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, наконецъ въ дали представляется взорамъ величайшій изъ европейскихъ вулкановъ, огнедышащая Этна, имѣющая болѣе 10.000 футовъ высоты. Къ вечеру мы обогнули послѣдній выдающійся въ море пунктъ материка, городъ Реджіо, лежащій на Калабрійскомъ берегу, и, простившись съ Италіей вышли въ открытое море. Не развлекался болѣе видомъ живописныхъ береговъ, я сталъ присматриваться къ нашимъ спутникамъ. Скоро всѣ перезнакомились и начались бесѣды о Египтѣ и Суэцкомъ каналѣ, о будущихъ успѣхахъ котораго большинство лицъ отзывалось тогда съ большимъ недовѣріемъ. Постоянно развивающееся значеніе Суэцкаго канала, однако, не оправдало преобладавашаго въ то время мнѣнія о немъ пессимистовъ.

За обѣдомъ я замѣтилъ, что всѣ взоры обращались на человѣка среднихъ лѣтъ, красивой и симпатичной наружности. Мой сосѣдь, итальянецъ, объяснилъ мнѣ, что это Речіотти Гарибальди, второй сынъ народнаго героя, о которомъ я такъ много слышалъ отъ мессинскихъ лодочниковъ. Онъ держалъ себя весьма просто, безъ всякой аффектаціи, нисколько не выставляя своей личности, но и не уклонялся отъ общихъ разговоровъ. Я съ нимъ скоро познакомился, игралъ съ нимъ вмѣстѣ въ шахматы и много бесѣдовалъ. Онъ вообще оказался очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Гарибальди рассказывалъ между прочимъ нѣкоторыя подробности о сраженіи при Аспромонте или Синалунга. Гарибальдійцы дрались съ папскими войсками, побѣда еще ни на какую сторону не склонялась. Вдругъ они были поражены звуками какой-то мелкой трескотни, совершенно не похожей на обыкновенный звукъ выстрѣловъ,—оказалось, что это подошли французы и стрѣляютъ своими, новыми тогда, ружьями—это рѣшило судьбу дѣла. Извѣстно, что въ донесеніи французскаго главнокомандующаго помѣщена фраза: *le nouveau fusil (chassepot) a fait merveille*.

Дальнѣйшее плаваніе, продолжавшееся еще три съ половиною дня, прошло довольно однообразно. За исключеніемъ острова Кандін, мимо котораго мы прошли въ четвергъ, мы не видали земли до самой Александріи. Гористый южный берегъ острова, вдоль котораго мы шли часа четыре, почти лишень всякой растительности, на немъ

не видно было почти никакихъ поселеній, только изрѣдка показывались на берегу отдѣльныя каменные лачужки, повидимому, покинутыя жителями. Всѣ главнѣйшіе города и селенія находятся на сѣверномъ берегу острова. Проходя мимо этой исторической мѣстности, я не могъ не вспомнить о кровавой драмѣ, разыгрывавшейся здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ и тогда недавно только что окончившейся такъ неудовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ. Только много лѣтъ спустя Кандіа удалось достигнуть освобожденія отъ турецкаго управленія. Казалось, что на островѣ царитъ ненарушимый покой, но я думалъ, скоро ли изгладятся воспоминанія кровавыхъ происшествій и долго ли будетъ продолжаться этотъ покой. Замѣчательно впрочемъ, что уже тогда многія изъ лицъ, бывавшихъ въ Кандіа и повидимому хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями жизни, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться на востокѣ, увѣрили меня, что желаніе присоединенія къ Греціи далеко не всеобщее.

Тамъ въ то время существовала большая партія, желавшая только полной автономіи; идеаломъ этой партіи было положеніе острова Самоса, а совсѣмъ не Ионическихъ острововъ, жившихъ въ то время далеко не въ ладу съ Греціей. Но въ началѣ возстанія восторжествовала греческая партія и партія автономистовъ должна была ей подчиниться. Утверждали, что если бы сначала критяне водрузили знамя автономіи, не грозя Турціи совершеннымъ отпаденіемъ, то можетъ быть желаемая цѣль уже тогда могла быть достигнута, особенно, если бы повстанцы сумѣли воспользоваться тѣмъ благоприятнымъ моментомъ, когда Франція повидимому склонялась на сторону Россіи, и когда устрешенная Турція была готова на всѣвозможныя уступки, кромѣ только совершеннаго отдѣленія острова. Но этотъ благоприятный моментъ былъ пропущенъ, потребовали большаго и въ окончательномъ результатѣ положеніе кандіотовъ оказалось несравненно хуже, чѣмъ оно было до возстанія. Только десятки лѣтъ спустя, суждено было осуществиться умѣренному идеалу автономистовъ острова.

На слѣдующій вечеръ мы подошли уже довольно близко къ Александріи, но такъ какъ входъ въ Александрійскій портъ въ темнотѣ не совершенно безопасенъ, то намъ пришлось крейсировать всю ночь въ морѣ, чтобы раннимъ утромъ войти въ портъ. Ночь была спокойная, теплая. Луна отражалась серебристыми нитями въ мелкихъ волнахъ, окружившихъ пароходъ, а за нимъ тянулась широкая полоса, блестящая фосфорнымъ свѣтомъ,—явленіе, хорошо извѣстное всѣмъ плававшимъ по Средиземному морю.

Наконецъ въ субботу, рано утромъ, мы завидѣли берегъ. Показался маякъ, затѣмъ отдѣльныя береговые форты, между которыми

главнѣйшій фортъ Марабу и, наконецъ, самый портъ и Александрія.

Известковые, сѣровато-бѣлые берега Александрійскаго залива не представляли особенно живописной картины; берега эти изрыты катакомбами, въ которыхъ скрывались и жили христіане во время гоненій. По лѣвой сторонѣ города прежде всего бросается въ глаза безчисленное количество вѣтряныхъ мельницъ, расположенныхъ на вершинахъ известковыхъ холмовъ. За тѣмъ взглядъ останавливается на большой мечети и на громадномъ строеніи въ европейскомъ стилѣ—дворецъ вице-короля, лежащемъ у самаго порта. Весь портъ, довольно обширный, былъ наполненъ военными и купеческими судами всѣхъ націй; между ними мелькали по зеленовато-голубому морю лодки съ гребцами въ восточномъ костюмѣ. Особенно красовался старый арабъ, бронзовато-темнаго цвѣта, въ бѣлой какъ снѣгъ бедуинѣ, который стоялъ въ одной изъ этихъ лодокъ. По величественности его осанки и бѣлому одѣянію я его принялъ сначала за очень важное лицо, но потомъ скоро разубѣдился, когда замѣтилъ то же выраженіе величайшаго спокойствія на лицахъ всѣхъ мѣстныхъ жителей и тѣ же бѣлыя одѣянія на кучерахъ, сидѣвшихъ на козлахъ извозчичьихъ колясокъ, ожидавшихъ пассажировъ въ портъ.

Я посѣщилъ сѣсть въ лодку и отправился на берегъ, гдѣ пришлось прежде всего прописать паспортъ. Совершивъ въ первый разъ по выѣздѣ изъ Россіи эту церемонію, я отправился въ русское консульство, находящееся на другой сторонѣ города. Кромѣ нѣкоторыхъ узкихъ улицъ, прилегающихъ къ порту, въ которыхъ сгруппировалось арабское населеніе, вся остальная часть Александріи походила на любой второклассный европейскій городъ, довольно грязный, хотя и съ красивыми каменными строеніями. Если бы не верблюды на улицахъ, арабскіе костюмы рабочихъ и изрѣдка выдающиеся изъ-за прочихъ строеній минареты и сады съ пальмовыми деревьями,—то можно было совершенно забыть, проѣзжая по Александріи, что находишься на востокѣ.

Посреди города расположенъ довольно обширный и красивый скверъ, гдѣ устроено для гуляющихъ нѣчто въ родѣ бульвара; это мѣсто, называемое консульскою площадью (Place du Consulat), окружено высокими каменными строеніями, въ нижнихъ этажахъ коихъ красуются магазины. Здѣсь же въ сосѣдствѣ находится зданіе биржи.

Александрія, одинъ изъ древнѣйшихъ историческихъ городовъ, сохранилъ въ своей внѣшней обстановкѣ весьма мало слѣдовъ прежняго историческаго значенія.

Помпеевская колонна, стоящая на возвышенности за городомъ возлѣ мусульманскаго кладбища, и два обелиска Клеопатры, находящіеся близъ новаго порта, служатъ почти единственными представителями памятниковъ древности въ Александріи. Впрочемъ, если обратить вниманіе на то, какъ здѣсь обходятся съ остатками древности, то не удивительно, что они не сохраняются, и что даже слѣды ихъ исчезаютъ. Между станціей желѣзной дороги и городомъ недавно была проложена новая дорога, для которой пришлось прорыть траншею въ небольшихъ холмахъ, лежащихъ за городомъ и покрытыхъ пальмовымъ лѣсомъ. При этой работѣ попали на весьма хорошо сохранившіеся остатки древнихъ построекъ; оказалось, что эти холмы суть древнія зданія, вѣроятно часть прежняго города, которая въ теченіе вѣковъ была занесена слоемъ земли столь значительнымъ, что на немъ могъ вырасти пальмовый лѣсъ.

Это открытіе однако нисколько не остановило землекопныхъ работъ. Остатки прежнихъ зданій, расположенныхъ въ былыя времена вдоль линій пролагаемой дороги, были выломаны и обломки выброшены вмѣстѣ съ землею; о дальнѣйшихъ археологическихъ раскопкахъ или о какихъ-либо изслѣдованіяхъ, которыя могли бы повести къ раскрытію части древняго города, подъ лачужками арабской деревни, находившейся по эту сторону Александріи, въ то время никто и не помышлялъ. Когда прїѣзжаешь изъ Италіи и видишь, съ какой осторожностью и съ какимъ тщаніемъ тамъ происходитъ раскрытіе находящихся подъ землею древнихъ построекъ, напр. въ Римѣ и въ Неаполѣ, то подобное варварское обращеніе съ драгоценными остатками древности кажется совершенно непонятнымъ. Проѣзжая по этой дорогѣ, я видѣлъ остатки сводовъ и другихъ строеній, обломки коихъ печально торчали изъ земли, какъ бы взывая къ проѣзжающимъ, чтобы хотя они обратили вниманіе на остатки зодчества прежнихъ вѣковъ, погибающіе безъ пользы для исторіи и науки.

Совершенно равнодушное къ остаткамъ древности, которые могли сохраниться въ Александріи, египетское правительство зато обращало постоянно вниманіе на развитіе экономическихъ интересовъ города, съ которыми тѣсно связано благосостояніе всей страны. Въ торговомъ отношеніи положеніе Александріи весьма благоприятно, такъ какъ этотъ городъ лежитъ на перепутьи между Индіей и Европой; вмѣстѣ съ тѣмъ Александрійскій портъ принадлежитъ къ числу лучшихъ портовъ этой части Средиземнаго моря. Нынѣшняя Александрія построена на узкой полосѣ земли, отдѣляющей портъ отъ обширнаго, но мелководнаго озера Ахреотисъ, лежащаго за городомъ. Уже Мегмедъ-Али, такъ много сдѣлавшій для

величія Египта, обратилъ вниманіе на улучшеніе Александрійскаго порта. При немъ же былъ возстановленъ въ двадцатыхъ годахъ древній каналъ Клеопатры, соединяющій Александрію съ Розеттскимъ притокомъ Нила, въ который онъ впадаетъ около Кафръ-Саида. Каналъ этотъ по значительной глубинѣ и ширинѣ своей имѣетъ назначеніемъ не только снабжать Александрію прѣсною водою изъ Нила и орошаетъ всю мѣстность, по которой онъ проходитъ, но и открытъ водное сообщеніе между Александріей и Ниломъ для рѣчныхъ судовъ средней величины. Надъ расчисткой этого канала, названнаго Махмудіа—въ честь султана Махмуда—работало 250.000 феллаховъ, изъ которыхъ до 10 процентовъ, т. е. около 25.000 человѣкъ, погибло во время работъ, большею частью отъ разныхъ болѣзней, вызванныхъ непредусмотрительностью и отсутствіемъ всякой заботливости объ участи несчастныхъ рабочихъ. Каналъ Махмудіа содержался въ весьма удовлетворительномъ состояніи, такъ что по немъ могло происходить весьма оживленное товарное движеніе на рѣчныхъ судахъ, несмотря на то, что вдоль его проходитъ желѣзная дорога, соединяющая Александрію съ Каиромъ.

Свое торговое значеніе Александрія получила однако только благодаря постройкѣ этой желѣзной дороги и продолженію ея до Суэца. Изъ Каира желѣзная дорога была проведена первоначально прямо на Суэць вдоль горнаго хребта Джебелъ-Ау-Эбетъ. Но съ самаго начала эта дорога оказалась неудовлетворительною и потому она была совершенно покинута, а вмѣсто нея была построена другая вѣтвь, отдѣляющаяся отъ Александрійско-Каирской дороги, не доходя до Каира близъ станціи Бенъ-Ха, и направляющаяся къ городамъ: Загазигу и Измаиліи, а затѣмъ вдоль Горькихъ озеръ и канала къ Суэцу.

По этому пути проходила въ то время такъ называемая *Over-Land-Mail*, т. е. англо-индійская сухопутная почтовая дорога, по которой провозились въ Англію почтою и нѣкоторые высокоцѣнные товары. Между Индіей и Суэцомъ содержалось въ то время періодическое сообщеніе громадными пароходами англійской *Peninsular and Oriental Company*. По приходѣ парохода въ Суэць почта и товары отправлялись немедленно по желѣзной дорогѣ въ Александрію, откуда они слѣдовали на пароходахъ *Messageries Impériales* черезъ Марсель и Канэ въ Доверо, но за годъ до моего приѣзда въ Египетъ, съ улучшеніемъ порта въ Бриндизи и съ постройкой желѣзной дороги изъ Бриндизи въ Фоджіа—*Over-Land-Mail* стали направляться на Италію, именно на Бриндизи, Туринъ и Монъ-Сенисъ. Такое измѣненіе направленія англо-индійскаго почтоваго пути вызвало уже тогда неудовольствіе во Франціи, завистливо слѣдившей за развитіемъ морскаго торговаго значенія Италіи.

Находясь на исходномъ пунктѣ египетскаго транзита, Александрія должна была, благодаря этому обстоятельству, получить необыкновенное торговое значеніе; при этомъ народонаселеніе этого города въ теченіе 35 лѣтъ утроилось. Все это должно было кореннымъ образомъ измѣниться съ открытіемъ Суэцкаго канала. Сознавая грозившую ему съ этой стороны опасность, Александрійское купечество не подписалось ни на одну акцію Суэцкой К^о.

Во время открытія Суэцкаго канала въ Александріи было сосредоточено не малое число весьма богатыхъ торговыхъ домовъ, но весьма немногіе изъ нихъ пользовались хорошою и честною репутаціей. Большинство этихъ лицъ принадлежало къ числу людей, которымъ всѣ средства наживать деньги кажутся позволительными. Александрія вообще сдѣлалась въ то время сборищемъ отребья европейскаго населенія. Люди, доведшіе свою репутацію до того, что имъ уже невозможно было оставаться въ своемъ отечествѣ, отправлялись въ Александрію наживать деньги всякой правдой и неправдой и большею частію достигали своей цѣли, потому что они не останавливались ни передъ какими средствами. Такимъ образомъ народонаселеніе Александріи могло считаться тогда сбродомъ разныхъ проходимцевъ Италіи, Франціи и Греціи; эти элементы дополнялись армянами и левантійцами, стоявшими также не на высокой степени нравственнаго развитія. Начиная съ игорныхъ домовъ и до коммерческихъ фирмъ, обманъ принадлежалъ въ то время въ Александріи къ совершенно обычнымъ явленіямъ. Явные кражи и убійства съ корыстною цѣлію случались довольно часто; особенно плохую репутаціею пользовался въ этомъ отношеніи греческій кварталъ. Явную противоположность съ европейскимъ представляло мѣстное арабское народонаселеніе. Въ средѣ его кражи и убійства были почти неизвѣтнымъ явленіемъ. Не только въ Александріи и Каирѣ, но и во всемъ Египтѣ можно было развѣзжать безъ оружія и почти съ открытымъ чемоданомъ, не подвергаясь никакой опасности со стороны арабскаго населенія.

Главная причина развращенности европейскаго населенія Александріи заключалась въ то время въ отсутствіи всякаго дѣйствительнаго суда для европейцевъ. Каждый европеецъ могъ быть преслѣдуемъ и судимъ только своимъ консульствомъ. Это обстоятельство обращалось для всѣхъ мошенниковъ и негодяевъ почти въ полную безнаказанность, такъ какъ консулы считали большею частію своею обязанностію защищать интересы каждаго своего соотечественника, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло его оказывалось далеко не согласнымъ съ требованіями справедливости. Въ этомъ отношеніи только русское консульство, пользовавшееся въ то время

въ Александріи большимъ уваженіемъ, составляло почтенное исключеніе. Весьма энергически поддерживая справедливыя требованія русскихъ подданныхъ, оно не считало себя, однако, обязаннымъ безусловно держать ихъ сторону даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно наталкивалось на явную несправедливость или обманъ.

При такихъ условіяхъ, египетское правительство, желая устранить существующее зло, только что предложило въ то время европейскимъ правительствамъ учредить международное судилище, на что и послѣдовало согласіе европейскихъ державъ.

Съ тѣхъ поръ, послѣ выходки Араби-Паши и съ переходомъ Египта въ руки англичанъ, все это вѣроятно значительно измѣнилось.

На слѣдующій день, послѣ приѣзда въ Александрію, мнѣ пришлось отправиться въ числѣ прочихъ гостей на египетскомъ пароходѣ „Эль-Мазръ“ въ Портъ-Саидъ. Сильный вѣтеръ продержалъ насъ однако цѣлый день въ портѣ. Наносная песчаная отмель, лежавшая у входа въ Александрійскій портъ, чрезвычайно стѣснявшая фарватеръ въ томъ мѣстѣ, была покрыта высокими пѣнящимися бурунами. Волна за волною, набѣгая на отмель и разбиваясь на ней, покрывали всю мѣстность густой кипящей пѣной. Насъ окружалъ цѣлый флотъ судовъ, вдали виднѣлись два огромныхъ плавучихъ дока, недавно привезенныхъ изъ Европы въ Александрію. Изъ порта вышло нѣсколько англійскихъ и французскихъ пароходовъ,—а мы все стояли на якорѣ. Отъ того ли, что пароходъ „Эль-Мазръ“, былъ слишкомъ великъ, или благодаря излишней осторожности нашего капитана, но было рѣшено, что мы остаемся ночевать въ портѣ. Наконецъ, въ понедѣльникъ утромъ, при нѣсколько уменьшившемся, но все еще довольно сильномъ вѣтрѣ, нашъ пароходъ благополучно вышелъ изъ Александрійскаго порта. Какъ ни значительны были его размѣры, но его качало порядочно, такъ что на палубѣ появились больные. На слѣдующій день, еще до восхода солнца, большая часть пассажировъ высыпала на палубу въ нетерпѣливомъ ожиданіи увидѣть Портъ-Саидъ. Солнце поднялось изъ моря въ видѣ краснаго огненнаго шара, освѣтило сначала горизонтъ, а потомъ и всю мѣстность багровымъ свѣтомъ. По мѣрѣ приближенія къ Портъ-Саиду, намъ стали попадаться на пути другіе пароходы, шедшіе по тому же направленію. Наконецъ передъ нами въ дали показалась какая-то башня—это былъ маякъ Портъ-Саида; скоро представился нашимъ глазамъ и самый городъ. Зрѣлище было довольно необыкновенное. Вдали виднѣлся лѣсъ мачтъ, на которыхъ развѣвалось безчисленное количество разноцвѣтныхъ флаговъ, и затѣмъ, какъ бы на воздухѣ, рядъ невысокихъ домовъ и построекъ. Песчаный берегъ, на которомъ построенъ городъ, дотого низокъ, что вдали его почти

нельзя было отличить отъ поверхности воды; море, ярко освѣщенное солнцемъ, блестѣло, какъ зеркало, а берегъ казался узкою темною полосою, отдѣляющею постройку отъ поверхности воды; постройки какъ будто висѣли на воздухѣ.

Пароходъ нашъ приближался все болѣе и болѣе, и скоро мы могли разглядѣть простыми глазами двѣ огромныя каменные дамбы, далеко выдающіяся въ море и обхватывающія, какъ двѣ гигантскія руки, Саидскій портъ.

Выборъ этой песчаной плоской косы, лишенной всякой растительности и едва выдающейся изъ моря для постройки новаго города, былъ обусловленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что только въ этомъ мѣстѣ Пелузійскаго залива необходимая глубина моря находится на самомъ близкомъ разстояніи отъ берега. Пелузіискій же заливъ лежитъ на исходномъ пунктѣ кратчайшей линіи сообщенія между Краснымъ и Средиземнымъ морями.

Суэцкій каналъ проведенъ почти въ прямой линіи между Пелузіискимъ и Суэцкимъ заливами и потому нисколько не могъ воспользоваться многочисленными притоками Нила, къ которымъ примыкали всѣ прежніе каналы, существовавшіе уже въ древности. Всѣ древніе каналы, извѣстные подъ разными названіями: канала Дарія, канала Птолемея, канала Траяна, канала Омара,—были собственно не что иное, какъ соединеніе Пелузійскаго рукава Нила съ Герополитскимъ заливомъ Краснаго моря, нынѣшними Горькими озерами. Составители проекта, который былъ принятъ впоследствии въ основаніе работъ по сооруженію настоящаго канала—Мужель-Бей и Линанъ-Бей—пришли съ самаго начала къ убѣжденію, что для того, чтобы всемірная торговля могла воспользоваться новымъ путемъ, слѣдовало провести сообщеніе не по прежнему древнему направленію между Ниломъ и Краснымъ моремъ, а въ видѣ прямого морского канала, непосредственно соединяющаго оба моря на кратчайшемъ разстояніи и имѣющаго достаточную глубину, чтобы по немъ могли проходить значительныя суда безъ разгрузки, т. е. не менѣе 8 метровъ или 26 футовъ осадка въ водѣ.

Самою удобною въ этомъ отношеніи оказалась мѣстность, пролегающая какъ бы по естественному углубленію почвы вдоль четырехъ озеръ: Мензала, Балла, Тимза и Горькихъ озеръ. Всѣ эти озера частью мелководныя, частью высохавшія по временамъ, раздѣлены между собою песчаными и изрѣдка каменистыми порогами, незначительно только возвышавшимися надъ уровнемъ моря, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ около озера Тимза.

Такая естественная ложбина песчаной пустыни вмѣстѣ съ тѣмъ представляла кратчайшую линію между Пелузіискимъ и Суэцкимъ

заливами, соединяя оба моря на разстояніи 160 верстъ; вотъ почему она и была окончательно избрана мѣстностью для сооруженія канала, и этотъ выборъ обусловилъ вмѣстѣ съ тѣмъ топографическое положеніе Портъ-Саида.

За Саидскимъ портомъ находится большой внутренній бассейнъ, къ которому примыкаютъ еще три небольшіе бассейна. Къ западу отъ большого бассейна, вдоль берега расположенъ самый городъ, построенный въ видѣ параллелограмма, прорѣзаннаго прямыми улицами. Дома, большею частью, были въ одинъ или два этажа, въ срединѣ города находилась довольно большая площадь, обнесенная двухэтажными домами, въ центрѣ которой красовался фонтанъ. Численность народонаселенія Портъ-Саида достигала уже тогда до 8.000 душъ, колебалась, впрочемъ, подъ вліяніемъ прилива и отлива рабочихъ. Магазины, кофейни и рестораны были довольно многочисленны; такъ, напимѣръ, нижніе этажи почти всѣхъ домовъ, окружавшихъ площадь, были заняты исключительно магазинами и кофейнями. Послѣднія были довольно прилично устроены, на французскій ладъ и нельзя было жаловаться даже на чрезвычайную дороговизну. Несмотря на громадное стеченіе народа, наполнявшаго въ день открытія канала всѣ кофейни въ Портъ-Саидѣ, платилось не болѣе полуфранка за бутылку пива или за чашку кофе—дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. Въ Портъ-Саидѣ оказался даже *Café Chantant*, въ которомъ весьма зрѣлыя француженки напѣвали французскіе комическіе романсы, къ немалому удовольствію публики, состоявшей на половину изъ матросовъ всѣхъ національностей.

Смотря на Портъ-Саидъ и на толпы людей, наполнявшихъ всѣ улицы города, мысль невольно переносилась къ тому времени, когда здѣсь была совершенная пустыня. Многіе дома должны были быть первоначально построены на сваяхъ, во избѣжаніе затопленія волнами, набѣгавшими на берегъ, такъ что первый этажъ висѣлъ на воздухѣ и въ него приходилось подниматься по лѣстницѣ. Только мало по малу, по мѣрѣ того, какъ расчищался портъ, мѣстность города возвышалась, пока, наконецъ, насыпь не достигла до уровня перваго этажа домовъ, предохранивъ ихъ на всегда отъ посѣщенія морскихъ волнъ. Къ этому надо присовокупить, что нигдѣ въ окрестностяхъ Портъ-Саида не оказалось колодцевъ, такъ что прѣсную воду въ теченіе пяти лѣтъ приходилось подвозить на верблюдахъ и на баркахъ изъ Даміетты; когда же привозъ оказывался недостаточнымъ, тогда приходилось раздавать воду рабочимъ порціями.

При такихъ условіяхъ, положеніе первыхъ инженеровъ, высадившихся на берегъ, должно было быть довольно безотрадное, и много энергіи и выдержки потребовалось отъ этихъ лицъ, чтобы пе-

ренести всё невзгоды вѣтра и моря, которымъ они въ началѣ подвергались. Вотъ какъ одинъ изъ первыхъ прибывшихъ описываетъ ихъ положеніе въ 1859 году:

„Мы живемъ на узкой низменной песчаной полосѣ, расположенной между Средиземнымъ моремъ и озеромъ Мензалэ. При малѣйшемъ вѣтрѣ волны набѣгаютъ на песокъ то съ одной, то съ другой стороны. Ближайшія населенныя мѣстности отъ насъ—Даміэтта въ 60 верстахъ и Александрія въ двухъ дняхъ разстоянія отъ будущаго Портъ-Саида. Въ бурное время всякое сообщеніе съ этими городами прекращается, а другихъ въ окрестности не имѣется, если не считать двухъ-трехъ рыбацкихъ поселеній, разбросанныхъ на берегу озера Мензалэ,—самыя значительныя изъ нихъ Матріэ и Мензалэ, въ которыхъ до 2.000 душъ жителей, тоже на разстояніи тридцати верстъ отъ Портъ-Саида,—при томъ единственная провизія, которою можно запастись въ этихъ поселеніяхъ, это рыба и сушеная икра. Мы помѣщаемся въ неудобныхъ палаткахъ. Въ теченіе дня въ этихъ палаткахъ, находящихся подъ лучами солнца, нестерпимый зной, а ночью втягивается сырость и такой холодъ, что, покрывшись всёмъ своимъ гардеробомъ, въ добавокъ къ одѣяламъ, не успѣваешь согрѣться. Въ дополненіе всего палатки наполняются въ темнотѣ разными земноводными животными, которыя сотнями ползаютъ около постели...“

Сколько нужно было твердости характера и энергіи, чтобы перенести всё эти страданія, а между тѣмъ имена храбрыхъ труженниковъ, которые впервые высадились здѣсь на берегъ, забыты, или значатся только гдѣ-нибудь въ счетныхъ книгахъ компаніи; по крайней мѣрѣ никакой памятникъ не гласитъ о нихъ въ Портъ-Саидѣ.

Войдя въ Саидскій портъ, мы очутились посреди весьма многочисленнаго флота военныхъ и коммерческихъ судовъ всѣхъ націй. Вездѣ было движеніе, кипѣла жизнь, вездѣ замѣчалось какое-то особенное праздничное настроеніе. Вдругъ всѣ суда распѣтили флаги, матросы разошлись по реямъ, началась пушечная пальба. При входѣ въ портъ показался красивый французскій пароходъ „Эгль“, на палубѣ стояла императрица Евгенія, окруженная блестящей свитой. Скоро послѣ него, вошелъ пароходъ „Грейфъ“, на которомъ находился австрійскій императоръ, за тѣмъ пароходъ „Грилле“ съ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ; за тѣмъ показался русскій флагъ—это былъ паровой клиперъ „Яхонтъ“, на которомъ прибылъ русскій посолъ графъ Игнатъевъ, со свитой, изъ Константинополя. Каждое приходящее судно салютовалось со всѣхъ находившихся въ портѣ военныхъ кораблей и отвѣчало имъ на салюты,—канонада продолжалась все утро, представляя собою совершенное подобіе морской

битвы. Наконецъ, около 11 часовъ все нѣсколько успокоилось въ портѣ, суда заняли указанныя имъ мѣста,—въ два часа должна была происходить религіозная церемонія на берегу, а на другой день, рано утромъ, былъ назначенъ входъ судовъ въ каналъ. Я воспользовался промежуткомъ времени для поѣздки на „Яхонтъ“, чтобы повидаться съ графомъ Игнатьевымъ. На нашемъ пароходѣ ожидали приѣзда вице-короля, который, по принятому этикету, долженъ былъ сдѣлать первый визитъ послу. Надъ нами на палубѣ раздался оглушительный выстрѣлъ огромнаго орудія, которымъ былъ вооруженъ клиперъ, затѣмъ послѣдовалъ другой, третій, вдали показался баркасъ, украшенный краснымъ, шитымъ золотомъ бархатномъ балдахиномъ, подъ нимъ сидѣло два человѣка въ красныхъ фескахъ и темно-синихъ богато вышитыхъ золотомъ мундирахъ; это были вице-король Измаиль-паша и его министръ иностранныхъ дѣлъ Нубаръ-паша. Двѣнадцать одѣтыхъ въ красивые мундиры, египетскихъ лодочниковъ дружно ударили по водѣ веслами, лодка быстро приближалась, плавно обогнула корму парохода и пристала къ трапу. Вице-король былъ человѣкъ средняго роста, довольно полный, черты лица его, нѣсколько смуглаго, имѣли южно-европейскій характеръ; онъ свободно объяснялся по-французски и вообще во всемъ своемъ обращеніи напоминалъ болѣе европейца, чѣмъ властелина востока. Нубаръ-паша былъ выше ростомъ, чрезвычайно стройный и красивый мужчина; судя по умному и хитрому взгляду его уже видно было, что это былъ человѣкъ далеко не обыкновенныхъ способностей и чрезвычайно проницательный, вмѣстѣ съ тѣмъ его ловкое и нѣсколько самоувѣренное обращеніе напоминало, что онъ долго вращался въ дипломатическихъ кружкахъ въ Парижѣ. Нубаръ-паша былъ армянинъ: благодаря своему уму и умѣнью обращаться съ людьми, онъ пользовался необыкновеннымъ вліяніемъ въ Египтѣ и почти безусловнымъ довѣріемъ вице-короля. Замѣна консульской юрисдикціи въ Египтѣ международными судами была проведена только благодаря такту и уму, съ которымъ Нубаръ-паша, предсѣдатель реорганизаціонной комиссіи, сумѣлъ повести это дѣло. Графъ Игнатъевъ представилъ меня ему на пароходѣ.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Новгородское Общество Любителей Древности, устраивая историко-археологическую выставку, покорнѣйше просить, проживающихъ въ г. Новгородѣ, владѣльцевъ предметовъ стариннаго быта и искусства, преимущественно Новгородскаго (до 1826 года), не отказать дать эти предметы для предполагаемой выставки, каковая будетъ устроена въ г. Новгородѣ, на запасной половинѣ митрополичьихъ покоевъ съ 22 апрѣля по 3 мая сего года.

—Цѣль выставки представить возможно полно прошлое г. Новгорода и Новгородской земли и сдѣлать знакомство съ ними доступнымъ всѣмъ интересующимся стариной вообще и славнымъ прошлымъ Великаго Новгорода въ частности.

—Поэтому было-бы очень желательно получить для предполагаемой выставки: древнія иконы, кресты, церковную утварь и иные предметы церковной старины; старинныя грамоты, синодики, свитки и рукописныя и старопечатныя (до XVIII в.) книги; старинные портреты, миниатюры и картины, виды Новгорода и Новгородской земли, старинные планы, карты, монеты и печати, старинную домашнюю утварь, одежду, головные уборы, оружіе, знамена и т. под.

Лицъ и учрежденія, могущія содѣйствовать этому начинанію, Выставочная Комиссія имѣетъ честь покорнѣйше просить сдѣлать ей о томъ заявленіе (по адресу: Новгородѣ, Дѣтинецъ, Музей, Выставочной Комиссіи), по возможности въ непродолжительномъ времени, указавъ, что именно согласны они экспонировать.

Данные для выставки предметы будутъ принимаемы подъ расписку и возвращены ихъ владѣльцамъ въ полной сохранности немедленно по закрытіи выставки.

Предсѣдатель Новгородскаго Общества
любителей древности *М. Муравьевъ*.

Секретарь Выставочной Комиссіи *А. Курьяновъ*.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ въ 1910 г.

(Сорокъ-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, издаваемый **М. М. Ковалевскимъ**, подъ редакціей **К. К. Арсеньева** при ближайшемъ участіи:

И. В. Жилина, М. М. Ковалевского, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караева, А. С. Посникова, Л. З. Слонимскаго и К. А. Тимирязева.

Въ 1910 г. журналъ, такъ же какъ и въ прошломъ году, кромѣ прежнихъ отдѣловъ, будетъ заключать обзорѣе провинціальной жизни, обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ Запада. Кромѣ снимковъ съ портретовъ историческихъ дѣятелей, въ 1910 г. въ журналѣ будутъ помещаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства; такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра. Снимки исполнены въ краскахъ по рисункамъ художника В. Н. Россинскаго, фирмой Meisenbach, Riffarth & Co въ Берлинѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки, въ Конторахъ журнала: На годъ: 15 р. 50к., по 1/2 г. 7 р. 75к., по 1/4 г. 3 р. 90 к. Въ Петербургѣ и Москвѣ съ доставкою на годъ 16 р., по 1/2 г. 8 р., по 1/4 г. 4 р. Въ другихъ городахъ съ перес. на годъ 17 р., по 1/2 г. 8 р. 50 к., по 1/4 г. 4 р. 25 к., За границей, въ госуд. почтов. союза на годъ 19 р., по 1/2 г. 9 р. 50 к. по 1/4 г. 4 р. 75 к.

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Загородный пр. 14; въ книжн. магаз.: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28., К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

Въ Москвѣ: въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5; въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ лиціяхъ.

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Редакція „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Моховая, 32. **Главная контора журнала.** Загородный просп., 14. **Московское Отдѣленіе:** Б. Никитская, 5.

Подробный проспектъ высылается по требованію **бесплатно.** 3—3

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

СТАРЫЕ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА **ГОДЫ**
на 1910 годъ.

Въ четвертомъ году изданія „Старые Годы“ выходятъ по той же программѣ, при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

Александръ Н. Бенуа, Э. Г. Беренштамъ, Н. Я. Вилибинъ, Wilhelm Bode, J. de Bosshère, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi, L. Venturi, В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Fierens, Gevaert, Max Geisberg, J. v. d. Gheyn, В. В. Голубевъ, Adolf Gottschewsky, Georg Gronau, Jean Guiffrey, Игорь Э. Грабаръ, Loys Deltell, Léon Désbairs, С. П. Дягилевъ, R. Kœchlin, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я Курбатовъ, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Лингартъ, Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковскій, Pierre Marcel, L. de Maeterlinck, А. В. Орвшниковъ, R. Petrucci, R. P. Pirling, Pol de Mont, Н. К. Рерихъ, Н. И. Ромаповъ, А. А. Ростиславовъ, Н. Ротштейнъ, Denis Roche, А. В. Селивановъ, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, П. К. Симои, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубиниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, Max Friedländer, Pascal Forthуду, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, П. А. Юмиевъ, П. Д. Эттингеръ, А. И. Яцимирскій и мн. др.

Рядъ выпусковъ 1910 г. будетъ посвященъ описанію старинныхъ помѣщичьихъ усадебъ.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 10 руб., безъ доставки—9 руб. За границу—30 франковъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Соляной пер., 7) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Клочкова и Митюринкова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, „Новаго Времени“ и Шибанова.

При подпискѣ въ конторѣ редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р.; къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 июля—2 р.

Журнала за 1908 годъ въ продажѣ нѣтъ. Осталось ограниченное количество экземпляровъ журнала за 1909 годъ.

Редакціонный Комитетъ: Алекс. Н. Бенуа, В. А. Верещагинъ, баронъ Н. Н. Врангель, I. I. Леманъ, С. К. Маковскій, С. Н. Тройницкій и А. А. Трубиниковъ.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

Орловъ, Н. Гоголь, какъ учитель жизни. М. 1909. Изд. „Посредникъ“ (Арбатъ, д. Твостовыхъ). Тип. Н-въ Гатцукъ (Долгоруковская, д. Бутюгиной). 16° (10×13). 64 стр. Вѣсь 2 л. 20.200 экз.

Покровскій, Н. В., проф. Церковно-археологическій музей с.-петербургской духовной академіи. 1879—1909. Спб. 1909. Изд. Духовной академіи. Тип. Синодальная, 4° (26×35). XXIX+151 стр.+97 таб. Вѣсь 8 ф. 15 л. 600 экз.

Гоголь, Н. В. Сочиненія и письма. Редакція, биографическій очеркъ, вступи- тельныя статьи, примѣчанія и указатели В. В. Каллаша. Томъ восьмой. Мистико-моралистическія сочиненія. Спб. 1909. Изд. и тип. т-ва „Просвѣщеніе“ (Забалканск. пр., 75). 12° (12×18). VI+415 стр. Съ 4 рис. Ц. 1 р. Вѣсь 23 л. 5.000 экз.

Голубевъ, С. Т., проф. Отзывъ о книгѣ свящ. Н. Шагинскаго: Кіевскій митрополи- ть Арсеній Могилянскій и состояніе кіевской митрополіи въ его правленіе. (1757—1770 гг.). Кіевъ. 1907 г. М. 1909. Изд. Имп. о-ва исторіи и древн. Росс. Тип. штаба военн. окр. 8° (18×27). 25 стр. Вѣсь 5 л. 200 экз.

Записки нумизматическаго отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго общества, издаваемыя подъ ред. М. Г. Деммени. Т. I, вып. 2 и 3. Спб. 1909. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (19×28). 176 стр.+12 таб. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 20 л. 630 экз.

Содержаніе: 1) Ильинъ, А. А. 9 не извѣстныхъ монетъ царствованія Екатерины I и Петра II. 2) Якупчиковъ, Б. М. Неизданныя и рѣдкія древне-греческія монеты. 3) Марковъ, А. К. Чистка древнихъ монетъ. 4) Голубцовъ, В. В. Объ одной древней восточно-македонской монетѣ. 5) Марковъ, А. К. Кладъ монетъ въ селѣ Крещеный баранъ. Казанской губ. 6) Губастовъ, К. А. 2 римскія монеты изъ собр. К. А. Губа- стова. 7) Деммени, М. Г. Чеканка сѣвскихъ чеховъ. 8) Его же. X. X. Гилъ.

Затворницкій, Н. М. Столѣтіе Военнаго Министерства. Указатель биографиче- скихъ свѣдѣній, архивныхъ и литературныхъ матеріаловъ, касающихся чиновъ общаго состава по канцеляріи В. Министерства съ 1802 до 1902 г. включительно. Отдѣлъ 5. Спб. 1909. Тип. М. О. Вольфъ (В. О., 16 линия, 5—7). 4° (23×29). 951+XIX стр. Вѣсь 6 ф. 14 л. 2.200 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 26, 27 и 28. Спб. 1909. Изд. Гранатъ (Загородный, 14). Тип. Русская Скоропечатня (Екатерининск. кан., 94). 4° (19×27). 80 стр.+6 порт.+81— —160 стр.+5 порт.+161—240 стр.+4 кар. Ц. по 1 р. 35 к. Вѣсь 28 л. По 15.400 экз.

Къ 40-лѣтнему юбилею педагогической и литературной дѣятельности Федора Алек- сандровича Витберга, 1869—1-го сентября—1909. Краткая біографія и списокъ литера- турно-педагогическихъ статей и замѣтокъ. Спб. 1909. Изд. Н. Г. Мартынова. Тип. В. Безо- бразова. 8° (15×22). 15 стр. Съ портр. Вѣсь 3 л. 350 экз.

Никольскій, Н. В. Конспектъ по исторіи христіанскаго просвѣщенія чувашъ. Казань. 1909. Тип. Центральная. 8° (17×24). 36 стр. Вѣсь 3 л. 300 экз.

Памяти И. С. Тургенева. 28-го окт. 1818 г.—22-го авг. 1883 г. Сборникъ Варшав- скаго Педагогическаго Общества. Варшава. 1909. Изд. Варш. Педагог. Об-ства. Тип. Рус- скаго Об-ва (Пл. Св. Александра, 4). 8° (15×22). 76 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 7 л. 500 экз.

Титовъ, Ѳ. И., пр. Критико-библиографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви. Вып. VII. Кіевъ. 1909. Тип. Петръ Барскій (Крещатики, 40). 8° (17×24). 30 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 3 л. 115 экз.

Шафрановъ, П. А. Отзывъ о книгѣ Г. Г. Писаревскаго: „Изъ исторіи ино- странной колонизаціи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ“ (по неизданнымъ архивнымъ докумен- тамъ). М. 1909. Изд. Имп. О-ва исторіи и древн. Россійск. Тип. Штаба воен. Окр. 8° (18×27). 21 стр. Вѣсь 5 л. 200 экз.

Котляревскій, Несторъ. Мировая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Ея основныя этические и социальныя мотивы и ихъ отраженіе въ художествен- номъ творествѣ. Спб. 1910. Изд. 2-е испр. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 линия, д. 28). 8° (16×24). XXIV+408 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 11 л. 3.100 экз.

Попруженко, М. Г. Изъ матеріаловъ по исторіи славянскихъ колоній въ Россіи. Одесса. 1909. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4° (20×28). 34 стр. Вѣсь 9 л. 50 экз.

Родниковъ, В. Очерки по исторіи русской педагогіи. Кіевъ. 1909. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговъ, 8). 8° (16×25). III+119 стр. Съ рис. Ц. 65 к. Вѣсь 11 л. 500 экз.

Рѣзановъ, В. И. Къ исторіи русской драмы. Экскурсы въ область театра іезуитовъ. Отт. изъ XXV-го тома „Извѣст. Историко-Филологич. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“. Нѣжинъ. 1910. Тип. В. К. Меленевскаго. 8° (18×27) VI+464 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 29 л. 600 экз.

Словарь литературныхъ типовъ. Вып. 5-й. Аксаковъ С. Т. Спб. 1909. Изд. Книгоиздат. „Всходы“ (4 рождеств., 8). Тип. Энергія (Загородный, 17). 8° (17×26). 109 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 13 л. 5.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входяція въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 13. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иностранцы** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльных эпохахъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственнхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„**МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,**

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакціи Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъячская ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

МАЙ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г. Е. А. Рагозиной. 245—255
- II. Приемы законопослушныхъ финновъ при проведеніи въ законодательномъ порядкѣ Устава о воинской повинности 1878 г. X. 256—260
- III. Какъ заставляли финляндцы православныхъ соблюдать лютеранскіе праздники и за неисполненіе штрафовали. 261—267
- IV. Еще о драмѣ въ жизни писателя. А. Рембелінскаго. 269—283
- V. Изъ дневника А. В. Сухова-Кобылина. 284—288
- VI. „Секретное дѣло по предложенію синод. члена преосв. казанскаго съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія объ участіи въ разговорѣ еп. блорусскому Анастасію“. А. И. Сергѣева. 289—290
- VII. Воспоминанія гр. Н. К. Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. (Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845). Сообщилъ В. М. Колубакнѣвъ. 291—306
- VIII. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г. г.). Янжула. 307—328
- IX. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. (Великій князь Николай Михайловичъ. „Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора
- Александра I.“ т. III. Сиб. 1909). В. В. Тимошукъ. 329—348
- X. **Наброски изъ моей жизни.** С. П. Зыкова . 349—372
- XI. **Столѣтіе учрежденій по принятію прошеній, приносимыхъ Государю.** . 373—390
- XII. **Депутатъ отъ Россіи.** (Воспоминанія переписки Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 391—403
- XIII. **С.-Петербургская духовная академія.** (1809—1909). (Краткій очеркъ ея исторіи за 100 л. существованія). Н. Кодонова. . 404—422
- XIV. **Секретная инструкция, данная Императоромъ Николаемъ I полк. Бартоломео передъ отправленіемъ въ Персію съ резол. Императора Николая I относит. Грибоѣдова и донесеніе полк. Бартоломея.** 423—434
- XV. **Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.** Письма Н. А. Катенина къ Н. П. Бахтинчу. Сообщ. А. Чебышевъ. 435—446
- XVI. **М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны.** А. Б. К. 447—450
- XVII. **Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера.** 453—482
- XVIII. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**
- a) I. **Живой цыпленокъ въ киверѣ;**
II. **Перемѣна непристойной фамиліи.** Сообщилъ Мих. Соколовскій. . . 248
- b) **Времена первой четверти XIX ст.** Сообщ. —Я. . 451—452
- XIX. **Библиографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложеніе: Портретъ барона Александра Андреевича Будберга.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

У-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1910 года.

Библиотека „Руниверс“

Я. П. Новицій. Запорожскіе и гайдамацкіе клады. Малорусскія народныя преданія, повѣрія и рассказы, собранныя въ Екатеринославщинѣ. 1873—1906 г. Александровскъ. 1908.

Весьма любопытный сборникъ народныхъ южно-русскихъ преданій о кладахъ, цѣнный не только для этнографа, но и для историка, изслѣдователя народнаго быта, археолога. Рассказы записаны такъ, какъ вышли изъ безкитостныхъ устъ рассказчиковъ. Читая ихъ, пріобщаешься къ одному изъ самыхъ богатыхъ и свѣжихъ источниковъ первоначальнаго творчества Гоголя. Вотъ, на примѣръ, что рассказалъ составителю въ 1884 году 96-лѣтній дѣдъ:

„На Хортивськомъ острови богато кладивъ, тико вси воны закляти. Диды, було, розсказують, шо черезъ ти клады заклята и вся земля на острови. Колысь, кажуть, грамотный чоловікъ взявъ евангелію и вночи хотивъ перейти остривъ. Тико шо зійшовъ на гору,—евангелія и выпала зъ рукъ; винъ, пиднявъ,—вона унять выпала... Ставъ творить молитву, а козыня съ пидъ куца—„меке-ке-ке-ке-кеэээ“!—та дидови на шыю и сило вернеть... Дали козыня зскочыло, а зъ задю его хтось лозыноу якъ шморгне, якъ шморгне—та по ухахъ, та по ухахъ... Гналось, та шмагало, насылу дидъ влучывъ до каюка... Стрыбнувъ той дидъ въ каюкъ и помахавъ весломъ до дому. На другый день пишовъ винъ шукать евангелію, ажъ вона пошматана на кусочки“...

Это стоитъ разсказовъ пасичника Рудого Пацька—хотя бы его „Заколдованнаго мѣста“. Восемьдесятъ девять преданій, собранныхъ г. Новиційемъ, расположены по нѣкоторой системѣ: клады въ видѣ животныхъ, людей, предметовъ, клады въ дуплахъ, погребяхъ, могилахъ, на островахъ, въ урочищахъ, въ балкахъ. Такое расположение помогаетъ ориентироваться въ сборникъ; той же цѣли служитъ прекрасно написанное введеніе.

Мѣстническій справочникъ XVII вѣка. Изданъ Ю. В. Татищевымъ. Вильна. 1910.

„Книга перечневая для скорого пріиску отеческихъ дѣлъ, для укоризны отечеству и потери ихъ, у кого съ кѣмъ будетъ въ отечествѣ счетъ, и то писано въ сей книгѣ имянно. Роды по статьямъ и въ тѣхъ статьяхъ подъ главами. Тѣхъ родовъ потери всякому роду по своему прозванію. Выписано изъ разрядныхъ книгъ и изъ Посольскаго приказу и изъ иныхъ приказовъ изъ дѣлъ, тому всему имянный статьи и въ сей книгѣ писано имянно по годамъ, хто гдѣ прежь сего у какихъ дѣлъ съ кѣмъ бывали, и въ какихъ чинѣхъ, и въ которыхъ годѣхъ“. Эта книга, хранящаяся въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки Академіи Наукъ, въ литературѣ безызвѣстна, но г. Татищевымъ издана впервые. Издатель такъ характеризуетъ справочникъ: содержаніе его составляетъ собраніе всевозможныхъ случаевъ, служащихъ къ пониженію служилой чести трактуемыхъ въ немъ родовъ. Вотъ почему мы не встрѣчаемъ въ немъ указаній на то, что такой-то родъ или данное лицо выше такихъ-то, а всегда обратныя. И надо отдать справедливость своеобразному трудолюбію автора, тщательнѣйшимъ образомъ подобравшаго факты, служащіе намѣченной имъ цѣли. Для этого онъ перевернулъ достаточно обширный архивный матеріалъ, по-своему систематизировалъ его и сохранилъ намъ отрывочныя, но цѣнные свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ недошедшихъ до насъ или скрывающихся во мракѣ архивовъ документовъ. Эта сторона сборника и дѣлаетъ его наиболее цѣннымъ въ нашихъ глазахъ: во многихъ случаяхъ онъ даетъ опорную точку для дальнѣйшихъ розысканій относительно того или другого приведеннаго въ немъ рода, сообщаетъ массу цѣнныхъ свѣдѣній, какъ для исторіи отдѣльныхъ родовъ, такъ и для организаціи служивыхъ людей, царной и соколиной царской охоты, стрѣльцкихъ полковъ, засѣчной службы, исторіи городовъ (Борисова, Брянска, Козлова, Можайска, Москвы и др.), учреждений и пр. Среди скучнаго и на первый взглядъ однообразнаго матеріала тамъ и сямъ разсыпаны, какъ бисеръ, указанія высокаго интереса... Внимательное разсмотрѣніе справочника открываетъ многочисленность и разнообразіе его источниковъ. Въ числѣ ихъ на первое мѣсто слѣдуетъ выдвинуть разряды на разные годы XVI и XVII столѣтій, полковые и нѣкоторые свадебные, за ними слѣдуютъ всевозможные списки, изъ коихъ любопытенъ часто цитируемый и, кажется, недошедшій до насъ въ подлинникъ списокъ „каковъ сысканъ на Казенномъ Дворѣ во 151 г. при казначей Богданѣ Милицѣ Дубровскомъ“, въ него вошли дѣти боярскіе, патриаршіе, митрополитовъ Казанскаго и Крутицкаго, архіепископовъ Тверскаго, Смоленскаго, Суздальскаго, епископовъ Псковскаго, Коломенскаго и др., рѣшеточные приказчики, недѣльщики и т. п. чины; трудно объяснить за немнѣишемъ подъ руками подлинника, кому и зачѣмъ понадобилось составлять такую смѣсь изъ служивыхъ людей совершенно различныхъ категорій. Далѣе слѣдуютъ списки новгородскихъ недѣльщиковъ, чиновъ царской охоты и конюшни, дѣтей боярскихъ, Псковскаго владыки Изосима, стрѣльцкіе, казачьихъ головъ, губныхъ старостъ и проч., служивыхъ людей, несшихъ станичную службу въ Ливенскихъ и Путивльскихъ пробѣжнихъ станицахъ, списокъ (7115 г.), каковъ сысканъ послѣ Московскаго разоренія въ Розрядѣ, и т. д. Необходимо отмѣтить широкое пользованіе десятнями: такъ мы встрѣчаемъ ссылки на десятии каширскія, брянскія, суздальскія, серпейскія, ярославскія, нижегородскія и арзамасскія. Составитель сборника не довѣрялъ однако источникамъ слѣпо, и отмѣчалъ ихъ разногласія. Справочникъ немаловаженъ въ генеалогическомъ отношеніи; издатель свабилъ его тщательно составленными указателями лицъ и географическихъ названій и учреждений.

Баронъ
Александръ Андреевичъ
Будбергъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныхъ условій общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**. — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Поѣздка въ Самборъ“. **П. М. Ковалевского**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисеѣва, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ф. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Радель, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ учебныхъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ биографіи Л. А. Мея“. — „Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина И. А. Вахтнгу“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкринъ“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Мясской губерніи. **Е. А. Рагозинъ** — „Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.“ **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н. —** „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавкаской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. Ланжерона 1812 г. — Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генераль Моро въ русскихъ войскахъ“. Воспоминанія Д. Санглена, Леваковскаго, Семенова и др. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-
Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

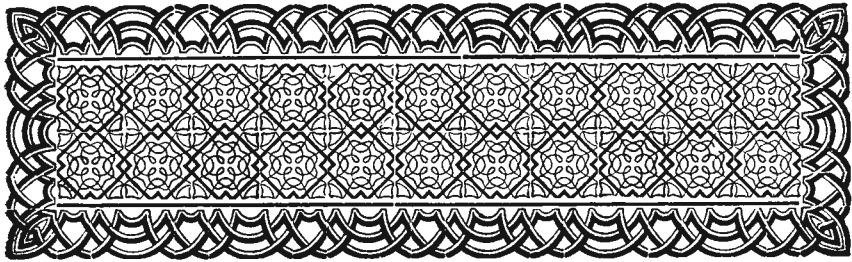
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостинный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамилии которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—ответственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXII ¹⁾.

Наступила послѣдняя четверть 1875 года.

Отголоски броженія на Балканскомъ полуостровѣ проникали къ намъ только благодаря компанійскимъ пароходамъ, которые привозили изъ Одессы и портовъ Средиземнаго моря газеты и журналы.

Строгость цензуры при Абдуль-Азисѣ была чрезмѣрна: мѣстная печать хранила упорное молчаніе о кровавыхъ столкновеніяхъ мусульманъ съ христіанами и, восхищаясь мудростью султана, утверждала, что все обстоитъ благополучно въ странѣ полумѣсяца, и только интриги русской дипломатіи мѣшаютъ мирному теченію жизни.

Вскорѣ послѣ посѣщенія насъ дамами гарема, прошелъ слухъ, что опальный до сего времени Мидхатъ-паша теперь по настоянію Англіи возвращается изъ Багдада въ Константинополь, чтобы занять отвѣтственный постъ у кормила правленія.

Вслѣдъ затѣмъ и отъ самого Мидхата была получена дядей моимъ телеграмма, въ которой говорилось о горячемъ его желаніи повидаться съ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ своимъ.

И дѣйствительно, личныя отношенія обоихъ были чрезвычайно сердечнаго характера, несмотря на нѣкоторую разницу убѣжденій и взглядовъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

Въ назначенный срокъ одинъ изъ пароходовъ „Messageries Maritimes“ привезъ на Хіоскій рейдъ знаменитаго англомана.

Прибыль онъ къ намъ послѣ визита къ губернатуру и объявилъ, что поживетъ у насъ нѣсколько дней до слѣдующаго французскаго рейса.

Долго о чемъ-то шептались и спорили мужчины въ пріемной, куда мы, дамы, не входили, чтобы не мѣшать имъ. Но вотъ накрыли столъ для ужина—позвали и меня.

Впечатлѣніе гость нашъ произвелъ на меня совершенно обратное по сравненію съ Кіамиль-пашой.

Довольно плотнаго сложенія, съ круглымъ лицомъ, которое казалось еще шире отъ надвинутой на лобъ фески, онъ скорѣе напоминалъ веселаго нѣмецкаго бюргера, чѣмъ важнаго, степеннаго магометанина. Со мной раскланялся очень развязно, пристально разсматривая меня, что совсѣмъ не принято у турокъ при разговорѣ съ женщиной.

— Я только-что узналъ,—обратился онъ ко мнѣ на прекрасномъ французскомъ языкѣ,—что здѣсь вамъ дали прозвище „прекрасной розы Сибири“,—сравненіе не совсѣмъ удачное: едва-ли въ странѣ льдовъ и медвѣдей цвѣтутъ розы? Позвольте мнѣ называть васъ просто „русскимъ цвѣточкомъ“?

— Какъ угодно будетъ вашему превосходительству,—отвѣтила я, присѣдая.

— Превосходительству... протянулъ онъ, поднимая брови,—надѣюсь со временемъ заслужить отъ васъ другое наименованіе моей особы, напримѣръ „добраго свата“! Когда я сошелъ на прекрасный берегъ Хіоса, душистый вѣтерокъ шепнулъ мнѣ кое-что на ушко... Сердечно порадуюсь, если увижу роскошный цвѣтъ сѣвера въ садахъ Магомета...

Мои родные какъ-то странно переглянулись между собой, а я, догадываясь въ чемъ дѣло, поспѣшила уйти въ сторону отъ болтливаго сановника, чтобы скрыть предательскую краску, заливавшую лицо мое.

За ужиномъ онъ шель заперщенное Кораномъ виноградное вино и съ увлеченіемъ рассказывалъ о своихъ походахъ и пирушкахъ въ Лондонѣ и Парижѣ.

Потомъ снова занялся мною и спрашивалъ: видѣла ли я турокъ въ Россіи, что о нихъ тамъ говорятъ, и страшно ли мнѣ было вѣхать въ ихъ страну?

Я отвѣчала, что турокъ никогда прежде не видѣла; но читала о нихъ очень много, а также знакома съ ними по урокамъ исторіи въ институтѣ.

— Воображаю себя эти лекціи!.. съ ироніей проговорилъ Мидхатъ-паша,—ну, сознайтесь, русской цвѣточекъ, я не обижусь—увѣряю васъ, что учителя ваши говорили вамъ о насъ, какъ о кровожадныхъ звѣряхъ, гонителяхъ христіанъ и т. п. ужасахъ?—

— Совершенно напротивъ,—съ живостью возразила я,—насъ учили, что вы очень храбрый, честный и, вообще, интересный народъ для изученія...

Собесѣдникъ мой закусилъ губы отъ смѣха и молча кивнулъ головой.

— Только одно не нравится мнѣ,—продолжала я въ поучительномъ тонѣ,—это горькая доля вашей женщины: она раба мужчины, а не равноправное существо. И у насъ было также до Петра I; но великій Государь освободилъ затворницу, и что же? Развѣ мы стали хуже отъ того?

— Хуже, хуже, молодая дѣвица,—почти сердито протянулъ паша и, строго взглянувъ на меня, спросилъ:

— Чѣмъ же плохо положеніе нашей женщины по вашему мнѣнію? Мужъ кормить ее, одѣваетъ—чего ей еще надо?

— Какъ чего?—съ изумленіемъ переспросила я,—образованія и равноправія, конечно! вотъ вы, напримѣръ, учились за границей, потому что каждому человѣку свойственна жажда новыхъ знаній,—такъ почему и ей не имѣть того же?—Развѣ душа у нея не такая, какъ и у васъ?

— Именно не такая,—хмуро перебилъ меня Мидхатъ.—Однако, вы большая фантазерка, милая барышня, позвольте сослаться въ этомъ случаѣ на самого Господа Бога: Онъ не установилъ одинаковой мѣрки для своихъ созданій, и если бы желалъ равноправія, то и сотворилъ бы одну разновидность. А между тѣмъ, наблюдая природу, мы замѣчаемъ совершенно иной порядокъ вещей—ужь такова воля Творца вселенной... Впрочемъ, оставимъ въ покоѣ эту неудобную для вашего самолюбія тему—все равно мы съ вами по ней не столкнемся, а лучше объясните мнѣ: откуда вы взяли, что науки дадутъ нашей затворницѣ, какъ зовутъ у васъ турчанку, счастье, а не наоборотъ. Все, что необходимо знать мусульманкѣ, она получаетъ и у себя въ гаремѣ и въ школахъ общинъ: ее учатъ рукодѣлію, хозяйству, чтенію изреченій Корана, иностранному языку, наконецъ, танцамъ для забавы мужа—чего не достаетъ ей, скажите?

Тутъ я, не долго думая, принялась критиковать программу школьнаго обученія турецкихъ дѣвушекъ и указала на неудобства того невѣжества, какъ, напримѣръ, понятіе о затменіи луны.

Мидхатъ-паша на это громко расхохотался и, махнувъ рукой,

какъ бы давая понять, что не стоитъ труда спорить со столь наивной особой, обратился къ дядѣ:

— Ваша племянница только-что упрекала насъ въ эгоизмъ,—такъ началъ онъ, видимо задѣтый моими возраженіями и, замѣтно волнуясь, продолжалъ:

— Европеецъ никакъ не можетъ разобратъся въ такой чудовищной, по его мнѣнію, аномаліи: турокъ, получивъ на западъ высшее образованіе, становится еще строже къ своей женщинѣ и упорнѣе, чѣмъ прежде противится ея просвѣщенію. Это фактъ—не правда-ли?

Мои родные подтвердили то же самое и указали на высоко образованнаго Кіамиль-пашу, какъ на самый убѣдительный примѣръ только-что сказаннаго.

— И вашего покорнѣйшаго слугу попрошу занести въ тотъ же списокъ,—разсмѣялся онъ,—мои дочери, надѣюсь, умрутъ въ невѣдѣніи, что имѣли счастье прожить на планетѣ, которая дважды вращается... Для ихъ же спокойствія, увѣряю васъ, такъ будетъ и лучше и удобнѣе,—договорилъ передовой сановникъ, насмѣшливо взглянувъ на меня. Послѣдующая рѣчь его крайне удивила меня: куда дѣвалось врожденное каждому турку чувство деликатности и сдержанности: казалось, что трактуемая тема была самымъ болынымъ мѣстомъ горячаго патріота и фанатичнаго мусульманина. Онъ безпощадно осуждалъ, не стѣняясь нашимъ присутствіемъ, все европейское: нравы, обычаи, законы, парламенты, а въ особенности женщинъ, называя ихъ „безстыдными Иродіадами“.

Голосъ его звучалъ вызовомъ кому-то, когда онъ обратился къ намъ съ такими словами:

— По какому праву европеецъ съ присущимъ ему самомнѣніемъ считаетъ себя единственнымъ носителемъ культуры, забывая, что свѣтъ знаній и мудрости пришелъ къ нему отъ тѣхъ, кого онъ презрительно зоветъ „восточными варварами“. вспомните исторію Египта, Индіи и другихъ древнѣйшихъ народностей: въ то время, когда цивилизація у нихъ достигла уже своего зенита, вы безпомощными младенцами блуждали по равнинамъ и плоскогорьямъ Средней Азіи, или подобно звѣрямъ, прятались въ дремучихъ лѣсахъ. Наша культура неизмѣримо старше вашей, и не вы, а мы васъ просвѣтили,—горячо доказывалъ Мидхатъ-паша.

— Совершенно вѣрно,—спокойно возразилъ ему дядя,—колыбель человечества—востокъ, а слѣдовательно: и цивилизація ваша древнѣйшая нашей, но разница между ними та, что первая остановилась въ зенитѣ, а вторая идетъ дальше...

— Т. е. къ закату,—саркастически улыбаясь, перебилъ гость,—

съ этимъ вполне согласенъ!.. И довольный удачнымъ каламбуромъ продолжалъ развивать свою мысль.

— Не будемъ спорить о превосходствѣ по давности лѣтъ той или иной культуры, лучше разберемся въ достоинствахъ и заслугахъ ихъ предъ человѣчествомъ. Какъ вамъ извѣстно, высшее образованіе я получилъ въ Европѣ, гдѣ имѣлъ возможность наблюдать жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. И что же видѣлъ я тамъ кругомъ себя: алчность, обманъ, грабежъ, насиліе—вотъ плоды вашей хваленой цивилизаціи! И тогда я возненавидѣлъ европейца всѣми своими чувствами и всѣмъ сердцемъ, простите за откровенность,—такъ говорилъ либеральнѣйшій изъ турокъ, какъ называла его народная молва. Мои родные въ свою очередь, хотя и очень осторожно, возражали ему въ такомъ смыслѣ, что вѣдь и у носителей восточной культуры не все же одни положительныя качества, найдутся, пожалуй, и отрицательныя...

— Прекрасно понимаю намекъ вашъ,—волнуясь и краснѣя, заговорилъ паша,—насъ обвиняють въ звѣрствахъ и избіеніяхъ невинныхъ христіанъ! Но такъ ли это? будьте справедливы—вы давно живете здѣсь и не можете не знать, что рѣзню вызываютъ обыкновенно сами же угнетаемые своей безсовѣстной эксплуатаціей пріютившаго ихъ народа и оскорбленіемъ религіозныхъ чувствъ его.

Съ такими доводами нельзя было не согласиться.

— А женщины ваши, Аллахъ мой Великій!—снова принялся громить милыхъ дамъ нашихъ такой, повидимому, любезный и галантный кавалеръ.

— Я наблюдалъ ихъ достаточно въ салонахъ и будуарахъ, куда имѣлъ свободный доступъ и былъ тамъ желаннымъ гостемъ,—чему-то улыбаясь протянулъ онъ задумчиво.

— Понятія о чести, супружескихъ обязанностяхъ у нихъ почему-то совершенно наизуворотъ, и послѣ того еще удивляются, что мы, побывавъ на западѣ, не желаемъ имѣть у себя дома подобныхъ жень и дочерей!—съ негодованіемъ воскликнулъ турецкій либераль.

— Скажите,—спросилъ онъ вдругъ самымъ наивнымъ тономъ:—неужели вашимъ дамамъ не стыдно являться почти голыми въ собраніяхъ, гдѣ такъ много мужчинъ?

Мы улыбались, пожимая плечами.

— Ваша племянница ратуетъ за эмансипацію турчанокъ и огорчается, что послѣдняя не изучаетъ астрономію!—насмѣшливо замѣтилъ Мидхатъ-паша и, обращаясь уже прямо ко мнѣ, продолжалъ:

— На это я даю вамъ такой отвѣтъ, добрая барышня: не обре-

меняйте себя заботами о просвѣщеніи нашей женщины и оставьте ее въ невѣдѣніи причинъ затменія луны. Да охранить Аллахъ магометанку отъ вліянія запада. Ваша цивилизація, освѣщая умъ, въ то же время разрушаетъ нравственность, чистоту нравовъ и религію, что совсѣмъ не желательно...

— Но почему же вы сами, ваше превосходительство, — перебила я обиженно его, — не довѣряя европейцу, ѣздили учиться къ нему?

Вопросъ мой нисколько не смутилъ убѣжденнаго противника женской эмансипаціи: онъ снисходительно улынулся и спокойно отвѣтилъ:

— Требованія жизни и государственная необходимость вынуждаютъ насъ, мужчинъ, къ тому: нельзя же управлять страной, не зная сосѣдей своихъ. Что же касается нашихъ гаремныхъ обитательницъ, то имъ хорошо и дома. Однако вы затронули слишкомъ обширную тему для обыкновенной дружеской бесѣды — пожалуй и не одолѣемъ ее, а потому давайте лучше потолкуемъ о чемъ-нибудь болѣе интересномъ!..

Роль обличителя видимо надобла ему, и онъ снова преобразился въ веселаго и остроумнаго собесѣдника. Прогостивъ у насъ еще два дня, въ продолженіе которыхъ я успѣла наговориться съ нимъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, онъ уѣхалъ, оставивъ по себѣ очаровательное впечатлѣніе.

Г л а в а XXIII.

Въ положенное время было лунное затменіе, о чемъ я прочла столь неудачную лекцію дочери Кіамиль-паши. Едва земная тѣнь начала вползать на дискъ луны, какъ на валахъ крѣпости появились силуэты людей и началось вавилонское столпотвореніе: солдаты, цѣлясь въ небеса, палили изъ ружей, били въ барабаны и пускали вверхъ ракеты, а женское населеніе высыпало на крыши домовъ. Всѣ вооружены были горшками, тазами, кастрюлями и прочими кухонными принадлежностями, въ которыя онъ ударяли изо всей силы. Крикъ, визги, вопли потрясали тишину воздуха и стономъ неслись по окрестности. Мы также поспѣшили къ стѣнамъ цитадели, откуда удобнѣе всего было наблюдать эту въ высшей степени забавную сценку.

Но вотъ прогнали, наконецъ, коварнаго дракона, завладѣваемаго любимымъ свѣтиломъ пророка, и турки, мирно бесѣдуя, стали расходиться и запирали крѣпостныя ворота.

Вскорѣ послѣ сказаннаго событія, мы отправились съ визитомъ къ дамамъ губернатора.

Я неохотно собиралась, предчувствуя повтореніе насмѣшекъ и издѣвательствъ; но на этотъ разъ ошиблась: меня встрѣтили очень пріятливо и, къ удивленію моему, чрезвычайно почтительно съ выраженіемъ робкаго благоговѣнія на лицахъ.

— Что за притча?—недоумѣвала я.

Вскорѣ однако все объяснилось само собой.

-- Mademoiselle Eugénie, вы, вѣроятно, чѣмъ-нибудь особеннымъ угодили Аллаху—не иначе?—спросила Элиме, усаживая меня рядомъ съ собой.

— Не понимаю васъ!—былъ мой отвѣтъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ: паша, мой отецъ, а онъ рѣшительно все знаетъ, что дѣлается на свѣтѣ,—съ непоколебимымъ убѣжденіемъ и сильно ударяя на словѣ „все“, заявила турчанка,—объяснилъ намъ, что вы просто шутили, когда рассказывали мнѣ о движеніи земли и о другихъ чудесахъ—ничего подобнаго, конечно, не существуетъ въ дѣйствительности; но вотъ что удивительно,—продолжала она, пытливо всматриваясь въ мои черты,—какимъ образомъ, да еще съ такою точностью, удалось вамъ предсказать день и часъ затменія, т. е. приближенія дракона къ лику небесной лампы?

— Возьмите календарь, Элиме, и вы сами убѣдитесь...

— Ахъ, нѣтъ!—съ испугомъ перебила она меня,—никогда не дотронусь я до книги дьявола и вамъ не совѣтую читать подобныхъ вещей! Лучше расскажите мнѣ, дорогой ягнечекъ,—неожиданно заговорила ласково и нѣжно эта странная дѣвушка,—какой у него видъ, и о чемъ онъ съ вами бесѣдовалъ?

— Кто онъ?—широко раскрывая глаза, спрашивала я.—Какъ кто?—удивилась и она въ свою очередь,—ну, конечно Гавріилъ архангелъ! Развѣ не онъ, по волѣ Аллаха, явился вамъ, подобно Агари въ пустынѣ для того, чтобы черезъ васъ предупредить правовѣрныхъ о замыслахъ демона—сознайтесь же, что такъ оно и было?..

Вначалѣ мнѣ казалось, что Элиме просто дурачится и мститъ за уроки космографіи. Но нѣтъ! она продолжала въ очень серьезномъ тонѣ о томъ же, съ упоминаніемъ именъ Аллаха и пророка, что исключало всякую возможность шутки со стороны магометанки.

— Вѣроятно, вы еще не успѣли много нагрѣшить,—говорила она,—и вотъ за ваши добродѣтели вамъ и послано было видѣніе, а это особенное счастье, такъ какъ архангелъ Гавріилъ являлся всегда только очень праведнымъ людямъ, напримѣръ: Измаилу въ пустынѣ,

Аврааму, когда онъ строилъ Каабу и, наконецъ, онъ носилъ самого пророка на седьмое небо.

— Такъ высоко?—еле удерживаясь отъ смѣха, спросила я,— что же онъ тамъ дѣлалъ?

— Какъ что? — досадливо возразила турчанка, — и этого не знаете? Разговаривалъ съ Аллахомъ и читалъ книгу жизни, а потому вернулся на землю и просвѣщалъ людей.

Съ турчанками, какъ мною уже было сказано, разговаривать очень мудрено, такъ какъ понятія ихъ о жизни и природѣ самыя сумбурныя, а потому я не стала оспаривать ея доводовъ и разувѣрять въ своей святости.

Теперь я опишу домашнюю обстановку губернатора—можетъ быть, кому-нибудь это покажется интереснымъ.

Жилище каждаго турка обязательно раздѣляется на двѣ половины: мужскую, называемую „селямликъ“ и женскую — гаремъ. Семья не имѣетъ доступа въ первую, гдѣ хозяинъ дома живетъ одинъ со своими слугами и даже имѣетъ отдѣльную кухню. Зато во вторую онъ входитъ, когда ему это заблагоразсудится, и если обѣдаетъ здѣсь, то садится за столъ одинъ, а жены, дочери и даже сыновья прислуживаютъ ему.

Вся роскошь дома сосредоточена на женской половинѣ. Но не слѣдуетъ думать, что комнаты гарема убраны только въ восточномъ вкусѣ: въ этомъ отношеніи турки не брезгаютъ заимствовать для домашняго комфорта кое-что и у гяуровъ. Такъ пріемный залъ губернаторши былъ наполненъ мебелью европейскаго издѣлія: диванъ, кресла, крытыя бархатомъ; зеркала, люстра и лампы подъ абажурами; но чудные, смирскіе ковры, въ которыхъ нога тонула, какъ въ пуховикѣ, шелковыя съ причудливыми узорами подушки, разбросанныя вдоль стѣнъ, низенькіе, украшенные великолѣпною инкрустаціей столики для куренія, наргиле, уже заправленные вокругъ мангала съ угольями—все это напоминало посѣтителю, что онъ въ гостяхъ у восточнаго жителя.

Такая же помѣсь востока съ западомъ обнаруживается въ одѣяніи, манерахъ и привычкахъ обитателей этихъ жилищъ.

Принято думать, что въ домашнемъ быту турчанки носятъ національный костюмъ, т. е. шальвары, драгоцѣнные пояса и пр.

Ничего подобнаго не видѣла я, хотя приходилось бывать какъ въ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ гаремахъ, только выходя на улицу, онѣ облачаются, какъ требуетъ того законъ, въ широкія турецкія одежды.

Пристрастіе къ парижскимъ фасонамъ давно обратилось у нихъ прямо въ манію какую-то, и онѣ съ упоеніемъ щеголяютъ другъ передъ другомъ въ нарядахъ своихъ.

Что же касается причесокъ, то дѣло обстоитъ здѣсь совсѣмъ наоборотъ: всѣ магометанки безъ исключенія придерживаются по этой части своей собственной моды: дѣвушки заплетаютъ волосы въ мельчайшія косочки, перевязывая ихъ ленточками, а замужнія чешутся въ двѣ косы и носятъ всегда, даже подъ шляпой внѣ дома, шелковые или атласныя шапочки, украшая ихъ драгоценностями, смотря по состоянію. Баня—главная арена для состязанія въ туалетахъ гаремныхъ затворницъ. Сюда надѣваются самые дорогіе и лучшіе костюмы, а также вся ювелирная наличность. Кромѣ того, къ головному убору нерѣдко прикалываются даже ордена мужей. Такъ, на примѣръ, въ Константинополь я видѣла въ банѣ жену Османъ-паши, надъ челомъ которой красовались военные знаки отличія.

Г л а в а XXIV.

И такъ мы вошли въ пріемную гарема. Въ моментъ нашего прихода Кіамиль-паша былъ тамъ.

Послѣ обмѣна изысканныхъ селямовъ, насъ усадили на почетныя мѣста; но жена и дочь, ввиду присутствія хозяина дома, продолжали стоять, почтительно склонивъ головы. Замѣтивъ это, прогрессивный сановникъ немного смутился, какъ показалось мнѣ, и жестомъ пригласилъ ихъ садиться.

Поговоривъ немного, онъ сталъ прощаться съ нами, ссылаясь на неотложныя дѣла.

Турчанки немедленно встали и проводили его низкимъ поклономъ. Вѣроятно забывъ что-то въ комнатѣ, паша тотчасъ же вернулся: дамы его опять приподнялись и вытянулись передъ нимъ.

Такое усердіе со стороны ихъ, повидимому, окончательно сконфузило его передъ нами: онъ досадливо махнулъ рукой и поспѣшно вышелъ.

Евнухи внесли подносы со сладостями и кофе. Появились также обѣ невольницы: Лаза и База.

Онѣ о чемъ-то пошептались съ Элиме, задорно оглядывая меня.

— Завтра мы ѣдемъ въ баню,—громко сказала дочь губернатора, обращаясь къ моей теткѣ,—Ханумъ и я убѣдительно просимъ васъ, madame Дариво, отпустить съ нами племянницу вашу. Будетъ очень весело,—продолжала она съ оживленіемъ,—жена коменданта, Зера, надѣнетъ новое платье, которое привезъ ей мужъ изъ Александріи, а Фатима обѣщала рассказать новую сказочку. Дулу споетъ намъ пѣсенку гуріи въ раю Магомета, и баядерокъ мы также позовемъ.

Соблазнъ былъ великъ, и я вопросительно взглянула на Marie. Последняя охотно дала свое согласіе.

— Только совѣтую вамъ, Eugénie, нарядиться въ самое лучшее, парадное платье,—озабоченно говорила Элиме,—а то Зера воображаетъ, что лучше ея никто не понимаетъ въ этомъ толку,—видимо желая досадить соперницѣ по части туалетовъ, упрашивала она.

— Мнѣ надо потолковать съ вами, но только по секрету, объ одномъ очень важномъ обстоятельстве,—совершенно неожиданно шепнула мнѣ на ухо Элиме, улучивъ моментъ, когда на насъ никто не смотрѣлъ,—здѣсь неудобно, какъ видите,—показала она глазами на присутствующихъ.

Заинтересованная въ высшей степени, я не смогла преодолѣть любопытства и стала умолять ее сообщить мнѣ немедленно въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ! нѣтъ!—рѣшительно возразила она,—завтра въ банѣ вы узнаете все, а пока ни слова!—Пришлось съ огорченіемъ покориться.

На слѣдующій день евнухъ привелъ въ поводу бѣлую арабскую лошадь алеппской породы и подалъ записку, въ которой Элиме напоминала мнѣ общаніе одѣться какъ можно эффектнѣй.

Я вышла на подъѣздъ въ голубомъ легкомъ платьѣ, въ бѣлой шляпѣ съ цвѣтами и усѣлась амазонкой на коня, а нубіецъ взялъ его подъ уздцы и пошелъ впередъ. Такимъ образомъ, получился видъ наѣздницы на аренѣ цирка. Такъ казалось мнѣ, но не мѣстному жителю, для котораго подобное зрѣлище самая обыкновенная и привычная вещь, такъ какъ всѣ европейскія дамы, не говоря уже о гречанкахъ и турчанкахъ, ѣздятъ верхами не только въ визитныхъ или городскихъ туалетахъ; но даже и въ бальныхъ—напримѣръ, въ Константинополѣ, Смирнѣ и другихъ большихъ центрахъ.

Да иначе и быть не можетъ тамъ, гдѣ въ большинствѣ улицы до того узки, что ни одинъ экипажъ не пролѣзетъ въ нихъ. Вотъ почему на востокѣ лошадь служить не для забавы и прогулокъ, а замѣняетъ нашего извозчика.

Въ пути мнѣ вздумалось освободиться отъ опеки проводника и самостоятельно управлять красавцемъ аравійскихъ степей. Замѣтивъ намѣреніе мое овладѣть поводями, нубіецъ погрозилъ пальцемъ и свистнулъ. Дрессированный скакунъ громко фыркнулъ и попятился назадъ, сильно качнувъ меня въ сѣдлѣ. Тогда проводникъ что-то крикнулъ, и умное животное моментально превратилось въ ягненка. Евнухъ сверкнулъ бѣлками и улыбнулся—видимо ему хотѣлось наказать меня за ослушаніе.

Когда я подъѣхала къ коваку паши, то губернаторша съ дочерью, закутанныя въ свои неуклюжія верхнія одежды, уже сидѣли верхами по-мужски также на арабскихъ коняхъ.

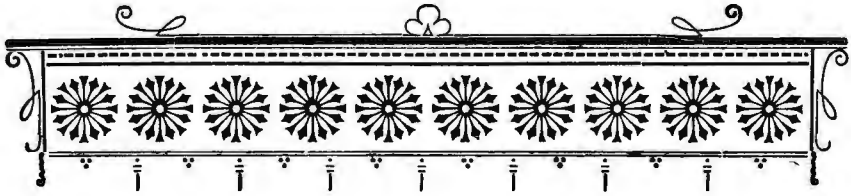
Пришло время тронуться въ путь: нубіецъ отошелъ въ сторону, и мы шагомъ направились за городъ. Выѣхавъ на широкую долину, всѣ три скакуна сразу взяли съ мѣста и понеслись впередъ необыкновенно легкимъ и плавнымъ галопомъ. Это было прямо высокое наслажденіе чувствовать себя на спинѣ такого великолѣпнаго созданія!

Проскакавъ, такимъ образомъ, нѣкоторое время, мы вернулись къ цитадели, внутри которой и были турецкія бани.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Приемы законопослушных финнов при проведеніи въ законодательномъ порядкѣ Устава о воинской повинности 1878 г.

Вниманіе всего міра обращено на Финляндію и ту борьбу, которая ведется съ одной стороны *безправными* въ Финляндіи русскими и угнетенными хозяевами Финляндіи—финнами. Ловкіе шведы, потомки аньяльскихъ заговорщиковъ, сумѣли втянуть въ борьбу противъ Россіи представителей ученаго міра, пытающихся доказать существованіе отдѣльнаго Финляндскаго государства. Стремясь обезпечить исключительное положеніе Финляндіи, финляндцы не брезгаютъ ничѣмъ: въ періодъ 1895—1899 года они втянули въ интригу нѣкоторыхъ коронованныхъ особъ Европы, пытаясь, при ихъ содѣйствіи, помѣшать русскому правительству въ его справедливой попыткѣ ввести объединительныя мѣропріятія въ Финляндіи.

Здѣсь, для характеристики приемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ „законопослушныя“ финны, будетъ уместно привести кой-какіе факты изъ очень недавняго прошлаго для указанія, какими способами создается мнѣ о самостоятельности Финляндіи и достигается ограниченіе правъ Монарха. Эпизодъ, о которомъ я хочу привести свѣдѣнія, относится къ царствованію Императора Александра II и касается ни больше, ни меньше какъ скрытія отъ Военнаго Министра г.-а. Милютина четырнадцати параграфовъ Устава о воинской повинности и о приданіи имъ силы *основныхъ* законовъ, вслѣдствіе чего измѣненіе ихъ возможно только по соглашенію Монарха съ земскими чинами, при чемъ требуется согласіе всѣхъ четырехъ словій. Сообщаемыя свѣдѣнія позаимствованы изъ оффиціального изданія Статсъ-Секретаріата „Матеріалы по вопросу о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“,

книжки, изданной въ очень ограниченномъ количествѣ специально для членовъ Высочайше учрежденной Комиссіи сенатора Таганцева по разграниченію общегосударственнаго и мѣстнаго финляндскаго законодательствъ. Появленіе этихъ данныхъ въ печати вызвало бурю негодованія со стороны финляндскихъ членовъ Комиссіи противъ члена Комиссіи, завѣдывавшаго дѣлопроизводствомъ (нынѣ сенатора), В. Т. Судейкина—и понятно почему: дѣло шло объ утайкѣ и непередачѣ до Высочайшаго доклада на заключеніе Военнаго Министра ни больше, ни меньше какъ 14 §§, составлявшимъ суть Устава о воинской повинности въ Финляндіи.

При введеніи въ Имперіи всеобщей воинской повинности возникъ вопросъ о распространеніи этой мѣры и на Финляндію, и было повелѣно Сенату принять заблаговременно зависящія мѣры для предварительнаго всесторонняго обсужденія этого дѣла. Съ этой цѣлью была назначена комиссія, составившая проектъ, который и былъ препровожденъ финляндскимъ генераль-губернаторомъ Министру статсъ-секретарю для всеподданнѣйшаго доклада. Военный Министръ, г.-а. Милотинъ, на заключеніе котораго былъ препровожденъ проектъ, высказалъ слѣдующее: „главное различіе означеннаго проекта отъ Устава о воинской повинности въ Имперіи состоитъ въ томъ, что онъ касается не только этой повинности, но и опредѣляетъ однажды навсегда численность финляндскихъ постоянныхъ войскъ, ихъ управленіе и устройство, а также потребныя на то денежныя средства и ихъ источники“...

Начальникомъ войска назначается генераль-губернаторъ Великаго Княжества; „генералы же, штабъ и оберъ-офицеры этихъ войскъ должны состоять исключительно изъ финляндскихъ подданныхъ и вообще устраняется какая бы то ни была связь финляндскихъ войскъ съ русскою арміею. Вникнувъ въ сущность этихъ предположеній—продолжаетъ Военный Министръ—нельзя не прійти къ тому заключенію, что съ утвержденіемъ ихъ, какъ бы узаконится существованіе въ предѣлахъ Имперіи совершенно отдѣльнаго самостоятельнаго войска, которое не будетъ имѣть ничего общаго съ русскими войсками“...

Сдѣланныя Военнымъ Министромъ замѣчанія были переданы Финляндскому Сенату, который и составилъ проектъ, переданный вновь на заключеніе Военнаго Министра. Послѣдній и сообщилъ, что Сенатъ не согласился съ его заключеніемъ по проекту Комиссіи по важнѣйшимъ вопросамъ: 1) о лицѣ, которому должно быть ввѣрено завѣдываніе финскими войсками, 2) о дислокаціи ихъ, полевыхъ упражненіяхъ и служебныхъ занятіяхъ, 3) и о допущеніи на службу въ финскія войска русскихъ подданныхъ и т. д.

Переданный въ редакціи Сената на разсмотрѣніе Сейма 1877—78 года проектъ Устава былъ принятъ земскими чинами съ нѣкоторыми измѣненіями. Военный Министръ, которому былъ, предварительно всеподданнѣйшаго доклада, посланъ отзывъ земскихъ чиновъ, хотя и не согласился по существу съ предложенными измѣненіями, не встрѣтилъ, однако, препятствій къ представленію на Высочайшее Государя Императора утвержденіе Устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, принятаго земскими чинами Финляндіи на Сеймѣ 1877—1878 года. Проектъ Устава былъ утвержденъ 6 (18) декабря 1878 г., при чемъ Высочайшимъ Манифестомъ отъ того же числа §§ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 13, 19, 20, 120, 121, 122 и 123 были признаны основными законами (т. е. не подлежащими измѣненію одностороннимъ актомъ Монарха, а требующими согласія четырехъ сословій).

Вмѣстѣ съ этимъ по Всеподданнѣйшему докладу Министра статсъ-секретаря было исходатайствовано особое жалованье Военному Министру въ 7 т. р. (вопреки его желанія), но г.-а. Милютинъ отказался отъ принятія таковыхъ, указавъ, что разъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, и онъ отказаться не можетъ, то пусть ихъ затрачиваютъ на улучшеніе довольствія финляндскихъ войскъ. Этому же держался и замѣститель гр. Милютина—П. С. Ванновскій ¹⁾).

Уставъ 1878 г. былъ утвержденъ, введенъ въ дѣйствіе, и казалось бы дѣлу конецъ, но вотъ что обнаружилось черезъ двадцать лѣтъ.

„Въ 1898 г. Высочайше утвержденная при Главномъ Штабѣ Комиссія по составленію проекта новаго Устава о воинской повинности для Финляндіи, разсмотрѣвъ документы по исторіи утвержденія прежняго Устава о воинской повинности, не нашла въ нихъ указанія на то, чтобы всеподданнѣйшее ходатайство Сейма 1877—1878 г. объ отнесеніи 14 параграфовъ Устава къ числу основныхъ законовъ края было сообщено на заключеніе бывшаго Военнаго Министра, гр. Милютина, предварительно представленія этого ходатайства на Высочайшее благовозрѣніе“.

Изъ возникшей по этому поводу переписки между вр. и. д. Министра статсъ-секретаря, генераль-лейтенантомъ Прокопе, и Военнымъ Министромъ ген.-лейтенантомъ Куропаткинымъ, выяснилось, что въ хранившемся въ дѣлахъ Статсъ-Секретаріата черновикъ отношенія Министра статсъ-секретаря барона Шернваль-Вал-

¹⁾ Подлинное дѣло хранится въ Архивѣ Статсъ-Секретаріата.

лена, отъ 14 іюня 1878 г. за № 512, содержится указаніе на упомянутое ходатайство земскихъ чиновъ, въ подлинномъ же отношеніи, находящемся въ дѣлахъ Главнаго Штаба, соответствующее мѣсто вытиснено“.

Генераль-лейтенантъ Прокопе при этомъ пояснилъ, что за смертью лицъ, составлявшихъ въ 1878 г. отношеніе за № 512, нельзя съ точностью опредѣлить причинъ несогласованности черновика съ подлинникомъ, и что, вѣроятно, по недосмотру регистратуры, въ черновой отпускъ не были внесены сдѣланные самимъ министромъ статсъ-секретаремъ сокращенія; сокращенія же эти были произведены ввиду того, что ходатайство Сейма касалось вопросовъ, относящихся „къ области внутренняго законодательства края“ и не требующихъ отзыва военнаго министра, то, согласно § 119 Устава о воинской повинности, названный министръ не докладываетъ дѣлъ касающихся законодательства.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 14 ноября 1898 г. за № 18, генераль-лейтенантъ Куропаткинъ, опровергая мнѣніе генераль-лейтенанта Прокопе, указалъ на несостоятельность ссылки на 119 § Устава, такъ какъ въ моментъ составленія отношенія за № 512 этотъ параграфъ еще не былъ утвержденъ. По содержанию же тѣхъ параграфовъ, которымъ земскіе чины просили придать силу основныхъ законовъ, видно, что они не ограничивались исключительно областью внутренняго законодательства, а имѣли прямое и непосредственное отношеніе къ вопросамъ спеціально военнаго характера.

Равнымъ образомъ выяснилось и другое обстоятельство. При всеподданнѣйшемъ докладѣ мнѣнія Комитета финляндскихъ дѣлъ, отъ 18 (30) ноября 1876 г., Государь Императоръ собственноручно начерталъ редакцію § 119 (127 по первоначальному проекту Сената). Редакція эта гласила: „генераль-губернаторъ В. К. Финляндскаго, командующій войсками Финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ Начальникъ финскихъ войскъ“.

Въ мартѣ 1877 г. Комитетъ финляндскихъ дѣлъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы разрѣшено было редактировать иначе. А именно: „генераль-губернаторъ В. К. Финляндскаго, командующій войсками Финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ генераль-губернатора, начальникъ финскихъ войскъ ¹⁾“. Его Величество не изъявилъ согласія на проектъ редакціи, предложенный

¹⁾ Т. е. должностного лица, которое финляндцы считаютъ принадлежащимъ къ финляндскому управленію, командующій же войсками является лицомъ имперской службы.

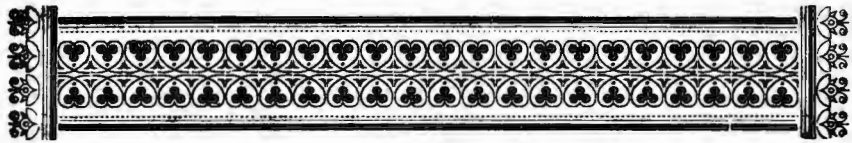
Комитетомъ, и собственноручно надписалъ на докладѣ: „Редакцію § 127 оставить въ томъ видѣ, какъ она мною была измѣнена“. Несмотря на такую резолюцію, земскіе чины передѣляли параграфъ, вернувшись къ смыслу той редакціи, которая ранѣе была придана ему Сенатомъ, и которая не была одобрена Монархомъ, несмотря на особое о томъ ходатайство Комитета. Впослѣдствіи Государь Императоръ, при всеподданнѣйшемъ докладѣ, утвердилъ предложенную Сеймомъ редакцію.

Приведенный эпизодъ со скрытіемъ 14 §§ Устава вполне характеризуетъ тѣ приемы даже оффиціальныхъ лицъ, которыми пользуются „законопослушные“ финны, когда стремятся достигнуть какихъ-либо цѣлей для упроченія независимости Финляндіи и умаленія правъ Монарха. Наше простодушное, довѣрчивое русское общество совсѣмъ не представляетъ себѣ, до какой степени виртуозности достигаютъ финляндцы въ области политической интриги! ¹⁾.

Х.

¹⁾ О подобныхъ же дѣйствіяхъ финляндскихъ властей при проведеніи финляндскаго Уголовнаго Уложенія въ 1889 году — см. Н. С. Таганцевъ. Высочайшій манифестъ 1890 г. и Финляндское Уголовное Уложеніе (Юридич. Лѣтопись 1891 г., № 2) и его же — По поводу предстоящаго введенія Особаго Уложенія для Финляндіи. Записка 1890 г. Спб. 1910. О.

КАКЪ ЗАСТАВЛЯЛИ ФИНЛЯНДЦЫ ПРАВОСЛАВНЫХЪ СОБЛЮДАТЬ ЛУТЕ- РАНСКІЕ ПРАЗДНИКИ И ЗА НЕИСПОЛНЕНІЕ ШТРАФОВАЛИ¹⁾.

Копія съ копій.

Господину Статсъ-Секретарю Великаго Княжества Финляндскаго.

Препровождая при семъ къ Вашему Превосходительству всеподданнѣйшее представленіе Общаго собранія Финляндскаго Сената отъ 17/29 апрѣля текущаго года со всѣми приложениями, въ коемъ Сенатъ изъявляетъ *затрудненія на увольненіе Финляндскихъ грекороссійскихъ исповѣдниковъ отъ празднованія дней евангелическо-лютеранской вѣры*, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, при докладѣ дѣла сего Государю Императору довести до Высочайшаго свѣдѣнія слѣдующее мое мнѣніе.

Еще 22 марта 1810 года тогдашній Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода князь Александръ Николаевичъ Голицынъ объявилъ Государственному Секретарю для исполненія, что поелику жители грекороссійскаго исповѣданія въ новопріобрѣтенной Финляндіи народящіеся и составляющіе погосты Либелицкой и Иломанцкой обязаны шведскимъ правительствомъ отправлять большіе церковные праздники въ одно время съ лютеранами, не взирая на разность стилиа, и что въ противномъ случаѣ подвергались за неисполненіе сего положенному штрафу, то блаженныя памяти Государь Императоръ Александръ Павловичъ Высочайше повелѣтъ соизволилъ *по состоянію нынѣ Финляндіи подъ всероссійскою державою*, праздники въ церквахъ грекороссійскаго исповѣданія отправлять по уставу онаго и за неотправленіе ихъ въ одно время съ лютеранами не взыскивать опредѣленнаго прежнимъ правительствомъ штрафа.

¹⁾ Отношеніе Финляндскаго Генераль-Губернатора 7 іюля 1826 г. № 2278 съ препровожденіемъ всеподданнѣйшаго представленія Финляндскаго Сената относительно праздничныхъ дней грекороссійскихъ исповѣдниковъ, обитающихъ въ Финляндіи (Арх. Г. Г. № 10 стр. 4).

*

Хотя предмѣстникъ мой съ сего отношенія князя Голицына, а равно и съ отношенія Государственнаго Секретаря отъ 8 апрѣля 1810 года доставилъ въ Финляндскій Сенатъ шведскіе переводы при предложеніи отъ 30 числа того же мѣсяца за № 58-мъ, какъ сіе видно изъ влагаемыхъ здѣсь копій, однако *Сенатъ*, давъ вслѣдствіе того предписанія Ландсгевдингамъ и Консисторіямъ 25 іюня того же 1810 года сказалъ токмо въ сихъ бумагахъ, что жителямъ Финляндіи грекороссійскаго исповѣданія позволяется отправлять большіе церковные праздники по уставу грекороссійской церкви, то есть по старому лѣтосчисленію, не повергаясь за то штрафу, *но объ увольненіи ихъ отъ празднованія дней по лютеранскому календарю умолчалъ, не взирая, что въ семъ одномъ заключался всеподданнѣйшій докладъ и что на сіе одно Высочайшее повелѣніе обращалось*; ибо грекороссійскимъ исповѣдникамъ не могло быть возбраняемо отправленіе праздниковъ согласно уставу своей церкви по постановленіямъ шведскимъ о вѣротерпимости, Сеймовому отъ 29 января 1779 и Королевскому отъ 24 января 1781 года; равномѣрно и по 10-й статьѣ Нейштатскаго мирнаго договора отъ 30 августа 1721 года, въ коей между прочимъ сказано, что въ уступаемыхъ земляхъ вѣра греческаго исповѣданія свободна и безъ всякаго помѣшательства отправляема быть имѣеть ¹⁾. Слѣдственно, когда грекороссіяне въ Новой Финляндіи понуждаемы были соглашать дни своихъ праздниковъ съ таковыми же днями лютеранскими, то сіе признавать должно было противузаконнымъ притѣсненіемъ.

Такое упущеніе, сдѣланное въ Финляндскомъ Сенатѣ по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, *поддерживаемое даже и теперь Прокуроромъ*, который утверждаетъ, яко бы на увольненіе грекороссіянь отъ праздниковъ лютеранскихъ помянутое Высочайшее повелѣніе не подаетъ повода, произвело то дѣйствіе на *грекороссіянь не токмо въ Новой Финляндіи, до коихъ оно непосредственно относилось, но и по Старой, присоединенной къ новой чрезъ 20 мѣсяцевъ позже, что начали подвергать штрафамъ судебными приговорами находимыхъ за работами въ лютеранскіе праздничные дни, какъ сіе изъ дѣлъ извѣстно. И сіи то оскорбленія побудили меня предложить Сенату объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія*, изданнаго уже 16 лѣтъ. Сенатъ въ невозможности освободить грекороссійскихъ исповѣдниковъ отъ участвованія въ праздникахъ лютеранскихъ, опирается теперь по мнѣнію Прокурора на §§ 6, 7 и 8 III-ей Главы Отдѣленія о Преступленіяхъ, дѣйствующаго въ Фин-

¹⁾ Объясненіе сего находится въ журналѣ или подневныхъ запискахъ Петра Великаго ч. 2 стр. 636.

ляндіи Шведскаго уложенія, изданнаго 1734 года и токмо изъ нѣ- котораго снисхожденія дозволяетъ грекороссіянамъ въ тѣ дни торгъ, купли или другія работы и ремесла внутри домовъ своихъ, вопреки закона, въ которомъ ни для кого подобное изъятіе не сдѣлано. Я прочелъ оное уложеніе со вниманіемъ и нахожу, что въ немъ со- держатся правила благочестія, относящіяся единственно до исповѣдующихъ евангелическо-лютеранскую вѣру, но немогущія вполнѣ обязывать иновѣрцевъ, которые не соединяются съ ними по обря- дамъ вѣры и молитвословія. Въ семъ объѣдаетъ меня § 3 Главы I, Отдѣленія о Преступленіяхъ, и § 4 Главы VII, Отдѣленія о На- слѣдствѣ, гдѣ говорится о наказаніи, коему подвергается человекъ, отпадшій отъ евангельскаго ученія; а равно и § 8, Главы III, Отдѣ- ленія о Преступленіяхъ, въ коемъ требуется, чтобъ никто не пред- принималъ путешествія прежде окончанія службы божественной, и чтобы совершающій оное останавливался и приходилъ бы въ стоя- щую на дорогѣ церковь для выслушанія обѣдни; прочіе же пара- графы упомянутой главы, касающіеся до нарушенія Церковнаго Устава, по мнѣнію моему, также не могутъ распространяемы быть точно на иновѣрцевъ, поелику всякая религія имѣетъ свой особен- ный Церковный Уставъ. Но ежели бы сіи законы строго обязывали всѣхъ безъ изъятія подданныхъ одной державы, то безъ сомнѣнія рѣшено бы было въ оныхъ, на примѣръ какъ слѣдуетъ поступать съ евреемъ, который оставя законъ отцовъ своихъ прилепится или къ католическому, либо къ греческому вѣроисповѣданію и что дѣлать ино- вѣрцу при предпріятіи путешествія и нахождения своего въ дорогѣ въ дни для лютеранина праздничные, а для него простые, въ каковыя и священнослуженія въ церкви его не бываетъ и чѣмъ должны зани- маться въ послѣднемъ случаѣ пребывающіе въ своихъ жилищахъ. Поелику о сихъ случаяхъ законъ не упоминаетъ; между тѣмъ если требуютъ отъ иновѣрца, чтобъ онъ исполнялъ все то, что для люте- ранина предписано, *то иновѣрецъ, въ дорогѣ ли находится или дома, обязанъ такъ сказать сидѣть, поджавши руки, доколь люте- ранское священнослуженіе будетъ окончено, или пока минуетъ день праздника лютеранскаго, проводимый по обычаю народа финлянд- скаго въ разныхъ увеселеніяхъ, и не можетъ смѣть приступить ни къ какому занятію, даже и въ самую рабочую пору, въ кото- рую потеря шести или десяти дней тѣмъ для него дороже, что она большею частію противъ лютеранскихъ исповѣдниковъ удвоится.*

Въ прочемъ нельзя не замѣтить, что въ шведскихъ постановле- ніяхъ о вѣротерпимости 1779 и 1781 года ни слова не сказано, чтобъ иновѣрцы обязаны были участвовать въ праздникахъ люте- ранскихъ, соглашать дни своихъ праздниковъ со днями, чтимыми

у лютеранъ и не заниматься въ оныя торговлею и работами. Мнѣ кажется молчаніе сіе есть слѣдствіе королевскихъ словъ, что евангелическая вѣра въ душѣ каждаго шведа напечатлѣна твердо, и что для оной не можетъ быть никакой опасности отъ введенія вѣроисповѣданій чуждыхъ. Король въ то время толико снисходилъ къ иновѣрцамъ, что когда Сеймъ постановилъ между прочимъ, чтобъ употребительныя въ чужихъ религіяхъ публичныя процессіи и церемоніи были имъ воспрещены, въ отвращеніе соблазна между простымъ народомъ; Его Величество черезъ два года ограничилъ сіе токмо публичными мѣстами, площадями, улицами и дозволилъ процессіи и церемоніи внутри церквей и кладбищныхъ оградъ.

Доселѣ я говорилъ вообще о иновѣрцахъ, теперь *скажу особо о грекороссіянахъ*, въ Финляндіи обитающихъ и въ ней находящихся. По мнѣнію моему къ нимъ еще менѣ можно примѣнять законы изъ Шведскаго Уложенія и изъ Сеймоваго постановленія 1799 года. Тамъ упоминаются токмо иностранцы, поселившіеся въ Шведскомъ государствѣ; но въ Финляндіи знатнѣйшая часть грекороссійскихъ исповѣдниковъ состоитъ, какъ изъ коренныхъ сей страны жителей, кареловъ, которые обитали здѣсь прежде, нежели шведы отторгли ихъ и Финскую Емь или Тавастандію отъ подданства россійскаго, такъ и изъ природныхъ русскихъ, которые поселились тамъ за цѣлое столѣтіе предъ симъ. То же и другіе составляютъ приходы: Въ городахъ: Выборгъ, Фридрихгамъ, Вильманстрандъ, Нейплотъ, Кексгольмъ, Сердоболь, въ Роченсальмскомъ портѣ; въ селеніяхъ: Сестрорѣцкѣ, Линдаль, Тюрсола, Шуйстолъ, Кадели, Сальмисъ, Корбосели, Кюрюмъ, Суоярви или Суезеръ, Либелицъ и Иломанцъ. А какъ по мнѣнію Финляндскаго Сената дѣйствіе Уложенія Шведскаго на все Княжество Финляндское равно простирается; то слѣдуютъ *во первыхъ*, что сіи грекороссіяне, несмотря на обитаніе знатнѣйшей ихъ части отдѣльно отъ лютеранъ, должны чтить праздники послѣднихъ, дабы не быть позванными въ судъ и платить штрафъ въ пользу судьи и доносчику, *во вторыхъ* не должны существовать тамъ монастыри Валаамскій и Коневецкій; ибо хотя въ Высочайшемъ имянномъ указѣ, данномъ Святѣйшему Синоду въ 11 день декабря 1811 года, сказано, что при соединенія Старой и Новой Финляндіи въ одно гражданское управленіе, духовное вѣдомство церквей и монастырей православнаго грекороссійскаго исповѣданія остается во всемъ на прежнемъ ихъ основаніи подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода и настоящаго ихъ епархіальнаго начальства съ присоединеніемъ къ оному вѣдомству и всѣхъ православныхъ грекороссійскихъ церквей, въ Финляндіи состоящихъ; но въ сеймовомъ постановленіи 1779 года запрещено терпѣть въ Шведскомъ госу-

дарствѣ монастыри и монаховъ, какой бы вѣры они ни были; и въ *третьихъ*, наконецъ, что російскія войска, расположенныя по Финляндіи, равнымъ образомъ должны чтить всѣ лютеранскіе праздники и не быть допускаемы въ публичныхъ церковныхъ процессіяхъ парадовъ ни въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, ни въ день Богоявленія, ни въ высокіе торжественные дни Рожденія и Тезоименитства царствующаго Императора.

Казалось бы, не должно никогда выпускать изъ вида словъ 6-й статьи Фридрихсгамскаго трактата отъ 17 сентября 1809 года, гдѣ сказано: что *Императоръ Всероссійскій по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія обезпечилъ жителямъ пріобрѣтенныхъ областей свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и ихъ преимущества*. Никто безпристрастный не усумнится, что Всероссійскій Монархъ, сохраняя финляндскому народу гражданскіе и политическіе его законы, безъ насилія совѣсти своей, не имѣлъ намѣренія пожертвовать уваженіемъ и достоинствомъ собственнаго своего вѣроисповѣданія господствовавшаго въ Его державѣ для края пріобрѣтеннаго Его оружіемъ, какъ сіе и обнаруживается изъ Высочайшаго повелѣнія отъ 22 марта 1810 года. Если же кто имѣетъ мысль сему противную, тотъ свободенъ уже будетъ возглаголювать, что по образу правленія, изданному 21 августа 1772 года, Государь Императоръ и всѣ особы при мѣстахъ находящіися обязаны слѣдовать евангелическому исповѣданію непремѣнно.

И такъ сообразивъ все, относящееся до настоящаго предмета, смѣю думать, что грекороссіяне въ Старой и Новой Финляндіи должны бы быть освобождены отъ участвованія въ праздникахъ лютеранскихъ, приходящихъ не въ одни дни, чтимые равно тѣми и другими, какъ тамъ, гдѣ составляютъ особенные приходы, такъ и тамъ, гдѣ живутъ совмѣстно. Но поелику грекороссіяне и лютеране суть сыны христіанства; различаются токмо обрядами и обязаны взаимно хранить къ своимъ вѣроисповѣданіямъ уваженіе: ибо и въ судахъ Финляндіи даютъ они однообразную присягу по силѣ § 9 главы XIV и § 16 главы XVII Отдѣленія о Судопроизводствѣ, то въ городахъ Финляндскихъ, гдѣ устроены или впредь устроятся открытыя церкви греческія и лютеранскія во время совершеннаго священнослуженія въ воскресенье и праздничные дни въ той или другой не должны бывать въ околности сихъ храмовъ открыты изъ благопристойности торговыя лавки, корчмы, трактиры; ниже позволяемы бы быть публичные на то время ремеслы и работы. Ясное о семъ постановленіе отвратило бы извѣстныя мнѣ по дѣламъ предмѣстника моего происшествія въ *Выборгъ, гдѣ 21 мая 1821 года противъ тамошняго грекороссійскаго собора во время*

торжественнаго молебствія наказанъ былъ тѣлесно у позорнаго столба преступникъ, по распоряженію мѣстной гражданской власти, а 20 декабря того же года, въ новый годъ по новому стилю среди молитвословія прогнано было сквозъ строй нѣсколько солдатъ Выборгскаго гарнизоннаго полка, близъ дороги ведущей изъ кирки, по предписанію російскаго военнаго начальства. Поелику же по § 7 главы XI, и по § 23 главы XXV Отдѣленія о Судопроизводствѣ запрещено позывать въ судъ челоуѣка во время нахождения его въ церкви, и срокъ подачи просьбъ въ дѣлахъ апелляціонныхъ не велѣно назначать въ воскресные, торжественные или другіе праздничные дни; то и сіе распространить бы на грекоросійскихъ исповѣдниковъ Финляндіи; сообразно издаваемой ежегодно отъ Російской Академіи наукъ въ календаряхъ росписи о праздникахъ, я полагаю, что все сіе составило бы не отмѣну общаго закона, но токмо поясненіе и принаровленіе къ настоящимъ обстоятельствамъ. Остается мнѣ упомянуть еще о мнѣніи Прокурора и Сената, якобы у жителей Финляндіи лютеранскаго исповѣданія произойдетъ непріятное впечатлѣніе отъ подобныхъ перемѣнъ, кои колебля обычаи ихъ и предрасудки, могутъ родить безпокойство для настоящаго и опасеніе для будущаго времени. Представленные въ таковомъ мнѣніи причины кажутся мнѣ весьма увеличенными; на теперешній духъ народа взирается тамъ токмо умственно, а не около опыта. Всякій финляндецъ, зная твердо, что Монархъ, утвердивъ ему права собственности и преимущества, не препятствуетъ ему въ празднованіи торжественныхъ дней и ни малѣйше не предсуждаетъ въ свободѣ религіи, конечно не пожелаетъ униженія вѣры, исповѣдуемой его Государемъ. Добрый подданный финъ или карель гораздо легче приметъ всѣ распоряженія до достоинства ея относящіяся, нежели различаясь отъ шведовъ и языкомъ и обычаями будетъ сносить принужденіе, обязывающее его вести всѣ судебныя дѣла свои на чуждомъ и невѣдомомъ ему языкѣ шведскомъ, и принадлежа къ коренному и многочисленному племени, видѣтъ надъ собою властителей въ правительствѣ и судѣ токмо однихъ шведовъ.

Подписаль Генераль-Адъютантъ

Закревскій.

Копія.

Нашему Генераль-Губернатору Финляндіи.

Соизволяя на представленіе ваше, Мы признали за благо повелѣть, что бы пребывающимъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, Грекоросійскимъ вѣроисповѣдникамъ разрѣшено было, въ тѣ праздничные дни, которые по введенному въ томъ краю численію времени, празднуются токмо Лютеранскою церковью, произво-

дить безъ всякаго взысканія, послѣ совершенія тамъ Божественной службы, позволенную торговлю и заниматься работою и ремеслами.

Предоставляемъ Нашему Финляндскому Сенату, посредствомъ циркулярныхъ предписаній Гофгерихтамъ, Ландсгевдингамъ и Консисторіямъ того края, объявить о сей Нашей волѣ для свѣдѣній и исполненія со стороны ихъ и подвѣдомственныхъ имъ Судебныхъ и Присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.

Въ С.-Петербургѣ 17 ноября 1826 года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „НИКОЛАЙ“.

Контрасигнировалъ: Статсъ-Секретарь Графъ Ребиндеръ.

Копія.

Нашему Генераль-Губернатору Финляндіи.

По представленію вашему соизволяя, что бы подлежащія лица въ Финляндіи соблюдали, въ отношеніи къ пребывающимъ тамъ Грекороссійскимъ вѣроисповѣдникамъ, положеніе общаго Закона, въ 7 § XI Главы отдѣленія о судопроизводствѣ, запрещающее въ церквѣ призывать кого либо къ суду, Мы по поводу вашего жъ представленія признали за благо повелѣть: Заключающееся въ 23 § XXV Главы того жъ отдѣленія Узаконеніе о томъ, что когда срокъ принесенія жалобъ или подачи просьбъ, по апелляціоннымъ дѣламъ придется въ праздничный день, то подача жалобы или прошенія имѣеть послѣдовать въ первый послѣ того день въ недѣли, распространить относительно находящихся въ Финляндіи Грекороссійскихъ вѣроисповѣдниковъ и на тѣ означаемые въ ежегодныхъ календаряхъ здѣшней Академіи Наукъ, торжественные дни Грекороссійскія церкви, въ которые по существующему въ Финляндіи численію времени не бываетъ праздника у исповѣдующаго Лютеранскую вѣру.

Объ исполненіи сего вы предложите Нашему Финляндскому Сенату, который имѣеть, посредствомъ циркулярныхъ предписаній, довести изображенную здѣсь волю Нашу до свѣдѣнія и исполненія Гофгерихтовъ и Ландсгевдинговъ, равно подвѣдомственныхъ имъ мѣстъ и лицъ.

Въ С.-Петербургѣ 1 декабря 1826 года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „НИКОЛАЙ“.

Контрасигнировалъ: Статсъ-Секретарь Графъ Ребиндеръ.

I.

ЖИВОЙ ЦЫПЛЕНОКЪ ВЪ КИВЕРЪ.

На прежнихъ инспекторскихъ смотрахъ бывали всякіе курьезы. Но, кажется, по своей невѣроятности, можетъ побить рекордъ нижеприводимый эпизодъ. Вотъ, что было объявлено командиромъ Житомирскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона (нынѣ 165 пѣх. Луцкій полкъ) въ приказѣ по баталіону отъ 5 августа 1835 г.: „при бытности на ученьѣ замѣтилъ, что многіе нижніе чины были въ замаранныхъ панталонахъ, а нѣкоторые имѣли въ киверахъ съѣстные припасы, а у рядового 2 роты Варфоломея Квасниковскаго въ киверѣ найдены хлѣбъ, огурцы и *живой цыпленокъ*; одѣты были неопратно; командиру 2 роты за сіе объявляю строгое замѣчаніе“.

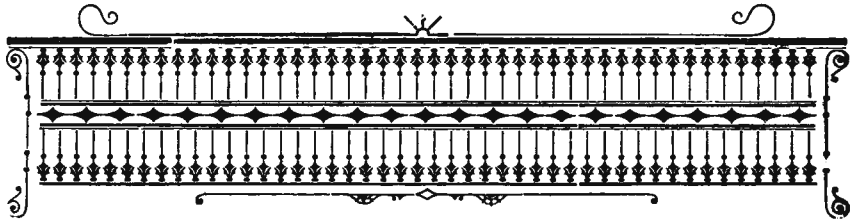
II.

ПЕРЕМѢНА НЕПРИСТОЙНОЙ ФАМИЛИИ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1825 г. по войскамъ былъ разосланъ циркуляръ главнаго штаба о перемѣнѣ непристойныхъ фамилій у нижнихъ чиновъ. Приводимый ниже приказъ по 2-ому Бугскому уланскому полку (нынѣ 10-ый уланскій Одесскій) показываетъ, что циркуляръ приводился въ исполненіе. Вотъ что читаемъ въ приказѣ по этому полку отъ 27 января 1826 г. за № 19: „На основаніи циркулярнаго предписанія инспекторскаго департамента главнаго штаба Его Императорскаго Величества, по военному вѣдомству въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1825 г. разосланнаго, о перемѣнѣ у нижнихъ чиновъ непристойныхъ фамилій и по исправкѣ во вѣренномъ мнѣ полку оказался 5 дѣйствующаго эскадрона рядовой Петръ Кривогузокъ, коего предписываю писать по спискамъ не Кривогузокъ, а по отчеству— Григорьевъ, и подтвердить ему, чтобы и при перекличкѣ отзывался, т. е. Петромъ Григорьевымъ“.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Еще о драмѣ въ жизни писателя.

татья г. Голомбѣвскаго „Драма изъ жизни писателя“ (А. Сухово-Кобылинъ и французенка Симонъ) въ № 2 „Русскаго архива“ за 1910 годъ читается съ большимъ интересомъ ¹⁾).

Со времени этого трагическаго происшествія прошло болѣе 60 лѣтъ, всѣ непосредственные его участники и свидѣтели давно сошли въ могилы и унесли тайну съ собой. Тщетно было бы пытаться въ настоящее время воскрешать истину, ея и не добились въ свое время и всѣ инстанціи тогдашняго судилища, по ступенямъ котораго отъ нижней до верхней дѣло восходило дважды, и безъ всякаго результата.

¹⁾ Сущность излагаемаго ниже процесса заключается вкратцѣ въ слѣдующемъ: 9 ноября 1850 года въ Москвѣ за Прѣсенской заставой было найдено тѣло убитой молодой женщины съ перерѣзаннымъ горломъ и съ тремя переломленными ребрами въ лѣвомъ боку. На трупѣ были одежда, серьги и кольцо, но шубы и салона не было.

Убитая оказалась французенкой Луизой Ивановной Симонъ-Деманшъ, жившей на содержаніи у отставнаго титулярнаго совѣтника А. В. Сухово-Кобылина. У покойной были въ услуженіи крѣпостные Сухово-Кобылина: кучеръ Галактіонъ Козьминъ, дворовыя дѣвки—Аграфена Иванова, Пелагея Алексѣева и поварь Ефимъ Егоровъ. Убитая была права вспыльчиваго и бивала прислугу; Сухово-Кобылинъ, по наговорамъ Симонъ-Деманшъ, грозилъ прислугѣ розгами, отдавалъ московскихъ своихъ горничныхъ замужъ за мужиковъ въ деревню и билъ прислугу.

По подозрѣнію въ убійствѣ были арестованы крѣпостные Сухово-Кобылина, жившіе у Симонъ-Деманшъ, а затѣмъ и самъ Сухово-Кобылинъ ввиду обнаруженныхъ кровавыхъ пятенъ на его квартирѣ. Черезъ четыре дня Сухово-Кобылинъ былъ освобожденъ, такъ какъ поварь Ефимъ Егоровъ

Я въ настоящей замѣткѣ и не пытаюсь проливать какой-либо свѣтъ на это дѣло, но полагаю, что дополнить интересную статью г. Голомбѣвскаго нѣсколькими лишними штрихами будетъ, можетъ быть, не безынтересно.

Я познакомился съ покойнымъ А. В. Сухово-Кобылинымъ въ качествѣ его ближайшаго сосѣда по имѣнію Тульской губ., Чернскаго уѣзда, въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и затѣмъ до

сознался въ убійствѣ Симонъ-Деманшъ на ея квартирѣ при содѣйствіи Козьмина, Ивановой и Алексѣевой, а затѣмъ въ отвозѣ тѣла за заставу.

13 сентября 1851 г. состоялось рѣшеніе московскаго надворнаго суда, который обвинилъ всѣхъ четырехъ прислугъ, жившихъ у Симонъ Деманшъ, въ убійствѣ послѣдней. Ввиду разногласія между членами суда относительно мѣры наказанія для обвиняемыхъ, дѣло перешло на разсмотрѣніе въ московскую уголовную палату, которая большинствомъ голосовъ измѣнила наказаніе обвиняемымъ. Московскій генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, представилъ приговоръ въ Сенатъ ввиду того, что приговоръ уголовной палаты не былъ единогласнымъ.

Вскорѣ всѣ осужденные отреклися отъ своихъ показаній и заявили, что они дали ложныя показанія, себя оклеветали, и въ убійствѣ они невиновны, при чемъ Козьминъ утверждалъ, что онъ былъ обольщенъ приставомъ Хотимскимъ, который будто-бы по собственному письму Сухово-Кобылина убѣждалъ его взять на себя участіе въ убійствѣ за деньги и отпускну, а Вфимъ Егоровъ далъ показаніе, что оговорилъ себя во всемъ, не стерпѣвъ безчеловѣчныхъ побоевъ пристава Стерлигова при допросѣ.

Дѣло перешло въ 6-й Московскій Департаментъ Правительствующаго Сената, гдѣ также единогласія не было, затѣмъ препровождено министру юстиціи, при чемъ министръ юстиціи предложилъ учредить новую слѣдственную комиссію и вновь разобрать все дѣло, но и это предложеніе не встрѣтило единогласія сенаторовъ и все производство направлено въ Государственный Совѣтъ.

17 декабря 1853 г. общее собраніе Государственнаго Совѣта рѣшило назначить новую комиссію для переизслѣдованія и для судебного разсмотрѣнія во всѣхъ инстанціяхъ. Въ началѣ 1854 года новая комиссія энергично повела дѣло, и Сухово-Кобылинъ съ половины мая до начала ноября былъ подъ арестомъ, а потомъ выпущенъ на поруки своей матери. Дѣло опять прошло всѣ инстанціи, и 25 октября уже 1857 года состоялось большинствомъ 23 голосовъ слѣдующее рѣшеніе соединеннаго засѣданія департаментовъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта: „Въ настоящемъ дѣлѣ показанія крѣпостныхъ Сухово-Кобылина людей, Егорова, Козьмина и Иванова, въ коихъ они сознавались въ совершеніи убійства Симонъ-Деманшъ, не могутъ быть признаны за достовѣрныя и удовлетворяющія требованіямъ закона, ибо они не подтверждены обстоятельствами дѣла ни въ главныхъ своихъ основаніяхъ, ни въ подробностяхъ“, почему и было рѣшено дворовыхъ людей Сухово-Кобылина отъ всякой отвѣтственности по предмету убійства Симонъ-Деманшъ оставить свободными, а Сухово-Кобылина приговорить къ церковному покаянію за любовную связь. 3 декабря 1857 г. эта меморія Государственнаго Совѣта была Высочайше утверждена.

В. П.

1903 г., года его смерти, былъ съ нимъ въ непосредственныхъ и близкихъ сношеніяхъ. Ко времени нашего знакомства А. В. былъ уже 60-лѣтній старикъ, но старикомъ его можно было назвать лишь по его годамъ, въ сущности это былъ средняго роста, съ черными какъ смоль волосами, коренастый, необыкновенно крѣпкаго сложенія, черноглазый, энергичный мужчина, которому на первый взглядъ трудно было бы дать болѣе 45 лѣтъ.

И въ немъ, и въ его вѣншности, въ костюмѣ, въ говорѣ, можно сказать, великорусскомъ добраго стараго времени, переходившемъ внезапно на французскую рѣчь съ чисто парижскимъ жаргономъ, опять-таки отзывавшимся и Ламартиномъ и Викторомъ Гюго, и въ обстановкѣ его чисто русскаго помѣщичьяго дома, но съ меблировкой французскаго Style Empire, и дорогими картинами иностранныхъ мастеровъ, все было двойственно, тутъ на каждомъ шагѣ переплеталась матушка Русь и Западъ съ его вѣніями. Какъ теперь помню, что послѣ первыхъ словъ знакомства А. В. повелъ меня показывать свое хозяйство, свой винокуренный заводъ, которымъ онъ видимо занимался съ большимъ жаромъ.

Дѣло было зимой, А. В. облекся въ полушубокъ и доморощенные валенки. По заводу мы ходили долго, хозяинъ безпрестанно горячился, возвышалъ голосъ, недовольный тѣмъ или другимъ. Видна была кипучая энергія. Вернулись въ домъ, А. В. выразилъ надежду, что я останусь у него обѣдать, и удалился. Меня ввели въ небольшую уютную столовую, гдѣ гостепріимно горѣлъ каминъ, посрединѣ былъ накрытъ круглый обѣденный столъ на три прибора. И столовое бѣлье и сервировка носили несомнѣнный заграничный отпечатокъ.

Послѣ долгаго ожиданія появился хозяинъ дома, къ немалому моему изумленію онъ оказался во фракѣ и бѣломъ галстукѣ! Кромѣ насъ двухъ, обѣдалъ у него его управляющій Рудневъ, кстати сказать, впоследствии его значительно обокравшій, за что былъ судимъ и оправданъ присяжными засѣдателями...

Познакомившись такимъ образомъ съ Сухово-Кобылинымъ, я, какъ уже сказано выше, поддерживалъ это знакомство въ продолженіе почти 30 лѣтъ, до его окончательнаго переселенія въ Болѣе вслѣдствіе сгорѣвшаго его дома, при чемъ сгорѣла вся его значительная и очень полная библіотека, и имѣніе было сдано въ аренду.

На всемъ существованіи Сухово-Кобылина, въ его Чернской Кобылинкѣ лежала эта упомянутая мною двойственность. Съ одной стороны, это былъ несомнѣнный русскій баринъ, съ присущими этому типу достоинствами и недостатками, баринъ прежней крѣпостной эпохи съ ея тенденціями, съ другой, по вкусамъ и симпатіямъ,

онъ былъ западникъ. Помимо этого тульского имѣнія, онъ долгое время владѣлъ помѣстьемъ на югѣ Франціи близъ Бордо, именовавшимся Гайросъ. Женатъ онъ былъ дважды, первый разъ на англичанкѣ, второй на французженкѣ (не Симонъ), и оба раза недолговременно: и та и другая умерли въ молодыхъ годахъ.

Переселившись по окончаніи своего знаменитаго процесса объ убійствѣ Симонъ-Деманшъ въ Кобылинку, Сухово-Кобылинъ часто отлучался за границу, гдѣ проживалъ иногда подолгу, частью въ своемъ Гайросѣ. Мнѣ довелось видѣть въ сараѣ Кобылинки замѣчательный дормезъ, въ которомъ А. В. ѣзжалъ на лошадахъ изъ Кобылинки въ Парижъ. Дормезъ этотъ къ сожалѣнію сгорѣлъ въ пожарѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ, теперь онъ представлялъ бы изъ себя антикварную рѣдкость.

Невзирая на то, что Сухово-Кобылинъ съ большой, даже иногда кипучей энергіей, приносившей ему часто вредъ, занимался сельскимъ хозяйствомъ, вставая иногда въ 4 часа утра, и проводя цѣлыя дни въ полѣ и на заводѣ, нельзя было не замѣтить, что онъ тутъ какъ бы не по своей волѣ, что его званіе помѣщика, сельского хозяина ему не совсѣмъ по душѣ, и что истинныя симпатіи его лежатъ гдѣ-то внѣ. Отъ земской дѣятельности, службы по выборамъ, уѣздной жизни, онъ уклонялся совершенно и никакого участія въ нихъ не принималъ. И тѣмъ не менѣе, менѣе всего онъ считалъ себя литераторомъ, писателемъ, скажу болѣе, къ этому сословію, вообще, онъ чувствовалъ нѣкоторое явное нерасположеніе. Я думаю, что онъ прямо бы обидѣлся, если бы ему сказать: вы писатель.

За долгое мое знакомство съ Сухово-Кобылинымъ, мы подолгу и почасто коротали съ нимъ долгіе зимніе вечера въ деревнѣ. Въ карты онъ не игралъ, и по отношенію къ карточной игрѣ былъ совершенный младенецъ. Подъ-часъ и въ минуты увлеченія онъ былъ чрезвычайно интересный рассказчикъ, рѣчь его, всегда образная и оригинальная, была часто увлекательна, при всѣхъ присущихъ ему парадоксахъ, спорщикъ онъ былъ также очень энергичный и подъ-часъ очень горячій. О дѣлѣ Симонъ-Деманшъ онъ говорилъ рѣдко и неохотно. Но подъ-часъ и на него находили порывы откровенности. Главное, что я уяснилъ себѣ, изъ его рассказовъ по этому дѣлу, это то, что слѣдователи того времени и низшіе, и нѣкоторые изъ высшихъ воспользовались возможностью привлечь его къ этому дѣлу съ цѣлью его эксплуатировать и поживиться на его счетъ. Слѣдуетъ замѣтить, что родители его, тогда еще живые, располагали значительнымъ состояніемъ. Кусочекъ былъ лакомый, и имъ воспользовались. Дѣло это, по его словамъ, обошлось его родителямъ очень дорого.

Вотъ между прочимъ версія, которую я слышалъ изъ собственныхъ

его усть: въ одну изъ перипетій дѣла, когда оно поступило въ Сенатъ, Сухово-Кобылинъ пріѣхалъ въ Петербургъ справиться, въ какомъ оно положеніи; ему сообщили, что дѣло находится въ рукахъ извѣстнаго въ то время дѣльца N, что все зависитъ отъ того, какое направленіе дастъ въ своемъ заключеніи Сенату этотъ N, но что съ пустыми руками къ этому N не ѣздить; внявъ этому совѣту, Сухово-Кобылинъ направился въ Сенатъ къ этому N, запасшись предварительно билетомъ опекунскаго Совѣта въ 5.000 руб. ассигнаціями на имя неизвѣстнаго, и положивъ его въ боковой карманъ жилета, сложеннымъ вчетверо. Весьма представительный N съ великолѣпно расчесанными бакенбардами принялъ Сухово-Кобылина въ своемъ сенатскомъ кабинетѣ и далъ ему самыя успокоительныя свѣдѣнія, завѣривъ его, что его заключеніе будетъ совершенно въ его пользу, и что онъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что выйдетъ чистъ изъ дѣла. Весьма обрадованный этимъ, Сухово-Кобылинъ, прощаясь съ прокуроромъ, и пожимая ему руку, вручилъ въ нее билетъ на подобіе того, какъ вручаютъ гонораръ доктору. По выходѣ изъ кабинета, Сухово-Кобылину, однако, пришло въ голову удостовѣриться въ точности словъ прокурора, и убѣдиться въ этомъ изъ подлиннаго дѣла. Онъ направился въ департаментъ, въ столъ, гдѣ дѣло производилось, и тамъ помощію гонорара, уже въ микроскопическомъ размѣрѣ противъ прокурорскаго, предъ нимъ раскрыли дѣло. Онъ съ жадностью сталъ пробѣгать заключеніе прокурора и къ ужасу своему убѣдился, что смыслъ этого заключенія значительно разнился отъ того, что ему только что сказалъ прокуроръ, а именно, ему показалось, что въ этомъ заключеніи нагромождены несуществующія противъ него улики. Человѣкъ весьма горячій и вспыльчивый, онъ внѣ себя, стремглавъ, врывается вновь въ кабинетъ N и начинаетъ его упрекать въ двоедушіи. N на сей разъ принимаетъ его довольно холодно и предлагаетъ успокоиться и говорить тише, такъ какъ здѣсь присутственное мѣсто, зеркало. „Какой тутъ тише?“ восклицаетъ уже совсѣмъ внѣ себя Сухово-Кобылинъ, „я сейчасъ крикну на весь департаментъ, что я далъ вамъ взятку въ 5.000 руб., у меня записанъ № билета, васъ обыщутъ и найдутъ билетъ въ вашемъ карманѣ!“ и съ этими словами Сухово-Кобылинъ взялся за ручки двери. Тогда N съ присущимъ ему олимпійскимъ величіемъ, ничтоже не сумняшеса, вынулъ сложенный билетъ изъ кармана, торжественно положилъ его себѣ въ ротъ и проглотилъ! и затѣмъ спокойно промолвилъ: „зовите департаментъ! а я велю васъ вывести. Не забудьте, что здѣсь высшее присутственное мѣсто въ Имперіи, здѣсь зеркало!“ Картина.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ, могу и я повторить вмѣстѣ съ читателемъ, ручаясь лишь за то, что рассказанный мною эпизодъ я доподлинно и въ почти подлинныхъ словахъ слышалъ отъ самого Сухова-Кобылина. Сцена эта, по словамъ Сухова-Кобылина, воспроизведена имъ хотя и въ другомъ вариантѣ въ его комедіи „Дѣло“, шедшей послѣ 25-лѣтняго нахождения подъ спудомъ подъ наименованіемъ „Отжитое время“, на сценѣ. Тамъ Муромскій вручаетъ директору департамента Варравину пакетъ съ деньгами, тотъ уноситъ пакетъ за сцену, опоражниваетъ его, и вынося пустой пакетъ на сцену, укоряетъ Муромскаго въ намѣреніи дать ему взятку. Сцена эта въ образцовомъ исполненіи Давыдова и Варламова на Александринскомъ театрѣ производила потрясающее впечатлѣніе. По словамъ того же Сухова-Кобылина, его комедія „Дѣло“ есть собственное его, Кобылина, дѣло. Въ предисловіи къ изданной имъ книгѣ „Картины прошлаго“, его трилогія пьесъ, между прочимъ, я думаю, составляющей теперь библиографическую рѣдкость, онъ такъ и говоритъ: „подлинное, сущее, съ кровью сердца вырванное дѣло“.

Такъ какъ зашла рѣчь о произведеніяхъ Сухова-Кобылина, то скажу то, что я слышалъ о нихъ отъ самого автора. О Свадьбѣ Кречинскаго“, капитальнѣйшей изъ трехъ написанныхъ имъ пьесъ, онъ говорилъ мало и неохотно, какъ бы предавъ ее забвенію за давностію времени. Слышалъ я только отъ него мимоходомъ, что фабулу этой пьесы онъ заимствовалъ изъ рассказа какого-то офицера, бывшаго проѣздомъ въ ихъ семьѣ въ Москвѣ, очень хорошаго рассказчика, по словамъ Сухова-Кобылина, и человѣка вообще очень даровитаго.

Въ эпоху моего знакомства съ Сухово-Кобылинымъ, онъ былъ поглощенъ заботами объ исходатайствованіи разрѣшенія постановки на сценѣ „Дѣла“, которое, наконецъ, и воспослѣдовало въ началѣ 80-хъ годовъ въ министерство гр. Игнатъева, послѣ безконечныхъ мытарствъ, передѣлокъ, купюръ и съ перемѣной названія вмѣсто „Дѣло“—„Отжитое время“. „Дѣло“ впервые увидѣло свѣтъ ранѣе на сценѣ Суворинскаго театра въ Петербургѣ и имѣло шумный успѣхъ. Можно себѣ представить, какой бы успѣхъ оно имѣло, будучи дано своевременно. Съ Суворинскаго театра пьеса перешла и на Императорскій, но послѣ шумнаго успѣха на репертуарѣ не удержалась и была снята.

Въ то же время Сухово-Кобылинъ былъ занятъ безконечными передѣлками своей третьей комедіи „Смерть Тарелкина“, которая также послѣ многихъ купюръ и перемѣнивъ заглавіе на „Расплюевскіе веселые дни“, наконецъ, появилась на сценѣ. Успѣхъ она

имѣла относительный, и несмотря на многія комическія въ ней сцены, изображающія рядъ низшихъ дѣльцовъ, съ которыми очевидно имѣлъ дѣло авторъ въ своемъ дѣлѣ, она представляетъ изъ себя слабѣйшую изъ трехъ его пьесъ.

Возвращаясь къ „Свадьбѣ Кречинскаго“, слѣдуетъ сказать, что авторъ ея всю жизнь мечталъ видѣть ее на сценѣ, въ переводѣ на французскій языкъ въ Парижѣ. Владѣя литературно-французскимъ языкомъ, онъ самъ перевелъ ее, и въ одну изъ частыхъ своихъ поѣздокъ въ Парижъ свезъ ее на просмотръ къ знаменитому въ то время Александру Дюма-сыну. Александръ Дюма вполне одобрилъ пьесу и предрекъ ей успѣхъ въ Парижѣ, при условіи совершенной передѣлки конца или заключенія пьесы. „Мы французы“, говорилъ Дюма „при всей нашей прогрессивности, въ театральной драматургіи большіе ретрограды, и наша рутиня требуетъ, чтобы въ концѣ драмы непременно торжествовала добродѣтель, а порокъ понесъ заслуженное наказаніе, а у васъ въ вашей „Свадьбѣ Кречинскаго“ что? Кречинскій мошенничалъ, Лидочка говоритъ, что это ошибка, и вручаетъ ростовщику брилліантовую булавку, Кречинскій находитъ, что это очень хорошо, что онъ отлично выпутался изъ дѣла и можетъ вновь возобновить свою мошенническую дѣятельность“. При подобномъ финалѣ, Дюма предсказывалъ полный провалъ пьесы въ Парижѣ и совѣтовалъ Сухово-Кобылину передѣлать конецъ пьесы. Внявъ его совѣту, авторъ принялся за эту передѣлку, и вновь написанный финалъ былъ таковъ: въ моментъ появленія полиціи, Кречинскій вооружается не ручкой отъ кресла или кіемъ, какъ было въ первоначальной редакціи, а схватываетъ лежащій на письменномъ столѣ револьверъ, которымъ и застрѣливается въ моментъ, когда его мошенническая продѣлка оказывается обнаруженною. Въ этой новой редакціи комедія и шла однажды въ Тулѣ, въ спектаклѣ музыкально-драматическаго кружка въ началѣ 80-хъ годовъ въ постановкѣ самого автора и съ участіемъ пишущаго эти строки въ роли Кречинскаго. Впослѣдствіи авторъ пытался поставить пьесу въ этой новой редакціи въ театрѣ Корша въ Москвѣ, но Коршъ категорично отъ этого отказался, мотивируя отказъ тѣмъ, что пьеса слишкомъ хорошо извѣстна въ первоначальной ея редакціи, чтобы можно было ее мѣнять черезъ 30 лѣтъ. Полагаю, что Коршъ былъ совершенно правъ.

Относительно „Свадьбы Кречинскаго“ слѣдуетъ сказать, что она впервые была поставлена на Маломъ театрѣ въ Москвѣ въ бенефисъ артиста Шумскаго въ 1855 году, и какъ бенефисная пьеса сдѣлалась даровой собственностью дирекціи, и за 55 лѣтъ ея пребыванія на сценѣ авторъ ея не получилъ отъ дирекціи Император-

скихъ театровъ ни одной копѣйки гонорара, а при ея долговѣчности, и при томъ, что она и сейчасъ не сходитъ съ репертуара, гонораръ не могъ быть незначительнымъ. Всѣ домогательства автора въ этомъ отношеніи впослѣдствіи, когда матеріальныя дѣла его значительно разстроились, оказались безуспѣшны. Лишь въ половинѣ 90-хъ годовъ онъ, по особому докладу министра двора, получилъ изъ кабинета Его Величества единовременно 5.000 рублей.

Если сравнить это случайное вознагражденіе съ тѣмъ, напримѣръ, что заработаетъ во Франціи на своихъ пѣтухахъ въ Шантеклерѣ Ростанъ, то по-истинѣ нельзя не признать положеніе русскихъ драматурговъ печальнымъ. Въ утѣшеніе покойнаго Сухово-Кобылина и его наслѣдниковъ, развѣ одно можно сказать, что и Грибоѣдовъ за свое „Горе отъ ума“, и Гоголь за „Ревизора“ врядъ-ли заработали больше его. Съ тѣхъ поръ положеніе русской драматургіи, конечно, нѣсколько измѣнилось къ лучшему.

Столь же безуспѣшны были и старанія Сухово-Кобылина увидѣть свое произведеніе на сценѣ въ Парижѣ. Чуть-ли не послѣ его смерти оно было дано на какомъ-то второстепенномъ парижскомъ театрѣ, но судя по газетамъ въ такой мизерной обстановкѣ и въ такомъ изуродованномъ каррикатурномъ видѣ, что лучше, если бы этого и не было вовсе.

Автору, очевидно, не довелось дожить до того времени, когда русское искусство начинаетъ завоевывать себѣ подобающее мѣсто на Западѣ, что впрочемъ относится больше до сценическихъ дѣятелей разныхъ видовъ оперы и балета, чѣмъ до сценической литературы.

Чтобы покончить со „Свадьбой Кречинскаго“, слѣдуетъ сказать, что при переводѣ ея на французскій языкъ, въ чемъ и пишущій эти строки принималъ нѣкоторое участіе, камнемъ преткновенія для насъ служило знаменитое „сорвалось!“ Долго мы ломали себѣ головы, чтобы подыскать соотвѣтствующее по экспрессіи французское выраженіе, и наконецъ остановились и врядъ-ли удачно на словѣ „Raté...“ Очевидно, что духъ языковъ индивидуаленъ.

Возвращаюсь къ цѣли моей настоящей статьи—къ пролитію свѣта на „Драму въ жизни писателя“.

Отъ покойнаго Евгенія Михайловича Теокистова, бывшаго начальника управленія по дѣламъ печати, а впослѣдствіи сенатора, жившаго въ то время въ Москвѣ и близкаго къ дому графини Салиасъ, сестры Сухово-Кобылина, я слышалъ слѣдующую версію: когда обнаружилось убійство Симонъ-Деманшъ, въ московскомъ обществѣ, въ которомъ вращался Сухово-Кобылинъ, распространился слѣдующій слухъ: Сухово-Кобылинъ охладѣлъ къ французенкѣ и замѣнилъ ее новымъ предметомъ страсти. Французенка была крайне

ревнива. 7-го ноября 1850 года вечеромъ, она, прійдя неожиданно на квартиру Сухово-Кобылина, застала тамъ г-жу Н., между двумя соперницами произошла бурная сцена, пылкая французенка оскорбила Н. дѣйствіемъ, ударивъ ее по лицу. Не менѣ пылкій Сухово-Кобылинъ, внѣ себя, схватилъ первый попавшійся ему предметъ подь руку, тяжелый канделябрь съ камина, пустилъ имъ во французенку, попалъ ей прямо въ високъ и убилъ ее наповалъ! Тогда что дѣлать? Онъ якобы призываетъ своихъ крѣпостныхъ людей и, подкупивъ ихъ деньгами ¹⁾ и общаніемъ выдать вольныя, убѣждаетъ ихъ вывезти трупъ за заставу и принять вину на себя, обѣщая сверхъ всего свое покровительство и заступничество передъ судомъ!

Спрашивается, откуда, съ чего могла возникнуть столь мало вѣроятная версія? Мнѣ кажется, что тутъ невольно опять приходится на память уже упомянутый здѣсь, безсмертный Грибоѣдовъ. Стоило одному, двумъ вздорнымъ болтунамъ пустить сдуру, что Чацкій сошелъ съ ума, какъ этому сразу повѣрили безъ всякихъ къ тому оснований, и стоустая молва готова была пойти по городу. Здѣсь невольно, безъ всякой натяжки напрашивается сравненіе между Грибоѣдовскимъ Чацкимъ и подлиннымъ Сухово-Кобылинымъ. Кобылинъ, отставной титулярный совѣтникъ, не служащій дворянинъ, что уже само по себѣ въ тѣ времена не служило признакомъ благонамѣренности, помимо того, онъ, и по возрѣніямъ своимъ, и по образу жизни, былъ довольно независимымъ, и нельзя сказать, чтобы пользовался особенными симпатіями высшаго московскаго общества, въ которомъ вращался. Связь его съ французенкою была извѣстна, французенокъ въ то время въ Москвѣ было немного; не менѣ извѣстенъ былъ въ обществѣ и новый его романъ съ дамой изъ высшаго общества всѣмъ извѣстной, и вотъ „пошла писать губернія!“ Всесильный начальникъ этой губерніи знаменитый графъ Закревскій очевидно подь влияніемъ этихъ слуховъ предписываетъ коллежскому совѣтнику Шлыкову принять энергичныя мѣры къ открытію виновныхъ. Шлыковъ дѣлаетъ обыскъ въ старомъ запущенномъ флигелѣ, куда временно перешелъ Сухово-Кобылинъ; на стѣнѣ не то прихожей, не то залы, находятъ кровавое пятно величиною въ серебряный пятакъ, въ бумагахъ Деманшъ находятъ письмо къ ней Сухово-Кобылина, въ которомъ онъ очевидно въ шуточной формѣ

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ сказано, что А. В. Сухово-Кобылинъ давалъ деньги полиціи, а по словамъ знающихъ это дѣло лицъ, Сухово-Кобылинъ далъ сто рублей пришедшимъ къ нему агентамъ сыскной полиціи для скорѣйшаго розыска Симонъ-Деманшъ.

угрожаетъ пронзить ее своимъ кастильскимъ кинжаломъ (объ этомъ письмѣ, какъ уликѣ противъ него, мнѣ часто говорилъ самъ Сухово-Кобылинъ, онъ придавалъ этому письму совсѣмъ другой игривый любовный смыслъ). И вотъ улики готовы, и Сухово-Кобылинъ арестованъ.

Обратимъ вниманіе на всю несообразность этихъ уликъ. Въ подлинномъ судебно-медицинскомъ протоколѣ вскрытія тѣла Деманшъ врачомъ Тихоміровымъ, приведенномъ г. Голомбѣвскимъ въ его статьѣ, изъ подлиннаго дѣла видно, что у Деманшъ было перерѣзано горло насквозь, при чемъ рана была въ три вершка шириною, и была непосредственною причиною ея смерти, помимо того у нея было переломано четыре ребра, и все тѣло носило знаки побоевъ и насилія съ кровоподтеками. Значить, допустивъ московскую версію, надо допустить, что Сухово-Кобылинъ, пустивъ въ нее канделябромъ, сталъ ее добивать, т. е. перерѣзалъ ей горло, переломалъ ребра и доколачивалъ еще какимъ-либо тяжелымъ, тупымъ орудіемъ!

Очевидно, что на этомъ пути мы придемъ къ абсурду.

Прослѣдимъ далѣе это многотомное знаменитое въ свое время судебное дѣло. Сухово-Кобылинъ на всѣхъ слѣдственныхъ допросахъ относительно вечера 7-го ноября показывалъ, что онъ этотъ вечеръ съ 9-го часа и до 2 ночи провелъ на вечерѣ у Нарышкиныхъ¹⁾. Слѣдуетъ предполагать, что у Нарышкиныхъ было, можетъ быть, довольно много гостей, домъ ихъ былъ одинъ изъ самыхъ аристократическихъ въ Москвѣ, казалось, было бы очень не трудно провѣрить это alibi изъ дома Сухово-Кобылина въ вечеръ 7 ноября.

Ни малѣйшихъ попытокъ къ тому во всемъ судебномъ дѣлѣ мы не видимъ.

Между тѣмъ арестованный и содержавшійся въ части поваръ Сухово-Кобылина, Ефимъ Егоровъ, 20 ноября учинилъ признаніе въ убійствѣ Симонъ-Деманшъ. Онъ рассказываетъ его такъ:

Въ вечеръ 7 ноября онъ пришелъ къ Симонъ-Деманшъ за приказаніями, такъ какъ одновременно служилъ и у нея. Деманшъ не было дома; служившія у нея женщины, Пелагея и Аграфена, стали повторять свои безконечныя жалобы на свою госпожу въ томъ, что она обращается съ ними жестоко и за малѣйшую провинность колотитъ ихъ по щекамъ, содержитъ дурно и жалованья не платитъ.

¹⁾ По словамъ знавшихъ дѣло лицъ, А. В. Сухово-Кобылинъ всѣ свои показанія писалъ безъ всякихъ поправокъ, не излагая ихъ вчернѣ.

Замѣтимъ отъ себя, что это жестокое обращеніе французки съ своей прислугой подтверждается всѣми обстоятельствами дѣла. Известно при томъ, какъ заѣзжія иностранки быстро усвоивали себѣ нравы и обычаи окружающей ихъ среды. Изъ дѣла несомнѣнно явствуетъ, что, къ сожалѣнію, значительно виновенъ въ этой жестокости и самъ Сухово-Кобылинъ. Онъ неоднократно и при томъ жестоко колачивалъ свою прислугу, и даже женщинъ по наговорамъ Деманшъ. Въ этомъ отношеніи онъ не составлялъ исключенія въ нравахъ своего времени и крѣпостной эпохи.

Итакъ Ефимъ Егоровъ, наслышавшись въ сотый разъ жалобъ женской прислуги Деманшъ на ея жестокое обращеніе, принялъ внезапную рѣшимость ее убить, женщины оказали его намѣренію слабое противодѣйствіе, совѣтуя лишь *отложить* дѣло. Конюхъ Галактіонъ Козьминъ, которому сообщилъ о своемъ намѣреніи Ефимъ Егоровъ, выразилъ пассивное согласіе. Убіеніе было назначено на ту же ночь. Во 2 часу ночи Егоровъ пришелъ вновь въ квартиру Деманшъ, дверь съ черной лѣстницы по уговору была открыта. Ефимъ Егоровъ въ своемъ признаніи возстановляетъ полную картину убійства до мельчайшихъ подробностей. Такъ онъ не забылъ упомянуть, что предварительно послалъ горничную Аграфену убрать изъ спальни Деманшъ находившуюся тамъ собачку, чтобы она своимъ лаемъ не подняла бы тревогу. Затѣмъ Ефимъ Егоровъ показываетъ, что они всѣ вчетверомъ вошли въ спальную Деманшъ. Ефимъ Егоровъ бросился душить ее подушкой, и когда она стала сопротивляться и кричать, нанесъ ей сильный ударъ кулакомъ въ лѣвый глазъ, а Галактіонъ сталъ наносить ей удары по бокамъ утюгомъ, который у него изъ рукъ вырвался, утюгъ этотъ впоследствии при обыскѣ былъ найденъ на кухнѣ и оказался съ погнутой ручкой. Горничная Аграфена подала Егорову платокъ, чтобъ заткнуть ротъ Деманшъ и перетянуть ей горло. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ они вывезли тѣло Деманшъ за Прѣсенскую заставу и свалили его въ оврагъ. Тамъ уже на мѣстѣ, Ефимъ Егоровъ изъ опасенія, чтобы Деманшъ не ожила, перерѣзалъ ей горло складнымъ ножомъ, находившимся у Галактіона. Замѣтимъ, что сознание это было сдѣлано Ефимомъ Егоровымъ въ Серпуховской части, гдѣ онъ содержался.

Въ тотъ же день, сдѣлали то же признаніе и Галактіонъ, Пелагея и Аграфена, въ тѣхъ же подробностяхъ, ни въ чемъ существенномъ съ показаніями Ефима Егорова не расходящихся, сдѣлали они это признаніе въ Прѣсенской части, гдѣ содержались отдѣльно отъ Ефима Егорова. Замѣтимъ, что Серпуховская и Прѣсенская части въ Москвѣ находятся одна отъ другой на значительномъ

разстояніи, и изъ дѣла нигдѣ не видно, чтобы обвиняемые съ момента ихъ ареста до 20 ноября имѣли какое-либо между собою общеніе.

Для полного освѣщенія картины убійства, слѣдуетъ сказать, что убійцы весьма предусмотрительно рѣшили салошъ своей жертвы сжечь, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе и допустить мысль, что Деманшъ была ограблена и убита какимъ-нибудь извощикомъ. Салошъ и сожгли прислуги женщины, въ то время, какъ мужчины вывозили трупъ. Достоинно примѣчанія, что слѣдователи не обратили на это обстоятельство никакого вниманія, а казалось бы, въ печкѣ могли остаться своеобразные остатки цеpla мѣхового салопа. Равномѣрно, для отвлеченія отъ себя подозрѣнія, убійцы оставили при убитой ея серьги, супиры и кольца. Только Ефимъ Егоровъ при семъ удобномъ случаѣ не преминулъ воспользоваться ея портмонэ съ 50 руб. денегъ, часами и булавкой, которые впослѣдствіи при обыскѣ и были найдены на чердакѣ въ квартирѣ Сухово-Кобылина, гдѣ жилъ Ефимъ Егоровъ въ качествѣ повара. Часы и булавка оказались завернутыми въ какое-то любовное письмо камердинера Макара. Если стать на точку зрѣнія позднѣйшихъ слѣдователей и судей, которые непремѣнно хотѣли видѣть убійцу въ лицѣ самого Сухово-Кобылина, то оставалось бы допустить, что онъ, убивъ Деманшъ, воспользовался ея кошелькомъ, часами и булавкой.

Изъ показаній убійцъ Ефима и Галактіона видно далѣе, что они, совершивъ убійство и сваливъ трупъ въ оврагъ, отправились въ трактиръ „Сучокъ“ на Моховой, гдѣ пили водку и оставались до 6 часовъ утра. Достоинно примѣчанія, что въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы это показаніе убійцъ было чѣмъ-либо провѣрено, и чтобы въ трактирѣ „Сучокъ“ произведены были какія-либо розысканія. Да, по истинѣ, если сравнить слѣдственное производство этого злополучнаго дѣла съ виртуозностью, съ которою велось напр. недавнее столь нашумѣвшее дѣло Гилевича, то нельзя не признать, что въ судебной криминалистикѣ мы ушли гигантскими шагами впередъ, и нельзя лишній разъ не благословить мысленно судебную реформу 1864 года.

Какъ бы то ни было, казалось несомнѣннымъ, что убійцы найдены, и что остается судебной власти произнести свой справедливый приговоръ. Такъ и взглянулъ на дѣло Московскій надворный судъ въ 1-ой инстанціи, онъ, разобравъ дѣло, призналъ четырехъ вышеупомянутыхъ подсудимыхъ виновными въ убійствѣ Симонъ-Деманшъ, приговорилъ ихъ къ соотвѣтствующимъ наказаніямъ по законамъ того времени. Но нѣтъ, тутъ-то и начинается „дѣло“, то подлинное „съ кровію вырванное дѣло“, которое такъ ярко и талантливо изобразилъ на сценѣ покойный Сухово-Кобылинъ.

Изъ надворнаго суда, такъ какъ приговоръ состоялся не единогласно, а лишь по большинству голосовъ, дѣло перешло въ Московскую уголовную палату. Палата въ сущности постановила тотъ же приговоръ, лишь нѣсколько смягчивъ его по отношенію количества ударовъ плетей и лѣтъ каторжной работы для обвиненныхъ. Съ приговоромъ согласился и губернской прокуроръ.

Но генераль-губернаторъ графъ Закревскій опять таки въ виду того, что приговоръ палаты былъ не единогласный, представилъ дѣло въ Сенатъ.

Этими оттяжками дѣла воспользовались съ своей стороны и обвиненные, и потребовали знаменитаго „рукоприкладства“.

Рукоприкладство это, очевидно, было составлено опытнымъ ходкомъ въ дѣлахъ подобнаго рода, такъ какъ заканчивалось у всѣхъ четверыхъ обвиняемыхъ одними и тѣми же стереотипными и характерными выраженіями, а именно: „Не имѣя ничего прибавить къ своему оправданію, умоляю высокоименитыхъ судей обратить свое милостивое вниманіе на всѣ изложенные въ семъ рукоприкладствѣ доводы и облегчить сколь можно мои страданія; не быть строгими въ присужденіи наказанія за преступленіе, тайна коего извѣстна одному Всевышнему Творцу, отъ котораго не скрыто, что онъ жертва случая“.

Достоинно примѣчанія, что обвиненные въ своемъ рукоприкладствѣ ни однимъ словомъ ни прямо, ни косвенно не намекаютъ, что убійство совершено ихъ господиномъ Сухово-Кобылинымъ. Впрочемъ одинъ изъ обвиненныхъ Галактіонъ Кузьминъ показывалъ, что онъ былъ „обольщенъ“ приставомъ Хотимскимъ, который будто-бы показывалъ ему собственноручное письмо (къ кому?) Сухово-Кобылина, убѣждавшее его, Кузьмина, принять вину на себя, за что ему обѣщалось 1.050 руб. денегъ и вольная, и при этомъ еще упоминалось, что скоро послѣдуетъ какой-то Манифестъ.

Слѣдуетъ предполагать, что теперь, при настоящихъ судебныхъ порядкахъ, это письмо было бы во что бы то ни стало розыскано, приобщено къ дѣлу, и явило бы собою драгоценный документъ.

При тогдашнихъ порядкахъ, это пресловутое письмо такъ и исчезло въ туманѣ. Ефимъ Егоровъ съ своей стороны сталъ показывать, что у него добились принятія на себя вины безчеловѣчными истязаніями и пытками въ части пристава Стерлигова, которыя, замѣтимъ отъ себя, по духу времени и могли имѣть мѣсто, но которыя однако не измѣняютъ сути дѣла. Какъ бы то ни было, дѣло перешло въ 6-й Московскій Департаментъ Сената, гдѣ опять таки это злополучное дѣло раздѣлило мнѣнія сенаторовъ, и единогласія не получилось, и дѣло направилось на заключеніе министерства юстиціи.

Министерство юстиціи дало по дѣлу весьма пространное заключеніе. Заключеніе это, казалось, запутало дѣло окончательно. Если въ описуемую эпоху была плоха полиція (не въ авантажѣ, какъ извѣстно, обрѣтается она и по нынѣ), плохи слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлъ мастера, то это по условіямъ времени не удивительно, но удивительно то, что въ столицѣ въ центральномъ вѣдомствѣ не находилось, повидимому, образованныхъ и свѣдущихъ юристовъ, а находились казуисты способные совершенно затемнить дѣло и придти къ заключеніямъ совершенно необоснованнымъ и произвольнымъ. Что напр. дало поводъ вновь образованной слѣдственной комиссіи придти къ довольно неожиданному заключенію, что Деманшъ могла быть зарѣзана только въ стоячемъ положеніи (sic) и безусловно не въ ея квартирѣ! Къ этому убѣжденію новые слѣдователи пришли на томъ основаніи, что кровяныя пятна были расположены на бѣльѣ и платѣ убитой сверху внизъ! Какъ будто это не могло произойти само собою и въ лежачемъ положеніи трупа, напр. при наклонномъ положеніи тѣла въ оврагѣ. Такое новое заключеніе новыхъ слѣдователей невольно наводитъ на мысль, что они непременно желали видѣть въ Сухово-Кобылинѣ лицо, которое пустило въ свою жертву сначала канделябромъ, потомъ не только пронзило ея шею своимъ кастильскимъ кинжаломъ, но и сдѣлало этимъ кинжаломъ разрѣзъ на шеѣ въ три вершка шириной, а въ заключеніе переломало ей ребра и покрыло все тѣло синяками! Тутъ мы прямо приходимъ къ абсурду, такъ какъ если ужъ допустить участіе канделябра, то слѣдуетъ предполагать, что отъ его удара жертва должна была упасть на полъ, слѣдовательно, рана въ шею ужъ никакъ не могла быть нанесена въ стоячемъ положеніи жертвы, вопреки мнѣнію комиссіи.

Въ концѣ концовъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 25 октября 1857 г. большинствомъ 28 голосовъ обвиняемые Егоровъ, Козминъ и Иванова (Пелагея успѣла умереть) были по возведенному на нихъ обвиненію оправданы, а Сухово-Кобылинъ, за любовную связь съ Деманшъ, преданъ церковному покаянію.

Такимъ образомъ закончилось это много шумѣвшее въ свое время знаменитое судебное дѣло.

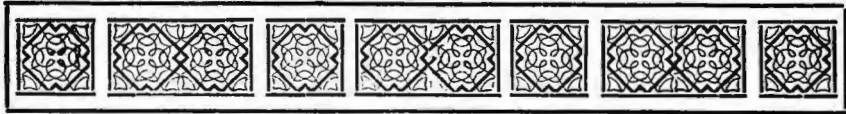
Мы, конечно, не беремъ на себя право высказывать рѣшительное мнѣніе, были ли правы многочисленные его судьи, оправдавъ обвиняемыхъ, первоначально сознавшихъ въ своей винѣ, и лишь впоследствии увидя судебную волокиту, и какъ бы желаніе непременно отыскать другихъ или другого виновнаго, отказавшихся отъ своего признанія и не приведшихъ въ свое оправданіе никакихъ суще-

ственныхъ данныхъ, даже хотя бы прямого оговора предполагаемаго виновнаго, но тѣмъ не менѣе полагаемъ прямымъ долгомъ безпристрастнаго лѣтописца, хотя бы и спустя столь продолжительный промежутокъ времени, снять всякую тѣнь подозрѣнія съ этого предполагаемаго виновнаго и тѣмъ возстановить его доброе имя, что и пытаемся сдѣлать настоящею статьей.

Въ заключеніе мнѣ остается добавить изъ личныхъ наблюдений, что злосчастное это дѣло имѣло огромное моральное вліяніе на покойнаго А. В. Сухово-Кобылина и на всю его дѣятельность, онъ отказался отъ свѣта, отъ всякой общественной дѣятельности, зарылъ себя въ деревнѣ и умеръ на чужбинѣ, гдѣ и похороненъ, всѣми забытый, хотя и дожилъ до весьма преклонныхъ лѣтъ.

А. Рембелинскій.

Изъ дневника А. В. Сухова-Кобылина.

19-го декабря 1899 года былъ уничтоженъ пожаромъ весь домъ А. В. Сухова-Кобылина, гдѣ была библіотека съ находившимся въ ней переводомъ Гегеля, трудами философіи, частными бумагами и всей корреспонденціей.

Кобылинка.

1855 г. Октябрь 24. Всталъ. Столярничалъ. Чувствовалъ себя отлично. Переводъ шелъ превосходно: переводилъ главу о христіанствѣ. Ѣздилъ въ купленную у Гадейна рошу. Валять дубы..... Вечеромъ, воротясь, получилъ извѣстіе о смерти моей милой и доброй „Дуду“, точно будто изъ сердца что ножемъ отняли. Последнее живое воспоминаніе о моей милой и всегда въ сердцѣ живой, тихой и неизгладимой Луизы. Святая и тихая жизнь сердца—не цѣнилъ я тебя тогда, когда ты проникала все мое существо, а теперь, когда вокругъ меня страшно пусто, знаю я твою цѣну и свято храню воспоминанія. Какъ нѣжная и легкая роса, послѣ денного жара, возникаютъ въ памяти малѣйшія событія, слова, иногда только взглядъ или движеніе и мило и нѣжно становится на душѣ. Хорошо жилъ тотъ, у кого запали эти минуты въ сердечную память.

Ноябрь 7. День моей милой Луизы. Занимался переводомъ. У меня обѣдали Афремовы, Карцевъ и Зыбины.

Москва.

Ноябрь 18. Былъ у Закревскаго, у Шумскаго. Первые вѣсти: 1-е о рѣшеніи дѣла ¹⁾ и о комедіи. Странная судьба,—въ то время какъ, съ одной стороны, пьеса моя мало по малу становится въ рядъ замѣчательныхъ произведеній литературы, возбуждаетъ все-

¹⁾ По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лицъ, знавшихъ А. В. Сухова-Кобылина, оказывается, что онъ игралъ въ московскомъ обществѣ передъ процессомъ выдающуюся роль по своему обширному уму, образованію и богатству. Его острога, какъ бритва, языка боялись многіе, не исключая всемогущаго въ то время генераль-губернатора.

В. П.

общее вниманіе, подлѣйшая чернь нашей стороны, безсовѣстные писаки судебного хлама собираются ордою клеймить мое имя закономъ охраняемой клеветою.

Ноябрь 21. Нынче была первая репетиція пѣсы. Достоинство ея начинается изъ цѣнности удачи быть возводимо къ цѣнности литературной. Сказывали, что Садовскій въ роли Расплюева уморилъ всѣхъ со смѣху—даже суфлеръ кистъ со смѣху надъ своимъ манускриптомъ.

Вообще нынѣшній день надо замѣтить, какъ переходный пунктъ отъ просто театральной пѣсы къ литературному произведенію. Ев. Θεоктистовъ высказалъ это за столомъ и пишетъ по этому статью въ газеты, которая должна имѣть этотъ смыслъ. Интересъ въ городѣ оказывается всеобщій. Что-то будетъ? какъ пройдетъ этотъ замѣчательный день. Припоминаю я себѣ, какъ любящій и во всей простотѣ своей любовью далеко зрящій глазъ моей Луизы видѣлъ во мнѣ эту будущность; когда случалось мнѣ являться передъ нею въ черномъ фракѣ и уборѣ свѣтскаго человѣка, часто говорила мнѣ: „comme vous avez l'air d'un homme de lettres“.

Декабрь 11. Воскресенье. Утромъ явился Соколовъ и доставилъ копію рѣшенія. Вѣрить ли глазамъ—такъ сбывается непостижимѣйшее и невозможнѣйшее въ жизни. Два великія событія рядомъ, одно неожиданно-негаданно даетъ мнѣ вѣнокъ лавровый,—другое безсовѣстной рукою надѣваетъ на голову терновый и говоритъ: „Ессе homo“. Противъ того и другого я равнодушенъ. Что я вытерпѣлъ, выжилъ или страшно много во мнѣ силы. Куда ведетъ судьба, не знаю. Странная судьба или она слѣпая, или въ ней высокій сокрытый отъ насъ разумъ. Сквозь двери сырой сибирки, сквозь Воскресенскія ворота привела она меня на сцену Московскаго театра и, протащивши по грязи, поставила вдругъ прямо и торжественно супротивъ того самого люда, который ругался мнѣ и, какъ Пилать, связавши руки назадъ, билъ по ланитамъ. Теперь далѣе ведетъ судьба—публичному позору и клейменію предастъ честное имя, и я покоренъ тебѣ, судьба—веди меня—я не робѣю, не дрогну, если и не вѣрю въ твой разумъ. Утромъ на могилѣ моей бѣдной Луизы. Все тихо тамъ—все прошло; все умолкло, и вотъ я прихожу на тихую могилу въ то время, когда потокъ событій тащитъ меня въ свой водоворотъ, крутитъ и вертитъ, и всяческимъ смятеніемъ, и шумомъ наполняетъ духъ.

Петербургъ.

1856 г. *Май 12.* Суббота. Утро сидѣли вмѣстѣ съ маменькой. Въ 12 часовъ доложили, что директоръ департамента Тонильскій

желаетъ ее видѣть. Его приняли—онъ объявилъ, что Министръ Юстиціи желаетъ ее видѣть и будетъ самъ по окончаніи засѣданія въ Государственномъ Совѣтѣ. Я бросился сказать Голицынымъ, и мы остались дожидаться Министра. Были оба въ волненіи. Условились, чтобы маменька начала говорить о дѣлѣ,—а я буду ей помогать и что тѣмъ самымъ войду въ разговоръ. Въ 5 часовъ Министръ пріѣхалъ. Вотъ его слова: „Madame vous avez adressé une lettre à Sa Majesté l'Impératrice“.—Oui, Monsieur.—„L'Impératrice me l'a envoyé avec ordre que l'affaire soit terminée. Elle sera terminée... et que je prenne en consideration les details de cette affaire, ils seront pris en consideration. Maintenant, Madame, avez vous quelque chose... à y ajouter—je suis pret à vous entendre“.—Monsieur le Comte voila mon fils.. Я раскланялся. Графъ тоже всталъ и раскланялся, и повторилъ мнѣ тѣ же слова. Я началъ нѣсколько смутившись, началъ прямо съ открытія вещей—ударилъ на этотъ пунктъ, какъ на капитальный всего процесса. Въ изложеніи придерживался не историческаго хода, а старался опровергать обвинительные противъ меня пункты. Вообще, для ясности дѣла, думаю, что это была ошибка. Коснулся писемъ—притязаній слѣдователей,—противорѣчій,—моей невозможности совершить преступленіе. Все начало разсказа онъ слушалъ, потупя голову и не говоря ни слова. Къ концу сдѣлался какъ бы расположеннѣе. Маменька вмѣшалась въ разговоръ неудачно, сказавъ нѣсколько словъ противъ Ильинскаго. Министръ остановилъ ее и всталъ. Предложивъ мнѣ изложить все это на бумагѣ, онъ вышелъ. Онъ очень высокъ ростомъ, сутуловатъ, дурно сложенъ. Лицо холодное, умное,—глаза сѣрые круглые,—нижняя губа нѣсколько выдававшаяся впередъ. Голосъ медленный и беззвучный. Вообще натура холодная, нѣсколько англійская, но не безъ доброты. Движеній сердца нѣтъ, но служитель правды, какъ ее самъ пойметъ. Нѣсколько... хандрикъ. Надо было немедленно приниматься за записку. Съѣлъ за нее въ тотъ же вечеръ.

Май 16. Утромъ прочелъ всю записку и написалъ письмо къ Панину, и тутъ же выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву.

Май 26. Утромъ былъ въ часовнѣ Луизы. Тамъ все тихо и мило. Явился Соколовъ съ копіей предложенія; оказалось, что и преступники равнымъ образомъ оправдываются. Вотъ и рѣшеніе!... Весь день я имъ былъ пораженъ.

Августъ 18. Ходилъ пѣшкомъ въ Лефортовъ. Тамъ одинъ далекъ отъ шума столько, сколько далекъ отъ честолюбія; тихо, благоговѣнно, въ сокрушеніи сердца припалъ я къ холодному мрамору, на которомъ вырѣзано имя, еще глубже нарѣзанное въ моемъ

сердцѣ—и просилъ милаго друга о мирномъ, тихомъ и уединенномъ и полезномъ окончаніи жизни.

Августъ 25. Всталъ въ 7 часовъ,—въ 8-мъ отправился пѣшкомъ въ католическую церковь—нынче именины моей милой, тысячу разъ милой и доброй Луизы.

Сентябрь 16. Одинъ только разъ въ жизни случилось мнѣ вдохнуть въ себя эту живую, живящую и полевымъ ароматомъ благоухающую атмосферу. Живо и глубоко залегло въ глубинѣ души это воспоминаніе. Это было въ 1848 или 1849 году (т. е. мнѣ было или 31 или 32 года), мы были съ Луизой въ Воскресенскомъ. Былъ лѣтній день, и начался покосъ въ Пулковѣ, въ Мокромъ оврагѣ. Мы поѣхали съ нею туда въ телѣжкѣ. Я ходилъ по покосу, она пошла за грибами. Наступалъ вечеръ, парило, въ воздухѣ было мягко, тепло и пахло кошеной травой. Мѣрно и тихо шуркали косы. Я началъ искать ее и не вдалькѣ между двухъ простыхъ березовыхъ кустовъ нашелъ ее на коврѣ у самовара въ хлопотахъ, чтобы приготовить мнѣ чай и добыть отличныхъ сливокъ. Солнце было уже низко, прямо противъ насъ. Я сѣлъ, поцѣловалъ её за милыя хлопоты и за мысль устроить мнѣ чай. Но ея бѣлокурому лицу пробѣжало то вольное, ясное выраженіе, которое говоритъ, что на сердцѣ страхъ какъ хорошо. Я вдохнулъ въ себя и воздухъ и тишину этой картины, и подумалъ—вотъ гдѣ оно мелькаетъ и вьется, какъ вечерній туманъ, это счастье, которое иной идетъ искать въ Москву,—другой въ Петербургъ, третій,—въ Калифорніи. А оно вотъ здѣсь, подлѣ насъ вьется каждый вечеръ, когда заходитъ и восходитъ солнце, и вечерній паръ осѣдаетъ на цвѣты и зелень луговую.

1857 г. Ноябрь 19. Выѣхалъ въ Москву. 20-го пріѣхалъ въ 8 часовъ. 21-го былъ у моей милой и вѣчно мнѣ милой Луизы.

1858 г. Апрель 1. По утру Становой уѣхалъ. Федоръ воротился изъ Черни и привезъ свидѣтельство Земскаго Суда на выѣздъ и извѣстіе, что оправданные преступники пріѣхали въ Чернь. Это извѣстіе привело меня въ страшное положеніе: мнѣ казалось, что я дышу тѣмъ же самымъ воздухомъ, который былъ у нихъ въ легкихъ. Мое настроеніе оставить имѣніе и переселиться за границу. Я далъ приказъ, чтобы ихъ не впускали въ имѣніе, а Семена Иванова послалъ въ станъ, чтобы ихъ помѣстить тамъ. Время ненастное—снѣгъ—я никуда не выхожу.

Апрель 2. Рано утромъ морозъ. Выѣхалъ верхомъ въ Чернь. У самага шоссе встрѣтилъ этихъ страшныхъ людей и немедленно отправилъ ихъ въ станъ.

Апрель 4. Отправилъ Горина въ станъ, отвезти этихъ людей въ Казельскую.

Апрѣль 7. Всталъ рано. Разбиралъ свои бумажки и піэсу, что-то будетъ изъ этой?.. Съ Лавровымъ отправился въ Гражданскую Палату. Совершилъ записку—выдалъ ему 2500 руб. Потомъ поѣхалъ къ Губернскому Предводителю—потомъ въ губернскую Канцелярію за паспортомъ—назначено въ 2 часа могу получить. Оттуда къ Архіерею; разговоръ съ нимъ—его пристрастіе къ Славянофиламъ. Вернулся въ Канцелярію Губернатора и въ 3 часа получилъ свой паспортъ!!
 Вотъ она свобода! Привѣтствую тебя, чудное созданіе, любовница моя, невѣрная, но вѣчно милая любовница. Жизнь всю желаю. Зачѣмъ только на моемъ сорокъ первомъ году дала ты мнѣ первый поцѣлуй. Смотри, онъ теперь почти холоденъ. Ласки мои не жгучи; зачѣмъ не явилась ты тогда, когда жаждалъ я тебя, какъ олень на источницы водни, когда денно и ночью звалъ я тебя и цѣною мученій и цѣною трудового пота—я бы еще болѣе, еще вѣрнѣе, еще крѣпче и долговѣчнѣе любилъ тебя. Можетъ быть это и такъ. Потому теперь еще глубже, интенсивнѣе люблю я тебя. Теперь же не промѣняю я тебя ни на какія блѣстки, ни на какую внѣшность. Теперь я обручаюсь съ тобой, свобода моя, свободунка, и клянусь по гробъ быть тебѣ вѣрнымъ слугою, рабомъ, другомъ, всѣмъ—всѣмъ, чѣмъ только дышетъ еще мое сердце.

Парижъ.

1859 г. Іюль 28. Послѣ обѣда вялость, вялость. Принесли отъ Делиля купленные матеріи. Все это меня не занимаетъ, чуждо, внѣшне. О, годы, годы прошли, вы, мимо и, какъ туманъ, стоите вы зади меня—среди васъ бродятъ образы, лица прошедшаго—тихіе лики смотрятъ на меня грустно—вѣтеръ и буря жизни оторвали ихъ отъ меня и вырвали вмѣстѣ съ ними и мое сердце. Туманный образъ Луизы съ двумя большими слезами на глазахъ, смотреть на меня не спуская голубыхъ любящихъ глазъ, и въ этихъ глазахъ двѣ слезы—на шеѣ рана—въ сердцѣ другія раны. Боже мой, какъ же это я не зналъ, что такъ ее любилъ. Прощай прошедшее, прощай юность, прощай жизнь, прощайте силы, я брежу по землѣ. Шагъ мой сталъ тихъ и тяжелъ.

„Секретное дѣло по предложенію синодальнаго члена преосвященнаго казанскаго съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія объ учиненіи выговора епископу бѣлорусскому Анастасію“¹⁾.

Въ 1798 г. 22-го ноября Св. Синодъ, по словесному предложенію синодальнаго члена архіепископа казанскаго Амвросія²⁾, заслушалъ слѣдующее:

„Государь Императоръ по поводу дошедшаго до Его Величества свѣдѣнія о послѣдовавшемъ въ Св. Синодѣ отъ епископа бѣлорусскаго Анастасія³⁾ донесенія, по секрету, относительно происшед-

1) Секретное дѣло архива Св. Синода 1798 г. ноября 22 за № 218.

2) *Амвросій Подобѣдовъ* род. въ 1742 г. во Владимірской губ. Изъ ректоровъ Славяно-греко-латинской академіи въ 1778 г. возведенъ въ санъ епископа сѣвскаго, викарія Московской епархіи; съ 1762 г. епископъ крутицкій (крутицкіе епископы жили въ Москвѣ, на Крутицахъ; съ 1799 г. живутъ въ Калугѣ и именуются калужскими и боровскими); съ 1785 г. архіепископъ казанскій; съ 1799 г. с.-петербургскій; съ 1801 г. митрополитъ; съ 1818 г. митрополитъ новгородскій; вслѣдъ за этимъ уволенъ на покой въ Московскій Златоустовъ монастырь и тамъ скончался 21 мая 1818 года.

3) Въ 1632 г. польскій король Владиславъ IV, для оставшихся въ православіи учредилъ епархію Могилевскую. Архіереи этой епархіи хиротонисались въ Москвѣ и утверждались польскими королями. По присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, въ 1772 г. декабря 14, была учреждена епархія Могилевская, Мстиславская и Оршанская; съ 1795 г. ея архіереи стали именоваться могилевскими и полоцкими, съ 1797 г. бѣлорусскими и могилевскими, а съ 1833 г. именуются могилевскими и мстиславскими. Съ 1797 г. по 1805 г. Могилевскую кафедру занималъ *Анастасій Братановскій-Романенко*. Въ мѣрѣ онъ носилъ имя Андрея; сынъ протоіерея; родился

шаго въ Вѣтской слободѣ ¹⁾, по случаю выемки Бѣлицкимъ земскимъ судьей старообрядческаго вѣтскаго попа, непокоренія, Высочайше повелѣтъ соизволилъ ему, епископу Анастасію, за названіе того происшествія „бунтомъ“, означающимъ оное весьма немаловажнымъ и клонящимся къ нарушенію общаго спокойствія, которое уже тамъ возстановлено, учинить выговоръ“.

Синодъ въ этомъ же засѣданіи своемъ постановилъ:

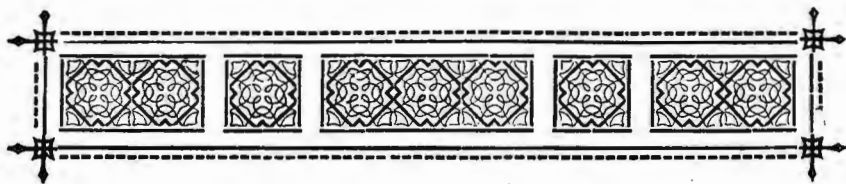
„Объ ономъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи епископу бѣлорусскому Анастасію дать знать секретно указомъ, съ тѣмъ, чтобы впредь при донесеніяхъ своихъ Св. Синоду поступалъ съ крайнею осторожностью, употребляя приличныя случающимся происшествіямъ выраженія“.

А. Н. Сергѣевъ.

16 октября 1761 г. въ Полтавской губерніи, селѣ Барышевкѣ. Учился въ Переяславской семинаріи. Былъ преподавателемъ въ семинаріяхъ—Сѣвской, Вологодской и Александро-Невской и законоучителемъ кадетскаго корпуса. Въ 1794 г. былъ избранъ членомъ Россійской академіи и назначенъ членомъ Св. Синода и настоятелемъ Новоспасскаго монастыря. Съ 1797 г. по 1805 г. епископъ, а потомъ архіепископъ бѣлорусскій. Въ 1805 г. переведенъ въ Астрахань и тамъ скончался 9 декабря 1806 г.

¹⁾ *Вѣтка* (7 т. жит.) посады въ Могилевской губ., Гомельскомъ уѣздѣ, на р. Сожѣ. Въ XVIII стол. служилъ главнымъ пріютомъ раскольниковъ поповскаго согласія.

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года. ¹⁾

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

В описываемую мною эпоху, въ 1845-мъ году, графъ Воронцовъ, по моей просьбѣ, поручилъ мнѣ командованіе баталіономъ и совершенно случайно я получилъ I-ый баталіонъ Куринскаго егерскаго полка, одного изъ лучшихъ полковъ Кавказской арміи. Это обстоятельство привело меня въ восторгъ тѣмъ болѣе, что въ 1842-мъ году я прослужилъ въ полку 5 мѣсяцевъ подрядъ и у меня установились съ чинами полка дружескія отношенія; даже у нижнихъ чиновъ я оставилъ хорошую память, такъ какъ, однажды, когда карабинерная рота полка, неудачно заведя дѣло и очутившись далеко отъ какой-либо поддержки, со всѣхъ сторонъ была окружена противникомъ и уже почти погибала подъ ударами чеченцевъ, тогда мои казаки, по счастью, въ-время явились на выручку роты. На войнѣ же войска особенно цѣнятъ такія дружескія услуги; солдатъ же никогда не стыдится сознаться, что его выручили.

Когда я пріѣхалъ въ *Андреево* и принялъ свою должность, всѣ тѣ, кто служилъ въ это время въ баталіонѣ, встрѣтили меня съ тѣми особыми дружескими восклицаніями, которыя въ русской арміи заключаютъ въ себѣ нѣчто трогательное и устанавливаютъ какое-то особое сыновнее отношеніе части къ своему командиру ²⁾.

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

²⁾ Очень характерное впечатлѣніе и наблюденіе отношеній, присущихъ старой Кавказской арміи, въ чемъ и была ея сила. Можетъ быть, что встрѣча эта, съ точки зрѣнія преобладающихъ тогда у насъ въ Россіи воззрѣній, и показалась бы странной, но на Кавказѣ форма вообще мало значила, готовились не къ смотрамъ, а къ смертному бою и потому духовная сторона стояла на первомъ планѣ.

Б. Кол-з.

Въ общемъ, я нашелъ передъ ротами хорошихъ командировъ. Первой карабинерной ротой командовалъ капитанъ *Пассетъ*, человекъ еще молодой, кроткій и скромный, краснѣющій, какъ молодая дѣвушка, но могучій какъ левъ, когда нужно было нанести ударъ. Его рвеніе и разумъ издавна приучили его ко всѣмъ требованіямъ Кавказской войны и приобрѣли ему всѣ необходимыя качества: неустанную бдительность, способность предугадывать опасность, быстро принимать рѣшенія, энергію исполненія дѣла и всегда холодное и спокойное мужество ¹⁾).

Для пѣхоты эта война заключается большей частью въ поддержаніи ружейнаго огня, т. е. въ перестрѣлкѣ на болѣе или менѣе близкихъ разстояніяхъ. Эта перестрѣлка ведется на маршѣ или на мѣстѣ, будучи болѣе или менѣе тревожима противникомъ, который пользуется малѣйшей оплошностью, особенно же минутами какихъ-либо замѣшательствъ. Служба пѣхотнаго офицера въ бою преслѣдуетъ одновременно двѣ задачи: одна заключается въ себѣ обязанности по отношенію своего прикрываемаго отряда, когда, по просту говоря, необходимо стоять стѣной, грудью, принимая на себя непріятельскій огонь и ограждая отъ него прикрываемыя и сзади расположенныя части; другая задача—обязанности по отношенію чиновъ непосредственно вѣренной офицеру части, когда долгъ человека и офицера обязываетъ его оберегать эту часть и, по всей возможности, беречь жизнь солдата.

Въ соображеніи и исполненіи этихъ задачъ и заключается обыкновенно служба пѣхотнаго офицера въ бою.

Какъ! Скажутъ мнѣ! Но вѣдь приходится зачастую идти въ штыки, предпринимать наступленія, брать непріятельскія позиціи, наконецъ,—атаковать!

Да, конечно и это случается, но въ серіи наиболѣе дѣйствительныхъ трудовъ подобной войны, эти обстоятельства представляютъ явленія наиболѣе краткія, наиболѣе занимательныя и веселыя и наиболѣе легкія. Къ тому же здѣсь стимулъ побѣды дѣйствуетъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и на Кавказѣ скоро проходитъ увлеченіе блескомъ атаки, когда наличный опытъ убѣждаетъ, что послѣдствія подобной атаки никогда не дадутъ никакихъ реальныхъ результатовъ.

Держаться на занимаемомъ мѣстѣ, оборонять его или оставлять—вотъ въ чемъ заключаются трудности войны и вотъ что составляетъ камень преткновенія для многихъ репутаций. Я получилъ свой Георгіевскій крестъ за одинъ успѣшный штурмъ, и это меня огорчало, и я гордился бы гораздо болѣе получить таковой за блиста-

¹⁾ Превосходная оцѣнка качествъ боеваго офицера.

тельно исполненное отступление, но статутъ этого ордена не предусматриваетъ, что этотъ послѣдній случай заслуживаетъ такой чести, и въ этой войнѣ этимъ орденомъ не награждаются лучшіе виды воинской доблести, а потому наиболѣе выдающіеся и храбрѣйшіе офицеры не получаютъ этого креста, что особенно примѣнимо къ офицерамъ, служащимъ на Чеченскомъ театрѣ дѣйствій.

Нужно имѣть честное и благородное сердце, чтобы удовольствоваться проявленіемъ только хладнокровія и спокойнаго и пассивнаго мужества, а между тѣмъ именно эти качества и представляютъ наибольшія заслуги строевого офицера Кавказской арміи; особенно необходимо здѣсь нравственное мужество и, чтобы подолгу выдерживать и тянуть подобную службу, нужно забыть всякое другое существованіе. Но, зато никто не пользуется на Кавказѣ такимъ глубокимъ уваженіемъ, какъ хорошій боевой офицеръ.

Офицеръ, о которомъ я веду рѣчь, не требовалъ въ этомъ отношеніи ничего лучшаго и на-ряду съ своими качествами былъ настоящимъ отцомъ и кумиромъ роты, которой никогда не видать лучшаго командира!.. Послѣ того многіе изъ старыхъ усачей этой роты вскорѣ послѣдовали въ лучшій міръ за своимъ отцомъ-командиромъ, такъ какъ храбраго *Пассьета* нѣтъ болѣе въ живыхъ. Онъ умеръ той безвѣстной и безъ славы смертью, которую много героев находятъ на Кавказѣ: спрятавшійся за дерево горецъ всадилъ ему пулю въ ногу съ раздробленіемъ кости и, быть можетъ, ампутація ноги и спасла бы ему жизнь, но подъ руками не было ни хирурга, ни инструментовъ и послѣ восьмидневнаго тасканія съ бивака на бивакъ, подъ непрерывнымъ свѣгомъ и дождемъ, его доставили, наконецъ, въ госпиталь, когда ампутація ноги уже не имѣла смысла, и бравый Пассьеть отдалъ Богу душу.

Но память о немъ пережила его, и кто зналъ его такъ близко, какъ я, считающій себя счастливымъ воздать должное памяти боевого товарища, тотъ никогда его не забудетъ; увѣренъ, что и карабинеры его роты все еще его оплакиваютъ, а что можетъ быть трогательнѣе слезы благодарности стараго солдата ¹⁾. 1-ой егерской ротой ²⁾ командовалъ офицеръ, о которомъ мало что можно сказать, и онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ этомъ походѣ.

2-ой егерской ротой командовалъ *Эссенъ*, старый офицеръ, застрѣвшій въ этой должности и въ чинѣ и представлявшій въ этомъ

¹⁾ Въ этотъ походъ кап. Пассьеть также былъ раненъ, но здѣсь ли погибъ или уцѣлѣлъ ли здѣсь и окончательно погибъ только нѣсколько лѣтъ спустя, остается неизвѣстнымъ.

²⁾ Въ егерскихъ полкахъ того времени первыя роты каждаго баталіона назывались карабинерными и сохраняли номеръ своего баталіона, остальные роты назывались егерскими.

отношеніи рѣдкій примѣръ въ арміи, гдѣ движеніе по службѣ идетъ довольно быстро; Эссенъ командовалъ ротой еще въ сраженіи подъ Краономъ (въ 1814-мъ году). Огромнаго роста, геркулесовскаго сложенія, съ бѣлой—какъ лунь—головой, не имѣя по выносливости никого среди насъ себѣ равнаго, Эссенъ шель всегда пѣшкомъ, во главѣ своихъ егерей; о немъ рѣчь будетъ еще впереди.

3-ей егерской—командовалъ офицеръ, хорошо извѣстный на Кавказѣ—*Николай Петровичъ Колюбакинъ* ¹⁾. За 10 лѣтъ его пребыванія на Кавказѣ, его всегда цѣнили за его дѣйствительно замѣчательный умъ и, одновременно, избѣгали за неуживчивость съ кѣмъ бы то ни было; его прозвали „львомъ рыкающимъ и кидающимся“ („le lion rugissant et bondissant“). Я его изучилъ съ двухъ сторонъ и кончилъ тѣмъ, что отлично съ нимъ поладилъ и относился къ нему съ участіемъ и дружески. Я знаю, что и онъ искренно платилъ мнѣ тѣмъ же. Я не буду говорить о тѣхъ якобы обязательствахъ, которыя онъ питалъ ко мнѣ, а перейду къ главному обстоятельству—онъ относился ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ, вотъ почему мы съ нимъ и поладили, такъ какъ Колюбакинъ сдерживался только передъ тѣми, кого онъ уважалъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ былъ чрезвычайно разборчивъ. Кромѣ меня, замѣчу, отбрасывая всякую скромность, что онъ оказывалъ эту честь не болѣе, какъ 4—6 лицамъ. Его необщительность создала ему массу враговъ и много вредила ему по службѣ, что однако не мѣшало тѣмъ, кто нуждался въ его помощи, въ его указаніяхъ и въ его талантахъ, терпѣливо переносить его, такъ какъ Колюбакинъ, по своему образованію,—умѣнью владѣть перомъ, знанію края и по своему разумному и испытанному умѣнью обращаться съ туземцами, безспорно являлся однимъ изъ наиболѣе выдающихся офицеровъ Кавказа ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ офицеръ блистательной храбрости; весь покрытый ранами, изъ коихъ, къ сожалѣнію, треть имъ была получена на дуэляхъ, онъ былъ постоянно въ поискахъ за новыми.

¹⁾ Н. П. Колюбакинъ до описываемыхъ событій былъ уже два раза разжалованъ въ рядовые, послѣдній разъ изъ Гродненскаго гусарскаго полка, и послѣдній разъ выслужился въ офицеры изъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Къ 1845-му году онъ дослужился уже до капитанскаго чина и, числясь адъютантомъ ген.-адъют. Аврепа, по своему усиленному ходатайству, участвовалъ въ этомъ походѣ.

Графъ Воронцовъ тогда же обратилъ на него большое вниманіе.

Б. К—ъ.

²⁾ Такъ называемый — немирной Колюбакинъ, впоследствии—управ. Мингрелію, Сухумск. воен. окр.,—эриванскій воен. губ.,—кутанскій воен. губери. и съ 1868 г.—сенаторъ въ Москвѣ. См. о немъ „Русск. Арх.“ и „Русск. Старина“.

Я не буду останавливаться на прочихъ офицерахъ баталіона, между которыми я обрѣлъ одного преданнаго друга, бывшаго моимъ спасителемъ цѣной собственной жизни.

Всего въ баталіонѣ было 10 человѣкъ офицеровъ и, кромѣ того, къ нимъ же была причислена значительная партія юнкеровъ, находившихся подъ общимъ попеченіемъ капитана Пассьета.

Особая, присущая Кавказу, категорія такъ называемыхъ „несчастныхъ“, къ счастью, не была многочисленна. Этими „несчастными“ называли здѣсь тѣхъ, кто, принадлежа къ высшему классу общества, ссылался сюда на службу, рядовыми, за всякаго рода провинности. Необходимо замѣтить, что ореоломъ этой категоріи служила добрая память, оставленная еще декабристами и ссыльными послѣ возстанія 1830-го года поляками.

Участь ихъ была значительно смягчена. На Кавказѣ было принято (считалось порядочною) относиться къ нимъ внимательно и предупредительно, возможно облегчая имъ выходъ изъ ихъ положенія. Подобное отношеніе, исходя конечно изъ благородныхъ и великодушныхъ побужденій и желанія облегчить несчастныхъ, доходило однако до крайности. Лица этой категоріи не только не были полезными, но, наоборотъ, были сущей обузой своимъ начальникамъ, особенно теперь, когда составъ этой категоріи измѣнился къ худшему.

Но добрая память, оставленная многими изъ ихъ предшественниковъ, возвращенныхъ теперь родинѣ и семьѣ, сохранила еще такую силу, что нынѣшніе долго еще будутъ пользоваться этими счастливыми и выгодными для ихъ положенія воспоминаніями.

31-ое мая было назначено днемъ открытія кампаніи.

Въ русской арміи всякое военное предпріятіе начинается съ благословенія церкви. Войска, построеныя колоннами, составили квадратъ, центръ котораго былъ занятъ служившимъ молебствіе церковнымъ причтомъ.

По окончаніи богослуженія, полковые священники обошли разступавшіеся передъ ними ряды и окропили святой водой, начиная съ главнокомандующаго и кончая послѣднимъ рядовымъ. Барабаннымъ боемъ закончилась церемонія и, я думаю, не одна теплая молитва вознеслась къ небу.

Солдаты искренно отдаются религіозному настроенію, но это настроеніе не можетъ быть однако продолжительнымъ. Лишь только закончилась церемонія, какъ фуражки были лихо заломлены на бекрень, одежда и снаряженіе было прилажено и переложено „по походному“, пѣсельники вышли передъ роты, плясуны съ ужимками

и гримасами пошли продѣлывать свои скачки и прыжки; въ мгновенъе бубны, цимбалы, дудки и треугольники вынуты изъ ранцевъ, гдѣ эти символы солдатской утѣхи всегда найдутъ себѣ мѣсто съ сухарнымъ запасомъ и смѣной бѣлья.

Запумѣли бубны и всѣ, кто умѣлъ, красивыми и звонкими голосами затынули родныя пѣсни—неизмѣнныя спутницы солдата на походѣ.

Весело выступать въ походъ съ доблестными войсками и идешь на войну, какъ бывало въ 18 лѣтъ идешь на любовное свиданіе.

Такъ какъ я только-что принялъ баталіонъ, то долженъ былъ пройти черезъ обрядъ вступленія въ должность и обрядъ солдатскаго одобренія, а потому подвергнуться во всѣхъ 4-хъ ротахъ и по очереди нѣжному качанію сильными солдатскими руками.

Таковы традиціонные обычаи нашей арміи и нужно весьма остерегаться ихъ затрагивать, такъ какъ съ ними тѣсно связаны всѣ наши славныя воспоминанія.

Все было уже въ движеніи, такъ какъ все рассказываемое происходило на маршѣ. Мы проходили по открытой мѣстности, и такъ какъ вовсе не предвидѣлось близости противника, то наиболѣе надежныя части (къ числу коихъ принадлежалъ и 1-й баталіонъ Куринцевъ) двигались въ срединѣ колонны ¹⁾. Насъ берегли для дѣла.

Я предоставилъ своимъ людямъ веселиться вволю.

Слово—экспедиція или походъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха, привѣтствуется нашими кавказскими войсками съ тѣмъ же чувствомъ радости, съ какимъ, по возвращеніи съ похода, они встрѣчаютъ привѣтливныя станицы по надъ Терекомъ, съ ихъ красавицами-казачками и ихъ добрымъ виномъ, что составляетъ по истинѣ Капую этихъ мѣстъ для кавказскаго офицера и солдата ²⁾.

Надѣво, передъ нами, развертывалась Кумыкская плоскость, а направо, въ отдаленіи, высились лѣсистыя высоты *Салатау*, покрытыя въ нижней части своихъ сѣверныхъ склоновъ зловреднымъ кустарникомъ „держи-дерева“, злѣйшимъ врагомъ всякой шерстяной одежды, особенно шароваръ.

Мы слѣдовали вдоль подножія этихъ горъ вплоть до стариннаго аула *Чиръ-Юртъ*, бывшаго въ развалинахъ послѣ осенняго похода

¹⁾ Къ этой категоріи наиболѣе надежныхъ частей прежде всего слѣдуетъ отнести *Кабардинцевъ* и *Куринцевъ*, а затѣмъ и *Навагинцевъ* и *Аншеронцевъ*, это были старыя кавказскія войска, остальные же части пѣхоты составили полки 5-го пѣх. корпуса, специально для этого похода прибывшіе изъ Россіи.

²⁾ Во главѣ этихъ станицъ должна быть поставлена знаменитая *Череленая*, затѣмъ идутъ *Щедринская* и *Шелкозаводская* и др.

Шамиля въ 1843-мъ году, а затѣмъ достигли береговъ р. *Койсу*, получающей отсюда названіе Сулака. Пробивъ себѣ, за Чирь-Юртомъ, путь черезъ гранитныя массы, рѣка эта, помощью которой всѣ воды внутренняго окруженнаго горами бассейна (средній и сѣверный Дагестанъ) несутся къ морю, у Чирь-Юрта оставляетъ позади себя послѣдніе контрфорсы горъ и бѣжитъ по равнинѣ Кумыкской плоскости. Здѣсь повернули мы круто направо, навсегда покинувъ равнину, и углубились въ скалистую тѣснину, слѣдующую направленію рѣки. Мы слѣдовали по довольно удобной старой военной дорогѣ, проложенной еще въ тѣ времена, когда край этотъ былъ мирный и спокойный, и не было опасеній разрушительныхъ набѣговъ скопищъ Шамиля.

Графъ Воронцовъ приказалъ разбить палатки главной квартиры у самаго входа въ тѣснину и тамъ же впоследствии возвелъ онъ укрѣпленіе съ цѣлю, какъ обезпеченія безопаснаго здѣсь перехода тѣсины, такъ и обезпеченія кратчайшаго сообщенія отряда съ крѣпостью *Внезапной* и основаніемъ нашихъ дѣйствій *Темиръ-Ханъ-Шурой*. Я съ своимъ баталіономъ пошелъ впередъ, чтобы присоединиться къ авангарду подъ начальствомъ генерала *Безобразова*, расположенному въ 3-хъ верстахъ выше, по теченію рѣки, и на который было возложено, пользуясь ночью, возстановить небольшой, сожженный противникомъ, мостъ и разработать нѣсколько участковъ дороги, которая, пролегая на тѣсномъ пространствѣ скатовъ горъ и рѣки, была размыта дождемъ.

Первый начальный ночлеги похода никогда не бываетъ удачнымъ: люди не умѣли поставить наши двѣ палатки и не умѣли примѣниться къ походнымъ условіямъ въ великомъ дѣлѣ приготовленія ужина, въ чемъ позднѣе они достигли столь похвальной и благодѣтельной сноровки.

Что за блаженные минуты—время походнаго ужина! Обыкновенно, за цѣлый день, это единственное время ѣды! Какъ хорошо идетъ за этимъужиномъ бесѣда! Какое проявляютъ здѣсь всѣ остроуміе! Однако, въ этотъ день этихъ блаженныхъ минутъ пришлось ждать довольно долго. Правда, что и погода не благопріятствовала стряпнѣ на открытомъ воздухѣ: дождь падалъ крупными каплями, и мой поваръ Семень, бывшій поваренокъ моего покойнаго дяди графа Бенкендорфа, первый разъ въ своей жизни готовилъ въ кухнѣ, не имѣвшей крыши и ничѣмъ не прикрытой отъ вліяній непогоды, и онъ совершенно растерялся. Къ счастью, подвернулся ему на подмогу молодчина Андрей. Андрей—лакей моего пріятели Лобанова—тишъ кавказскаго слуги, чему значительно способствовало пятилѣтнее

полное опасностей странствованіе его господина по самымъ дикимъ и неизвѣстнымъ частямъ Кавказа. Бѣдьяга, что называется, прошелъ огонь и воду, а потому пріобрѣлъ знанія условій соединенія этихъ двухъ элементовъ для приготовленія супа на бивакахъ.

Андрей—чудо своего рода, что онъ неоднократно и проявлялъ въ теченіе всего времени этого тягостнаго похода, и съ этимъ чудомъ, со всѣми этими совершенствами Лобановъ разлучился—онъ уступилъ его мнѣ по дружбѣ. Это была настоящая жертва, такъ какъ хорошій слуга въ походѣ—неоцѣнимое сокровище. Онъ явился мнѣ очень кстати! Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, мой старій лакей заболѣлъ, и такъ какъ онъ не могъ меня сопровождать, то я искалъ себѣ другого. Однажды, выходя изъ-за стола у князя Эспера Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, такъ печально вскорѣ умершаго, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ его ливрейныхъ лакеевъ и сообщилъ мнѣ, что я долженъ его знать, такъ какъ въ кампанію 1836-го года онъ служилъ у одного изъ моихъ товарищей, убитаго въ этотъ періодъ въ долину *Баксана*, и къ этому добавилъ, что онъ просится ко мнѣ въ услуженіе и тѣмъ охотнѣе, что онъ хочетъ еще разъ поклониться праху своего господина, похороненнаго въ Анапѣ.

Мнѣ это понравилось, и я подумалъ: „вотъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошій человѣкъ“. Могу сказать, дѣйствительно, онъ оказался такимъ и, даже скажу больше,—онъ былъ достоинъ райскаго блаженства, но не былъ созданъ для доставленія мнѣ такового же.

Лишь только принялъ я его услуги, какъ оказалось, во-первыхъ, что онъ носить мое имя—Константина, что мнѣ немедленно испортило расположеніе духа, во-вторыхъ, что его глупость превосходитъ всякія границы. Промучившись съ нимъ около 2-хъ мѣсяцевъ, я убѣдился, что во время похода онъ будетъ для меня сущей обузой, а потому я его устроилъ на полномъ содержаніи у казаковъ Червленной станицы. Вернувшись съ похода, я нашелъ его болѣе чѣмъ когда-либо потолстѣвшимъ и разжирѣвшимъ и чревомъ и разумомъ.

Въ полученномъ же мною Андреѣ я нашелъ прямо сокровище.

Со мною въ одной палаткѣ жилъ мой другъ *Шептингъ*¹⁾. Нашъ домашній персоналъ составляли: денщикъ Шептинга, Андрей, поваръ Семень и гребенскій казакъ для ухода за моими лошадьми. Къ этому кадровому составу не преминули присоединиться—баталионный горнистъ *Игумновъ* и нѣсколько барабанщиковъ, лица, которыя, въ силу оказываемыхъ ими разныхъ маленькихъ услугъ и свойственнаго имъ аппетита, обыкновенно присосѣживались къ походному котлу баталіоннаго командира.

¹⁾ Поручикъ конной гвардіи, спасъ позднѣе автора похода отъ вѣрной смерти, но и самъ былъ убитъ въ этомъ походѣ.

За моимъ столомъ всегда ставилось отъ 4-хъ до 8-ми приборовъ, и каждый разъ, когда отрядъ получалъ довольствіе, я уже ни въ чемъ не нуждался.

Таковъ былъ мой домашній обиходъ.

Въ этотъ вечеръ, несмотря на палатку, мы продолжали мокнуть до костей и равно не истощалась, несмотря на наши аппетиты, и появившаяся, наконецъ, миска. Я припоминаю, что въ этотъ вечеръ, въ числѣ моихъ гостей, находился нѣкій *Едлинскій*, бывший офицеръ австрійской службы ¹⁾. Онъ получилъ порученіе отъ генерала Безобразова сообщить въ главной квартирѣ, что возстановленіе моста исполнено войсками авангарда и что остальные работы, несмотря на дождь, будутъ закончены къ утру. Мы находились въ 3-хъ верстахъ отъ главной квартиры, и Едлинскому, прежде, чѣмъ до нея добраться, нужно было два раза пройти черезъ наши передовые посты, такъ какъ авангардъ и главные силы, будучи расположены отдѣльно, отдѣльно и охранялись.

Темень была адская и дождь лилъ не переставая, а потому понятно, что бѣдняга не особенно-то былъ польщенъ порученіемъ. „Мнѣ рѣшительно все равно, если я встрѣчу непріятели, шатающагося у нашихъ лагерей“, говорилъ Едлинскій, „но я только не желалъ бы быть подстрѣленнымъ своими“. Коллюбакинъ сталъ ему доказывать, что въ сущности это совершенно безразлично. „Ну, нѣтъ“, продолжалъ Едлинскій, „если случится послѣднее и это дойдетъ до Вѣны, то тамъ будутъ смѣяться не только надо мной, но и надъ моимъ братомъ, а у него семья, и мнѣ это будетъ очень обидно“.

На утро слѣдующаго дня мы продолжали слѣдовать вверхъ по Койсу до *Міатлы*, гдѣ тѣснина расширяется, чѣмъ и воспользовались для второго ночлега.

Вся эта страна когда-то была очень населена. Разведенные

¹⁾ Артуръ Альбертовичъ, впервые появившійся въ Россіи и привезенный на Кавказъ Воронцовымъ, былъ сводный братъ графини Воронцовой (рожд. графиней Браицкой). Едлинскій былъ знаменитъ своими каламбурами и остротами на весь Кавказъ; остроты были подчасъ очень злы и мѣтки и его побанивались, хотя онъ и былъ общимъ любимцемъ. Остроты и каламбуры Едлинскаго весьма характерны, и за 30 лѣтъ его службы ихъ набралось очень много; ихъ стоитъ собрать. Оставивъ Кавказъ въ срединѣ 70-хъ годовъ, Едлинскій пріютился у фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго въ Скерневицахъ, гдѣ фельдмаршалъ доживалъ свой вѣкъ, и на первое же привѣтствіе князя, по своемъ приѣздѣ, не замедлилъ отвѣтить ему злой остротой.

В. Кол—ъ.

здѣсь, по преимуществу армянами, виноградники составляли главное богатство края. Въ настоящее же время все носило на себѣ печать разрушенія. Населеніе бѣжало, жилища раззорены, и виноградныя лозы, разстилаясь по землѣ, перемѣшались сорными травами. Мой баталіонъ шель снова въ резервѣ. Непрiятель нигдѣ не показывался.

Проходя около горячаго источника, обильно наполняющаго родъ естественнаго бассейна, я разрѣшилъ желающимъ погрузиться. Въ мгновеніе ока весь баталіонъ очутился голъ, какъ праотець Адамъ. Рѣдко, что такъ полезно, и что такъ любить нашъ солдатъ, какъ горячую баню и въ походѣ всегда стараются доставить ему это удовольствіе.

Русскій человекъ сложенъ атлетомъ: хорошо развитая грудь, широкія плечи, тонкая талія, скорѣе маленькая, чѣмъ большая голова и обыкновенно длинныя ноги, все это, въ общей совокупности, сообщаетъ его фигурѣ извѣстную грацію и типичность.

Моя палатка была красиво разбита на берегу небольшого ручья.

Одна изъ моихъ ротъ, 4-ая, была выдѣлена (вправо) и занимала наблюдательный пунктъ на довольно значительной высотѣ, которая командовала всей мѣстностью вправо. Помню, что, послѣ обѣда, взявъ палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, безъ которой въ Дагестанѣ нельзя ступить шагу, я пошелъ ее осматривать. Я встрѣтилъ Его Высочество принца Гессенскаго, избравшаго цѣлью своей прогулки ту же высоту, такъ какъ было очевидно, что съ нея открываются прекрасныя виды.

Оттуда, съ высоты птичьяго полета, была видна вся зеленая долина съ извивающеюся на ней рѣчкой, испещренная красивыми группами деревьевъ и бѣлыми палатками, оживленная тѣми разнообразными группами, которыя порождаются скопищами людскихъ массъ, и эти группы, особенно на Кавказѣ, принимаютъ причудливыя формы¹⁾. Человекъ очень скоро примѣняется здѣсь къ характеру страны; все принимаетъ живописный оттѣнокъ. Какое замѣчательно красивое зрѣлище для глазъ и воображенія всѣ эти кавказскіе виды; зрѣлище, особенно поразительное для тѣхъ, кто впервые вырвался изъ холднаго однообразія большихъ городовъ.

¹⁾ Въ данномъ случаѣ это разнообразіе и пестрота формъ группъ происходила еще вслѣдствіе разнородности состава отряда, въ который входили, помимо частей пѣхоты и артиллеріи кавказскихъ войскъ и пришедшихъ изъ Россіи, еще и казачьи части всѣхъ видовъ казачества Кавказа и Дона и всѣ виды нашихъ милицій Кавказа, какъ изъ Грузіи, Имеретіи, Мингреліи, Осетіи, такъ и покоренныхъ нами—Кабарды, такъ называемыхъ татарскихъ дистанцій Закавказья и кончая особо пестрыми курдами, давшими Дигорскую милицію.

Солнце жгло нестерпимо. Достигнувъ расположенія роты, мы зашли въ находящуюся по близости пещеру, съ цѣлью нѣсколько освѣжиться. Первое, что насъ поразило въ этой пещерѣ, это исполненный на стѣнѣ углемъ рисунокъ, изображающій кавказскаго горца, падающаго подъ ударами штыка солдата Куринскаго полка; подъ первымъ изображеніемъ находилась на французскомъ языкѣ подпись—*Шамиль*, а подъ вторымъ и большими буквами—*Michel Broussset*; все было исполнено прекрасно.

Обстоятельство это насъ заинтриговало. Я вышелъ и обратился къ ротѣ, прося открыть мнѣ имя этого послѣдователя Рафаэля. На это обращеніе мнѣ отвѣтилъ одинъ молодой солдатъ: „это я, Ваше Высокоблагородіе, я французъ, мой отецъ—полковникъ временъ Имперіи, женился на очень богатой русской дѣвушкѣ, все состояніе которой заключается въ помѣстьяхъ; какъ иностранецъ, я не могу наслѣдовать это имѣніе иначе, какъ сдѣлавшись русскимъ дворяниномъ, вотъ почему я здѣсь, и я долженъ торопиться убить Шамиля, такъ какъ тогда я навѣрно выслужу офицерское званіе, а если мнѣ это не удастся, то все состояніе моей матери достанется одному злomu дядюшкѣ!“

Мнѣ это очень понравилось. Я полюбилъ Мишеля Бруссе и пріютилъ его въ своей палаткѣ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ, взявъ себѣ, вмѣсто подушки, подъ голову, мои большіе сапоги и конечно я бы способствовалъ ему взбѣсить его злого дядю, но, къ моему великому сожалѣнію, бѣдняга былъ убитъ; этимъ обыкновенно и кончаются всѣ необыкновенныя исторійки на Кавказѣ. Мишель Бруссе былъ одной изъ послѣднихъ жертвъ этой кампаніи, и его злой дядя выигралъ дѣло.

На слѣдующій день мы покинули берега Койсу и снова подъ прямымъ угломъ повернули направо. Отрядъ двигался глубокой долиной, и войска лѣваго и праваго прикрытіи сопровождали колонну по обѣ стороны марша, двигаясь на разстояніи ружейнаго выстрѣла по самому гребню высотъ, окаймлявшихъ долину.

Таковъ былъ обычный порядокъ движенія для всѣхъ нашихъ отрядовъ на Кавказѣ, основанный на продолжительномъ опытѣ этой войны и установленный просвѣщеннымъ авторитетомъ величайшаго генерала, какой только когда-либо былъ на Кавказѣ, которому слѣдуетъ приписать все то, что составляетъ теорію веденія войны на Кавказѣ и ея примѣненія на практикѣ, равно всѣ порядки (сторожевые, походные и боевые) и самую систему веденія здѣсь операцій,—все это установлено авторитетомъ генералъ-лейтенанта *Алексыя Александровича Вельяминова*.

Подъ начальствомъ именно этого замѣчательнаго дѣятеля я имѣлъ честь начать мои первые шаги на боевомъ поприщѣ.

Генераль Вельяминовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые производятъ глубокое впечатлѣніе и оставляютъ неизгладимую о себѣ память. При жизни генераль Вельяминовъ былъ мало любимъ какъ русскими, такъ и туземцами; онъ былъ весьма уважаемъ многими изъ нихъ, но всѣ одинаково его боялись; по его смерти всѣ чтутъ его память, и каждый стремится похвастать полученіемъ отъ него слова одобренія или поощренія, такъ какъ Вельяминовъ былъ очень скупъ на то и на другое.

До сихъ поръ еще вамъ укажутъ среди черкесъ субъекта, о которомъ при этомъ замѣтятъ: „онъ былъ другомъ Вельяминова“, и старый горецъ—гордь этимъ титуломъ.

Прямой и искренній, съ чувствами благородными и возвышенными, съ умомъ сильнымъ и положительнымъ и непоколебимый во всемъ томъ, что онъ считалъ хорошимъ и справедливымъ, Вельяминовъ былъ созданъ по античному образцу. Эрудиція его была громадна; онъ все изучилъ, надо всѣмъ размыслилъ, и произведенія его пера служили образцомъ точности и военного изложенія ¹⁾).

Обладая живымъ и глубокимъ умомъ, не лишеннымъ иногда казуистики, Вельяминовъ, подъ вліяніемъ чтенія излюбленныхъ имъ предметовъ и авторовъ, пришелъ къ скептицизму; онъ представлялъ изъ себя одновременное сочетаніе философа XVIII-го вѣка и восточнаго наши-деспота.

Въ эпоху, въ которую я его зналъ, вся его жизнь, все его существованіе непрерывно и послѣдовательно въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ протекали и заключались единственно только въ условіяхъ кавказской боевой и походной службы.

¹⁾ Образцомъ изложенія Вельяминова можетъ послужить уже одно необычайно глубокое, ясное и образное опредѣленіе пониманія нами задачи покоренія Кавказа, и онъ говоритъ: „Кавказъ можно уподобить сильной крѣпости, чрезвычайно твердой по мѣстоположенію, искусно огражденной укрѣпленіями и обороняемой многочисленнымъ гарнизономъ. Одна только безразсудность можетъ предпринять эскаладу противъ такой крѣпости; благоразумный полководецъ увидитъ необходимость прибѣгнуть къ искусственнымъ средствамъ, заложить параллели, станетъ подвигаться впередъ сапой, призоветъ на помощь мины и овладѣетъ крѣпостью. Такъ, по моему мнѣнію, должно поступать съ Кавказомъ, и если бы ходъ сей не былъ предварительно предначертанъ, дабы постоянно сообразоваться съ онымъ, то сущность вещей вынудитъ къ сему образу дѣйствій, только успѣхъ будетъ гораздо медленнѣе по причинѣ частыхъ уклоненій отъ истиннаго пути“. Изъ этого опредѣленія видно, насколько экспедиція 1845 года, да и вся борьба съ горцами послѣ Ермолова и до 1857 года расходилась съ идеями Вельяминова.

Б. Кол—ъ.

Привычка управлять людьми сообщила ему міровоззрѣніе, свойственное правителямъ высокаго положенія,—глубокое презрѣніе ко всему человѣчеству.

Полное отсутствіе женскаго общества и его личное одиночество (онъ оставался постоянно или одинъ самъ съ собой или былъ окруженъ людьми только съ цѣлью исполненія его воли) привело къ тому, что онъ очерствѣлъ сердцемъ, становясь подчасъ даже жестокимъ; если онъ и былъ когда-либо мягкосердеченъ и чувствителенъ, то эти качества у него скоро вывѣтрились подъ вліяніемъ условій непрестанной и непрерывной боевой и походной жизни¹⁾.

Таковъ былъ Вельяминовъ—какъ человѣкъ.

Все хорошее на Кавказѣ—создано Вельяминовымъ; до сихъ поръ все еще обсуждаются намѣченные имъ проекты и, къ счастью, нѣкоторые изъ нихъ иногда приводятся въ исполненіе²⁾.

Это онъ указалъ намъ систему и способы веденія войны въ этомъ краѣ, это онъ преподавалъ намъ принципы веденія здѣсь войны и указалъ ихъ примѣненіе и можетъ быть именно потому, что онъ самъ всегда слѣдовалъ этимъ принципамъ, онъ былъ здѣсь *единственнымъ генераломъ, никогда не испытавшимъ неудачи и всегда достигавшимъ разѣ поставленной имъ цѣли*³⁾.

Все это слѣдуетъ объяснить еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что никто лучше и основательнѣе его не постигнулъ свойствъ театра войны, особенностей условій веденія здѣсь войны и свойствъ и качествъ нашего здѣсь противника.

Также рѣшительно во всемъ обнаруживалъ онъ замѣчательный даръ находчивости (*esprit d'à-propos*), что особенно ярко проявлялось, каждый разъ, когда ему приходилось говорить, что впрочемъ бывало очень рѣдко.

Обыкновенно онъ былъ очень молчаливъ, невозмутимъ, очень лѣ-

¹⁾ Другой современникъ и близкій ему человѣкъ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ случаи проявленія Вельяминовымъ добраго сердца, но эти проявленія были глубоко скрыты его угрюмой и непроницаемой внѣшностью.
Б. Кол—ъ.

²⁾ Прямодушный Бенкендорфъ все же здѣсь деликатно щадить и создателей плана 1845-го года и его исполнителей, въ душѣ раздѣляя идеи Вельяминова, бывшаго для него большимъ авторитетомъ; вообще авторъ воспоминаній избѣгаетъ осужденій, и таковыя съ трудомъ читаются между строчками.
Б. К.

³⁾ Любопытнымъ въ этомъ отношеніи образчикомъ настойчивости и искусства Вельяминова служить эпизодъ похода въ Чечнѣ въ 1832-мъ году, когда Вельяминовъ рѣшилъ вернуть обратно потерянные нами орудія, запрягавныя въ трущобахъ Чечни, что блистательно и исполнилъ.
Б. К.

нивѣ въ движеніяхъ, и ничто не могло его вывести изъ неизмѣнно присущаго ему хладнокровія ¹⁾).

Это Вельяминову обязанъ Ермоловъ своею славою ²⁾, Паскевичъ— побѣдой при Елизаветполѣ ³⁾ и баронъ Розенъ блистательнымъ окончаніемъ экспедиціи 1832-го года ⁴⁾.

Все преклонялось на Кавказѣ передъ „рыжимъ генераломъ“ (генераломъ плижеръ), какъ называли его горцы.

Не пользуясь любовью войскъ, Вельяминовъ за то пользовался неизмѣнно ихъ безграничнымъ довѣріемъ.

На Кавказѣ Вельяминовъ былъ послѣднимъ представителемъ той плеяды нашихъ здѣсь генераловъ, которые окружали себя ореоломъ внушенія паническаго ужаса и потрясенія,—источникъ всякой силы въ Азіи и чему въ царствованіе Екатерины II-ой мы главнымъ образомъ и обязаны легкостью нашихъ успѣховъ на Востокъ и незначительности нашихъ потерь въ людяхъ, потерь совершенно ничтожныхъ, сравнительно съ полученными результатами. Превосходство духа было всегда на нашей сторонѣ, и въ глазахъ нашихъ враговъ каждый русскій казался гигантомъ.

Обратимся къ исходному пункту разсказа, къ порядку нашего марша, который представляетъ одновременно и боевой порядокъ, основную идею котораго передадимъ въ двухъ словахъ. Санитарный обозъ (вообще обозы) располагается въ центрѣ общаго прямоугольника (каре), размѣры котораго естественно и неизбѣжно будутъ различны въ каждомъ частномъ случаѣ, при постоянномъ однако

¹⁾ Эту правдивую и превосходную характеристику слѣдуетъ поставить въ большую заслугу графу Бенкендорфу. Много на эту тему разсказываютъ баронъ Торнау и Филиппсонъ. *Б. К.*

²⁾ Какъ ни кажется это заключеніе смѣлымъ и увлеченіемъ, но въ немъ большая доля справедливости; дружба Ермолова съ Вельяминовымъ и объясняется однородностью ихъ понятій, возрѣній и склада ума.

³⁾ Это справедливо. Здѣсь Ермоловъ показалъ много благородства и великодушія, давъ Вельяминова своему врагу и тайному замѣстителю—Паскевичу. Какъ извѣстно, Паскевичъ уже приказалъ отступить, и только авторитетъ и твердость Вельяминова удержали это пагубное отступленіе. Здѣсь войска слушались только Вельяминова. *Б. К.*

⁴⁾ Не только блистательнымъ окончаніемъ похода въ Дагестанъ—взятіемъ Гимръ и смертью имама Кази-муллы, но и предварительной экспедиціею въ Чечнѣ, гдѣ таланты Вельяминова проявились не менѣе ярко и гдѣ, въ этомъ году, Вельяминовъ съ ничтожными потерями прошелъ черезъ всю Большую Чечню къ Дарго, Беною, Гурдали и др. ауламъ, т. е. какъ разъ тамъ, гдѣ въ описываемомъ Бенкендорфомъ походѣ шелъ бѣдственный отрядъ графа Воронцова, понесшій неслыханныя потери.

Б. Кол.—ъ.

стремленіи возможной сплоченности расположенія обозовъ и войскъ, дабы каре это не вышло растянутымъ.

Четыре фаса этого каре, на дальность ружейнаго выстрѣла отъ колонны, занимаются спеціально войсками, назначенными для охраненія колонны на маршѣ.

Аріергардъ составляетъ основаніе для всѣхъ войскъ охраненія, такъ какъ онъ представляетъ часть, наиболѣе тревожимую непріятелемъ, почему на немъ сосредоточивается все вниманіе и съ его движеніемъ и дѣйствіями сообразуются движенія, и дѣйствія всѣхъ остальныхъ частей колонны (и, что особенно важно, и авангардъ).

Авангардъ сообразуетъ свое движеніе съ движеніемъ колонны и продвигается впередъ только при условіи достиженія передовыми частями колонны высоты движенія этого авангарда, и каждый разъ, когда движеніе колонны пріостанавливается и передовыя ея части не показываются, то движеніе авангарда пріостанавливается; въ этомъ заключается единственный способъ сохраненія порядка движенія.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ движенія оно было медленно и, напримѣръ, Вельяминовъ, зачастую, дѣлалъ въ сутки не болѣе 6-ти верстъ, но зато не было примѣра, чтобы фасы его каре были когда-либо прорываемы (не говоря уже о ничтожныхъ у него потеряхъ). Но, тѣмъ не менѣе, въ частныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда приходилось преслѣдовать противника, показавшагося передъ нашей оборонительной линіею, или въ цѣляхъ—отрѣзать ему отступленіе, то Вельяминовъ двигался съ той же быстротой, какъ и другіе ¹⁾.

Въ этотъ день предусматривалась ружейная перестрѣлка въ нашей правой цѣпи, на высотахъ весьма переесѣченныхъ и частью лѣсистыхъ, а потому всѣ три баталіона Куринскаго полка были назначены въ правую цѣпь и мой баталіонъ своимъ правымъ флангомъ касался аріергарда.

Такъ какъ я говорю о тактикѣ, то необходимо войти въ подробности боевого порядка, котораго мы держались, прикрывая каре

¹⁾ Движенія Вельяминова происходили обыкновенно въ большемъ порядкѣ, и онъ не любилъ торопливости, порождавшей суету и замѣшательства, тѣмъ болѣе, что противникъ, будучи обыкновенно слабо обезпеченъ продовольствіемъ, тяготился затыжкой движенія и боя, а получая всюду хорошій отпоръ, скоро падалъ духомъ. Иногда Вельяминовъ нарочію долго стоялъ на мѣстѣ, ничего не предпринимая, и когда его вызывали на движеніе или бой, говаривалъ: „интендавъ у него плохой, какъ поѣдятъ свое пшено, да чужихъ барановъ, такъ съ голоду разойдутся“. *Б. К.—нз.*

войсками правой и лѣвой цѣпи. Смотра по численности отряда и свойству мѣстности, баталіоны или роты обрамляли отрядъ съ обѣихъ сторонъ боевыми линіями (участками), которыя, въ свою очередь, прикрывались боевыми цѣпями со взводами въ поддержкахъ. По уставу, звено цѣпи состояло изъ 2-хъ человѣкъ стрѣлковъ, обязанныхъ возможной взаимной поддержкой.

Въ войнахъ, подобно кавказской, полныхъ случайностей, 2-хъ человѣкъ въ звенѣ совершенно недостаточно. При первомъ же столкновеніи, одинъ изъ нихъ бывалъ обыкновенно убитъ, другой бѣжалъ или тоже бывалъ убитъ и цѣпь бывала прорвана прежде, чѣмъ резервъ могъ ее поддержать.

Еще въ Венсенѣ, у орлеанскихъ стрѣлковъ, организациа и маневрированіе которыхъ были построены на опытѣ почти подобномъ кавказской войнѣ, я обратилъ вниманіе на звено ихъ цѣпи въ 4 человѣка, что я нашелъ правильнымъ. У насъ же, на Кавказѣ, для звена мало и 4-хъ человѣкъ, вотъ почему, въ послѣдніе годы, и главнымъ образомъ по указанію генерала Фрейтага, лучшаго знатска этого дѣла, испытаннаго въ походахъ въ Чечнѣ, — всюду было установлено имѣть звено въ составѣ взвода численностью въ 20—30 человѣкъ, подъ командой офицера или унтеръ-офицера, съ придачею ему горниста (сигналиста). Звено подобной численности обладало уже достаточной силой сопротивленія, смѣло могло подчасъ и бросаться на замѣченнаго противника и, наконецъ, ему уже, въ полномъ смыслѣ слова, можно было довѣрить и поручить извѣстный боевой участокъ.

Эти взводы не должны только терять другъ друга изъ вида, внимательно выбирать себѣ при расположеніи на мѣстѣ пункты, имѣющіе тактическое значеніе, и сообразоваться другъ съ другомъ при всѣхъ передвиженіяхъ (преслѣдуя взаимную поддержку).

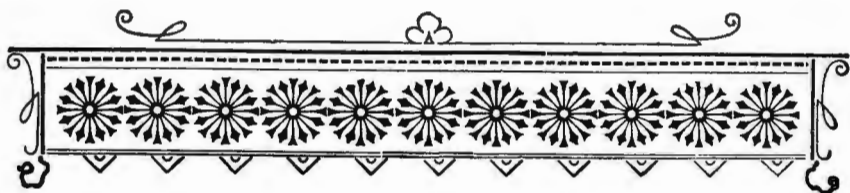
Въ подобныхъ условіяхъ, въ войскахъ цѣпи росла нравственная увѣренность, такъ какъ они видѣли, что они окружены и поддержаны своими, а противникъ утрачивалъ свою смѣлость.

Такимъ образомъ, резюмируя сказанное, замѣтимъ, что баталіоны и роты (составлявшія боковыя цѣпи) были раздѣлены на группы—взводы, слѣдовавшіе, или въ шахматномъ по отношенію другъ друга порядкѣ, или же въ затылокъ другъ другу.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864 — 1909 г. г.)¹⁾.

Г Л А В А VI²⁾.

Мои встрѣчи и знакомства съ нашими извѣстными писателями. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.—Три встрѣчи съ нимъ и бесѣда въ Парижѣ объ относительномъ достоинствѣ русскихъ и французскихъ женщинъ.—Примѣры нашей некультурности.—Левъ Николаевичъ гр. Толстой.—Первое съ нимъ знакомство и мои впечатлѣнія сравнительно съ Тургеневымъ.—Его относительная оригинальность и рѣзкость.—Порученіе Льва Николаевича въ Америку.—„Царство Божіе внутри насъ“ и г-жа Варвара Гэнгуудъ (Hargood).—Г-жа Делано и развязка порученія.—Статья Кеннана въ журналѣ „Century“ о его посѣщеніи „Ясной Поляны“ по просьбѣ политическихъ ссыльныхъ.—Душевная доброта и сердечное отношеніе Льва Николаевича къ знакомымъ въ годину несчастья.—Встрѣчи съ другими русскими писателями: М. Е. Салтыковъ, Н. К. Михайловскій, Н. В. Шелгуновъ, Ф. М. Достоевскій, П. А. Гайдебуровъ, Я. П. Понскій и др.—Отрицательный типъ русской журналистики: Евгений Львовъ-Кочетовъ.

Въ тѣмъ же семидесятымъ-восьмидесятымъ годамъ прошлаго вѣка, которымъ посвящены предшествующія главы моихъ воспоминаній, относится и время знакомства моего съ большинствомъ нашихъ писателей, указанныхъ выше въ оглавленіи. Съ И. С. Тургеневымъ, напри- мѣръ, я имѣлъ удовольствіе познакомиться именно въ семидеся- тыхъ годахъ, во время его пріѣзда въ Москву, еще до Пушкин- скихъ празднествъ; Льва же Николаевича и прочихъ литерато- ровъ, кромѣ москвичей, я узналъ лично нѣсколько лѣтъ позднѣе, во время моихъ многочисленныхъ наѣздовъ въ С.-Петербургъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1910 года.

²⁾ До настоящей главы въ изложеніи моихъ „Воспоминаній“ я слѣдо- вала исключительно хронологическому порядку, передавая, годъ за годомъ, важнѣйшіе факты изъ моей жизни, какъ они сохранились въ памяти; но съ приближеніемъ къ настоящему времени, къ сожалѣнію, память начи- наетъ мнѣ болѣе и болѣе измѣнять, а потому съ настоящей главы шестой— я рѣшилъ измѣнить этотъ порядокъ изложенія и передавать „Воспоми- нанія“ уже по однороднымъ вопросамъ, группируя ихъ вмѣстѣ.

Съ Иваномъ Сергѣевичемъ по странной игрѣ судьбы я встрѣчался въ трехъ различныхъ пунктахъ Европы: въ Москвѣ, Лондонѣ и Парижѣ, въ Петербургѣ лишь провожалъ его прахъ до Волкова кладбища.

Въ Москвѣ, если не ошибаюсь, меня представилъ Ивану Сергѣевичу мой другъ М. М. Ковалевскій, кажется, въ квартирѣ г. Управляющаго Государственными Имуществами или Удѣловъ Маслова, въ которой Иванъ Сергѣевичъ останавливался тогда. Затѣмъ онъ былъ нѣсколько разъ въ нашемъ домѣ (у Харитонія въ Огородникахъ д. Миллера), обѣдалъ у Максима Максимовича и провелъ одинъ вечеръ у меня. Безполезно говорить, что онъ сразу завоевалъ наши симпатіи своимъ умомъ, живой и увлекательной рѣчью и необыкновенно мягкимъ характеромъ своей бесѣды: онъ никого не затрогивалъ, ни надъ кѣмъ не смѣялся, держалъ себя съ нами, молодыми профессорами, какъ добрый папаша или дѣдушка съ дѣтьми. На обѣдѣ у Ковалевскаго было много говорено, напримѣръ, рѣчей, но къ сожалѣнію у меня ничего не врѣзалось въ памяти. Конечно, старались говорить лишь пріятное нашему дорогому гостю: такъ П. Д. Боборыкинъ говорилъ, помнится, по его выраженію какъ „рядовой отъ литературы передъ генераломъ отъ литературы“, желая выразить въ деликатной формѣ наши чувства уваженія къ почетному писателю.

Въ антрактахъ между рѣчами, или когда была свобода отъ нихъ, обыкновенно Иванъ Сергѣевичъ притягивался къ разговору, и его заставляли что-нибудь рассказывать, при чемъ мнѣ припоминаются лишь два главные пункта его рассказовъ—описаніе происхожденія типа Базарова, котораго онъ списалъ, въ главныхъ чертахъ, съ какого-то доктора, ѣхавшаго съ нимъ по Николаевской дорогѣ (почему-то, добавилъ онъ, по Новгородской губерніи) и меня поразило его объясненіе, что онъ искренно полюбилъ и привязался къ Базарову послѣ его изображенія. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы Тургеневъ списывалъ какой-либо типъ, а въ томъ числѣ и Базарова, съ натуры цѣликомъ, какъ это дѣлаютъ неопытные и малоталантливые писатели... Нѣтъ, Тургеневъ, встрѣчая въ жизни нѣсколько схожихъ типовъ, такъ сказать, обобщалъ, создавалъ новое лицо, и этотъ вновь созданный типъ, объяснялъ Иванъ Сергѣевичъ, не давалъ ему покоя, стоялъ передъ его глазами... Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не занесъ новый типъ на бумагу, написалъ произведеніе...

Во-вторыхъ, я помню, какъ трогательно Иванъ Сергѣевичъ объяснялъ у меня на вечерѣ передъ обществомъ дамъ, на этотъ разъ преобладавшихъ (и изъ нихъ главнымъ образомъ дѣвицъ), что онъ

къ сожалѣнію не свилъ себѣ гнѣзда у себя на родинѣ... Тамъ же Иванъ Сергѣевичъ заинтересовался личностью одной молоденькой дѣвушки, тогда еще гимназисткой П., и предсказалъ въ разговорѣ съ моей женой, что изъ нея должно выйти что-нибудь выдающееся. Предсказаніе это отчасти и оправдалось: изъ нея вышла не только хорошая мать семейства, но и очень изрядная художница-жанристка, къ сожалѣнію, мало пишущая.

Осенью 1880 года, когда мы съ женой находились въ Лондонѣ, въ одно прекрасное утро, довольно рано, не позднѣе 11 часовъ,—почему-то мы еще находились дома и не ушли въ Музей—прибѣжала горничная предупредить, что къ намъ снизу идетъ какой-то Russian gentleman—огромный. Скоро послышались шаги, и я увидаль сверху по узенькой лѣстницѣ поднимающуюся къ намъ крупную фигуру Ивана Сергѣевича: онъ не безъ труда добрался до нашей маленькой комнаты и вывелъ насъ изъ смущенія своимъ добрымъ привѣтствіемъ. Оказалось, что онъ пріѣхалъ въ Англію изъ Парижа всего лишь на нѣсколько дней поохотиться въ имѣніи одного своего англійскаго пріятели и, узнавши нашъ адресъ у Ковалевскаго, еще въ Парижѣ, пожелалъ воспользоваться случаемъ, чтобы насъ видѣть. Онъ просидѣлъ у насъ съ полчаса, много рассказывая интереснаго, кажется, о Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ, въ коемъ участвовалъ, и о многомъ другомъ, говорилъ о болѣзни Ковалевскаго, котораго мы тогда поджидали въ Лондонѣ. Мнѣ припоминается два факта изъ тогдашнихъ его рассказовъ: какъ на Пушкинскомъ праздникѣ къ нему обратился вдругъ, заискивая расположеніе, Катковъ, и онъ вынужденъ былъ отвернуться отъ этой назойливости. Затѣмъ въ этотъ же разъ, кажется, Иванъ Сергѣевичъ передалъ намъ случай изъ знакомства съ извѣстнымъ англійскимъ писателемъ и общественнымъ дѣятелемъ—Ashton Dilke. Изъ этого разсказа Ивана Сергѣевича припоминается мнѣ слѣдующій случай, доказывающій необыкновенную энергію и настойчивость британскаго характера.

„Нѣсколько лѣтъ назадъ“, рассказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, „когда я пріѣхалъ въ Англію, въ Оксфордъ и провелъ тамъ нѣсколько времени, мнѣ удалось посѣтить тамъ студенческое, такъ называемое „діалектическое общество“ (Dialectical Society), гдѣ студенты упражняются въ краснорѣчїи на разные трудныя темы, при чемъ одинъ студентъ разсматриваетъ вопросъ обыкновенно съ одной точки зрѣнія, а другой—съ противоположной. Вѣроятно, ради моего посѣщенія была назначена какая-то русская тема: кажется, сближеніе Россїи съ Европой во время Петра; одинъ студентъ говорилъ за это сближеніе, другой противъ него. Послѣдній студентъ говорилъ

*

чрезвычайно остроумно въ пользу своего очень труднаго положенія, и я попросилъ, чтобы меня съ нимъ познакомили и имѣлъ коротенькую съ нимъ бесѣду“... „Представьте себѣ мое удивленіе“, закончилъ Иванъ Сергѣевичъ, „въ нынѣшнемъ году недавно прислуга передаетъ мнѣ русскую визитную карточку: „Антонъ Антоновичъ Дилькъ“. Я, конечно, принялъ его: оказалось, это тотъ самый студентъ Ashton Dilke, который, окончивши Оксфордскій университетъ, выучился очень изрядно по-русски, чуть ли не побывалъ въ Россіи и захотѣлъ навѣстить меня, очень интересуясь всѣмъ русскимъ... и здѣсь я опять съ нимъ встрѣтился, почему и заговорилъ о немъ“...

Наиболѣе всего, т. е. чаще всего я видѣлъ, однако, Ивана Сергѣевича на Рождествѣ 1880—81 года, когда вслѣдствіе давняго настойчиваго приглашенія М. М. Ковалевскаго пріѣхалъ къ нему въ Парижъ, вмѣстѣ съ женой, на двѣ недѣли погостить, повеселиться и посмотрѣть городъ, мало намъ знакомый. Безполезно говорить, что въ лицѣ М. М. мы нашли радушнаго хозяина, который старался всячески развлекать насъ и забыть, что такое скука, смѣняя одно развлеченіе другимъ и таская насъ по всѣмъ увеселеніямъ, какія давало спеціальное оживленное время Noël. Парижъ представилъ намъ полную противоположность серьезному и семейственному, хотя, можетъ быть, нѣсколько чопорному Лондону. Въ письмѣ моемъ къ родственникамъ въ Россію 1 января 1881 года я заключаю Парижскія впечатлѣнія мои слѣдующимъ рѣзкимъ сужденіемъ: „Общій мой выводъ,“ пишу я, „это, что Парижъ—городъ мотовства и кутежей *par excellence*; даже Ковалевскій сознается, что Парижъ во всякомъ безпутствѣ усовершенствовался со времени республики—такъ что руками разведешь! Въ театрѣ, прессѣ и самой политикѣ—все кокотки, да кокотки: французы, серьезно говоря, перестаютъ вѣрить въ существованіе честныхъ женщинъ!!!“

Само собой понятно, что при такихъ поспѣшныхъ выводахъ и обобщеніяхъ я долженъ былъ часто спорить съ поклонниками Парижа и всего Парижскаго—прежде всего съ моимъ другомъ М. М. Ковалевскимъ, и чаще всего наши споры вращались около вопроса о сравнительныхъ достоинствахъ, по понятнымъ причинамъ, французскихъ и русскихъ женщинъ; за первыхъ горой стоялъ М. М., за вторыхъ я. Каждый изъ насъ приписывалъ своей странѣ наибольшее количество добродѣтелей. На удивленье всѣхъ пѣшеходовъ и проѣзжихъ, помню я, мы съ Ковалевскимъ прогуливались цѣлые часы по Булонскому лѣсу, привлекая общее вниманіе громкими разговорами и маханьемъ рукъ по поводу добродѣтелей и недостатковъ женской половины двухъ великихъ націй. Наконецъ, когда наши аргументы истощились, а мы съ мѣста въ убѣжденіяхъ не сдвину-

лись и каждый стоялъ на защитѣ своихъ дамъ, то почти одновременно намъ пришла мысль обратиться къ посредничеству какъ третейскаго суда, Ивана Сергѣевича Тургенева. Сказано—сдѣлано и мы чуть не стремглавъ пѣшкомъ въ чудное, помню я, солнечное зимнее утро побѣжали, привлекая общее вниманіе своими крупными фигурами и смѣхомъ, въ квартиру Тургенева. При этомъ было заключено пари на двѣ бутылки шампанскаго.

Необходимо сдѣлать однако одну оговорку: вышеозначенный споръ и рѣшеніе произошло уже въ концѣ нашего пребыванія въ Парижѣ; я же былъ у Тургенева тотчасъ же по прїѣздѣ въ Парижъ и былъ принятъ чрезвычайно радушно и сердечно. Иванъ Сергѣевичъ немедленно рѣшилъ, что я долженъ у него обѣдать съ Ковалевскимъ и все разспрашивалъ о нашихъ общихъ знакомыхъ, желая узнать, кого бы еще пригласить къ обѣду, чтобы мнѣ было прїятно. Какъ вдругъ на другой день Ковалевскій получилъ маленькую записочку отъ Ивана Сергѣевича, что онъ въ ночь заболѣлъ опять своей старой болѣзнью спины и ногъ, очень мучается и лежитъ вполтнующь въ постели, такъ что обѣдь приходится отмѣнить, а если можно, чтобы мы посѣтили его на одрѣ болѣзни, запросто на короткое время. Разумѣется, мы были у него немедленно и нашли въ постели очень удрученнымъ; это была та самая болѣзнь, которая свела его черезъ непродолжительное время въ могилу: онъ лежалъ въ постели, не двигая корпусомъ, и малѣйшая попытка помочь ему приподняться сопровождалась страшнѣйшими болями и стономъ, при чемъ М. М., несмотря на меньшую силу, производилъ эти манипуляціи—поправлять подушки и поднимать больного гораздо болѣе ловко, нежели я. Мы просидѣли первый разъ у больного всего лишь четверть часа, потомъ повторили наше посѣщеніе еще раза два, такъ что нашъ внезапный визитъ съ просьбой посредничества по вопросу о женщинахъ былъ счетомъ четвертымъ моимъ посѣщеніемъ Тургенева въ этотъ разъ въ Парижѣ. Иванъ Сергѣевичъ былъ уже нѣсколько бодрѣе и выглядывалъ веселѣе, но когда мы, спорщики, къ нему появились, онъ все еще былъ въ постели и только потомъ, при нашей совмѣстной помощи, приподнимался и сидѣлъ на постели, или въ креслѣ, обложенный подушками, выслушивая насъ и отвѣчая намъ.

По соглашенію съ М. М. я первый обратился къ Ивану Сергѣевичу съ маленькимъ вступленіемъ и объясненіемъ по поводу нашей специальной цѣли посѣщенія. Я сначала рассказалъ въ сжатомъ видѣ предметъ нашего разговора и въ концѣ привелъ аргументы въ пользу и противъ женщинъ каждой изъ двухъ націй. Затѣмъ, обращаясь къ Ивану Сергѣевичу, я сказалъ ему, что такъ

какъ мы съ моимъ другомъ находимся передъ лицомъ одного изъ лучшихъ знатоковъ женской души и авторомъ такихъ чудныхъ женскихъ типовъ, какъ Лиза въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“, Ася и многія другія, то я убѣжденъ, что найду въ немъ искреннюю поддержку относительно достоинствъ русской женщины, и что онъ подастъ непремѣнно голосъ за меня, а не за Ковалевскаго съ его французженками... Добавлю къ этому сообщенію ручательство за точность моей памяти въ этомъ случаѣ, такъ какъ мнѣ слово въ слово припоминается все то, что говорилъ по этому поводу Тургеневъ, тогда какъ М. М., котораго я недавно объ этомъ спрашивалъ, половину бесѣды съ Тургеневымъ, повидимому, забылъ.

Иванъ Сергѣевичъ, какъ я себѣ ясно представляю его фیزیономію, добродушно улыбаясь, нѣсколько минутъ какъ будто колебался отвѣтомъ, а затѣмъ своимъ тихимъ, ровнымъ голоскомъ сказалъ слѣдующее: „Конечно“, началъ онъ, „я нѣсколько знакомъ съ этимъ вопросомъ и постараюсь отвѣтить вамъ вполне безпристрастно. Нѣтъ сомнѣнія, что французженки настоящаго времени имѣютъ за собой значительные недостатки: изъ нихъ самый главный, это клерикализмъ—значительное вліяніе на нихъ поповъ, что отражается очень вредно. Но зато въ другихъ отношеніяхъ французженки обладаютъ большими достоинствами, отчасти, быть можетъ, привитыми культурой. Французженка, которая любитъ, вѣрна своему слову и на нее можно вполне полагаться“... „Съ другой стороны“, перешелъ онъ, „русскія женщины—кто же въ этомъ усумнится, несомнѣнно имѣютъ превосходныя качества: ни одна женщина въ мірѣ не можетъ быть способна на такое самопожертвованіе, на такую готовность отдать любимому человѣку все, что имѣеть и чуть ли не больше того“... „Но въ то же время я долженъ сознаться, что нельзя поручиться за самую лучшую русскую женщину, что она въ важную, серьезную минуту своей жизни неожиданно для всѣхъ вдругъ пер... (здѣсь Тургеневъ употребилъ одно неприличное сравненіе, желая, очевидно, имъ выразить нелѣпый, легкомысленный въ моральномъ отношеніи поступокъ). „Это очень печально“, сказалъ онъ, „но къ сожалѣнію правда. Въ то же время французженка, которая любитъ, никогда подобной неожиданностью не наградитъ, и на нее можно твердо рассчитывать“....

„Такъ изрекъ нашъ почтенный судья по поводу предмета нашего спора съ М. М., который, конечно, торжествовалъ, утверждая, что онъ именно такого рѣшенія и ожидалъ отъ Ивана Сергѣевича—этого наилучшаго, тѣмъ не менѣе, творца многихъ симпатичнѣйшихъ русскихъ типовъ женщины.

Насколько я понялъ Ивана Сергѣевича, его рѣшеніе относи-

тельно превосходства французской женщины вмѣстѣ съ признаніемъ многихъ достоинствъ русской вызывалось, главнымъ образомъ, если не исключительно, признаніемъ нашей общей малокультурности. „Общая культура страны“, говорилъ Тургеневъ, „отражается непремѣнно въ столь важныхъ вопросахъ, какъ легкомысленные поступки женщинъ (которые, очевидно, имѣлъ въ виду Тургеневъ, какъ въ самыхъ мелочахъ жизни). На нихъ можно видѣть разницу общественнаго просвѣщенія народовъ и взаимнаго уваженія людей и ихъ правъ. Тутъ я припоминаю длинный рядъ всевозможныхъ примѣровъ и иллюстрацій по данному поводу, приведенныхъ почтеннымъ Иваномъ Сергѣевичемъ; къ моему прискорбію я долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что описанные имъ образцы поведения являются истинными выразителями нашей некультурности. Ограничусь двумя его примѣрами. „Вы говорите, обращаясь къ своему посѣтителю и пріятелю, положимъ, въ моментъ его ухода отъ васъ: вотъ у меня приготовлено письмо, которое необходимо поскорѣе отправить; будьте добры, возьмите его и отпустите въ почтовый ящикъ“... „Замѣчайте“, говоритъ онъ, „какъ въ этомъ случаѣ поступитъ вашъ посѣтитель. Если онъ русскій, то онъ въ большинствѣ случаевъ посмотритъ, кому письмо адресовано, что написано на конвертѣ и затѣмъ спрячетъ письмо съ обѣщаніемъ его опустить въ ящикъ“... „Если вашъ посѣтитель французъ“, добавилъ Иванъ Сергѣевичъ, „то можно положительно сказать, что онъ спрячетъ письмо въ карманъ, не взглянувши, кому оно адресовано...“ Другой примѣръ: „Вы встрѣтили на улицѣ пріятеля съ кѣмъ-то вамъ незнакомымъ. Если вы русскій, то очень часто, хотя бы шепотомъ, спросите, съ кѣмъ онъ идетъ, или шель; что же касается француза, то подобное дѣйствіе онъ сочтетъ за неприличіе и никогда его не сдѣлаетъ“.

Въ обоихъ случаяхъ людьми культурными уважается право на интимность извѣстныхъ дѣйствій, тогда какъ малокультурный человѣкъ совсѣмъ этого не понимаетъ и безцеремонно залѣзаетъ иногда своими лапами въ чужую область, которой касаться ему не подобаетъ.

Мое знакомство съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ началось въ 1882 году во время статистической переписи г. Москвы. Какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ захотѣлъ въ ней принять участіе, при чемъ былъ допущенъ въ качествѣ, такъ сказать, добровольца и посѣщалъ преимущественно пріюты городской нищеты, такъ называемые „ночлежные дома“ и „кочевныя квартиры“, которымъ онъ и посвятилъ нѣсколько своихъ превосходныхъ очерковъ.

Кромѣ лично самого Льва Николаевича былъ еще участникъ

переписи изъ его семейства, а именно его старшій сынъ Сергѣй Львовичъ, въ то время студентъ-естественникъ Московскаго университета; какъ всѣ лица изъ молодежи, допущенныя до участія въ переписи, Сергѣй Львовичъ былъ записанъ въ такъ называемыя „счетчики“—низшій рангъ участниковъ въ цензѣ и совершенно случайно онъ былъ занесенъ въ списокъ Стрѣтенской части Москвы, гдѣ сосредоточены всевозможныя вертепы порока и подонки населенія. Это послѣднее обстоятельство и послужило поводомъ къ нашему знакомству. Левъ Николаевичъ нашелъ неудобнымъ такую дѣятельность своего сына, въ его юномъ возрастѣ, въ части города, гдѣ онъ могъ видѣть лишь представителей порока и преступленія, поэтому онъ обратился къ кому-то изъ главныхъ распорядителей переписи (вѣроятно къ А. И. Чупрову), съ просьбой перевести своего сына для статистическихъ работъ въ другую, болѣе приличную часть города. Такъ какъ въ это время распредѣленіе „счетчиковъ“ уже закончилось, то принятіе новаго вполнѣ зависѣло отъ воли „участковаго“, и Льву Николаевичу указали тотчасъ же на меня, завѣдующаго Пречистенской частью, гдѣ проживалъ и самъ Левъ Николаевичъ, при томъ же недалеко отъ моей квартиры (оба жили тогда въ Денежномъ переулкѣ). Я, разумѣется, съ удовольствіемъ согласился принять такого счетчика и заявилъ ему тотчасъ же, встрѣтившись случайно въ магазинѣ книгопродавца Васильева на Страстномъ бульварѣ; Левъ Николаевичъ нашелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ визитъ, и наше знакомство началось.

Мои посѣщенія Льва Николаевича относятся преимущественно къ нѣсколько болѣе позднему времени, когда онъ уже приобрѣлъ собственный домъ въ Хамовникахъ и туда переѣхалъ изъ Денежнаго переулка; до переселенія моего на постоянное житіе въ Петербургъ въ 1898 году, мы видались съ нимъ, примѣрно, разъ десять каждую зиму, при чемъ Левъ Николаевичъ заходилъ ко мнѣ за англійскими и американскими книгами, и по этому поводу возникали у насъ довольно длинные разговоры, если не споры. Жена моя вскорѣ также познакомилась съ графиней Софіей Андреевной и съ удовольствіемъ ее изрѣдка посѣщала. Ближайшимъ поводомъ къ нашимъ бесѣдамъ были преимущественно книги и книги, которыя всѣ мы одинаково любили и обмѣнивались новостями англо-американской литературы.

Помимо взаимныхъ посѣщеній мы встрѣчались съ Львомъ Николаевичемъ на улицѣ, и наши встрѣчи превращались иногда, такъ какъ мы оба были хорошими ходоками, въ длинныя безконечныя прогулки и проводы другъ друга по московскимъ бульварамъ и улицамъ, при чемъ Левъ Николаевичъ говорилъ и говорилъ, а же

больше слушалъ и поучался, прерывая его изрѣдка своими пытливыми разспросами...

Тихіе и спокойные Смоленскій и Зубовскій бульвары и Дѣвичье Поле нерѣдко превращались, такимъ образомъ, въ своего рода „Древне-греческія Академіи“. Я живо помню, на примѣръ, въ одну изъ прогулокъ, его объясненіе о финалѣ „Анны Карениной“. Онъ разсказалъ о дѣйствительномъ случаѣ, какъ одна барыня на его глазахъ бросилась подъ поѣздъ желѣзной дороги. Я припоминаю, во время прогулокъ на Дѣвичьемъ Полѣ, его интересныя разсужденія о важности полной свободы мысли и изслѣдованій и т. под. „Никогда не бойтесь практическихъ возраженій“, говорилъ онъ, „и особенно господствующихъ кружковъ противъ вашихъ логическихъ построеній, если исходная посылка вѣрна, и выводили правильно, иначе“, добавлялъ Левъ Николаевичъ, „вы никогда не скажете и не создадите ничего оригинальнаго“.

Нашему дальнѣйшему сближенію способствовало, какъ извѣстно, не мало одно случайное событіе, а именно мой рефератъ въ „Обществѣ Естествознанія“ объ островахъ Фиджи, гдѣ я сообщалъ нѣкоторыя данныя о вредномъ вліяніи денежныхъ сборовъ съ первобытныхъ жителей этихъ острововъ на ихъ благосостояніи. Какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ воспользовался данными моего реферата, какъ примѣромъ или иллюстраціей о зловредности денегъ вообще въ своемъ остроумномъ очеркѣ о деньгахъ, гдѣ ссылается на мой рефератъ и дѣлаетъ изъ него выдержки.

Далѣе, Левъ Николаевичъ сдѣлалъ у себя на квартирѣ маленькое засѣданіе изъ нѣсколькихъ лицъ, на которомъ и я присутствовалъ для обсужденія этого вопроса. Левъ Николаевичъ старался доказать, что деньги составляютъ существенное зло для человѣка, и ихъ надо уничтожить, но, какъ у насъ водится, большинство осталось при своихъ старыхъ мнѣніяхъ и всѣ присутствующіе, насколько мнѣ помнится, утверждали, что такое уничтоженіе денегъ, какъ знаковъ обращенія, не измѣнить ничего къ лучшему въ гражданскомъ оборотѣ и только затруднить его и поведетъ за собой большія неудобства безъ всякой пользы дѣлу и прогрессу человѣчества ¹⁾.

Уже указанные примѣры достаточно даютъ понять, насколько мнѣнія Льва Николаевича отличаются, сравнительно съ мнѣніями Ивана Сергѣевича Тургенева своей оригинальностью и въ то же время рѣзкостью выраженій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ихъ

¹⁾ См. подробности въ книгѣ „О Толстомъ“. Международн. Толстовскій Альманахъ. Составилъ П. Сергѣенко. 1909. „Мое знакомство съ Толстымъ“. Академикъ И. И. Янжуль. Стран. 409 и пр.

даже сравнивать невозможно. Все, что ни высказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, хотя бы это было совершенно противно вашимъ убѣжденіямъ, какъ, напримѣръ, о сообщенномъ выше фактѣ его мнѣнія о русской женщинѣ съ моимъ, все это говорилось въ такой елейной формѣ, такъ мягко и кротко, что и не приходило въ голову Тургеневу настойчиво возражать и тѣмъ болѣе на него гнѣваться...

Насколько припоминаю, всѣ „вечера съ Тургеневымъ“, которые я проводилъ, т. е. въ присутствіи его, въ большомъ обществѣ, отношенія публики, окружавшей великаго писателя, всегда напоминали отношенія учениковъ къ своему уважаемому учителю; всѣ молча, или почти молча прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ къ тому, что говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, вставляя лишь отдѣльныя реплики. Это настроеніе удерживалось въ теченіе всего, напримѣръ, обѣда или вечера, которые приходилось съ нимъ проводить, но едва Иванъ Сергѣевичъ удалится, какъ бы „учитель ушелъ“, немедленно поднимался общій говоръ, споръ, совершенно, какъ у дѣтей въ классную перемѣну. Таково было впечатлѣніе мое и вполне согласное съ нимъ моей жены.

Совершенно иначе обстоитъ, по моимъ наблюденіямъ, дѣло при встрѣчахъ въ многолюдномъ обществѣ, напримѣръ, на вечерахъ съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Несмотря на всю его рѣзкость (которой я дальше приведу еще примѣры) и на высокую степень уваженія къ нему; онъ почему-то, противно съ Тургеневымъ, совсѣмъ не импонируетъ, такъ сказать, не подавляетъ своимъ авторитетомъ—всѣ держатъ себя какъ обыкновенно, какъ будто Толстой и не присутствуетъ, между тѣмъ его мнѣнія именно и поражаютъ своей замѣчательной оригинальностью и поддаются объясненію, лишь послѣ долгаго размышленія и продолжительнаго знакомства съ его взглядами.

Приведу одинъ весьма наглядный примѣръ для подтвержденія своей мысли: мнѣ, однажды, пришлось посѣтить великаго писателя въ его гнѣздѣ, въ Ясной Полянѣ, и гуляя въ прекрасные зимніе дни по широкимъ полямъ и перелѣскамъ, мы проводили цѣлые дни въ нескончаемыхъ разговорахъ, наша бесѣда коснулась моихъ, недавно напечатанныхъ тогда статей въ „Вѣстникѣ Европы“ о новомъ гуманитарномъ движеніи въ Англіи—„въ народъ“ и „для народа“: какъ молодежь изъ богатыхъ классовъ, не исключая самыхъ аристократическихъ фамилій, покидая домашній комфортъ и всѣ привычныя удобства жизни, поселялась въ Восточномъ Лондонѣ, посреди подонковъ общества, съ единой благородной цѣлью—служить народу, учить народъ и даже развлекать народъ... Для выполненія этой высокой задачи англійская образованная молодежь жерт-

вовала всѣмъ, чѣмъ люди обыкновенно такъ дорожатъ:—матеріальными средствами, своими дѣловыми успѣхами, временемъ и даже безъ всякаго расчета на благодарность...

Разговоръ мой на эту тему велся, собственно, съ кѣмъ-то изъ старшихъ сыновей хозяина, тутъ присутствовавшихъ, — Сергѣемъ или Львомъ Львовичами; самъ Левъ Николаевичъ сначала только терпѣливо слушалъ наши реплики и молчалъ, какъ вдругъ внезапно, къ моему великому смущенію, разразился такой рѣчью по адресу моихъ англійскихъ героевъ...

„Знаете ли, что я вамъ скажу; конечно, молодежь очень хорошо дѣлаетъ въ англійскихъ университетахъ, что вмѣсто пьянства, или чего-либо иного дурного устраиваетъ для народа разные удовольствія, или обучаетъ рабочихъ съ ихъ ребятами. Но я, извините меня, не могу на это смотрѣть какъ на серьезное дѣло, и мнѣ лишь припоминаются наши гусары добраго стараго времени: вотъ какой-нибудь изъ нихъ, бывало, кутить безъ конца, а затѣмъ, напившись, лѣзетъ въ первую зеркальную или посудную лавку, вынетъ палашъ и давай рубить и сокрушать направо и налево... Въ заключеніе вытаскиваетъ кошелекъ и платитъ испуганному торговцу тысячи за побитое... „Ай, да молодцы, моему нраву не прешаствуй!“ „Чѣмъ въ сущности англійскіе джентльмены будутъ лучше этихъ гусаръ? Вѣдь подкладка въ сущности одна и та же—игра тщеславія, лишь проявляемая въ разныхъ формахъ, у насъ пожалуй болѣе дико... И только“.

У меня на лицѣ, вѣроятно, ясно было написано великое огорченіе такимъ смѣлымъ сопоставленіемъ уважаемыхъ мною молодыхъ англичанъ съ дикими русскими кутилами, точно также Сергѣй Львовичъ запротестовалъ противъ этого сравненія, и Левъ Николаевичъ немедленно поспѣшилъ, если и не взять слова назадъ, то по крайней мѣрѣ старался всячески ихъ смыслъ смягчить, а меня утѣшить, но это, разумѣется, выходило уже неловко, и мы почти молча поспѣшили вернуться домой.

Безполезно говорить, что Иванъ Сергѣевичъ не въ состояніи былъ бы высказать такое рѣзкое сужденіе о моихъ герояхъ Восточнаго Лондона, если бы мнѣ пришлось коснуться ихъ въ разговорѣ съ нимъ, причина вполне понятная: міровоззрѣніе Ивана Сергѣевича Тургенева не отличалось и не отходило отъ господствующаго міровоззрѣнія лучшихъ людей буржуазной Европы, среди которыхъ онъ жилъ, воспринимая тѣ же мнѣнія и убѣжденія всей своей впечатлительно-восприимчивой натурой; совсѣмъ иначе было и есть съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, отчасти подъ воздѣйствіемъ и влияніемъ Шопенгауера, отчасти его собственныхъ самостоятельно

выработанныхъ убѣжденій. Толстой всегда высказывался за широкое переустройство быта цѣлой вселенной, а такое должно было послѣдовательно поглотить и уничтожить усилія и жертвы отдѣльныхъ лицъ, обществъ и государства... Кромѣ того къ существованію и дѣятельности государства онъ вообще относился отрицательно. Поэтому, разумѣется, несогласія или контроверзы во мнѣніяхъ должны были казаться великому писателю ничтожными и поверхностными сравнительно съ будущимъ въ выполненіи всѣхъ его плановъ и мечтаній.

Въ 1893 году, когда счастливая судьба, въ лицѣ С. Ю. Витте, дала мнѣ возможность посѣтить Америку для исполненія разныхъ научныхъ, экономическихъ и финансовыхъ порученій министерства, никто изъ моихъ знакомыхъ, кажется, такъ не обрадовался, вслѣдъ за мной этой доброй случайности, какъ именно Левъ Николаевичъ: Америка была всегда страной, гдѣ его имя гремѣло больше всѣхъ, а его сочиненія и ученія находили большое число учениковъ и послѣдователей. Постоянный обмѣнъ мыслей, книгъ и журналовъ и сочиненій доставляли, вмѣстѣ съ указанными причинами, Льву Николаевичу, такъ называемыхъ „знакомыхъ незнакомецъ“ или заочныхъ знакомыхъ, поэтому, когда зимой, въ 1892—93 году былъ уже окончательно рѣшенъ вопросъ о моей командировкѣ въ Америку, въ Чикаго на Колумбійскую выставку, Левъ Николаевичъ великодушно предложилъ меня снабдить въ разные мѣста Америки своими рекомендаціями и указаніями къ тому за чѣмъ обратиться; зная хорошо уже, по примѣру, нѣсколько сходной страны Англіи, какую великую роль играетъ рекомендація такого человѣка, какъ Толстой, я, разумѣется, отвѣчалъ изъявленіемъ моей глубочайшей благодарности, заранѣе радуясь успѣху порученнаго мнѣ министерствомъ дѣла. Я надѣялся и не безъ основанія найти въ письмахъ и карточкахъ Льва Николаевича въ Америкѣ тотъ волшебный „Сезамъ, Сезамъ, отворись!“, который откроетъ мнѣ всѣ нужныя двери, для интересовъ дѣла въ Америкѣ!..

Въ свою очередь, я, разумѣется, предложилъ Льву Николаевичу и всему его почтенному семейству свои услуги, какія только въ состояніи выполнить, и они найдутъ нужными. Высокоуважаемая Софія Андреевна съ Татьяной Львовной поймали меня на словѣ и заявили желаніе воспользоваться ими,—доставить въ Америку и передать въ цѣлости два набора простородныхъ женскихъ костюма Тульской губерніи, праздничный и будничныи. Сюда входили, такъ называемыя паневы, кацавейки, огромные платки и прочія части женскаго костюма. Я съ радостью обѣщалъ все это доставить, когда приѣду въ Нью-Йоркъ г-жѣ Варварѣ Гѣпгудъ. Но по правдѣ, пришелъ въ чистый ужасъ, когда получалъ огромный узелъ разныхъ бабьихъ

тряпокъ и потребовалось очистить значительную часть нашего чемодана отъ собственныхъ вещей, чтобы уложить на днѣ эту рухлядь, перемѣшивая, по возможности, съ принадлежностями нашихъ костюмовъ, чтобы менѣе дразнить вниманіе таможенныхъ.

Левъ Николаевичъ пожелалъ отъ меня имѣть другую болѣе легкую услугу, чтобы я свезъ въ Америку и передалъ той же Гэпгудъ, извѣстной переводчицѣ съ русскаго на англійскій языкъ, его новое сочиненіе; разумѣется, я обѣщалъ исполнить его просьбу, но зная хорошо, что воззрѣнія Льва Николаевича часто расходятся съ существующими у насъ цензурными, я рѣшилъ заранѣе просить передать мнѣ это сочиненіе закрытымъ пакетомъ для передачи Гэпгудъ, чтобы я могъ съ чистой совѣстью не знать, какое сочиненіе было привезено мною отъ Толстого въ Америку.

Въ свою очередь я получилъ полезныя мнѣ отъ Льва Николаевича 20 писемъ и карточекъ во всевозможныя мѣста въ Америкѣ, такъ что, несомнѣнно, если бы мнѣ командировка была дана не на нѣсколько мѣсяцевъ, а на много лѣтъ, я бы могъ ее съ успѣхомъ вести! Значительной частью этихъ рекомендацій я даже не успѣлъ воспользоваться и привезъ ихъ назадъ.

Мой отъѣздъ изъ Москвы въ началѣ апрѣля 1893 г. прямо въ Америку, черезъ Берлинъ и Гамбургъ, какъ я предполагалъ первоначально, совершился съ особенной неожиданной торжественностью. Всѣ панёвы и платки были давно уложены въ нашемъ сундучкѣ, но о рукописи было мнѣ сообщено, что ее пришлютъ прямо на Брестскій вокзалъ; къ моему великому удивленію и удовольствію, первое лицо, которое я увидѣлъ, было—рано туда пріѣхавшій самъ Левъ Николаевичъ, пожелавшій лично проститься, вслѣдъ за нимъ явился одинъ изъ близкихъ знакомыхъ или учениковъ, котораго я изрѣдка встрѣчалъ у Толстого въ кабинетѣ, но фамилію не зналъ. Онъ держалъ большой толстый свертокъ какихъ-то бумагъ въ синей обложкѣ; оказалось, это и былъ столь желанный и стоившій столькихъ хлопотъ манускриптъ графа. Я хотѣлъ взять у него этотъ свертокъ, унести въ свой вагонъ къ вещамъ, но тотъ протестовалъ, желая передать мнѣ рукопись не иначе, какъ въ самомъ вагонѣ, такъ и было сдѣлано. Билеты были мною взяты заранѣе, спальное купе перваго класса, и я потребовалъ отъ кондуктора показать мнѣ его, и тамъ уже я раскрылъ свой ручной чемоданчикъ или сакъ, отперъ его и освободилъ цѣлую половину для рукописи, которую туда и положилъ торжественно довѣренный Толстого, а я тщательно обложилъ всю рукопись, чтобы она менѣе привлекала вниманіе таможенныхъ, запасомъ своего бѣлья и увѣрилъ его, что до Америки эту половину чемодана открывать не буду.

Левъ Николаевичъ ждалъ насъ на вокзалѣ и вмѣстѣ со мной вернулся въ вагонъ проститься съ моей женой, тамъ мы обмѣнялись взаимными пожеланіями всего лучшаго, я поблагодарилъ его еще разъ за рекомендательныя письма и обѣщался немедленно написать изъ Нью-Йорка, какъ только выполню порученіе графа и его почтенной супруги.

Путь нашъ до Берлина совершили вполне благополучно, тамъ я взялъ билеты на пароходъ „Нормандія“, принадлежащій германскому гамбургскому обществу, соединяющему Гамбургъ съ Нью-Йоркомъ. До отхода парохода оставалась еще цѣлая недѣля, на которую падала въ томъ году Святая недѣля. Желая провести ее, по возможности, пріятнѣй, посреди знакомой обстановки, мы рѣшили съ женой немедленно, въ тотъ же день, переѣхать въ знакомый и близкій нашему сердцу Дрезденъ, гдѣ и встрѣтить праздникъ среди нашихъ соотечественниковъ. Такъ мы и сдѣлали.

Черезъ недѣлю, проведя дѣйствительно пріятно время въ полуродномъ для насъ Дрезденѣ, гдѣ еще было порядочно знакомыхъ людей, начиная съ почтеннаго священника Іакова Григорьевича Смирнова, мы перенеслись быстро съ экспрессомъ въ Гамбургъ и представьте наше огорченіе!? Едва мы явились въ контору германскаго гамбургскаго пароходства, намъ объявили, что судно „Нормандія“ требуетъ починки и можетъ выйти лишь черезъ недѣлю, а ближайшее судно и гораздо болѣе тихоходное пойдетъ лишь черезъ три дня! Что намъ дѣлать и что предпринять? Послѣ короткихъ размышленій и справокъ въ путеводителяхъ, оказалось, что черезъ два дня вечеромъ идетъ изъ Ливерпуля въ Нью-Йоркъ одинъ изъ лучшихъ пароходовъ общества „Cunard Line“, „Etruria“, могущій вмѣстить болѣе 1.500 пассажировъ. Мы немедленно телеграфировали въ лондонское бюро общества—оставить два мѣста и съ экспрессомъ выѣхали изъ Гамбурга въ Англію. Поспѣли въ-время къ отходу парохода и 22 апрѣля новаго стиля благополучно прибыли въ Нью-Йоркъ, при чемъ строгіе, чуть не жестокіе, таможенные чиновники Соединенныхъ Штатовъ Заатлантической республики отнеслись милостиво къ тульскимъ панѣвамъ, кацавейкамъ и платкамъ, принимая ихъ, вѣроятно, за нормальный костюмъ моей жены и вмѣстѣ съ манускриптомъ Льва Николаевича выпустили насъ на свободу на темныя, грязныя улицы Нью-Йорка.

Одинъ изъ первыхъ моихъ визитовъ въ Нью-Йоркъ, раньше, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь осмотрѣть или кого-нибудь видѣть, былъ къ г-жѣ Гейгудъ. Хотя я и засталъ ее дома, но она не могла меня принять, вѣроятно, была недѣта; поэтому я оставилъ ей письмо Софіи Андреевны и обременяющіе мои руки узлы съ паневами и

платками и съ объясненіемъ прислугѣ, что мнѣ необходимо видѣть г-жу Гэпгудъ по извѣстному ей дѣлу. Дня черезъ два Гэпгудъ появилась у насъ въ квартирѣ (кстати, я остановился въ Нью-Йоркѣ, по рекомендаціи моихъ русскихъ друзей, довольно центрально, въ пансіонѣ, содержимомъ г. Бѣляковымъ, нѣкогда предводителемъ дворянства Симбирской губерніи, сдѣлавшимся въ Америкѣ хорошимъ поваромъ).

Г-жа Гэпгудъ, женщина, какъ мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ, необыкновенно большого роста — настоящей гренадеръ, говоритъ громкимъ, почти мужскимъ голосомъ и производитъ вообще сильное впечатлѣніе, какъ дама съ вѣсомъ и значеніемъ. Она очень благодарила насъ съ женой за трудъ доставить ей „эти прекрасные русскіе костюмы“, какъ выразилась вѣжливо она про тульскія паневы. Кстати, говорила она все время на ломанномъ русскомъ языкѣ и отклоняла попытки моей жены, владѣющей совершенно свободно англійскимъ языкомъ, говорить по-англійски. По благородному американскому обычаю, какъ и всѣ другія рекомендованныя намъ лица, г-жа Гэпгудъ задала немедленно вопросъ, чѣмъ она можетъ быть намъ полезна? Я попросилъ ее, въ виду того, что имѣлъ уже много рекомендацій и безъ того, дать письмо, кажется, къ начальнику порта Нью-Йорка, чтобы собрать свѣдѣнія для Министерства Финансовъ о портовыхъ сборахъ; относительно же жены г-жа Гэпгудъ не ограничилась словомъ, но перешла прямо къ дѣлу. Узнавши, что она интересуется школами и благотворительными учрежденіями, взяла ее съ собой и немедленно повезла по разнымъ школамъ, пріютамъ и прочее; вездѣ ей не только показывали посѣщаемыя учрежденія, но Гэпгудъ, такъ сказать, авансомъ брала любезность и для будущаго, предупреждая, что г-жа Янжулъ появится еще не разъ и чтобы были готовы оказать ей всякое содѣйствіе къ ознакомленію съ учрежденіями. Эта любезность стѣсняла мою жену, такъ какъ, и въ данномъ случаѣ и въ будущихъ, насъ выдвигали какъ друзей Толстого, что немедленно обнаруживалось на любезности въ пріемѣ.

Вообще мнѣ не разъ приходило въ голову извѣстное библейское выраженіе: „Нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ“. Я воочію убѣдился, какъ высоко стоитъ имя Льва Николаевича и уваженіе къ нему въ Америкѣ, сравнительно съ Россіей и даже съ Европой. Иногда, являясь или обращаясь къ лицу безъ всякой рекомендаціи въ Америкѣ, достаточно было сказать, что мы знакомые Льва Николаевича и имѣемъ отъ него разныя рекомендаціи, чтобы немедленно заинтересовать собой и получить желаемыя свѣдѣнія, или помощь. Газетные интервьюеры не давали намъ скоро покоя, пронюхавши о

насъ и являясь къ намъ на квартиру за разспросами о Толстомъ и его семействѣ. Всѣ эти разговоры, часто совсѣмъ не интересные, съ страшными искаженіями нашей фамиліи и сообщаемыхъ фактовъ, хотя видимо безъ всякаго злого умысла, появлялись потомъ въ газетахъ. Одна молоденькая газетная интервьюерша, которую, во время продолжительнаго у насъ сидѣнія, я вздумалъ угостить шоколадными конфетами, полученными нами отъ знакомыхъ въ Лондонѣ, нашла нужнымъ упомянуть въ газетѣ, какія прекрасныя конфеты приготовляются въ Россіи!

Спустя нѣсколько дней, фигура огромной г-жи Гэпгудъ опять появилась на порогѣ нашего скромнаго жилища. Мы, разумется, ее привѣтствовали очень любезно, но на этотъ разъ, къ нашему удивленію, нашли ее въ самомъ дурномъ настроеніи духа. Съ большимъ раздраженіемъ, можно сказать съ гнѣвомъ, она бросила мнѣ на столъ огромный свертокъ рукописи, ей врученной ранѣе, и быстро заговорила: „Я удивляюсь, какъ мнѣ подобная рукопись могла быть прислана для перевода! Я хорошая христіанка и не могу сочувствовать распространенію этого анархическаго сочиненія: знаете ли вы, профессоръ, что въ немъ заключается? Читали ли вы его?“ Я ей заявилъ, что не читалъ и даже не развертывалъ. „Ну, вотъ это и видно, иначе вы не рѣшились бы мнѣ передать такую рукопись, которая никѣмъ, уважающимъ себя, не можетъ быть одобрена. Она не должна быть переведена и не можетъ распространяться въ Америкѣ!“ кричала она рѣзкимъ, сердитымъ тономъ.

Когда Гэпгудъ, наконецъ, немного успокоилась, остановилась и дала себѣ передышку, я ее увѣрилъ опять, что манускриптъ мною не только не читанъ, но что я умышленно передалъ ей завернутымъ пакетъ съ рукописью, не развертывая его, и зналъ только, что рукопись Льва Николаевича, не имѣя понятія о ея содержаніи, а потому и не могу входить въ критику произведенія Льва Николаевича. Теперь для меня является вопросъ, что мнѣ дѣлать съ рукописью, не отсылать же ее обратно въ Россію?! По словесному наставленію Льва Николаевича, я имѣю право передать ее для изданія желающему и компетентному лицу, если таковое найдется, у меня есть между прочимъ одно письмо къ г-жѣ Делано въ Бостонѣ (русской по происхожденію), которая издавала кое-что и переводила съ русскаго на англійскій. Г-жа Гэпгудъ не отвѣтила мнѣ ни да, ни нѣтъ и, послѣ моего заявленія, скоро простилась съ нами и ушла, и больше мы ее не видали. На прощаньи я просилъ ее безъ нужды не распространяться о порученіи Льва Николаевича о моемъ посредничествѣ, что, впрочемъ, впоследствии, какъ оказалось, Гэпгудъ рѣзко нарушила, разболтавъ

всю эту исторію, подѣ влияніемъ, вѣроятно, обиженнаго самолюбія, въ американской газетѣ, когда появился чужой для нея переводъ новой книги Толстого.

Немедленно послѣ сего инцидента я написалъ г-жѣ Делано письмо въ Бостонъ съ объясненіемъ всего дѣла и предложилъ, если она пожелаетъ, получить изъ рукъ въ руки или черезъ вѣрнаго человѣка рукопись. Очень скоро я получилъ отъ нея утвердительный отвѣтъ, что она съ удовольствіемъ согласна принять условія (помнится, очень немногія—ничего не выбрасывать и не искажать въ переводѣ). Въ серединѣ мая 1893 года ко мнѣ явился, по рекомендаціи отъ г-жи Делано, Theodore M. Osborne of the Civil Superior Court of Boston. Этому г-ну Теодоръ Осборнъ, судѣ изъ гражданскаго высшаго суда въ Бостонѣ, я и передалъ подѣ росписку манускриптъ Толстого и на обратной сторонѣ той же росписки находилась русская надпись слѣдующаго содержанія: „Рукопись Льва Николаевича Толстого получила, условія его выслушала и на нихъ согласна Александра Делано“.

Разсчитывая на великодушіе Льва Николаевича, я приношу повинную, что и до настоящаго дня я еще не удосужился прочесть „Царство Божіе внутри насъ“, которое отвезъ въ Америку, хотя, разумѣется, читалъ очень много отзыовъ и даже не менѣе гнѣвныхъ, чѣмъ выходка разсерженной Гэнгудъ. Какъ бы то ни было, порученіе такимъ образомъ было мной исполнено, и я благополучно сдалъ его съ рукъ.

Разскажу еще одно любопытное приключеніе изъ моихъ воспоминаній и сношеній съ высокоуважаемымъ писателемъ. Однажды въ зимнее утро, гуляя по Смоленскому бульвару, я встрѣтилъ Льва Николаевича, какъ это было много разъ, и мы пошли вмѣстѣ усердно маршировать по обширнымъ пространствамъ города Москвы. „Вы, кажется, получаете журналъ: „Century?“—„Точно такъ“. „Есть ли у Васъ, и прочли ли Вы статью извѣстнаго Кеннана о поѣздкѣ ко мнѣ въ Ясную Поляну?“ Опять утвердительный отвѣтъ. „Въ такомъ случаѣ, не одолжите ли Вы мнѣ ее прочитать, я обращался ко многимъ знакомымъ, но эта книжка, большею частью, или конфискована, или статья вырѣзана“.—„Съ великимъ удовольствіемъ“, отвѣтилъ я, „мы находимся теперь недалеко отъ моей квартиры, если угодно зайти ко мнѣ на минутку, то я немедленно желаемую книжку передамъ“. Такъ и произошло, и я тотчасъ вручилъ ее Льву Николаевичу; это происходило, сколько помнится, въ серединѣ 80-хъ годовъ, т. е. задолго до моей поѣздки на Чикагскую выставку, которая, какъ извѣстно, произошла въ 1893 году.

Содержаніе статьи Кеннана, столь заинтересовавшее Льва Нико-

лаевича, было въ дѣйствительности чрезвычайно любопытно и даже не для одного Льва Николаевича. Кеннанъ, посѣщая Сибирскія тюрьмы и каторги, потомъ имъ описанныя въ его извѣстной книгѣ, получилъ отъ многихъ политическо-ссылныхъ горячую и настойчивую просьбу передать, на обратномъ проѣздѣ въ Америку, посѣтивши специально для этого Ясную Поляну, Льву Николаевичу Толстому о тѣхъ якобы страданіяхъ и лишеніяхъ, которыя они выносятъ отъ произвола администраціи. Жестокіе приставники и строгость всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ съ ссылными, разжалобили Кеннана, и онъ согласился съ ними, что дѣйствительно Левъ Николаевичъ Толстой есть единственный человекъ въ Россіи, который можетъ безопасно для себя вступиться за ссылныхъ передъ высшимъ правительствомъ и просить для нихъ всякой милости.

Въ этомъ собственно и заключалась цѣль поѣздки; статья, вообще, написана весьма живо и интересно; суть заключается въ слѣдующемъ: когда Кеннанъ уже пріѣхалъ въ Ясную Поляну и обратился, по порученію политическо-ссылныхъ, съ ихъ просьбой къ Льву Николаевичу, то онъ долго во время его печальныхъ описаній молчалъ, а затѣмъ, когда Кеннанъ категорически сталъ спрашивать, окажетъ ли онъ имъ свою защиту, выскажетъ ли свое мощное слово въ ихъ пользу, то графъ Толстой отвѣчалъ отрицательно, что онъ-де ничего не можетъ для нихъ сдѣлать, ибо они сами силою зла боролись съ такой же другой силою и сами виноваты въ происходящемъ. „Кто подниметъ оружіе, тотъ отъ оружія и погибнетъ“. Они только несутъ послѣдствія своего поведенія. Единственный правильный способъ дѣйствовать, по его мнѣнію, какъ всѣмъ извѣстно, въ непротивленіи злу, а они борются съ такимъ же зломъ и неправильными средствами насилія, онъ этому сочувствовать не можетъ, а потому и защищать ихъ не въ состояніи.

Кеннанъ продолжалъ далѣе, что, слушая этотъ неутѣшительный для ссылныхъ отвѣтъ Льва Николаевича, онъ употребилъ всѣ старанія — склонить Толстого въ ихъ пользу; такъ онъ, на примѣръ, старался живо и наглядно описать ему столь обычное въ Россіи средство борьбы въ подобныхъ случаяхъ „Hunger Strike“ („голодная стачка“), какъ ее выносили и страдали ужасно, иногда даже женщины, чуть не дѣти... Левъ Николаевичъ морщился, его передергивало, и, видимо, страдалъ, но упорно стоялъ на своемъ. „Миѣ ихъ очень жалко по чувству, но я не могу ничего сдѣлать для людей, которые употребляютъ для защиты такое же насиліе“. „Единственный допустимый способъ борьбы“, твердилъ онъ, „это непротивленіе злу“. — „Но что же другое могутъ сдѣлать эти

несчастные, чтобы помочь своему горю и облегчить участь, когда нѣтъ никакихъ другихъ способовъ?”

„Такой способъ, какъ говорилъ я раньше—въ непротивленіи злу. Власть и сила государства состоитъ: 1) въ солдатахъ, 2) въ собираніи путемъ налоговъ денегъ. Итакъ, чтобы бороться, единственное допустимое средство, по мнѣнію Толстого, заключается въ девизѣ: „не служить въ солдатахъ и не платить налоговъ“. Этимъ будто бы способомъ они могутъ добиться своего, т. е. всякихъ уступокъ и свисхожденій отъ государства...

— „Я съ удивленіемъ выслушалъ предложеніе почтеннаго Льва Николаевича и скромно ему указалъ, что едва ли такой способъ можетъ привести къ благоприятному для политическо-ссылныхъ результату, ибо невозможно ждать, чтобы сразу всѣ отказались отъ рекрутчины, и сразу всѣ согласились не платить налоговъ уже по весьма многимъ причинамъ. Левъ Николаевичъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосъ повторилъ на это“, говоритъ Кеннанъ, „что другихъ способовъ вполне допустимыхъ и дѣйствительныхъ онъ не видитъ, что лишь этимъ способомъ можно и должно бороться съ насиліемъ, не усугубляя зла“; тогда, добавляетъ Кеннанъ, онъ оставилъ дальнѣйшія напрасныя старанія переубѣдить писателя и уѣхалъ изъ Ясной Поляны.

Черезъ недѣлю или двѣ мы съ женой посѣтили Льва Николаевича въ обычный пріемный день (кажется, суббота), и онъ мнѣ вручилъ обратно съ благодарностью книжку журнала „Century“ со статьей Кеннана. Я больше для вѣжливости, такъ какъ ожидалъ такого отвѣта, спросилъ: „Вѣрно ли Кеннанъ изобразилъ свое посѣщеніе въ вашу деревню, Левъ Николаевичъ?“ „Конечно, вѣрно“, отвѣчалъ онъ, „вѣдь Кеннанъ не какой-нибудь корреспондентъ русской газеты, который четверть часа проболтаетъ, а потомъ сообщитъ три короба разнаго вздора изъ головы. Кеннанъ истинный джентльменъ и человекъ своего слова“... „Въ такомъ случаѣ, не позволите ли мнѣ, многоуважаемый Левъ Николаевичъ, спросить у васъ принципиально нѣкоторыхъ объясненій по поводу высказаннаго Вами въ разговорѣ съ нимъ девиза: „не служить въ солдатахъ и не платить налоговъ“, не будетъ ли нѣсколько фантастически, я затруднился подобрать выраженіе болѣе приличное, „ожидать практическаго осуществленія отъ такого способа? Развѣ черезъ многія сотни лѣтъ, въ будущемъ, а тогда вѣдь и самый девизъ потеряетъ значеніе и смыслъ“.—„Я не знаю“, отвѣчалъ мнѣ Левъ Николаевичъ замѣтно недовольнымъ тономъ, „другого дозвожительнаго способа въ настоящемъ случаѣ, обратить вниманіе правительства на свое желаніе: только такой пассивный способъ не приноситъ зла и мо-

*

жесть быть допустимъ“. Я убѣдился отсюда, что спорить дальше бесполезно, и оставилъ этотъ вопросъ безъ движенія, никакъ не ожидая, что въ будущемъ появится когда-либо такой неразумный шагъ, какъ буквальное примѣненіе вышеуказаннаго девиза въ пресловутомъ Выборгскомъ воззваніи и еще страннѣе, что въ немъ будетъ участвовать много несомнѣнно выдающихся, по своимъ умственнымъ силамъ, членовъ русскаго образованнаго общества!!? Весь вопросъ сводится къ тому, какъ надо понимать настоящей оригинальный девизъ изъ философіи непротивленія злу и многихъ иныхъ положеній, выраженныхъ въ многочисленныхъ произведеніяхъ Толстого, не менѣе оригинальныхъ.

Многіе читатели Толстого наклонны нѣкоторыя положенія его міросозерцанія и нравственной философіи понимать и толковать прямо и непосредственно, какъ, на примѣръ, всецѣлое „непротивленіе злу“, какъ основной тезисъ всей философіи Льва Николаевича,

Между тѣмъ, изъ всѣхъ своихъ довольно многочисленныхъ бесѣдъ съ нимъ, болѣе нежели за 15 лѣтъ, и по многимъ однороднымъ вопросамъ, я пришелъ къ рѣшительному заключенію, что такая точка зрѣнія совершенно фальшива, и что всѣ подобныя положенія философіи Толстого надо понимать исключительно лишь условно, какъ тенденцію въ извѣстномъ направленіи и не болѣе, а вовсе не конечный выводъ... На примѣръ, непротивленіе злу не значитъ вовсе подставлять лѣвую щеку, когда ударили по правой, а означаетъ лишь тенденцію, т. е. стараніе всячески избѣгать съ людьми ссоръ и вражды и беречься безъ крайней необходимости прибѣгать къ насилію. Только принявши такое ограничительное толкованіе, мнѣ кажется, возможно устранить такъ часто встрѣчаемый упрекъ Толстому въ непослѣдовательности или невыдержанности многихъ его убѣжденій...

Я уже сообщалъ выше, что Левъ Николаевичъ, вообще, кажется мнѣ, несмотря на нѣкоторую, по временамъ, рѣзкость—проще, доступнѣе и болѣе вызываетъ къ себѣ довѣрія публики, чѣмъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, несмотря на всю утонченную деликатность послѣдняго. Въ 1894 году, именно, у меня случилась непріятность во время лекцій, которая дала проявиться удивительно деликатной добротѣ ко мнѣ Льва Николаевича. Кучка студентовъ 19 февраля старалась устроить демонстрацію, сорвать лекціи профессоровъ. Я рѣшительно не согласился на просьбы студенческихъ депутатовъ, назвалъ положительною нелѣпостью праздновать великое событіе 19 февраля ничегонедѣланіемъ и не согласился пропускать въ этотъ день свою лекцію ради демонстраціи ввиду правительственнаго распоряженія. Я предложилъ вмѣсто этого собрать по-

жертвованіе на основаніе народной читальни: въ это время какъ разъ Императорское Вольно-экономическое Общество предлагало для такой цѣли свое посредничество, и я самъ первый заявилъ желаніе пожертвовать сто рублей, но все было тщетно, и въ результатъ получился скандалъ на лекціи: небольшая часть слушателей шикала и свистала, другая аплодировала, пока свистуны не удалились. Студенты, конечно, понемногу образумились, и волненіе улеглось, но мой курсъ былъ прерванъ изъ-за этого на цѣлую недѣлю, и я въ первый разъ въ жизни былъ въ самомъ подавленномъ, угнетенномъ состояніи духа—безъ вины виноватый...

Большинство моихъ пріятелей и друзей относилось равнодушно къ случившейся со мной непріятности и несправедливости, и у многихъ я даже читалъ въ глазахъ неодобреніе моей настойчивости и корректности, и только два вліятельныхъ, среди молодежи, лица (покойный А. И. Чупровъ и Ф. Ф. Эрисманъ), по моей просьбѣ, говорили со студентами и старались всячески ихъ образумить.

И вотъ въ эти тяжелые для меня дни, когда я мысленно уже рѣшилъ покинуть возможно скорѣй свою „alma mater“ и скоро въ послѣдствіи это исполнилъ, уйдя въ Академію Наукъ, ко мнѣ внезапно явился Левъ Николаевичъ, чтобы выразить свое сочувствіе потерпѣвшему безъ вины, и онъ говорилъ обо всемъ этомъ смѣло, прямо и рѣзко безъ всякихъ обиняковъ. Изъ всѣхъ моихъ многочисленныхъ знакомыхъ онъ одинъ лишь, не связанный лживой рутинной, догадался это сдѣлать.

„Вы мнѣ, пожалуйста, не трудитесь рассказывать эту печальную исторію“, обратился онъ ко мнѣ, „я вѣдь знаю Васъ достаточно, чтобы вѣрить, что Вы были правы, да и было бы смѣшно на минутку допустить, что Вы менѣе, нежели студенты, цѣните день освобожденія крестьянъ...“

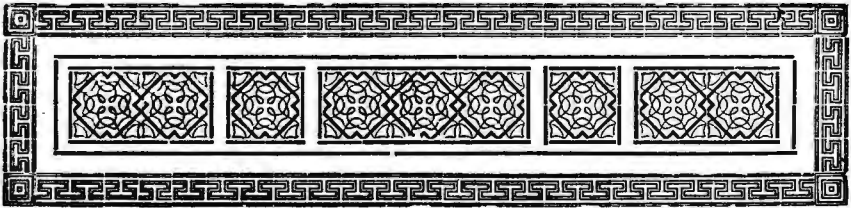
„Мы, общество, всячески избаловали, испортили молодежь и вселили въ нее духъ нестерпимаго самолюбія, на которое оно, конечно, никакого права не имѣетъ: вѣдь русская молодежь весьма не зрѣла и мало знаетъ... Мнѣ больше всего наша теперешняя молодежь“, сказалъ графъ Толстой, „напоминаетъ ту анекдотическую дѣвицу, которая будто бы привыкла твердить, какъ попугай: „Ахъ, я—невинна, я—невинна, я—невинна“ и т. д. и т. д. А молодежь наша, обращаясь къ русскому обществу, точно также твердить: „Ахъ, вѣдь я—молодежь, я—молодежь, и т. д.“ Но что же, спрашивается, изъ этого?! Развѣ одна молодость или невинность даютъ открытый листъ на всѣ права и достоинства! Конечно, нѣтъ и нѣтъ!“

Лишь въ годину несчастья узнается истинная доброта друзей, и откликъ добраго сердца къ непріятности, меня въ первый разъ постигшей, доказываетъ, что внѣшняя шероховатость и даже рѣзкость сужденія Л. Н. составляютъ лишь форму, а не содержаніе отношенія даннаго лица къ его ближнимъ, и подъ этой формой скрывается самое широкое добросердечіе и человѣколюбіе.

Иванъ Янжуль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I¹⁾.

(Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. III. Спб. 1909).

1824-й годъ принесъ Императрицѣ рядъ новыхъ огорченій: въ январѣ мѣсяцѣ, Государь сильно занемогъ рожистымъ воспаленіемъ ноги. Болѣзнь эта случилась съ нимъ не впервые, онъ хворалъ ею во время Вѣнскаго Конгресса, цѣлыхъ три недѣли. Сильная лихорадка и сильная боль въ ногѣ, въ связи съ большой слабостью, внушали первые дни серьезныя опасенія; врачи Вилліе и Тарасовъ были очень озабочены исходомъ болѣзни, но, послѣ двухъ недѣль, теченіе ея приняло благопріятный оборотъ и опасность миновала.

Эта болѣзнь очень сблизила царственныхъ супруговъ; Государыня по нѣсколько разъ въ день навѣщала больного и ухаживала за нимъ съ самой нѣжной заботливостью, радуясь, когда она могла чѣмъ-нибудь облегчить его страданія; она возмущалась тѣмъ, что близкіе не достаточно оберегали его, что вдовствующая Императрица, навѣщая сына, занимала его безконечными разговорами о разныхъ пустякахъ въ то время, когда у него былъ сильный жаръ; оставивъ свою обычную сдержанность, Елисавета отстаивала его покой, ссылаясь на предписаніе врачей, просила, чтобы его не утомляли, говорили съ нимъ только о неотложныхъ дѣлахъ. Марія Феодоровна была недовольна этими замѣчаніями, ревновала свою невѣстку къ сыну, не хотѣла, чтобы она была постоянно при немъ. Эти мелочи жизни только усугубляли душевную тревогу, которую испытывала Императрица во время болѣзни Александра Павловича; зато какой радостью, какой трогательной заботливостью и любовью дышать тѣ строки, въ которыхъ она сообщаетъ матери, что Импера-

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

тору стало немного лучше, что „онъ первую ночь спалъ спокойно, благодаря подушечкѣ“, которую она принесла и положила ему подъ голову, что отдохнувъ, онъ благодарилъ ее и сказалъ, что „онъ ей будетъ обязанъ своимъ выздоровленіемъ“.—„Я же принесла ему и скамеечку“, пишетъ она, „которая оказалась удобной для его ноги, такъ что онъ могъ пересѣсть въ кресло“.

Когда Александру Павловичу стало настолько лучше, что онъ могъ сидѣть въ креслѣ, было отпраздновано бракосочетаніе Великаго Князя Михаила Павловича съ принцессой Шарлоттой Виртембергской, получившей имя Великой Княгини Елены Павловны.

Предстоявшее торжество очень волновало Елисавету Алексѣвну, она боялась, чтобы оно не отразилось на здоровьи Императора, которому доктора все еще совѣтовали полный покой.

„Бракосочетаніе Великаго Князя Михаила назначено неожиданно на будущую пятницу“, пишетъ Елисавета маркграфинѣ 5 (17) февраля 1824 г.; „по причинѣ болѣзни Императора оно было отложено до послѣ поста, но вдовствующая Императрица, съ нетерпѣніемъ ожидающая заключенія этого брака, не могла помириться съ этимъ, и вотъ, обрядъ вѣнчанія совершится самымъ невѣроятнымъ образомъ. Императоръ выразилъ желаніе, чтобы бракосочетаніе совершилось безъ него, но этого не захотѣли; рѣшено, что вѣнчаніе совершится въ залѣ, примыкающей къ большому кабинету Императора, гдѣ онъ лежитъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ заболѣлъ. На время болѣзни въ залѣ поставлена, по его желанію, походная церковь и, такимъ образомъ, отперевъ двери, онъ можетъ слушать обѣдню. Въ этой-то походной церкви и будетъ совершенъ обрядъ вѣнчанія. Я не понимаю, какъ это произойдетъ, такъ какъ мѣста мало, а вдовствующая Императрица хочетъ помѣстить туда какъ можно больше людей. Императоръ будетъ лежать за ширмами въ сосѣдней комнатѣ—какое грустное зрѣлище! я до сихъ поръ не могу помириться съ этимъ. Весь дальнѣйшій церемоніаль будетъ выполненъ, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто въ присутствіи Императора. Онъ хочетъ, чтобы я присутствовала на торжествѣ бракосочетанія; я подчиняюсь его волѣ, но признаюсь, при всемъ моемъ расположеніи къ Еленѣ, я охотно уклонилась бы отъ него, такъ какъ въ отсутствіи Императора оно представляется мнѣ чѣмъ-то совершенно необычнымъ“.

Только-что успѣлъ выздоровѣть Императоръ, какъ судьба послала Елисаветѣ Алексѣвнѣ новый ударъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ скончалась герцогиня Антуанетта Виртембергская, съ которой Государыня была очень дружна.

„Смерть дорогой герцогини А. Виртембергской чрезмѣрно огор-

чила Императрицу Елисавету Алексѣеву, которая была съ нею дружна“, писалъ Карамзинъ Дмитріеву 5 марта 1824 г. „Судьба отнимаетъ у нея всѣхъ ей милыхъ, какъ бы для того, чтобы она не имѣла никакой земной привязанности“.

Въ концѣ іюня готовилось новое испытаніе. Скончалась отъ чахотки 18 лѣтняя дочь М. А. Нарышкиной, бывшая уже невѣстой графа Андрея Шувалова. Государыня выказала своему супругу, въ этомъ случаѣ, большое участіе и старалась вслѣдствіе утѣшить его.

Характерно откликнулась на это событіе юная Великая Княгиня Елена Павловна, еще невѣстой снискавшая особое расположеніе Елисаветы Алексѣвны, которое по мѣрѣ дальнѣйшаго сближенія перешло въ прочную дружбу.

„Вы хотите знать, какое доказательство дружескаго расположенія могла дать мнѣ Елена, писала Государыня маркграфинѣ (23 іюля (4 авг.) 1824 г.); мнѣ такъ пріятно сказать что-нибудь въ ея похвалу, что я спѣшу удовлетворить ваше любопытство. Недѣль 5—6 тому назадъ, Императоръ испыталъ большое огорченіе: онъ потерялъ единственнаго ребенка, который остался у него отъ его связи съ Нарышкиной; молодой дѣвушкѣ шель девятнадцатый годъ. Мать и дочь только осенью возвратились изъ-за границы, послѣ продолжительнаго отсутствія. Молодая дѣвушка тогда уже прихварывала; весною она заболѣла воспаленіемъ легкихъ, которое перешло въ скоротечную чахотку. Императоръ повѣрялъ мнѣ свои опасенія съ самаго начала ея болѣзни; онъ всегда говорилъ со мною объ этомъ откровенно, за что я ему была признательна. Это тяжкое испытаніе постигло его на другой день послѣ того, какъ онъ ѣздилъ первый разъ въ Красное Село, въ то утро, когда должны были начаться маневры, и Вилліе былъ настолько не деликатенъ, что сообщилъ ему объ этомъ въ тотъ моментъ, когда онъ садился на лошадь. Онъ не могъ скрыть своего огорченія, и это придавало гласность тому, что легче было бы пережить наединѣ. Въ тотъ же день вечеромъ онъ самъ письменно сообщилъ мнѣ о своемъ горѣ. Елена была въ то время въ Красномъ и узнала о томъ, что было раньше, и о томъ, что случилось теперь; оказывается, до сихъ поръ ей ничего не было извѣстно. Она написала мнѣ письмо, изъ котораго я поняла, что она взволнована, хотя она и не объясняла мнѣ причины“.

Это письмо было прислано ночью. Подозрѣвая въ чемъ дѣло, я однако не рѣшилась сама заговорить объ этомъ, не зная, что именно ей извѣстно; мнѣ бы не хотѣлось, ни за что въ мірѣ, первой сообщить ей подобную вещь. Поэтому, на утро я отвѣтила, что меня очень огорчаетъ ея волненіе, и я боюсь, что ее довели до этого состоянія какія-нибудь личныя причины. На слѣдующій день я получила отъ нея трога-

тельное письмо, въ которомъ она, со всевозможными оговорками и опасеніями насчетъ того, что она можетъ лишиться моей дружбы, писала, что она готова подвергнуться всему этому, ради моихъ интересовъ; она видитъ, что мнѣ неизвѣстно о потерѣ, понесенной Императоромъ, между тѣмъ, мнѣ необходимо знать это болѣе чѣмъ кому-либо другому, ибо съ этимъ связаны самые дорогіе для меня интересы; говоря это, она тысячу разъ извинялась и кончала письмо тѣмъ, что если я не одобряю того, что она говоритъ объ этомъ, если я лишу ее своего дружескаго расположенія, то для нея все потеряно. Ея письмо глубоко тронуло меня, сдѣланный ею шагъ показалъ мнѣ правильность ея сужденія и прямоту ея души. Я отвѣчала ей съ величайшимъ чувствомъ, что мнѣ сообщилъ обо всемъ самъ Императоръ. Развѣ это не трогательно, въ 17 лѣтъ? Я никогда не забуду этого. Когда мы увидѣлись, она сказала мнѣ: „Вы не можете себѣ представить, какъ я мучилась! мнѣ такъ тяжело было думать, что вы единственная особа въ Царскомъ Селѣ, которой неизвѣстно о случившемся, тогда какъ могли найтись люди, которые были бы рады, что вы этого не знали и не могли выказать Императору сочувствія“.

Въ отношеніи Елены Павловны къ ней Государыня нашла то, чего она тщетно искала въ своей новой семьѣ тридцать лѣтъ: привязанность, правдивость и довѣрчивость; она полюбила ее всѣмъ сердцемъ.

Весну и лѣто 1824 г. Императрица Елисавета провела въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ; здоровье ея въ это время сильно пошатнулось, она чувствовала большую слабость; плохой сонъ, отсутствіе аппетита, упадокъ силъ—вотъ тѣ признаки серьезнаго недомоганія, которые появились въ ту пору. Императрицѣ хотѣлось поѣхать на морскія купанья, которыя однажды принесли ей большую пользу, но отъ этой мысли пришлось отказаться: Императоръ не любилъ, чтобы она предпринимала самое малѣйшее путешествіе съ нимъ или безъ него.

„Я не знаю, чѣмъ это объяснить, говоритъ Елисавета, но я страдаю отъ этого не первый годъ, мнѣ постоянно приходится дѣлать усиліе, чтобы покориться и перенести лишеніе, въ которомъ я не вижу ни съ какой стороны ни малѣйшей пользы; я объясняю это волей Божіей; онъ хочетъ, чтобы во мнѣ было подавлено всякое личное желаніе“.

Государыня съ грустью ожидала августа, когда Александръ Павловичъ долженъ былъ отправиться въ продолжительное путешествіе. Ее пугала мысль провести осень въ Царскомъ Селѣ, въ полномъ бездѣйствіи, которое прерывалось только поѣздками въ Гатчино, которыя были еще утомительнѣе для души, нежели для

тѣла, не имѣя никого, съ кѣмъ бы она могла подѣлиться своими думами.

Недомоганіе Императрицы сильно тревожило Александра Павловича. Грустно настроенный, вернулся онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ изъ своей продолжительной поѣздки по Россіи и усиленно совѣщался съ врачами о томъ, гдѣ бы его больной супругъ провести зиму. Говорили объ Италіи, но помимо политическихъ соображеній, сама Императрица и слышать не хотѣла о поѣздкѣ за границу. Такимъ образомъ эти совѣщанія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, тѣмъ болѣе, что вниманіе Государя было временно отвлечено страшнымъ наводненіемъ, постигшимъ Петербургъ, тотчасъ по его возвращеніи. Государынѣ пришлось провести зиму въ Петербургѣ, что еще болѣе подкосило ея здоровье. Къ веснѣ оно настолько ухудшилось, что врачи заявили рѣшительно, что Императрица не можетъ провести осень на сѣверѣ.

Послѣ долгихъ переговоровъ, выборъ палъ на Таганрогъ. Вопросъ о ея мѣстопробываніи былъ рѣшенъ Императоромъ съ врачами безъ участія Елисаветы Алексѣвны. Вѣрная своему принципу ни во что не вмѣшиваться, она молча согласилась на все; въ сущности это было для нея безразлично, нѣкоторое значеніе имѣло лишь болѣе или менѣе легкое сообщеніе съ Петербургомъ. Хотя выборъ Таганрога едва-ли можно считать удачнымъ, но во всякомъ случаѣ Государыня была довольна, что, наконецъ, остановились на чемъ-то опредѣленномъ, потому что безконечные переговоры только раздражали ея нервы; ее радовала мысль избавиться на время отъ тяготившихъ ее обязанностей ея сана, отъ постоянныхъ приѣмовъ и визитовъ, которые ее утомляли и не давали возможности располагать временемъ, какъ она хотѣла.

Конецъ лѣта прошелъ въ приготовленіяхъ къ дальней поѣздкѣ. Архитектору Шарлеманъ было поручено сѣздить въ Таганрогъ и, выбравъ соответствующее помѣщеніе, привести все въ порядокъ къ приѣму высокихъ гостей.

Александръ Павловичъ находился все время въ очень мрачномъ настроеніи; болѣе всего его беспокоило состояніе здоровья супруги, но одинаково неприятно поразилъ его и доносъ Шервуда о тайныхъ обществахъ, членами которыхъ были многіе офицеры арміи.

Императоръ отправился изъ Царскаго Села на югъ 1 сентября 1825 г. и прибылъ 13 числа въ Таганрогъ. Два дня спустя, 3 сентября, покинула столицу императрица Елисавета Алексѣвна; она ѣхала тѣмъ же путемъ, но гораздо тише, чтобы не утомляться, и приѣхала въ Таганрогъ десятью днями позже Государя.

На третій день путешествія, изъ Боровичъ Императрица писала

матери, что благодаря заботливости Императора, который самъ составилъ маршрутъ и, проѣзжая впередъ, дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія и предусматривалъ все до мельчайшихъ подробностей, — ея путешествіе было обставлено всевозможными удобствами и она не чувствовала ни малѣйшаго утомленія, напротивъ, она высказывала матери свою радость по поводу того, что она уѣхала изъ Петербурга и могла отдохнуть отъ той жизни, которая ее тяготила.

„Plus de visites, plus de billets à répondre, plus d'interruption pour ceci et celà“, пишетъ Императрица; какая отрада хоть на время чувствовать себя свободной отъ всѣхъ этихъ условностей, отравлявшихъ ей жизнь и бывшихъ ей особенно въ тягость съ тѣхъ поръ, какъ силы стали измѣнять ей.

„Государыню сопровождали на югъ: ген.-ад. князь П. М. Волконскій, статсъ-секретарь Н. М. Лонгиновъ, камеръ-фрейлины Е. П. Валуева и княжна В. М. Волконская.

„Особенно довольна была Елисавета Алексѣевна имѣть при себѣ князя П. М. Волконскаго, умѣвшаго со всѣми ладить и весьма покладистаго характера. Въ одномъ изъ писемъ Елисавета говоритъ: „между нимъ и Кирилломъ Нарышкинымъ (сопровождавшимъ ее за границу) не можетъ быть и сравненія. Въ данномъ случаѣ князь Волконскій для меня истинный кладъ“.

„Кромѣ доктора Стоффрегена, въ свитѣ Государыни находились еще два врача: Доббертъ и Рейнгольдъ. Благодаря ихъ настояніямъ перегоны во время дороги были короткіе, и больная доѣхала до Таганрога сравнительно бодрая и не чувствуя особаго утомленія; погода, во время этого длиннаго пути, была въ высшей степени благоприятная.

„Во время остановокъ для отдыха и ночлеговъ Елисавета Алексѣевна писала почти ежедневно Императору и также часто маркграфинѣ. Александръ Павловичъ тоже аккуратно посылалъ письма съ пути навстрѣчу своей супругѣ.

Изъ одного мѣстечка Витебской губерніи Императрица сообщала матери: „Со времени моего отъѣзда изъ Царскаго Села, я получила отъ Императора четыре письма. Онъ выказываетъ мнѣ участіе, которое глубоко трогаетъ меня—qui me touche et me pénètre;— все то, что онъ дѣлаетъ, можетъ окончательно избаловать меня“.

Только остановки въ маленькихъ городахъ утомляли Императрицу, такъ какъ ей приходилось удовлетворять желаніе народа видѣть ее и привѣтствовать; она предпочитала остановки въ глуши, на маленькихъ почтовыхъ станціяхъ.

„Привязанность русскаго народа къ его монархамъ составляетъ одно изъ почтенныхъ качествъ русскаго народа, писала Императ-

рица; сколько крестьянъ осѣняло себя крестомъ, говоря: „Благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ на старости лѣтъ утѣшеніе видѣть тебя, матушка наша!“ Другіе приводили дѣтей и говорили: „Хочу, чтобы они всю жизнь помнили, что видѣли тебя“. Эти добрыя чувства нѣсколько утомляютъ тѣмъ, что приходится при каждой смѣнѣ лошадей разговаривать съ собравшимися; иногда насъ останавливали даже среди дороги мелкопомѣстные помѣщики и подносили намъ фрукты, хлѣбъ, пироги и пр.“.

Населеніе, всюду по пути, встрѣчало путешествующую Императрицу восторженно и сердечно.

Проѣздомъ черезъ Курскую губернію, Императрица посѣтила княгиню Барятинскую, рожд. графиню Келлеръ, въ ея имѣніи Ивановскомъ, которое очень понравилось Императрицѣ Елисаветѣ. Въ Бѣлгородѣ Государыню встрѣтила престарѣлая графиня Анна Родіоновна Чернышева (рожд. Вейдель), вдова графа Захара Григорьевича, не выдавая Елисаветы съ самой ея коронаціи въ 1801 году, т. е. 24 года. Старушка еще знавала маркграфиню мать, когда та пріѣзжала въ Россію съ сестрой своей, бывшей впоследствии недолго замужемъ за великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и носившей имя Наталіи Алексѣвны. Послѣ наводненія въ Петербургѣ она пожертвовала 30 тыс. рублей въ пользу пострадавшихъ и передала ихъ для раздачи Императрицѣ Елисаветѣ.

„23 сентября Государыня благополучно доѣхала до Таганрога и была встрѣчена на послѣдней станціи Александромъ Павловичемъ. Государь пересѣлъ въ дормезъ Императрицы, и Ихъ Величества вмѣстѣ прибыли въ греческій Александровскій монастырь, гдѣ выслушали благодарственный молебенъ. Елисавета чувствовала себя настолько хорошо, что безъ посторонней помощи вышла изъ экипажа и, стоя, выслушала богослуженіе. Оттуда направились въ приготовленный домъ, называвшійся Таганрогскимъ дворцомъ, но по скромности и простотѣ своей, представлявшій не болѣе, какъ благоустроенное хозяйство или усадьбу зажиточнаго провинціального помѣщика.

Сама Елисавета въ слѣдующихъ словахъ описала матери этотъ домъ:

„Чтобы отвѣтить на ваши вопросы, я вамъ скажу, дорогая мама, что домъ, въ которомъ мы здѣсь живемъ, принадлежитъ казнѣ; въ немъ имѣетъ право жить градоначальникъ. По приказанію Императора онъ очень хорошо обставленъ, частью вещами, присланными изъ Петербурга, частью очень хорошенькой мебелью, мѣстнаго производства; благодаря его по истинѣ трогательнымъ заботамъ обо мнѣ, я устроилась хорошо и уютно. Вездѣ, куда онъ ни пріѣдетъ, начинается дѣятельность: такъ и здѣсь, до сихъ поръ идетъ

работа надъ украшеніемъ города и надъ улучшеніемъ дорогъ. Нашъ домъ одноэтажный. Онъ стоитъ въ концѣ греческой улицы длиннымъ фасадомъ къ улицѣ; противъ дома садъ, обнесенный заборомъ. Изъ комнатъ, выходящихъ во дворъ, за садикомъ, прилегающимъ къ дому, виднѣется море. Въ саду есть терраса, откуда открывается великолѣпный видъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы скорѣе настало тепло, чтобы я могла понѣжиться на этой террасѣ. Главная комната — зало, занимаетъ домъ во всю глубину; изъ нея дверь направо ведетъ къ Императору, который занялъ для себя всего двѣ комнаты, а налѣво—въ мой салонъ. За нимъ идетъ мой кабинетъ, съ хорошимъ, удобнымъ диваномъ,—вещь для меня драгоценная: сидя въ этомъ кабинетѣ, я пишу вамъ. Далѣе идетъ спальня, которая по расположенію дверей, оконъ и по размѣру, напоминаетъ мнѣ красную комнату въ вашемъ домѣ въ Карлсруэ; маленькая дверь, въ глубинѣ, ведетъ въ уютную комнатку въ одно окно, которую Императоръ назначилъ для моей столовой; изъ этой комнаты входишь, съ одной стороны, въ крохотную уборную, а съ другой—въ довольно просторную комнату, выходящую во дворъ и предназначенную для горничныхъ. Въ концѣ дома есть еще уютный кабинетикъ, гдѣ Императоръ велѣлъ устроить для меня библиотеку, чтобы у меня хоть изъ одной комнаты былъ видъ на море“...

„Въ этомъ домѣ Александръ и Елисавета, почти цѣлый мѣсяцъ, прожили тихо и уютно. Въ октябрѣ Государь на нѣсколько дней ѣздилъ на Донъ и посѣтилъ Новочеркасскъ. Какъ видно, пребываніе на югѣ ему правилось, и онъ не помышлялъ о скоромъ возвращеніи въ Петербургъ. По крайней мѣрѣ въ письмѣ отъ 8 октября Елисавета сообщала матери: „я просила его на-дняхъ сказать мнѣ, когда онъ рассчитываетъ вернуться въ Петербургъ, такъ какъ я предпочитаю это знать, чтобы свыкнуться съ мыслию объ его отъѣздѣ, какъ свыкаются съ мыслию о предстоящей операціи. Онъ отвѣтилъ: *„Какъ можно позже, еще увидимъ; но во всякомъ случаѣ не раньше новаго года“*. Это привело меня въ хорошее настроеніе на весь день, и вы конечно раздѣлите мою радость, дорогая мама“.

Между тѣмъ графъ М. С. Воронцовъ усиленно приглашалъ Государя, воспользовавшись случаемъ, посѣтить крымское побережье. Успокоившись нѣсколько на счетъ здоровья Государыни, которая, отдохнувъ съ дороги, замѣтно окрѣпла, Александръ, 20 октября, тронулся въ послѣднее, роковое для него путешествіе, изъ котораго онъ возвратился въ Таганрогъ 5 ноября совсѣмъ больной.

О ходѣ его болѣзни съ 5 по 12 ноября, когда въ его состояніи произошло рѣзкое ухудшеніе, подробно рассказано въ дневникѣ Ели-

саветы Алексѣвны, хранящемся въ рукописномъ отдѣлѣ собственныхъ Его Величества библиотекъ.

Вотъ что записано въ этомъ дневникѣ:

„Онъ вернулся изъ путешествія въ Крымъ въ четвергъ, 5 ноября, около семи часовъ вечера. Такъ какъ онъ, противъ обыкновенія, долго не шелъ ко мнѣ, то я подумала, не пріѣхалъ ли онъ больнымъ; я испытывала какую-то неопредѣленную тоску и тревогу и, видя фонари, зажженные на улицѣ, какъ тотъ разъ, какъ онъ вернулся изъ Новочеркасска, я сказала себѣ съ грустью: „онъ уйдетъ отсюда еще разъ, но болѣе не вернется“. Когда онъ пришелъ, мой первый вопросъ былъ: „Здоровы ли Вы“? Онъ сказалъ, что нездоровъ, что у него уже дня два лихорадка; онъ думаетъ, что онъ захватилъ крымскую лихорадку. Я усадила его, онъ весь горѣлъ; онъ сказалъ мнѣ, что полковникъ Саломка и лакей Евстифеевъ также заболѣли лихорадкой. Что касается его, то онъ думаетъ, что причина его болѣзни—прокисшій барбарисовый сиропъ, который онъ выпилъ въ Бахчисарафѣ, когда его мучила жажда, и такъ какъ этотъ напитокъ вызвалъ у него поносъ, отъ котораго онъ очень ослабъ, то онъ сдѣлался вслѣдствіе этого болѣе воспримчивъ къ лихорадкѣ. По его словамъ, послѣ перваго приступа лихорадки, онъ не далъ знать Вилліе, а послалъ за нимъ только послѣ втораго пароксизма; ему дали пуншу, и въ тотъ день его болѣе не знобило; онъ приказалъ подать себѣ чаю съ лимономъ и, когда доложили о приходѣ Вилліе, онъ попросилъ его къ себѣ, и сказалъ ему, что онъ чувствуетъ себя недурно, что его не знобило, но что у него сильный жаръ.

Поговоривъ съ нимъ съ полчаса объ его путешествіи, я уговорила его лечь пораньше. Уходя и прощаясь со мною, онъ сказалъ: „я очень радъ увидѣться съ тобой“. Получивъ извѣстіе о кончинѣ короля баварскаго, онъ писалъ мнѣ, что его тревожитъ, какое впечатлѣніе это произведетъ на меня, и что онъ успокоится только тогда, когда онъ будетъ опять со мною.

„Въ пятницу, 6-го числа, онъ прислалъ сказать мнѣ по утру, что онъ хорошо провелъ ночь. Онъ пришелъ ко мнѣ около 11 часовъ. Онъ былъ желтъ; видно было, что онъ боленъ. Онъ сѣлъ; я показала ему письма, которыя онъ хотѣлъ видѣть наканунѣ: мы говорили о томъ, что произошло во время его отсутствія. Когда онъ уходилъ, я спросила, удобно ли ему, чтобы мы обѣдали вмѣстѣ, не стѣснить ли это его. „Напротивъ“, отвѣтилъ онъ. Когда онъ пришелъ къ обѣду, я нашла, что онъ выглядѣлъ хуже, нежели утромъ; онъ просилъ позволенія встать изъ-за стола, какъ только онъ окончитъ свой скудный обѣдъ, сказавъ, что у него въ комнатѣ есть

шуба, въ которую онъ кутается. Ему подали супъ съ крупой, онъ поѣлъ его и сказалъ: „аппетитъ лучше, чѣмъ я думалъ“; затѣмъ подали лимонное желе; онъ замѣтилъ, что оно слишкомъ сладко. Онъ всталъ изъ-за стола. Около 4 часовъ онъ прислалъ за мной; я застала его сидящимъ на диванѣ; придя къ себѣ, онъ легъ и задремалъ, а затѣмъ хотѣлъ приняться за работу, но былъ такъ утомленъ, что долженъ былъ встать изъ-за письменнаго стола; ему хотѣлось прилечь, онъ просилъ меня взять книгу. Онъ пролежалъ нѣкоторое время молча, не засыпая. Мы вспоминали, что завтра годовщина наводненія, и выразили надежду, что въ этомъ отношеніи годъ окончится благополучно. Меня тяготило предчувствіе какого-то бѣдствія, чего-то тягостнаго. Видя, что мнѣ темно читать, онъ велѣлъ принести свѣчи. Въ пять часовъ Федоровъ доложилъ о приходѣ Вилліе; онъ съ трудомъ разслышалъ это, такъ какъ слухъ у него очень притупился: онъ самъ замѣтилъ это и сказалъ, что это отъ лихорадки; то же самое было съ нимъ въ первые дни, когда у него была рожа. Онъ сдѣлалъ лакею замѣчаніе, что тотъ говорить тише обыкновеннаго, тогда какъ онъ слышитъ хуже, чѣмъ всегда. Онъ велѣлъ позвать Вилліе и его также просилъ говорить громче: „Я ничего не слышу“; „as deaf as a post, какъ говорить Парландъ“, весело прибавилъ онъ. Вилліе совѣтовалъ ему принять лекарство; онъ долго отказывался, обѣщая принять его на другой день утромъ, когда найдутъ нужнымъ, и увѣрялъ, что если онъ приметъ лекарство вечеромъ, то это испортитъ ему сонъ, а онъ надѣялся, что будетъ спать такъ же хорошо, какъ предыдущую ночь. Вилліе увѣрялъ, что дѣйствіе лекарства скажется до ночи; онъ умолялъ принять его, а я, стоя позади Вилліе, глазами молила его о томъ же; наконецъ онъ сказалъ: „Ты раздѣляешь мнѣніе Вилліе?“ Я сдѣлала утвердительный знакъ.

— „Ну что же, хорошо“ и Вилліе пошелъ готовить пилюли. Онъ принесъ ихъ черезъ полчаса. Въ то же время пришелъ князь Волконскій. Двухъ пилюль не хватало; онѣ проскользнули въ рукавъ, гдѣ ихъ и нашли; всѣ смѣялись надъ этой пропажей. Мы пробыли одни до семи часовъ. Тогда онъ попросилъ меня удалиться, такъ какъ лекарство должно было скоро подѣйствовать. Я сказала: „Увидимся ли мы еще сегодня?“

— „Да, вечеромъ“.

Но такъ какъ въ девять часовъ онъ еще не прислалъ за мною, то я позвала Вилліе, который сказалъ, что лекарство подѣйствовало хорошо, что онъ заснулъ и еще не просыпался. Вилліе весело бесѣдовалъ со мною; я поручила ему сказать Императору, если онъ увидитъ его, когда онъ проснется, что я ложусь спать, такъ какъ

уже поздно. Дѣйствительно, онъ проспалъ на диванѣ до полуночи и, проснувшись, легъ въ постель.

Въ субботу, 7-го онъ зашелъ ко мнѣ часу въ двѣнадцатомъ и сказалъ, что онъ чувствуетъ себя лучше.

„Вчера, когда я сидѣлъ тутъ, сказалъ онъ, я чувствовалъ себя очень худо, а вечеромъ, когда я просилъ тебя уйти, потому что лекарство должно было подѣйствовать, это не было главной причиной; оно подѣйствовало только двадцать минутъ спустя, но я чувствовалъ такой пароксизмъ лихорадки, что мнѣ было совѣстно, чтобы меня видѣли въ этомъ состояніи: я не зналъ, куда дѣваться“, и онъ сознался, что пилюли принесли ему пользу; онъ все еще былъ желтъ, но сталъ веселѣе. Мы разсматривали собранныя мною раковины; затѣмъ онъ сказалъ, чтобы я шла гулять, а онъ пойдетъ работать. Я совѣтовала ему не работать такъ много, такъ какъ наканунѣ это принесло ему вредъ.

„Это такъ вошло у меня въ привычку, что я не могу обойтись безъ работы“, сказалъ онъ; „когда я ничего не дѣлаю, у меня въ головѣ какая-то пустота; если бы я оставилъ свое дѣло, мнѣ пришлось бы проглатывать цѣлыя библіотеки, иначе я сошелъ бы съ ума“.

Когда я вернулась, онъ прислалъ мнѣ записочку,—последнюю, приглашая меня присутствовать при его обѣдѣ. Я поспѣшила къ нему. Онъ ѣлъ супъ съ крупой и кашу съ подливкой. Онъ принялъ снова слабительное; послѣ своего скуднаго обѣда, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, остановившись передъ однимъ изъ комодовъ, сталъ складывать въ пакетъ дѣла, которыя надлежало отправить; нѣсколько времени спустя онъ сказалъ мнѣ: „тебѣ надобно скоро уйти, такъ какъ лекарство дѣйствуетъ, мой желудокъ болѣе не можетъ держать никакой пищи“.

Онъ послалъ меня обѣдать. Часу въ четвертомъ онъ пришелъ ко мнѣ; я лежала на диванѣ, который онъ заказалъ для меня и который служилъ мнѣ одновременно кроватью. Я сказала, что ему слѣдуетъ лежать, а не мнѣ, и предложила ему лечь: онъ съ минуту колебался, но затѣмъ сказалъ, что онъ скоро пойдетъ къ себѣ и ляжетъ. Мы поговорили немного; затѣмъ онъ всталъ, сказавъ: „Я пришелъ взглянуть, почему ты не пошла гулять: сегодня, послѣ полудня, такая прекрасная погода“!

Я отвѣчала, что я дышала воздухомъ, сидя у открытаго окна, и наслаждалась вдвойнѣ, слушая плескъ моря и звонъ колокола греческой церкви Константина и Елены; я съ такимъ жаромъ описывала ему звонъ этого колокола, что онъ сказалъ съ улыбкою: „вотъ увидишь, тебѣ такъ понравится тутъ, что трудно будетъ ухъать“.

Около семи часовъ онъ прислалъ за мною. Онъ лежалъ, раздѣтый, въ халатѣ, на диванѣ. „Что это значить?“ сказала я. Оказывается, лекарство подѣйствовало такъ сильно, что у него похолодѣли конечности и сдѣлалась боль въ животѣ; онъ надѣлъ набрюшникъ, и Вилліе далъ ему чашку чая; онъ чувствовалъ себя теперь хорошо и былъ веселъ; я принесла показать ему фасадъ и планъ нашего дома, сдѣланный Шарлеманемъ, чтобы послать его вдовствующей Императрицѣ; онъ разсматривалъ его и составленное мною описаніе, кое-что одобрилъ, другое критиковалъ, велѣлъ кое-что исправить и сказалъ: „это будетъ пріятно матушкѣ; она покажетъ его кому-нибудь“.

Я принесла ему также модные журналы, полученные въ его отсутствіе. Онъ былъ въ духѣ, чувствовалъ себя лучше, чѣмъ наканунѣ, и много говорилъ. Я рассказала ему о впечатлѣніи, произведенномъ на калмыковъ клавесиномъ полковника Фридрихса. Онъ смѣялся и сказалъ:

„Ты можешь доставить себѣ это удовольствіе, когда они явятся проститься съ нами: скажи имъ, что ты слышала, что они любятъ музыку, и сыграй имъ что-нибудь“.

Но потомъ мы рѣшили, что въ ихъ глазахъ это было бы несовмѣстно съ моимъ достоинствомъ, онъ совѣтовалъ мнѣ попросить князя Волконскаго сыграть что-нибудь, чтобы доставить имъ такое же удовольствіе, какое они испытали у полковника Фридрихса. Въ девять часовъ, пришли Вилліе и князь Волконскій. Вилліе спросилъ, какъ онъ чувствовалъ себя. Онъ сказалъ: „хорошо“, однако Вилліе нашелъ у него жаръ и сказалъ, что онъ, навѣрно, слишкомъ много работалъ послѣ полудня.

„Это для меня потребность, это меня успокаиваетъ“, отвѣчалъ онъ.

Князь Волконскій упомянулъ о балѣ, который долженъ былъ состояться на другой день, въ мѣстномъ клубѣ, и который хотѣли отмѣнить, въ виду придворнаго траура: онъ былъ противъ этого. Когда пришелъ генералъ Дибичъ, онъ велѣлъ въ своемъ присутствіи исправить чертежъ. Потомъ эти господа удалились, и мы остались одни; нѣсколько времени спустя, онъ пожелалъ мнѣ покойной ночи и приподнялся, чтобы мнѣ удобнѣе было поцѣловать его, такъ какъ мнѣ трудно было наклонять голову.

Въ воскресенье, 8-го, онъ позвалъ меня передъ тѣмъ, какъ я пошла къ обѣднѣ, и сказалъ, что ночью у него былъ жаръ; однако онъ одѣлся. Нѣсколько времени спустя, я вышла, чтобы отправиться къ обѣднѣ, и передъ тѣмъ еще разъ зашла къ нему.

„Тебѣ нельзя выходить“, сказалъ онъ, — „погода слишкомъ худа; будетъ буря“.

Я съ удовольствіемъ осталась. Онъ снова заговорилъ—второй разъ послѣ своего возвращенія, о Новочеркасскомъ діаконѣ. Мы говорили о томъ, какія работы были произведены въ его отсутствіе для украшенія города. Я сказала, что работа велась усердно: они „молодцы“ сказалъ онъ.

Я провела у него нѣкоторое время, послѣ чего онъ попросилъ меня оставить его одного. Затѣмъ онъ снова прислалъ за мною, чтобы я присутствовала при его обѣдѣ: ему дали стаканъ яблочной воды съ черносмородиннымъ сокомъ; прежде чѣмъ выпить его, онъ перекрестился, какъ будто онъ садился за столъ и, отпивъ половину, сказалъ, что питье вкусно, и послалъ за Вилліе, чтобы спросить, оставить ли ему половину на ужинъ, или ему дадутъ второй стаканъ. Вилліе сказалъ, что если онъ желаетъ, то ему дадутъ вечеромъ еще стаканъ такого питья. Это питье какъ разъ то, что ему нужно, сказалъ онъ; у князя Волконскаго, случайно, оказался цѣлый запасъ сока, подаренный ему сестрою, а она получила его въ дорогѣ отъ одного знакомаго; онъ слышалъ, что при этой болѣзни это очень полезная вещь.

Часовъ около двухъ онъ послалъ меня обѣдать. Въ шестомъ часу онъ прислалъ за мною, сказалъ, что собирается послать курьера въ Петербургъ, и далъ мнѣ соотвѣтственные указанія. Онъ чувствовалъ себя, повидимому, очень худо: у него былъ жаръ и болѣла голова. Я пошла къ себѣ, чтобы уложить пакеты, и сообщила ему, сколько ихъ было.

„Отлично“, сказалъ онъ, пошли пакеты генералу Дибичу и когда съ этимъ покончишь, возвращайся сюда“.

Я вернулась часовъ около семи. Онъ чувствовалъ себя лучше; я принесла ему вчерашнія газеты (полученныя въ его отсутствіе), которыя заняли его; онъ попросилъ меня принести продолженіе. Я сказала:

„Тебѣ, кажется, было очень худо, такъ что даже жаль было смотрѣть на тебя, теперь тебѣ лучше?“

„Да, мнѣ получше“, сказалъ онъ.

Нѣсколько времени спустя, онъ сталъ снова читать газеты; я также читала. Затѣмъ онъ улегся поудобнѣе, чтобы уснуть, и видимо чувствовалъ себя такъ хорошо, что пріятно было смотрѣть; онъ уснулъ съ улыбкой на устахъ и проспалъ такимъ образомъ часовъ около двухъ; дышалъ ровно, спокойно; проснулся только одинъ разъ и осмотрѣлся съ такимъ выраженіемъ, которое я приняла за удовольствіе, но которое я подмѣтила въ немъ позднѣе въ самыя ужасныя минуты, и опять уснулъ, улыбаясь. Вошелъ лакей и доложилъ о приходѣ Вилліе, но онъ спалъ такъ крѣпко, что его не разбудили.

*

Наконецъ, въ девять часовъ, онъ проснулся. Вошелъ Вилліе.

„Какъ вы себя чувствуете?“

— „Прекрасно, спокойно, бодро“.

Вилліе сказалъ:

„Вотъ увидите, скоро появится потъ“.

Поговоривъ немного, онъ ему посовѣтовалъ лечь.

„Мнѣ такъ хорошо тутъ“, сказалъ онъ.

Однако я ушла, чтобы онъ могъ лечь; онъ сказалъ мнѣ:

„Возьми съ собой газеты! завтра принеси мнѣ остальные“.

Въ шесть часовъ я позвала Вилліе и спросила, легъ ли онъ; онъ сказалъ, что онъ не могъ уговорить его, что онъ все улыбался и говорить:

„Мнѣ здѣсь хорошо“, но теперь онъ пожелалъ лечь въ кровать. Ночью онъ дѣйствительно пропотѣлъ, какъ слѣдуетъ.

Въ понедѣльникъ, 9-го, Штофрегень сказалъ мнѣ, что болѣзнь можно считать прерванной, и что если лихорадка вернется, то она будетъ перемежающаяся; съ ней скоро можно будетъ справиться, и я могу написать въ Петербургъ, что болѣзнь прошла. Я видѣла его передъ прогулкой; затѣмъ онъ послалъ за мною, чтобы я присутствовала при его обѣдѣ. Ему подали овсянку; онъ сказалъ, что у него есть аппетитъ, впервые послѣ 3-го числа. Но супъ показался ему слишкомъ густымъ, и онъ прибавилъ въ него воды; скушалъ его съ аппетитомъ, а затѣмъ ѣлъ черносливъ. Ему хотѣлось ѣсть еще, но онъ сказалъ:

„Надобно быть благоразумнымъ“.

Нѣсколько времени спустя, онъ сказалъ, чтобы я шла обѣдать.

„А я, какъ всякій порядочный человѣкъ, сказалъ онъ, пойду и сосну“.

Въ седьмомъ часу онъ прислалъ за мною и попросилъ меня принести газеты.

„Ты приносишь мнѣ погремушки, какъ ребенку“, сказалъ онъ. Онъ прочелъ послѣднія газеты, но ему нездоровилось, у него былъ жаръ. Я читала, въ это время мемуары г-жи Жанлисъ; онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ по поводу ихъ. Еще въ Петербургѣ онъ просилъ меня взять ихъ съ собою, говоря, что онъ можетъ быть прочесть ихъ; я замѣтила, что это очень легкое чтеніе, какъ разъ подходящее для больного.

„Можетъ быть завтра“, сказалъ онъ.

Вечеромъ онъ вдругъ спросилъ меня:

„А трауръ (по случаю кончины короля баварскаго), почему ты его не носишь?“

Я сказала, что я сняла его къ его приѣзду; съ тѣхъ поръ мнѣ не хотѣлось надѣвать его, но если онъ захочетъ, я надѣну его завтра.

Во вторникъ, 10-го, онъ долженъ былъ по утру принять лекарство. Штофрегенъ заходилъ два раза сообщить мнѣ о дѣйствіи лекарства: онъ до того ослабѣлъ отъ него, что ему сдѣлалось дурно. Я не удивлялась тому, что онъ не присылалъ за мной, я знала, что онъ не любитъ, чтобы ему мѣшали въ то время, какъ дѣйствуетъ лекарство. Я пошла гулять, вернулась, отобѣдала, а онъ все еще не присылалъ за мной. Это встревожило меня, я послала за Вилліе. Вилліе совѣтовалъ мнѣ зайти къ нему, и я застала его въ уборной на постелѣ; у него очень болѣла голова; однако онъ увидѣлъ меня и сказалъ:

„Я не посылаю за тобою, потому что я чувствовалъ себя все утро отвратительно, меня тошнило, мнѣ то и дѣло надобно было встать, къ тому же я очень слабъ“.

Окно было открыто, онъ замѣтилъ, что погода была прекрасная.

„12 градусовъ тепла въ ноябрѣ мѣсяцѣ!“ сказалъ онъ, обращаясь къ Вилліе. Вскорѣ послѣ этого онъ задремалъ; дыханіе его было неровное. Мнѣ первый разъ пришло на умъ, что его положеніе опасно. Я провела съ Вилліе часа два—три въ страшной тревогѣ у его постели. Я видѣла, что Вилліе очень встревоженъ и серьезенъ; однако онъ говорилъ:

„Вы увидите, онъ сильно вспотѣетъ“.

Дѣйствительно, онъ вспотѣлъ, но уснулъ такъ крѣпко, что не слышалъ, какъ Вилліе обтиралъ ему потъ съ лица. Немного погодя, онъ пришелъ въ себя и, взявъ въ руки платокъ, чтобы обтереться, сказалъ:

„Благодарю васъ, я сдѣлаю это самъ! У тебя нѣтъ съ собою книги“, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Ему надобно было переменить бѣлье. Я ушла; смѣнивъ бѣлье и улегшись въ кабинетѣ на диванѣ, онъ послалъ за мною; сравнительно съ тѣмъ, какъ я видѣла его послѣ обѣда, онъ выглядѣлъ прекрасно. Я держала въ рукахъ книгу, дѣлая видъ, что читаю, но я наблюдала за нимъ; онъ нашель, что у меня разстроенный видъ. Я сказала, что у меня очень болитъ голова, такъ какъ печку, находившуюся подлѣ моей кровати, закрыли слишкомъ рано: это была правда, но у меня лицо опухло отъ слезъ. Онъ спросилъ, кто это сдѣлалъ; я назвала горничную; онъ подробно говорилъ о томъ, какъ надобно топить эту комнату. Онъ спросилъ меня, гуляла ли я; я отвѣчала утвердительно и рассказала ему, что я встрѣтила калмыковъ верхами; говорятъ, будто, узнавъ о его болѣзни, они отслужили молебень за его здравіе.

„Кстати“, сказалъ онъ, „они хотять проститься съ тобою; я не могу принять ихъ, прими ихъ“.

— Когда? спросила я.

„Да завтра, скажи объ этомъ Волконскому“.

Прощаясь, я поцѣловала его въ лобъ и перекрестила его; онъ улыбнулся.

Во вторникъ, 11-го, онъ велѣлъ передать мнѣ, что онъ проведетъ ночь спокойно. Я сказала, чтобы калмыки явились въ 11 часовъ; онъ прислалъ сказать съ княземъ Волконскимъ, чтобы я пришла къ нему послѣ приѣма. Онъ чувствовалъ себя недурно: показалъ мнѣ стаканъ съ уксусомъ и альпійской водой, которую Вилліе приготовилъ, чтобы обмыть ему лицо; „это одно наслажденіе“, сказалъ онъ. Онъ хотѣлъ знать, что говорили калмыки, и играла ли я имъ. Я отвѣтила отрицательно и сказала, что у меня было о чемъ говорить съ ними: я поблагодарила ихъ за то, что они молились за него, и спросила, первый ли разъ имъ случилось войти въ нашу церковь. Я продолжала говорить еще, но онъ меня болѣе не слушалъ и позвалъ лакея, чтобы обтереть ему лицо водою съ уксусомъ; онъ просилъ меня зайти послѣ прогулки. Но я зашла передъ тѣмъ, какъ идти гулять. Онъ освѣдомился, куда я пойду; я сказала, что мнѣ хотѣлось спуститься пѣшкомъ съ горы, къ источнику.

„Ты увидишь тамъ казаковъ“, сказалъ онъ; „ихъ лошади стоятъ теперь въ одномъ изъ пустыхъ пакгаузовъ“.

„Отчего это?“ спросила я.

— Они такъ хотѣли, чтобы быть ближе къ намъ.

Онъ просилъ меня зайти послѣ прогулки. Когда я вернулась, онъ спросилъ, была ли я тамъ, гдѣ хотѣла?

Я сказала, что да.

„Видѣла ли ты казаковъ?“

„Я видѣла только двухъ унтеръ-офицеровъ“.

Я сказала, что наканунѣ, гуляя близъ карантина, я была пріятно удивлена и тронута, видя, что садовникъ Грэй украшалъ мое любимое мѣстечко, и я спросила, дѣлалось ли это по его приказанію. Онъ отвѣчалъ съ той добротой, которую такъ часто можно подмѣтить въ немъ:

„Да, онъ не можетъ, въ настоящую минуту, работать по другую сторону“ (на томъ мѣстѣ, гдѣ Императоръ хотѣлъ насадить садъ, для чего именно и былъ вызванъ Грэй), „поэтому я сказалъ ему, чтобы онъ устроилъ покуда твое любимое мѣстечко“.

Я поблагодарила его. Онъ выглядѣлъ недурно, и голова перестала болѣть; онъ сказалъ, что мнѣ слѣдуетъ прогуляться еще разъ послѣ обѣда. Я просила уволить меня отъ этого, увѣряя, что мнѣ гораздо лучше дома и спокойнѣе, когда я могу быть подлѣ него; я произнесла это съ нѣкоторымъ волненіемъ.

„Будь же благоразумна“, сказалъ онъ, „будь благоразумна“.

Онъ далъ мнѣ попробовать свое питье; ему казалось, что въ немъ былъ какой-то привкусъ; я нашла то же, и онъ замѣтилъ, что и Егорычъ нашелъ это.

Когда зашелъ Вилліе, онъ завелъ рѣчь о своемъ питьѣ и о томъ, какимъ оно намъ показалось. Вилліе увѣрялъ, что это не могло быть. Нѣсколько времени спустя вошелъ Штофрегень; указывая на меня, Императоръ сказалъ ему:

„Говорила она вамъ, что съ нею произошло вчера?“

Я не поняла, что онъ хотѣлъ сказать: онъ вспомнилъ объ угарѣ. Въ два часа онъ послалъ меня обѣдать. Часовъ около пяти, я пригласила Вилліе и спросила его, какъ здоровье Императора. Вилліе былъ веселъ; онъ сказалъ, что у Императора жаръ, но что я могу войти, онъ чувствуетъ себя не такъ, какъ наканунѣ“.

На этомъ обрывается, къ сожалѣнію, дневникъ Императрицы: вѣроятно, озабоченная ухудшеніемъ въ положеніи больного, она не могла болѣе писать. Она не отходила отъ одра умиравшаго, сама закрыла ему глаза, принявъ его послѣдній вздохъ.

Невозможно передать словами то состояніе, въ которое впала удрученная горемъ Императрица. Въ самый день смерти Александра I она извѣстила свою мать о понесенной ею утратѣ глубоко трогательнымъ письмомъ, которое начиналось словами: „Нашъ Ангелъ въ небесахъ“—сдѣлавшимися лозунгомъ народной скорби.

Какъ это, такъ и послѣдующія письма ея къ матери полны выраженіями неподдѣльнаго горя и отчаянія, доходящаго до глубокаго трагизма; въ нихъ вылились истинныя чувства Елисаветы Алексѣвны къ своему супругу, которыя она питала, какъ видно, въ глубинѣ души, всю свою жизнь.

„Сближеніе съ мужемъ, происшедшее за послѣдніе годы, Императрица считала наградой свыше, и неожиданная потеря его была для нея еще больнѣе, еще ужаснѣе“.

„Пишу Вамъ, дорогая мама, не зная, что сказать“, писала Императрица два дня спустя, послѣ кончины Государя, 22 ноября. „Я не въ состояніи дать отчетъ въ томъ, что я чувствую: это одно непрерывное страданіе, это чувство отчаянія, передъ которымъ, я боюсь, моя вѣра окажется безсильной. Боже мой! это кажется выше моихъ силъ! Если бы онъ не оказывалъ мнѣ столько ласки, если бы онъ не давалъ мнѣ до послѣдней минуты столько доказательствъ своего нѣжнаго расположенія. Мнѣ суждено было видѣть, какъ испустилъ духъ этотъ ангелъ, сохранившій способность любить, когда онъ уже потерялъ способность понимать. Что мнѣ дѣлать съ моей волей, которая была подчинена ему, что мнѣ дѣлать съ жизнію,

которую я готова была посвятить ему! Мама, мама, что дѣлать, какъ быть! Впереди все темно...

Рука, которая пишетъ Вамъ это письмо, закрыла ему глаза. Мама, понимаете ли Вы это? Я не могу этого понять! Какъ я несчастна, и какъ Вы будете страдать вмѣстѣ со мною! Я удручена горемъ, я не знаю, что меня ожидаетъ, я очень, очень несчастна!

Дорогая мама, я пишу Вамъ, но еще ничего не могу сказать опредѣленнаго. Я получаю Ваши письма! они говорятъ мнѣ о томъ времени, когда я была счастлива! Я еще не сознаю себя; я прошу помощи у Бога, но, вѣроятно, я прошу не такъ, какъ слѣдуетъ. Я такъ одинока! Все смутно вокругъ меня; я живу только воспоминаніями объ этихъ тяжелыхъ дняхъ; для меня въ этомъ теперь настоящее и будущее! Никто не зналъ такъ, какъ я, эту истинно христіанскую душу, которая выказала себя во время болѣзни.

Я окружена самой нѣжной заботливостью и вниманіемъ, но никто не можетъ понять меня.

...Здѣсь все окружающее напоминаетъ мнѣ его нѣжную заботливость, его радость, которую онъ испытывалъ, когда ему казалось, что онъ нашелъ какую-нибудь вещь, которая могла доставить мнѣ лишнее удобство, когда онъ спрашивалъ меня раза три, четыре въ день: „Хорошо ли тебѣ? Все ли у тебя есть?“

Боже мой, Боже мой! Эти воспоминанія убиваютъ меня, но сокровище, которымъ я владѣю съ сегодняшняго дня, доставило мнѣ невыразимое благо. Это его библія, которую вотъ уже десять лѣтъ, онъ читалъ ежедневно, которая лежала всегда у него на столѣ, которую я тысячу разъ видѣла въ его рукахъ, которая испещрена его помѣтами; я потребовала ее и получила сегодня [писано 29 ноября (11 дек.)]. Въ моемъ отчаяніи, я сказала себѣ: „я найду въ ней спокойствіе“ и я нашла его. Немногіе, мама, знали его душу, знали, какъ она была возвышенна. Люди отыскивали его слабости зачастую для того, чтобы воспользоваться ими. Но надобно было видѣть все, что онъ переносилъ, и какъ онъ это переносилъ, чтобы понять, что Господь снискалъ его своей любовью.

...Бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что все это сонъ, что придетъ день, когда настанетъ пробужденіе.

...Что касается меня, я могу сказать совершенно искренно: для меня, отнынѣ, не существуетъ ничто. Для меня все безразлично, я ничего не жду, я ничего не желаю, я не знаю, что я буду дѣлать, куда я поѣду, я знаю одно, что я не вернусь въ Петербургъ: для меня это немыслимо!..

Тяготящее надо мною смутное горе начинаетъ принимать болѣе опредѣленныя очертанія. Мое положеніе такъ ново, что подѣ

часть это меня пугаетъ. Я давно уже принесла ему въ жертву свою волю, какъ въ повседневной жизни, такъ и въ болѣе важныхъ дѣлахъ: вначалѣ это требовало усилія, современемъ это стало отрадою; я смѣшивала мою покорность его волѣ съ покорностью волѣ Божіей, такъ какъ я считала это своимъ долгомъ; когда я колебалась въ чемъ-нибудь, я говорила: онъ этого хочетъ! и хотя это не совпадало съ моимъ желаніемъ, но, я была довольна. Теперь я не знаю, какъ устроить свою жизнь“.

Приведенные отрывки изъ скорбныхъ писемъ Елисаветы Алексѣвны не только рисуютъ ея душевное состояніе въ первые дни послѣ кончины Александра I, но, какъ замѣчаетъ ея августѣйшій биографъ, разрушаютъ окончательно всѣ сомнѣнія относительно правдивости легенды, превратившей императора Александра въ сибирскаго старца Θεодора Козьмича; „неужели“, говоритъ онъ, „найдутся еще любители и защитники этой легенды, послѣ прочтенія писемъ Елисаветы Алексѣвны, которую не могли не считать сообщницей своего супруга въ дѣлѣ его мнимаго исчезновенія!“

Пока тѣло Александра I оставалось въ Таганрогѣ, убитая горемъ Императрица, несмотря на свою слабость, ежедневно „два раза въ день аккуратно посѣщала панихиды, не пропустивъ ни одно богослуженіе. Оставаясь почти въ полнѣйшемъ одиночествѣ, Государыня видѣла только приближенныхъ, князя П. М. Волконскаго, Н. М. Лонгинова и фрейлинь Валугеву и Волконскую. Но даже видѣть немногихъ приближенныхъ утомляло ее и не доставляло ей никакого утѣшенія. Изъ Одессы пріѣхала навѣстить Государыню ея бывшая фрейлина Стурдза, теперь г-жа Эдлингъ, а изъ Петербурга—графиня С. В. Строганова, давнишняя подруга Императрицы, которая умѣла вести подходящія бесѣды и менѣе всего утомляла Государыню“.

Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Таганрогѣ, графиня Строганова уѣхала въ Петербургъ. Одинокое и терпѣливое Государыня продолжала переносить свое горе и тяжелый крестъ, который ниспослало ей Провидѣніе.

Будущее рисовалось передъ нею совершенно неопредѣленно, она ничего не предрѣшала, однако считала для себя невозможнымъ жить въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ и помышляла поселиться гдѣ-нибудь подъ Москвою. „Намѣчалось Суханово — имѣніе князя П. М. Волконскаго и Царицыно — казенное имѣніе въ Московской губерніи, или пріобрѣтеніе собственнаго имѣнія“, гдѣ, какъ она писала маркграфинѣ, она была бы у себя дома. На предложенія частныхъ лицъ, готовыхъ уступить ей временно свои помѣстья для пользованія, она отвѣчала отказомъ. Что же касалось возможности избрать для себя одинъ изъ загородныхъ дворцовъ близъ Петербурга,

она и слышать объ этомъ не хотѣла. Ей достались, по завѣщанію Александра Павловича, Ораніенбаумскій и Каменноостровскій дворцы. Она ихъ уступила Великому Князю Михаилу Павловичу и его супругѣ“.

Скажемъ сейчасъ, что она отказалась и отъ миллионнаго оклада, который Императоръ Николай великодушно назначилъ ей въ годъ и пожелала довольствоваться шестьюстами тысячами рублей, какъ было положено въ актѣ объ Императорской фамилии еще Императоромъ Павломъ.

Между тѣмъ здоровье Императрицы Елисаветы, подъ вліяніемъ болѣзни, подтачивавшей ея силы, и душевной, скорби, день отъ дня ухудшалось. Она таяла на глазахъ приближенныхъ. Она неоднократно жаловалась матери на свое здоровье, но, какъ видно, еще надѣялась переломить недугъ.

„Если мнѣ суждено жить, признаюсь, я хотѣла бы набраться силъ для всего, что мнѣ еще предстоитъ. Думая объ этомъ, моя душа иногда изнемогаетъ, и если мое тѣло также обезсилить, что тогда будетъ? Но я напрасно строю какія-либо предположенія. Всякому дню довлѣетъ злоба его! Господь позаботится о завтрашнемъ днѣ. Онъ сдѣлаетъ все къ лучшему“.

„Я забочусь о своемъ здоровьѣ“, пишетъ она другой разъ, — „это скучное занятіе, но мнѣ такъ хотѣлось бы имѣть немного силъ для моего путешествія, которое, если на то будетъ воля Божія, назначено черезъ три недѣли (писано 1 апрѣля).“

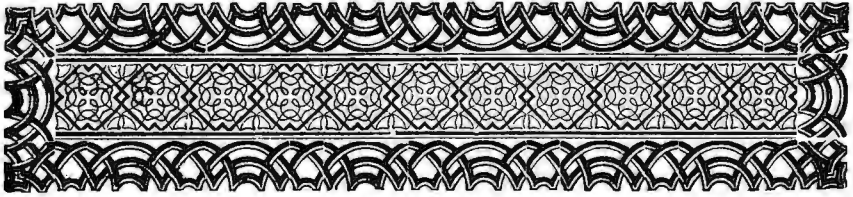
„Прежде чѣмъ Вы получите это письмо, я уѣду отсюда. Завтра я начинаю снова брать солодовые ванны, которыя принесли мнѣ большую пользу въ 1823 г. въ Царскомъ Селѣ. Правда, я тогда еще не испытала всего того, что я перенесла въ эти два съ половиною года“.

Наконецъ, наканунѣ отъѣзда, Императрица писала:

„Я уѣзжаю завтра, въ 9 часовъ утра, изъ церкви греческаго монастыря, куда я пріѣхала, и гдѣ мой Императоръ стоялъ семнадцать дней. Я пробуду тамъ съ минутку, тамъ будетъ отслуженъ краткій молебенъ, но для сердца моего будетъ отрадно уѣхать оттуда. Прощайте, дорогая мама. Итакъ я начинаю новую жизнь, гдѣ мнѣ предстоитъ тысяча новыхъ испытаній. Богъ поможетъ мнѣ, я въ этомъ увѣрена, и дастъ мнѣ физическія силы, которыя мнѣ такъ нужны“.

В. В. Тимошукъ.

Наброски изъ моей жизни¹⁾.

1 мая 1863 года, въ годъ выхода Описанія обороны Севастополя, я получилъ изъ Канцеляріи Генераль Квартирмейстера предписаніе, въ которомъ было сказано, что я, по приказанію военнаго министра, командируюсь въ распоряженіе генераль-лейтенанта Вилькена и долженъ отправиться немедленно въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

Назначенный въ распоряженіе совершенно незнакомаго мнѣ чело-вѣка и для неизвѣстной мнѣ цѣли, я рѣшился спросить у А. И. Веригина.

— Что же я, Ваше Превосходительство, буду дѣлать у генерала Вилькена?

— Ничего вамъ сказать не могу, ибо инициатива всего, что касается Сѣверо-Западнаго края, исходитъ отъ генерала Муравьева. Передъ отъѣздомъ вы должны представиться министру; можетъ быть онъ найдетъ нужнымъ передать вамъ какія-нибудь подробности. Больше я вамъ ничего не могу сказать.

Въ назначенный день наканунѣ моего отъѣзда я отправился къ Д. А. Милютину, съ которымъ въ первый разъ въ жизни долженъ былъ столкнуться лицомъ къ лицу.

Я никакъ не могу забыть этой встрѣчи, ибо я былъ первымъ экспроприаторомъ чужой собственности, хотя по необходимости и временно. Войдя въ переднюю и оправляя мундиръ, я, къ ужасу своему, замѣтилъ, что я забылъ надѣть кушакъ. Явиться къ министру въ первый разъ и въ неряшливомъ видѣ могло положить отпечатокъ на мою служебную физиономію. Но тутъ у меня блеснула экспроприаторская мысль. Прежде чѣмъ пустить камердинера съ докладомъ обо мнѣ, я обратился къ нему съ просьбою дать мнѣ

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

кушакъ Дмитрія Алексѣевича. Камердинеръ, конечно, согласился, и мы, передвинувъ вслѣдствіе различія талій пряжки, оба были вполне удовлетворены, а кушакъ по окончаніи аудіенціи былъ водворенъ на свое мѣсто.

Военный министръ, дѣйствительно, какъ говорилъ А. И. Веригинъ, разъяснилъ мнѣ, но не многое, и это меня не удовлетворило вовсе.

— Вамъ надо не медлить, а отправляться скорѣе; тамъ Горечкая шайка надѣлала Богъ знаетъ что; генераль Вилькенъ не останется тамъ; можетъ вы его уже не застанете на мѣстѣ; Муравьевъ просилъ меня назначить туда князя Яшвиля, который, вѣроятно, скоро тамъ будетъ. Впрочемъ и князь Яшвиль не долго тамъ пробудетъ. Ему придется получить дивизію. Желаю вамъ счастливаго пути.

Я былъ радъ, что командировка моя кончится, когда князь Яшвиль получитъ дивизію.

Что же это я за несчастный мячикъ, который мое начальство перебрасываетъ изъ однихъ рукъ въ другія, сначала отъ себя къ Вилькену, Вилькенъ къ князю Яшвилю, а послѣдній неизвѣстно къ кому меня заброситъ.

И задумался я болѣе всего на счетъ князя Яшвиля. Въ ранней молодости слышалъ я, что какой-то князь Яшвиль дрался на дуэли съ княземъ Долгорукимъ и, кажется, убилъ его. Потомъ припоминалъ, что въ Лейбъ-Гвардіи Гусарскомъ полку, которымъ онъ командовалъ, его называли Мамаемъ. Ну, думаю, все это не предвѣщаетъ мнѣ ничего хорошаго. Но все кончено, теперь поздно разсуждать; надо ѣхать, немедля, какъ сказано въ предписаніи, въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

И я поѣхалъ.

Въ лицѣ Вилькена я нашелъ дряхлаго, артиллерійскаго генерала.

— Честь имѣю представиться: подполковникъ Зыковъ, отпрапортовалъ я.

— Очень радъ, отвѣчалъ Вилькенъ, и тутъ же сразу огорошилъ меня вопросомъ:

— А зачѣмъ васъ прислали сюда?

— Я полагаю, чтобы получить отъ васъ какія-либо приказанія.

— Никакихъ приказаній я вамъ дать не могу; можетъ быть вамъ самимъ что-нибудь нужно.

— Я бы желалъ знать только расквартированіе войскъ въ губерніи, но это я могу получить у васъ въ штабѣ.

Черезъ два дня я встрѣтилъ своего однокашника Бориславскаго,

адъютанта Вилькена, и онъ мнѣ передалъ отзывъ обо мнѣ своего принципала.

— Какіе педанты эти офицеры Генеральнаго штаба; только пріѣхалъ, подавай ему росписаніе войскъ, сказалъ онъ Бориславскому.

А между тѣмъ меня интересовало вовсе не простое любопытство, я былъ убѣжденъ, что какъ только пріѣдетъ князь Яшвиля, то прежде всего объ этомъ спросить меня; я же рѣшился ожидать князя Яшвиля, никуда не показываться такъ, что даже не зналъ, когда выѣхалъ изъ Могилева Вилькенъ.

Надо замѣтить, что въ тѣ времена въ мѣстечкѣ Горки, въ Могилевской губерніи существовала земледѣльческая Горецкая школа, гдѣ, какъ и во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, преобладали, если не поляки, то во всякомъ случаѣ католики. Въ училищѣ образовалась шайка, которая, не долго думая, рѣшила присоединить Могилевскую губернію къ Царству Польскому, гдѣ въ то время шло возстаніе, съ января 1863 года.

И вотъ въ одинъ прекрасный день въ училищѣ происходитъ слѣдующее:

Является вооруженная шайка всякаго сброда, по преимуществу польскаго, нападаетъ на несчастную инвалидную команду, ранить, убиваетъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ безоружныхъ, захватываетъ денежный сундукъ, и нѣкто Маргулецъ идетъ къ директору училища и заявляетъ ему, что польскія войска подъ начальствомъ воеводы, Топора, вступили въ городъ, а онъ, директоръ, находится въ плѣну.

Въ то же время студентъ Кучелевскій является къ директору фермы, Юрьевичу, и требуетъ у него отъ имени Топора лошадей и фермеровъ для комплектованія своей шайки.

Изъ инвалидной команды было много убитыхъ и раненыхъ; на одного изъ инвалидовъ напало разомъ пятеро студентовъ, однако, онъ продалъ жизнь свою не даромъ, убивъ одного изъ главныхъ— Домороцкаго. Одинъ изъ студентовъ, Козель, занималъ въ шайкѣ Топора званіе начальника коннаго отряда. Въ этой же шайкѣ были помѣщики и даже нѣкоторые мировые посредники.

Когда я пріѣхалъ въ Могилевъ, то вся шайка уже была переловлена, и всѣ дѣйствовавшіе въ ней были арестованы.

До прибытія въ Могилевъ князя Яшвиля, я, конечно, ни во что не вмѣшивался, и когда ко мнѣ совершенно неожиданно явился майоръ Шульгинъ съ просьбою очистить казармы отъ содержащихся въ нихъ политическихъ арестантовъ, то я, несмотря на его основательные доводы, отказалъ, заявивъ, что до прибытія князя Яшвиля ничего сдѣлать не имѣю права.

Живя нѣсколько дней въ городѣ, я имѣлъ возможность увидѣть одно странное явленіе. Постоянно я вижу, что въ городѣ и на противоположномъ берегу горять въ домахъ огни даже среди ночи. Но одинъ изъ мѣстныхъ жителей объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло; оказалось, что противъ города расположено мѣщанское поселеніе Луполово. Со времени появленія Горецкой шайки напалъ страхъ на жителей обоихъ береговъ Днѣпра; горожане стали бояться, какъ бы жители русскаго населенія Луполово не вырѣзали городъ, а луполовцы боялись того же самаго отъ могилевскихъ поляковъ, и это продолжалось довольно долго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока были казнены главные дѣятели шайки.

Слѣдуетъ сказать, что раненые солдаты, отправленные въ городскую больницу, были встрѣчены медицинскимъ и служебнымъ персоналомъ, состоящимъ изъ поляковъ, весьма недружелюбно и даже враждебно. Къ сожалѣнію тогдашній губернаторъ Беклемишевъ не догадался посѣтить больницу и сказать нѣсколько словъ раненымъ и поблагодарить ихъ за вѣрную службу. Можетъ быть это охладило бы пылъ польскихъ патріотовъ Могилевской губерніи, и они не встрѣтили бы раненыхъ съ ругательствомъ, какъ заявляли тогда же сами раненые. Надо сказать однако, что Беклемишевъ былъ человѣкъ вполне образованный, русскій и при томъ весьма дѣятельный, хотя пропустилъ время, чтобы предупредить нелѣпое возстаніе. Можетъ быть это было причиною, что Муравьевъ, хотя и оставилъ его на мѣстѣ, но, повидимому, недолго любилъ его.

Но то, чего не сдѣлалъ Беклемишевъ, впоследствии сдѣлалъ князь Яшвилъ и при томъ въ истинно мамаевской формѣ.

Наконецъ, прибылъ и князь Яшвилъ. Я предсталъ предъ человекомъ высокаго роста, съ суровымъ лицомъ, густо обросшимъ волосами, и весьма внушительною фігурою. Принять имъ я былъ просто, и между нами въ первое свиданіе произошелъ весьма короткій разговоръ.

— Очень радъ съ вами познакомиться, ваше имя и отчество.

— Сергѣй Павловичъ.

— Прошу васъ, Сергѣй Павловичъ, поселиться поближе ко мнѣ, такъ какъ я думаю, что намъ неизбѣжно придется часто нуждаться одному въ другомъ.

— Я какъ разъ устроилъ канцелярію въ томъ же домѣ, гдѣ будете жить и вы, ваше сіятельство.

— Ну и прекрасно. А знаете ли вы, что тутъ было съ ранеными въ больницѣ. Мнѣ Муравьевъ рассказывалъ, какъ доктора называли раненыхъ пся кровь (собачья кровь).

— Да, я это слышалъ.

— Каковы подлецы! Вотъ я имъ покажу, какъ ругать русскаго солдата.

Тѣмъ разговоръ нашъ на этотъ разъ и кончился.

Впечатлѣнiе, которое произвелъ на меня князь Яшвиль, было не въ его пользу; ты, братъ, дѣйствительно Мамай и жить съ тобой чѣмъ меньше придется, тѣмъ лучше, подумалъ я, уходя отъ него.

Но я жестоко ошибался; на немъ вполне оправдалась басня Крылова, начинающаяся словами „наружность иногда обманчива бываетъ“. Этотъ по наружности суровый человекъ былъ добрѣйшей души, готовый на всякое снисхожденiе къ просьбѣ пострадавшихъ и за свое снисхожденiе иногда заслуживавшiй порицанiе со стороны Муравьева. Къ тому же онъ былъ чрезвычайно богомоленъ.

Что же касается моихъ служебныхъ къ нему отношенiй, то я никогда не желалъ бы имѣть лучшаго начальника.

На третiй или на четвертый день по прiѣздѣ, князь Яшвиль вошелъ ко мнѣ въ комнату со словами:

— Вѣдте, Сергѣй Павловичъ.

— Куда прикажете, князь?

— Въ госпиталь, надо навѣстить раненныхъ, давно бы надо было.

Хотя никто не оповѣщалъ объ этой поѣздкѣ, однако по прiбытiи нашемъ на мѣсто, насъ встрѣтилъ въ чинномъ порядкѣ весь медицинскiй персоналъ съ статскимъ совѣтникомъ въ генеральскихъ эполетахъ во главѣ.

Сдѣлавъ общiй поклонъ, князь Яшвиль началъ обходить, спрашивая фамилiю каждаго; пройдя всѣхъ, онъ вдругъ отступилъ шага на два и весьма грознымъ голосомъ закричалъ:

— Да что же это такое; вѣдь это не Могилевская губернiя, а царство Польское.

Оказалось, что это были все польскiя фамилiи.

— И зачѣмъ это вы сюда собрались?—продолжалъ Яшвиль, ваше мѣсто не здѣсь, а въ Польшѣ; туда и убирайтесь, а вы еще смѣете ругать русскаго солдата, который служитъ русскому царю, не какъ вы, а какъ честный человекъ.

Я, стоя въ сторонѣ, изумился этой выходкѣ и, полагая, что такому изступленiю не будетъ конца, отошелъ еще далѣе.

Однако, этимъ дѣло и кончилось; велѣдъ затѣмъ князь Яшвиль, въ сопровожденiи того же персонала, началъ обходить раненныхъ, благодаря ихъ за службу и въ то же время снабжая ихъ деньгами.

Убѣжденный, что князь Яшвиль находится въ крайнемъ раздраженiи и говорить съ нимъ о чемъ бы то ни было совершенно бесполезно, я молчалъ. Но каково было мое удивленiе, когда, отъѣхавъ

саженъ сто, онъ съ добродушною улыбкою обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А каково я ихъ отдѣлалъ, Сергѣй Павловичъ? Какъ вамъ это нравится?

— Все это хорошо, но я думаю, что съ вашей стороны было рискованно.

— Это почему?

— Да развѣ вы не замѣтили, что на правомъ флангѣ докторъ былъ въ генеральскихъ эполетахъ? Что, если бы онъ вздумалъ отвѣчать?

— Молоды вы, Сергѣй Павловичъ, оттого такъ и говорите; вѣдь все это п.....цы. Вѣдь всѣ они остались здѣсь, чтобы сберечь свою шкуру. Вѣдь вотъ въ шайку-то они не пошли потому, что безопаснѣе и выгоднѣе дѣлать подлости здѣсь, да еще за это и деньги получать.

Противъ такого аргумента нельзя было ничего возразить.

Покончивъ одно, пришлось приняться за другое. Уже до пріѣзда князя Яшвиля, майоръ Шульгинъ обращался ко мнѣ съ просьбою освободить гарнизонную казарму, въ которой помѣщались политическіе арестанты. До пріѣзда князя Яшвиля я не считалъ себя въ правѣ дѣлать какія бы то ни было распоряженія, а по пріѣздѣ его доложилъ объ этомъ ему. „Поѣзжайте, посмотрите вездѣ, гдѣ арестованные и сдѣлайте, что можно“, сказалъ мнѣ Яшвиль.

Собравъ свѣдѣнія обо всѣхъ арестованныхъ, я узналъ, что всего ихъ вообще было 449 человѣкъ, а помѣщались они, гдѣ только можно было: въ гарнизонныхъ казармахъ, въ острогѣ и, наконецъ, даже въ зданіи богоугодныхъ заведеній.

Для обзорѣнія я обратился только въ казармы гарнизоннаго батальона, гдѣ увидѣлъ рѣдкую картину. Въ помѣщеніи, отведенномъ для арестованныхъ, было 177 человѣкъ самаго разнообразнаго вида: тутъ были помѣщики въ обыкновенныхъ костюмахъ и халатахъ, другіе въ чамаркахъ, крестьяне въ бѣлыхъ свиткахъ и просто въ однѣхъ рубашкахъ и, наконецъ, къ величайшему моему удивленію, нѣкоторыя лица въ дворянскихъ мундирахъ.

При входѣ въ казарму, я былъ встрѣченъ всеобщимъ гвалтомъ, который выражалъ просьбу и заявлялъ свои желанія; кромѣ того, всѣ они говорили, что ни въ чемъ неповинны, а арестованы крестьянами по злобѣ на помѣщиковъ. Можетъ быть многіе говорили правду, но такъ какъ я не имѣлъ права входить въ подробности, то я объяснилъ, что пришелъ только осмотрѣть ихъ помѣщеніе и ничего болѣе.

Болѣе всего меня удивили тѣ изъ арестованныхъ, которые

были одѣты въ дворянскіе мундиры. Объяснилось это однако просто. Когда русскіе крестьяне слышали, что поляки бунтуютъ противъ царя, то бросились въ помѣщичьи дома и привялись арестовывать господъ и представлять ихъ въ Могилевъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застали. Нѣкоторые же помѣщики, желая импонировать крестьянамъ, облеклись въ дворянскіе мундиры, рассчитывая, что это подѣйствуетъ на крестьянъ успокоительно. Но это имъ нисколько не помогло, и ихъ иногда даже связанными также доставляли въ казарму.

Командиръ гарнизоннаго батальона маіоръ Шульгинъ былъ совершенно молодой человѣкъ, бывшій гвардейскій офицеръ. Вѣроятно, дослужившись въ гвардію до штабсъ-капитанскаго чина, онъ перевелся въ армію маіоромъ и по протекціи получилъ гарнизонный батальонъ, что въ то время было очень выгодно. Все у него было хорошо и спокойно, пока въ Западномъ краѣ не появились *польскія* войска, вздумавшія присоединить Могилевскую губернію къ царству Польскому. Но результатомъ всего этого оказалось только увеличеніе въ его владѣніяхъ населенія, съ которымъ онъ не зналъ, что дѣлать. Отдѣленіе помѣщенія для арестованныхъ стѣсняло остальныхъ; продовольствіе на арестантскія деньги возбуждало неудовольствіе помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ, бывшихъ въ числѣ арестантовъ; прекращеніе сношеній арестованныхъ съ вѣшнимъ міромъ было совершенно невозможно, ибо казарма вовсе не представляла собою тюремнаго зданія.

Все это печалило и страшило бѣднаго Шульгина, горячо просившаго меня все видѣнное мною передать князю Яшвилю съ просьбою облегчить его положеніе.

Выслушавъ lamentаціи Шульгина, я понялъ, что тутъ никакой князь Яшвиль не въ состояніи ничего сдѣлать. Поэтому общавъ, что доложу все подробно князю, я совѣтовалъ Шульгину примириться съ своей судьбой и терпѣливо нести свой крестъ, наложенный на него *польскими* войсками, вступившими подъ начальствомъ доудца (воеводы) Топора въ Могилевъ.

Я, разумѣется, все доложилъ Яшвилю, и между нами завязался слѣдующій разговоръ, характеризующій добрый характеръ его.

— Что же вы сдѣлали? спросилъ онъ.

— Ничего, отвѣчалъ я.

— Но почему? Вѣдь тамъ есть и невинные, которыхъ надо освободить.

— Ничего нельзя сдѣлать, ибо это не мы арестовывали, и у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ производить надъ ними судъ и расправу, это дѣло губернатора и суда.

— Но вѣдь мы на военномъ положеніи.

— Это ничего не значитъ, и вы, князь, конечно въ Вильнѣ представлялись Муравьеву?

— Какъ же.

— И онъ давалъ же вамъ какія-нибудь инструкціи?

— Но эта инструкція коротка. „Не тяните дѣло. Рѣшайте его на мѣстѣ сами; задушите крамолу, въ которой замѣшаны у васъ офицеры, и поменьше всякихъ запросовъ мнѣ“.

— Коротка, это правда, но, мнѣ кажется, довольно ясная. Вѣдь крамолы-то въ Могилевской губерніи уже не существуетъ: вся она заключена въ казармахъ гарнизоннаго батальона, въ острогѣ и даже въ зданіи богоугодныхъ заведеній, слѣдовательно, главная часть инструкціи исполнена, а остальное будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Немного подумавъ, князь Яшвилъ спросилъ меня.

— Вы хорошо знаете законы о военномъ положеніи?

— Нѣтъ, во всей точности не знакомъ съ этимъ.

— Ну я тоже. Что же мы будемъ дѣлать?

— Я полагалъ бы вамъ въ это дѣло пока не вмѣшиваться, тѣмъ болѣе, что сегодня я получилъ свѣдѣнія, что въ числѣ арестованныхъ есть три офицера, бывшихъ въ шайкѣ. Вотъ когда дѣло дойдетъ до нихъ, тогда вамъ придется ихъ судить.

Князь не много подумалъ и съ видимою радостью воскликнулъ: а я знаю, что дѣлать; я батюшка, Сергѣй Павловичъ, выпишу вамъ человѣчка, который насъ съ вами не продастъ ни за что.

— Кто же это такой?

— Аудиторъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, Чернолуцкій. Пишите пожалуйста сейчасъ же всюду, куда нужно, чтобы немедленно изъ Петербурга выѣхалъ Чернолуцкій.

Черезъ нѣсколько дней Чернолуцкій былъ уже въ Могилевѣ, князь Яшвилъ успокоился, и мы съ княземъ принялись за дѣло.

Прежде всего, конечно, нужно было разобрать, насколько возможно, дѣла арестованныхъ, чтобы при посредствѣ губернатора, если не освободить, то облегчить положеніе менѣе заподозрѣнныхъ. Но какъ мы ни старались, ничего сдѣлать не могли. Да наконецъ нужно было подумать и о нижнихъ чинахъ гарнизоннаго батальона; вопли Шульгина имѣли полное основаніе; нижніе чины несли усиленную караульную службу въ трехъ мѣстахъ, не имѣя въ то же время никакой возможности исполнять свой долгъ относительно тюремныхъ правилъ. Арестованные безпрепятственно сносились съ внѣшнимъ міромъ, производили дебоши, дерзко предъявляли разныя требованія, словомъ, не считали себя тѣми арестан-

тами, противъ которыхъ, въ случаѣ надобности, можно употребить силу оружія, они были убѣждены, что правительство не посмѣетъ употребить рѣшительныхъ мѣръ. Конечно, это дѣлали не тѣ несчастные, которые, повѣривъ вожакамъ на слово, пошли за ними какъ бараны и теперь горько оплакивали свою участь. Дебоши устраивали привилегированныя лица, понятія которыхъ о польскомъ возстаніи и о конечныхъ результатахъ его доходили до смѣшного. Многие изъ этихъ господъ были вполне убѣждены, что вмѣшательство постороннихъ державъ послѣдуетъ не позже іюля, и что онѣ заставятъ русское правительство освободить Польшу.

Вотъ эти-то интеллигенты и мучили несчастныхъ бѣлоруссовъ, съ однимъ изъ которыхъ я однажды и бесѣдовалъ.

— Скажи мнѣ, зачѣмъ ты пошелъ въ шайку? спросилъ я.

— Панъ говорилъ, что нужно; что каждый вѣрный католикъ долженъ идти въ шайку, такъ желаетъ и Папа.

— А ты ему такъ и повѣрилъ.

— А какъ же пану не вѣрить.

— Да вѣдь ты русскій.

— Нѣтъ, я не русскій, прервалъ меня мой собесѣдникъ, я католикъ.

Видя, что совершенно бесполезно вести разговоръ о различіи между національностью и религіею, я продолжалъ:

— Что же тебѣ еще говорилъ твой панъ?

— Онъ говорилъ, что французы и англичане идутъ на Россію, а флотъ французскій уже въ Варшавѣ.

Этотъ мой рассказъ очень забавилъ Яшвиля.

— Я бы этого дурака свезъ въ Варшаву, чтобы показать, какой мошенникъ его панъ. Однако, нужно же что-нибудь сдѣлать.

— У насъ есть свое дѣло, какъ я вамъ уже докладывалъ; Муравьевъ же указалъ на офицеровъ. Надо прежде всего просить Муравьева о присылкѣ чиновъ для слѣдствія и суда; безъ этого мы ничего не можемъ сдѣлать.

— Хорошо. Ну что же мы будемъ дѣлать съ остальными; куда мы ихъ спустимъ?

— Трудно что-нибудь придумать.

— Ну ладно, я подумаю, сказалъ князь Яшвиль.

И дѣйствительно придумалъ. Не прошло недѣли, какъ князь Яшвиль при моемъ докладѣ вдругъ воскликнулъ:

— А я нашелъ!

— Что такое?

— А куда дѣть арестантовъ. Вѣдь недаромъ же Императоръ Николай Павловичъ строилъ крѣпости. Въ двухъ шагахъ отъ насъ находится Бобруйскъ; вотъ мы ихъ туда и сплавимъ. Распорядитесь.

*

Сдѣлавъ сношеніе съ Циммерманомъ, и по докладѣ его Муравьеву мысль князя была приведена въ исполненіе; большая часть арестантовъ была отправлена, и князь Яшвилъ былъ освобожденъ отъ обязанности производить слѣдствіе и судъ при полномъ отсутствіи какихъ-либо чиновъ юридическаго вѣдомства, между тѣмъ какъ въ крѣпости все это было налицо.

Когда могилевскіе поляки узнали, что повстанцевъ отправили въ Бобруйскъ, то они нѣсколько приуныли, они увидѣли, что правительство не шутитъ, и что отъ него можно ожидать и крутыхъ мѣръ. Однако, все-таки они не переставали надѣяться на иностранную помощь, которая въ концѣ концовъ явилась въ Варшавѣ въ образѣ какого-то бѣглаго зуава. Но и этотъ зуавъ, приглядѣвшись къ повстанцамъ, убѣждалъ отъ нихъ.

Воодушевленные дикими мечтами, могилевскіе поляки держали себя довольно надменно въ отношеніи русскихъ вообще и все время никакъ не хотѣли повѣрить, чтобы могли казнить кого бы то ни было.

Какъ только поселился князь Яшвилъ въ своей квартирѣ, какъ она сдѣлалась какимъ-то сборнымъ мѣстомъ польской шляхты всѣхъ ранговъ и половъ. Ежедневно появлялись и дамы и мужчины съ разными просьбами и жалобами. Изъ мужчинъ чаще всего появлялся предводитель дворянства князь Любомірскій. Онъ всегда осуждалъ возстаніе, говорилъ о своей преданности, жалѣлъ и тѣхъ, которые были увлечены въ возстаніе, словомъ, это былъ человѣкъ вполне русскій и надежный сынъ отечества. Но часто въ то время какъ князь Любомірскій распинался у князя Яшвиля, выставляя свою преданность, я получалъ свѣдѣнія, что наканунѣ въ такомъ-то его имѣніи повстанцы благополучно ужинали, на счетъ князя; разумѣется, князь былъ тутъ ни при чемъ, виноватымъ всегда былъ или арендаторъ, или управитель княжескаго имѣнія. Никогда никакихъ прямыхъ доказательствъ противъ самого князя нельзя было найти. Муравьевъ тѣмъ не менѣе уволилъ князя Любомірскаго отъ предводительства.

Другой князь Любомірскій, посѣщавшій князя Яшвиля, былъ человѣкомъ совсѣмъ другого типа; насколько тонкія черты лица, умѣренныя позы и тихій голосъ одного напоминали іезуита, на столько все это въ другомъ обличало свѣтскаго человѣка, любящаго пользоваться всѣми утѣхами жизни. Онъ былъ вполне правъ, когда говорилъ князю Яшвилю: *Je ne m'occupe que des fleurs et des femmes.*

И дѣйствительно противъ него не было никакихъ уликъ.

Болѣе всего одолевали князя Яшвиля дамы самыхъ разнообраз-

ныхъ лѣтъ и состояній; всѣ онѣ обыкновенно приходили ежедневно, съ разными просьбами, иногда совершенно незаконными, а иногда просто съ нелѣпыми. Князь Яшвилъ держалъ себя вполне корректно, и если онъ одной изъ нихъ удѣлялъ болѣе продолжительное время для разговора, то на это имѣлись весьма важныя причины.

Несмотря на всѣ возможные розыски, долгое время не могли узнать, кто такой Топоръ. Между тѣмъ было извѣстно, что наканунѣ нападенія на Горки Топоръ ночевалъ въ имѣнннхъ мирового посредника Миткевича, гдѣ за отсутствіемъ мужа его принимала г-жа Миткевичъ. Вотъ эта госпожа чуть не ежедневно являлась къ Яшвилю, каждый разъ на что-нибудь жалуясь: то она говорила, что при обыскѣ у нея пропало серебро, то опечатали послѣднія туфли и ей приходится ходить чуть не босою; наконецъ, что ей просто житья нѣтъ отъ губернаторскихъ чиновниковъ, производящихъ слѣдствіе о ея мужѣ.

Сначала князь Яшвилъ, разжалобленный слезами хорошенькой молодой временно соломенной вдовы, все это принималъ за чистую монету и возмущался за беззащитную женщину. Это стараніе князя Яшвиля болѣе всего отзывалось на мнѣ.

— Послушайте, Сергѣй Павловичъ, что тутъ дѣлается. Вѣдь это ни на что не похоже; переговорите съ губернаторомъ.

И вотъ я ѣду къ губернатору и передаю ему жалобу, тотъ призываетъ правителя канцеляріи Гортынскаго; тутъ же производится разслѣдованіе, и вся исторія оказывается совершеннымъ вздоромъ или самое большое преувеличеніемъ во сто разъ того или другого факта.

Надо сказать, что очень многіе подъ предлогомъ жалобы являлись только за тѣмъ, чтобы изъ разговоровъ узнать что-нибудь, а въ особенности на счетъ Топора: всѣхъ интересовало, узнали ли, кто такой Топоръ. Князь Яшвилъ неоднократно заводилъ разговоръ съ Миткевичъ и спрашивалъ ее, не знаетъ ли она, кто скрывается подъ этимъ псевдонимомъ, но она, конечно, клялась всѣми святыми, что не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія.

Справки обо всѣхъ жалобахъ, почти всегда неосновательныхъ, мѣшали мнѣ заниматься дѣломъ, и я просилъ князя Яшвиля не отрывать меня отъ моихъ занятій, на что онъ и согласился. Но какъ-то разъ князь входитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Ну, батюшка, извините, а когда сегодня придетъ ко мнѣ мадамъ Миткевичъ, я васъ позову.

— Это по какому же случаю?

— А вотъ увидите, это мой секретъ, только предупреждаю васъ,

не засматривайтесь на нее, а смотрите на меня, пока я съ нею буду разговаривать.

Я, разумѣется, съ нетерпѣніемъ ждалъ время, когда должна была появиться госпожа Миткевичъ. Едва прошло полчаса, какъ князь Яшвилъ прислалъ за мною. При входѣ въ комнату я засталъ князя сидящимъ у стола визави съ Миткевичъ, а передъ нимъ развернутый листъ бѣлой бумаги. Она продолжала начатый до меня разговоръ на французскомъ языкѣ.

— Но вы, князь, конечно уже знаете настоящее имя Топора?

— Къ сожалѣнію, есть только подозрѣніе, которое можетъ не оправдаться.

Хотя князь Яшвилъ не велѣлъ мнѣ глядѣть на госпожу Миткевичъ, однако, я отъ времени до времени на нее взглядывалъ и видѣлъ на ея лицѣ выраженіе крайняго любопытства. Въ то же время я замѣтилъ, что Яшвилъ пальцемъ водить по бумагѣ. Оказалось, что онъ довольно крупно начертилъ сначала букву Ж, потомъ довольно быстро слѣдующія: в и р. Это была послѣдняя буква, вслѣдъ за начертаніемъ которой, на глазахъ Миткевичъ навернулись слезы, она поднесла къ глазамъ платокъ и, ни слова не сказавъ, быстро удалилась изъ комнаты. Она поняла, что псевдонимъ Топоръ, прикрывавшій собою настоящее имя офицера генеральнаго штаба Жвирждовскаго, разоблаченъ окончательно, и воеводѣ Могилевской губерніи грозитъ печальная участь. Теперь уже не было никакого сомнѣнія, что Топоръ и Жвирждовскій синонимы.

Съ тѣхъ поръ, госпожа Миткевичъ не переступала порога въ квартиру князя Яшвила.

Понятно, что все дѣло Горечкой шайки касалось мужа, а отнюдь не госпожи Миткевичъ, съ которой никакихъ дальнѣйшихъ непріятностей не происходило. Жвирждовскій же вскорѣ былъ пойманъ и казненъ.

Что же касается самого Миткевича, то я не знаю, какая судьба его постигла.

Между тѣмъ Муравьевъ безпрестанно напоминалъ Яшвилю, отчего до сихъ поръ ничего не сдѣлано по дѣлу взятыхъ въ шайкѣ трехъ артиллерійскихъ офицеровъ поручика Корсакъ и двухъ прапорщиковъ братьевъ Манцевичахъ и эмигрантѣ Андипѣ. Но дѣло это и не могло идти быстро, ибо у насъ не было никакихъ судебныхъ органовъ. Тогда для суда Муравьевъ прислалъ изъ Вильны какого-то моряка Коломотьяно; для слѣдствія у насъ былъ, какъ я уже сказалъ, выписанный изъ Петербурга аудиторъ—Чернолуцкій.

Дѣло шло очень медленно вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, а между тѣмъ оно очень раздражало Муравьева, тѣмъ болѣе, что

начальники отдѣльныхъ частей, которымъ Муравьевъ далъ право окончательно конфирмовать приговоры, весьма рѣдко пользовались своимъ правомъ, а, вопреки приказу его, окончательные приговоры посылали къ нему. Что касается конфирмаціи Яшвиля, то теперь, по прошествіи 46 лѣтъ, я не могу припомнить, самъ ли князь Яшвиль конфирмировалъ смертный приговоръ или посылалъ Муравьеву. Думаю, что самъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ бы получилъ отъ Муравьева выговоръ, чего, кажется, не было.

Утверждать смертный приговоръ приходилось надъ четырьмя лицами, изъ числа которыхъ было три офицера, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Два изъ нихъ были совершенно юные прапорщики Манцевичи и подпоручикъ Корсакъ и четвертый Андипа, вернувшійся сюда послѣ амнистіи въ 30-хъ годахъ. Вина Манцевичей, и безъ того уже за свое преступленіе подлежащая тягчайшему наказанію, усугублялась еще тѣмъ, что они обманомъ увлекли за собою своихъ денщиковъ. Говорили, что будто сама мать благословляла ихъ передъ отправленіемъ въ шайку. Можетъ быть это и не вѣрно, но весьма правдоподобно, при томъ непонятномъ воодушевленіи, какимъ одержимы были въ то время поляки. Когда имъ говорили, что вина Манцевичей вѣроятно повлечетъ за собою смертную казнь, то они едва не смѣялись, утверждая, что въ виду заступничества за нихъ Франціи и Англіи Россія не посмѣетъ это сдѣлать. И только послѣ совершенія приговора, когда они убѣдились, что время шутокъ прошло, впали въ совершенно противоположное состояніе, выражая полную пришибленность.

Когда должна была совершиться смертная казнь, князь Яшвиль обратился ко мнѣ.

— Ну, Сергѣй Павловичъ, я попрошу васъ присутствовать на мѣстѣ.

— Позвольте, князь, вѣдь это вовсе не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей.

— Я васъ и не заставляю; я бы могъ приказать это командиру гарнизоннаго батальона, но я желалъ бы, чтобы именно вы были на мѣстѣ, чтобы я могъ точно и подробно узнать, какъ все это произойдетъ, и распорядились бы, если будетъ нужно. Пока вы будете тамъ, я здѣсь прикажу, чтобы люди въ это время не выходили изъ казармъ и были наготовѣ.

— Можно навѣрное сказать, что ничего серьезнаго быть не можетъ; но если это ваше непремѣнное желаніе, то я буду на мѣстѣ.

Какъ ни неприятно было для меня это порученіе, я на слѣдующій день направился на мѣсто, гдѣ уже собралось множество народа, среди которыхъ преобладалъ польскій языкъ. Рѣзко замѣтно

было, что лица, костюмы, оживленные разговоры вовсе не соответствовали той трагедіи, которая должна была разыгратъся на ихъ глазахъ, чрезъ нѣсколько минутъ. Повидимому, никто не ожидалъ кровавой развязки. Если не всѣ, то большинство было убѣждено, что все это одна комедія, что въ данный моментъ явится гонецъ и объявить, что смертная казнь замѣнена другимъ наказаніемъ.

Что касается приговоренныхъ къ казни трехъ офицеровъ, то надо сказать, что они были уже полуживые, съ трудомъ передвигали ноги, Анципа же до самой послѣдней минуты былъ совершенно спокоенъ и шелъ на казнь, ковыряя въ зубахъ соломенкою.

Я, конечно, не имѣлъ ни права, ни желанія вмѣшиваться въ судебное дѣло, но долженъ сказать, что менѣе всѣхъ былъ виноватъ Анципа, который не заслуживалъ участи Курсака и Манцевичей. Правда, онъ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, но онъ главнымъ образомъ перерѣзывалъ телеграфныя проволоки, усугублялась же вина его только потому, что онъ былъ уже однажды амнистированъ послѣ 1831 года.

Когда послѣдовали выстрѣлы, и когда собравшіеся увидѣли трупы, то раздался громкій крикъ и плачь.

Всѣ, такъ весело болтавшія за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, дамы теперь съ плачемъ и рыданіемъ бросились бѣжать съ поля.

Когда я по возвращеніи все рассказалъ князю Яшвилю, онъ верхомъ объѣхалъ городъ, а всѣ встрѣчавшіеся снимали шляпы и низко кланялись. Польское настроеніе совершенно исчезло. Что же касается самого воеводы Могилевской губерніи штабсъ-капитана генеральнаго штаба Жвирждовскаго, то онъ въ послѣдствіи былъ пойманъ и казненъ, кажется, въ Вильнѣ.

Теперь дѣло Могилевской губерніи можно бы было считать оконченнымъ, если бы въ сосѣдней Минской не безчинствовала большая шайка подъ начальствомъ помѣщика Свенторжецкаго и какого-то инженернаго офицера, если не ошибаюсь—Ласковскаго. Шайка эта, преслѣдуемая въ Минской губерніи, бросалась въ Могилевскую, производя неистовства въ обѣихъ. Надо было покончить съ этимъ во что бы то ни стало. И вотъ мы списались съ командующимъ войсками Минской губерніи генераломъ Русиновымъ и пошли на облаву. Князь Яшвиль пошелъ въ одну сторону, я съ двумя ротами и казачьею сотнею въ другую, а Русиновъ въ третью.

Мы условились съ княземъ Яшвилемъ, что прежде я выступлю изъ Могилева, а онъ на другой день, при чемъ для большей скрытности около полуночи—оба. Мнѣ пришлось выступить въ пятницу. Я уже собрался въ дорогу, какъ въ 11 часовъ ночи за мной присылаетъ князь.

— Дайте мнѣ, Сергѣй Павловичъ, карты Могилевской и Минской губерній.

— Зачѣмъ, князь, онѣ вамъ понадобились? Вѣдь мы съ вами на картахъ ничего не увидимъ кромѣ лѣсовъ, болотъ и весьма часто невѣрныхъ дорогъ. Вѣдь мы съ вами не войну ведемъ, а простую охоту на повстанскія шайки.

— А все-таки присмотрѣться заранѣе лучше.

Дѣлать было нечего; я принесъ карты и сказалъ:

— Напрасно вы только будете утруждать свое зрѣніе; не даромъ говорятъ, что Бобруйскъ среди болотъ искалъ Наполеонъ и никакъ не могъ его найти.

Затѣмъ всѣ дѣйствія князя Яшвиля стали для меня совершенно непонятными. Онъ водилъ какъ-то неопредѣленно по дорогамъ пальцами, останавливался противъ нѣкоторыхъ городовъ, разспрашивалъ меня, не служилъ ли въ этихъ краяхъ, и, узнавъ, что я началъ службу въ Минской губерніи, направилъ разговоръ на тему, которая не имѣла никакого отношенія къ дѣлу. Я только недоумѣвалъ, къ чему все это клонится, и что за любознательность одолѣла моего князя. Но чрезъ нѣкоторое время часы начали бить полночь. Едва раздались первые звуки часового боя, какъ Яшвиль вдругъ отодвинулъ отъ себя карты и, протягивая мнѣ руку, произнесъ:

— До свиданія, Сергѣй Павловичъ, желаю вамъ успѣха и счастья; никакихъ картъ мнѣ не было нужно, а надо мнѣ было задержать васъ, вы забыли, что была пятница, а я въ этотъ день не вѣрю, а потому я хотѣлъ задержать васъ до субботы, вотъ теперъ и поѣжайте съ Богомъ.

Вслѣдъ затѣмъ я расстался съ Яшвилемъ на цѣлую недѣлю и началъ съ своими двумя ротами Смоленскаго и Орловскаго полковъ и сотнею казаковъ таскаться по болотамъ и лѣсамъ двухъ губерній. Очистивъ Могилевскую, я перешелъ въ Минскую, гдѣ свирѣпствовалъ съ своею шайкою Свенторжецкій и Ласковскій. Мнѣ пришлось дней пять дѣлать усиленные переходы среди болотъ, безпрестанно нападать на слѣды шайки, которая очевидно при приближеніи войскъ разбѣгалась, а потомъ въ извѣстномъ пунктѣ снова собиралась, отчего много терпѣли войска. Усталыя, весьма часто голодныя и мокрыя во время дождя, они тѣмъ не менѣе съ охотою поднимались съ бивака и бодро шли, едва только получались свѣдѣнія о мѣстѣ нахождения шайки; и это не одинъ я могъ засвидѣтельствовать и въ другихъ отрядахъ было то же самое; войска и крестьяне страшно были вооружены противъ мятежниковъ и готовы были терпѣть всевозможныя лишенія, лишь бы только уничтожить ихъ. Вотъ что писалъ намъ губернаторъ Беклемишевъ:

„Шайка Свенторжецкаго человѣкъ въ 400 направилась по слухамъ въ Борисовскій уѣздъ. Агентъ намъ сообщаетъ, что войска наши страшно утомлены и ропщутъ противъ своихъ начальниковъ, утверждая, что они не хотятъ ихъ вести противъ мятежниковъ. Между прочимъ рассказываютъ, что какой-то ротный командиръ расположился для отдыха, и на вопросъ солдатъ, зачѣмъ онъ не ведетъ ихъ далѣе, отвѣчалъ, что нѣтъ хлѣба. Тогда солдаты довольно дерзко закричали: „Вы ужъ только ведите насъ, а мы и голодные пойдемъ“. Крестьяне по показанію агента ожесточены противъ мятежниковъ, но боятся ихъ преслѣдовать, утверждая, что мѣстные полицейскіе чиновники даже наказываютъ ихъ за то и приказываютъ принимать польскія войска хорошо и давать все то, что они потребуютъ“.

Чуть не каждый день мы настигали шайку, которая, лучше насъ зная мѣста, невидимо скрывалась и вновь появлялась въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, мы рѣшились во что бы то ни стало захватить хоть одного человѣка и допытаться о мѣстѣ ея нахождения. Случай намъ помогъ; при преслѣдованіи удалось захватить одного повстанца, котораго и привели ко мнѣ.

— Ну рассказывай, куда пошла твоя шайка, спросилъ я его.

— А я почему знаю, я не въ шайкѣ.

— А какъ же ты очутился здѣсь въ лѣсу?

Предвидя, что дѣло не обойдется безъ суровыхъ мѣръ, я отошелъ въ сторону и поручилъ штабсъ-капитану Егорову, прапорщику Никольскому и сотенному командиру допросить повстанца. Не достигнувъ никакого результата, они подошли ко мнѣ и просили позволенія употребить дѣйствительныя средства.

— Мы уже который день шляемся по болотамъ и чуть не каждый день голодаемъ, а они насъ дурачатъ, такъ и конца не будетъ. Позвольте, полковникъ, познакомить ихъ съ казачьими нагайками.

— Дѣлать нечего, попробуйте, можетъ, что-нибудь и выйдетъ.

Отойдя въ сторону, я услышалъ крикъ повстанца и хлопанье казачьихъ нагаекъ, не успѣлъ я насчитать и десяти ударовъ, какъ оба офицера прибѣжали ко мнѣ съ извѣщеніемъ, что повстанецъ скажетъ все. До нагаекъ онъ держалъ себя довольно смѣло, но послѣ нагаекъ выложилъ все, что ему было извѣстно. Онъ указалъ имена многихъ и начальника шайки, что впрочемъ мнѣ было извѣстно, и помѣщиковъ, какъ бывшихъ въ шайкѣ, такъ и продовольствовавшихъ ее, и всѣ ея похождения.

Заручившись такими свѣдѣніями, медлить было нечего, и, не смотря на усталость, мы тотчасъ же поднялись и отправились въ

путь, при чемъ повстанцу было сказано, что если онъ совреть, то будетъ повѣшенъ, а если вздумаетъ бѣжать, то разстрѣлянь.

13 іюня послѣ почти пятнадцативерстнаго перехода мы нашли шайку Свенторжецкаго за обѣдомъ. Теперь ясно, что все дѣло было кончено. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ шайка начала разбѣгаться въ разныя стороны. Мнѣ же оставалось только преслѣдовать ихъ, захватывать и, проходя въ пути разныя деревни, ободрять забитыхъ крестьянь.

Кстати будетъ сказать, что въ то время сельское духовенство въ Минской губерніи было на самой низкой степени общественнаго положенія. Почти повсюду я встрѣчалъ священниковъ, только что обращенныхъ изъ униатовъ, плохо говорившихъ по-русски и въ страшно унижительномъ положеніи: священникъ дрожалъ передъ каждымъ польскимъ шляхтичемъ и при ласковомъ къ нему отношеніи съ моей стороны пытался цѣловать мою руку. Нисколько не лучше, если не хуже было положеніе и въ такъ называемыхъ древлеправославныхъ приходахъ, гдѣ священники были изъ не-униатовъ. Какъ мало стѣснялись помѣщики-католики съ православными священниками, можетъ служить фактъ повѣшенія Свенторжецкимъ священника въ Богусевичахъ.

За совершеннымъ разгромомъ шайки Свенторжецкаго крестьяне ободрились и начали ловить разбѣжавшихся въ разныя стороны повстанцевъ. По необходимости части отряда пришлось обратиться въ конвой.

Послѣ усиленнаго перехода надо было остановиться на дневку, во время которой я захотѣлъ познакомиться съ своими плѣнниками.

Разгромленная шайка по составу своему была весьма разнообразна; въ ней были одинъ или два помѣщика, между которыми я помню Карказевича, потѣшавшаго меня своею трусостью и наивностью показанія при допросѣ, арендаторы помѣщичьихъ имѣній, помещики, католики и помѣщичьи слуги.

Въ отрядъ съ собою я взялъ исправника Рогачевскаго уѣзда Блохина, какъ хорошо знающаго и мѣстность и жителей уѣзда. Ему-то я поручилъ сдѣлать въ моемъ присутствіи допросъ.

Первымъ предсталъ предъ нами мужчина высокаго роста и внушительнаго вида.

— Кто вы такой? спросилъ его я.

— Я помѣщикъ Карказевичъ.

— Вы снарядили и продовольствовали шайку Свенторжецкаго, не отрирайтесь, намъ извѣстно.

— Али трошки (немного). Такой комичный отвѣтъ развеселилъ всѣхъ присутствующихъ при допросѣ.

— Но вѣдь вы не только продовольствовали шайку, вы и дрались; вы хотъ и бросили ружье, но взяты съ оружіемъ въ рукахъ, вы, значитъ, стрѣляли.

При этихъ словахъ къ общему изумленію высокой, здоровый мужчина зрѣлыхъ лѣтъ вдругъ бросился на колѣни, сложилъ крестомъ два пальца и плаксивымъ голосомъ произнесъ:

— Стѣблялъ, но дали Бугъ (ей Богу) стѣблялъ съ далека.

Видя и слыша все это, присутствовавшіе, не исключая солдатъ, покатались со смѣху.

Совсѣмъ другимъ типомъ оказался слѣдующій повстанецъ, служившій писцомъ въ какомъ-то уѣздномъ управленіи, по фамиліи Тельшевскій, онъ былъ командированъ Свенторжецкимъ съ командою въ нѣсколько человекъ въ деревню Богушевичи, чтобы казнить православнаго священника.

— Вы повѣсили священника въ Богушевичахъ? спросилъ я.

— Да, я, смѣло отвѣчалъ Тельшевскій.

— Какъ же вы на это рѣшились?

— Я получилъ приказаніе отъ начальника.

— Но получивъ такое незаконное приказаніе, какъ вы рѣшились его исполнить.

— Меня никто не принуждалъ идти въ шайку, а вступивъ въ нее, я долженъ былъ повиноваться. Развѣ, г. полковникъ, не исполнили бы вы приказанія своего начальства?

Тѣмъ разговоръ, конечно, и кончился.

Наконецъ, среди арестованныхъ я увидѣлъ мальчика лѣтъ 15 не болѣе.

— Ты что же дѣлалъ въ шайкѣ? спросилъ я, небось тоже дрался?

— Нѣтъ, я не дрался, я пану служилъ.

— А гдѣ же твой панъ?

— Убѣгъ, какъ жолнеры (солдаты) пришли.

— Убирайся ты къ своему пану, сказалъ я, и велѣлъ отпустить его на всѣ четыре стороны. Едва очутившись на свободѣ, мальчишка бросился бѣжать, а солдаты, видя эту сцену, при всеобщемъ смѣхѣ начали кричать: „держи его, ату, лови, лови!“

Допрашивать остальныхъ я предоставилъ Блохину, а самъ, давъ отдыхъ, отряду сталъ готовиться къ возвращенію въ Могилевъ.

Между тѣмъ князь Яшвилъ совершенно напрасно колесилъ по болотамъ, не встрѣтивъ мятежниковъ. По этому поводу онъ мнѣ писалъ:

„Извѣщаю васъ, Сергѣй Павловичъ, что экспедиція Минская кончена, и если мы не видали Свенторжецкаго, то и онъ насъ не видѣлъ также.

Что же касается Кракузевича, то мы были у него на дворѣ, а онъ у насъ не былъ, вотъ и все.

При этомъ присовокупляю, что былъ у меня Заболоцкій и Русиновъ, выпросили у меня отрядъ Савицкаго и сотню казаковъ и точно послѣ венгерской кампаніи сказали намъ: merci, adieu.

Представьте себѣ, что единственный членъ земской полиціи былъ у меня на другой день послѣ переправы чрезъ Березину, а на другой день онъ пропалъ, и о немъ у меня нѣтъ ни слуха.

Я предпринялъ маршъ въ Лою, прихожу туда и вмѣсто проводниковъ нахожу: эконома, садовниковъ и мызника Слатвинскаго, которые сейчасъ дали знать о нашемъ прибытіи; намъ же показали шишъ.

Я золь, какъ я не знаю что; теперь въ мѣстечкѣ Березина жду завтра Митавскихъ гусаръ, съ которыми уѣду на Бѣлыничи въ Могилевъ, чего и вамъ желаю“.

Остаюсь приверженнѣйшимъ вашимъ слугою

В. Яшвиль.

14 іюня.

Вскорѣ князь Яшвиль получилъ кавалерійскую дивизію и долженъ былъ уѣхать въ Ковно. Я радостно поздравилъ князя, поблагодарилъ его за наши взаимныя отношенія, пожелалъ ему счастливаго пути и выразилъ надежду, что и я отправлюсь въ Петербургъ.

— И не думайте, батюшка, я васъ не отпущу, поѣдемъ вмѣстѣ въ Ковно. Я буду объ этомъ просить Муравьева.

Сначала я задумался, но потомъ разсудилъ, что надо соглашаться; что мы уже сжились, другъ друга знаемъ, что наши взаимныя отношенія не походили на отношенія подчиненнаго къ начальнику, а потому гораздо хуже будетъ, если Муравьеву вздумается, вмѣсто Яшвиля, сунуть меня къ незнакомому чело-вѣку.

— Ну, хорошо, князь, я поѣду; только вы отпустите меня на нѣсколько дней въ Петербургъ.

— Хорошо, но изъ Ковна. Прошу васъ въ знакъ дружбы принять мою фотографическую карточку.

Вслѣдъ затѣмъ, князь Яшвиль уѣхалъ, а я пока остался нѣкоторое время въ Могилевѣ.

Но не прошло и трехъ дней, какъ уже получилъ изъ Ковна слѣдующую телеграмму: „прошу Циммермана выслать васъ скорѣй сюда съ Чернолуцкимъ. Желаніе отъѣзда исполнится изъ Ковна. Яшвиль“.

По прибытіи въ Вильну, я 8 іюля получилъ разомъ три бумаги: въ одной говорилось, что я по желанію командующаго войсками долженъ временно оставаться при князѣ Яшвилѣ, другая, что я долженъ явиться къ Муравьеву, а третья, что я долженъ принять подѣ свое начальство двѣ казачьи сотни и направиться съ ними въ Вилькомиръ на соединеніе съ княземъ Яшвилемъ.

Прежде всего я явился Муравьеву.

— Я вами очень доволенъ, полковникъ, сказалъ Муравьевъ, князь Яшвиль отзывался о васъ одобрительно, благодарю васъ, онъ просилъ меня оставить васъ при немѣ, а потому, отправляясь въ Ковно, вы возьмете подѣ свое начальство двѣ сотни казачьяго полка и оставите ихъ въ Вилькомирѣ. Можете отправляться.

Прибывъ въ Ковно и познакомившись съ тамошними дѣлами, я напомнилъ князю о его обѣщаніи отпустить меня въ Петербургъ.

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ, но не засиживайтесь тамъ.

Въ іюлѣ я былъ въ Петербургѣ, а 1 августа получилъ уже телеграмму слѣдующаго содержанія: „Выѣзжайте скорѣй, очень нужно, жду нетерпѣливо; здоровы ли вы, пожалуйста, скорѣй назадъ. Яшвиль“.

Между тѣмъ пребываніе въ Петербургѣ для меня имѣло большую важность. Въ это время шелъ вопросъ о сліяніи инспекторскаго департамента съ департаментомъ генеральнаго штаба. При общей суетолокѣ, всегда происходитъ, что *les absents ont toujours tort*, поэтому мнѣ хотѣлось уяснить свое будущее положеніе, чтобы въ концѣ концовъ не остаться на воздухѣ.

Ввиду опасности остаться въ неопредѣленномъ положеніи и желанія выяснить свое будущее, я письменно обратился къ своему непосредственному начальству, отъ котораго получилъ слѣдующій отвѣтъ:

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

Военный Министръ, получая со всѣхъ сторонъ самые лестные отзывы о Вашей отличной распорядительности и службѣ, въ особенности же отъ свиты Его Величества генераль-маіора князя Яшвиля, который съ большою похвалою отзывался о вашихъ трудахъ и дѣятельности, поручилъ мнѣ объявить вамъ, какъ о вышеизложенномъ, такъ и о томъ, что Его Превосходительство оставляетъ Васъ пока въ Виленскомъ военномъ округѣ только въ томъ вниманіи, чтобы доставить Вамъ болѣе случаевъ быть на виду и сдѣлать служебную карьеру, при настоящихъ военныхъ обстоятель-

ствахъ. Но если Вы желаете возвратиться въ Петербургъ, то объ этомъ увѣдомьте меня съ полною откровенностью.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи

Вашъ покорный слуга

Григорій Мещериновъ.

№ 659

9 іюля 1863 г.

Это письмо, конечно, произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе, ибо кромѣ обнадеживанія, что я, при новыхъ условіяхъ, не буду выкинутъ за бортъ, оно говорило мнѣ, что на меня обращено вниманіе просвѣщеннаго военнаго министра.

Но еще опредѣленнѣе было слѣдующее письмо того же Мещеринова.

Милостивый Государь

Сергій Павловичъ.

По докладѣ Генераль-Квартирмейстеру Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества письма Вашего, Его Превосходительство отозвался, что при утвержденіи новыхъ штатовъ Департамента Генеральнаго Штаба Вы получите штатную должность и при назначеніи на оную, немедленно вызваны будете въ Петербургъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности.

Григорій Мещериновъ.

№ 7865

22 августа 1863 г.

С.-Петербургъ.

Теперь я совершенно спокойно могъ оставаться при князѣ Яшвилѣ впредь до назначенія начальникомъ штаба 1-ой кавалерійской дивизіи другого лица.

Данныя мнѣ общанія были исполнены въ точности; въ концѣ 1863 года я былъ вызванъ въ Петербургъ и получилъ мѣсто начальника военно-ученаго отдѣленія Главнаго Штаба и Члена Совѣщательнаго Комитета, переименованнаго впослѣдствіи въ военно-ученый.

Въ одинъ изъ вечеровъ князь Яшвилъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я, Сергій Павловичъ, сдѣлалъ представленіе васъ къ наградѣ; думаю, что лучшая награда будетъ чинъ, а теперь вы садитесь и пишете.

— Что же писать?

— Письмо Циммерману.

— О чемъ?

— О вашемъ производствѣ.

— Но какъ же, князь, вы хотите, чтобы я самъ расписывалъ о своихъ заслугахъ. Чѣмъ лучше вы напишете обо мнѣ, тѣмъ для меня пріятнѣе, но самому составлять о себѣ хвалебное и просительное письмо, извините, я не могу. Да и вы, князь, сами перемѣните обо мнѣ мнѣніе, если я на это поддамся. Пишите ужъ вы сами, а что напишете, то я велю перебѣлать. Вотъ и все.

Тогда князь Яшвилъ присѣлъ къ столу, на которомъ были разбросаны клочки бумагъ, выбралъ два неполныхъ листика и началъ писать своими особенно оригинальными литерами и своеобразнымъ слогомъ письмо слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь
Аполлонъ Эрнестовичъ.

Я рѣшился прибѣгнуть къ Вашему Превосходительству съ моею всепокорнѣйшею просьбою.

Когда служишь съ человѣкомъ и видишь его безотвѣтнымъ работникомъ и бываешь свидѣтелемъ трудовъ постоянныхъ и убѣждаешься, что безъ его трудовъ и половины бы того не сдѣлалъ, что сдѣлано, то приходишь въ то положеніе, что не знаешь, что бы для него сдѣлать, лишь бы наградить его тѣмъ, именно, что бы дѣйствительно было бы наградою.

Ваше Превосходительство хорошо знаете, что въ наше время почитается дѣйствительно за награду—и потому я Васъ всепокорнѣйше прошу доложить Его Высокопревосходительству, ежели доволенъ былъ дѣйствіями, въ Могилевѣ бывшими, и результатами, тамъ въ непродолжительное время добытыми, то я всепокорнѣйше прошу наградить за все это одного подполковника Зыкова.

Съ начала мая и до сего дня офицеръ этотъ со мною въ трудахъ постоянныхъ, и я смѣю надѣяться, что въ непродолжительномъ времени мы и здѣсь дойдемъ до положенія, за которое заслужимъ спасибо.

Ваше Превосходительство, прошу Васъ убѣдительно или Зыкову дать чинъ или возвратитъ мнѣ назадъ мое представленіе, дабы мы снова заслужили то, чего просимъ ¹⁾.

Кончивъ это письмо и передавъ его мнѣ, онъ сказалъ:

— Ну, что еще сказать?

Прочитавъ письмо, я поблагодарилъ и сказалъ, что я самъ никогда не написалъ бы лучше.

— Велите переписать; я его завтра же отправлю.

¹⁾ Оригинальное письмо это находится у меня.

— А вашъ собственноручный черновикъ я оставлю у себя на всякій случай, чтобы не быть гречневой кашей, которая сама себя хвалить.

Письмо было отправлено 11 августа, а 19 сентября я получилъ письмо отъ Циммермана слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

Спѣшу увѣдомить Васъ, что вчера командующій войсками подписалъ представленіе Ваше къ золотой пашкѣ, и сегодня оно будетъ отправлено въ Петербургъ. Теперь хлопочите въ Инспекторскомъ Департаментѣ, чтобы скорѣе вышло Вамъ.

Будьте здоровы, желаю Вамъ отъ души всего лучшаго.

Весь Вашъ А. Циммерманъ.

Въ заключеніе о моей совмѣстной съ княземъ Яшвилемъ дѣятельности я не могу удержаться, чтобы не привести тотъ приказъ по 1-ой кавалерійской дивизіи, которымъ почтилъ меня князь.

П Р И К А З Ъ.

1-ой кавалерійской дивизіи,
гор. Ковна. Сентября 1863 года.

Исправляющему должность начальника моего штаба Генеральнаго штаба подполковнику Зыкову, оставляющему нынѣ здѣшнія войска, свидѣтельствую мою полную душевную и сердечную благодарность. Съ начала мая мѣсяца дѣйствуя по укрощенію мятежа въ Могилевской губерніи, подполковникъ Зыковъ неутомимою дѣятельностью по управленію войсками и обширнымъ краемъ былъ моимъ единственнымъ помощникомъ.

Освѣщаясь его прозорливостью, я могу смѣло сказать, что если успѣхи наши были быстры и прочны, то этимъ я обязанъ усердію и способностямъ подполковника Зыкова.

Отряды, дѣйствовавшіе противъ шаекъ въ Минской губерніи, были ведены имъ съ энергіею, а настойчивое преслѣдованіе разбитыхъ шаекъ привело къ тому результату, что шайки были разсѣяны, а предводители ихъ переловлены и представлены начальству Минской губерніи.

Здѣсь въ Ковно подполковникъ Зыковъ въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ занимался управленіемъ военнаго отдѣла съ тою же дѣятельностью, съ тѣмъ же безграничнымъ усердіемъ. Своимъ

трудолюбіемъ и своимъ прямодушіемъ заслужилъ здѣсь общее уваженіе.

Благодарю его еще разъ какъ начальникъ, прощаюсь съ нимъ какъ съ другомъ, и какъ начальникъ свидѣтельствую ему мою признательность за его службу со мною, какъ товарища и друга моего благодарю его за жизнь со мною.

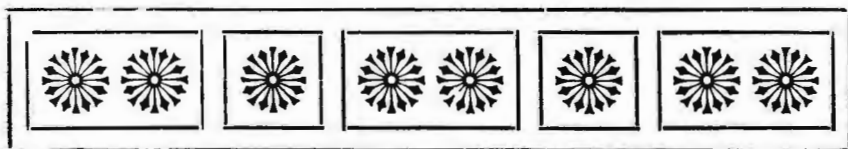
Командующій дивизіей Свиты Его Величества генералъ
князь Яшвиль.

Въ довершеніе всего мнѣ предложено было сдѣлаться могилевскимъ помѣщикомъ, приобрести на крайне льготныхъ условіяхъ одинъ изъ казенныхъ участковъ. Не имѣя никакихъ познаній въ сельскомъ хозяйствѣ и не будучи въ состояніи отличить рожь отъ ячменя или овса, я съ благодарностью благоразумно отказался; бывший же у меня въ штабѣ поручикъ Бухманъ воспользовался этимъ правомъ.

С. П. Зыковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Столѣтіе учрежденій по принятію прошеній, приносимыхъ Государю.

Нрагоцѣннѣйшая прерогатива короны — право милости и помилованія—издавна осуществлялась у насъ съ помощью особаго учрежденія. 1 января нынѣшняго года праздновалось столѣтіе существованія учрежденій по принятію и направленію прошеній и жалобъ, приносимыхъ на Высочайшее Имя. По этому случаю С. Н. Писаревымъ былъ составленъ прекрасный, обстоятельный историческій очеркъ; заимствуемъ изъ монографіи г. Писарева приводимыя историческія данныя.

I.

Еще при Іоаннѣ Грозномъ былъ учрежденъ Челобитный Приказъ, первымъ главою котораго сталъ благородный Алексѣй Адашевъ. Приказъ впоследствии захудалъ, заржавѣлъ вмѣстѣ со всею государственной машиною московской Руси. Ея великій преобразователь Петръ въ 1720 г. учредилъ должность генераль-рекетмейстера. Связанный особенно, весьма сложною присягою, онъ располагалъ широкими полномочіями своею властью предписывать коллегіямъ и канцеляріямъ рѣшать дѣла въ установленный закономъ срокъ, ходить самому къ президентамъ коллегій и указывать имъ на допускаемыя ими въ этомъ отношеніи упущенія, а также требовать отчета въ точномъ исполненіи исходящихъ отъ него предписаній. Что же касается жалобъ на неправосудныя рѣшенія, то таковыя онъ долженъ былъ вносить въ Сенатъ. Императора же онъ не могъ беспокоить докладомъ челобитныхъ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда подавались жалобы на неисполненіе рекетмейстерскихъ предписаній, ему вмѣнялось въ обязанность доводить объ этомъ до свѣдѣнія Его Величества.

*

Едва-ли, однако, такая постановка дѣла принятія и разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ прошеній отвѣчала основной цѣли—искорененію злоупотребленій, во имя которой былъ созданъ новый органъ.

Сфера воздѣйствія рекетмейстерской власти оказалась строго ограниченной дѣлами судебнаго и административнаго характера. Между тѣмъ, разнообразіе поводовъ, побуждающихъ подданныхъ обращаться къ своему Государю, далеко не укладывается въ эти узкія рамки. Ходатайства о помилованіи, просьбы о матеріальной помощи, домогательства наградъ и множество другихъ—все это не подлежало вѣдѣнію рекетмейстера.

Послѣдующая эпоха, вплоть до воцаренія Императора Александра I, не внесла ничего новаго въ учрежденіе рекетмейстерской части. Лишь все чаще и чаще раздаются напоминанія не въ мѣру докучнымъ просителямъ, чтобы они не дерзали утруждать Особу Монарха своими всеподданнѣйшими ходатайствами, минуя рекетмейстера, да въ царствованіе Императора Павла вдвое увеличивается штатъ Канцеляріи рекетмейстерскихъ дѣлъ. Зато съ большею опредѣлительностью намѣчается разграничительная черта между подвѣдомственными рекетмейстеру дѣлами и тѣми, которыя къ Петру восходили чрезъ кабинетъ-секретаря. При Аннѣ Леопольдовнѣ была учреждена особая должность придворнаго рекетмейстера, но первый же рекетмейстеръ попался въ какомъ-то преступленіи, и должность была немедленно упразднена.

Екатерина II, вступивъ на престолъ, рѣшила лично принимать всеподданнѣйшія прошенія. Однако, вскорѣ пришлось отъ этого отказаться, ибо, какъ рассказываетъ Сама Императрица, въ одинъ изъ праздниковъ, во время шествія Ея Величества со всѣмъ штатомъ къ обѣднѣ, просители пресѣкли Ей путь, ставъ полукружіемъ на колѣна съ письмами въ рукахъ. Поэтому уже на слѣдующій годъ Она опредѣлила къ приему и разсмотрѣнію прошеній, неподвѣдомственныхъ генераль-рекетмейстеру, трехъ лицъ, впослѣдствіи получившихъ наименованіе статсъ-секретарей, и дала имъ подробную инструкцію, обнаруживавшую Ея особую заботу о челобитчикахъ. Этимъ тремъ лицамъ прежде всего вмѣнялось въ обязанность поступать съ просителями „кротко, терпѣливо и снисходительно“. Принявъ прошенія, они должны были войти въ словесныя объясненія съ подателями для полученія необходимыхъ дополнительныхъ свѣдѣній. Если просьбы касались вѣдомствъ, то надлежало просителей туда направить, давъ имъ нужныя указанія, при чемъ, въ случаяхъ затрудненій и волокиты со стороны должностныхъ лицъ, слѣдовало оказывать на нихъ воздѣйствіе путемъ переговоровъ съ ихъ начальствомъ. Ходатайства, подлежавшія докладу

Императрицѣ, повергались Ея Величеству въ формѣ краткихъ выписокъ съ приложеніемъ подлинныхъ прошеній, при чемъ Собственно-ручныя резолюціи, въ копіяхъ, сообщались просителямъ. Если же Высочайшее рѣшеніе заключало въ себѣ какую-либо неясность, должно было безъ стѣсненія вторично докладывать Ея Величеству. Запечатанные же пакеты, предназначенные въ Собственныя руки, представлялись безъ промедленія Государынѣ.

Императоръ Павелъ I, въ желаніи оказывать подданнымъ всевозможное правосудіе и открыть имъ „всѣ пути и способы, дабы гласъ слабого и угнетеннаго былъ услышанъ“, тотчасъ по воцареніи разрѣшилъ всѣмъ являться во дворецъ со словесными и письменными просьбами. Для разбора и доклада ходатайствъ у него, какъ и у Екатерины Великой, состояло нѣсколько статсъ-секретарей.

Чтобы открыть подданнымъ еще болѣе широкій доступъ къ Царскому правосудію и милосердію, на одномъ изъ оконъ нижняго этажа Зимняго Дворца былъ поставленъ желтый желѣзный ящикъ съ прорѣзаннымъ отверстіемъ для опусканія въ него прошеній. Они вынимались статсъ-секретарями, докладывались, и Государь немедленно клалъ на нихъ резолюціи. Иныя, неосновательныя, иногда почтою возвращались подателямъ „съ наддраніемъ“, при чемъ съ нихъ взыскивались деньги за пересылку, иногда же публиковались въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ съ мотивированными отказами, въ назиданіе и всеобщее свѣдѣніе.

Въ 1799 г. Государь издалъ указъ, „дабы недѣльными просьбами Его Величество не утруждали“, и что „всякъ, дерзнувшій по двукратной просьбѣ еще утруждать Его Императорское Величество, ямѣеть быть посаженъ въ тюрьму на мѣсяць“. Основательныя же жалобы вызывали тщательныя разслѣдованія и просмотръ Самимъ Государемъ подлинныхъ дѣлъ. Лица заинтересованныя постарались поскорѣ отдѣлаться отъ ненавистнаго имъ ящика. Средство было избрано весьма простое и быстрое — въ него опустили нѣсколько обращеній къ Монарху, изложенныхъ въ недостойныхъ выраженіяхъ.

И ящикъ былъ снятъ.

II.

При Александрѣ I, по мысли М. М. Сперанскаго, была учреждена Комиссія Прошеній, и съ преобразованиемъ Государственнаго Совѣта начала свое существованіе въ его составѣ съ 1 января 1810 г. и двадцать пять лѣтъ функціонировала согласно съ первоначальными предначертаніями, положенными въ ея основаніе. Но назрѣла необходимость въ реформѣ, и при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, въ январѣ 1835 г., было введено въ дѣйствіе новое положеніе о комиссіи прошеній.

Оно прежде всего порвало чисто формальную связь, соединявшую Комиссію Прошеній съ Государственнымъ Совѣтомъ, уничтоживъ правило, дѣлавшее обязательнымъ назначеніе ея предсѣдателя изъ числа Членовъ Совѣта. Отнынѣ Комиссія поставлялась въ непосредственное вѣдѣніе Государя, и личный составъ ея опредѣлялся по усмотрѣнію Его Императорскаго Величества.

Кругъ ея вѣдомства былъ расширенъ тѣмъ, что ей-было представлено принимать всеподданнѣйшія жалобы не только на Департаменты Сената, но также и на Общее его Собраніе по дѣламъ малолѣтнихъ и умалишенныхъ и по ходатайствамъ объ огражденіи свободы и объ отыскиваніи дворянства.

Право требовать отъ министровъ и главноначальствующихъ свѣдѣнія и объясненія по жалобамъ, на нихъ приносимымъ, оспоренное Комитетомъ министровъ, сохранено за Комиссіею Прошеній во всей полнотѣ, при чемъ упомянутымъ должностнымъ лицамъ вмѣнено въ прямую обязанность такія требованія удовлетворять, такъ же какъ Сенату доставлять свои производства для обозрѣнія Комиссіи.

Для принесенія жалобъ были установлены сроки—годовой для жителей Имперіи и двухлѣтній для пребывающихъ за границею.

Повѣренные по-прежнему не допускались къ подачѣ прошеній и жалобъ, кромѣ случаевъ, когда ходатайства возбуждались одновременно нѣсколькими лицами, сословіями или обществами, или же исходили отъ членовъ одной семьи, отыскивавшей свободу. При этомъ требовалась формальная довѣренность. При обсужденіи этого пункта въ Государственномъ Совѣтѣ статсъ-секретарь Лонгиновъ съ особенною горячностью возставалъ противъ участія повѣренныхъ въ дѣлахъ, возникавшихъ по всеподданнѣйшимъ ходатайствамъ. По его мнѣнію—„повѣренные, бывъ руководимы не столько пользою вѣрителей или истиною, сколько личною корыстію, безсовѣстно и безбоязненно дерзаютъ обременять Государя недѣльными просьбами, дабы питать алчность свою на счетъ тяжущихся, приводя ихъ напоследокъ оболъстительными видами и коварными обнадеживаніями въ разореніе“.

Далѣе, по личному повелѣнію Государя, отказы объявлялись съ краткимъ объясненіемъ причинъ, и, наконецъ, вводилось правило, что за повторительное неосновательное домогательство просители подвергаются выговору чрезъ мѣстное начальство, а въ третій—уголовному суду по закону о ябедникахъ.

Не прошло и шести лѣтъ со дня распубликованія новаго Положенія 1835 г., какъ Государь призналъ необходимымъ еще болѣе „расширить кругъ дѣйствія Комиссіи Прошеній“ и повелѣлъ сосре-

доточить въ ней всё дѣла о помилованіи и смягченіи участи лицъ, подвергнутыхъ карѣ за уголовныя преступленія или за административныя проступки. Вскорѣ установился и новый порядокъ разсмотрѣнія прошеній и жалобъ, поступавшихъ на Высочайшее Имя. Основываясь на Учрежденіи Канцеляріи 1841 г. и сопоставивъ его съ Положеніемъ о Комиссіи Прошеній 1835 г., статсъ-секретарь пришелъ къ заключенію, что отнынѣ, по смыслу закона, въ Комиссію должны вноситься только всеподданнѣйшія жалобы на Сенатъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, а изъ просьбъ тѣ, которыя требуютъ общаго обсужденія. Сославшись при этомъ на опытъ нѣсколькихъ лѣтъ, онъ находилъ, что такой порядокъ доставитъ Комиссіи возможность „съ большимъ тщаніемъ и безъ всякаго замедленія разсматривать вносимыя въ нее дѣла, а статсъ-секретарю, не далѣе какъ въ теченіе недѣли, заготовлять по просьбамъ записки, по нимъ резолюціи и самое исполненіе“. Поэтому онъ испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе:

1) вносить въ Комиссію только жалобы на рѣшенія Департаментовъ Правительствующаго Сената, равно просьбы, которыя, по усмотрѣнію статсъ-секретаря, подлежатъ общему обсужденію;

2) для скорѣйшаго производства по этимъ жалобамъ предоста-вить статсъ-секретарю прямо отъ себя требовать копии съ опредѣленій Сената или подлинныя производства и

3) затѣмъ, остальные просьбы, сообразно ихъ содержанію, разрѣшать статсъ-секретарю на основаніи существующихъ узаконеній.

На приведеніе въ исполненіе изложенныхъ предположеній, 13 марта 1843 г., послѣдовало Высочайшее соизволеніе съ тѣмъ, чтобы они были приняты „постояннымъ руководствомъ“.

Протекавшая при новыхъ условіяхъ дѣятельность Комиссіи Прошеній охватила собою самыя разнообразныя проявленія жизни. Какъ видно изъ ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ статсъ-секретаря, сюда входили просьбы о сословныхъ правахъ, по имущественнымъ дѣламъ, о помилованіи и смягченіи участи, о претензіяхъ къ казнѣ, объ освобожденіи отъ рекрутской повинности, жалобы на министровъ и Сенатъ и т. д.; словомъ, систематическія таблицы, представлявшіяся при отчетахъ, насчитывали нѣсколько десятковъ видовъ прошеній, которыя удалось обобщить въ отдѣльныя группы, въ дѣйствительности далеко не исчерпывавшія кругъ вѣдомства обновленнаго учрежденія.

III.

Въ 1884 г. просуществовавшая почти три четверти столѣтія Комиссія Прошеній была упразднена, и 30 мая Высочайше пове-

лѣно было: „обязанность принятія и направленія приносимыхъ на Высочайшее Имя прошеній и жалобъ возложить на командующаго Императорскою Главною Квартирою, при которой учредить для дѣлопроизводства Канцелярію по принятію прошеній, а предварительное разсмотрѣніе всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената поручить Временному при Государственномъ Совѣтѣ Присутствію“.

20 іюня того же года состоялось послѣднее засѣданіе Комиссіи Прошеній. Было прочитано приведенное Высочайшее повелѣніе, выслушавъ которое Комиссія постановила:

„Занести о семъ въ журналъ“.

Такъ окончило, говоритъ историкъ, свое существованіе учрежденіе, основанное „для безпрестаннаго надзора за отправленіемъ суда и за наблюденіемъ законовъ и справедливости въ высшихъ мѣстахъ судебныхъ и правительственныхъ“.

На протяженіи 74 лѣтъ оно служило правительству орудіемъ борьбы съ судебною неправдою и злоупотребленіями властью, а также дѣлу Монаршаго Милосердія. Разрѣшивъ около 75.000 всеподданнѣйшихъ жалобъ и свыше 600.000 прошеній, Комиссія сильно исполнила свой долгъ.

Преобразование судебной части Императоромъ Александромъ II влило новыя силы въ дѣло отправленія юстиціи и лишило смысла дальнѣйшее существованіе Комиссіи Прошеній, какъ судебной инстанціи. Но, на-ряду съ этимъ, цѣлый рядъ коренныхъ реформъ, оживившихъ общественную жизнь и призвавшихъ къ гражданскому бытію новые классы населенія, съ теченіемъ времени породилъ новыя группы взаимоотношеній и интересовъ, столкновеніе которыхъ не всегда могло находить себѣ справедливое разрѣшеніе въ дѣйствующемъ законѣ. Необходимо было, взамѣнъ отжившаго по формѣ органа Монаршаго Милосердія, каковымъ представлялась Комиссія Прошеній въ концѣ царствованія Царя-Освободителя, создать такое установленіе, которое открывало подданнымъ прямой доступъ къ подножію престола, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, было поставлено въ независимость отъ стороннихъ вліяній. Таковымъ, по мысли законодателя, и явилась Канцелярія Прошеній, сначала, въ видѣ опыта, учрежденная при Императорской Главной Квартирѣ, а позднѣе преобразованная уже въ самостоятельное Главное Управленіе, ибо безпристрастный языкъ цифръ, почерпаемыхъ изъ статистики поступающихъ прошеній, привелъ правительство къ убѣжденію, что жизнь столь обширной страны, какъ Россія, съ ея многосторонними требованіями и крайне сложными общественными условіями, будетъ постоянно опережать законъ, выдвигая безчислен-

ныя нужды, которыя никакими правилами предусмѣрены быть не могутъ. Страдающими въ этой вѣчно бѣгущей впередъ житейской волнѣ являются нерѣдко не испорченные, а слабые члены общества, для которыхъ борьба за существованіе представляется непосильною задачею. Для спасенія этихъ слабыхъ, для помощи имъ въ несчастіи и должно служить обновленное учрежденіе, вѣдающее отнынѣ дѣла Монаршаго Милосердія и призванное примирять вѣчное противорѣчіе между суровымъ закономъ и требованіями высшей справедливости.

Высочайше утвержденными въ 9 день іюня 1884 г. Временными Правилами командовавшій Императорскою Главною Квартирою О. Б. Рихтеръ поставлялся, въ отношеніи пріема и направленія всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ, въ независимость отъ какой бы то ни было власти, кромѣ Верховной, съ предоставленіемъ ему права засѣдать въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ при обсужденіи дѣлъ, внесенныхъ имъ въ таковыя. Онъ могъ принимать къ своему разсмотрѣнію: 1) жалобы на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената, кромѣ Кассационныхъ, и на дѣйствія или распоряженія главныхъ начальниковъ вѣдомствъ и генераль-губернаторовъ, если жалобщиками были исчерпаны все способы, указанные закономъ, къ защитѣ ихъ правъ и интересовъ; 2) прошенія о милостяхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общаго закона, когда дарованіе ихъ не нарушало ничьи законные интересы и гражданскія права, и 3) ходатайства о помилованіи и смягченіи участи осужденныхъ или отбывающихъ наказаніе.

Столь широкій, на первый взглядъ, кругъ вѣдомства Канцеляріи Прошеній суживался дальнѣйшими статьями Правилъ до весьма скромныхъ предѣловъ. Жалобы на Сенатъ подлежали передачѣ въ Особое Присутствіе при Государственномъ Совѣтѣ, прошенія о милостяхъ, если они были сопряжены съ изъятіемъ изъ закона или съ интересомъ казны, должны были препровождаться въ соответствующія вѣдомства, а просьбы о помилованіи или о смягченіи участи отсылались къ тѣмъ министрамъ, въ управленіи которыхъ находились суды, постановившіе приговоры.

Такимъ образомъ, дѣятельность учрежденія, образованнаго по мысли Монарха, чтобы „приблизить“ къ Нему заботы о прибѣгающихъ къ подножію Престола, въ дѣйствительности сводилась къ роли передаточной инстанціи, распредѣлявшей всеподданнѣйшія прошенія между заинтересованными вѣдомствами и сохранявшей за собою лишь скромное право оказывать одновременную денежную помощь и воспринимать новорожденныхъ отъ Св. Купели Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Именемъ.

Въ сознаниі ненормальности, созданной такимъ положеніемъ вещей, генераль-адъютантъ Рихтеръ, уже по истеченіи года со дня открытія дѣятельности ввѣренной ему Канцеляріи, вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о необходимости расширенія круга ея вѣдомства. Въ этихъ видахъ онъ проектировалъ разрѣшить принесеніе жалобъ на высшія государственныя установленія, а равно возложить на Канцелярію разсмотрѣніе по существу ходатайствъ о помилованіи или смягченіи участи.

Обсужденіе этой мысли Государь поручилъ Особому Совѣщанію подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстого, которое признало, однако, болѣе удобнымъ отложить еще на нѣкоторое время разрѣшеніе настоящаго вопроса.

Въ 1889 г. Рихтеръ внесъ на Высочайшее благовозрѣніе новый проектъ, не только повторившій пожеланія, выраженные въ предыдущемъ, но и полагавшій необходимымъ предоставить Канцеляріи право рѣшать по существу прошенія о милостяхъ, дарованіе которыхъ сопряжено съ изъятіемъ изъ закона или съ казеннымъ интересомъ. Въ отношеніи же самаго порядка разсмотрѣнія дѣла онъ предполагалъ вернуться къ коллегіальному началу.

Проектъ былъ послѣдовательно обсужденъ въ образованной для этого Комиссіи подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Стояновскаго, а затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ, которые, согласившись лишь съ мыслью о допущеніи жалобъ на высшія государственныя установленія, высказались за сохраненіе во всемъ прочемъ Временныхъ Правилъ 1884 г.

Это мнѣніе, въ 21 день марта 1890 г., удостоилось Высочайшаго утвержденія.

IV.

Десятилѣтній опытъ по завѣдыванію приемомъ и направленіемъ всеподданнѣйшихъ прошеній привелъ генераль-адъютанта Рихтера къ убѣжденію, что соединеніе въ одномъ лицѣ этихъ обязанностей съ другою должностію представляется существенно неудобнымъ, ибо командующій Императорскою Главною Квартирою, раздѣляя свое время между этою послѣднею и Канцеляріею Прошеній, не могъ посвящать себя исключительно на служеніе дѣлу Монаршаго Милосердія. Признавъ поэтому, что польза дѣла безусловно требовала передачи всѣхъ правъ и обязанностей по приему и направленію всеподданнѣйшихъ прошеній особому лицу, облеченному Монаршимъ довѣріемъ и сравненному, по своему положенію и служебнымъ преимуществамъ, въ виду важности возлагаемой задачи, съ высшими начальниками отдѣльныхъ частей государственнаго управленія, генераль-адъютантъ Рихтеръ, 25 февраля 1895 г., повергъ

на Высочайшее благовозрѣніе мысль о выдѣленіи Канцеляріи Прошеній изъ состава Императорской Главной Квартіры, съ подчиненіемъ таковой особому главноуправляющему и съ сохраненіемъ ея прежняго состава и основаній дѣятельности.

На другой день, 26 того же февраля, Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить подписанія составленный въ этомъ смыслѣ Именной Высочайшій Указъ, которымъ повелѣвалось:

„I. Канцелярію Прошеній выдѣлить изъ состава Императорской Главной Квартіры и присвоить ей наименованіе „Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ“.

II. Впредь до учрежденія законодательнымъ порядкомъ должностей Главноуправляющаго Канцеляріею Его Императорскаго Величества по принятію прошеній и Товарища Главноуправляющаго, главное завѣдываніе приѣмомъ прошеній и жалобъ оставить временно на обязанности Командующаго Императорскою Главною Квартірою на существующихъ основаніяхъ.

III. Командующему Императорскою Главною Квартірою немедленно составить и внести на уваженіе Государственнаго Совѣта предположенія объ учрежденіи должностей, означенныхъ выше въ статьѣ II, и о вызываемыхъ сею мѣрою измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ правилахъ о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ“.

Во исполненіе Монаршей Воли генераль-адъютантъ Рихтеръ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ соответственнымъ представленіемъ, которое въ 20 день марта того же года удостоилось Высочайшаго утвержденія.

О нынѣшней дѣятельности Канцеляріи достаточно краснорѣчиво говорятъ слѣдующія данныя. Ежегодно на Высочайшее Имя поступаетъ болѣе 65.000 прошеній. Въ 1908 году поступило всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ 65.357, и въ томъ же году по огромному большинству ихъ, 64.174, послѣдовало рѣшеніе. Изъ нихъ Его Величеству было доложено 7.550. Списокъ родовъ дѣлъ свидѣтельствуеетъ о разнообразіи нуждъ, вызывающихъ обращенія подданныхъ къ своему Монарху. Такъ въ 1908 году были поданы прошенія—объ изытіяхъ изъ правилъ объ исповѣданіи вѣры и отправленіи богослуженій, объ изытіяхъ изъ церковныхъ правилъ о законности и расторженіи браковъ, объ изытіяхъ изъ правилъ о регистраціи старообрядческихъ браковъ и рожденій, объ изытіяхъ изъ правилъ о бракахъ военнослужащихъ, о покровительствѣ по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ, объ узаконеніи дѣтей, усыновленіи и предоставленіи усыновленнымъ правъ сословныхъ и приобрѣтенныхъ

службою, о присвоеніи или перемѣнѣ фамилии или отчества, о предоставленіи титуловъ или дворянства и вообще о сословныхъ правахъ, о принятіи на службу, награжденіи за нее и о предоставленіи служебныхъ льготъ, о пожалованіи пенсій и пособій изъ казны или изъ различныхъ спеціальныхъ источниковъ, о постоянныхъ или единовременныхъ денежныхъ выдачахъ отставнымъ нижнимъ чинамъ, о денежныхъ пособияхъ, о прирѣднѣи и помѣщеніи въ больницы, объ оказаніи помощи и льготъ по воспитанію и образованію, о предоставленіи казенныхъ, удѣльныхъ и войсковыхъ земель или оброчныхъ статей и о льготахъ при пользованіи ими, о земельномъ устройствѣ и обзаведеніи крестьянъ и переселенцевъ, о выдачѣ ссудъ изъ казны и объ оказаніи льготъ по дѣламъ, сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ, объ обмѣнѣ кредитныхъ билетовъ стараго образца, изъятыхъ изъ обращенія, о сложеніи казенныхъ взысканій, о предоставленіи выморочныхъ имуществъ, о заповѣдныхъ имѣніяхъ и маіоратахъ, объ отступленіи отъ общихъ правилъ о наследованіи, а также объ учрежденіи опекъ и администрацій, о вознагражденіи за увѣчья, о покровительствѣ въ имущественныхъ дѣлахъ, объ освобожденіи отъ взноса 100-рублевого кассационнаго залога, о принятіи въ русское подданство и объ увольненіи изъ него, объ изытіяхъ изъ спеціальныхъ правилъ о евреяхъ, о льготахъ по исполненію воинской повинности, жалобы на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената, жалобы на постановленія другихъ высшихъ государственныхъ установленій, жалобы на дѣйствія и распоряженія министровъ и главноуправляющихъ, жалобы на дѣйствія прочихъ должностныхъ лицъ, жалобы по уголовнымъ дѣламъ, о помилованіи лицъ, осужденныхъ или подвергнутыхъ административнымъ мѣрамъ взысканія, о предоставленіи лицамъ, исключеннымъ изъ службы, правъ государственной службы и объ исключеніи отътокъ о судимости изъ документовъ, о воспріятіи отъ Св. Купели Высочайшимъ Именемъ и т. д.

V.

Особенно часто простирается Царская милость на дѣтей, молодую будущую Россію. Вниманіе Монарха часто бываетъ озабочено участію дѣтей, родившихся внѣ брака.

Законъ 3 іюня 1902 г. объ улучшеніи ихъ положенія, какъ бы завершившій собою благія начинанія, предпріятыя въ этомъ направленіи Императорами Александромъ I и Александромъ II, открывъ возможность отцу усыновлять своихъ внѣбрачныхъ дѣтей, предусматриваетъ ее лишь въ отношеніи родившихся отъ его сожитія съ незамужнею. Что же касается дѣтей, матери которыхъ состоятъ въ

бракъ, то всё они, даже и рожденные не отъ мужа, записываются на его имя и не могутъ быть переузаконены даже въ случаѣ послѣдующаго брака матери съ ихъ кровнымъ отцомъ. Между тѣмъ, практика жизни указываетъ, что огромное большинство такихъ дѣтей является плодомъ связи именно съ замужними, при томъ принадлежащими къ низшимъ сословіямъ, чему, въ значительной степени, способствуетъ все усиливающийся приливъ сельскаго населенія къ городамъ съ развитою промышленностью. Правильно ли при такихъ условіяхъ препятствовать отцу, движимому сознаниемъ нравственнаго долга, передать своему кровному ребенку хотя тѣ права состоянія, которыя въ обычномъ порядкѣ сплошь и рядомъ предоставляются при усыновленіи лицамъ, совершенно постороннимъ усыновителю? И, слѣдовательно, законъ 3 іюня 1902 г. едва-ли можетъ быть признанъ вполне соответствующимъ той широкой цѣли, къ которой стремился Государственный Совѣтъ, неоднократно высказывавшій, что „дѣти не могутъ и не должны отвѣчать за грѣхи своихъ родителей“.

Такимъ образомъ, пока законодательная власть не восполнила этого пробѣла дѣйствующихъ правилъ, единственнымъ путемъ для родителей загладить свой грѣхъ предъ неповиннымъ ребенкомъ является обращеніе къ Милосердію Царя. И практика Канцеляріи Его Императорскаго Величества не бѣдна примѣрами Монаршаго снисхожденія къ подобнымъ ходатайствамъ.

Иногда допускаются изъятія изъ закона 12 марта 1891 г., которымъ запрещается лицу привилегированнаго состоянія, имѣющему законныхъ или узаконенныхъ дѣтей, усыновлять чужого ребенка. Часто неимущимъ родителямъ и воспитателямъ оказывается Монаршая помощь въ дѣлѣ образованія дѣтей. Болѣе 100.000 руб. расходуется ежегодно на удовлетвореніе такихъ нуждъ, и болѣе тысячи дѣтей учатся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ за счетъ этого спеціальнаго фонда.

Для руководства при производствѣ дѣлъ, возникающихъ въ большомъ количествѣ на почвѣ семейныхъ несогласій между супругами, нынѣшнимъ Главноуправляющимъ Канцеляріей барономъ А. А. Будбергомъ была выработана особая секретная инструкция, дѣйствующая съ 1 января 1902 г. Въ основу ея были положены указанія опыта, свидѣтельствовавшего, что большинство всеподданнѣйшихъ ходатайствъ сводится къ просьбѣ одного изъ супруговъ о предоставленіи ему права отдѣльнаго жительства или о разрѣшеніи такихъ споровъ, возникшихъ на почвѣ ихъ личныхъ отношеній и родительскихъ правъ, которые не подлежатъ разсмотрѣнію въ общемъ законномъ порядкѣ. Сюда же относится и разсмотрѣніе вопроса объ

опредѣленіи, при разлукѣ супруговъ, дальнѣйшей судьбы ихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, который, въ интересахъ этихъ послѣднихъ, нерѣдко требуетъ разрѣшенія также въ путяхъ Монаршаго Милосердія, несмотря на подвѣдомственность его, въ принципѣ, общимъ судебнымъ установленіямъ. Наконецъ, особое мѣсто среди дѣлъ настоящей категоріи занимаютъ ходатайства обоихъ супруговъ объ утвержденіи Верховною Властью такихъ состоявшихся между ними соглашеній по вопросу объ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу или къ ихъ дѣтямъ, которыя съ точки зрѣнія формальнаго закона недѣйствительны, какъ клонящіяся къ разлученію супруговъ, но желательны къ общей выгодѣ разлучающихся. Обобщивъ, такимъ образомъ, сущность возникающихъ при этихъ условіяхъ дѣлъ, Инструкція указываетъ далѣе порядокъ ихъ направленія, при чемъ устанавливаетъ, какъ непремѣнное правило, утвержденіе всѣхъ состоявшихся по Канцеляріи рѣшеній Властью Его Императорскаго Величества.

Поставляя себѣ главнѣйшею задачею прежде всего охраненіе цѣлости семьи, Канцелярія начинаетъ всякое возникающее по всеподданнѣйшему прошенію производство съ попытки примирить враждующія стороны, чего обыкновенно и удается достигнуть по 40% дѣлъ ежегодно. Затѣмъ уже, въ случаѣ неудачи въ этомъ отношеніи, ходатайства получаютъ законный ходъ, при чемъ въ благопріятномъ смыслѣ разрѣшается приблизительно 10% всего поступленія, прочія же или оставляются безъ уваженія, какъ неосновательныя, или прекращаются въ виду того, что просители обратились къ Монаршему Милосердію, не исчерпавъ предоставленные имъ закономъ способы къ улаженію недоразумѣній, возникшихъ между ними на почвѣ обострившихся семейныхъ отношеній.

Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ существованія Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній всѣхъ прошеній по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ поступало ежегодно приблизительно нѣсколько болѣе 4.000. Съ 1903 г. картина рѣзко измѣнилась, и эта цифра сразу понизилась до 2.800, а въ настоящее время до 1.500. Ближайшимъ поводомъ послужило новое направленіе измѣнившейся съ 1902 г. практики Правительствующаго Сената по дѣламъ о снабженіи крестьянокъ отдѣльными отъ мужей паспортами, разъяснившего въ цѣломъ рядѣ опредѣленій, что въ извѣстныхъ случаяхъ мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія обязаны принимать къ своему разсмотрѣнію и разрѣшенію по существу просьбы крестьянокъ о выдачѣ имъ документовъ на отлучку изъ семей вопреки волѣ мужей. А такъ какъ большинство ходатайствъ (свыше 50%) возбуждалось женщинами именно изъ этого класса населенія, то само собой разумѣется, что послѣ такого разъ-

ясненія сразу же и обнаружился отливъ поступавшихъ отъ нихъ обращеній на Высочайшее Имя.

Однако приведенныя опредѣленія Сената, послѣдовавшія по отдѣльнымъ дѣламъ, не будучи распубликованными во всеобщее свѣдѣніе, остались неизвѣстными многимъ изъ подлежащихъ должностныхъ лицъ, что и вызвало крайне разнообразную практику въ разрѣшеніи подобныхъ дѣлъ, ибо ходатайства объ отдѣльныхъ видахъ на жительство возбуждались одними—у мѣстныхъ властей, другими—путемъ обращенія къ Монаршему Милосердію. Озабочиваясь установленіемъ необходимаго единства въ направленіи подобнаго рода дѣлъ, Канцелярія Прошеній сообщила объ этомъ нежелательномъ явленіи министру внутреннихъ дѣлъ, который, по ея просьбѣ, преподаль всѣмъ подлежащимъ учрежденіямъ и лицамъ необходимыя указанія по содержанию состоявшихся разъясненій Правительствующаго Сената. Съ тѣхъ поръ ежегодная цифра всеподданнѣйшихъ прошеній по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ стала замѣтно уменьшаться. Между прочимъ, усмотрѣвъ ненормальность въ положеніи женъ, мужья которыхъ лишены свободы, и прійдя къ мысли о необходимости измѣненія существующихъ законоположеній въ смыслѣ предоставленія женамъ, при подобныхъ условіяхъ, права на полученіе отдѣльныхъ видовъ на жительство помимо согласія мужей, Канцелярія вошла въ соотвѣтственное сношеніе съ подлежащими вѣдомствами. Слѣдствіемъ этого было внесеніе въ Государственный Совѣтъ настоящаго вопроса, который и былъ разрѣшенъ въ предположенномъ смыслѣ.

Весьма значительной областью дѣятельности Канцелярії являются производства, возникающія по ходатайствамъ о разнаго рода матеріальной помощи, въ видѣ назначенія пенсій изъ суммъ казны или единовременныхъ выдачъ отъ Монаршихъ щедротъ. Въ 1907 г. было возбуждено подобныхъ ходатайствъ 5.798, и назначено пенсій почти на 180 тысячъ руб. Объ единовременной денежной помощи ежегодно просятъ не менѣе 16 тысячъ человѣкъ, и 3—4 тысячи такихъ ходатайствъ удовлетворяются.

Возникновеніе Русско-Японской войны послужило поводомъ къ проявленію цѣлаго ряда милостей, дарованнымъ Государемъ Императоромъ ея участникамъ и ихъ семьямъ.

Такъ, напримѣръ, офицеры, возвращавшіеся съ войны вслѣдствіе ранъ или болѣзней, должны были, по дѣйствовавшему тогда правилу, представлять особаго рода аттестаты для полученія полностью причитавашагося имъ содержанія. Въ противномъ случаѣ, такое выдавалось имъ въ размѣрѣ всего одной трети, пока они не добывали этихъ документовъ.

Обративъ Монаршее вниманіе на ихъ тяжелое матеріальное положеніе, Государь Императоръ соизволилъ повелѣть главноуправляющему Канцеляріей Прошеній сообщить объ этомъ военному министру для доклада Его Величеству вопроса объ удовлетвореніи этихъ лицъ полнымъ содержаніемъ, а пока выдавать имъ изъ суммъ Канцеляріи пособіе, по 300 р. женатымъ и 200 р. холостымъ, на что были отпущены особыя средства въ размѣрѣ 178.000 р.

VI.

Чрезвычайно обильную категорію поступающихъ ходатайствъ составляютъ всеподданнѣйшія просьбы о смягченіи участи осужденныхъ судебными приговорами за преступленія. Къ этой категоріи принадлежитъ шестая часть всѣхъ прошеній.

На основаніи своего Учрежденія Канцелярія Его Императорскаго Величества обязана препровождать такія просьбы министрамъ, которымъ подчинены суды, постановившіе приговоръ, ограничивая такимъ образомъ, за весьма рѣдкими исключеніями, свою дѣятельность ролью безучастной передаточной инстанціи. Но, опираясь на указанія, даваемыя многолѣтнимъ опытомъ Канцеляріи, нельзя не засвидѣтельствовать одной непреложной истины, — что подобное направленіе ходатайствъ о помилованіи весьма далеко отъ упованій, питаемыхъ людьми, которые умоляютъ своего Монарха о снисхожденіи: многочисленныя повторительныя прошенія и жалобы, въ случаяхъ отклоненія просьбъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что эти лица обманулись въ своей послѣдней надеждѣ, получивъ вмѣсто Царскаго слова прощенія холодный отказъ изъ вѣдомства, въ которое даже и не обращались.

Вопросъ о правѣ помилованія возбуждался не разъ и былъ предметомъ не только научнаго обсужденія, но и спеціальнаго изслѣдованія примѣнительно къ практикѣ еще Комиссія Прошеній. Въ 1869 г. графъ Паленъ испросилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы всеподданнѣйшія ходатайства по дѣламъ, рѣшеннымъ въ новыхъ судахъ, представлялись на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества не иначе, какъ чрезъ министра юстиціи, т. е., говоря проще, отнынѣ всѣ просьбы о помилованіи или смягченіи участи изымались изъ круга вѣдомства Комиссіи. Этотъ порядокъ въ 1883 г. былъ признанъ комиссіей, занимавшеюся подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Ковалевскаго реформой Комиссіи Прошеній, наиболѣе цѣлесообразнымъ.

По ея мнѣнію, министръ юстиціи, находясь во главѣ судебного управленія, не долженъ быть устраняемъ отъ всеподданнѣйшаго доклада этого рода дѣлъ, ибо всякое постороннее вѣдомство

встрѣтилось бы въ этомъ случаѣ съ крайними затрудненіями относительно приведенія въ ясность фактическихъ обстоятельствъ, имѣющихъ существенное значеніе для правильной и всесторонней оцѣнки. По этимъ же соображеніямъ докладъ просьбъ о помилованіи осужденныхъ военными или военно-морскими судами слѣдуетъ ввѣрить военному и морскому министрамъ.

Статсъ-секретарь у принятія прошеній князь Долгорукій не согласился съ этимъ выводомъ.

Сославшись на существо обязанностей министра юстиціи, главною задачею котораго, какъ генераль-прокурора, является преслѣдованіе преступленій, князь Долгорукій высказалъ, что, представляя предъ Государемъ о помилованіи преступниковъ, министр юстиціи войдетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, ибо будетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ приговоровъ, постановленныхъ вслѣдствіе настояній подчиненнаго ему прокурорскаго надзора. Въ подкрѣпленіе справедливости своего взгляда на необходимость устраненія высшаго представителя судебной власти отъ вліянія на исходъ дѣлъ о помилованіи, князь Долгорукій привелъ мнѣнія извѣстныхъ теоретиковъ уголовного права.

„Судьямъ должно быть предоставлено ограниченное закономъ право смягченія наказаній, но не право помилованія“,—говоритъ одинъ изъ нихъ.—„Отъ судьи требуемъ мы права, а не милости. По совокупности условій своего положенія, судьи не могутъ имѣть никакого притязанія на право помилованія. Право помилованія есть чаша державности. Въ монархіяхъ оно составляетъ право, до того свойственное главѣ государства, какъ личному представителю державности, что мы не можемъ даже и представить себѣ монархическаго владыку безъ права помилованія. Стоя высоко надъ отдѣльными партіями, несвязанный законами, а потому вполне отвѣтственный предъ своею совѣстью, глава государства является самымъ пригоднымъ органомъ права помилованія. Такъ какъ невозможно, чтобы глава государства разсматривалъ самъ всѣ просьбы о помилованіи, то онъ долженъ прибѣгнуть къ сторонней помощи. Было бы весьма цѣлесообразно, ежели бы подобная помощь была возложена на коллегіальное учрежденіе“.

Другой ученый писалъ: „Безъ юридическаго элемента, конечно, нельзя обойтись при предварительныхъ обсужденіяхъ прошеній о помилованіи. Но ежели къ этому притянуть только однихъ юристовъ, то помилованіе будетъ разсматриваться съ чисто юридической точки зрѣнія, и тѣмъ затмится настоящее значеніе милости“.

Равнымъ образомъ статсъ-секретарь возражалъ и противъ предположенія о передачѣ прошеній этого рода отъ лицъ, осужден-

ныхъ военными судами, военному министру, а морскими—морскому министру. Сосредоточеніе всѣхъ просьбъ о помилованіи въ одномъ учрежденіи, совершенно независимомъ, представляется существенно необходимымъ потому, что только единствомъ и однообразнымъ разрѣшеніемъ ихъ могутъ вполне удовлетвориться требованія справедливости. Съ распредѣленіемъ же этихъ просьбъ между тремя вѣдомствами, въ каждомъ изъ нихъ выработается особая практика, угрожающая совершеннымъ разнообразіемъ въ смягченіи участи лицъ, равно виновныхъ, но осужденныхъ судами разныхъ вѣдомствъ.

Этотъ важный вопросъ, сводящійся къ вопросу объ отношеніи правды формальной къ правдѣ нравственной, вопросъ, быть можетъ, неясный еще для науки права, давно рѣшенъ народною совѣстью. Въ принципѣ монархъ есть представитель частныхъ благъ и выразитель частныхъ волей своихъ подданныхъ, и если у каждаго изъ нихъ есть своя сфера для свободной кары и свободного прощенія тѣхъ, кто имъ сдѣлалъ зло, если каждый изъ нихъ часто самъ нуждается въ прощеніи и милосердіи, то монарху такое право принадлежитъ въ несравненно сильнѣйшей степени. Къ правдѣ государственнаго правосудія, подчасъ несовершенно и неполно осуществляемой, Высочайшее милосердіе присоединяетъ правду любви и прощенія. Даже въ странахъ, лишенныхъ монархическаго правленія, право помилованія въ извѣстныхъ предѣлахъ предоставляется верховному представителю государственной власти“.

Вопросъ о правѣ помилованія былъ затронутъ и въ настоящемъ царствованіи. Въ апрѣлѣ 1906 г. въ происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора засѣданіи совѣщанія объ основныхъ законахъ Главноуправляющій Канцелярією Прошеній всеподданнѣйше обратился къ Его Величеству со слѣдующими словами:

„Къ вопросу о верховномъ правѣ помилованія я желалъ бы приурочить вопросъ, имѣющій, на мой взглядъ, важное значеніе. Какъ извѣстно Вашему Величеству, въ настоящее время, кромѣ просьбъ о помилованіи и о сложеніи казенныхъ взысканій, въ путяхъ Монаршаго Милосердія, въ большомъ количествѣ разрѣшаются просьбы о допущеніи для отдѣльнаго случая изыятія изъ дѣйствующаго закона. Пока Власть Царская признавалась неограниченною, не было надобности въ Основныхъ Законахъ упоминать о правѣ Царя допускать такія изыятія. Въ настоящее же время, когда съ высоты Престола подтверждено о неуклонномъ соблюденіи законности, слѣдуетъ или Царской Власти отказаться отъ прежней своей прерогативы, или о ней особо упомянуть въ Основныхъ Законахъ.

Вопросъ самъ по себѣ, конечно, можетъ казаться спорнымъ; найдутся, вѣроятно, голоса и въ сегодняшнемъ Совѣщаніи, которые

укажутъ Вашему Величеству на опасность допущенія изъятій изъ закона хотя бы и тогда, когда примѣненіе закона къ данному случаю не соотвѣтствуетъ понятію справедливости.

Я лично придерживаюсь иного взгляда.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ государствѣ, въ которомъ издавна водворена законность, основанная на законахъ, дѣйствительно ограждающихъ не только интересы государства, но и отдѣльныхъ лицъ,—строгое соблюденіе закона и возможно, и желательно, и полезно. Но едва-ли наше Отечество въ настоящее время находится въ такомъ положеніи. Встрѣчаясь ежедневно, и уже много лѣтъ, съ этимъ вопросомъ, я вполне убѣжденно заявляю, что строгое примѣненіе закона у насъ пока немыслимо. Пройдутъ еще многіе годы, пока исчезнетъ у насъ потребность благодѣтельнаго вмѣшательства Верховной Власти въ это постоянное противорѣчіе между положительнымъ правомъ и справедливостью.

Мнѣ могутъ возразить, что ни въ одномъ иностранномъ законодательствѣ о такомъ правѣ не упомянуто. Мнѣ это хорошо извѣстно, но я утверждаю, что и передъ этимъ останавливаться не слѣдуетъ.

Думаю, что народъ Вашего Величества не повѣрилъ бы тому, что ему нельзя къ Вамъ обращаться съ просьбами по всѣмъ его нуждамъ, и убѣжденъ, что по его понятіямъ для Вашего Величества слова „Я не могу“ не существуютъ. Пусть эта вѣра въ народъ останется возможно дольше“.

По выслушаніи этой рѣчи и возраженій нѣкоторыхъ изъ членовъ Совѣщанія, Его Императорскому Величеству благоугодно было сказать:

„Я согласенъ съ барономъ Будбергомъ. Такъ и сдѣлать“.

Во исполненіе таковой Монаршей Воли въ Основные Законы была включена 23-я статья, которая гласитъ:

„Государю Императору принадлежатъ помилованіе осужденныхъ, смягченіе наказаній и общее прощеніе совершившихъ преступныя дѣянія съ прекращеніемъ судебного противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія, а также сложеніе, въ путяхъ Монаршаго Милосердія, казенныхъ взысканій и вообще дарованіе милостей въ случаяхъ особыхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общихъ законовъ, когда симъ не нарушаются ничьи огражденные закономъ интересы и гражданскія права“.

Отнынѣ этимъ гуманнымъ закономъ вдохновляется дѣятельность благого учрежденія, уже сто лѣтъ служащаго посредникомъ между Царемъ и Его народомъ, проводникомъ Царской Милости къ народу. Отглядываясь на пройденный этимъ органомъ власти вѣковой путь, вспоминаешь о множествѣ сдѣланныхъ при его посредствѣ добрыхъ

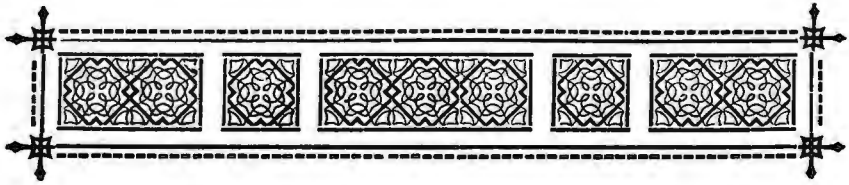
*

дѣль, о десяткахъ тысячъ обездоленныхъ людей, которымъ оставалась въ жизни только одна надежда—на милосердіе Царя, и которыхъ эта надежда не обманула, о голодныхъ, которые получили кусокъ хлѣба, объ алкавшихъ хлѣба духовнаго—справедливости—и дождавшихся его, о безчисленныхъ труждающихся и обремененныхъ, горькая доля которыхъ была облегчена однимъ словомъ, однимъ маніемъ руки, о тысячахъ людей, которые только благодаря Царскимъ щедротамъ увидѣли свѣтъ знанія...

Да, много сдѣлано добрыхъ дѣлъ въ цѣлое столѣтіе на благо и народу, и власти, и учрежденіе, съ помощью котораго творилось это добро, имѣетъ право на глубокую благодарность общества¹⁾.

¹⁾ Портретъ Главноуправляющаго Капцеларіей Прошеній барона А. А. Будберга помѣщенъ въ настоящей книгѣ.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Г Л А В А IV¹⁾.

Конференція въ Сентъ Джемсъ Холь.

Какъ только премьеръ и его друзья пришли въ себя отъ смущенія, овладѣвшаго ими при возстаніи націи противъ традиціонной политики, связывающей Англію съ Турціей, они стали утѣшать себя мыслью, что это былъ временный взрывъ негодованія, и что въ скоромъ времени страна возвратится къ старымъ понятіямъ. Поэтому едва закрылись двери городскихъ залъ, гдѣ происходили послѣднія многочисленные собранія, порицавшія правительственную политику, какъ Биконсфильдовская печать объявила, что волненіе утихаетъ, что страна образумилась. Сэръ Н. Д. Вольфъ, судя по его автобіографіи, искренне вѣрилъ, что митингъ, собравшійся въ его избирательной комиссіи Крайстчерчъ (Christchurch), означалъ упадокъ анти-турецкихъ чувствъ. Чтобъ уничтожить эту фантастическую иллюзію, митинги не переставали собираться во всей странѣ, но не было, очевидно, возможности собирать каждую недѣлю митинги, чтобы убѣдить тѣхъ, которые не желали убѣдиться, что Англія того же мѣсяца въ субботу, какого была въ понедѣльникъ.

Чтобъ лишить лорда Биконсфильда увѣренности въ томъ, что нація отступаетъ отъ своей новой восточной политики, предприняты были шаги, для созыва народной конвенціи.

Благодаря г-ну Гислопъ Белль, я имѣю слѣдующій ясный рассказъ о движеніи, которое повело къ Сентъ Джемской конференціи. Г-нъ Белль былъ тогда владѣльцемъ „Сѣвернаго Эхо“ и лидеромъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

Дарлингтонской и Южно-Дургамской ассоціаціи. Изъ его изложенія видно, что первоначальная цѣль движенія была гораздо честолюбивѣ той, которая осуществилась впоследствии.

Когда первый порывъ гнѣва противъ болгарскихъ жестокостей утихъ, настало успокоеніе, которое немедленно было объяснено друзьями турокъ, какъ паденіе великаго народнаго движенія противъ союза съ Турціей. Требованіе осенней сессіи, сдѣланное лордомъ Гартингтономъ, распространилось по всей странѣ, но его боялись, и событія показали, что страхъ былъ ненапрасный, что правительство не уступить народному требованію даже въ томъ случаѣ, когда оно состоитъ въ созывѣ парламента, въ которомъ министры обладаютъ большимъ числомъ голосовъ въ обѣихъ палатахъ. Настойчивые люди на сѣверѣ съ ужасомъ представляли себѣ картину будущаго. Цѣлые мѣсяцы министры оставались самостоятельными. Обузданные, временно, взрывомъ негодованія, они были готовы, какъ опасались, возобновить свои жестокія дѣйствія, какъ только грозный голосъ народа сталъ бы ослабѣвать. Казалось настоятельно необходимымъ изобрѣсти мѣру, могущую воплотить народное желаніе въ такую форму, которая заставила бы сопротивляющійся кабинетъ согласиться съ народнымъ рѣшеніемъ. Нѣкоторое время не могли найти соотвѣтствующаго представленія народнаго рѣшенія. Наконецъ г-нъ Вильсонъ изъ Питсмура (Шефилдъ) вмѣстѣ съ г-номъ Робертомъ Лидеромъ, предсѣдателемъ Шефилдской либеральной ассоціаціи, возымѣли мысль, что возможно было бы созвать представительный конвентъ для формальнаго и энергичнаго выраженія воли Англій въ Восточномъ вопросѣ. Какъ только явилась эта мысль, въ Шефилдѣ, она была сообщена Дарлингтону, городу, который, какъ мѣсто рожденія Болгарскаго волненія, приобрѣлъ нѣкоторое вліяніе въ рѣшительныхъ мнѣніяхъ объ обязанностяхъ Англій на Востокѣ. Шефилдскій намекъ встрѣтилъ горячій отвѣтъ. Предварительный митингъ собрался въ Шефилдѣ, 30-го сентября, подъ предсѣдательствомъ г-на Роберта Лидера. Присутствовало много представителей изъ Шефилда, а также изъ Лидса, Бадфорда, Манчестера, Ливерпуля, Бирмингама и Дарлингтона. Было рѣшено единодушно, что конференцію созвать необходимо, но существовало различіе взглядовъ на способы созыва. Представители Дарлингтона, сильно поддерживаемые Шефилдскими, настаивали на огромномъ значеніи создать представительное собраніе, состоящее изъ выборныхъ делегатовъ отъ каждой избирательной коллегіи. Эта мысль, въ формѣ рѣшенія, была предложена Манчестерскимъ представителемъ для того, чтобы предпринять шаги къ созыву національной конвенціи по Восточному вопросу, и чтобы конференція эта была на сколько

возможно выборная. Рѣшеніе было принято единодушно. Въ продолженіи митинга объ отсроченномъ собраніи, вторая серія негодующихъ митинговъ состоялась по инициативѣ Дарлингтона. Они были примѣромъ для другихъ: Мидльборо, Стоктонъ, Бротонъ, Стендропъ, Сюддерландъ и Хартльспульсы. На этихъ собраніяхъ постановленіе о выраженіи сочувствія христіанамъ было принято единодушно вмѣстѣ съ рѣшеніемъ созыва парламента на осеннюю сессію.

Комитетъ, уполномоченный на созывъ національной конвенціи, встрѣтилъ серьезныя затрудненія. Вначалѣ затрудненія заключалась въ недостатокъ какой бы то ни было организаціи, на которую можно было бы разсчитывать для составленія народной резолюціи. Хотя всѣ собиравшіеся въ Шеффилдѣ, и имѣли желаніе оградить конвенцію отъ всего похожаго на партійность, но на дѣлѣ оказалось невозможнымъ избѣжать обращенія къ организаціоннымъ партіямъ. Рѣшено было обратиться къ представителямъ и секретарямъ различныхъ либеральныхъ ассоціацій всей страны съ цѣлью вызвать ихъ мнѣнія о томъ, какой способъ лучшей, чтобы создать изъ предполагаемой конвенціи настоящее представительное національное собраніе. Надѣялись, что въ отвѣтъ на это воззваніе инициаторы движенія могли бы обратиться ко всѣмъ партіямъ государства, прося ихъ, на публичныхъ собраніяхъ подъ предѣлательствомъ мэра или другого оффиціального предѣдателя, избрать делегатовъ въ конвенцію въ такомъ же числѣ, какъ избираютъ ихъ въ парламентъ. Такимъ способомъ надѣялись, что будетъ избрано дѣйствительно представительное собраніе, которое могло бы обращаться къ министрамъ Ея Величества съ тѣмъ авторитетнымъ и вѣскимъ словомъ, которое бы исходило отъ сознанія, что они избранники народа.

Такъ какъ министры отказывались созвать законный парламентъ, въ которомъ могли бы дѣйствія ихъ подвергнуться должной критикѣ, и такъ какъ они настоятельно пользовались конституціонными прерогативами короны, чтобы вести политику, отвергаемую націей, то народъ долженъ былъ создать новое представительство, которое воплотило бы протестъ націи противъ политики правительства.

Эти надежды были жестоко обмануты. На отсроченномъ митингѣ въ Бирмингамѣ (на которомъ были представители отъ Дарлингтона, Шеффилда и другихъ городовъ) проекту грозила опасность провалиться. Бирмингамъ, гордившійся своимъ выдающимся положеніемъ, не былъ расположенъ взять на себя лидерство въ этомъ дѣлѣ. Ни одинъ городъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности за воззваніе ко всей націи, и благодаря нежеланію городовъ вести дѣло, конвенція, казалось, обречена была на гибель прежде своего осуществленія. Неутомимые шеффилдцы,

потерпѣвъ неудачу въ созваніи конвента въ провинціи, отправились въ Лондонъ, гдѣ имъ удалось заручиться благопріятными мнѣніями относительно ихъ плана у самыхъ авторитетныхъ лицъ. Получивъ одобреніе извѣстнѣйшихъ государственныхъ людей Англій, вопросъ былъ возбужденъ въ Девонширскомъ клубѣ, гдѣ членъ Дарлингтонской избирательной ассоціаціи объяснилъ точное положеніе дѣлъ и горячо убѣждалъ всѣхъ присутствующихъ, чтобы инициатива созыва конвенціи или конференціи исходила изъ Лондона. Это предложеніе было принято. Открыты были сообщенія съ комитетомъ, состоящимъ изъ членовъ клуба реформъ, назначенныхъ въ послѣднюю сессію слѣдить за Восточнымъ вопросомъ, и въ скоромъ времени было рѣшено, чтобы этотъ комитетъ, усиленный поддержкой именъ первыхъ составителей проекта и сочувствующихъ ему, дѣйствовалъ какъ предсѣдательствующій и обратился бы съ воззваніемъ къ странѣ выслать представителей въ національное собраніе. Циркуляры, опредѣляющіе предметъ конференціи, состоящей вообще въ обсужденіи лучшаго способа для благопріятнаго направленія Восточнаго вопроса посредствомъ европейскаго концерта державъ, а въ частности: 1) въ приобрѣтеніи христіанскими провинціями Босніи, Герцоговины и Болгаріи, освобожденія отъ непосредственной турецкой власти съ обезпеченіемъ имъ правъ одинаковыхъ съ нехристіанами, 2) въ распространеніи по всей странѣ здравыхъ указаній на различныя стороны вопроса,—обращались къ тѣмъ, чьи имена могли бы быть полезными въ ихъ мѣстности или своей репутаціей имѣли бы вліяніе на широкую публику, съ просьбой разрѣшенія пользоваться ихъ именами, какъ членовъ конвента. Очень вѣроятно, что, не будь рѣчи премьера въ Гильдголтѣ, съ ея безразсуднымъ хвастовствомъ и жестокихъ угрозъ консервативныхъ газетъ, конференція могла бы не состояться. Но лордъ Биконсфильдъ угрожалъ странѣ цѣлыми серіями походовъ въ защиту независимости Оттоманской имперіи. Императоръ принялъ въ Москвѣ вызовъ премьера, и одно время казалось, что англійскій народъ непременно вовлекутъ въ войну. Во время этого тягостнаго недоумѣнія и страха, конференція—сначала назначенная на конецъ сентября, быстро сформировалась. Лучшіе люди страны сердечно согласились на званіе членовъ конвента. Между первыми парами далъ свое согласіе представитель графства Дургамъ. Имена стекались со всѣхъ сторонъ, и 27-го ноября появился величавый списокъ, заключающій въ себѣ знаменитѣйшія имена Англій, какъ членовъ конвента національной конференціи, дѣйствія которой мы представляемъ ниже.

Одна публикація списка членовъ конвента уже произвела огромный политическій результатъ. Хотя и слышались слабыя насмѣшки

съ турецкой стороны, но представительный характер списка, смѣлость предпріятія и безспорное убѣжденіе, одушевляющее инициаторовъ, устрашили защитниковъ войны. Съ этой минуты попытка распространить въ странѣ бѣшеную ненависть къ Россіи была забыта.

Энтузіазмъ, съ которымъ страна встрѣтила публикацію именъ членовъ конвента, лучше всего изображенъ въ слѣдующемъ отрывкѣ одного изъ многихъ диерамбовъ, появившихся въ либеральной прессѣ сѣверной стороны. Статья интересна, какъ краткій обзоръ этого сильнаго движенія и его значенія въ исторіи Англій.

„Болгарское волненіе доказало, что англичане достойны своихъ героическихъ предковъ, и что пылъ Кромвеля и Мильтона до сихъ перъ горитъ въ сердцахъ простого народа, тогда какъ онъ давно угасъ въ сердцахъ ихъ консервативныхъ правителей. Созывъ этой конвенціи доказываетъ, что тактъ и искусство, сила и рѣшимость, которые помогли великимъ парламентскимъ лидерамъ долгаго парламента охранить свободу страны отъ захвата деспота-короля, и въ настоящее время окажутся надежными, когда нація видитъ себя осмѣянной деспотическимъ министерствомъ. Но конвентъ сдѣлалъ больше этого. Онъ навсегда возвеличилъ значеніе англійскаго гражданства; списокъ членовъ конвента доказываетъ самому непроницательному изъ насъ богатство разума, величіе генія, которыя могутъ въ этой свободной странѣ сосредоточиться на политическомъ дѣлѣ. Слишкомъ часто говорятъ, что политика существуетъ только для людей, занимающихся политикой. Этотъ списокъ членовъ конвента показываетъ, что наша страна располагаетъ помощью всѣхъ самыхъ даровитыхъ своихъ сыновъ во времена затрудненій и опасности. Отсюда ясно, что, желая руководить политикой Англій, мы обладаемъ содѣйствіемъ самыхъ знаменитыхъ поэтовъ, философовъ, богослововъ и историковъ нашего времени. Появленіе Томаса Карлейля въ восточной политикѣ почти такая же великая и пріятная неожиданность, какъ если бы апостоль Павелъ воскресъ изъ мертвыхъ и далъ совѣтъ нашимъ соотечественникамъ. Соучастіе лучшихъ представителей науки, искусства, литературы, богословія и законовѣднія въ служеніи общему нашему отечеству есть замѣчательное объясненіе глубокаго смысла англійскаго патріотизма. Англія была возбуждена воплемъ отчаянія мучениковъ болгаръ и, по словамъ Гладстона, мы увидѣли, что „великое сердце Англій не переставало биться“. До середины августа Англія, казалось, отдавалась всецѣло жалкому шарлатанству. Въ началѣ сентября вся нація пылала сильнѣйшимъ энтузіазмомъ, полнымъ жизненныхъ силъ, какъ въ побѣдоносное время героическаго прошлаго, горя желаніемъ очистить душу отъ окаянной отвѣтственности за согласіе на преступленія

тѣхъ, кого премьеръ и его друзья защищали во имя Англіи. Страна наша, одушевленная высокимъ чувствомъ въ святомъ дѣлѣ, точно переродилась. Казалось, вернулись героическія времена и каждый видѣлъ въ благородныхъ словахъ Карлейля, что этотъ міръ есть правда, а не вѣроятность и ложь, что самъ онъ живъ, не умеръ и не паралитикъ, и что міръ живетъ, движимый Божествомъ, прекрасный и грозный, такой же, какъ и въ началѣ бытія. Шарлатанство ушло и по всей странѣ раздался единодушный голосъ народнаго раскаянія.

Единодушіе національнаго раскаянія обыкновенно не что иное, какъ гипербола. При самой высокой степени національнаго энтузіазма широкой слой народа остается хладнокровнымъ и равнодушнымъ къ волненію ближнихъ. Но общіе выборы 1880 г. свидѣтельствовали на этотъ разъ о дѣйствительномъ раскаяніи большинства нашего народа.

Г-жа Новикова получила болѣе десяти приглашеній въ собранія Сентъ Джемсъ Холъ, одно изъ нихъ отъ Малькольма Маколъ (Rev Malcolm Maccoll), въ то время неизмѣннаго друга Россіи. Для нея это было новое и достойное посвященіе въ тайны демократической государственной дѣятельности. Она присутствовала въ залѣ отъ двѣнадцати часовъ до перерыва и возвратилась, чтобы слышать рѣчь Гладстона. Это было памятное собраніе тѣмъ, что оно полно было сердечнаго энтузіазма къ Россіи и русскимъ. Болѣе чѣмъ за часъ до открытія, у входовъ Сентъ Джемсъ Холъ толпились депутаты, и тотчасъ послѣ одиннадцати зала была полна. Время до начала засѣданія было употреблено на раздачу правилъ и постановленій, а также на манифестъ комитета, опредѣлявшій основу ассоціаціи, составленный наканунѣ вечеромъ. За нѣсколько минутъ до одиннадцати громкія восклицанія встрѣтили появленіе герцога Вестминстерскаго въ сопровожденіи епископа Оксфордскаго и многихъ другихъ сановниковъ. Когда водворилось спокойствіе, герцогъ Вестминстерскій обратился къ одному изъ почетныхъ секретарей съ предложеніемъ прочитатъ письма, полученныя отъ сочувствующихъ, которые не имѣли возможности присутствовать на митингѣ. Секретарь всталъ, но прежде чѣмъ онъ произнесъ слово, на ступеняхъ къ платформѣ показалось хорошо знакомое лицо. Какъ только увидѣли эти сѣдые волосы, эту нѣсколько сгорбленную фигуру, все собраніе мгновенно встало и привѣтствовало г-на Гладстона продолжительными и восторженными возгласами одобренія. Нельзя было ошибаться въ искренности этого энтузіазма. Опять и опять раздавались привѣтствія по всей этой переполненной залѣ. Пока г-нъ Гладстонъ, кланяясь и улыбаясь, медленно проходилъ передъ эстрадой, знаки одобренія продолжались, увеличи-

ваясь, шляпы и платки развѣвались, казалось, конца не будетъ этимъ оваціямъ. Гладстонъ сѣлъ по правую сторону предсѣдателя, все стало утихать, и всѣ заняли свои мѣста. Секретарь прочелъ письма отъ герцога Аргайлскаго и г-на Роберта Ло. Герцогъ Вестминстерскій всталъ, чтобы сказать вступительную рѣчь. Онъ говорилъ около получаса спокойно, безъ особенной выразительности, но съ большей настойчивостью. Первый взрывъ рукоплесканій возбудило заявленіе, что Англія рѣшила не идти на войну съ Россіей изъ-за Турціи. Опредѣливъ, чего, по его мнѣнію, желаетъ конференція, онъ сказалъ, что лично онъ готовъ идти далѣе. „Великіе интересы человѣчества выше всѣхъ интересовъ чисто англійскихъ. Англія въ прежнее время шла впереди всѣхъ въ усиліяхъ улучшить человѣческую расу, я надѣюсь, что она возвратится на старое мѣсто. Для того, чтобы это сдѣлать, необходимо, чтобы Россію не только поддерживали въ Палатѣ, но чтобы флотъ и армія Англіи были посланы въ Константинополь не противъ Россіи, а для того, чтобы сдерживать Турцію“. Взрывъ рукоплесканій доказалъ, что конференція готова идти такъ же далеко, по крайней мѣрѣ, какъ ея предсѣдатель. Первымъ ораторомъ былъ сэръ Джорджъ Кампбелъ, членъ парламента для Кирикальди, бывшій губернаторъ Бенгаліи, только что возвратившійся послѣ долгаго пребыванія въ Турціи. Сэръ Джорджъ говорилъ ясно и по существу. Онъ искусно опредѣлилъ правительство Турціи, какъ правленіе не только худшей расы, но въ большинствѣ, какъ расы низшаго класса. Турецкое правительство не только совершенно непоправимо дурно, но дѣлается рѣшительно худшимъ, тогда какъ христіанскія племена вовсе не на такомъ низкомъ уровнѣ, какъ ихъ представляютъ. Болгарскія жестокости, сказалъ онъ, хуже того, чѣмъ ихъ описываютъ. Избіеніе въ Гленко—укушеніе блохи въ сравненіи съ ужаками въ Болгаріи. Послѣ окончанія его рѣчи было прочтено слѣдующее письмо отъ доктора Пузей изъ Крайстчерчъ Оксфордъ:

„Ваша Свѣтлость.—Я очень сожалѣю о томъ, что не въ состояніи присутствовать въ важномъ собраніи, надъ которымъ Ваша Свѣтлость будете предсѣдательствовать. Я благодарю Бога, соединившаго сердца, какъ бы несчастливо они ни раздѣлялись на другихъ предметахъ, въ этомъ великомъ дѣлѣ страждущаго человѣчества. Хотя я не долженъ говорить за другихъ, какъ ихъ преставитель, всѣ, съ которыми я нахожусь въ соприкосновеніи, глубоко сочувствуютъ этому движенію и вѣрятъ, что это единеніе мыслей, расходящихся въ другомъ, докажетъ, что интересы человѣчества выше всѣхъ другихъ временныхъ интересовъ и могутъ спасти насъ отъ бѣдствія и униженія войны за Турцію“.

Потомъ говорилъ Дентонъ (Reverend Wm Denton), извѣстный авторъ „Сербія и Сербы“ и другихъ сочиненій съ описаніемъ жителей Турціи, между которыми онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ. Г-нъ Дентонъ былъ сильный ораторъ, и его описаніе положенія христіанъ было трогательно. За нимъ слѣдовалъ Антони Тролопъ съ сѣдыми волосами и въ золотыхъ очкахъ, содержаніе рѣчи котораго имѣло тотъ же мотивъ, что прошли тѣ времена, когда турку позволено было рассчитывать на что-нибудь отъ нашей страны, тезисъ, подъ которымъ подписалось все собраніе. Появленіе слѣпого профессора Фаусета во время рѣчи г-на Тролопа было встрѣчено громкими рукоплесканіями. Говорилъ сэръ Бѣкстонъ, за нимъ епископъ Оксфордскій, величавый служитель церкви, котораго замѣчательная наружность нѣсколько напоминала Гладстона. Заключение его было хорошо составлено, съ требованіемъ, чтобы Англія возстановила права угнетенныхъ, въ случаѣ нужды, даже оружіемъ. Опять продолжительныя рукоплесканія. Г-нъ Генри Ричардъ, всѣми уважаемый секретарь общества мира, всталъ, чтобъ говорить объ отвѣтственности Англіи въ турецкихъ злодѣяніяхъ. Г-нъ Ричардъ въ пылкомъ заключеніи сказалъ, что ни одной денежки англійскихъ денегъ и ни одной капли англійской крови не должно быть истрачено на поддержку этого организованнаго варварства Оттоманской имперіи. Собраніе встало и восторженно апплодировало г-ну Ричарду.

Почтенный пребендарій Морсъ, викарій Нотингамскій, произнесъ краткую рѣчь, послѣ чего г-нъ Джорджъ Хоуель, представитель рабочихъ классовъ, заявилъ, что поведеніе премьера Биконсфильда преступно, что рабочій классъ единодушно порицаетъ турка, и хотя онъ лично такой любитель мира, что готовъ иногда драться за него, но онъ думаетъ, что нужды въ войнѣ не представляется. Послѣ того, Евелинъ Ашле горячо говорилъ о дипломатическомъ положеніи. За нимъ слѣдовалъ профессоръ Брайсъ; онъ описывалъ силы, побуждающія русскаго царя дѣйствовать, и въ заключеніе сказалъ среди шумныхъ восклицаній восторга, что Турціи слѣдуетъ объявить, что мы не только не станемъ ее поддерживать, но что мы ее принудимъ силой уступить. Д-ръ Аллонъ, высокій, сѣдой, говорившій съ особеннымъ оживленіемъ о нравственной сторонѣ вопроса, возбудилъ сильныя протесты, когда сказалъ, что за Россіей слѣдуетъ наблюдать въ то время, когда мы ей будемъ содѣйствовать. За нимъ говорилъ Робертъ Ликъ, а послѣ этого, съ провозглашеніемъ благодарности герцогу Вестминстерскому былъ сдѣланъ перерывъ на одинъ часъ. Поддерживая голосованіе благодарности, сэръ Генри Хавлокъ произнесъ горячую рѣчь, замѣчательную заявленіемъ его, какъ военнаго человѣка, что

на войнѣ за Турцію онъ, по совѣсти, не могъ бы поднять мечъ.

Вечернее засѣданіе было открыто графомъ Шафтсбери. Замѣчательнымъ въ его рѣчи было противорѣчіе собранія его заявленію, что лорду Дерби слѣдуетъ простить за принципы, высказанные въ его донесеніи о болгарскихъ жестокостяхъ. „Неужели недопустима мысль о раскаяніи?“ прибавилъ патетически благородный графъ, и многочисленное собраніе громогласно произнесло: „нѣтъ“. Послѣ него говорилъ каноникъ Лиддонъ; онъ изложилъ таблицу реформъ, которыя слѣдовало требовать отъ Турціи, и прибавилъ, что единственное средство достигъ выполненія этихъ реформъ это военная оккупация. За нимъ говорилъ г-нъ Джорджъ Отто Тревиліанъ, который произнесъ блестящую рѣчь, покрытую аплодисментами. Онъ плохо началъ, но послѣ того, какъ онъ, въ изящной эпиграммѣ, заявилъ себя противникомъ поддѣльнаго и смѣшаннаго патріотизма, связывающаго выгоды Англій съ тиранніей и честь Англій съ турецкимъ безчестіемъ, онъ такъ воодушевился, что говорилъ удивительно энергично. Пускай черкесы зарабатываютъ свой честный хлѣбъ, продавая свое собственное потомство въ Константинопольскій сераль, но не допускайте ихъ распространять свою торговлю на женъ и дочерей ихъ христіанскихъ сосѣдей... въ заключеніе Тревиліанъ сказалъ, что Англія не истратитъ ни одной копѣйки и не запянаетъ ни одного штыка на помощь турку. Ея герои не станутъ никогда въ ряды разрушителей Болгаріи, какъ бы пальцы премьера ни указывали на рукоятку шпаги, народъ позаботится о томъ, чтобы она не выходила изъ ноженъ. При шумныхъ рукоплесканіяхъ г-нъ Тревиліанъ возвратился на свое мѣсто, и лордъ Артуръ Руссель его замѣнилъ. Послѣ его краткой рѣчи историкъ г-нъ Фриманъ, встрѣченный шумными возгласами, произнесъ очень существенную и ученую рѣчь. Краснорѣчіе г-на Фримана всѣмъ извѣстно. Голосъ его слегка хриплый, но форма его періодовъ блестяща и одно мѣсто въ его рѣчи произвело громадный эффектъ. Онъ спросилъ: „станете ли вы воевать за свободу, неприкосновенность и самостоятельность Содома? Пусть пропадаютъ выгоды Англій, пусть пропадутъ наши владѣнія въ Индіи лучше, чѣмъ мы нанесемъ одинъ ударъ, или произнесемъ одно слово въ пользу неправды противъ правоты. Пойдете ли вы воевать за варвара“? Три тысячи голосовъ заревѣли: „нѣтъ“. Послѣ г-на Фримана говорилъ высокопочтенный Левесонъ Гоуеръ и оживленную рѣчь сказалъ г-нъ Бродхёрстъ. Профессоръ Фаусетъ, въ отвѣтъ на повторенныя приглашенія, всталъ среди восторженныхъ привѣтствій и произнесъ одну изъ самыхъ колкихъ рѣчей за этотъ вечеръ. „Лордъ Шафтсбери

просилъ насъ забыть и простить. Я не считаю себя неумолимымъ, но существуетъ министръ, которому никогда простить нельзя. Этотъ человѣкъ—премьеръ-министръ Биконсфильдъ“. Нельзя достаточно изобразить силу восторженныхъ кликовъ, привѣтствовавшихъ это откровенное заявленіе. Лордъ Ельзбери возбудилъ предложеніе о томъ, чтобы сформировать ассоціацію для распространенія свѣдѣній о Восточномъ вопросѣ. Сэръ Томасъ Базлей поддерживалъ это предложеніе. Вниманіе собранія было утомлено. Было десять минутъ седьмого, а большая часть многолюднаго собранія засѣдала съ одиннадцати. Однако ни одного оратора не прервали и даже дали говорить около десяти минутъ лорду Ельзбери, ни разу не воскликнувъ: „пора кончить“. Наконецъ наступила минута, вѣнчающая дѣло. Выступаетъ г-нъ Гладстонъ. Тысячи присутствующихъ встаютъ, какъ одинъ человѣкъ, и Гладстонъ видитъ шумную сцену возбужденнаго собранія; каждая рука махала шляпой или платкомъ и каждый голосъ радостно привѣтствовалъ его. Казалось, этому привѣтствію конца не будетъ. Гулъ рукоплесканій, снова и снова повторяющійся, и вдругъ все затихло, всѣ сѣли на свои мѣста; г-нъ Гладстонъ стоялъ молча передъ такой же молчаливой аудиторіей. Паденіе булавки могло бы быть слышно передъ тѣмъ, какъ ораторъ началъ: „My lords, ladies and gentlemen (милорды, лэди и господа)“. Прежде чѣмъ начать свою рѣчь г. Гладстонъ предпослалъ въ видѣ вступленія весьма юмористичный анализъ перемѣны, которая подъ вліяніемъ агитаціи произошла въ политикѣ правительства: „оцѣнка произведеннаго дѣйствія заключаетъ въ себѣ оправданіе того, что привело насъ къ устройству нынѣшней ассоціаціи“. Обратясь къ рѣчи въ Гильдѣ Холѣ, гдѣ ораторствовалъ лордъ Биконсфильдъ, онъ высказался противъ независимости Оттоманской имперіи и, коснувшись шовинизма правительства, г-нъ Гладстонъ заявилъ, что „намекъ на непредвидѣнные расходы на войну былъ жаломъ и жаломъ полнымъ яда“. Это вѣское обвиненіе было покрыто шумными рукоплесканіями. Дѣйствіе рѣчи въ Гильдѣ Хилѣ было злосамъренно и пагубно не только для Россіи, но въ особенности для Константинополя. „Константинополь“, продолжалъ ораторъ, „очевидцы описываютъ какъ земной рай. Бываетъ кромѣ земного рай дураковъ“. Взрывъ хохота раздался въ залѣ. Переходя къ миссіи лорда Сальзбери, г-нъ Гладстонъ дружески заявилъ къ нему свое довѣріе, но спросилъ, благо ли для Сальзбери или злой рокъ слушать эту рѣчь? Мы хотѣли бы знать, составляла ли рѣчь въ Гильдѣ Холѣ часть инструкцій лорду Сальзбери? Цѣль страны уничтожить всякое отношеніе между лордомъ Сальзбери и рѣчью Биконсфильда въ Гильдѣ Холѣ для того, чтобы въ своей великой и трудной миссіи онъ могъ имѣть благо-

пріятное и ясное поприще, чтобъ защищать честь своей страны и содѣйствовать благополучію восточныхъ народовъ. Новыя рукоплесканія, еще восторженнѣе, когда онъ продолжалъ протестовать противъ недостойныхъ представителей Англiи въ другихъ государствахъ, какъ страны, могущество и вліяніе которой служатъ на поддержку власти и испорченности Оттоманской имперіи. Гладстонъ описалъ съ большимъ чувствомъ страданія болгаръ отъ совершаемыхъ надъ ними злодѣйствъ и обратился къ практической сторонѣ: „что же надо дѣлать“? Онъ отказался войти въ подробности, но настаивалъ на ограниченіи верховнаго суверенитета Турціи. Безъ этого всѣ реформы сонъ или обманъ. Необходимо вмѣшательство какого-нибудь иностраннаго государства; что касается Россіи, мы бы должны судить ее такъ, какъ сами желали бы быть судимы. Англiя можетъ сколько угодно слѣдить ревностно за Россіей, но если мы хотимъ идти противъ Россіи, мы должны соперничать съ нею въ любви къ христіанскому населенію. Въ краснорѣчивой формѣ онъ привелъ примѣръ Каннинга во время греческой революціи и примѣры Италіи, Бельгіи и Греціи, какъ (полное) вознагражденіе и оправданіе за поддержку, оказанную нами въ прошедшія времена, народамъ борющимся за независимость. Среди гула одобреній онъ заключилъ тѣмъ, что пока министерство не будетъ дѣйствовать по примѣру Каннинга и не войдетъ въ дружеское содѣйствіе съ Россіей, чтобъ избавить эти народности отъ прямого владычества Порты, они никогда справедливо не могутъ воскликнуть: „мы удовлетворены“. Г-нъ Гладстонъ, говорившій почти часъ и три четверти, возвратился на мѣсто съ тѣми же бурными привѣтствіями, которыми былъ встрѣченъ. Около 8 часовъ произнесена была единодушная резолюція, и вскорѣ послѣ этого одно изъ самыхъ знаменательныхъ собраній, извѣстныхъ въ исторіи Англiи, мирно разошлось.

Легко себѣ представить, съ какимъ восхищеніемъ Ольга Алексѣвна слушала рѣчи, въ которыхъ ораторы какъ бы старались превзойти одинъ другого въ энергичномъ отрицаніи союза съ Турціей и желаніи присоединиться къ предложенному обузданію турка. Она съ жадностью слѣдила за блестящей рѣчью Гладстона, которой закончилось засѣданіе. До этой минуты она не испытывала обаянія этого великаго чародѣя; она поняла лучше всѣхъ непреодолимую силу его ораторскаго искусства. Когда между кликами восторга онъ замолчалъ, Ольга Алексѣвна приготовилась уйти. Не она одна чувствовала, что этотъ день знаменательный въ ея жизни. Это дѣйствительно былъ день памятный въ исторіи народовъ. Для нея же лично это было событіе, превзошедшее всѣ ея ожиданія, но въ дополненіе къ политической демонстраціи ей су-

ждено было испытать личное торжество, совершенно неожиданное вниманіе лично къ себѣ.

Въ то время какъ Ольга Алексѣевна тихо подвигалась среди толпы, скопившейся у лѣстницы, она услышала съ удивленіемъ голосъ г-на Гладстона, обращенный къ ней. Онъ тоже уходилъ. Увидавъ Ольгу Алексѣевну въ толпѣ, онъ поспѣшилъ къ ней и, предложивъ ей руку, провелъ ее изъ залы по лѣстницѣ до улицы. Онъ только что кончилъ утомительную рѣчь, его ждалъ обѣдъ дипломатическаго корпуса, но онъ настоялъ на томъ, чтобы довести г-жу Новикову домой до Клариджъ Отель, поддерживая съ нею все время очень оживленный разговоръ.

Послѣ смерти Гладстона, описывая этотъ замѣчательный вечеръ, г-жа Новикова говоритъ:

„Случалось не разъ, что онъ сообщалъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ, смѣлость которыхъ меня восхищала и пугала вмѣстѣ, но колебаній передъ твердо опредѣленной цѣлью онъ не зналъ. Онъ боялся дѣйствительно Бога, но больше никого. Такъ послѣ знаменитой Сентъ-Джемской конференціи, устроенной подъ его наблюденіемъ въ пользу православныхъ славянъ въ Турціи, я ему сказала, что, идя противъ Дизраэли и королевы, онъ рискуетъ революціей. Онъ меня прервалъ.—Да, дѣйствительно. Вы вѣрно опредѣлили эту демонстрацію. Это своеобразно—революція. Но совѣсть меня не упрекаетъ, такъ какъ это преимущественно христіанская революція. Кромѣ того, продолжалъ онъ, я не одинъ такъ дѣйствую. Четыре тысячи народа, присутствовавшаго въ залѣ, были единодушны въ своемъ присоединеніи и, не колеблясь, выразили свои симпатіи къ благородной роли Россіи на Балканахъ. Вы замѣтили? живо спросилъ онъ, улыбаясь, что единственный ораторъ, котораго освистали, заслужилъ эту кару за то, что онъ, желая казаться безпристрастнымъ, объявилъ, что онъ не особенный другъ Россіи. Смѣшно то, что бѣдный ораторъ совсѣмъ не руссофобъ, добавилъ онъ, я его лично знаю, никогда въ жизни не забуду этого случая“.

Это, несомнѣнно, была пріятная прогулка.

Доведа г-жу Новикову до двери ея отеля и выслушавъ ея сердечную благодарность за ударъ, нанесенный имъ въ этотъ день турецкому и поддержку англо-русскому сближенію, онъ поспѣшилъ на обѣдъ. Онъ опоздалъ на часъ и нашель половину пословъ и посланниковъ въ Лондонѣ, ожидающихъ его пріѣзда, чтобъ сѣсть за столъ. „Мнѣ очень жаль, сказалъ г-нъ Гладстонъ, входя, но у меня не было времени даже переодѣться. Я только что проводилъ г-жу Новикову до ея гостиницы и потому нѣсколько опоздалъ“. Въ глазахъ нѣкоторыхъ присутствующихъ дипломатовъ причина увеличивала вину. Другіе

удивлялись, и этимъ случаемъ воспользовалась турецкая пресса, чтобъ повредить Гладстону въ глазахъ его соотечественниковъ ¹⁾.

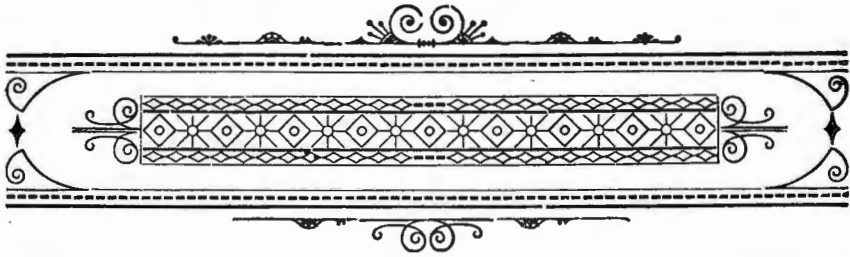
Недавняя буря въ стаканѣ воды, поднятая потому, что Кайзеръ написалъ письмо англійскому министру, поможетъ намъ понять, и послѣ такого долгаго времени, какая нравственная смѣлость была нужна со стороны Гладстона такъ всенародно на конференціи и послѣ нея оказать столько исключительнаго вниманія Ольгѣ Алексѣевнѣ. Въ этомъ Гладстонъ показалъ примѣръ, которымъ многіе другіе не имѣли храбрости воспользоваться.

Два или три года спустя въ письмѣ къ г-ну Гладстону о вліяніи и роли г-жи Новиковой въ восточномъ кризисѣ, я сдѣлалъ замѣчаніе на этотъ счетъ, которое мнѣ кажется сущей правдой (*la vérité vgaie*). Ольга Алексѣевна не измѣнила нашихъ убѣжденій, но она ихъ страшно усилила.

Сообщено Е. С. М.

¹⁾ Напримѣръ: „г-жа Новикова, русскій агентъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ графомъ Шуваловымъ, она сестра генерала Кирѣва и невѣстка русскаго посла въ Вѣнѣ. Это та особа, съ которой пашъ эксъ-премьеръ заключилъ публичный и частный союзъ во время Балканскихъ жестокостей. Но когда достигнута была высшая точка про-русскаго движенія и устроители его считали паденіе лорда Биконсфильда неминуемымъ, г-нъ Гладстонъ, по окончаніи конференціи въ Сентъ-Джемсъ Холъ, подошелъ къ г-жѣ Новиковой, подалъ ей руку и торжественно повелъ ее среди недоумѣвающей толпы, чтобы представить ей доказательство анти-турецкаго союза, заключеннаго наконецъ Англійей съ Россіей: такимъ образомъ публично призналъ, что отношенія его къ этой дамѣ чисто политическаго характера и должны обсуждаться какъ таковыя. Несомнѣнно, страна будетъ того же мнѣнія, какъ только смыслъ этихъ отношеній станетъ ей яснымъ“.

С.-Петербургская духовная академія

(1809—1909) ¹⁾.

(Краткій очеркъ ея исторіи за 100 лѣтъ существованія).

I.

17 февраля 1909 года исполнилось 100 лѣтъ со дня открытія С.-Петербургской духовной академіи. Хотя свою исторію эта академія ведетъ именно съ 17 февраля 1809 года, когда произошло торжественное открытіе ея, однако начало ея, своего рода ея эмбриональный періодъ, восходитъ къ гораздо раннѣйшему времени. Уже въ 1721 г., вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, указомъ архіепископа Велико-Новгородскаго Феодосія было предписано „учредить въ общую пользу при Александроневскомъ монастырѣ... *словенскую школу*“... Вотъ эта-то „словенская школа“ Александроневскаго монастыря и была тѣмъ первоначальнымъ зерномъ, изъ котораго, путемъ постепеннаго преобразованія и расширенія соотвѣтственно нуждамъ времени, и выросла нынѣшняя С.-Петербургская духовная академія ²⁾.

Словенская школа Александроневскаго монастыря была низшимъ приготовительнымъ училищемъ и при томъ болѣе народнымъ, нежели специальнымъ церковнымъ. Для обученія въ нее принимали дѣтей всѣхъ сословій, но главнымъ образомъ поступали служительскія дѣти изъ монастырскихъ вотчинъ, также дьячешкія, подъячешкія и посадскія, а церковническихъ дѣтей было очень не много. Содержаться школа должна была на обычныя монастырскія средства.

Въ 1725 г. по повелѣнію Императрицы Екатерины I Алексѣевны эта „словенская школа“ была преобразована: она получила уже харак-

¹⁾ По поводу празднованія ея 100-лѣтняго юбилея 15—17 декабря 1909 г.

²⁾ Историкъ с.-петербургской духовной академіи, ея проф. И. Чистовичъ съ этого именно и начинается ея исторію.

теръ спеціального учрежденія для образованія достойныхъ служителей церкви.

Въ число предметовъ преподаванія были введены греческій и латинскій языки; преподавались также—богословіе, філософія, риторика и т. д. Самая школа была переименована въ „славено-греко-латинскую семинарію“. Эта „славено-греко-латинская семинарія“ ничѣмъ не отличалась отъ другихъ, еще ранѣ открытыхъ по разнымъ епархіямъ семинарій. Въ этомъ видѣ она продолжала существовать до 1788 года, когда, по ходатайству митрополита Гавріила, Высочайше разрѣшено было преобразование ея въ „главную семинарію“ для приготовленія учителей въ другія семинаріи.

По указу Св. Синода 1788 г., епархіальныя семинаріи, ближе примыкавшія къ С.-Петербургу, нежели къ Москвѣ и Кіеву, гдѣ уже ранѣ существовали академіи для той же, что и главная семинарія Александроневскаго монастыря, цѣли, должны были присылать сюда (не болѣе чѣмъ по два изъ каждой) лучшихъ воспитанниковъ изъ окончившихъ уже ученіе не ниже риторическаго класса. Здѣсь они изучали богословіе, філософію и математику, и, по окончаніи образованія, возвращались обратно въ семинарію уже для занятія въ ней учительской должности.

Такое возвышеніе Александроневской славено-греко-латинской семинаріи надъ другими семинаріями (ближайшихъ епархій) произошло въ параллель и по примѣру образованія главныхъ (наряду съ малыми) народныхъ училищъ, послѣдовавшаго вслѣдъ за утвержденіемъ Императрицею Екатериною II въ 1786 г. выработаннаго особою комиссіею „Устава народныхъ училищъ Россійской имперіи“.

Въ кругъ наукъ преобразованной семинаріи введены были новые предметы,—церковная исторія, механика, естественная исторія, математика и опытная физика. Въ качествѣ учебниковъ были приняты изданія „комиссіи по учрежденію народныхъ училищъ“; по тѣмъ же предметамъ, для которыхъ не было руководствъ на русскомъ языкѣ, употреблялись учебники иностранныя.

Вслѣдъ за переименованіемъ семинаріи въ главную, для нея отданъ былъ особый корпусъ (Феодоровскій) въ лаврѣ ¹⁾.

Вотъ въ этой-то самой главной семинаріи и былъ—вначалѣ въ качествѣ присланнаго изъ Владимірской семинаріи для обученія „богословскимъ и філософскимъ наукамъ и высшей математикѣ“

¹⁾ До 1741 г. она помѣщалась въ особомъ зданіи по сѣверную сторону Черной рѣчки „подлѣ самыхъ слободскихъ, служительскихъ и мастеровыхъ людей дворовъ при самой перспективной улицѣ“ (Невскій проспектъ), а съ 1742 г. въ выстроенномъ для нея деревянномъ зданіи за (прежняимъ) стекляннымъ заводомъ по Шлисельбургскому проспекту.

ученика, а потомъ въ качествѣ учителя „высшаго, преимущественно церковнаго краснорѣчія и чистой математики“, и наконецъ—префекта ея,—знаменитый впоследствии государственный дѣятель эпохи Александра I, оставившій памятникомъ по себѣ полное собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи и много полезныхъ учреждений по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, Мих. Мих. Сперанскій.

Въ 1797 г. произошло преобразование главной семинаріи: въ этомъ году она была переименована въ „Александроневскую академію“. Такимъ образомъ она была приведена къ типу существовавшихъ уже и до того времени академій въ Москвѣ и Кіевѣ. Кругъ наукъ въ академіи былъ расширенъ и дополненъ (сравнительно не только съ семинаріями вообще, но и съ бывшей, главной Александроневской семинаріей) новыми предметами.

Такъ было расширено преподаваніе по богословію, философіи ¹⁾, введены языки — еврейскій, нѣмецкій, французскій. Еврейскій и греческій языки были обязательны для всѣхъ, а изъ прочихъ—одинъ по выбору учащихся.

Академіи и ректору ея было поручено наблюденіе за преподаваніемъ во всѣхъ семинаріяхъ своего округа, такъ что эти послѣднія были поставлены въ ближайшее отношеніе къ академіи. Съ 1804 г. въ преподаваніи академіи былъ принятъ методъ народныхъ училищъ, какъ болѣе цѣлесообразный. Въ число предметовъ академическаго курса съ 1802 г. было повелѣно Императоромъ Александромъ I „вести врачебную науку, въ видахъ большаго распространенія въ духовномъ сословіи основательныхъ медицинскихъ познаній“.

Эта новооткрытая Александроневская академія не была высшимъ ученымъ учрежденіемъ. Цѣлью ея было лишь приготовленіе наставниковъ для духовнаго юношества. Въ первые классы ея принимались кончившіе лишь духовныя и народныя школы, лица, „заправленные въ чтеніи церковной и гражданской печати, въ письмѣ, нотномъ пѣніи, знаніи катихизиса и въ началахъ русской грамматики“ ²⁾.

Приготовленію же къ наставническимъ должностямъ служили классы—философскій и богословскій: въ эти классы и поступали присылаемые изъ другихъ семинарій воспитанники. Обучавшіеся въ философскомъ и богословскомъ классахъ (вначалѣ всѣ, а потомъ лишь лучшіе) носили званіе студентовъ. По окончаніи академическаго курса они имѣли право держать публичный диспутъ для

¹⁾ Преподаваніе на латинскомъ языкѣ.

²⁾ Чистовичъ, Исторія С.-Петербургской духовной академіи, стр. 141.

соисканія ученой степени кандидата богословія (установленной въ 1800 г. митрополитомъ Амвросіемъ).

Число воспитанниковъ этой Александроневской академіи было въ разные годы не одинаково, но въ среднемъ приблизительно отъ 150 и до 270. (Такъ въ 1807 г. было 277 воспитанниковъ). Къ слушанію академическихъ наукъ допускались и посторонніе (въ качествѣ вольнослушателей), при чемъ могли слушать или всѣ предметы, или нѣкоторые изъ нихъ (по желанію).

Матеріальныя средства Александроневской академіи были очень скудны. Окладъ ея вначалѣ оставался тѣмъ же самымъ, что и до преобразования, т. е. 12 тысячъ рублей. Понятно, что при такой ничтожности этой суммы плата наставникамъ и начальствующимъ лицамъ академіи была очень маленькая. По вѣдомости 1800 года ректору полагалось жалованья 250 рублей въ годъ, префекту 250—300 руб. въ годъ, учителямъ отъ 100 и до 250 руб. Только уже въ послѣдующее время окладъ этотъ былъ постепенно увеличенъ, такъ что въ 1807 г. онъ уже равнялся 24 тыс. рублей.

Но, несмотря на эту скудость средствъ, академія все же старалась не суживать, а расширять кругъ своей обычной благотворительности по отношенію къ своимъ воспитанникамъ. Такъ въ 1800 г. была открыта бурса со всѣмъ казеннымъ содержаніемъ на 100 чело-вѣкъ; въ послѣдующее время были открыты еще 50 полуказенныхъ вакансій. Не имѣвшимъ возможности поступить въ число этихъ казенныхъ и полуказенныхъ воспитанниковъ выдавалось денежное вспоможеніе (отъ 12 и до 18 рублей въ годъ). Вообще академія старалась дать своимъ воспитанникамъ не только даровое обученіе, но и содержаніе.

Александроневская академія въ своемъ первоначальномъ устройствѣ существовала только 11 лѣтъ (1797—1808 г.г.). Но и за этотъ краткій срокъ она все же успѣла опредѣлить свою фізіономію,—фізіономію учебнаго заведенія, предназначеннаго къ приготовленію наставниковъ для духовнаго юношества. Уже изъ опытовъ первыхъ годовъ можно было видѣть, что она эту свою задачу выполняла вполне удовлетворительно. Какъ первый, такъ и послѣдующіе выпуски Александроневской академіи съ публичными диспутами и т. д. достаточно ясно показали, что воспитанники ея старшихъ классовъ получали всестороннее и основательное (по тому времени) образованіе въ наукахъ богословскихъ и философскихъ. Они могли даже (по крайней мѣрѣ лучшіе) свободно изъясняться на одномъ изъ новыхъ языковъ ¹⁾.

¹⁾ Чистовичъ, Исторія С.-Петербургской духовной академіи, стр. 142.

Такова исторія С.-Петербургской духовной академіи до коренного преобразованія ея въ 1809 г.

II.

Преобразованіе 1797 г. безъ сомнѣнія шло навстрѣчу вѣяніямъ времени, такъ что на первыхъ порахъ и оно (при всѣхъ своихъ несовершенствахъ) было хорошо, поскольку соответствовало нуждамъ времени. Но именно только на первыхъ порахъ и для перваго случая. Недостатки всей вообще организаціи духовнаго образованія неизбѣжно должны были съ теченіемъ времени открыться и потребовать коренного измѣненія ея. Это и послѣдовало въ великую, достопамятную эпоху царствованія Александра I, эпоху переустройства и преобразованій всего государства въ духъ просвѣщенныхъ и гуманнѣйшихъ началъ и стремленій, которыми былъ проникнутъ какъ самъ Государь, такъ и его приближенные друзья и соратники.

Горячо заботясь о просвѣщеніи вообще, Императоръ Александръ Павловичъ, разумѣется, желалъ, въ частности, поднятія уровня и духовнаго просвѣщенія. Это тѣмъ болѣе понятно, что геніальнымъ вдохновителемъ и исполнителемъ всѣхъ его начинаній и плановъ былъ М. М. Сперанскій, самъ прошедшій духовную школу и потому хорошо знавшій ее, человѣкъ, вышедшій изъ духовнаго сословія и потому далеко не равнодушный къ его интересамъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 29 ноября 1807 г. былъ учрежденъ „комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ“, въ составъ котораго вошли: Амвросій, митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій, Теофилактъ (Русановъ), епископъ калужскій, протопресвитеръ С. Ѳ. Красношѣвковъ, оберъ-свящ. И. С. Державинъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода кн. А. Н. Голицынъ и статсъ-секретарь М. М. Сперанскій. Задача комитета состояла въ томъ, чтобы 1) рассмотреть планъ къ усовершенствованію духовныхъ училищъ и 2) исчислить всѣ необходимыя для этого усовершенствованія суммы, съ изысканіемъ способовъ, „коими суммы сіи удобнѣе составить можно“. По первому пункту Комитетъ нашелъ, что духовныя училища должны быть четырехъ родовъ: 1) академіи, 2) семинаріи, 3) училища уѣздныя и 4) приходскія. Академіей предположено было открыть 4: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани, соответственно количеству учебныхъ округовъ, во главѣ которыхъ эти академіи и должны стоять.

Выработанный комитетомъ проектъ былъ Высочайше утвержденъ 26 іюня 1808 г., и тогда же дѣло завѣдыванія всѣми духовно-учебными заведеніями было поручено учрежденной при Св. Синодѣ „ко-

мисіи духовныхъ училищъ“. Первою по времени рѣшено было открыть С.-Петербургскую академію. 12 ноября 1808 г. было составлено временное правленіе для прінсканія профессоровъ, комплектованія состава учащихся перваго академическаго курса и т. д. Тѣмъ временемъ М. М. Сперанскій и архіепископъ Теофилактъ занялись выработкой проекта устава для будущей С.-Петербургской духовной академіи и къ 9 февраля 1809 г. окончили его. Собственно подборъ историческихъ матеріаловъ и первый планъ академическаго устава былъ сдѣланъ еще ранѣе митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ по порученію митрополита с.-петербургскаго Амвросія и потомъ, пересмотрѣнный и исправленный Анастасіемъ Братановскимъ, сданъ въ 1808 г. во вновь образованную комиссію духовныхъ училищъ и оказалъ послѣдней значительную помощь въ ея работахъ по составленію новаго устава. Эта предварительная и въ то же время основная работа митрополита Евгенія Болховитинова, кромѣ этого, имѣла еще и другое чрезвычайно большое значеніе, именно для опредѣленія направленія и цѣли академіи, какъ особаго учебно-ученаго учрежденія. Дѣло въ томъ, что самую жизнь требовался такой типъ высшей православно-русской духовной школы, которая, будучи воздвигнута на развалинахъ старой, къ тому же чужой школы, вполнѣ удовлетворяла бы православно-русскимъ запросамъ и нуждамъ. Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, какъ человѣкъ, принадлежавшій къ числу новыхъ, передовыхъ русскихъ людей начала XIX в., человѣкъ научно-любопытный и, главное, на себѣ испытавшій всю тяжесть и неудовлетворительность господствовавшей въ старой духовной школѣ схоластики, прекрасно понималъ это и залогъ будущихъ успѣховъ для новой школы видѣлъ именно въ самой тѣсной связи съ литературно-общественными и религіозно-философскими теченіями своего времени. Все это, конечно, не могло не отразиться не только на составленномъ м. Евгеніемъ Болховитиновымъ планѣ-наброскѣ устава духовныхъ академій, но и на уставѣ, выработанномъ впоследствии комиссіею.

Первое „начертаніе правилъ“ вмѣстѣ съ докладомъ комиссіи о преобразованіи духовныхъ училищъ было напечатано еще въ 1808 г. По этимъ „начертаніямъ“ цѣль академіи тройкая: 1) образованіе духовнаго юношества къ высшимъ духовнымъ должностямъ, 2) распространеніе и поощреніе учености въ духовенствѣ своего округа и 3) управленіе училищами своего округа. Сообразно съ этимъ академія имѣетъ: 1) академическій институтъ (учебная часть академіи) и 2) академическую конференцію (для цензуры книгъ, производства частныхъ и публичныхъ экзаменовъ, присужденія ученыхъ степеней и т. д.). Выработанный М. М. Сперанскимъ (введеніе и

первая часть) и архіеп. Теофілактомъ (вторая часть) проектъ устава данъ былъ для руководства академической конференціи С.-Петербургской духовной академіи на первый курсъ (который имѣлъ продолжаться 6 лѣтъ) съ тѣмъ, чтобы она доводила до свѣдѣнія комиссіи о всѣхъ недочетахъ его при проведеніи въ жизнь и о необходимыхъ исправленіяхъ.

Въ составъ наукъ академіи по проекту входили слѣдующіе предметы: I классъ богословскихъ наукъ: догматическое, нравственное, политическое богословіе, свящ. герменевтика, гомилетика, каноническое и церковное право. II классъ философскихъ наукъ: философская терминологія (въ качествѣ повторенія семинарскихъ свѣдѣній въ этой области) и философская исторія (это, собственно, не отдѣльные предметы, а лишь объемъ преподаванія философіи). III классъ наукъ словесныхъ: теоретическая и практическая эстетика. IV классъ наукъ физико-математическихъ: первоначальная, высшая и физико-математика. V классъ историческихъ наукъ: хронологія, географія, русская географія, церковная исторія и исторія древностей церковныхъ, гражданская исторія. VI классъ языковъ: греческій, латинскій (оба одинаково обязательны), еврейскій, французскій и нѣмецкій.

Вопросомъ первой важности было конечно пріисканіе профессоровъ для открывшейся академіи. Эту задачу взяли на себя: м. Амвросій (для богословскихъ предметовъ), оберъ-свящ. Державинъ (историч. науки), кн. А. Н. Голицынъ (математика и новые языки) и М. М. Сперанскій (философія и древніе языки). Относительно новыхъ языковъ было постановлено, чтобы ихъ преподавали природныя нѣмцы и французы.

Первыми профессорами для перваго академическаго курса были слѣдующія лица: 1) для богословскаго класса архим. Евграфъ (Мусалевскій-Платоновъ), 2) философскихъ—Игнатій Фесслеръ, ученый нѣмецъ, докторъ церковнаго права и богословія; первоначально онъ былъ вызванъ М. М. Сперанскимъ (по рекомендаціи проф. С.-Петербургскаго педагогическаго института Лодія, къ которому вначалѣ обратились съ предложеніемъ занять каѳедру въ академіи, но который отказался) для преподаванія еврейскаго языка (съ увеличеннымъ жалованьемъ въ 2.500 р. въ годъ), а для философскихъ предметовъ въ качествѣ профессора вначалѣ былъ назначенъ іеромонахъ Евгеній (Казанцевъ). Но когда Сперанскій изъ бесѣды съ Фесслеромъ убѣдился, что онъ имѣетъ „отличныя свѣдѣнія въ философскихъ наукахъ“, то вмѣсто іеромонаха Евгенія онъ предложилъ комиссіи предоставить Фесслеру и каѳедру философіи. Это было уже по истеченіи перваго учебнаго года, въ январѣ 1810 г.

Во время экзамена по философіи обнаружилась малоуспѣшность студентовъ по этому предмету. Комиссія отнесла это къ недостаткамъ преподавательскихъ способностей Евгенія и постановила „замѣнить іеромонаха Евгенія въ послѣдство времени другимъ способнѣйшимъ“. 3) Науки словесныя взялся бесплатно преподавать архіеп. Теофилактъ; 4) для историческихъ наукъ проф. Я. В. Орловъ, 5) математическихъ—академикъ С. Е. Гурьевъ, 6) языковъ: еврейскаго—Фесслеръ, греческаго—Скинасъ, нѣмецкаго Отто Смольяно и французскаго—де-Бое.

Профессоръ богословскаго класса архим. Евграфъ 26 января 1809 г. былъ утвержденъ въ должности ректора.

Въ помощь каждому профессору назначены были бакалавры.

Должно сказать, что подборъ ученыхъ силъ для будущей академіи сдѣланъ былъ очень удачно. Такъ, въ лицѣ архим. Евграфа академія приобрѣтала „весьма даровитаго ученаго и многообщавшаго наставника, проникательнаго и дальновиднаго начальника“¹⁾. Его стараніями былъ привлеченъ въ С.-Петербургскую духовную академію (въ качествѣ бакалавра) знаменитый впоследствии ректоръ (1814—1819) и затѣмъ митрополитъ московскій, а въ то время еще іеромонахъ Филаретъ Дроздовъ, префектъ Вианской семинаріи.

Игнатій Фесслеръ представлялъ изъ себя уже большую ученую силу. Это былъ широко и глубоко образованный человѣкъ своего времени, знатокъ философіи и древнихъ языковъ (восточныхъ и классическихъ), писатель, уже приобрѣтшій за границей значительную извѣстность своими сочиненіями въ разныхъ областяхъ²⁾.

Въ лицѣ Фесслера академія приобрѣтала для философскихъ предметовъ въ высшей степени серьезнаго и компетентнаго преподавателя.

Архіепископъ Теофилактъ, взявшій на себя обязанность безвозмездно преподавать въ академіи словесныя науки, также былъ человѣкъ очень даровитый, европейски образованный, отлично знавшій новые языки и западно-европейскую литературу. Архіеп. Теофилактъ любилъ свой предметъ, даже прямо увлекался имъ, такъ что для академіи это былъ въ полномъ смыслѣ желательный профессоръ-педагогъ.

Особенно много общалъ академіи перешедшій въ нее изъ Москвы Филаретъ Дроздовъ. Не даромъ митроп. московскій Платонъ усиленно просилъ комиссію и Синодъ возвратитъ Филарета въ

¹⁾ 50-лѣтіе С.-Петербургской дух. академіи, СПб. 1859 г.

²⁾ Особенно замѣчательны два его сочиненія: а) „Institutiones linguarum orientalium, hebraeae, chaldaicae, syriacae, arabicae“ и 2) „Anthologia hebraica, e sacris Hebraeorum libris deprompta“.

Московскую академію, какъ такого воспитанника послѣдней, „въ отношеніи котораго онъ прилагалъ свое особенное отеческое попеченіе“ и отъ котораго надѣялся имѣть „утѣшеніе въ старости“. Но Филаретъ былъ оставленъ въ назначенной ему „только важной должности бакалавра богословскихъ наукъ“ при С.-Петербургской духовной академіи и съ теченіемъ времени сдѣлался въ ней истиннымъ свѣточемъ науки.

Въ составъ перваго академическаго курса рѣшено было вызвать 100 человекъ, именно столько, сколько позволяло помѣщеніе. (Вновь открываемая академія должна была пока, т. е. до сооруженія новаго зданія для нея¹⁾, помѣщаться въ томъ же Теодоровскомъ корпусѣ въ оградѣ Лавры, въ которомъ помѣщалась Александровская академія). Въ составъ курса рѣшено было принять: часть изъ студентовъ богословія Александроневской академіи по выдержаніи ими испытанія, а остальныхъ вызвать изъ другихъ академій и семинарій. При этомъ отъ присылаемыхъ студентовъ требовались „отличныя способности къ наукамъ и доброе поведеніе, знаніе, кромѣ латинскаго, другаго языка—греческаго, французскаго или нѣмецкаго“. Возрастомъ должны быть не старѣе 22-хъ лѣтъ, но предоставлялась возможность исключеній для особенно даровитыхъ.

Вызванные студенты собрались въ январѣ 1809 г. Вновь назначенный ректоръ архим. Евграфъ, по порученію митрополита Амвросія, произвелъ испытаніе „въ знаніи ихъ и способностяхъ“.

Многочисленность наукъ, пройти которыя, по проекту, долженъ былъ первый курсъ С.-Петербургской духовной академіи, не позволила ограничить время для этого 4 годами, какъ это было предположено по „начертаніямъ“ комитета 1807 г. Пришлось растянуть срокъ на 6 лѣтъ. Начало учебнаго года рѣшено считать съ января и къ этому времени, по истеченіи каждаго года, производить испытанія. Лекціи въ академіи могли слушать и посторонніе, но не иначе, какъ „по испытаніи правленіемъ способности ихъ къ сему“.

Наконецъ 17 февраля 1809 г. послѣдовало торжественное открытіе С.-Петербургской духовной академіи. На торжественномъ собраніи профессоръ богословскихъ наукъ и ректоръ академіи архим. Евграфъ прочелъ первый „вступительный урокъ“: „О божественномъ происхожденіи христіанской религіи, счастіи народа, на основаніи ея долгъ свой будущаго, достоинствъ и евангельской истинъ исповѣданія греко-россійской церкви и настоящихъ предна-

¹⁾ Новое каменное 4-хъ этажное зданіе (теперь по набережной Обводнаго канала, котораго въ то время еще не было) для академіи было окончено только въ 1819 г. при ректорѣ Филаретѣ.

мѣреніяхъ къ усугубленію истиннаго просвѣщенія“. Затѣмъ профессоръ по классу математическихъ наукъ академикъ С. Е. Гурьевъ прочелъ „разсужденіе о математикѣ и ея отрасляхъ“ (въ томъ же году по Высочайшему повелѣнію и напечатанное). Такимъ образомъ, С.-Петербургская духовная академія начала свою жизнь.

Въ основу занятій былъ положенъ принципъ самодѣтельности учащихся. „Добрая метода, говорилось въ проектѣ устава, состоитъ въ томъ, чтобы способствовать къ раскрытію собственныхъ силъ и способностей въ воспитанникахъ. Средствами для этого были признаны—требованіе отъ студентовъ“ самимъ изъяснять истины, имъ (профессоромъ) открытыя, вообще самостоятельныя упражненія и критика ихъ со стороны профессора.

По первоначальному росписанію для классныхъ занятій было назначено 8 часовъ. Но такъ какъ скоро увидѣли, что эта продолжительность классныхъ занятій неблагопріятно отзывается на успѣхахъ студентовъ, слишкомъ утомляя ихъ вниманіе съ одной стороны и мало оставляя времени для самостоятельнаго послѣ-класснаго повторенія сообщеннаго на лекціяхъ—съ другой, то, по представленію ректора академіи архим. Сергія (Крылова) ¹⁾, Комиссія назначила для классныхъ занятій вмѣсто 8 уже 6 часовъ. По плану этого ректора арх. Сергія послѣдовало сокращеніе и учебныхъ предметовъ. Всѣ предметы были раздѣлены на коренные (общеобязательные) и вспомогательные. Къ первымъ отнесены: богословіе, философія и практическая эстетика, ко вторымъ—всѣ остальные. Изъ этихъ послѣднихъ наукъ студенты должны были выбрать „по своимъ склонностямъ“ (но съ соблюденіемъ равномѣрности въ количествѣ участниковъ каждой группы въ сравненіи съ другими) науки или математическія или историческія, еврейскій языкъ или одинъ изъ новыхъ (греческій и латинскій языкъ обязательны для всѣхъ). Послѣдовали нѣкоторыя и другія измѣненія въ преподаваніи. Возможность этихъ измѣненій была предусмотрена Комиссіей, и конференціи Академіи была предоставлена возможность дѣлать замѣчанія въ этомъ родѣ.

Измѣненія уже въ первый годъ произошли и въ составѣ профессоровъ. Замѣнившій іеромон. Евгенія (Казанцева) проф. Фесслеръ не долго оставался въ академіи. На основаніи поданнаго имъ на разсмотрѣніе Комиссіи конспекта своихъ чтеній по философіи архіеп. Теофилактъ нашелъ философскія начала Фесслера „вредными для Церкви и Отечества и пагубными для студентовъ“.

¹⁾ Архим. Евграфъ скончался въ ноябрѣ 1809 г.; послѣ него и былъ назначенъ Сергій.

Эти начала, по мнѣнію Теофилакта, представляютъ изъ себя „преобразованный платонизм“. Они не только подрываютъ религію, но „что всего удивительнѣе, совершенно ниспровергаютъ самую философію“. Свою критику философскихъ началъ Фесслера Теофилактъ изложилъ въ 5 пунктахъ. Несмотря на то, что М. М. Сперанскій представилъ отзывъ благопріятный для Фесслера, мнѣніе Теофилакта восторжествовало. 22 іюня 1810 г. Фесслеръ былъ удаленъ изъ академіи, а на его мѣсто былъ приглашенъ проф. Дерптскаго университета докторъ богословія и философіи Іог. фонъ-Горнъ, который по своей учености могъ съ успѣхомъ замѣнить Фесслера. Горнъ восполнилъ потерю, понесенную С.-Петербургской духовной академіей въ лицѣ Фесслера.

Въ 1812 г. ректоромъ академіи былъ назначенъ архим. Филаретъ (Дроздовъ), который и занималъ этотъ постъ до 1819 г.

Вполнѣ матеріально обезпеченная вначалѣ, при своемъ открытіи, С.-Петербургская духовная академія въ 1812 г. должна была понести значительную потерю въ этомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что, какъ это всякому извѣстно, то было время отечественной войны, потребовавшей отъ Россіи большихъ жертвъ. Духовно-учебное вѣдомство принесло свою лепту на алтарь отечества чрезъ отчисленіе отъ своего капитала $3\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Конечно, это не могло не отразиться на матеріальномъ благосостояніи между прочимъ и юной С.-Петербургской академіи, содержавшейся на средства этого вѣдомства. Но вообще-то должно сказать, что вначалѣ С.-Петербургская академія не могла особенно жаловаться на недостаточность матеріальныхъ средствъ. Примѣрнымъ штатомъ духовныхъ академіи на С.-Петербургскую положено было 67 тыс. рублей (на 11.200 руб. больше, чѣмъ на другія академіи).

Въ 1813 г. митроп. Амвросій доложилъ Комиссіи, что студенты С.-Петербургской духовной академіи „отъ долговременнаго въ наукахъ упражненія и отъ многотрудныхъ и разнообразныхъ занятій наконецъ утомились“ и на основаніи этого предложилъ сократить первоначально назначенный срокъ ихъ пребыванія въ академіи (6 лѣтъ) на $\frac{1}{2}$ года и кончить курсъ ихъ ученія въ іюль 1814 г. Предложеніе это было принято. Были произведены испытанія студентамъ академіи, въ результатъ которыхъ оказалось, что 26 человекъ были удостоены званія магистра богословія, 11-ти предложена возможность получить эту степень послѣ благопріятнаго для нихъ отзыва о ихъ занятіяхъ и поведеніи при духовныхъ семинаріяхъ; затѣмъ, 44 человека получили званіе кандидата богословія и, наконецъ, 11 остались съ званіемъ студентовъ. 12 лучшихъ воспитанниковъ (въ томъ числѣ знаменитые впоследствии:

Герасимъ Павскій и Григорій Постниковъ) были оставлены при самой академіи для занятія вакансій наставниковъ, или выбывшихъ вслѣдствіе окончанія сдѣланнаго ранѣе обязательства о времени службы при академіи, или уволенныхъ въ надеждѣ замѣстить ихъ способнѣйшими.

Отчетъ о занятіяхъ и результатахъ испытаній перваго академическаго курса былъ представленъ Комиссіей на Высочайшее усмотрѣніе, въ отвѣтъ на что послѣдовали особые рескрипты на имя митрополита Амвросія и ректора академіи архим. Филарета и Высочайшій указъ Комиссіи духовныхъ училищъ. Въ рескриптѣ на имя митрополита между прочимъ говорилось: „разсмотрѣвъ докладъ Комиссіи духовныхъ училищъ объ окончаніи перваго курса новообразованной С.-Петербургской академіи, остаюсь увѣреннымъ, что сей вертоградъ наукъ дастъ въ свое время плоды обильные, покуда принялъ сѣмена благія и расцвѣлъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ искусныхъ смотрителей“. Въ указѣ же на имя Комиссіи говорилось: „Я желаю, чтобы Комиссія обратила свое вниманіе какъ на сихъ новообразованныхъ учителей, такъ и на самыя училища, чтобы устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ училищами истины... Внутреннее образованіе юношей къ дѣятельному христіанству да будетъ единственною цѣлію сихъ училищъ“.

Давъ этотъ знаменитый первый выпускъ своихъ питомцевъ, С.-Петербургская духовная академія съ осени того же 1814 г. приступила къ комплектованію втораго курса. Предварительно были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ приема и выпуска студентовъ. Прежде всего курсъ ученія былъ сокращенъ до 4-хъ лѣтъ. Затѣмъ, этотъ четырехлѣтній курсъ былъ раздѣленъ на два двухлѣтія съ особымъ, соотвѣтственно этому, распредѣленіемъ предметовъ академическаго курса.

Такимъ образомъ, приемъ и выпуски студентовъ теперь должны были производиться черезъ каждые два года. Это, съ одной стороны, устраняло то неудобство прежней системы, что выпуски были очень рѣдки, а съ другой—этотъ новый порядокъ совпадалъ и съ выпусками семинарій.

Такъ какъ 1814 годъ приходился первымъ въ двухлѣтіи (для семинарій) и, значитъ, семинарскіе выпуски ожидались на слѣдующій (1815) годъ, то рѣшено было первую половину академическаго курса ограничить однимъ годомъ (чтобы на слѣдующій годъ можно было принять снова) и, значитъ, весь курсъ пройти въ 3 года (вмѣсто 4-хъ), принять же въ этотъ годъ только половину всего состава курса (55 воспитанниковъ), а другую половину (опять 55)—на слѣдующій годъ.

Эта система приѣма и выпуска (по двухлѣтіямъ) была принята и вошла съ этого времени въ практику.

1814 годъ знаменателенъ для С.-Петербургской духовной академіи не только потому, что онъ далъ цѣлую плеяду молодыхъ работниковъ на нивѣ духовнаго просвѣщенія, но и потому, что въ этомъ году былъ утвержденъ уставъ ея. Проектъ устава, переработанный М. М. Сперанскимъ въ 1810 г., былъ отвергнутъ ¹⁾. Вмѣсто этого, проектъ былъ окончательно пересмотрѣнъ и обработанъ Теофилактомъ и Филаретомъ, а въ 1814 г. и утвержденъ. Этотъ уставъ 1814 г. и продолжалъ оставаться съ силѣ (хотя съ нѣкоторыми по временамъ измѣненіями) до 1869 г.

Представляя изъ себя памятникъ исторической, являясь одною изъ главныхъ и существенныхъ „достопримѣчательностей“ старыхъ академическихъ временъ, этотъ уставъ во многомъ отношеніи замѣчательнъ. Изъ характерныхъ особенностей можно отмѣтить слѣдующія.

Уставомъ 1814 г. чрезвычайно усиливалась власть ректора, который для академіи былъ все. Это „единоличное вѣдѣтельство“ ректора, конечно, не могло быть благопріятнымъ для процвѣтанія академіи, такъ-какъ оно отстраняло отъ общаго учебно-образовательнаго и воспитательнаго дѣла „живыхъ членовъ“ академической корпораціи, иногда низводя ихъ до положенія ничтожныхъ и безправныхъ департаментскихъ чиновниковъ. Исторія начальническихъ отношеній ректора Макарія къ (впослѣдствіи) архіеп. Никанору херсонскому, рассказанная послѣднимъ въ своей „автобіографіи“, прекрасно иллюстрируетъ широкую возможность злоупотребленій такою властью и вреда ея для общеакадемическаго дѣла.

Другая характерная черта устава 1814 г. состоитъ въ особомъ распредѣленіи предметовъ академическаго курса. Самыхъ наукъ было столь много, что въ общемъ это—почти цѣлый университетъ; не доставало лишь медицины. При этомъ, въ прохожденіи, наукамъ богословскимъ предшествовали цѣлые классы другихъ—словесныхъ, историческихъ, философскихъ и математическихъ; только классъ языковъ слѣдовалъ за богословскимъ.

Что же касается собственно ученой дѣятельности профессорской корпораціи, то въ этомъ отношеніи уставъ 1814 г., возникнувъ въ періодъ едва-едва пробуждавшейся на Руси богословской мысли,

¹⁾ Въ то время М. М. Сперанскій былъ уже въ большой немилости. Въ его уставъ найдено было нѣчто „вольтерьянское“, вслѣдствіе чего рѣшено было „предать его сожженію“, что и приведено въ исполненіе. (Чистовичъ. Руковод. дѣят., стр. 124).

стѣснялъ идеалы чистаго знанія. Правда, п. 3 параграфа 127 этого устава предписывалъ, чтобы „профессора всегда держались на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ“. Но не такъ-то легко было это сдѣлать, такъ какъ дѣятельность каждаго профессора въ извѣстной области была стѣснена поставленіемъ во главу угла неизбѣжныхъ авторитетовъ, долженствовавшихъ служить для профессоровъ своего рода „столпами“ въ ихъ учебно-научныхъ изысканіяхъ.

Уставъ 1814 г. оставался въ силѣ до 1869 года. За этотъ довольно продолжительный періодъ времени онъ претерпѣвалъ иногда нѣкоторыя измѣненія, дополненія, а иногда и прямыя искаженія.

Относительно преподаванія наукъ академическаго курса еще въ 1819 г. сдѣлано было то общее измѣненіе, что разрѣшалось преподавать ихъ не только на латинскомъ, но и на русскомъ языкѣ (въ видахъ большей пользы). Вначалѣ это было сдѣлано только для богословскихъ наукъ, а потомъ и для всѣхъ прочихъ.

Въ самомъ же уставѣ значительныя измѣненія были сдѣланы при оберъ-прокурорѣ Св. Синода гр. Протасовѣ. Уставомъ 1814 года прокурорамъ вообще предоставлена была большая власть относительно академій въ видѣ возможности разнаго рода „усмотрѣній“ и на основаніи ихъ соответствующихъ измѣненій. Гр. Протасовъ вообще въ сферѣ церковной политики заявилъ себя реформаторомъ. Такимъ же онъ хотѣлъ быть и по отношенію къ академіи. Но его реформы, какъ въ церковномъ управленіи и вообще въ сферѣ чисто церковной, такъ въ частности и въ учебномъ дѣлѣ имѣли крайне неблагопріятныя послѣдствія. Въ первомъ случаѣ послѣдствіемъ было установленіе того режима, когда члены Синода были превращены въ его безгласныхъ слугъ и когда даже „самое православіе понималось въ протасовскомъ стилѣ“ ¹⁾. Во второмъ же случаѣ, какъ результатъ требованія рабскаго уваженія къ преданію и боязни всякой живой мысли, послѣдовалъ упадокъ науки въ академіяхъ. С.-Петербургская академія особенно пострадала отъ всѣхъ протасовскихъ экспериментовъ, вѣроятно потому, что она была особенно близка къ власти ²⁾.

Собственно учебная часть С.-Петербургской академіи во времена Протасова ухудшилась прежде всего благодаря отмѣнѣ специализаціи предметовъ, послѣдовавшей по тѣмъ соображеніямъ, что академія должна готовить больше пастырей церкви, чѣмъ учителей духовныхъ школъ по тому или другому предмету. Въ виду того, что

¹⁾ Изъ Церков. Вѣстн. 1909 № 50—51.

²⁾ Титлиновъ. Дух. школы въ Россіи въ XIX ст., вып. II, стр. 20.

всѣ науки проходить было невозможно (количество учебныхъ часовъ не было увеличено), онъ произвелъ сокращеніе свѣтскихъ наукъ, при чемъ особенно сильно пострадали: философія, общая словесность, гражданская исторія, математика и греческій языкъ. Количество обязательныхъ для всѣхъ предметовъ академическаго курса доходило до почтенной цифры 28, при чемъ число профессоровъ оставалось почти тѣмъ же, такъ что они были перегружены работой. Что же касается студентовъ, то они не имѣли никакой возможности сколько-нибудь специализироваться въ какой-нибудь наукѣ.

Относительно внутренней жизни С.-Петербургской духовной академіи за этотъ періодъ времени (т. е. съ 1814 по 1869 гг.) должно сказать, что, несмотря на многія неблагопріятныя для себя обстоятельства, она успѣшно шла впередъ. Въ 1821 г. было открыто при С.-Петербургской духовной академіи изданіе духовнаго журнала подъ названіемъ „Христіанское чтеніе“, являвшагося въ первой половинѣ XIX в. почти единственнымъ въ Россіи журналомъ, исключительно посвященнымъ распространенію богословскихъ знаній за предѣлами духовной школы. Вначалѣ „Христіанское чтеніе“ представляло изъ себя повременный сборникъ для религіозно-нравственнаго чтенія, но съ теченіемъ времени оно превратилось въ настоящій духовный журналъ.

Одинъ изъ отдѣловъ этого журнала былъ посвященъ переводу на русскій языкъ твореній св. отцовъ. Но въ 1848 г. рѣшено было производить переводъ и изданіе этихъ твореній полностью „въ непрерывномъ порядкѣ“. Начался переводъ этотъ твореніями св. Іоанна Златоуста¹⁾.

Начаты были также переводъ и изданіе церковныхъ историковъ и византійскихъ писателей. Въ скоромъ времени были напечатаны въ „приложеніяхъ къ Христіанскому чтенію“ историческія сочиненія Евгенія Памфила, Сократа, Созомена, блаж. Феодорита, Евагрія, Феодора Чтеца и Филосторгія.

За это же время былъ сдѣланъ переводъ „чина божественной литургіи св. Іоанна Златоуста“ на еврейскій языкъ (въ 1847 г.) профессоромъ Левисономъ (для новообращенныхъ евреевъ). Тому же профессору было поручено пересмотрѣть и исправить переводъ Новаго Завѣта на еврейскій языкъ, что и было исполнено. Проф. В. Н. Карповъ предпринялъ и благополучно окончилъ первый въ Россіи переводъ великаго древняго философа-мудреца Платона.

¹⁾ Къ настоящему времени С.-Петербургской духовной академіей изданы переводы твореній кромѣ этого отца церкви еще творенія преп. Феодора Студита (въ 1907—8 г.).

Слѣдуетъ упомянуть еще и о томъ, что за это же время профессорами С.-Петербургской духовной академіи были составлены и изданы учебныя руководства и пособія не только по богословскимъ наукамъ, но и по философскимъ и даже по математикѣ.

Въ 1858 г. ректоръ С.-Петербургской духовной академіи Григорій (Постниковъ) исходатайствовалъ у Св. Синода разрѣшеніе о передачѣ рукописей Новгородскаго-Софійскаго собора и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ собственность библиотеки академіи. Черезъ это послѣдняя обогатилась драгоценнымъ сокровищемъ.

При томъ же ректорѣ была открыта въ С.-Петербургской академіи новая кафедра исторіи раскола.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ произошло раздѣленіе предметовъ младшаго курса на двѣ группы—физико-математическую и историческую съ собственнымъ выборомъ студентовъ любой изъ этихъ группъ, а также и одного изъ новыхъ языковъ.

Важнымъ явленіемъ того же времени былъ переводъ книгъ Ветхаго Завѣта на русскій языкъ, начинъ котораго былъ порученъ Св. Синодомъ С.-Петербургской духовной академіи. Въ 1860—61 г. при ней былъ учрежденъ особый комитетъ, въ составъ котораго входили слѣдующіе профессора: М. А. Голубевъ, Д. А. Хвольсонъ и Е. И. Ловягинъ. Правда, со смертью М. А. Голубева (главнаго лица въ этомъ дѣлѣ по своей талантливости, знаніямъ и энергіи) дѣло перевода кончилось, но Комитетъ все же успѣлъ перевести и издать почти всѣ книги Ветхаго Завѣта. Этотъ переводъ книгъ священнаго писанія на русскій языкъ отвлекъ на нѣкоторое время академическія силы отъ предпринятаго еще въ 1848 г. систематическаго перевода и изданія твореній св. отцовъ.

III.

Въ 1859 г. С.-Петербургская духовная академія праздновала 50-лѣтній юбилей (ректоромъ ея былъ въ то время архим. Теофанъ (Говоровъ), впоследствии еп. тамбовскій).

Престарѣлый уже въ то время митр. московскій Филаретъ, такъ много потрудившійся на пользу этой академіи, прислалъ ей икону Богоматери и письмо на имя митрополита с.-петербургскаго Григорія (Постникова), въ которомъ выразилъ свое отношеніе къ прошлему академіи и „благопожеланія“ ей въ будущемъ.

Начало новаго 50-лѣтія С.-Петербургской академіи совпало съ временемъ окончанія крымской войны и послѣдовавшими за этимъ реформами Царя-Освободителя Александра II въ разныхъ областяхъ государственной и общественной жизни. Эти реформы, конечно,

коснулись и православнаго духовенства, а также и духовно-учебныхъ заведеній.

Инициаторомъ въ данномъ случаѣ являлся оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Д. А. Толстой. Образованъ былъ особый комитетъ для производства реформы духовно-учебныхъ заведеній, вначалѣ духовныхъ училищъ и семинарій, а затѣмъ и академій. Новый уставъ для академій былъ выработанъ только лишь въ 1869 г. и въ томъ же году былъ введенъ въ С.-Петербургской академіи.

Вмѣстѣ съ этимъ уставомъ 1869 г. С.-Петербургская духовная академія вступила въ новый періодъ свой жизни. Этотъ уставъ, въ противоположность уставу 1814 г., стѣснявшему идеалы чистаго знанія, подъ натискомъ шедшихъ впередъ потребностей церковно-общественной жизни, вынужденъ былъ предоставить наукѣ болѣе широкой просторъ. Архіеп. Никаноръ херсонскій въ своемъ „пученіи въ церкви Казанской академіи на молебствіи предъ началомъ преобразованій въ 1870 г.“ производитъ замѣчательную оцѣнку новаго устава примѣнительно къ началамъ и задачамъ богословскаго образованія и указываетъ существенные недостатки прежняго (1814 г.) устава—чрезмѣрное нагроможденіе на студентовъ и профессоровъ учебныхъ предметовъ, „единоначальственное“ управленіе академіи ректорами и т. д. Уставъ 1869 г., говоритъ архіепископъ, все это устраняетъ.

Съ введеніемъ въ жизнь устава 1869 г. фізіономія С.-Петербургской академіи значительно измѣнилась. Перемѣна произошла прежде всего во внѣшней постановкѣ учебнаго дѣла. Выпуски студентовъ стали производиться ежегодно. Кандидатское сочиненіе они обязаны были писать на III курсѣ; на IV курсѣ они могли писать уже магистерское. Годъ пребыванія на IV курсѣ студенты должны были употреблять на спеціализацію въ извѣстной области.

Уставъ 1869 г. исцѣлилъ академію отъ губительныхъ для нея послѣдствій протасовскихъ реформъ и направилъ жизнь ея на настоящую дорогу. „Старая дисциплина, образцовый порядокъ во всемъ, со строгимъ исполненіемъ установленныхъ правилъ, оживленный интересъ къ знанію, усердные занятія профессоровъ и студентовъ, при близкомъ общеніи между ними, годъ за годомъ выдающіяся сочиненія тѣхъ и другихъ, успѣхи приватъ-доцентуры въ подготовкѣ новыхъ наставниковъ академіи,—словомъ, настоящая, скромная, не показная, но неустанная, упорно-трудоваѣ,—настоящая академическая жизнь закипѣла кругомъ со введеніемъ этого устава. И чѣмъ дальше, чѣмъ больше новый строй входилъ въ жизнь и укрѣплялся, тѣмъ академія становилась болѣе и болѣе образцовой во всѣхъ отношеніяхъ. О старой академіи и царившихъ въ ней

порядкахъ мы слышали и узнавали какъ о чемъ-то сказочно-фантастическомъ, о чемъ старые профессора неохотно вспоминали ¹⁾. Ничего, конечно, не предвидѣлось, что бы помѣшало этой работѣ. Уставъ 1869 г. заключалъ въ себѣ данныя для дальнѣйшихъ широкихъ и блестящихъ успѣховъ. Можно было вполне надѣяться, что на основѣ примѣненія къ дѣлу усвоенныхъ методовъ во всей ихъ широтѣ возникнетъ прочное зданіе русской церковной научности.

Для Петербургской академіи надежды эти усиливались и потому еще, что время съ 1869 г. по 1883 г. было какъ разъ временемъ управленія этой академіей протоіерея (нынѣ протопресвитера) І. Л. Янышева. Этотъ періодъ потому и является однимъ изъ блестящихъ въ исторіи С.-Петербургской духовной академіи, что въ данномъ случаѣ достоинства новаго устава сочетались съ достоинствами ректора, человѣка, выдающагося своею ученостью, энергіею и опытомъ жизни.

При І. Л. Янышевѣ (и не безъ его стараній) въ академіи введенъ новый предметъ—педагогика, выхлопотано право академіи выписывать изъ-за границы книги и періодическія изданія наравнѣ съ университетами.

Съ 1875 г. при С.-Петербургской духовной академіи началъ издаваться новый еженедѣльный журналъ „Церковный Вѣстникъ“, ставшій официальнымъ русскимъ церковнымъ органомъ и замѣнившій въ этомъ отношеніи издававшуюся до того времени по частной инициативѣ „Духовную Бесѣду“.

Періодъ съ 1869 по 1883 г. былъ временемъ усвоенія академіею точныхъ научныхъ методовъ и опытовъ приложенія ихъ къ области русскаго церковнаго знанія. Въ этомъ тяготѣнніи академіи къ начавшимъ крѣпко прививаться позаимствованнымъ (по необходимости) съ запада точнымъ научнымъ методамъ было усмотрѣно уклоненіе ея отъ служенія практическимъ интересамъ русской жизни и отъ церковно-консервативныхъ принциповъ обученія. И вотъ уже въ 1884 году (т. е. черезъ 15 лѣтъ послѣ введенія устава 1869 г.) послѣдовало введеніе новаго устава, съ наклономъ въ сторону пониженія научности въ академіяхъ и возстановленію принципа церковности въ обученіи, преобладавшаго во времена устава 1814 г.

Съ введеніемъ устава 1884 г. усилилась зависимость академіи отъ церковно-административной власти, былъ установленъ многопредметный общеобязательный курсъ, спеціализація въ обученіи устранена и т. д.

¹⁾ Изъ личныхъ воспоминаній проф. А. И. Пономарева (Церк. Вѣст. 1909 г. № 50—51).

Профессора снова (какъ и уставомъ 1814 г.) были отдалены отъ студентовъ и отъ ближайшаго, непосредственнаго участія въ „академическомъ строительствѣ“ по образовательно-воспитательной части¹⁾.

Уставъ 1884 г. продолжаетъ оставаться дѣйствующимъ и до настоящаго времени. Но уже съ началомъ XX стол. возникъ вопросъ о реформѣ духовной академіи и о выработкѣ новаго для нея устава. Въ 1905 г. при С.-Петербургской духовной академіи была образована коммисія по составленію проекта преобразованія этой академіи. Результаты трудовъ по этому дѣлу были представлены въ Св. Синодъ, отсюда въ Предсоборное присутствіе и наконецъ въ Высочайше утвержденную особую коммисію при Св. Синодѣ.

Въ 1908 г. была назначена и произведена ревизія духовныхъ академій (Петербургскую академію ревизоваль архіеп. херсонскій Димитрій), результаты которой были также представлены въ коммисію.

Къ настоящему времени свои работы коммисія уже кончила, и академія стоитъ при дверяхъ, въ ожиданіи новаго устава.

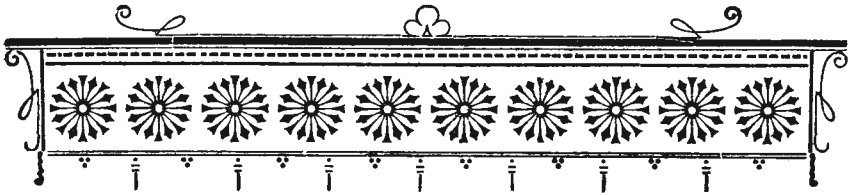
Новое столѣтіе жизни С.-Петербургской духовной академіи несетъ ей съ собою и новый уставъ. Русское общество въ лицѣ представителей разныхъ отраслей знанія въ своихъ привѣтствіяхъ С.-Петербургской духовной академіи по поводу ея 100-лѣтія произнесло свой судъ надъ ея дѣятельностью и плодами послѣдней за все время ея существованія. Но это былъ судъ, но не осужденіе. Было громко, на всю Россію сказано лишь о многоплодныхъ трудахъ С.-Петербургской академіи на пользу науки, о великихъ заслугахъ ея для церкви и государства, т. е. о томъ, что даетъ ей несомнѣнное право гордиться своимъ 100-лѣтнимъ прошлымъ и желать столь же славнаго будущаго.

Дай Богъ, чтобы новый уставъ еще шире и прямѣе сдѣлалъ этотъ трудовой путь С.-Петербургской духовной академіи въ наступившемъ новомъ столѣтіи ея жизни!

Н. Коноваловъ.

¹⁾ Изъ Церков. Вѣст., № 50, 1909 г.

Секретная инструкция, данная Императоромъ Николаемъ I полковнику Бартоломею передъ отправленіемъ въ Персію съ резолюціей Императора Николая I относительно Грибоѣдова и донесеніе полковника Бартоломея.

Въ при отъѣздѣ изъ С.-Петербурга 5-го февраля 1826 г. была мнѣ вручена бумага, на коей карандашемъ собственно-ручно Государемъ Императоромъ было написано 16 ниже-слѣдующихъ пунктовъ, на которые по Высочайшей волѣ приказано при проѣздѣ черезъ Мингрелію и Имеретію мнѣ обращать вниманіе. На бумагѣ сей, которая при задержаніи насъ на обратномъ пути въ Эривани, сожжена съ другими секретными бумагами и съ ключемъ къ шифру нашему, написано было Его Величествомъ, такъ:

Замѣчать Бартоломею:

- 1) Духъ войскъ и ихъ начальниковъ.
- 2) Порядокъ службы.
- 3) Пища и сбереженіе войскъ.
- 4) Состояніе крѣпостей.
- 5) Состояніе артиллеріи.
- 6) Состояніе госпиталей.
- 7) Подробности дѣлъ, бывшихъ съ непріятелемъ.
- 8) Кѣмъ управляются провинціи; худо ли или хорошо.
- 9) Наклонность народа къ покорности ли или къ возмущенію.
- 10) Что побуждаетъ къ возмущенію злоупотребленіе ли, навѣкъ къ своевольству или другія причины.
- 11) Замѣчанія о торговлѣ.
- 12) Замѣчанія о дорожныхъ работахъ отъ Редуть - Кале до Тифлиса.

- 13) Турецкая крѣпость Поти; состояніе и количество гарнизона.
 14) Имѣютъ ли турки сообщеніе съ русскими подданными.
 15) Часто ли Поти сообщается съ Константинополемъ и на какихъ судахъ.

16) *Бережись Грибоѣдова и отобратъ о немъ свѣдѣнія.*

Не должно забыть, что это писано Государемъ скоро послѣ 14-го декабря и въ то время, когда не были еще извѣстны ни всѣ злоумышленники, ни всѣ ихъ замыслы. Грибоѣдовъ, ложно подозрѣваемый при проѣздѣ моемъ черезъ Крымъ и Тифлисъ, былъ уже отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ и оправданъ.

На счетъ 11-го пункта даны были по Высочайшему повелѣнію разныя мнѣ порученія министромъ финансовъ, которыя и были мною выполнены.

9-го апрѣля.

Князю Меншикову. Отъ полковника Бартоломея.

Получивъ отъ вашей свѣтлости по Высочайшей волѣ порученіе при проѣздѣ отъ Редуть-Кале до Тифлиса обращать вниманіе на разные предметы, кои именно были кратко означены рукою Государя Императора въ 16-ти пунктахъ, старался я сколько могъ сіе исполнить, какъ приказано было, скрытно, не подавая виду, что дѣлалъ по службѣ, но какъ бы съ одного любопытства. Часто видимое мною удостовѣряло въ томъ, что слышалъ; часто неудовольствіе (почти всеобщее) къ высшему начальству, отъ коего страны сіи отдалены, открывало мнѣ много. Все сіе подало мнѣ нѣсколько средствъ, въ непродолжительное время моего пути по Мингреліи, Имеретіи и Карталинѣ, которыя видѣлъ я такъ сказать только мимоходомъ, отвѣчать хотя можетъ быть не совсѣмъ основательно на предметы мнѣ на видъ поставленные, тѣмъ болѣе, что многіе изъ сихъ предметовъ требуютъ и долговременнаго изслѣдованія и совершеннаго познанія тѣхъ страхъ. Я почиталъ священною по службѣ обязанностію доносить вашей свѣтлости о всемъ мною замѣченномъ съ совершенною откровенностію и точно въ томъ видѣ, какъ мнѣ казалось, не взирая ни на достоинства, ни на чины, ни на связи тѣхъ лицъ, о коихъ говорить случится, и не бравъ въ соображеніе ни довѣрія къ нимъ правительства, ни общественнаго о нихъ мнѣнія.

1) *Духъ войскъ и ихъ начальниковъ.*

Войска, находящіяся въ Мингреліи и Имеретіи, подвержены ужаснымъ лихорадкамъ, происходящимъ отъ сырости климата. Болотистыя мѣста, въ коихъ живутъ они и лѣтомъ, сильныя жары, причиною большой смертности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ Редуть-Кале, на постахъ Ріонскомъ, а наиболѣе на

Челодидскомъ умираетъ почти всегда половина, а на другихъ третья часть людей въ годъ. По сей причинѣ въ войскахъ тамъ стоящихъ уничтоженъ почти всякій духъ. Не получая даже наружнаго образованія, тѣмъ менѣе нравственнаго, коимъ только и можно внушать солдату всю важность его состоянія (чѣмъ заняться здѣсь нужнѣе нежели гдѣ, по многочисленности выписанныхъ за дурное поведеніе), солдаты почитаютъ себя здѣсь несчастными жертвами, какъ бы обреченными на погибель, и ищутъ спасенія, перебѣгая въ Поти къ туркамъ, подающимъ имъ къ тому всевозможныя удобства. Ріонскій постъ, недавно устроенный для облегченія перевозки провіанта въ Редуть-Кале изъ Кутаиса, хотя и способствуетъ къ прекращенію сихъ побѣговъ, но за то таковыя теперь дѣлаются съ сего поста, который отдѣленъ отъ Поти болотомъ и находится отъ сей крѣпости въ прямомъ направленіи въ двухъ верстахъ.

Офицеры большею частью выписаны за дурное поведеніе или выпущены изъ кадетскихъ корпусовъ, какъ худшіе противъ прочихъ товарищей, а потому или буйнаго и неспокойнаго характера, который часто не обнаруживаютъ только по неимѣнію случая и по рабской боязни къ начальникамъ, или пьяницы. Частью также набраны они изъ тамошнихъ уроженцевъ, юнкерами опредѣляющихся, и сіи послѣдніе обыкновенно глупы, безъ всякаго воспитанія и познаній и рѣдко имѣютъ даже офицерскую наружность. Ротные командиры хотя и назначаются съ нѣкоторою разборчивостью, но какъ они одни только настоящіе хозяева частей своихъ, то большая часть изъ нихъ полагаетъ службу въ стараніяхъ извлечь отъ роты собственныя для себя выгоды или въ требованіи наружныхъ только почестей. Баталіоннымъ командирамъ и прочимъ штабъ-офицерамъ, по причинѣ раздробленія баталіоновъ, поручаются обыкновенно гражданское управленіе земель, комендантскія мѣста или другія порученія; тѣ же изъ нихъ, которые ничѣмъ не заняты, обыкновенно проводятъ время въ пьянствѣ, чѣмъ весьма довольны и подчиненные и полковые командиры, имѣющіе тогда болѣе свободы дѣйствовать безъ свидѣтелей и употреблять отпускаемыя на полки суммы въ свою пользу. Вообще всѣ здѣсь начальники, какъ кажется, болѣе всего заботятся о собственныхъ выгодахъ и почитаютъ солдата и все казенное своею собственностью. Комендантъ Редуть-Кале, маіоръ Ракоци, сдѣланный таковымъ единственно по связи бывшаго тогда правителемъ Имеретіи и Мингреліи князя Петра Дмитріевича Горчакова съ его женою, человекъ глупый и безъ всякихъ достоинствъ и поддерживаемый княземъ дѣлалъ и дѣлаетъ большія злоупотребленія. Нынѣ однако же (по удаленіи князя) на-

ряжено наконецъ надъ нимъ слѣдствіе, по разнымъ доносамъ, обнаруживающимъ подлые его поступки. Есть нѣкоторые начальники, которые и могли бы быть полезными, но ни о чемъ не заботятся, видя, что высшее начальство Грузіи не обращаетъ никакого вниманія на край сей, могшій при большемъ устройствѣ и съ небольшими издержками приносить Государству пользу и сдѣлаться даже краемъ вовсе для здоровья невреднымъ. Командиръ 44-го Егерскаго полка, полковникъ Иванъ Николаевичъ князь Абхазовъ, родомъ грузинецъ, храбрый, израненный офицеръ, умомъ своимъ, знаніемъ восточныхъ языковъ и духа народовъ тѣхъ странъ, получавшій уже прежде порученія ко двору Персидскому, трудолюбіемъ, свѣдѣніями и приверженностью къ Россіи, можетъ быть весьма полезнымъ отечеству.

2) *Порядокъ службы.*

Вовсе не существуетъ. Люди не выправлены, не обучены и только мундиры, изрѣдка надѣваемые (ходятъ здѣсь большею частью въ разорванныхъ шинеляхъ, буркахъ, архалукахъ, въ черкесскихъ шапкахъ и проч.) заставляютъ иногда догадываться, что это должны быть солдаты. Фронтальная и гарнизонная служба въ самомъ жалкомъ положеніи.

3) *Пища и сбереженіе войскъ.*

Пища не совсѣмъ худая, но хлѣбъ не хорошъ, тѣмъ болѣе, что привозимый въ Мингрелію провіантъ въ весьма скоромъ времени уничтожается какими-то насѣкомыми, такъ что всѣ магазины ими одними наполнены. Теперь такого свѣденнаго провіанта въ Редуть-Кале находится: муки 9.687 четв. 7 чет. 2 гарнца. Крупъ 723 четв. 7 чет. 7 гар. Половина жалованія солдатскаго вычитается въ артель, равно и всѣ зарабатываемыя ими деньги; но какъ начальники употребляютъ нижнихъ чиновъ непрерывно на собственныя свои работы безъ платы, то и немудрено, что пища не столь хороша, какъ могла бы быть, и что солдаты отъ всегдашней работы похожи болѣе на мужиковъ. Хотя и видно изъ приказовъ по отдѣльному кавказскому корпусу, что начальство предписывало иногда для сбереженія войскъ нѣкоторыя мѣры, но не наблюдая за точнымъ выполненіемъ сихъ приказовъ оныя оставались безъ вниманія. Блѣдно-желтыя лица и истощенный видъ солдатъ можно приписать отчасти и сему несбереженію, отчасти климатнымъ болѣзнямъ сего края, почти ни одинъ человѣкъ не избѣгнулъ ее, находясь здѣсь болѣе году. Болѣзни сіи суть: во время жаровъ и сырыхъ холодныхъ ночей сильныя желчныя горячки и лихорадки. Отъ первыхъ освобождаетъ въ большомъ количествѣ даваемый меркурій, разстраи-

вающій организмъ челоуѣка; отъ вторыхъ сильныя дачи хины ¹⁾, производящія обструкцію и завалы. Кровяные поносы и отъ простудъ и отъ фруктъ во множествѣ здѣсь дико произрастающихъ, часто смертельны. Простуды дѣйствуютъ весною болѣе на горло; осенью на грудь. Послѣдствіемъ различныхъ сихъ болѣзней: обструкціи въ сильнѣйшей степени, чахотка, всегда почти водяная болѣзнь и, наконецъ, неизбежно преждевременная смерть.

4) Состояніе крѣпостей.

Укрѣпленіе Редуть-Кале (одно только значительное здѣсь находящееся) въ самомъ жалкомъ положеніи. Артиллерія здѣсь, какъ и на прочихъ укрѣпленныхъ здѣсь постахъ, по ветхости лафетовъ и платформъ не можетъ дѣйствовать и слѣдовательно не служить къ защитѣ.

5) Состояніе артиллеріи.

Полевая артиллерія (которую не удалось мнѣ видѣть, потому что лошади съ командами въ одномъ мѣстѣ, орудія и часть людей при штабъ-квартирахъ, что весьма неудобно), судя по свѣдѣніямъ мною отобраннымъ кажется въ довольно исправности. Корпусъ офицеровъ сей части примѣтно отличается отъ офицеровъ прочихъ полковъ, здѣсь находящихся.

6) Состояніе госпиталей.

Госпитали, коихъ въ Мингреліи и Имеретіи довольно достаточное число, требуютъ большаго улучшенія. Пища въ нихъ хотя и изрядная, но воздухъ вездѣ душенъ, вентиляторовъ нигдѣ нѣтъ, строенія сырыя и часто безъ половъ. Пользованіе также не отличное, потому что при раздѣленіи полка на множество частей, далеко другъ отъ друга расположенныхъ, годовая пропорція медикаментовъ (въ Грузіи хотя и усиленная) не можетъ быть на всѣ госпитали полка достаточною и потому бываетъ иногда недостатокъ въ медикаментахъ, вредный для больныхъ. Вообще на сей счетъ много упущено изъ виду. Мингрелія, Имеретія и Карталинія, на примѣръ, изобилуютъ сѣрными ключами, которые могли бы принести столь ощутительную пользу послѣ сильныхъ меркуріальныхъ пріемовъ; и какъ воды сіи находятся въ близкомъ разстояніи отъ госпиталей, то сіи послѣдніе и могли бы быть тамъ устроены, напротивъ того минеральныя воды сіи остаются безъ всякаго употребленія, и только жители

¹⁾ выписывается начальствомъ Грузіи въ большомъ количествѣ, несмотря на ужасно дорогую цѣну. Въ госпиталяхъ нельзя имъ пользоваться солдатъ, а только офицеровъ. Въ противномъ случаѣ не достало бы его во всей Европѣ.

ищутъ въ нихъ облегченія отъ болѣзней. Полагаю, что не должно бы здѣсь оставлять госпиталей на попеченіе полковыхъ командировъ, но что лучше бы подвергнуть ихъ особому надзору, собравъ всѣ госпитальныя вещи, медикаменты и проч. въ одну массу и поручивъ устройство госпиталей особому начальству. Для скоропостижныхъ же и прочихъ случаевъ, гдѣ нужно тотчасъ пособія, оставлять въ командахъ слишкомъ отъ госпиталя отдаленныхъ одного доктора или фельдшера съ нужныхъ числомъ медикаментовъ. Попечительное же доставленіе въ госпитали и недопущеніе удерживать при полкахъ болѣющихъ людей, оставить на строгой отвѣтственности частныхъ командировъ, подвергая виновныхъ за малѣйшее въ семъ случаѣ упущеніе примѣрному взысканію. Мнѣ кажется такое распоряженіе въ странѣ сей еще тѣмъ удобно, что при перемѣнѣ квартиръ войскамъ, госпитали не подвергались бы разстройству, которому теперь полковые и баталіонныя лазареты неминуемо подвергаются.

7) *Подробности дѣлъ, бывшихъ съ непріятелемъ.*

Великихъ военныхъ подвиговъ здѣсь не происходило, исключая нѣсколькихъ сшибокъ при усмиреніи бунтовъ въ Мингреліи и Гуріи въ 1820 г. и въ Абхазіи въ 1824 годахъ, при чемъ большая потеря людей была обыкновенно на нашей сторонѣ; особенно въ Абхазіи. Причины возмущеній сихъ слѣдующія: когда экзархъ Грузіи Теофилактъ въ 1819 году хотѣлъ сдѣлать описаніе всѣхъ церквей и монастырей тѣхъ странъ съ землями ихъ и прибрать, такъ сказать, тамошнее духовенство къ рукамъ своимъ, то князь Иванъ Абашидзе съ 500 человекъ хотѣлъ при проѣздѣ экзарха схватить его, но былъ удержанъ личными представленіями и убѣжденіями генераль-майора Курнатовскаго. На другой годъ полковникъ Пузыревскій, имѣя ли на то повелѣніе высшаго начальства (что полагать должно), или подозрѣвая новое возмущеніе, 5-го апрѣля въ ночное время приказалъ схватить жившихъ близъ Кутаиса митрополитовъ Кунателя и Генателя, князя Сихніа Цулухидзе и царицу Дараджану (мать Абашидзе) и отправить всѣхъ въ Тифлисъ, первыхъ трехъ въ мѣшкахъ. Послѣ сего отправился онъ самъ въ Гурію, чтобы схватить Ивана Абашидзе, скрывавшагося тамъ у Койгостра Гуріаля. Здѣсь Пузыревскій былъ убитъ. Впослѣдствіи происходили многія сшибки, изъ коихъ важнѣйшія въ Гуріи подъ начальствомъ генераль-маіора Вельяминава при крѣпости Шемахмети, которая и была разорена, и въ Имеретіи при сел. Дачѣ, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Горчакова. Вскорѣ жители Мингреліи и Имеретіи добровольно покорились. Повѣсивъ главнѣйшихъ

возмутителей чело́вѣкъ до 30-ти, хотя и возстановилось опять спокойствіе, но довѣренность сихъ народовъ къ Русскому Правительству исчезла и до сихъ поръ не можетъ еще совершенно быть внушена.

Что касается до возмущенія Абхазіи, то объ ономъ узналъ я слѣдующее: въ 1820 же году ограбленъ и схваченъ (какъ кажется самовольнымъ распоряженіемъ маіора Могилянскаго, коменданта Сухумъ-Кале) князь Абхазскій Халанъ-Бей-Ширвашидзе. Абхазцы симъ ожесточенные начали мстить за то гарнизону той крѣпости, и для усмиренія ихъ ходилъ въ 1821 году князь Горчаковъ. По смерти владѣтеля Абхазскаго князя Дмитрія Ширвашидзе (отравленнаго какъ полагаютъ неспокойною и злою его матерью, опасавшеюся, чтобы онъ, воспитанный въ Россіи въ Пажескомъ корпусѣ, не образовалъ бы дикій народъ свой) заступилъ мѣсто его, малолѣтній братъ его Михаилъ, руководимый коварною матерью. Въ 1822 году молодой Цебельдинскій князь Хошкороса Моршани, напившись пьянымъ на праздникѣ у другого князька, изъ хвастовства или для выигрыша заклада, подѣхавъ къ форштату крѣпости Сухумъ-Кале, убилъ стоявшаго тамъ русскаго часового. Какъ передъ симъ нѣсколько убійствъ по раскаянію учинившихъ оныя были прощаемы, то семейство сего князя испрашивало и ему прощеніе; на что и получивъ обѣщаніе коменданта подполковника Михена, не прерывало дружескихъ сношеній, и абхазцы были опять покорны. Два года послѣ того, подполковникъ Михенъ, получивъ отъ начальства приказаніе доставить Моршани въ Тифлисъ, схватилъ его, пригласивъ дружески къ себѣ или какъ подтверждаютъ иные, когда Моршани пріѣхалъ въ крѣпость для совѣта съ докторомъ, бывъ часто подверженъ болѣзнямъ. Поступокъ сей былъ поводомъ новаго нападенія абхазцевъ на крѣпость, куда и прибылъ опять князь Горчаковъ съ войскомъ. Онъ отрядилъ подполковника Михена для нападенія на собравшуюся въ аулѣ Вокани шайку и для разоренія и сожженія сего аула, что и было исполнено; но самъ Михенъ на возвратномъ пути убитъ и вообще походъ сей по ужасному мѣстоположенію стоилъ намъ много убитыми и ранеными. Съ тѣхъ поръ абхазцы уже совершенно возмущились и болѣе не покоряются; такъ что и сообщеніе сухимъ путемъ по берегу между Редуть-и Сухумъ-Кале прекратилось и существуетъ нынѣ только моремъ, посредствомъ находящейся всегда въ семъ послѣднемъ укрѣпленіи брандвахты. Абхазцы тотчасъ послѣ сего прогнали изъ Соуку (столица ихъ) князя Михаила, мать и сестеръ его, живущихъ нынѣ въ Редуть-Кале и получающихъ отъ Россіи пенсію.

8) *Кѣмъ управляется провинція; худо ли или хорошо?*

Нынѣ никто еще не назначенъ настоящимъ правителемъ Мингреліи и Имеретіи, былъ же однѣмъ князь Горчаковъ, предпринимавшій иногда кой-какія мѣры для улучшенія состоянія тѣхъ земель и для устройства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорогъ; но намѣренія его и предположенія оставались большею частью невыполняемы, или по недостатку средствъ или, какъ кажется, болѣе потому, что самъ генераль Ермоловъ оставилъ изобильную страну сію безъ всякаго вниманія, не имѣя вѣроятно времени ею заняться, что весьма жаль. Впрочемъ не могли проѣздомъ и показывая только любопытство путешественника набрать достаточныхъ свѣдѣній о управленіи и не имѣя ни довольно времени, ни средствъ, чтобы узнать основательно судопроизводственный порядокъ тѣхъ странъ, я не смѣю подать рѣшительнаго мнѣнія о столь важныхъ предметахъ. Что могъ узнать и замѣтить мимоходомъ, это то, что гражданская часть управляется военными чиновниками и нѣсколькими азіатцами, знающими русскій языкъ; что при судопроизводственномъ порядкѣ основываются на законахъ Царя и ихъ Вахъ-Танча (законахъ хотя строгихъ, но часто странныхъ и даже смѣшныхъ), на Указахъ и Уложенияхъ Россійскихъ, а чаще всего на собственномъ, не всегда здоровомъ разсудкѣ. Злоупотребленія часты. Недовольныхъ много. Но гдѣ нѣтъ ихъ?

9) *Наклонности народа къ покорности или къ возмущенію?*

Народы Имеретинскій, а еще болѣе Мингрельскій весьма добры, покорны и трудно возмутить ихъ. Гуріяльцы и абхазцы болѣе къ сему наклонны. Они подстрекаемы турками, имѣющими къ несчастью безпрестанныя съ ними сношенія и доставляющими черезъ Анапу всѣ военные припасы, даже артиллерію и снаряды. Правительство наше не думаетъ имъ препятствовать, да и не можетъ препятствовать потому, что турки, имѣя свободное по Черному морю плаваніе, владѣютъ въ Абхазіи крѣпостями: Анапою и Сулжукъ-Кале, а въ Гуріи Поті.

10) *Что побуждаетъ къ возмущенію, злоупотребленія ли, навѣкъ къ своеволію или другія причины?*

Всѣ возмущенія и непокорности сихъ народовъ происходятъ: а) болѣе всего отъ сношеній ихъ съ турками. Абхазцы, исповѣдавшіе прежде законъ христіанскій, къ коему до сихъ поръ еще сохранили нѣкоторую привязанность и благоговѣніе, нынѣ магометане; б) отъ побужденій къ бунту собственными князьками; в) отъ совершеннаго неумѣнія обращаться какъ съ сими послѣдними, такъ

и съ самимъ народомъ, нашихъ комендантовъ и чиновниковъ, безъ всякаго разбора приставленныхъ, и г) отъ злоупотребленій и корыстолюбія сихъ послѣднихъ, такъ что Правительство все болѣе и болѣе теряетъ довѣрчивость сихъ народовъ, требующихъ по недовѣрчивому и сомнительному праву своему и угнетенію, въ коемъ находятся, особенно осторожнаго обращенія.

11) *Замѣчанія о торговлѣ.*

Торговля ведется черезъ Редуть-Кале свободная, но вовсе не столь обширная, какъ полагаютъ. Какъ здѣсь нѣтъ гавани и фарватеръ въ рѣкѣ Хопіи неудобенъ, то корабли пристають здѣсь неохотно, и часто претерпѣвають кораблекрушенія. По сей причинѣ пріѣзжаютъ по большей части только турецкія плоскодонныя лодки, которыя несмотря на буруны входятъ въ рѣчку Хопію. На лодкахъ сихъ привозятся изъ Трапезонта и Константинополя: апельсины, лимоны, разныя мелочи, но болѣе всего ромъ, коего ежегодно ввозится сюда слишкомъ 50 тыс. ведеръ; и продается въ Редуть-Кале ведро по 22 руб. асс. Какъ пропорція сія слишкомъ велика для Грузіи, то часть вѣроятно перевозится и въ Персію, и небольшое количество, иногда тайно, въ Севастополь. Мануфактурныя же товары болѣе всего бараджи, хрустальныя, зеркальныя и галантерейныя вещи привозятся на турецкихъ, французскихъ и англійскихъ судахъ изъ Константинополя, иногда же изъ Одессы и Таганрога, но такъ рѣдко и не въ такомъ большомъ количествѣ, чтобы можно было почитать Редуть-Кале транзитнымъ мѣстомъ. Правда, что грузинскіе, армянскіе и даже персидскіе купцы, не покупая болѣе товаровъ въ Россіи на Нижегородской (Макарьевской) ярмаркѣ, обратились нынѣ прямо въ Лейпцигъ, гдѣ имѣютъ своихъ агентовъ и привозятъ товары черезъ Редуть-Кале, но въ слишкомъ большомъ количествѣ и то болѣе для торгу въ Грузіи или, лучше сказать, для одного почти Тифлиса. При томъ дальнѣйшая доставка товаровъ отъ Редуть-Кале сухимъ путемъ частью на вьюкахъ, частью на арбахъ (двухколесныхъ телѣгахъ) по неустроеннымъ почти дорогамъ и по частымъ затруднительнымъ переправамъ черезъ рѣки, сопряжена съ большими неудобствами и издержками. И потому, хотя нѣкоторые товары черезъ Редуть-Кале и отправляются въ Персію, въ особенности бараджи, которые сбываются тамъ съ большою выгодною; но главный провозъ туда европейскихъ товаровъ, вѣроятно, дѣлается черезъ Батумъ, такъ, какъ къ горскимъ народамъ черезъ Анапу. Вывозъ же европейскихъ товаровъ изъ Персіи въ Россію, съ тѣмъ намѣреніемъ чтобы не платить болѣе 5%, черезъ Редуть-Кале рѣшительно не производится.

Одинъ только тифлисскій негодіантъ Кастелляль второй годъ уже получаетъ изъ Марселя купеческое судно съ разными мануфактурными и галантерейными товарами на 300 тыс. руб. и болѣе ассигн.; но и онъ, оставляя торгъ сей, займется единственно шелководствомъ, которое здѣсь при малыхъ трудахъ и издержкахъ доводится уже до весьма хорошаго состоянія, равно какъ и разведеніе хлопчатой бумаги могло бы быть усовершенствовано. Таможенные подати взимаются въ самомъ Тифлисѣ, исключая тогда, если купцы желаютъ отдѣлать для продажи на мѣстѣ кой-какіе товары. Въ такомъ случаѣ отбираютъ у нихъ въ Редуть-Кале или въ Кутаисѣ по 5% съ цѣнъ, каковыя они сами назначаютъ своимъ товарамъ; что не должно быть выгодно для казны и вѣроятно подвержено большимъ злоупотребленіямъ. Всѣ товары послѣ выгрузки задерживаются въ Редуть-Кульскомъ карантинѣ, гдѣ и окуриваются. Турецкія суда, пріѣзжающія изъ Трапезонта, получаютъ иногда отъ тамошняго французскаго консула Бейшера свидѣтельства (на французскомъ языкѣ, котораго въ Редуть-Кале никто не понимаетъ), что въ тѣхъ странахъ нѣтъ чумы. Товары Кастелляля всегда засвидѣтельствованы марсельскимъ консуломъ и ко всѣмъ тюкамъ приложены свинцовыя клейма съ русскою печатью. Впрочемъ, какъ всѣ товары безъ разбору подвержены 15-ти дневному задержанію въ карантинѣ, то почти всѣ турецкія суда пріѣзжаютъ безъ всякихъ свидѣтельствъ и видовъ. Карантины и взиманіе пошлинъ въ Редуть-Кале и Кутаисѣ находятся подъ вѣдѣніемъ комендантовъ и потому подвержены особенно въ Редуть-Кале большимъ злоупотребленіямъ.

12) Замѣчанія о дорожныхъ работахъ отъ Редуть-Кале до Тифлиса.

Дороги въ самомъ худомъ состояніи. До Кутаиса нѣтъ почти возможности ѣхать самому верхомъ, не говоря уже о вьюкахъ. Отъ Кутаиса до Тифлиса, такъ называемая Военно-Имеретинская дорога (созданная Ермоловымъ) во многихъ мѣстахъ исправлена довольно хорошо, что и не трудно потому, что всѣ нужные матеріалы находятся на ней. Главное неудобство дороги отъ Редуть-Кале до Тифлиса состоитъ въ томъ, что нѣтъ ни мостовъ, ни паромовъ, ни даже лодокъ, почему переправы черезъ множество ручьевъ и рѣкъ во время разлитія сопряжены и съ опасностью и почти невозможны. Пропасти также не охранены перилами и подвергають опасности.

13) Турецкая крѣпость Поті; состояніе и количество гарнизона.

Поті, гдѣ принимаются наши бѣглецы, недавно еще была въ довольно хорошемъ состояніи, когда она имѣла свободный торгъ съ Имеретіей, Мингреліей и Гуріей, но когда въ 1823 году, она-

саясь чумы, и по случаю слишкомъ частыхъ у насъ похищеній жителей и побѣгу солдатъ, прекращень съ ней всякій торгъ; то базаръ уничтожился и Поти пришла въ бѣдность. Въ ней 50 орудій и столько же человѣкъ гарнизону. Бекъ потійскій, имѣя прежде большой доходъ отъ торгу, получилъ изъ Константинополя повелѣніе содержать крѣпость и гарнизонъ на своемъ иждивеніи, съ объявленіемъ, что въ противномъ случаѣ лишится онъ головы; нынѣ содержаніе сіе ему весьма затруднительно. Въ іюнѣ и іюль мѣсяцахъ, по случаю большой смертности, тамъ остается иногда только 25 человѣкъ. Бекъ потійскій относится всегда въ Трапезонтъ. Съ русскими нынѣ не имѣетъ онъ никакого сношенія, потому что суда, идущія изъ Константинополя или Трапезонта въ Редуть-Кале, боятся теперь заѣзжать въ Поти, гдѣ бекъ или вовсе ихъ ограбить, или наложить на нихъ неимовѣрныя пошлины. Крѣпость сія можетъ имѣть сношеніе прямо съ Константинополемъ на турецкихъ судахъ. Она можетъ взята быть внезапнымъ нападеніемъ весьма легко и съ малою потерей, 200 человѣками, если сіе сдѣлается внезапнымъ нападеніемъ и туркамъ не дадутъ времени привести ее въ оборонительное состояніе.

14) Имѣютъ ли турки сообщеніе съ русскими подданными?

Имѣютъ весьма свободное, какъ выше означено, посредствомъ торговли черезъ Редуть-Кале.

15) Часто ли Поти сообщается съ Константинополемъ и на какихъ судахъ?

Поти, какъ выше сказано, можетъ имѣть легко сношенія съ Константинополемъ; но, не бывъ значительна, она намъ не должна внушать тѣхъ безпокойствъ, какъ Анапа и Суджукъ-Кале, съ которыми турки имѣютъ непрерывное, правильное сообщеніе. По всему берегу Абхазіи отъ дистанціи до дистанціи находятся у нихъ суда въ родѣ брандвахтъ, и посредствомъ ихъ доставляются горцамъ орудія, порохъ и проч. Крейсированіе же по берегамъ симъ Черноморскаго флота такъ, какъ оно дѣлается, почти бесполезно; потому что какъ приказано только допрашивать и не дѣлать призывъ, и не смѣютъ стрѣлять на союзный оттоманскій флагъ; то турки, при видѣ нашихъ крейсеровъ часто сходятъ на берегъ и удаляются въ горы, пока русскій корабль не удалится, который не смѣетъ брать оставленнаго ими судна.

Вообще сдѣланы мною еще слѣдующія замѣчанія.

а) Многія происшествія, случаются въ странахъ тѣхъ, не доводятся въ настоящемъ видѣ до генерала Ермолова, который не имѣетъ, какъ кажется, настоящихъ понятій о Мингреліи и Имеретіи.

Онъ же, довѣряя слишкомъ любимцамъ и родственникамъ своимъ, рѣшаетъ все, не стараясь узнавать настоящей истины. Вообще сколько онъ строгъ и безчеловѣченъ до горцевъ и прочихъ народовъ, столько слабъ и снисходителенъ до окружающихъ и подчиненныхъ, употребляющихъ во зло сію его слабость.

b) Мингрелія могла бы сдѣлаться странкою для здоровья невредною, если бы вырубались въ ней лѣса и тѣмъ высушивались болота. Когда кн. Горчаковъ, предполагая прорыть каналъ изъ Ріона къ морю, приказалъ вырубить лѣсъ около Ріонскаго поста, то смертность послѣ того значительно уменьшилась. Конечно для пользы страны сей должно учредить въ ней колоніи (или военныя поселенія); но не должно поручать оныхъ иностранцу Гамбѣ, какъ сіе теперь сдѣлано. Онъ же, получивъ отъ казны около Кутаиса для населенія колоній нѣсколько тысячъ десятинъ отборной земли, по 25 коп. сереб. за десятину, уѣхалъ во Францію, разбогатѣвъ и не думая о колоніяхъ. Между тѣмъ вырубилъ весь лѣсъ, получилъ черезъ то неимовѣрный доходъ, жители же, нуждаясь въ лѣсѣ, должны у него покупать оный весьма дорого и тѣмъ раззоряются.

c) Какъ для торговли, такъ и для усмиренія горцевъ нужно намъ имѣть Анапу, Суджукъ-Кале и Поти. Горы и лѣса Абхазіи тогда доставляли бы намъ въ большомъ количествѣ свинець и лѣсъ, годный даже для кораблестроенія. Владѣя всѣмъ восточнымъ берегомъ Чернаго моря отъ Анапы до Батума, имѣли бы мы на счетъ торговли съ Персіею все то вліяніе, которое имѣетъ теперь на нее Англія, ибо сія послѣдняя не имѣла бы другого съ нею сообщенія, какъ черезъ Индію, что при частыхъ возмущеніяхъ бирмановъ было бы сопряжено съ затрудненіями. Тогда бы могущественная Россія, единственная владычица Чернаго и Каспійскаго морей, внушала бы Англіи не пустое уже безпокойство на счетъ Индіи и могла бы уничтожить владычество Великобританіи надъ всею поверхностью земного шара.

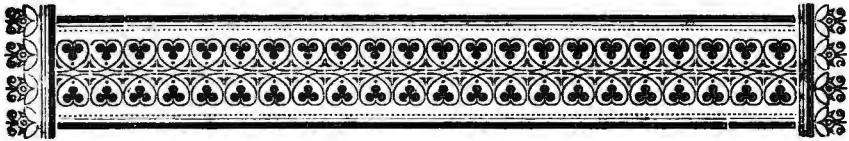
Полковникъ Бартоломей.

№ 27.

9-го апрѣля 1828 г.

г. Тифлисъ.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. ¹⁾

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

5. Серeda (ноябрь 1822 г.) ²⁾.

етровъ ³⁾ цѣль, и весь у меня: Белизера ⁴⁾ получите вы отъ Жандра, Гольдони ⁵⁾ у моей сестры, Саша ⁶⁾ его возвратить. Но что *васъ* не видать, почтенный мой Николай Ивановичъ? Я живу такъ близко отъ города, что всякой день меня добрые люди навѣщаютъ; одного только любезнаго человѣка жду и не дождусь, ищу и не обрящу, прошу и не дается мнѣ. Вторникъ срокъ отъѣзда мнѣ еще неизвѣстный: отъѣздъ мой зависитъ отъ разныхъ побочныхъ причинъ, денегъ, экипажа, дороги и проч., но когда бы онъ ни былъ, неужели я не увижу васъ до него или увижу только однажды. Когда хотите, лошади мои къ вашимъ услугамъ. До свиданія прощайте.

Павель Катенинъ.

На оборотѣ: Николаю Ивановичу Бахтину.

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

²⁾ Письмо безъ даты; оно было написано, вѣроятно въ „Красномъ Кабачкѣ“, въ гостиницѣ, находившейся на Петергофской дорогѣ, гдѣ Катенинъ, высланный изъ Петербурга 7-го ноября 1822 г., проживалъ до своего отъѣзда въ Костромскую губ. (5-го декабря 1822 г.).

³⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, о сочиненіяхъ В. П. Петрова (1736—1799). М. 1811 въ 3-хъ ч.

⁴⁾ „Bélisaire“, трагедія Жуи (Victor-Joseph Etienne, dit Jouy р. 1764 г. ум. 1846 г.) 1818 г., представл. только въ 1825 г.

⁵⁾ Carlo Goldoni, знаменитый итальянскій драматическій писатель, р. 1707 г., ум. 1793 г.

⁶⁾ Александръ Андреевичъ Катенинъ, р. 1803 г., ум. 1860 г., двоюродный братъ Павла Александровича, въ это время прапорщикъ Преображенскаго полка, впослѣдствіи генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, генераль-губернаторъ оренбургскій и самарскій.

6.

28 января 1823 г. Шаево.

Ожидалъ я писемъ отъ васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и по сіе время не дождался, можетъ быть, вы тоже ожидали ихъ отъ меня, и осуждаете меня за лѣность: несправедливо. Во первыхъ, вы не должны думать что я здѣсь живу совершенно безъ дѣла и не знаю куда дѣваться съ досугомъ: есть хозяйственныя занятія, денежныя дѣла, и чѣмъ скучнѣе они тѣмъ болѣе утомляютъ; во вторыхъ, не одна праздность заставляетъ Насъ переписываться, а желаніе узнать о пріятелѣ, или о себѣ его увѣдомить, или о чемъ другомъ для него любопытномъ. Теперь я спрашиваю о чемъ писать изъ Кологрива? о пріѣздѣ ли въ здѣшній край незнакомаго съ вами умнаго Графа Толстаго, у котораго я провелъ пріятную недѣлю, но послѣ жестоко простудился? о лунномъ ли затмѣніи, котораго Петербургскіе жители вѣрно и не примѣтили, но которыми я немогъ налюбоваться? или о надворномъ совѣтникѣ Матюшкинѣ, который отъ скуки убилъ своего старосту желѣзной плиткой изъ утюга? не думайте отговариваться отъ меня тѣмъ что и у васъ побольшей части дѣлается все вздоръ: все столичное, если не мило, по крайней мѣрѣ любопытно для несчастнаго *Шаевского Ссылника*. Корреспонденты же мои на бѣду никогда не были такъ неисправны: отъ Жандра получилъ я всего одно письмо, братъ Саша и не думаетъ за перо взяться; одни Каратыгины, имѣя здѣсь отца¹⁾ кое что сообщаютъ, и то весьма неподробно. При всемъ томъ видѣлъ я двѣ книжки Сына Отечества, 49-ю, гдѣ князь Вяземскій къ слову о Кавказскомъ плѣнникѣ отпускаетъ на мой счетъ свои остроты²⁾, и 1-ю, гдѣ Г-нъ

¹⁾ Андрей Васильевичъ Каратыгинъ р. 1774 г., ум. 1831 г., отецъ знаменитаго трагика, сопровождалъ Катенина въ Костромскую губ.

²⁾ Катенинъ принялъ на свой счетъ насмѣшки кн. П. А. Вяземскаго въ статьѣ о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ (С. О. 1822 ч. 82 № 49 стр. 115—126) надъ врагами романтической поэзіи, надъ „приверженцами старой Парнасской дикости“, надъ „раболѣпными и вялыми послѣдователями французской школы“. Первоначально Петръ Андреевичъ намѣревался навести въ этой статьѣ болѣе рѣшительный и прямой ударъ Катенину за нападки на него въ „Письмѣ къ издателю „Сына Отечества“ (1822 ч. 76 № 13 стр. 249—261), но узнавъ о высылкѣ своего противника изъ Петербурга и не желая „бить лежачаго“, просилъ Тургенева выпустить изъ статьи все обидное для Катенина. Ост. Арх. II, 249, 280—283, 534—535.

Ж. К. пишетъ на Кавказъ¹⁾ *слегка* что ему мой Сидъ²⁾ *не очень* понравился; слышалъ я также о премудрой критикѣ Г-на Розинга въ Благонамѣренномъ³⁾, и о похвалахъ ея изъ устъ премудраго Тиграна⁴⁾, читалъ сверхъ того выписку изъ Полярной Звѣзды, гдѣ говорятъ обо мнѣ съ благонамѣреннымъ и благоразумнымъ воздержаніемъ отъ похвалъ и осужденій⁵⁾; но въ это же горестное для меня время,

Quand tout, jusqu'à Pinchêne, et m'insulte et m'accable⁶⁾, пишутъ ко мнѣ будто Г-нъ М. И.⁷⁾ собирается вознаградить меня за все долготерпѣніе: дай богъ ему доброе здорovie! почтенный онъ человекъ! впрочемъ ему самому достается, Грець упорствуетъ, требуетъ, чтобъ М. И. объявилъ свое имя⁸⁾, и тѣмъ уничтожилъ подозрѣніе въ личностяхъ: какое глупое требованіе! развѣ М. И. писалъ личности? развѣ безъ нихъ не лзя не любить Карамзина, имѣть мнѣніе не Гречево? будь онъ Михайло Ивановъ, или Матвѣй Ильинъ, развѣ это не все равно для сущности дѣла? я надѣюсь на М. И. онъ человекъ умный, и вѣрно не захочетъ тѣшить дураковъ, ни объявленіемъ своего имени по востребованію ихъ, ни молчаніемъ, которое они перетолкуютъ въ свою пользу. Его обязанность теперь стоять за себя и за правое дѣло, говорить истинну не заикаясь, смѣло хвалить хорошее и обличать дурное, не только въ

¹⁾ С. О. 1823 ч. 83 № 1 стр. 3—18.

²⁾ „Сидъ“, трагедія въ 5 дѣйствъ соч. П. Корнеля; перев. съ франц. въ стихахъ П. Катенинъ, предст. въ 1-й разъ на Спб. Большомъ театрѣ въ бенефисъ В. А. Каратыгина 4 дек. 1822 г.

³⁾ Въ „Благонамѣренномъ“ 1823 г. были напечатаны двѣ рецензіи на Катенинскій переводъ „Сиды“: ч. 22-ая № 1, стр. 49—55 за подписью—Т—Ъ и съ подписью И. Ис—въ ч. 22, № 11, стр. 313—328 и ч. 23 № 15, стр. 186—209. Катенинъ приписывалъ первую изъ этихъ статей Розингу.

⁴⁾ Графъ Милорадовичъ.

⁵⁾ „Полярная Звѣзда“ на 1823 г. ст. А. Бестужева „Взглядъ на Старую и Новую Словесность“ стр. 35.

⁶⁾ „Когда все до Пиншена меня оскорбляетъ и удручаетъ“. Приведенный стихъ взятъ у Буало изъ его *Épître V* (1674 г.). См. также *Épîtres VIII* и *X. Martin Pinchêne*, племянникъ и первый издатель сочиненій *Voiture*, (1598—1648). (A. Ulcini „De la Vie et des ouvrages de Voiture“, ст. предпосл. Собр. Соч. *Voiture* изд. 1856 г.).

⁷⁾ Вахтинъ написалъ въ то время статью о стихотвореніяхъ Катенина, начало которой появилось въ „Вѣстникѣ Европы“ 1823 г. № 3—4 стр. 198—214. Эту статью авторъ намѣревался подписать Д. З. См. вводную статью.

⁸⁾ Грець „упорствовалъ и требовалъ, чтобы М. И. объявилъ свое имя“ въ „Замѣчаніяхъ на письмо къ редактору „Вѣстника Европы“ (С. О. 1822 ч. 80 № 37 стр., 160—177). Письмо М. И. т. е. Вахтина напеч. въ „Вѣстникѣ Европы“ 1822. (№ 13 и 14, стр. 23—39).

книгахъ, но и въ поступкахъ, повторять сказанное имъ, повторять непременно, чтобы плуты не могли притвориться будто не слышали, заставить ихъ сбросить личину, выйти на поединокъ, и какъ выйдутъ забить ихъ до полусмерти: сходны ли ваши мысли съ моими, любезнѣйшій Николай Ивановичъ? я бы весьма желалъ чтобы мы въ этомъ случаѣ сошлись. По прїѣздѣ моемъ писалъ я къ Каченовскому¹⁾ и послалъ ему 25 рублей для полученія его журнала; и по сіе время не имѣю отъ него ни строчки въ отвѣтъ, ниже одной книжки вѣстника Европы. Отвѣтъ К. Шаликову²⁾ напечатанъ, какъ говорятъ; но я не имѣлъ случая его видѣть, а въ мїрѣ поэта не могла цензура не испортить одного стиха въ концѣ, поставила безъ грамматики: *До будущаго пробужденье*³⁾. Увы! правда, кто нынче хлопочетъ о смыслѣ и грамматикѣ? прочтите К. Вяземскаго⁴⁾; онъ восхваляетъ характеръ Черкешенки за *неопредѣлительность*! я чаю, это въ первый разъ считается за достоинство въ характеристикѣ. Самъ же Плѣвникъ, по его мнѣнію, могъ быть оживленіе. Не лъзя бытъ *удивленіе* моего, когда мнѣ подобныя сочиненія попадаютъ, и когда я слышу что всѣ ими не нахвалятся. О времена! о умы! Вяземскій, вѣроятно, чтобы кольнуть меня заводитъ не къ стати рѣчь о трагедіяхъ, и Корнеля и Расина называетъ правильными, но блѣдными⁵⁾. И это печатаютъ! я бы нарумянилъ его; но мнѣ теперь ничего полемическаго писать не лъзя; когда Тиграны не перестаютъ меня ненавидѣть, когда уже выдумываютъ про меня разныя небылицы, когда шмели литературные рады случаю безопасно изливать на меня свой калъ, который имъ вкуснѣе меду, благоразуміе велитъ мнѣ молчать; а право языкъ чешется. Часто ли вы бываете въ театрѣ? Какія тамъ глупости даются? сдѣлайте

1) Мих. Троф. Каченовскій, историкъ, журналистъ и проф. Московскаго унив., редакторъ „Вѣстника Европы“ р. въ 1775 г., ум. въ 1842 г.

2) Кн. Петръ Ивановичъ Шаликовъ, одинъ изъ наиболѣ крайнихъ подражателей Карамзина, р. въ 1768 г. ум. въ 1852 г. М. И. (т. е. Бахтинъ) задѣлъ кн. Шаликова въ статьѣ объ „Опытъ краткой исторіи русской литературы“ Греча. См. вводную статью. Возраженія кн. Шаликова появилась въ „Сынѣ Отечества“ 1822 г. (ч. 81 № 46, стр. 275—278). „Отвѣтъ“ М. И. въ „Вѣстникѣ Европы“ 1822 г. (№ 24, стр. 295—300).

3) „Міръ поэта“, стихотвореніе Катенина (Вѣст. Европ. 1822, №№ 20 и 21, стр. 3—12; 89—103). Во второй книжкѣ „Сочиненій и Переводовъ“ Катенина (1832, стр. 68) приведенный въ письмѣ стихъ замѣненъ слѣдующимъ:

„Для нихъ вѣтъ пробужденья“.

4) Ст. „О Кавказскомъ Плѣвникѣ“ стр. 123.

5) Тамъ же, стр. 118—119.

милость, пишете и по подробнѣе. что Хвостовъ? 1) Крыловъ? Гнѣдичъ? Шаховской? etc. А. В. Каратыгинъ просилъ вамъ поклониться; онъ теперь въ гостяхъ въ Кологривѣ. Не забудьте моей прозѣбы о книгахъ, сколько нужно денегъ я какъ разъ пришлю.

Прощайте, почтеннѣйшій, до свиданія въ Шаевѣ сего 1823 года.
Весь вашъ въ ожиданіи Павелъ Катенинъ.

7.

26-го Февраля 1823 г. Шаево.

Вѣстникъ Европы я получаю и слѣдственно надѣюсь, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, прочесть что Вами обо мнѣ написано 2), буде только позволено въ Единодержавіи нашей словесности говорить обо мнѣ безъ брани и клеветы. Брань и клевета, напечатанныя въ Благонамѣренномъ, мнѣ извѣстны; надъ ними трудился нѣкто Розингъ, и я писалъ на этотъ счетъ къ Андрею Андреевичу. Признаюсь Вамъ, мнѣ жаль что дуракамъ дали отъ части поводъ быть дерзкими тѣмъ что не вызвали меня въ Сидѣ; мнѣ кажется несомнѣннымъ, что рѣшительно благосклонный пріемъ Каратыгина въ Эдипѣ послѣ крѣпости 3) есть главная причина выгодной для него перемѣны со стороны Майкова 4) и Семеновой 5); то же бы могло быть и со мною, еслибъ поступили чистосердечнѣе и смѣлѣе. Враги же мои, какъ вы изъ многихъ опытовъ видѣли, нисколько не воздержались отъ непріятельскихъ дѣйствій, зная меня безоружнымъ; напротивъ, всѣ на перерывъ, кто прямо, кто обинякомъ, кто промолчаніемъ, продолжаютъ подвизаться, новые союзники присоединились къ нимъ, и я какъ филинъ въ темномъ дуплѣ своемъ, слышу безпрестанно говоръ нахальныхъ воронъ и сорокъ. Замѣтили ли Вы,

1) Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ р. въ 1757, ум. въ 1835 г.

2) Статя Вахтина „О Стихотвореніяхъ Катенина“.

3) В. А. Каратыгинъ въ мартѣ 1822 г. былъ подвергнутъ аресту въ крѣпости, по распоряженію графа Милорадовича, за непочтительное яко-бы отношеніе его къ директору Майкову. „Этотъ урокъ“, говорилъ гр. Милорадовичъ матери знаменитаго артиста, „былъ нуженъ молодому либералу, который набрался вельнаго духу отъ своего учителя Катенина“. См. „Записки П. А. Каратыгина“ Спб. 1880 стр. 82—89.

4) Аполлонъ Александровичъ Майковъ р. въ 1761, ум. въ 1838 г., директоръ Императорскихъ театровъ.

5) Екатерина Семеновна Семенова, знаменитая трагическая актриса, вышедшая въ 1828 г. замужъ за князя Ивана Алексѣевича Гагарина (1771—1832), р. въ 1786 г., ум. въ 1849 г.

как вопреки истиннѣ благовѣстители Орлеанской Дѣвы Жуковского увѣряють, что это будетъ нѣчто неслыханное по новому стихосложению на театрѣ русскомъ, когда на немъ уже игранъ Пиръ Іоанна безземельнаго¹⁾, написанный имянно англо-нѣмецкимъ или романтическимъ размѣромъ; и что всего важнѣе, есть оригинальное произведеніе, безспорно единственное по сію пору въ томъ самомъ духѣ и родѣ, въ которомъ Геніи наши умѣють только переводить, и часто не понимая подлинника: хорошо, если вамъ пришло въ голову нѣчто объ этомъ въ вашей рецензіи. О Гризельдѣ²⁾ Вы славно сдѣлали, не сказавъ ни слова; забвеніе, лучшій удѣлъ для такой дряни, писанной на заказъ изъ снисхожденія. Теперь я не дѣлаю ничего, голова моя пуста и желудокъ не варитъ; здоровіе мое примѣтно портится, грудь начинаетъ побаливать, и чѣмъ все кончится богъ вѣсть. А. В. Каратыгинъ долженъ быть уже въ Петербургѣ; я отпустилъ его ранѣе чѣмъ думалъ, видя его страшную тоску по отчизнѣ: она доводила его до нервныхъ припадковъ. Скуратовъ и К. Павелъ Голицынъ³⁾ прогостили у меня двѣ недѣли и отправились во свояси: имъ было необходимо нужно ѣхать. Въ ожиданіи К. Николая Голицына, за болѣзнію оставшагося въ Москвѣ, я одинъ и тоскую. Подумайте, милый Николай Ивановичъ, о моемъ положеніи и давнишнихъ моихъ прозбахъ, и дайте мнѣ знать, могу ли я надѣяться что Вы лѣтомъ меня посѣтите. Коляска будетъ готова хоть въ Маѣ, если Вы прикажете. Не обращайтесь въ шутку моихъ челобитій; право мнѣ не до шутокъ. Благодаря васъ

¹⁾ „Пиръ Іоанна Безземельнаго“—прологъ, сочиненный Катенинымъ къ романтической комедіи кн. А. А. Шаховскаго: „Ивангой или Возвращеніе Ричарда Львиное сердце“, предст. въ 1-й разъ на Спб. театрѣ 21-го янв. 1821 г. въ бенефисъ г-жи Валберховой. Въ предисловіи, написанномъ Бахтинимъ, въ I т. соч. Катенина объ этомъ прологѣ было, между прочимъ, сказано слѣдующее: „Въ Пирѣ Іоанна Безземельнаго“ русская публика въ первый разъ услышала на театрѣ пятистопные стихи, вошедшіе съ нѣкотораго времени у насъ въ большую моду. Стихи въ семь прологѣ то съ приемами, то безъ приемъ, смотря по большей или меньшей возвышенности разговора, но всегда съ цезурою послѣ двухъ первыхъ стопъ, что, къ сожалѣнію, не строго наблюдается тѣми, которые въ послѣдствіи писали пятистопными стихами для театра“. Сюжетъ пролога заимствованъ у Вальтеръ-Скотта, у котораго взята и фабула пьесы кн. Шаховскаго.

²⁾ „Гризельда“ опера въ 2-хъ д. съ хорами, перевелъ съ итальянск. Катенинъ, предст. 22-го окт. 1817 г.

³⁾ Кн. Павелъ Борисовичъ Голицынъ род. 1795 г. ум. 1879, служилъ въ Преображенскомъ полку съ 1814 по 1822, когда былъ уволенъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана. Въ послѣдствіи камеръ-юнкеръ. Катенинъ посвятилъ ему свою сказку „Княжна Милуша“ 1833 г.

за пріятныя извѣстія объ успѣшной игрѣ Каратыгина въ Сидѣ, сожалѣю что Вы не подробнѣе разказали что особенно вамъ полюбілось; хлопанье же Гнѣдича и Лобанова¹⁾ не такъ невинно какъ вы думаете: я подозреваю, что его²⁾ хотятъ перетянуть въ ученики декламациі у *этого Тальмы*³⁾; но я надѣюсь что онъ слишкомъ благороденъ и уменъ чтобы на *этія вещи* согласиться. О Вяземскомъ что говорить? для куріозу досталъ я отъ Гр. Ѳедора Толстаго стихи его (князя) на первый снѣгъ⁴⁾, и покажу вамъ при свиданіи: Хвостовъ въ сравненіи *est un soleil*⁵⁾. Все что мнѣ ни попадаетъ въ руки изъ сочиненій сего остроумнѣйшаго шурина утверждаетъ меня въ мысли что онъ не только что сбить съ пути, не только что избалованъ и привыкъ врать, не только что невѣжа и безграмотный, но что онъ, въ строгомъ смыслѣ слова: *Дуракъ*.

Трагедіи Шенье⁶⁾ достаточно доказываютъ что онъ не имѣлъ здраваго понятія о драматическомъ искусствѣ: онъ тоже что Дюсисъ, Лагарпъ⁷⁾, Дюбелуа⁸⁾, Жуи и многое множество. Жофруа⁹⁾ хорошо знаетъ французскій театръ и порядочно древній; но часто вретъ нарочно. Ему хочется насильно быть христіаниномъ, католикомъ, роялистомъ: какъ это все согласить съ эстетикой и театромъ? надо биться какъ рыба объ ледъ. Читали ли Вы Шлегеля?¹⁰⁾ тотъ еще въ сотеро больше софистъ; совсѣмъ тѣмъ они оба полезны, ибо въ обѣихъ много ума и познаній; одни Лагарпы никуда не годятся. Были ли Вы въ Академіи Россійской? если нѣтъ, почему? если да, разкажите много ли хорошаго тамъ было читано, и каковъ пере-

¹⁾ Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ род. 1787, ум. 1846; перевелъ трагедіи Расина: „Ифигенію въ Авлидѣ“ (предст. 6-го мая 1815 г.) и „Федру“ (предст. 9 ноябр. 1823 г.).

²⁾ Т. е. В. А. Каратыгина.

³⁾ Н. И. Гнѣдичъ проходилъ съ Е. С. Семеновою ея роли.

⁴⁾ Элегія кн. П. А. Вяземскаго „Первый Снѣгъ“ была напеч. въ „Новостяхъ Русской Литературы“ 1822 г. кн. II № 24. стр. 173—176.

⁵⁾ „Солнце“.

⁶⁾ Marie Joseph. Chénier, братъ извѣстн. Андрея Шенье, драматич. писатель, род. 1764, ум. 1811.

⁷⁾ Jean-François de La Harpe род. 1739, ум. 1803 г.

⁸⁾ Pierre-Laurent Boirette de Belloy, драмат. писат., род. 1727, ум. 1775 г. прославился трагедіей „Siège de Calais“ (1765).

⁹⁾ Geoffroy род. 1743, ум. 1814 г., извѣстн. франц. крит., сторонникъ классицизма.

¹⁰⁾ August Schlegel, знамен. нѣм. критикъ, противникъ франц. классицизма, род. 1767, ум. 1845 г.

вѣдь Жуковскаго второй пѣсни Енеиды¹⁾: въ ней вѣдь и Лаокоонъ. Онъ и Батюшковъ нынче даже на сценѣ читаются²⁾: ей, ей, и смѣшно и досадно, а паче всего до смерти стыдно. Прощайте, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, будьте здоровы, помните насъ и по чаще пишите; мнѣ осталось одно удовольствіе: бесѣдовать издали, а въ близи не съ кѣмъ. До свиданія. Я весь Вашъ.

Павелъ Катенинъ.

8.

9-го марта 1823 г. Шаево.

Вчера получилъ я, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, письмо Ваше, не знаю отъ котораго числа, ибо Вы имѣете дурную привычку его никогда не выставлять. Въ то же время, весьма къ стати принесли мнѣ толстую книжку Вѣстника Европы, заключающую въ себѣ два № 3-й и 4-й. Въ ней напечатано начало разбора моихъ стиховъ. Увѣряю Васъ, что все читанное мною по сіе время мнѣ очень понравилось; однако ни изъ этаго, ни изъ изложенія Вашего всей критики не могу еще вывести мнѣнія, котораго Вы отъ меня требуете, а дождусь конца и подробно Васъ увѣдомлю. Какъ много ошибаетесь Вы, полагая что ко мнѣ многіе пишутъ: напротивъ. Литературныя новости зналъ я изъ журналовъ, пересылаемыхъ ко мнѣ Каратыгиными; они же и писали хоть немного да часто, а теперь и отъ нихъ не знаю что будетъ, когда отецъ къ нимъ возвратится. Жандръ прислалъ всего одно письмо, и на мой не отвѣчаетъ. Спросите, ради бога, у него: отданы ли хоть проценты въ банкъ, и получилъ ли каретникъ свои деньги? поспѣйте также Бологовскому³⁾, онъ на письмо мое ни слова, а я еще просилъ его о коляскѣ и не знаю какъ быть. Въ семъ общемъ забвеніи я тѣмъ болѣе обязанъ благодарить Васъ, милый

¹⁾ Отрывокъ изъ II пѣсни Энеиды, пер. Жуковскаго въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1823.

²⁾ 3-го янв. 1823 г., въ бенефисъ Сосницкаго, была дана шарада въ дѣйствиіи: Балъ-лада (сочин. Глинки), въ концѣ которой Е. С. Семенова декламировала балладу Жуковскаго „Разъ въ Крещенскій вечерокъ“ (П. Араповъ „Лѣтопись русскаго театра“ стр. 335). Стихи изъ Тассовой поэмы въ перев. К. Н. Батюшкова были прочтены В. А. Каратыгинымъ и Брянскимъ, изображавшими гондольеровъ въ дивертисментѣ: „Венеціанская регатта или Бѣгъ на гондолахъ“, пред. въ бенефисъ Брянскаго 29-го янв. 1823 года (П. Араповъ, стр. 336—337).

³⁾ Яковъ Дмитріевичъ Бологовскій род. въ 1798 г., ум. 1851, служилъ въ Преображенскомъ полку, въ 1828 уволенъ въ отставку, въ чинѣ полковника. Съ конца 1837 г. по конецъ 1842 г. состоялъ тверскимъ губернаторомъ.

другъ; Вы помните меня и другимъ обо мнѣ напоминаете. Знаете ли что, буде Вы хотите оставаться неизвѣстнымъ съ вашими буквами? вѣдь новая подпись Д. З. ¹⁾ точь въ точь приходится къ Зыкову ²⁾ и я намѣренъ, когда она появится преусердно изъяснить ему мою признательность: пусть отговаривается и краснѣетъ что онъ такъ мало заслуживаетъ мою похвалу. Только зачѣмъ Вы опять изъ М. И. попали въ Д. З? отъ какой общей подписи навсегда я васъ отговорилъ? Чѣмъ М. И. хуже всего другаго кромѣ Николая Бахтина? Не знаю, Бестужевъ ли дурно выписалъ, или Вы, или наборщикъ виноватъ, только одинъ стихъ въ Лѣшемъ ³⁾ не такъ напечатанъ ⁴⁾. Въ журналѣ поставлено: Филины въ *кущъ* воють съ совами; а у меня въ подлинникѣ: Филины въ *гущъ* и пр., тоестъ въ густотѣ лѣса, что и дѣлаетъ родъ противоположности съ *дорогою*, гдѣ крадется воръ. *Гуща* весьма русское и употребительное слово; *куща* же тутъ ничего не значить. Вы говорите, почтеннѣйшій, что я васъ не въ шутку пристрастилъ: давай Богъ! Я твердо стою въ томъ что дѣльныя разсужденія въ нынѣшней словесности необходимы, что они (воля ваша не онѣ) полезнѣе хорошихъ стиховъ. Что стихи, когда ихъ большая часть не знаетъ, а меньшая для своихъ видовъ старается унижить и заглушить? дурной вкусъ торжествуетъ, и одно спасеніе отъ него въ толковыхъ критикахъ. Дерзайте, батюшка.

Macte animo, generose puer: sic itur ad astra ⁵⁾.

Сія латынь можетъ Вамъ служить доказательствомъ, что лексиконы получены; деньги за оныя при семь посылаются. Сынъ Отечества уже увѣдомилъ меня о переводѣ Жуковскимъ второй пѣсни Энеиды: я опоздалъ. Хотѣлъ бы очень прочесть ее, да не знаю гдѣ достать, и не многого жду. Къ слову объ экзаметрахъ, упомянули ли Вы о моихъ въ Мстиславѣ ⁶⁾? Съ Мореходцами Хвостова ⁷⁾ съѣлъ я на мель. Мстиславъ Мстиславовичъ

¹⁾ Подпись Д. З. не появилась, ибо обѣщанное въ 3-мъ—4-мъ № „Вѣстника Европы“ 1823 г. окончаніе статьи не было напечатано.

²⁾ Дмитрій Петровичъ Зыковъ, офицеръ Преображенскаго полка, авторъ „Письма къ сочинителю критики на поэму „Русланъ и Людмила“ (Сынъ Отечества 1820 г. ч. 64, № 38 стр. 227—229 подп. N N). Ост. Арх. II, 74 и 423.

³⁾ „Лѣшій“ стихъ Катенина напеч. въ Сынѣ Отеч. 1815 г. № 23.

⁴⁾ А. Бестужевъ (С. О. 1822 ч. 77 № 20, стр. 253—269) правильно выписалъ „гуща“.

⁵⁾ „О, прекрасный духомъ, великодушный юноша, такъ восходить къ звѣздамъ“ (оконч. 641-го стиха 9-ой пѣсни Энеиды).

Стихотвореніе Катенина напеч. въ С. О. 1820 г. № 1.

⁷⁾ „Русскіе Мореходцы на Ледовитомъ морѣ“ графа Д. И. Хвостова. 1821 г.

три раза вставалъ, трижды изтекъ кровью и кончилъ тѣмъ что упалъ; такъ точно и я: три раза принимался читать, трижды вспотѣлъ надъ книгой, и наконецъ отсталъ. Не смотря на это, прошу Васъ поблагодарить почтеннаго дядюшку за его воспоминаніе и подарокъ. Нѣтъ, сударь, я не говорилъ и не скажу, чтобы мнѣніемъ невѣждъ должно было пренебрегать, въ такомъ случаѣ когда ихъ можно перетянуть на свою сторону; они очень важны по числу, они люди всякаго уваженія достойные. Надобно пренебрегать враждою злыхъ невѣждъ, безсовѣстныхъ, вредныхъ, съ этими надо сражаться до послѣдней капли чернилъ; но людей добрыхъ, заблудшихъ овецъ добрый пастырь въ горахъ ищетъ и приносить къ стаду. Вы весьма умно поступили, что не выпустили Анохиныхъ изъ вида. Любопытенъ я знать, въ послѣдствіи рецензіи Вашей молвили ли Вы объ услугѣ моей театру обученіемъ Каратыгина; это бы весьма хорошо.

Представьте, что бездѣльникъ Розингъ напечаталъ въ *Благонамѣренномъ* ¹⁾, что Каратыгинъ, не имѣя хорошаго наставника, ежедневно портился до роли Пирра, которая была *pes plus ultra* дурною, но потомъ (сирѣчь съ моего отъѣзда) отмѣнно поправился, что онъ подражаетъ Семеновой и долженъ непременно у нее (сирѣчь у Гнѣдича) брать уроки. Я писалъ въ Петербургъ объ этомъ безстыдствѣ, и прошу Васъ настоятельно разтолковать Каратыгину, что мнѣ это крайне обидно, что я горжусь его дарованіями, и что ему почти неблагородно въ этомъ случаѣ молчать. Я не молчалъ, когда Соцъ и Я. Толстой ²⁾ при дебютахъ на него нападали ³⁾, я почти за него сосланъ; должно ли стоять ему объявить, что онъ обязанъ своимъ театральнымъ образованіемъ человѣку имъ уважаемому, что онъ старается играть по тѣмъ же правиламъ, которыя уже прежде удостоились одобренія публики, и что онъ отдавая всю справедливость Семеновой, съ роду не бралъ у нее уроковъ? Повѣрьте мнѣ, Николай Ивановичъ, одна робость хорошихъ людей ободряетъ дурныхъ; коль скоро имъ ротъ зажмутъ, они перестанутъ кричать. Большаго затрудненія я не вижу отвѣчать Гречу на счетъ вліянія

¹⁾ „Благонамѣренный“ 1823 г. ч. 21-ая № 23 стр. 229—232: „Нѣсколько словъ о театрѣ“, статья подп. буквою Р.

²⁾ Яковъ Николаевичъ Толстой род. 1791 г., ум. 1867 г., писалъ въ С. О., сотрудничалъ въ *Revue Encyclopédique*. О немъ см. очеркъ Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1899 г.

³⁾ По поводу дебютовъ В. А. Каратыгина 1820 г. на стр. „С. О.“ возникла горячая полемика между А. А. Жандромъ и Катенинымъ съ одной стороны и В. Соцемъ и Я. Н. Толстымъ съ другой (ч. 62 № 23, стр. 174—181, № 24, стр. 225—228, № 26, стр. 320—323; ч. 63 № 27, стр. 32—37, № 28, стр. 80—85).

Карамзина на новый слогъ ¹⁾). Этотъ слогъ не только въ прозѣ очистился, но равномерно и въ стихахъ, это дѣйствіе времени необходимое; собственный же слогъ Карамзина путешественника и прочихъ ему подобныхъ исчезъ, надъ нимъ смѣются, самъ Карамзинъ его переѣнилъ; не другіе къ нему приноровились, а напротивъ онъ сообразился съ общимъ вкусомъ: это ясно и неоспоримо. Рекомендую вамъ въ Вѣстникѣ Европы рѣчь Архимандрита Тобольскаго ²⁾, сравните ее съ рѣчью дворника Petit-Jean и подъячаго l'Intimé въ Расиновыхъ Сутягахъ ³⁾. Гречъ вездѣ хвалить Раича ⁴⁾, но сей Раичъ злодѣй. Читали ли Вы его переводы изъ Тасса размѣромъ Двѣнадцати спящихъ Дѣвъ ⁵⁾? рѣмы точно какъ у Зотова ⁶⁾: *благовонный и испещренной!* Какой вкусъ! все *отгрязнуло, нахлынуло. Несчастнаго заря не скрылась съ небосклона, совѣтъ врага развилъ пожаръ желаній*, и все такъ. Не забудьте любезность цензуры: къ слову: *законъ пророка*, она не забыла замѣтить подъ звѣздочкой: *разумѣется лже-пророка Магомета*: ась? Каково? Не прїѣдите ли Вы лѣтомъ ко мнѣ? я все объ одномъ твержу: ахъ! какъ бы весело было! между тѣмъ, пишите по чаще и побольше, и другихъ понукайте. Спасибо, превеликое спасибо за всю вашу дружбу; въ другой разъ больше поговоримъ, сегодня ужъ бумаги не достало. Прощайте до свиданія. Васъ вашъ

Павель Катенинъ.

P. S. Каченовскій вретъ: у Бюргера Ленора, сокращеніе Ле-

¹⁾ С. О. 1822 г. ч. 80, № 37, стр. 160—177 (замѣчанія Греча на письмо М. И. къ редактору Вѣстника Европы) и Вѣст. Европы 1822 г. № 19 стр. 183—203 (возраженія М. И. на замѣчанія Греча).

²⁾ Рѣчь при открытіи губернскаго управленія Тобольской губ., произнесенная (1-го янв. 1823 г.) ректоромъ Тобольской семинаріи, архимандритомъ Евгениемъ (Вѣст. Евр. 1823 г. № 3—4, стр. 317—321).

³⁾ „Les Plaideurs“ комедія въ 3-хъ дѣйств. Расина 1668 г.

⁴⁾ Семень Егоровичъ Раичъ род. 1792 г., ум. 1855 г. Его переводъ поэмы Тасса „Освобожденный Іерусалимъ“ вышелъ полностью въ 1828 г., но отрывки изъ этого перевода появлялись раньше въ журналахъ. Катенинъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду отрывокъ изъ 2-й пѣсни поэмы, напечатанный въ „Сынѣ Отечества“ 1823 г. ч. 83 № 5, стр. 226—235. (Посольство Египетскаго Царя къ Готфреду“).

⁵⁾ Стихотворенія В. А. Жуковскаго.

⁶⁾ Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ род. въ 1796 г., ум. 1871 г. романистъ, драматургъ, перевелъ болѣе 100 пьесъ, преимущественно съ нѣмецкаго, завѣдывалъ одно время нѣмецкимъ театромъ въ Петербургѣ, былъ и начальникомъ репертуара и русскаго театра.

оноры, или даже Елеоноры ¹⁾. По исторіи Мстиславъ не раненъ; я его самовольно изкрасилъ; я же Данила послалъ къ нему на помощь. О другихъ князьяхъ я и не упомянулъ. Мнѣ хотѣлось написать большую картину во вкусъ Доминикина ²⁾ русскими красками, мастерскимъ размѣромъ, и только. Исторія тутъ дѣло совсѣмъ постороннее. Жаль мнѣ что Вы что-то пишете о Шекспирѣ ³⁾, чтобъ гусей не раздражить. Повторять сказанное, особливо для притворно-глухихъ, необходимо.

Les plus opiniatres gagnent les batailles ⁴⁾.

Еще разъ, спасибо Вамъ что Вы при случаѣ Ариадны ⁵⁾ не забыли Колосовой ⁶⁾; съ Каратыгинымъ поговорите отъ себя, а не отъ меня; я не хочу, писавъ уже къ нему объ этомъ, чтобъ онъ какъ нибудь оскорбился повтореніемъ. Пишу разсужденіе о Шлегелѣ и романтикахъ по французки; какъ бы вамъ показать? Перечитывая ваше письмо, вижу что мы одно и тоже думаемъ, на счетъ прозы. Не забудьте только стихами подтвердить доводъ что время одно все сдѣлало. Не лзя ни самому Гречу въ стихахъ положить Карамзина образцовымъ писателемъ. Хорошъ ли разказъ въ Федрѣ Лобанова?

Сообщилъ А. Чебышевъ.

¹⁾ Примѣчаніе редактора „Вѣстн. Европы“ въ концѣ статьи Бахтина о Стихотвореніяхъ Катенина, напечатанной въ Вѣст. Евр. 1823 г. Баллада Бюргера „Ленора“ появилась въ свѣтъ въ 1773 г. Катенинъ, какъ извѣстно, подражалъ этой балладѣ въ своей „Ольгѣ“.

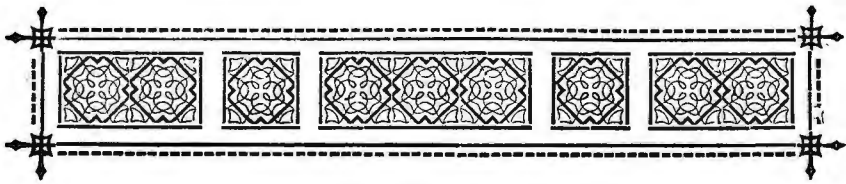
²⁾ Dominichino, изв. итальянск. художникъ, род. 1581 г., ум. 1641 г.

³⁾ Въ статьѣ „О Стихотвореніяхъ Катенина“, въ той ея части, которая осталась въ рукописи.

⁴⁾ „Наиболѣе настойчивые выигрываютъ битвы“.

⁵⁾ Ариадна, траг. въ 5-й д. соч. Θ. Корнеля, перев. Катенинымъ и представл. въ 1-й разъ въ Спб. 3 февр. 1811 г.

⁶⁾ Александра Михайловна Колосова, вышедшая замужъ за В. А. Каратыгина, извѣстн. драматическая артистка, род. въ 1802 г., ум. въ 1880 г.

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны¹⁾.

Черезъ нѣсколько дней послѣ представленія М. И. Драгомирова королю, прибылъ въ Берлинъ состоявшій при его величествѣ генераль-маіоръ графъ Голенищевъ-Кутузовъ; его впослѣдствіи М. И. всегда вспоминалъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ человѣка высокообразованнаго и въ высшей степени интереснаго собесѣдника. Сразу установившіяся между ними добрыя отношенія, обратившись въ дружескія, не прерывались до конца жизни этого достойнаго человѣка, умершаго въ 1873 году. Онъ до тонкости зналъ прусскую армію, всѣ ея порядки, обычаи и нравы; не даромъ ему посчастливилось имѣть въ ней, какъ и въ Берлинѣ вообще, обширныя знакомства.

М. И. обрадовался, когда узналъ, что онъ нашелъ возможнымъ и начальнику главнаго штаба генералу Мольтке и министру президенту князю (тогда графу) Бисмарку представиться вмѣстѣ съ нимъ.

Съ неподдѣльною искренностью Кутузовъ рассказывалъ, что, уѣзжая на два съ половиной мѣсяца изъ Берлина, онъ не могъ себѣ представить такой близости войны; ничто не предвѣщало разрыва отношеній и, если были шероховатости въ сношеніяхъ прускаго кабинета съ австрійскимъ, то лишь такія, которыя наиболѣе близко стоявшимъ къ дѣлу людямъ казались совершенно обыкновенными, мимолетными, ничего незначившими и вообще такими, которыя не могли оставить слѣдовъ въ дальнѣйшей сосѣдской жизни двухъ такихъ крупныхъ державъ. „Довольно взглянуть теперь на короля, говорилъ онъ, чтобы придти къ убѣжденію, что два мѣсяца тому назадъ онъ ничего не подозрѣвалъ, что все теперь ему тяжело свалилось на голову, какъ снѣгъ, что онъ до сихъ поръ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1910 г.

не освоился съ происшедшимъ и не можетъ, даже въ мысляхъ, справиться съ предстоящей бѣдой, съ нависшею надъ его государствомъ грозой. По всему видно, что дьявольскій планъ всецѣло созрѣлъ „въ крупной башкѣ Оттона“ и что, начавъ его единолично, онъ довелъ все дѣло до конца, никому не открывъ ничего изъ намѣченнаго, а королю, быть можетъ менѣе, чѣмъ кому-либо другому“...

Такъ просто говорилъ графъ Кутузовъ ¹⁾ Михаилу Ивановичу объ этихъ сложныхъ дѣлахъ, поразившихъ не только его, но и всѣхъ вообще своею неожиданностью, запутанностью, а также ужа-сающимъ ехидствомъ.

„Прибывъ въ частный кабинетъ Бисмарка, мы ни одной минуты не ждали выхода его, вспоминалъ Мих. Ив.; никогда не забуду, сказалъ онъ, что разъ въ жизни пришлось войти для представленія къ большому человѣку въ ту самую минуту, когда онъ одновременно вошелъ для встрѣчи въ другую дверь своего кабинета; онъ, видимо, насъ поджидалъ и подкарауливалъ; въ этомъ видно было что-то болѣе образцовое, чѣмъ всякая вообще пунктуальная исполнительность, свойственная и присущая нѣмцамъ.

¹⁾ Собственно въ то время графъ Василій Павловичъ Голенищевъ-Кутузовъ состоялъ въ должности нашего военного агента при прусской главной квартирѣ; обстоятельства войны, а также особенно близкія дружественно-родственные отношенія между нашимъ Государемъ и его дадеи—прусскимъ королемъ, выдвинули этого достойнаго генерала на постъ представителя Императора Александра II-го при особѣ Вильгельма короля—впослѣдствіи Императора; графъ Голенищевъ-Кутузовъ пробылъ въ этой должности все время австро-прусской войны; франко-германская кампанія 1870 г. особенно сблизила его съ королевскою фамиліей; въ 1873 г. онъ скончался на этомъ посту въ званіи генераль-адъютанта и въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи; съ тѣхъ поръ эта должность, созданная при вліяніи его способностей, званій и закрѣпленная его тактомъ и умѣньемъ, была до конца царствованія Императора Александра II замѣщаема выдающимися генералами изъ числа приближенныхъ къ Государю лицъ; Императоръ Александръ III, несмотря на ломку, которой нашелъ нужнымъ подвергнуть свои отношенія къ прусскому двору, не отмѣнилъ этого принятаго его родителемъ обычая; должность эта и теперь сохранена; въ нее преименно назначаются особыя лица по Царскому выбору.— Въ царствованіе Императора Александра III нѣкоторое время при германскомъ Императорѣ состоялъ свиты Е. В. генераль-майоръ графъ Александръ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ,—сынъ Василя Павловича.— Нечего говорить о томъ, что и германскій Императоръ постоянно назначаетъ довѣренное лицо состоять при особѣ нашего Государя.—Эту должность въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ пользовавшійся большою любовью при дворѣ Императора Александра II и Императора Александра III генераль-адъютантъ германскаго Императора фонъ-Вердеръ.

„Вышедшій ¹⁾ намъ навстрѣчу пятидесятилѣтній, высокій, коренастый мужчина съ громадной головой, дружески протянулъ руку Кутузову, сказалъ ему по-нѣмецки вполголоса, какъ бы мимоходомъ: поражены? и, не дождавшись сконфуженно пробормотанныхъ словъ отвѣта, повернулся ко мнѣ, привѣтствуя на французскомъ языкѣ“.

„Признаюсь, большое впечатлѣніе произвела на меня при первомъ знакомствѣ эта „во всѣхъ смыслахъ крупная башка“, говорилъ М. И. Нисколько не стараясь показаться любезнымъ, Бисмаркъ держалъ себя, какъ человѣкъ вполнѣ увѣренный во всемъ, что касалось предпринятыхъ имъ дѣлъ; онъ, видимо, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ только ожидалъ скорѣйшаго хода событій и конца всей заваренной имъ кутерьмы; нетерпѣніе его сказывалось во всемъ,—между прочимъ въ томъ, что говорилъ онъ много, очень спѣшно и на разныхъ языкахъ.

Съ Кутузовымъ онъ обращался, какъ съ человѣкомъ, къ которому совершенно привыкъ, а ведя бесѣду, старался обращаться одинаково къ обоимъ. Кинувъ при встрѣчѣ нѣмецкое слово, онъ долго говорилъ по-французски, затѣмъ нѣкоторое время велъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ.

— Будь что будетъ, произнесъ Бисмаркъ, между прочимъ, по-русски; мы не столько надѣемся на успѣхъ исхода начатой борьбы, сколько увѣрены въ немъ. Къ тому все шло, продолжая по-французски, заторопилъ онъ свою рѣчь; къ тому все шло и продолжаетъ идти; не даромъ вся, Богомъ отмѣченная и отличенная, нація вообще и ея армія въ особенности, такъ долго и упорно работали надъ собой; иной исходъ тутъ немислимъ; преступно было бы кому-нибудь изъ насъ думать иначе. Предстоящая кампанія должна показать, что тамъ, гдѣ Богъ посылаетъ громадную силу равномѣрной служебной работѣ всѣхъ отъ мала до велика,—побѣда уже виднѣется; всему міру извѣстенъ образецъ службы нашихъ королей; искони они были первыми слугами отечеству и уважали законъ; за ними идетъ все въ Пруссіи, а въ этомъ залогъ всевозможныхъ удачъ и успѣховъ“.

Часто вспоминая эти слова, М. И. разбиралъ ихъ на разные лады и именно по поводу нихъ, въ своемъ отчетѣ о кампаніи 1866 года привелъ замѣчанія, вполнѣ согласныя съ выводами Бисмарка о томъ, что въ Пруссіи громадное уваженіе къ закону вошло глубоко въ сознаніе каждаго человѣка, къ какому сословію онъ ни принадлежалъ бы; какъ частное проявленіе уваженія къ закону, Мих. Ив. отмѣтилъ сознаніе воинскаго долга и вы-

¹⁾ Отгонъ Леопольдъ Эдуардъ графъ фонъ Бисмаркъ Шенгаузенъ родился въ 1814 году.

ставилъ его безспорно одною изъ первыхъ причинъ, обусловливавшихъ побѣды прусскихъ армій ¹⁾).

— „Много лѣтъ знаю я Оттона, знаю его манеры, характеръ, нравъ, умъ, сказалъ Кутузовъ, выйдя изъ кабинета Бисмарка, но теперь только впервые передо мной открылся этотъ дьяволъ во всей полнотѣ; зажалъ же онъ въ свои тиски бѣднаго Вильгельма; король, надо полагать, даже шесть недѣль тому назадъ могъ бы скорѣй повѣрить тому, что прусскій престолъ онъ будетъ обязанъ сегодня передать своему семилѣтнему внуку; ему не могло въ голову придти все то, что вызвано этимъ сатанинскимъ вихремъ; никогда не думалъ онъ, что будетъ такъ быстро вовлеченъ въ войну съ Австріей; изволь теперь справляться со всей Германіей; развѣ могъ онъ хоть одну минуту допустить мысль объ этомъ? Вотъ какой примѣръ въ новѣйшей исторіи: король сегодня не знаетъ куда завтра, умышленно и сознательно, поведетъ его и его королевство первый министръ; въ то время, когда этотъ министръ все рѣшилъ, король, за нѣсколько недѣль до объявленія войны, не зналъ, что придется ее объявить, и что это уже вполне безповоротно рѣшено; быть можетъ, онъ этого не зналъ также, какъ не зналъ любой полковой командиръ, который могъ лишь чувствовать, что гроза надвигается, и вѣрить въ то, что она не надвинется.

„Все это вышло поразительно, говорилъ М. И., но многое только такъ казалось; Вильгельмъ несомнѣнно былъ однѣхъ мыслей, однихъ стремленій съ Бисмаркомъ и со всѣми пруссаками, а если этотъ министръ что-либо предвосхитилъ,—такъ развѣ моментъ объявленія войны: король, жаждавшій нѣмецкаго объединенія, вѣроятно не находилъ возможнымъ столкнуться съ Австріей такъ скоро послѣ датской войны; Бисмаркъ ускорилъ событія помимо его воли. Удивительнѣе же всего было то, продолжалъ М. И., что другой человѣкъ, которому слѣдовало быть на чеку, такъ ужасно прозѣвалъ; нельзя было не поражаться тѣмъ, что императоръ французовъ Наполеонъ III, мнившій себя распорядителемъ судебъ не только Европы, но всего міра, вздумавшій, по примѣру своего великаго дяди, создавать и раздавать престолы,—далъ Бисмарку себя обойти и упустилъ изъ виду то обстоятельство, что въ когтяхъ этого человѣка, скованнаго изъ желѣза, какъ Данію быстро смѣнила Австрія, такъ мѣсто Австріи должна была немедленно же заступить Франція...“

А. Е. К.

¹⁾ Отчетъ свой М. И. Драгомировъ очень скоро составилъ при содѣйствіи Генер. Штаба капитана Ф. А. Фельдмана. См. очерки Австро-Прусской войны 1866 г. (№ 3 журнала „Военный Сборникъ“ за 1867 годъ).

ВРЕМЕНА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ.

Какъ въ прежнія времена обуздывали тѣхъ людей, которые изъ-за собственной корысти или вообще изъ-за какихъ-либо неблаго-видныхъ цѣлей мучили народъ, можно, между прочимъ, видѣть изъ нижеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія, вышедшаго въ 1806 году.

Указъ Его Импер. Вел. Самодержца Всероссийскаго. Изъ Правит. Сената (3-го мая 1806 г.)

Объявляется всенародно:

Марта въ 30-й день Министромъ Юстиціи г-мъ дѣйст. тайн. сов-мъ и кавалеромъ княземъ Вас. Петр. Лопухинымъ въ вѣдѣніе Сенату изображено: Государь Императоръ, по дошедшимъ до Его Величества свѣдѣніямъ о безпорядкахъ, происходящихъ въ Казанской губ. отъ разныхъ ябедниковъ, высланныхъ по отрѣшеніи отъ должностей изъ Вятской губерніи и изъ другихъ мѣстъ, тамъ скопившихся, которыхъ имянной списокъ при томъ приложенъ,—Высочайше пове-лѣть соизволилъ:

1) всѣмъ людямъ симъ запретить сочиненіе прошеній и хожденіе по дѣламъ всякаго рода, обязавъ ихъ въ томъ подписками съ тѣмъ, что ежели, въ противность запрещенію сему, осмѣлятся они брать въ дѣлахъ какое-либо участіе сочиненіемъ бумагъ самими или, подъ ихъ руководствомъ, другими, тогда съ ними поступлено будетъ какъ съ неповинующимися закону и нарушителями обще-ственного спокойствія,—*почему имена ихъ свѣдѣть гласными по всемъ присутственнымъ мѣстамъ.*

2) во обузданіе подобнаго ябедничества, могущаго возродить такое же зло и въ другихъ губерніяхъ, *постановить правиломъ на всегда*, чтобы прошенія по дѣламъ всякаго рода, въ судебныя мѣста и лицамъ въ должностяхъ состоящимъ представляемая, были писаны на гербовой бумагѣ съ означеніемъ на оныхъ именъ со-ставителя и писца ¹⁾, безъ чего ихъ не принимать и въ дѣйствіе не производить.

¹⁾ Съ того времени и сохранилось правило, по которому въ прошеніяхъ обязательно добавляется: сіе прошеніе сочинялъ такой-то, а переписывалъ такой-то; или такой-то со словъ просителя писалъ; или сіе прошеніе подаетъ такой-то, самъ оно сочинялъ и переписывалъ.

3) ежели поданныя прошенія признаны будутъ дѣйствительно ябедническими, то бы сочинитель и писецъ оныхъ подвергаемы были отвѣту по закону и наконецъ

4) чтобы Правит. Сенатъ, обнародовавъ немедля указъ сей повсемѣстно, наблюдалъ строго, дабы оной въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ воспринялъ полную силу и дѣйствіе.

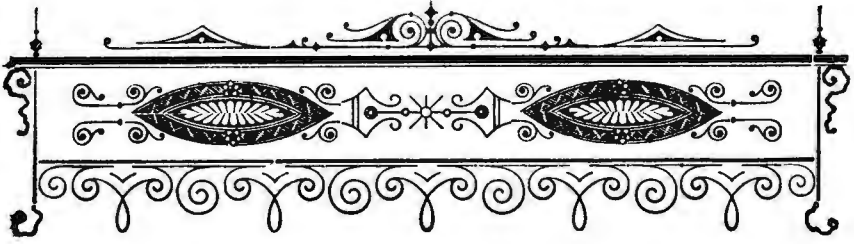
Въ приложенномъ къ этому указу спискѣ поименованы 24 лица; изъ нихъ 8—ремесленниковъ, чиновниковъ и разныхъ положеній люди; 16—проживающихъ праздно безъ должности въ отставкѣ. Изъ всѣхъ 24-хъ выбраны 6 чел., кои отмѣчены „особо зловредными для спокойствія“.

Въ спискѣ встрѣчаются: коллегскіе регистраторы, секретари, губернскіе секретари, провинціальныя секретари, канцеляристы, подканцеляристы, актуаріусъ, архиваріусъ, копистъ, порутчикъ, купецъ, конставель, безмѣстный дьяконъ, отставной квартирмейстеръ—нѣкій Гилеревскій; противъ его фамиліи помѣщена замѣтка: который однакожъ находится подъ судомъ по доносамъ за лихоимство и притѣненія.

По сохранившемся преданію Государь приказалъ издать этотъ указъ во время одной изъ своихъ поѣздокъ по Россіи, когда въ предѣлахъ Минской губерніи получилъ прямо поданный ему въ экипажѣ толстый пакетъ, въ которомъ оказалась цѣлая дюжина отчаянныхъ жалобъ на разныя злоупотребленія со стороны мѣстной высшей власти; подъ каждой изъ жалобъ значились подписи разныхъ лицъ, а между тѣмъ содержаніе каждой написано одной и той же рукой.—Проѣхавъ два перегона, Государь велѣлъ произвести разслѣдованіе, а, когда оказалось, что всѣ тѣ прошенія „въ напраслину ссичинены“ и написаны прогнаннымъ съ должности „повытчикомъ“, задумавшимъ такимъ путемъ отомстить отставившему его губернатору, при чемъ повытчикъ ¹⁾ тотъ былъ разысканъ и уличенъ,—Государь приказалъ съ него строго взыскать, а въ примѣръ прочимъ издать повелѣніе о преслѣдованіи подобныхъ „бездѣльниковъ“, какъ самъ Государь ихъ охарактеризовалъ.

Сообщилъ — И.

¹⁾ Повытчикъ—регистраторъ отдѣленія суда тѣхъ временъ; онъ хранилъ поступающія въ судъ бумаги, наблюдалъ за порядкомъ ихъ распредѣленія и движенія, при чемъ, какъ извѣстно, отъ него находилась въ зависимости большая или меньшая ускоренность этого движенія; какъ тогда выражались „отъ сего повытчикъ немало вкушалъ плодовъ земныхъ“ или, по-просту, вообще имѣлъ много доходовъ.

Воспоминанія жизни О. Р. Тернера¹⁾.

Вслѣдъ за отъѣздомъ вице-короля, я отплавился на берегъ, чтобы присутствовать при религиозной церемоніи освященія канала, которая должна была совершиться въ этотъ день. На песчаномъ берегу была устроена деревянная пристань, около которой толпились сотни лодокъ, яликовъ и ботовъ всѣхъ размѣровъ и формъ; египетскіе лодочники, французскіе, англійскіе, прусскіе и русскіе матросы перекликивались между собою, съ трудомъ пролагая себѣ путь. Весь берегъ на значительномъ протяженіи былъ украшенъ мачтами, на которыхъ развѣвались разноцвѣтные флаги. Немедленно за пристанью возвышались деревянные довольно пестро украшенныя триумфальныя ворота, за которыми другой рядъ флаговъ указывалъ путь, по которому должна была шествовать процессія къ трибунамъ, предназначеннымъ для богослуженія. Вдоль всей этой дороги были выстроены шпалерами египетскія войска. Шествіе всей процессіи происходило въ довольно живописномъ безпорядкѣ по узкимъ деревяннымъ мосткамъ, проложеннымъ по глубокому песку, на которомъ мѣстами стояли большія лужи морской воды. Вслѣдъ за вице-королемъ, императрицей Евгеніей и иностранными принцами, хлынула толпа зрителей и совершенно перемѣшалась съ лицами свиты; всѣ толпились и спѣшили, какъ бы только добраться первымъ, чтобы занять выгодныя мѣста. Разнообразные дипломатическіе и военные мундиры смѣшивались съ скртуками и пиджаками мѣстныхъ жителей и бурнусами арабовъ; кое-гдѣ пробивались дамы въ нарядныхъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

туалетахъ,—все это текло живою, пестрою струею, между войсками, вдоль ряда деревянныхъ домовъ, окна коихъ были наполнены любопытными лицами, смотрѣвшими на эту пеструю картину, освѣщенную яркими лучами солнца. Послѣ десятиминутнаго шествія мы прибыли къ мѣсту, гдѣ должна была происходить религіозная церемонія. Здѣсь, по песчаной площадкѣ между двумя пространствами воды, озеромъ Мензалэ и моремъ были выстроены три трибуны, весьма красиво разукрашенные флагами и пальмовыми вѣтками. Въ большой средней трибунѣ были устроены мѣста для хедива и прочихъ высочайшихъ особъ; лѣвая трибуна была назначена для магометанскаго духовенства, а правая для католическаго. Говорили, что первоначальная мысль была совершить богослуженіе по обряду всѣхъ главнѣйшихъ религій, въ видѣ символа братства всѣхъ народовъ, экономическіе интересы которыхъ должны были соединиться во вновь проложенномъ пути. Это однако не вполнѣ удалось, потому что изъ представителей христіанскихъ религій никто, кромѣ католическаго духовенства, не согласился въ этомъ участвовать. По окончаніи богослуженія, оглушительные залпы артиллеріи возвѣстили, что освященіе канала совершилось.

Слѣдующій день было то 5/17 ноября, которое уже за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ было провозглашено днемъ открытія канала. Входъ судовъ въ каналъ былъ назначенъ рано утромъ, такъ какъ предстоялъ довольно продолжительный путь въ Измаилію, куда первыя суда должны были придти къ вечеру. Намъ объявили, что пароходъ „Эль-Мазръ“ едва-ли пойдетъ въ этотъ день, такъ какъ вслѣдствіе его большихъ размѣровъ, онъ могъ засѣсть гдѣ-либо въ каналѣ и преградить путь другимъ судамъ; потому пассажиры „Эль-Мазра“ должны были перебраться рано утромъ на другой пароходъ, „Эль-Габіэ“, который долженъ былъ везти ихъ по каналу. Едва начало свѣтать, какъ уже всѣ пассажиры поднялись на ноги, толпясь около трапа, чтобы поскорѣе пробраться на лодки, которыя должны были перевезти ихъ на новый пароходъ, опасаясь, что въ случаѣ запозданія придется оставаться въ Портъ-Саидѣ. „Эль-Габіэ“ стоялъ во внутреннемъ бассейнѣ, близъ входа въ каналъ, и мы причалили къ нему въ 6 часовъ утра. Пароходъ этотъ былъ нѣсколько меньше „Эль-Мазра“, но тоже довольно значительныхъ размѣровъ. Онъ отличался особенно роскошнымъ убранствомъ общаго пассажирскаго салона. Золоченая мебель, бронза и хрусталь, флорентинская мозаика столовъ, богатые атласныя драпировки надъ дверьми и окнами, драгоценныя ковры, весьма артистическая живопись, которою были украшены стѣны,—все это придавало салону парохода сказочно-роскошный восточный характеръ, а

мягкіе, низкіе, атласные диваны, окружавшіе всё стѣны, какъ бы напоминали, что пароходъ „Эль-Габіэ“,—прежде любимое судно хедива, пока онъ не приобрѣлъ парохода „Махрусъ“,—былъ отдѣланъ для приѣма гарема вице-короля, а совершенно не для той весьма разнохарактерной и разнообразной толпы, которая въ то время въ немъ ютилась. Тутъ были и медіатизированный нѣмецкій принцъ и австрійскій ученый, и англійскій туристъ, и американскій журналистъ, и голландскій мичманъ съ военнаго судна, и кого тутъ не было. Нѣкоторые весьма безцеремонно разваливались въ сапогахъ на роскошные диваны, другіе расположились съ записными книжками около столовъ,—но всё оставивъ „Эль-Мазръ“ натошакъ, съ особеннымъ вниманіемъ посматривали, не подадутъ ли завтракъ. Повидимому, однако, кухня не торопилась такъ же рано перебраться на нашъ пароходъ, какъ нетерпѣливые пассажиры, потому что не дѣлалось никакихъ приготовленій для питанія голодающихъ; но опасенія умереть съ голода скоро разсѣялись, когда около восьми часовъ утра къ пароходу пристали лодки съ провизіей и французскимъ кухмистеромъ. Еще не успѣли перенести всё ящики и корзины на пароходъ и накрыть столы, какъ уже часть хлѣба, вина и фруктовъ, привезенныхъ въ открытыхъ корзинахъ, разошлась по рукамъ пассажировъ, которые весьма безцеремонно спѣшили утолить первый голодъ. Пароходъ между тѣмъ преспокойно стоялъ на якорѣ и не дѣлалъ еще никакихъ приготовленій къ отплытію. Стали даже поговаривать, что мы въ тотъ день совсѣмъ не отправимся, что какой-то пароходъ, пошедшій впередъ, чтобы осмотрѣть, все ли въ порядкѣ въ каналѣ, засѣлъ на отмели, и что затѣмъ прочимъ судамъ невозможно войти въ каналъ. Мы уже начинали сожалѣть, что понапрасно рано поднялись съ нашего парохода, такъ какъ въ портѣ все равно, стоять ли на „Эль-Мазръ“ или на „Эль-Габіэ“,—а войти въ каналъ оставалось мало надежды, но къ счастью мы скоро убѣдились, что всё эти слухи неосновательны. Окружавшія насъ суда вдругъ пришли въ движеніе, и ровно въ восемь часовъ утра я увидѣлъ, какъ пароходъ „Этль“ съ императрицею Евгеніей вошелъ въ каналъ. За нимъ потянулись всё другіе по очереди, которая впередъ была назначена; у cadaго судна на мачтѣ висѣлъ четырехугольный синій флагъ съ номеромъ, по которому оно должно было вступить въ ряды другихъ судовъ, отправлявшихся въ каналъ. Суда шли медленно и на разстояніи 500 метровъ одно отъ другаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при почти одновременномъ входѣ 40 большихъ судовъ въ каналъ, береговое волненіе могло бы сдѣлаться весьма значительнымъ и размыть мѣстами песчаный берегъ канала. Дальнѣйшее теченіе канала было

скрыто отъ взоровъ лицъ, находившихся еще въ бассейнѣ, невысокою береговою насыпью, а потому идущія по каналу суда казались какъ-бы плывущими по песку пустыни, представляя такимъ образомъ весьма оригинальное и своеобразное зрѣлище. Очередь дошла до насъ довольно поздно. Около 2 часовъ и у насъ стали поднимать якорь, и ровно въ 3 часа по полудни мы прошли между двумя деревянными, выкрашенными подъ цвѣтъ краснаго песчаника, обелисками, украшенными пальмовыми вѣтвями, которыя стояли при входѣ въ Суэзскій каналъ. Послѣ долгаго ожиданія, энтузіазмъ пассажировъ возросъ значительно; многіе бросились на самый носъ парохода, чтобы первымъ войти въ каналъ. Передъ моими глазами открылось обширное низменное озеро „Мензала“, прорѣзываемое каналомъ почти по прямой линіи и отдѣленное отъ канала широкою не высокою насыпью. Передъ нами вдали виднѣлось до десяти пароходовъ, которые, какъ черныя точки, двигались впередъ по каналу въ равномъ разстояніи. За нами лежалъ Портъ-Саидъ.

Первыя пятьдесятъ верстъ за Портъ-Саидомъ каналъ былъ проложенъ по совершенно прямому направленію, имѣя на всемъ этомъ протяженіи полную ширину въ сто метровъ.

Пароходъ нашъ подвигался медленно, около пяти верстъ въ часъ. Волна, гонимая пароходомъ, едва доходила до берега, нисколько не размывая песчанаго берегового откоса. Все пространство, обнимаемое глазомъ, представляло пустынную равнину, безъ всякихъ признаковъ обитаемыхъ мѣстностей. Переносясь мысленно во времена древности, трудно вѣрится, что въ этой пустынѣ нѣкогда тѣснилось значительное народонаселеніе, что здѣсь стояли богатые города въ нѣсколько сотъ тысячъ жителей, какъ напримѣръ, Пелузій, подъ стѣнами которыхъ проходили войска Рамзеса, Камбиза, Дарія, Александра Македонскаго,—сюда же присталъ Помпей послѣ фарсальской битвы и былъ здѣсь убитъ по приказанію Птолемея. Нынѣ взоръ путешественника тщетно ищетъ въ этихъ мѣстахъ какихъ-либо остатковъ наполнявшей ихъ въ древности горячей жизни, признаковъ, которые бы свидѣтельствовали о прежнемъ историческомъ значеніи всего этого края. Время стерло неумолимой рукой всякое вещественное воспоминаніе его прошлаго.

По лѣвую сторону канала разстилалась однообразная песчаная волнистая степь — это былъ такъ называемый азіатскій берегъ канала. Съ правой стороны, по африканскому берегу разстилалось озеро Мензала. Поверхность стоячей, болотистой воды отражала, какъ зеркало, солнечные лучи. Мѣстами эта блестящая поверхность прерывалась пустынными песчаными островами. Вдали за ними виднѣлся Портъ-Саидъ, изъ-за котораго выглядывалъ маякъ, и по-

казывались мачты стоящихъ въ портѣ судовъ. Отъ времени до времени намъ попадались навстрѣчу лодки, которыя тянулись бичевою вдоль берега. Ихъ тянули бурлаки-арабы, медленно ступая босыми ногами мѣстами по песку и мѣстами по водѣ.

На пятнадцатой верстѣ отъ Портъ-Саида мы встрѣтили на берегу канала первое поселеніе Раз-эл-эхъ. Нѣсколько одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ служили помѣщеніемъ инженерамъ, смотрителямъ и рабочимъ на этой части канала. Кромѣ того здѣсь былъ устроенъ запасный магазинъ, госпиталь, почтовое и телеграфное отдѣленіе. Около нѣкоторыхъ домовъ уже начинали разводить сады; въ сторонѣ возвышалось чугунное цилиндрическое строеніе—резервуаръ прѣсной воды, проведенной изъ Нила вдоль всего берега морского канала. Прѣсноводный каналъ, шедшій изъ Гасасина, доходилъ только до Измаилии и затѣмъ направлялся вправо къ Суэзу. Влѣво же прѣсная вода шла по чугуннымъ водопроводнымъ трубамъ, проложеннымъ по береговой насыпи, прерываемымъ отъ времени до времени чугунными же резервуарами.

Не имѣвъ возможности дойти раньше поздняго вечера до слѣдующей стоянки Эль-Кантара и опасаясь плыть въ темнотѣ, мы бросили якорь у Раз-эл-эхъ, рѣшившись переночевать въ этомъ мѣстѣ. Вечеръ былъ чудный, теплота воздуха напоминала наши іюльскіе вечера—а это было въ ноябрѣ. Обѣденный столъ накрыли на палубѣ, потому что никто изъ пассажировъ не рѣшался идти въ каюту, всѣ желали насладиться чуднымъ зрѣлищемъ заката солнца, которое спускалось на горизонтѣ въ воды озера Мензала, освѣщая всю мѣстность краснымъ заревомъ. Передъ нами слетѣли на воду два пеликана, которыхъ около этой мѣстности должно было водиться много, если судить по тому, что одинъ изъ близлежащихъ песчаныхъ острововъ назывался „островомъ пеликановъ“. Населеніе Раз-эл-эха высыпало на берегъ посмотреть на проѣзжающихъ; по береговой насыпи прошелъ отрядъ кавалеріи по направленію къ Измаилии; нѣкоторыя лошади рвались и бѣсались, едва сдерживаемыя сѣдоками, ловко ими управлявшими; одна лошадь скатилась съ песчаной насыпи, не причинивъ никакого вреда ни себѣ, ни своему сѣдоку. Вскорѣ послѣ обѣда совершенно стемнѣло,—но вотъ вышла луна и освѣтила серебристыми лучами всю окружающую мѣстность. Такъ какъ на палубѣ между пассажирами было много дамъ, то начались оживленные танцы; около 9 часовъ музыка смолкла, но долго еще пассажиры оставались на палубѣ въ веселой бесѣдѣ, любуясь теплою чудною ночью. Я отправился въ каюту писать письма и здѣсь уже засталъ за большимъ столомъ въ каютѣ-компаніи корреспондентовъ англійскихъ, американскихъ и нѣмецкихъ

газетъ, трудившихся надъ составленіемъ отчетовъ о Суэзскомъ каналѣ и его открытіи.

Проложеніе канала по болотистой мѣстности озера Мензалэ представляло не мало затрудненій. Употребленіе машинъ ни къ чему не вело, потому что прокопанное пространство вскорѣ опять заносилось иломъ, при томъ и число самыхъ машинъ въ распоряженіи строителей было въ началѣ крайне ограничено. Затрудненіе удалось преодолѣть только благодаря трудамъ мѣстнаго населенія, разбросаннаго по озеру Мензалэ и привыкшаго работать въ водѣ и илѣ, растягивая рыболовные сѣти. Они голыми руками выкопали первое углубленіе канала, по которому впоследствии, когда барщина была прекращена, были проведены на ботахъ тѣ машины, которыми была докончена копка. Говорили, что администрація, соображаясь со способомъ копки европейскихъ рабочихъ, устроила надъ водою деревянные помостки, съ которыхъ рабочимъ предоставлялось выгребать лопатами землю изъ-подъ воды; но арабы, не привыкшіе къ употребленію этихъ орудій, никакъ не могли съ ними совладать; работа не шла, пока имъ не разрѣшили обратиться къ своему собственному, весьма элементарному способу копки: они становились ногами въ воду, выгребали руками илъ, выжимали изъ него воду и полученныя такимъ образомъ глыбы твердой липкой массы раскладывали по краямъ канала, образуя искусственную ручную плотину, достаточно крѣпкую для противодѣйствія на нѣкоторое время приливу жидкаго ила въ только что выкопанное пространство. Этимъ первобытнымъ способомъ было вырыто первое углубленіе канала на протяженіи 44 верстѣ, т. е. вдоль всего озера Мензалэ.

Дальнѣйшее наше плаваніе до озера Белла было довольно однообразно; каналъ тянулся по пустыннымъ равнинамъ, отчасти песчанымъ, отчасти болотистымъ. На всемъ этомъ пространствѣ послѣ Раз-эл-эха встрѣтились только два болѣе значительныя поселенія: Эль-Кантара и Эль-Ферданъ. Кантара или Касне-Кантара значитъ по-арабски мостъ сокровищъ, вѣроятно потому, что черезъ это мѣсто пролегалъ караванный путь изъ Египта въ Сирію. Арабское поселеніе, въ которомъ останавливались караваны, находилось на азиатскомъ берегу въ двухъ верстахъ отъ канала. На самомъ берегу было расположено европейское поселеніе, въ которомъ жили инженеры и рабочіе канала; характеръ построекъ и вся обстановка въ Кантарѣ и Эль-Ферданѣ походила на поселеніе Раз-эл-эхъ, только нѣсколько большихъ размѣровъ. Всѣ эти мѣстности были украшены зеленью и флагами. За Эль-Кантара начинаютъ появляться первые признаки растительности. Тошіе тамариковые кусты были изрѣдка

разбросаны по песчаной почвѣ. Легкостью, съ которою принимаются тамариксы при малѣйшемъ орошеніи, даже на голомъ песку, намѣревались воспользоваться, чтобы засадить ими береговые откосы и такимъ образомъ утвердить песокъ, легко подверженный дѣйствію вѣтра и могшій производить заносы и засореніе канала. Берега канала впрочемъ далеко не на всемъ протяженіи состояли изъ зыбучаго песку. Пески преобладали только на срединѣ канала между Эль-Кантары и Горькими Озерами, хотя и тутъ мѣстами, какъ, напр., около Эль-Гитра встрѣчались известковые и глиняные слои, дававшіе довольно твердый грунтъ. По всему протяженію первыхъ пятидесяти верстъ, проложенныхъ по озеру Мензалэ, береговыя дамбы и откосы, состоявшіе изъ высохшаго ила съ пескомъ, уже тогда совершенно отвердѣли и не представляли болѣе никакой опасности размыва береговъ.

Доказательствомъ твердости и солидности береговой насыпи вдоль Мензалэ могло служить то обстоятельство, что проложенный по ней водопроводъ, существовавшій уже нѣсколько лѣтъ, оставался цѣль и невредимъ.

За Эль-Кантары песчаный берегъ образуетъ значительные холмы высотой отъ 8 до 10 саженой. Эти холмы достигали наибольшей высоты около Эль-Фердана, такъ что въ этой мѣстности пришлось не только съузить мѣстами ширину канала до 80 и даже до 60 метровъ, но кромѣ того допустить довольно сильный изгибъ канала, чтобы воспользоваться естественной ложбиной между двумя холмами. Вотъ почему проходъ этого пространства представлялъ нѣкоторую трудность, что намъ и пришлось испытать на собственномъ опытѣ. Нѣсколько не доходя до Эль-Фергана нашъ пароходъ коснулся берега и долженъ былъ остановиться. Благодаря ловкимъ распоряженіямъ капитана, онъ однако скоро снялся съ мели, но при этомъ былъ выведенъ изъ нормальнаго положенія, не могъ немедленно стать по фарватеру и нѣсколько далѣе опять врѣзался въ берегъ уже гораздо глубже прежняго. Послѣ первыхъ попытокъ сняться съ мели, оказалось, что на это потребуется нѣсколько часовъ работы. Пассажирамъ предложили пересѣсть на два небольшихъ рѣчныхъ парохода, которые оказались подъ рукою; всѣ наскоро перебрались на нихъ съ своимъ багажемъ, который занялъ большую часть палубы, такъ что съ трудомъ можно было отыскать мѣсто присѣсть гдѣ-либо на чемоданѣ или ящикѣ. Странствованіе на этихъ пароходахъ продолжалось впрочемъ не долго; часа полтора послѣ выхода изъ озера Белла, мы вошли въ обширный бассейнъ озера Тимза, который былъ наполненъ судами, шедшими впереди насъ, и передъ нашими взорами открылся городъ Измаилія.

Городъ лежитъ въ нѣсколькихъ тысячахъ шаговъ отъ берега озера, отъ котораго онъ отдѣленъ прѣсноводнымъ каналомъ. Широкая песчаная равнина между озеромъ и городомъ представляла удивительное зрѣлище; казалось, что всѣ племена востока сошлись на этомъ пространствѣ съ представителями всѣхъ европейскихъ странъ. Трудно было представить себѣ болѣе пестрое смѣшеніе костюмовъ и лицъ... Вся равнина, лежащая передъ городомъ, была преобразована въ импровизированный лагерь; на ней были раскинуты сотни палатокъ для пріюта прибывшихъ гостей. Въ каждой палаткѣ помѣщались по двѣ постели и самая необходимая мебель; передъ палатками валялись чемоданы, картонки, ящики; нѣсколько въ сторонѣ были раскинуты арабскія палатки, въ которыхъ пріютились представители мѣстнаго населенія, приглашенные хедивомъ на праздникъ открытія канала. На дорогѣ отъ пристани до города и по главной улицѣ были выстроены египетскія войска; повсюду двигалась густая пестрая толпа, въ которой съ трудомъ пробивали себѣ дорогу ослы съ погонщиками, всадники на кровныхъ арабскихъ лошадяхъ и экипажи всѣхъ возможныхъ формъ и самой разнообразной упряжи: тутъ были обыкновенныя коляски, похожія на любой фіакръ въ Вѣнѣ или Парижѣ, коляски, запряженныя верблюдами, и изящные фаэтоны à la Daumont, шестерикомъ съ жокеями верхами.

Измаилія, названная такъ въ честь тогдашняго вице-короля, Измаила-паши, былъ уже тогда довольно значительный городъ, расположенный по правильно разбитому плану, перерѣзанный прямоугельно довольно широкими улицами, изъ которыхъ нѣкоторыя были даже и съ тротуаромъ по краямъ. Главная улица, Quai Mehmet Ali, шедшая вдоль прѣсноводнаго канала, обращенная лицомъ къ озеру Тимза, была обстроена красивыми каменными и деревянными одноэтажными домами, украшенными по фасаду деревянной рѣзбой, въ родѣ швейцарскихъ шалэ. Передъ каждымъ домомъ былъ разведенъ красивый садикъ, въ которомъ акаціи перемежались съ бананами, а между деревьями были раскинуты клумбы съ яркими цвѣтами. На этой улицѣ жили главнѣйшіе дѣятели Суэзскаго канала—Лессепсъ, Лаваллэ, Гишаръ и другіе. Отыскивая знакомаго, я вошелъ въ одинъ изъ этихъ домовъ; внутри дома, на четырехъ-угольномъ дворѣ былъ разведенъ въ восточномъ вкусѣ второй садъ, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, въ которомъ прогуливались ручныя серны, пугливо посматривая на пришельца; кругомъ сада была обведена четырехъ-угольная галлерей, по угламъ которой были выставлены глиняные арабскіе сосуды съ водою, которой приходящій могъ утолять жажду, возбужденную палящими лучами солнца. На концѣ улицы возвышался дворецъ Измаила-паши, тогда еще не

совершенно оконченный, въ которомъ вечеромъ долженъ былъ происходить блестящій балъ. На этомъ балу оказалась такая масса приглашенныхъ, что несмотря на присутствіе разныхъ Высочайшихъ особъ едва можно было двигаться, такъ какъ дворецъ вообще не очень великъ; о танцахъ не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ, несмотря на блестящую обстановку, балъ оказался далеко не удавшимся; при высокой температурѣ, въ залахъ царствовала тропическая жара,—можно было только о томъ помышлять, какъ бы скорѣе выбраться изъ этихъ роскошныхъ покоевъ.

За набережной Мехметъ-Али, считавшейся аристократическимъ кварталомъ, расположены четырехъ-угольниками группы каменныхъ домовъ, чисто и хорошо построенныхъ; въ одной изъ внутреннихъ улицъ расположены въ видѣ базара лавки, магазины, кофейни, трактиры и разныя увеселительныя заведенія; ими же наполненъ такъ называемый греческій кварталъ. По значительному числу увеселительныхъ заведеній, можно было заключить, что запросъ на нихъ не маловаженъ. Въ Измаилію стекалось рабочее населеніе со всего канала, чтобы запастьсь нужными вещами, а вмѣстѣ и повеселиться. Компанію Суэзскаго канала упрекали въ томъ, что она слишкомъ покровительствовала увеселительнымъ заведеніямъ, изъ которыхъ многія были устроены на ея счетъ. Въ этихъ винныхъ погребахъ, пивныхъ лавкахъ, рулеткахъ и т. п. притонахъ, рабочіе спускали заработанныя деньги, такъ что многіе изъ нихъ послѣ продолжительной тяжелой работы возвращались домой почти нищими.

Посреди города на большомъ скверѣ, обстроенномъ каменными домами, былъ разведенъ городской садъ, богато убранный цвѣтами и красивыми вьющимися растеніями. Тутъ же въ саду, при всѣхъ, какой-то арабъ совершалъ молитву; снявъ верхнее платье и положивъ его на траву, онъ сталъ на колѣни и, обратившись лицомъ къ солнцу, по правиламъ корана, погрузился въ молитву, не обращая никакого вниманія на проходящихъ. При выходѣ изъ сада мнѣ попался навстрѣчу большой четырехугольный ящикъ, везомый на двухколесной телѣжкѣ; на немъ была надпись „Compagnie d'usage publique, точь-точь, какъ въ Парижѣ, но въ телѣжку былъ запряженъ верблюдъ, котораго вель арабъ въ дырявомъ бурнусѣ.

На углу одной изъ улицъ былъ помѣщенъ въ стѣнѣ памятникъ графу Сала изъ бѣлаго мрамора. Графъ Сала, одинъ изъ первыхъ строителей канала, умеръ за нѣсколько лѣтъ до окончанія этого громаднаго предпріятія. Вообще многимъ изъ главныхъ дѣятелей не суждено было видѣть осуществленія дѣла, которому они посвятили всѣ свои труды и заботы. Такъ, напримѣръ, Боррель, производив-

шій вмѣстѣ съ Лаваллэ машинную копку большей части канала, умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до его открытія.

Впослѣдствіи мнѣ удалось еще разъ побывать въ Измаиліи. Видѣвъ Суэзскій каналъ въ праздничномъ нарядѣ, мнѣ хотѣлось посмотрѣть на него въ обыкновенное время. Нѣсколько дней послѣ окончанія всѣхъ празднествъ, мы отправились въ обществѣ нѣкоторыхъ соотечественниковъ изъ Каира обратно въ Измаилію, снабженные рекомендаціей къ Лессепсу отъ нашего генеральнаго консула. Благодаря этой рекомендаціи мы получили возможность нѣсколько ближе познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ и провести почти цѣлый день въ его обществѣ. Лессепсъ принялъ насъ просто, но любезно, и сейчасъ же объявилъ намъ, что, пріѣхавъ къ нему въ Измаилію, мы должны отобѣдать и переночевать у него,—такъ какъ онъ насъ не отпуститъ раньше слѣдующаго утра.

Лессепсъ тогда уже былъ не молодъ; ему было за шестьдесятъ лѣтъ, но, несмотря на то, все въ немъ дышало еще необыкновенной энергіей и даже относительно молодожавостью, хотя умныя черты лица его и были уже окаймлены густыми сѣдыми волосами. Во всѣхъ его движеніяхъ высказывалась нѣкоторая живость и даже отрывочность; по всему было видно, что это человѣкъ способный на неутомимую дѣятельность и привыкшій не терять ни минуты дорогаго для него времени. Замѣчательна была во всемъ проявлявшаяся у него простота; до какой степени онъ мало заботился о комфортѣ для себя, я могъ лично убѣдиться на другое утро, когда засталъ его при купаньѣ въ каналѣ. Для него не было устроено ни купальни, ни какихъ-либо особенныхъ приспособленій, онъ купался, просто раздѣвшись на маленькомъ плотикѣ, на которомъ даже не было скамеекъ, и при томъ обходился безъ всякой прислуги.

Мы случайно пріѣхали въ Измаилію нѣсколько дней послѣ свадьбы Лессепса. Онъ женился на молодой и красивой дѣвушкѣ, креолкѣ, дочери богатаго судостроителя въ Марсели. Я познакомился съ его женою, которая обращалась съ посѣтителями ея знаменитаго мужа нестѣсенно и очень любезно. Самый домъ, находившійся на набережной Мехметъ-Али, былъ не великъ; по размѣрамъ и устройству комнатъ онъ напоминалъ наши дачи средней величины. Комнаты были меблированы просто, но со вкусомъ и украшены цвѣтами. Большой букетъ въ красивой вазѣ, стоявшій на столѣ въ гостиной, напоминалъ, что это жилище новобрачныхъ. Около дома, въ боковомъ флигелѣ былъ расположенъ цѣлый рядъ маленькихъ комнатъ для пріѣзжихъ гостей, чисто, уютно, но тоже весьма просто убранныхъ. Лессепсъ былъ отличнымъ верховымъ ѣздокомъ и большой любитель арабскихъ лошадей. Послѣ обѣда,

каждый день все общество, онъ, его жена и гости отправлялись кавалькадой гулять по степи. М-мъ Лессепсъ, разговаривая со мною, рассказала мнѣ, что нѣсколько дней тому назадъ она была въ большой опасности. Она выѣзжала также верхомъ, вдругъ ея лошадь чего-то испугалась и понесла, не было никакой возможности остановить ее, и она бросилась бы съ своею наѣздницею въ каналъ, если бы въ послѣднюю минуту проходящій арабъ не набросилъ ей на голову свой бурнусъ. Лишенная возможности смотрѣть, лошадь остановилась какъ вкопанная, и м-мъ Лессепсъ была спасена.

Въ этотъ день послѣ обѣда была тоже устроена кавалькада. Когда мы сѣли на лошадей, и я подъѣхалъ къ м-мъ Лессепсъ, она сказала мнѣ: „Vous avez justement le cheval, qui m'a emporté avant hier“. Сознаю, что это сообщеніе подѣйствовало на меня не очень пріятно, однако прогулка обошлась благополучно. По городу мы все проѣхали шагомъ, и только что выѣхали въ пустыню, вся кавалькада пустила лошадей въ карьеръ. На ровной песчаной мѣстности эта ѣзда оказалась очень пріятною, такъ какъ арабскія лошади скачутъ мягкимъ ровнымъ шагомъ, безъ всякаго движенія въ сторону. Проѣхавшись этимъ аллюромъ часа два, наши лошади нѣсколько устали, и мы совершенно спокойно доѣхали до дома. Однообразная песчаная степь, которая окружаетъ Измаилію, служила для Измаильскихъ жителей, хорошо знакомыхъ съ нею по всѣмъ направленіямъ, мѣстностью весьма разнообразныхъ прогулокъ. Какъ мнѣ рассказывала м-мъ Лессепсъ, они окрестили въ воспоминаніе Парижа, различныя мѣстности ихъ прогулокъ, болѣе или менѣе собственными названіями, напоминавшими парижскія окрестности. Такъ напр. мѣстность, обросшая низкимъ можжевельнымъ кустарникомъ, по дорогѣ въ Туссуми, называлась у нихъ Bois de Boulogne, находившееся посреди ея болото—les lacs и т. п.

Лессепсъ на постройкѣ канала не обогатился; несмотря на то, что онъ ворочалъ сотнями милліоновъ, онъ не позаботился составить себѣ большое состояніе. Зная, съ какою нецеремонною легкостію французскіе антрепренеры и учредители разныхъ обществъ наживаютъ милліоны, нельзя было не преклониться съ почтеніемъ передъ безкорыстіемъ Лессепса, который въ то время служилъ только дѣлу и своей идеѣ, не заботясь о всемъ остальномъ и высказывая равное пренебреженіе какъ къ деньгамъ, такъ и орденамъ, которыми его осыпали со всѣхъ сторонъ.

Грустно подумать, какъ печально закончилась судьба этого знаменитаго дѣятеля, стоявшаго послѣ окончанія постройки Суэзскаго канала въ зенитѣ своего величія.

Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ спустя, группа капиталистовъ съ

Лессепсомъ во главѣ предпріяли прорытіе Панамскаго перешейка. Результаты этого новаго предпріятія обрушились тяжелою бѣдою на бѣднаго Лессепса. На это предпріятіе были потрачены сотни милліоновъ, до милліарда ффранковъ, и дѣло оказалось неудачнымъ; пришлось все бросить, затраченные капиталы обратились въ ничто. Оказалось, что почвенныя, климатическія и санитарныя условія той мѣстности, по которой долженъ былъ пролегать каналъ, были до того неблагопріятными, что казалось невозможнымъ продолжать дѣло. Въ настоящее время Америка взяла въ свои руки сооруженіе Панамскаго канала, но достигнетъ ли она лучшихъ результатовъ, еще вопросъ.

Очевидно, въ началѣ изысканія были сдѣланы слишкомъ поверхностно, такъ что строители не предвидѣли тѣхъ трудностей, съ которыми имъ пришлось встрѣтиться. Сотни милліоновъ расходовались, и дѣло не подвигалось; первая смѣта оказалась превзойденною уже въ самомъ началѣ работъ; предприниматели, однако, не хотѣли бросать дѣло, приходилось добывать все новыя и новыя сотни милліоновъ, и для того описывать дѣло, уже погибшее, въ самомъ розовомъ свѣтѣ; подѣ конецъ, для финансированія дѣла правленіе стало прибѣгать къ такимъ биржевымъ уловкамъ, которыя подходили близко подѣ категорію мошенничества; кончилось дѣло все же полнѣйшимъ разореніемъ, и главные дѣятели и самъ Лессепсъ попали на скамью подсудимыхъ. Крахъ панамскаго дѣла раззорилъ массу мелкихъ рантьеровъ, которые вѣрили блестящимъ обѣщаніямъ, распространявшимся въ журналахъ, и беззавѣтно бросали свои капиталы въ эту бочку Данаидовъ. Панамскій крахъ сдѣлался на долгое время нарицательнымъ прозваніемъ всякихъ мошенническихъ биржевыхъ спекуляцій.—Какъ же Лессепсъ, такъ умно и безкорыстно дѣйствовавшій при постройкѣ Суэзкаго канала, могъ увлечься на такія сдѣлки? По всей вѣроятности дѣйствовалъ не онъ, а окружавшіе его люди, которые его увлекали и пользовались его именемъ. Въ моментъ краха ему было уже за 80 лѣтъ; очевидно, такой старикъ не могъ энергически вести новое трудное предпріятіе и находился въ рукахъ второстепенныхъ дѣятелей. Его старость и болѣзнь избавили его самого отъ печальной необходимости сѣсть на скамью подсудимыхъ и избавили Францію отъ такой же печальной необходимости преслѣдовать уголовнымъ порядкомъ челоуѣка, на котораго она привыкла смотрѣть какъ олицетворяющаго геній Франціи. Въ моментъ, когда панамское дѣло перешло въ судъ, Лессепсъ былъ уже въ такомъ старческомъ и умственномъ упадкѣ, что онъ, кажется, не могъ отдавать себѣ отчета въ томъ, что происходило; семейство же его, вѣроятно, скрывало передъ нимъ весь трагизмъ

положенія. При такихъ условіяхъ, хотя приговоръ суда коснулся и его, но его оставляли въ покоѣ,—онъ доживалъ свои дни въ загородной дачѣ и скоро послѣ того скончался.

Окончательная удача Суэзскаго предпріятія, которое, во время постройки, тоже испытывало критическія минуты, вѣроятно заставляла предпринимателей Панамскаго канала рассчитывать, что и тутъ дѣло оправдается, лишь бы привести каналъ къ окончанію. Сооруженіе Суэзскаго канала ко времени его открытія обошлось около 420 мил. франковъ. Изъ нихъ 200 милліоновъ были внесены акціонерами ¹⁾, сто милліоновъ получены выпускомъ облигацій, реализація которыхъ, при низкой ихъ биржевой цѣнѣ, обошлась компани по 10⁰/₀, остальные сто двадцать милліоновъ составились изъ 80 милліоновъ, полученныхъ отъ египетскаго правительства, и 20 милліоновъ отъ вице-короля, который при томъ отказался отъ дивиденда, причитавшагося на его акціи. А затѣмъ требовались еще капиталы на достройку канала, средства на его содержаніе, ежегодный расходъ на платежъ процентовъ и расходы по содержанію канала, всего 30 милл. франковъ. Высказывались потому, повидимому, основательныя сомнѣнія въ томъ—окупится ли когда-либо это предпріятіе—и все же оно окупилось. Замѣчательно, что даже Англія вначалѣ смотрѣла съ недовѣріемъ на все это дѣло и сторонилась отъ него, — а впослѣдствіи она приобрѣла почти всѣ акціи, такъ что теперь Суэзскій каналъ изъ рукъ Франціи перешелъ въ руки Англіи.

И такъ какъ суэзское дѣло выгорѣло только благодаря помощи, оказанной египетскимъ правительствомъ, поэтому можно было ожидать, что и Панамское дѣло какъ-нибудь, *à la longue*, выгоритъ, нужно было только не бросить дѣло, а чтобы не бросить его, требовались все новыя и новыя сотни милліоновъ, которыя добывались уже крайне неразборчивыми средствами; ставъ разъ на эту наклонную плоскость, трудно было остановиться, дѣло должно было дойти до полного раззоренія и до скамьи подсудимыхъ для дѣятелей.

Но возвращаюсь, послѣ этого отступленія, къ продолженію описанія моего путешествія и къ первому пребыванію въ Измаиліи.

Въ Измаиліи все поражало удивительнымъ смѣшеніемъ востока съ европейскою цивилизаціей. Восточный отсталый консерватизмъ и послѣднее слово европейскаго комфорта,—такъ напимѣръ поразительно была красивая коляска, запряженная верблюдами.

¹⁾ Замѣчательно, что изъ всего количества акцій въ Россіи было подписано 24.000, такъ что послѣ Франціи и Австріи Россія являлась третьею изъ Европейскихъ странъ по участию въ Суэзскомъ предпріятіи. Къ сожалѣнію, эти акціи вѣроятно не остались въ нашихъ рукахъ.

Самымъ рельефнымъ контрастомъ въ этомъ отношеніи служили съ одной стороны красивыя европейскія постройки, дворець хедива, масса европейцевъ на улицахъ, и съ другой стороны арабскій лагерь. Для участія въ торжествѣ открытія канала изъ разныхъ мѣстностей Египта стеклись къ этому дню въ Измаилію до 30.000 арабовъ со своими шейхами; они размѣстились въ палаткахъ, на большомъ свободномъ пространствѣ между городомъ и каналомъ. Особенно эффектный видъ арабскій лагерь представлялъ вечеромъ. Каждая палатка была освѣщена внутри, кромѣ того повсюду между палатками были развѣшаны фонарики и лампіоны,—въ разныхъ мѣстахъ пускали фейерверкъ. Все это въ темнотѣ ночи представляло особенно оживленную картину.

Шейхи принимали гостей въ своихъ палаткахъ, въ которыхъ они сидѣли съ восточною важностью, курили, а нѣкоторые изъ нихъ занимались игрою въ шахматы; въ другихъ палаткахъ молились, визжали и вертѣлись дервиши, въ разныхъ мѣстахъ сирійцы выдѣлывали съ дѣтьми акробатическіе фокусы, плясали алмеи, за перегородками слышно было пѣніе арабскихъ пѣвицъ. И посреди всего этого двигалась густая толпа арабовъ въ богатыхъ восточныхъ костюмахъ, въ бѣлыхъ и полосатыхъ бурнусахъ и т. п.

Трудно передать впечатлѣніе, производимое на зрителя этимъ восточнымъ праздничнымъ стеченіемъ мѣстныхъ жителей—оно напоминало картину изъ сказокъ тысячи и одной ночи.

На другой день международный флотъ, собравшійся въ озерѣ Тимза, отправился въ дальнѣйшій путь. При входѣ въ каналъ изъ озера на этотъ разъ не было соблюдено того строгаго очередного порядка, какъ въ Портъ-Саидѣ. Одно судно старалось перебить путь у другого и опередить его; такъ какъ поднялся небольшой вѣтеръ, то не разъ случалось, что судно, идущее впереди, вытѣснялось вѣтромъ изъ фарватера, ибо при медленномъ ходѣ трудно было дѣйствовать рулемъ. Такою неудачею немедленно старались воспользоваться другія суда, чтобы занять очистившееся передовое мѣсто. Несмотря на происходившій нѣкоторый беспорядокъ, всѣ суда къ вечеру благополучно вошли въ каналъ. Русскій Черноморскій пароходъ „Адмиралъ Коцебу“, на которомъ мнѣ удалось помѣститься въ Измаиліи и на которомъ я засталъ наше русское общество—С. А. Мордвинова, Кирѣева съ женой, Суцова и др.,—вошелъ въ каналъ около трехъ часовъ и благополучно продолжалъ плаваніе до вечера. Каналъ пролегаетъ на этомъ пространствѣ между высокими песчаными берегами. Къ вечеру мы подошли къ самому опасному мѣсту „Серапееумъ“, у котораго каменный кряжъ прорѣзываетъ каналъ поперекъ; въ этомъ мѣстѣ ко дню открытія

удалось углубить каналъ только до 19 футовъ (нормальная глубина всего канала считалась въ 27 футовъ). Мы шли медленно, слѣдуя усиленнымъ вниманіемъ за движеніемъ предшествующихъ намъ судовъ. Еще не совершенно стемнѣло, какъ шедшій передъ нами громаднѣйшій пароходъ Messageries Impériales „Пелузій“ сталъ на мель; пришлось и намъ бросить якорь.

Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ пассажировъ я отправился на лодкѣ осмотрѣть то мѣсто, гдѣ останавливался пароходъ. Обѣхавъ „Пелузій“, мы вышли на азиатскій берегъ и взобрались по высокой насыпи—ноги тонули въ песокъ почти по колѣни. Съ вершины насыпи взоръ блуждалъ по безконечной волнистой песчаной степи, освѣщенной бѣловатымъ луннымъ свѣтомъ.

Утромъ „Пелузій“ лежалъ все еще на прежнемъ мѣстѣ. Мы рѣшились обойти его, хотя нашъ пароходъ, какъ колесный, занималъ довольно много мѣста. Послали промѣрить глубину части канала, оставшейся свободною, и оказалось, что она достаточна. Очевидно было, что „Пелузій“ сѣлъ на мель не вслѣдствіе недостатка глубины, а вслѣдствіе затруднительности управлять рулемъ при медленномъ ходѣ столь громаднаго судна, недостаточно нагруженнаго и потому въ значительной мѣрѣ подвергавшагося дѣйствію вѣтра;—оно на ходу отклонилось отъ середины канала и сѣло на мель, упершись въ берегъ. Тихо и осторожно нашъ пароходъ подошелъ къ „Пелузію“; поровнявшись съ нимъ, перебросили на него канаты, чтобы сдерживаться во время прохода и не уклониться въ другую сторону. Всѣ пассажиры съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ судна; черезъ нѣсколько минутъ восторженные крики „ура“ возвѣстили, что мы благополучно прошли,— съ „Пелузія“ экипажъ и пассажиры махали шапками и кричали: bravo!

Послѣ непродолжительнаго плаванія между тѣми же однообразными песчаными берегами, мы вошли въ Горькія озера. Здѣсь видъ мѣстности совершенно измѣнился; пароходъ плылъ по обширному водному пространству, небольшой вѣтеръ волновалъ поверхность воды, берегъ виднѣлся только издали;—Горькія озера это не болотистая и иловая лужа, какъ Мензале, а настоящее озеро. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега уступами возвышались три хребта горъ: Джебель, Генефе, Авебель и Джебель-Атака, подходящій къ Черному морю, около самаго Суэза. Скалистые хребты горъ, освѣщенные весеннимъ солнцемъ, представляли всѣ оттѣнки цвѣтовъ, отъ бурога до свѣтло-желтаго и ярко-краснаго. Растительности на нихъ не было замѣтно.

Горькія озера—остатки прежняго древнѣйшаго углубленія въ материкъ Суэзскаго залива—представляли до начатія работъ совер-

шенно высохшій бассейнъ, мѣстами покрытый слоемъ морской соли. Для наполненія его потребовалось впустить до 1.720 милліоновъ кубическихъ метровъ воды (для наполненія озера Тимза потребовалось всего четыре милліона), изъ которыхъ до 300 милліоновъ были поглощены почвой и испареніемъ во время процесса наполненія озеръ. Вслѣдствіе своей величины Горькія озера служатъ уравнителемъ прилива и отлива воды въ каналъ. Приливъ и отливъ, не существующіе въ Средиземномъ морѣ, проявляются въ Черномъ морѣ въ довольно значительномъ размѣрѣ, потому что послѣднее имѣетъ характеръ открытаго бассейна, находящагося въ непосредственномъ сношеніи съ океаномъ. Приливъ и отливъ бываетъ на берегахъ Чернаго моря отъ 1 до 2½ фута; въ исключительныхъ случаяхъ онъ доходитъ даже до 6 футовъ, между тѣмъ въ Горькихъ озерахъ уровень воды никогда не измѣняется болѣе, чѣмъ на полъ-фута, а за ними всякое вліяніе прилива и отлива въ каналъ исчезаетъ.

Мы плыли по Горькимъ озерамъ (ихъ два, большое и малое, соединенныя проливомъ) часа три, по пути, проложенному по срединѣ озера между рядомъ маяковъ и вѣхъ. Чугунные плавучіе маяки на якоряхъ устроены по новой системѣ и вечеромъ освѣщаются электрическимъ огнемъ. Существовало предположеніе освѣтить электричествомъ все протяженіе канала.

Отъ Горькихъ озеръ до Суэза всего 20 или 25 верстъ; эта послѣдняя часть канала проходитъ по глинисто-каменистой мѣстности. Окружающія горы все болѣе возвышаются, выступая яснѣе и приближаясь къ морю.

Въ четвертомъ часу по полудни предъ нами открылся широкій бассейнъ Суэзскаго залива, за нимъ Черное море и позади, какъ бы прислоняясь къ горному хребту Атака—самый городъ Суэзь, который однако въ дѣйствительности лежитъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ горнаго хребта, не доходящаго въ этомъ мѣстѣ до морского берега.

Такимъ образомъ мы употребили на проходъ канала отъ Портъ-Саида до Суэза ровно три дня. Но въ числѣ этихъ трехъ сутокъ заключались: цѣлый день, проведенный въ Измаилии, и двѣ ночевки въ Раз-эл-эхъ и въ Сарапеумъ. При нормальномъ, хотя и медленномъ ходѣ пароходовъ, полагалось допустить скорость до 10 верстъ въ часъ—при чемъ на проходъ всего канала потребовалось бы только 16 часовъ, если бы впослѣдствіи оказалось возможнымъ обходиться безъ ночевки на озерѣ Тимза.

Суэзскій портъ отдѣлялся отъ стараго города мелководными лагунами, по временамъ высохавшими, поперекъ этихъ лагунъ проходила, на разстояніи отъ 2 до 3 верстъ, песчаная насыпь саже-

ней 10 ширины, соединявшая портъ съ городомъ, по которой были проложены рельсы для желѣзной дороги. Вплоть у самаго порта начиналъ уже возникать новый городъ, который, можно было ожидать, превзойдетъ значеніемъ Старый Суэзь. У порта уже былъ сооруженъ громадный сухой докъ, въ который могли входить для исправленія величайшіе пароходы англійской компаніи (Peninsular-Oriental), содержавшей періодическія сообщенія между Суэзомъ и Индією. Возлѣ дока былъ построенъ большой каменный домъ, принадлежавшій той же компаніи; нѣсколько правѣе былъ уже расположенъ на берегу цѣлый рядъ другихъ построекъ. Можно было ожидать, что примѣру англійской компаніи послѣдуетъ большая часть другихъ пароходныхъ компаній, а за ними переселятся изъ Старога Суэза въ новый городъ купцы, комиссіонеры, агенты, маклера. Въ то время уже приступлено было къ осушенію мелководныхъ лагунъ, лежавшихъ между портомъ и городомъ, и большая часть вновь создаваемой мѣстности уже была роздана египетскимъ правительствомъ разнымъ компаніямъ для постройки пристаней, доковъ, агентуръ и подобныхъ учреждений. Французская компанія Messageries Impériales, австрійскій лойдъ, русское Черноморское Общество находились въ числѣ первыхъ обществъ, получившихъ такіе надѣлы. Старый Суэзь былъ тогда преимущественно арабскій городъ, тѣсный, грязный, съ немощеными пыльными улицами, проходившими между мазанками, окруженными грудами разнаго сора. Въ европейской части города дома, большею частью съ плоскими крышами, были построены изъ желтаго необожженнаго кирпича. Почти во всѣхъ домахъ нижній этажъ былъ занятъ лавками, трактирами, кофейными, передъ дверями которыхъ сидѣли разодѣтыя женщины... По всему было видно, что это городъ, въ которомъ главную роль играли матросы и офицеры, съѣзжавшіе на берегъ отдохнуть послѣ продолжительнаго морского путешествія, повеселиться, покутить и запастись въ магазинахъ необходимыми предметами жизненнаго обихода и разными издѣліями восточной роскоши. Въ Суэзѣ, лежащемъ на перепутьи изъ Китая и Японіи въ Европу, находился въ то время между прочимъ извѣстный магазинъ китайскихъ и японскихъ фарфоровыхъ вещей, принадлежавшій торговому дому Бурдонъ и К^о. Но кромѣ того, цѣлыя улицы наполнены лавчонками, въ которыхъ продаются исключительно издѣлія японскія, индійскія и малайскія. Между ними попадаются впрочемъ и поддѣльные европейскія издѣлія. Такъ въ одной такой лавкѣ я сталъ разсматривать небольшой складной нарگیлэ и хотѣлъ уже купить его, какъ повернувъ его, я увидѣлъ на днѣ штемпель нѣмецкой фабрики; на память я приобрѣлъ въ Суэзѣ двѣ небольшія красивыя

*

японскія фарфоровыя вазочки краклэ, которыя до сихъ поръ стоятъ въ моемъ кабинетѣ и напоминаютъ мнѣ объ интересномъ путешествіи, совершенномъ болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ.

Близъ дебаркадера желѣзной дороги возвышались большіе, красивые каменные дома, въ томъ числѣ двѣ громадныя гостиницы Hôtel d'Orient и Hôtel de Suez, устроенныя на англійскій ладъ. Вся прислуга въ нихъ состояла изъ китайцевъ. Со времени постройки канала, къ его открытію народонаселеніе Суэза возросло съ 4 до 10 тысячъ жителей. До проведенія прѣсноводнаго канала, жители Суэза много страдали отъ недостатка воды, которая подвозилась издали на верблюдахъ, а впоследствии по желѣзной дорогѣ въ особенныхъ вагонахъ цистернахъ. Расходъ на доставку воды доходилъ ежегодно до 120.000 фр. Вотъ почему, когда былъ открытъ прѣсноводный каналъ (соединяющійся съ моремъ шлюзами), радость мѣстныхъ жителей была безпредѣльна; арабы бѣгали по берегу канала, погружали въ воду голову и руки и никакъ не хотѣли вѣрить, что эта драгоценная вода не утечетъ вся въ море, а навсегда сдѣлается достояніемъ всѣхъ жителей Суэза.

На другой день рано утромъ мы отправились съ экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги, предоставленнымъ въ распоряженіе русскаго посла, изъ Суэза въ Каиръ. Дорога пролегаетъ нѣсколько часовъ по голой песчаной степи, почти параллельно съ прѣсноводнымъ каналомъ, берега котораго едва начинали покрываться растительностью: мелкій кустарникъ и трава окаймляли его узкой зеленоватой лентой. Мѣстами однообразіе степи прерывалось небольшими каменными станціями, между которыми отъ времени до времени попадались убогія мазанки, въ которыхъ помѣщались сторожа дороги—арабы, какъ и вся прислуга поѣзда. Странно было смотрѣть, какъ изъ этихъ полукруглыхъ кучекъ глины выходили арабы въ лохмотьяхъ и совершенно по-европейски отдавали честь проходившему поѣзду, поднимая рукою небольшой четырехугольный зеленый флагъ. Поровнявшись съ Измаиліей у станціи Нефишъ, поѣздъ поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ налѣво, продолжая путь по песчаной степи еще съ полчаса до станціи Максама. Отсюда онъ выходитъ изъ степного пространства въ полосу растительности, которая, по мѣрѣ приближенія къ Загазигу и Каиру, становится все роскошнѣе. Мѣстность эта, называемая долиною Гессенъ, издавна славилась плодородіемъ. Слово „Гессенъ“ значитъ по-арабски земли пастбищъ; о плодородіи этой мѣстности упоминается уже въ Ветхомъ Завѣтѣ. Поля мансовыя, рисовыя, хлопковые чередовались по обѣимъ сторонамъ дороги; далѣе попадали поля сорго и сахарнаго тростника, между полями были разбросаны

группы тѣнистыхъ деревьевъ: акацій, платанъ и финиковыхъ пальмъ; повсюду были проведены каналы для орошенія полей, на которыхъ были поставлены для этой цѣли ручные черпальные проводы. Орудія обработки полей были самаго первобытнаго устройства, плугъ замѣнялся срубленнымъ деревомъ съ заостреннымъ сукомъ, которое влекли два верблюда, сопровождаемые арабомъ - погонщикомъ. Мѣстами верблюды замѣнялись въ упряжѣ буйволами; на нѣкоторыхъ поляхъ жали хлѣбъ или молотили его подъ открытымъ небомъ волами, медленно двигавшимися около круговыхъ приводовъ. Стаи голубей летали надъ поверхностію земли, нѣрѣдко попадались ибисы. Вся эта мѣстность дышала какою-то древнею библейскою поэзію; воспоминанія о временахъ фараоновъ и о судьбахъ еврейскаго народа невольно возникали въ памяти, даже если бы древнія библейскія имена, какъ напр. Источники Моисея, и не напоминали здѣсь почти на каждомъ шагу путешественнику, что онъ находится на почвѣ самыхъ древнихъ и самыхъ богатыхъ историческихъ преданій. Въ Суэзѣ намъ показывали то мѣсто, гдѣ по преданію евреи перешли по сушѣ Чермное море и гдѣ затѣмъ потонулъ гонявшійся за ними фараонъ со всею своею ратью. Это родъ отмели, соединяющей оба берега; во время прилива эта отмель покрывается водою, а во время сильнаго отлива, особенно при большомъ восточномъ вѣтрѣ, почва отмели временно почти совершенно оголяется. Вотъ такимъ моментомъ, по объясненію мѣстныхъ ученыхъ, евреи и воспользовались для перехода черезъ море, устремляясь изъ Египта въ Аравійскую пустыню.

Но только что путешественникъ, забывъ, что онъ летитъ на поѣздѣ желѣзной дороги, успѣвалъ погружаться мысленно въ глубокую древность священныхъ временъ, какъ взоры его внезапно поражались представителями новѣйшей промышленной цивилизаціи въ видѣ локобиля или пароваго плуга, стоявшаго на срединѣ поля. Большая часть плодородныхъ и богатыхъ полей, лежавшихъ по обѣимъ сторонамъ дороги, принадлежали вице-королю или частнымъ капиталистамъ; феллахскія земли были расположены вверхъ по Нилу. Впрочемъ, около Загазига начинали появляться изрѣдка и арабскія деревни; это были груды грязныхъ землянокъ, мазанокъ съ плоскими крышами, тѣсно скученныхъ на одномъ мѣстѣ, свободное пространство между двумя землянками было обыкновенно наполнено навозомъ; легко себѣ представить, какавъ въ этихъ жилищахъ,—въ коихъ люди часто помѣщались вмѣстѣ со скотомъ,—должна была господствовать нечистота, и до какой степени они должны были изобиловать разными насѣкомыми. Если несмотря на то въ средѣ этого населенія рѣдко развивались по-

вальныя болѣзни, то это только благодаря благотворному, здоровому и сухому климату; впрочемъ, почти всѣ арабы страдали разными глазными болѣзнями.

Отчасти вслѣдствіе низкой степени умственного и промышленнаго развитія, отчасти вслѣдствіе обремененія разными налогами, египетскій народъ, отличающійся необыкновенною добротою, представлялъ картину крайней бѣдности, несмотря на то, что онъ живетъ посреди плодородной мѣстности, богато надѣленной всѣми дарами природы. Одною изъ главныхъ причинъ его бѣдности слѣдовало считать существовавшую долгое время въ Египтѣ систему монополій. Эта система была введена или по крайней мѣрѣ развита до крайности при Мехметъ-Али. Земледѣлецъ и вообще всякій сельскій производитель былъ принужденъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, сдавать хлѣбъ и всѣ свои произведенія, за исключеніемъ небольшого количества, необходимаго для собственнаго потребленія, въ казенные магазины, гдѣ они принимались по извѣстной таксѣ. Если собственныхъ запасовъ однако не хватало для продовольствія семейства земледѣльца на весь годъ, то производитель принужденъ былъ, для покупки недостающаго ему количества хлѣба, обращаться въ тѣ же казенные магазины, гдѣ ему приходилось платить за него гораздо дороже, чѣмъ сколько онъ самъ получилъ при сдачѣ въ казенный магазинъ. Результатомъ подобной системы была страшная бѣдность народа; голодъ и болѣзни господствовали въ деревняхъ, здоровое населеніе которыхъ истощалось кромѣ того войнами, которыя постоянно велись при Мехметъ-Али. Смертность развилась ужасающая; цѣлыя деревни совершенно пустѣли, поля превращались въ пустынные земли, которыя, подъ названіемъ Гифликъ (покинутыя селенія), присоединялись къ имуществу вице-короля, раздававшего ихъ членамъ своего семейства.

Эта убійственная монополія была отмѣнена, когда вступилъ на престолъ Саидъ-паша. Феллахамъ была дарована возможность продавать и покупать произведенія своей культуры по вольнымъ цѣнамъ и право произвольно мѣнять мѣсто жительства; эта реформа была нѣчто вродѣ освобожденія крестьянъ. Лучшія земли остались однако въ рукахъ вице-короля и его семейства, которымъ принадлежала въ то время восьмая часть годныхъ для обработки земель. Самое выгодное производство, воздѣлываніе хлопка было преимущественно сосредоточено на земляхъ хедива. Обработка хлопка получила уже въ то время такое развитіе въ Египтѣ, что эта культура стала вытѣснять даже мѣстами воздѣлку зерновыхъ хлѣбовъ до того, что Египетъ, всегда считавшійся житницею Европы, самъ сталъ нуждаться въ привозѣ хлѣба. Изъ всѣхъ земель, которыя

воздѣлывались феллахами, около одной пятой принадлежало имъ въ собственность, остальные же четыре пятыхъ составляли собственность казны; за пользованіе ими они платили оброкъ или отбывали барщину. Съ собственныхъ земель они платили 10-процентную подоходную подать. Какъ тѣ, такъ и другія земли состояли у нихъ въ личномъ владѣніи, общинное владѣніе было неизвѣстно въ Египтѣ. Значительную часть дохода селянина составляли финиковыя пальмы—каждая пальма давала ежегодно среднимъ числомъ около 6 таларисовъ (т. е. до 30 франковъ) дохода, но зато онѣ и были обложены специальнымъ налогомъ по одному таларису (5 франковъ) съ дерева.

Послѣ получасовой остановки въ Загазигѣ, довольно большомъ арабскомъ городѣ, въ которомъ производилась значительная торговля хлѣбомъ и разными сельскими произведеніями, поѣздъ желѣзной дороги тронулся въ дальнѣйшій путь; намъ оставалось только около двухъ часовъ ѣзды до Каира.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда въ этотъ волшебный городъ. До сихъ поръ мы видѣли только берега канала и степную часть Египта. Александрія не могла дать понятія о восточномъ городѣ — это Петербургъ Египта. Но столица Египта, священный городъ Мазръ-Эль-Каиръ, городъ пальмъ, мечетей, арабскихъ базаровъ и дворцовъ, представлялся нашему воображенію чѣмъ-то сказочнымъ, какъ бы явленіемъ изъ тысячи и одной ночи. Наконецъ, въ семь часовъ вечера поѣздъ остановился у станціи Каиръ. Уже совершенно стемнѣло и потому при вѣздѣ нельзя было составить себѣ понятія о видѣ города. У станціи толпилось множество людей и экипажей. Въ то время, какъ мы возились съ нашимъ багажемъ, къ намъ подошелъ египетскій комиссаръ и объяснилъ намъ по-французски, что мы можемъ ѣхать прямо въ *Shepherds-Hotel*, въ которомъ для гостей хедива были приготовлены комнаты. Пользуясь указаніемъ любезнаго комиссара, мы сѣли въ коляску и отправились въ *Shepherds-Hotel* по улицамъ, обстроеннымъ европейскими домами, освѣщенными газомъ и представлявшими совершенно видъ европейскаго города, къ немалому нашему разочарованію. Въ гостиницѣ, помѣщавшейся въ большомъ каменномъ домѣ на Эзбекіэ и устроенной на англійскій ладъ, мы дѣйствительно немедленно нашли приготовленное для насъ помѣщеніе.

Гостепрѣимство хедива (т. е. вице-короля) было по-истинѣ баснословное. Всѣ приглашенные къ открытію канала считались его гостями и были размѣщены на его счетъ. У меня была красивая комната, каждый день превосходный кофе, завтракъ и обѣдъ съ шампанскимъ, и за все это не приходилось платить. Не желая жить все время на счетъ хедива, я на третій день послѣ пріѣзда въ

Каиръ объявилъ, что я теперь желаю помѣститься и жить на собственный счетъ, такъ какъ я еще нѣкоторое время думаю пробить въ Каирѣ. Мнѣ дѣйствительно отвели другую комнату, но когда въ день отъѣзда, послѣ десятидневнаго пребыванія, я потребовалъ счетъ, мнѣ объявили, что я, какъ гость хедива, ничего платить не долженъ, и несмотря на всѣ мои протесты, взыскали съ меня только нѣсколько франковъ за сельтерскую воду, которую я требовалъ внѣ обычныхъ часовъ ѣды. По всей вѣроятности содержателямъ гостиницъ было выгоднѣе имѣть жившихъ у нихъ лицъ на счетъ хедива,—которому пришлось платить несомнѣнно болѣе того, что можно было поставить на счетъ частнымъ лицамъ. Впрочемъ, мнѣ говорили, что цѣны въ то время были довольно опредѣленные и умѣренные, платилось по наполеондору, т. е. 20 фр. въ главныхъ гостиницахъ за комнату съ пансіономъ, при чемъ кормили очень хорошо, слѣдовало платить особо только за вина, а такъ какъ намъ за каждымъ обѣдомъ кромѣ другихъ винъ подавалось еще шампанское, то наше содержаніе обходилось вѣроятно хедиву гораздо дороже.

Едва мы размѣстились въ гостиницѣ, какъ пришлось собираться на балъ, который вице-король давалъ въ этотъ вечеръ во дворцѣ Казръ-Эль-Ниль. Экипажи по этому случаю были внѣ всякой цѣны; за коляску, которыхъ въ Каирѣ было немного, платили по сто франковъ за вечеръ и даже за эту цѣну трудно было получить экипажъ. При такомъ положеніи дѣла я рѣшился послѣдовать примѣру большинства пріѣзжихъ и отправиться на балъ верхомъ на ослѣ. Подобное путешествіе во фракѣ и бѣломъ галстухѣ имѣло довольно комичный видъ. Дорога въ Казръ-Эль-Ниль, версты три, шла по хорошему шоссе, окаймленному каменными тротуарами, между садами и неоконченными постройками, изъ-за которыхъ мѣстами выглядывали пальмы. Дорога эта, тогда только что отдѣланная, напоминала нѣкоторыя изъ боковыхъ аллей (Avenues) въ Champs Elusées въ Парижѣ. На концѣ улицы горѣлъ весь въ разноцвѣтныхъ огняхъ дворецъ Казръ-Эль-Ниль. Такъ какъ приглашенныхъ была масса, всѣ прибывшіе европейцы съ дамами, то при теплой ночи, жара въ залахъ, роскошно убранныхъ, была тропическая. Пробывъ часа два въ этой толпѣ, я отправился обратно тѣмъ же способомъ, т. е. верхомъ на моемъ осликѣ. Послѣ пребыванія въ жаркихъ залахъ, совершенно въ испаринѣ, пришлось проѣхать такимъ образомъ ночью обратныя три версты, всего въ легкомъ пальто—и несмотря на то, никто изъ насъ не простудился, до того восхитительны египетскія ночи; вотъ почему Каиръ считается однимъ изъ лучшихъ климатическихъ пунктовъ для легочныхъ больныхъ; говорили, что спеціальность каирскаго воздуха

вызывать быстрое заживление (cicatrisation) всяких ранъ какъ вѣшнихъ, такъ и внутреннихъ.

Казръ-Эль-Нильскій дворець, казавшійся ночью, при блестящемъ освѣщеніи, волшебнымъ зданіемъ, представлялся днемъ въ совершенно другомъ видѣ. Это длинный рядъ строеній, окружающій съ трехъ сторонъ два большихъ четырехугольныхъ сквера, прилегающихъ четвертой стороной непосредственно къ берегу Нила. Правая половина этихъ построекъ составляла собственно дворець, а лѣвая половина—казармы, непосредственно граничившія съ дворцомъ. Несмотря на то, что зданіе было построено очень недавно, оно находилось уже въ полномъ разрушеніи; стекла въ окнахъ были разбиты, рамы переломаны, на дворѣ груды мусора и обломковъ, посреди которыхъ растянулись палатки, въ которыхъ жили солдаты, такъ какъ самое строеніе было уже почти необитаемо. Это одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ египетской системы экономіи. Каждый годъ почти строились новые дворцы и казенныя зданія, но ничего не расходовалось на поддержаніе ихъ; когда зданіе приходило въ ветхость, его покидали и строили новое. Тотъ же халатный порядокъ я замѣтилъ нѣсколько лѣтъ спустя и въ Константинополѣ. Это, кажется, общее правило на востокѣ.

Въ Каирѣ я познакомился съ нашимъ знаменитымъ маринистомъ Н. К. Айвазовскимъ, такъ какъ насъ помѣстили съ нимъ въ одной комнатѣ. Я съ нимъ съ самаго начала очень сблизился, имы оставались съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ до самой его смерти.

На слѣдующій день, когда я проснулся, теплое каирское солнце освѣщало небольшой, но красивый садъ гостиницы, который былъ разбитъ на дворѣ передъ моими окнами. Этотъ садъ былъ наполненъ тѣнистыми акаціями, огромными пенданеа (деревья, пускающія корни изъ вѣтвей, находящихся на разстояніи двухъ, трехъ саженой отъ земли), разнообразными кустарниками, между которыми отличалось индѣйское растеніе съ большими красными цвѣтами (*polincetia pulcherrima*), розами и другими цвѣтами; посреди сада возвышался фонтанъ изъ бѣлаго мрамора. Я успѣшилъ одѣться и отправиться на подъѣздъ гостиницы, устроенный въ видѣ балкона. Отсюда можно было обнять взоромъ почти всю европейскую часть города.

Передъ гостиницею находился обширный скверъ и садъ Эзбекіэ, обнесенный красивою желѣзною рѣшеткой. Эзбекіэ былъ окруженъ красивыми каменными постройками, большею частью гостиницами, *Shepherds Hotel* и *Oriental Hotel* въ углу сквера, окруженный группою пальмъ, наконецъ, *New-Hotel*, громаднѣйшее зданіе изъ сѣраго камня, похожее на старинный дворець и устроенное со всѣми удобствами утонченнаго европейскаго комфорта. Передъ *New-Hôtel*

были расположены три большія зданія: опера, французскій театръ и циркъ. Эта часть города напоминала отчасти Брюссель, отчасти итальянскіе города. Парижъ Гаусмана напоминали только новыя неоконченныя постройки, которыя встрѣчались на каждомъ шагу; вездѣ строили, ломали, подвозили кирпичъ и известку, обдававшую пылью проходящихъ при малѣйшемъ вѣтрѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Oriental-Hôtel начинается арабскій городъ съ улицей Муски. Небольшой, мало замѣтный переулочекъ соединяетъ эти двѣ части города, отъ чего получается удивительное впечатлѣніе. Изъ центра европейскаго города вдругъ переносишься въ самую глубину арабскаго города, гдѣ все дышетъ востокомъ, гдѣ ничего не напоминаетъ Европу, какъ-будто въ Каирѣ и не существуетъ европейской части города. Ощущаешь такое чувство, какъ будто въ мигъ человекъ перелетѣлъ на коврѣ-самолетѣ изъ одной части свѣта въ другую.

Улица Муски это Невскій проспектъ арабскаго Каира; это самая широкая изъ арабскихъ улицъ Каира, не шире, однако, любого изъ нашихъ переулковъ,—она была окаймлена высокими домами, построенными въ восточномъ стилѣ. Мѣстами черезъ всю улицу, съ одной крыши на другую были переброшены зеленые и красные ковры, для защиты отъ лучей солнца. Эти покрывала, въ обыкновенное, не праздничное время замѣнялись просто досками, которыя раскладывались съ крыши на крышу и отбѣняли улицу. По всей длинѣ Муски нижніе этажи домовъ были заняты магазинами и лавками, которые придавали этой улицѣ чрезвычайно пестрый видъ: сначала шли разныя европейскіе магазины: модные, галантерейные, книжныя лавки, аптеки; затѣмъ магазины начинаютъ перемежаться арабскими лавками, число которыхъ постоянно увеличивается, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься далѣе по улицѣ. Передъ каждой лавкой стояли стулья и скамьи, на которыхъ сидѣли покупатели, разговаривая съ хозяиномъ лавки и разсматривая товары, часто самъ лавочникъ-ремесленникъ, тутъ же на улицѣ, занимался выдѣлкою предметовъ своей торговли. Около середины улицы возвышалась мечеть, которая издали казалась сложенною изъ бѣлаго и краснаго мрамора, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось, что она была отштукатурена известкой и раскрашена бѣлымъ и краснымъ цвѣтомъ. Муски всегда была наполнена массой народа; тутъ толпились и европейцы и арабы въ полосатыхъ бурнуссахъ и нубійскіе негры, черные какъ смоль, одѣтые въ лохмотья, и армяне въ полу-европейскомъ, полуазіатскомъ костюмѣ, наконецъ, евреи. То же разнообразіе представлялось и въ женскихъ типахъ; тутъ можно было видѣть и арабскую женщину-работницу, въ синемъ или черномъ бу-

мажномъ балахонѣ, перетянутомъ черезъ голову и соединенномъ съ нижнею частію одежды металлическимъ украшеніемъ, которое приходилось у нихъ противъ носа, такъ что видны были только одни глаза, и турчанку въ пестромъ одѣяніи изъ той же бумажной ткани, и левантинку, никогда не выходящую пѣшкомъ, а развѣзжающую всегда на ослѣ, завернутою въ широкое, черное, тафтяное одѣяніе, которое она поддерживала съ обѣихъ сторонъ растопыренными руками, такъ что издали походила на какой-то черный пугаль; и представительницъ восточнаго *demi-monde*, въ голубыхъ и розовыхъ атласныхъ одѣяніяхъ, и, наконецъ, европейскихъ дамъ въ роскошныхъ парижскихъ модныхъ костюмахъ,—все это образовало одну густую пеструю толпу.

Посреди этой толпы можно было видѣть бѣгущаго и кричавшаго на постороннихъ человѣка, въ красивомъ бѣломъ одѣяніи, опоясанномъ широкою пестрою шалью, съ босыми ногами, длинные бѣлые рукава котораго развѣвались на воздухъ какъ крылья—это саисы; передъ ними толпа расходилась въ сторону, давая дорогу экипажу, который несся за саисомъ. Въ Каирѣ ни одинъ экипажъ не проѣзжалъ по городу безъ саиса или скорохода; даже часто всадники вмѣсто жокеевъ сопровождались саисами; при узкихъ, невымощенныхъ, постоянно наполненныхъ народомъ улицахъ, безъ саиса трудно было бы и ѣздить, такъ какъ экипажъ катится по мягкой дорогѣ безъ шума; приходилось бы или ѣхать шагомъ или постоянно подвергаться опасности задавить кого-либо изъ проходящихъ; вотъ почему даже простые извозчики имѣли передъ экипажемъ саиса, хотя и въ лохмотьяхъ и грязно одѣтаго. По Муски проходили постоянно религиозныя процессіи; тутъ можно было встрѣтить почти ежедневно или свадебную процессію, ведущую невѣсту, закутанную съ головы до ногъ въ красное кумачевое покрывало, обвѣшанную разными золотыми монетами и украшениями, тихо и мѣрно шествующую подъ балдахиномъ, поддерживаемымъ четырьмя копыями, при оглушительныхъ звукахъ болѣе или менѣе значительнаго оркестра музыки, въ сопровожденіи всего семейства, родственниковъ и мусульманскаго духовенства,—тутъ же можно было встрѣтить погребальную процессію, такъ называемыхъ арабскихъ святыхъ, гробъ которыхъ несутъ на плечахъ, окруженный разными знаменами, и разныя другія процессіи. Пробравшись съ трудомъ черезъ всю эту пеструю толпу до середины улицы и поворотивъ налево, посетитель входилъ въ безконечный рядъ самыхъ узкихъ переулковъ, исключительно наполненныхъ лавками—это знаменитый базаръ Ханъ-Халифъ. Тутъ продавались арабскія, сирійскія и другія восточныя ткани, шитые золотомъ и шелкомъ готовые костюмы, ковры,

туфли и разныя кожанныя издѣлія, драгоценныя чубуки, древнее оружіе, бирюза, золотыя и серебряныя издѣлія—и все это въ маленькихъ, грязныхъ лавчонкахъ. Продавецъ, обыкновенно арабъ, не понимавшій ни слова ни на одномъ европейскомъ языкѣ; ему покупатель-европеецъ показывалъ какую-либо вещь въ его лавкѣ и знаками спрашивалъ цѣну; на это онъ молча, пальцами начиналъ отсчитывать число франковъ или золотыхъ, смотря по достоинству товара, составляющихъ его цѣну. Покупателя и продавца немедленно отступала толпа зѣвакъ, которые съ интересомъ слѣдили за результатомъ торга; изъ толпы отдѣлялся обыкновенно армянинъ, предлагавшій служить переводчикомъ; наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ покупка совершалась по цѣнѣ значительно пониженной. Посѣтитель отправлялся дальше, но услужливый переводчикъ, если разъ обратиться къ его посредничеству, уже не отставалъ отъ посѣтителя и продолжалъ все время служить ему переводчикомъ, довольствуясь весьма умѣреннымъ вознагражденіемъ, двухъ-трехъ франковъ за нѣсколько часовъ, проведенныхъ съ нимъ.

Противъ базара Ханъ-Халифа, направо изъ Муски вела улица къ Каирской цитадели, окруженной гробницами халифовъ. Цитадель вмѣстѣ съ мечетью Мехметъ-Али лежитъ на высокомъ скалистомъ холмѣ, господствуя надъ всѣмъ городомъ. Необыкновенно высокіе и стройные минареты мечети, какъ два исполинскія копыя, возвышаются на переднемъ фасадѣ строенія. Въ этой мечети погребень Мехметъ-Али, его великолѣпную гробницу, высѣченную изъ камня съ разными арабскими надписями и золотыми украшеніями, показывали путешественникамъ, при чемъ обыкновенно проводникъ рассказывалъ разные факты изъ жизни этого замѣчательнаго лица, такъ высоко поднявшаго въ свое время значеніе Египта. Всѣ подобные рассказы были интересны тѣмъ, что они рисовали нѣсколькими рельефными чертами, легко врѣзывавшимися въ память слушателя весьма удачную характеристику той смѣси жестокости, энергіи и грандіозности, которыми отличались всѣ дѣйствія Мехметъ-Али. Такъ, напр., какъ мнѣ рассказывалъ проводникъ, находясь на пути въ Верхній Египетъ, Мехметъ-Али получилъ извѣстіе о вспыхнувшемъ въ Каирѣ бунтѣ; съ быстротою молніи возвратился въ столицу для подавленія возстанія и наказанія виновныхъ; его несчастный саисъ палъ мертвымъ отъ изнеможенія, въ тотъ самый моментъ, какъ онъ вѣзжалъ въ Каирскія ворота.

Въ этой же цитадели происходила 1-го марта 1811 года рѣзня мамелюковъ. Мамелюки, какъ извѣстно, составляли въ Египтѣ родъ преторіанской гвардіи, пользовавшейся необычайнымъ вліяніемъ и накопившей несмѣтныя богатства. Желая избавить страну отъ па-

губнаго вліянія этого всемогущаго войска, Мехметъ-Али пригласилъ начальниковъ мамелюковъ на пиръ въ цитадель. Они явились въ праздничныхъ одѣянїяхъ, безъ оружія; но едва только они вошли въ цитадель, какъ въ узкомъ проходѣ бросились на нихъ албанцы, которые для этой цѣли предварительно были помѣщены въ засадѣ по приказанію Мехметъ-Али, и всѣхъ ихъ перерѣзали. Изъ приглашенныхъ на пиры мамелюковъ спасся только одинъ, Гананъ-Бей, соскочившій на конѣ съ высоты восьми-саженной скалы. Мѣсто это все еще показывалось путешественникамъ; оно такъ и называлось Прыжокъ Мамелюка (Le Saut du Mameluk). Конь его палъ мертвымъ,—всадникъ же отдѣлался нѣсколькими ушибами и ему удалось спастись, но ощущенія, испытанныя имъ во время этой катастрофы, подѣйствовали на несчастнаго такъ сильно, что вслѣдъ за тѣмъ онъ сошелъ съ ума. Все громадное имущество мамелюковъ было конфисковано въ пользу хедива. За мечетью находится небольшой дворъ, на которомъ похоронены всѣ вмѣстѣ мамелюки, умерщвленные 1 марта 1811 года. Находясь въ мечети возлѣ гробницы Мехметъ-Али, я видѣлъ изъ окна у самой стѣны мечети кладбище мамелюковъ. Такимъ образомъ и виновникъ этой рѣзни и его жертвы покоились мирно вѣчнымъ сномъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

У подошвы холма, на которомъ стоитъ цитадель, по обширному пустынному каменисто-песчаному мѣсту были разбросаны въ безпорядкѣ гробницы прежнихъ халифовъ. Это были полу-разрушенныя четвероугольныя постройки изъ желтаго песчаника, въ древнемъ арабскомъ стилѣ, накрытыя куполомъ, разукрашеннымъ самыми затѣйливыми арабесками и арабскими письменами, высѣченными въ камнѣ. Къ сожалѣнію, почти ничего не дѣлалось для сохраненія этихъ драгоценныхъ памятниковъ древней арабской архитектуры.

Съ террасы цитадели взорамъ посѣтителя представлялась чудная панорама. Почти необозримая масса домовъ, между которыми были разбросаны группы роскошныхъ тѣнистыхъ деревьевъ и пальмъ, мѣстами возвышались куполы мечетей и шпицы легкихъ минаретовъ; на второмъ планѣ виднѣлась широкая сѣрая полоса Нила, окаймлявшая городъ, за нимъ степь, а на горизонтѣ пирамиды Гизѣ. Вдоль самаго Нила была расположена загородная часть Каира—форштадты. Здѣсь многое напоминало Италію, напр., высокія стѣны, окаймлявшія по обѣимъ сторонамъ улицы, изъ-за которыхъ выглядывала темная зелень апельсинныхъ деревьевъ. Въ архитектурѣ Каирскихъ домовъ проявлялась какая-то смѣсь восточнаго стиля съ греческимъ и итальянскимъ. Очевидно, что греки, какъ въ южной Италиі, такъ и здѣсь оставили свой отпечатокъ. Даже утварь, ко-

торая попадалась на глаза путешественнику, часто представляла необычайное сходство съ утварью, открытой въ древней Помпеѣ. Въ Помпеѣ вино хранилось въ большихъ, глиняныхъ остроконечныхъ къ низу сосудахъ, которые устанавливались въ нѣсколько рядовъ вдоль стѣны дома и засыпались по горло землей, для сохраненія прохлады. Тѣ же сосуды и совершенно въ томъ же видѣ расположенные я видѣлъ и въ Каирѣ. Замѣчательно, что такіе же большіе глиняные сосуды встрѣчаются и у насъ въ Крыму.

Такимъ образомъ въ Египтѣ сохранились въ первообразномъ своемъ видѣ формы и обычаи, которые господствовали въ южной Италіи около 2.000 лѣтъ тому назадъ. Вообще можно было замѣтить, что самый способъ народной производительности оставался въ Египтѣ на той же самой степени развитія, на которой онъ находился сотни лѣтъ тому назадъ, весьма мало затронутый тѣмъ вѣйшимъ напускомъ цивилизаціи, которую уже болѣе тридцати лѣтъ египетское правительство стремилось укоренить въ странѣ.

Осмотрѣвъ самый городъ, оставалось еще ознакомиться съ окрестностями Каира. Дорога, параллельная съ Ниломъ, ведущая въ Шубру,—роскошный садъ, въ которомъ помѣщался гаремъ Галимъ-паши, дяди вице-короля, жившаго въ Константинополѣ, представляла любимую прогулку каирскихъ жителей. Ряды величественныхъ сикоморъ и акацій, окаймляя дорогу, придавали ей видъ безконечной тѣнистой аллеи. Зеленъ этихъ деревьевъ была до того густа, что лучи солнца почти не могли проникать на дорогу. По обѣимъ ея сторонамъ были расположены дворцы и виллы родственниковъ и приближенныхъ вице-короля. Все это были зданія большею частію въ новѣйшемъ итальянскомъ стилѣ, окруженныя небольшими, но очень красиво устроенными садами. На второй или третьей верстѣ отъ Каира строенія прекращались и передъ глазами гуляющаго открывался широкій кругозоръ: съ лѣвой стороны Нилъ, а за нимъ безпредѣльная степь; на берегахъ Нила мелькали вдали пальмы и группы лиственныхъ деревьевъ; съ правой стороны разстились богатые поля, прорѣзываемыя прѣсноводнымъ каналомъ. Каждый день около трехъ часовъ по полудни весь каирскій beau monde прогуливался и разтѣжалъ по шубрской аллеѣ. На концѣ аллеи за желѣзной рѣшеткой, въ боскетѣ кустовъ и тѣнистыхъ деревьевъ, возвышался, окаймленный самыми яркими цвѣтами востока, дворецъ, въ которомъ помѣщался гаремъ Галимъ-паши. Рѣдко приходилось видѣть такую массу мандариновыхъ деревьевъ, вѣтки коихъ изгибались подъ тяжестью спѣлыхъ плодовъ, обдававшихъ всю мѣстность душистымъ ароматомъ,—какъ въ шубрскомъ саду. Для посетителей, снабженныхъ входными билетами, садъ былъ ежедневно

открыть до трехъ часовъ, послѣ чего предоставленный въ исключительное распоряженіе обитательницъ дворца, онъ закрывался для нескромныхъ взоровъ посѣтителей.

Кромѣ шубрской аллеи по обоимъ берегамъ Нила было разбросано еще нѣсколько дворцовъ Измаиль-паши, изъ которыхъ несомнѣнно самымъ красивымъ былъ дворецъ Эль-Джезиръ, лежавшій по ту сторону Нила и отличавшійся особенною роскошью убранства; мраморныя колоннады, фонтаны, золотыя и другія богатыя украшенія останавливали взоры посѣтителя на каждомъ шагѣ (Нынѣ этотъ дворецъ превращенъ въ гостиницу).

Напротивъ Эль-Джезира, по лѣвой сторонѣ Нила, находился знаменитый Булакскій музей египетскихъ древностей, открытыхъ большею частью въ гробницахъ и древнихъ храмахъ, находившихся вблизи пирамидъ. Музей этотъ былъ устроенъ египетскимъ правительствомъ по указаніямъ знаменитаго археолога Маріетта и состоялъ подъ его управленіемъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Шубры, внизъ по Нилу было расположено поперекъ рѣки громадное каменное сооруженіе, шлюзы, извѣстныя подъ названіемъ *baggage du Nil*. Эта постройка изъ краснаго кирпича, сооруженная въ готическомъ стилѣ, представляла рядъ каменныхъ шлюзовъ поперекъ всего Нила, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ развѣтвляется на Розетскій и Даміетскій рукава. Главная задача этихъ шлюзовъ—регулированіе воды Нила послѣ его разлитія. Когда разливъ бываетъ сильный, то шлюзы открываются и лишняя вода стекаетъ безпрепятственно въ Средиземное море. Если же весенній разливъ, вслѣдствіе недостатка дождей, невеликъ, то шлюзы закрываются и вода, сдержанной въ своемъ теченіи рѣки, возвышается въ уровнѣ и распределяется почти на то же пространство, какъ и въ года сильныхъ разливовъ. Около этого же мѣста было устроено значительное укрѣпленіе для защиты Каира отъ непріятели, который вздумалъ бы подняться вверхъ по Нилу—это Каирскій Кронштадтъ.

Поѣздка на знаменитыя пирамиды Гизѣ представляетъ нѣсколько болѣе дальнюю экскурсію. Пирамиды эти находятся верстахъ въ десяти отъ берега Нила, на рубежѣ воздѣлываемой плодородной земли отъ голой степи, рѣзкая линія отдѣляетъ зеленый цвѣтъ первой отъ желтой степи. Противъ пирамидъ, полуогрузившійся въ степной песокъ, лежитъ громадный каменный сфинксъ, нѣсколько тысячелѣтій уже смотрящій на пирамиды. Осмотрѣвъ пирамиды, я отправился на ослѣ еще дальше въ степь, до развалинъ храма Сераписа, лежащаго близъ древняго Мемфиса.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Каира, близъ Аббасіе былъ устроенъ ипподромъ для скачекъ.

Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Каирѣ и вторичнаго посѣщенія Измаиліи, о которомъ я упоминалъ выше, пришлось собраться въ обратный путь.

Остается только упомянуть еще о двухъ курьезныхъ эпизодахъ послѣднихъ дней моего пребыванія въ Каирѣ.

Какой-то аферистъ явился къ нашему обществу съ предложеніемъ устроить для насъ представленіе извѣстнаго арабскаго танца алмей, „муха“, *La mouche*. Онъ таинственно сообщилъ намъ, что такъ какъ при этомъ танцѣ происходитъ раздѣваніе танцующихъ алмей, то въ настоящее время эти танцы воспрещены въ Египтѣ, но что у хедива исходатайствовали разрѣшеніе устроить такое представленіе для европейскихъ посѣтителей и что потому это надо было сохранять въ тайнѣ. Представленіе это должно было обойтись въ 2.000 франковъ, такъ какъ, по его словамъ, надо было для того нанять большое роскошное помѣщеніе, устроить угощеніе шампанскимъ и довольно дорого заплатить алмеймъ.

Какъ это ни странно, но большинство нашего общества увлеклось этимъ нелѣпымъ предложеніемъ, нашлось около двадцати человекъ, согласившихся внести по 100 франковъ. Меня обѣщанное зрѣлище совершенно не прельщало, тѣмъ болѣе, что нѣсколько дней тому назадъ, гуляя вечеромъ съ однимъ изъ моихъ спутниковъ по улицамъ Каира, нашъ проводникъ предложилъ намъ войти въ одинъ домъ, чтобы посмотреть на танецъ „муха“. Мы послѣдовали за нимъ и вошли въ какую-то конуру, въ которой довольно пожилая и грязная женщина стала выдѣлывать передъ нами это довольно отвратительное представленіе, за которое мы заплатили ей 20 франковъ.

Не желая однако выдѣлаться изъ нашего общества, я согласился также внести сто франковъ. На этотъ разъ намъ обѣщали чудеса красоты и изящества. Въ назначенный день все наше общество отправилось на мѣсто представленія, лежавшее въ одномъ изъ дальнихъ закоулковъ города. И что же—оказалось довольно грязное, хотя пространное помѣщеніе, убранное разными тряпками, и въ немъ двѣ или три немолодыя и некрасивыя женщины кривлялись, представляя танецъ „мухи“,—къ тому же въ одной изъ нихъ я узналъ ту же женщину, которая нѣсколько дней тому назадъ, за 20 франковъ, угощала насъ тѣмъ же отвратительнымъ зрѣлищемъ. Такимъ образомъ мы заплатили 2.000 франковъ за мало изящное представленіе, которое можно было видѣть за какихъ-нибудь двадцать франковъ. Хорошо же посмѣялись надъ нами мѣстные аферисты.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Виленскій временикъ. Изданіе Виленскаго Генераль-Губернаторскаго Управленія. Книга II. Вильно. 1907.

Въ книгѣ помѣщены двѣ небольшія статьи—„Описаніе крестьянскаго жилого дома въ дер. Загорѣ Гродненской губ.“ С—на, „Свѣдѣнія о бѣлорусскихъ крестьянскихъ постройкахъ въ Виленскомъ уездѣ“ П. С., и два крупныя изслѣдованія—„Нечистици, сводъ простонародныхъ въ Витебской Бѣлоруссіи сказаній о нечистой силѣ“ Н. Никифоровскаго и „Славянское жилище въ Сѣверо-Западномъ краѣ“ А. Харузина. Демонологическій сводъ, составленный г. Никифоровскимъ, настоящій справочникъ о всевозможныхъ видахъ и наименованій чертяхъ, читается съ большимъ интересомъ; жаль только, что составитель не привоодитъ дословно народныхъ разсказовъ и не указываетъ точно, въ какихъ мѣстахъ пришлось ему ихъ слышать. Составитель „передаетъ типичныя особенности разнообразныхъ нечистиковъ—внѣшній и внутренній складъ, образъ жизни, странности и привычки, отношенія къ людямъ и собратьямъ, родъ дѣятельности, мѣсто и время послѣдней, при чемъ даетъ разграниченіе нечистиковъ по тремъ категориямъ. Къ первой отнесены повсюдныя, вольныя нечистики, ко второй—человѣкоподобники, прикованные дѣятельностю къ опредѣленному мѣсту, и къ третьей—демоноподобники“. Свообразный и чрезвычайно разнообразный міръ демонологическихъ народныхъ представлений заслуживаетъ внимательнаго изученія: онъ тѣсно соприкасается съ областями мифологіи и религіи, съ исторіей и проливаетъ свѣтъ на народную психику. Многомилліонная деревенская Русь даетъ въ этомъ отношеніи огромный матеріалъ.—Замѣчательное по освѣдомленности автора, по образцовой тщательности приемовъ и щедро иллюстрированное изслѣдованіе Харузина, съ двумя алфавитными указателями терминовъ,—богатый вкладъ въ антропологию и исторію вѣшней культуры.

Григорій Писаревскій. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. По неизданнымъ архивнымъ документамъ. (Записки Московскаго Археологическаго института. Т. V.) М., 1909.

Къ исторіи поселеній иностранцевъ въ Россіи въ нашей литературѣ до сихъ поръ подходили рѣдко и при томъ больше съ публицистической стороны. Между тѣмъ самый предметъ еще далеко не изученъ, и трудъ г. Писаревскаго, въ основаніе котораго положены главнымъ образомъ документы столичныхъ архивовъ, является первымъ крупнымъ и серьезнымъ трудомъ въ этой области. Авторъ старался выяснитъ тѣ общія условія времени, которыя опредѣляли собою популяціонистскую политику не только нашего правительства, но и правительства другихъ государствъ Европы, въ особенности же болѣе близкихъ намъ географически, какъ-то—Пруссіи, Австріи и Даніи. Въ эти государства усиленно поощряли иммиграцію иностранцевъ въ свои владѣнія, опираясь на господствовавшія въ тогдашней наукѣ теоріи народонаселенія. Эти же послѣднія отражали собой интересы государственной власти и правящихъ зажиточныхъ классовъ общества... Выяснивъ общія и мѣстныя условія, побуждавшія наше правительство вызывать иностранцевъ въ Россію, авторъ счелъ нужнымъ съ возможной полнотой изучить организацію вызова въ первые годы царствованія Екатерины II. Это изученіе раскрыло существованіе двухъ категорій колонистовъ—„коронныхъ“ и „вызывательскихъ“. Первые на вербовку были правительственными агентами и находились въ непосредственномъ вѣдѣніи правительства; вторые, набранные частными предпринимателями, такъ называемыя „вызывательскими“, становились къ нимъ въ своеобразныя зависящія отношенія, обязывались, напр., платить въ ихъ пользу десятину урожая. Въ общемъ устройство вызывательскихъ колоній было попыткой на русской почвѣ установить, правда, въ значительно смягченной формѣ, тѣ отношенія, которыя существовали во Франціи до революціи 1789 г. между крестьянами и дворянствомъ. Но эта попытка не имѣла успѣха: зависящія, и то скорѣе de jure, чѣмъ de facto, отношенія колонистовъ къ вызывателямъ просуществовали до 1779 года, когда вызывательскія колоніи окончательно обращены были въ коронныя, а сами вызыватели, за утрату своихъ правъ, получили денежное вознагражденіе отъ правительства. Попытка Екатерины II широкими льготами иммигрантамъ вызвать эмиграцію въ Россію изъ западно-европейскихъ государствъ вызвала противодѣйствіе со стороны этихъ государствъ, въ особенности со стороны мелкихъ владѣній юго-западной Германіи, гдѣ ей манифесты и рекламы ея вербовщиковъ создали настоящую эмиграціонную горячку въ низшихъ обездоленныхъ классахъ населенія. Повсемѣстная жалоба владѣтелей юго-западной Германіи въ концѣ концовъ побуждаютъ императора Иосифа II издать въ 1768 г. эдиктъ противъ эмиграціи. Съ этимъ эдиктомъ, лишившимъ Россію главнаго поставщика колонистовъ—юго-западной Германіи, правительство Екатерины II принуждено было считаться, а между тѣмъ совершившейся въ ея царствованіе ростъ русской государственной территоріи и въ особенности включеніе въ составъ имперіи пустынныхъ или малонаселенныхъ земель на югѣ поддерживали стремленіе правительства пользоваться для цѣлей колонизаціи иностраннымъ элементомъ. Вотъ почему правительство хватаетъ ся за малѣйшій предлогъ, пользуется всякимъ случаемъ, не останавливается ни передъ какими жертвами, чтобы привлечь возможно большее число иностранцевъ для колонизаціи русской территоріи. Работа г. Писаревскаго цѣнна не столько выводами, сколько матеріалами. Располагая знаніемъ предмета и источниковъ, авторъ можетъ продолжать свои изученія и изложить болѣе чѣмъ столѣтнюю исторію жизни и развитія иноземныхъ колоній въ Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового
 союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой
 по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ
 магазин.: **А. Ф. Циверлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20.
 „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостинный дворъ, № 18. Въ
 Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д.
 Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ,
 № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).
 Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иностранцы** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ
 Редакцію журнала „**Русская Старина**“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „**РУССКОЙ СТАРИНѢ**“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о
 дѣльныхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и
 XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ
 дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ,
 артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ:
 переноска, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—
 V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—
 Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго време-
 на.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к.
 послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ: признанныя неудобными
 для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничто-
 жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ
 не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**“ за
 слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г.,
 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
 Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

ІЮНЬ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. **Наброски изъ моей жизни.** С. П. Зыкова. 483—525
- II. **Къ характеристикѣ доктора Ѳ. П. Газа.** (Посвящается Анатолю Федоровичу Коки). С. Пучкова. 527—552
- III. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г.** Е. А. Рагозиной. 553—569
- IV. **Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера** 561—602
- V. **Переписка о Герценѣ.** Сообщ. Ю. В. Татищевъ. 603—604
- VI. **„Къ воспоминаніямъ А. Ѳ. Коки объ освидѣтельствваніи сумасшедшихъ“.** П. А. 605—608
- VII. **По поводу возраженій М. А. Газенкампа.** А. Витмера. 609—611
- VIII. **Памяти Н. Ѳ. Дубровина.** А. Слезкинскаго. 612
- IX. **О П. К. Меньковѣ.** (По поводу статьи С. П. Зыкова „Наброски изъ моей жизни“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ за 1910 г.). Ѳ. А. Макшеева. 613—615
- X. **Первое земское собраніе въ Самарѣ.** (Изъ воспоминаній о шестидесятихъ годахъ). А. А—ха. 616—618
- XI. **Замѣтки на статью Д. Скалона „Забывтый фельдмаршалъ“.** М. П. Доктурова. 619—626
- XII. **Мелхиседекъ Значко-Яворскій.** (Къ столѣтію со дня его смерти). Владиміра Пархоменко. 627—632
- XIII. **Изъ хроники церкви Николая Чудотворца села Араповки. Алатырскаго уѣзда.** Алексѣя Пазухина. 635—639
- XIV. **Изъ давно прошедшаго.** (1876—1879). Л. Богасевскаго. 640—667
- XV. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**
а) **Воинственный игуменъ.** (XVII в.). Сообщ. Н. В. Сувбровъ. 526
б) **Письмо С. П. Шевырева къ Ѳ. И. Лезберѣ.** Сообщ. В. А. Францевъ. 633—634
- XVI. **Библиографическій листокъ** (на оберткѣ).
- XVII. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 ноября по 3 декабря 1909 г.** (на оберткѣ).

Приложеніе: Портретъ Мелхиседека Значко-Яворскаго (Дороженко).

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. полудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва и. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1910.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1910 года.

Библиотека „Руниверс“

Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Подъ редакціей А. Л. Волынского, при сотрудничествѣ Н. Г. Молостова и П. А. Сергѣенко и при издѣваніи художественной частью Е. П. Самокишъ-Судковской и М. В. Добужинскаго. Изданіе книгоизд.—ва П. П. Сойкина. Спб. Выпуски I и II.

Популярная и въ то же время весьма обстоятельная біографія нашего величайшаго современника пишется по богатому матеріалу, который далеко еще не весь изданъ въ свѣтъ (напр., дневники и письма родителей Толстого), и даже не безъ нѣкотораго участія самого Льва Николаевича, просматривающаго корректуры, что служитъ значительнымъ ручательствомъ за фактическую точность сообщеній. Отъ подробнаго сужденія о книгѣ мы воздержимся до окончанія работы (всѣхъ выпусковъ общаю двѣнадцать). Скажемъ пока только, что здѣсь есть что читать и чѣмъ любоваться. Печатается изданіе роскошно и иллюстрируется очень богато — портретами, видами, снимками. Однихъ изображеній Льва Николаевича будетъ двѣсти. Хотѣлось бы только видѣть побольше единства и строгости въ этомъ отдѣлѣ и поменьше небрежныхъ виѣтоковъ и ненужныхъ флоритуръ, поменьше фантастическихъ портретовъ. Тутъ самый сюжетъ, такъ сказать, „не терпитъ суеги, прекрасное должно быть величаво“.

Н. Л.

М. Х. Рейтернъ. Біографическій очеркъ. Составленъ А. Н. Куломзинимъ и гр. В. Г. Рейтернъ — бар. Нолькенъ. Съ приложеніями посмертныхъ записокъ М. Х. Рейтерна. 1910.

Несмотря на то значеніе, какое имѣтъ стоявшій такъ долго во главѣ финансоваго управленія М. Х. Рейтернъ, его дѣятельность государственная, какъ министра финансовъ и личность до сихъ поръ мало выяснены въ нашей экономической литературѣ. Этотъ пробѣлъ, въ извѣстной степени, восполняется изданіемъ тепло написаннаго г.г. Рейтернъ и близко знакомымъ съ дѣятельностью Р. въ старомъ комитетѣ министровъ, авторомъ многихъ историко-экономическихъ сочиненій А. Н. Куломзинимъ, біографическаго очерка.

Приложенныя къ очерку посмертныя записки Р., въ которыхъ онъ выяснилъ основныя начала экономической и финансовой системы своей эпохи и высказываетъ взгляды на готовность Р. къ войнѣ 1877—78 гг. и будущія экономическія и финансовыя ея послѣдствія, а равно мастерски изложенныя наблюденія надъ измѣненіями взглядовъ въ высшихъ придворныхъ кругахъ, читаются съ захватывающимъ интересомъ.

В. С.

А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Ганка“. Подъ редакціей В. А. Ляцкой. М. 1910.

Издатель справедливо находитъ, что „біографія и характеристика А. Н. Пыпина еще ждутъ своего изслѣдователя, которому предстоитъ благодарная задача возсоздать умственный и нравственный обликъ знаменитѣйшаго изъ историковъ русской литературы не только по біографическимъ даннымъ, но и по отраженію его въ богатомъ литературномъ наслѣдствѣ“. Задача дѣйствительно интересная, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ велегкая. Благородный и скромный ученый очень мало написалъ о себѣ самомъ; литературные и научные интересы поглощали его всего. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые много занимаютъ собою и видятъ въ этомъ „предметъ достойный: ничего любезнѣй вѣрно нѣтъ его“. Біографія Пыпина — въ значительной степени исторія русской науки, и онъ самъ, видно, невольно полусознавалъ это, когда въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, задумавъ, послѣ усиленныхъ просьбъ близкихъ, рассказать о себѣ самомъ, быстро растеся мыслию по древу своей эпохи и куда-то далеко, далеко спряталъ свою личную исторію. И все-таки его внутренней обликъ проступаетъ четко. Замѣтки, какъ и спеціально-научные труды Пыпина, рисуютъ живую, на многое отзывчивую душу, много любящую, вмѣщавшую много широкихъ сочувствій. Мелкопомѣтная дворянская семья и гимназія 40-хъ годовъ, петрашевцы, казанскій и петербургскій университеты, крымская кампанія, Добролюбовъ, Чернышевскій, русскіе и германскіе ученые 50—60-хъ годовъ, дѣятели чешскаго возрожденія — вотъ содержаніе этой интересной книги. Мало въ ней обычныхъ мемуарныхъ мелочей и интимностей, но зато отлично представлена эпоха, которой Пыпинъ былъ виднымъ научнымъ дѣятелемъ и типическимъ представителемъ. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно интересенъ приложенный къ книгѣ портретъ Пыпина, портретъ настоящаго шестидесятника.

Н. Л.

Изъ записной книжки артиста Василія Васильевича Безекирскаго. 1850—1910.

Воспоминанія извѣстнаго скрипача, бывшаго солиста московской оперы, носятъ нѣсколько отрывочный характеръ; передъ читателемъ проходитъ масса лицъ, но хорошо запоминающихся портретовъ нѣтъ, одинъ лишь набросокъ. Фактовъ тоже много, и они не лишены извѣстнаго интереса. Записки краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, сколько выдержки и настойчивости нужно было проявить, чтобы оградить достоинство русскаго артиста и просто человѣка во времена полнаго произвола со стороны театральнаго администраціи. Достаточно сказать, что нашъ Императорскій оркестръ состоялъ преимущественно изъ нѣмцевъ, которые получали пенсію за десятилѣтнюю службу ту же, какую русскіе получали за двадцать лѣтъ. — Искренность и правдивость тона усидчиво, плетательные отъ книги.

Библиотека Румянцевскаго

В. Я.

Мелхисидекъ Значко-Яворскій
(Дороженко).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**. — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Повѣдка въ Самборѣ“. **П. М. Ковалева**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — „Николай Алексѣвичъ Некрасовъ“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалева, Чулрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **В. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Радень, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣвны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ биографіи Л. А. Мея“. — „Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина И. А. Бахтияву“. **М. И. Нановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкринна“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Мясской губерніи. **Е. А. Рагозиной** — „Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.“ **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н.—ъ—**, Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. Ланжерона 1812 г.“ — Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крейсерахъ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая города XVII вѣка). Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генераль Моро въ русскихъ войскахъ“. Воспоминанія Д. Санглея, Леваковскаго, Семенова и др. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

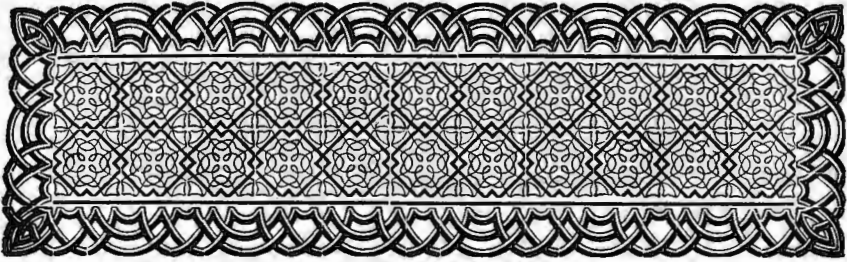
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—ответственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Наброски изъ моей жизни ¹⁾.

о 1-го января 1863 года газета „Русскій Инвалидъ“ находилась въ арендномъ содержаніи у полковника генеральнаго штаба Н. Г. Писаревскаго. Какія были условія при заключеніи контракта, и что послужило причиною его нарушенія, мнѣ неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то, какой убытокъ понесло военное министерство при расторгненіи контракта.

19-го ноября 1862 года циркуляромъ инспекторскаго департамента было объявлено, что съ 1-го января 1863 года изданіе газеты въ хозяйственномъ отношеніи переходитъ въ завѣдываніе военнаго министерства. Далѣе было сказано, что „Русскій Инвалидъ“ составляеть официальный органъ военнаго министерства только по своей официальной части; по всѣмъ же прочимъ отдѣламъ, которые войдутъ въ составъ газеты, согласно новой объявленной для нея программѣ, изданію предоставлена самостоятельность съ отвѣтственностью за статьи, помѣщаемыя въ неофициальной части, самихъ редакторовъ; но при этомъ отъ надзора общей цензуры газета будетъ уже освобождена.

Первыми редакторами были: генеральнаго штаба полковникъ Романовскій и профессоръ университета А. Н. Бекетовъ. Послѣдній впрочемъ оставался очень недолго. Съ удаленіемъ его мнѣ пришлось быть ближайшимъ сотрудникомъ Д. И. Романовскаго, что продолжалось до 1865 года, когда я самъ сдѣлался редакторомъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1910 г.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ я имѣлъ возможность близко узнать Д. А. Милютина. Бывая часто у него со статьями своими или чужими, требовавшими предварительнаго доклада, я имѣлъ возможность замѣтить его взглядъ на тотъ или другой общественный или политическій фактъ, что давало мнѣ возможность ориентироваться въ направленіи газеты.

Въ новой редакціи газеты постоянными сотрудниками были слѣдующія лица: Андрей Николаевичъ Бекетовъ, Артуръ Богдановичъ Бушень, Викторъ Петровичъ Буренинъ, Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ, Андрей Парфенычъ Заболоцкій, Михаилъ Іосифовичъ Кояловичъ, Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій, Владиміръ Ивановичъ Ламанскій, Н. А. Милютинъ, Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ и Евгений Михайловичъ Ѳеоктистовъ. Кромѣ того, редакція озаботилась привлеченіемъ къ изданію заграничныхъ корреспондентовъ, въ Германіи, въ Австріи, Италіи и въ Парижѣ, въ числѣ коихъ были: баронъ Торнау, Калосинъ и Боборыкинъ.

Механизмъ редакціонной работы состоялъ въ томъ, что передовая статья, трактующая внѣшнюю политику, обязательно должна была быть прочитанной министру, для чего я ежедневно вечеромъ къ нему и ѣздилъ. Вѣроятно, Дмитрій Алексѣевичъ опасался, что какая-нибудь неосторожность со стороны редакціи подастъ поводъ для претензій со стороны князя Горчакова. Поэтому передовыя статьи по иностранной политикѣ были жиге воды и во все время моего редакторства ни одной поправки, сдѣланной министромъ, я не помню.

Что касается до внутренней политики, то здѣсь редактору была дана извѣстная свобода, при чемъ, однако, весьма часто собственное благоразуміе редактора останавливало его и заставляло обращаться за санкціею къ министру. Такимъ образомъ, нельзя сказать, что министръ постоянно инспирировалъ редакцію; напротивъ, редакція, слѣдя за общественными явленіями и событіями, смотря по важности, докладывала о нѣкоторыхъ изъ нихъ министру и, смотря по обстоятельствамъ, отзывалась о нихъ въ газетѣ.

Какъ ни ничтожны были передовыя статьи объ иностранной политикѣ въ газетѣ, тѣмъ не менѣе одна изъ нихъ надѣлала большого шума въ нашемъ муравейникѣ. При одномъ изъ вечернихъ докладовъ министръ спросилъ меня:

— Скажите, Сергѣй Павловичъ, что у насъ было въ „Инвалидѣ“ о баронѣ Брунновѣ, я что-то совсѣмъ не помню.

— Я хорошо помню, что фамилія барона не фигурировала въ газетѣ.

— Справьтесь и скажите мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Слушаю, а что же случилось?

— Государь мнѣ сегодня сказалъ, что ему жаловался баронъ на то, что Инвалидъ ведетъ свою политику и мѣшаетъ ему.

Какъ ни смѣшны мнѣ были слова барона Бруннова, придававшего такую важность газетѣ съ жидкими статьями политическаго содержанія, тѣмъ не менѣе, однако, я былъ встревоженъ и отвѣчалъ:

— Слушаю, завтра же перерою газету за цѣлый мѣсяцъ и доложу о результатѣ.

И вотъ, на другой день дѣйствительно вся редакція начала перечитывать всѣ передовыя статьи и ничего не нашла подобнаго тому, о чемъ говорили мнѣ министръ.

Впослѣдствіи это объяснилось, и какъ кажется справедливо, слѣдующимъ образомъ. Писавшій передовыя статьи, получавшій иногда свѣдѣнія изъ министерства иностранныхъ дѣлъ былъ хорошъ съ двумя сателлитами князя Горчакова, Катакази и Гамбургеромъ, которые, вѣроятно въ угоду князю Горчакову, и подсунули фразу, смыслъ которой долженъ былъ понять никто другой, какъ только баронъ Брунновъ и князь Горчаковъ.

Въ дальнѣйшемъ, впрочемъ, вскорѣ все это было забыто.

Съ преобразованіемъ „Русскаго Инвалида“ совершенно измѣнилась его роль. Бывъ прежде исключительно военнымъ органомъ, онъ теперь дѣлался серьезною политическою газетою, съ которою за короткое время ея существованія приходилось считаться не только русской прессѣ, но и заграничнымъ органамъ печати. Въ особенности роль „Инвалида“ за границую возрасла съ 1864 года, когда при газетѣ сталъ издаваться на трехъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ литографированный листокъ „Cotrespondance Russe“, о чемъ будетъ сказано ниже.

Газета, дотолѣ печатавшая приказы да обрывки изъ „Journal de S.-Pétersbourg“, вдругъ, благодаря своимъ даровитымъ сотрудникамъ, заговорила смѣлымъ и неподкупнымъ языкомъ о внутренней политикѣ, о торговлѣ и промышленности, о желѣзныхъ дорогахъ, о литературѣ. Русское общество скоро замѣтило направленіе безпристрастной газеты, и уже въ 1864 году я получилъ изъ Харькова слѣдующую телеграмму:

„Харьковское общество всѣхъ сословій, въ числѣ 360 человекъ: дворянъ, купцовъ, ученыхъ, военныхъ, мѣщанъ, цеховыхъ и крестьянъ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ по поводу судебной реформы, шлетъ вамъ благодарность свою за поддержаніе вашей Газетою мысли о проведеніи велико-торгово-промышленной

южной желѣзной дороги изъ Москвы, черезъ Харьковъ, къ Черному морю.

Г. Данилевскій.

Н. Нельговскій.

Городской голова Скрыпниковъ“.

Выше уже упоминалось о Земскомъ собраніи въ Петербургѣ, въ томъ же году состоялось и дворянское собраніе. О предстоящемъ собраніи говорили уже заранѣе, при чемъ вмѣстѣ съ собраніемъ упоминалось и имя царскосельскаго предводителя г. Платонова. Всѣ чего-то ждали отъ него и говорили о какой-то его запискѣ, которая будетъ имъ прочитана.

Собраніе было открыто необыкновенно торжественно. Болѣе двухсотъ человекъ дворянъ, засѣдавшихъ въ собраніи въ своихъ разнообразныхъ блестящихъ мундирахъ съ разнообразными фізіономіями, составляли блестящую живописную картину. Сѣдовласые генералы, увѣшанные орденами, рядомъ съ юными корнетами и прапорщиками въ блестящихъ гусарскихъ доломанахъ и простыхъ армейскихъ мундирахъ, скромные дворянскіе мундиры подлѣ золотыхъ камергерскихъ и камеръ-юнкерскихъ, и все это освѣщалось яркимъ солнцемъ.

Въ первую недѣлю засѣданій публика на хорахъ была весьма не многочисленна, едва первыя скамейки одной стороны были заняты. Но съ каждымъ днемъ число любопытныхъ возрастало, и подъ конецъ засѣданій не только всѣ скамейки со всѣхъ сторонъ были заняты, но трудно было найти мѣстечко, чтобы видѣть и слышать, что дѣлается и говорится въ залѣ. Особенно много было дамъ, принадлежавшихъ, повидимому, къ высшему кругу потому, что только слышалась отъ нихъ бойкая французская рѣчь, такъ что можно было забыть, что находишься въ русскомъ собраніи, а не во французской палатѣ. Надо впрочемъ отдать справедливость многимъ изъ нашихъ дамъ, что, несмотря на свой чисто парижскій діалектъ, онѣ сильно интересовались происходившими преніями о чисто русскихъ жизненныхъ вопросахъ и внимательно по цѣлымъ часамъ прислушивались къ нимъ.

16 марта, наконецъ, читалась записка г. Платонова. Въ этотъ день публика была особенно многочисленна. Тутъ были и чиновники, и военные, и профессора, и помѣщики, а дамъ было еще больше, и еще громче раздавались французскія фразы. Во время же чтенія столь давно и столь многими ожидаемой записки царствовала мертвая тишина. „Великое народное событіе—уничтоженіе крѣпостного права—поставило какъ сословіе дворянъ, такъ и другія сословія въ новыя отношенія, требующія совершеннаго возрожденія нашего зем-

скаго быта и упроченія за нимъ самостоятельнаго управленія“. Такъ началъ чтеніе г. Платоновъ.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ говорилъ, что при равноправности сословій можно было помѣщикамъ довольствоваться кое-какими прежними порядкамъ, ибо, и не участвуя въ земскихъ дѣлахъ, они были обезпечены въ своихъ интересахъ и безъ хлопотъ получали опредѣленные доходы съ имѣній. Оттого дворянство, отдѣлясь отъ остального земства, болѣе и болѣе примыкало къ бюрократіи, и выборное начало, подавляемое администраціею, было безплодно. Теперь не то, самые интересы помѣщиковъ требуютъ соединенія сословій и общаго участія въ дѣлахъ земства; вмѣсто крѣпостнаго права, является потребность въ равноправности для охраненія личности и собственности каждаго отъ произвола; является настоятельная нужда въ томъ, чтобы лучшіе избранные люди, русской земли, принимали бы участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Такова была безупречная, повидимому, тема, развитая г. Платоновымъ; но для болѣе ясной оцѣнки всего содержанія ея во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, оказывалось нѣсколько, такъ сказать, исключительно дворянскихъ тенденцій, о чемъ тотчасъ же и заявилъ свое мнѣніе „Русскій Инвалидъ“.

Мнѣніе это газета изложила въ слѣдующей заключительной о собраніи статьѣ:

„Лѣтопись наша окончена. Намъ остается сказать только нѣсколько словъ о духѣ и результатахъ труда почтеннаго собранія. Еще въ первой статьѣ своей мы откровенно высказали, что дворянство можетъ и желаетъ принять дѣятельное участіе въ обсужденіи отечественныхъ вопросовъ и въ содѣйствіи правительству къ усиленному ихъ рѣшенію. Мы и теперь остаемся при томъ же мнѣніи. Что же касается до безпристрастія въ рѣшеніи вопросовъ, то мы, къ сожалѣнію, въ немъ сомнѣваемся. Много разсуждали въ собраніи о равенствѣ всѣхъ сословій передъ закономъ, о равноправности; но въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ ясно обнаружались сословные предрассудки, которыми проникнуто большинство; ясно высказались сословныя стремленія къ защитѣ во что бы то ни стало дворянскихъ привилегій. И это впрочемъ понятно и естественно: вѣковыя привычки и стремленія не могутъ потерять своей силы въ нѣсколько лѣтъ. Такъ было въ исторіи почти всѣхъ европейскихъ дворянствъ, начиная съ римскихъ патриціевъ до нѣмецкаго юнкерства и англійской аристократіи; медленно, шагъ за шагомъ, уступали они свои привилегіи и только послѣ болѣе или менѣе упорной и продолжительной борьбы равнялись передъ законами съ другими сословіями. Такъ будетъ и у насъ, хотя, къ счастью, борьба

съ нашимъ слабымъ искусственнымъ аристократизмомъ не можетъ быть ни упорна, ни продолжительна. Насъ обвиняютъ въ демократизмѣ напрасно: мы не противъ дворянства доступнаго всѣмъ сословіямъ, какъ наше, и можетъ быть, какъ элементъ, выработанный нашей исторіей, оно необходимо для дальнѣйшаго развитія нашего общества;—не даромъ же оно болѣе двухъ вѣковъ питалось трудомъ народа, выростало на его согнутой спинѣ. Но, развиваясь и преуспѣвая, пусть же дворянство не мѣшаетъ общему развитію и преуспѣванію, присвоивая себѣ права на предѣдательство въ земскихъ собраніяхъ, право на непосредственное ходатайство передъ верховной властью и т. п. Ревниво оберегая и защищая эти устарѣлыя привилегіи, оно подражаетъ отсталымъ нѣмецкимъ феодаламъ, а не либеральнымъ англійскимъ джентльменамъ, и само произноситъ надъ собою приговоръ. Дворянскія тенденціи проглядываютъ даже въ лучшихъ людяхъ, даже, повидимому, въ безкорыстныхъ предложеніяхъ. За примѣромъ ходить не далеко. Записка г. Платонова, которую мы частью изложили, и которой во многомъ сочувствуемъ, начинается и кончается дворянскими выгодами; хотя въ ней безпрестанно повторяется мысль объ уравненіи и соединеніи всѣхъ сословій. При крѣпостномъ правѣ намъ было выгодно,—мы молчали, теперь не то, и мы заговорили. Къ счастью русскаго народа, правительство наше гораздо либеральнѣе дворянства“.

Такая оцѣнка проекта г. Платонова подняла на ноги всѣхъ тѣхъ, которые никакъ не могли помириться съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Главнымъ органомъ крѣпостнической партіи была въ это время газета „Вѣсть“, издававшаяся г. Скарятинимъ и Юматовымъ. Она съ пѣною у рта обрушилась на „Русскій Инвалидъ“, обвиняя его въ радикализмъ и подчеркивая все, что только могло возбудить вниманіе начальствующихъ лицъ; она это дѣлала тѣмъ запальчивѣе, что за ея спиною стояли покровители, занимавшіе властные посты въ лицѣ Валужева, Тимашева, Потапова и др.

Съ этой минуты рѣдкій номеръ газеты „Вѣсть“ появлялся безъ самыхъ желчныхъ нападокъ на „Инвалидъ“ и на редакцію. Болѣе всего возмущалась она тѣмъ, что не могла прямо назвать по имени того истинно государственнаго человѣка, который, сочувствуя благимъ начинаніямъ Александра II, до конца своего служебнаго прищца стоялъ за государственные интересы Россіи, тогда какъ редакція „Вѣсть“ съ яростью стояла за крѣпостничество, за баронскія притязанія остзейцевъ, за безумныя мечты польскихъ магнатовъ.

Она въ этомъ случаѣ по русской поговоркѣ была „не по коню, такъ по оглоблямъ“.

А могла ли редакція „Инвалида“ равнодушно относиться къ за-

тѣямъ тѣхъ администраторовъ, которые, безъ зазрѣнія совѣсти, продавали самыя дорогіе интересы Россіи, служа ей вѣроломно. Въ потаповское время управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ редація получала массу писемъ, въ которыхъ шагъ за шагомъ описывались всѣ коварныя дѣйствія тамошней администраціи, клонившіяся постоянно къ тому, чтобы выжить оттуда русскихъ людей и замѣнить ихъ поляками, или такими русскими, для которыхъ государственныя интересы ничего не стоили.

Я приведу здѣсь одно изъ сохранившихся у меня писемъ слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь.

„Съ марта мѣсяца въ нашемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ Вамъ вѣроятно уже отчасти извѣстно, происходятъ новые порядки, или иначе говоря, для обрусенія края приспособляется программа „Новаго Времени“¹⁾; газеты „Вѣсть“ и „Новое Время“ постоянно проповѣдывали, что здѣшніе крестьяне надѣлены русскими мировыми посредниками бѣльшимъ количествомъ земли, чѣмъ бы слѣдовало, хотя это совершенно несправедливо. Значить, по понятію этихъ газетъ для возстановленія законности, порядка, правосудія, правъ собственности и даже самаго спокойствія слѣдуетъ перепроверить дѣйствія повѣрочныхъ комиссій. Но, такъ какъ для этой цѣли не годятся, конечно, прежніе мировые посредники, то генераль-губернаторъ Потаповъ въ первые же два мѣсяца своего управленія краемъ уже успѣлъ смѣнить болѣе сорока человекъ посредниковъ, при чемъ нѣкоторымъ изъ нихъ было предписано даже немедленно и вовсе оставить край. Прежніе губернаторы, утверждавшіе дѣйствія повѣрочныхъ комиссій, а равно и другіе начальники отдѣльныхъ частей также не были пригодны для этой цѣли, а потому почти всѣ поголовно и были смѣнены.

Слѣдовало, затѣмъ, уничтожить самую гласность, чтобы никто отсюда не смѣлъ писать, что творится, въ видахъ правосудія, однимъ словомъ, чтобы насталъ прежній мракъ для Россіи по дѣламъ здѣшняго края. Для этого редактору „Новаго Времени“ Киркору, какъ распространяющему ложь о здѣшнихъ дѣлахъ, вопреки рѣшенія Государственнаго Совѣта было выдано Потаповымъ 4.000 руб., а корреспондентовъ „Голоса“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ рѣшено выгнать со службы и даже выслать изъ края. Такъ г. Антропову, который писалъ въ защиту Главацкаго и который объявилъ Потапову, что дѣйствительно онъ писалъ предъявленную ему статью въ „Голосъ“, было приказано подать въ отставку. Ксендзъ Козловскій,

¹⁾ Говорится о газетѣ, которая издавалась въ то время Киркоромъ.

принявшій православіе, былъ лишенъ прихода, жалованья и, писавшій статьи о принадлежности Остробрамской иконы православнымъ, долженъ былъ прекратить свои изысканія, такъ какъ Потаповъ прямо объявилъ ему, что ежели онъ будетъ продолжать писать, то онъ его сошлетъ въ Вятку. Мнѣ тоже лично объявлено, что вышлетъ изъ края. Затѣмъ послѣдовательно одно за другимъ, отмѣнены всѣ прежнія Муравьевскія распоряженія. Въ то же время польскимъ литографіямъ и типографіямъ возвращали залого, полякамъ дозволили имѣть ружья, брать порохъ изъ казенныхъ складовъ...

Городскимъ головою въ Вильнѣ Потаповъ назначаетъ графа Тышкевича, а между тѣмъ поляки не зѣваютъ и, кажется, задумываютъ опять устроить свое собственное сѣверо-западное войско. По крайней мѣрѣ въ казармахъ, занимаемыхъ Троицкимъ полкомъ, нашли прокламаціи, зазывающія офицеровъ и солдатъ въ польскія войска, гдѣ имъ будетъ лучше, и гдѣ имъ будутъ платить жалованья больше.

Такимъ образомъ, достаточно и этихъ нѣсколькихъ строкъ, чтобы хотя отчасти понять печальное положеніе здѣшнихъ русскихъ въ настоящее время, тѣхъ русскихъ, которые служатъ здѣсь Государю и Отечеству, перенося всѣ тяжести жизни, всѣ оскорбленія съ истинно рыцарскимъ самопожертвованіемъ“.

Понятно, что письмо это не могло быть помѣщено въ газетѣ, но оно было мною прочитано военному министру. Точно также я доложилъ ему и не менѣе характерное письмо слѣдующаго содержания.

Милостивый Государь.

„Дней десять тому назадъ, на возвратномъ пути изъ своего заграничнаго путешествія, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Вильну редакторъ „Вѣсти“ г. Скарятинъ. Разговоры его при посѣщеніи нѣкоторыхъ лицъ, здѣсь живущихъ, оказались весьма занимательными, а потому я рѣшился сообщить ихъ Вамъ. Кромѣ Г. и Р. онъ былъ въ комиссіи по церковнымъ дѣламъ, которой завѣдуетъ, г. Никитинъ, также онъ былъ въ комиссіи, гдѣ предсѣдательствуетъ Главацкій. Главацкому онъ доказывалъ между прочимъ, что самый надежный оплотъ Россіи остается только въ аристократіи; все остальное гниль, угрожающая государству анархіей. Къ числу аристократовъ, составляющихъ оплотъ Россіи, кромѣ Валуева, Шувалова, Суворова, Потапова, онъ представляетъ конечно и себя.

Съ Г. онъ былъ еще откровеннѣе. Онъ говорилъ ему, что съ возвращеніемъ Государя изъ-за границы въ Варшавѣ рѣшится окончательно вопросъ о либерально-гуманной политикѣ Россіи относительно внутреннихъ ея вопросовъ, и навсегда покончится счетъ

съ старорусскою партіей, т. е. съ военнымъ министромъ и его безобразною партіей. Цинизмъ его откровенія дошелъ наконецъ до того, что онъ прямо увѣрялъ, что у нихъ, у этихъ защитниковъ польскихъ и нѣмецкихъ интересовъ въ Россіи, есть вѣрное средство всегда остановить Государя отъ исполненія совѣтовъ этой безобразной партіи: стоитъ только напомнить о Каракозовѣ. Вотъ какими средствами эти гуманисты дѣйствуютъ на великодушнаго монарха, такъ доселѣ славно ведущаго по мирному пути прогресса. Вотъ такихъ людей слѣдуетъ высылать изъ края, а между тѣмъ теперь они у насъ пользуются почетомъ: даже Киркоръ обѣдалъ у Потапова, а губернаторъ Шестаковъ поспѣшилъ отдать ему визитъ. Сегодня опять ждуть сюда Скарятинъ, который, кажется, хочеть вмѣстѣ съ Потаповымъ отправиться въ Варшаву, гдѣ будетъ Совѣтъ Министровъ.

О подвигахъ настоящаго нашего генераль-губернатора Вы уже достаточно, конечно, знаете изъ газетъ. Выславъ изъ края самыхъ лучшихъ мировыхъ посредниковъ болѣе ненавистныхъ полякамъ, выславъ всѣхъ корреспондентовъ газетъ, съ патріотическимъ направленіемъ,—корреспонденты „Вѣсти“ и „Новаго Времени“ въ особенномъ почетѣ,—Потаповъ взялся выслать и русскихъ священниковъ. Участь Смарагда, сказавшаго проповѣдь 14-го апрѣля, Вамъ конечно извѣстна. Теперь Потаповъ написалъ епископу Александру, назначенному въ Минскъ, предложивъ немедленно удалить отъ должности пять священниковъ его новой епархіи; въ случаѣ же, если онъ замедлитъ исполненіемъ этого его распоряженія, то, на основаніи военнаго положенія, онъ ихъ вовсе вышлетъ изъ края. Добавлять къ подобнымъ фактамъ, кажется, нечего“.

А вотъ свѣдѣнія о происходившемъ въ то же время въ юго-западномъ краѣ.

Милостивый Государь.

„Нѣтъ сомнѣнія, что, читая въ „Кіевлянинѣ“ описаніе первой поѣздки генерала-губернатора Безака по Кіевской губерніи для ревизіи, Вы, ежели не имѣли частныхъ свѣдѣній болѣе вѣрныхъ, то повѣрили благотворному вліянію этого путешествія для поднятія вообще русскаго духа въ этомъ краѣ; но Вы, можетъ быть, не знаете, что „Кіевлянинъ“ получаетъ отъ мѣстнаго начальства субсидію, что онъ помѣщаетъ то, что ему сообщено отъ официальныхъ корреспондентовъ восторженниковъ по заказу, а не то, что въ сущности происходитъ. Но на все есть предѣлъ, и въ „Кіевлянинѣ“ на столько, кажется, хватило совѣсти, чтобы не восхвалять дальнѣйшихъ поступковъ г. Безака, представляя ихъ въ розовомъ цвѣтѣ, потому что это было бы просто измѣною всѣмъ роднымъ интересамъ, вводя

такимъ образомъ русское общество въ заблужденіе на счетъ дѣйствительности происходящаго. Мы уже не говоримъ о дѣйствіяхъ Анненкова, коего поступки и побужденія болѣе всего зависѣли отъ всякой встрѣчной польской юбки; его карьера къ нашему общему благополучію кончена, но видно этому юго-западному краю уже такъ на роду написано подвергаться испытаніямъ одно другого хуже. За Анненковымъ слѣдуетъ Безакъ, вотъ о его подвигахъ мы и намѣрены Вамъ повѣдать, изложивъ путешествіе его по Волынской губерніи. Утромъ 12-го августа его высокопревосходительство изволили выѣхать изъ Кіева и на 65 верстѣ, и на станціи Ставища, вкусно обѣдать у поляка князя Гедройца, представившагося ему въ мундирѣ папскихъ войскъ. Далѣе продолжая путешествіе, онъ не ночевалъ съ 13 на 14, какъ предполагалось по печатному маршруту въ г. Овручѣ, гдѣ ждалъ его волынской губернаторъ, два дня, не доѣзжая до него одну станцію. Прибывъ въ Овручъ, онъ отказался отъ обѣда, приготовленнаго ему губернаторомъ, вѣроятно желая высказать ему личное неудовольствіе, до котораго намъ, конечно, нѣтъ никакого дѣла и которое предъ поляками выказывать уже никакъ не слѣдуетъ. Далѣе, онъ отправился въ городъ Заславль; здѣсь также, какъ и въ Овручѣ и вообще вездѣ, посмотрѣлъ на стѣны присутственныхъ мѣстъ,—онѣ всѣ были выбѣлены—и отправился въ Острогъ на обѣдъ къ ясновельможному пану князю Яблоновскому. Надо Вамъ знать, что князь Яблоновскій въ 1863 году угощалъ обѣдами также и повстанцевъ въ своихъ деревняхъ: Плужномъ и Мякотахъ, за что экононы этихъ деревень, сильные орудія его воли, сидятъ въ тюрьмѣ, а онъ, какъ и всегда бываетъ съ богатыми панами, на свободѣ. Объ этомъ зналъ предварительно и оффиціально и г. Безакъ; поэтому можно и даже должно было ожидать, какъ и ожидали, совершенно другого результата относительно князя Яблоновскаго и другихъ вѣдомыхъ всѣмъ инсургентовъ: г.г. Іодки, графа Иллинскаго, въ обществѣ которыхъ онъ обѣдалъ. Затѣмъ, послѣ обѣда онъ отправился въ м. Межиричи, и тутъ-то произошла сцена съ мужиками совсѣмъ въ другомъ вкусѣ, чѣмъ за обѣдомъ съ милыми поляками. Мужики эти уклоняются отъ взыска obroka; слѣдовательно, не слушаются. До начала, когда имъ была объявлена свобода, въ 1861 году, ихъ торопили съ грамотами: кто послушается, говорили, тотъ скорѣе будетъ собственникомъ. Нѣкоторые дѣйствительно послушались: паны получили выкупную сумму, и послушные мужики выплачиваютъ теперь почти двойную сумму противъ тѣхъ, кои не послушались, такъ какъ теперь идетъ новая переоцѣнка земли и повѣрка грамотъ русскими мировыми посредниками. Но пока идетъ эта повѣрка, съ нихъ требуютъ взноса

оброка по первоначальной оцѣнкѣ. Естественно, что мужики ждуть переоцѣнки, чрезъ что и самый оброкъ уменьшится почти вдвое, и хотя ихъ увѣряють, что лишнее количество денегъ, теперь ими вносимое панамъ, будетъ зачтено на будущее время, но они не довѣряють, видя примѣръ на своихъ послушныхъ сосѣдяхъ, поторопившихся выкупомъ земель и вносящихъ за свое послушаніе двойную цѣну, за землю, такъ какъ помѣщики уже получили слѣдующую имъ сумму и возвратитъ отданнаго нельзя. И вотъ Безакъ вмѣсто того, чтобы войти по-христіански и по-русски въ положеніе этого несчастнаго люда, столько разъ сбитаго съ толку, этими безконечными варіаціями крестьянскаго вопроса и по милости измѣнниковъ пановъ, поставившихъ крестьянъ въ двухъмысленное положеніе къ правительству, бросается сначала на одного мужика, хватаетъ его за волосы, другихъ ругаетъ самыми площадными словами, на утѣшеніе поляковъ, бабъ ставитъ на колѣни и восемь человекъ отправляетъ въ Кіевскую крѣпость.

Далѣе, въ г. Дубно, онъ опять обѣдалъ у князя Любомірскаго. Такимъ образомъ его путешествіе есть собственно путешествіе по польскимъ обѣдамъ пановъ, отъ которыхъ даже мы грѣшные отказываемся, зная очень хорошо, что эти обѣды не что иное, какъ желаніе показать передъ народомъ свою дружбу съ высшими властями, поставить въ тупикъ и насмѣяться надъ тѣмъ же народомъ, который недавно этихъ бунтовщиковъ вязалъ, а теперь ихъ же самихъ дерутъ и сажаютъ въ крѣпость.

Въ Житомирскомъ уѣздѣ крестьянину, подавшему жалобу на помѣщицу графиню Грохольскую, не дающую крестьянину слѣдующей ему земли, оставилъ безъ вниманія и отвѣчалъ на нее угрозами. Только болѣе добросовѣстный составъ мирового съѣзда, къ которому обратился мужикъ, удовлетворилъ его просьбу, такъ какъ она имѣла вполнѣ законное основаніе. Теперь члены этого мирового съѣзда ждуть, не выругаетъ ли ихъ Безакъ за самоуправство.

Но довольно печальныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что г. Базакъ такъ смѣло и открыто идетъ на перекоръ всѣмъ ожиданіямъ и національнымъ интересамъ, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ.

Грустно на душѣ. Неужели въ Россіи нѣтъ больше людей кромѣ Муравьева, готовыхъ посвятить себя всецѣло интересамъ и служенію своей родинѣ въ это трудное для нея переходное время. Мнѣ кажется, нужно только оставить въ покоѣ всѣ эти испорченныя съ корнемъ развалины прошлаго столѣтія и поискать людей болѣе свѣжихъ и болѣе проникнутыхъ своимъ долгомъ передъ об-

ществомъ или уже по крайней мѣрѣ честныхъ, хотя бы въ частномъ значеніи этого слова.

.

Да, земля наша велика и обильна
 всякими мерзостями и поляками, и нѣмцами и евреями, только русскихъ въ ней еще до сихъ поръ почти не видно“.

Здѣсь кстати припомнить одинъ интересный случай по поводу доклада моего министру полученнаго мною письма. Въ одинъ прекрасный день или вечеръ въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ явилась блестящая мысль о бесполезности ружейныхъ заводовъ въ казенныхъ рукахъ и о необыкновенной выгодѣ имѣть ихъ въ частныхъ рукахъ. Я ничего не могу сказать о томъ, какъ это совершилось, и на какихъ основаніяхъ, потому что мнѣ это вовсе неизвѣстно; знаю только, что всѣ ружейные заводы очутились въ частныхъ рукахъ начальниковъ этихъ заводовъ, въ скоромъ времени пріобрѣтшихъ огромные капиталы, движимые и недвижимые.

Съ теченіемъ времени въ редакцію начали появляться письма объ этихъ заводахъ. Однажды я съ такимъ письмомъ былъ вечеромъ у министра и уже почти кончилъ читать, какъ фельдъегерь, войдя въ кабинетъ, провозгласилъ: генераль Баранцевъ.

Полагая, что мнѣ придется ожидать окончанія доклада Баранцева, я взялся за портфель, думая выйти изъ кабинета, но былъ удержанъ министромъ.

— Нѣтъ, погодите, сказалъ онъ, это очень кстати.

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ и Баранцевъ.

— Вотъ послушайте, Александръ Алексѣевичъ, какое письмо получилъ Сергѣй Павловичъ по поводу нашихъ ружейныхъ заводовъ.

— Нѣтъ, ужъ увольте меня, Дмитрій Алексѣевичъ; я не могу вѣрить всякому пасквилю, горячо возразилъ Баранцевъ.

— Да я и не вѣрю; но не лучше ли было бы, если опровергнуть это фактами, посредствомъ печати и разъ навсегда положить этому конецъ.

— Да развѣ можно имѣть дѣло съ нашими газетчиками; съ ними безъ перчатокъ и говорить-то нельзя.

— Обстоятельное опроверженіе заставило бы замолчать печать, тѣмъ бы дѣло и кончилось.

— Не могу я, Дмитрій Алексѣевичъ, вступать въ полемику со всякимъ сбродомъ.

— Ну какъ знаете, отвѣтилъ министр и, обратясь ко мнѣ, спросилъ: Вы кончили?

Такъ какъ большая часть письма была уже прочитана, то я

отвѣчалъ, что кончилъ, и уѣхалъ домой. Что происходило между А. А. Баранцевымъ и министромъ, я не знаю, но убѣжденъ, что разговоръ на заданную письмомъ тему продолжался.

Неизвѣстно, выгодно ли было казнѣ отъ этихъ арендъ, но арендаторовъ эта система обогатила, и они приобрѣли большіе капиталы.

Все кратковременное свое существованіе въ видѣ политической газеты „Русскій Инвалидъ“ провелъ въ полемикѣ съ газетою „Вѣсть“ по поводу ея стремленій создать крупное дворянство съ замаскированнымъ видомъ крѣпостничества, съ петербургскою нѣмецкою прессою, стоявшею за устарѣлыя феодальные порядки, царившіе въ Остзейскомъ краѣ, и не желавшею примириться съ русскими учрежденіями, клонившимися къ улучшенію быта батраковъ, находившихся подъ тяжелою опекою мѣстныхъ бароновъ, наконецъ въ борьбѣ съ польскимъ возстаніемъ.

Полемика съ газетою „Вѣсть“ приняла одно время такой ожесточенный характеръ, что самъ Валуевъ однажды обратился къ Дмитрію Алексѣвичу съ вопросомъ, не находитъ ли онъ своевременнымъ, чтобы приняты были мѣры для обузданія газеты Скарятина, на что военный министръ отвѣчалъ, что онъ съ своей стороны не считаетъ это нужнымъ. Можно подумать, что это былъ со стороны Валуева неудачный подвохъ.

Особенно раздражительно на „Вѣсть“ подѣйствовала одна редакціонная статья, въ которой говорилось:

„При всякой важной реформѣ, какъ бы благодѣтельна и велика она ни была, всегда найдутся люди, которые не сумѣютъ ее оцѣнить по достоинству. Таковъ уже общій удѣлъ всякаго человѣческаго дѣянія. Говорить противъ этихъ людей, если они не въ состояніи обнять реформы, совершенно напрасно; но нельзя не возражать имъ, если они, вслѣдствіе нежеланія понять, преднамѣренно представляютъ эту реформу совершенно въ превратномъ видѣ, придаютъ ей совершенно не тотъ смыслъ, какой имѣлъ въ виду законодатель, уменьшаютъ ея цѣну и значеніе и непременно хотятъ видѣть въ ней интересъ только односторонній, а не общее благо, которымъ руководилось правительство.“

Такому узкому толкованію подвергается нѣкоторыми даже въ русской печати и тотъ великій вопросъ, счастливымъ рѣшеніемъ котораго Россія имѣетъ полное право гордиться. Читатели, конечно, понимаютъ, что мы говоримъ о крестьянскомъ вопросѣ, рѣшенномъ 19 февраля 1861 года, о которомъ мы и считаемъ нужнымъ сказать сегодня нѣсколько словъ.

Отмѣна крѣпостного права провела рѣзкую черту между старымъ и новымъ бытомъ нашего народа. Не мѣсто здѣсь и не намъ по-

вторять тѣ истины, которыя на вѣки осудили старый порядокъ, порядокъ, при которомъ у насъ, правда, существовалъ особый классъ людей, обеспеченныхъ достаточными доходами, но за то существовала и масса народа, не обеспеченная ничѣмъ, масса, обреченная на экономическую и нравственную неволю. Только при крѣпостномъ правѣ, при правѣ обезпеченія себя принудительнымъ трудомъ, дворянство наше, классъ людей служилыхъ, могъ образовать нѣчто похожее на сословіе въ смыслѣ дворянства западнаго, получившаго свое начало въ феодализмъ и въ безсиліи власти верховной. Не будь крѣпостнаго права, тогда отличія дворянскія оставались бы тѣмъ, чѣмъ они должны быть вездѣ, чѣмъ они были искони—почетнымъ отличіемъ вѣрной службы Царю и Отечеству.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, правительство впервые приняло мѣры къ измѣненію существовавшаго порядка вещей, сказавшагося длиннымъ застоємъ производительности, когда появилось положеніе 19 февраля 1861 года, тогда не было въ цѣлой Россіи за исключеніемъ, можетъ быть, немногихъ лицъ, заинтересованныхъ и видѣвшихъ въ ограниченіи своего произвола паденіе мнимыхъ коренныхъ дворянскихъ вольностей, никого, кто бы не съ радостью привѣтствовалъ новую эру и первый рѣшительный шагъ къ улучшенію государственнаго и гражданскаго быта Россіи. Что шагъ этотъ былъ вызванъ необходимостью, что онъ былъ не дѣломъ увлеченія или фантазіи, въ томъ нѣтъ и сомнѣнія. Пятьдесятъ лѣтъ правительство занято было этою мыслью, пятьдесятъ лѣтъ взвѣшивало оно всѣ стороны ея осуществленія, пятьдесятъ лѣтъ оно переносило всѣ упреки Западной Европы и терпѣло вредъ отъ послѣдствій матеріальнаго и нравственнаго гнета, сковывавшаго производительныя силы народа и страны. Не необдуманно приступило правительство къ осуществленію мысли, завѣщанной нынѣшнему Государю его предшественниками. Положенія 19 февраля мѣра не односторонняя и не частная, направленная исключительно на пользу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ или отзывающаяся только на нихъ и на помѣщикахъ. Интересы обоихъ классовъ тѣсно связаны съ интересами всего населенія. Положенія 19 февраля возвратили оба класса въ массу народа, въ общее право, изъ котораго оба они были изъяты благодаря крѣпостной зависимости крестьянъ. Связь эту съ общимъ населеніемъ немедленно скрѣпили послѣдующія реформы, равно благодѣтельныя, не только для огражденія правъ только что освобожденнаго крестьянства, но и вообще для огражденія всякихъ законныхъ и гражданскихъ правъ. Земскія учрежденія и судебная реформа довершили отмѣну крѣпостнаго права и установили впервые въ Россіи, что каждый гражданинъ и всѣ классы

общества равнымъ образомъ обезпечены въ своихъ правахъ, и что нѣтъ болѣе класса безправныхъ или отрицающихъ права другихъ. Въ этомъ отношеніи выиграло все населеніе, весь народъ и болѣе всего дворянство. Понявъ это и народъ, и дворянство, и только весьма не многіе не хотятъ признать истину, что кто хочетъ, чтобы уважали его права, долженъ показать, что онъ самъ уважаетъ понятіе о правѣ и права другихъ.

Послѣднія реформы и предстоящее въ будущемъ постоянное развитіе ихъ ведутъ народъ русскій неукоснительно къ полнѣйшему обезпеченію правъ всѣхъ и каждаго. Во главѣ этого движенія стало само правительство и стало по своей волѣ, по своему убѣжденію. Правительство стало выше партій, выше сословій, и этимъ самымъ обезпечило мирный ходъ дѣла. Только тамъ, гдѣ правительство, законодательная и исполнительная власть въ рукахъ партій или сословія, гдѣ правительство смотритъ на интересы извѣстнаго класса или сословія, какъ на свои интересы, гдѣ на него смотрятъ не какъ на воплощеніе правды, а какъ на временное преобладаніе частныхъ интересовъ, тамъ сила замѣняетъ справедливость, и гражданская свобода двигается впередъ не тихо и мирно, но урывками и насильными переворотами. Аристократизмъ, олигархія, ультрамонтанство и демагогія одинаково ведутъ къ революціямъ, и революціи эти кровавыми письменами занесены въ лѣтописяхъ многихъ государствъ и народовъ. Рѣдки тѣ случаи, когда правительства успѣвали во-время предупредить антагонизмъ партій и сословій и не допускать столкновенія интересовъ сословныхъ, когда ему удавалось быть дѣйствительно правительствомъ и стоять выше воззрѣній сословныхъ и частныхъ. Если у насъ, въ Россіи, въ настоящее время положеніе правительства такое, то этому Россія обязана болѣе всего тому, что ея не коснулся феодализмъ съ своими послѣдствіями, съ глубокимъ разрывомъ между сословіями, съ замкнутостью сословныхъ частей народнаго организма, съ сословною ненавистью и междуусобною борьбою народныхъ элементовъ, со всѣми тѣми язвами, отъ которыхъ до сихъ поръ не можетъ излѣчиться западное общество, и которыя пытались въ прошедшемъ столѣтіи занести и въ Россію въ угоду западу, отъ котораго мы заимствовали внѣшнія формы нашей цивилизаціи. Въ русскомъ быту, даже при самыхъ грубыхъ понятіяхъ, при отсутствіи цивилизаціи, народъ всегда вѣрилъ правительству, считалъ его своимъ, уважалъ обстановку верховной власти, какова бы она ни была, и хранилъ свою заповѣдь: мы единъ народъ и Царь единъ владыка народа.

Тѣмъ не менѣе есть попытки возстать противъ этого двойного

единства и внести въ русскій общественный бытъ разладъ между сословными его частями. Попытки эти являются робко и тихо, потому что чуютъ, что ихъ встрѣтятъ недружелюбно, но тѣмъ не менѣе, являются подъ маскою стремленія къ общественному благу и справедливости. Современное движеніе Россіи выставляется демократизаціею, является явное стремленіе затормозить его и остановить правительство, вызвавшее это движеніе своими реформами и встрѣтившее всеобщее сочувствіе и содѣйствіе во всѣхъ классахъ народа, не исключая и дворянства, на пути дальнѣйшаго развитія начатаго дѣла. Оппозиція эта является въ небольшихъ кружкахъ, скорбѣющихъ объ утратѣ того вышшняго призрака политическаго перевѣса, который часть (именно не болѣе какъ часть) дворянства извлекала изъ крѣпостного права, изъ обезпеченныхъ доходовъ и изъ злоупотребленій крупнои собственности и высказывается все настойчивѣе. Кружки эти и ихъ представители стремятся создать изъ класса крупныхъ помѣщиковъ какую-то западную аристократію, т. е. классъ привилегированный съ обозначенными доходами отъ земли, достаточными для того, чтобы имъ исключительно заниматься общественными дѣлами и управленіемъ, чтобы исключительно быть тѣломъ политическимъ и получить пока преобладаніе въ земскихъ учрежденіяхъ. Въ Россіи нѣтъ старой прочно сидящей, крѣпко организованной аристократіи, которая, захвативъ власть въ руки и будучи поддерживаема и закономъ, и обычаемъ, и экономическимъ положеніемъ страны — переступаетъ предѣлы своего назначенія, становится тормозомъ и душитъ всякое движеніе впередъ (мы говоримъ словами самихъ противниковъ демократизаціи, какъ они имѣютъ привычку называть послѣднія правительственныя реформы), и вслѣдствіе этого требуется настойчиво, чтобы правительство посвятило особенную заботливость и уходъ сохраненію этого небывалаго въ Россіи элемента или, лучше сказать, созданію его, такъ какъ сами поборники его сознаются, что его нѣтъ. И такъ, вмѣсто разумнаго и здраваго развитія народнаго единства и свободы, вмѣсто обезпеченія гражданскаго общества, вырабатываемаго самимъ народомъ, требуется созданіе усиліями правительства такой среды, которая могла бы захватить власть въ руки и, будучи поддерживаема закономъ и обычаемъ и экономическимъ положеніемъ страны, могла бы преступить предѣлы назначенія, стать тормозомъ и останавливать всякое движеніе впередъ. Матеріаломъ къ созданію подобнаго нововведенія предлагаются этими лицами элементы прежняго крѣпостничества, крупная помѣщичья собственность, и та часть дворянства, которая не заразилась еще демократическимъ духомъ и теоріями, не служить, и главное не занимается литера-

турою. Кто занимается подобнымъ дѣломъ, кто не обеспеченъ достаточными доходами отъ имѣнія, кто живетъ своимъ трудомъ, тотъ, по мнѣнію этихъ людей, не можетъ быть надежнымъ матеріаломъ для государственнаго блага, тотъ, по словамъ лицъ, называющихъ великую реформу демократизаціею, никуда не годится, и сюда, по ихъ мнѣнію, принадлежать всѣ поддонки дворянства. Для начала имѣющая быть созданной, при тщательномъ уходѣ правительства, аристократія требуетъ для крупной поземельной собственности факультативные голоса въ земскихъ учрежденіяхъ, отмѣну существующаго закона о наслѣдствахъ, установленіе маіоратовъ, и пр.

Подобныя стремленія, само собою, могутъ возбудить только негодованіе во всѣхъ просвѣщенныхъ и благомыслящихъ людяхъ. Мы въ нихъ не можемъ видѣть желанія той пользы народу, которую имѣло въ виду наше правительство, совершивъ крестьянскую реформу. Намъ нечего обращаться въ этомъ случаѣ къ исторіи и къ примѣру западныхъ государствъ, до сихъ поръ еще страдающихъ отъ злоупотребленій феодальности и привилегированной аристократіи. Мы видѣли и до сихъ поръ видимъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ, принявшихъ съ европейскою цивилизаціею и всѣ дурныя стороны ея, всѣ предрасудки феодализма. Мы видимъ вытекающее отсюда разладъ между населеніемъ, борьбу массы противъ сословій и трудность провести, какое бы то ни было, существенное улучшение, какія бы то ни было идеи справедливости. Достаточно и этихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться въ совершенной безсмысленности предложенія ввести въ русскомъ народѣ тотъ же разладъ, ту же борьбу, вызвать, вмѣстѣ съ искусственно созданнымъ на западно-европейскій манеръ аристократизмомъ, неизбѣжный протестъ противъ него, т. е. именно демократію въ крайнихъ ея проявленіяхъ. Еще менѣе мы видимъ въ подобныхъ стремленіяхъ то уваженіе къ собственности, во имя котораго выставляется необходимость создать въ Россіи особенное привилегированное положеніе крупной поземельной собственности. Кто уважаетъ принципъ собственности, тотъ равнымъ образомъ уважаетъ этотъ принципъ во всѣхъ его проявленіяхъ, во всѣхъ его формахъ, тотъ не будетъ стремиться къ ограниченію его значенія, ради предоставленія извѣстныхъ выгодъ и политическихъ преимуществъ одной крупной поземельной собственности. Какое юридическое различіе можетъ существовать между доходомъ съ земли и доходомъ съ труда или капитала? Чѣмъ одинъ доходъ лучше другого? Или развѣ мелкая собственность менѣе достойна уваженія, чѣмъ крупная? Развѣ крупные собственники честнѣе или умнѣ мелкихъ или даже людей, не имѣющихъ никакой собственности, живущихъ своимъ трудомъ?

*

Развѣ весьма и весьма ограниченное примѣненіе маіоратнаго права въ Россіи не вполне доказываетъ, что отъ крупной собственности весьма мало экономической пользы, и что въ Россіи развѣ только насильно можно навязать порядокъ, лишающій членовъ одного семейства, дѣтей одного отца, равенства и позволяющій дѣлать въ пользу одного сына въ уваженіи къ пустому принципу—пять, шесть пролетаріями, аристократами-нищими, аристократами именно безъ обезпеченнаго дохода съ имѣній? Мы наконецъ съ негодованіемъ отворачиваемся отъ предположенія, что только крупная собственность есть охранительный элементъ въ государствѣ отъ нечестной инсинуаціи, что русскій народъ не привязанъ къ своему Государю. Нечего пугать правительство, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, Стенькой Разинымъ и Пугачевымъ. И Стенька Разинъ и Пугачевъ увлекали народъ именемъ Царя, хотя и мнимаго, и безъ этого имени они не сдѣлали бы и шагу. Народъ шелъ за Пугачевымъ, думая защищать идею верховной власти въ лицѣ своего Государя. Но не съ этой идеею дѣйствовала западная аристократія противъ верховной власти, напримѣръ, въ Польшѣ, когда вступала въ разладъ и въ борьбу съ ней. Не съ этой идеею аристократія и шляхта гнала польскихъ королей. Вотъ такую-то охрану, напоминающую пословицу: *point d'argent pas de suisse*, обѣщаютъ правительству, если оно само нарушить вѣковое единство съ нимъ русскаго народа и выстроить между обоими непроходимую стѣну изъ отживающихъ на западѣ аристократическихъ предразсудковъ. Не нужно русскому Государю, самому ведущему свой народъ по дорогѣ къ совершенствованію, никакой искусственной охраны. Онъ и безъ охраны увѣренъ въ своемъ народѣ, въ привязанности и вѣрнопопданности всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ народа, точно такъ же, какъ весь народъ увѣренъ въ немъ“.

Когда я прочелъ эту статью министру, онъ заставилъ меня повторить еще нѣкоторыя мѣста и затѣмъ сказалъ: „Прикажете набрать, корректурный оттискъ я прежде покажу Государю“.

При первомъ докладѣ Государь отдалъ наборъ министру, написавъ карандашомъ на корректурѣ „можно“ ¹⁾.

Упомянутіе въ статьѣ имени Пугачева и Стеньки Разина дало газетѣ Скарятина хорошій предлогъ для того, чтобы, играя этими именами, обвинять „Русскій Инвалидъ“ въ революціонномъ направленіи. Во всѣхъ статьяхъ съ большими или меньшими полунамеками газета хлестала по оглоблямъ, не рѣшаясь бить по коню.

Послѣднюю статью „Русскаго Инвалида“ передъ преобразованиемъ

¹⁾ Корректурѣ эта съ отмѣткою сохраняется у меня.

въ чисто военную газету, такъ сказать, прощальною рѣчью, была слѣдующая отповѣдь газетѣ „Вѣсть“.

„Кто хоть мало знакомъ съ приѣмами знаменитой газеты „Вѣсть“, съ ея антирусскимъ направленіемъ и тою беззащитностью, съ которою она прибѣгаетъ ко всякимъ средствамъ, того, повидимому, не должна бы удивлять никакая выходка, какъ бы безцеремонна она ни была. Всѣмъ извѣстны ея ярые проклятія русскимъ дѣятелямъ, которые интересы Россіи ставятъ выше интересовъ и эгоизма польской шляхты; всѣ знаютъ ея симпатіи и никого не изумятъ тѣ приемы, которые она употребляетъ для очерненія ненавистныхъ ей учреждений. Но помѣщенная вчера въ номерѣ 121 этой газеты статья по поводу книги г. Фадѣева ¹⁾ и касающаяся нашей арміи превосходить все, что только можно было представить себѣ со стороны даже такого органа, какъ газета „Вѣсть“.

Въ защитѣ польскаго дѣла въ ущербъ Россіи, этотъ органъ Рѣчи Посполитой надѣваетъ, по крайней мѣрѣ, маску русскаго и хулы свои прикрываетъ ловкими фразами, которыя иныхъ простаковъ могутъ ввести, пожалуй, въ заблужденіе на счетъ истиннаго смысла ихъ. Въ названной же нами статьѣ ничего подобнаго нѣтъ. Здѣсь газета „Вѣсть“ съ явнымъ умысломъ набросить черную тѣнь на всѣ произведенныя въ арміи реформы, мрачными красками описываетъ ихъ результаты и говоритъ о нашемъ военномъ положеніи такъ, какъ могъ бы отозваться о немъ злѣйшій врагъ Россіи съ прямою цѣлью повредить ей какъ можно болѣе во мнѣніи Европы.

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы вести по этому поводу полемику. Читатели наши знаютъ, съ какою неохотою мы всегда вступали въ споръ съ „Вѣстью“, полемическіе приемы которой слишкомъ отличаются отъ общепринятыхъ въ прессѣ. Мы предоставляемъ каждому истинно-русскому органу рѣшить, на сколько съ нашей стороны было бы политично вступать на этомъ полѣ въ споръ и числовыми данными и фактами доказывать всю глубину нелѣпости и невѣжества въ этомъ дѣлѣ „Вѣсти“.

Мы можемъ увѣрить русскую публику, что, несмотря на созданный „Вѣстью“ авторитетъ въ лицѣ г. Фадѣева—все сказанное въ означенной статьѣ газеты „Вѣсть“—отъ перваго до послѣдняго слова—чистѣйшая выдумка, не имѣющая ни малѣйшаго основанія и способная появиться только на страницахъ такихъ журналовъ, какъ „Вѣсть“ и др. подобныхъ ей не русскихъ органовъ, ежедневно ругающихъ и проклинающихъ Россію, которой они искренно желаютъ всякаго зла и униженія“.

¹⁾ Объ этомъ будетъ ниже.

Не менѣе живую полемику приходилось „Русскому Инвалиду“ вести и съ нѣмецкою Петербургскою газетою, которая, будучи недовольна вновь вводимыми въ край реформами, начала печатать, какъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ, такъ и въ фельетонахъ самыя возмутительныя вещи противъ Россіи и русскихъ, нападая въ то же время на всѣ русскія реформы. Уже видя, какія реформы Россія произвела въ Царствѣ Польскомъ, нѣмецкая пресса заволновалась, догадываясь, что реформы по крестьянскому и судебнымъ вопросамъ въ Россіи неизбежно должны будутъ коснуться и остзейскихъ губерній, живущихъ на средневѣковыхъ, феодальныхъ началахъ. Видя живую дѣятельность и непреклонную энергію Н. А. Милютина, одинъ изъ остзейскихъ бароновъ однажды обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что вы будете дѣлать по окончаніи польскаго вопроса?

— По всей вѣроятности займемся остзейскимъ, въ видѣ шутки отвѣчалъ Николай Алексѣевичъ.

— Но тамъ нѣтъ никакого вопроса, отвѣчалъ баронъ; тамъ полный порядокъ.

Дѣйствительно, въ край былъ порядокъ, но такой, который былъ очень выгоденъ для нѣмецкихъ феодаловъ-помѣщиковъ, и крайне невыгоденъ для всѣхъ другихъ народностей, обитающихъ въ край, не исключая и русской. А такъ какъ почти всегда въ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ преобладалъ нѣмецкій элементъ, то какъ только вопросъ касался какихъ-либо преобразованій въ Остзейскомъ край, то всѣ мѣры правительства, клонившіяся къ упорядоченію тамошнихъ дѣлъ, такъ сказать, проваливались и все шло по-старому. Даже въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, мнѣ говорили, что въ Государственномъ Совѣтѣ есть членъ, обязанность котораго состоитъ исключительно только въ отстаиваніи стараго порядка въ край.

Въ виду такого положенія дѣлъ и крайней безцеремонности „S.-Petersburger Zeitung“, я рѣшилъ доложить все это Д. А. Милютину и представить ему тѣ статьи, гдѣ съ особенною рѣзкостью были высказаны обидные и несправедливые для русскихъ упреки. Чтобы онъ могъ судить о дѣлѣ подробно, я представилъ ему записку слѣдующаго содержанія:

„Въ послѣднее время въ Остзейскомъ край были высказаны въ публичныхъ рѣчахъ и въ прессѣ тенденціи, обратившія на себя вниманіе русской журналистики. Въ статьяхъ нѣмецкихъ газетъ и въ рѣчахъ (напримѣръ, при открытіи Лифляндскаго ландтага) указывалось на тѣсную связь трехъ балтійскихъ провинцій съ Германіею, говорилось о необходимости обособить этотъ край въ полити-

ческомъ отношеніи и высказано было явное стремленіе и желаніе подчинить порядкамъ, существующимъ въ мѣстномъ законодательствѣ, тѣ коренныя и основныя реформы, которыя были предприняты въ послѣднее время правительствомъ, и возбудили всеобщее сочувствіе и надежды ⁹/₁₀ населенія края, состоящаго изъ финновъ, латышей и русскихъ.

„Русскій Инвалидъ“ долгое время оставался молчаливымъ зрителемъ среди полемики, возбужденной въ русской журналистикѣ тенденціями остзейской прессы.

Въ скоромъ времени однако въ балтійскихъ губерніяхъ начались разсужденія по поводу судебной реформы и преобразованія городского устройства. Такъ какъ въ этихъ вопросахъ остзейская пресса продолжала съ прежнею силою высказываться въ пользу совершенно отдѣльнаго устройства городского хозяйства и суда, такъ какъ она постоянно высказывала желаніе и твердое намѣреніе имѣть особое учрежденіе, которое, сосредоточивъ въ себѣ дѣло всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ, по возможности было бы самостоятельно и независимо отъ центральныхъ учреждений для цѣлой Россіи, то полемика не только не прекращалась, но усиливалась еще болѣе.

Русское общество, которое въ то время было свидѣтелемъ едва только прекратившихся безпорядковъ въ Западномъ краѣ, и переживъ тяжелое время испытанія для своего патріотизма, вѣроятно, полагая, что всѣ эти заявленія дѣлаются не безъ вѣдома высшей администраціи, начало беспокоиться, и беспокойство это не могло не проявиться въ русской журналистикѣ, насколько это возможно было при существованіи цензурныхъ правилъ.

Редакція газеты „Русскій Инвалидъ“ начала въ то же время получать изъ Остзейскаго края заявленія и статьи, въ которыхъ весьма рѣзко выставлялись разнаго рода стѣсненія небольшого замкнутаго кружка, въ рукахъ котораго исключительно сосредоточивались всѣ дѣла, какъ городского хозяйства, такъ и суда и расправы въ Остзейскомъ краѣ. Въ статьяхъ этихъ, писанныхъ какъ русскими, такъ и латышами, высказаны были въ самыхъ рѣзкихъ формахъ тѣ стѣсненія, которымъ подвергаются русскіе, финны и латыши, и приводились примѣры оскорбленія русской національности, которая постоянно, какъ въ силу мѣстнаго законодательства, такъ въ особенности по образу примѣненія этого законодательства, почти исключалась изъ всякаго участія въ дѣлѣ городского хозяйства и суда. Сначала редакція не только что не печатала ни одной изъ полученныхъ статей, но постоянно уничтожала получаемыя письма. Но такъ какъ по тону получаемыхъ заявленій видно было, что все, происходящее въ Остзейскомъ краѣ, относилось прямо къ

правительству, то редакция не считала возможным долѣе уклоняться отъ этихъ вопросовъ, и въ концѣ года въ разное время напечатала три статьи: „О ходѣ крестьянскаго вопроса“, „О преобразованіи судебнаго устройства“ и „О преобразованіи городского устройства въ Остзейскомъ краѣ“.

Ставъ на историческую точку и прослѣдя тѣ преобразования, которыя были сдѣланы въ краѣ въ разное время по этимъ предметамъ, редакция затѣмъ помѣстила заключительную статью, въ которой указала, что во всѣхъ проявленіяхъ и тенденціяхъ остзейской прессы, нужно видѣть не столько сепаратизмъ, какъ это полагали нѣкоторые журналы, а просто борьбу небольшого замкнутаго кружка за свои привилегіи, которыя клонились къ ущербу большинства населенія. При этомъ въ статьѣ было указано, что русское правительство во всѣ времена заботилось о равноправности и благоденствіи большинства населенія, и что если въ настоящее время въ краѣ сдѣланы улучшенія, то всѣмъ этимъ край обязанъ исключительно только одному правительству, которое проводило свои предначертанія, невзирая на продолжительную и упорную борьбу со всякаго рода препятствіями.

Едва только была высказана мысль, что не должно быть въ русскомъ государствѣ ни національности, ни сословія, которыя бы мѣшали всестороннему развитію тѣхъ началъ, которыя дарованы Высочайшею властію всѣмъ своимъ подданнымъ безъ различія ихъ по національностямъ, сословіямъ или вѣроисповѣданію, едва только высказала редакция, что въ силу такого принципа въ Остзейскомъ краѣ латышъ, финнъ, русскій и нѣмецъ должны пользоваться совершенно одинаково Высочайше дарованными правами, какъ въ нѣмецкой прессѣ, издающейся въ Россіи, начали появляться статьи противъ „Русскаго Инвалида“.

Желая во что бы ни стало перенести споръ на болѣе выгодную для себя почву угнетенія національности, и не видя въ этомъ ни малѣйшаго успѣха, нѣмецкая пресса выставила цѣлый рядъ статей самыхъ рѣзкихъ. Въ статьяхъ этихъ господствовалъ оскорбительный тонъ не для одного только „Русскаго Инвалида“, но вообще всего русскаго. Указаніемъ на частные случаи суда надъ офицерами и ссылкой на „Сенатскія Вѣдомости“, гдѣ публикуются приговоры надъ офицерами, высказывается мысль, что драка, подлогъ, кража, злоупотребленіе казенными суммами—преступленія, встрѣчающіяся въ русской арміи—не мыслимы въ прусской. Такимъ образомъ частные случаи и исключительныя явленія, которые никоимъ образомъ не должны порочить массу офицеровъ и которые могутъ встрѣчаться вездѣ—возводятся въ характеристику русской арміи.

Въ фельетонѣ Петербургской нѣмецкой газеты отъ 7-го марта есть фраза, гдѣ говорится между прочимъ: „Мы положительно отвергаемъ, чтобы когда-либо мы именовали себя „мы русскіе“. Напротивъ, мы всегда съ особенною настойчивостью называли себя „мы нѣмцы“, и такъ много гордимся этимъ именемъ, такъ сильно проникнуты его значеніемъ и желаніемъ сохранить его для насъ во всей его чистотѣ, что оно составляетъ для насъ необходимое жизненное условіе, и намъ пришлось бы уничтожиться, если бы мы выдавали себя за что-либо иное. Если у насъ и встрѣчается выраженіе „мы“, то только въ смыслѣ гражданъ русскаго государства; но вѣдь это неизбѣжное послѣдствіе историческихъ событій, въ которыхъ мы нисколько не виноваты. Однако же, нѣмецкіе граждане Россіи, вообще, имѣютъ причины и здѣсь гордиться своимъ положеніемъ и дѣятельностью; ибо они вѣрно, какъ добросовѣстные подданные, трудились для блага государства“.

Конечно, смыслъ ея сглаженъ указаніемъ на исполненіе долга вѣрноподданства—но твердое отрицаніе названія этого вѣрноподданнаго—русскимъ и слова—что не мы виноваты въ томъ, что принадлежимъ Россіи—врядъ ли могутъ быть лестнымъ выраженіемъ для Россіи и русскихъ, о которыхъ въ статьѣ отъ 11-го апрѣля говорится, „что въ теченіе тысячелѣтняго существованія сдѣлано было только то, къ чему правительство формально принудило, и что даже земскія учрежденія составлены по иностранному образцу“.

„Русскій Инвалидъ“ во все это время ни разу не позволилъ себѣ вступить въ споръ на этой почвѣ. Вполнѣ сознавая, что подобнаго рода полемика могла только раздражить, „Русскій Инвалидъ“ почти въ каждой статьѣ оговаривалъ, что вопросъ о превосходствѣ той или другой національности не имѣетъ ровно никакого разумнаго значенія, что всѣ они одинаково имѣютъ право—какъ русскіе подданные на сію національность и на благодѣтельные результаты предпринимаемыхъ правительствомъ реформъ. Тѣмъ не менѣе, однако нѣмецкая пресса постоянно сводитъ вопросъ на угнетеніе нѣмецкой національности, обвиняя въ раздраженіи всю русскую прессу, въ томъ числѣ и „Русскій Инвалидъ“. Последняя статья, помѣщенная въ 76 №, съ цѣлью опровергнуть такой несправедливый доводъ, гдѣ опять было повторено, что недобросовѣстно ставить вопросъ, изъ какихъ бы то ни было видовъ, на почву угнетенія національности, вызвала отвѣтъ, который необходимо требуетъ возраженія. „Представляя при семъ Вашему Превосходительству въ корректурѣ отвѣтъ журналамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь доложить въ рукописи статью отъ редакціи, въ которой доказы-
вается фактами постоянное стремленіе правительства къ водворенію

въ краѣ равноправности и справедливости, не взирая ни на какія препятствія и не стѣсняя ни мало свободы ни меньшинства нѣмцевъ, ни большинства финновъ, латышей, эстовъ и русскихъ, населяющихъ три балтійскихъ губерніи“.

Полковникъ Зыковъ.

17-го мая.

1865 г.

При запискѣ была приложена готовая статья подъ заглавіемъ: „Что такое остзейскій вопросъ?“ и вырѣзки какъ изъ петербургскихъ, такъ и другихъ нѣмецкихъ газетъ, особенно рѣзко порицающихъ русскіе порядки.

Такъ какъ въ этихъ двухъ статьяхъ были затронуты весьма важные политическіе вопросы, то, понятно, я не считалъ себя въ правѣ помѣстить статьи г. Бушена безъ прочтенія ихъ министру, хотя былъ убѣжденъ, что лично, какъ истинно государственный человекъ, онъ, строго оберегая русскіе интересы, одобритъ эти статьи.

Выслушавъ статьи, онъ дѣйствительно одобрилъ ихъ, но нашелъ необходимымъ сдѣлать поправки, которыя однако нисколько не измѣнили главнаго содержанія. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ прежде печатанія дать эти статьи для прочтенія Государю.

По поводу этихъ статей я, 2-го апрѣля, получилъ отъ министра слѣдующую записку:

„Статья г. Бушена о нѣмцахъ навела меня на нѣкоторыя размышленія, которыя я желалъ бы передать Вамъ, Сергѣй Павловичъ, или самому г. Бушену сегодня же, прежде чѣмъ статья будетъ отпечатана на бѣлой бумагѣ для представленія на Высочайшее усмотрѣніе.

Я буду дома цѣлый день“.

Д. Милютинъ.

По поводу тѣхъ же статей 11-го мая я получилъ другую записку.

„Завтра послѣ обѣда я ѣду въ Царское Село и тамъ ночую. Вы меня застанете не иначе, какъ передъ обѣдомъ. Въ какомъ положеніи статья объ Остзейскомъ краѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ при первомъ же докладѣ моемъ, въ четвергъ Государь заговоритъ со мною объ этомъ предметѣ. Желательно было бы къ этому времени уже имѣть какъ корректурные оттиски статей г. Бушена, такъ и №№ нѣмецкихъ газетъ, заключающіе въ себѣ самыя рѣзкія изъ статей противъ Россіи“.

Д. Милютинъ.

Статьи, о которыхъ идетъ рѣчь, и которыя были представлены Государю прежде напечатанія, были слѣдующаго содержанія ¹⁾).

„О чемъ спорять такъ горячо газеты, изъ-за чего нѣмцы пишутъ противъ русскихъ, русскіе—противъ нѣмцевъ, спрашиваютъ теперь многіе, читая статьи въ разныхъ газетахъ. Былъ у насъ вопросъ крестьянскій, былъ польскій, были разные другіе, но никогда не было вопроса остзейскаго. Кто же поднялъ этотъ вопросъ, въ чемъ онъ состоитъ и чѣмъ долженъ рѣшиться?

Многіе, конечно, не затруднятся отвѣтить на это, что остзейскій вопросъ выдуманъ зачѣмъ неизвѣстно, что въ Остзейскомъ краѣ все обстоитъ благополучно. Другіе къ этому еще прибавятъ, что „Русскій Инвалидъ“, въ качествѣ русской газеты, весьма естественно не въ состояніи понять высокой смыслъ остзейскихъ порядковъ и потому не стоитъ обращать на него вниманія.

Общественное мнѣніе давно уже отвѣтило на достоинство этихъ обвиненій и этихъ фразъ. Правда, какъ бы ее ни затемняли и ни обставляли ложью, всегда выйдетъ наружу; вся Россія, вся Европа, не исключая даже Германіи, кромѣ развѣ партизановъ феодализма и цеховъ, уже отвернулась отъ балтійскаго застоя. Мы можемъ указать на сотни частныхъ и официальныхъ отзывовъ, отдающихъ нашимъ мнѣніямъ полную справедливость. Отголосокъ ихъ проникъ уже въ нѣмецкую и англійскую прессу, и даже представители остзейской журналистики, споря съ нами, при всѣхъ стараніяхъ перетянуть споръ на другую почву, на тему угнетенія нѣмецкой національности, невольно высказали сознаніе, что давятъ остзейское населеніе—остзейскіе же порядки. Въ этомъ духѣ высказались всѣ газеты и журналы Остзейскаго края, а главные наши противники (Ревельская см. № 40 и Рижская № 20) придаютъ особенный вѣсъ тому, что они давно уже высказались противъ исключительнаго права дворянства на землевладѣніе, противъ исключенія курляндскихъ крестьянъ отъ возможности пріобрѣтать собственность, противъ привилегированнаго суда и расправы, противъ монополій магистрата и проч. и проч. Слѣдовательно, факты, приводимые „Русскимъ Инвалидомъ“, вызвавшіе его статьи, существуютъ въ самомъ дѣлѣ, и о томъ свидѣтельствуютъ не только газеты и общественное мнѣніе, но и документы официальные; отчеты генераль-губернаторовъ (особенно маркиза Паулуччи и генерала Головина) свидѣтельствуютъ постоянныя жалобы населенія. Мало того объ этомъ свидѣтельствуетъ и само правительство, принимавшее неоднократно инициативу къ отмѣнѣ разныхъ неспра-

¹⁾ Онѣ показываютъ взглядъ Государя на остзейскій вопросъ.

ведливостей, и еще въ настоящее время продолжающее свои работы объ улучшеніи и усовершенствованіи края въ духѣ либеральныхъ реформъ и обезпеченія массамъ справедливой доли свободы и равноправности.

Слѣдовательно, остзейскій вопросъ не есть вымыселъ „Русскаго Инвалида“, но существуетъ на дѣлѣ, близко заинтересовывая остзейское населеніе финновъ, латышей, русскихъ, большинство нѣмцевъ, однимъ словомъ, всѣхъ, кто отъ измѣненія стараго порядка ждетъ гарантіи гражданскихъ правъ и равноправности. Вопросъ этотъ заинтересовываетъ русскую публику вообще, желающую блюсти интересы своей національности, искать обезпеченія ея въ предѣлахъ Руси, отъ стѣсненія другими племенами. Наконецъ, вопросъ этотъ интересуется въ особенности правительство какъ представителя русской національности, представителя идеи русскаго государства и главнаго двигателя гражданского развитія, гражданской свободы и гражданской равноправности. Убить этотъ вопросъ, пробуждавшійся неоднократно въ теченіе почти ста лѣтъ, желаютъ только тѣ, которые при рѣшеніи его теряютъ свою власть, свое право безусловно распоряжаться Остзейскимъ краемъ и его населеніемъ, и жертвуютъ свободою своихъ согражданъ своимъ узкимъ возрѣніемъ. Вотъ эта-то партія и возбудила и поддерживаетъ остзейскій вопросъ, который, безъ ея постоянного противодѣйствія, давно уже могъ быть рѣшенъ для блага остзейскаго населенія и для блага Россіи. Вотъ эта-то партія и скомпрометтировала нѣмецкую національность своими неумѣренными рѣчами ¹⁾, своимъ явнымъ презрѣніемъ къ правамъ другихъ и ко всему русскому ²⁾, и тѣмъ, что она становится между правительствомъ и его народомъ.

Остзейскій вопросъ состоитъ въ отмѣнѣ вѣкового противорѣчія, существующаго въ Остзейскомъ краѣ, между огромнымъ большинствомъ остзейскаго населенія, состоящаго изъ двухъ почти милліо-

¹⁾ См. рѣчь епископа Вальтера, при открытіи лифляндскаго ландтага въ 1864 году.

²⁾ См. протоколъ рижскаго ветгерихта отъ 24 го октября 1844 г., отъ казъ господину Гринвальду въ выдачѣ копій по его тяжбѣ. См. наконецъ пренія, бывшія въ декабрѣ 1864 г. по поводу проекта новаго Рижскаго городского положенія, на которыхъ предсѣдатель объявилъ, что „въ Ригѣ нѣтъ русскихъ гражданъ, а есть только рижскіе“. Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ очевидцами, которые за подписью своею объ этомъ подтверждаютъ (См. „Московскія Вѣдомости“ № 95). Мы сожалѣемъ, что не можемъ дать подлинной ссылки объ отзывѣ магистрата о бесполезности преподаванія русскаго языка, такъ какъ онъ отнимаетъ только время отъ полезныхъ предметовъ.

новъ латышей, фінновъ, русскихъ, большинства нѣмцевъ, и привилегированнымъ меньшинствомъ, исключительно занимающимъ почти всѣ мѣстныя должности, исключительно имѣющимъ политическія права. Съ особенною силою поднялся этотъ вопросъ въ послѣднее время, въ виду реформъ русскаго правительства, въ виду того, что всѣ въ Россіи могутъ владѣть землей, безъ ограниченія мѣста, въ виду судебной реформы и равенства передъ закономъ, въ виду земскихъ учрежденій и свободы выборовъ въ общественныя должности. Къ прежнему неудовольствію на неудовлетворительность остзейскихъ порядковъ, высказавшемуся весьма сильно въ 1801, 1804, 1816, 1847 и 1859 годахъ, присоединился примѣръ Россіи, получившей, въ теченіе какихъ нибудь десяти лѣтъ, несравненно болѣе, чѣмъ прибалтійскія губерніи въ 60, и потому и нападки на старый порядокъ стали сильнѣе. Защита эта велась плохо; отвѣты отличались раздражительностью и желчью; общій характеръ ихъ—стремленіе сбить вопросъ на другую почву, превратить его въ споръ о преобладаніи національности и затереть споръ о политической равноправности. Вмѣшательство русской прессы дало къ этому удобный поводъ. Положительные доводы въ защиту остзейскихъ порядковъ высказываемы были рѣдко, и лучше всего резюмированы однимъ изъ корреспондентовъ газеты „Nord'a“, считавшей своею обязанностью въ виду разъясненія вопроса, сопоставить доводы и доказательства обѣихъ сторонъ. Не лишнимъ будетъ познакомить и нашихъ читателей съ этою защитою и рассмотреть вкратцѣ нравственное и логическое достоинства ея.

1) Первый наиболѣе часто повторяющійся доводъ, противъ измѣненій нынѣшняго остзейскаго порядка, состоитъ въ мѣстныхъ особенностяхъ края.

Мѣстныя особенности, конечно, могли бы обусловливать необходимость особеннаго устройства края, но никакъ не непремѣнное сохраненіе нынѣшняго порядка. Однако жъ и на такую уступку нельзя согласиться, если поближе разсмотрѣть эти особенности. Въ чемъ онѣ состоятъ? Въ особенномъ характерѣ населенія, въ особенномъ направленіи его дѣятельности, въ особенностяхъ свойства почвы, климата, произведеній?—Ничуть не бывало: Остзейскій край представляетъ всѣ тѣ же условія, какъ и окружающія его страны. Населеніе смѣшанное, но не въ такой степени, какъ въ другихъ мѣстахъ Европы и Россіи, не претендующихъ на обособленіе. Народная дѣятельность преимущественно земледѣльческая, какъ и въ остальной Россіи; почва, климатъ и произведенія тѣ же, что и въ Россіи. Да будетъ намъ дозволено сказать, что и особеннаго промышленнаго развитія не видно. Оно значительнѣе, чѣмъ

въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи, но далеко не такъ сильно, чтобы претендовать на особенныя мѣры. Особенности Остзейскаго края не болѣе, какъ особенности его политическаго устройства. Отнимите особенности политическаго устройства, и никакихъ особенностей нельзя будетъ найти, кромѣ развѣ тѣхъ, которыя существуютъ вездѣ, и въ виду которыхъ русское правительство устроило земскія учрежденія. Слѣдовательно, первое доказательство—мѣстныя особенности края не болѣе, какъ фраза, весьма неловкая и ничего не значущая.

2) Не менѣе сильно защитники остзейскихъ привилегій упираютъ на давность ихъ.

Правда, что давность эта очень глубока, такъ глубока, что инымъ привилегіямъ нельзя и отыскать начала. Остзейскій край, безспорно, имѣеть свою исторію, свои преданія. Но спрашивается: что же не имѣеть своей исторіи. Рабство тоже ее имѣеть, крѣпостное право на Руси тоже ее имѣло.

Если давность балтійскихъ привилегій такъ глубока, что начало ихъ приходится искать въ глубокой древности, во времена феодальнаго и кулачнаго права, во времена Ганзы и проч., то можно ли отсюда вывести заключеніе, что они должны оставаться вѣчно безъ малѣйшаго измѣненія. Вѣдь и феодализмъ, и Ганза уже отжили свой вѣкъ, такъ же, какъ и многія другія средневѣковыя понятія, признанныя почти вездѣ вредными и вездѣ отмѣненныя. Исторія есть движеніе впередъ, усовершенствованіе, а не пребываніе безъ движенія въ старыхъ порядкахъ и отрицаніе въ живыхъ нуждахъ народнаго развитія.

3) Третье доказательство въ пользу сохраненія нынѣшняго устройства и противъ всякаго вмѣшательства въ ходъ событій въ Остзейскомъ краѣ,—это необходимость постепенности въ реформахъ и предоставленіи инициативы самому краю.

Подъ этимъ разумѣется, конечно, инициатива самаго незначительнаго меньшинства, потому что $\frac{9}{10}$ всего населенія не имѣютъ никакого права на инициативу.

На этомъ пунктѣ приходится остановиться и посмотреть поближе, въ чемъ заключалась до сихъ поръ инициатива края, т. е. меньшинства и постепенность производимыхъ реформъ.

Этотую инициативую многіе давно уже щеголяютъ передъ Европою и Россією и преимущественно передъ правительствомъ, такъ что недурно будетъ прослѣдить ходъ реформъ въ Остзейскомъ краѣ. Реформы эти, какъ извѣстно, всегда требовались по тремъ капитальнымъ вопросамъ: по освобожденію крестьянъ, по преобразованію городского устройства и ограниченія самоуправства магистрата,

и по улучшенію судебного устройства, находящагося въ полномъ распоряженіи у меньшинства. Посмотримъ, въ чемъ состоятъ эти реформы, кто ихъ проводилъ и къ какому результату онѣ привели: а) по крестьянскому дѣлу реформы должны были начаться еще въ прошедшемъ столѣтіи. Въ 1739 году лифляндская ландратная коллегія (вся состоящая изъ помѣщиковъ) самовольно объявила крестьянскія службы и повинности неопредѣленными и зависящими отъ усмотрѣнія господъ. Вслѣдствіе этого еще въ 1763 году, въ бытность Екатерины II въ Лифляндіи, до нея дошло множество жалобъ на жестокое обращеніе помѣщиковъ съ своими крестьянами. Генераль-губернаторъ графъ Броунъ успокоилъ Государыню общаніемъ, что само дворянство приметъ мѣры къ пресѣченію этихъ несправедливостей; но на сеймѣ 1765 года дворянство не согласилось, и только потомъ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій Екатерины II, признало право крестьянъ на движимую ихъ собственность. Изъ послѣдующаго видно, что часть дворянства не соображалась съ утвержденными мѣрами. Въ 1803 году лифляндское дворянство отвергло на сеймѣ (105 голосовъ противъ 40) предложеніе объ увольненіи крестьянъ и подало два протеста противъ всякаго ограниченія земледѣльческихъ правъ помѣщика. Только Императорскій рескриптъ, предъявленный генераль-губернаторомъ и требовавшій, чтобы дворянство сообразило свои постановленія съ ожиданіями крестьянъ, заставилъ принять постановленія, въ которыхъ выразилось по крайней мѣрѣ желаніе обезпечить судьбу поселянъ. Противъ этого постановленія опять было множество протестовъ, и первый шагъ къ признанію политическаго существованія крестьянъ и права ихъ на движимую собственность сдѣланъ по докладу Высочайше утвержденного Комитета, состоявшаго изъ лицъ, избранныхъ самимъ Императоромъ. При всемъ томъ крестьяне оставались крѣпостными, и только повинности ихъ перестали быть произвольными. Дворянство не было довольно оцѣнкою земли, сдѣланной въ 1804 году; оно стало добиваться свободы соглашеній, и встревоженное тайною, соблюдавшеюся въ разсужденіяхъ Комитета лифляндскихъ дѣлъ, учрежденнаго для пересмотра Положеній, подало прошеніе о предоставленіи ему права образовать комиссіи для улучшенія быта крестьянъ. Комиссіи эти затягивали дѣло, и только энергическія рѣчи и твердость генераль-губернатора маркиза Пауллуччи, дѣйствовавшаго по инструкціи самого Императора, заставили, наконецъ, принять рѣшеніе. Результатомъ были Положенія 1816, 1817, 1819 годовъ, по которымъ крестьяне признаны свободными, но безъ всякаго права на землю. Имъ не дано право сдѣлаться собственниками, ограничено право отлучаться отъ мѣста,

смотря по обстоятельствамъ, и вполнѣ сохранена зависимость отъ вотчинной полиціи и помѣщичьяго суда. Курляндское дворянство на этой свободѣ и остановилось. Въ Лифляндіи вскорѣ появилось неудовольствіе между крестьянами, появились наконецъ и болѣе гуманные взгляды между частью дворянства, и съ трудомъ проведены были нѣкоторыя реформы, вынужденныя необходимостью обезпечить шаткое положеніе крестьянъ, которымъ часто отказывали въ участкахъ и которые, вслѣдствіе этого, стали выселяться. Кратковременность контрактовъ, превращавшая крестьянъ въ кочующую орду, заставила принять мѣры къ ограниченію произвола помѣщиковъ. Мѣры эти, принятыя въ 1845, 1849 г.г., опредѣлили, наконецъ, размѣры крестьянскаго пользованія и дали нѣкоторую возможность крестьянамъ выкупиться съ землею. За то имъ воспретили покупать дворянскія имѣнія и владѣть въ волости болѣе, чѣмъ однимъ гакомъ; ихъ заставляли продавать излишекъ, даже если излишекъ этотъ доставался по наслѣдству. Самый выкупъ поставленъ въ большія затрудненія. Эстляндія въ 1856 году приняла подобныя же мѣры.

Наконецъ, подъ вліяніемъ освобожденія русскихъ крестьянъ съ 1859 года приняты еще нѣкоторыя мѣры для облегченія выкупа и для болѣе рациональнаго устройства крестьянскихъ судовъ.

б) По городской реформѣ первая инициатива принадлежитъ также Императрицѣ Екатеринѣ II, издавшей городское положеніе и распространившей его на города остзейскіе. Черезъ десять лѣтъ привилегированныя сословія и магистраты добились возстановленія стараго порядка, при которомъ они были полными властелинами городского хозяйства. Въ 1802 году русскіе и многіе нѣмцы въ Ригѣ, не принадлежащіе къ братствамъ и магистрату, возбуждали вопросъ о новомъ введеніи городского положенія или о преобразованіи стараго. Магистратъ отказалъ. Русскіе въ русскомъ городѣ торговали на правахъ иностранныхъ купцовъ, ни русскіе, ни латыши не могли имѣть домовъ въ городѣ, не могли поступать ни въ гильдіи, ни въ братство, не имѣли ни представителей, ни голоса. Еще въ 1820, 1822 и 1824 годахъ русскихъ не допускали даже къ ремеслу. Въ 1826 году поступило множество жалобъ на притѣсненія магистрата и на худое хозяйство, и русскіе просили о сравненіи ихъ въ правахъ съ нѣмцами. Магистратъ возсталъ противъ этого и отказалъ. Вслѣдствіе жалобъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Блудовъ въ 1833 году внесъ въ Государственный Совѣтъ свои предположенія по преобразованію рижскаго городского устройства и засвидѣтельствовалъ, что управленіе, состоящее изъ 13 присутственныхъ мѣстъ, и дорого, и разорительно, и запутываетъ

городскія дѣла, и что болѣе половины всего населенія желаетъ введенія русскаго городского положенія. Государственный Совѣтъ призналъ необходимость преобразованія городского устройства, какъ несвоевременнаго, положительно вреднаго и стѣснительнаго для всѣхъ, и не взирая на противорѣчія магистрата и привилегированныхъ сословій до пересмотра всѣхъ вообще утвердилъ нѣкоторыя частныя улучшенія. Въ 1846 году послѣдовали новыя правила о поступленіи въ братство, гильдію и гражданство. Поступленіе въ братство (изъ котораго замѣщались всѣ должности) было особенно важно, и потому магистратъ ограничилъ его принятіемъ людей лютеранскаго исповѣданія и нѣмецкаго происхожденія. Правительство не приняло этихъ ограниченій; тѣмъ не менѣе скамья старшинъ и собранія братства 26-го января 1843 г. опредѣлила сохранить старый порядокъ. Вслѣдствіе этого въ братство не приняло ни одного русскаго, ни въ 1845, ни въ 1846, 1847 и 1848 г.г. Въ 1849 году изъ 8-ми просителей принято двое, послѣ продолжительной бури, закрытія засѣданія и увѣренія нѣкоторыхъ старшинъ, что противиться долѣе опасно. Въ 1849 году Сенатъ подтвердилъ, по жалобѣ не принятыхъ, чтобы порядокъ, утвержденный мѣстнымъ сводомъ, исполнялся въ точности. Въ томъ же 1849 г., такъ какъ жалобы на стѣсненія не только не прекращались, но росли, повелѣно было составить проектъ новаго городского устройства. Проектъ этотъ, до сихъ поръ не утвержденный, нѣсколько разъ передѣлывался, то въ Петербургѣ, то въ Ригѣ, гдѣ общественное мнѣніе 15 лѣтъ не можетъ осилить систематическое упорство магистрата и меньшинства. Пока старые порядки въ полной силѣ, и еще въ декабрѣ 1864 года всѣ были свидѣтелями неприличности выходокъ и упрямства рижскихъ олигарховъ.

в) По судебной реформѣ пересмотръ всего судебного устройства Остзейскаго края предпринятъ по инициативѣ правительства въ 1863 году, и до сихъ поръ не далъ еще результатовъ. Лифляндскій ландтагъ высказалъ по-прежнему стремленіе удержать право дворянства на замѣщеніе судебныхъ должностей.

Изъ всего этого легко можно оцѣнить смыслъ постепенности балтійскихъ реформъ и достоинство инициативы привилегированныхъ корпорацій. Корпораціи желаютъ сохранить свои преимущества и упорно борются съ инициативою правительства, уступая ему только въ крайнихъ случаяхъ. Отсюда проистекаетъ постепенность реформъ, и не будь настойчивой инициативы правительства, то не было бы и никакихъ реформъ. Результатъ сдѣланныхъ уступокъ, послѣ ста лѣтъ постоянныхъ побужденій со стороны правительства, до сихъ поръ ниже того, что Россія сдѣлала въ 10 лѣтъ. Впрочемъ

неизвѣстно, почему остзейское привилегированное сословіе требуетъ себѣ права инициативы. Инициатива по мѣстнымъ вопросамъ ему можетъ быть и принадлежать, но судебная реформа, политическое устройство края, права состояній, равенство передъ закономъ, не суть мѣстные вопросы и по русскимъ кореннымъ законамъ принадлежатъ исключительно инициативѣ правительства: и мы рѣшительно не знаемъ, когда правительство уступило свои права въ этомъ отношеніи кому бы то ни было.

4. Рядомъ съ проповѣдью о прочности постепенныхъ реформъ и благотѣльностью собственной инициативы представляется доводъ непрочности и необдуманности русскихъ реформъ, намекается на демократическія начала, кроющіяся въ нихъ.

Доводъ этотъ не есть доказательство положительное, но скрытый упрекъ, обнаруживающій только недоброжелательство. Реформы въ Россіи, совершающіяся въ послѣднія 10 лѣтъ, всѣмъ народомъ приняты съ благодарностью, и уже теперь приносятъ плоды. Ближайшій результатъ ихъ сравнительно быстро осуществленія и рѣшительности, съ которою онѣ предприняты, тотъ, что народъ вѣрится правительству, крѣпко къ нему привязался и идетъ неразлучно съ нимъ. Результатъ постепенныхъ и обдуманныхъ реформъ, если такъ можно назвать мѣропріятія остзейскихъ инициаторовъ,—тотъ, что огромное большинство съ завистью смотритъ на русскія реформы.

5. Въ связи съ предыдущимъ приводится необходимость и польза обезпеченнаго дворянскаго сословія и дѣлается при этомъ скрытый намекъ (относящійся, впрочемъ, специально къ „Русскому Инвалиду“), что возстающіе противъ балтійскихъ привилегій вѣроятно враги всякаго дворянства. Доводъ этотъ, да позволено намъ будетъ сказать, не имѣетъ смысла. Мы очень хорошо понимаемъ права, обязанности и пользу просвѣщеннаго дворянскаго сословія, но не понимаемъ никакъ правъ дворянства во вредъ народа. Французское и англійское дворянства, конечно, не менѣе доблестны и вѣрны государямъ своимъ, чѣмъ дворянство остзейское, а между тѣмъ они подчиняются общему суду и расправѣ, не претендуютъ на права остального населенія и не лишаютъ другихъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Въ Россіи существуетъ тоже многочисленное дворянство, въ вѣрности и патриотизмѣ котораго не посмѣетъ усумниться никто. Существуетъ же оно безъ исключительныхъ правъ и отказалось даже отъ крѣпостнаго права, не пощадивъ, для исполненія воли Государя, своихъ средствъ.

Вотъ смыслъ и содержаніе остзейской обороны. Пусть судятъ безпристрастные люди, каково достоинство этой обороны. На частныя возраженія, бывшія противъ приведенныхъ нами фактовъ, мы отвѣ-

чали уже прежде, а на послѣднее отвѣчаемъ ниже, въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ: „Отвѣты нашимъ противникамъ“.

Три газеты недавно разомъ ополчились противъ „Русскаго Инвалида“ и его передовой статьи въ № 76, въ которой мы, какъ можно яснѣе, изложили всю сущность справедливаго неудовольствія русской публики по поводу существующихъ въ Остзейскомъ краѣ порядковъ. С.-Петербургская Нѣмецкая газета напечатала въ № 86 (отъ 20 апрѣля) возраженіе подъ заглавіемъ: Fragen und Antworten an den Russischen Invaliden, въ которомъ она, по обыкновенію своему, предается увлеченію и своему природному задору. За С.-Петербургскою нѣмецкою газетою послѣдовали „С.-Петербургскія Вѣдомости“, взявшія на себя защиту господина Н. Л., и подъ фирмою...й...е, воспроизводящія возраженія С.-Петербургской Нѣмецкой газеты. Мало того, насъ пожелали разбить не только на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но и на французскомъ, и для этого тѣ же доводы появились и въ „Nord“, подъ видомъ безпристрастной корреспонденціи и съ весьма любопытнымъ добавленіемъ, характеризующимъ вполнѣ источники этой корреспонденціи. Да будетъ намъ позволено въ три возраженія считать за одно. Насъ очевидно желаютъ закидать шапками, но, къ сожалѣнію, шапки-то принадлежать столь же очевидно одному и тому же лицу, и нашъ противникъ напрасно старается умножить себя и разнообразить на трехъ языкахъ. Доводы его остаются столь же непонятно слабыми, сколь были сами по себѣ. Мы уже давно привыкли отъ нашихъ противниковъ получать поправки, въ которыхъ обращается вниманіе на частности, а сущность дѣла, вредно вліяющая на край, тщательно скрывается. Вся защита остзейскихъ привилегій, весь протестъ нѣмецкой прессы противъ требованія скорыхъ и радикальныхъ реформъ въ Остзейскомъ краѣ вертится именно на подобныхъ доводахъ. Нынѣ противники наши, желая, вѣроятно, придать имъ особенную силу, подкрѣпляютъ ихъ цитатами изъ свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскаго края. Намъ эти узаконенія и способъ примѣненія ихъ въ Остзейскомъ краѣ давно извѣстны, и потому ни доводы, ни цитаты насъ не поколеблютъ. Да и не на насъ рассчитаны они, а только на большинство газетныхъ читателей, которыхъ пытаются озадачить невѣрнымъ толкованіемъ нашихъ словъ и недобросовѣстными ссылками на существующіе законы.

Мы имѣли бы, конечно, право не отвѣчать болѣе на подобные полемическіе приемы; но не желая подражать С.-Петербургской нѣмецкой газетѣ въ веденіи борьбы и, подобно ей, скрывать отъ своихъ читателей опроверженія на наши сужденія (что она всегда дѣлала съ невозмутимымъ хладнокровіемъ), мы нисколько не боимся

*

передать ея вопросы и отвѣты „Русскому Инвалиду“. На вопросъ нашъ о томъ, можетъ ли русскій дворянинъ на тѣхъ же условіяхъ пріобрѣтать имѣнія въ Остзейскомъ краѣ, на какихъ остзейцы пріобрѣтаютъ имѣнія въ Россіи, она отвѣчаетъ нерѣшительно да, ссылаясь на 876 ст. свода мѣстныхъ узаконеній. Мы по-прежнему повторяемъ: нѣтъ, потому что 874 и 875 ст. дозволяютъ остзейскому коренному дворянину пріобрѣтать всякія имущества, движимыя и недвижимыя, во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи, а русскимъ дворянамъ въ Остзейскомъ краѣ воспрещено покупать, въ Эстляндіи и Курляндіи и на островѣ Эзелѣ, всѣ имѣнія, именуемыя дворянскими (болѣе половины всего пространства); въ Лифляндіи же они могутъ владѣть дворянскими имѣніями только съ ограниченіями и безъ дворянскихъ правъ (876, 877 и 878). Все это вполнѣ доказываетъ, что въ предѣлахъ остзейскихъ губерній русское дворянство подвергается весьма чувствительнымъ ограниченіямъ, которыя, будь они установлены въ имперіи для остзейцевъ, давно бы заставили кричать ихъ объ угнетеніи и несправедливости.

На вопросъ нашъ о томъ, могутъ ли русскіе, даже проживающіе въ Остзейскомъ краѣ, пріобрѣтать на тѣхъ же условіяхъ собственность, какъ нѣмцы, противники наши отвѣчаютъ: да, извиняясь при этомъ, что въ остзейскихъ губерніяхъ вообще труднѣе пріобрѣтать собственность, даже для непривилегированныхъ нѣмцевъ. Мы уже неоднократно заявляли, что не дѣлаемъ разницы между непривилегированными нѣмцами, эстами, латышами и русскими. Всѣ права, внесенныя въ сводъ мѣстныхъ узаконеній и составляющія все его содержаніе, относятся къ остзейскимъ гражданамъ и только граждане ими пользуются. Цитировать сводъ мѣстныхъ узаконеній, когда дѣло идетъ о правахъ не гражданъ (т. е. непривилегированныхъ нѣмцевъ, русскихъ, эстовъ и латышей), можно только имѣя такой неисчерпаемый запасъ логики, какой С.-Петербургская нѣмецкая газета выказала уже неоднократно. Противники наши, конечно, не безъ умысла, позабыли цитировать 943 и 944 ст., которыя, гласятъ: „Въ каждомъ городѣ губерній остзейскихъ и въ Нарвѣ, тѣ городскіе обыватели, которые получили права мѣстнаго гражданства и означеннымъ ниже сего, для каждаго города въ особенности порядкомъ составляютъ особое общество гражданъ или такъ называемое гражданство. Права неполучившихъ правъ мѣстнаго гражданства опредѣляются общими законами имперіи, съ тѣми лишь ограниченіями, которыя суть послѣдствіе особыхъ мѣстнымъ гражданамъ дарованныхъ преимуществъ. „Кажется, ясно, что права гражданъ ограничиваютъ права прочихъ обывателей. Дѣло, значить, заключается въ томъ, чтобы доступъ въ гражданство и въ особенности

въ гильдіи и братство, исключительно пользующіяся политическими правами, былъ бы свободенъ для всѣхъ и каждаго. Что доступъ этотъ не свободенъ, даже вопреки своду мѣстныхъ узаконеній только вслѣдствіе духа исключительности привилегированныхъ гражданъ, объ этомъ свидѣтельствуеетъ все еще продолжающаяся борьба между магистратомъ и обывателями, весь пресловутый новый проектъ рижскаго городского устройства и самая остзейская пресса, восхваляющая этотъ проектъ, который не имѣлъ бы ровно никакого смысла, если все старое было бы хорошо.

На вопросъ нашъ, могутъ ли русскіе занимать мѣста общественнаго и городского управленія, намъ отвѣчаютъ торжественно: да, прибавляя, что всѣ должности выборныя и доступны русскимъ, если ихъ выберутъ. А мы опять говоримъ: нѣтъ, потому что выбираютъ не русскіе или другіе, а исключительно привилегированные нѣмцы магистрата, братства или гильдій, не допускающіе въ свою среду никого, кромѣ своихъ, даже если на то не имѣютъ права. Магистратъ выбираетъ ратсгерровъ, ратсгерры занимаютъ всѣ общественныя должности; бенефиціи (низшія городскія должности, сопряженныя съ доходомъ, нѣчто въ родѣ кормленія) принадлежатъ исключительно членамъ братства; въ братство принимаютъ только людей нѣмецкаго происхожденія, несмотря на то, что въ законѣ сказано, что всѣ могутъ поступать въ него; каждый годъ на это поступаетъ множество жалобъ и не признаютъ этихъ жалобъ только тѣ, противъ которыхъ онѣ направлены.

Далѣе, наконецъ, противники наши увѣряютъ, что русскіе могутъ участвовать въ судѣ, если имѣютъ необходимыя на то качества.

Главное качество состоитъ въ томъ, чтобы принадлежать къ привилегированнымъ сословіямъ; привилегированному дворянству принадлежатъ слѣдующія мѣста въ Лифляндіи: въ гофгерихтѣ—мѣста президента, вице-президента, двухъ ландратовъ и двухъ ассессоровъ (одинъ отъ эзельскаго дворянства), т. е. всѣ выборныя должности и три четверти состава всего суда (отъ правительства есть два совѣтника); въ крестьянскомъ отдѣленіи—мѣсто секретаря, въ ландгерихтахъ дворянству принадлежатъ всѣ мѣста (ландрихтеръ, два ассессора и секретарь). Въ уѣздныхъ крестьянскихъ судахъ мѣста предсѣдателя, дворянскихъ засѣдателей и секретарей. Сверхъ того дворянство выбираетъ приходскихъ судей и субститутовъ. Въ городахъ всѣ судебныя мѣста состоятъ изъ бургомистровъ и ратсгерровъ, т. е. членовъ магистрата. Въ Эстляндіи оберъ-ландгерихтъ состоитъ изъ 12 членовъ ландратской коллегіи (всѣ изъ дворянъ). Самъ оберъ-ландгерихтъ замѣщаетъ всѣ должности въ немъ; нидеръ-ландгерихтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства

изъ трехъ манрихтеровъ и шести ассессоровъ мангерихтовъ и четырехъ гакенрихтеровъ. Секретарь нидеръ-ландгерихта, манрихтеры и гакенрихтеры всѣ отъ дворянства и исключительно изъ коренныхъ дворянъ. Въ Курляндіи дворянству принадлежатъ всѣ мѣста членовъ оберъ-гофгерихта. Чиновники опредѣляются самимъ судомъ. Оберъ-гауптманскіе суды состоятъ изъ предсѣдателей и ассессоровъ изъ дворянъ; секретари и прочіе чиновники избираются самимъ судомъ изъ дворянъ или литератовъ. Гауптманскіе суды состоятъ изъ одного гауптмана и двухъ ассессоровъ. Всѣ эти люди должны быть изъ коренныхъ дворянъ. — Въ крестьянскихъ судахъ дворянство замѣщаетъ предсѣдателей и ассессоровъ. Въ городахъ судъ и расправу творятъ магистраты. Гдѣ же тутъ, спрашивается, возможность непривилегированнымъ участвовать въ судѣ. Нужно, конечно, имѣть необыкновенное хладнокровіе, чтобы и здѣсь утверждать, что участіе въ судѣ доступно всѣмъ, а не въ рукахъ однихъ привилегированныхъ.

Однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ мы отвѣчали на самые простые вопросы: *нѣтъ*, С.-Петербургская нѣмецкая газета силится отвѣчать: *да*, но за каждымъ да у нея непремѣнно слѣдуетъ *wenn*.

Противники наши, ратующіе съ постояннымъ *wenn* и *aber*, задаютъ намъ, между прочимъ, вопросъ. Мы и здѣсь будемъ снисходительны и отвѣтимъ, хотя эти вопросы столь же благонамѣренны и логичны, какъ и предыдущія возраженія. Насъ спрашиваютъ, чего мы хотимъ, — требуютъ отъ насъ программы. Всякій, читавшій наши статьи, знаетъ, чего мы хотимъ, кромѣ развѣ тѣхъ, кто не желаетъ этого знать или находить удобнымъ находить въ нихъ, какъ напримѣръ либеральная и просвѣщенная Ревельская газета, находящая въ себѣ необыкновеннымъ достоинствомъ, что она живетъ душа въ душу, съ своими привилегированными нѣмецкими читателями. Русское общество желаетъ, чтобы въ Остзейскомъ краѣ не стѣсняли русскихъ. Оно желаетъ отмѣны безчисленныхъ *wenn* и *aber*, укрѣпляющихъ доводы нашихъ противниковъ и устанавливающихъ неравенство и, слѣдовательно, раздраженіе между племенами. Оно желаетъ, чтобы одна десятая балтійскаго населенія, состоящая изъ привилегированныхъ нѣмцевъ, перестала бы, наконецъ, дразнить остальные девять десятыхъ и всю Россію и лжелиберальничать на фразсахъ и общаніяхъ, рисуясь предъ заграничною публикою и передъ русскимъ правительствомъ и обходя всякую попытку къ серьезному улучшенію. Вотъ программа, которой не сочувствуютъ развѣ только поборники феодализма и застоя, или люди, не понимающіе смысла постоянной агитаціи въ Остзейскомъ

краѣ, глухіе къ жалобамъ и потребностямъ народа, взывающегоъ давно уже къ Россіи о помощи.

Еще болѣе возмущало русскую прессу положеніе православныхъ въ Остзейскомъ краѣ. Тамъ происходили возмутительныя вещи на глазахъ русской администраціи, не обращающей ни малѣйшаго вниманія на дерзкія выходки лютеранъ.

Положеніе православныхъ въ Остзейскомъ краѣ было крайне тяжелое. Это народъ бѣдный, окруженный со всѣхъ сторонъ лютеранами, людьми богатыми и сильными: судьи, помѣщики, арендаторы, управляющіе, писаря всѣ почти лютеране. Эта многочисленная и сильная масса лютеранъ, среди которыхъ живутъ православные, не любятъ, даже ненавидитъ православныхъ. Главные противники православныхъ, разумѣется, пасторы, духовный и матеріальный интересъ которыхъ сильно страдаетъ отъ перехода прихожанъ въ православіе. Понятно, что пасторы всѣми мѣрами стараются не дать усиливаться православію. Они обыкновенно внушаютъ сильнымъ и вліятельнымъ лютеранамъ враждебный образъ дѣйствій относительно православія. Можно сказать, что вся масса лютеранъ тяжелымъ гнетомъ давитъ православныхъ. Здѣсь даже не называютъ православную вѣру православною, а только русскою. И не мало было возбуждено дѣлъ, но всегда нѣмцы оставались правы; самое слово русскій здѣсь считается униженіемъ.

Православную вѣру лютеране называютъ идолопоклонствомъ. Стоитъ только прочесть записки православнаго латыша Индрика Страумита, чтобы придти въ ужасъ отъ тѣхъ жестокостей, которыя употребляли помѣщики и пасторы, чтобы уничтожить стремленія латышей къ переходу въ православіе, начавшіяся въ 1840 годахъ. Увѣривъ правительство, что латыши бунтуютъ, они широко воспользовались русскою властью, которая давала имъ полномочія на всякаго рода экзекуціи.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени, а между тѣмъ православные подвергаются по-прежнему всякаго рода оскорбленіямъ, и въ шестидесятихъ годахъ происходили всякія безчинства. Но русскіе государственные дѣятели въ родѣ князя Суворова, Альбединскаго, Валчева, графа Шувалова, не только ничего не видали сами, но жестоко преслѣдовали русскую прессу, которая открывала имъ глаза на остзейскіе беспорядки, запрещая и закрывая газеты, отстаивавшія русскіе интересы. Только „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Инвалидъ“, находившіяся въ исключительномъ положеніи, позволяли себѣ указывать на остзейскіе порядки; всѣ же другія, какъ Петербургскія, такъ и Московскія газеты терпѣли всякія кары вплоть до закрытія“.

Между тѣмъ въ Венденѣ произошелъ возмутительный случай. Тамъ послѣ крещенскаго водосвятія лютеране выкачали на мостовую всю воду изъ колодца. По этому поводу въ газетѣ „Москва“, помимо рассказаннаго случая, было сказано о притѣсненіяхъ, которыя встрѣчаютъ православные, о поношеніи православной религіи съ церковныхъ кафедръ и проч.

По этому поводу мнѣ пришлось бесѣдовать съ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ. Однажды при моемъ докладѣ Дмитрій Алексѣевичъ спросилъ меня, знаю ли я Валуева, и на отвѣтъ мой, что я знаю его только въ лицо, онъ прибавилъ:

— Ну, такъ вамъ придется познакомиться съ нимъ покороче.

— По какому же случаю?

— Весьма для васъ лестному. Онъ просилъ меня напечатать въ „Инвалидѣ“ возраженія на нѣкоторыя газетныя статьи по поводу остзейскихъ происшествій.

— Но почему же непременно въ „Инвалидѣ“, а не въ „Сѣверной Почтѣ“?

— Я ему предложилъ тотъ же вопросъ, но онъ мнѣ сказалъ, что публика болѣе повѣритъ, если это будетъ напечатано въ „Инвалидѣ“. Вамъ необходимо съ нимъ повидаться и условиться на счетъ статьи; но имѣйте въ виду крайнюю осторожность, чтобы какими-либо неточностями не скомпрометтировать себя.

Получивъ такую инструкцію на счетъ осторожности, я предпочелъ помимо предстоящаго разговора записать запискою, въ которой указалъ, что я желаю, для того, чтобы статья была напечатана въ газетѣ, и чтобы на всякое указаніе газеты „Москва“ было опроверженіе, основанное на фактахъ, а не на однихъ словахъ.

Содержаніе заготовленной мною записки для П. А. Валуева было слѣдующее:

„Главные доводы, на которые опираются разсужденія газеты „Москва“, суть слѣдующіе:

1. Когда въ 40-хъ годахъ между эстами и латышами возникло стремленіе къ православію, то правительство, введенное въ заблужденіе мѣстными властями, состоящими изъ помѣщиковъ-лютеранъ, употребило съ своей стороны самыя крутыя и жестокія мѣры, чтобы не только задержать это стремленіе, но совершенно его задушить.
2. Всякое стремленіе къ православію встрѣчаетъ со стороны мѣстныхъ властей самыя сильныя притѣсненія.

Какъ доказательство приводится въ газетѣ случай съ крестьяниномъ Бендерономъ, который за принятіе имъ православія будто бы былъ призываемъ къ суду, и хотя не обвиненъ, но судился за соращеніе въ православіе.

3. Православная религія поносится и въ печати и съ церковныхъ кафедръ.

Въ доказательство приводится сочиненіе Кальценаускаго пастора Дебнера, который въ сочиненіи своемъ называетъ православную религію суевѣріемъ и невѣжествомъ.

4. Обряды православной религіи профанируются.

Въ доказательство приведенъ случай, бывший въ городѣ Венденѣ, гдѣ тотчасъ же послѣ водосвятія при колодцѣ, въ присутствіи еще не разошедшейся толпы народа, была подвезена пожарная труба, посредствомъ которой только что освященная вода была выкачена изъ колодца на мостовую.

5. Всякое дѣйствіе, служащее къ поддержанію и распространенію православія, встрѣчаетъ со стороны правительства крайнее стѣсненіе.

Какъ доказательство того приводится то обстоятельство, что издававшійся при Рижской духовной православной семинаріи журналъ „Училище Благочестія“ былъ отданъ подъ цензуру частнаго пристава лютеранина Шмидта.

Опровергать первый доводъ о крутыхъ мѣрахъ, принятыхъ противъ желавшихъ перейти въ православіе, врядъ ли было бы теперь удобно, если принять во вниманіе, что факты по этому дѣлу уже давно были напечатаны и оставались неопровергнутыми.

Точно также весьма осторожно можно говорить противъ 3-го пункта, поношенія православной религіи посредствомъ сочиненій и церковныхъ проповѣдей. Объ этомъ въ послѣднее время говорилось весьма много и горячо принималось русскою публикою. Печать представила много фактическихъ доказательствъ на этотъ счетъ, указавъ въ буквальномъ переводѣ подобныя проповѣди и сочиненія. вмѣстѣ съ тѣмъ печатно же была доказана безнаказанность подобныхъ дѣйствій. Все это никѣмъ не было опровергнуто и потому въ глазахъ всей читающей публики получило характеръ безусловной истины.

Затѣмъ казалось бы необходимымъ, опровергнувъ фактически остальные доводы статьи, привести истинныя данныя, которыя бы ясно и неопровержимо доказали, что русское правительство не только никогда не тормозило дѣло распространенія православія въ Прибалтійскомъ краѣ, но напротивъ всегда поддерживало его какъ нравственно, назначая въ край наиболѣ развитыхъ и дѣльных священнослужителей, оказывая покровительство обращеннымъ, защищая ихъ отъ притѣсненій помѣщиковъ, пасторовъ и пр., такъ и матеріально устраивая приличныя православныя церкви, назначая обеспеченное денежное содержаніе священникамъ, учреждая духов-

ныя семинаріи, училища для новообращенныхъ, поддерживая и развивая церковныя братства и пр.“.

Подготовившись такимъ образомъ къ бесѣдѣ съ человѣкомъ, который, какъ всѣмъ было извѣстно, отличался, если не истиннымъ краснорѣчіемъ, то по крайней мѣрѣ напыщеннымъ щегольствомъ рѣчи, я отправился съ запискою въ карманѣ въ домъ министерства внутреннихъ дѣлъ противъ Александринскаго театра. Въ нижнемъ этажѣ этого дома я нашель П. А. Валуева за длиннымъ письменнымъ столомъ. При входѣ моемъ онъ поднялся съ кресла и, величаво протянувъ руку, указаль на стулъ, стоявшій противъ него. Я сѣлъ.

— Очень радъ, полковникъ, началъ П. А. Валуевъ, что Дмитрію Алексѣевичу угодно было познакомить меня въ вами. Можете быть увѣрены, что съ моей стороны вы встрѣтите полное содѣйствіе къ разъясненію фальшиво поднятаго вопроса объ Остзейскомъ краѣ.

— Но, Ваше Превосходительство, общественное мнѣніе, попробоваль я скромно вставить свою фразу.

— Общественное мнѣніе, полковникъ, руководствуется у насъ прессою, а пресса есть орудіе обоюдоострое. Къ сожалѣнію, наша пресса вовсе не выражаетъ общественнаго мнѣнія, и напрасно она придаетъ себѣ слишкомъ большое значеніе. Вотъ, хотя бы въ данномъ вопросѣ объ Остзейскомъ краѣ. Чего только не наговорила русская пресса о порядкахъ въ томъ краѣ, чего она не прозрѣла въ тамошнихъ яко-бы поущеніяхъ русскаго правительства въ дѣлахъ управленія и въ дѣлахъ религіи. А между тѣмъ все это полнѣйшій вздоръ.

Такъ какъ, говоря это, онъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, то я принялъ этотъ выговоръ русской прессѣ на свой счетъ, припоминая статьи „Русскаго Инвалида“ противъ остзейскихъ порядковъ, и въ то же время думаль про себя. „А что бы Вы, Ваше Превосходительство, заговорили, если бы узнали, что статьи эти прочитаны Государемъ и одобрены для напечатанія въ газетѣ. Неужели по Вашему мнѣнію это тоже полнѣйшій вздоръ“.

— Выдумывать о какомъ-то сепаратизмѣ въ Остзейскомъ краѣ—продолжалъ П. А. Валуевъ,—можетъ только русская пресса, не понимая того, что Россія есть ядро гомогенное, окруженное ядрами гетерогенными и одаренная силою не центробѣжною, но центростремительною...

Выкинувъ такую фразу, онъ продолжалъ:

— И такъ, полковникъ, я къ вашимъ услугамъ. Что прикажете?

— Я бы желаль, Ваше Превосходительство, получить нѣкоторые

документы, которые бы фактически опровергали напечатанныя свѣдѣнія въ газетѣ „Москва“.

При этихъ словахъ П. А. Валуевъ выдвинулъ изъ стола ящикъ, вынулъ оттуда связку ключей и, положивъ ихъ передо мною, сказалъ, указывая рукою на шкафы, стоящіе по стѣнамъ.

— Вотъ здѣсь, полковникъ, находятся секретныя дѣла министерства, они будутъ въ полномъ вашемъ распоряженіи.

Это окончательно поразило меня. Почему, подумалъ я, этотъ безусловно умный человѣкъ играетъ такую странную роль передъ какимъ-то полковникомъ. Можетъ быть, никакихъ секретныхъ дѣлъ въ шкафахъ и нѣтъ, а это сказано просто для эффекта, наконецъ, онъ не могъ не знать, что я не позволю себѣ рыться въ чужомъ министерствѣ.

— Я очень благодаренъ Вашему Превосходительству за довѣріе, но считаю совершенно неудобнымъ пользоваться лично матеріалами. Я полагаю совершенно достаточнымъ, если Ваше Превосходительство поручите Вашему чиновнику отвѣтить на вопросы, изложенные въ этой запискѣ.

При этомъ я вынулъ изъ кармана вышеизложенную записку.

— Прекрасно,—сказалъ Валуевъ и началъ читать записку.

Прочитавъ, онъ сказалъ:—Благодарю васъ, полковникъ, все будетъ сдѣлано по вашему желанію.

И мы разстались.

Черезъ нѣкоторое время я, дѣйствительно, получилъ свою записку обратно, при чемъ нашелъ на ней помѣтки Валуева. Такъ по поводу перваго пункта моей записки онъ написалъ: „Напрасно говорится о 40-хъ годахъ и умалчивается о 45-хъ, въ которыхъ все прекратилось“.

Но надо замѣтить, что прекратилось потому, что помѣщиками и пасторами были употреблены, при содѣйствіи русскаго правительства, такія мѣры, которыя напоминали герцога Альбу въ Нидерландахъ.

Противъ 3-го пункта Валуевъ помѣтилъ: „Ссылка не точна, и Дебнеръ отрѣшенъ отъ благочинія. Другія поношенія никогда не были терпимы правительствомъ“.

Противъ остальныхъ пунктовъ онъ потребовалъ справокъ.

Вслѣдъ затѣмъ я началъ получать фактическія доказательства на счетъ истиннаго положенія дѣлъ.

Прежде всего я получилъ маленькую записку отъ П. А. Валуева слѣдующаго содержанія:

„О происшествіи въ Венденѣ не имѣется никакого извѣстія въ

министерствѣ в. д. Архіепископъ, повидимому, не сообщилъ о немъ. Генераль-губернаторъ спрошенъ.

„Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что нигдѣ не терпится и не было терпимо-нарушеннаго неуваженія къ православію, и что стараніе обобщить Венденское приключеніе есть политическій пріемъ весьма не разборчивый въ такомъ дѣлѣ.

„Мнимая отдача подѣ цензуру архіепископа заключается въ томъ, что, при незнаніи имъ мѣстныхъ нарѣчій, генераль-губернаторъ находилъ неудобнымъ разрѣшить изданіе народнаго журнала на этихъ нарѣчіяхъ, внѣ общей цензуры, подѣ цензурою однихъ православныхъ священниковъ. Съ этимъ согласились оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода и министръ внутреннихъ дѣлъ“.

Кромѣ того, П. А. Валуевымъ мнѣ были присланы двѣ записки лифляндскаго жандармскаго штабъ-офицера для прочтенія съ просьбою возвратить ихъ.

Въ то же время я получилъ письмо изъ департамента иностранныхъ исповѣданій слѣдующаго содержанія.

Милостивый Государь

Сергѣй Павловичъ.

По порученію министра внутреннихъ дѣлъ имѣю честь препроводить къ Вамъ при семъ копію съ отношенія къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода по дѣлу пастора Дебнера, которая не была вамъ своевременно передана. Господинъ министръ полагаетъ, что сущность этой бумаги могла быть помѣщена въ „Русскомъ Инвалидѣ“ въ формѣ простаго извѣстія независимо отъ статьи.

Пользуюсь случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать Вамъ, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

Аничковъ.

При письмѣ была приложена слѣдующая копія съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

Вслѣдствіе соглашенія моего съ Вашимъ Сіятельствомъ по дѣлу объ изданіи пасторомъ Дебнеромъ сочиненія на латышскомъ языкѣ „Исторіи Христіанской вѣры“ и неумѣстнымъ объявленіи объ изданіи 3-й части сего сочиненія въ латышскомъ журналѣ *Marja Weesis* № 50, отъ 12 декабря 1866 года предложено мною 8-го сего марта генеральной консисторіи: 1) Уволить пастора Дебнера отъ должности пробста и воспретить ему дальнѣйшее изданіе сочиненій религіознаго характера на народномъ латышскомъ или эстскомъ языкѣ;

2) сдѣлать Лифляндской консисторіи замѣчаніе за одобреніе къ печати вышеозначеннаго сочиненія, безъ обращенія вниманія на направленіе сего сочиненія и 3) независимо отъ общаго замѣчанія консисторіи подвергнуть выговору того изъ членовъ ея, на котораго было возложено разсмотрѣніе означеннаго сочиненія Дебнера и по докладу котораго оно одобрено къ печати.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено генеральной консисторіи учинить надлежащее распоряженіе къ представленію на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ двухъ кандидатовъ на вакансію пробста Венденскаго округа на мѣсто увольняемаго отъ сей должности пастора Дебнера.

Когда, такимъ образомъ, получены были всѣ справки и въ случаѣ неточности ихъ отвѣтственность не падала на „Русскій Инвалидъ“, въ газетѣ была напечатана разъяснительная статья, послѣ чего я получилъ отъ П. А. Валуева слѣдующую записку:

„Въ статьяхъ разныхъ газетъ о православной церкви въ Лифляндіи часто упоминается о бѣдности мѣстныхъ храмовъ и т. п. Они дѣйствительно въ незавидномъ состояніи, но нельзя винить въ этомъ правительство. У насъ много говорятъ объ обществѣ, и много говорятъ само общество, но дѣлаетъ оно немного. Правительство израсходовало на Рижскую епархію со времени ея учрежденія 2.700.000 рублей и кромѣ того 600.000 рублей спеціально на разныя постройки. Эти цифры въ сравненіи съ общею суммою издержекъ по духовному вѣдомству на огромномъ пространствѣ Россіи весьма значительны.

„Считаю не лишнимъ сообщить Вамъ эту справку и пользуюсь случаемъ, чтобы выразить Вамъ мои чувства совершеннаго почтенія и преданности.

Валуевъ.

„П. П. То же явленіе повторяется и по дѣламъ римско-католической церкви. Послѣ 1831 года закрыто болѣе 360 монастырей, отобрано 5.160.000 рублей капиталовъ и недвижимыя имѣнія съ населеніемъ 115 тысячъ душъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, мы до сихъ поръ слышимъ прежніе отзывы о благолѣпнн римско-католическихъ храмовъ и бѣдности нашихъ.

П. П. 2. Прошу принять выраженіе всей моей благодарности за нынѣшній „entre filets“ въ „Инвалидъ“.

Это было получено послѣ статьи, помѣщенной въ газетѣ и составленной на основаніи полученныхъ документовъ.

С. П. Зыковъ.

ВОИНСТВЕННЫЙ ИГУМЕНЪ.

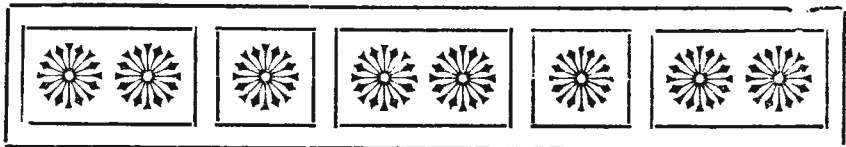
(XVII в.).

Великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологодцкому и Бѣлозерскому бьетъ челомъ нищей твоі богомолецъ Бѣлозерскаго уѣзда Надпоржскага стану Шухтовские волости Николской попь Петръ Филимонов. Жалоба, государь, Корнильева монастыря на игумена Еерема: посланъ по твоему святительскому указу игумен Корнильева монастыря Еерем в Бѣлозерской уѣздъ в Надпоржской станъ в Шухтовскую волость к храму Николаю Чюдотворцу, выходил во храм и осматривал и въ другой храм вышел и с ним вышел ево игуменов слущка и ухватил с престола евангиліе нечинно у Георгия Страстотерпца и отдал мнѣ попу Петру и одежду и страцицу верхнюю долой с престола сняли и ко мнѣ нищему твоему богомольцу приметались, будто нет святаго антѣмиса, а святой антѣмис есть, а священа та церковь по старому болши тритцати лѣтъ, и онъ, игуменъ, взялъ меня драть за бороду и по щекам бил и пономаря бил, и взяв меня посадили в сани и привѣзли въ деревнишко мое и хотел он, игумен, бить меня плетми и я, нищей твой богомолецъ, убоился увѣчья. И живу я въ попахъ сорокъ три лета и такова безчестья на себя не видалъ. И онъ, игуменъ, взялъ у меня два рубли да подьяку шесть алтын да слугамъ взял двѣ гривны и всех денегъ взялъ два рубли десять алтын, да полотно повознику своему взялъ десеть аршинъ. И я нищей твой богомолецъ плакался и въ ногахъ лежалъ. И онъ моего челобитья нѣ принялъ, денги и полотно взялъ. А вины, государь, я на себя не ведаю. А во храм Георгия Страстотерпца служить запрещалъ; какъ взялъ посулъ и после того, поехавъ з двора велелъ в той церквѣ служить. А я после ево не служу до твоего владычня указу. А престолъ весь цѣлъ. Великій господинъ преосвященный Симонъ архиепископъ Вологодцкій и Бѣлозерскій, пожалуй государь меня нищаго своего богомольца, учини, государь, указъ, что без вины бил меня и взял денги и полотно. Государь, смилуйся, пожалуй. *На оборотѣ:* К сей челобитной Шухтовские волости Текутова Раменья Рожества Богородицы попъ Косма Федоровъ вмѣсто тестя своего попа Петра Филимонова потому что ево на Вологде не пригодишь—устарелъ по ево веленью руку приложилъ.

Примѣчаніе. Въ описаніи Корнильева монастыря, изд. 5-е, 1904 года (Вологда) игуменъ Ефремъ указанъ между 1676 и 1679 годами.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Къ характеристикѣ доктора Ѳ. П. Гааза.

Посвящается Анатолю Ѳедоровичу Кони.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первый біографическій очеркъ „Докторъ Ѳ. П. Гаазъ“ былъ напечатанъ А. Ѳ. Кони въ 1897 году; затѣмъ въ 1903 году въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатана тѣмъ же авторомъ статья „Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ по новымъ матеріаламъ“, а въ 1904 году появилось новое пополненное изданіе (4-е) біографіи Ѳ. П. Гааза. Съ тѣхъ поръ никакихъ новыхъ свѣдѣній о Ѳ. П. Гаазѣ опубликовано не было, кромѣ газетныхъ замѣтокъ и статей объ открытіи памятника Гаазу, которое состоялось въ 1909 году въ Александровской больницѣ, гдѣ я имѣю честь быть главнымъ докторомъ.

Готовясь къ этому торжеству, я лѣтомъ прошлаго года занимался въ Московскомъ Губернскомъ архивѣ, а также имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько дѣлъ Московскаго Тюремнаго Комитета временъ Гааза. Я надѣялся найти новые документы для характеристики Ѳ. П. Гааза, кромѣ разысканныхъ мною тамъ-же 17 лѣтъ тому назадъ, когда я имѣлъ счастье помогать А. Ѳ. Кони въ собираніи матеріаловъ для біографіи незабвеннаго основателя бывшей полицейской, а нынѣ Александровской больницы.

Къ крайнему сожалѣнію много важныхъ документовъ утрачено: богатый матеріалъ Тюремной больницы уничтоженъ пожаромъ, дѣла Медицинской Конторы о Гаазѣ затерялись; не сданы въ архивъ и неизвѣстно куда дѣвались дѣла о холерѣ 1848 года. Но все-таки мнѣ удалось разыскать нѣсколько интересныхъ документовъ, которые я нахожу нужнымъ опубликовать для пополненія біографическаго матеріала о Ѳ. П. Гаазѣ, а также подѣлиться свѣдѣніями о томъ, что сдѣлано для увѣковѣченія памяти о „святомъ старикѣ“.

С. В. Пучковъ.

Широкая общественная дѣятельность Ѳ. П. Гааза начинается съ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Можно съ увѣренностью сказать, что съ этого времени ни одно сколько-нибудь крупное дѣло по санитарно-врачебной части въ городѣ Москвѣ не обходилось безъ участія и, въ большинствѣ случаевъ очень активнаго и энергичнаго, доктора Гааза.

Въ началѣ 1825 года Московскій военный генераль-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ приглашаетъ его для прекращенія свирѣпствовавшей въ Тюремномъ замкѣ эпидеміи тифа. Онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ проф. Полемъ дѣятельно ведетъ борьбу съ эпидеміей, для чего прежде всего устраиваетъ временную больницу въ Покровскихъ казармахъ, гдѣ изолируетъ заболѣвшихъ арестантовъ. Благодаря его трудамъ дальнѣйшее развитіе эпидеміи въ Тюремномъ замкѣ прекращается.

Въ томъ же 1825 году Ѳедоръ Петровичъ по настоянію князя Голицына назначается штабъ-физикомъ Медицинской конторы, несмотря на свой упорный отказъ занять эту должность, будучи, какъ онъ писалъ, „удерживаемъ мыслию о несовершенствахъ своихъ“. Исполняя обязанности штабъ-физика при не только крайне недружелюбныхъ, но и враждебныхъ къ нему отношеніяхъ его ближайшаго сослуживца инспектора Добронравова, Гаазъ производитъ переустройство служебныхъ помѣщеній Медицинской конторы и представляетъ рядъ докладовъ и проектовъ по кореннымъ вопросамъ общественной медицины. Въ 1826 году онъ приглашается для борьбы съ чрезвычайно сильно развившейся въ отдѣленіи для кантонистовъ эпидемической глазной болѣзью и съ большимъ успѣхомъ исполняетъ возложенное на него порученіе. Вскорѣ послѣ этого князь Д. В. Голицынъ, озабочиваясь устройствомъ въ Москвѣ глазной больницы, обращается къ Гаазу съ просьбой быть членомъ Особаго подъ его предсѣдательствомъ Комитета по устройству означеннаго учрежденія. Въ письмѣ кн. Голицына, написанномъ по этому поводу Гаазу, между прочимъ сказано: „Увѣренность моя въ Вашихъ познаніяхъ и убѣжденіе въ отличныхъ качествахъ Вашего сердца, оправданныхъ во время Вашего многолѣтняго пребыванія въ сей столицѣ, обратились въ сильнѣйшее для меня побужденіе предложить Вамъ званіе члена вышеупомянутаго Комитета“. Нужно ли говорить, что Гаазъ принялъ съ горячею готовностью предложеніе князя Голицына, тѣмъ болѣе, что въ числѣ членовъ образованнаго Комитета были два его друга и постоянные его сотрудники по общественной дѣятельности проф. Поль и докторъ Броссе. Работа въ Комитетѣ была настолько дружной и энергичной, что черезъ пять мѣсяцевъ новая больница была оборудована и открыта во времен-

номъ помѣщеніи. Гаазъ былъ назначенъ членомъ ея Совѣта и до самой своей смерти оставался въ этомъ званіи, помогая учрежденію своею опытностью и своими знаніями, а также собирая для него пожертвованія.

Изумительная по энергіи и продуктивности дѣятельность Гааза, какъ члена Тюремнаго Комитета, подробно и рельефно описана въ біографическомъ очеркѣ А. Ѳ. Кони. Въ этой книгѣ приведено много случаевъ ходатайствъ Гааза за арестантовъ; а какимъ людямъ приходилось въ тѣ мрачныя времена надѣвать арестантскіе халаты и кандалы, можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ эпизодовъ изъ дѣятельности Гааза, найденныхъ мною въ архивахъ.

Въ 1836 году Ѳ. П. Гаазъ ходатайствуетъ за арестанта некрасовца Орлова, вина котораго, какъ видно изъ прошенія прокурору, написаннаго очевидно подъ диктовку Гааза, заключалась въ слѣдующемъ:

Въ 1828 году во время войны съ Турціей некрасовцы оказали большія услуги русскимъ войскамъ при переходѣ ими черезъ Дунай, вслѣдствіе чего Императоръ Николай I особымъ манифестомъ разрѣшилъ желающимъ вернуться въ Россію снова принять русское подданство, при чемъ было дано обѣщаніе, что возвратившіеся въ Россію некрасовцы не будутъ подвергнуты никакимъ взысканіямъ и могутъ избрать мѣсто жительства по своему желанію, вслѣдствіе чего Егоръ Орловъ вернулся въ Россію и хотѣлъ поселиться въ Калужской губерніи. По прибытіи его въ Калугу, мѣстное Губернское Правленіе, вмѣсто приведенія его въ подданство, отобрало выданный ему отъ градоначальства г. Измаила аттестатъ и препроводило какъ арестанта черезъ Москву на мѣсто его родины во Владимірскую губернію. Въ Москвѣ въ немъ принялъ участіе Гаазъ, положилъ его въ больницу и сталъ хлопотать объ его освобожденіи.

Въ 1843 году пересыльный арестантъ Станиславъ Ивановичъ Хлусевичъ десяти лѣтъ (!) ссылался за поджогъ въ каторгу на 3 года. Тюремный Комитетъ (Гаазъ) принимаетъ участіе въ судьбѣ несчастнаго ребенка и ходатайствуетъ о пересмотрѣ его дѣла. Общее Собраніе Сената пересмотрѣло дѣло и освободило мальчика отъ каторжныхъ работъ.

Въ 1830 году Гаазъ много потрудился въ дѣлѣ борьбы со страшнымъ общественнымъ бѣдствіемъ: въ этомъ году впервые въ Москвѣ появилась и сильно свирѣпствовала азіатская холера. По приглашенію кн. Голицынымъ Гаазъ былъ назначенъ членомъ временнаго Медицинскаго Совѣта, организованнаго для принятія по городу Москвѣ всѣхъ врачебно-санитарныхъ мѣръ по борьбѣ съ

эпидеміей. Дѣятельность Гааза въ холеру 30-го года по ея энергіи была просто изумительна. Временный Медицинскій Совѣтъ собирался въ домѣ генераль-губернатора ежедневно въ 11 часовъ утра, „а когда надобность была, то и послѣ обѣда“. Гаазъ независимо отъ этого состоялъ инспекторомъ одной изъ временныхъ холерныхъ больницъ и кромѣ того ему было поручено завѣдываніе всей регистраціей холерныхъ заболѣваній въ г. Москвѣ.

Въ 1840 году губернаторъ Сенявинъ предложилъ Гаазу занять мѣсто Главнаго доктора Екатерининской больницы. Фѣдоръ Петровичъ отклоняетъ это предложеніе, „чувствуя себя не въ состояніи оному удовлетворить“. Затѣмъ съ тою же просьбой обратился къ нему московскій генераль-губернаторъ кн. А. Г. Щербатовъ. По этому поводу Гаазъ пишетъ: „столь величайшая честь не могла преодолѣть глубокую сознательность о несовершенствахъ моихъ и мое твердое намѣреніе не увлекаться никакими земными похотѣніями“. Однако Гаазъ долженъ былъ уступить настояніямъ кн. Щербатова. Занявъ мѣсто Главнаго доктора, онъ энергично принимается за переустройство этой, въ то время очень запущенной, больницы. Прежде всего онъ озабочивается устройствомъ въ этомъ учрежденіи водопровода. Окончивъ это сооруженіе, Гаазъ ходатайствуетъ передъ генераль-губернаторомъ о возвратѣ 1.500 руб., израсходованныхъ имъ, при чемъ добавляетъ: „на это дѣло я употребилъ всѣ свои средства и мнѣ трудно далѣе заимствоваться деньгами у другихъ“. Затѣмъ онъ производитъ ремонтныя работы и планировку двора больницы, за всѣми постройками слѣдя самъ и производя ихъ хозяйственнымъ способомъ. Желая устранить столь обычныя въ то время грандіозныя злоупотребленія при постройкахъ, онъ въ 1842 году ходатайствуетъ, чтобы предстоящія въ больницѣ постройки были отданы ему въ видѣ подрядчика, ибо, пишетъ Гаазъ, „я подчиняю себя всѣмъ обязанностямъ подрядчика“. Желая формально обезпечить за собой право производить постройку, онъ проситъ въ 1843 году генерала-губернатора отдать перестройку деревяннаго барака ему и „съ пониженіемъ восьми рублей серебромъ противъ цѣны, заявленной подрядчиками при переторжкѣ“. Этотъ ремонтъ былъ произведенъ Гаазомъ очень успѣшно. Имъ между прочимъ были устроены согласно современнымъ требованіямъ новыя ванны, шкафъ для сѣрныхъ ваннъ, души и дождевыя ванны.

Состоя Главнымъ докторомъ Екатерининской больницы, Фѣдоръ Петровичъ озабочивается устройствомъ особаго лѣчебнаго заведенія, въ коемъ могли бы найти пріютъ больные, не имѣющіе возможности по какимъ-либо причинамъ попасть въ другія больницы. Его хлопоты увѣнчиваются успѣхомъ: благодаря его заботамъ и стара-

ніямъ устраивается больница для безпріютныхъ, бывшая Полицейская, а нынѣ Александровская. Для этого учрежденія Гаазъ выхлопываетъ находящійся въ вѣдѣніи московскаго генераль-губернатора домъ въ Маломъ Казенномъ переулкѣ, въ которомъ до того времени помѣщался ортопедическій институтъ д-ра Менделини. Гаазъ собираетъ у разныхъ благотворителей пожертвованія на переустройство и приспособленіе этого дома для больницы, тратитъ на это дѣло свои въ то время уже оскудѣвшія средства. Съ особенной заботливостью онъ хлопочетъ о правильной постановкѣ водолѣченія въ новой больницѣ, согласно успѣхамъ, сдѣланнымъ въ этой области медицины въ его время въ больницахъ и клиникахъ Западной Европы. 2-го мая 1845 года больница для безпріютныхъ начинаетъ свою дѣятельность. Гаазъ назначается ея старшимъ врачомъ, занимаетъ въ этой больницѣ маленькую квартиру, и съ тѣхъ поръ до самой его смерти вся его дѣятельность неразрывно связана съ этимъ учрежденіемъ.

Обширная, разносторонняя и чрезвычайно энергичная общественная дѣятельность Гааза протекала среди крайне неблагоприятныхъ условій времени и окружающей его среды; тѣмъ болѣе эта дѣятельность заслуживаетъ нашего вниманія, нашего удивленія и нашего уваженія къ памяти покойнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если въ наше время многіе наши соотечественники находятъ оправданіе своей бездѣятельности, своему абсентеизму въ области общественныхъ интересовъ и дѣлъ, ссылаясь на невозможность работать при современномъ строѣ нашей общественной жизни, то, конечно, Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, замкнувъ свою жизнь въ узкую сферу личныхъ интересовъ, имѣлъ бы несравненно болѣе правъ на такое самооправданіе -- онъ вѣдѣ жилъ въ мрачныя времена первой половины прошлаго столѣтія, а Россія не была ему матерью, родиной.

Несмотря на всѣ терніи, неудачи, разочарованія и огорченія, которыя Гаазъ постоянно встрѣчалъ въ своей дѣятельности, онъ шелъ твердою стопю съ своему жизненному идеалу—самоотверженно служить людямъ, которымъ особенно тяжело живется на свѣтѣ. Въ стремленіи къ этому идеалу, въ постоянной борьбѣ съ неблагоприятными обстоятельствами, съ человѣческимъ безсердечіемъ, съ всеобщимъ равнодушіемъ, невѣжествомъ, неблагодарностью, онъ, не жалѣя себя, тратилъ массу физическихъ и моральныхъ силъ, но съ изумительнымъ терпѣніемъ и кротостью переносилъ свои неудачи, разочарованія и даже тяжкія обиды... Онъ часто шелъ по избранному имъ пути одинокимъ, никѣмъ непонимаемымъ... Изъ книги А. Ѳ. Кони мы узнаемъ, сколько при этомъ перенесли страданій добрая душа и

*

отзывчивое сердце Ѳедора Петровича. Позволю себѣ и я указать въ этомъ отношеніи на нѣкоторые новые факты изъ жизни Гааза.

Извѣстно, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ Гаазъ по настоянію генераль-губернатора долженъ былъ согласиться занять мѣсто штадъ-физика медицинской конторы. Молодой, широкообразованный, энергичный и строго неподкупной честности врачъ попалъ въ мутную среду канцелярской бюрократической трясины съ сомнительнымъ прошлымъ своихъ дѣятелей: Гаазъ замѣнилъ уволеннаго и отданнаго подъ судъ за злоупотребленія по службѣ штадъ-физика Ц. Съ первыхъ шаговъ своей служебной дѣятельности онъ въ лицѣ инспектора медицинской конторы Доброзрава нашелъ яраго и непримиримаго себѣ врага, способнаго на все.

Испытавъ всевозможныя средства борьбы съ своимъ противникомъ, инспекторъ Доброзравъ рѣшилъ наконецъ нанести ему, по его мнѣнію, самый роковой ударъ: онъ подалъ жалобу на штадъ-физика генераль-губернатору, въ которой, указывая на постоянныя обиды, причиняемыя ему его врагомъ, заявляетъ, что „докторъ Гаазъ находится не въ здоровомъ душевномъ состояніи“ и проситъ принять мѣры, „дабы докторъ Гаазъ, имѣя обширную медицинскую практику, при такомъ разстройствѣ ума не могъ нанести вреда своимъ больнымъ“. Вѣроятно, убѣжденіе это у г. инспектора сложилось на основаніи непонятныхъ ему поступковъ Гааза въ родѣ слѣдующаго. Какъ видно изъ справки медицинской конторы 1830 года, посланный въ канцелярію генераль-губернатора, „докторъ Гаазъ во время исполненія должности штадъ-физика 2.225 руб. жалованья и квартирныхъ не получалъ, но передавалъ оныя удаленному отъ должности по производившемуся въ уголовной палатѣ дѣлу, бывшему штадъ-физикъ Ц.“.

Намъ трудно даже представить, при какихъ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ приходилось работать Ѳедору Петровичу на поприщѣ общественнаго служенія. Позволю себѣ указать для характеристики этого положенія на два эпизода его дѣятельности во время борьбы съ холерной эпидеміей 1830 года. Въ наше время такъ часто слышатся жалобы, что общественное служеніе и связанная съ нимъ работа трудны особенно потому, что у насъ въ Россіи мало людей знающихъ, способныхъ и преданныхъ дѣлу, что человѣку, стоящему у какого-нибудь значительнаго общественнаго дѣла, трудно, а подѣ часъ и невозможно, найти себѣ хорошихъ помощниковъ. Что же было въ этомъ отношеніи во времена Гааза, 80 лѣтъ тому назадъ? Вотъ примѣры. Во время холеры 30 года въ Москвѣ былъ организованъ „комитетъ для очищенія (дезинфекціи) товаровъ“. Предсѣдатель этого комитета 28-го октября во время самаго силь-

наго разгара епидеміи, пишетъ московскому генераль-губернатору: „Поступившіе членами въ сей комитетъ отъ купечества Павелъ Прохоровъ и Николай Осиповъ, первый изъ нихъ неграмотный, второй читать не умѣетъ, едва можетъ подписывать свое имя, при всемъ ихъ усердіи, не могутъ выполнять обязанностей по комитету и просятъ по сему быть уволенными“.

Во время епидеміи 30 года Ѳедоръ Петровичъ завѣдывалъ одной изъ временныхъ холерныхъ больницъ. Такъ какъ эта больница, несмотря на свою обширность, была переполнена холерными больными и двухъ врачей, помощниковъ Гаазу, было недостаточно, то въ его распоряженіе „были командированы 21-го іюля четыре студента: два медико-хирургической академіи и два университета, сверхъ того три ветеринарные врача, окончившіе курсъ въ сей академіи“. Вотъ съ какими помощниками приходилось Гаазу работать въ этой больницѣ, при чемъ нужно принять во вниманіе, что онъ ежедневно участвовалъ въ засѣданіяхъ Временнаго Медицинскаго Совѣта, а также неизмѣнно посѣщалъ засѣданія Тюремнаго комитета, не оставляя при томъ бывать въ мѣстахъ заключенія и постоянно присутствовать на Воробьевыхъ горахъ при отправкѣ арестантовъ въ Сибирь. Кромѣ того онъ завѣдывалъ регистраціей всѣхъ холерныхъ заболѣваній въ Москвѣ; число же этихъ заболѣваній доходило до 5.000 въ мѣсяцъ, какъ напримѣръ это было въ октябрѣ 1830 года. Работа эта была настолько громаднa, что въ помощь Гаазу былъ назначенъ докторъ Кетчеръ.

Но помимо дѣла живого, спѣшнаго во время холерной епидеміи, Гаазу нерѣдко приходилось считаться съ вопросами мелочного самолюбія, гордости, тщеславія и бездушнаго формализма людей, съ которыми сводила его судьба при совмѣстной работѣ. Во время холеры 30-го года во главѣ мѣстныхъ санитарныхъ организацій полицейскихъ частей города были поставлены особые начальники (санитарные попечители), а начальники эти были далеко не всегда столь просвѣщенные и воспитанные люди, какимъ былъ начальникъ тверской части Ѳ. В. Самаринъ. У Ѳедора Петровича начальникъ былъ другого склада. Посѣтивъ однажды временную больницу и не найдя „въ правдивой книгѣ“ записей, онъ объявилъ Гаазу выговоръ, и на его объясненія не обратилъ никакого вниманія. Въ другой разъ онъ возмущился заявленіемъ Гаазы, что врачъ является, по его мнѣнію, главнымъ распорядителемъ внутри больницы. Услыхавъ эти слова, начальникъ, какъ онъ самъ доноситъ генераль-губернатору, „вынужденъ былъ возвысить голосъ, чтобы унять дерзость“ подчиненнаго ему врача. Въ заключеніе своего рапорта начальникъ проситъ генераль-губернатора „объ избавленіи ввѣренной

ему части отъ д-ра Гааза и о замѣнѣ его другимъ врачомъ“. Кн. Голицынъ, несмотря на все свое расположеніе къ Ѳедору Петровичу, вынужденъ былъ исполнить просьбу начальника, и Гаазъ былъ переведенъ въ другую часть. Но Ѳедору Петровичу приходилось иногда расходиться по нѣкоторымъ вопросамъ и со своими коллегами-врачами. Такъ по поводу проекта предохранительныхъ мѣръ противъ холеры, выработаннаго особой Комиссіей, Гаазъ оставался при мнѣніи, которое изложилъ въ дѣловой и очень корректной формѣ. Коллеги видимо обидѣлись, написали возраженіе, въ коемъ указывали, что мнѣніе Гааза, „сисящагося доказать, что Совѣтъ не исполнилъ возложенныхъ на него обязанностей, несправедливо“.

Много приходилось Ѳедору Петровичу перенести неприятностей, огорченій, хлопотъ и потратить не мало времени и труда на оправданіе своихъ дѣйствій по обвиненію въ передержкахъ по строительнымъ работамъ, которыя онъ въ постоянныхъ заботахъ о благоустройствѣ учреждений, гдѣ ему приходилось служить, такъ любилъ. Дѣло въ томъ, что его оправдательные документы не всегда удовлетворяли строгимъ требованіямъ формальной отчетности. При возникавшихъ въ этомъ отношеніи недоразумѣніяхъ по представленнымъ имъ счетамъ, Гаазъ обычно писалъ въ такомъ родѣ: „я по чести полагаю, что эти деньги мнѣ слѣдуютъ, а буде оказалась бы въ семъ счетѣ какая-либо неаккуратность, то я обещаюсь возвратить, если то признано будетъ нужнымъ“.

Кн. Д. В. Голицынъ и кн. Щербатовъ часто журили Гааза за его вольнодумное отношеніе къ требованіямъ казенной отчетности, но, зная его строгое отношеніе къ себѣ и къ интересамъ дѣла, а также его кристаллическую честность, обычно такія дѣла заканчивали къ удовольствію Гааза. Но не то было при графѣ Закревскомъ. Старикъ приходилось въ эти времена, скрѣпя сердце, удерживать свою страсть къ строительству, тѣмъ болѣе, что и возвращать, „что будетъ признано нужнымъ“, Гаазу уже не было никакой возможности по неимѣнію средствъ.

Какія мытарства въ этомъ отношеніи долженъ былъ выносить бѣдный старикъ, можно усмотрѣть изъ справки по переустройству ретирадъ въ полицейской больницѣ.

Въ сентябрѣ 1845 года Гаазъ началъ хлопотать о передѣлкѣ въ полицейской больницѣ ретирадъ, устройство которыхъ, какъ сказано въ представленіи Гааза, неудобно до невѣроятности: „въ нижнемъ этажѣ 24 женщины и столько же служащихъ мужчинъ и женщинъ пользуются одной маленькой комнатой“.

„Три года“, пишетъ Гаазъ въ 1849 году „забочусь я объ устра-

неніи сего ѳбдствія“. Гаазъ представлялъ свой проектъ устройства ретирадь по образцу устроеннаго имъ въ 1843 году въ Старо-Екатерининской больницѣ и оказавшагося очень хорошимъ. Проектъ Гааза однако не встрѣтилъ сочувствія въ лицѣ члена комитета и архитектора академика Быковского, о которомъ Гаазъ говоритъ: „раздѣляя со всей публикой почтеніе къ талантамъ г. Быковского, я долженъ полагать, что онъ имѣеть отвращеніе входить въ сужденіе со мною по такимъ предметамъ“. Въ 1851 году Гаазъ вновь ходатайствуетъ „объ устраниніи ѳбдствія“ въ своей больницѣ, при чемъ проситъ ознакомиться уполномоченнымъ отъ Комитета съ устроенной имъ моделью проектированной ретирადы... Изъ дѣлъ не видно, чтобы эта ретирада была переустроена при жизни Гааза, т. е. до 1853 года.

Но не одно только начальство косилось на Гааза за его страсть къ строительству и всякимъ нововведеніямъ: его товарищи-врачи не всегда одобряли его „новшества и затѣи“. Такъ при капитальномъ ремонтѣ деревяннаго барака Старо-Екатерининской больницы въ 1843 году, Гаазомъ былъ устроенъ между прочимъ шкафъ для сѣрныхъ ваннъ, а также души и дождевыя ванны. Преемникъ Гааза въ своемъ официальномъ отзывѣ на запросъ по поводу этого пишетъ: „Всѣ сіи вещи, необходимыя для сѣрныхъ и обыкновенныхъ ваннъ, коихъ устройство г. Гаазъ находилъ нужнымъ, при замѣщеніи зданій больницы больными изъ чернорабочаго класса людей, оказались лишними“. Въ своемъ объясненіи по этому поводу Гаазъ между прочимъ говоритъ: „Мнѣ кажется, чернорабочая больница не можетъ тяготиться хранить такія вещи, ибо при другомъ размѣщеніи можетъ понадобится устройство душъ и дождевыхъ ваннъ, столь прославленныхъ нынѣ вездѣ въ Европѣ“. Но болѣе всего пришлось Ѳедору Петровичу перенести душевныхъ мукъ, огорченій и даже тяжкихъ обидъ при его постоянныхъ заботахъ объ арестантахъ и ссыльныхъ. Въ книгѣ А. Ѳ. Кони приведенъ цѣлый рядъ такихъ фактовъ изъ жизни Гааза, полныхъ захватывающаго душу драматизма. Я позволяю привести здѣсь нѣсколько подобныхъ же случаевъ по дѣламъ, найденныхъ мною въ Губернскомъ архивѣ.

Въ 1850 году при отправкѣ этапа на Воробьевыхъ горахъ ссылаемый на поселеніе арестантъ, прибывшій изъ Тулы и закованный тамъ по его просьбѣ въ ножные кандалы вмѣсто ручныхъ, просилъ, чтобы его перековали снова въ ручные кандалы, такъ какъ по причинѣ опуханія ногъ ему трудно было идти въ ножныхъ кандалахъ. Начальникъ конвоя былъ согласенъ удовлетворить эту законную просьбу арестанта, но находившійся при отправкѣ этапа чиновникъ

по особымъ порученіямъ при московскомъ военномъ генераль-губернаторѣ, Протасевѣ, отказался сдѣлать соотвѣтствующее исправленіе въ статейномъ спискѣ, т. е. написать вмѣсто словъ „слѣдуетъ въ ножныхъ кандалахъ“—„слѣдуетъ въ ручныхъ кандалахъ“.—Тогда Гаазъ „подойдя къ кузнецу, готовящемуся ковать арестанта, отнялъ у него кандалы, несмотря на протестъ бывшихъ тутъ чиновниковъ, ихъ не отдалъ“. Но Протасевъ былъ неумолимъ; онъ потребовалъ другіе ножные кандалы и приказалъ заковать въ нихъ арестанта на глазахъ огорченнаго и страдающаго старика Гааза. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ терпѣніе добраго Гааза иногда истощалось. Какъ доносилъ старшій совѣтникъ губернскаго правленія Митусовъ, Гаазъ „громкимъ голосомъ упрекаетъ въ присутствіи арестантовъ чиновниковъ“, что „они злодѣи, тираны, варвары, мучители“. „При этомъ“, пишетъ Митусовъ, „въ чертахъ лицъ арестантовъ можно видѣть явное негодованіе противъ всѣхъ гг. чиновниковъ“. Вполнѣ естественно, что Митусовъ въ концѣ своего рапорта заявляетъ, что „присутствіе Гааза въ главномъ этапѣ и пересыльномъ замкѣ излишне и причиняетъ вредъ и замѣшательство въ службѣ“.

Жалоба Гааза генераль-губернатору гр. Закревскому на состоящаго при немъ по особымъ порученіямъ г. Коптева:

„Въ прошлое воскресенье (25 сентября 1849 г.) четырехлѣтняя сирота, слѣдуя при своей теткѣ-крестной матери, сопровождающей добровольно своего мужа въ Сибирь, отъ ней была отторгнута, и такъ сказать передъ глазами Вашего Сіятельства и Высокопреосвященнаго Митрополита, крестная мать лишена своей питомики, а малолѣтняя сирота безчеловѣчно брошена на улицѣ. Въ совѣсти своей полагаю, что причины несчастій, кои ввѣренныя намъ люди отъ такихъ приключеній претерпѣваютъ, состоятъ не въ Коптевѣ, но въ насъ, членахъ здѣшняго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, не наблюдающихъ между собою истину и миръ, безъ которыхъ, какъ пророкъ Захарія говоритъ, „угоднаго не сотворится“, но хотя и не предвижу, когда сіе бѣдствіе будетъ удалено, однакожь, когда дѣло доходитъ до ужаснаго, то вмѣняю себѣ въ обязанность представлять Вашему Сіятельству, чтобы участь пересыльныхъ арестантовъ не была предоставлена единственно на произволь г. Коптева. Дѣвочка эта со слезами хотѣла броситься къ теткѣ, но тогда смотритель взялъ ее за ручку, и тетка даже не успѣла проститься съ ребенкомъ“... Коптевъ такъ поступилъ на томъ основаніи, что малютка не значилась въ статейномъ спискѣ.

Жалоба Гааза графомъ Закревскимъ признана не заслуживающей уваженія.

Вотъ еще документъ: изъ докладной записки Гааза 1850 года: „Въ засѣданіи Комитета 30 іюня с. г. я просилъ соизволенія у Его Сіятельства изъясниться о моемъ несчастіи, что по моимъ грѣхамъ бѣдные люди должны страдать, т. е., что по существующему обо мнѣ напрасному мнѣнію, будто бы я слишкомъ снисходительно съ этими людьми поступаю, нынѣ родилась особенная на счетъ ихъ строгость. Такое мое несчастіе усугубилось, черезъ мое въ комитетъ ходатайство отъ 20-го января сего года о предоставленіи арестантамъ права быть прикованными къ ручнымъ цѣпямъ, если данные имъ изъ милости ножные кандалы окажутся для нихъ обременительными. Въ этой запискѣ я доказывалъ, что всѣ затрудненія въ семъ дѣлѣ исчезнутъ, ежели начальству инвалидной команды дастся предписаніе снимать въ такихъ случаяхъ кандалы съ тѣмъ, чтобы арестанты берегли ихъ въ своихъ мѣшкахъ, подобно тому, какъ ссыльные женщины имѣютъ при себѣ въ своихъ мѣшкахъ ручныя цѣпи, которыя имъ выдаются, но не налагаются. Сія моя записка, черезъ губернское правленіе, дошла до начальника здѣшней внутренней стражи, отъ коего и послѣдовалъ запросъ къ начальнику инвалидной команды на Воробьевыхъ горахъ: почему эти женщины носятъ ручныя кандалы въ своихъ мѣшкахъ? Съ тѣхъ поръ при отправкѣ ссылаемыхъ въ Сибирь арестантокъ обильныя слезы стали течь отъ того, что начали ковать женщинъ въ ручныя кандалы, которые, какъ очевидно изъ прилагаемаго при семъ образца, ужасно обременительны (ибо, приковывая руку къ рукѣ, не допускаютъ движенія оныхъ, много облегчающаго человѣка, идущаго пѣшкомъ, и сверхъ того при ходьбѣ по труднымъ дорогамъ и по грязи лишаютъ возможности, протягиваніемъ руки вверхъ, предотвратить случающееся иногда паденіе). При этомъ на Воробьевыхъ горахъ публично объявляется, что женщины сему мученію обязаны Гаазу и обязаны тѣмъ, что Гаазъ довелъ до свѣдѣнія правительства о напрасныхъ расходахъ на женскіе ручныя кандалы, которые по обыкновенію не употреблялись, исключая рѣдкихъ случаевъ. При такомъ зрѣлищѣ, когда несчастныя плачутъ и при всѣхъ объявляютъ, что Гаазъ тому причиной, члены комитета и другіе чиновники улыбаются или прямо смѣются“.

Но безпредѣльно добрый Гаазъ, когда это было нужно, выступалъ смѣло и рѣшительно.

Вотъ, какъ онъ писалъ въ 1843 году московскому губернатору Сенявину:

„Въ 1839 и 1840 годахъ часто случалось, что иногда (арестанты) дорогою продавали свою одежду, какъ признавались они, изъ крайности за недостаткомъ хлѣба. Хлѣбъ былъ тогда дорогой, по 10 коп.

(ассигнаціями) фунтъ, а тогда получали кормовыхъ денегъ по 12 только копеекъ. Даже бывали случаи, что и этихъ 12 коп. за нѣсколько дней на нѣкоторыхъ станціяхъ не получали. Не сдѣлалось извѣстнымъ, чтобы Губернское Правленіе распорядилось удовлетвореніемъ сихъ людей въ необходимомъ количествѣ хлѣба; однакожь было извѣстно, что Губернское Правленіе распорядилось, чтобы люди, признавшіеся въ продажѣ одежды для пріобрѣтенія хлѣба, были наказаны. Позвольте мнѣ, какъ члену Тюремнаго комитета, передъ Вашимъ Превосходительствомъ, какъ первенствующимъ членомъ того же комитета, по сердцу признаться, что это было безчеловѣчно. Правительство не можетъ пріобрѣсти въ нѣдрахъ своихъ миръ, силу и славу, если всѣ его дѣйствія и отношенія не будутъ основаны на христіанскомъ благочестіи. Да не напрасно гласъ пророка Малахіи оканчивается сими грозными словами: „если не найдется въ людяхъ взаимныхъ сердечныхъ расположеній, то поразится земля въ конецъ“.

Такое отношеніе къ несчастнымъ заставляло добродушнаго Гааза иногда даже говорить съ ироніей.

„Губернское Правленіе“, пишетъ онъ, „столь неустанно намъ напоминаетъ о необходимости придерживаться закона, что при незнаніи подробностей закона слѣдуетъ только взирать на дѣйствія онаго Правленія и уповать, что, подражая ему, будешь обезпеченъ отъ всякаго сомнѣнія въ ошибкахъ и будешь правымъ“.

Заботы и труды Гааза по облегченію человѣческихъ страданій и несчастія не находили иногда живого отклика даже тамъ, гдѣ этого всего менѣе можно было ожидать.

Федоръ Петровичъ хорошо зналъ, что доброе, нѣжное сердце женщины болѣе отзывчиво къ горю и страданіямъ другихъ, чѣмъ сердце мужчины, влеченія котораго нерѣдко сдерживаются холодной волей разсудка. Не даромъ онъ обратился къ женщинамъ съ горячимъ, трогательнымъ призывомъ въ своей извѣстной книжкѣ: „Appel à femmes“. Въ кругу друзей и сподвижниковъ Гааза было не мало женщинъ, горячо ему сочувствующихъ, но и здѣсь бывали исключенія.

Позволю привести примѣръ:

Членъ дамскаго попечительства о тюрьмахъ комитета Наумова въ письмѣ къ графу Закревскому по поводу женской тюрьмы и арестантской больницы между прочимъ писала: „Гааазъ добрѣйшая слабая душа: ходитъ въ собственномъ устроенномъ мірѣ и балуетъ арестантовъ до невозможности: я своими ушами слышала, какъ говорила одна арестантка: „я сюда попала въ первый разъ, да дай Богъ, вѣкъ такъ прожить“.

Конечно, намъ неизвѣстно и сотой доли тѣхъ страданій, тѣхъ нравственныхъ мукъ, которыя перенесъ и претерпѣлъ этотъ мужественный и неутомимый борецъ за правду, этотъ апостоль любви и милосердія. Но и у Гааза были отрадныя моменты въ жизни, были даже счастливые дни, которые воодушевляли его, давали ему новыя силы для дѣятельности и борьбы и окрыляли его надежду на торжество правды. Вѣдь его идеаль счастья, какъ онъ писалъ своему воспитаннику Норшину, заключался не въ желаніи быть счастливымъ, а въ томъ, чтобы сдѣлать счастливыми другихъ, поэтому, представляя себѣ мысленно весь пройденный имъ жизненный путь, все сдѣланное имъ для людей, нельзя не придти къ заключенію, что Ѳедоръ Петровичъ былъ гораздо болѣе счастливъ, чѣмъ это казалось съ перваго взгляда многимъ и особенно его современникамъ.

Но у Ѳедора Петровича были выдающіеся дни по счастью, къ числу которыхъ относится 8-е апрѣля 1829 года и 8-е мая 1845 года.

Въ первый изъ этихъ дней московскій генералъ-губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ пріѣхалъ въ Покровскія казармы по докладу Ѳедора Петровича ознакомиться съ процедурой заковыванія арестантовъ на пруть. Убѣдившись въ справедливости доводовъ Гааза, онъ распорядился отмѣнить этотъ способъ заковыванія, а взамѣнъ его употреблять ножныя кандалы. „Происшествіе 8-го апрѣля“, пишетъ Гаазъ, „почитаю важнѣйшимъ и счастливѣйшимъ въ моей жизни“. 8-го мая 1845 года, исключительно благодаря заботамъ Гааза, открыта больница для безпріютныхъ. По этому поводу онъ пишетъ: „когда въ 1844 году родилась нужда перевести изъ Екатерининской больницы оставшихся тамъ безпріютныхъ больныхъ и найти прибѣжище на будущее время такого рода нуждающимся больнымъ, то оказалось чрезвычайно счастливо и какъ особенное провидѣніе Божіе приготовило сей случай, что сей домъ находился у начальника города и могъ быть назначенъ на сей предметъ“. Несомнѣнно и день 8-го мая 1845 года былъ тоже одинъ изъ счастливѣйшихъ въ жизни Ѳедора Петровича. Наконецъ, Ѳедоръ Петровичъ былъ счастливъ тѣмъ, что онъ не зналъ страха смерти и, слѣдуя во всемъ заповѣдямъ Христа, былъ всегда готовъ къ переходу въ вѣчную жизнь. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить трогательнаго эпизода изъ его жизни въ тотъ періодъ ея, когда онъ не имѣлъ не только дома, имѣнія и лошадей, но жилъ, не замѣчая этого, среди большихъ лишеній. Въ 1850 году въ Тюремномъ комитетѣ обсуждался проектъ новыхъ штатовъ тюремныхъ больницъ, по которому окладъ главному доктору увеличивался

до 1.000 руб. въ годъ, вмѣсто 514 руб. Гаазъ приложилъ къ журналу слѣдующее мнѣніе: „На счетъ прибавленія жалованья служащимъ въ больницахъ согласенъ, но не желаю самъ пользоваться имъ. Имѣю честь изъясниться, что размышляя о томъ, что мнѣ остается только мало срока жизни, рѣшился не беспокоить комитетъ никакими представленіями сего рода“.

Въ заключеніе позволяю себѣ опубликовать нѣсколько выписокъ изъ докладныхъ записокъ Гааза, въ которыхъ такъ рельефно обрисовывается глубина его религіознаго чувства.

Быть можетъ, эти выписки прочтутъ и тѣ пастыри православной церкви, которые или по своей религіозной нетерпимости, или по инымъ причинамъ, не находятъ возможнымъ молиться объ успѣшнѣмъ рабѣ Божиѣмъ Θεодорѣ только потому, что онъ былъ католикъ.

„Во многѣ правдѣ—крѣпость многа, говорится въ притчахъ Соломона или, какъ въ иныхъ переводахъ изъясняется, „въ изобилии правосудія сила чрезвычайная“. Посему можетъ показаться достаточнымъ быть справедливымъ, только придерживаясь закона. Но сего по истинѣ недостаточно и неудовлетворительно. Во многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія изображена необходимость и важность присоединенія къ правосудію милосердія. Въ Новомъ Завѣтѣ Спаситель сказалъ: „Блажени кротціи, ибо они наслѣдуютъ землю“. Сіи слова можно понимать такъ, что черезъ кроткое, милостивое обхожденіе будемъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ людей, а привлекиши сердца ихъ, владѣть всѣмъ на землѣ“.

„Правосудіемъ и милостію Государь уподобляется Богу. Сколько подданные имѣютъ нужду пользоваться сими качествами, столь же Государь желанія имѣетъ излить ихъ, подобно кормилицѣ, у коей столь же желанія питать своимъ молокомъ младенца, сколько у младенца необходимости имъ питаться. И неизвѣстно было бы, кто въ такомъ взаимномъ единеніи болѣе счастливъ, если бы самъ Спаситель не изрекъ, что счастливъ болѣе дающій, нежели пріемлющій. Слѣдовательно, случай оказать Государю милосердіе суть случай сдѣлать его счастливымъ...“

„Опытъ доказалъ и по обыкновеннымъ чувствованіямъ человѣческимъ ожидать можно, что арестанты только тогда способны къ воспріятію убѣжденій религіозныхъ и нравственныхъ, когда разсудокъ ихъ успокоенъ и сердце привлечено существеннымъ доказательствомъ чистосердечнаго участія, принимаемаго въ ихъ положеніи. Увѣреніе сіе, столь необходимое, можетъ быть только послѣдствіемъ совершенной довѣренности въ томъ, что единое чистосердечное желаніе есть желаніе добра. Одни увѣренія и обѣщанія для арестантовъ недостаточны. Они по своему образу мыслей,

вирочемъ естественному, соображаютъ слова съ дѣйствіями и только тогда передаютъ сердце свое, когда бываютъ убѣждены поступками совершенной къ нимъ справедливости и правосудія. Совершенная же справедливость такъ рѣдка, что она требуетъ столько же заботливости, какъ и искренняго желанія быть справедливымъ. Такая увѣренность должна поселяться между арестантами непримѣтнымъ образомъ, какъ бы отъ стѣнъ темничныхъ отражалась оная“.

„Занимаясь съ раскольниками въ разсужденіи различныхъ мнѣній ихъ о догматахъ вѣры, нельзя не скорбѣть душевно о несчастіи, въ коемъ сіи бѣдные люди находятся по чрезвычайному невѣжеству и совершенному упорству своему. Быть можетъ величайшее назначеніе комитета есть то, чтобы служить для церкви мрежею, въ коей стануть останавливаться заблудшія и погибающія дѣти, дружелюбнымъ обращеніемъ и поученіемъ водворить въ нихъ чувство взаимной любви и истинной вѣры. Они суть заблудшія дѣти изъ дома Израилева, возвращеніе коихъ на лоно матери-церкви причинитъ неизъяснимую радость“.

Ө. П. Гаазъ скончался въ 1853 году. Двадцатитысячная толпа народа шла за его гробомъ, съ искренними и горячими слезами провожая его прахъ на кладбище. Друзья Ѳедора Петровича поставили на его могилѣ скромный памятникъ. Съ годами могила была заброшена и память о „святомъ докторѣ“ стала забываться. Но въ 1891 году памятникъ и ограда были исправлены заботами Московскаго тюремнаго комитета. Съ уходомъ въ вѣчность живыхъ свидѣтелей жизни и дѣятельности Гааза, память о немъ продолжала все болѣе и болѣе утрачиваться и лучезарный образъ его личности постепенно заволакивался пеленой забвенія. Забытаго Гааза воскресилъ въ памяти народной А. Ө. Кони въ своемъ талантливомъ біографическомъ очеркѣ; онъ создалъ ему памятникъ нерукотворный, чудный по величію и художественной красотѣ. Отнынѣ имя Гааза и его нравственный обликъ не умрутъ... Но кромѣ біографіи А. Ө. Кони для укрѣпленія и прославленія памяти о Ө. П. Гаазѣ сдѣлано и еще кое-что. Еще до выхода въ свѣтъ труда А. Ө. Кони, главнымъ докторомъ Александровской больницы покойнымъ Л. С. Шайкевичемъ въ 1885 году былъ собранъ капиталъ на обезпеченіе содержанія въ больницѣ благотворительной кровати имени доктора Ө. П. Гааза. Въ этой больницѣ хранится представляющій собою нынѣ большую рѣдкость гравированный портретъ Гааза, а также принадлежавшее ему кресло; кромѣ того имѣется бюстъ Ѳедора Петровича, полученный больницею отъ

А. Ө. Кони, къ которому онъ перешелъ по завѣщательному распоряженію А. К. Жизневскаго, бывшаго съ Гаазомъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Въ 1904 года гласные Московской городской думы Н. И. Гучковъ и С. В. Пучковъ подали въ думу заявленіе, въ которомъ между прочимъ было сказано: „чувства благоговѣнія и уваженія къ личности Өдора Петровича Гааза, отдавашаго всѣ лучшіе годы своей жизни и своей дѣятельности Москвѣ, налагаютъ, какъ намъ кажется, на городское управленіе священный долгъ взять на себя заботу по охраненію его могилы въ томъ видѣ, какъ это приличествуетъ его святой и самоотверженной жизни“. Городская дума по поводу этого заявленія постановила: 1) просить гласныхъ, подававшихъ заявленіе, взять на себя ближайшія заботы по благоустройству могилы Ө. П. Гаазу; 2) поручить городской управѣ разработать планъ и смѣту на постройку и содержаніе пріюта имени д-ра Гааза для престарѣлыхъ и хрониковъ на 25 кроватей; 3) возбудить ходатайство объ открытіи подписки на сооруженіе въ г. Москвѣ памятника Ө. П. Гаазу. Порученіе, данное думою гласнымъ Н. И. Гучкову и С. В. Пучкову, ими было исполнено въ слѣдующемъ 1905 году.

Памятникъ на могилѣ былъ подновленъ; подъ него подведена новая гранитная плита, на которой золотыми буквами изображенъ безсмертный афоризмъ Гааза: „спѣшите дѣлать добро“. Взамѣнъ старой довольно плохой ограды поставлена новая прекрасной работы съ бронзовымъ барельефомъ покойнаго и съ бронзовыми изображеніями пылающихъ факеловъ по угламъ. На передней и двухъ боковыхъ сторонахъ ограды повѣшены разорванные кандалы временъ Гааза. На все это было израсходовано около 2.000 рублей. Комитетъ по благоустройству кладбища иновѣрческихъ исповѣданій изъ уваженія къ памяти покойнаго взялъ на себя безвозмездно заботу по охранѣ могилы.

Два другія постановленія думы не исполнены благодаря ряду неблагоприятныхъ обстоятельствъ—войнѣ, послѣдовавшей за ней политической смутѣ и финансовымъ затрудненіямъ города; хотя подписка на сооруженіе памятника и была разрѣшена, но всего на это дѣло поступило пожертвованій на ничтожную сумму (36 руб. 40 коп.).

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ я въ концѣ 1908 года рѣшился взять на себя починъ постановки памятника Ө. П. Гаазу въ Александровской больницѣ, а весной 1909 года объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что памятникъ будетъ поставленъ осенью того же года. Я позволилъ себѣ сдѣлать такой шагъ, благодаря горячему сочувствію и поддержкѣ въ этомъ дѣлѣ московскаго городского головы

Н. И. Гучкова, художниковъ И. С. Остроухова и Н. А. Андреева и попечителя Александровской больницы барона А. Л. Кнопъ, который заявилъ мнѣ о своей готовности пожертвовать на это дѣло 1.000 рублей. Я встрѣтилъ всюду такой живой откликъ на мой призывъ, что собралъ на памятникъ пожертвованій болѣе 5.200 руб.; между тѣмъ за отливку бюста и гранитный пьедесталъ я уплатилъ только 3.200 руб. Оставшаяся сумма распределена такимъ образомъ: 1.000 внесены въ кассу Александровской больницы на устройство вокругъ сквера, гдѣ поставленъ памятникъ, металлической рѣшетки по эскизу художника Андреева и на разбивку цвѣтника. Кромѣ того 1.000 руб. внесены на усиленіе фонда имени Ө. П. Гааза въ Ольгинское благотворительное общество при больницѣ. Этотъ фондъ получилъ свое начало еще въ 1899 году и ко дню открытія памятника достигъ 19.000 руб., такъ какъ на общемъ собраніи членовъ общества 21 августа 1909 года между прочимъ было постановлено: въ ознаменованіе открытія памятника Гаазу отчислить 9.000 руб. на усиленіе благотворительнаго капитала имени покойнаго и возбудить ходатайство объ измѣненіи названія общества, наименовавъ его „Ольгинское благотворительное общество въ память доктора Ө. П. Гааза при Александровской больницѣ“. Ходатайство это нынѣ удовлетворено.

Въ заключеніе позволю себѣ описать, по возможности кратко, торжество открытія памятника, состоявшееся 1-го октября 1909 года.

Въ этотъ день въ 10 ч. утра у могилы Гааза на Введенскихъ горахъ была отслужена по обрядамъ римско-католической церкви панихида. Могила и памятникъ были богато убраны декоративными растеніями и цвѣтами; панихиду служилъ деканъ польской церкви во имя Св. Апп. Петра и Павла А. М. Василевскій въ присутствіи: московскаго городского головы Н. И. Гучкова, главнаго доктора Александровской больницы С. В. Пучкова, председателя и членовъ комитета по благоустройству кладбища и почитателей памяти покойнаго.

Торжество открытія памятника въ Александровской больницѣ было назначено въ 2 часа. Къ этому времени Мал. Казенный пер., по которому расположены владѣнія больницы, наполнился экипажами и массами народа. Дворъ больницы и ея зданія были красиво убраны національными флагами. По срединѣ двора въ небольшомъ скверѣ возвышался памятникъ, покрытый парусиннымъ покрываломъ. У входа въ скверъ была построена арка, убранная матеріями національныхъ цвѣтовъ и зеленью, на фронтонѣ ея виднѣлась крупная надпись изъ зелени: „Спѣшите дѣлать добро“, а надъ надписью былъ укрѣпленъ лавровый вѣнокъ; вокругъ сквера развѣвались національ-

ные флаги. Дворъ больницы къ двумъ часамъ былъ занятъ приглашенными лицами: представителями администраціи и различныхъ учреждений, благотворительныхъ и ученыхъ обществъ, а также служебнымъ персоналомъ больницы и больными. Присутствовали: московскій губернаторъ В. Ф. Джунковскій, московскій градоначальникъ А. А. Адриановъ, губернской предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, городской голова Н. И. Гучковъ, члены городской управы, гласные думы, представители главнаго тюремнаго управленія, мѣстнаго тюремнаго комитета, главные врачи городскихъ больницъ, земскіе врачи, тюремные врачи, представители судебныхъ установленій, врачебнаго управленія и проч. Вокругъ сквера на трехъ эстрадахъ расположились три хора пѣвчихъ: воспитанниковъ городского Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта,—арестантовъ, одѣтыхъ въ сѣрыя куртки и такія же шапки, и дѣтскаго хора воспитанницъ пріюта при городской Общинѣ сестеръ милосердія, учрежденной кн. Шаховской; въ глубинѣ двора расположился оркестръ воспитанниковъ Рукавишниковскаго пріюта.

Въ началѣ 3-го часа началась торжественная панихида. Служило православное духовенство во главѣ съ протоіереемъ Александровскаго военнаго училища Н. П. Добронравовымъ, въ сослуженіи священниковъ Московской пересыльной тюрьмы Георгіева, Александровской больницы—Виноградова, протодіакона Успенскаго собора Розова и діакона больничной церкви Смирнова. Наступила торжественная минута—мощный голосъ провозгласилъ: „рабу Божиему Ѳедору вѣчная память...“. Голоса дѣтскаго хора сливаются въ чудной трогательной гармоніи съ голосами людей въ сѣрыхъ курткахъ. Присутствующіе опускаются на колѣна... у многихъ на глазахъ слезы. Въ этотъ самый моментъ показывается солнце, завѣса съ памятника падаетъ, и среди толпы людей, полныхъ глубокаго чувства умиленія, предстаетъ отлитый въ бронзѣ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ со своими добрыми и умными чертами лица...

Духovenство окропило памятникъ, послѣ чего въ стройномъ порядкѣ, благодаря участию студентовъ распорядителей, подъ звуки „Коль славенъ“ оркестра Рукавишниковскаго пріюта началось шествіе депутацій къ памятнику и возложеніе къ его подножію вѣнковъ.

1. Первый вѣнокъ—крестъ изъ живыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ безъ всякихъ лентъ и надписей отъ Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны былъ возложенъ управляющимъ дворомъ Ея Высочества камергеромъ А. Л. Корниловымъ.

Затѣмъ были возложены вѣнки со слѣдующими надписями:

2. Незабвенному Ѳ. П. Гаазу отъ главнаго тюремнаго управленія.

3. Вѣчной памяти доктора Ѳ. П. Гааза, основателя больницы для безпріютныхъ въ Москвѣ. Отъ Управленія Московскаго генераль-губернатора.

4. Вѣчной памяти доктора Ѳ. П. Гааза отъ почетнаго попечителя Александровской больницы въ Москвѣ.

5. Незабвенному гуманисту Ѳ. П. Гаазу отъ Московскаго окружнаго суда и состоящихъ при немъ судебныхъ слѣдователей и прокурорскаго надзора.

6. Ѳ. П. Гаазу отъ Московскаго городского общественнаго управленія.

7. Другу человѣчества Ѳ. П. Гаазу отъ мировыхъ судей г. Москвы.

8. Бывшему штадъ-физіку Московской медицинской конторы Ѳ. П. Гаазу отъ Московскаго врачебнаго управленія.

9. Другу несчастныхъ Ѳ. П. Гаазу. Отъ Московскаго дамскаго благотворительнаго тюремнаго комитета.

10. Учителю милосердія Ѳ. П. Гаазу. Отъ городскихъ участковыхъ Попечительствъ о бѣдныхъ.

11. Устроителю больницы и члену совѣта ея перваго состава. Отъ Московской глазной больницы незабвенному Ѳ. П. Гаазу.

12. Ѳ. П. Гаазу. Великому филантропу—врачу. Отъ врачей Московской Павловской больницы въ память служенія его въ этой больницѣ въ 1807—1812 гг.

13. Врачу-человѣку, другу несчастныхъ Ѳ. П. Гаазу. Врачебно-санитарныя учрежденія г. Москвы.

14. Вѣчной памяти доктора Ѳ. П. Гааза. Московское управленіе Краснаго Креста.

15. Ѳ. П. Гаазу. Московскіе тюремные врачи.

16. Свѣтлой памяти великаго человѣколюбца-врача, основателя и гуманнѣйшаго руководителя бывшей Гаазовской больницы. Отъ ординаторовъ Александровской больницы.

17. Незабвенному врачу-гуманисту. Отъ городской Яузской больницы.

18. Свѣтлой памяти врача-гуманиста Ѳ. П. Гааза. Московскій военный госпиталь.

19. Великому гуманисту врачу Ѳ. П. Гаазу. Отъ комиссіи амбулаторныхъ врачей при Московской городской управѣ.

20. Незабвенной памяти врача-гуманиста Ѳ. П. Гааза. Голицынская больница.

21. Ѳ. П. Гаазу. Отъ врачей Марининской больницы для бѣдныхъ.

22. Великому гуманисту Ѳ. П. Гаазу. Александровская больница Московскаго купеческаго общества.

23. Дорогому учителю милосердія. Отъ Общины сестеръ милосердія „Утоли моя печали“ имени кн. Н. Б. Шаховской.

24. Незабвенному Ѳ. П. Гаазу. Руковишниковскій пріютъ.

25. Свѣтлому врачу-человѣку Ѳ. П. Гаазу. Отъ Иверской общины сестеръ милосердія Краснаго Креста.

26. Отцу и покровителю сиротъ. Отъ дѣтскаго пріюта Общины „Утоли моя печали“ имени кн. Шаховской.

27. Незабвенному другу несчастныхъ Ѳ. П. Гаазу. Отъ Московскаго попечительнаго комитета о бѣдныхъ.

28. Основателю больницы для безпріютныхъ Ѳ. П. Гаазу. Отъ Ольгинскаго благотворительнаго общества.

29. Учителю жизни Гаазу. Отъ редакціи журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

30. Отъ семьи Самариныхъ. Въ память совмѣстной работы Ѳедора Васильевича Самарина съ Ѳ. П. Гаазомъ.

31. Великому гуманисту Ѳ. П. Гаазу. Общество дѣятелей періодической печати и литературы.

32. Памяти высокогуманнаго человѣка Ѳ. П. Гааза. Отъ Н. А. Беръ.

33. Ѳ. П. Гаазу. Отъ Московскаго литературно-художественнаго кружка.

34. Нашему доктору Ѳ. П. Гаазу. Отъ заключенныхъ въ Московской губернской тюрьмѣ.

По окончаніи церемоніи возложенія вѣнковъ, приглашенные направились въ актовъ залъ больницы на торжественное собраніе, посвященное памяти Ѳ. П. Гааза. Въ это время къ памятнику устремились нетерпѣливо ожидавшія толпы народа. Актовъ залъ былъ убранъ декоративными растеніями и цвѣтами; потолокъ и стѣны задрапированы матеріей. За средней частью эстрады портреты Государя и Государыни въ цвѣтахъ; на одной изъ боковыхъ сторонъ эстрады бюстъ Гааза весь въ зелени тропическихъ растеній.

За столомъ на эстрадѣ размѣстились: Почетный попечитель больницы В. Ф. Джунковскій, главный докторъ больницы С. В. Пучковъ, градоначальникъ А. А. Адриановъ, представитель Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны А. П. Корниловъ, городской голова Н. И. Гучковъ, протоіерей Н. П. Добронравовъ, деканъ А. М. Василевскій.

Первое слово было предоставлено протоіерею Н. П. Добронравову. Въ живой прочувствованной рѣчи ораторъ освѣтилъ личность Гааза, какъ человѣка, который въ продолженіе всей своей многолѣтней жизни неизмѣнно руководился идеалами христіанской правды въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Будучи католикомъ, онъ всегда былъ врагомъ религіозной нетерпимости—его глубоко возму-

щали преслѣдованія за религіозныя убѣжденія. „Его образъ“, сказалъ въ заключеніе ораторъ, „сіяющій нравственной мощью, убѣждаетъ насъ, что и въ наше время жестокости и неправды можно жить и дѣйствовать согласно высокимъ идеаламъ христіанскаго ученія“.

Ксендзь-деканъ А. М. Василевскій въ своей рѣчи отмѣтилъ, что приходъ римско-католической церкви Св. Ап. Петра и Павла, гдѣ онъ нынѣ состоитъ настоятелемъ, въ свое время опѣнилъ высокія религіозныя чувства Гааза, избравъ его однимъ изъ синдиковъ (членовъ Совѣта). Знаменательно то, что это время совпало съ основаніемъ при церкви богадѣльни для престарѣлыхъ женщинъ—можно догадываться, что это доброе дѣло устроено было по инициативѣ Гааза. Въ ознаменованіе открытія памятника въ средѣ прихожанъ возникла мысль устроить бібліотеку имени Гааза при основанной въ настоящемъ году въ Московской центральной тюрьмѣ римско-католической часовнѣ. Цѣль этой бібліотеки—дать заключеннымъ католикамъ возможность на ихъ родномъ языкѣ укрѣплять въ себѣ тѣ религіозныя и нравственныя основы, которыя могли бы облегчить ихъ тяжелую участь и поднять ихъ на высоту тѣхъ идеаловъ, которымъ такъ самоотверженно служилъ докторъ Гаазъ.

Послѣ рѣчей духовныхъ лицъ по предложенію предсѣдателя собраніе почтило память Ѳ. П. Гааза вставаніемъ. Затѣмъ главнымъ докторомъ Александровской больницы С. В. Пучковымъ была произнесена рѣчь, въ которой онъ охарактеризовалъ Гааза, какъ общественнаго дѣятеля. Городской голова Н. И. Гучковъ сдѣлалъ собранію слѣдующее заявленіе: „Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна приказала мнѣ передать ея привѣтъ собранію. Ея Высочество выражаетъ свое горячее сочувствіе сегодняшнему торжеству и глубокое сожалѣніе, что она лишена возможности присутствовать на немъ лично. Отъ себя считаю долгомъ отмѣтить, что привѣтъ нашей Московской Великой Княгини представляется высоко и исключительно цѣннымъ. Наша Великая Княгиня являетъ собой яркій лучезарный свѣточъ той христіанской любви, которой былъ преисполненъ незабвенный Ѳеодоръ Петровичъ Гаазъ. Она представляетъ изъ себя ту чудную, чистую сокровищницу, которая нетлѣнно хранитъ въ себѣ начала правды, служителемъ которыхъ былъ Гаазъ. Да будетъ же сегодняшній привѣтъ Великой Княгини для насъ новымъ стимуломъ для объединенія во имя великихъ идеаловъ любви, добра и правды“.

Послѣ этого главнымъ докторомъ больницы С. В. Пучковымъ прочитано было полученное имъ письмо А. Ѳ. Кони слѣдующаго содержанія:

*

Милостивый государь

Сергѣй Васильевичъ!

„Къ великому моему сожалѣнію состояніе моего здоровья лишаетъ меня возможности присутствовать, согласно вашему любезному приглашенію, на торжествѣ открытія памятника Ѳедору Петровичу Гаазу, но всей душой присоединяюсь къ тѣмъ, кто соберется воздать заслуженную дань тому, кого недаромъ, въ свое время, называли „святымъ докторомъ“. Вполнѣ раздѣляя тѣ чувства, которыя приведутъ васъ къ подножію сооруженнаго вашими стараніями памятника, я питаю къ Ѳедору Петровичу еще и личную безконечную благодарность за тѣ минуты душевнаго умиденія, которыя я испытывалъ, описывая, по мѣрѣ силъ и умѣнья, его чистую, какъ кристалль, жизнь и его возвышенную дѣятельность, нерѣдко вынужденный оставлять перо подъ вліяніемъ радостнаго волненія при мысли, что такой человѣкъ, въ лучшемъ и глубочайшемъ смыслѣ слова, жилъ и дѣйствовалъ среди насъ...

И на отдѣльныхъ людей и на цѣлое общество въ ихъ лучшихъ порывахъ дѣйствуютъ гораздо болѣе живые примѣры, чѣмъ теоретическіе идеалы. Люди, давно ушедшіе изъ жизни, продолжаютъ своимъ примѣромъ дѣйствовать, какъ живые: сначала о нихъ повѣствуютъ очевидцы, потомъ живетъ о нихъ преданіе, затѣмъ наступаетъ для нихъ исторія и, къ сожалѣнію, не такъ часто и не такъ скоро ихъ образъ, говорящій сердцу и уму, запечатлѣвается для будущаго въ мраморѣ или бронзѣ. Въ этомъ послѣднемъ актѣ общественнаго правосудія нельзя не видѣть торжества высокихъ и безкорыстныхъ началъ человѣческаго духа.

При такомъ торжествѣ будутъ всѣ приглашенные присутствовать въ день открытія памятника О. П. Гаазу. Этотъ памятникъ поставленъ не только активному человѣколюбцу, не только врачу душъ и тѣлесъ, но и, главнымъ образомъ, служителю долга въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, не по обязанности, а по внутреннему велѣнію своей совѣсти, служителю безтрепетному и вѣрующему въ правоту своего дѣла. Онъ поставленъ тому, кто представлялъ собою живое отрицаніе тѣхъ растлѣвающихъ волю сомнѣній, которыя такъ часто обезображиваютъ нашу жизнь, сводя все къ матеріальнымъ условіямъ злобы дня. „Нельзя слѣдовать во всемъ ученію Христа“, говорятъ намъ: „оно непримѣнимо къ практической жизни: имъ можно полюбоваться, какъ идеаломъ, но руководиться имъ можетъ только смѣшной чудакъ, не желающій считаться съ дѣйствительностью“. Такимъ, по мнѣнію современниковъ, „смѣшнымъ чудакомъ“

былъ тотъ Ѳедоръ Петровичъ, память котораго нынѣ чествуется. Онъ понималъ, что христіанскій идеаль не есть нѣчто, чѣмъ можно любоваться лишь издали. Для него этотъ идеаль былъ маякомъ, освѣщающимъ жизненный путь. Посвятивъ себя всецѣло добру и милосердію, Ѳедоръ Петровичъ показалъ, *какъ* слѣдуетъ идти по этому пути. Онъ глубоко понялъ слова Христа „аще не умреть—не оживеть“, и доказалъ свою непрерывной и неустанной дѣятельностью, что, отказавшись отъ личнаго счастья, спокойствія и удобствъ въ пользу счастья другихъ и многихъ и умеревъ для личной жизни, человѣкъ съ чистой душой оживаетъ для иной, тоже земной, но болѣе широкой жизни, и въ ней находитъ себѣ удовлетвореніе и исходъ своимъ силамъ. Какъ часто, видя людскія немощи, несчастія и страданія, смотрятъ назадъ, близоруко ищутъ причину и, отыскавъ, на этомъ успокаиваются. Но Гаазъ смотрѣлъ и впередъ. Его интересовали не однѣ причины несчастья, а послѣдствія, и съ ними онъ боролся всѣми силами души и своей энергіи, умѣя утѣшать озлобленныхъ и обездоленныхъ и вызывать въ ихъ сердца примиреніе съ Богомъ и покорность Его волѣ. Ему приходилось дѣйствовать въ очень тяжелыя времена, при господствѣ насилія и неуваженія къ человѣческому достоинству, среди непониманія и оскорбленій. „Ему слѣдовало,—скажутъ, быть можетъ,—отвернуться съ негодованіемъ отъ этихъ условій, избѣгать соприкосновенія съ ними и отрясти прахъ ногъ своихъ отъ этой чуждой ему среды, памятуя, что „блаженъ мужъ, иже не иде...“ Но это значило бы жить для себя въ сознательномъ невѣдѣніи и своекорыстномъ спокойствіи, „слушая и не слыша, слыша и не слушая“. Ѳедоръ Петровичъ зналъ, что есть другой совѣтъ, въ которомъ говорится „не участвуйте въ дѣлахъ тьмы, но и обличайте“, и вся его жизнь была однимъ непреклоннымъ и осозательнымъ обличеніемъ. „Что можетъ сдѣлать одинъ противъ среды?“ говорятъ практическіе мудрецы, ссылаясь на поговорку „одинъ въ полѣ не воинъ“. „Нѣтъ!“ отвѣчаетъ имъ всей своей личностью Гаазъ: „и одинъ въ полѣ воинъ!“ Вокругъ него, въ память его, соберутся другіе, и если онъ воевалъ за правду, то сбудутся слова апостола: „все минется, одна правда останется“. И развѣ то мѣсто, гдѣ воздвигнуть памятникъ, гдѣ жилъ и страдалъ „святой докторъ“, гдѣ онъ сѣялъ въ потѣ лица сѣмена своей любви къ людямъ, не свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ не одинъ, что на призывъ его личности и памяти о немъ пришли другіе и продолжили, укрѣпили и расширили его дѣло? Да!.. все минется!.. Миновался и Закревскій, собиравшійся выслать изъ Москвы Гааза, миновался и Капцевичъ, рекомендовавшій сократить „утрированного филантропа“; почилъ знаменитый московскій іерархъ

митрополитъ Филаретъ, не разъ спорившій съ Гаазомъ въ тюремномъ комитетѣ, но признавшій для себя нравственно обязательнымъ разрѣшить православному духовенству служить молебень о выздоровленіи Ѳедора Петровича и самъ посѣтившій его предъ его кончиной для того, чтобы проститься по-братски; сошли въ могилу и далекіе каторжники, молившіеся у сооруженной ими въ память Гааза иконы Ѳедора Тирона, а онъ... онъ остался. И отнынѣ онъ останется не только запечатлѣнный въ сердцахъ всѣхъ, кто узнаетъ, кто услышитъ о томъ, кто такой онъ былъ,—но и какъ отлитый въ бронзѣ молчаливый укоръ малодушнымъ, утѣшеніе алчущимъ и жаждущимъ правды и примѣръ дѣятельной любви къ людямъ.

Примите и пр.

Анатолій Кони.

По прочтеніи этого письма по адресу его автора послѣдовали единодушные и продолжительные аплодисменты всего собранія, по желанію котораго А. Ѳ. Кони была послана привѣтственная телеграмма.

Дальнѣйшія привѣтствія слѣдовали въ такомъ порядкѣ:

Отъ Московскаго мужского тюремнаго комитета (товарищъ предсѣдателя).

„ Московскаго городского общественнаго управленія (городской голова).

„ Московскаго окружнаго суда (предсѣдатель суда).

„ медицинскаго факультета Императорскаго Московскаго университета (деканъ).

„ Московскаго врачебнаго управленія (начальникъ Управленія).

„ Московскаго управленія Краснаго Креста.

„ Иверской общины сестеръ милосердія.

„ комитета „Христіанская помощь“, Краснаго Креста.

„ особаго присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ.

„ врачебнаго совѣта при Московской городской управѣ.

„ комиссіи Московскихъ городскихъ санитарныхъ врачей.

„ „ „ „ амбулаторныхъ „

„ санитарнаго совѣта при Московской уѣздной земской управѣ.

Далѣе отъ Московскихъ больницъ: Тюремной, Императорской, Екатерининской, Софійской дѣтской, Павловской, Александровской, Купеческаго общества; отъ городскихъ больницъ: Бр. Бахрушиныхъ, Глазной им. Алексѣевыхъ, дѣтской им. Морозова, Преображенской,

Басманной, Мясницкой, Сокольнической, Старо-Екатерининской, отъ больницъ им. Медвѣдниковыхъ и Кн. Щербатова.

Бурю аплодисментовъ вызвала сказанная съ большимъ воодушевленіемъ и чувствомъ рѣчь воспитанника городского Рукавишниковскаго пріюта, Галкина. Приводимъ эту рѣчь полностью:

„Позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ на сегодняшнемъ торжествѣ. Если Вы собрались сюда, чтобы почтить память Ө. П. Гааза, то какъ же можемъ молчать мы—одни изъ обездоленныхъ, другомъ которыхъ онъ былъ. Наши воспитатели познакомили насъ съ жизнью многихъ великихъ людей, но ничто насъ такъ не тронуло, какъ чтеніе о добромъ докторѣ Гаазѣ. Мы не могли безъ слезъ слушать, когда намъ читали, какъ онъ заботился о насъ, былъ за насъ постояннымъ ходатаемъ,—и встань сейчасъ изъ гроба Өедоръ Петровичъ, какой бы радостью согрѣлось его сердце при видѣ такого пріюта, какъ Рукавишниковскій, гдѣ заботятся о насъ, чтобы сдѣлать изъ насъ честныхъ, порядочныхъ людей. Память о докторѣ Гаазѣ должна быть особенно близка и дорога нашему сердцу. Я говорю отъ имени воспитанниковъ пріюта и по ихъ просьбѣ. Рѣчь я подготовилъ заранѣе и прошу не взыскать за это; говорить публично мы не привыкли, а учимся читать, писать, разному ремеслу; какъ ни слаба моя рѣчь, но велика наша благодарность Ө. П. Гаазу, котораго мы такъ горячо любимъ. Слава и вѣчная память Өеодору Петровичу Гаазу!“.

Затѣмъ были оглашены привѣтствія, полученныя по телеграфу: отъ попечителя Александровской больницы барона А. Л. Кнопъ, отъ управленія кавказскихъ минеральныхъ водъ въ Кисловодскѣ, отъ вспомогательнаго общества „Санаторіа“ на Эссентукской группѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ, отъ русскаго бальнеологическаго Общества въ Пятигорскѣ, отъ медицинскаго общества въ Желѣзноводскѣ, отъ художника И. С. Остроухова, отъ статсъ-секретаря барона А. А. Будберга изъ С.-Петербурга.

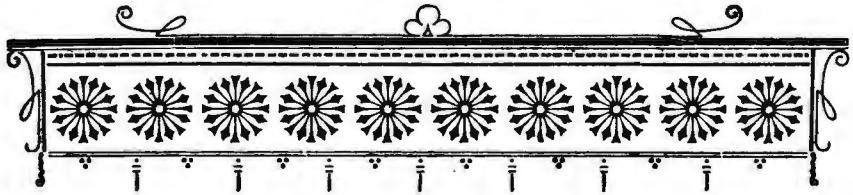
Послѣ произнесенія привѣтствій С. В. Пучковымъ былъ представленъ отчетъ по сооруженію памятника. По предложенію предсѣдателя собраніе выразило С. В. Пучкову благодарность за понесенные имъ труды по этому дѣлу.

Во время засѣданія у памятника игралъ оркестръ воспитанниковъ Рукавишниковскаго пріюта; съ наступленіемъ сумерокъ скверъ, гдѣ поставленъ памятникъ, и дворъ больницы были иллюминированы. Публика непрерывной вереницей до поздняго вечера толпилась вокругъ открытаго памятника. Въ теченіе всего октября мѣсяца масса народу перебивалась у памятника. Много приходило и приходитъ по настоящее время воспитанниковъ и воспитанницъ город-

скихъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній со своими наставниками. Очень часто, осмотрѣвъ памятникъ и выслушавъ своихъ учителей, дѣти тутъ же вокругъ памятника устраиваютъ игры... Слышатся звонкіе голоса и веселые крики... веселятся дѣти, а дѣдушка Гаазъ любовно смотритъ на нихъ съ высоты гранитнаго пьедестала своимъ умнымъ, добрымъ и привѣтливымъ взоромъ.

С. Пучковъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXV ¹⁾.

ойдя въ первую комнату, я увидѣла въ центрѣ ея фонтанъ, окруженный цвѣтами. Вдоль стѣнъ разставлены были низкія оттоманки, заваленныя массой шелковыхъ и бархатныхъ подушекъ.

Прежде всего, что пріятно поразило меня здѣсь, это ароматный и свѣжій воздухъ въ противоположность нашимъ предбанникамъ, всегда душнымъ и насыщеннымъ парами.

Здѣсь освобождаются отъ одеждъ, отдыхаютъ послѣ мытья, бесѣдуютъ и развлекаются разными незатѣйливыми удовольствіями.

Помѣщеніе это единственное общественное мѣсто, гдѣ турецкая женщина находитъ для себя то же, что европейская дама въ собраніяхъ и театрахъ. Въ комнатѣ царилъ полумракъ отъ приспущенныхъ шторъ, и когда я осмотрѣлась, то замѣтила, что на всѣхъ диванахъ и даже прямо на коврахъ сидѣло и лежало около 40, а можетъ быть и больше, женщинъ въ пестрыхъ и нарядныхъ платьяхъ. Однѣ изъ нихъ, полулежа, курили наргиле, другія жевали что-то съ наслажденіемъ. На колѣняхъ передъ иными ползали невольницы и наливали изъ серебряныхъ кувшиновъ душистое питье. Всѣ турчанки съ жаднымъ любопытствомъ принялись оглядывать мою фигуру съ ногъ до головы.

— Селямъ алейкумъ! — привѣтствовала я ихъ первая, какъ и полагалось.

— Алейкумъ селямъ! — отвѣтили хоромъ онѣ и, покинувъ мѣста свои, окружили меня тѣснымъ кольцомъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1910 г.

Ашима стала что-то объяснять имъ по-турецки.

Я уже говорила, что благодаря точному предсказанію луннаго затмения, мнѣ было дано въ гаремѣ Кіамиль-паши лестное прозвище „праведной франки“, о чемъ, вѣроятно, и сообщила почтенному собранію сама губернаторша.

Выслушавъ ее, турецкія дамы немедленно приблизились ко мнѣ и занялись тщательнымъ изслѣдованіемъ ладоней моихъ, какъ бы отыскивая въ линияхъ ихъ разгадку чего-то таинственнаго и непостижимаго. Въ то же время, сильно жестикулируя, онѣ, судя по интонаціи, о чемъ-то убѣдительно просили меня. Элиме тотчасъ же перевела просьбу подругъ рассказать имъ, о чемъ бесѣдовалъ со мной Аллахъ черезъ посредство архангела Гавріила?

Исполнить подобный абсурдъ было не по силамъ моимъ, и я попробовала увернуться:

— Элиме,—проговорила я томно, закрывая глаза и опускаясь на подушки дивана,—у меня сильно кружится голова отъ запаха розъ—прикажите открыть окна...

Но такой маневръ оказался не совсѣмъ удачнымъ: надо было видѣть испугъ этихъ невообразимо глупыхъ созданій, когда я растянулась на оттоманкѣ и притворилась, что мнѣ дурно! Всѣ онѣ съ крикомъ попятились назадъ, повторяя на всѣ лады слово „кѡпекъ“, что значитъ „собака“. Тогда я сдѣлала видъ, что очнулась отъ обморока и спросила о причинѣ переполоха?

— Онѣ думаютъ, что васъ укусила бѣшеная собака,—съ хохотомъ отвѣтила болѣе цивилизованная дочь губернатора,—и боятся заразы; но не смущайтесь, я ихъ сейчасъ же успокою.

Узнавъ, что припадокъ мой не опасенъ, испуганныя турчанки вернулись на свои мѣста и предались оживленной между собой бесѣдѣ.

Такъ и остался неразрѣшеннымъ вопросъ: почему, если человеку дѣлается дурно, то надо думать, что его укусила собака?

Вдругъ на середину комнаты вбѣжали четыре дѣвушки въ широкихъ шальварахъ и короткихъ, расшитыхъ золотомъ, кофточкахъ. Это и были баядерки, выписанныя Кіамиль-пашой изъ Дамаска по порученію великаго визиря Махмудъ-Недима, а пока гастролирующія въ его гаремѣ.

Онѣ подняли надъ головами тамбурины и замерли въ граціозныхъ позахъ.

По знаку губернаторши танцовщицы стремительно закружились, ударяя въ бубны.

Но что это была за пляска! Невозможно передать словами все очарованіе ея!... Кто видѣлъ этихъ гибкихъ, какъ пантера, пламен-

ныхъ, какъ огонь и стремительныхъ, какъ ураганъ баядерокъ, тому грація нашихъ прославленныхъ балеринъ должна казаться дѣланной и вымученной.

Вся прелесть танца ихъ заключается не въ акробатическихъ приемахъ и стальныхъ носкахъ европейскихъ корифеекъ—нѣтъ! здѣсь танцуютъ не ноги, а дрожить и трепещеть каждый мускулъ, каждый нервъ огненного темперамента, какъ бы изнемогающаго подъ наплывомъ бурной страсти и жаркой любви.

Таково въ сущности было бы впечатлѣніе нашего балетомана, если бы ему удалось проникнуть въ тайники богатыхъ гаремовъ.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось лично слышать отъ нѣкоторыхъ знатныхъ турокъ, бывающихъ на западѣ, не совсѣмъ лестное мнѣніе о нашихъ жрицахъ Терпсихоры. И немудрено, разъ они имѣютъ возможность обзаводиться своими собственными гуріями, которыхъ, кстати сказать, правовѣрные весьма тщательно скрываютъ отъ взоровъ жаднаго иностранца.

Накружившись вдоволь, баядерки растянулись на коврѣ возлѣ фонтана и, тяжело дыша, прежде всего попросили закурить папирсы.

Но вотъ на сцену выступила, судя по головному убору, египтянка и монотоннымъ речитативомъ, аккомпанируя себѣ на какомъ-то инструментѣ, въ родѣ нашихъ цимбалъ, начала по программѣ дня серію арабскихъ сказокъ.

Въ то же время одна изъ служанокъ подошла ко мнѣ и помогла раздѣться, а затѣмъ привязала къ ногамъ моимъ деревянные башмаки съ такими высокими каблуками, что я почувствовала себя какъ бы на ходуляхъ, и повела въ жаркую половину бани.

Здѣсь оказалось чрезвычайно душно, и дышать стало затруднительно. Банщица уложила меня на мраморный помостъ и принялась съ превеликимъ усердіемъ мылить и скоблить кожу мою жесткой перчаткой изъ верблюжьей шерсти. Отъ боли я стонала и пробовала освободиться; но вскорѣ убѣдилась, судя по всѣмъ приемамъ инквизиторши, что на это нечего было и надѣяться: при малѣйшемъ движеніи сильныя руки еще крѣпче сжимали меня въ своихъ тискахъ.

Послѣ довольно продолжительнаго истязанія неутомная мучительница поволокла бранные останки мои въ слѣдующую комнату для совершенія надъ ними процедуры турецкаго массажа по части, такъ называемаго, „выправленія суставовъ“.

И, дѣйствительно: по окончаніи этого главнаго акта банной обрядности мною овладѣло такое ощущеніе, какъ будто всѣ кости, связанныя до сего мускулами, вдругъ раздвинулись и пріобрѣли необыкновенную гибкость.

Кожа моя точно также нисколько не пострадала, какъ я боялась, отъ дѣйствія варварской перчатки.

Въ заключеніе искусная операторша окатила меня душистымъ настоємъ изъ розъ и отвела въ послѣднее отдѣленіе.

Тамъ я увидѣла обширный бассейнъ, окруженный цвѣтущими кустарниками. Въ немъ уже плавало нѣсколько турчанокъ. Послѣднія съ радостнымъ визгомъ подхватили меня на руки и подняли отчаянную возню, ныряя взапуски и разбрасывая вокругъ себя фонтаны брызгъ.

Наконецъ, сильно утомленная, я выбралась изъ водоема и, съ помощью служанки, отправилась на тѣхъ же ходуляхъ въ уборную. Здѣсь меня уложили, закрыли одѣялами и обложили подушками.

Пока я предавалась сладкому кейфу, дочь губернатора успѣла выкупаться и вернуться сюда же. Она прилегла рядомъ со мной и чрезвычайно ласково обратилась ко мнѣ съ такою рѣчью:

— Ягнечокъ¹⁾ мой дорогой, я хочу серьезно поговорить съ вами объ одномъ очень важномъ дѣлѣ—прошу выслушать меня и сегодня же рѣшить этотъ вопросъ.

Затѣмъ, бросивъ бѣглый взглядъ въ сторону и убѣдившись, что никто не обращаетъ на насъ вниманія, она продолжала:

— Вотъ что, милая моя: вы понравились Тафти-бею, и онъ просилъ моего отца посодѣйствовать ему въ намѣреніи жениться на васъ. А разъ папа нашъ за что берется, то все и будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Остается еще получить согласіе вашего дяди; но это не трудно: онъ прекрасно знаетъ, что нашъ адъютантъ завидный женихъ: богатъ и на хорошей дорогѣ — чего же еще надо? Аллахъ посылаетъ вамъ особенное счастье!

— Какой вздоръ! — расхохоталась я отъ души, — съ чего вздумалось вамъ, Элиме, разыгрывать роль свахи, надѣюсь, вы шутите?

— Нисколько! — запальчиво возразила она, — мусульмане не шутятъ подобными вещами! Повторяю: Селимъ-Тафти любитъ васъ и желаетъ какъ можно скорѣй обвѣнчаться съ вами; но, конечно, по магометанскому обряду, — добавила она внушительно.

— Мнѣ приказано также объяснить вамъ, — продолжала Элиме, — что Тафти бей разводится съ Фатимой, а невольницу свою отдаетъ намъ, такъ что вы будете единственной его женой, однимъ словомъ, онъ собирается жить съ вами по примѣру Омеръ-паши и другихъ, женатыхъ на христіанкахъ.

— Странно! — развела я руками, — ужъ не ошибаетесь ли вы?

¹⁾ Любимое ласкательное прозвище у турокъ.

До сихъ поръ при нашихъ случайныхъ и рѣдкихъ встрѣчахъ бей не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія; когда же успѣлъ онъ воспылать ко мнѣ?...

Говоря такъ повидимому равнодушно, я, тѣмъ не менѣе, со жгучимъ любопытствомъ ждала ея отвѣта. Что-то уже трепетало и пѣло въ глубокихъ тайникахъ моей души, и образъ надменнаго красавца вставалъ передо мной во всемъ его очарованіи...

— Ни одинъ порядочный турокъ не позволитъ себѣ обнаруживать публично свое расположеніе къ женщинѣ, — какъ сквозь сонъ услышала я вызывающій голосъ Элиме, — такое право принадлежитъ только мужу, а не жениху. О любви и другихъ чувствахъ можно поговорить послѣ свадьбы. Теперь же ему необходимо прежде всего заручиться согласіемъ и одобреніемъ пани, а также отца своего и вашихъ родныхъ.

Мнѣ было не до того, чтобы оспаривать столь своеобразную аргументацію затворницы гарема: я жадно ловила ея слова, и во мнѣ разгоралось непреодолимое желаніе узнать еще что-нибудь о немъ.

Правда, къ тому времени, благодаря внушеніямъ и совѣтамъ Marie, я успѣла, какъ мнѣ казалось, освободиться отъ чаръ необыкновенной красоты молодого человѣка. Случалось, мы встрѣчали его на прогулкахъ возлѣ моря; но онъ сухо кланялся намъ издали и проходилъ дальше.

Такое высокомеріе со стороны прекраснаго бея несказанно бѣсило меня, и я клялась себѣ не замѣчать его существованія; но по странному противорѣчію сердца, это обстоятельство и сыграло главную роль въ дальнѣйшемъ моемъ увлеченіи.

— Гаремъ—страшная вещь сама по себѣ,—слѣдуя за теченіемъ своихъ мыслей повторила я вслухъ одно изъ наставленій Marie.

— Вы ошибаетесь,—сердито перебила турчанка,—развѣ мы не такіе же люди, какъ вы?

— Но я не могу, да и не желаю мѣнять вѣру!—былъ мой отвѣтъ.

— И не надо!—спокойно возразила она,—вы можете выйти замужъ за исламита безъ всякихъ къ тому религіозныхъ препятствій. Турки часто женятся на франкахъ, въ особенности изъ высшаго круга въ Истамбулѣ. Примѣровъ сколько угодно: главная Кадина Падишаха—армянка; затѣмъ, у наслѣдника его, Мурада—англичанка; единственная жена Омера—австрійская католичка; Оноре-паши—француженка и много другихъ.

— Чѣмъ всѣ онѣ хуже васъ—такія же христіанки,—насмѣшливо улыбаясь, прибавила Элиме.

— И повѣрьте мнѣ,—продолжала она въ поучительномъ тонѣ,—имъ живется несравненно лучше, чѣмъ многимъ женщинамъ въ Европѣ съ ихъ учеными мужьями. Мой отецъ всего насмотрѣлся за границей и говорить, что Селимъ-Тафти самый подходящій для васъ женихъ. Я потому и стараюсь вести съ вами дружбу, что считаю васъ будущей хозяйкой гарема любимаго адъютанта моего отца,—откровенно призналась сваха и прочла мнѣ цѣлую лекцію о счастіи быть женой магометанина.

— Поймите же, Элиме, что мнѣ, русской, нечего объ этомъ и думать: наша церковь и правительство не разрѣшаютъ намъ браковъ съ нехристіанами, а потому на согласіе моего дяди никакъ нельзя рассчитывать, такъ какъ онъ чиновникъ Короны и не можетъ допускать нарушенія законовъ государства,—прибѣгла я къ послѣдному ресурсу самозащиты отъ соблазна и въ то же время страстно желая быть побѣжденной въ спорѣ.

Турчанка окинула меня загадочнымъ взглядомъ и, лукаво улыбаясь, еле слышно проговорила:

— Наклонитесь ко мнѣ поближе, я кое-что шепну вамъ на ушко: Мидхатъ-паша уладитъ дѣло—вотъ увидите! онъ скоро будетъ первымъ сановникомъ въ Истамбулѣ.

Такая комбинація показалась мнѣ маловѣроятной, и я съ разочарованіемъ отвернулась отъ нея. Между тѣмъ собесѣдница моя, подобно демону — искусителю, продолжала разрисовывать передо мной яркія перспективы совмѣстной жизни съ очаровательнымъ красавцемъ, направляя полетъ моей фантазіи въ міръ волшебныхъ грезъ и радужныхъ надеждъ. Долго и жадно внимала я соблазнительницѣ, съ тревогой прислушиваясь къ тайному голосу, который напоминалъ мнѣ о благоразуміи и осторожности. Тяжелая тоска сжала сердце, а странныя мысли кружились и мелькали въ головѣ; но мнѣ никакъ не удавалось собрать ихъ вмѣстѣ, и дать имъ опредѣленную форму. Я хотѣла возражать и защищаться; но слова убѣгали отъ меня. Какъ вдругъ сказанное ею: „Зато какой хорошенькій подарочекъ получу я за хлопоты“,—моментально вернуло меня къ дѣйствительности.

Очарованіе было нарушено и я, охваченная гадливымъ чувствомъ, съ негодованіемъ спросила ее:

— Если быть женою вашего бѣя такое несравненное благополучіе, какъ вы утверждаете, то почему Кіамиль-пашѣ не устроить этого для собственной дочери, а меня оставить въ покоѣ и предоставить собственной участи?

На губахъ дѣвушки заиграла надменная улыбка, и тонъ ея дальнѣйшей рѣчи поразилъ меня своею циничною откровенностью.

— Неужели вы такъ просты и не можете понять, что здѣсь дѣло идетъ о счастіи любимца отца моего, а вовсе не о вашей судьбѣ... Что же касается лично меня, то не извольте беспокоиться: я уже общана другому, который и побогаче и познатнѣе нашего адъютанта,—сверкая глазами и раздражаясь, отвѣтила Элиме.

Нотка превосходства, прозвучавшая въ этихъ словахъ, очень не понравилась мнѣ: я вспыхнула и собралась наговорить ей много непріятныхъ вещей; но она, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на мои протестующіе возгласы, заставила слушать себя:

— Да если бы я и могла располагать собой, то ни въ какомъ случаѣ не вышла бы замужъ за Селимъ-Тафти: характеръ у него ужасный! Ахъ, какъ жестоко бьетъ онъ свою Фатиму! Взгляните на нее,—указала она на блѣдную женщину уже съ поблекшими чертами лица, въ унылой позѣ сидѣвшую возлѣ фонтана:—тѣло ея въ синякахъ и царапинахъ отъ побоевъ—бѣдняжка ждетъ, не дождется развода, чтобы избавиться отъ такого дьявола,—утѣшила меня добрая сваха.

— Покорнѣйше васъ благодарю за любезное стараніе посадить меня на вакантное мѣсто въ клѣткѣ звѣри!—возмутилась я, и горячій румянецъ обжегъ мнѣ щеки.

— Но съ вами онъ не позволитъ себѣ такъ обращаться! Клянусь именемъ пророка, я это знаю навѣрно,—убѣжденно и видимо совершенно искренно утверждала она,—Тафти-бей будетъ нѣжнымъ и кроткимъ мужемъ—всегда такъ бываетъ, когда турокъ женатъ на христіанкѣ. Вѣроятно вы, франки, знаете секретъ привороживать къ себѣ, оттого вамъ и подчиняются.

Чтобы не поднимать бесполезнаго спора, я не стала опровергать смѣшныхъ доводовъ суевѣрной турчанки, молча приподнялась и стала одѣваться.

Но меня не пустили и заставили снова лечь.

— Сейчасъ ханумъ нашего бимбаши ¹⁾ расскажетъ преинтересную сказочку,—весело улыбаясь, обратилась ко мнѣ Элиме:—я переведу вамъ содержаніе ея—чрезвычайно забавное приключеніе съ двумя обжорами въ раю пророка Магомета! Такихъ занимательныхъ исторій не пишутъ въ вашихъ календаряхъ,—попутно уколола она. Присутствующія дамы окружили рассказчицу и съ упоеніемъ внимали ей, а я, предоставленная самой себѣ, подъ веселый говоръ и громкій смѣхъ погружалась въ хаосъ разнородныхъ ощущеній: разочарованія, безотчетнаго страха, ожиданія чего-то сильно захватывающаго, но желаннаго...

¹⁾ Бимбаши по-турецки майоръ.

— Боже мой! — думала я съ отчаяніемъ,—что, если турчанка права, и прелестный юноша дѣйствительно любитъ меня? О! какъ ослѣпительно блеснулъ метеоръ и неужели только для того, чтобы погаснуть и не оставить слѣда?... Кто укажетъ мнѣ правильный путь и выведетъ изъ лабиринта, куда завела меня всегда причудливая и капризная судьба. Не родные же, которые больше всего страшились ответственности передъ нашей дипломатіей, чрезвычайно строго слѣдившей въ тѣ времена за православными на Востокъ и въ чемъ усердно помогало ей греческое духовенство. Фанатичное въ несравненно большей степени, чѣмъ послѣдователи Ислама, оно проявляло религиозную нетерпимость даже по отношенію къ другимъ своимъ православнымъ собратіямъ и весьма подозрительно смотрѣло на моего дядю, женатаго на католичкѣ.

При данныхъ условіяхъ было бы рискованно искать сочувствія здѣсь, а ввѣриться руководительству гаремныхъ дамъ также казалось не совсѣмъ удобно, зная ихъ лукавыя приемы и неискренность. Придумать что-либо другое—было мнѣ не подъ силу, и я залилась горькими слезами обиды и разочарованія.

— Ягнечокъ! вы плачете; но о чемъ?—наклонилась ко мнѣ Элиме.—Или вы думаете, что отецъ мой безсиленъ устроить дѣло? Напрасно! Общайте мнѣ часть тѣхъ подарковъ, которые получите вы отъ жениха—Селимъ-Тафти богатъ—и все будетъ улажено къ вашему благополучію. Согласны? Я жду отвѣта.

— Хорошо!—уже не помня себя, порывисто отозвалась я, бросаая къ ней на шею:—все берите, все ваше, но только его дайте мнѣ.

— Ну, и прекрасно! — самодовольно улыбнулась она,—но подъ однимъ условіемъ: слѣдовать моимъ указаніямъ...

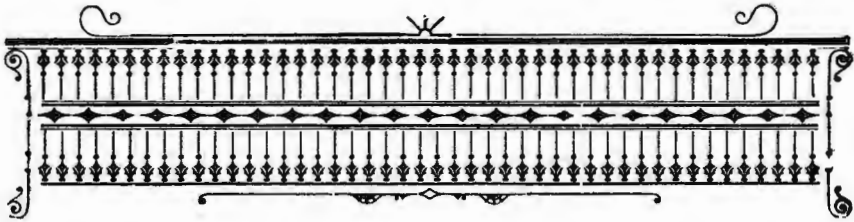
— Да, да!—задыхаясь, прошептала я,—дѣлайте со мной, что хотите—вся къ вашимъ услугамъ!..

— Иншаллахъ!—подтвердила набожная мусульманка, и вся обратилась въ слухъ, такъ какъ повѣствованіе о жареномъ баранѣ въ турецкомъ царствѣ небесномъ все еще продолжалось.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія жизни Ф. Г. Тернера¹⁾.

Въ Каирѣ былъ игорный домъ. Въ послѣдній день утрома я пошелъ туда съ Суцовымъ. Суцова, который уже нѣсколько разъ тамъ игралъ, приняли съ большимъ почетомъ, принесли ему стулъ, подали шампанскаго. При рулеткѣ ставятъ также на нумера и на rouge и noir.— Если поставить на номеръ, которыхъ было около 40, и выйдетъ этотъ номеръ, то игравшій получаетъ свою ставку, помноженную на данный номеръ. Разумѣется, это встрѣчается очень рѣдко. Я не игралъ, но смотрѣлъ только, какъ игралъ Суцовъ. Онъ поставилъ золотой на 24 номеръ, вышелъ 24 номеръ, и ему отсчитали 24 золотыхъ; за тѣмъ куда онъ ни ставилъ: на другой ли номеръ, или на rouge и noir, или на шаръ, постоянно выходило то, на что онъ поставилъ. Такой удивительной veine я никогда еще не видалъ. Послѣ получасовой игры, передъ нимъ лежала груда золота. Онъ завязалъ этотъ кладъ въ свой платокъ, и мы съ золотымъ узелкомъ отправились домой въ гостиницу. Увидѣвъ такое богатство, столь легко пріобрѣтенное, наши спутники, особенно же дамы нашего общества, пришли въ азартъ и стали просить Суцова поиграть и на ихъ счастье. Суцовъ дѣйствительно послѣ обѣда пошелъ опять играть и что же, кончилось тѣмъ, что онъ проигралъ не только весь свой утренній выигрышъ, но и всѣ деньги, которыя были даны ему нашими спутниками, просившими его играть за нихъ. Легко себѣ представить, съ какимъ уныніемъ всѣ узнали о такомъ печальномъ результатѣ послѣобѣденнаго предпріятія.

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1910 г.

21 ноября я отправился съ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги въ Александрію, простившись съ каирской роскошной природой, съ каирскимъ синимъ небомъ и благодатнымъ климатомъ. Какъ бы предвѣстникомъ европейской и особенно петербургской осени, въ Александріи я засталъ уже сѣрое небо и бурную дождливую погоду.

На другой день пароходъ „Il Principe Carignano“ отправился въ Бриндизи, и я выѣхалъ на немъ.

Изъ нашихъ русскихъ со мною отправился на этомъ пароходѣ Суцовъ и И. К. Айвазовскій.

Съ самаго отъѣзда изъ Александріи подулъ сильный вѣтеръ, который скоро перешелъ въ бурю, такъ что насъ качало неимоვნно. Къ вечеру мы подошли къ острову Криту и бросили противъ него якорь, ища защиты отъ бури, за его высокими скалами. Ночь дѣйствительно мы провели относительно спокойно, хотя все же качка была довольно сильная. Утромъ передъ снятіемъ съ якоря, въ нашу каюту вошелъ матросъ и сталъ наглухо закрѣплять вентиляторы. На мой вопросъ—не успокоилось ли море—онъ отвѣтилъ, что напротивъ того, теперь только что начинается бурное плаваніе, потому что ночью мы стояли подъ защитою отъ вѣтра за Критомъ, и только что мы выйдемъ въ открытое море, буря выкажется въ полной силѣ. Дѣйствительно, только что мы вышли изъ-за острова, какъ нашъ пароходъ громадныя волны стали бросать какъ скорлупу; такой качки я никогда, ни прежде ни послѣ не испытывалъ. Несмотря на то, я подвергся дѣйствию морской болѣзни только короткое время, но зато въ продолженіе всего перехода у меня болѣла голова, и я лежалъ въ очень непріятномъ настроеніи духа.

До какой степени была сильна качка, можно судить по слѣдующему курьезному эпизоду. Когда стали накрывать столъ къ обѣду въ каютъ-компаніи, Суцовъ подошелъ къ столу; въ это время двѣ большія волны съ двухъ сторонъ такъ сильно ударили въ пароходъ, что Суцовъ, несмотря на свою корцунтность, полетѣлъ вверхъ и затѣмъ растянулся во всю длину на столѣ. Въ это время вошелъ въ каюту гарсонъ, и увидѣвъ лежавшаго на столѣ Суцова, остановился въ недоумѣніи передъ этимъ зрѣлищемъ, но едва только Суцовъ успѣлъ слѣзть со стола, и гарсонъ сталъ требовать отъ него объясненія такой неумѣстной по его мнѣнію шутки, какъ повторились такія же двѣ волны, и самъ гарсонъ, полетѣвъ вверхъ, также растянулся на столѣ, получивъ такимъ образомъ несомнѣнное доказательство произвольности происшедшаго эпизода.

Вся эта сцена была такъ комична, что мы, присутствовавшіе,

несмотря на морскую болѣзнь и скверное расположеніе духа, не могли удержаться отъ смѣха.

При такой бурѣ немислимо было гулять по палубѣ, и всѣ пассажиры оставались въ каютахъ; помню только, что Айвазовскій, съ трудомъ держась за перила лѣстницы, взобрался на короткое время на палубу, чтобы взглянуть на картину бушующаго моря, желая сохранить это впечатлѣніе въ памяти. По приѣздѣ въ Петербургъ, онъ написалъ, дѣйствительно, по сохраненному въ памяти впечатлѣнію, картину, представляющую борьбу „Принципа-Кариньяно“ съ бушующимъ моремъ. Я приобрѣлъ у него эту картину въ память нашего путешествія, и она до сихъ поръ виситъ у меня въ гостиной, напоминая мнѣ это интересное, давно прошедшее время. Я думаю, рѣдко кто обладаетъ морскимъ видомъ, съ представленнымъ на немъ парходомъ, на которомъ находились одновременно и живописецъ, писавшій картину и собственникъ картины.

На третій день мы прибыли, наконецъ, въ Бриндизи. Это направление пути называлось *Over Land Mail*, доставлявшее почту и пассажировъ кратчайшею дорогою изъ Остъ-Индіи. Вотъ почему въ Бриндизи уже все было приготовлено къ скорѣйшему отъѣзду. Желѣзнодорожный поѣздъ стоялъ подъ парами, ожидая причала парохода, и только что мы пристали къ молу, насъ немедленно перегрузили съ нашимъ багажомъ въ вагоны поѣзда; таможенный досмотръ былъ самый поверхностный, нашихъ чемодановъ совершенно не вскрывали, чтобы не задерживать отправленія Остъ-Индской почты.

Дорога изъ Бриндизи на западную сторону Италіи перерѣзываетъ итальянскій материкъ поперекъ, переходя черезъ Аппенинскія горы. Эта крайне живописная дорога въ то время была еще не вполне окончена. Доходя до извѣстной высоты Аппенинскаго хребта, желѣзная дорога останавливалась, а съ другой стороны она продолжалась опять за вершиной хребта. Самый же переѣздъ черезъ хребетъ совершался на лошадахъ. По прибытіи на послѣднюю станцію желѣзной дороги по сю сторону, мы увидѣли у станціи около десяти большихъ дилижансовъ, которые въ полной упряжи ожидали прихода поѣзда. Такъ какъ о числѣ пассажировъ станція извѣщалась заблаговременно по телеграфу, то число мѣстъ въ почтовыхъ экипажахъ соответствовало числу пассажировъ, прибывшихъ съ поѣздомъ. Мы немедленно безъ затрудненія всѣ размѣстились въ эти экипажи съ нашимъ багажомъ. Я выбралъ мѣсто возлѣ кондуктора, чтобы свободно наслаждаться чудными видами этого живописнаго пути. Дѣйствительно, зрѣлище, представлявшееся глазамъ во время всего пути, было грандіозно. Поднимаясь на высоту, мы ѣхали умѣренно быстро. Но переваливъ черезъ хребетъ, наши эки-

*

пажи понеслись съ поразительной быстротой по превосходно содержимому горному шоссе. Этотъ быстрый спускъ по дорогѣ, извивавшейся по горамъ зигзагами, не могъ не вызывать во мнѣ въ началѣ ощущенія страха, потому что громадный экипажъ, запряженный четверней, неся внизъ въ полный карьеръ, а между тѣмъ въ концѣ дороги постоянно представлялись крутые повороты, за которыми зіяла ужасающая пропасть, въ которую, такъ и казалось, быстро несущійся дилижансъ долженъ обрушиться. Но лошади такъ привыкли къ извилинамъ дороги, и кучеръ такъ ловко управлялъ ими на поворотахъ, что очевидно никакой опасности, несмотря на быстроту ѣзды, не представлялось. Поэтому, мнѣ оставалось только наслаждаться спокойно раскрывавшимися предо мною чудными и грандіозными видами горной природы.

По прибытіи въ Неаполь, гдѣ меня ожидала матушка и сестры, послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ еще въ Неаполь, мы отправились въ обратный путь.

1870-ый годъ—годъ франко-прусской войны, и слѣдующіе за нимъ три года ознаменовались для меня рядомъ происшествій, глубоко затронувшихъ мою судьбу и окончательно совершенно измѣнившихъ мое отношеніе къ жизни и мои воззрѣнія на жизнь.

Въ самомъ началѣ 70-го года министръ государственныхъ имуществъ Зеленый—оставилъ это министерство, управленіе имъ было поручено князю Д. А. Оболенскому; можно было предполагать, что послѣ нѣкотораго времени князь Дмитрій Александровичъ будетъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе департаментомъ таможенныхъ сборовъ было возложено на меня. Какъ выше сказано, я уже нѣсколько разъ управлялъ временно департаментомъ въ отсутствіи директора. Но теперь, въ виду совершеннаго оставленія этой должности княземъ Оболенскимъ, я былъ формально назначенъ, по Высочайшему приказу, управляющимъ департаментомъ. При такихъ условіяхъ всѣ мнѣ предсказывали мое будущее назначеніе директоромъ.

Изъ вышеуказанныхъ предположеній, однако, ни одно не осуществилось. Князь Оболенскій не былъ назначенъ министромъ, а послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ завѣдыванія министерствомъ государственныхъ имуществъ получилъ назначеніе въ члены Государственнаго Совѣта. Точно также не осуществилось и мое назначеніе директоромъ. Пришлось еще нѣкоторое время пробить въ должности вице-директора, послѣ чего я былъ назначенъ членомъ совѣта министерства финансовъ.

Мое управленіе департаментомъ продолжалось до осени. Дѣла шли удачно, и я находился въ пріятномъ расположеніи духа, въ

ожиданіи будущаго повышенія. Между прочими распоряженіями я приступилъ къ составленію проекта новаго таможеннаго устава, потребность въ которомъ уже давно сознавалась. Можно сказать, что таможеннаго устава въ то время какъ-бы не существовало. Преній уставъ совершенно устарѣлъ и въ главныхъ своихъ частяхъ замѣнялся временными постановленіями и частными инструкціями, такъ что въ сущности совершенно не имѣлось точно опредѣленнаго таможеннаго закона. Между тѣмъ, потребность въ ясно опредѣленномъ законѣ настоятельно ощущалась и чиновниками и публикой. Кодификація дѣйствующихъ временныхъ положеній и приведеніе послѣднихъ въ соотвѣтствіе съ оставшимися еще въ силѣ указами стараго закона—представляла, однако, немалую трудность, особенно въ виду того, что еще не рѣшались остановиться на какой-либо опредѣленной системѣ, опасаясь отказаться окончательно отъ той массы таможенныхъ формальностей, которыя лежали въ основаніи стараго закона и были обусловлены недовѣріемъ къ честности таможенныхъ исполнителей. Вполнѣ сознавая трудность и сложность подобнаго предпріятія, я рѣшился, однако, взяться за него вслѣдъ за вступленіемъ въ управленіе департаментомъ. Я принялся энергически за дѣло, и къ осени главная часть постановленій по приему и досмотру товаровъ была уже составлена и напечатана въ видѣ проекта. Дальше я укажу, почему моя работа не вышла изъ сферы проекта; новый таможенный уставъ появился въ жизнь только въ началѣ двадцатаго столѣтія, т. е. болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ спустя.

Ходъ прусско-французскихъ военныхъ дѣйствій въ теченіе лѣта 1870 года всѣхъ живо интересовалъ. Я тоже, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдилъ за движеніями обѣихъ армій, отмѣчалъ движеніе ихъ на картѣ.

Осенью до меня стали доходить свѣдѣнія о томъ, что назначеніе меня директоромъ департамента не имѣется въ виду. Легко себѣ представить, до какой степени я былъ пораженъ крушеніемъ всѣхъ моихъ надеждъ, которыя еще не задолго передъ тѣмъ представлялись твердо обоснованными.

Столь грустное для меня рѣшеніе Рейтерна было вызвано не какимъ-либо соперничествомъ другого, болѣе сильно поддержаннаго кандидата, а тѣмъ исключительно опасеніемъ, что мое назначеніе вызоветъ сильное неудовольствіе въ торговыхъ и промышленныхъ кругахъ, въ которыхъ я считался тогда крайнимъ фритредеромъ. Въ сущности подобное опасеніе могло бы имѣть дѣйствительное основаніе, если бы дѣло шло о назначеніи меня директоромъ департамента торговли и мануфактуръ, въ вѣдѣніи котораго находилось

тарифное дѣло, между тѣмъ какъ департаменту таможенныхъ сборовъ принадлежала только функція примѣненія постановленій тарифа. Но такъ какъ голосъ директора таможеннаго департамента все же имѣлъ вліяніе на общій ходъ заграничной торговли, то этимъ отчасти объясняется такое воззрѣніе. Въ этомъ заключалась вся причина рѣшимости Рейтерна не назначать меня директоромъ, хотя онъ ко мнѣ всегда былъ расположенъ и, повидимому, не имѣлъ повода быть недовольнымъ моимъ веденіемъ дѣла. Придя къ такому рѣшенію, онъ вначалѣ недоумѣвалъ даже, кого назначить на это мѣсто, не имѣя подходящаго кандидата. Наконецъ, его выборъ остановился на Н. А. Качаловѣ. Н. А. Качаловъ былъ homo novus въ администраціи. Это былъ земець, очень удовлетворительно ведшій земскія дѣла въ Новгородской губерніи. Его энергическая личность обратила на себя вниманіе Государя Наслѣдника, во время поѣздки послѣдняго по Россіи; по его рекомендаціи Качаловъ былъ назначенъ архангельскимъ губернаторомъ. Рейтернъ остановилъ окончательно на немъ свой выборъ—какъ на личности, пользовавшейся въ то время репутаціей энергическаго и толковаго дѣятеля, полагая, что онъ скоро вработается подъ моимъ руководствомъ въ таможенное дѣло. То обстоятельство, что Качаловъ былъ persona grata у Государя Наслѣдника, повидимому, не имѣло рѣшающаго вліянія на выборъ Рейтерна, который вообще, по своему самостоятельному характеру, не очень подчинялся подобнымъ вліяніямъ. При томъ же, какъ я впоследствии узналъ изъ одного разговора на придворномъ балу съ Ө. А. Оомомъ, состоявшимъ секретаремъ у Государыни Цесаревны Маріи Өеодоровны, Государь Наслѣдникъ никакого участія въ новомъ назначеніи Качалова не принималъ. Изъ этого разговора я могъ заключить, что Государь Наслѣдникъ, вѣроятно самъ въ этомъ смыслѣ высказывался, не желая, чтобы я могъ думать, что онъ былъ причиною моего неназначенія. Когда намѣреніе Рейтерна окончательно выяснилось, какъ мнѣ о томъ сообщилъ князь Д. А. Оболенскій, я рѣшился оставить департаментъ. Мы условились съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, что я ему напишу письмо, въ которомъ я изложу всѣ доводы, дѣлавшіе для меня невозможнымъ сохранять званіе вице-директора, и что онъ покажетъ это письмо Рейтерну. Въ этомъ письмѣ я указывалъ, что мною руководятъ не соображенія обиженнаго честолюбія, а побужденія совершенно другого рода. При Оболенскомъ, а потомъ и при совершенно самостоятельномъ управленіи департаментомъ, я былъ непосредственнымъ участникомъ (а впоследствии, хотя и кратковременнымъ, руководителемъ) въ организаціи таможеннаго дѣла, въ направленіи, которое я считалъ наиболѣе полезнымъ для государства. Можно было опасаться,

что новый директоръ, человѣкъ энергическій, но мало знакомый съ таможеннымъ дѣломъ, захочетъ проводить свои идеи и дать дѣлу совершенно другое направленіе. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, мнѣ пришлось бы участвовать такъ или иначе въ ломкѣ всего того, что мы вмѣстѣ съ Оболенскимъ столько лѣтъ создавали. Такое положеніе для человѣка, который не относится къ дѣлу только съ чиновничьей точки зрѣнія, должно быть невыносимо и т. д. Затѣмъ послѣдовалъ продолжительный разговоръ съ Рейтерномъ. Михаилъ Христофоровичъ никакъ не хотѣлъ стать на ту почву, которой я коснулся въ моемъ письмѣ, но старался меня убѣдить, что, отдавая полную справедливость моимъ способностямъ и моей административной дѣятельности—въ такомъ учрежденіи, какъ таможенное вѣдомство, въ составъ которыхъ входитъ такая масса служащихъ, необходима особенно сильная и энергичная рука для управленія столь многочисленнымъ и разнообразнымъ составомъ, а такую энергію именно и отличается Качаловъ. Указывая на это какъ на причину принятаго имъ рѣшенія, Рейтернъ очень деликатно обходилъ главную причину, мою фритредерскую репутацію, о которой онъ говорилъ съ княземъ Оболенскимъ, такъ какъ онъ всегда съ большимъ уваженіемъ относился къ убѣжденіямъ своихъ подчиненныхъ и потому не хотѣлъ затронуть со мною этой стороны вопроса. Я считалъ, однако, необходимымъ настаивать на моемъ рѣшеніи, обѣщая Рейтерну, если онъ согласится дать мнѣ другое назначеніе, заниматься вмѣстѣ съ Качаловымъ таможенными дѣлами столько времени, сколько окажется необходимымъ, чтобы совершенно ознакомиться его съ дѣломъ, такъ какъ это, очевидно, Рейтернъ считалъ необходимымъ. Но Михаилъ Христофоровичъ никакъ на это не хотѣлъ согласиться, требуя, чтобы я безусловно подчинился его рѣшенію и оставался на моемъ вице-директорскомъ посту—хотя и подразумевалось, что это должно было быть только временно. Въ характерѣ Рейтерна одновременно съ деликатностью истиннаго джентельмена—онъ всегда относился, какъ уже сказано, съ уваженіемъ къ мнѣніямъ подчиненныхъ ему лицъ, допускалъ всякія возраженія; съ нимъ можно было серьезно спорить въ дѣлахъ—въ его характерѣ была вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно развита авторитетная черта. Вотъ почему онъ никакъ не хотѣлъ согласиться на оставленіе мною поста вице-директора, вслѣдъ за назначеніемъ Качалова, такъ какъ это имѣло бы характеръ протеста противъ его распоряженія. При такихъ условіяхъ нашъ разговоръ кончился, разумѣется, неудовлетворительно; я объявилъ ему, что въ виду его настоянія на требованіи, несогласномъ съ моимъ достоинствомъ, мнѣ остается только выйти въ отставку.

Уходя отъ него, мы не подали другъ другу руки, и на другой день, когда я встрѣтился съ нимъ на Невскомъ, онъ отвернулся, чтобы мнѣ не кланяться,—до такой степени онъ былъ возбужденъ противъ меня моимъ отказомъ. Товарищемъ министра финансовъ въ то время былъ С. А. Грейгъ, который всегда былъ ко мнѣ очень расположенъ, поэтому я зашелъ къ нему, чтобы сообщить ему о моемъ разговорѣ съ Рейтерномъ. Самуилъ Алексѣевичъ долго со мною бесѣдовалъ и старался убѣдить меня не доводить дѣла до окончательнаго разрыва, тѣмъ болѣе, что отъ меня очевидно требовалась только временная жертва. Я согласился съ его доводами, выразивъ при этомъ только желаніе, — въ виду того, что я тогда уже помышлялъ о женитьбѣ,—чтобы при новомъ моемъ послѣдующемъ назначеніи мое финансовое положеніе не было ухудшено—т. е. чтобы за мною было сохранено то содержаніе, которымъ я пользовался въ то время. Самуилъ Алексѣевичъ передалъ нашъ разговоръ Рейтерну, который пригласилъ меня зайти къ нему и откровенно благодарилъ меня за то, что я согласился исполнить его желаніе.

Съ Качаловымъ наши отношенія установились на деликатной и внѣшне учтивой ногѣ. При первой встрѣчѣ онъ сказалъ мнѣ, что въ сущности онъ получилъ назначеніе, которое по справедливости принадлежало бы мнѣ, но что онъ лично этого назначенія не добивался, и все произошло помимо всякой его инициативы.

Такъ какъ изъ почти насильственнаго удержанія меня на мѣстѣ вице-директора онъ могъ усмотрѣть, что на первое время министръ не считаетъ возможнымъ положить въ дѣлѣ на него одного, то при его самолюбіи онъ постарался съ самаго начала поставить себя по возможности самостоятельно. Правда, онъ сообщалъ мнѣ о всѣхъ своихъ намѣреніяхъ и планахъ, которыхъ съ самаго начала оказалось не мало, хотя онъ еще не успѣлъ порядочно ознакомиться съ таможеннымъ дѣломъ, но собственно моего мнѣнія онъ не спрашивалъ. Такое стремленіе къ самостоятельнымъ распоряженіямъ высказалось между прочимъ съ самаго начала въ вопросѣ о составленіи проекта новаго таможеннаго устава. Въ виду того, что это былъ тогда настоятельный вопросъ, онъ рѣшился къ нему приступить. На мое сообщеніе, что часть работы по составленію проекта мною уже сдѣлана и что остается только приступить къ обсужденію готоваго проекта, онъ мнѣ объяснилъ, что онъ считаетъ нужнымъ вновь разработать все дѣло и для этой цѣли составить комиссію, въ которой онъ желаетъ, чтобы и я принялъ участіе. Въ эту комиссію кромѣ нѣкоторыхъ прежнихъ таможенныхъ чиновниковъ онъ назначилъ вновь опредѣленныхъ имъ въ департаментъ

лицъ, прежнихъ своихъ земскихъ сослуживцевъ, совершенно еще незнакомыхъ съ таможенными дѣлами. Предвидя, что при такихъ условіяхъ изъ занятій учреждаемой Качаловымъ комиссіи ничего не выйдетъ, тѣмъ болѣе, что Качаловъ не желалъ воспользоваться, даже въ видѣ матеріала выработаннымъ мною проектомъ, я призналъ совершенно бесполезнымъ мое участіе въ означенной комиссіи и высказалъ это прямо Качалову. Качаловъ сообщилъ объ этомъ въ разговорѣ Рейтерну, и Михаилъ Христофоровичъ, повидимому, вполне понялъ мою точку зрѣнія и противъ нея не возражалъ.

Какъ можно было предположить, изъ работъ этой комиссіи ничего не вышло, и таможенное вѣдомство оставалось безъ таможеннаго устава до самаго конца столѣтія. Только въ 1901 году при директорѣ Белюстинѣ былъ окончательно составленъ новый таможенный уставъ и при моемъ участіи проведенъ черезъ Государственный Совѣтъ.

Затѣмъ мои отношенія къ Качалову оставались на учтливой и приличной ногѣ, при чемъ я старался по возможности держаться въ сторонѣ, не принимая участія въ его распоряженіяхъ и занимаясь преимущественно текущими дѣлами. Наконецъ 1-го января 1872 года Рейтернъ рѣшилъ назначить меня членомъ совѣта, и Качаловъ мнѣ при оставленіи мною департамента сказалъ, что теперь его экзаменъ кончился.

Со стороны служащихъ въ департаментѣ до меня доходили отзывы, что я въ моихъ отношеніяхъ къ Качалову съ достоинствомъ сумѣлъ выдержать характеръ. Самъ же Качаловъ высказывалъ впоследствии, что благодаря моему тактичному образу дѣйствія наши отношенія всегда оставались корректными. Когда при Вышнеградскомъ я былъ сдѣланъ товарищемъ министра, Качаловъ, имѣя какое-либо дѣло къ министру, обращался по старой памяти обыкновенно ко мнѣ показывая тѣмъ, какое онъ сохранилъ ко мнѣ доброе расположеніе. Этому доброму расположенію особенно содѣйствовало еще одно послѣдующее обстоятельство.

Прежде въ таможенныхъ работахъ вездѣ вольные носильщики по найму отъ купцовъ; большею частію каждая значительная фирма имѣла своихъ рабочихъ. Только въ Москвѣ работала русская артель. Незадолго до оставленія департамента, князь Оболенскій, находясь въ Москвѣ и увидѣвъ тамъ работу артельщиковъ, возымѣлъ мысль ввести артели во всѣ таможни. Отвѣтственная артель дѣйствительно устраняла могущія быть злоупотребленія со стороны вольныхъ рабочихъ, которыхъ трудно было контролировать; кромѣ того такое нововведеніе представлялось ему симпатичнымъ по его чисто русской національной окраскѣ.

Въ департаментѣ принялись за разработку этого вопроса, и когда вслѣдъ за тѣмъ Качаловъ былъ сдѣланъ директоромъ, онъ съ жаромъ взялся за это дѣло и немедленно приступилъ ко введенію таможенной артели въ петербургской таможнѣ. Мѣра эта вызвала со стороны купечества всеобщую оппозицію, во-первыхъ потому, что купцамъ удобнѣе было имѣть своихъ рабочихъ; кромѣ того еще и потому, что артель, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ при благорасположеніи департамента, назначила чрезвычайно высокія цѣны за свою работу. Купечество обратилось къ министру финансовъ съ жалобой на это невыгодное для него нововведеніе, и Михаилъ Христофоровичъ назначилъ особую комиссію, при участіи торгующихъ, для разсмотрѣнія ихъ жалобъ. Хотя я въ то время уже оставилъ департаментъ, но Михаилъ Христофоровичъ нашелъ нужнымъ назначить и меня въ эту комиссію. Такое назначеніе вызвало сильное опасеніе со стороны Качалова; онъ боялся, что, я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы поддержать, ему на зло, претензіи купцовъ и доказать такимъ образомъ неосновательность его спѣшныхъ распоряженій. Разумѣется, я объ этомъ и не думалъ, а отнесся, какъ всегда, совершенно объективно къ дѣлу. По моему указанію были проектированы нѣкоторыя мѣропріятія для большаго надзора за артелями съ цѣлю устраненія всякаго съ ихъ стороны произвола; вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено значительное пониженіе крайне высокой установленной ими таксы. На этой почвѣ состоялся компромиссъ, удовлетворившій купечество. Такимъ образомъ я не только не сталъ въ оппозицію къ Качалову, но, напротивъ, оказалъ ему содѣйствіе, давъ ему возможность удовлетворить требованія купечества, не отказываясь отъ введенной имъ мѣры. Онъ вполне оцѣнилъ такой образъ дѣйствій съ моей стороны и неоднократно говорилъ разнымъ лицамъ, какъ я поступилъ съ нимъ благородно, не только не подставляя ему ноги, когда я такъ легко могъ это сдѣлать, но, напротивъ, даже поддержалъ его.

Въ этомъ же году я былъ выбранъ почетнымъ членомъ Петербургскаго губернскаго статистическаго комитета.

Наконецъ около этого же времени возникло еще и другое предложеніе относительно моего служебнаго положенія. Е. И. Ламанскій былъ тогда управляющимъ государственнымъ банкомъ, и при немъ не было замѣщено еще мѣсто товарища управляющаго. Въ то время, какъ я помышлялъ объ оставленіи министерства, А. Б. Бушень, съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, какъ-то въ разговорѣ съ Ламанскимъ указалъ ему, почему бы ему не взять меня въ товарищи. Ламанскій изъявилъ на это согласіе, князь Оболенскій, который продолжалъ интересоваться моимъ положеніемъ,

сообщилъ объ этомъ предположеніи Рейтерну, который выполнѣ его одобрилъ, замѣтивъ, что это именно подходящее для него (т. е. для меня) мѣсто. Казалось, дѣло было рѣшено; но между тѣмъ время шло, и Ламанскій все не рѣшался приступить къ моему назначенію,—очевидно, со стороны разныхъ окружавшихъ его лицъ стали интриговать противъ моего назначенія, которое окончательно, по слабости характера Ламанскаго, такъ и не состоялось.

Въ теченіе 1871 года начались мои довольно близкія потомъ отношенія къ Михайловскому дворцу. Великая Княгиня Елена Павловна искала, кого бы назначить гофмейстеромъ послѣ А. А. Абазы, который въ это время былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ и по этому случаю оставилъ свою придворную должность. М. Х. Рейтернъ, который, во время назначенія Качалова, считалъ нужнымъ пожертвовать мною, оставался однако по-прежнему ко мнѣ расположенъ, и когда Елена Павловна обратилась къ нему за совѣтомъ по поводу выбора гофмейстера, указалъ ей на меня. При великой княгинѣ въ это время пользовался большимъ вліяніемъ докторъ Эйхвальдъ, который съ своей стороны указалъ ей на Квиста; его рекомендація получила перевѣсъ, и Великая Княгиня остановилась на послѣднемъ кандидатѣ.

По этому поводу она пожелала однако со мною познакомиться, и я получилъ приглашеніе посѣщать ея вечера на Каменномъ островѣ, часто обѣдалъ у нея, и осенью проводилъ даже по нѣсколько дней въ Ораніенбаумѣ. Тамъ былъ между прочимъ устроенъ домашній спектакль, въ которомъ я участвовалъ вмѣстѣ съ состоявшей при великой княгинѣ фрейлиной Императрицы, графиней Кейзерлингъ, супругой Т. С. Перетца, секретаремъ прусскаго посольства Тильманомъ, нынѣ статсъ-секретаремъ въ Берлинѣ и нѣкоторыми другими лицами. Такимъ образомъ у меня установились довольно близкія отношенія къ Михайловскому дворцу и между прочимъ къ находившимся при Вел. Княгинѣ баронессѣ Рааденъ и фрейлинѣ Эйлеръ—дружескія отношенія къ этимъ двумъ личностямъ сохранились у меня до самой ихъ смерти. Выбравъ Квиста гофмейстеромъ, великая княгиня предложила мнѣ другую сферу дѣятельности при ней, а именно: положеніе предсѣдателя въ комитетѣ дешевыхъ столовыхъ для студентовъ.

Это было время первыхъ студенческихъ смуть. Елена Павловна, которая принимала живѣйшій интересъ во всемъ, что происходило въ Россіи, возымѣла мысль устроить дешевыя столовыя для студентовъ, въ надеждѣ, что такая заботливость о ихъ матеріальномъ благосостояніи будетъ имѣть нѣкоторое успокаивающее на нихъ вліяніе. Столовая была устроена вначалѣ въ наемномъ помѣщеніи

на Петербургской сторонѣ, не очень удобномъ, и потомъ переведена въ отдѣльный помѣстительный флигель при медицинской академіи, предоставленный военнымъ министромъ въ распоряженіе Великой Княгини. Несмотря на всѣ старанія удовлетворительнаго устройства столовой и на хорошую пищу, отпускавшуюся по дешевой цѣнѣ—учрежденіе это однако не могло пойти успѣшно. Такъ какъ въ то время особенно опасались сходокъ студентовъ, то было постановлено, что обѣдающіе въ столовой студенты не должны оставаться послѣ обѣда въ помѣщеніи столовой, т. е. чтобы они тамъ не засиживались; по этой же причинѣ въ столовой не было разрѣшено держать газеты и, кажется, курить, такъ какъ во время обѣда куреніе не полагалось, а послѣ обѣда студенты должны были уходить. Такая регламентація и дисциплина, разумѣется, не нравились студентамъ; кромѣ того въ средѣ ихъ появлялись личности, которыя постоянно старались мѣшать всякимъ предпріятіямъ правительства на пользу студентовъ, чтобы поддерживать въ средѣ ихъ неудовольствіе — и вотъ почему одно то, что столовые имѣли отчасти характеръ правительственнаго учрежденія—дискредитировало ихъ въ глазахъ студентовъ. Чтобы помѣшать дѣлу и поставить столовые въ затруднительное положеніе, студенты стали намѣренно посѣщать столовую крайне нерегулярно. Одинъ день столовая была почти пуста, а въ другой день приходила разомъ масса студентовъ, которые громко жаловались, что имъ приходится ждать очереди—потому, что при такомъ неравномѣрномъ посѣщеніи, крайне трудно было составлять предположеніе о числѣ необходимыхъ обѣдовъ и разсчитать впередъ, на сколько посѣтителей готовить обѣды. Мнѣ самому иногда по этому поводу приходилось объясняться съ посѣтителями,—помню, что я имъ объяснялъ, что я хорошо понимаю ихъ положеніе, ибо въ свое время самъ былъ студентомъ и студентомъ бѣднымъ, принужденнымъ давать уроки, и что потому вполне сочувствую ихъ положенію и несомнѣнно желаю устроить дѣло сколь можно для нихъ удобнѣе, но что они съ своей стороны должны оцѣнить дѣятельность лицъ, изъ одного интереса къ дѣлу жертвующихъ своимъ временемъ и своими трудами, въ надеждѣ сдѣлать для нихъ полезное; наконецъ, что никто не принуждаетъ ихъ приходить въ столовую, но, пользуясь предоставленнымъ имъ удобствомъ, имъ не слѣдовало бы намѣренно затруднять веденіе для нихъ же устроеннаго предпріятія.

Но всѣ эти объясненія, при существовавшемъ въ то время возбужденіи въ студенческой средѣ, не имѣли никакого вліянія на ихъ отношенія къ столовымъ. Число посѣтителей постоянно уменьшалось, студенты очевидно предпочитали посѣщать дешевыя частныя кухмистерскія, гдѣ ихъ кормили гораздо хуже и дороже, но

гдѣ они не были стѣснены какими-либо правилами, могли засиживаться сколько угодно, курить, читать газеты и т. п.

При такомъ положеніи дѣла, расходы столовыхъ далеко не могли окупиться. Пока жива была Елена Павловна, постоянныя субсидіи съ ея стороны еще поддерживали предпріятіе, но послѣ ея смерти столовыя продержались не долго. Баронесса Рааденъ, принимавшая дѣятельное участіе во всѣхъ предпріятіяхъ покойной Великой Княгини, постоянно относилась съ живѣйшимъ интересомъ и къ дѣлу столовыхъ. Чрезвычайно умная, живая и энергичная, она клала свой трудъ на это предпріятіе, не желая однако принимать формальнаго участія въ управленіи столовыми. Это ставило меня, какъ предсѣдателя комитета, по временамъ въ затруднительное положеніе и вызывало даже столкновеніе между нами, несмотря на то, что я находился съ нею въ лучшихъ отношеніяхъ, основанныхъ на взаимномъ расположеніи и уваженіи. Увлекаясь своею энергіею и своимъ интересомъ къ дѣлу, она иногда дѣлала разныя распоряженія, не условившись по этому поводу и не предваривъ даже о томъ комитетъ и его предсѣдателя, что очевидно ставило послѣдняго въ неловкое положеніе. Всѣ отдавали полную справедливость энергіи баронессы и ея глубокому интересу къ дѣлу, и никто не сталъ бы ей препятствовать въ принятіи той или другой мѣры, которую она считала необходимой, но слѣдовало по крайней мѣрѣ предупреждать лицъ, завѣдывавшихъ дѣломъ, чего она почти никогда не дѣлала, дѣйствуя въ этихъ случаяхъ большей частію совершенно самостоятельно.

Такого же рода столкновенія произошли у нея впоследствии съ К. К. Гротомъ. До того она находилась съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и его назначеніе главноуправляющимъ учрежденій Императрицы Маріи послѣдовало отчасти по рекомендаціи баронессы Рааденъ. Но вслѣдъ за его назначеніемъ она стала вмѣшиваться въ дѣла институтовъ, безъ предварительнаго согласія съ главноуправляющимъ и такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, она имѣла личный докладъ у Государыни Императрицы, то являлась какая-то двойственность въ управленіи. Гротъ не могъ не протестовать противъ такого веденія дѣла, и кончилось тѣмъ, что ему пришлось оставить свое положеніе, такъ какъ Государыня Императрица была совершенно на сторонѣ баронессы Рааденъ. Послѣ, кажется, двухлѣтняго пребыванія въ должности, при возвращеніи изъ отпуска, К. К. Гротъ получилъ увѣдомленіе, что ему уже не слѣдуетъ вступать въ управленіе учрежденіемъ.

Мои отношенія къ баронессѣ стали особенно затрудняться послѣ смерти Елены Павловны, когда наши дополнительные ресурсы

изсякли. Великая Княгиня Екатерина Михайловна, устроившая свои дешевыя столовыя для народа, не была расположена приплачивать еще на содержаніе студенческихъ столовыхъ. При постоянномъ дефицитѣ послѣднихъ, благоразуміе требовало пріостановить ихъ совершенно; но баронесса Рааденъ, глубоко чтя память Елены Павловны, никакъ не хотѣла согласиться на прекращеніе предпріятія, созданнаго покойною Великой Княгиней и къ которому она всегда относилась съ живѣйшимъ интересомъ. Она настаивала на продолженіи веденія дѣла, утверждая, что она готова отвѣчать за всѣ дефициты. Я не считалъ однако возможнымъ продолжать при такихъ условіяхъ веденіе дѣла, предвидя, что дефицитъ можетъ дойти до такой цифры, о которой баронесса даже не можетъ отдать себѣ отчетъ. Наша задолженность поставщикамъ провизій все росла, хотя и я съ своей стороны рѣшался кое-что приплачивать, на удовлетвореніе по крайней мѣрѣ самыхъ назойливыхъ кредиторовъ. Не имѣя возможности уговорить баронессу, я рѣшился обратиться къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ и просить ее объ увольненіи меня отъ званія предсѣдателя комитета столовыхъ, такъ какъ при данныхъ обстоятельствахъ я не вижу возможности продолжать дѣло. Великая Княгиня, разумѣется, согласилась на мое увольненіе, но баронесса Рааденъ за это долго на меня сердилась, и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ наши прежнія дружескія отношенія опять возстановились. Послѣ моего ухода она уговорила Дервиза принять на себя предсѣдательство въ комитетѣ, и благодаря его денежнымъ вспоможеніямъ, дѣло могло идти нѣкоторое время, но все же кончилось тѣмъ, что студенческія столовыя пришлось закрыть, какъ я это давно предвидѣлъ. По самому существу дѣла, несмотря на всѣ благія намѣренія, оно было лишено рациональныхъ условій существованія.

Около этого же времени я былъ назначенъ членомъ въ комиссію по вопросу объ акцизѣ съ сахара и еще въ другую комиссію по выработкѣ акціонернаго устава. Сахарный вопросъ ставился въ смыслѣ огражденія нашей промышленности высокими таможенными покровительственными пошлинами, съ одновременнымъ опредѣленіемъ размѣра акциза, который она могла бы вынести. При незначительности предполагаемаго акциза, такое положеніе вызывало значительныя жертвы со стороны казны, такъ какъ прежній доходъ отъ пошлины на привозимый сахаръ, при запретительной пошлинѣ, почти совершенно прекратился, акцизъ же могъ давать только самый незначительный доходъ, такъ какъ имѣлся въ виду акцизъ всего (сколько помню), въ 20 или 30 коп. съ пуда, при чемъ оплачивалось не дѣйствительно производимый сахаръ, а предпола-

гаемое производство, исчисляемое по механизму завода и количеству употребленнаго сырого матеріала, такъ что, путемъ усовершенствованія механизма, большіе заводы получали возможность значительно уменьшить въ дѣйствительности номинальный акцизъ съ пуда сахара. А. А. Абаза, который былъ также членомъ комиссіи и сильно отстаивалъ интересы сахарозаводчиковъ, доказывалъ, что эта потеря только временная, что съ развитіемъ производства акцизъ можно будетъ поднять даже до рубля, и тогда доходъ значительно увеличится. Предсказанія его осуществились съ избыткомъ; въ настоящее время свекловичный сахаръ оплачиваетъ уже не рубль, а 1 р. 75 к. съ пуда дѣйствительнаго производства и даетъ казнѣ дохода до 75 милліоновъ рублей. Чрезмѣрное покровительство сахарной промышленности все же однако создало нѣкоторыя неудобства, вызвавъ чрезмѣрное и не соответственное потребности потребленія число заводовъ, такъ что пришлось въ началѣ допустить, а затѣмъ и формально организовать сахарный синдикатъ.

Мое назначеніе членомъ комиссіи для выработки акціонернаго закона, состоявшей подъ предсѣдательствомъ А. И. Бутовскаго, было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что около этого времени я написалъ книгу объ акціонерныхъ законахъ разныхъ странъ. Въ моемъ сочиненіи я проводилъ мысль о явочной системѣ. Я стремился доказать вредное вліяніе существующей концессіонной системы, обусловливающей каждое образованіе акціонерной компаніи спеціальнымъ разрѣшеніемъ правительства, системы, какъ бы возлагающей отвѣтственность на правительство, за каждое образующееся акціонерное общество, хотя въ дѣйствительности правительство совершенно не можетъ ручаться за солидность будущаго веденія дѣла утверждаемымъ имъ обществомъ. Напротивъ, при установленіи общихъ условій регистраціи, обязательныхъ къ исполненію при образованіи всякой компаніи и между прочимъ требованія полной оплаты акцій въ теченіе опредѣленнаго времени—акціонерное дѣло могло бы быть поставлено на болѣе здоровую ногу; особенно устранилась бы столь вредная спекуляція, основанная на неполной оплатѣ акцій, распространившаяся у насъ въ послѣднее время и причинившая не мало вреда. Мысль моя была отчасти принята комиссіей, но ея труды залежались, министръ какъ-то не рѣшался внести проектъ новаго акціонернаго закона въ Государственный Совѣтъ. Послѣ того въ департаментѣ торговли нѣсколько разъ принимались еще за выработку акціонернаго закона, но каждый разъ безъ результата. Нынѣ (1903) былъ опять составленъ подобный проектъ, во время управленія департаментомъ Ковалевскаго,—но получить ли онъ утвержденіе—еще вопросъ.

Въ слѣдующемъ году въ Петербургѣ долженъ былъ состояться международный статистическій конгрессъ, и потому была образована подготовительная комиссія для разработки предварительнаго матеріала, въ которой я также принималъ участіе. Почетнымъ предсѣдателемъ конгресса былъ назначенъ С. А. Грейгъ, всѣмъ же дѣломъ распоряжался главнымъ образомъ П. П. Семеновъ, состоявшій тогда предсѣдателемъ статистическаго совѣта мин. вн. дѣлъ. Секретаремъ конгресса предполагалось назначить А. Б. фонъ Бушена, извѣстнаго своими статистическими работами не только на русскомъ, но и на нѣмецкомъ языкѣ, человѣка необыкновенно умнаго и энергичнаго. Но секретарь никакъ не могъ ладить съ предсѣдателемъ подготовительной комиссіи П. П. Семеновымъ. Уже прежде между ними существовало нѣкоторое соперничество,—теперь же при общемъ дѣлѣ Бушенъ никакъ не могъ подчиниться руководительству Семенова, во многихъ частныхъ вопросахъ былъ различнаго съ нимъ мнѣнія и, наконецъ, кончилось тѣмъ, что онъ отказался отъ секретарства еще до начала конгресса. Петръ Петровичъ предложилъ мнѣ взять на себя эту роль, но по разнымъ соображеніямъ я отклонилъ это предложеніе. Тогда Петръ Петровичъ обратился къ И. И. Вильсону, также извѣстному своими научными работами и принимавшему участіе въ предыдущихъ конгрессахъ. И. И. Вильсонъ согласился принять на себя званіе секретаря и при его скромномъ и укладистомъ характерѣ, дѣло пошло совершенно удовлетворительно.

Лѣтомъ 1871 г. состоялась моя помолвка съ Софіею Александровною Фольбортъ.

Осенью я отпирвился съ матушкою и сестрами за границу въ Италію; мы провели нѣсколько недѣль на морскихъ купаньяхъ въ Пегли около Генуи, откуда часто посѣщали этотъ красивый и интересный городъ. Генуя изобилуетъ старинными дворцами мѣстной аристократіи, наполненными произведеніями живописи и искусства. Самое положеніе Генуи на берегу моря весьма красиво; около всего города, вдоль морского берега, тянется эспланада, родъ бульвара, представляющая при каждомъ поворотѣ неожиданно красивые виды. Это гулянье, называемое Aqua Sola, составляетъ одну изъ главныхъ красотъ города. Въ Пегли мы познакомились со старикомъ Фонтономъ, бывшимъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, который, послѣ выхода въ отставку, совершенно поселился въ Италію. Этотъ замѣчательный и чрезвычайно умный старикъ жилъ почти отшельникомъ, мы съ нимъ однако очень сблизились и постоянно пользовались его пріятнымъ обществомъ. Онъ водилъ насъ гулять по окрестностямъ Пегли, ему хорошо извѣстнымъ, знакомя насъ съ красотами мѣстной природы.

1-го января 1872 г., какъ уже сказано, я былъ назначенъ наконецъ членомъ совѣта министра финансовъ и былъ очень доволенъ окончательно распоститься съ таможеннымъ департаментомъ.

Въ февралѣ состоялась моя свадьба. Послѣ свадьбы мы отправились съ женою на два мѣсяца за границу. Черезъ Берлинъ и Вѣну мы направились въ Италію, посѣтили Венецію, Флоренцію, Римъ, Неаполь, Сорренто, наслаждаясь вмѣстѣ чудною природою этихъ городовъ, произведеніями искусства и историческими воспоминаніями, которыми они такъ богаты. Проѣзжая черезъ Берлинъ, мы встрѣтились съ А. Г. Рубинштейномъ. Тамъ предстоялъ его концертъ, но всѣ билеты были уже распроданы и только благодаря любезности Антона Григорьевича, который предоставилъ намъ два отдѣльных мѣста въ залѣ, намъ удалось присутствовать на этомъ интересномъ концертѣ. Въ Петербургѣ Рубинштейна всегда встрѣчали громкими аплодисментами, но такого энтузіазма, какъ въ Берлинѣ, я не встрѣчалъ даже и у насъ. Вся зала, наполненная самою изящною аристократическою публикою, дрожала отъ аплодисментовъ и криковъ браво, расточаемыхъ нашему гениальному виртуозу.—Послѣ концерта Рубинштейнъ пригласилъ насъ на ужинъ въ ресторанѣ, въ обществѣ нѣсколькихъ артистовъ и знакомыхъ. Впечатлѣнія берлинскаго концерта неизгладимо сохранились въ моей памяти.

По возвращеніи въ Петербургъ осенью состоялся статистическій конгрессъ. Кромѣ ученыхъ занятій, какъ и на всѣхъ конгрессахъ, были устроены разныя увеселительныя прогулки для членовъ конгресса. Ихъ возили въ Павловскъ, въ Петергофъ, показывали имъ дворцы, угощали обѣдами и завтраками и т. п. Помню особенно интересный вечеръ у великой княгини Елены Павловны въ Михайловскомъ дворцѣ. За мое участіе въ статистическомъ конгрессѣ я получилъ орденъ Св. Анны первой степени. Около этого же времени я получилъ отъ прусскаго правительства звѣзду краснаго орла. Этотъ орденъ былъ мнѣ переданъ прусскимъ посломъ княземъ Рейсомъ, съ указаніемъ, что этимъ отличіемъ онъ желалъ мнѣ выказать признательность прусскаго правительства за мои справедливыя отношенія къ интересамъ прусской торговли во время моей бытности вице-директоромъ и управляющимъ департаментомъ таможенныхъ сборовъ. Нисколько не теряя изъ вида нашихъ собственныхъ интересовъ, я всегда считалъ возможнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти интересы не затрагивались, оказывать снисхожденіе прусскимъ ходатайствамъ, которыя большею частью заключались въ просьбахъ о смягченіи или сложеніи разныхъ таможенныхъ штрафовъ, которымъ нерѣдко подвергались прусскіе торговцы;

я не встрѣчалъ къ тому препятствія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда выяснялось, что неточность товарнаго объявленія происходила явно по ошибкѣ, а не съ намѣреніемъ обмана; я считалъ долгомъ, сколько отъ меня зависѣло въ моей скромной сферѣ дѣятельности, дѣлать возможное для поддержанія хорошихъ отношеній съ со-сѣднею страню. Сознаюсь, что высказанная мнѣ по этому случаю признательность прусскаго правительства доставила мнѣ истинное удовольствіе.

Мое семейное счастье продолжалось не долго, менѣе трехъ лѣтъ. Въ началѣ слѣдующаго года моя жена заболѣла. Для поправленія ея здоровья, я осенью взялъ отпускъ, и мы отправились на лѣченіе въ Вильдунгенъ и затѣмъ на берегъ Женевскаго озера. Мы помѣстились въ живописной гостиницѣ „Байронъ“, лежащей около Вильнева, на берегу озера, противъ знаменитаго Шильонскаго замка, описаннаго Байрономъ въ его стихотвореніяхъ. Здѣсь мы провели около полугода. Въ Вильдунгенѣ мы познакомились съ американскимъ семействомъ Вильямсъ, въ которомъ мы нашли очень пріятныхъ собесѣдниковъ, такъ что мы вскорѣ очень съ ними сблизились. Вильямсъ представлялъ рѣдкій типъ американскаго джентльмена. Такія личности встрѣчаются среди американцевъ не очень часто, но за то они крайне симпатичны, соединяя въ себѣ всѣ достоинства энергическаго американскаго характера, безъ обычныхъ недостатковъ янки. Замѣчательно, что и въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ въ нѣкоторой степени аристократическій классъ, это потомки англійскихъ семействъ, первоначально переселившихся въ Америку. Издается даже особенная книга, родъ Готскаго календаря, въ которомъ перечислены потомки этихъ семействъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Быть занесеннымъ въ этотъ фамильный альманахъ считается тамъ большимъ почетомъ. Этотъ небольшой кругъ лицъ (къ которому принадлежалъ и Вильямсъ) составляетъ въ Соединенныхъ Штатахъ какъ бы особую группу высшаго сословія, фактически существующаго, въ родѣ Фобура Сень-Жермена въ Парижѣ. Богачи милліонеры, большею частію вышедшіе изъ самаго низшаго класса рабочихъ и часто мало образованные, несмотря на роскошный образъ жизни, не пользуются у себя дома особеннымъ почетомъ, и потому большею частію ихъ семейства предпочитаютъ жить въ Европѣ, въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ ихъ колоссальное богатство открываетъ имъ доступъ во всѣ сферы общества и даетъ имъ возможность заключать браки съ высокотитулованными лицами. Какъ я уже замѣтилъ, мы сошлись очень близко съ семействомъ Вильямсъ и впоследствии находились нѣкоторое время въ дружеской перепискѣ.

Здоровье жены поправлялось очень медленно и потому, когда кончился мой отпускъ, все еще немислимо было ѣхать съ нею обратно въ Россію. Я рѣшился потому оставить ее на берегу Женевского озера и возвратиться одинъ въ Петербургъ. Это было въ началѣ 1874 года. Разставаться съ больною, любимую женою было очень тяжело, и я въ грустномъ настроеніи отправился въ обратный путь.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, пріѣхалъ туда австрійскій императоръ и, подъ вліяніемъ взаимно дружественнаго настроенія двухъ державъ, было рѣшено, для большаго сближенія между ними, заключить нѣчто въ родѣ торговой конвенціи между Россіей и Австріей, въ цѣляхъ сближенія взаимныхъ торговыхъ сношеній.

Веденіе переговоровъ по этому поводу съ австрійскими делегатами было возложено М. X. Рейтерномъ на меня, при участіи еще нѣкоторыхъ чиновниковъ министерства финансовъ, которые по этому поводу были ко мнѣ прикомандированы.

Такъ какъ пріѣздъ австрійскихъ делегатовъ нѣсколько замедлился, а между тѣмъ наступали праздники Пасхи, то у меня родилась мысль съѣздить на нѣсколько дней въ Швейцарію, чтобы повидаться съ женою. Министръ изъявилъ на это согласіе, и я уже собирался въ путь, какъ вдругъ было получено извѣстіе о предстоящемъ пріѣздѣ австрійцевъ. При такихъ условіяхъ, Рейтернъ считалъ, что мнѣ неудобно уѣзжать даже на короткое время, въ самый моментъ ихъ пріѣзда. Нечего было дѣлать, пришлось отказаться отъ исполненія желаннаго проекта, о чемъ я тѣмъ болѣе сожалѣлъ, что пріѣздъ уполномоченныхъ все же замедлился на нѣсколько дней, такъ что въ сущности я успѣлъ бы съѣздить и вернуться обратно къ ихъ прибытію.

Наконецъ австрійскіе делегаты прибыли, и наши переговоры начались. Мы имѣли рядъ засѣданій, но дѣло двигалось очень медленно. Задача наша была дѣйствительно не легкая. Я замѣтилъ выше, что имѣлось въ виду нѣчто въ родѣ торговаго договора. Эта неопредѣленность задачи съ самаго начала и составляла главную ея трудность.

Въ настоящее время почти всѣ европейскія державы связаны между собою торговыми договорами, основанными на взаимныхъ облегченіяхъ въ таможенномъ тарифѣ, но въ то время наше правительство твердо и абсолютно держалось системы автономнаго тарифа, не допуская возможности какихъ-либо соглашеній на этой почвѣ. Считалось безусловно необходимымъ сохранять полную, не стѣсненную никакими соглашеніями съ другими державами, свободу

*

въ распоряженіяхъ внутренней таможенной политики. При такомъ господствовавшемъ у насъ воззрѣніи, облегченіе торговыхъ сношеній съ Австріею могло касаться только упрощенія таможенныхъ формальностей, увеличенія числа и компетенціи пограничныхъ пунктовъ и вообще всякихъ облегченій въ пограничныхъ сношеніяхъ. Но австрійскіе делегаты желали большаго и потому, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, нашли нужнымъ обратиться къ своему правительству за новыми инструкціями. Проходили дни, даже недѣли, мы все ожидали присылки испрошенныхъ инструкцій, а онѣ не приходили. Между тѣмъ я уже имѣлъ разрѣшеніе немедленно по окончаніи переговоровъ уѣхать къ женѣ за границу. Безконечное ожиданіе, которому не предвидѣлось предѣла, при такихъ условіяхъ, выводило меня окончательно изъ терпѣнія; наконецъ я рѣшился дѣйствовать самостоятельно. До сихъ поръ во всѣхъ дѣлахъ я большею частью въ существенныхъ вопросахъ игралъ только роль исполнителя указаннаго начальствомъ хода дѣла. Теперь же, выведенный изъ терпѣнія, я рѣшился предложить *proprio motu* австрійскимъ делегатамъ, такъ какъ они все не получали новыхъ инструкцій, отложить переговоры до осени, чтобы дать имъ возможность лично доложить своему правительству о ходѣ дѣла и затѣмъ уже получить новыя инструкціи. Они сейчасъ же согласились на мое предложеніе, потому что ихъ положеніе, при отсутствіи необходимыхъ инструкцій, было весьма человкое, и мы такъ и порѣшили. Рейтерну я доложилъ уже о состоявшемся рѣшеніи и мое распоряженіе не вызвало никакого возраженія съ его стороны. Австрійцы уѣхали, и наши переговоры возобновились только въ слѣдующемъ году въ Вѣнѣ, гдѣ мнѣ удалось привести ихъ къ удовлетворительному окончанію.

Главныя уступки со стороны Австріи заключались въ разныхъ существенныхъ облегченіяхъ при провозѣ нашего скота. Рейтернъ меня благодарилъ за достигнутые результаты и прибавилъ при этомъ, что онъ самъ не могъ бы лучше устроить это дѣло.

Вслѣдъ за состоявшимся рѣшеніемъ отложить переговоры до осени, я уѣхалъ за границу. Здоровье жены, повидимому, нѣсколько улучшилось, но полнаго возстановленія здоровья не оказывалось. Въ маѣ мы вернулись въ Петербургъ и провели лѣто на дачѣ въ Парголово, при постоянныхъ колебаніяхъ въ положеніи здоровья жены, между надеждой и опасеніями. По возвращеніи въ городъ, къ прежнему недугу присоединилась еще скоротечная чахотка, и моя жена скончалась 2-го декабря 1874 года.

Моя брачная жизнь продолжалась всего не полныхъ три года съ февраля 1872 года по декабрь 1874 г.

Со смертію моеї жєны совершилсѧ какъ бы переломъ въ моеї духовной жизни. Трудно описать то чувство пустоты, которое охватило меня въ первое время послѣ моего несчастія и которое довольно долго лежало тяжелымъ гнетомъ на моеї внутренней жизни. Какъ будто ничего уже не существовало, что могло бы возбудить во мнѣ какой-либо интересъ; ко всему я относился совершенно безучастно.

Во время послѣдней болѣзни моеї жєны меня иногда нѣсколько тяготило то, что уходъ за нею, которому я посвящалъ все мое время, меня отвлекъ отъ обычныхъ дѣлъ и занятій. А теперь—что бы я далъ за то, чтобы сидѣть у постели больной жєны и посвящать себя уходу за ней—теперь, когда всѣ интересы жизни представлялись мнѣ суетой, безъ всякаго для меня содержанія и безъ всякой для меня цѣны. Чтобы нѣсколько сосредоточиться въ моемъ духовномъ настроеніи и сохранить память тѣхъ мыслей и ощущеній, которыя наполняли меня въ это многознаменательное для меня время, я съ 1875 года сталъ вести журналъ, занося въ него, особенно вначалѣ, преимущественно все то, что затрөгивало мою внутреннюю жизнь. На первой страницѣ журнала я выставилъ эпиграфомъ слова французскаго философа Рєвила „Finitum non est carax infiniti“—какъ выраженіе моего тогдашняго воззрѣнія.

Чтеніе, служебныя дѣла и т. п. занятія временно отвлекали меня отъ гнетущей меня печали, но когда удавалось такимъ образомъ на короткое время забыться и освободиться отъ тяготѣвшаго на мнѣ тяжелаго чувства печали и полной безнадежности, то послѣ того всегда слѣдовало пробужденіе прежняго тяжелаго настроенія, которое затѣмъ казалось мнѣ только еще болѣе невыносимымъ. Нерѣдко, особенно въ первое время, мнѣ случалось видѣть умершую жєну во снѣ. И каждый разъ мысль, что она жива, что мы не разлучены съ нею на всю жизнь, возбуждала во мнѣ такое чувство высшаго блаженства, которое трудно описать—чувство чистѣйшей, идеальной любви, чувство, поглощающее всего человѣка и не оставляющее больше ничего желать. Если подобное идеальное настроеніе духа ожидаетъ насъ послѣ смерти, въ той жизни, то становится понятнымъ то загробное блаженство, о которомъ говорить священное писаніе. Повидимому, ощущенія, которыя покоятся въ глубинѣ души, проявляются во снѣ съ особенною интенсивностью,—вслѣдствіе того, что душа не отвлекается никакими внѣшними впечатлѣніями, никакими частностями обычной жизни, и вотъ почему эти ощущенія достигаютъ во снѣ такой силы и такой глубины, до которой они никогда не доходятъ на яву. Естественно, что послѣ того утреннее пробужденіе, поставлявшее меня лицомъ къ лицу съ печальною дѣйствительностію, было особенно тягостно.

Я не искалъ однако того, что называется развлеченіемъ, я не желалъ забыть; напротивъ того, самая печаль и все то, что напоминало мнѣ прежнее время, было для меня дорого. „Есть два способа, говоритъ швейцарскій богословъ Vinnet,—думать о любезномъ существѣ, которое уже не находится въ живыхъ,—воспоминаніе и надежда. Первое, т. е. воспоминаніе, повергаетъ въ печаль и сожалѣніе, а второе, т. е. надежда, возвышаетъ духъ и даетъ силу переносить жизнь съ нѣкоторымъ спокойствіемъ и нѣкоторымъ достоинствомъ послѣ такой утраты. Но и то и другое между собою связано неразрывно,—по мѣрѣ освобожденія воспоминанія, и надежда должна терять свою интенсивность и ослабѣвать въ своемъ воздѣйствіи на жизнь. И вотъ почему истинная любовь не только не ищетъ развлечения и забвенія, а напротивъ того, дѣлаетъ все возможное, чтобы сохранить воспоминаніе столь живымъ, сколь возможно“.

Я никогда не могъ понять, какъ нѣкоторые люди, послѣ смерти любимаго существа, стараются убить печаль забвеніемъ прошлаго, переѣзжаютъ на новую квартиру и удаляютъ отъ себя все, что могло бы напоминать имъ о прошломъ—я, напротивъ того, только въ воспоминаніи о прошломъ находилъ въ то время нѣкоторое облегченіе.

Въ поискахъ за занятіемъ, которое, не представляя обычнаго развлечения, было бы въ гармоніи съ моимъ настроеніемъ и могло бы чѣмъ-либо наполнять мое существованіе, я принялся за чтеніе сочиненій философско-религіознаго настроенія, надѣясь найти въ нихъ подтвержденіе существованія будущей жизни и надежды встрѣтиться за гробомъ съ тѣми близкими нашему сердцу личностями, съ которыми мы навсегда разстались въ этой жизни. Чисто религіозныя книги не имѣли въ то время на меня убѣждающаго вліянія, и потому я сталъ искать разрѣшенія поглощавшихъ меня мыслей и сомнѣній въ философіи.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ у меня проявлялось влеченіе къ религіозному настроенію, соединенное со скептическимъ отношеніемъ ко всему сверхъестественному—не допускавшими меня до дѣйствительно вѣрующаго настроенія. Помню, что когда я еще былъ мальчикомъ, лѣтъ кажется пяти-шести, я однажды разсматривалъ картины иллюстрированной библіи, ко мнѣ подошелъ мой дѣдъ на-сторъ Фольбортъ и сталъ мнѣ рассказывать о страданіи, смерти и воскресеніи Иисуса Христа, и о томъ, что, какъ повѣствуетъ Ап. Матѳей (27,—52, 53), въ моментъ его смерти гробы отверзлись, и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли. Во время этого разсказа у меня уже тогда, у пятилѣтняго мальчика, являлось со-

миѣніе—какъ это могло быть, что гробы разверзлись, и тѣла мертвыхъ воскресли. Точно также и впоследствии, смотря на изображение воскресенія Спасителя, на иконахъ въ церкви, я мучился сомнѣніемъ—какъ это могло произойти.

Нельзя не сознаться, что намъ, людямъ 19 и 20 вѣка, вѣра должна даваться труднѣе, чѣмъ людямъ, жившимъ во времена явленія Спасителя. Тогда люди воображали, между прочимъ, что земля одна и составляетъ главную часть міра, что покоящееся надъ нею небо является мѣстомъ пребыванія Бога и Святыхъ, а потому и мысль о будущей жизни на небѣ для праведниковъ и въ преисподней для грѣшниковъ—не представляла ничего необычайнаго и мирилась съ господствовавшими понятіями. Мы же знаемъ, что то, что намъ кажется небомъ—есть безпредѣльное пространство, что звѣзды, казавшіяся людямъ нѣкогда свѣтлыми для земли, такія же тѣла, какъ и наша земля, и т. п. При такихъ условіяхъ вѣра въ наше время можетъ быть только дѣломъ сердца, которое одно въ состояніи побороть сомнѣнія нашего ума, просвѣщеннаго новѣйшими познаніями о строеніи міра.

Уже въ зрѣломъ возрастѣ мнѣ попалась между прочимъ книга Бюхнера „Kraft und Stoff“; прочитавъ ее съ интересомъ, я однако не убѣдился ея матеріалистическою тенденціею, потому что какое-то внутреннее чувство всегда влекло меня болѣе въ сторону духовнаго идеализма. Помню, что, прочитавъ книгу Бюхнера, я пришелъ однако къ заключенію, что какъ бы душа ни желала проникнуть въ тайны жизни, намъ все будущее сокрыто; между тѣмъ если бы Богу угодно было, чтобы мы восприняли дѣйствительно все то, что преподаетъ намъ религіозное вѣрованіе, то вѣроятно Богъ раскрылъ бы передъ нами, что совершится за предѣлами сей жизни: такъ какъ однако Богу не угодно было открыть намъ явственно что-либо въ этомъ отношеніи, то вѣроятно, согласно божественной же воли, слѣдуетъ спокойно ожидать того, что намъ предстоить въ будущей жизни.

Тогда я окончательно остановился на указанномъ заключеніи религіознаго индифферентизма—положивъ его какъ бы въ основаніе моего духовнаго настроенія. Пока жизнь текла обычнымъ порядкомъ, и никакія потрясенія не нарушали спокойнаго ея движенія, выработавшіяся во мнѣ религіозный индифферентизмъ, далекій однако отъ матеріализма, меня вполне удовлетворялъ, и я на немъ окончательно успокоился. Но когда меня поразилъ жестокій ударъ судьбы, когда послѣ смерти жены я пришелъ въ настроеніе, лишенное всякой надежды, и впалъ въ какое-то сухое отчаяніе, во

мнѣ явилась потребность въ духовной опорѣ, которой я не могъ найти въ прежнемъ моемъ образѣ возрѣнія.

Я сталъ вдумываться въ вопросы о цѣляхъ и значеніи жизни. Г-жа Гаспаріенъ (Gasparin) говорить гдѣ-то: „la vie est un combat continuel entre le visible et l'invisible“. Какъ это справедливо! Человѣкъ окруженъ видимою природою и видимыми проявленіями жизни,—другихъ проявленій онъ не видитъ. Между тѣмъ духовная его природа, не удовлетворяющаяся матеріальнымъ бытомъ, говоритъ ему о духовномъ мірѣ и вызываетъ стремленія къ верху, въ область, лежащую внѣ видимаго міра; отсюда сомнѣнія и постоянная борьба между видимымъ и невидимымъ, между осязаемымъ и неосязаемымъ. Вотъ почему не легко дается жизнь человѣку, который стремится дать себѣ отчетъ въ значеніи жизни и устроить сообразно съ этимъ свой образъ жизни.

Весьма естественно, что при такомъ настроеніи меня много занимала мысль о смерти. Обдумывая то состояніе, въ которомъ человѣкъ можетъ находиться въ этотъ конечный моментъ жизни, я приходилъ къ заключенію, что не слѣдуетъ желать смерти, не слѣдуетъ призывать ее, потому что это было бы неестественно и неискренно, хотя бы потому, что смерти предшествуютъ страданія болѣзни, къ которымъ нельзя относиться равнодушно,—но что слѣдуетъ всегда быть готовымъ разстаться съ жизнію. Размышляя о страхѣ смерти и приводя себѣ на память спокойную кончину многихъ людей и особенно нѣжныхъ и слабыхъ женщинъ, которыя бы особенно должны были страшиться этого роковаго момента, я объяснялъ себѣ такое явленіе слѣдующимъ образомъ.

Пока человѣкъ исполненъ свѣжихъ силъ и жизненности, мысль о смерти, о прекращеніи земного существованія невольно должна дѣйствовать на него устрашающимъ образомъ, ибо смерть есть отрицаніе жизни—а жить естественная наша потребность, какъ бы ни слагались условія жизни. Потому правдивый передъ собою человѣкъ не можетъ не сознавать, что къ идеѣ о смерти неестественно ему относиться безучастно. Когда же настаетъ послѣдняя болѣзнь, и приближается дѣйствительный моментъ смерти, то происходитъ постепенное ослабленіе силъ и умаленіе чувства жизненности. Такимъ образомъ, естественно устраняется противоположность между ощущеніемъ жизненной силы и ожиданіемъ ея прекращенія. Смерть, являясь окончаніемъ физическихъ страданій болѣзни, представляется выраженіемъ покоя, а для вѣрующаго человѣка еще и началомъ лучшаго загробнаго существованія, хотя это будущее въ нашихъ понятіяхъ и не можетъ найти себѣ какого-либо опредѣленнаго

представленія. Подобныя соображенія подкрѣпляли меня въ убѣжденіи, что не слѣдуетъ ни желать, ни бояться смерти¹⁾.

Замѣчательно, что около этого времени мнѣ пришлось услышать съ разныхъ сторонъ какъ бы увѣщанія, направленныя къ тому, чтобы поддержать и укрѣпить меня въ этомъ настроеніи.

Какъ-то утромъ, около новаго года, ко мнѣ зашелъ мой родственникъ пасторъ Газенбегеръ и говорилъ со мною въ этомъ смыслѣ, указывая, что я имѣю обязанности къ роднымъ и близкимъ, которыми не слѣдуетъ пренебрегать. Въ то же утро я зашелъ въ Казанскій соборъ и случайно выслушалъ тамъ проповѣдь на ту же тему. Священникъ говорилъ, что не слѣдуетъ забывать о смерти; сколько изъ слушающихъ его не доживутъ, быть можетъ, до слѣдующаго года, но что при этомъ не слѣдуетъ устраняться отъ житейскихъ дѣлъ, употребляя остающееся намъ время такъ, чтобы быть всегда готовымъ встрѣтить послѣднюю минуту. Въ тотъ же день, по дорогѣ я зашелъ въ лютеранскую церковь, и опять же мѣстный пасторъ Ф. говорилъ на ту же тему—а именно, что печаль должна готовить человека къ достойной встрѣчѣ исхода жизни, но что вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо совѣстливо и серьезно относиться къ своимъ дѣламъ и занятіямъ, исполняя все время свои обязанности внимательно, слѣдуя примѣру Христа, вся жизнь котораго была исполнена дѣятельностію на пользу ближнихъ.

Все это какъ будто именно было сказано по моему адресу; такое совпаденіе случайности съ занимавшими меня мыслями произвело на меня нѣкоторое впечатлѣніе.

Какъ уже выше сказано, въ это время я искалъ и нерѣдко находилъ то утѣшеніе, котораго еще не могла мнѣ дать религіозная вѣра, въ занятія духовно-философскими мыслями.

Въ одной изъ книжекъ „Revue des Deux Mondes“, лежавшихъ на моемъ столѣ, я нашелъ статью Vacherot о философіи. Мнѣ показалось, что спиритуалистическая философія этого писателя отвѣчаетъ моему настроенію, я приобрѣлъ его посмертныя сочиненія и сталъ читать его съ увлеченіемъ. Почти съ первой страницы я нашелъ уже массу высокихъ и благородныхъ мыслей и выраженіе

¹⁾ Однажды за границей, чувствуя себя нездоровымъ, страдая, я долго не могъ заснуть ночью; когда затѣмъ болѣзненные ощущенія прошли, у меня, осталось только чувство глубокой усталости и утомленія, но это чувство было исполнено какого-то покоя и пріятнаго настроенія; я чувствовалъ себя какъ-бы отрѣшеннымъ отъ всего и въ такомъ мирномъ настроеніи, что мнѣ казалось, что при такомъ настроеніи можно спокойно встрѣтить смерть; въ этомъ ощущеніи мирнаго покоя было какъ бы предчувствіе состоянія души въ будущей жизни.

надежды на будущую жизнь. Затѣмъ я сталъ читать философскія статьи Reville'я (его слова—*finitum non est capax infiniti*, поставленныя во главѣ моего журнала), *Méditation sur la Religion* Гизо и цѣлый рядъ подобныхъ философскихъ трудовъ.

Книга Гизо, отъ которой я много ожидалъ, меня мало удовлетворила. Сухія логическія соображенія въ области догматики мало убѣдительны. Jannet справедливо говоритъ по поводу разсужденія Гизо „*la dogmatique est la métaphysique de la religion et non la religion elle-même*“.

Но за то мнѣ особенно понравился Reville въ его статьѣ *Le sentiment religieux* (Rv. d. D. M.). Привожу изъ нея нѣсколько строкъ, которыя, какъ мнѣ казалось, совпадали съ тѣми мыслями, которыя, хотя и далеко не такъ ясно, были у меня самого по этому вопросу.

„Религіозное чувство требуетъ настойчиво соединенія понятія о высшей реальности, причины и поддержки всего существующаго съ понятіемъ духовнаго совершенства въ одномъ сознательномъ существѣ, которое есть Богъ. Можетъ ли такое чувство обманывать? Инстинктъ, непроизвольное стремленіе, естественное чаяніе души— все это требуетъ дѣйствительно существующаго объекта, вызывающаго эти невольныя стремленія. Тѣмъ хуже для метафизиковъ, если они не въ состояніи преклониться передъ этой потребностію человѣческаго существа. Религіозное чувство сознаетъ, что оно сильнѣе ихъ логики. Религіозное чувство подсказываетъ намъ, что понятіе о Богѣ охватываетъ универсальное существованіе, возвышается надъ этою универсальностію, предходя ей какъ начало (принципъ), проникая ее, какъ активная сила, господствуя надъ нею какъ высшій идеаль. При такомъ воззрѣніи можно говорить, что міръ исходитъ отъ Бога, пребываетъ въ Богѣ и восходитъ къ Богу. Только при такомъ воззрѣніи, поразительное по своему распространенію религіозное чувство человечества получаетъ смыслъ и разумное основаніе (*raison d'être*). Если бы этого не было, то можно бы сойти съ ума, созерцая міровую исторію. Какимъ парадоксальнымъ казалось бы устройство вселенной,—если бы признать въ ней развитіе начала безличнаго, безсознательнаго и несовершеннаго.—начала, которое, послѣ миллиардовъ эволюцій, дошло до созданія человѣческаго ума, и организовало этотъ умъ такимъ образомъ, что онъ созерцаетъ внутри себя обманчивый миражъ совершенства, который является неизвѣстно откуда, такъ какъ само міровое начало имъ не обладаетъ....“

Все это убѣдительно, хотя и не ново, но на меня эти сужденія производили тогда глубокое впечатлѣніе.

Около этого же времени мнѣ попала въ руки книга *Briefe an eine Freundin von W. von Humboldt*—письма, писанныя послѣ смерти жены Гумбольдта. Отвлеченно религиозныя соображенія, высказываемыя Гумбольдтомъ въ моментъ жизни, соответствующій тому, въ которомъ я именно находился—нашли глубокой отзывъ въ моей душѣ и полезно повліяли на мое настроеніе.

Считаю не безынтереснымъ привести здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ этой замѣчательной книги.

„Человѣкъ, проводящій всю жизнь въ обществѣ людей,—совершаетъ одинокимъ переходъ изъ сей жизни въ будущую. Никто на этомъ пути сопровождать его не можетъ, хотя всѣмъ присуща надежда встрѣтить за предѣлами гроба какъ тѣхъ, которые ранѣе насъ оставили эту жизнь, такъ и тѣхъ, которые послѣ насъ остались на землѣ. Ни одинъ сердечный человѣкъ не можетъ обойтись безъ этой надежды, даже безъ этого положительнаго вѣрованія, не отказавшись отъ главнаго вождельнія того, что онъ считаетъ счастьемъ жизни. Мы находимъ указанія на осуществленіе такой надежды и въ священномъ писаніи; эти указанія составляютъ одну изъ самыхъ утѣшительныхъ основъ христіанскаго ученія. Стремленіе къ истинѣ, добру и прекрасному облагораживаетъ душу, но какую цѣну имѣетъ и это стремленіе безъ сочувствующей души, съ которой можно бы дѣлать это чувство? Точно также созерцаніе Бога и вѣчной истины, въ чемъ должно заключаться состояніе души послѣ смерти, можетъ быть только усилено сочувствіемъ существа, которое человѣкъ искренне и глубоко любилъ и съ которымъ до самаго момента смерти онъ былъ соединенъ мыслями и сердцемъ.

„Природа продолжаетъ свой круговоротъ, не обращая вниманія на то, что творится въ людяхъ. Какое бы горестное и болѣзненное происшествіе съ нами ни случилось, природа продолжаетъ свое теченіе съ кажуцимися равнодушіемъ и безчувствіемъ. Въ моментъ, когда человѣкъ пораженъ глубокою печалію, это дѣйствуетъ на него поразительно удручающимъ образомъ, приводя его почти въ оцѣпенѣніе. Но какъ скоро его взоръ обращается далѣе, къ общему порядку вселенной, и душа его переходитъ къ настроенію, достойному мыслящаго человѣка, т. е. къ спокойному преданію своей судьбѣ (*Ergebenheit in sein Schicksal*), тогда именно этотъ вѣчный неизмѣнный круговоротъ природы получаетъ для него нѣчто утѣшительное и успокоительное. Человѣкъ начинаетъ сознавать, что даже въ сей жизни есть нѣчто твердое, неизмѣнное въ теченіи явленій, онъ начинаетъ сознавать, что онъ самъ входитъ въ составъ великаго порядка природы, который ничѣмъ не нарушается, и приходитъ къ убѣжденію, что этотъ порядокъ долженъ потому вести

несомнѣнно къ чему-то высшему, къ какому-то конечному пункту, въ которомъ всё сомнѣнія разрѣшаются, и всё казавшіеся прежде въ рѣзкомъ диссонансѣ между собою тоны сливаются въ общую гармонию... Если признавать вмѣстѣ съ тѣмъ, что природа не есть то всеобщее существо, которое соединяетъ въ себѣ весь вещественный и духовный міръ—если смотрѣть на нее, какъ на выраженіе матеріи и силы, дѣйствующихъ по промыслу Создателя, то приходишь къ заключенію, что человѣкъ не составляетъ принадлежности природы, что ей принадлежитъ только его тлѣнное тѣло, самъ же человѣкъ, его высшее и настоящее существо выходитъ изъ границъ естественной природы и приобщается къ нѣкоторому высшему порядку вещей...

„Мы испытываемъ только то, что принадлежитъ къ естественному ходу вещей; для людей, которые вмѣстѣ проводили жизнь, неизбежно долженъ настать моментъ, когда имъ предстоитъ разлука, и Гумбольдтъ стремится только привести себя въ равновѣсіе съ условіями того періода жизни, въ который онъ поставленъ судьбою (т. е. успокоиться и мирно подчиниться своей судьбѣ), считая это высшею и первою обязанностію человѣка. У людей съ сильнымъ и благороднымъ характеромъ печаль остается вѣчною; только слабохарактерные люди могутъ утверждать, что печаль ступшевается временемъ... Одинъ родъ исчезаетъ и замѣняется другимъ, такимъ образомъ какъ бы уничтожается индивидуальность существованія—это должно бы погружать людей въ беспомощную глухую скорбь, если бы ихъ не возносило утѣшительное убѣжденіе, что Богъ все направляетъ къ благу каждой отдѣльной личности, принимая въ соображеніе и посмертное существованіе. Создатель могъ поставить человѣка въ міръ только для его личнаго блага. Онъ не могъ предоставить человѣка ни условіямъ постоянной смѣны жизненныхъ организмовъ, подчиненныхъ общимъ естественнымъ законамъ, ни принести отдѣльныя личности въ жертву идеальной цѣли того цѣлаго, которое существовало задолго до каждой отдѣльной личности, и которое будетъ продолжаться послѣ нея; того цѣлаго, которое отдѣльный человѣкъ никогда не въ состояніи ни созерцать, ни охватить полностью. Каждая личность, поставляемая въ міръ, должна бы предназначаться на счастье, въ смыслѣ внутренняго благополучія, основаннаго на исполненіи обязанностей и на любви. Въ этомъ смыслѣ Божество управляетъ человѣкомъ, любитъ его и удостоиваетъ его охраны. Въ каждой отдѣльной личности покоится цѣль и значеніе ея жизни, и съ этою цѣлію приводится въ соотношеніе и движеніе естественныхъ явленій. Отеческое попеченіе о благѣ каждой отдѣльной личности нигдѣ не выражается

такъ прекрасно и такъ истинно утѣшительно, какъ въ христіанствѣ и Новомъ Завѣтѣ. Въ немъ обрѣтаются простѣйшія и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя трогательныя и глубоко захватывающія сердце выраженія въ этомъ смыслѣ...

„Когда совѣтуютъ думать о кончинѣ, то это въ сущности направлено только противъ легкомысленнаго отношенія къ жизни, какъ бы не имѣющей конца. Но за тѣмъ Гумбольдтъ не полагаетъ, чтобы постоянная мысль о смерти и о томъ, что насъ ожидаетъ послѣ смерти, была полезна для души. Убѣжденіе, основанное на довѣрїи къ всеобъемлющей любви и справедливости Бога, убѣжденіе, что смерть не можетъ заключать въ себѣ завершеніе состоянія несовершеннаго и не могущаго имѣть въ самомъ себѣ цѣли, а является только переходомъ къ лучшему и высшему состоянію, — это убѣжденіе должно быть такъ присуще человѣку, чтобы ничто не могло его ни на мгновеніе колебать, это убѣжденіе должно служить основаніемъ внутренняго покоя и возвышеннаго стремленія къ неистощаемому источнику утѣшенія въ печали. Вѣруя въ продолженіе жизни за гробомъ и считая встрѣчу въ будущей жизни съ существами, съ которыми мы въ этой жизни были связаны сердечною привязанностію, возможно, Гумбольдтъ не считаетъ однако возможнымъ сосредоточить всѣ свои мысли на этой надеждѣ, ибо человѣческихъ представленій о свойствѣ будущей жизни онъ не желалъ бы себѣ создавать, другія же представленія о ней намъ недоступны. Постоянныя мысли о томъ, въ чемъ могло бы заключаться существованіе послѣ смерти—только отвлекаютъ отъ жизни, сосредоточивая вниманіе на чемъ-то кажущемся, потому что намъ не дано созерцать будущее. Покрывая непроницаемымъ покровомъ то, въ чемъ будетъ заключаться будущее существованіе и оставляя каждаго человѣка въ неизвѣстности относительно момента заключенія его жизни, Богъ указалъ намъ, что Онъ не благоволитъ къ занятіямъ тщетными мыслями и работою воображенія — надъ загробнымъ существованіемъ. Это служить несомнѣннымъ доказательствомъ тому, что живущій долженъ принадлежать жизни.

Гумбольдтъ поясняетъ, „что убѣжденіе, что онъ дошелъ до послѣдняго періода жизни, побуждаетъ его только къ тому, чтобы округлить жизнь, сдѣлать изъ нея нѣчто внутренне цѣльное. Доставленіе возможности въ такомъ смыслѣ подготовиться къ смерти, вмѣсто внезапнаго отозванія изъ жизни,—есть благодѣяніе Провидѣнія, благодѣяніе, которымъ слѣдуетъ воспользоваться. Онъ понимаетъ это не въ томъ смыслѣ, чтобы слѣдовало что-либо сдѣлать или что-либо завершить, а въ смыслѣ внутренней работы надъ собою, въ смыслѣ приведенія своихъ ощущеній въ полную

гармонію, въ смыслѣ содѣланія себя болѣе независимымъ отъ внѣшнихъ вліяній, однимъ словомъ, въ смыслѣ старанія сдѣлаться такимъ, какимъ человѣкъ желалъ бы быть въ моментъ спокойнаго и яснаго душевнаго настроенія.

„Въ этомъ смыслѣ каждому, сколько бы онъ надъ собою ни работалъ, недостаетъ многого; надъ этимъ приходится трудиться можетъ быть долѣе, чѣмъ даже позволяетъ это продолжительность жизни. Ни на что не слѣдуетъ такъ мало разсчитывать, какъ на свое самообладаніе и свою душевную силу. Но это стремленіе даетъ цѣну жизни даже и тогда, когда человѣка постигло какое-либо несчастіе. Жизнь есть вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшнее занятіе, дѣйствительная работа во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ положеніяхъ. Эта работа, эти внѣшнія занятія сами по себѣ не имѣютъ особеннаго значенія, но они составляютъ какъ бы нить, къ которой прикрѣпляется все высшее и лучшее въ жизни, это балластъ, безъ котораго корабль на волнахъ жизни не можетъ имѣть твердой осадки...

„Только пройдя чрезъ горнило истинной печали, человѣкъ можетъ сказать, что онъ дѣйствительно испыталъ жизнь. Онъ уже ничего не боится и ничего не опасается въ будущемъ. У кого вся жизнь сосредоточивается, такъ сказать, въ одной мысли, тотъ всѣмъ обладаетъ и ни въ чемъ не нуждается. Разумѣется, если мысль сосредоточивается, такимъ образомъ, на небесномъ и божественномъ, она дѣйствуетъ особенно радостно и успокоительно, но и въ сферѣ здѣшней жизни вѣрная преданность одному чувству—направляется къ тому, что въ земномъ есть неземное, потому что земное само по себѣ не въ состояніи сосредоточить на себѣ души человѣка. И вотъ почему память объ умершихъ является мирнымъ и даже сладкимъ чувствомъ, освобождая человѣка отъ всякаго пожеланія, отъ всякаго беспокойства, какъ бы направляя мысли къ безпредѣльному и содѣйствуя тѣмъ росту душевныхъ силъ.

Такое настроеніе не удаляетъ однако человѣка отъ жизни, но только отнимаетъ жало отъ всѣхъ болѣзненныхъ и непріятныхъ ощущеній, которыми сопровождается каждая жизнь. Воспоминаніе о дѣятельности умершихъ и о томъ, что ихъ интересовало, можетъ даже связывать человѣка съ жизнью, побуждая его трудиться въ томъ же направленіи. Такимъ образомъ время и вѣчность соединяются въ душѣ человѣка, вызывая въ немъ мирное настроеніе, которое ничѣмъ не можетъ быть нарушено...“

Все вышеизложенное я привожу, чтобы показать то колебаніе въ настроеніи и мысляхъ, то душевное исцаніе, которое я пережилъ

въ это время. Въ этихъ мысленныхъ занятіяхъ я искалъ не столько отвѣта на возникавшіе во мнѣ запросы и сомнѣнія, сколько нравственной поддержки и поощренія держаться того образа мыслей, въ которомъ я стремился укрѣпить себя. При этомъ у меня все болѣе и болѣе высказывалась потребность надежды на нѣкоторое руководство божественнаго Провидѣнія. Какъ ни трудно казалось мнѣ вѣрить въ непосредственное и личное вмѣшательство божественнаго воздѣйствія на жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, но иногда мнѣ казалось, что я замѣчаю какую-то руку, которая меня ведетъ и показываетъ мнѣ путь. Въ случайномъ совпаденіи какъ бы нѣкотораго рода указаній, дававшихся мнѣ извнѣ, на возникавшіе во мнѣ въ данную минуту сомнѣнія и запросовъ, совпаденіи, о которомъ я говорилъ выше,—я стремился усмотрѣть именно такое воздѣйствіе руки Провидѣнія и потому я старался ухватиться за нее и опереться на нее.

Особенно глубокое впечатлѣніе въ этомъ смыслѣ произвелъ на меня слѣдующій случай, поразившій меня непосредственнымъ исполненіемъ моего вѣрующаго ожиданія.

Размышляя о жизни, я думалъ не только о будущемъ, но и перебиралъ прошедшее, подвергая оцѣнкѣ различные факты и дѣйствія истекшей жизни. Изъ числа прошедшихъ событій былъ одинъ фактъ, который тяжело лежалъ на моей совѣсти, и который по временамъ возникалъ въ моей памяти. Въ тогдашнемъ моемъ настроеніи, онъ вновь представился мнѣ особенно ярко. Лѣтъ пять передъ тѣмъ, возвращаясь со службы на дачу, мой экипажъ задѣлъ, сшибъ съ ногъ проходящаго по улицѣ рабочаго и повидимому переѣхалъ черезъ него. Кучеръ, разумѣется, погналъ лошадей, а я былъ такъ пораженъ этимъ несчастіемъ, что въ первую минуту не рѣшился ничего сдѣлать, чтобы остановить его; мнѣ просто страшно казалось увидѣть раздавленнаго, по винѣ моего кучера, человѣка, тѣмъ болѣе, что въ это время по Каменноостровскому проспекту была усиленная ѣзда. Когда все же у меня явилась мысль, что слѣдовало бы остановиться и поднять пострадавшаго, то мы уже такъ далеко отѣхали, что я не рѣшился этого сдѣлать. Я пріѣхалъ домой въ ужасномъ нервномъ настроеніи, я былъ просто въ лихорадкѣ, такъ что пришлось даже лечь въ постель. Мысль о случившемся мучила меня и всѣ слѣдующіе дни,—наконецъ я принялся отыскивать въ газетахъ, въ рубрикѣ происшествія дня, свѣдѣніе о случившемся со мною происшествіи. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, я нашелъ въ полицейской газетѣ сообщеніе о томъ, что на Каменноостровскомъ проспектѣ поднять въ нетрезвомъ видѣ крестьянинъ съ переломленной ногой, попавшій подъ неизвѣстный эки-

нажь. Это меня нѣсколько успокоило въ томъ смыслѣ, что пострадавшій не задавленъ и отдѣлался относительно легкимъ поврежденіемъ—переломомъ ноги, а затѣмъ это давало мнѣ возможность оказать ему нѣкоторое пособіе. Я отправился къ Трепову, сообщилъ ему о происшедшемъ и просилъ его приказать передать пострадавшему 50 руб. Сознаюсь, что я не рѣшился лично пойти къ нему въ больницу, опасаясь, что онъ привлечетъ меня къ суду. На этомъ я временно успокоился. Нѣсколько времени спустя, зимою, я встрѣтился съ Треповымъ въ театрѣ, и Треповъ, припомнивъ мое дѣло, рассказалъ мнѣ, что попавшій подъ мой экипажъ крестьянинъ настойчиво добивался узнать мою фамилію, вѣроятно, чтобы начать противъ меня искъ, но что его требованіе не было исполнено. Я не могъ такимъ образомъ не сознавать, что моимъ укрывательствомъ я лишилъ человѣка, пострадавшаго черезъ меня и имѣвшаго законное право искать съ меня удовлетвореніе, — возможности осуществить это право.

Повторяю, что эта мысль меня постоянно мучила, она возникла съ особенною интенсивностью въ указанное время. Я помышлялъ о томъ, какъ бы исправить послѣдствія моего поступка, но не зная, что для этого предпринять, у меня мелькала неопредѣленная надежда, что можетъ быть само Провидѣніе покажетъ мнѣ къ тому путь,—и что же, нѣсколько времени спустя, совершенно для меня неожиданно, этотъ путь дѣйствительно открылся предо мною.

Вотъ что случилось. Около этого времени подъ предсѣдательствомъ Валуева была образована коммиссія по рабочему вопросу, и я былъ назначенъ членомъ. Въ этой коммисіи я встрѣтилъ Христіановича и сошелся съ этимъ милымъ и благороднымъ человекомъ весьма близко. Разъ Христіановичъ сидѣлъ у меня вечеромъ, по случаю совмѣстной работы надъ однимъ изъ коммисіонныхъ вопросовъ—и вотъ мнѣ пришла мысль рассказать Христіановичу, который былъ въ то время правителемъ канцеляріи и фактотумомъ у Трепова, о случившемся со мною около пяти лѣтъ тому назадъ происшествіи и просить его—не можетъ ли онъ черезъ полицію добыть мнѣ свѣдѣніе о дальнѣйшей судьбѣ означеннаго крестьянина. Христіановичъ обѣщалъ мнѣ навести справки и дѣйствительно нѣсколько мѣсяцевъ спустя прислалъ мнѣ записку, заключающую свѣдѣніе о томъ, что означенное лицо крестьянинъ деревни Щербинино, Новгородской губерніи Петръ Аванасьевъ; живетъ онъ въ деревнѣ и неспособенъ къ работѣ по случаю перелома ноги. Какъ ни страшно было думать, что послѣ столькихъ лѣтъ это дѣло опять можетъ возникнуть передъ судомъ, и что мнѣ въ этомъ случаѣ придется отвѣчать не только за оплошность

кучера, но и за собственную вину,—что я покинул пострадавшего по дорогѣ и не оказалъ ему помощи, но, рѣшившись не останавливаться ни передъ какими послѣдствіями, я написалъ Аванасьеву, что по случаю случившагося съ нимъ происшествія, когда, бывши въ нетрезвомъ видѣ, онъ попался подъ мой экипажъ, я навелъ о немъ справки и узналъ, что онъ къ работѣ не способенъ, посылаю ему на первый разъ пособие въ 80 р. и общаю столько же высылать ему ежегодно, вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщилъ ему свой адресъ. Легко представить себѣ, съ какимъ безпокойствомъ я ожидалъ отвѣта. Отвѣтъ наконецъ пришелъ, и Аванасьевъ не только не думалъ привлечь меня къ суду, но благодарилъ меня въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ я высылалъ ему ежегодно обѣщанное пособие и каждый разъ получалъ отъ него отвѣтныя письма, въ которыхъ онъ благодарилъ меня и писалъ мнѣ, что молить за меня Бога. Въ 1902 году онъ скончался, и я продолжаю высылать нѣкоторое пособие его вдовѣ.

Такое сочетаніе обстоятельствъ не могло меня не поразить. Именно въ такое время, когда меня особенно удручало вышеуказанное воспоминаніе, и когда во мнѣ шевелилась надежда на помощь Провидѣнія, состоялась комиссія Валуева, я былъ въ нее назначенъ, я тамъ сошелся съ Христіановичемъ, и, наконецъ, благодаря ему, лѣтъ пять послѣ происшествія, удалось разыскать пострадавшаго,— что дало мнѣ возможность изгладить мою вину и стать съ нимъ въ наилучшія отношенія.

Такое удивительное совпаденіе фактовъ укрѣпило во мнѣ надежду на Бога, но все же я былъ еще далекъ отъ истинно вѣрующаго христіанскаго настроенія. Не находя желаемаго утѣшенія въ философіи, я сталъ искать его въ религіи, но и тутъ долго не находилъ того, что я искалъ. Наша православная церковная жизнь отталкивала меня своимъ формализмомъ. Не понимая глубины значенія христіанскаго православія, я не находилъ ни утѣшенія, ни духовной опоры въ нашей церковной службѣ; я сталъ чаще посѣщать протестантскія церкви, гдѣ проповѣдь иногда затрагивала мою душу. У меня родилось даже сомнѣніе — не слѣдуетъ ли мнѣ, такъ какъ вѣра требуетъ искренности, перейти въ лютеранство, если протестантская церковность болѣе отвѣчаетъ моей душевной потребности, чѣмъ православіе,—какія бы непріятныя послѣдствія отъ этого для меня ни произошли. Но и лютеранская проповѣдь, хотя она иногда и затрагивала мою душу, не могла вывести меня окончательно на путь вѣры и устранить моихъ скептическихъ сомнѣній.

Изъ этого непріятнаго колеблющагося настроенія въ поискахъ за

твердымъ духовнымъ основаніемъ меня вывели два обстоятельства. Во-первыхъ, ознакомленіе съ религиозными сочиненіями А. С. Хомякова, которыя мнѣ попались въ руки и которыя я сталъ читать съ жадностію и глубокимъ увлеченіемъ и, во-вторыхъ, знакомство съ лордомъ Рэдстокомъ.

Не помню, по какому случаю или по чьей рекомендаціи, я взялся за чтеніе религиозныхъ статей Хомякова (2-ая часть его сочиненій), но принявшись за это чтеніе, я уже не могъ оторваться отъ него; оно какъ бы озарило меня новымъ свѣтомъ, раскрывъ передо мною всю истину, всю глубину, всю прелесть вселенскаго православія. До сихъ поръ я прикасался къ православію только съ фформальной его стороны, я видѣлъ только русское національное православіе, не понимая ни значенія, ни внутренней глубины вселенскаго православія, т. е. того идеала, къ которому слѣдуетъ стремиться и который заключаетъ въ себѣ всю суть христіанской мысли. Въ гимназій я изучалъ краткій катехизисъ, въ университетѣ проходилъ пространнѣйшій катехизисъ, но это сухое схоластическое ученіе одиѣхъ формулъ и цитатъ священнаго писанія — никакого религиознаго чувства въ душѣ возбудить не могло. Даже изреченія священнаго писанія, дѣйствующія такъ возвышенно, если ихъ читать въ евангеліи въ связи съ остальнымъ текстомъ, вырванныя изъ контекста, ничего не говорятъ ни уму, ни сердцу, а ученіе ихъ на память по-славянски представляло только скучную обузу. Если бы въ учебныхъ заведеніяхъ пользовались катехизисомъ только какъ программой для изясненія христіанской религіи, то это было бы совершенно разумно, но вмѣстѣ съ тѣмъ даже преимущественно слѣдовало бы знакомить молодыхъ людей съ чтеніемъ евангелія, между тѣмъ какъ это никогда не дѣлалось, довольствовались долбленіемъ на память евангелическихъ текстовъ, занесенныхъ въ катехизисъ; самаго же евангелія я ни въ школѣ, ни въ университетѣ не бралъ въ руки, и потому былъ совершенно съ нимъ не знакомъ. Такой способъ преподаванія не привлекаетъ, а отталкиваетъ молодого человека отъ религиозныхъ мыслей, между тѣмъ какъ интересное объясненіе сущности христіанства не оставалось бы безъ полезнаго вліянія. Помню, что когда однажды въ гимназій священникъ (кажется Раевскій) сталъ объяснять намъ въ свободномъ словѣ значеніе литургіи—это произвело на меня глубокое впечатлѣніе.

И вотъ, вдругъ я нахожу у Хомякова такія сокровища мысли, такое оригинальное разъясненіе значенія и сущности православія, о которомъ я и понятія не имѣлъ. Благодаря Хомякову я пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ истина; о переходѣ въ лютеранство уже не могло быть и рѣчи. Какъ славянофилъ, Хомяковъ тоже от-

части налегаетъ на значеніе національности въ религіи (такъ напр. онъ говоритъ — я пощусь въ извѣстное время, зная, что со мною постится вся Россія въ это время,—значить, онъ постится не столько въслѣдствіе религіозной потребности, сколько потому, что въ этомъ въ данное время проявляется, такъ сказать, народный обычай), но это нисколько не замѣняетъ въ немъ пониманія вселенскаго православія; напротивъ того, онъ постоянно указываетъ на то, что безошибочна только вселенская церковь,—каждая національная церковь можетъ впадать въ разныя уклоненія и ошибки,—лозунгомъ православія могутъ служить только вселенскіе соборы.

Изложеніе Хомякова раскрыло для моего ума значеніе православія; теплоту же христіанскаго чувства для сердца я почерпнулъ затѣмъ изъ сношеній съ лордомъ Рэдстокомъ.

Меня познакомилъ съ нимъ графъ М. М. Корфъ, сынъ нашего извѣстнаго государственнаго дѣятеля Модеста Андреевича Корфа. Рэдстокъ прибылъ въ Петербургъ, какъ англійскій проповѣдникъ, и началъ проповѣдывать въ реформатской церкви. Первые его публичные проповѣди не произвели на меня большого вліянія. Но затѣмъ я лично съ нимъ познакомился и сталъ посѣщать его частныя собранія, которыя происходили въ домѣ В. И. Пашкова, и на которыя стекались не только протестанты, но и православные въ большомъ числѣ. Рэдстокъ считалъ своей задачей возбужденіе христіанскаго чувства вообще. Какія бы ни были различія въ роисповѣданіи, но во всемъ христіанамъ должно быть присуще чувство преданности Христу, которое и должно руководить ихъ жизнью. Поэтому Рэдстокъ считалъ необходимымъ прежде всего, чтобы каждый христіанинъ сознательно предалъ себя Христу. Въ крещеніи мы посвящаемся Христу, въ послѣдствіи за каждой литургіей мы повторяемъ слова „сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“. Но при крещеніи за насъ дается обѣтъ родителями и воспріемниками, а на церковной службѣ мы повторяемъ вышеприведенныя слова, обыкновенно не отдавая себѣ полнаго отчета въ ихъ глубокомъ значеніи; произнесеніе этихъ словъ не становится у насъ выраженіемъ акта индивидуальной воли. Въ первыя времена, когда язычники или евреи принимали христіанство, они сознательно предавали, посвящали себя Христу, для нихъ начиналась новая жизнь, въ нихъ происходилъ душевный переломъ, они становились новымъ человѣкомъ. Вотъ это сознаніе и рѣшимость сознательно предать себя Христу, стать дѣйствительно новымъ человѣкомъ, Рэдстокъ считалъ необходимымъ оживить въ современныхъ христіанахъ, къ какому бы въ роисповѣданію они ни принадлежали.

Настаиваніе на сознательномъ преданіи себя Христу, на совер-

*

шеніи этого акта воли, первоначально было возбуждено и получило особенное развитіе въ такъ называемыхъ ревивалистическихъ сектахъ въ Англіи (отъ слова revival—возрожденіе)—правда, оно получило тамъ нѣсколько схематическое, даже механическое примѣненіе, вслѣдствіе чего эти секты получили даже названіе методистовъ (вслѣдствіе проповѣдуемаго ими метода спасенія). Но это, можно сказать, искаженіе основной идеи нисколько не устраняетъ справедливости требованія преданія себя Христу, примѣнимаго ко всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и которое признается и въ православіи, какъ на это указываютъ вышеприведенныя слова нашей литургіи. Въ этомъ отношеніи ревивалисты правы, требуя, чтобы это было не только выраженіемъ обычной молитвы, но было соединено съ сознательнымъ актомъ воли. Актъ преданія себя Христу есть какъ-бы совершеніе присяги на вѣрность. Подобно тому какъ солдатъ, вступая въ ряды арміи, отдаетъ присягу на вѣрность Государю, и затѣмъ этою присягою побуждается къ исполненію своихъ обязанностей передъ врагомъ, чтобы не нарушить присяги, точно также и христіанинъ первымъ побужденіемъ своей нравственной дѣятельности долженъ считать любовь къ Христу и память того, что онъ сознательно предалъ себя Спасителю.

Убѣдившись въ справедливости такого воззрѣнія, и я рѣшился сознательно предать себя Христу, и день этого рѣшенія (11 января 1876 г.) записалъ у себя на память. Это рѣшеніе не осталось безъ вліянія на мою послѣдующую жизнь, я считалъ себя съ тѣхъ поръ дѣйствительно связаннымъ съ Христомъ; нерѣдко, въ память обѣта, даннаго Христу, я находилъ большую силу противленія разнымъ искушеніямъ, возникающимъ въ жизни, чѣмъ въ общихъ нравственныхъ соображеніяхъ и мотивахъ.

Рэдстокъ вообще старался осмыслить всѣ христіанскія понятія, сопоставляя ихъ съ отношеніемъ къ нимъ христіанъ въ первые вѣка христіанства. Я помню, какъ разъ на вечерней бесѣдѣ у Пашкова, Рэдстокъ восторженно поднялъ руки и воскликнулъ: „вѣдь мы всѣ святые“—*vous sommes tous des saints*. Меня это тогда поразило и показалось кощунствомъ; только впослѣдствіи я понялъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Рэдстокъ имѣлъ въ виду, что всѣ освященные во Христѣ должны бы быть святыми, въ томъ смыслѣ, въ какомъ и апостоль Павелъ называлъ всѣхъ христіанъ святыми. Въ посланіи къ коринѳянамъ онъ пишетъ (1, 2): „церкви Божіей, находящейся въ Коринѣ, освященнымъ во Христѣ, призваннымъ святымъ“. Такимъ образомъ Рэдстокъ говорилъ это не въ видѣ самовосхваленія, а въ томъ смыслѣ, что такъ какъ христіане въ сущности должны быть святыми, то возлагаетъ на нихъ глубокую отвѣтственность,

требуя сообразованія нашей жизни съ такимъ идеальнымъ предназначеніемъ. Говорится „noblesse oblige“, тѣмъ паче слѣдуетъ утверждать, что христіанская святость—oblige.

Рэдстокъ и Пашковъ старались побудить всѣхъ, приходившихъ на ихъ молитвенныя собранія, содѣйствовать по мѣрѣ силъ распространенію этого коренного христіанскаго понятія въ средѣ общества и народа. Ища соприкосновенія съ послѣднимъ, Пашкову пришло на мысль воспользоваться извозчиками, какъ проводниками въ народъ глубокаго христіанскаго убѣжденія, такъ какъ съ ними болѣе всего приходимъ въ соприкосновеніе. Бѣдучи на извозчикахъ, Пашковъ заговаривалъ съ ними о божественныхъ вопросахъ, говорилъ имъ о Христѣ, о преданности Ему, и если онъ встрѣчалъ у извозчика интересъ къ возбуждаемымъ религіознымъ вопросамъ, то предлагалъ ему приходивъ къ нему читать евангеліе. Такимъ образомъ оказалось не мало извозчицкихъ семей, заявившихъ желаніе слушать слово Божіе. Къ нѣкоторымъ Пашковъ самъ ѣздилъ, другихъ онъ распредѣлялъ между посѣтителеми его молитвенныхъ собраній. Такимъ образомъ и мы предложили посѣщать одно извозчицье семейство для чтенія ему евангелія, и я на это согласился. Въ началѣ мы казалась какъ-то страннымъ явиться къ совершенно чужимъ людямъ въ качествѣ какъ-бы христіанскаго проповѣдника и потребовалось нѣкоторое насиліе надъ собою, чтобы рѣшиться на такой шагъ. Но мое смущеніе было совершенно излишне, все произошло очень просто и естественно. Я нашелъ нѣсколько людей, собравшихся въ квартирѣ извозчика - хозяина, и когда я имъ заявилъ, что я пришелъ отъ Пашкова, чтобы почитать имъ слово Божіе, то они приняли меня радушно и совершенно безъ всякаго стѣсненія. Мои посѣщенія этого семейства продолжались около двухъ лѣтъ. Мы начинали и кончали бесѣду свободной молитвой, я имъ читалъ евангеліе и объяснялъ прочитанное; при этомъ я старался оставаться на православной почвѣ, чтобы не отклонять моихъ слушателей отъ церкви, а возгрѣвать въ нихъ только истинное христіанское чувство. Въ теченіе этого времени я очень сблизился съ членами этого семейства. Въ началѣ войны 1876 г., въ одно воскресенье, хозяинъ-извозчикъ сообщилъ мнѣ, что его сынъ призывается на войну,—вслѣдствіе того мы вмѣстѣ со всѣмъ его семействомъ помолились, чтобы Богъ сохранилъ его въ опасности. Какая же была мнѣ радостная встрѣча, года полтора спустя, когда я разъ зашелъ къ нимъ, и они мнѣ сообщили, что ихъ сынъ только что благополучно возвратился съ войны. Много лѣтъ спустя, когда, проходя по улицѣ, я встрѣчался съ моими извозчиками, они мнѣ кланялись съ особеннымъ радостіемъ, какъ близкому родственнику. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ на-

шого кружка и не всегда заботились о томъ, чтобы, возбуждая въ народѣ христіанское чувство, не отклонять его отъ церкви и потому впоследствии и образовался Пашковскій толкъ, въ видѣ особой секты.

Мое извозничье семейство жило по дорогѣ въ Волково. Вотъ почему обыкновенно, каждое воскресѣнье утромъ, послѣ обѣдни я отправлялся на Волковское кладбище поклониться могилѣ жены, и затѣмъ по пути заѣзжалъ къ моимъ слушателямъ-извозчикамъ, для чтенія имъ евангелія.

Кромѣ того Пашковъ и нѣкоторые другія лица нашего кружка ходили читать евангеліе въ тюрьмахъ и мѣстахъ предварительнаго заключенія. На первое время, правительство не только не препятствовало, но даже поощряло эти молитвенныя посѣщенія тюремъ и мѣстъ заключенія. Треповъ выдавалъ желающимъ для этой цѣли особые билеты, дававшіе имъ право входа въ мѣста заключенія. Желая послушать, какъ Пашковъ читаетъ арестантамъ евангеліе и посмотрѣть, какое это производитъ впечатлѣніе, я разъ вмѣстѣ съ Пашковымъ поѣхалъ въ тюрьму предварительнаго заключенія въ Офицерской,—и былъ глубоко пораженъ тѣмъ, что видѣлъ. Во-первыхъ, только что мы вошли въ контору, я былъ удивленъ тѣмъ почтительнымъ и любовнымъ довѣріемъ, съ которымъ всѣ арестанты встрѣчали Пашкова. Поздоровавшись и поговоривъ съ ними, онъ приступилъ къ чтенію евангелія. До сихъ поръ помню, что онъ читалъ имъ повѣствованіе о Закхѣѣ и, по прочтеніи повѣствованія, сталъ разъяснять слушателямъ, какъ Христосъ милостиво принялъ грѣшника, который только издали желалъ посмотрѣть на Него и какое преобразование произошло въ душѣ самого грѣшника послѣ милостивыхъ словъ Спасителя. Нужно было видѣть, съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ всѣ его слушали и какое глубокое впечатлѣніе производили его слова на этихъ несчастныхъ. Передъ уходомъ Пашковъ выслушивалъ просьбы и ходатайства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, обѣщая имъ сдѣлать возможное.

Чувство христіанской любви къ ближнимъ проявлялось и въ разныхъ другихъ формахъ, среди участниковъ пашковскихъ собраний. Дамы изъ высшаго аристократическаго круга посвящали себя хожденію за больными, особенно по случаю возникшей около этого времени войны съ Турціей; онѣ работали въ военныхъ госпиталяхъ вмѣстѣ съ сестрами Краснаго Креста, проявляя замѣчательные подвиги самопожертвованія.

Такимъ образомъ Рэдстокъ-Пашковское движеніе, пока оно оставалось на почвѣ обще-христіанскаго настроенія, приносило несомнѣн-

ную пользу, и нельзя не сожалѣть, что оно мало-по-малу стало сходить съ этой почвы.

Проповѣдую у Пашкова, Рэдстока, не касаясь даже прямо догматической формулировки, не могъ не высказывать воззрѣній, господствовавшихъ у методистовъ; такимъ образомъ его рѣчи невольно получали реформатско-методистскій характеръ. Затѣмъ, по мѣрѣ того какъ число слушателей у Пашкова увеличивалось, нѣкоторые главные дѣятели его собраний стали входить въ сношенія съ разными нашими сектами — особенно тѣхъ толковъ, которые ближе подходили къ протестантизму, напр., съ молоканами и духоборцами. Я самъ присутствовалъ разъ у графа Корфа на такомъ частномъ совѣщаніи.

Наконецъ В. И. Пашковъ, который все болѣе и болѣе склонялся въ методистское направленіе Рэдстока, однажды сообщилъ мнѣ, что онъ рѣшился оставить православную церковь вслѣдствіе противодѣйствія, которое онъ встрѣчалъ со стороны нашего духовенства, въ своихъ стремленіяхъ служить христіанскому дѣлу. Послѣ этого сообщенія я считалъ долгомъ заявить Пашкову, что я крайне сожалѣю, что онъ рѣшился на такой шагъ, а что затѣмъ я уже не буду посѣщать его собраний, такъ какъ они, очевидно, при такихъ условіяхъ, должны были уклониться отъ первоначальнаго направленія и получить сектантскій характеръ, который я не желалъ санкціонировать своимъ присутствіемъ.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, наше духовенство стало все рѣшительнѣе высказываться противъ пашковскихъ собраний и кончилось тѣмъ, что они были запрещены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Пашкову и Корфу было предложено или вообще прекратить свои чтенія, или удалиться изъ Россіи; оба выбрали послѣднее и добровольно навсегда экспатріировались. По этому случаю Корфъ, какъ онъ мнѣ потомъ рассказывалъ, имѣлъ обстоятельное объясненіе съ Побѣдоносцевымъ, происходившее въ очень дружелюбномъ тонѣ. Побѣдоносцевъ объяснилъ ему, почему правительство не можетъ долѣе терпѣть ихъ религіозныхъ чтеній народу. Корфъ же съ своей стороны излагалъ ему, что по своему убѣжденію онъ не можетъ отказаться отъ нравственной обязанности содѣйствовать по мѣрѣ силъ укрѣпленію и распространенію истинно христіанскаго настроенія и что потому, не имѣя возможности исполнять это въ Россіи, онъ рѣшается покинуть свое отечество ¹⁾.

¹⁾ Графъ Корфъ мнѣ рассказывалъ однажды, что онъ сдѣлался вѣрующимъ человѣкомъ послѣ избѣжанія смертельной опасности и при видѣ погибели кондуктора, — вѣроятно это происходило на желѣзной дорогѣ.—

Весь этотъ разговоръ происходилъ на почвѣ уваженія взаимныхъ убѣжденій и дружескихъ отношеній, — при уходѣ, Корфъ и Константинъ Петровичъ облобызались даже христіанскимъ поцѣлуемъ.

Сношенія съ Пашковымъ, Рэдстокомъ и ихъ кружкомъ подѣйствовали на меня въ смыслѣ развитія во мнѣ вѣрующаго настроенія. Искренняя вѣра однихъ дѣйствуетъ какъ бы заразительно на другихъ. Обращаясь долгое время въ средѣ лицъ, искренно преданныхъ Христу, глубоко и тепло вѣрующихъ, какія бы ни были ихъ догматическія уклоненія, я убѣждался въ возможности вѣровать, если только рѣшительно этого желаешь, и въ возможности актомъ воли устранять отъ себя обычные сомнѣнія.

Говоря, что я дѣлался вѣрующимъ христіаниномъ, я не хочу сказать, чтобы у меня по временамъ не возникали сомнѣнія и скептическія недоумѣнія. Хомяковъ справедливо замѣчаетъ, что „вѣра отдѣльнаго человѣка—будь она послѣдствіемъ свободнаго убѣжденія человѣка,—никогда не можетъ исключать возможности сомнѣнія и даже заблужденія—ибо полная истина возможна только безгрѣшному“, а потому, прибавляю, и полная, никогда не колеблющаяся вѣра.

Одно меня вполне охватило, это преданность Христу, Его идеальной личности; вслѣдствіе сего у меня укоренилось желаніе собразовать жизнь и дѣятельность съ тѣмъ, что требуетъ Христосъ отъ своихъ послѣдователей. Я старался внѣдрить въ себя убѣжденіе, что всякое несогласное съ этимъ требованіемъ дѣйствіе является нарушеніемъ того обѣта, который я далъ Христу, рѣшившись сознательно Ему предаться. Мое вѣрующее настроеніе было преимущественно дѣломъ сердца и воли.

Но и умъ мой работалъ надъ этими жизненными для меня вопросами, не останавливаясь на детальныя сомнѣнія и стараясь обосновать въ себѣ главные начала христіанства.

Допуская, что воспроизведеніе сверхъ естественныхъ фактовъ и яв-

Означенное происшествіе произвело на него столь потрясающее впечатлѣніе, что, какъ уже сказано, онъ съ того момента сдѣлался вѣрующимъ человѣкомъ, и затѣмъ, подъ влияніемъ лорда Рэдстока, посвятилъ себя дѣлу распространенія христіанскаго чувства въ обществѣ. Замѣчательно, что этотъ молодой человѣкъ, графъ, церемоніймейстеръ, которому предстояла блестящая будущность, отъ всего этого отказался и предался вполне дѣлу распространенія христіанскаго чувства до того, что рѣшился даже навсегда покинуть свое отечество, въ которомъ его религіозная дѣятельность стала наталкиваться на непреодолимые преграды.

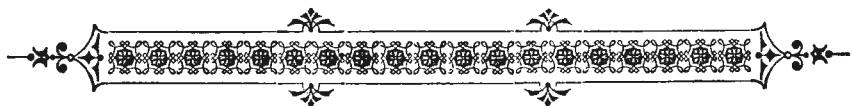
леній въ изложеніи Св. Писанія происходитъ въ антропоморфической формѣ, потому что человѣку невозможно даже мыслить о трансцендентальныхъ вопросахъ иначе, какъ облакая ихъ въ антропоморфическое представленіе, я стремился выяснитъ себѣ, что въ корнѣ всякаго сверхъ естественнаго факта, повѣствуемаго писаніемъ, должно лежать что-то недоступное нашему пониманію, которое потому и облакается въ человѣческое представленіе. Въ такомъ убѣжденіи меня укрѣпляло между прочимъ и то, что даже у нѣкоторыхъ крайнихъ рационалистовъ проявляются подобные намеки. Такъ, напр. Бауръ и Штраусъ, отвергавшіе въ своихъ теологическихъ трудахъ все сверхъ естественное и возражавшіе потому противъ факта воскресенія Христова, сознаются, что они принуждены допустить, что послѣ смерти Христовой произошло нѣчто таинственное и для насъ непостижимое, потому что иначе невозможно объяснить то коренное измѣненіе, которое совершилось послѣ смерти Христа съ апостолами и учениками Его; изъ устрашенныхъ, угнетенныхъ и безнадежныхъ личностей, какими они были въ моментъ смерти Христовой, они вдругъ преобразовались въ глубоко-вѣрующихъ, безстрашныхъ и премудрыхъ проповѣдниковъ Христова ученія. Въ поискахъ за соображеніями, которыя могли бы укрѣпить мою вѣру, я останавливался на убѣжденіи, къ которому я пришелъ, что внѣ христіанства человѣкъ нигдѣ не можетъ найти разумнаго и убѣдительнаго отвѣта на запросы его души о значеніи и цѣли жизни. Если Христосъ не сверхъ естественное существо, а только просто святой человѣкъ, то мы лишены всякой твердой надежды на будущее, тогда намъ ничего не дано и мы находимся въ положеніи дохристіанскихъ язычниковъ, у которыхъ тоже были мудрецы и высоконравственныя личности, но которые все-же не имѣли никакого твердаго оплота жизни. Если Христосъ не воскресъ, тогда все подъ сомнѣніемъ, тогда жизнь теряетъ всякую цѣну—жить только для настоящей жизни—безцѣльно. На меня въ этомъ отношеніи особенно убѣдительно дѣйствовали слова апостола Павла: „Если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша. И если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастіе всѣхъ человѣковъ. По разсужденію человѣческому, когда я боролся со звѣрями въ Ефесѣ, какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ. Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“ (1 К. 15, 14, 19, 32).

Оправданіе такого отношенія къ вѣрѣ я находилъ между прочимъ и въ сочувственныхъ мнѣ словахъ апостола Петра. Послѣ проповѣди Спасителя—что Онъ хлѣбъ живой, спешій съ небесъ—многіе изъ Его учениковъ отошли отъ Него; тогда Иисусъ обратился къ двѣнадцати съ вопросомъ: не хотите ли вы отойти,—но на это

апостоль Петръ отвѣтилъ ему: „Господи, къ кому намъ идти. Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни“ (1. 6, 68). И такъ онъ не отрицалъ, что и ему слова Господа непонятны, и что и онъ не могъ потому вѣрить въ нихъ, но онъ настолько убѣдился въ святости и божественной мудрости Спасителя, что и это сомнѣніе не могло отклонить его, подобно тому, какъ оно отклонило другихъ учениковъ. Я старался крѣпко держаться за христіанство, потому что вмѣстѣ съ ап. Петромъ я могъ повторить: „къ кому мнѣ идти“, если я не послѣдую за Тѣмъ, Который имѣеть глаголы вѣчной жизни.

Какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, мое вѣрующее состояніе могло опредѣляться, въ значительной мѣрѣ, словами отца больного отрока, о которомъ повѣствуетъ Св. Писаніе: „вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію“.

Переписка о Герценѣ.

Намѣстникъ Его Императорско-Царскаго Величества въ Царствѣ Польскомъ. Собственная канцелярія, отдѣленіе 2. Варшава, 6/18 апрѣля 1854 года № 644.

Г. Виленскому военному, Гродненскому, Минскому и Ковенскому генераль-губернатору.

Генеральный консулъ нашъ въ Сардиніи доставилъ экземпляръ генуэзской газеты „Italia et Popolo“ отъ 11-го числа сего апрѣля, въ которой напечатано мятежническое воззваніе русскаго бѣглеца Александра Герцена къ войскамъ, расположеннымъ въ Царствѣ Польскомъ.

По сообщеннымъ г. генераль-фельдмаршалу г. генераль-адъютантомъ графомъ Орловымъ въ іюлѣ прошлаго года свѣдѣніямъ въ Лондонѣ учреждена этимъ Герценомъ русская типографія съ злоумышленною цѣлью распространенія посредствомъ оной мятежническихъ воззваній среди русскихъ. Какъ затѣмъ безъ сомнѣнія онъ будетъ стараться распространить и это воззваніе на русскомъ языкѣ не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ западныхъ губерніяхъ имперіи, то, не ограничиваясь распоряженіемъ о принятіи строжайшихъ мѣръ для воспрепятствованія этому въ здѣшнемъ графѣ, снѣшу сообщить о вышеизложенномъ вашему высокопревосходительству съ препровожденіемъ въ русскомъ переводѣ вышеупомянутаго воззванія. Исправляющій должность Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ генераль-адъютантъ графъ Ридигеръ.

Примѣчаніе. Къ этому отношенію приложена прокламація, озаглавленная: „Русскимъ солдатамъ въ Польшѣ“, Нач.: „Братья, наконецъ царь дошелъ до того, что вызвалъ войну противъ Россіи“... Кон.: „...кровію вашею будетъ запечатлѣнъ неразрывный союзъ Польши съ Россією и начало общаго сво-

боднаго соединенія всѣхъ славянъ въ одну многосложную республику. Лондонъ 25 марта 1854 года. Александръ Герцень“. Внизу отмѣтка: изъ журнала „Свободный Русскій Союзъ“.

2. Отъ того же лица тому же. 10/22 апрѣля 1854 года № 675.

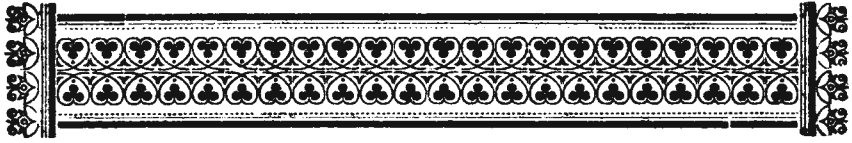
Г. шефъ жандармовъ увѣдомилъ меня о полученномъ изъ-за границы свѣдѣннн, что изгнанникъ Герцень составилъ два литографированные листка, которые должны русскимъ и польскимъ выходцамъ служить видомъ или условнымъ знакомъ для узнаннн приверженцевъ ихъ въ Росснн и Польшѣ. На одномъ изъ этихъ листковъ изображено солнце, въ центрѣ котораго изображена самыми мельчайшими буквами, едва разбираемыми простымъ глазомъ, молитва „Отче нашъ“.

Сдѣлавъ распоряженнн о строгомъ наблюденнн за появленнемъ въ Царствѣ Польскомъ помянутыхъ листковъ, спѣшу сообщить о томъ вашему высокопревосходительству для подобнаго же по вѣренному вамъ краю распоряженнн.

Примѣчаннн. Впослѣдствнн (черезъ нѣсколько дней) графъ Ридигеръ прислалъ генераль-губернатору снимки съ приписываемыхъ Герцену условныхъ знаковъ: на второмъ изъ нихъ изображены гербъ Польскаго королевства и воеводствъ: Жмудскаго, Мазовецкаго, Сѣрадзкаго, Поморскаго, Подольскаго, Троцкаго, Русскаго, Волынскаго, Минскаго, Равскаго, Брестскаго, Кневскаго, Ленчицкаго, Сандомирскаго, Калишскаго, Познанскаго, Галицкой земли, Витебскаго, Полоцкаго, Куявскаго, Белжскаго, Черниговскаго, Подляскаго, Хелминскаго, Плоцкаго, Новогрудскаго и Люблинскаго. Перечисленнн воеводствъ приведено въ порядкѣ размѣщеннн гербовъ, начиная съ лѣвой стороны по вертикальнымъ столбцамъ. Польская надпись въ русскомъ переводѣ гласитъ:— сестры изгнанниковъ ихъ покровителю.

Сообщ. Ю. В. Татищевъ.

„Къ воспоминаніямъ А. Ѳ. Кони объ освидѣтельствovanіи сумасшедшихъ“¹⁾).

Статья А. Ѳ. Кони заставила меня вспомнить эпизоды изъ прошлой службы, касающіеся освидѣтствованія разныхъ лицъ въ состояніи умственныхъ способностей.

По нѣкогда занимаемой должности вице-губернатора мнѣ многократно приходилось участвовать въ подобныхъ освидѣтствованіяхъ. Особенно памятны мнѣ два случая, въ которыхъ первоначальныя впечатлѣнія составлявшихъ присутствіе лицъ были диаметрально противоположны конечному убѣжденію ихъ.

Въ началѣ послѣдней турецкой войны губернскому правленію, въ которомъ я служилъ, пришлось свидѣтельствовать доктора медицины, бывшаго передъ тѣмъ врачомъ военной гимназіи въ одномъ изъ нашихъ значительнѣйшихъ городовъ и года за два—полтора передъ тѣмъ признаннаго умалишеннымъ по постановленію столичнаго губернскаго правленія. Послѣ того докторъ проживалъ съ своими малолѣтними дѣтьми въ небольшой усадьбѣ въ одномъ изъ уѣздовъ той губерніи, въ которой я служилъ.

При открытіи военныхъ дѣйствій съ Турціей докторъ выразилъ желаніе поступить врачомъ въ дѣйствующую армію. Признаніе его умопомѣшаннымъ ставило тому совершеннѣйшую преграду, сознавая которую докторъ предсталъ передъ присутствіемъ въ сильно нервно-возбужденномъ состояніи и говорилъ очень несвязно и даже какъ будто бы не совсѣмъ рационально. Слѣдуетъ замѣтить, что присутствующіе при этомъ, кромѣ губернскаго врачебнаго инспектора, еще два врача не имѣли степени доктора медицины и въ научныхъ познаніяхъ стояли далеко ниже свидѣтельствуемаго. Около

¹⁾ Февраль 1907 г.

часа времени бѣдный докторъ давалъ весьма сбивчивые и частью даже недѣльные отвѣты, а письменные отвѣты его показались настолько неудовлетворительными, что все присутствіе купно съ учеными экспертами склонялось, особенно въ виду прежняго о немъ постановленія, къ признанію его неизлѣчившимся отъ умопомѣшательства. Зная же его прошлое, предсѣдательствовавшій за отсутствіемъ губернатора, просилъ у остальныхъ членовъ присутствія времени къ успокоенію его расхолодившихся нервовъ и началъ съ нимъ продолжительную бесѣду не за присутственнымъ съ зеркаломъ столомъ.

Успокоенный и ободренный, докторъ блестяще выдержалъ устное и письменное испытаніе, и присутствіе единогласно признало его вполне умственно здоровымъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ отъ доктора изъ-за Дуная, гдѣ онъ съ успѣхомъ исполнялъ свои полезныя обязанности, письмо, въ которомъ онъ горячо меня благодарилъ за участіе въ возстановленіи его полноправія.

Дѣло объясняется просто, этотъ докторъ никогда ни на минуту умалишеннымъ не былъ. Состоя врачомъ военной гимназіи, онъ, въ припадкѣ вполне справедливой ревности и въ негодованіи за обиды его супружеской чести, въ канцеляріи гимназіи, т. е. при отправленіи служебныхъ обязанностей, бросился съ ножомъ или кинжаломъ на генераль-маіора, директора гимназіи. Присутствующіе его въ-время остановили, но ему, военному врачу, грозило тяжкое наказаніе, и многіе врачи, съ согласія генерала-директора и доктора самого, отца семейства, на попеченіи котораго находились малолѣтнія дѣти, официально признали его ненормальность. Несчастнаго отставили отъ службы, дѣлу не дали дальнѣйшаго хода, и онъ скрылся съ дѣтьми на родину, обреченный за порывъ справедливаго гнѣва за разстроенную семейную жизнь, на пожизненное безправіе. По собраннъмъ мной свѣдѣніямъ, онъ все же не переставалъ практиковать частнымъ образомъ въ средѣ ближайшихъ своихъ сосѣдей.

Второй случай въ этомъ же губернскомъ правленіи и приблизительно въ тѣ же годы. Свидѣтельствовался человекъ не старыхъ лѣтъ, по рожденію изъ лучшаго общества и съ хорошими средствами, высшаго образованія, служившій нѣкогда по министерству иностранныхъ дѣлъ и бывшій потомъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

По собраннъмъ мной частно свѣдѣніямъ, тщательно провѣреннъмъ, этотъ блестяще образованный и неурядно талантливый человекъ лишился равновѣсія умственныхъ способностей вслѣдствіе несчастно-сложившейся семейной жизни и полного разстройства имуще-

ственныхъ дѣлъ, благодаря ряду невыгодныхъ съ евреями сдѣлокъ. Эти же сдѣлки привели его и къ потерѣ служебнаго положенія.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ я былъ съ нимъ немного знакомъ и потому, когда, вслѣдствіе ненормальности поступковъ и словъ, онъ нашель пріютъ въ мѣстной больницѣ, я, часто по службѣ посѣщавшій ее, избѣгалъ встрѣчи съ нимъ до свидѣтельстваванія его въ губернскомъ правленіи. Когда онъ вошелъ въ присутственный залъ, онъ немедленно узналъ меня, подошелъ и началъ совершенно здраво говорить о прошломъ, о нашихъ общихъ знакомыхъ и т. п. Началось засѣданіе, его пригласили сѣсть къ столу, и губернаторъ началъ задавать ему рядъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ совершенно логично, объяснилъ, что находится въ присутствіи губернскаго правленія для свидѣтельстваванія въ состояніи умственныхъ способностей, правильно назвалъ всѣхъ наличныхъ должностныхъ лицъ, совершенно точно и ясно рассказалъ всю свою біографію и вообще бесѣдовалъ со всѣми не только здраво, но даже умно и краснорѣчиво. Предсѣдательствующій губернаторъ, несмотря на лично ему извѣстныя болѣе чѣмъ странныя выходки свидѣтельствуемаго, шепнулъ мнѣ, что онъ склоненъ признать его совершенно здоровымъ. Врачи и смотритель больницы, которымъ тоже были извѣстны многія странности въ поступкахъ и рѣчахъ свидѣтельствуемаго, и что онъ передъ тѣмъ провелъ нѣкоторое время въ частномъ лѣчебномъ заведеніи въ Петербургѣ, изъ котораго уѣхалъ тайкомъ и попалъ въ нашъ городъ случайно, пробираясь въ свое имѣніе въ сосѣдней губерніи, все же говорили въ пользу его нормальности. Губернатору я тихо отвѣтилъ, что это липо отъ природы весьма даровитое, со всегда сдержаннымъ характеромъ, я же полагаю, что онъ, вопліъ сознавая въ данную минуту свое настоящее положеніе, дѣлаеть неимовѣрныя усилія сдержать въ границахъ здраваго смысла свое все-таки больное воображеніе, и что слѣдуетъ выждать письменные его отвѣты. Дали бѣдному бывшему предводителю бумагу съ написанными вопросами и перо, предложили ему отвѣтить пообстоятельнѣе. Сперва писалъ онъ довольно логично, но потомъ пояснилъ, что онъ сынъ Императора Николая I и еврейки, назвалъ себя Императоромъ Николаемъ II (онъ дѣйствительно назывался Николаемъ), написалъ манифестъ о вступленіи своемъ на престолъ, указъ министру юстиціи объ оповѣщеніи чрезъ Сенатъ о своемъ вѣнчаніи на царство и все въ томъ же духѣ. Слогъ былъ образцовый, но содержаніе ярко обнаруживало его полнѣйшее умопомѣшательство.

Чрезъ недолгое время этотъ несчастный, еще далеко не старый

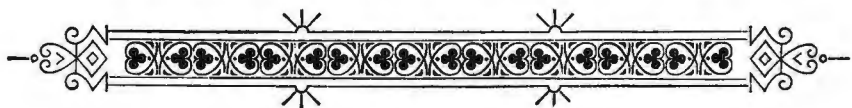
человѣкъ, сталъ впадать въ полнѣйшую апатію и скончался отъ прогрессивнаго паралича.

Часто, слишкомъ часто, лица, закономъ призванны подавать свой голосъ въ подобнаго рода присутствіяхъ, губернаторы, вице-губернаторы, предводители дворянства, предсѣдатели и прокуроры окружныхъ судовъ, городскіе головы и замѣняющіе всѣхъ вышеназванныхъ и разные сословные представители являются къ исполненію своихъ обязанностей безъ достаточной подготовки, совсѣмъ не освѣдомленные насчетъ подробностей дѣла, по которому законъ требуетъ отъ нихъ вѣскаго, рѣшающаго слова. Часто лица эти довольствуются свѣдѣніями, собранными дѣлопроизводителемъ врачабнаго отдѣленія, и исключительно полагаются на высказанное врачами-экспертами мнѣніе, когда должны были бы по совѣсти тщательно изучить всѣ подробности прошлаго свидѣтельствуемаго. Вѣдь нѣтъ же у него адвоката, какъ у всякаго обвиняемаго, а онъ можетъ, по приговору присутствія, быть осужденъ на лишеніе всѣхъ правъ состоянія и на безсрочное заточеніе.

Законы справедливы и хороши, но надо ихъ исполнять полностью, а не относиться къ своимъ обязанностямъ чисто формально.

И. А.

По поводу возраженій М. А. Газенкампа.

М. А. Газенкампа по поводу воспоминаній моихъ о К. В. Левицкомъ дѣлаеть нѣкоторыя возраженія.

Прежде всего онъ утверждаетъ, что Левицкій былъ ни при чемъ въ быстрой карьерѣ Гурко, что „Великій Князь слишкомъ высоко цѣнилъ Гурко, чтобы нуждаться въ *подсказкѣ* Левицкаго“.

Противъ высокаго мнѣнія Великаго Князя о Гурко я, конечно, спорить не буду. Но всякому извѣстно, какимъ образомъ составляется хорошее или дурное мнѣніе о человѣкѣ, и какую роль играетъ во-время сказанное хорошее или дурное слово, особенно хорошее. „Дурная слава по дорожкѣ бѣжитъ“—справедливо говоритъ пословица; совсѣмъ другое—слава хорошая. Она упрочивается не такъ-то легко, и вотъ я положительно утверждаю, что Левицкій, всегда, просто восторженно отзывался о Гурко. Такой отзывъ о покойномъ фельдмаршалѣ, и отзывъ, конечно, вполне справедливый, я слышалъ отъ Левицкаго еще на маневрахъ подъ Таицами, когда произошло описанное мною столкновение Левицкаго со Скобелевымъ и когда Гурко командовалъ только полкомъ.

Великій Князь, безъ сомнѣнія, зналъ Гурка, какъ прекраснаго строевого офицера. Левицкій же всегда и вездѣ кричалъ о Гурко, какъ о выдающемся военачальникѣ. Это я свидѣтельствую отъ сердца, и не думаю, чтобы горячее мнѣніе Левицкаго, которому Великій Князь такъ довѣрялъ, особенно до военнаго совѣта 1-го сентября—было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Надо напротивъ того полагать, что оно послужило огромнымъ плюсомъ въ мнѣніи Великаго Князя о Гурко не только какъ о прекрасномъ строевомъ офицерѣ, но какъ о способномъ, рѣшительномъ боевомъ начальникѣ—генералѣ.

И это ни мало не отнимаетъ у Великаго Князя чести назначенія Гурко на отвѣтственные роли, если бы даже назначенія эти были слѣдствіемъ совѣтовъ, или „подсказокъ“ Левицкаго, какъ выражается почтенный оппонентъ. Не отнимаетъ чести потому, что совѣты давать легко. Совѣтами вымощенъ весь адъ, какъ и добрыми намѣреніями. Трудно—не давать совѣты, а разобраться въ нихъ, особенно въ военное время; трудно рѣшиться принять тотъ или другой совѣтъ, возложить на себя отвѣтственность передъ родиной и исторіей. Но что Левицкій содѣйствовалъ, на сколько только могъ, возвышенію Гурко—это, на основаніи самыхъ горячихъ отзывовъ Левицкаго о будущемъ фельдмаршалѣ, не подлежитъ для меня ни малѣйшему сомнѣнію.

Могу только добавить, что даже убѣжденіе М. А. Газенкампча о возвышеніи Гурко благодаря его „блистательному“, какъ онъ выражается, первому забалканскому походу—не всѣми раздѣлялось: были мнѣнія, что этотъ смѣлый набѣгъ далъ одни отрицательные результаты и имѣлъ лишь слѣдствіемъ страшную рѣзню привѣтствовавшихъ насъ забалканскихъ болгаръ. И то или другое мнѣніе объ этомъ походѣ лица компетентнаго и пользовавшагося довѣріемъ, несомнѣнно, могло оказать на впечатлительнаго Великаго Князя огромное вліяніе.

Не желая вовсе рисовать Левицкаго въ розовомъ свѣтѣ и преслѣдуя только истину, я не могу не поставить крупнымъ плюсомъ его дѣятельности надлежащую оцѣнку талантовъ Гурко и горячую, такъ сказать, проповѣдь его военныхъ дарованій.

То же преслѣдованіе истины, одной истины, не позволяетъ мнѣ согласиться со вторымъ возраженіемъ М. А. Газенкампча—по поводу оцѣнки Левицкимъ Скобелева.

Положительно утверждаю, что на сколько вѣрно оцѣнилъ Левицкій Гурко, настолько же близоруко, до Турецкой войны, смотрѣлъ онъ на Скобелева, смотрѣлъ какъ на авантюриста, шалопая, даже фокусника съ прекрасной протекціей. По этому поводу у меня съ Левицкимъ были неоднократные споры, и мнѣ казалось всегда, что столкновение въ Таицахъ оставило на Левицкомъ свой слѣдъ, хотя должно сознаться, что до перехода черезъ Дунай невысокое мнѣніе о Скобелевѣ не принадлежало Левицкому единолично, а раздѣлялось многими, очень многими.

Турецкая война, естественно, сразу открыла всѣмъ глаза, и Левицкій, какъ человѣкъ умный и честный, разумѣется, измѣнилъ свое мнѣніе о Скобелевѣ вслѣдъ за самымъ открытіемъ кампаніи, когда Драгомировъ, пользовавшійся въ арміи огромнымъ авторитетомъ, такъ блистательно аттестовалъ молодого героя.

И для меня остается несомнѣннымъ, что несмотря на гнѣвъ Го-

сударя, если бы молодой генераль свиты Его Величества, покоритель Ферганы, кавалеръ Георгія 3-го и 4-го классовъ, былъ въ арміи желаннымъ гостемъ, то, конечно, получилъ бы назначеніе болѣе почетное и отвѣтственное, чѣмъ прикомандированіе къ отцу, „начальнику казачьей бригады“. Хороша роль для боевого генерала Свиты Его Величества съ Георгіемъ на шеѣ, которому пришлось, по выраженію самого же моего оппонента, „отпрашиваться у отца“, чтобы поступить „въ распоряженіе начальника 14-й пѣх. дивизіи“!!!

Совершенно непонятными, наконецъ, являются слова почтеннаго оппонента, „не могущаго оставить безъ возраженія“ (подлинныя слова) моего свидѣтельства о томъ, что Скобелевъ, какъ человекъ умный и ловкій, успѣлъ завоевать Казиміра и послѣ взятія Плевны обмѣнялся съ нимъ георгіевскими крестами; непонятнымъ „возраженіе“ становится потому, что самъ же авторъ его подтверждаетъ, что послѣ Плевны они крестами обмѣнялись, и что это „было со стороны Скобелева тонкимъ знакомъ сочувствія и дорогого для Левицкаго вниманія“. Почтенный оппонентъ мой „удостоверяетъ“, при этомъ, что „въ каждый свой пріездъ въ главную квартиру Скобелевъ всегда заходилъ къ Левицкому и подолгу сидѣлъ у него“. Что же, эти „удостоверенія“ и „возраженія“ неужели могутъ служить „опроверженіемъ“ моихъ словъ, а не подтверждаютъ ихъ? И неужели Левицкій долженъ былъ принимать недружелюбно генерала, имя котораго къ тому времени гремѣло въ арміи и было у всѣхъ на устахъ, а не трогаться этими посѣщеніями, несомнѣнно льстившими его самолюбію?

„Удостовереній“ и „возраженій“, которыя служили бы лучшимъ подтвержденіемъ моего свидѣтельства, кажется, и желать невозможно.

Я, по крайней мѣрѣ, приношу за нихъ мою искреннюю признательность.

А. Витмеръ.

Памяти Н. О. Дубровина.

13-го іюня 1904 г., вечеромъ, мнѣ подали газету „Нов. Время“ отъ 12 іюня. У меня тогда сидѣлъ поэтъ К. М. Фофановъ, пріѣхавшій утромъ изъ Старой Руссы. Какъ во время военное, первымъ дѣломъ былъ вопросъ: Ну, что сегодня о Японіи, генералѣ Куропаткинѣ. Я развернулъ номеръ и на минуту остолбенѣлъ. Шагавшій мимо меня Фофановъ замѣтилъ мою перемигну и спросилъ:

— Что?

— Война идетъ своимъ порядкомъ.

— Ну!

— А вотъ Дубровинъ скончался.

— Николай Ѳедоровичъ!—воскликнулъ поэтъ.

— Да, Николай Ѳедоровичъ,—подтвердилъ я, едва сдерживая подавляющія слезы.

Фофановъ перекрестился и молитвенно произнесъ: „царство, ему небесное!“

Я повторилъ его слова и нервно, дрожащимъ голосомъ продолжалъ:

— Какъ жаль, какъ жаль. Рѣдѣютъ ряды славныхъ.

Тутъ мы принялись пересчитывать его заслуги по литературѣ, наукѣ, исторіи, вспоминали его, какъ человѣка истинно русскаго. горячо любившаго своихъ соотечественниковъ, какъ человѣка добрѣйшаго, простого и далеко не похожаго на академика, занимавшаго постъ секретаря Академіи Наукъ.

Наступило тяжелое, удручающее молчаніе. Не хотѣлось просто вѣрить, что Николай Ѳедоровичъ умеръ. Живой образъ его ясно рисовался мнѣ: бодрый, привѣтливый старикъ, съ неуывдаемой энергіей и въ движеніяхъ, и въ лицѣ, съ умными глазами, рѣшимостью во взглядѣ.

Тѣмъ временемъ К. М. снова шагаль и думалъ крѣпкую думу. Вдругъ его осянула какая-то счастливая идея; онъ почти вскрикнулъ: „дайте карандашъ и бумаги!“ Когда ему было подано и то и другое, поэтъ написалъ:

Памяти Н. О. Дубровина.

„Мы заблудились въ дѣбряхъ темныхъ,

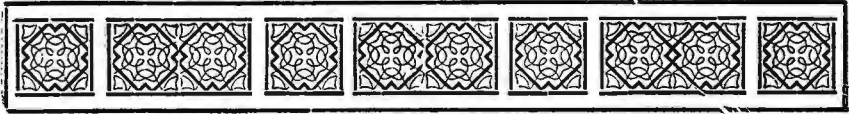
Должно быть намъ не до дубровъ—

Когда погибнулъ изъ огромныхъ

Великолѣпнѣйшихъ дубовъ—

Дубровинъ, человѣкъ изъ скромныхъ“.

А. Слезкинскій.

О П. К. Меньковѣ.

(По поводу статьи С. П. Зыкова „Наброски изъ моей жизни“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ за 1910 годъ).

С. П. Зыковъ столь обидно и несправедливо характеризуетъ, покойнаго нынѣ, главнаго редактора журнала „Военный Сборникъ“ и газеты „Русскій Инвалидъ“ П. К. Менькова, что тѣ, кому дорога память этого дѣятеля, не могутъ не выступить въ защиту ея.

П. К. Меньковъ болѣе 13 лѣтъ стоялъ во главѣ „Военнаго Сборника“ и какъ редакторъ-издатель этого журнала оставилъ добрую по себѣ память. Ему пришлось принять изданіе и редактированіе этого журнала при крайне трудныхъ условіяхъ. „Военный Сборникъ“ возникъ въ 1858 году (началъ выходить съ мая того года) ¹⁾ подъ редакцію В. М. Аничкова, Н. Н. Обручева и Н. Г. Чернышевскаго; но уже черезъ 10 мѣсяцевъ изданіе и редактированіе его было передано П. К. Менькову. И это не потому, что П. К. Меньковъ будто бы интриговалъ противъ прежней редакціи, какъ можно понять изъ словъ С. П. Зыкова, а по другимъ, гораздо болѣе глубокимъ причинамъ. Выяснить ихъ въ краткой замѣткѣ трудно. Интересующихся этимъ вопросомъ отсылаемъ къ ряду статей, напечатанныхъ въ 4, 5, 6 и 11 книжкахъ „Военнаго Сборника“ за 1908 годъ подъ заглавіемъ „Къ 50-лѣтію „Военнаго Сборника“. Здѣсь же достаточно сказать лишь слѣдующее. На отчетѣ по изданію этого журнала въ 1859 году (первый годъ редакторства П. К. Менькова) имѣется слѣдующая Собственноручная резолюція Императора Александра II: *„Читалъ съ удовольствіемъ и благодарю искренно главнаго редактора за данное направленіе, совершенно соответствующее Моимъ желаніямъ“*. Изданіе журнала въ послѣдующіе годы получало неизмѣнное одобреніе военнаго

¹⁾ С. П. Зыковъ совершенно невѣрно указываетъ, будто бы журналъ этотъ родился въ 1867 году.

министра Д. А. Милютина. Такъ, по прочтеніи отчета по изданію „Военнаго Сборника“ въ 1862 году, Д. А. Милютинъ написалъ П. К. Менькову: „Вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность выразить Вашему Превосходительству особую благодарность за успѣшный ходъ ввѣреннаго Вамъ изданія и въ особенности за данное Вами этому журналу истинно практическое и полезное направленіе“. Надлежащее веденіе П. К. Меньковымъ журнала „Военный Сборникъ“ въ теченіе 10 лѣтъ (1859—1868 г.г.) было однимъ изъ основаній для передачи ему съ 1869 года и газеты „Русскій Инвалидъ“¹⁾. Съ 1 января 1869 года онъ сдѣлался главнымъ редакторомъ названныхъ журнала и газеты, что и продолжалось до 16 апрѣля 1872 года. „Военный Сборникъ“ Меньковскаго періода принесъ большую пользу арміи, а потому имя П. К. Менькова является однимъ изъ самыхъ почтенныхъ въ исторіи нашей военной журналистики. Обидно поэтому, когда память этого почтеннаго дѣятеля омрачается такими анекдотами, которые приводитъ С. П. Зыковъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ С. П. Зыковъ не только невѣрно обрисовываетъ П. К. Менькова, сообщая о немъ дурные анекдоты, но впадаетъ и въ нѣкоторыя другія историческія ошибки, изъ которыхъ на одну я уже указалъ выше („Военный Сборникъ“ возникъ не въ 1867 году, какъ говоритъ С. П. Зыковъ, а въ 1858 году).

Вторая ошибка заключается въ слѣдующемъ. Онъ говоритъ, что на „Военный Сборникъ“ 1858 года ополчилось три союзника: начальство гвардейскаго корпуса, П. К. Меньковъ и полковникъ Штюмеръ. Это совершенно невѣрно. Не только никакого союза между ними не было, но не было и единомыслія. Начальство гвардейскаго корпуса само должно было защищаться отъ обвиненій Штюмера и представлять длинныя объясненія военному министру по обвинительнымъ запискамъ Штюмера. Эпизодъ этотъ переданъ П. Д. Паренсовымъ въ майской книжкѣ 1908 года и декабрьской книжкѣ 1909 года „Русской Старины“ въ замѣткѣ, озаглавленной „Изъ прошлаго“.

Что П. К. Меньковъ не былъ не только союзникомъ, но и единомышленникомъ Штюмера, ясно изъ того, что П. К. Менькову, уже редактору „Военнаго Сборника“, пришлось самому много вы-

¹⁾ Газету эту П. К. Меньковъ получилъ изъ рукъ С. П. Зыкова, который былъ главнымъ редакторомъ „Русскаго Инвалида“ съ апрѣля 1865 года по 1 января 1869 года. Передача эта была вызвана рожденіемъ „Правительственнаго Вѣстника“ и какъ результатъ сего измѣненіемъ характера „Русскаго Инвалида“, который изъ газеты военной, политической, ученой и литературной долженъ былъ обратиться въ спеціальную военную газету.

нести отъ цензурныхъ обвиненій того же Штюмера (это подробно разсказано въ статьѣ „Къ 50-лѣтію Военнаго Сборника“, помѣщенной въ книжкахъ этого журнала за 1908 годъ).

С. П. Зыковъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ полковникъ Штюмеръ попалъ въ генеральный штабъ. Очень просто: онъ въ 1836 году окончилъ курсъ Императорской военной академіи (которая впоследствии была переименована въ Николаевскую академію генеральнаго штаба); при томъ окончилъ онъ этотъ курсъ первымъ (см. списки, приложенные къ труду Глиноецкаго „Историческій очеркъ Николаевской академіи генеральнаго штаба“, изд. 1882).

Ө. А. Макшеевъ

(Теперешній главный редакторъ
„Русскаго Инвалида“ и „Военнаго
Сборника“).

Первое земское собраніе въ Самарѣ.

Изъ воспоминаній о шестидесятихъ годахъ.

Осенью 1865 года было открыто первое губернское земское собраніе въ Самарѣ, подъ предсѣдательствомъ Юрія Федоровича Самарина. Новизна земскихъ учрежденій и громкое имя предсѣдателя собранія привлекли массу публики; все, что было интеллигентнаго, не только въ городѣ, но и въ губерніи, стремилось попасть на засѣданія земскаго собранія, и потому всѣ засѣданія бывали переполнены публикою. Насущнѣйшимъ вопросомъ этого перваго земскаго собранія былъ голодъ, угрожавшій крестьянамъ Самарской губерніи, такъ какъ въ этомъ году былъ полный неурожай какъ хлѣбовъ, такъ и травъ; вслѣдствіе страшной жары, стоявшей все лѣто, и хлѣбъ и травы выжгло солнцемъ такъ, что нельзя было отличить засѣяннаго поля отъ несѣяннаго. При обсужденіи вопроса, какія мѣры необходимо принять для обезпеченія нуждающагося населенія продовольствіемъ и какія на это потребуются суммы, много споровъ возбудилъ вопросъ: должно ли земство озаботиться о продовольствіи всѣхъ крестьянъ Самарской губерніи, или только крестьянъ временно-обязанныхъ, какъ тогда называли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости манифестомъ 19 февраля 1861 года. Въ виду сообщенія, сдѣланнаго собранію Предсѣдателемъ Палаты Государственныхъ Имуществъ и Управляющимъ Удѣлами, что для выдачи пособія государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ уже ассигнованы значительныя суммы подлежащими вѣдомствами, большинство гласныхъ высказывалось за то, что земству слѣдуетъ принять подъ свое попеченіе лишь временно-обязанныхъ крестьянъ, а попеченіе о государственныхъ и удѣльныхъ крестьянахъ предоставить Палатѣ Государственныхъ Имуществъ и Управленію Удѣлами, тѣмъ болѣе, что такому новорожденному и неорганизованному учрежденію, какъ

земство, трудно справиться съ нележкой задачей продовольствія хотя бы однихъ временнообязанныхъ крестьянъ. Послѣ нѣсколькихъ ораторовъ, говорившихъ по данному вопросу въ указанномъ смыслѣ, встаетъ и проситъ слова гласный отъ крестьянъ, по фамиліи Осыка. Я, разумѣется, не помню дословно этой рѣчи, но въ короткихъ словахъ суть ея заключалась въ слѣдующемъ:

— Господа гласные, позвольте мнѣ отъ имени государственныхъ крестьянъ обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой принять и насъ, государственныхъ крестьянъ, подъ Ваше попеченіе. Мы слышали, что для оказанія намъ пособія, какъ и крестьянамъ удѣльнымъ, ассигнованы Правительствомъ значительныя суммы. Мы глубоко признательны Правительству за его попеченіе о насъ и желаніе явиться на помощь крестьянамъ, бѣдствующимъ отъ неурожая; но вмѣстѣ съ тѣмъ, зная какъ подобныя пособія распределяются между крестьянами, мы боимся, что ассигнованныя на эти пособія суммы будутъ израсходованы непроизводительно и потому отъ голода насъ не избавятъ. Разсказавъ довольно подробно, какъ благодаря злоупотребленіямъ чиновниковъ и сельскихъ властей, выдаваемая Палатой Государственныхъ Имуществъ пособія оказываются въ рукахъ не бѣдняковъ, нуждающихся въ этихъ пособіяхъ, а въ рукахъ сельскихъ кулаковъ, получающихъ чрезъ эти пособія возможность еще болѣе эксплуатировать бѣдноту, онъ закончилъ свою рѣчь повтореніемъ своей просьбы къ земству принять подъ свое попеченіе всѣхъ крестьянъ, а не однихъ только временнообязанныхъ.

Рѣчь эта была сказана очень просто, безъ всякихъ вычурныхъ фразъ, но очень толково и гладко; въ настоящее время хорошо сказанная простымъ крестьяниномъ рѣчь такого впечатлѣнія не произвела бы, какъ тогда, когда мы слушали первую рѣчь, сказанную крестьяниномъ въ публичномъ собраніи; а потому нечего и говорить, что рѣчь Осыки была покрыта громомъ рукоплесканій, какъ гласныхъ, такъ и присутствовавшей на собраніи публики.

Когда аплодисменты смолкли, вскакиваетъ со своего мѣста Предсѣдатель Палаты Государственныхъ Имуществъ, А. Я. Г—тъ и, обращаясь въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ гласный Осыка, воскликнулъ:

— Какого уѣзда, какой волости?

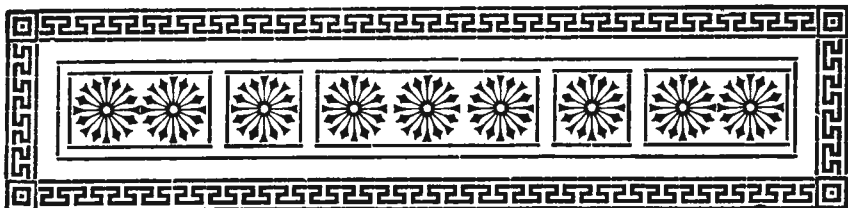
На это восклицаніе встаетъ гласный Осыка и, обращаясь къ Предсѣдателю Палаты Гос. Им., говорить:

— Ваше превосходительство, здѣсь уѣздовъ и волостей нѣтъ, а здѣсь равноправные гласные.

Эти слова Осыки были снова покрыты громкими аплодисментами, а А. Я. Г—ть, подъ громъ этихъ аплодисментовъ, моментально покинулъ залъ собранія. Гласный же Осыка за свою прекрасную рѣчь и находчивый отвѣтъ Предсѣдателю Палаты Государственныхъ Имуществъ былъ избранъ земскимъ собраніемъ въ члены губернской земской управы.

А. А—ахъ.

Замѣтки на статью Д. Скалона „Забытый фельдмаршалъ“.

Въ ежемѣсячномъ историческомъ изданіи „Русская Старина“ 1907 года декабрь, стр. 534 значится:

„31-го декабря 1877 г. Вел. Князь Николай Николаевичъ переправлялся черезъ Балканы.

Послѣ объѣзда славной 14-й дивизіи у деревни Шипки и войскъ, принимавшихъ участіе въ сраженіяхъ 27 и 28 декабря, Великій Князь провозгласилъ генералу Радецкому „ура“ и, продолжая путь къ Казанлыку, увидѣлъ вытянувшійся строй кавалеріи.

При этомъ ¹⁾ Великій Князь обратился къ своему адъютанту полковнику Скалону, послалъ его спросить Ѳедора Ѳедоровича Радецкого: это, что такое..., Скалонъ подѣхалъ и повторилъ вопросъ Его Высочества...

Радецкий ²⁾ отвѣтилъ: „это знаетъ“, полки 1-й кавалерійской дивизіи, они очень просили послѣ труднѣйшаго перехода со Скобелевымъ представиться Его Высочеству...

Великій Князь съ мѣста приказалъ отправить одинъ полкъ въ *Амболь*, а два подъ начальствомъ Струкова въ авангардъ Скобелева, чтобы войти въ потерянное соприкосновеніе съ отступавшими отрядами турокъ и продолжать наступленіе“.

Въ описаніи этомъ, когда Великій Князь увидѣлъ вытянувшійся строй кавалеріи, онъ не могъ быть удивленъ, такъ какъ Его Высочество самъ объявилъ генералу Радецкому, что дальнѣйшія распоряженія будутъ сдѣланы по приѣздѣ имъ самимъ.

¹⁾ Будто бы.

²⁾ Будто бы.

Генераль Радецкій, также точно, не могъ „съ хитрецою“ отвѣтить полковнику Скалону: „это знаетъ“, и проч. Онъ бы просто сказалъ, что приказалъ всѣмъ ожидать пріѣзда Великаго Князя и отъ него самого получить дальнѣйшія распоряженія.

Затѣмъ въ Ямболъ ни одинъ полкъ отправленъ не былъ, и никакого авангарда Скобелева въ то время не существовало.

Потери соприкосновенія съ отступающими отрядами турокъ не могло быть, такъ какъ никто не отступалъ, а всѣ сдались и взяты въ плѣнъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ черкесовъ, прорвавшихся во время сраженія въ интервалъ между отрядами князя Мирскаго и генерала Скобелева и ускакавшими вразсыпную по горамъ въ обходъ Адрианополя.

Въ дѣйствительности 28 декабря 1877 года сраженіе подъ Шипкой и Шейновымъ окончилось въ 3-мъ часу дня плѣненіемъ турецкой арміи Вейсель-паши.

Затѣмъ кавалерійскія части войскъ, принимавшія участіе въ сраженіи съ самаго начала и до конца, выставили аванпосты и охраняли плѣнныхъ. Преслѣдовать же непріятели не требовалось, такъ какъ весь турецкій отрядъ цѣликомъ взятъ въ плѣнъ, и болѣе никакихъ турецкихъ войскъ, какъ оказалось впослѣдствіи, до самаго Адрианополя не было.

29 декабря послѣ полудня генераль Радецкій изъ Габрова спустился въ долину, гдѣ у Шейновскаго поля выстроены были для его встрѣчи войска обѣихъ обходныхъ колоннъ.

Объѣзжая всѣ части, генераль Радецкій благодарилъ войска именемъ Великаго Князя и поздравлялъ съ побѣдою.

— Дальнѣйшее распоряженіе, прибавилъ генераль Радецкій, будетъ сдѣлано *самимъ Великимъ Княземъ*, по прибытіи Его Высочества.

На слѣдующій день, 30 декабря, Великій Князь не прибылъ, а пожаловалъ лишь 31 декабря послѣ полудня.

Къ прибытію Великаго Князя всѣ войска вновь построены были для встрѣчи. Его Высочество благодарилъ за побѣду, проѣхалъ далѣе въ Казанлыкъ, гдѣ въ 7 час. вечера приказано было всѣмъ начальникамъ частей собраться въ квартирѣ Его Высочества въ городѣ Казанлыкѣ. Долго пришлось ожидать выхода Великаго Князя. Генерала Радецкаго при этомъ не было, какъ раньше принимавшаго у себя Великаго Князя и вѣроятно получившаго отъ него нѣкоторыя указанія.

Безъ двухъ минутъ въ полночь вышелъ усталый Великій Князь изъ своей спальни, поздравилъ всѣхъ съ Новымъ годомъ, выпили по рюмкѣ мѣстнаго, краснаго вина, закусили сыромъ и колбасой (за неимѣніемъ у Великаго Князя обоза).

„Теперь, господа, къ дѣлу“; разложили карту, началось объясненіе; съ начала на словахъ самимъ Его Высочествомъ, при чемъ Великій Князь часто спрашивалъ:

„Вы поняли меня“...

Слышны были звуки шпоръ въ знакъ согласія.

Чтобъ не забыть чего, дали клочки бумаги, карандаши каждый досталъ свои.

Было темновато, карандаши ломались. Прислужились адъютанты Его Высочества: позвольте, ваше превосходительство, Вамъ записать.

Великій Князь повторилъ объясненія.

Слѣдующая запись сдѣлана адъютантомъ Великаго Князя полковникомъ Скалономъ, которая сохраняется по настоящее время въ цѣлости.

„1) Отлукіой въ долину Марицы идетъ Гурко съ 1-ю бригадою гв. пѣхотной дивизіи въ Ихтиманъ.

2) Дохтуровъ, правый флангъ на Чирпанъ, и затѣмъ вправо въ связь; лѣвый флангъ на Ени-Загру, центръ на Ески-Загру.

3) Дмитрій Ивановичъ ¹⁾ по долину рѣки Хлеоса на Филиппополь“.

— Пойдите, г.г., сказалъ Великій Князь, я лучше еще разъ повторю, чтобы не вышло ошибки.

Записано вновь:

„1) Гурко въ Ихтиманъ, съ 1-ю бригадою гвардейской пѣхотной дивизіи, идетъ отъ Отлукіой въ долины Марицы.

2) Дохтуровъ, правый флангъ на Чирпанъ, и затѣмъ вправо въ связь со Скобелевымъ I-мъ.—Центръ Эски-Загра, лѣвый флангъ Ени-Загра.

3) Скобелевъ I-й по долину рѣки Гіеб-су на Филиппополь.

9-я пѣхотная дивизія по Тунджѣ на Ханкюй и Гризариі (или Оризариі)“.

Затѣмъ еще разъ Великій Князь спросилъ:

„Надѣюсь теперь, что поняли...“

„Прощайте, г.г., спать пора“.

При выходѣ изъ квартиры Его Высочества, ожидавшій посыльный штаба генерала Радецкаго вручилъ начальнику 1-й кавалерійской дивизіи пакетъ съ надписью „весьма нужное“.

¹⁾ Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ I-й, отецъ Михаила Дмитріевича Скобелева.

№ 1029, Казанлыкъ.

31 декабря 1877 года.

Вашему Превосходительству

съ ввѣренной Вамъ дивизіей завтрашняго числа направиться для занятія Эски-Загры.

Къ ввѣренной Вамъ дивизіи въ Ваше распоряженіе для той же цѣли назначается 4-я стрѣлковая бригада, Орловскій полкъ и 2-я горная батарея. По занятіи Эски-Загры должны быть тотчасъ же направлены сильныя разѣзды по тремъ направленимъ: на Ени-Загру, Тырново (узелъ жел. дорогъ) и Чирпанъ.

При этомъ необходимо стараться войти въ связь съ одной стороны на сѣверъ съ отрядомъ полковника Жиржинскаго, который завтра выступаетъ къ Ханкію и будетъ посылать съ своей стороны разѣзды въ Ени-Загру, съ другой стороны съ отрядомъ генерала Карцева, который отъ Карлова двигается къ Филипполу. Добытыя свѣдѣнія присылать ко мнѣ въ Казанлыкъ.

Если гдѣ-нибудь будутъ найдены брошенные непріателемъ запасы продовольствія, то ставить къ нимъ караулы и принять самыя энергичныя мѣры къ ихъ охраненію и бережливому расходованію.

Подписалъ: Командиръ 8-го корпуса

генераль-отъ-инфантеріи

Радецкій.

2-го января, въ 6 час. утра, вслѣдствіе вышеозначеннаго предписанія командира 8-го корпуса, отъ 31 декабря прошлаго 1877 г., за № 1029, и личныхъ указаній Великаго Князя главнокомандующаго, были сдѣланы начальникомъ 1-й кавалерійской дивизіи слѣдующія распоряженія:

Для освѣщенія пространства между Эски-Загра, Ени-Загра, Тырново на р. Марицѣ и Чирпанъ, занятія ихъ, захвата желѣзнодорожныхъ станцій, порчи телеграфовъ и обезпеченія довольствіемъ войскъ, долженствовавшимъ слѣдовать за отрядомъ, въ 9 час. утра, кавалерійскіе полки были направлены:

а) С.-Петербургскій уланскій, въ вѣдѣніи командира полка полковника Балка, на Ени-Загру.

б) Лейбъ-драгунскій Московскій Его Величества, подъ начальствомъ свиты Его Величества генераль-маіора Струкова ¹⁾, на Кечерли къ Тырнову на р. Марицѣ.

¹⁾ Прибывшаго наканунѣ, въ 9 час. вечера, въ Эски-Загру по распоряженію Великаго Князя главнокомандующаго, для командованія бригадою вмѣсто генераль-маіора Лашкарева, назначеннаго комендантомъ на Шипку.

в) Пять сотенъ Донскаго казачьяго № 1-го полка подъ командою флигель-адъютанта полковника Кутейникова на Чирпанъ.

Полкамъ этимъ предписано было имѣть взаимную связь посредствомъ разъѣздовъ, уланскому полку войти въ сношеніе съ отрядомъ полковника Жиржинскаго, слѣдующаго къ Ханкію, Донскому казачьему съ отрядомъ генерала Карцева, слѣдующаго отъ Карлова къ Филиппополю, для связи же колоннъ уланскаго и драгунскаго полковъ, составленъ особый отрядъ изъ взводовъ по одному изъ каждаго изъ названныхъ полковъ, направленный на Карабунаръ.

г) Второй сотнѣ Донскаго казачьяго № 1-го полка содержать разъѣзды около города и почту къ Казанлыку, для чего выставить небольшіе посты, около пяти верстъ одинъ отъ другого для передачи донесеній.

д) Командиру 4-й стрѣлковой бригады предписано занять однимъ баталіономъ выходъ изъ ущелья, остальнымъ же баталіонамъ и 36 Орловскому полку расположиться въ ущѣлѣлой части города Эски-Загры.

Назначить изъ подвѣдомственныхъ ему офицеровъ коменданта города, въ распоряженіе котораго дать команду нижнихъ чиновъ для принятія складовъ, опечатанія и храненія ихъ.

2-го января, въ 10 час. утра получено въ Эски-Загрѣ второе предписаніе командира 8-го корпуса слѣдующее:

№ 31. Отрядъ Казанлыкскій.

Штабъ 8-го корпуса, 1-го января, 6 час. вечера.

Мѣсто отправленія Г. Казанлыкъ.

Начальнику 1-й кавалерійской дивизіи.

„Завтрашняго числа изъ Казанлыка выступить 3-я стрѣлковая бригада со 2-ю горной батареей, которыя также назначаются въ составъ вѣреннаго вашему превосходительству отряда и подъ ближайшее начальствованіе командира 4-й стрѣлковой бригады, полковника Крокъ“.

Подписаль: командиръ корпуса

генераль-отъ-инфантеріи Радецкій.

Штабъ 8-го корпуса, 3-го января 1878 г., г. Казанлыкъ, № 21.

Начальнику 1-й кавалерійской дивизіи.

Направляющихся къ Его Высочеству главнокомандующему изъ Константинополя Серверъ и Намыкъ-пашей прошу приказать встрѣтить съ почетомъ и проводить въ Казанлыкъ съ подобающимъ конвоемъ.

Объ изложенномъ прошу предупредить какъ генерала Струкова, идущаго съ Московскимъ драгунскимъ полкомъ къ Тырнову (узелъ жел. дор.), такъ и уланскій полкъ, стоящій въ Ени-Загрѣ, такъ какъ неизвѣстно по какой дорогѣ они поѣдутъ.

Подписалъ: командиръ 8-го корпуса
генераль-отъ-инфантеріи Радецкій.

Штабъ 8-го армейскаго корпуса, 3-го января 1878 года № 18, г. Казанлыкъ.

Начальнику 1-й кавалерійской дивизіи.

Находящійся во вѣренномъ вашему превосходительству отрядѣ, 36-й Орловскій полкъ, по приказанію главнокомандующаго, долженъ сего числа двинуться къ Ени-Загрѣ и остановиться на половинѣ пути къ этому пункту, въ видѣ репли высланной туда кавалеріи.

Начальствованіе надъ вѣреннымъ вашему превосходительству отрядомъ съ присоединяющимися къ нему 16-ю и 30-ю пѣхотными дивизіями, съ 3-ю стрѣлковою бригадою и тремя дивизіонами артиллеріи, по повелѣнію Его Высочества главнокомандующаго, поручается начальнику 16-й дивизіи генераль-лейтенанту Скобелеву.

Подписалъ: командиръ 8-го корпуса
генераль-отъ-инфантеріи Радецкій.

Желательно возстановить фактъ, что послѣ плѣненія турецкой арміи 28 декабря 1877 г. подъ Шипкой дальнѣйшія распоряженія о наступленіи задержаны были по приказанію Великаго Князя главнокомандующаго до прибытія Его Высочества; а затѣмъ по спускѣ Великаго Князя съ Шипки въ долину Его Высочество созвалъ въ г. Казанлыкѣ начальникомъ частей и на словахъ отдалъ имъ приказаніе.

Главнымъ же распорядителемъ оставался командиръ 8 корпуса генераль Радецкій, который въ тотъ же вечеръ въ г. Казанлыкѣ 31 декабря 1877 г. за № 1029 предписалъ начальнику 1-й кавалерійской дивизіи завтрашняго числа двинуться съ отрядомъ въ наступленіе.

Между тѣмъ въ „Русской Старинѣ“ въ статьѣ, подписанной Дмитріемъ Скалономъ („Забитый Фельдмаршалъ“) и въ Дневникѣ г. Газенкампа не упоминается о распоряженіяхъ г-ла Радецкаго; а въ перечнѣ военныхъ дѣйствій для внесенія въ послужные списки значится:

1878 г. съ 1 по 8 января наступленіе передового кавалерійскаго отряда отъ Казанлыка къ Адрианополу.

Казалось бы, никто не въ правѣ искажать факты и устранять распоряженія столь почтенной личности, какъ генераль Радецкій.

Съ 1-го по 4-е января полнымъ начальникомъ былъ онъ генераль Радецкій, и посланный имъ отрядъ занялъ Ески-Загру, Лени-Загру, г. Чирпанъ и ж. дор. станцію Тырновъ.

Онъ же ген. Радецкій предписалъ начальнику отряда генералу Дохтурову дать знать Петербургскому уланскому полку и генералу Струкову, идущему съ лейбъ-драгунскимъ Московскимъ Его Величества полкомъ о томъ, чтобы они встрѣтили съ должнымъ почетомъ пашей Серверъ и Намыкъ, выѣхавшихъ къ Великому Князю для переговоровъ о мирѣ, такъ какъ неизвѣстно, по какой дорогѣ они поѣдутъ.

Этимъ, можно сказать, окончились военныя дѣйствія съ этой стороны.

На все это имѣются подлинныя документы, которые по требованію главнаго штаба представлены въ оный; но предварительно всѣ они въ г. Твери заявлены тверскому нотаріусу Игнатію Жуковскому, въ конторѣ коего сняты копии 1879 г. октября 20 дня, записаны по реестру за № 1182 и хранятся по нынѣ въ цѣлости.

Кромѣ того означены въ печатанномъ журналѣ военныхъ дѣйствій 1 кавалерійской дивизіи 1877 и 1878 г.г., который также своевременно всюду былъ представленъ.

Что касается генерала Скобелева, то онъ прибылъ на ст. Тырновъ 4 января 1878 г. въ 6 ч. вечера и быстро сообразилъ, что тутъ уже ничего особеннаго для него произойти не можетъ, а потому изъ Германлы собирался идти къ Хаскію, какъ значится въ ноябрьской книжкѣ 1888 г. „Русской Старины“, стр. 456, гдѣ вѣрно описано Верещагинымъ слѣдующее.

Очевидно ему не давала покоя мысль окончательно раздавить и взять въ плѣнъ армію Сулеймана-паши, т. е. довершить то, что не окончилъ Гурко, который, разбивши Сулеймана, гналъ его передъ собою.

Скобелевъ объявилъ, что Сулейманъ подходитъ, что Панютинъ доноситъ, что уже завязалъ дѣло съ нѣсколькими таборами, и что онъ пресерьезно идетъ къ Хаскію настрѣчу Сулейману.

Ошибкѣ этой помогло, кромѣ помянутой и уже давней ревности Скобелева къ Гурко, еще то обстоятельство, что къ громадному обозу турецкихъ семействъ присоединились мужья, братья и родичи изъ отступающей арміи, которые хотѣли оказать защиту своимъ и при появленіи русскихъ соединились въ колонны.

Разгорѣлось дѣло, послѣ горячей перестрѣлки пѣхота бросилась на ура и тутъ произошло дѣло, которое Скобелевъ уже засталъ совершившимся и остановить которое было поздно.

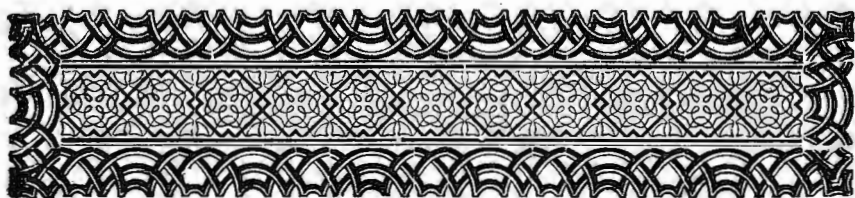
Бравый Панютинъ поднялъ на штыки весь громадный обозъ. Солдаты сбрасывали имущество, ища денегъ, и когда Скобелевъ подѣхалъ, онъ ужаснулся сдѣланной ошибкѣ. Приказъ его по отряду послѣ этого дѣла, конечно, одинъ изъ самыхъ строгихъ изъ всѣхъ когда-либо данныхъ имъ по войскамъ.

Изъ вышеприведенныхъ предписаній генерала Радецкаго видно, что послѣ сраженія 27 и 28 декабря 1877 г. подъ Шипкою и Шейновымъ, онъ оставался начальникомъ обѣихъ обходныхъ колоннъ, и всѣ распоряженія его о дальнѣйшемъ наступленіи были приведены въ исполненіе.

Объ этомъ напечатано было въ особой книжкѣ: „Выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій 1-й кав. дивизіи 1877 и 1878 г.г.“, которая своевременно представлена была въ штабъ главнокомандующаго арміей и въ Главный штабъ. Кромѣ того, по окончаніи войны, Главнымъ штабомъ потребовано было представить подлинныя документы и всю переписку, что и было исполнено; но предварительно копія съ оныхъ сняты были нотаріальнымъ порядкомъ и сохраняются въ цѣлости по настоящее время.

М. Н. Дохтуровъ.

Мелхиседекъ Значко-Яворскій.

(Къ столѣтію со дня его смерти).

то лѣтъ тому назадъ, въ ночь съ перваго на второе іюня 1809 г. ¹⁾ въ Глуховскомъ Петропавловскомъ монастырѣ скончался девяностолѣтній старецъ—настоятель этого монастыря, архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій. Смерть его прошла совершенно незамѣтно для современниковъ, но это произошло вовсе не потому, что Мелхиседекъ былъ бездѣятною личностью, не оставившею по себѣ никакого слѣда въ исторіи. Онъ только, такъ сказать, пережилъ себя, проживъ какъ-бы на покой около сорока послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Но было время,—еще въ первые годы царствованія Великой Екатерины,—онъ проявлялъ удивительную энергію и обнаружилъ дѣятельность, занесенную на страницы исторіи и обвѣянную роемъ народныхъ преданій и легендъ. Его дѣятельность возбуждала страсти, волновала народныя массы, одно время служила предметомъ оживленной дипломатической переписки между Петербургскимъ и Варшавскимъ кабинетами. Теперь ко дню столѣтія со дня его кончины, когда мы такъ далеко отошли отъ той эпохи, умѣстно, думается, сдѣлать попытку безпристрастнаго сужденія о личности Мелхиседека и его дѣлахъ.

Мелхиседекъ происходилъ изъ старинной, видной казацкой фамиліи и родился около 1720 г. въ г. Лубнахъ отъ мѣстнаго полкового есаула Карпа Значко-Яворскаго. Тогдашняя малороссійская старшина, зародышъ будущаго здѣшняго дворянства, весьма благосклонно относилась къ мѣстнымъ духовнымъ школамъ, какъ единственнымъ расадникамъ просвѣщенія, охотно отдавая сюда въ „латинскую

*

¹⁾ Написано въ 1909 г.

Ред,

науку“ своихъ сыновей. Такимъ вопльмъ естественнымъ путемъ попалъ Мелхиседекъ, отпрыскъ дворянско-военнаго рода, для выучки въ духовную школу—Кіевскую академію. Изъ академіи многія дворянскія дѣти избирали себѣ обычную свѣтскую карьеру, но нѣкоторыя, проведши рядъ годовъ въ академическомъ Братскомъ монастырѣ, увлекались монашествомъ и оставались въ духовномъ вѣдомствѣ. Такъ случилось, напримѣръ, около этого времени съ двумя представителями родовитой малороссійской фамиліи Горленко (знаменитымъ впоследствии епископомъ бѣлгородскимъ Іоасафомъ и братомъ его архимандритомъ Митрофаномъ). И изъ семьи лубенскаго есаула Карпа Значко-Яворскаго три сына пошли по полковой службѣ, а двое приняли монашество. Въ числѣ послѣднихъ былъ и старшій сынъ есаула. Не доучившись въ академіи, онъ вышелъ изъ класса философіи и отправился въ польскую Украину, гдѣ былъ рядъ монастырей, жившихъ почти независимыми, самоуправляющимися общинами, и въ одномъ изъ нихъ—Троицкомъ Мотренинскомъ въ 1745 г. былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Мелхиседека.

Не особенный любитель академической науки—Мелхиседекъ оказался въ монастырѣ прекраснымъ практическимъ дѣльцомъ и быстро выдвинулся среди монастырской братіи, которую, повидимому, превосходилъ и теоретическими познаніями, какія успѣлъ вынести изъ академіи. Братія Мотренинскаго монастыря скоро предоставила ему видную роль въ монастырской жизни, избирая его послѣдовательно на отвѣтственныя должности—казначея, намѣстника и, наконецъ, въ 1753 г. игумена—настоятеля обители.

Сперва Мелхиседекъ игуменствовалъ въ безвѣстности. Но скоро на него обратилъ вниманіе одинъ изъ переяславскихъ епископовъ, которымъ, хотя они жили и за границею—въ русскомъ государствѣ, подчинялась въ церковномъ отношеніи часть православнаго населенія польской Украины. Это былъ энергичный старикъ—Гервасій Линцевскій (1757—1769 г.г.). Познакомившись хорошо съ Мелхиседекомъ, Гервасій довѣрилъ ему завѣдываніе всѣми православными церквами и монастырями зарубежной части своей епархіи. Это было въ сентябрѣ 1761 г. Съ этого момента начинается кипучая дѣятельность Мелхиседека, стяжавшая ему историческую извѣстность.

Къ тому времени пропаганда уніи имѣла большой успѣхъ среди подвластнаго Польшѣ малороссійскаго населенія правобережной Украины. Простой малороссійскій народъ плохо разбирался въ тонкостяхъ религіозныхъ различій между православіемъ и уніей, но искренно ненавидѣлъ своихъ господъ—поляковъ, отъ которыхъ испытывалъ вмѣстѣ съ религіозными стѣсненіями и тяжкій социаль-

но-экономическій гнетъ. Пробудить въ народѣ религиозное сознаніе, возрѣть въ немъ любовь и преданность къ вѣрѣ отцовъ—православію, „исторгнуть его изъ зубовъ уніатскихъ“,—такую задачу поставилъ себѣ Мелхиседекъ. Съ энергіей принялся онъ за это дѣло и имѣлъ въ немъ несомнѣнный успѣхъ. Многіе изъ украинскаго населенія, попавшіе въ унію по одному недоразумѣнію; только теперь разобрались въ немъ, съ охотою откликнулись на зовъ Мелхиседека и поспѣшили послать депутатовъ въ Переяславъ за православными священниками и антиминсами.

Однако встрѣтилось сильное противодѣйствіе—со стороны господствовавшихъ здѣсь католиковъ и уніатовъ, энергіи Мелхиседека противопоставившихъ свою энергію. Тогда Мелхиседекъ задумалъ большое дѣло—заинтересовать здѣшнимъ религиознымъ вопросомъ императрицу Екатерину. Съ этой цѣлью лѣтомъ 1765 г. Мелхиседекъ поѣхалъ въ Петербургъ, два мѣсяца прожилъ здѣсь, интересовалъ своимъ дѣломъ членовъ Синода и успѣлъ добиться личнаго свиданія съ Екатериной. И раньше интересовавшаяся польскимъ вопросомъ и имѣвшая виды на Польшу, императрица Екатерина любезно приняла Мелхиседека и съ охотою обѣщала исполнить просьбу его о поддержкѣ православныхъ въ польской Украинѣ, такъ какъ въ этомъ увидѣла одно изъ средствъ—„все глубже и шире проявлять свое вліяніе на польскія дѣла“. Ободренный нравственной и матеріальной поддержкой императрицы, Мелхиседекъ, возвратившись въ Украину, съ удвоенной энергіей продолжалъ свои мѣры по отвращенію мѣстнаго населенія отъ уніи и утверженію его въ православіи. Вполнѣ естественно, что пропорціонально успѣху Мелхиседекова дѣла возрастала злоба фанатичныхъ поляковъ противъ православныхъ,—съ 1766 г. поднялось здѣсь чуть-ли не открытое гоненіе на болѣе видныхъ представителей православія, руководимое офиціаломъ мѣстной уніатской митрополии Григоріемъ Мокрицкимъ. Не избѣжалъ рукъ фанатиковъ и самъ Мелхиседекъ, прозванный ими „царемъ схизматицкимъ“. Лѣтомъ того же 1766 г. Мелхиседекъ былъ тайно схваченъ своими врагами вѣтъ стѣнъ Мотренинскаго монастыря, арестованъ, подвергнутъ тяжелому тюремному заключенію въ Грудкѣ и разнымъ издѣвательствамъ и, еле оставшись живымъ, только случайно спасся при помощи неизвѣстныхъ благодѣтелей, устроившихъ ему тайный побѣгъ изъ-подъ ареста.

Послѣ вынесенныхъ страданій Мелхиседекъ продолжалъ свое попеченіе о православномъ населеніи польской Украины, ѣздилъ даже хлопотать въ Варшаву объ улучшеніи его юридическаго положенія, но уже не рѣшался болѣе жить въ своемъ Мотренинскомъ

монастырѣ и развѣзять по окрестнымъ мѣстамъ правобережной Украины. Свою постоянную резиденцію онъ утвердилъ теперь въ мѣстѣ безопасномъ—лѣвобережномъ Переяславѣ. Между тѣмъ брошенное Мелхиседекомъ въ польской Украинѣ сѣмя принесло большіе плоды,—большіе, чѣмъ ожидалъ того онъ самъ. Поднятое Мелхиседекомъ религиозное движеніе расшевелило украинскихъ „хлоповъ“, и они скоро отъ протеста противъ навязанной польскими панами вѣры весьма легко и просто, въ отсутствіе Мелхиседека изъ Украины, перешли къ рѣзкому выраженію недовольства всѣмъ польскимъ гнетомъ—въ совокуности разныхъ его проявленій. Вышедшее въ началѣ 1768 г. изъ среды фанатичной польской шляхты движеніе конфедератовъ еще болѣе взволновало польскую Украину, и къ концу весны того же года здѣсь вспыхнуло зарево пожара, вышедшее изъ среды мѣстныхъ „хлоповъ“. Поднялась „коливщина“ съ ея кличемъ—„ни ляха, ни жида!“,—центральнымъ моментомъ ея была кровавая Уманская рѣзня. Вздуродная, оставшаяся безъ руководителя, сбита къ тому же съ толку колебаніями неустойчивой русской политики, значительная масса украинцевъ, легко довѣрившись темнымъ слухамъ, опьянилась сладкимъ ядомъ вѣковой вражды къ полякамъ и увлеклась необузданной жаждой мести.

Русскому правительству это народное волненіе въ Украинѣ было весьма непріятно, такъ какъ оно еще болѣе усложняло путаницу въ польскихъ дѣлахъ, могло набросить въ глазахъ Европы тѣнь на русскую политику, мѣшало осуществленію лелѣявшейся тогда въ Петербургѣ мечты о постепенномъ подчиненіи всей Польши. Украинское волненіе было подавлено русскими войсками, виновные и замѣшанные въ немъ были судимы.

Подозрительно относившіеся къ Мелхиседеку представители русской власти хотѣли, повидимому, привлечь и его къ отвѣтственности, но, очевидно, Мелхиседекъ оказался неуязвимымъ. Сказки о судѣ надъ Мелхиседекомъ, принимаемыя на вѣру нѣкоторыми польскими историками (Т. Корзонъ, В. Смоленскій), нынѣ при свѣтѣ новыхъ архивныхъ разысканій совершенно разсѣваются¹⁾. Въ возстаніи онъ не участвовалъ, и только пылкая фантазія увлекающагося историка-романиста Д. Л. Мордовцева могла нарисовать его страстнымъ агитаторомъ, подготовившимъ и давшимъ починъ страшной Уманской рѣзни (см. извѣстную монографію его „Гайдачина“). Не былъ Мелхиседекъ и „совершеннымъ плутомъ“,

¹⁾ См. архивные матеріалы, опубликованные нами въ январьской, мартовской и апрѣльской книжкахъ „Кіевской Старины“ за 1905 г.

способнымъ на все, какимъ характеризовалъ его современный той эпохѣ русскій посоль въ Варшавѣ — князь Н. В. Репнинъ. Но съ другой стороны это не была также и та рѣдкая, свѣтлая героическая личность, какою, несомнѣнно идеализируя, представляетъ Мелхиседека его извѣстный, давнишній біографъ Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Непосредственнаго участія въ украинскомъ народномъ движеніи 1768 г. Мелхиседекъ не принималъ (онъ въ это время и жилъ въ Переяславѣ, а не на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ происходило возстаніе), но его миссіонерская дѣятельность — совершенно для него самого неожиданно — сыграла видную роль въ томъ общенародномъ движеніи на Украинѣ, которое привело къ „коливщинѣ“.

Это былъ заурядный монахъ, „къ послушаніямъ способный“, отличавшійся дѣловитостью и практическими способностями въ узкой сферѣ монастырской жизни — и только. Его попытка — можетъ быть имъ самимъ хорошо не сознавая, — стать во главѣ большого религіозно-народнаго дѣла, вмѣшаться въ жизнь народную — ему не удалась, да и не могла удалась. Къ ней онъ не былъ подготовленъ, онъ, который мало зналъ жизнь мірскую, обладалъ небольшимъ запасомъ знаній, чуждъ былъ широкихъ умственныхъ интересовъ. Не обладая проницательностью и дальновидностью, Мелхиседекъ былъ удивленъ и напуганъ тѣмъ, во что вылилось поднятое имъ же на Украинѣ народное движеніе, и тщетно пытался письменными увѣщаніями остановить его: ушедши за Днѣпръ, онъ не могъ уже имѣть прежняго вліянія на своихъ духовныхъ дѣтей, сбитыхъ съ толку „золотою грамотою“ и разными слухами.

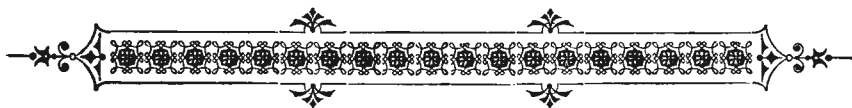
Напугавшись неожиданныхъ результатовъ своей широкой дѣятельности на Украинѣ, Мелхиседекъ послѣ этого въ дальнѣйшей своей жизни ограничилъ себя скромной ролью зауряднаго монастырскаго настоятеля и консисторскаго члена, ничѣмъ не выдѣлявшагося изъ ряда подобныхъ ему иноковъ. Когда разыгралась „коливщина“, Мелхиседека велѣно было „пристойнымъ образомъ“ не пускаться на правый берегъ Днѣпра, и онъ назначенъ былъ настоятелемъ Переяславскаго Михайловскаго монастыря. Въ 1771 г. его перетянулъ къ себѣ въ Кіевъ новый здѣшній митрополитъ Гавріилъ Кременецкій (1771—1783 гг.), довѣрившій ему отвѣтственную должность каедральнаго намѣстника и члена консисторіи. Одновременно съ тѣмъ онъ числился игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря (1774—1781 гг.), затѣмъ архимандритомъ Лубенскаго (1781 г.) и Глуховскаго Петропавловскаго монастыря (съ 1781 г.). Въ 1783 г. онъ былъ отпущенъ изъ Кіева въ свой Глуховскій Петропавловскій

монастырь, которымъ и управлялъ до смерти, при чемъ состоялъ еще нѣкоторое время членомъ Новгородъ-Сѣверской консисторіи.

Такъ мирно въ монастыряхъ протекали послѣднія сорокъ лѣтъ его жизни, и онъ, незамѣтно и исполнительно совершая настоятельское служеніе, неизмѣнно сохранялъ за собою репутацію инока „къ послушанію по качествамъ хорошаго“, „къ наблюдательству надъ братією и къ домостроительству довольно способнаго“. Послѣднія сорокъ лѣтъ его жизни ничего не прибавили къ его прежней извѣстности, и онъ умеръ забытый всѣми,—въ то время, когда многіе считали его давно уже умершимъ. Но эти-то именно годы его мирной, невидной жизни, можно думать, при болѣе внимательномъ отношеніи къ нимъ и дадутъ намъ возможность лучше и вѣрнѣе опредѣлить духовный обликъ этого, нѣкогда, можетъ быть совершенно неожиданно для себя столь нашумѣвшаго инока...—Во всякомъ случаѣ имя Мелхиседека Значко-Яворскаго, если и отбросить легенды о немъ и оставить идеализацію его личности, останется въ исторіи въ силу несомнѣнной связи его съ религіозно-народнымъ украинскимъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка.

Владиміръ Пархоменко.

Письмо С. П. Шевырева къ Ѳ. И. Іезберѣ.

Ѳедоръ Ивановичъ Іезбера, доцентъ Варшавскаго университета по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій († 22 октября 1901 г.), издавалъ въ теченіе 1862—1864 г. въ Прагѣ Чешской всеславянскую газету „Словѣникъ“, посвященную „наукѣ и занимательному чтенію“. Газета помѣщала статьи и стихотворенія на всѣхъ славянскихъ языкахъ и печатала ихъ сначала разными славянскими азбуками, но затѣмъ перешла исключительно къ русской гражданкѣ, съ нѣкоторыми дополненіями. Всего было издано Ѳ. И. Іезберой только 13 номеровъ ея: по недостатку средствъ газета прекратилась на № 5-омъ 1864 г. Изданіе это встрѣчено было весьма сочувственно въ славянскомъ мірѣ. Однимъ изъ привѣтствій доброму начинанію Ѳ. И. Іезберы является и сообщаемое нами письмо С. П. Шевырева. Замѣтимъ, что обѣщанная имъ „на зубокъ“ для „Словѣника“ статья не была напечатана въ этой газетѣ. Подробности о дѣятельности Ѳ. И. Іезберы — К. Я. Гротъ: „Подвижникъ идеи всеславянскаго братства“, „Новое Время“, 1901, № 9227, иллюстр. приложение; Д. П. Райскій: „Ѳ. И. Іезбера и его Всероссийскій Музей“, „Наблюдатель“, 1902, мартъ; тоже и отд. оттискъ.

Многоуважаемый Издатель Словѣника,

Милостивый Государь,

Ольга Ѳедоровна Кошелева ¹⁾ переслала мнѣ пять экземпляровъ программы Вашего изданія. Я немедленно передалъ четыре своимъ соотечественникамъ, которые приняли съ единодушною радостью Ваше изданіе, желаютъ подписываться, но не знаютъ, гдѣ и какъ посылать Вамъ деньги, и требуютъ еще программъ, чтобы разда-

¹⁾ О. Ѳ. Кошелева впервые посѣтила Прагу въ 1850 г. и съ тѣхъ поръ сохранила связи съ чешской столицей.

вать ихъ другимъ. Особенное участіе принялъ въ Вашемъ Славянскомъ дѣлѣ нашъ достойный протоіерей, Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, издатель L'Union Chrétienne, и князь Юрій Голицынъ, извѣстный музыкантъ. Оба желаютъ имѣть программы и распространять Ваше изданіе, и сами хотятъ быть подписчиками. А потому я прошу Васъ покорнѣйше доставить мнѣ побольше программъ, всего лучше подъ бандеролемъ, это будетъ дешевле, и указать, какъ и къ кому пересылать деньги. Малыхъ суммъ банкиры не берутъ. Надобно устроить вѣрнѣе полученіе журнала. Я увѣренъ, что подписчики будутъ.

Самъ я отъ всей души привѣтствую Васъ, Почтенный Издатель, и Ваше великое и славное дѣло. Я Вашъ подписчикъ и, если позволите, вѣрный сотрудникъ. Позвольте мнѣ прислать Вамъ, на зубокъ для Вашего Словѣнина, какъ у насъ говорится, одну изъ моихъ публичныхъ лекцій, здѣсь читанныхъ: О Русскихъ пословицахъ, сказкахъ и пѣсняхъ. Вашему привѣтствію *Русскихъ и Поляковъ вмѣстѣ* я много сочувствую. Да погаситъ эту нелѣпую вражду Вашъ Словѣнинъ во славу человѣчества!

Примите чувства искренняго уваженія, пріязни и душевной преданности.

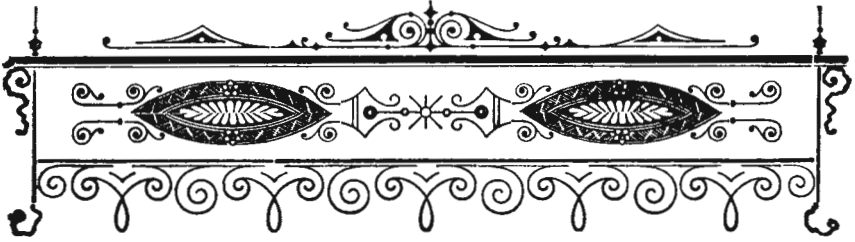
Степанъ Шевыревъ.

Прилагаю мой адресъ:
Monsieur Etienne de Chévireff
à Paris.
20. Rue de Tournon.

6 Августа 1862.
Парижъ.

Сообщилъ В. А. Францевъ.

Изъ хроники ¹⁾ церкви Николая Чудотворца села Араповки, Алатырскаго уѣзда.

тольникъ Семень Ивановичъ Пазухинъ, участникъ посольства въ Хиву, Бухару и Юргенчъ въ 1669—1773 г.г., былъ женатъ на Василисѣ Григорьевнѣ Араповой, за которой получилъ въ приданое, въ числѣ другихъ помѣстій, деревню Араповку, Алатырскаго уѣзда, давши обѣщаніе построить въ ней церковь. Семень Ивановичъ обращается въ 1686 году къ нижегородскому и алатырскому митрополиту Филарету со слѣдующимъ челобитьемъ: „...построена у меня въ Алатырскомъ уѣздѣ деревнишка Араповка, а отъ той церкви Божіей отъ сего Засаря ²⁾, та моя деревнишка удалена верстахъ восьми, и людишки и крестьянишки мои, за дальностью, помираютъ безъ покаянія“... „вели, Государь“, заканчиваетъ онъ свое челобитье, „дать мнѣ свою архіерейскую благословенную грамоту лѣсъ вырочить, и въ томъ лѣсу, по твоему архіерейскому благословенію построить церковь Божію, а къ той церкви Божіей священнику и церковнымъ причетникамъ пашни я дамъ своей земли двадцать четей въ полѣ, а въ дву потому жъ.

Не получивъ на свое челобитье никакого отвѣта, вслѣдствіе ухода преосвященнаго Филарета изъ Нижегородской епархіи, Семень Ивановичъ обращается въ 1690 году, 31 декабря, къ новому митро-

¹⁾ Настоящая хроника составлена по документамъ семейнаго архива Пазухинныхъ.

²⁾ Вотчина Семена Ивановича.

политу Павлу съ почти тождественной челобитной, но только вмѣсто 20 четей въ полѣ онъ даетъ „церковникамъ“ теперь только 10 четей своей земли.

Ровно черезъ недѣлю (7 января 1690 г.) Семень Ивановичъ получилъ отъ пресвященнаго Павла благословенную грамоту лѣсъ ронить и строить церковь Божию на часовенномъ мѣстѣ со слѣдующими указаніями: „верхъ бы на той церкви былъ круглый, тройной, а въ церкви въ алтарныхъ стѣнахъ царскія двери были бы посреди, а по правую ихъ сторону южныя, а по лѣвую—сѣверныя, а подлѣ царскихъ дверей по правую сторону межъ южныхъ вначалѣ поставить образъ Всемиловитаго Спаса, а подлѣ Спасова образа поставить образъ настоящаго того храма, а по лѣвую сторону царскихъ дверей межъ сѣверныхъ вначалѣ поставить образъ Пресвятыя Богородицы и иные образы по чину, а о посвященіи тоя церкви и о антиминосѣ битъ намъ челомъ Пресвященнѣйшему Митрополиту въ то время, какъ та церковь совсѣмъ совершится, а колокольницу построить особъ статью, а не на трапези ставить.

Заручившись архіерейскимъ разрѣшеніемъ, Семень Ивановичъ въ іюні мѣсяцѣ того же года стоваривается съ плотникомъ Васькой Кирѣвымъ, крестьяниномъ стольника Ѳедора Лаврентьевича Бахметьева, сдѣлать въ сельцѣ Араповкѣ новую церковь Божию, цѣною за 4 рубля. При подписаніи условія Васька Кирѣвъ получаетъ полполтину денегъ, да флягу вина.

Въ 1692 году церковь была освящена во имя Николая Чудотворца, и по челобитью Семена Ивановича къ ней былъ поставленъ попъ Стефанъ Петровъ, а 16 декабря 1693 года попъ Стефанъ съ причетники уже заплатилъ въ архіерейскую казну дани по окладу девятнадцать алтынъ четыре деньги, заѣзда гривна, казенныхъ и платежныхъ пошлинъ пять алтынъ двѣ деньги, за десятиничный доходъ десять алтынъ, подможныхъ двадцать два алтына, полонныхъ съ попова двора, да съ трехъ дворовъ причетниковыхъ съ двора по осьми денегъ, дому архіерейскаго пѣвчимъ и подьякамъ, славленныхъ гривну, московскихъ богодѣленъ нищимъ—гривну-жь. Въ такомъ размѣрѣ церковная дань была слишкомъ тяжела для араповской церкви, и въ началѣ 1695 года попъ Стефанъ поѣхалъ въ Нижній Новгородъ къ митрополиту Павлу съ челобитиемъ „о збавкѣ дани с тоя церкви“, но, не получивъ „збавки“, попъ Стефанъ переводится въ Казанскую епархію, „не хотя твоей архіерейской дани платить“, по словамъ Семена Ивановича; и церковь села Араповки Никольское тожь остается на долгое время безъ всякаго священника.

Въ 1697 г. Семень Ивановичъ бьетъ челомъ къ нижегородскому и алатырскому митрополиту Трифилію: „пожалуй меня, вели Государь въ селѣ моемъ Николаевскомъ у церкви Божіей быть попу Ивану, а приговорилъ я попа Ивана Володимірова церкви Воскресенія Христова, Костромского уѣзда, плесской десятины, а у него, попа Ивана, у той церкви два попа, а у меня въ деревнишкѣ церковь безъ пѣнія стоитъ третій годъ“, но преосвященный Трифилій почему-то не назначаетъ попа Ивана Володимірова въ с. Араповку, и служба совершается въ Араповской церкви случайно, такъ, на примѣръ, въ 1698 году, декабря 3, преосвященный Трифилій приказываетъ попу Павлу Барышниковской слободы „ѣхать въ село Араповку на праздникъ Николая Чудотворца въ церковь Божию вечернюю и утреню и литургію служить и какія мірскія требы прилучится исполнять. Церковная дань въ этотъ безпоповскій періодъ времени, хотя богослуженіе въ Араповкѣ и было очень случайное, взыскивалась и взыскивалась строго, такъ, на примѣръ, указъ патріарха Адріана за 1697 годъ отъ 31 декабря велитъ приставу Кирюшкѣ Кузьмину ѣхать въ Алатырскій уѣздъ въ село Араповку со сторонними людьми, а при тѣхъ стороннихъ людяхъ взять ему съ собою вмѣстѣ въ городъ на Алатырь того села, столыника С. И. Пазухина, крестьянъ старосту или выборнаго за данными деньгами на нынѣшній 1697 годъ“.

Прождавъ такъ еще два года и не дождавшись для Араповской церкви настоятеля, Семень Ивановичъ обращается въ 1699 году снова съ челобитьемъ къ преосвященному Трифилію: „...у меня, Государь, въ деревнишкѣ церковь Божія стоитъ безъ пѣнія пятый годъ и людишки и крестьянишки помирають безъ покаянія и безъ причастія, а роженицы безъ молитвъ лежатъ многое время, а младенцы безъ крещенія помирають, а попа къ той церкви Божіей призвать не могу, никто нейдетъ, потому, Государь, что дань на тоя церковь положена большая, четыре рубля противъ прихода, а только, Государь, у тоя церкви Божіей въ приходѣ одни мои крестьянишки, дворовъ съ двадцать и истого многіе разбрелись; затѣмъ, Государь, къ той церкви попы и нейдуть, а по твоему, Государь, архіерейскому указу съ Алатыря заказчики правятъ дань на людишкахъ и на крестьянишкахъ моихъ и съ того людишки и крестьянишки разбрелись, а нынѣ, Государь, на крестьянишковъ моихъ подати великаго Государя большія, да съ нихъ же работники на слюзное дѣло и пильныя мельницы, а хлѣбу сталъ недородъ быть. Умилостивись, Государь“, заканчиваетъ онъ свое челобитье, „пожалуй меня, вели, Государь, съ тоя церкви Николая Чудотворца дани сбавить и къ тоя церкви дать попа, а приговорилъ

я нынѣ попа Данилу Александрова изъ епархіи Святѣйшаго Патріарха“.

На этотъ разъ челобитье Семена Ивановича увѣнчалось успѣхомъ: церковную дань преосвященный Трифилій сбавилъ до 3-хъ рублей шести алтынъ (росписка поповскаго старосты попа Тимоѳея въ полученіи церковной дани за 1700 г.) и далъ араповской церкви попа, но не Данилу Александрова, а попа Моисея Дементьева изъ епархіи казанскаго митрополита изъ вновь построеннаго села Воздвиженскаго, „изъ того села“, пишетъ Моисей Дементьевъ въ своемъ челобитѣ къ казанскому митрополиту, „которой были крестьяне и бобыли высланы, а послѣдніе разбрелись въ міръ для хлѣбной скудости и мнѣ богомольцу твоему у той церкви жить стало не съ чего и не съ кѣмъ, а нынѣ я богомолецъ твой бродя скитаюсь въ міръ договорился въ село Араповку въ вотчину стольника Семена Ивановича Пазухина служить въ церкви Николая Чудотворца“.

Но служилъ поппъ Моисей въ араповской церкви недолго—меньше чѣмъ черезъ годъ онъ обращается со слѣдующимъ челобитьемъ къ нижегородскому митрополиту Исаѣ: „...въ нынѣшнемъ 1700 году стольникъ Семень Ивановичъ сынъ Пазухинъ принялъ у меня церковь Божію со всею церковною утварью, а расписки мнѣ, богомольцу твоему, не далъ, да онъ же Семень ночью порою взялъ у меня сынишку моего Тимошку и держитъ у себя безвинно, а животинки мои въ томъ же числѣ по приказу ево Семенову іво челоувѣкъ Епиванъ Сергѣевъ съ крестьяны побралъ, а что животиншекъ моихъ и въ томъ подъ сею челобитною роспись: двѣ коробки деревянныхъ водной коробке 10 рубашекъ мускихъ льняныхъ, двои портки тонкихъ, десять платковъ шапошныхъ, новина тонкая 30 аршинъ, два сарафана крашенинныя, два кокошника, камка красная золотомъ шитая, два кокошника мишурныхъ, одинъ камка зеленая, другой кумашный, крашенина синяя, восемь аршинъ, скатерть столовая, десять рублевыхъ денегъ, четыре сороки бѣлые, серги, рясы серебряныя, два креста серебряныхъ, три перстня; въ другой коробке сарафанъ синей крашенинный, шапка муская красная, треухъ кумашный пухомъ боровой; довлубеной коробке пряжи льняной 13 мотковъ, да сковрода, топоръ двуручный новой, три блюда, красныхъ четыре рубашки мускихъ, двои портки, трои сапоги; давклети семени конопленово решета здва, льянова сѣмени сполпудовки, льну 2 кирби, 7 иконъ по две окладъ серебряной начетырехъ окладъ мѣдной, да хлѣба 12 четвертей овса, пшеницы 2 четверти, ржи три четверти, полбы полтрети четверти, муки 4 осмины, две лошади, корову, сѣна стогъ 30 копенъ, 2 косы, 2 серпажъ“.

Что заставило Семена Ивановича прибѣгнуть „ночью порою“

къ такимъ крутымъ мѣрамъ, намъ неизвѣстно, вѣроятнѣе всего, что попь Моисей не исполнилъ какихъ-либо обязанностей, оговоренныхъ въ договорѣ. Такъ въ мировой отъ 23 февраля 1700 года (дѣло до суда не дошло), попь Моисей общаетъ: „а которую церковную землю я роздалъ въ наемъ крестьянамъ стольника Феодора Феодоровича Плещеева, и мнѣ попу Моисею съ тѣми крестьяны раздѣлку чинить въ той землѣ самому“.

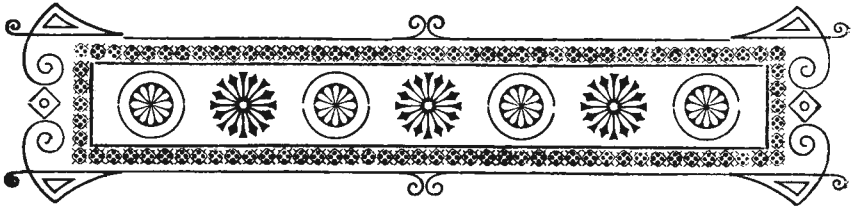
По этой же мировой записи попь Моисей получилъ обратно и своего сынишку Тимошку и свои животипки.

Слѣдующій священникъ послѣ Моисея Дементьева былъ попь Трофимъ,—сколько онъ оставался въ селѣ Араповкѣ, точно неизвѣстно, но въ 1707 году его тамъ уже не было и араповская церковь осталась опять безъ попа.

Простояла эта церковь около 60 лѣтъ, а въ 1757 году внукъ Семена Ивановича—Петръ Петровичъ Пазухинъ выстроилъ новую деревянную церковь. Церковь эта съ большими передѣлками существуетъ и до настоящаго времени. Село Араповка принадлежитъ теперь князю Алексѣю Александровичу Тенишеву, мать котораго, Надежда Димитріевна, была урожденная Пазухина, родная правнучка Петра Петровича.

Алексѣй Пазухинъ.

Изъ давно прошедшаго¹⁾. (1876—1879).

Туркъ-Эсмиль 28 мая 1878 г.

Сегодня мы въ большомъ благоустроенномъ турецкомъ селѣ Туркъ-Эсмиль.

Мнѣ была отведена квартира вмѣстѣ съ Хоменко въ очень чистомъ дворѣ, обнесенномъ высокимъ вымазаннымъ глиной плетнемъ; насъ встрѣтилъ хозяинъ — красивый турокъ, лѣтъ за 40, Мехеметь, съ окладистой черной бородой съ неизмѣнной трубкой во рту и плавными медленными движеніями, исполненными чувства сознанія собственнаго достоинства.

— Селямъ-алейкумъ! привѣтствовалъ онъ насъ и медленно пошелъ указать намъ квартиру. Изъ коридорчика мы взошли въ комнату съ большимъ очагомъ, а оттуда въ отведенное для насъ помѣщеніе. Здѣсь около одной изъ стѣнъ шла длинная скамья, около печки въ углу было отгорожено помѣщеніе для омовенія; весь полъ былъ покрытъ чистыми циновками; въ комнатѣ стоялъ сильный запахъ отъ пучковъ розъ, украшавшихъ потолокъ и стѣны. Эти цвѣты и пяльцы съ начатой работой показывали, что намъ турокъ отдалъ женское помѣщеніе, свою же семью онъ перевелъ въ небольшую лѣтнюю пристройку во дворѣ.

Явился Мехеметь съ нѣсколькими продолговатыми подушками и мягкими подстилками въ родѣ одѣялъ; все это онъ разостлалъ на циновкахъ и жестомъ пригласилъ насъ располагаться, самъ же усѣлся на скамьѣ. Онъ сидѣлъ, молчалъ и курилъ, мы же усталые

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

лежали, молчали и ждали вещей. Принесли вещи, и денщики стали готовить постели. Мехемень чрезвычайно удивился, увидя, какъ, повидимому, изъ простой доски вышла кровать, инструментъ, который онъ, вѣроятно, въ жизни своей ни разу не видалъ, улыбнулся, медленно поднялся, медленно собралъ подушки и медленно ихъ вынесъ.

Въ теченіе дня Мехемень—очень симпатичный человѣкъ—поминутно приходилъ къ намъ и каждый разъ пытался завести разговоръ. Мы вооружались безтолковымъ „переводчикомъ“ (словаремъ), турокъ—терпѣніемъ, и начиналась головоломная работа: разыщешь съ трудомъ что-нибудь, измучишь турка и, наконецъ, заставишь его понять, но, увы, начинается часть работы гораздо болѣе трудная: нужно же и его понять, но въ концѣ концовъ, какъ это ни странно, мы какъ-то столковались, правда, нужно сознаться, что о глубокихъ матеріяхъ мы съ нимъ не толковали. Пили чай и его угощали, навалили сахару больше, чѣмъ чаю, пришлось ему очень по вкусу, видимъ, что половину стакана выпилъ, а остатокъ куда-то несетъ.

— Нердэ? (куда).

Показываетъ рукой на пристройку, гдѣ ютится семья.

— Бурда аврэтъ кызъ (здѣсь жена и маленькая дочь). Мы его заставили выпить свой стаканъ и налили для жены и дочери, чѣмъ онъ остался очень доволенъ. Вечеромъ онъ принесъ намъ двѣ маленькихъ тарелочки съ кушаньемъ и хлѣбъ; въ одной изъ тарелокъ была яичница (кайгана), а въ другой что-то непонятное, темное и жидкое. Когда отъ яичницы слѣдовъ не осталось, то мы ему объяснили, что не знаемъ, какъ ѣсть второе блюдо, тогда онъ отломилъ маленькій кусокъ хлѣба и, обмакнувъ его въ жидкость, съ любовью понесъ ко рту; видно было, что это лакомое блюдо; оказалось, что это медъ, приготовленный съ винограднымъ сокомъ, который ему сообщалъ кисленькій вкусъ, для насъ это была вещь нестерпимая, но изъ приличія мы ѣли и поблагодарили.

— Леззети, эффеңди, шюкурлеръ, т. е. вкусно, хозяинъ, благодаримъ!

Вечеромъ мы отправились къ сосѣдямъ по квартирѣ—здѣсь при свѣтѣ фонарей, весело ужинали въ хорошенькомъ садикѣ, окружавшемъ домъ турка. Здѣсь же сидѣли хозяева дома: одинъ старикъ, другой помоложе.

Старика я называлъ ак-сакаль (бѣлая борода), что видимо было ему пріятно.

Застали тенденціозный разговоръ: наши все выспрашивали турокъ объ ихъ отношеніяхъ къ болгарамъ, начинали издалека.

— Хорошь татаръ?

— Хорошъ, отвѣчаетъ турокъ.

— Хорошъ черкесъ?

— Э, чокъ (очень) не хорошъ.

Черкесъ, вообще, никто не любитъ.

— А болгаръ хорошъ?

— Не знаемъ, отвѣчаетъ политично ак-сакалъ, но продолжаютъ приставать, турокъ помоложе не выдерживаетъ и говоритъ: не хорошъ твой болгаръ!

Афлаторъ, 4 июня 78 г.

1 июня, послѣ 7 дней похода, мы вмѣстѣ съ другими частями нашей дивизіи остановились на бивуакѣ около Силистріи.

Здѣсь была получена телеграмма расположить дивизію подлѣ Силистріи и насъ вмѣстѣ съ Стародубовскимъ драгунскимъ и Бѣлгородскимъ уланскимъ полками перевели въ большое болгарское село Афлаторъ, верстахъ въ 20 къ югу отъ Силистріи.

Наша остановка имѣетъ, вѣроятно, связь съ собравшимся въ Берлинѣ конгрессомъ—вѣроятно, выжидаютъ, какой оборотъ примутъ дѣла, и, въ случаѣ удачнаго хода переговоровъ, можетъ быть насъ отсюда же двинуть въ Россію.

Кале-Петрово, 24 июня 78 г.

Переходъ нашъ въ Кале-Петрово совершился замѣчательно неожиданно: 22 июня въ 5 часовъ утра получено приказаніе сосредоточить въ тотъ же день всю дивизію у Силистріи. Въ тотъ же день послѣ обѣда вышли и стали бивуакомъ у села Кале-Петрово, верстахъ въ 4 отъ Силистріи. Говорятъ, будто бы что-то вышло между румынами и 11 корпусомъ, стоящимъ въ Румыніи; командующій войсками телеграфировалъ генералу Тотлебену и въ то же время генералу Ванновскому (командиру нашего корпуса); генералъ же Ванновскій на всякій случай распорядился сосредоточить дивизію у Силистріи, но, кажется, черезъ-чуръ погорячились и, вѣроятно, насъ въ Румынію не поведутъ, и теперь уже гусаръ и казаковъ послали на старыя мѣста; насъ же съ драгунами и уланами поставили въ селѣ Кале-Петрово.

Силистрія, 26 июня 78.

Цѣлой компаніей верхами мы отправились въ Силистрію. Трудно себѣ даже представить, что такое теперь Силистрія въ нравственномъ отношеніи! Это уже не Бухарестъ съ его легкой, веселой, но пустой жизнію, а это сплошная непролазная грязь. То, что мы застали, можно объяснить себѣ только тѣмъ, что здѣсь непрерывно

проходить новыя толпы людей, людей физически здоровыхъ, но усталыхъ нравственно, оторванныхъ отъ обычныхъ условій жизни, лишенныхъ всякихъ умственныхъ, здоровыхъ развлеченій и истомленныхъ неопредѣленностью положенія.

Мы остановились у „Сашки“—это добродушное и взбалмошное существо—давнишняя подруга К—ва, офицера нашей дивизіи, она открыла здѣсь, въ Силистріи, недалеко отъ крѣпостныхъ воротъ гостиницу, гдѣ обыкновенно и останавливаются многіе офицеры нашей дивизіи.

Изъ общей залы открываются двери въ номера; они всё были заняты, и Сашка уступила мнѣ съ товарищемъ собственную комнату, гдѣ стояла широкая кровать, масса бутылокъ съ пивомъ и цѣлая бочка съ „Пиперомъ“ (шампанское). Въ залѣ много народу, крики „пиво, вино, бифштексы“ раздавались со всѣхъ концовъ, а въ углу 4 бродячихъ музыканта напиливаютъ румынскую пѣсню „ма юбешти, спуни да“. Сашка не въ духѣ, одѣта она въ юбку и ночную кофту, поднимается съ мѣста, какъ вихрь, летитъ, поворачиваетъ за плечи первую скрипку и выталкиваетъ всѣхъ музыкантовъ; на ихъ смуглыхъ, потертыхъ униженныхъ лицахъ написана просьба: „дай же собрать галаганы (су)“, но она ихъ гонитъ, и скоро они уже на улицѣ, идутъ дальше. А на улицѣ у дверей стоитъ большой инструментъ, темная личность играетъ на клавикогдахъ, толстая дѣвушка въ большой шляпѣ собираетъ галаганы у собравшейся толпы, а толпа смотритъ на кувирканія мальчика на разостланномъ на улицѣ красномъ платкѣ.

Въ залѣ жуютъ, пьютъ и смотрять, какъ, войдя сюда, мальчикъ раскладываетъ среди столовъ на полу свой неизмѣнный красный платокъ и, ставъ на руки, показываетъ худенькія жалкенькія ноги, обтянутыя изъ экономіи какой-то холстинкой.

— Бифштексъ,—кричать,—сколько разъ говорить!

— Сейчасъ! слышится въ отвѣтъ, и лысый кельнеръ съ блюдомъ ловко проскальзываетъ между столомъ и акробатомъ, но, о ужасъ! мальчикъ дѣлаетъ сальто-мортале и блюдо летитъ въ сторону, мальчикъ сконфуженъ, публика смѣется, смѣется и Сашка, и первая же бросаетъ ему подачку. А тутъ изъ одного изъ номеровъ несутся крики: „Ah, mon Dieu! Mes trois louis!“

Изъ дверей въ растерзанномъ видѣ выходитъ румынка и увѣряетъ, что у ней украли три полуимперіала и тутъ же рассказываетъ, какъ у ней составила эта сумма, и что пропажу она обнаружила, когда захотѣла спрятать въ сакъ стопку свѣженькихъ серебряныхъ рублей.

Сашка грозитъ послать за полиціей.

*

Вечеромъ мы пошли бродить по городу.

По Дунаю быстро идетъ ярко освѣщенный пароходъ, съ него доносятся звуки музыки. Тяжелыя крѣпостныя ворота заперты. Часовые ходятъ по валу, перекликаясь время отъ времени, на улицахъ темно, единственное освѣщеніе—это свѣтъ изъ различныхъ стелей, ресторановъ, по-просту кабаковъ, въ которые превратились небольшіе некрасивые дома главной улицы. Попадаютъ кучки военныхъ, вечеромъ больше никого не видно. Нѣсколько арабаджи (извозчиковъ), подремывая, сидятъ на козлахъ своихъ старыхъ, уродливыхъ фаэтоновъ, запряженныхъ какими-то клячами въ оборванной упряжи. Со всѣхъ концовъ несутся звуки музыки; вездѣ играютъ. Играетъ и полковой оркестръ, по-солдатски отбивая тактъ, играютъ проѣзжіе музыканты изъ Рущука. Доносится тоже „Ма юбешти, спуни да“. Играютъ нѣмецкіе женскіе оркестры со своимъ неизмѣннымъ „Kleine Postillon“. Гдѣ-то вопять „Не брани, моя родная“.

Вдругъ среди всего этого гама вы слышите какіе-то звуки, не то органа, не то фортепiano. Звуки все ближе и ближе, вотъ они равняются съ вами, и вы видите, какъ идетъ какой-то человѣкъ въ шляпѣ, весь согнувшись, на его спинѣ родъ органа, а сзади идетъ другой и играетъ на этомъ движущемся инструментѣ, онъ не останавливается и идетъ дальше до конца улицы, а тамъ вѣроятно свернетъ въ другую, и все будутъ раздаваться тѣ же звуки.

Говорятъ, что нужно посмотрѣть „Московскій Казино“. Входимъ черезъ бильярдную; въ углу сидитъ толстая, пожилая, добродушная нѣмка, съ нею двѣ полныхъ, молодыхъ нѣмки. На лицахъ у всѣхъ у нихъ написано: „намъ ни скучно, ни весело, мы сыты и навѣрно будемъ сегодня ужинать“. Это музыкальная семья—арфянки, пріѣхавшія изъ Журжева. Съ ними какой-то зелено-желтый молодой человѣкъ, не то онъ хромой, не то косой, что-то неладно, это неудачникъ въ музыкѣ, зарабатывающій теперь кусокъ хлѣба тяжелымъ трудомъ. Изъ дверей—маленькій садикъ, тамъ гремитъ полковой оркестръ, всѣ столики заняты, нигдѣ не найти мѣста, вездѣ пѣхотные офицеры, военные чиновники, и все это перемѣшалось почти въ равной пропорціи съ женщинами, даже не двусмысленными. За столикомъ ужинали пять знакомыхъ уланъ, съ ними хорошенькая совсѣмъ молоденькая дѣвушка съ ужасно глупымъ лицомъ, она не понимаетъ, что говорятъ кругомъ нея, ея мало интересуются и если обращаются къ ней, то на такомъ странномъ „діалектѣ“, что она, несмотря на привычку, невольно протягиваетъ руку къ ущи-

ленному мѣсту. У столика сидятъ отдѣльно 4—5 дѣвушекъ, около нихъ прохаживаются нѣсколько очень скромнаго вида офицеровъ, одинъ изъ нихъ покупаетъ у разносчика (они всегда и вездѣ) пару чулокъ, дѣлаетъ подарокъ, и общее знакомство устанавливается. За другимъ столикомъ разсматриваютъ карточки нецензурнаго содержания, тутъ перемѣшаны фотографіи: турецкаго султана, императоровъ, голыхъ женщинъ, эротическихъ позъ и т. п.

Вездѣ пиво и вино, вездѣ тотъ же „діалектъ“, вездѣ кепи и фуражки и только нѣсколько серьезныхъ фесокъ.

Одному изъ нашей компаніи нужно было позаботиться достать себѣ комнату, что не совсѣмъ было легко. Въ нѣсколькихъ гостиницахъ, куда мы ни заходили, въ номерахъ было поставлено по нѣсколько кроватей, и всѣ онѣ были заняты. Насъ направили въ меблированныя комнаты вблизи „Сашки“; мы вошли со двора черезъ корридорчикъ и очутились въ большой комнатѣ съ тремя постелями, съ грязнымъ бѣльемъ, здѣсь же стоялъ непокрытый столъ съ закуской, сидѣли двѣ женщины въ однѣхъ юбкахъ и хозяйни меблированныхъ комнатъ—болгаринъ. Пока мы объяснили цѣль прихода, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ—отворяли дверь, и кто-то уходилъ, черезъ секунду на порогѣ показалась деbeatая женщина съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, она прошла къ столу, поставила подсвѣчникъ, положила въ мѣшечекъ кучку серебра, которую держала въ рукѣ, протянула 2 фр. хозяину и сказала: „за номеръ“, затѣмъ взяла съ тарелки большой кусокъ рыбы и, очищая ее пальцами, стала ѣсть и посматривать на всѣхъ исподлобья.

Мы отправились искать дальше.

Рано утромъ я проснулся, вышелъ въ залу посмотрѣть, что дѣлаетъ Л—скій. Вчера ему не удалось найти номера, и онъ улегся въ столовой, на скамьѣ. Здѣсь же въ залѣ на скамьѣ устроилась и „Сашка“.

Въ залѣ я засталъ Ш—да и С—ва; оба приставили столикъ къ двери номера, занятаго Л—вымъ; смотрѣли въ стекло, въ верху двери, и хохотали. Л—каго нигдѣ не было; въ одномъ изъ номеровъ дверь была пріотворена. Ш—дъ ее толкнулъ, и я черезъ открывшуюся дверь увидѣлъ удивительную сцену: на кровати, вытянувшись во весь свой гигантскій ростъ, черной бородой къ верху, лежалъ Л—скій и рядомъ съ нимъ какой-то штатскій. Вѣроятно, шумъ отворенной двери разбудилъ ихъ, оба открыли глаза и съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга.

— Честь имѣю рекомендоваться—ротмистръ Л—скій, говоритъ Л—скій, обращаясь къ сосѣду. Оказалось, что ночью ему стало нестерпимо тяжело спать на деревянной скамьѣ и онъ вошелъ въ первый попавшійся номеръ, и улегся на кровать рядомъ съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ.

Л—овъ, такой чистоплотный и ригористъ въ личной жизни, когда узналъ о продѣлкѣ Ш—дъ и С—ва, былъ очень сконфужень: „да помилуйте, господа“, оправдывался онъ: „что же было дѣлать, когда нельзя было найти свободнаго номера!“...

Кале-Петро, 1 іюля 1878 г.

Познакомился съ моими хозяевами: отецъ высокій красивый мужчина, жена худенькая, вѣчно молчаливая, вѣчно за работой, два сына: одинъ еще совсѣмъ маленькій, другой симпатичный парень Великъ, девяти лѣтняя скромненькая, тихенькая дочь Николина.

Хозяинъ попался очень разговорчивый: какъ только узналъ, что я не только не держу себя съ нимъ свысока, но даже ищу случая поговорить съ нимъ, самъ сталъ заходить ко мнѣ.

Сядемъ, закуритъ трубку и начинаетъ разговоры о хозяйствѣ, о сходствѣ болгарскаго языка съ русскимъ, вспоминаетъ о томъ времени, когда онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ, когда „Царь Николай“ привелъ сюда своихъ „уланъ“, и какъ ему нравились ихъ „уборы“, тогда русскіе стояли по одну сторону села, а турки по другую.

Въ прошломъ году онъ собралъ съ „Нивки“ 60 „крищицъ“ (копна); изъ нихъ 6 пошли туркамъ, изъ остальныхъ же онъ вымолотилъ около 9 „киль“ (примѣрно 36 четвертей). Я его спросилъ, у всѣхъ ли такъ по многу?

— Нѣтъ, есть много, кои имутъ по-малку! А вотъ, когда былъ живъ его отецъ—тотъ былъ „много богатъ“: собиралось по 400 „крищицъ“; одинъ годъ былъ даже выбранъ „джорбаджіемъ“.

Теперь же семь братьевъ раздѣлились и живутъ по-близости въ отдѣльныхъ домахъ. Во время нашей войны приходять въ село изъ Силистріи 4 заптія (жандармы) и 1 чаушъ (урядникъ) и говорятъ, что приказано взять съ села 120 лошадей съ повозками:— хочешь дать или не хочешь? спрашиваетъ джорбаджія.

Но какъ сказать, что не хочешь?

Джорбаджій и отвѣчаетъ:

„Мы—булгаре! Мы не знаемъ русскаго Царя. Мы тутъ родились—мы знаемъ только Султана!“

Взяли, увели лошадей. Черезъ нѣсколько дней приходять за баранами—взяли 2.000 штукъ и говорятъ:

„Вотъ молитѣ Бога, чтобы русскихъ прогнать—три года тогда ничего съ васъ не будемъ брать!“

Очень расхваливаетъ уже умершаго Ибрагима-пашу — отецъ Махмудъ-бея (въ Афлаторѣ). Самъ паша жилъ въ Силистріи, а въ имѣніи его близъ Кале-Петро работали, конечно, бесплатно болгаре изъ Кале-Петро.

Онъ объяснилъ, что, именно, благодаря Ибрагиму-пашѣ, они въ 1854 г. спокойно остались на мѣстѣ послѣ ухода русскихъ.

— Отчего же вотъ изъ Афлатора ушли?—Афлаторъ далеко—тамъ и боялись турокъ—оттого и ушли.

Когда Махмудъ-бей захватилъ землю въ Афлаторѣ, то паша „гонялъ“ туда болгаръ изъ Кале-Петро для обработки полей, пока не возвратились болгаре изъ Россіи.

— Чѣмъ же онъ тебѣ особенно нравится? спросилъ я.

— Много хорошъ Ибрагимъ-паша!

— Что же онъ сдѣлалъ хорошаго?

Болгаринъ снялъ со стѣны мою нагайку и, взмахнувъ ею нѣсколько разъ, сказалъ:

— Много плетокъ побилъ на болгаръ и на турокъ: не губово (не хорошо) правять, и біеть!“

Теперь у меня иногда собирается большое болгарское общество: приходитъ хозяинъ, писарь—Добрій-Кириакъ и учитель Нейку Великовъ. Учитель и писарь, оба изъ Шумлянской школы, славные здоровые парни лѣтъ по 25. Толкуемъ о школахъ, о бывшемъ въ Филиппопольскомъ округѣ возстаніи, закончившемся такой страшной рѣзней, о народныхъ герояхъ. Приносили мнѣ стихи о подвигахъ „Тоти“,—извѣстный гайдамакъ Хитовъ Панайотъ, дѣйствовавшій въ 66—67 г. Эти стихи конечно были строго запрещены турецкимъ правительствомъ; но, говорятъ, несмотря на это, врядъ ли есть село, гдѣ бы не было хотя одного списка; говорили, что въ этомъ районѣ было немыслимо никакое возстаніе: такъ, здѣсь, изъ 365 селъ только 65 чисто болгарскихъ; тогда какъ тамъ, гдѣ возникали возстанія, напримѣръ въ Габровѣ—на одно турецкое село приходилось 15 болгарскихъ.

Нѣкоторыя изъ пѣсень:

Балканская пѣсня.

Смѣйся надъ нами ты, гордый балкань,
Залейся, листва;
Болгаринъ какъ зарѣзанный
Не говоритъ ни слова,

Онъ забыль, чѣмъ онъ былъ
 Сколько времени онъ гордился
 Своимъ Царемъ—Крумомъ.
 Не довольно ли, столько времени терпѣть:
 Пойдемъ поскорѣе
 Съ нашими родичами,
 Они бьются и проливаютъ кровь,
 А нашъ левъ глубоко заснулъ въ долинахъ;
 Говорять, что есть воздухъ за Балканами,
 Но къ сожалѣнію не слыхаль,
 Чтобы была свобода.
 Онъ какъ-будто привыкъ,
 Чтобы мы шумнымъ крикомъ гнались за свободой.
 Болгаринъ, что ты спишь!
 Нѣтъ ли у тебя остраго ножа?
 Вчера государя имѣль, а сегодня его потеряль;
 Твоя слава—острый мечъ,
 А твоя жизнь лютая борьба:
 Довольно тебѣ спать.

Хаджи ¹⁾ Димитрій ²⁾.

Живъ еще, живъ тамъ на Балканахъ,
 Облить кровью, лежить и вздыхаетъ
 Молодецъ молодой въ силѣ юношеской.
 На одну сторону бросилъ ружье,
 На другую саблю, пополамъ сломанную.
 Въ глазахъ темнѣеть, голова кружится
 И проклинаяетъ всю вселенную.
 Лежить молодець, а на небѣ
 Солнце остановилось, сильно печетъ.
 Кузнечикъ поетъ гдѣ-то въ полѣ,
 А кровь все сильнѣе течетъ.
 Жатва теперь, пойте, рабыни,
 Эти грустныя пѣсни, грѣй и ты, солнце,
 На этой рабской землѣ погибнетъ
 Этотъ молодець и ты, сердце, не бейся.
 Тотъ, кто упадетъ въ бою за свободу,

¹⁾ Хаджи—Паломникъ.

²⁾ Предводитель четы, въ 60-тыхъ годахъ палъ при сраженіи около с. Казани Сливненскаго округа.

Тотъ не умираеть: его жалѣють
 Земля и небо, звѣрь и природа,
 И пѣвчіе пѣсни для него поють.
 Днемъ тѣнь ему наводитъ орлица,
 А волкъ лижетъ тяжелую его рану,
 Надъ нимъ соколъ, молодецкая птица,
 И она за брата за молодца тужить.
 Настала ночь, мѣсяцъ появился,
 Звѣзды обсыпають небесный сводъ.
 Лѣсъ зашумить, вѣтеръ подуетъ,
 Балканъ запоетъ повстанческую пѣснь,
 И русалки въ бѣломъ одѣяніи
 Чудныя, прекрасныя пѣсни запоютъ;
 Легко ступають по зеленой травѣ
 И къ молодцу придуть, присядуть.
 Одна ему травую рану перевязываетъ,
 Другая поливаетъ холодной водой,
 Третья въ уста быстро поцѣлуетъ,
 А онъ на нее смотритъ, улыбаясь.
 Скажи мнѣ, сестра моя, гдѣ Караджа¹⁾,
 Гдѣ моя преданная дружина?
 Скажи мнѣ, а потомъ возьми душу.
 Я хочу, сестра моя, здѣсь умереть.

Не легко было мнѣ составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о налогахъ и о способахъ ихъ взиманія. Было три рода налоговъ:

1) „*ошуръ*“—десятая часть собраннаго съ полей хлѣба, напр. въ прошломъ году въ Гаргалѣ было взято 220 киль пшеницы

70 „ ячменя и

50 „ кукурузы.

2) „*за колпакъ*“—денежный налогъ, замѣнявшій собой воинскую повинность. Такъ, съ Кале Петрово назначено было платить въ годъ „за колпакъ“ 20.000 грошей. Въ Гаргалѣ платили „за колпакъ“ 12.500 грошей (т. е. 625 р.)

и 3) *имлякъ*—тоже денежный налогъ, о которомъ потомъ.

Наибольшія затрудненія представлялъ сборъ „ошура“.

Къ 15 іюля въ Кале Петрово пріѣзжалъ изъ города сборщикъ— „меймуръ“, въ сопровожденіи 4—5 помощниковъ.

¹⁾ Степанъ Караджа—другой предводитель повстанческой четы.

Меймуръ долженъ былъ собрать съ четырехъ селъ; самъ онъ оставался въ главномъ селѣ Кале Петровѣ, а помощниковъ посылалъ въ меньшія села.

Все время меймуръ жилъ у одного болгарина, кормили же его всѣ по очереди; жилъ такъ онъ до августа—пока всѣ не окончатъ жать.

„Хотя бы только одинъ еще не окончилъ жать — нельзя считать!“

Начинается счетъ „крыщицъ“ — въ каждой изъ нихъ должно быть совершенно опредѣленное число сноповъ; считаетъ недѣлю — если же дождь, то и 10 дней.

„Пока считаетъ „крыщицы“, то ничего не кушаетъ, кромѣ цыплятъ; если десятникъ принесетъ одинъ хлѣбъ, то онъ ему въ голову бросить!“

Окончивъ счетъ въ главномъ селѣ, идетъ въ другія деревни, гдѣ его помощники—тамъ уже дѣло идетъ быстрѣе.

Пока онъ всего не пересчиталъ—хлѣба свозить нельзя; бывало такъ, что необходимо хлѣбъ свозить, приходятъ и просятъ его— „молятъ наго“—нельзя, говорить!

Бывало и такъ: прійдетъ болгаринъ, дастъ барана, а то и курицу, онъ и пошлетъ своего человѣка пересчитать и позволить свезти.

Отсчитанная десятая часть крыщицъ свозится каждой деревней въ одно мѣсто, гдѣ и остается подъ надзоромъ помощника меймура; въ случаѣ пропажи отвѣчаетъ джорбаджій (староста); каждый хозяинъ долженъ вымолотить свою долю. Опять меймуръ обходитъ, промѣриваетъ весь хлѣбъ и говоритъ — куда его свозить, сами же болгаре его и свозятъ либо въ ближайшій большой городъ, либо къ порту.

— Что же такое „имлякъ“?

— Платилось за домъ, за нивку, за скоть, „за всички“ платилось!

Въ мартѣ (новый годъ) пріѣзжалъ турецкій „писарь“ и, обходя всѣ дома съ джорбаджіемъ, опредѣлялъ размѣръ налога съ каждаго двора: за домъ, смотря по размѣру, налогъ былъ отъ 2 до 5 франковъ; при опредѣленіи налога съ земли происходилъ разговоръ: спрашивается—сколько нивки?

— Можетъ будетъ 60 дэлюмовъ ¹⁾.

— А можетъ и еще есть?

— Нѣтъ!

¹⁾ Дэлюмъ—40 шаговъ въ длину и столько же въ ширину.

За дѣлюмъ платилось по 1 грошу (5 к.) и къ этому прибавлялось еще столько франковъ—въ сколькихъ участкахъ была земля.

За 1 дѣлюмъ виноградника считалось 12 галагановъ, сверхъ того считалось по 2 галагана за каждую мѣрку вина и по 1 гал. за мѣрку водки, выгнанной изъ виноградныхъ остатковъ.

Здѣсь же джорбаджій указывалъ — сколько приходится съ каждаго двора по раскладкѣ „за колпакъ“.

Всѣ собранныя свѣдѣнія „писарь“ передавалъ въ полицію, а она отъ себя посылала въ село три раза въ годъ заптія, который обходилъ со старостой дворы и дня въ 3—4 разыскивалъ причитающійся за треть года налогъ.

За прошлый годъ Кале-Петрово заплатило 18.000 грошей имляку, такъ что разныхъ другихъ поборовъ, сверхъ десятой части сбора хлѣба, село уплатило деньгами (за „колпакъ“ и имлякъ) около 3.000 р.

Въ Гаргалѣ, напримѣръ, было уплачено имляка: 6.500 грошей.

Афлаторь. Іюль 1878 г.

Въ началѣ іюня насъ перевели обратно въ Афлаторь.

Вчера устроили пикникъ въ дели-армандскомъ лѣсу, а туда, далеко въ глубь лѣса, ходили два эскадрона и привели сегодня оттуда партію баши-бузуковъ; уланы, узнавъ, что баши-бузуки перешли чрезъ демаркаціонную линію, охотились за ними цѣлую недѣлю. Шумла уже очищена, не знаю относительно Варны.

Мы все еще въ Афлаторѣ.

Афлаторь верстахъ въ 20 къ югу отъ Силистріи, нѣсколько въ сторонѣ отъ шоссе на Шумлу; въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села начинается уже опушка громаднаго делиармандскаго ¹⁾ лѣса, тянущагося до самой Шумлы. Дальше въ лѣсу все турецкія и черкескія села. Афлаторь—последнее болгарское село по пути отъ Силистріи къ Шумлѣ. Село широко раскинуто по мелкой долинкѣ съ очень отлогими скатами и побочными развѣтвленіями.

Какъ и всѣ болгарскія деревни, Афлаторь имѣетъ очень зажиточный и благоустроенный видъ: почти во всѣхъ его 250 дворахъ тѣ же помѣстительные, крытые черепицей дома; во дворахъ различнаго рода службы, отдѣльныя конюшни, если въ домѣ нѣтъ „зимниковъ“, помѣщенія для овецъ, амбары съ закромами для

¹⁾ Название лѣса составное: арманда, по-турецки лѣсъ, а дели—кажется, разбойникъ.

хлѣба. Мы застали—и это въ іюлѣ мѣсяцѣ—большіе запасы всякаго фуража, несмотря на то, что въ этомъ году селу, сверхъ уплаты податей, пришлось цѣлую зиму кормить жителей, бѣжавшихъ изъ разоренныхъ селъ Конаны и Карапелена.

Эти деревни, вѣроятно, постигла участь Пиргоса, Чиѣлина, Косова и др. селъ, очутившихся между двухъ огней.

У моего хозяина Пенько, еще теперь, много прошлогодняго ячменя и овса.

Среди села большая площадь; на ней паровая мельница, принадлежавшая бею Махмуду; его большой домъ, обнесенный садомъ, нѣсколько въ сторонѣ на скатѣ долины; самъ Махмудъ бѣжалъ и въ его домѣ теперь поселились начальники дивизіи и бригады. Въ селѣ имѣется церковь и большая школа. Воду доставляютъ два водоема (чесме) и 8 колодцевъ. Въ началѣ села 7 вѣтреныхъ мельницъ.

Къ вечеру, когда скотъ возвращается, невольно удивляешься этимъ большимъ стадамъ барановъ, овецъ, козъ, рогатаго скота и лошадей.

И это послѣ года войны и послѣ того, какъ турки взяли реквизиционнымъ путемъ, безъ уплаты денегъ, 120 лошадей и около 2.000 овецъ!

И при томъ Афлаторъ не исключеніе; вотъ, на примѣръ, собранныя мною свѣдѣнія въ бытность мою въ Гаргалъ, Кале-Петрово и Афлаторъ:

	Гаргалъ.	Кале-Петрово.	Афлаторъ.
число дворовъ	148	284	250
„ жит. 1098	{ м. 558 ж. 540	2.063 { м. 1062 ж. 1001	1.841 { м. 896 ж. 945
буйволовъ	154	338	410
воловъ	297	987	640
мелкій скотъ	185	?	186
лошадей	187	246	315
овецъ	1.504	5.374	7.525
козъ	1.066	1.296	3.233
свиной	124	255	140
вѣтр. мельн.	—	18	7
вод. мельн.	3	5	—
водоемовъ	?	12	2
колодцевъ	?	6	8

Скотъ распределенъ далеко неравномѣрно: на примѣръ, въ Гаргалъ изъ 148 дворовъ въ 20—вовсе не было скота, а въ Афлаторѣ на 284 дворовъ не было скота въ 40.

Въ Гаргалѣ овцеводствомъ занималось 46 дворовъ, а козъ держали въ 26 домахъ. Тоже и съ землей: напримѣръ, въ Кале-Петрово видѣлъ дворъ, гдѣ на 22 души приходилось 40 дѣлюмовъ, а въ другомъ на 5 душъ—60 дѣлюмовъ.

Поразительно, какъ много работаютъ женщины: смотрять за домомъ, готовятъ пищу, пекутъ хлѣбъ, носятъ воду, рубятъ дрова, чешутъ, прядутъ и красятъ шерсть, ткутъ ткани, шьютъ платье, занимаются вышивками; работаютъ въ огородѣ, виноградникахъ.

Болгарка занята весь день, вечеромъ приходитъ скотъ, нужно имъ заняться, кончили работы—вся семья усаживается на полу на циновкахъ вокругъ низенькаго столика, и болгарка подаетъ ужинъ.

Меня поражала всегда та правильность, однообразіе, съ которымъ исполняются работы въ селѣ: въ одинъ и тотъ же день всѣ идутъ въ виноградники, въ одинъ и тотъ же день во всѣхъ дворахъ выставляются стойки для приготовленія нитокъ, въ одинъ и тотъ же день всѣ начинаютъ ткать—точно все это выполняется по какому-то утвержденному для всѣхъ порядку.

Въ нѣкоторые дни, по праздникамъ, вы увидите цѣлую армію дѣвочекъ, разносящихъ по селу въ маленькихъ мисочкахъ хлѣбъ, угощеніе, иногда и восковыя желтыя свѣчи:—это рассылаются угощенія къ роднымъ и знакомымъ или справляются поминки.

Пришелъ ко мнѣ Иванъ Дѣминъ. Я разговорился съ нимъ по поводу полученныхъ отъ него раньше нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ, говорили о перевѣсѣ числа женщинъ въ Афлаторѣ надъ числомъ мужчинъ.

— Да, у насъ въ селѣ много женъ. А все же дорого стоитъ мамичка! Дорого! повторилъ онъ. Я воспользовался случаемъ и попросилъ его рассказать подробности о свадьбѣ. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ видѣть отдѣльные моменты, но у меня не было цѣльной картины.

— Когда хлопецъ (ѳргень), началъ онъ, намѣтитъ себѣ мамичку и пожелаетъ на ней жениться, то начинаетъ вести дѣло черезъ сватовъ. Сватъ обыкновенно пожилой болгаринъ, приходящійся сродни жениху.

Сватъ идетъ въ домъ невѣсты и начинаетъ переговоры съ отцомъ (башта); часто эти переговоры оканчиваются неудачею, если

женихъ изъ бѣдныхъ, а отецъ желаетъ выдать дочь за богатаго. Если же башта сказалъ, что дѣло можетъ устроиться, то свать приходитъ въ другой разъ, беретъ съ собой водку, хлѣбъ, сварить еще что-нибудь, ну, хоть курицу и у башты ѣдятъ. Свать принимается съ большимъ почетомъ. Недѣлю спустя свать съ другими „стариками“ опять идетъ въ домъ невѣсты; но на этотъ разъ идутъ ночью и берутъ съ собой музыкантовъ, человѣкъ 3—4, играютъ на волынкѣ, на свирѣляхъ и на инструментѣ вродѣ балалайки. Женихъ при этомъ посылаетъ черезъ свата мамичкѣ деньги-желтицы, браслетъ, и еще какіе-нибудь подарки, напримѣръ, мѣдныя или серебряныя бляхи для пояса.

Потомъ эти монеты служатъ украшеніемъ и передаются отъ матери къ дочери. Приходилось иногда на праздникахъ видѣть дѣвушекъ, чуть не сплошь обвѣшанныхъ этими монетами.

— Сколько же обыкновенно даютъ?

— Разно: даютъ иногда и много!

— Но сколько ты давалъ при свадьбѣ?

— Я послалъ 50 „желтицъ“ маленькихъ (по 1 р.), 3 желтицы большихъ (вѣроятно по 5 р.) да браслеты!

— Если отецъ доволенъ подарками, продолжалъ онъ, то кричить: давайте водки, винца! Собираются родные (мужчины и женщины), играетъ музыка, пьютъ „винцо“, кушаютъ до свѣта. Потомъ расходятся.

Женихъ же долженъ сдѣлать невѣстѣ одежду, стоимость которой доходитъ иногда до 10 полуимперіаловъ.

За все это время женихъ въ домъ невѣсты не ходитъ и видится съ ней только у водоема (чесме), когда вечеромъ она идетъ по воду.

Но вотъ сваты переговорили, подарки отнесены, вечеринка у отца была; теперь начинается то, что у болгаръ называется „годѣшъ“—„зачатіе“ свадьбы. Начинается это со среды.

Въ среду къ жениху собираются парубки и дѣвушки; на дворѣ играетъ музыка, вокругъ устраивается „хора“—хороводъ. Вотъ трое, четверо взялись за руки и двигаются то влѣво, то вправо; но вотъ вступаютъ еще и еще новыя лица, вотъ уже образовался и большой кругъ: мамички на одной сторонѣ, а ѣргени на другой, кругъ все движется то вправо, то влѣво; музыканты выдѣлываютъ свой монотонный, неуловимый мотивъ: кажется, точно побѣжали маленькія волны, но вотъ на нихъ другія, третья и т. д., и все маленькія и не разобрать ихъ и не уловить ихъ взглядомъ. Въ домѣ приготовленъ большой, чуть не въ аршинъ въ діаметрѣ, хлѣбъ, намазанный медомъ. Старуха рѣжетъ его на тонкіе и длинные куски изъ

центра; какая-нибудь женщина (булка) беретъ отъ старухи куски и раздаетъ имъ всѣмъ, а другая въ это время разноситъ и наливаетъ всѣмъ „винца“. Веселѣе пошелъ хороводъ: ишь какъ ловкій парень въ красномъ кушакѣ, въ бараньей шапочкѣ на бекрень прилепнулъ и крикнетъ и—га!

Женщины (замужнія—булки) тоже стали въ кругъ; онѣ—всѣ въ рядъ—какъ притопнуть вмѣстѣ, только земля загудитъ! И куда же вамъ хлопцы и дѣвушки такъ пристукнуть? И движется кругъ то вправо, то влѣво, а внутри его ходятъ по кругу же музыканты, и маленькими волнами льется ихъ унылая пѣсня.

Въ четвергъ устраивается то же самое у невѣсты.

Въ пятницу утромъ съ 6 часовъ въ домѣ невѣсты собираются дѣвушки и „сѣютъ муку“.

На полу ставится корыто и надъ нимъ держатъ три сита, одно надъ другимъ, каждое сито держатъ по двѣ дѣвушки, въ верхнее сито сыпать муку, а стоящія вокругъ дѣвушки поютъ разныя пѣсни.

Закачались три сита,
Три сита шелковыя:
Они просѣяли горы и воды,
Одно лишь дерево осталось;
Подъ тѣмъ деревомъ дѣвушка и парень.
Деверь и молодуха черезъ мостъ идутъ;
Мостъ трясется отъ молодухинаго покрывала (була),
Отъ краснаго флага деверя.

Гдѣ его видѣла Гана (имя невѣсты)?
Видѣла его возлѣ водоема—
Я платье мыла, онъ коня поилъ!
Онъ мнѣ понравился, и я его полюбила.

Во время пѣнія невѣсту обсыпаютъ мукою.

Въ полдень расходятся по домамъ.

У жениха тоже собираются съ утра и дѣвушки и парни, пьютъ вино, обсыпаютъ жениха мукой, поютъ пѣсни:

Мнѣ сонъ снился; я во снѣ взволновался:
Въ субботу вечеромъ передъ воскресеньемъ;
Въ нашемъ садикѣ цвѣтутъ розы,
А на розахъ птичка поетъ,
Птичка поетъ и розу качаетъ,
Розу качаетъ и мнѣ, мамо, вѣсть подаетъ.

Мнѣ вѣсть подаетъ отъ любимой,
 Отъ любимой, мамо, отъ обрученной,
 Что обручилась, мамо, въ другой деревни.
 Въ другой деревнѣ, мамо, за сына дяди.
 А мнѣ предлагаетъ, мамо, деверемъ быть!
 Какими ногами, мамо, пойду туда?
 Какими руками, мамо, флагъ понесу?
 Какими устами, мамо, невѣстой назову?

У жениха готовятъ изъ красной и бѣлой матеріи флагъ (байракъ), украшаютъ его цвѣтами, сухими гроздьями винограда и зернами кукурузы, нанизанными на нитку, выходятъ во дворъ, устраиваютъ „хоро“ и поютъ пѣсни:

Антону мама говорить:
 „Антонъ, сынъ мой, Антонъ,
 Съ тѣхъ поръ, какъ ты женихъ,
 Гдѣ ты, сыночекъ, ложишься и гдѣ ты встаешь?“
 Антонъ мамѣ отвѣчаетъ:
 „Мама, старая мама,
 Я ложусь, мама, я ложусь
 Во второмъ садикѣ Станы
 Возлѣ бѣлой и красной розы,
 Возлѣ фіолетовой сирени!“
 Мама говоритъ Антону:
 „Антонъ, сыночекъ, Антонъ,
 Я слыхала, люди говорятъ,
 Что Стана тебѣ измѣнить!“
 Антонъ мамѣ отвѣчаетъ:
 „Мама, старая мама,
 Не можетъ Стана мнѣ измѣнить:
 Платокъ Станы у меня!“

Затѣмъ прикрѣпляютъ флагъ на крышу дома, „чтобы знали, что здѣсь свадьба“, и расходятся. Къ вечеру опять сходятся: родные и знакомые жениха у него, а родные невѣсты въ домѣ ея отца.

Каждый приноситъ съ собой, что можетъ: одинъ мѣрку пше-ницы, другой что-нибудь жареное и т. д. Если отецъ богатый, то уже непременно зарѣжетъ барана, если побѣднѣе, то дѣло обойдется и курицами, но бѣдный или богатый, а вина долженъ дать: безъ вина свадьба немыслима: вѣкъ будутъ смѣяться.

— И много же вина нужно на свадьбу!

— Но сколько же, на примѣръ, спрашиваю?

— Да мѣрокъ сорокъ, а если богатый, то и 60!

Отецъ невѣсты можетъ ограничиться мѣрками 15, но отецъ жениха меньше 40 мѣрокъ не можетъ обойтись. И женихъ и невѣста этотъ вечеръ проводятъ по домамъ въ средѣ своихъ родныхъ.

Въ субботу поздно вечеромъ женихъ идетъ къ крестному отцу, играющему, вообще, важную роль во время свадьбы. Тамъ же собираются и родные.

Все это время отъ среды до воскресенья невѣста никуда изъ дома не выходитъ; даже по воду не ходитъ; въ ея жизни это единственные три дня, когда не ходитъ по воду. Начинаютъ ходить уже съ 7, 8 лѣтъ и для дѣвочекъ имѣются особыя маленькія ведра. Съ водоемами (оксме) у дѣвушки связаны лучшія воспоминанія молодости: здѣсь происходятъ разговоры, здѣсь и начинается любовь.

Въ воскресенье женихъ въ первый разъ идетъ въ качествѣ жениха въ домъ невѣсты; его сопровождаетъ толпа народа, ѣдутъ фуры (каруцы): одна его, другая крестнаго отца, а третья родныхъ; на одну изъ фуръ накладываютъ вино, хлѣбъ, жареное, тутъ же и сапоги—подарокъ братьямъ невѣсты.

Вѣхали во дворъ. Женихъ останавливается и молчитъ. Крестный отецъ беретъ его за рукавъ и ведетъ ко двери дома; тутъ онъ останавливается; отецъ невѣсты даетъ позволеніе войти и крестный вводитъ жениха. А невѣста стоитъ молча среди комнаты, закрытая темнымъ платкомъ (було), сверхъ него на голову надѣвается ободокъ изъ монетъ. Сестра беретъ ее за руку, обводитъ вокругъ жениха, который стоитъ все время молча, и они берутся мизинцами, онъ—правой, а невѣста—лѣвой руки.

Крестный отецъ, держась за руку жениха, выводитъ ихъ во дворъ. Въ это время во дворѣ родные жениха стоятъ съ одной стороны, родные невѣсты—съ другой; музыка играетъ и всѣ пьютъ вино. Наконецъ, отецъ невѣсты кричитъ:

— Идемъ въ церковь, хайда!

Женихъ и невѣста, держась за руки, идутъ къ фурѣ и садятся, съ ними первые дружки съ его и ея стороны, здѣсь же везутъ и флагъ; музыка играетъ, всѣ пляшутъ; подтанцовываютъ и въ большой фурѣ и свадебный поѣздъ двигается къ церкви.

Пока идетъ вѣнчаніе, на улицѣ около церкви устраиваютъ хоро.

Въ церкви передъ вѣнчающимися столикъ, на которомъ лежить хлѣбъ, стаканъ съ медомъ, вино и сахаръ.

По окончаніи обряда священникъ раздаетъ все это присутствующимъ.

Послѣ вѣнчанія ѣдутъ къ новобрачному.

Молодыхъ отводятъ въ особое помѣщеніе, а во дворѣ „хоро играютъ“. Тутъ уже и начинается настоящій праздникъ: пьютъ, ѣдятъ, пѣсни поютъ, кричатъ! Время проходить. Молодой выходитъ одинъ; въ комнату къ молодой идетъ старуха...

Послѣ возвращенія старухи пиръ принимаетъ еще болѣе шумный характеръ; пьютъ водку, прибавляютъ къ водкѣ медъ, гуляютъ далеко за полночь; стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ.

Свадьба окончена. Отца невѣсты поздравили ¹⁾. Но теперь начинается рядъ любезностей и визитовъ. Молодой, чуть свѣтъ утормъ, посылаетъ водку крестному и роднымъ.

Родные и знакомые, съ своей стороны, съ хлѣбомъ и водкой приходятъ къ молодымъ, отцу невѣсты и крестному отцу.

Во вторникъ мужъ посылаетъ крестному отцу борщъ (чорба), вино, водку...

Является музыка и этимъ оканчивается празднество. Молодая носить було до среды и потому называется „булкой“, т. е. накрытой.

— Такъ-то,—закончилъ болгаринъ.

— Да вѣрно и у васъ такъ,—и, не дождавшись отвѣта, продолжаетъ:

— И у насъ, такъ и у васъ, да и у турокъ есть много пожога.

Сегодня я отправился въ школу. Училище помѣщается рядомъ съ церковью въ прекрасномъ каменномъ домѣ. Надъ входомъ надпись:

„Народно Болгарско взаимно Училище. Основано 1864 г.“

Изъ сѣней одна дверь налево вела въ классную, а другая — въ комнату учителя Ивана.

Была рекреация, и Ивана я засталъ въ его комнатѣ со священникомъ, сидящими за мисочкой борща съ курицей. Передъ ними лежали куски бѣлаго хлѣба (другого въ Болгаріи нѣтъ), они отламывали кусочки, мокали въ борщъ и отправляли въ ротъ. Встрѣтили меня очень радушно, приглашали принять участіе въ обѣдѣ; священникъ вытащилъ рукой ножку курицы и предлагалъ мнѣ „сію закуску“. Я поблагодарилъ и попросилъ воды; мнѣ подали кувшинъ чудной ключевой воды.

Съ Иваномъ я уже давно былъ знакомъ. Со священникомъ же встрѣтился въ первый разъ, и онъ въ разговорѣ жаловался на свое

¹⁾ Обычай мазать ворота дегтемъ въ извѣстныхъ случаяхъ и здѣсь существуетъ.

положеніе: онъ получалъ съ cadaго двора по 1 мѣркѣ пшеницы и по 1 мѣркѣ ячменя — всего, слѣдовательно, 560 мѣрокъ, „но, говорилъ онъ: у меня старикъ отецъ, всего насъ 10 человекъ, а нивки (земли) нема! Когда ходили въ Россію послѣ 1854 года, землю захватилъ Махмудъ бей“.

Учитель тоже, какъ и вообще вездѣ въ Болгаріи, получаетъ натурой: квартиру и по одной мѣркѣ пшеницы со двора.

Мы съ Иваномъ отправились въ классъ — это была большая, высокая, свѣтлая комната, большія окна съ двухъ сторонъ, по 3 въ рядъ. По стѣнамъ надписи: „онаго коего ты мразишь, другому даю не правишь!“, далѣе: „Въ началѣ бѣ премудрость и страхъ Божій“, „Бойся Бога, царя чти“ и т. п.

На одной изъ стѣнъ висѣла карта Европы (Вѣнское изданіе). Поперекъ комнаты тянулись длинныя узенькія скамьи, съ такими же узенькими столиками. Въ классѣ сидѣло около 20 мальчиковъ, одѣтыхъ совершенно такъ же, какъ одѣваются и взрослые болгаре.

Въ школу начинаютъ ходить съ 7—8 лѣтъ и ходять—сколько вздумается: ходять до 12—15 лѣтняго возраста; Иванъ учился въ этой же школѣ и учился лѣтъ 8.

Когда нѣтъ полевыхъ работъ, то ходитъ человекъ 70, теперь же не болѣе 20—30. На передней скамейкѣ сидѣли самыя маленькіе ученики; у нихъ столики были съ маленькими бортами, здѣсь былъ насыпанъ мелкій песокъ и мальчуганы выводили буквы и слова пальцами.

— Пишите „истокъ“—говоритъ учитель.

Старое быстро стирается, и мальчуганъ старательно выдѣлываетъ на песокѣ печатными буквами „истокъ“.

— Западъ!—командуетъ учитель. Все вновь стирается и выводится новое слово. Я увидѣлъ знакомаго мальчика Стояна: передъ нимъ лежала краткая болгарская грамматика, и онъ усердно списывалъ заданное мѣсто въ разлинованной тетрадкѣ; другіе мальчики тоже списывали съ книгъ—кто въ тетрадки, кто на асидной доскѣ.

Учатъ св. исторію, катехизисъ, болгарскую грамматику, болгарскую исторію, землеописаніе и ариметику. Учебники ниже всякой критики: преобладаетъ катехизическая форма, такъ, на примѣръ, изложена и „Исторія“; что же касается землеописанія, то это почти одинъ перечень названій.

За время пребыванія въ Болгаріи мнѣ пришлось познакомиться со многими учителями и видѣть много школъ. Учителями, по большей части, являются молодые люди изъ учительскихъ семинарій, ко-

*

торыя находятся въ Габровѣ, Рушукѣ, Тырновѣ и Лясковцѣ, или же, какъ Иванъ, воспитанники такихъ же народныхъ школъ, въ какихъ они потомъ сами являются преподавателями. Ни одеждой, ни образомъ жизни они не отличаются отъ народа; мнѣ только въ Бѣлѣ пришлось встрѣтиться съ учителемъ иного типа: онъ учился гдѣ-то за границей, хорошо говорилъ по-французски и ходилъ въ европейскомъ костюмѣ.

Школы стали устраиваться лѣтъ 25—30 тому назадъ, турецкое правительство никакихъ препятствій къ открытію школъ не ставитъ, и теперь вся Болгарія покрыта школами.

За время нашего пребыванія около Силистріи, я ознакомился со всѣми болгарскими деревнями, лежащими отъ Силистріи до половины дороги на Туртукай и до Дѣли-Арманскаго лѣса (дальше въ лѣсу и вплоть до Шумлы — болгарскихъ селъ нѣтъ) и не нашелъ ни одного села, въ которомъ бы не было школы и церкви, а между тѣмъ здѣсь встрѣчались села и съ небольшимъ числомъ дворовъ; вотъ ихъ списокъ:

	Число дворовъ.
Афлаторъ	250
Кале Петрово	284
Кара Орманъ	100
Бабукъ	250
Гирлица	150
Канонія	90
Гергенджинъ	80
Айдеміръ	360 ¹⁾
Среберна	120
Попкей	400
Бурчма	70
Альмали	320
Галица	60
Кучукъ Кайнарджи	90
Алифакъ	40
Караомуръ	90
Цѣтрена	70
Кадикей	40

Замѣтимъ, что первая церковь въ этой „окружѣ“ была деревянная, построенная русскими въ селѣ Альмали въ 1829 году.

Современное болгарское населеніе въ массѣ неграмотное и весьма

¹⁾ 80 двор. молдовъ.

мало религіозно, образчикомъ чего можетъ служить Панасъ изъ Карахаджали. Но, вѣроятно, не далеко то время, когда все молодое поколѣніе болгаръ будетъ грамотно.

На одной изъ стѣнъ я замѣтилъ какіе-то большіе листы, прибитые гвоздиками — это были воззванія высшаго болгарскаго духовенства. Содержаніе ихъ было такъ интересно, что я попросилъ позволеніе взять ихъ себѣ и въ рукахъ у меня очутились слѣдующіе два документа ¹⁾:

1) Отъ 14 апрѣля 1877 года (т. е. на другой день объявленія войны) отъ имени епископовъ: Филиппопольскаго—Панарета, Доростольскаго—Григорія и Самоковскаго—Доситея, о томъ, что собранный въ Константинополь совѣтъ болгарскихъ духовныхъ лицъ свергъ своего экзарха „Негова Блаженства г-на Антима I“ съ экзархата.

Благоговѣйные священники (пастыри), почтенные первенцы и прочіе благословенные христіане, чада наши о Господѣ возлюблены, да будетъ божественная благодать со всеми Вами.

Общеизвѣстно, что несмотря на всѣ приложенныя усилія дать Экзархіи направленіе болѣе соотвѣтствующее духовнымъ и нравственнымъ нуждамъ благочестиваго населенія, труды Экзархіи не только не улучшались, но изо дня въ день начали приходить въ большій беспорядокъ. Это, не по нашей волѣ, положеніе вещей переполняло горечью наши души, тѣмъ больше и больше, чѣмъ яснѣе становилось, что чрезвычайныя обстоятельства такъ вредно дѣйствовали на положеніе Экзархіи, что всякое желаніе исправить его будетъ постигнуто неудачей, если не будутъ отстранены главные причины зла. Это убѣжденіе и полное сознаніе отвѣтственности, которыя какъ члены Святѣйшаго Синода, имѣемъ передъ Святой Нашей Церковью и передъ народомъ, принудило насъ подъ конецъ обратить все свое вниманіе на положеніе Экзархіи и обдумать тѣ мѣры, кои бы понадобилось предпринять, чтобы положить конецъ этому невыносимому положенію.

Съ этой цѣлью, такъ какъ Экзархіа лишилась Экзархійскаго Совѣта, то нашли необходимымъ почтительно созвать Совѣтъ въ Экзархійскій домъ болгарскихъ представителей Камеры, представителей (Хіети-Мбусанъ) и болѣе вліятельныхъ здѣсь пребывающихъ нашихъ единокровцевъ, для необходимаго совѣта, который и состоялся, и въ которомъ, принявъ во вниманіе условія, при которыхъ находилась Экзархіа и положеніе самаго Его Блаженства Экзарха, рѣ-

¹⁾ Привожу здѣсь въ переводѣ.

шено было при обсужденіи обстоятельствъ, что въ пользу Экзархіи и народа, является необходимымъ оставленіе должности Болгарскаго Экзарха Его Блаженствомъ Г-омъ Антимомъ I-ымъ.

Относительно результатовъ этого рѣшенія, мы сообщили Высокой Портѣ объ оставленіи должности Его Блаженствомъ Г-омъ Антимомъ I-ымъ и исходатайствовали разрѣшеніе для выбора новаго Экзарха, что намъ и дано въ Высочайшемъ ирадѣ, коимъ совѣтовалось направить свои силы на то, чтобы это избраніе совершилось какъ можно скорѣе, дабы новоизбранный Экзархъ согласно правиламъ Св. Нашей Православной Церкви могъ взять въ свои руки управленіе Экзархіи.

Вы видите, чада наши о Господѣ возлюблены, что смѣна Экзарха далека отъ всякихъ частныхъ интересовъ во вредъ Экзархіи и народа, а являлась необходимой, вслѣдствіе единственнаго желанія оставить въ дѣйстви и силѣ неопѣнимыя наши церковныя права и поставить Экзархійское начальство въ положеніе, отвѣчающее его обязанностямъ къ народу, и наградить его хорошимъ церковнымъ управленіемъ, что и есть необходимое условіе для нравственнаго его возрожденія. Всѣ, слѣдовательно, обязаны быть признательными В. Правительству Его И. Величества Султана, за Его расположеніе и благожеланіе дать намъ могущественную свою поддержку, привести свои церковныя дѣла въ порядокъ, отъ которыхъ такъ много зависитъ благоденствіе и благосостояніе вѣрнопопданнаго нашего народа.

Мы считаемъ своею священною обязанностью посовѣтовать пастьырски и отечески, чада наши о Господѣ возлюблены, не придавать значенія какимъ бы то ни было словамъ, кои бы были распространяемы, съ цѣлью породить смущеніе и безпокойство, а относясь съ полнымъ довѣріемъ къ Святѣйшему Нашему Синоду, къ его стараніямъ защитить Православную вѣру и наши церковныя права, признанныя В. Ц. Фирманомъ, которымъ и основана Экзархія и укрѣпивъ себя духомъ единомыслія Христіанской братской любви и согласія, возносить вмѣстѣ съ нами теплыя молитвы къ подателю Міра и всякаго добра Всевышнему Богу, о благосостояніи Святой Болгарской Божей Церкви, о здоровьи и долгоденствіи Его И. В. Султанѣ Гамидѣ II, милостивѣйшемъ Нашемъ Государѣ по водвореніи мира и спокойствіи въ богохранимой Царской державѣ, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность прожить спокойно и благополучно. Аминь.

Въ Царьградѣ. Ортаковъ. 14 дня Апрѣля мѣсяца 1877 г.

Филипповольскій Панареть.
Доростольскій Григорій.
Самоковскій Доситей.

2) Прокламація отъ 1 мая 1877 г. отъ имени тѣхъ же лицъ; здѣсь указывается на благополучіе находится подъ скипетромъ османовъ и содержится горячій призывъ къ болгарамъ молиться о дарованіи побѣдъ султану Гамиду II.

Масса текстовъ изъ священнаго писанія и все выходитъ очень убѣдительно!..

Благоговѣйные священники, почтенные первенцы и прочіе благословенные христіане по Христіолюбивому постановленію Болгарской Экзархіи, чада наши о Господѣ возлюблены, благодать, милость, миръ отъ Бога Отца и Господа Иисуса Христа Спаса нашего, да будетъ со всѣми Вами.

Всевышній Богъ, Который все на свѣтѣ совершенно устраиваетъ и Который всеумро управляетъ судьбами человѣчества, по неопостижимому Своему Промыслу, соизволивъ поставить уже столько вѣковъ тому назадъ Своего Израиля—благочестивый нашъ народъ подъ могущественную власть Отоманскихъ Государей. Въ сознаніи этого Небеснаго Определенія наши предки и отцы, всегда послушные Богодухновенному ученію Святой нашей Православной вѣры, всегда словомъ и дѣломъ были вѣрны и искренно преданны свѣтлому Османскому Скипетру, согласно заповѣди Божественнаго Апостола: „Всяка душа властемъ предержажимъ да повинуется“ и т. д. (къ Римл. гл. 13, ст. 1—2).

Это чувство вѣрности и преданности къ законно-установленнымъ властямъ, которое справедливо намъ снискало наименованіе истинно мирнаго и вѣрноподданнаго народа, не могло остаться безъ возмездія; вслѣдствіе чего и помимо другихъ вещественныхъ и духовныхъ благъ, которыя съ давнихъ поръ мы унаслѣдовали и сохранили подъ могущественнымъ покровительствомъ Османскихъ Государей, мы удостоились честию видѣть исполненнымъ горячее наше желаніе — возстановленіе нашего церковнаго самоуправленія, основаніемъ согласно В. Ц. Фирмана Болгарской Экзархіи.

Нашъ священный долгъ, слѣдовательно, помня Апостольскую заповѣдь: „Повинитесь всякому человѣчу созданію, Господа ради“ и т. д. (А. Петр. гл. 2, ст. 13—14), стараться всѣми силами—сохранить и въ себѣ священное преданіе нашихъ предковъ и отцовъ, заключающееся въ отысканіи условій хорошей и мирной жизни — въ вѣрности къ Османскому Престолу и въ повиновеніи къ установленнымъ властямъ, чтобы такимъ образомъ показать себя еще болѣе достойными многоцѣннаго благоволенія милостивѣйшаго Царскаго Правительства.

Отечески и пастырски увѣщаемъ и умоляемъ Васъ всѣхъ, чада

наши о Господѣ превозлюблены, внимайте непрестанно и будьте точными исполнителями дѣломъ и словомъ Апостольскихъ заповѣдей, которыя намъ предписываютъ имѣть всегда и при всякомъ случаѣ, а въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ — повиновение къ установленнымъ властямъ и берегитесь, какъ огня, злонамѣренныхъ и зломыслящихъ людей, кои могутъ появиться среди Васъ, стараясь посѣять смуты и раздоры. Ваше благо и ваша безопасность требуютъ, чтобы Вы соединились какъ дѣти одного отца, одного отечества съ согражданами, какой бы вѣры и народности они ни были и, соединенные духомъ братскаго союза и братскаго согласія имѣйте миръ между собою и всѣ единымъ сердцемъ и устами молитесь непрестанно Всеблаговому и Всемиловивѣйшему Богу, да смилуется надъ нашей страной и избавить насъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей, которыя могутъ постичь, вслѣдствіе нападенія непріятели, поднявшаго буйную брань противъ Богохранимой Царской Державы.

Съ той же цѣлью мы должны добровольно, ревностно и самоотверженно помогать Царскому Правительству, въ чрезвычайныхъ мѣрахъ, которыя оно считаетъ необходимыми принять для защиты Державы, ибо это наша обязанность какъ дѣтей общаго отечества, такъ какъ и въ то же время такъ угодно Богу, согласно съ Божественнымъ Апостоломъ:

„Сего ради и дани даете... Воздадите убо всѣмъ должная: ему же урокъ, урокъ; и ему же дань, дань; и ему же страхъ, страхъ; и ему же честь, честь“ (къ Римл. 13, ст. 6—7).

Особенно и болѣе всего мы всѣ должны молиться деннонощно Царю Царствующихъ и Господу Господствующихъ Всеблаговому Богу, да дастъ Онъ здравіе и благоденствіе Августѣйшему Государю нашему Султану Гамиду II, оружію же его побѣду надъ всякимъ врагомъ и супостатомъ, да сохранить Его Державу и да даруетъ миръ Міру (и людямъ своимъ) и такимъ образомъ да будетъ возможность прожить намъ тихо и спокойно при всякомъ благочестіи и чистотѣ.

Всемогущій Богъ неизреченной своей благостію и безконечной своей милостію да избавить Васъ, дома Ваши и дѣтей Вашихъ отъ всякаго лукаваго дѣла. Аминь.

Въ Царьградѣ. Ортаквой. 1-ый день Мая мѣсяца, лѣта (отъ Р. Х.) 1877.

Филиппопольскій Панареть.
Доростольскій и Червенскій Григорій.
Самоковскій Доситей.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, при приходѣ въ Афлаторь,—большое различіе въ одеждѣ здѣшнихъ болгаръ и тѣхъ болгаръ, которыхъ мы до сихъ поръ видѣли отъ Систова до Силистріи.

Конечно, и раньше наблюдалось нѣкоторое различіе въ одеждѣ разныхъ деревень, но это различіе касалось преимущественно излюбленныхъ цвѣтовъ одежды; здѣсь же не то: здѣсь, какъ дѣвушки, такъ и замужнія носятъ волосы, заплетенные въ нѣсколько косичекъ, какъ у татарокъ; нѣтъ плахтъ, вышивокъ на рубахахъ, такъ приближавшихъ костюмъ болгарки къ костюму малороссянки: здѣсь носятъ родъ сарафана, подпоясаннаго тоненькимъ кушакомъ съ кистями. Разница тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что въ сосѣднихъ же селахъ костюмъ опять былъ тотъ же, что и около Рушукъ. Только еще въ двухъ деревняхъ—Казимірѣ и Бабукѣ попадались тѣ же костюмы, что и въ Афлаторѣ.

Скоро, однако, изъ разговора съ Пенко и его старухой матерью мнѣ выяснилось, что это различіе находится въ прямой связи съ интересной исторіей села Афлатора.

Лѣтъ 50 тому назадъ, т. е. въ двадцатыхъ годахъ XIX ст., на мѣстѣ нынѣшняго Афлатора не было никакого села—ширь да гладь, да Божья благодать: долина, какихъ много здѣсь, кругомъ поля, до которыхъ еще не дотрогивался плугъ, дуга да лѣса. Началась война 28—29 г. Извѣстія объ успѣхахъ русскихъ распространились по всей славянской землѣ, русскіе доходили до Адрианополя, вездѣ болгаре встрѣчали ихъ радушно, но мѣрѣ силъ помогали и думали, что уже поконченъ старый порядокъ вещей, думали, что уже наступило новое время...

Но Адрианопольскій миръ подписанъ—русскіе стали уходить, и задумались болгаре—не отомстятъ ли имъ турки за свое пораженіе и за ихъ явное къ русскимъ сочувствіе. И вотъ, какъ рассказывала мнѣ старуха-мать Пенко, многіе изъ деревень, расположенныхъ около Сливны и Ямполя (это по ту сторону Балканъ), снялись и пошли вслѣдъ за русскими войсками...

Часть изъ нихъ осталась въ Румыніи, часть же дошла до Россіи, гдѣ и поселились, преимущественно, въ Бессарабіи. Человѣкъ двѣсти изъ ихъ деревни „въ 6 часахъ отъ Сливно“ поселилось именно въ Бессарабіи. Года черезъ 4 (въ 1833 г.) они снова вернулись въ Турцію, и турецкое правительство отвело имъ для поселенія мѣсто, гдѣ теперь Афлаторь.

Кто сколько имѣлъ скота и зерна для посѣва, тотъ столько и бралъ земли: земли было въволю; устроились, прожили спокойно 21 годъ, выстроили даже церковь; но наступаетъ крымская кампанія,

опять русскіе около Силистріи, и опять они вслѣдъ за русскими въ 1854 г. переселяются въ Бессарабію, захвативъ съ собой все, что только можно было взять, и зарывъ остальное. Наступилъ 1856 годъ—Парижскій трактатъ подписанъ, и болгарамъ объявляютъ, что теперь они могутъ спокойно возвратиться въ Турцію—никто ихъ не тронетъ.

Вернувшись обратно, они застали въ наполовину разрушенномъ, наполовину сожженномъ селѣ—гостя—турецкаго бея; Махмудъ-бей за ихъ отсутствіе переселился въ Афлаторъ, захватилъ большой кусокъ земли, принадлежавшій церкви, и привелъ съ собой нѣсколько турецкихъ семействъ, которыя и поселилъ въ нѣкоторыхъ изъ брошенныхъ болгарскихъ домовъ; изъ нихъ и теперь еще здѣсь осталось 18 турецкихъ дворовъ; вернувшимся пришлось теперь работать на „помѣщика“...

Тѣ же болгаре, дома которыхъ были заняты турками, должны были искать другихъ мѣстъ для поселенія, они и поселились въ Казиміръ, до тѣхъ поръ бывшемъ исключительно турецкимъ селомъ.

И замѣчательно, несмотря на всѣ эти переходы, они сохранили до послѣдней черточки костюмъ той мѣстности изъ-за Балканъ, откуда они вышли.

Не знаешь, право, чему больше удивляться—необыкновенному ли богатству природы или необыкновенному трудолюбію болгаръ?

Или тутъ пришло на помощь одно къ другому, чтобы дать возможность создать такое цвѣтущее село въ такое сравнительно короткое время и несмотря на всѣ внѣшнія неблагопріятныя условія!

Теперь вновь началась и окончилась кампанія; предварительныя условія мира блестящія, небывалыя: создается цѣлое новое государство. Призывается къ политической жизни народъ, совмѣщающій, какъ въ своемъ нравственномъ характерѣ, такъ и въ странѣ, условія будущаго процвѣтанія.

5 вѣковъ тому назадъ у этого народа была отнята родина, и онъ въ теченіе этихъ 5 вѣковъ, лишенный всякаго участія, всякаго голоса въ рѣшеніи вопросовъ, прямо касавшихся его интересовъ, его самобытности, разсѣянный по многочисленнымъ долинамъ Болгаріи, трудился, копалъ землю, сѣялъ, собиралъ, обращалъ эти

долины въ цвѣтущія села и, хотя и многое отъ него отбиралось, достигъ незауряднаго благосостоянія!

И теперь, когда этому народу даются права, каждому народу присущія, когда онъ призывается къ политической жизни—какъ не сказать, что этотъ народъ ждетъ будущность!

Говорилъ съ здѣшними болгарами о близкомъ будущемъ, но они настроены весьма пессимистически: въ ихъ памяти свѣжи воспоминанія о прошлыхъ кампаніяхъ, когда русскіе приходили, уходили, а все оставалось по-прежнему; и теперь они, кажется, ожидаютъ того же: „Турокъ говорилъ, что по уходѣ русскихъ, чтобы имъ больше незначѣмъ было сюда приходить, мы всѣхъ болгаръ перерѣжемъ!“

Замѣчательно, что многіе болгаре совершенно не понимаютъ, что война предпринята для ихъ освобожденія. Особенно поразилъ меня одинъ изъ нихъ, когда, во время разговора, на мой вопросъ о цѣли войны—онъ совершенно спокойно отвѣтилъ: „не знамъ — вѣрно царь Вашъ захотѣлъ воевать!“

Не бойтесь—теперь не уйдемъ такъ, не бросимъ Васъ: теперь будетъ у Васъ вашъ собственный князь, ваше управленіе, свое войско!

Л. Богаевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1910 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ВТОРОЙ

А П Р Ъ Л Ъ , М А Й , І Ю Н Ъ .

Записки и воспоминанія.	СТРАН.
I. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.). Ивана Янжула	67—101, 307—328
II. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М.	111—126, 391—403
III. Наброски изъ моей жизни. С. П. Зыкова.	141—154, 349—372, 483—525
IV. М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. А. Е. К.	177—184, 447—450
V. Воспоминанія графа К. К. Бенкендорфа о Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.	185—201, 291—306
VI. Изъ давно прошедшаго (1876—1879). Л. Богаевского.	202—208, 640—667
VII. Воспоминанія жизни Э. Г. Тернера	209—243, 453—482, 561—602
VIII. Первое земское собраніе въ Самарѣ. Изъ воспоминаній о 60-хъ годахъ. А. А—ха.	616—618

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разказы.—Матеріалы и замѣтки.

I. Два года—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ. Николая Полевого	3— 25
II. Бой на Кушкѣ 18 марта 1885 г. и территориальныя приобрѣтенія въ царствованіе Императора Александра III	26— 44

	СТРАН.
III. По поводу статьи „По Вальтеръ - Скотту“. А. Жиркевича	45— 47
IV. Всеподданнѣйшее прошеніе потомковъ Дмитре- ревскаго. Сообщ. В. А. Алексѣевъ	48
V. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877.—1878 г.г. Е. А. Рагозиной. 245—255,	49— 65, 553—560
VI. Баталіонная дѣвка въ походѣ. Сообщ. Мих. Соколовскій	66
VII. Киньжоускій бой. А. В. Фока	102—110
VIII. Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ И. И. Бахтину. Сообщ. А. Че- бышевъ 127—137,	435—446
IX. По поводу статьи А. Н. Витмера „К. В. Ле- вицкій“. М. Газенкампа	138—140
X. В. О. Ключевскій (Къ тридцатилѣтію его на- учно-преподавательской дѣятельности). И. Бо- роздина	155—158
XI. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. (Великій Князь Ни- колай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I, т. III. Спб. 1909 г.). В. В. Тимошукъ .	159—176 329—348
XII. Приемы законопослушныхъ финновъ при про- веденіи въ законодательномъ порядкѣ Устава о воинской повинности 1878 г. X.	256—260
XIII. Какъ заставляли финляндцы православныхъ соблюдать лютеранскіе праздники и за неис- полненіе штрафовали.	261—267
XIV. 1) Живой дышленокъ въ киверѣ.—2) Пере- мѣна непристойной фамиліи. Сообщ. М. Со- коловскій	268
XV. Еще о драмѣ въ жизни писателя. А. Рем- белинскаго	269—283
XVI. Изъ дневника А. В. Сухова-Кобылина	284—288
XVII. Секретное дѣло по предложенію синод. члена преосв. казанскаго съ объявленіемъ Высочай- шаго повелѣнія объ учиненіи выговора еписк. бѣлорусскому Анастасію. А. Н. Сергѣева .	289—290
XVIII. Столѣтіе учреждений по принятію приношеній, приносимыхъ Государю.	373—390

	СТРАН.
XIX. С.-Петербургская духовная академія (1809—1909). Краткій очеркъ ея исторіи за 100 лѣтъ существованія. Н. Коновалова	404—422
XX. Секретная инструкція, данная Императоромъ Николаемъ I полковнику Бартоломею передъ отправленіемъ въ Персію съ резолюціею Императора Николая I относительно Грибоѣдова, и донесеніе полковника Бартоломея	423—434
XXI. Времена первой четверти XIX ст. Сообщ. —й.	451—452
XXII. Воинственный игумень. Сообщ. И. Суворовъ	526
XXIII. Къ характеристикѣ доктора Ѳ. П. Гааза. С. В. Пучкова	527—552
XXIV. Переписка о Герценѣ. Сообщ. Ю. В. Татищевъ	603—604
XXV. Къ воспоминаніямъ А. Ѳ. Кони объ освидѣтельствѣ сумасшедшихъ. И. А.	605—608
XXVI. По поводу возраженій М. А. Газенкампа. А. Витмера	609—611
XXVII. Памяти Н. Ѳ. Дубровина. А. Слезкинскаго	612
XXVIII. О П. К. Меньковѣ. Ѳ. А. Макшеева	613—615
XXIX. Замѣтки на статью Д. Скалона „Забытый фельдмаршалъ“. М. Н. Дохтурова	619—626
XXX. Мелхиседекъ Значко-Яворскій. Влад. Пархоменко	627—632
XXXI. Письмо С. П. Шевырева къ Ѳ. И. Іезберѣ. Сообщ. В. А. Францевъ	633—634
XXXII. Изъ хроники церкви Николая Чудотворца села Араповки, Алатырскаго уѣзда. Алексѣя Пазухина	635—639

Портреты.

- I. Павла Яковлевича Дашкова (при 4-й книгѣ).
- II. Барона Александра Андревича Будберга (при 5-й книгѣ).
- III. Мелхиседека Значко-Яворскаго (Дороженко) (при 6-й кн.).

Приложенія:

- а) Карта боя 18 марта 1885 г. у моста Ташъ-Кепри (при 4-й книгѣ).
- б) Карта пограничной съ Авганистаномъ части Закаспійской области (тамъ же).
- в) Планъ боя подъ Цзиньчжоу (тамъ же).

Бібліографическій листокъ.

1. Побѣдоносцевъ. Доблесть русскаго война (на оберткѣ апрѣльской книги).

2. Е. В. Коршъ. Двадцать лѣтъ на желѣзныхъ дорогахъ 1889—1909 гг. (тамъ же).

3. 1-й армейскій корпусъ въ войну съ Японіей 1904—1905 г. Первый выпускъ (тамъ же).

4. В. Яковлевъ. Оборона современныхъ долговременныхъ фортовъ въ періодъ ближней атаки. Спб. 1910 г. (тамъ же).

5. Книги по исторіи и исторіи литературы, вышедшія съ 12 ноября по 3 декабря 1909 г. (тамъ же).

6. Я. П. Новицкій. Запорожскіе и гайдамацкіе клады. Малорусскія народныя преданія, повѣрія, рассказы, собранные въ Екатеринославщинѣ. 1873—1906 г. Александровскъ. 1908 г. (на оберткѣ майской книги).

7. Мѣстническій справочникъ XVII вѣка. Изданъ Ю. В. Татищевымъ. Вильна. 1910 г. (тамъ же).

8. Виленскій временникъ. Изданіе Виленскаго генераль-губернаторскаго управленія. Книга II. Вильна. 1907 г. (тамъ же).

9. Григ. Писаревскій. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. По неизданнымъ архивнымъ документамъ (Записки Московскаго Археологическаго института. т. V) М. 1909 г. (тамъ же).

10. Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908 г.г.). Подъ редакціей А. Л. Волинскаго, при сотрудничествѣ Н. Г. Молотцова и П. А. Сергѣенко и при завѣдываніи художественной частью Е. П. Самокишъ-Судковской и М. В. Добужинскаго. Изданіе книгоизд—ва П. П. Сойкина. Спб. Выпуски I и II (на оберткѣ іюньской книги).

11. М. Х. Рейтернъ. Біографическій очеркъ. Составленъ А. Н. Куломзинымъ и гр. В. Г. Рейтернъ — бар. Нолькенъ. Съ приложеніями посмертныхъ записокъ М. Х. Рейтерна, 1910 (тамъ же).

12. А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Ганка“. Подъ редакціей В. А. Ляцкой. М. 1910 (тамъ же).

13. Изъ записной книжки артиста Василя Васильевича Безикерскаго. 1850—1910 (тамъ же).

14. П. Н. Ардашевъ. Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. М. Н. Петрова. Т. V. Спб. 1910 (тамъ же).

15. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3-го по 10 декабря 1909 г. (тамъ же).

Къ почитателямъ памяти отца Іоанна Ильича Сергіева

(Кронштадтскаго протоіерея).

Едва-ли не самымъ яркимъ проявленіемъ чуда Божія по молитвѣ читаемаго всею Россією въ Бозѣ усопшаго пастыря отца Іоанна Кронштадскаго было исцѣленіе по ученію св. церкви бѣсноватой, а по объясненію ученыхъ страдавшей тяжкою формою эпилепсіи крестьянки Кончанской волости, Сопинскаго прихода, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи, Евдокіи Афанасьевой, изъ деревни Румянцевы Горки.

Болѣзнь этой несчастной представляла собою, по объясненію ученыхъ, ту чрезвычайно рѣдко наблюдаемую форму, такъ называемой, классической истеро-эпилепсіи, которая не поддается, по авторитетному мнѣнію такихъ профессоровъ, какъ покойный Шарко, никакому леченію внушеніемъ.

И тѣмъ не менѣе почившій отецъ Іоаннъ Кронштадтскій въ нѣсколько мгновеній молитвы совершенно излѣчилъ страдалицу въ присутствіи многихъ десятковъ почетныхъ лицъ, приглашенныхъ 30 августа 1901 года на завтракъ въ Кончанской школѣ, состоявшійся по случаю освященія въ этотъ день постоянного каменнаго храма въ селѣ Кончанскомъ, въ вотчинѣ генералиссимуса Суворова взаи́мъ ветхой деревянной церкви, сооруженной самимъ непобѣдимымъ витяземъ и перенесенной въ Петербургъ.

30 августа 1911 года исполняется десятилѣтіе со дня этого чудеснаго непостижимаго исцѣленія по молитвѣ пастыря Божія.

Въ благоговѣйную память о почившемъ великомъ молитвенникѣ земли русской, въ Сопинахъ Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи, образованъ и утвержденъ подлежащими свѣтскими и духовными властями комитетъ по сбору пожертвованій на устройство тамъ же больницы и общины сестеръ милосердія для обслуживанія всѣхъ тѣлесныхъ недужныхъ даднаго района, не имѣющихъ вблизи ни больницы, ни врачей.

Всѣ тѣ, кому дорога память о почившемъ подвижникѣ Іоаннѣ Ильичѣ Сергіевѣ, всѣ тѣ, кому онъ принесъ пользу своею молитвою, своимъ предстательствомъ предъ престоломъ Всевышняго, — откликнитесь и дайте то, кто что можетъ, на это маленькое, но святое дѣло практической христіанской любви и христіанскаго милосердія.

Всѣ тѣ, кого утѣшилъ, приласкалъ, обнадежилъ, душевно подыялъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, торопитесь приобщиться къ дѣлаію добра во имя почившаго добродѣлателя.

Не одну слезу утресть эта больница и эта община. Не одного работника вернуть она для поддержки семьи.

И не разъ, осѣняя себя крестомъ, помолится получившій тамъ врачебную помощь страдалецъ.

Помолитесь и за Васъ, благодарѣющихъ во имя отца Іоанна Кронштадскаго и за того, ради кого Вы благодарите.

Торопитесь же. Съ міра по ниткѣ—и будетъ создано прекрасное дѣло, посвященное имени прекраснѣйшаго изъ русскихъ пастырей.

Пожертвованіе можно направлять или Предсѣдателю Комитета Земскому Начальнику Евгенію Александровичу Шаверновскому, или Священнику отцу Льву Матвѣеву, въ Соины, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи.

П. Н. Ардашевъ. Дополненіе къ лекціямъ по всемірній исторіи проф.
М. Н. Петрова. Т. V. Исторія Западной Европы въ новѣйшее время. Изданіе
В. Березовскаго. СПб. 1910.

Извѣстный курсъ покойнаго профессора Петрова былъ доведенъ только до послѣд-
няго десятилѣтія XVIII вѣка. Такъ какъ этотъ курсъ принятъ въ качествѣ пособия при
изученіи исторіи въ высшей школѣ, то необходимо было его закончить, и проф. П. Н.
Ардашевъ взялъ на себя это дѣло. Пятый томъ, написанный проф. Ардашевнымъ, и по
научному типу, и по манерѣ изложенія вполне соответствуетъ первымъ четыремъ. Онъ
такъ же сжатъ и такъ же богатъ и содержателенъ, такъ же даетъ довольно обильную
библіографію и вмѣстѣ съ четырьмя первыми заслуживаетъ права полного гражданства
и въ программахъ широкаго самообразованія, и въ университетскомъ преподаваніи. Образ-
цомъ педагогической талантливости г. Ардашева можетъ служить хотя бы заключительная
глава, о социализмѣ новѣйшаго времени, гдѣ на двадцати страничкахъ ясно изложена
теорія и исторія социализма нашей эпохи.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 по 10 декабря 1909 г.

А. Л. Донесеніе голландца фонъ-деръ-Хельста о Полтавской битвѣ. Изъ неизданныхъ
матеріаловъ нидерландскихъ архивовъ. Спб. 1909. Тип. Мин. Внутр. Дѣль. 16° (11×16).
8 стр. Въсь 1 л. 25 экз.

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XXXIV.
Акты, относящіеся ко вр. войны за Малороссію (1654—1667). Вильна. 1909. Тип. Русскій
Починъ (Спиротская, 20). 4° (23×31). 611+2 нен.+588 стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 3 ф.
21 л. 400 экз.

Дмитріевъ, П. Д. Московскій первоклассный Новоспасскій Ставропигиальный
монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. (Историко-археологическій очеркъ). М. 1909.
Тип. Русская Печатня (Садовая-Триумф., 170). 8° (18×26). 122+12+II стр. Съ рис.
Въсь 13 л. 2.000 экз.

Довнаръ-Запольскій, М. В. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи.
Статьи. Кіевъ. 1910. Изд. Ив. Ив. Самоненко. 2-е доп. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40).
8° (16×23). 333 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 29 л. 1.200 экз.

Заозерскій, Н. А., проф. Село Благовѣщенское близъ Троице-Сергіевой лавры.
М. 1909. Тип. Русская Печатня (Садовая-Триумфальн., 170). 8° (18×26). 28 стр.
Въсь 5 л. 2.000 экз.

Кольцовъ, А. В. Полное собраніе сочиненій. Академическая бібліотека русскихъ
писателей. Вып. I. Изд. 2-е. Подъ ред. А. И. Лященко. Спб. 1909. Тип. Академіи Наукъ
и Мин. Вн. Дѣль. 8° (16×22). XXXIV+448 стр. Съ 9 портр. и снимками. Ц. 60 к.
Въсь 2 ф. 2 л. 20.000 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Роскошно иллюстрированное изданіе,
посвященное памяти историка Москвы П. Е. Забѣлина. М. 1909. Изд. книгоизд. образо-
ваніе (Долгоруковская, 87). Тип. „Русскаго Товарищества“ (Мыльниковъ пер., св. д.).
4° (25×34). 120 стр. Съ рис. Въсь 3 ф. 2 л. 5.000 экз.

Николай Михайловичъ, Вел. Кн. Императрица Елизавета Алексѣевна,
супруга Императора Александра I. Т. 3-й. Спб. 1909. Тип. Экспедиціи Заготовленія
Госуд. Бумагъ. 8° (20×29). 778 стр. Съ 30 таб. и портр. Въсь 6 ф. 20 л. 800 экз.

Овсянко-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ IV. Пушкинъ.
Спб. 1909. Изд. и тип. „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (17×24). 214 стр.
Ц. 1 р. Въсь 24 л. 4.000 экз.

Овсянко-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ VI. Психологія
мысли и чувства. Художественное творчество. Основы веданіама. Спб. 1909. Изд. и тип.
т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (16×23). 231 стр. Ц. 1 р. 25 к.
Въсь 26 л. 4.000 экз.

Перетцъ, В. Н. Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы
и палеографіи. Критико-библіографическій обзоръ. Вторая серія. I—X. Кіевъ. 1909. Тип.
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 8° (17×25). 39 стр. Въсь 4 л. 200 экз.

Рождественскій, С. В. Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи
въ XVIII—XIX вѣкахъ. Составлено при участіи В. Г. Соломина и В. В. Тодар-
скаго. Спб. 1910. Изд. и тип. т-ва „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (16×25).
XV+396 стр. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 6 л. 600 экз.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ. Т. 86.
Спб. 1909. Изд. и тип. Акад. Наукъ. 8° (17×25). I+53+VIII+236+XI+231+1+247 стр.
Ц. 4 р. Въсь 3 ф. 5 л. 613 экз.

Содержаніе: 1) Кондаковъ, Н. П. Отчетъ о дѣятельности Отдѣл. Русскаго яз. и
словесности. 2) Фасмеръ, М. Р. Греко-славян. этюды. 3) Ровинскій, П. А. Черногорія.
4) Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей.

Флугъ, К. С. Викингъ и Русь. Спб. 1909. Тип. Голицы (Звенигородская, 11). 8°
(14×20). 45 стр. рис. Въсь 6 л. 1.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового
 союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой
 по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ
 магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20.
 «Новое Время», Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ
 Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д.
 Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ,
 № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).
 Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина**.

Гг. **иностранные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ
 Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разказы о
 цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и
 XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ
 дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ,
 артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ:
 переноска, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—
 V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и преданія.—
 Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго време-
 ни.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к.
 послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными
 для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничто-
 жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ
 не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за
 слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г.,
 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
 Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

